

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
2019



Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2019

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. — СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 968 с.

Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2019 / Edited by Sergey A. Myznikov. — St. Petersburg: ILS RAS, 2019. — 968 p.

ISBN 978-5-6040926-2-0

ISSN 2658-6150

DOI: 10.30842/265861502019

В выпуске опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Выпуск вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

Печатается по решению Ученого совета

Института лингвистических исследований РАН

Ответственный редактор: *С. А. Мызников*

Редколлегия: *Т. С. Власова, Р. В. Гайдамашко, Л. Н. Доница, М. Д. Кольцова, О. Н. Крылова, М. В. Спиричева*

Редакционный совет: *А. А. Бурякин, Н. А. Красовская, Е. А. Нефедова*

Рецензенты: д-р филол. наук *В. М. Круглов,*

д-р филол. наук *О. Д. Кузнецова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект №19-012-00207

ISBN 978-5-6040926-2-0



9 785604 092620

© Коллектив авторов, 2019

© ИЛИ РАН, 2019

© Редакционно-издательское оформление. ИЛИ РАН, 2019

Содержание

Темпоральные наречия в русских говорах на территории республики Мордовия <i>Э. Н. Акимова, Т. И. Мочалова</i>	15
Названия змей в русских народных говорах <i>Л. М. Алёшина</i>	29
Лексика рыболовства в самарских говорах <i>Т. Е. Баженова</i>	37
Архив Диалектологического атласа русского языка (1937–1947 гг.): <i>И. В. Бакланова, Е. И. Сьянова</i>	52
Фразеологизмы, связанные с трудовой деятельностью человека, в ярославских говорах <i>А. А. Балагурова, Ж. К. Гапонова</i>	92
Из диалектного лексикона жительницы д. Павлюково Шуйского района Ивановской области А. М. Сергеевой <i>Л. П. Батырева</i>	101
Диалектный ландшафт Темрюкского района Краснодарского края (по материалам полевых экспедиций) <i>О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина</i>	115
Диалектное словообразовательное гнездо и его типы (на материале смоленских говоров) <i>Л. З. Бояринова</i>	139
О статусе восточных среднерусских говоров <i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i>	149
Гиперонимические наименования низменного места в орловских говорах <i>Н. В. Буржо</i>	160

Названия жимолости в русских народных говорах и этимология лексемы <i>жимолость</i>	172
<i>А. А. Бурькин</i>	
Неиспользуемые ресурсы картотеки Новгородского областного словаря	187
<i>В. Л. Васильев</i>	
Лингвистическая карта как картографическая проекция традиционной духовной культуры	198
<i>Т. И. Вендина</i>	
Древ и трав великолепия, красота цветов и плодов изобилие	214
<i>С. С. Волков</i>	
Кологривская свадебная лексика в текстах Е. В. Честнякова как материал для ЛАРНГ	233
<i>Н. С. Ганцовская, Е. Г. Веселова</i>	
Лексика с префиксоидом <i>полу-</i> (на материале ярославских говоров)	245
<i>Ж. К. Гапонова</i>	
Принципы отбора мифологических текстов — источников единиц для электронного «Словаря русской мифологической лексики Пермского края»	254
<i>М. А. Гранова</i>	
Этнолингвистическая география лексики предсвадебных обрядов на Дону	272
<i>Т. Е. Гревцова</i>	
Отражение характеристик человека в лексике тверских говоров	287
<i>Н. Ю. Грибовская</i>	
Диалектные фразеологизмы в говоре одного села	298
<i>В. Н. Гришанова</i>	

<p>Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края: история формирования и типологические характеристики <i>В. М. Грязнова</i></p>	311
<p>Лингвистическое картографирование в областном словаре. Карты наименований частей некоего обобщенного целого (и их синонимов) в Псковском областном словаре: карта № 7 «Названия белка и желтка в псковских говорах» <i>Ю. Ф. Денисенко</i></p>	320
<p>Оценочные антропонимы в русских старожильческих говорах Омской области <i>Л. Н. Донина</i></p>	338
<p>Семантика и функционирование лексемы «кулугур» в говоре с. Белогорное Саратовской области <i>Ю. В. Каменская</i></p>	352
<p>Апеллятивы с корнем <i>мох-</i> (<i>мош-</i>, <i>ми-</i>) в топонимии и микропонимии <i>В. С. Картавенко</i></p>	361
<p>Русские диалектные названия растений с компонентом 'собака' <i>В. Б. Колосова</i></p>	371
<p>Том «Растительный мир» Лексического атласа русских народных говоров как ценный источник для сравнительно-сопоставительных наблюдений <i>Л. Я. Костючук</i></p>	385
<p>Репрезентация представлений о крупном насекомом в русских говорах <i>Н. А. Красовская</i></p>	395
<p>Опыт создания лингвогеографической системы на материале русских говоров Северо-Запада <i>А. Н. Левичкин</i></p>	404

Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект <i>М. О. Леонтьева</i>	411
Русский диалектный гизаурус: основные источники <i>С. В. Лесников, С. А. Мызников, М. Д. Королькова</i>	425
Наименования птенца ласточки в русских говорах (лингвогеографический аспект) <i>Т. М. Малыгина, Л. Е. Писарева, А. В. Кузьмина</i>	498
Наречия и наречные выражения в говоре одного населенного пункта Орловской области <i>В. И. Меркулова</i>	504
Метрологическая лексика в говорах Орловской области <i>Л. И. Меркулова, Т. Ю. Ставцева</i>	520
Модифицированная лексика беломорских говоров (по данным диалектных словарей) <i>Л. П. Михайлова</i>	543
Диалектная фразеография на современном этапе <i>В. М. Мокиенко</i>	555
Состояние обследования регионов по темам ЛАРНГ <i>С. А. Мызников, М. Д. Королькова, О. В. Глебова, М. В. Спиричева, Т. С. Власова, А. И. Колтащикова, Л. Н. Донина, Д. С. Ахрименко, Н. В. Шевченко</i>	572
Наименования транспортных средств в русских говорах Ульяновской области <i>Я. В. Мызникова</i>	646
Лексика по теме ЛАРНГ «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» в костромских говорах <i>Г. Д. Неганова</i>	658
Сельская свадьба середины XX века на украинский лад <i>Л. В. Недоступова</i>	668

Тождество и асимметрия при транспозиционном словообразовании в тверских говорах <i>Л. Н. Новикова</i>	675
Лексика по теме «Человек» в рассказах И. М. Касаткина как источник ЛАРНГ <i>С. В. Ожоловская</i>	684
Наименования совы в русских говорах (лингвогеографический и этимологический анализ) <i>В. А. Приображенский, М. Д. Королькова</i>	697
Обрядовая лексика мещерских говоров Волгоградской области <i>С. М. Рудометова</i>	715
К изучению фонологической вариативности в говорах русско-белорусского пограничья (на материале говора Хиславичского района Смоленской области) <i>М. В. Спиричева</i>	722
Воронежские говоры: лексикографическое описание <i>Е. И. Сьянова</i>	732
Географическая лексика европейского севера России: экспедиционные находки <i>О. А. Теуш</i>	792
Отражение ситуаций взаимодействия и взаимосвязи в речи диалектоносителей <i>Н. А. Тутикова, Н. А. Стародубцева</i>	810
Костромская микропонимия как источник сведений для ЛАРНГ (значения слова <i>низ</i>) <i>Е. В. Цветкова</i>	821
К этимологии восточнославянских фитонимов с элементами <i>сorb-/серб-</i> <i>Т. В. Шалаева</i>	834

О двух механизмах накопления ошибок прочтения (на диалектном материале)	849
<i>В. В. Шаповал</i>	
Уникальные и изолированные диалектные топоосновы из Новороссийского края XVIII–XX вв.	858
<i>А. К. Шапошников</i>	
Семантика слова <i>краснопёрка</i> в русских народных говорах	905
<i>Н. В. Шевченко</i>	
Список сокращений	913
Указатель лексики	929

Contents

Temporal adverbs in russian dialects of the republic of Mordovia	15
<i>El'vira N. Akimova, Tat'yana I. Mochalova</i>	
Words denoting snakes in the Russian dialects	29
<i>Larisa M. Alyoshina</i>	
The vocabulary of fishing in the dialects of the Samara region	37
<i>Tat'yana E. Bazhenova</i>	
Archive of the dialectological atlas of the Russian language (1937–1947): materials for a dictionary of the dialects of the Leningrad region	52
<i>Irina V. Baklanova, Elena I. S'yanova</i>	
Phraseological units depicting human labour activity in the dialects of the Yaroslavl region	92
<i>Anastasiya A. Balagurova, ZHanna K. Gaponova</i>	
Dialectal vocabulary in the speech of A. M. Sergeeva, an inhabitant of the village of Pavlyukovo (Shuya district, Ivanovo region)	101
<i>Larisa P. Batyreva</i>	

Dialectal landscape of the Temryuk district of the Krasnodar region (based on field expeditions material)	115
<i>Olga G. Borisova, Lyudmila YU. Kostina</i>	
Dialectal word-formation nest and its types (based on material from Smolensk dialects)	139
<i>Larisa Z. Boyarinova</i>	
On the status of the eastern group of middle Russian dialects (on the occasion of K.F. Zakharova's centenary)	149
<i>Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova</i>	
Hyperonymic nominations for lowlands in the Orel dialects	160
<i>Natal'ya V. Burko</i>	
Words denoting honeysuckle in the Russian dialects, and the etymology of the lexeme žimolost'	172
<i>Alexej A. Burykin</i>	
Unused resources of the lexical catalogue of Novgorod regional dictionary	187
<i>Valerij L. Vasilyev</i>	
Linguistic map as a representation of traditional spiritual culture	198
<i>Tat'yana I. Vendina</i>	
Splendour of trees and herbs, beauty of flowers and abundance of fruits (notes on phytonyms in M. V. Lomonosov's works)	214
<i>Sergey S. Volkov</i>	
Kologriv wedding vocabulary in E. V. Chestnyakov's texts as a source for the Lexical atlas of Russian folk dialects	233
<i>Nina S. Gancovskaya, Elena G. Veselova</i>	
Lexemes containing the prefix-like element polu- (as represented in the Yaroslavl dialects)	245
<i>ZHanna K. Gaponova</i>	

Selection principles for mythological texts as the lexical sources for electronic “Dictionary of the Russian mythological vocabulary of the Perm region”	254
<i>Mariia A. Granova</i>	
Ethnolinguistic geography of the pre-wedding rites in the Don region	272
<i>Tat'yana E. Grevcova</i>	
Lexemes reflecting the features of a person in the Tver dialects	287
<i>Natal'ya YU. Gribovskaya</i>	
Dialectal phraseological units in the dialect of a particular village	298
<i>Valentina N. Grishanova</i>	
The dialect of nekrasov cossacks: its history and typological features	311
<i>Violetta M. Gryaznova</i>	
Linguistic mapping in a regional dictionary. The maps for the parts of some general unity (as well as for their synonyms) in the Pskov Regional Dictionary: Map No 7 “The names for yolk and white of the egg in the Pskov dialects”	320
<i>YUliya F. Denisenko</i>	
Axiological anthroponyms in the Russian old settlers' dialects of the Omsk region	338
<i>Lyudmila N. Donina</i>	
Semantics and functioning of the lexeme ‘kulugur’ in the dialect of the village of Belogornoye (Saratov region)	352
<i>YUliya V. Kamenskaya</i>	
Appellatives with the root <i>moz-</i> (<i>moš-</i> , <i>mš-</i>) in toponyms and microtoponyms	361
<i>Vera S. Kartavenko</i>	

Russian dialectal plant names containing the component meaning 'dog'	371
<i>Valeria B. Kolosova</i>	
Lexical atlas of Russian folk dialects: the Plant Kingdom volume as a valuable source of comparative observations	385
<i>Larisa YA. Kostyuchuk</i>	
Representation of the idea of a large insect in Russian dialects	395
<i>Nelli A. Krasovskaya</i>	
An attempt at creating a linguogeographic system based on the material of the Russian dialects of the North-West	404
<i>Alexandr N. Levichkin</i>	
Eyes designations with pejorative semantics in Russian dialects from semantical and motivational viewpoint	411
<i>Mariya O. Leont'eva</i>	
Russian dialectal hypertext thesaurus and its main sources	425
<i>Sergej V. Lesnikov, Sergej A. Myznikov, Mariya D. Korolkova</i>	
The names for a swallow chick in the Russian dialects (linguogeographic aspect)	498
<i>Tat'yana M. Malyhina, Lyudmila E. Pisareva, Alewtina V. Kuzmina</i>	
Adverbs and adverbial expressions in the dialect of one settlement in the Orel region	504
<i>Valentina I. Merkulova</i>	
Metrological vocabulary in the Orel region dialects	520
<i>Lydmila I. Merkulova, Tat'yana YU. Stavceva</i>	
Modified lexical units in the White Sea dialects as represented in dialectal dictionaries	543
<i>Lyubov' P. Mihajlova</i>	

Dialectal phraseography at the present stage <i>Valerij M. Mokienko</i>	555
The current state of collecting the regional material for the topics given in the Lexical atlas of Russian folk dialects <i>Sergej A. Myznikov , Mariya D. Korolkova , Olga V. Glebova, Margarita V. Spiricheva, Tat'yana S. Vlasova, Anastasiya I. Kolpashchikova, Lyudmila N. Donina, Dar'ya S. Ahrimenko, Nadezhda V. Shevchenko</i>	572
The words denoting vehicles in the Russian dialects of the Ul'yanovsk region <i>Yanina V. Myznikova</i>	646
Kostroma dialectal vocabulary related to the LARFD topic "Rural house. Household outbuildings. Construction" <i>Galina D. Neganova</i>	658
Mid 20 th century rural wedding after the Ukrainian manner <i>Lyubov' V. Nedostupova</i>	668
Identity and assymetry in the process of transpositional word-formation in the Tver dialects <i>Lyudmila N. Novikova</i>	675
The lexics of personal characterization in I.M. Kasatkin's short stories as a source for the Lexical atlas of Russian folk dialects <i>Svetlana V. Okulovskaya</i>	684
The names of the owl in the Russian dialects (linguogeographic and etymological analysis) <i>Andrej V. Priobrazhenskij, Mariya D. Korolkova</i>	697
Ritual vocabulary of the Meshchera dialects of the Volgograd region <i>Svetlana M. Rudometova</i>	715
On the research of phonological variation in the dialects of the Belarus-Russia borderzone (based on the dialect of the Khislavichi district, Smolensk region) <i>Margarita V. Spiricheva</i>	722

Voronezh dialects: a lexicographic description <i>Elena I. Syanova</i>	732
Geographical vocabulary of the European north of Russia: the expedition's discoveries <i>Olga Teush</i>	792
Ways of representing the interaction and relationship situations in the speech of dialect speakers <i>Nataliya A. Tupikova, Natal'ya A. Starodubceva</i>	810
Kostroma micro-toponymy as a source of data for the Lexical Atlas of the Russian Dialects (meanings of the word ннз) <i>Elena V. Cvetkova</i>	821
On the provenance of the East Slavic phytonyms with elements <i>sorb-/serb-</i> <i>Tat'yana V. Shalayeva</i>	834
The so called 'chains' and 'fans' of misreadings (based on dialectal data) <i>Viktor V. Shapoval</i>	849
Unique and isolated 18 th – 20 th century toponymic stems originating from the Novorossiia region <i>Aleksandr V. Shaposhnikov</i>	858
Semantics of the word <i>krasnoperka</i> in Russian dialects <i>Nadezhda V. Shevchenko</i>	905
List of abbreviations	913
Index of lexicon	929

Темпоральные наречия в русских говорах на территории Республики Мордовия

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина

Татьяна Ивановна Мочалова

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва

В русских говорах на территории Республики Мордовия разнообразна темпоральная адвербиальная лексика, выражающая два основных значения — определенное или неопределенное время. В результате проведенного анализа установлено, что наиболее распространены номинации временных отрезков прошедшего времени, отнесенности событий к плану прошлого. Внутри рассматриваемой группы слов разнообразны парадигматические отношения лексических единиц. В составе диалектных темпоральных наречий можно выделить как непроезводимые, так и наиболее распространенные производные слова, образованные морфологическим или лексико-синтаксическим способами. Всестороннее исследование лексических единиц со значением ‘время’ способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: диалект, наречие, темпоральный, семантика, структура, парадигматические отношения.

Время как важная форма существования объективных явлений пронизывает всю жизнь и деятельность человека, поэтому всестороннее исследование темпоральной лексики способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики национальной языковой картины мира. Значимость этой категории обусловила необходимость изучать способы ее выражения в языке, так как посредством

таких единиц номинируются различные отрезки времени, выражается оценка его места в жизни человека и общества. В языкознании различные способы выражения категории времени изучаются на материале древнерусского языка [Киселева 1982; Лисицына 1979 и др.], современного русского языка [Арутюнова 1997; Вендина 1999; Всеволодова 1975; Голайденко 2015; Демченко 1971; Петрушина 1974; Цуканова 1981; Юсупова, Семенова, Резяпова 2017; Яковлева 1991 и др.], русских народных говоров [Первушина 2002; Попов 1978; Акимова, Мочалова 2019 и др.].

Объектом нашего исследования являются наречия с темпоральным значением, зафиксированные в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ). «Существуя в пространстве и времени, человек стремится обозначить словом те временные отрезки, временные точки, которые он так или иначе осознает и соотносит со своей жизнью» [Касьянова, Гришанова 2013: 292], но наречия с темпоральным значением составляют неоднородную в содержательном и структурно-грамматическом отношении группу.

Адвербиальная лексика с темпоральным значением достаточно разнообразна, поскольку она является одним из основных средств передачи характера распространения глагольного действия во времени. В СРГРМ представлены наречия, обозначающие различные промежутки времени в течение суток, недели, месяца или года. Распространены наименования временных отрезков, связанных с сутками, одним днем: *быденкой* 'в течение одного дня', *вполдни* 'в середине дня', *впослеобеда* 'во второй половине дня', *денно* 'днем', *изутра* 'с утра, утром', *ночей*, *ночь*, *нощю* 'ночью', *поздо* (во 2-м знач.), *позденько* 'поздно вечером', *порано* 'рано', *поутресь* 'поутру, утром', *средня* 'в полдень', *спозарань*, *сранницы*, *срану*, *сызрани* 'с раннего утра', *ужотка* (в 3-м знач.) 'в вечернее время'. В СРГРМ представлены единичные образования, связанные с более длительным временным периодом — неделей, временем года, календарным годом: *взабудни*,

забудни ‘в будни’, *летось* (в 1-м знач.) ‘летом’, *сегодня* ‘в этом году’.

Ориентиром в жизни общества всегда было повторение уже накопленного опыта, воспроизведение действий прошлого, которые выступали в форме священных традиций. Отсюда возникает особая ценность прошлого у сельских жителей, поскольку в дописьменный период бытования языка именно устная форма, наряду с предметами искусства, материальной культуры этноса, служила основным средством накопления и трансляции последующим поколениям опыта, традиций, верований народа. Человек с древнейших времен ориентировался на прошлое, которое представлялось ему эталонным.

Зафиксированная в СРГРМ адвербиальная лексика, связанная с характеристикой событий в плане прошлого, передает два основных значения: ‘определенное время’ и ‘неопределенное время’.

Наречия определенного времени указывают на конкретную «точку во времени», когда происходило то или иное событие: вчера, позавчера и т.п. В памяти диалектоносителей отчетливо сохраняются события, происходившие в течение двух-трех дней, предшествующих моменту речи. Широко представлены в СРГРМ наименования вчерашнего дня: *вечерось*, *вчерась*, *давеча*, *даешка* (во 2-м знач.), *каднись*, *кесь*, *намедни* (в 1-м знач.), *надысь* (во 2-м знач.), *намеднись* (во 2-м знач.), *усеешка* (во 2-м знач.), ¹*усейка* (во 2-м знач.), *усет*, *усешка*, *фусея*. Примыкают к ним слова ¹*усейка* (в 5-м знач.), *усей* (во 2-м знач.) ‘накануне’, то есть в предыдущий день. Позавчера, то есть два дня назад по отношению к грамматической точке отсчета, номинируют такие диалектные наречия, как *надысь* (в 3-м знач.), *позавчер*, *послевчера*, *стритевни*, *третёвнись*, *третёдня*, *третёмни*, *третьёвни*, *тупра* (во 2-м знач.). Четкое указание на количество предшествующих дней по отношению к моменту речи содержат адвербиальные лексемы *втри-тевдни*, *втритёвнись*, *втритёвню*, *втритёвнях*, *втритёвнись* ‘третьего дня, два дня назад’, *третёвдни*,

третёвни, третьёводни, тридни ‘три дня назад’. Более отдаленный временной промежуток прошлого обозначают такие немногочисленные наречия, как *летось* (во 2-м знач.) ‘прошлым летом’, *летось* (в 3-м знач.), *летося, лонись, прошлогод* ‘в прошлом году’, *позалетось* ‘в позапрошлом году’. Например: *Летось круглый гот дожжы шли* (Син, Кр); *Я прѣшлагот бис сенъ пирибивальсь* (Гов, СШ).

Наречия неопределенного времени не указывают на конкретный момент в плане прошлого. Такие наречия представляют семантическую оппозицию по темпоральному признаку ‘недавно — давно’: *вотэдышки, восей, восейка, восейкось, вонет, вотэтось, вонтендышка, даве* (в 1-м знач.), *дая, давешка, даешка* (в 1-м знач.), *дайче, надасть, ужо* (в 4-м знач.), *унетось, усеек, усеешка* (в 1-м знач.), *усей* (в 1-м знач.), ¹*усейка* (в 1-м знач.), *усеська, усейки, усенька, селига, недавнышко* ‘недавно’ противопоставлены наречиям *даве* (во 2-м знач.), ¹*усейка* (в 3-м знач.), *надысь* (в 5-м знач.), *намедни* (в 4-м знач.) ‘давно’. Ср. следующие примеры: *Намеднись дощц сильный прашол* (Теп, Коч); *Усейкэ этъ былъ, щцас ни упомню* (Ир, СШ).

Как видим, наиболее распространены в исследуемых говорах наречия, характеризующие недавние события, что объясняется, по-видимому, сохранением в памяти менее отдаленных фактов, важных для говорящего в настоящее время. В семантике некоторых наречий актуализируется временной период, который очерчивает недалекое прошлое: *надысь* (в 1-м знач.), *намеднись* (в 1-м знач.), *намедняк* ‘на днях, недавно’. Отметим, что для многозначной лексемы *даве* характерна энантиосемия, поскольку у слова развиваются исключаящие друг друга значения, ср.: *Эту пѣлушалку я даве (= недавно) купилъ, када в горѣт издилъ* (Мур, Е); *Этѣ фсе дави (= давно) былъ, ни упомню* (Кив, СШ). Развитие у языковых единиц внутрисловной антонимии типично для живой народной речи.

Многочисленны в СРГРМ наречия со значением ‘раньше, прежде’: *бывалоча* (в 1-м знач.), *бывалочки, бывалушка,*

бывалышко (в 1-м знач.), *бывашка*, *вперед*, *впередок*, *впереду*, *дальше*, *допрежь*, *досюль*, *доталева*, *дотоль* (в 1-м знач.), *зараньше* (во 2-м знач.), *попреже*, *теперештово*, *унето*, *усейка* (в 4-м знач.). Они употребляются в контекстах, характеризующих происходившие в прошлом события, удаленные от момента речи: *Фпирет други люди были* (Кл, Руз); *Работали усийкѣ с утра да ночи* (Еф, Кр). Местоименные наречия *тада*, *тады* (в 1-м знач.), *тадысь*, *тадыть*, *тае*, *таей*, *тай*, *тепор*, *втепор*, *втепорочи*, *втепоры*, *втупор*, *втупора*, *втупорочи*, *втупорочь*, *втупорошка*, *тупрочь*, *тупру* указывают на неопределенное время — ‘тогда, в то время, в ту пору’, но не называют его. Такие наречия выступают в предложении в роли детерминанта, например: *Дѣ витъ тадыть люди здаровшы были* (Никол, Тор); *Тепор многѣ што па-другому былѣ* (Выр, Р); *Фтупѣрошку-тѣ свадьби-ти не так справляли* (Хил, Ич); *Тупрочь вайнѣ шла* (Айк, ББ).

Небольшая группа наречий связана с обозначением настоящего времени. Так, лексемы *тавере*, *таперь*, *таере*, *тапере*, *таперекать*, *таперича*, *татѣрь* выражают значение ‘теперь, сейчас’ и характеризуют действие, совпадающее с моментом речи: *Таперь фсе хорашѣ* (Шал, А). В СРГРМ зафиксированы лексемы *ноне* (во 2-м знач.), *нонче* (во 2-м знач.), которые охватывают более широкий временной план настоящего, расширенное настоящее — ‘теперь, в настоящее время’: *Нони жызнъ сталѣ лучи* (Сил, Ар); *Нончи нарѣт злой пашол* (Енг, Д).

Диалектные наречия *надысь* (в 4-м знач.), *намедни* (во 2-м знач.), *ноне* (в 1-м знач.), *нонче* (в 1-м знач.) употребляются со значением ‘сегодня’: *Надыс пажар был* (Сак М, Тенг); *Намедни день хароший* (Сем, Тор); *Унук нончи пришол* (Мед, Ч). Единичное образование *по-сейчасному* имеет компаративный компонент значения ‘как сегодня, сейчас’, ср.: *Трудавой фрѣн по-сичаснѣму грят* (С Ков, Тем).

Лексикографический материал включает небольшое количество лексем, характеризующих временной план будущего,

направленность действия на предполагаемое развитие событий. Здесь можно выделить слова, указывающие на конкретный период будущего (*завтри*, *заутро* (в 1-м знач.), *намедни* (в 3-м знач.) — ‘на следующий день после сегодняшнего, завтра’, *послезавтрешнего* — ‘послезавтра’), или неопределенный временной отрезок (*заутро* (в 4-м знач.) ‘вскоре’, *живечко* (в 1-м знач.), *живочко* (в 1-м знач.) ‘в скором времени’). Ограниченное количество наречий такого типа объясняется, по-видимому, тем, что человек в своей жизнедеятельности ориентировался в первую очередь на опыт прошлого, а направленность в будущее появляется значительно позже.

В СРГРМ зафиксированы наречия, в смысловой структуре которых сопряжены два временных признака: указание одновременно на день (вчера – сегодня – завтра) и часть суток (вечером – утром): *ввечеру*, *вечере* (в 1-м знач.), *вечерушка* (в 1-м знач.), *вечерышка* (в 1-м знач.), *ужо* (во 2-м знач.) ‘вчера вечером’, *вечор*, *вечере* (во 2-м знач.), *вечерушка* (во 2-м знач.), *вечерышка* (во 2-м знач.), *вечерь*, *ужо* (в 1-м знач.), *ужотка* (в 1-м знач.) ‘сегодня вечером’, *утре*, *утресь* ‘сегодня утром’, *даве* (в 3-м знач.), *заутро* (во 2-м знач.) ‘завтра утром’: *Утресь сафсем тяплъ былъ* (Салов, Лям); *Я вечерушкѣ в шабрах былъ* (Уриш, Р); *Ты ужотка ка мне прихади* (Дм Ус, А).

В СРГРМ представлены адвербиальные лексемы, которые обозначают не временной отрезок в плане прошлого, настоящего или будущего, а передают характер протекания и распределения действия во времени: его быстроту, длительность, непрерывность и т.п. Наиболее распространены наречия, обозначающие быстроту реализации действия: *заутро* (в 3-м знач.), *живечко* (во 2-м знач.), *живочко* (во 2-м знач.), *живочки*, *запалом*, *зараз*, *снадбегу* (во 2-м знач.), *спорно*, *сразту*, *шибко* (во 2-м знач.), *ужасно*, *цепком*, *чиво*, *чугуром*, *шарокопытышки*, *шементом*, *шеметой*, *широкопытышки*, *шометом*, *шутоломно* ‘немедленно, очень скоро, быстро’. Например: *Колькѣ живечкѣ за*

вадой збегат (Ред, Ар); *Я шѣрѣкапытѣшикѣми за хлебѣм збегѣлѣ* (М Аз, Ков); *Он у мнѣ шеминтѣм вылитит* (Керг, Ич).

Отдельные слова, кроме значения быстроты реализации действия, актуализируют и другие смысловые компоненты, которые определяют сочетаемость лексем. Так, **доразу** со значением 'тотчас, немедленно' функционирует, как правило, в императивных конструкциях и подчеркивает необходимость незамедлительного выполнения какого-либо требования: *Иди доразу, неслух!* (Ус, Инс). Диалектные слова **ужо** (в 3-м знач.), **ужотка** (во 2-м знач.) употребляются со значением 'скоро, немного погодя' и служат для характеристики более удаленного по времени действия: *Ужо картошку матыжить надѣ* (Наг, Инс); *Ужоткѣ хлѣп в магазин привизут* (Авг, СШ). Образование скороспешно со значением 'скоропостижно' обозначает неожиданность наступления смерти кого-либо: *А патом и сканчалась скѣраспешнѣ* (Енг, Д).

Диалектные наречия могут употребляться для характеристики действия, которое осуществляется непрерывно, постоянно, ежеминутно, в любое время: **безминутно** 'постоянно, ежеминутно', **безотрывно** 'непрерывно, постоянно', **бесперечь** 'беспрестанно, непрерывно', **бессходу** 'непрерывно'. Например: *Симнаццѣть лет биссходу работылѣ, бачки вазилѣ* (Ат, Лям). От перечисленных слов отличается образование **понадольше**, поскольку оно указывает не на постоянное, а на длительное событие или явление, ср.: *Пѣлажу маслѣ в пѣгрибок, штоп пѣнадольшѣ скѣхранилѣсь* (Кир, БИ). Общепринятое наречие **навсегда** развивает в говорах значение 'в любое время, постоянно': *Свадѣбы навсягда у нас делают* (Иш, Тем).

В то же время СРГРМ фиксирует образованную в результате сращения языковую единицу **наовсе** со значением 'навсегда': *Он мне парасенкѣ наовсе адал* (Марьян, ББ). Наречия **зараньше** (в 1-м знач.), **зарыня**, **затого** характеризуют действие, которое нужно осуществить заблаговременно, заранее: *Кармоф надѣ былѣ зараншѣ гатовить* (Кулиш, Руз).

Итак, семантика темпоральных диалектных наречий весьма разнообразна, в контексте они указывают на различные проявления глагольного действия во времени.

В СРГРМ зафиксировано 173 темпоральных наречия, представляющих разные типы диалектизмов: собственно лексические (*кесь*, *усет*, *фусея* ‘вчера’, *дая*, *селига* ‘недавно’, *чугуром* ‘быстро’ и др.), лексико-семантические (*сегодня* ‘в этом году’, *навсегда* ‘в любое время, постоянно’ и др.), лексико-фонетические (*тада*, *тады* (в 1-м знач.) — ‘тогда’, *таперь*, *тапере* ‘теперь’ и др.), лексико-словообразовательные (*летось* (в 1-м знач.) ‘летом’, *порано* ‘рано’, *поутресь* ‘поутру, утром’ и др.).

В составе изучаемой диалектной темпоральной лексики представлено 62 полисемантических слова, развивающих в системе диалекта прямые и переносные значения, что составляет примерно 35,8% от общего числа анализируемых слов, обозначающих временные понятия. У большей части лексем все значения связаны с выражением темпоральности: *вечере* в 1-м знач. — ‘вчера вечером’, во 2-м знач. — ‘сегодня вечером’; *даве* в 1-м знач. — ‘недавно, в недалеком прошлом’, во 2-м знач. — ‘давно’; *заутро* в 1-м знач. — ‘на следующий день после сегодняшнего’, во 2-м знач. — ‘завтра утром’, в 3-м знач. — ‘немедленно, очень скоро’, в 4-м знач. — ‘вскоре’ и др. У полисеманта *шибко* четыре значения лежат за пределами временной семантики и характеризуют громкость звучания, силу, тяжесть или частоту производимого действия — *Шыпкэ уи больнэ ты гварши* (Шиш, Руз), *Крути шыпчи, тебе гварю!* (Сал, Р), *Мимэ праходит, но ни шыпкэ заходит* (Р Дав, Коч); а одно из значений указывает на быстроту реализации действия — *Больнэ шыпкэ ты бегши, ни упади* (Гр, Кр).

Анализ словарного материала показывает, что для наречий со значением ‘время’ характерно разнообразие парадигматических отношений. Широко развита синонимия: в СРГРМ представлено 29 синонимических рядов, при этом наиболее многочисленными являются наречия-дублиеты со значениями ‘недавно’ (34 синонима), ‘тогда, в то время’ (25 синонимов),

‘быстро’ (18 синонимов), ‘раньше, прежде’ (17 синонимов). Например, синонимический ряд со значением ‘недавно’ представлен наречиями *вотэдышки, восей, восейка, восейкось, вонет, вонтендышка, вотэось, даве* (в 1-м знач.), *дая, давешка, даешка* (в 1-м знач.), *дайче, надась, намеднись, намеднях, недавнышко, селига, ужо* (в 4-м знач.), *унетось, усей* (в 1-м знач.), ¹*усейка* (в 1-м знач.), *тепорче, токо, тупороч, унетось, усек, усейки, усень, ¹усенька, усеешка* (в 1-м знач.), *усеська, утедышка, утета, утетышко*.

Наречия со значением ‘время’ могут формировать антонимические оппозиции, которые представлены в основном наречиями со значениями ‘ночью’ (*нощно*) — ‘днем’ (*денно*), ‘раньше, прежде’ (*бывалоча*) — ‘теперь, сейчас’ (*тавере*) и др.

У наречий с темпоральной семантикой в говорах крайне редко появляются омонимы. Так, выявлены 3 омонимичные пары, при этом лишь 2 из них имеют темпоральное значение (¹*усенька* — ‘недавно’ и ²*усенька* — ‘вечер накануне Нового года по старому стилю (14 января)’; ¹*налетье* — ‘будущий год’ и ²*налетье* в 1-м знач. — ‘летом’, во 2-м знач. — ‘в будущем году’). В остальных случаях омонимичными являются существительные с конкретно-бытовым значением: ¹*тепор* ‘тогда, в то время’ и ²*тепор* ‘топор’; ¹*усейка* в 1-м знач. ‘недавно’, во 2-м знач. ‘вчера’, в 3-м знач. ‘давно’, в 4-м знач. ‘раньше’, в 5-м знач. ‘накануне’ и ²*усейка* ‘большое решето’.

Кроме того, в исследуемых словарных материалах обнаружена грамматическая омонимия: лексемы *бывалоча* и *бывалошко* в одних случаях функционально-семантически сближаются с наречием со значением ‘давний, старый’, а в других — с общенародной аспектуальной частицей *бывало*, выступающей в роли вводного слова и указывающей на регулярную повторяемость действия в плане прошлого. Ср.: *Бывалочья наши бабы токъ пасконны исподницы насили* (Ат, Лям) — *Идём, бывалочья, па лесу, а ягэт-тэ!* (Дм Ус, А); *Бывалышкэ мы плохэ жыли, беднэ* (Ак, Тем) — *Убираюсь, бывалышкэ, я домэ, а паринь арёт* (Баш, Тенг).

По структуре диалектные темпоральные наречия неоднородны: можно выделить как непроеводные, так и производные слова. Продуктивным для слов рассматриваемого поля является морфологический способ словообразования, в частности суффиксация, посредством которой созданы наречия *летось* (во 2-м знач.) 'прошлым летом', *утресь* 'сегодня утром', *недавнышко* 'недавно', *шутоломно* 'быстро' и др. В говорах по мере развития у слов абстрактных значений создаются производные от того же корня, но с более сложным морфемным составом: *по/на/дольше*, *за/раньше*, *за/утро*, *на/во/все*, *по/за/летось* и т.п. Как видим, наречные основы осложнены в говорах префиксами, усложняющими значение исходного слова.

Немногочисленны примеры слов префиксально-суффиксального образования: *по-сейчасному* 'как сегодня, сейчас'. В результате сращения предложно-падежной формы с местоименным прилагательным в описываемых говорах образуются отдельные наречные слова (*повседеню* 'целыми днями', *втупор*, *втепоры*, *втупора* 'тогда, в то время').

Таким образом, многообразие темпоральных значений наречий отражает различное понимание времени носителями русского языкового сознания. Количество адвербиальных лексем с временной семантикой, зафиксированных в СРГРМ, не велико по сравнению со словами с предметно-вещественным значением, однако с древних времен и до сих пор эти языковые единицы остаются употребительными в речи носителей диалекта, являются существенной частью регионального словаря.

Литература

Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Репрезентация лексико-семантического поля «время» в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 86–98.

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.

Вендина Т. И. Пространство и время как параметры дискретизации макрокосмоса // Славянские этюды. М.: Индрик, 1999. С. 136–140.

Всеволодова М. В. О способах выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1975. 283 с.

Голайденко Л. Н. Категория времени глагола как грамматическое средство выражения семантики представления в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). Ч. I. С. 67–75.

Демченко И. Г. Выражение временных отношений лексическими средствами // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца, 1971. Т. 63. С. 243–253.

Касьянова Е. А., Гришанова В. Н. Наречия времени в орловских говорах // Ученые записки Орловского государственного университета, 2013. № 4 (54). С. 291–294.

Киселева Г. В. О словообразовательных возможностях корней -врем- / -верем- и семантическом значении их производных в истории русского языка XI–XVII вв. // Вопросы семантики: исследования по исторической семантике / отв. ред. А. И. Дубяго и др. Казань: Изд-во КГУ, 1982. С. 124–132.

Лисицына Т. А. Формирование системы временных обозначений в русском литературном языке XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 249 с.

Первухина Е. В. Наречия времени и пространства в архангельских народных говорах: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 268 с.

Петрушина О. В. К семантической характеристике наречий времени (по материалам словарей) // Лингвистические статьи: Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны / отв. ред. Н. А. Кондрашов и др. Вып. 2, ч. 1. М.: Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1974. С. 85–89.

Попов И. А. Наречия со значением недавно, некоторое время тому назад в русских народных говорах // Диалектная лексика / отв. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1978. С. 146–163.

Цуканова Н. И. Наречия места и времени в русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1981. 18 с.

Юсупова Л. Г., Семенова Н. В., Резяпова Р. И. Сопоставительная характеристика концепта «время» (на примере английских и татарских произведений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (115). С. 128–132.

Яковлева Е. С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко М.: Наука, 1991. № 4. С. 80–89.

Temporal adverbs in Russian dialects of the Republic of Mordovia

El'vira N. Akimova

Pushkin State Russian
Language Institute

Tat'yana I. Mochalova

Mordovia State University
named after N. P. Ogarev

Russian dialects existing across the Republic of Mordovia feature various adverbial lexemes which express temporal meaning of definite and indefinite period of time. Their analysis allows us to state that the most common naming units inside this group denote timelines and events in the past. The lexical group under consideration is characterized by manifold paradigmatic relations between its units. Inside the category of dialectal temporal adverbs one can single out underived as well as derived lexemes formed morphologically or lexico-syntactically. Notably, derived lexemes are much more widespread. A comprehensive research of lexical items with temporal meaning contributes to the understanding of ethnic mentality and revealing the national language-specific world view.

Key words: adverb, dialect, temporal, semantics, structure, paradigmatic relations.

References

Akimova E. N., Mochalova T. I. Reprezentaciya leksiko-semanticheskogo polya «vremya» v «Slovare russkih govorov na territorii Respubliki Mordoviya» [Representation of the lexical-semantic

field “time” in the “Dictionary of Russian dialects in the Republic of Mordovia”) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. YAzykoznanie [Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics]. 2019. V. 18. № 1. Pp. 86–98.

Arutyunova N. D. Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors] // Logicheskij analiz yazyka. YAzyk i vremya [Logical analysis of language. Language and time] / otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. YAnko. M.: Indrik, 1997. Pp. 51–61.

Vendina T. I. Prostranstvo i vremya kak parametry diskretizacii makrokosma [Space and time as parameters of macrocosm discretization] // Slavyanskije etyudy [Slavic studies]. M.: Indrik, 1999. Pp.136–140.

Vsevolodova M. V. O sposobah vyrazheniya vremennyh otnoshenij v sovremennom russkom yazyke [On the ways of expressing temporal relations in modern Russian]. M.: Izd-vo MGU, 1975. 283 p.

Golajdenko L. N. Kategoriya vremeni glagola kak grammaticheskoe sredstvo vyrazheniya semantiki predstavleniya v hudozhestvennoj proze [The category of verb tense as a grammatical means of expressing the semantics of representation in fiction] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2015. № 11 (53). Part I. Pp. 67–75.

Demchenko I. G. Vyrazhenie vremennyh otnoshenij leksicheskimi sredstvami [Lexical means of expressing temporal relations] // Uchenye zapiski MGPIIYA im. M. Toreza [Proceedings of Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez]. 1971. V. 63. Pp. 243–253.

Kas'yanova E. A., Grishanova V. N. Narechiya vremeni v orlovskih govoraх [Adverbs of time in the Orel dialects] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Orel State University], 2013. № 4 (54). Pp. 291–294.

Kiseleva G. V. O slovoobrazovatel'nyh vozmozhnostyah kornej -vrem- / -verem- i semanticheskom znachenii ih proizvodnyh v istorii russkogo yazyka XI–XVII vv. [On the word-formation capabilities of the roots -vrem- /-verem- and the semantic meaning of their derivatives in the history of the Russian language from the 11th to the 17th century] // Voprosy semantiki: issledovaniya po istoricheskoy semantike [Issues in semantics: investigations on historical semantics] / otv. red. A. I. DUBYAGO i dr. Kazan': Izd-vo KGU, 1982. Pp. 124–132.

Lisicyna T. A. Formirovanie sistemy vremennyh oboznachenij v russkom literaturnom yazyke XVIII veka [The formation of the system of temporal marking in the Standard Russian language of the 18th century]: dis. ... kand. filol. nauk. L., 1979. 249 p.

Pervuhina E. V. Narechiya vremeni i prostranstva v arhangel'skikh narodnyh govorah: semanticheskij aspekt [Adverbs of time and space in the Arkhangelsk dialects: the semantic aspect]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2002. 268 p.

Petrushina O. V. K semanticheskoi harakteristike narechij vremeni (po materialam slovarej) [On the semantic characteristics of adverbs of time (based on the data elicited from dictionaries)] // *Lingvisticheskie stat'i: Materialy VIII konferencii prepodavatelej russkogo yazyka pedagogicheskikh institutov Moskovskoj zony* [Linguistic articles: Materials of the 8th Conference of Russian Language Teachers from the Pedagogical Institutes of the Moscow Region] / otv. red. N. A. Kondrashov i dr. Ser. 2, part 1. M.: Izd-vo Mosk. obl. ped. in-ta, 1974. Pp. 85–89.

Popov I. A. Narechiya so znacheniem nedavno, nekotoroje vremya tomu nazad v russkikh narodnyh govorah [Adverbs with meaning 'recently, some time ago' in the Russian dialects] // *Dialektnaya leksika [Dialect vocabulary]* / otv. red. F. P. Sorokoletov, F. P. Filin. L.: Nauka, 1978. Pp.146–163.

Cukanova N. I. Narechiya mesta i vremeni v russkoj razgovornoj rechi [Adverbs of place and time in the Russian colloquial speech]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1981. 18 p.

YUsupova L. G., Semenova N. V., Rezyapova R. I. Sopostavitel'naya harakteristika koncepta «vremya» (na primere anglijskikh i tatarskikh proizvedenij) [Comparative characteristics of the concept of "time" (exemplified by English and Tatar literary works)] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2017. № 2 (115). Pp. 128–132.

Yakovleva E. S. Vremya i pora v oppozicii linejnogo i ciklicheskogo [Time and season as opposed to the linear and the cyclical] // *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts] / otv. red. N. D. Arutyunova, T. E. YAnko M.: Nauka, 1991. № 4. Pp. 80–89.

Названия змей в русских народных говорах

Лариса Михайловна Алёшина

Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева

В процессе номинации получает отражение жизненный опыт человека, его представление о важнейших свойствах и признаках предмета, реально существующих в действительности или приписываемых ему. В статье рассматриваются названия змей в русском языке, выявляются положенные в основу их номинации мотивационные признаки: качественно- или предметно-характеризующий, локативный, акциональный, акторный, реляционный, квантитативный, экзистенциальный. Материалом для наблюдения послужили языковые единицы лингвогеографических источников и картотеки Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: народные говоры, зооним, мотивационные признаки.

Изучение слов, называющих животных, обращает нас к наиболее древнему и устойчивому пласту лексики русского языка. Змея — одно из животных, отношение к которому у разных народов носит противоречивый характер от панического страха перед существом, несущим угрозу здоровью и смерти, до преклонения и почитания. В русской культуре змея традиционно символизировала зло, коварство, неблагодарность, с принятием христианства негативное отношение только усилилось. Стереотипное представление о животном демонстрируют многочисленные пословицы и поговорки: *Пригрели змейку, а она тебя за шейку. Лыстец под словами — змей под цветами. Сколько змею ни держать, а беды от нее ждать.*

По издревле существующим народным поверьям, убившему змею прощаются 40 грехов [см. Зеленин 1930: 42] — *Здесь около города где-то ходит змей. Баба Трутиха убила вчера онного змея. Змея убьёшь — и грех с души* (псковские говоры).

Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами получило в общенародном языке наименование *змея* (МАС 1: 615). Общеславянское существительное *змея* в древнерусских памятниках письменности встречается с XI в., имеет общий корень со словом *земля* и буквально означает ‘земной, ползающий по земле’ (Фасмер 2: 100).

Принято считать, что слово *змея* являлось табуистическим, его старались не произносить, опасаясь накликать беду. В отдельных современных русских говорах запрет на употребление сохраняется: *Змеёй грех говорить, а худой — то не грех. У нас во дворе худушка живёт* (тверские говоры). *Змеи — гадюки, а змеи — это некультурно* (псковские говоры).

Вероятно, данное обстоятельство оказало существенное влияние на то, что в русских говорах, с одной стороны, фонетические и словообразовательные варианты общенародного зоонима *змея* (*змéя, змей, змий, жмея, змею́ка, змея́нка, змею́га, змея́ка, змеи́на*) представлены спорадически, с другой стороны, появились многочисленные собственно диалектные производные, внутренняя форма которых объективирует следующие признаки:

— особенности окраса — *желтопу́з* (СРНГ 9: 112), *черня́вка* (русские говоры Мордовии), *огнё́вка* ‘разновидность змеи — красная змея // ядовитая змея // разновидность гадюки’ (СРНГ 22: 324), *красногolóвка, красногolóвая* (донские говоры), *мёденка, мёдни́ца* ‘вид ядовитой змеи’ (НОС: 547), *медя́нка* и *мёдянка* ‘ядовитая змея, гадюка’, (СРНГ 18: 76–77), *мёдельни́ца, мёдни́ца* ‘змея медянка’ (СРНГ 18: 69, 70), *пестру́шка* ‘ядовитая змея щитомордник’ (СРНГ 26: 319), *серебря́нка* (тверские говоры);

— особенности поверхности кожи — *гла́душ, гла́дыш* ‘ядовитая змея-медянка // вид ядовитой змеи (какой?) // вид неядовитой змеи из породы ужей’ (СБГ 4: 15–16); *гла́душ* ‘змея’ (СРНГ 6: 181);

— размер — *дóлгая* (вологодские говоры);

— характерная часть тела — *голове́шка* (вологодские

говору), *голове́нка* (СРНГ 6: 303–304), *горла́нка*, *горля́нка* (СРНГ 7: 45);

— место обитания — *подколб́духа* ‘змея’ (СРНГ 28: 42), *болотя́нка* ‘маленькая змея (медяница хрупкая?)’ (СРНГ 3: 80);

— способ передвижения — *вы́ползка* (орловские говоры), *ползю́н* (псковские говоры), *ползю́чка* (уральские говоры) (СРНГ 9: 28); *вьюн* (архангельские, новгородские, ивановские говоры), *веретё́ница*, *веретени́ца*, *веретённица*, *веретёнка*, *вертани́ца* ‘ядовитая змея’ (ПОС 3: 97, 106); *веретя́нка* (СРНГ 4:142);

— повадки — *ерети́ца*, *еретни́ца*, *еретни́к* < *еретиться* ‘беситься’ (псковские говоры) (СРНГ 9: 23); *тяпю́ля* (ярославские говоры) < *тяпать-тяпнуть* ‘укусить’ (Даль 4: 456); *свистю́н* (новгородские говоры) ‘вид змей’ < *свистать* ‘бить, ударять кого-л., что-л.’ (СРНГ 36: 301). См. иллюстрацию к слову *свистю́н*: *В народных поверьях — большая змея с красным гребнем, способная свиваться клубком, делать огромные скачки и бить человека, так что последнему не убежать* (НОС, 1066). Ещё одно существовавшее поверье о том, что «всяких неуместных разговоров о змее следует избегать,— иначе ночью приползёт змея; особенно опасно говорить о змеях ночью, когда змеи с в и с т я т» (выделено нами) [цит. по Зеленину 1930: 43], позволяет допустить и другую мотивацию зоонима: *свистю́н* — животное, которое издаёт свистящие звуки. Среди наименований змей, входящих в данную подгруппу, особое место занимают слова *са́па*, *сапа́* и вариант *сап*, бытующие в донских говорах. По мнению М. Фасмера, слово имеет неясную этимологию. Д. К. Зеленин, говоря о его табуированном характере, предполагает появление «*сапа* из *ца́па* от *ца́пать*, т.е. цапающая, хватаящая» [Зеленин 1930: 45], см: *цапать* ‘хватать зубами, когтями’ (МАС 4: 631);

— характерные звуки — *шипю́ля* (ярославские говоры) < *шипеть* ‘издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука ш’ (МАС 4: 716); *жю́пельница* (русские говоры Пермского края), *жю́пелица* (костромские

говоры), см. *жупелица* ‘черная змея, водящаяся во мхе’ (архангельские говоры) (СРНГ 9: 227) < *жупеть* ‘шипеть’ (СРНГ 9: 227);

— внешнее сходство с другими животными — *червь* (русские говоры Удмуртии), *червяк* (новгородские говоры); внешнее сходство частей тела животных — *козюля*, *козюля* (тульские, брянские, орловско-курские, белгородские, воронежские и краснодарские, нижегородские и ивановские говоры). Вслед за Преображенским Фасмер рассматривает *козюля* «как табуистическое название от *коза*. Жало в этом случае сравнивается с рогами козы» (Фасмер 2: 279). Следует отметить, что существует и другой взгляд на происхождение данного зоонима. По мнению Зеленина, «*казюля* — от глагола *казить* (откуда *ис-казать*), т.е. буквально *портящая, вредящая*. В некоторых говорах это контаминировалось с *козуля*, *коза*, как русские называют рогатых существ вообще (ср. *козьявка*); тут, очевидно, сказалась широко распространенная у всех славян легенда о том, что змеиная царица имеет золотые рожки, обладающие чудесной силой» [Зеленин 1930: 45].

— качественная оценка, основанная на субъективном восприятии животного как нечистого демонического существа — *поганка* (псковские говоры), *поганица*, *поганик* (псковские, тверские, новгородские говоры) < *поганный* ‘разг. мерзкий, отвратительный, скверный’, ‘устар. нехристианский’ МАС 3: 165), несущего потенциальную опасность, угрозу жизни *худой*, *худяк*, *худушка* (новгородские, тверские говоры) < *худой* ‘плохой, дурной’ (МАС 4: 630), *благой* ‘змея’ < *благой* ‘плохой’ (псковские говоры) — *Не ходите босиком, а то благой укусит, змий, они у нас часто встречаются* (ПОС 2: 391–392);¹ *гнуси́на* ‘змея’ (русские говоры

¹ Для слова *благой* характерно явление энантиосемии — наличие противоположных значений ‘хороший, добрый’ и ‘плохой, злой, дурной’ (см. Даль 1: 90), причём «отрицательные значения возникли в порядке описательного табуистического употребления» (Фасмер 1: 171). В этом отношении интересным является наблюдение Д.К. Зеленина: «... русские

Мордовии, тобольские, свердловские) (СРНГ 6: 250), ср. *гну-ный* ‘внушающий отвращение, гадкий’ (МАС I: 322). В данную группу включены и многочисленные зоонимы с корнем *гад-*: *гад*, *га́да*, *га́дина*, *гадб́вка*, *гадлю́ка*, *гадлю́к*, *гадлю́га*, *гадья́га*, *гадлю́ча*, *гадючиня́* (СРНГ 6: 89–92) — *Га́да как уви́жу, ажно дурно станет. Уж и ягоды брать не могу* (псковские говоры). Слово *гад* появилось в древнерусском языке в начале XI в. на базе общеславянского *gadъ* ‘всякое отвратительное, мерзкое существо’ и стало использоваться в качестве названия змей. Существующее толкование *гад* ‘змея’ < ‘прорицатель’ от глагола *гадать* «менее вероятно» (Фасмер 1: 381);

— результат действия как отличительный признак закреплён в названиях змей *тварь*, *тварь*, *тварина́*.

Слово *тварь* произошло от глагола *творить* ‘создавать, созидать в процессе творчества (какие-л. материальные или духовные ценности)’ (МАС 4: 344) с перегласовкой в корне (*a/o*) и буквально обозначало ‘сотворённое, творение, создание’, далее — ‘живое существо, человек, животное’ (ср. *всякая божья тварь*). В русских народных говорах наблюдается дальнейший семантический сдвиг *тварь* ‘устар. и прост. живое существо’ (МАС 4: 343) → *тварь* ‘змея’. — *Тварь кусит скотинку* (новгородские говоры) (СРНГ 43: 320);

— признак половой принадлежности реализуется в названиях *змеи́ца*, *змеи́ха* (свердловские говоры), *га́дица*, *гадлю́ца*, *гаденю́ца*, *гадлю́ха* (псковские говоры), *гадлю́ня* (см. ПОС 6: 141; СРНГ 6: 91–92; СРНГ 11: 300). Отметим, что в речи диалектоносителей словообразовательно маркируются практически только самки змей (при отсутствии подобных названий в общенародном языке), обладающие способностью

называют дурное благим, хорошим... . Здесь не игра слов, не своеобразная игра в противоречие и не простой намек на опасность произнесения слов, обозначающих дурное, худое. Тут явное желание воздействовать в желательном направлении на судьбу или природу того, о чём говорится — воздействовать посредством магической силы слов» [Зеленин 1930: 163].

к деторождению и тем самым несущие потенциальную угрозу человеку и домашним животным. Ср. *Каждый год у змеи змеята выводятся. А на следующий год у каждого змеёныша ещё столько* (владимирские говоры). *Гадёныш пока маленький не так опасен, как гадина взрослая, яд его не смертелен* (московские говоры);

— признак незрелости животного актуализируется обширным репертуаром лексем, обозначающих детёныша змеи в форме единственного числа *змеёныш, змеёнок, змеёнок, вы́ползень, вы́ползок, гадёнок, гадёныш, гадёнок, гадю́тка, гадю́ча, гадю́ченя, гадю́чонок, гадюшо́нок, козюлёнок, по́полз, по́ползень*; и в форме множественного числа *змееня́та, змееня́ты, змеёнки, змеёныши, змея́та, змея́ты, гадёныши, гаденя́та, гадю́чата, гадюша́та, гадя́та, вы́ползки, козюля́та, козюня́та, козюня́ты* — *Змеёнок — дитё змеи* (нижегородские говоры). *Козюлят она много выводит* (курские говоры). *Змея на дереве ценится. Я её палкой сшибать, а из неё гаденята посыпались* (псковские говоры). *Змеёнок, змеята — это дети змеи* (нижегородские говоры);

— признак нерасчлененного множества заложен в словах *гадёвье, гадбёвье, гадьё, гажьё* (псковские говоры) (ПОС 6: 140, 142, 144), *гадовняк, гадовьё* (СРНГ 6: 92). Появление слов, обозначающих совокупное множество змей, не является случайным и базируется, на наш взгляд, на народном поверье о некоем «сдвигении змей», когда нельзя ходить в лес, поскольку в этот день он кишит змеями, собирающимися на зимовку. Христианский праздник Воздвижение креста Господня, отмечаемый православной церковью 27 сентября (14 сентября по старому стилю), был переосмыслен русской народной культурой в праздник Здвиженья (см. СРНГ 11: 229).

Анализ мотивационных признаков, положенных в основу наименований животных, позволяет говорить об их антропоцентричности, поскольку актуализируются важнейшие с точки зрения биологического выживания человека признаки,

позволяющие идентифицировать опасное для него животное: качественно- или предметно-характеризующий (*желтопуз, чернявка, огнёвка, красноголовка, мёденка, мёдница, пеструшка, серебрянка, гладуш, гладыш, долгая, головёшка, головёнка, горланка, горлянка, поганка, поганица, поганик, худбй, худяк, худушка, благой, гнусина, гад, гада, гадина, гадёвка, гадюка, гадюк* и др.), локативный признак (*подколбодуха, болотьянка*), акциональный признак (*еретица, еретница, еретник, тьяпуля, шипуля, свистун, жупелица, жупельница*), акторный признак (*тварь, твар, твари́на*), реляционный признак, актуализирующий семы «подобие» (*червь, червяк, козюля, козуля*), «женскости» (*змеица, змеиха, гадица, гадика, гаденица, гадиха, гадыня*), «детскости» (*змеёнок, змеенёнок, выползень, выползок, гаденёнок, гадёныш, гадёнок, гадютка, гадюча, гадюченья, гадючонок, гадюшонок, козюлёнок, пополз, поползень* и др.), количественный признак (*гадэвье, гадёвье, гадье, гажье* и др.), экзистенциальный признак (*выползка, ползун, ползучка, веретеница, веретёнища, веретёнка, вертаница* и др.).

Системный взгляд на материал дал возможность «проникнуть в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы» [Вендина 1998: 222].

Литература

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. 240 с.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. II. Запреты в домашней жизни // Сборник Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого. Т. IX. Л.: АН СССР, 1930. 166 с.

Words denoting snakes in the Russian dialects

Larisa M. Alyoshina

Orel State University

named after I. S. Turgenyev

The process of nominating an object reflects the personal experience of a person, their idea of its most important properties and features, real or attributed. The article deals with the names of snakes in the Russian language and the motivational features which underlie the nomination: the attributive or subjective, locative, actional, actorial, relational, quantitative, existential ones. The material of our analysis consists of lexical items from the linguo-geographical sources and from the card catalogue of the Lexical Atlas of Russian Dialects.

Key words: dialect, zoonym, motivational features.

References

Vendina T. I. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm) [Russian linguistic worldview in light of word-formation (macrocosm)]. M.: Izd-vo «Indrik», 1998. 240 p.

Zelenin D. K. Tabu slov u narodov Vostochnoj Evropy i Severnoj Azii. CH. II. Zaprety v domashnej zhizni [Tabooed words among the peoples of the Eastern Europe and Northern Asia. Part 2. Taboos at home] // Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii im. Petra Velikogo. [Proceedings of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography] V. IX. L.: AN SSSR, 1930. 166 p.

Лексика рыболовства в самарских говорах*

Татьяна Евгеньевна Баженова

Самарский государственный
социально-педагогический
университет

В статье дается обзор лексики рыболовства, записанной в селах Самарской области. Рассматривается проблема системного лексикографического описания одной из наиболее архаичных групп диалектной лексики Поволжья. Отмечается, что лексика народных промыслов и традиционных занятий сельских жителей отличается семантической ёмкостью, широким диапазоном варьирования. В представленных в статье словарных материалах особое внимание уделяется тематической классификации рыболовецкой лексики в соответствии с её экстралингвистическими особенностями. Делается вывод о том, что данный фрагмент регионального словаря расширяет представление об историко-культурном ландшафте самарского Поволжья. Привлечение культурологических данных, выявленных в результате анализа диалектного языка, создает эмпирическую основу для описания специфических черт менталитета носителей диалекта.

Ключевые слова: русские народные говоры, Среднее Поволжье, диалектная лексика, тематическая группа, рыболовецкая лексика.

Трудно представить во всей полноте своеобразие самарских говоров без лексики рыболовства, этого древнейшего вида трудовой деятельности человека, служившего существенным подспорьем земледелию и животноводству. Переселенцев, основавших сёла самарского края, привлекали не только богатые уголья, леса, вольная жизнь, но и волжские воды, богатые

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Самарской области проекта № 18-412-630004 «Диалектное слово в русских говорах самарского Поволжья».

ценными сортами рыб. Как отмечают историки, рыболовный промысел в самарском крае существует с XVI–XVII вв., он был настолько производительным, что размах рыболовства и низкие цены на рыбу удивляли современников, и прежде всего иностранцев. Волжскую рыбу солили и отправляли торговыми караванами вверх по Волге, в Москву, Новгород, Псков и далее в Европу. Рыба самарского засола считалась одной из лучших по своему качеству и разнообразию [Дубман 2000: 115]. В начале XVIII в. в окрестностях Самары сформировался большой земледельческо-промысловый район со своим оседлым населением. На берегах Волги (в западной части самарского края) трудились рыболовецкие ватаги, появлялись села, жители которых в основном занимались рыболовством. В восточных прибрежных и степных районах лов рыбы шел из озер, мелких речек, затонов, и рыболовством занимались тоже активно, хотя в основном для личных нужд [Дубман 2012: 57–58].

В XVII–XVIII вв., а также в первой трети XIX столетия Самара была одним из главных мест рыбной торговли во всей Российской империи. Рыбная ловля шла с использованием лодок, инвентарь использовался такой же, как в центральной России. Основными орудиями лова в промысловых хозяйствах были ставные и волоковые неводы, в домашних хозяйствах — сети, бредни, верши, мережи, саки, крыги, уды, вентери, жерлицы, котцы и др. В прошлом Волга славилась ценными породами промысловой рыбы: стерлядью, белорыбицей, а «про свой обиход» ловили щук, окуней, линей, лещей, плотву и др. мелкую рыбу. Со временем размеры рыболовного промысла сокращались, и сейчас только старожилы самарских сёл помнят прежнее речное изобилие тех времен, когда Волга ещё не была водохранилищем. Отпечатки традиционного промысла сохраняются в диалектной лексике, поэтому её фиксация и исследование имеют актуальность. Слова, служащие обозначением реалий рыболовецкого промысла, занимают важное место в лексиконе носителей русских народных говоров самарского Поволжья.

К сожалению, рыболовецкая лексика говоров Поволжья специальному изучению стала подвергаться только в последнее время. В ранних материалах диалектологических экспедиций в самарские сёла, которые относятся к сороковым годам XX столетия, данный лексико-семантический разряд фиксировался попутно, в текстовых фрагментах и в виде разрозненных словарных материалов, дополняющих основные, полученные с помощью специальной лексической программы-вопросника для составления карт ДАРЯ. Материалом для наших наблюдений послужила «внепрограммная» лексика, извлеченная из тетрадей диалектологического архива, накопленного в Самаре во время работы над ДАРЯ, и словарные материалы, полученные экспедиционным путем с помощью вопросника ЛАРНГ в течение последних двух десятилетий.

Системное лексикографическое описание лексики рыболовства представляет собой научную проблему. Многие исследователи отмечают преобладание в данной тематической группе общенародных слов [Мызникова 2017: 104; Батырева 1994; Раков 1985; Олесова 2006: 165 и др.], что объясняется не только экстралингвистическими причинами, но и собственно лингвистическими факторами. Так же, как другая терминологическая лексика, данная тематическая группа не существует обособленно в речи диалектоносителей и не ограничивается дискурсом профессионального общения. Общерусские, диалектные и диалектно-просторечные лексемы, репрезентирующие реалии рыболовства, функционируют в макросистеме говоров как равноправные компоненты, вступают в системные связи друг с другом, обнаруживая одинаковые свойства в плане синтагматики и парадигматики. С учетом этих особенностей тематическая группа рыболовства в исследованиях диалектологов рассматривается без дифференциации на общеупотребительную и диалектную лексику [Раков 1985: 106]. Помимо того, что это один из древнейших разрядов слов русского языка, значительную часть которого составляет лексика общеславянская, диалектные наименования рыб и орудий рыбной ловли отличаются семантической

динамичностью. Появляются новые слова, имеет место узколокальное словотворчество, при этом специфику рассматриваемой тематической группы составляет преобладание лексем с прозрачной внутренней формой, многообразии мотивационных признаков [Крапивина 2012], что обеспечивает таким лексемам свободное существование и в макросистеме русских народных говоров, и в литературном языке. Диалектные специальные наименования рыболовецких реалий представляют собой открытую систему, служащую источником обогащения других терминосистем. Например, пополнение научной ихтиологической терминологии в значительной степени происходит путем непосредственного вовлечения в её сферу местных диалектных названий, связанных по локальному признаку с каким-либо определенным типом говоров [Герд 1963: 36]. Многие общепринятые теперь терминологические обозначения реалий рыболовства известны всем носителям русского языка, и даже специальные полевые исследования не дают однозначного ответа на вопрос, какое направление имел процесс заимствования. Замечено, что в локальных диалектных континуумах лексика рыболовства обычно фиксируется точно и не дает четких изоглосс [Куйдина 2012: 22]. Даже связанные территорией распространения с определенным типом говоров, многие диалектные слова сферы рыболовства имеют привязку к бассейну определенных рек [Мызникова 2017: 101–105].

Обобщающее изучение других разрядов терминологической лексики самарских говоров (коноплеводство, пчеловодство, наименования ручных орудий труда) привело нас к общему выводу о том, что наименования реалий традиционных занятий сельских жителей самарского Поволжья отличаются генетической разнородностью, семантической ёмкостью и широким диапазоном варьирования, в значительной степени обусловленным экстралингвистическими факторами. Полную картину межъязыковых и междиалектных соответствий лингвогеографические данные в любом случае представить не смогут, поэтому диалектный словарь,

составленный по идеографическому принципу, будет весомым дополнением к картам атласа.

Тематическую группу «Рыболовство» в самарских говорах в большей мере составляют лексико-семантические варианты наименований речной рыбы и орудий рыбной ловли, применяемых в хозяйственной жизни крестьянина.

Диалектные названия рыб представлены лексико-семантическими вариантами речных видов, которые водились в изобилии и легко ловились на различные приспособления в Волге и её притоках:

1) *горбáч*, *краснопёрка*, *окушóк*, *окушáрик*, *полосáтик* ‘окунь’;

2) *синтя́*, *синтёвка*, *сентёшка*, *сентя́вка*, *синьча́*, *верхопла́вка* ‘уклея’;

3) *сопля́к*, *хозя́ин* ‘ёрш’;

4) *косы́рь*, *чехо́ня* ‘чехонь’;

5) *густёрка*, *подлёщик* ‘густера’.

Гораздо больше единичных наименований рыб: *севáч* ‘карась’, *поду́с* ‘подуст’, *галу́н* ‘гольян’, *ма́нтуз* ‘налим’, *сурóжка* ‘плотва’, *вью́н* ‘карап’, ‘волжская минога’, *челно́к* ‘молодь щуки’. Самую многочисленную группу составили общие наименования мелких рыбешек, используемых в качестве наживки: *жй́ведь*, *жй́вчик*, *малё́вка*, *мелочё́вка*, *мальтя́пка*, *мо́лька*, *оголе́ц*, *голе́ц*. Среди этих наименований присутствуют такие, которые характеризуются широкой географией: *сапа́* (СРНГ 3: 123), *сорóжка* (СРНГ 40: 19), ряд лексем имеет локализацию в говорах Поволжья, например: *ма́нтуз* (СРНГ 17: 364), *синтя́*, *синтя́вка* (СРНГ 37: 336), *оголе́ц* (СРНГ 22: 334); отдельные слова образованы лексико-семантическим способом от диалектных лексем (*косы́рь*); некоторые слова являются, по-видимому, уникальными образованиями, например: *севáч*, *галу́н*. Среди узколокальных (оказиональных?) ихтиологических наименований нам встретилось фразеологическое сочетание *су́ка песковá* ‘волжская минога’, см. его значение в контексте: *Гольцы́, оне же су́ка песковá. Сука, сука песковá, приведи мне*

мантуза́! Сука пескова? Она с палец, на угря помахиват, бойка, на щёках, ну на жабрах, игольчики, её за это сужой прозвали. Эдака тощенька она, за хвост её возмёшь — она бац башкой и кусает (с. Курумоч Волжского р-на). Волжскую миногу, по-местному **вьюнá**, также использовали в качестве наживки во время рыбной ловли.

Названия орудий рыбной ловли в самарских говорах очень разнообразны. По объекту наименования их можно разделить на следующие четыре основные группы.

1. Наименования сетей

Сети, древнейшее изобретение человека, были незаменимыми при ловле рыбы. **Сётки** и **брешки** изготавливались рыбаками самостоятельно: сетное полотно (**дёлъ**, **мерёжа**) плелось с помощью **иглицы**, инструмента вроде челнока, прикреплялось к **подбóрам**, **обв́язкам** — горизонтальным краям сетного полотна. Обычно сети были неподвижными, то есть **становыми**, **становными**, **ставными**, **стоячими**. **Ста́вники** прикрепляются к **кля́чам**, **ко́млям** (жердям, кольям) или к **веревáм**, **вожжéям**, чтобы обращаться с ними было удобнее. **Плавные**, **плавучие** сети, или **волоку́ши**, **оха́ны** ('сеть на металлических прутьях с длинными веревками, за которые ее тащат с лодки'), использовались в прошлом в промысловом рыболовстве. По характеру устройства сетей, соответствующему их назначению, в самарских говорах существуют следующие их наименования: **режбóвка**, **рэ́жа**, **режсвáя сеть** 'рыболовная сеть с крупными ячейками', **рамлётка** 'рамовая сеть, сетное полотно которой дополнительно разделено на квадраты или ромбы с помощью лески', **часту́шка** 'сеть мелкого плетения', **недо́тка** 'рыболовная сеть наподобие бредня, но меньшего размера', **восьмерёк** 'рыболовная сеть с крупноячейным полотном', **двустéнка** 'рыболовная сеть в два полотнища', **одностéнка** 'рыболовная сеть, состоящая из одного полотнища, соединенного с боковыми креплениями, с поплавками, буйком и грузилами', **экра́н** 'ставная сеть' и др. См. описание одного из видов сетей: *Одностéнка из одного полотна — прямая, вышиной 2–2,5 метра,*

наверху полавки, внизу грузила, сети привязываются от берега или от камня в воде. К верхней стороне привязывается буйёк, а к нижней груз — камень на 2–3 килограмма. Буйёк из дерева. На Волге одностёнки не ставят, а ставят режевые — трехстёнки (с. Подгоры Ставропольского р-на).

В этой ЛСГ также присутствуют слова, зафиксированные в других говорах Поволжья, различных по типологии: *трóйка*, *рёжа*, *недóтка* — в донских казачьих говорах Волгоградской области [Крапивина 2012: 166–168], *недóтка*, *волокуша*, *подбóр* — в говорах Ульяновской области [Мызникова 2017: 97–101], *недóтка*, *оха́н* — в ярославских говорах (ЯОСД 2: 63, 118).

2. Наименования снастей, в конструкции которых присутствует сетное полотно

Самоловные орудия рыболовства, разнообразные ловушки (*ста́вки*, *са́ки*) в настоящее время изготавливаются из сетного материала. Среди наименований ловушек повсеместно на нашей территории зафиксированы варианты *вэ́нтель*, *въя́тель*, *въя́терь* ‘цилиндрическая ловушка для рыбы, вентерь’. Лексическим разнообразием отличаются наименования сетных ловушек сачкового типа, например: *жа́к* ‘рыболовная снасть, сетная ловушка в форме сачка’, *пау́к* ‘снасть сачкового типа для ловли рыбы: сетное полотно, прикрепленное к крестовине из прутьев с грузилом посередине’, *косьи́нка* ‘сетная ловушка для рыбы сачкового типа с полотном в виде равнобедренного треугольника’, *подса́к*, *подса́док* ‘орудие для ловли раков, состоящее из длинной палки, к которой крестообразно прикреплены две тонкие согнутые дугами жерди, и сетки на рамке или на обруче’, *наме́тка* ‘сетчатый мешок на шесте для ловли рыбы с берега’, *наки́дка* ‘рыболовная снасть в виде сачка’, *мере́жа* ‘рыболовная сетная ловушка с мелкими ячейками для ловли донной рыбы’. Общий принцип наименования сетной снасти сачкового типа заключен и во внутренней форме производных диалектных лексем: *кулёк* ‘рыболовная снасть’, *си́то* ‘рыболовная снасть в виде полотна с мелкими дырками для ловли раков, мелкой рыбы’.

Сетные ловушки рассчитаны на рыбалку с берега, мостков или моста, просты в использовании, поэтому они популярны среди подростков и пожилых людей и в прошлом, и сейчас. Это пока ещё один из разрядов актуальной лексики самарских говоров. См. описание их устройства современными представителями самарских говоров:

Крылёна, ж. Сетная ловушка для рыбы типа вентеря с крыльями. *Под конец научился крылёны плести, витиря их называют ещё. Крылёны ставили, это как бочки, и у каждой бочки крыло из сетки. В неё рыба идёт вдоль крыла и — раз туда! А там вот такое окно, и рыба заходила, она не понимает ведь, назад-то не выйдет* (с. Преполовенка Безенчукского р-на).

Вятерь, м. Цилиндрическая сетная ловушка для рыбы. *Вятерь — это надёваются снасть, сетка на пять колец, кругов с двумя крылами. В этих кольцах имеются два горла, рыба входит, а выходит уже не может* (с. Подвалье Шигонского р-на).

Крыга, ж. -и, мн. Рыболовная снасть сачкового типа. *Крыга — это снасть в виде ножниц с сеткой. Закинул её, рыба наберется, эти ножницы слопаваются, и рыба как в кошёлке* (с. Преполовенка Безенчукского р-на).

Наименования сетных ловушек зафиксированы в словарях других говоров Поволжья: **вятер** / **вятерь** (ЯОСД 1: 142), **вятель** (Ганцовская 2015: 67), **крылёна** (ЯОСД 1: 349; Ганцовская 2015: 178), **крыга** (ЯОСД 1: 349; Ганцовская 2015: 67), **жак** (Ганцовская 2015: 105); [Барашков 1977: 47].

3. Наименования плетеных снастей

Дифференциальной семей в структуре значения диалектных лексем данного разряда является указание на материал — прутья, лоза (**талы**), береста. Большинство из них служит обозначением ловушек для рыбы: **вáнда** ‘плетеная ловушка для ловли крупной рыбы, например стерляди’, **мóрда** ‘рыболовный снаряд, представляющий собой конусообразную корзину, плетенную из хвороста или чакана’, **кубáрь** ‘рыболовная снасть, плетенная из тонких прутьев ловушка в виде

воронки с небольшим лазом для рыбы, для ловли в зимнее время’, *разінька* ‘воронкообразная плетеная ловушка с широким отверстием, используется зимой для рыбной ловли на запрудах в местах с сильным течением воды’, *наретó* ‘сплетенная из ивовых прутьев ловушка для рыбы без выхода, в виде мешка с заведенным вовнутрь отверстием, то же, что и морда’, *вёрша* / *вёрш* ‘снасть из прутьев для ловли рыбы’, *сўрна* ‘берестяная плетеная ловушка для рыбы’. Реже в группе наименований плетеных снастей отмечаются наименования иных рыболовных снарядов, например: *кужан* ‘снасть из прутьев для нанизывания пойманной рыбы’.

См. описания плетеных ловушек: *Вёрш* делают из талóв, плетут как корзину, связываются она сверху, внутри отверстие, как у битончика. В него рыбы взойдут и никак не выйдут (с. Утёвка Нефтегорского р-на). *Мóрда* — это цилиндр такой, в нем еще цилиндр, поменьше (с. Старый Аманак Похвистневского р-на). *Разінька*, потому что в неё ловится глупая рыба, *разиня* (с. Самовольно-Ивановка Алексеевского р-на).

Очевидно, что плетеные снасти использовались для рыбной ловли в прошлом. Их названия наиболее разнообразны с точки зрения способов словообразования, мотивационных ресурсов и генезиса. Среди них слова с неясной этимологией (*сўрна*) и заимствованные слова (*вáнда*, *мóрда*), которые, по данным СРНГ, в большей мере характерны для севернорусских говоров. Лексема *наретó*, которая зафиксирована в СРНГ с указанием на калужские (жиздринские) и рязанские говоры (СРНГ 20: 124), отмечена в ульяновских говорах в варианте *нерёта*, мн. ‘рыболовная снасть’ [Барашков 1977: 58], а в костромских говорах — *нарóта* ‘верша’ (Ганцовская 2015: 229). Объединяет их то, что все они, различные по происхождению и ареальным характеристикам, бытуют в говорах бассейна реки Волги, будучи вариантами наименований сходных реалий.

4. Наименования крючковых орудий лова

Ловля рыбы на крючок практикуется сельскими жителями самарского края повсеместно при наличии любого водоема.

Кроме традиционной удочки, используются *самолóвка* ‘крючковое орудие рыбной ловли’, *резíнка* ‘рыболовный крючковой снаряд, в котором вместо лески используется резинка’, *закиду́шка* ‘рыболовная снасть: длинная леска с несколькими крючками’ и др. См. описания таких снарядов:

Жерли́ца, ж. Снасть для ловли хищных рыб. *Жерлица* — это снасть ловить щуку и других хищных рыб. На роготульку наматывалась леска, крючок и сигнальный флажок (Пестр.). *Жёрлица*, ж. У меня жёрлица вон, могу показать. Это вот старого образца жёрлица, а это поводок из проволоки, чтоб щука не перекусила леску, а это флажок (с. Преполовенка Безенчукского р-на).

Кивóчек, м. Закидная удочка без поплавка. Я лески привёз, он палку взял, два жердочка забил, леску мне намотал, на конце — пружинку, составил кивóчек, и пошли под фабрику [ловить рыбу] (с. Преполовенка Безенчукского р-на).

Метла́, ж. Самоловная крючковая снасть. Вот запрещенное орудие — метла: на леску несколько крючков навязывают с гру́зилами, и вот када рыбы много, дёргают, и обязательно подсекают — это метла, это запрещенная (с. Преполовенка Безенчукского р-на).

Разновидности удочки в словаре самарских говоров представлены лексемами *киво́к* / *киво́чек* ‘удочка без поплавка’, *до́нка* ‘донная удочка’, *живицо́вка* ‘удочка для ловли на живца’ и др. Наименования частей крючковых снастей: *зая́брина*, *зу́барь*, *зы́брик* ‘острый выступ на жале рыболовного крючка’, *жи́лка* ‘леска’, *поводо́к* ‘леска для подвязывания крючков к переметам и жерлицам’, *хре́бти́на*, *тетива́* ‘длинная леска, к которой прикрепляют крючки’, *пула́*, *ша́шка* ‘поплавок’, *болве́рка*, *га́рба* ‘деревянный поплавок’, *сило́к*, *уда́вка* ‘петля для крепления крючка’ и др. Как видим, в данной лексико-грамматической группе развита вариативность диалектных лексем.

В лексике рыболовства отмечены и другие лексико-семантические группы: наименования периодов рыболовства, действий, связанных с рыбной ловлей, продукции

рыболовецкого промысла, но они малочисленны и представлены единичными диалектными лексемами.

Подведем итоги.

В лексике рыболовства самарских говоров сохраняется система специфических диалектных наименований реалий, связанных с ситуацией рыбной ловли. Основными признаками региональной терминологической системы рыболовства служат следующие разряды наименований:

1) лексические единицы и сочетания, тождественные по терминологическому значению соответствующим единицам литературного языка: *лещ*, *вьюн*, *вентерь*, *невод*, *поплавок*, *блесна*, *подсекать*, *окунёвый* и др.;

2) используемые в литературном языке в качестве специальных обозначений общенародные слова, имеющие в диалектной терминосистеме рыболовства отличия в плане содержания: *силёк* 'петля для крепления крючка', *долотё* 'часть сетной ловушки, заведенная внутрь между обручами', *вёжжиси* 'толстые веревки, за которые вытягивают охан (невод)', *нарёт* 'время, когда рыба мечет икру', *поводок* 'леска для подвешивания крючков к жерлице', *челнок* 'молодь щуки' и др.;

3) диалектные термины сферы рыболовства, связанные с общенародными словами отношениями производности: *крылёна* 'сетная ловушка с крыльями', *сторожок* 'сигнальная принадлежность плавной сети', *забор* 'рыбозаградительное сооружение, которым рыбаки перегораживают реку, водоём', *урёз* 'край сетного полотна', *жivéдь* 'наживка', *полосатик* 'полосатая рыба окунь' и др.;

4) термины рыболовства, образованные от устаревших, разговорных и просторечных слов русского языка: *жерелё* 'вход в сетный мешок невода', *хреbtйна* 'длинная леска, к которой прикрепляют крючки', *разынка*, *сопьяк* и др.;

5) диалектные слова, зафиксированные в других терминосистемах самарских говоров со значением, отличным от сферы рыболовства, ср. например, лексемы *кобылка* 'удилище' и 'часть сохи', 'приспособление у плуга'; *бастрик* 'колышек, к которому прикрепляется рыболовная снасть' (*бастричок*)

и 'жердь, которой скрепляют укладку снопов на возу, солому при хранении и перевозке'; *крьга* 'рыболовная снасть вроде сачка, состоящая из двух рамок, обтянутых сетью' и 'вощина'; *вёрша* 'плетеная ловушка для рыбы' и 'накладка, которой закрепляют стог сена'; *кбмель* 'жердь или кол, к которым крепятся края бредня' и 'нижняя часть снопа'; *шбшка* 'поплавок рыболовной снасти' и 'деталь прялки' и др.

Таким образом, на материале диалектной лексики рыболовства обнаруживается многообразие системных связей как внутриязыкового, так и внеязыкового характера, причем системные отношения лексического уровня просматриваются в говорах вторичных, преимущественно позднепереселенческих. Учитывая активность языковых процессов в говорах территорий позднего заселения и усилившееся влияние литературного языка, можно предполагать, что сложившиеся внутренние и внешние системные связи в лексике рыболовства являются основным фактором её сохранения.

Для вторичных самарских говоров, различных по генезису и времени образования, характерно сочетание лексем, объединяющих их терминологию рыболовства как с окающими владимирско-поволжскими, так и с акающими южнорусскими говорами Поволжья, а также с аналогичными лексическими пластами других народов этого многонационального региона.

Литература

Барашков В. Ф. Русские говоры Ульяновской области. Пособие по краеведению. Ульяновск, 1977. 78 с.

Батырева Л. П. Синонимия названий рыб в говорах Ивановской области // Лексический атлас русских народных говоров 1994: тезисы докладов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 66–67.

Герд А. С., Корнев А. И., Рускова М. П. Русские названия рыб // Из истории слов и словарей. Л., 1963. С. 29–36.

Дубман Э. Л. Рыболовные промыслы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI — первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. С. 114–120.

Дубман Э. Л. Рыболовство в хозяйственной деятельности сельского населения Южного Средневолжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник СамГУ. 2012. № 8/2 (99). С. 53–61.

Крапивина М. С. Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 13 с.

Куйдина Е. П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 24 с.

Мызникова Я. В. Севернорусский компонент в рыболовецкой лексике русских говоров Ульяновской области // Севернорусские говоры. Вып. 16: Межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 96–106.

Олесова Н. Г. Названия орудий лова в говорах камчадалов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 1 (9). С. 153–165.

Раков Г. А. Лексика ситуации «Рыбная ловля» в нарымском говоре // Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения. Кемерово, 1985. С. 105–110.

The vocabulary of fishing in the dialects of the Samara region

Tat'yana E. Bazhenova

Samara State University of Social
Sciences and Education

The article describes the vocabulary of fishing, collected in the villages of the Samara region. The problem of systematic lexicographical description of one of the most archaic thematic groups inside the dialectal vocabulary of the Volga region is considered. It is noted that the vocabulary of folk crafts and traditional occupations of rural inhabitants is notable for its semantic capacity and wide range of variation. The dictionary materials presented in the article pay special attention to thematic classification of the units of fishing vocabulary in accordance with its extralinguistic features. The conclusion is drawn that this fragment of the regional dictionary gives better ideas of the historical and cultural

landscape of the Samara Volga region. The current investigation involves culturological data revealed during the analysis of the dialect language which allows us to create an empirical basis for the description of the peculiar features of mentality of dialect speakers.

Key words: Russian dialects, Middle Volga river region, dialectal vocabulary, thematic group, fishing vocabulary.

References

Barashkov V. F. Russkie govory Ulyanovskoj oblasti [The Russian dialects of the Ulyanovsk region]. Posobie po kraevedeniyu [A handbook of regional studies]. Ulyanovsk, 1977. 78 p.

Batyreva L. P. Sinonimiya nazvanij ryb v govorah Ivanovskoj oblasti [Synonymy of fish names in the dialects of the Ivanovo region] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov 1994 [Lexical atlas of Russian folk dialects 1994]: tezisy dokladov. SPb.: ILI RAN, 1994. Pp. 66–67.

Gerd A. S., Kornev A. I., Ruskova M. P. Russkie nazvaniya ryb [Russian fish names] // Iz istorii slov i slovarj [From the history of words and dictionaries]. L., 1963. Pp. 29–36.

Dubman E. L. Rybolovnye promysly [Fishing] // Istoriya Samar-skogo Povolzh'ya s drevnejshih vremen do nashih dnei. XVI — pervaya polovina XIX veka [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. The 16th — the first half of the 19th century]. M.: Nauka, 2000. Pp.114–120.

Dubman E. L. Rybolovstvo v hozyajstvennoj deyatel'nosti sel'skogo naseleniya YUzhnogo Srednevolzh'ya na rubezhe XVII–XVIII vv. [Fishing in the economic activity of the rural population of the Southern Middle Volga at the turn of the 18th century] // Vestnik SamGU [Bulletin of SamSU]. 2012. № 8/2 (99). Pp. 53–61.

Krapivina M. S. Leksiko-semanticheskoe pole «Rybolovstvo» v don-skih kazach'ih govorah [The lexico-semantic field of “Fishing” in Don Cossack dialects]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012. 13 p.

Kujdina E. P. Ihtiologicheskaya leksika voronezhskih govorov [Ichthyological vocabulary of the Voronezh dialects]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012. 24 p.

Myznikova YA. V. Severnorusskij komponent v ryboloveckoj leksike russkih govorov Ulyanovskoj oblasti [The North Russian component in the fishing vocabulary of the Russian dialects of the Ulyanovsk region] // Severnorusskie govory [North Russian dialects]. Issue 16: Mezhvuz. sb. / otv. red. A. S. Gerd, E. V. Purickaya. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 96–106.

Olesova N. G. Nazvaniya orudij lova v govorah kamchadalov [Names of fishing gears in Kamchadal dialects] // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [Social Sciences and Humanities in the Far East]. 2006. № 1 (9). Pp. 153–165.

Rakov G. A. Leksika situacii «Rybnaya lovlya» v narymskom govore [The vocabulary of the situation of fishing in the Narym dialect] // Leksika i frazeologiya govorov territorij pozdnego zaseleniya [Vocabulary and phraseology of the dialects of the late settlement territories]. Kemerovo, 1985. Pp.105–110.

Архив
Диалектологического атласа
русского языка (1937–1947 гг.)¹:

материалы к словарю говоров Ленинградской области
(Винницкий, Вознесенский, Лодейнопольский,
Пашский, Полавский, Пожеревицкий районы)

Ирина Васильевна Бакланова

Елена Ивановна Съянова

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье представлены пробные статьи к словарю говоров Ленинградской области по рукописным архивным материалам 1937–1947 гг. на основе данных 6 районов Ленинградской области (Винницкий, Вознесенский, Лодейнопольский, Пашский, Полавский, Пожеревицкий районы). В материалах приводятся слова, семантика и форма которых имеют специфические диалектные особенности, единично фиксируются слова, имеющиеся в литературном языке (этнографизмы). В лексикографическом проекте содержится в большей степени бытовая лексика, связанная с крестьянским хозяйством, полеводством, отдельными видами промыслов.

Ключевые слова: архивные рукописные материалы, говоры Ленинградской области (1937–1947), словарные статьи, бытовая лексика, собственно лексические, лексико-словообразовательные, фонематические, семантические диалектизмы.

¹ Рукописные материалы, хранящиеся в архиве ИЛИ РАН, отражают начало работы Академии наук СССР (Институт языка и мышления имени академика Н.Я. Марра) по собиранию данных для составления диалектологического атласа русского языка. Диалектологические экспедиции проходили с 1937 по 1947 гг. Был создан «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» (1936, 1939, 1940 гг.). Именно «Вопросник», разработанный в Институте языка и мышления имени академика Н.Я. Марра, лег в основу «Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», учрежденной на конференции 1944 г. в Вологде (Программа ДАРЯ 1945).

Представленные материалы являются первой попыткой лексикографической обработки рукописного архива Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)². Экспедиционные материалы относятся к 1936–1947 гг. Работа по сбору данных для диалектологического атласа русского языка началась в середине 30-х гг. и была прервана Великой Отечественной войной.

Говоры Ленинградской области в основном относятся к Олонецкой (наряду с говорами Вологодской и Архангельской областей, а также Карельской АССР) и Новгородской (охватывающей территории б. Новгородской и Петербургской губерний) группам [Русская диалектология 1990]. Административно-территориальное устройство губернии-области за годы советской власти подвергалось неоднократным крупным преобразованиям.

В статье авторы взяли за основу данные, собранные на территории шести районов Ленинградской области (1936–1947 гг.) — Винницкого, Вознесенского, Лодейнопольского, Пашского, Полавского, Пожеревицкого.

В материалах приводятся слова, семантика и форма которых имеют специфические диалектные особенности, единично фиксируются слова, имеющиеся в литературном языке (этнографизмы).

В рукописях содержится в большей степени бытовая лексика, связанная с крестьянским хозяйством, полеводством, отдельными видами промыслов.

В лексике, представленной в данном лексикографическом проекте, можно выделить следующие группы диалектных слов: собственно лексические (*взды́нуть*, *сов.*, *перех.* 'поднять вверх; приподнять'), *вй́ца*, *ж.* 'часть сохи — прут, скрепляющий оглоблю с основой', *влонй́*, *нареч.* 'в прошлом году', 'давно', *вя́кать*, *вя́нгатъ*, *вяч́ать*, *несов.*, *неперех.*

² Коллектив сотрудников Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН (И. В. Бакланова, Е. В. Колосько, О. Н. Крылова, Е. И. Сьянова) в настоящее время работает над созданием «Словаря русских говоров Ленинградской области (1936–1947 гг.)» на основе рукописных материалов 1936–1947 гг.

‘мяукать’, *натина*, ж. ‘ботва свеклы, брюквы, моркови’, *мўскорный*, ая, ое ‘брезгливый’, *мўсоко*, безл. сказ. ‘скучно, тоскливо’), лексико-словообразовательные (*баенный*, ая, ое ‘банный’, *болька*, ж. ‘больное место, рана, болячка; короста’, *петун*, м. ‘петух’), фонематические (*штраховка*, ж. ‘страховка’, *шкатурка*, ж. ‘шкатулка’), семантические (*баран* ‘одна из рукоятей сохи’, *вспыхнуть*, сов., *неперех.* ‘отдохнуть’, *впахать*, сов., *перех.* ‘подмести (пол)’, *манить*, несов., *перех.* ‘обманывать, лгать’, *матица*, *матка*, ж. ‘рукоятка молотильного цепа’, *молочник*, м. ‘жеребенок по первому году’, ‘годовалый жеребенок’, *ширинка*, ж. ‘шеренга’) диалектизмы.

Лексические данные проекта могут быть использованы как дополнительный материал к «Словарю русских народных говоров». В них содержатся слова, не зафиксированные в сводном лексикографическом труде (*баги-баги*, *междом.* ‘слово, которым подзывают овец’, *баран*, м. ‘одна из рукоятей сохи’, *ботать*, несов., *перех.* ‘бодать (о корове)’, *вяклина*, ж., *собир.* ‘стебли гороха, свеклы, моркови’ и другие). Данные могут служить для уточнения ареала функционирования той или иной единицы, а также их значений. Например: *батоб* ‘палка’ в СРНГ имеет только следующие географические пометы — Волог., Олон., Арх., Новг., Смол., Тамб., Курск., Перм., Урал., Сиб. (СРНГ 2: 144); *зоготать*, несов., *неперех.* ‘ржать (о лошади)’ в СРНГ приводится с пометами Челяб., Оренб., Куйбыш., Ворон., Курск., Орл., Тул., Калуж., Твер., Новг. (СРНГ 6: 265); слово *вачуги*, мн. (*ед. вачуга*, ж.) ‘холщовые рукавицы’, ‘холщовые рукавицы, надеваемые поверх шерстяных варежек’ в СРНГ имеет оттенки значения ‘рукавицы’ (Арх., Олон.), ‘суконные или вязанные из шерсти рукавицы’ (Арх., Олон., Астрах.), ‘холщовые рукавицы’ (Новг., Тихв.), ‘суконные или шерстяные рукавицы, обшитые сверху кожей’ (Арх.), ‘рукавицы, у которых сукно на ладони, а сверху кожа’ (Арх.), ‘рабочие рукавицы из парусины, надеваемые поверх варежек’ (Ленингр.) (СРНГ 4: 78); *рассказаться*, сов. ‘рассказать, поведать о ком-л.,

чем-л. ' в СРНГ имеет помету Север. (СРНГ 34: 209–210). Ср. *водоно́с*, м. 'деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер на плечах; коромысло' в приведенных материалах и 'жердь с прицепом (привешенной палкой) для ношения ушатов с водой (носят два человека)' (Слов. Акад. 1806–1822. Моск., Калуж., Горьк., Пенз., Тул., Орл., Ряз., Арх., Петерб., Яросл., Калин., Смол.) (СРНГ 4: 343).

Структура материалов основана на алфавитном расположении заголовочных слов. Буквы *e* и *ё* различаются.

В одной словарной статье разрабатываются варианты, отражающие твердость/мягкость согласной фонемы, с *a* – *o* в безударной позиции, акцентологические варианты.

Варианты даются внутри словарной статьи за знаком □.

Омонимы разрабатываются в разных словарных статьях.

Грамматическая характеристика слов подается в рамках традиций «Словаря русских народных говоров».

Грамматическая и лексическая сочетаемость слова приводится за знаком ◊.

Иллюстрации располагаются в хронологическом порядке.

Каждая описываемая единица сопровождается точным указанием на район и населенный пункт (деревня и т.п.). После географической характеристики через запятую обозначается год записи (при наличии необходимых данных в архиве).

В иллюстрациях применяется так называемая упрощенная транскрипция (цитаты приводятся в соответствии с записями, отображенными в рукописных материалах).

А

Армй́к, м. То же, что армяк. *Армик есь, носили*. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Армя́к, м. Верхняя мужская долгополая (распашная прямого покроя) одежда из грубой (домотканой) ткани с большим воротником. Паш., д. Спирово, 1937. *Армяки носили*. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. *Армяк теперь не шьют, вместо него кафтан*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. *Армяк долгой, чёрный из сукна, поверх*

шубы в осеннее время. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939. Паш., д. Медведково, 1945.

Б

Ба́ги-ба́ги, *междом.* Слово, которым подзывают овец. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Ба́енный, ая, ое. Относящийся к бане, расположенный рядом с ней; банный. *Возьми верёвочка — на баенный колодец сходи.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Ба́йна и ба́йня, ж. Баня. □ *Ба́йна.* *Надо иттить топить байну.* Паш., д. Медведково, 1945. □ *Ба́йня.* *Топить байню.* Полав., д. Дворец, 1940.

Ба́ня-ба́ня, *междом.* То же, что баги-баги. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Ба́ран, м. Одна из рукоятей сохи. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Ба́сенький, ая, ое и **ба́сенькой**, ая, ое. Уменьш.-ласк. к баской. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ба́ско, *нареч.* Красиво. Паш., д. Медведково, 1945.

Баско́й, а́я, о́е. Красивый, нарядный. Паш., д. Спирово, 1937. *Баской слышал — мало говорят.* Лодейноп., д. Болото, 1939. *Топерь уж не говорят баской.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Баской — хорошой. Красиво.* Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Верхняя и Средняя Каномы, 1939. *Ситец баской.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Ба́ся-ба́ся, *междом.* То же, что баги-баги. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Ба́тог, м. Палка. *Така палка сажёная.* Паш., д. Спирово, 1937.

Баш-баш, *междом.* То же, что баги-баги. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ба́ша-ба́ша, *междом.* То же, что баги-баги. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Ба́ши-ба́ши, *междом.* То же, что баги-баги. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Каномы, 1939.

Бéлый, ая, ое. 1. *Бéлая, ж.*, в знач. сущ. Пшеница (?). *Вот я шёл полям, у их белая, хорошая, ровно сияна. Шли по полосам.* Вознесен., д. Посад, 1937.

2. *Бéлый двор.* Место у дома (?). Паш., д. Медведково, 1945.

Берёжая. Жеребая (о кобыле). Паш., д. Спирово, 1937. *Бережа по-старинному называли, а теперь уж называют жерёба.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Берёзовка, ж. Белка обыкновенная в зимний период, когда мех становится более высоким, пушистым, мягким, а окрас приобретает серый или черный оттенок, иногда с коричневыми вкраплениями (в речи охотников). *Берёзовка: светлее ольховки, шерсть долганьска.* Паш., д. Спирово, 1937.

Близь, предлог с род. п. Около, возле; у. *Подле горы и лизь горы. + Близь деревни.* Полав., д. Дворец, 1940.

Бляять, несов., *неперех.* Бляеть (об овце). Лодейноп., д. Болото, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. *Бляёт.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Бóлька, ж. Большое место, рана, болячка; короста. *Расколупал, где бóлька.* Полав., д. Дворец, 1940.

Боронóвывать, несов., *перех.* Боронить. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ботáть, несов., *перех.* Бодать (о корове). Лодейноп., д. Имоченицы, д. Средние Мандроги, 1939.

Ботáться, несов. Бодаться (о корове). *Ботается корова.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Шоткуса, 1939.

Ботúнча, ж. «Бодливая корова». Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Бóша, м. Баран. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

В

Валёк, м. Часть плуга — поперечная палка, которая прикрепляется к дышлу. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939. *Лемеш — нос, крыло, дышло, валёк к дышлу прицепляется, нож — ножик плужный.* Полав., д. Дворец, 1940.

Ва́чуги, *мн.* (*ед. ва́чуга, жс.*). Холщовые рукавицы. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939. ♦ Холщовые рукавицы, надеваемые поверх шерстяных варежек. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Верёх, *м.* 1. Верх. Паш., д. Медведково, 1945.

2. Высокое место; возвышенность. *Ён пошёл косить на верёх — говоря.* Паш., д. Спирово, 1937.

Вехо́тка, *жс.* Тряпка для различных хозяйственных надобностей (мытья посуды и т.п.). Паш., д. Медведково, 1945.

Вёснўсь, *нареч.* Весной. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Средние Мандроги, 1939.

Взды́нуть, *сов., перех.* Поднять вверх; приподнять. *А ён сиби сам думает: клась их в мешок, могу ли я вздынуть их? — Давай попробую.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Виска́, *мн.* Волосы на голове. Вознесен., д. Посад, 1937.

Вискі́, *мн.* То же, что виска. *Виски посивели.* Полав., д. Дворец, 1940.

Ві́хор, *м.* Сильный ветер, вихрь. Полав., д. Дворец, 1940.

Ви́ца, *жс.* Часть сохи — прут, скрепляющий оглоблю с осевой. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939.

Ви́це, *ср., собир.* То же, что вица. *У сохи вице естя да, плотье естя.* Вознесен., Большая Пустошь, 1937.

Влоні́, *нареч.* 1. В прошлом году. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, 1939.

2. Давно. Паш., д. Медведково, 1945.

Водонóс, *м.* Деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер на плечах; коромысло. Лодейноп., д. Болото, 1939. *Водонос — ведрам на плечи.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Вóлок, *м.* Заливной луг. Паш., д. Спирово, 1937.

Волочў́га, *жс.* Небольшой воз (сена, дров и т.п.). Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги,

д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Волочужка, *ж.* То же, что волочуга. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. Полав., д. Дворец, 1940.

Вспы́хнуть, *сов., неперех.* Отдохнуть. *Пусть лошадь вспыхне.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. *Также говорят, вспыхнем.* Лодейноп., д. Новая слобода, 1939. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Вы́клясться, *сов.* Снесться (о домашних птицах). *Самоседка — которая выкладется и сядет, цыплятница — которая с цыплятам.* Полав., д. Дворец, 1940.

Вы́пахать, *сов., перех.* Подмести (пол). *Молоды теперь подметат. Слышал: выпашаи пол.* Лодейноп., д. Болото, 1939. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Вы́пряг, *м.* Перерыв в работе (обычно с освобождением от упряжи лошадей для кормления). Пожереv., д. Поречье, 1941.

Вы́стать, *сов., неперех.* Встать после сна. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Вязи́я, *ж.* Непроходимое, топкое место (на болоте). Винниц., д. Артюшино, 1937.

Вязь, *ж.* То же, что вязия. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Вя́кать, *несов., неперех.* Мяукать (о кошке). Пожереv., д. Поречье, 1941.

Вя́клина, *ж., собир.* Стебли гороха, свеклы, моркови и т. п. Паш., д. Спирово, 1937.

Вя́нгать, *несов., неперех.* То же, что вякать. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Вяча́ть, *несов., неперех.* То же, что вякать. Полав., д. Дворец, 1940.

Г

Гогота́ть, *несов., неперех.* Ржать (о лошади). Полав., д. Дворец, 1940.

Годови́к, *м.* Жеребенок по первому году. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Годовичо́к, *м.* Уменьш.-ласк. к годовик. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Головёночки, *мн.* Ласк. Головни, головешки. *Дви головёночки.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Горáзд, *нареч.* Очень, сильно. *Не горазд хочет.* Поже-ревицк., д. Поречье, 1941.

Горáзно, *нареч.* То же, что горазд. Паш., д. Спи-рово, 1937. *Горазно большие болота. Ордам называют. Таки места есть — кол пехаеш, так туды да дна уйде.* Вознесен., д. Посад, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Гумбарицы, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. *Ой, бабы, скоро и прошли горазно.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Горготáть, *несов.* То же, что гоготать. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса 1939.

Горóховина, *жс., собир.* Стебли гороха. Полав., д. Дворец, 1940.

Горóховица, *жс., собир.* То же, что гороховина. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Гребёнка, *жс.* Приспособление у плуга для регулирования ширины и глубины вспашки. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Гумкaть, *несов., неперех.* Лаять (о собаке). Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Гусь-гусь, *междом.* Слово, которым отгоняют свиней. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Д

Дельни́цы, *мн.* *Дельницы.* Шерстяные варежки. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. ♦ *Дельни́цы.* Разновидность варежек из материи или шерсти. Паш., д. Спирово, 1937.

Дельни́чки, *мн.* Уменьш.-ласк. к дельницы. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Дёницы и **дёницы**, *мн.* То же, что дельницы. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. □ *Дени́цы.* Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Денічки, *мн.* То же, что дельницы. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Дербинá, *ж.* Не подвергавшаяся обработке, никогда не паханная земля; целина. Полав., д. Дворец, 1940.

Деревніошка, *ж.* Ласк. Небольшая деревня. *Парень-то с тэй деревнюшки.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Дивья́, *безл. сказ.* Хорошо, замечательно. *Кабы вас не было, так дивья было б жить. А с вам только мученья одного* (обращение к внукам). Вознесен., д. Посад, 1937. *Топерь дивья молодёжи.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Дйга-дйга, *междом.* Слово, которым подзывают гусей. Полав., д. Дворец, 1940.

Долганьский, *ая, ое.* Длинный. *Берёзовка (белка): светлее ольховки, шерсть долганьска.* Паш., д. Спиново, 1937.

Долóнь, *ж.* Площадка для молотбы. *Все больше долонь старые люди говорят.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Дума, *ж.* Несколько человек; группа. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. \diamond *Добывают думой.* *Приздынули трешкот.* *Этот сельый трешкот потом добывали думой.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Дуть, *несов., перех.* Бить. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Дяльницы, *мн.* То же, что дельницы. Лодейноп., д. Болото, д. Шоткуса, 1939.

Дянки, *мн.* То же, что дельницы. *Дянки с овечьей шерсти.* Полав., д. Дворец, 1940. \square **Дьянки.** Пожерева., д. Речь, 1941.

Е

Евóнный, *ая, ое.* Принадлежащий ему; его. *Первый дом евонный, после евонного дома еще изобка, теперь там живет.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Едóмый, *ая, ое.* Съедобный. *У нас лесная птица, которая едомая, эту кушать можно.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Ейный, *ая, ое.* Принадлежащий ей; ее. *Ейный отец.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Ж

Жагьё, *ср.* 1. Уборка хлеба; жатва. Вознесен., д. Посад, 1937.

2. Время жатвы. *Вот сейчас приде жатгьё — надо на жатгьё людей. Земля-то оброботать надо, а сил-то нету.* Вознесен., д. Посад, 1937. Паш., д. Спирово, 1937.

Жердьё, *ср., собир.* Жерди, которыми перекрывают проход в загоне (для лошадей). *Некоторые (лошади) зубамы отворяют. Жердьё лопнувшее.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Жерёдочка, *ж. Ласк.* Жердь. *Изгорода — поставя там жерёдочки, дак это тын.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Жерёдь, *ж.* Жердь. *Завора раньше, теперь жереть.* Лодейноп., д. Болото, 1939. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Жйтний, *яя, ее.* Ячменный (?). *Сена коням хватае. Солома пшеишна, жытня, офсяна.* Винниц., д. Артюшино, 1937.

Жйто, *ср.* Ячмень. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939. *Жито раньше все называли, ячмень теперь.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Жниё, *ср.* То же, что жатгьё (в 1-м знач.). Паш., д. Спирово, 1937.

Журавина, *ж.* Клюква. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

З

Завора, *ж.* Поперечная жердь для закрытия прохода в изгороди. Лодейноп., д. Болото, д. Средние Мандроги, 1939.

Загорóдка, *ж.* Отгороженное место в конюшне, хлеву для одной лошади или одной коровы; стойло. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Задворёнка, *ж. Фольк.* Женщина, живущая на задворках. *Как у матушки да у задворёнки были детушки ну очень милыи.* Лодейноп., д. Вязикиничи.

Заквокта́ть, *сов., неперех.* Начать клохтать, кудахтать, садясь на яйца (о курице). *Хоть бы квыкнула, ёна все кладется, кладется, еще вторая завоктала.* Полав., д. Дворец, 1940.

Закла́дка, *ж.* Жердь, которой закладывают, загораживают ворота, проезд в изгороди. Пожерев., д. Поречье, 1941.

Зако́лина, *ж.* Укладка сена между двумя вертикальными кольями или жердями. Винниц., д. Артюшино, 1937. *Зарод — две-три заколины.* Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, 1939. *Зарот состоит из нескольких заколин.* Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Заку́рка, *ж.* Кратковременный перерыв для отдыха в течение длительной тяжелой работы. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Заку́рочка, *ж.* То же, что закурка. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Зало́га, *ж.* То же, что закурка. Винниц., д. Артюшино, 1937. Паш., д. Спиrosso, 1937. *Отдых — залога. Давай позалогуюем посидим четверть часа.* Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945. ♦ Перерыв на еду и отдых. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. *Они были на залоге.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. Лодейноп., д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. || Перерыв для отдыха на лесных и речных работах. *На реках, на лесах залога называется отдых. В свободное время так оно и есть свободное время.* Полав., д. Дворец, 1940.

Зало́говать, *несов., неперех.* Отдыхать. *Много работавши, ну, говори: надо залоговать.* Паш., д. Спиrosso, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Средние Мандроги, д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Запе́рхать, *сов., неперх., безл.* Об ощущении зуда, щекотания (в горле). *В горле заперхало.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Запо́лёк, *м.* Место, где кончается поле или луг и начинается лес. Паш., д. Спиrosso, 1937. || Прилегающая к лесу наиболее отдаленная от деревни часть поля. Паш., д. Спиrosso, 1937.

Започи́нивать, *несов., перех.* Накладывать заплатку. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Зарога́чник, м. Рукоятка сохи. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Заро́д, м. Длинный стог сена; скирд. *Зарод сена*. Паш., д. Спиrowo, 1937. *Сено убирали в себре, складывали зарод*. Винниц., д. Артюшино, 1937. *Зарод — две-три заколины*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Имоченицы, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939. Паш., д. Медведково, 1945.

Заря́ндить, сов., *неперех.*, безл. О наступлении ненастной погоды. *Ой зарядило, ряндь*. Вознесен., д. Посад, 1937.

Засвербе́ть, сов., *неперех.*, безл. О половом влечении к кому-л. *Засвербело*. Паш., д. Спиrowo, 1937.

За́совня, ж. Толстая длинная жердь, которую закладывают в изгороди, воротах и т. п. Паш., д. Спиrowo, 1937.

Зачини́ть, сов., *перех.* Зашить, наложив заплатку; починить. *Заплата, зачинить*. Полав., д. Дворец, 1940.

Збуда́ть, сов., *перех.* Забудать. *Збудала корова*. Лодейноп., д. Малая Будогощь, 1939.

Зе́ль, ж. Весенние всходы ржи и пшеницы. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Земляни́кй, мн. Часть сохи — два крестообразно сложенных железных стержня, толстых прута или веревки, соединяющие нижнюю часть рассохи с оглоблями. *Соха: плотина, или лукоть, потом к ней приделывалось два железных лемеша, к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжи, ручки, соединенные с ручками две обжи, присох. Обжи, они к ручкам были присоединены, обжи с ручкам присоединялись к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи*. Полав., д. Дворец, 1940.

Зиму́сь, нареч. Зимой. *Он зимусь и женатый?* Вознесен., 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939. Паш., д. Медведково, 1945.

Зиму́шнее, ср. Зимнее время; зима. *Он зимусь и женатый?* — Нет, ещё до зимушнего. Вознесен., д. Посад, 1937.

Зо́риться, несов. Созревая, наполняться соком, наливать (о зерне). *Хлеб зорится*. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Зю́рья-зю́рья, *междом.* Слово, которым подзывают свиней. Полав., д. Дворец, 1940.

И

Игрища [удар.?), *мн.* Народные гуляния (обычно с танцами, играми и т.п.). *Не караводы, а игрища бывали.* Лодейноп., д. Болото, 1939.

Идти́ть, *несов., неперех.* Идти. *Нам ночью иттить караулить.* Полав., д. Дворец, 1940. *Надо иттить топить байну.* Паш., д. Медведково, 1945.

Изгору́да, *ж.* 1. Изгородь. *Изгорода – поставя там жерёдочки, дак это тын.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канона, 1939. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Новая слобода, 1939. ◊ **Косая изгору́да.** *Говорят, изгорода прямая или косая.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. ◊ **Прямая изгору́да.** Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. ◊ **Худая изгору́да.** Забор из тонких жердей. *В деревне тына нет, обычно смеются над такой плохой изгородью: худая изгорода – тын-то выставили! На другой день и паде.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

2. Огороженное место в поле для скота. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Издво́рок, *м.* Приусадебный участок (сад и огород). Пожереv., д. Поречье, 1941.

Изоб́ка, *ж.* Небольшая изба; избушка. *Первый дом евонный, после евонного дома еще изобка, теперь там живет.* Полав., д. Дворец, 1940.

Има́ть, *несов., перех.* Брать, ловить. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939

Има́ться, *несов.* **Има́ться за кого-л.** Братся, хвататься. *А ты не имайся за меня.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Иргота́ть, *несов.* То же, что гоготать. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Исхо́жа, *ж.* Выгон, пастбище. Паш., д. Медведково, 1945.

К

Кала́ч, *м.* «Охашка, вязанка сена, соломы, льна и т.п.». *Пясь, горось, двадцать пясточек – колач, пятьдесят пясточек – тукачок.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Кáлика, *жс.* Брюква. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Каменьё, *ср., собир.* Камни. *Гораздо каменья, гнила.* Винниц., д. Артюшино, 1937. || Камни, валуны у берега. *Слышим, гармонь играет, шум, а туман. Видим, каменьё.* Паруса сронили, якорь бросили. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Канáбра, *жс.* «Место, поросшее редкой жесткой травой». Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Кáра, *жс.* Овраг. Винниц., д. Артюшино, 1937.

1. Квоктáть, *несов., неперех.* Квакать (о лягушке). *Лягушка квоктала во время весны, рыба теперь будет ловиться.* Полав., д. Дворец, 1940.

2. Квоктáть, *несов., неперех.* Клохтать (о курице, сидящей на яйцах). Полав., д. Дворец, 1940.

Квóхтать, *несов., неперех.* То же, что 2. Квоктать. Паш., д. Медведково, 1945.

Квб́кнуть, *сов., неперех.* Пикнуть, пискнуть. *Хоть бы квыкнула (курица), ёна все кладется, кладется, еще вторая заквоктала.* Полав., д. Дворец, 1940.

Кепéц, *м.* Било молотильного цепа. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939. *Приузь, кепец, ручка, ремень.* Полав., д. Дворец, 1940.

Кéхтать, *несов., перех.* Хотеть, желать. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Класть, *несов., перех.* Помещать, ставить. *Воду-то клало в печь.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939. || Размещать, находить место, помещать. *Лошадей на двор клала. А топерь Петьку клали туда.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Клáсться, *несов.* Нестись (о курице). *Хоть бы квыкнула, ёна все кладется, кладется, еще вторая заквоктала.* Полав., д. Дворец, 1940.

Клёвтун, *м.* Бык, предназначенный для продолжения породы; племенной бык. *Боров; хряк, племенные хряки, или клёвтун.* Полав., д. Дворец, 1940.

Клоч, *м.*, *кλόчья*, *мн.* Бугорок на низменном или болотистом месте, поросший травой или мхом; кочка. *Клоч* — на болоте. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Клúха, *ж.* Курица-наседка. Полав., д. Дворец, 1940.

Клúша, *ж.* То же, что клуха. Пожереv., д. Поречье, 1941. || Курица, которая собирается сесть на яйца. Паш., д. Медведково, 1945.

Князёц, *м.* Гребень крыши; конёк. *Князец* — верхняя балка на крыше. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Ковырьítь, *несов.*, *перех.* Ковыряя, отдирать, отделять. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ковыряítь, *несов.*, *перех.* Пахать неудобную, непригодную для обработки и посева землю, целину. *Соха: плотиво, присох, подгузики, земляники. До сорока почти лет плуги не бывало, все сохам. Сохой ковыряет, когда зарастет пашня.* Полав., д. Дворец, 1940.

Кокотáть, *несов.*, *неперех.* Издавать короткие звуки (о курице). Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939.

Кóленка, *ж.* Молодая корова, телка по второму году. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Колóдечек, *м.* *Фольк. Ласк.* Колодец. *Ой, у кустарника да было у ракитного, у ракитного, ох и у колодечка было у студеного (былина).* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Колупáть, *несов.*, *перех.* Иметь половой акт с кем-л., половые сношения. Паш., д. Спиrowo, 1937.

Колыпáть, *несов.*, *перех.* Таща, извлекать откуда-л. *Колытáть топляки (дрова на реке).* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Кóлькo, *местоим. нареч.* Сколько. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Кóнопли, *мн.* Травянистое однолетнее растение конопля. □ **Кóнопли.** Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. □ **Конóпли.** Полав., д. Дворец, 1940.

Кóпань, *жс.* Поле на месте осушенного болота. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Копня́ть, *несов., неперех.* Стребать, складывать в копны; копнить. *Я только обрал сено худое, хотел копня́ть.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Кóрба, *жс.* «Большой лес». Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

1. Корéц, *м.* Ковш для воды. Паш., д. Спирово, 1937. *Всяко называют, по-старинному-то корец.* Ковшик у нас большинство говорят теперь, есть и карец слово. Лодейноп., д. Болото, 1939. *Ковшик ды и корец, больше все корец.* *Ковшык, кофш, старшие говорят корец.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Прежде кофшык говорили, а теперь корец.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

2. Корéц, *м.* Часть сохи — поперечный брус, укрепленный на рассохе. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Коровóд и каравóд, *м.* Хоровод. □ **Коровóд.** Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. □ **Каравóд.** *Не караводы, а угришиа бывали.* Лодейноп., д. Болото, 1939. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. Полав., д. Дворец, 1940.

Косóля, *жс.* Соха, отваливающая землю только на одну сторону. *Была косуля, плуг узнали при советской власти.* *Сорта плуга не понимали.* Паш., д. Спирово, 1937.

Кра́йчик, *м.* Участок пашни. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Крёст, *м.* Крест. *Свечи зажёг, в одну взял Евангельё, крёс в другую.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Кри́ча, *жс.* Лыдина. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, 1939.

Кри́чина, *жс.* Большая лыдина. Паш., д. Спирово, 1937.

Крыло́, *ср.* Отвал плуга. *Лемеш — нос, крыло, дышло, валёк к дышлу прицепляется, нож — ножик плужный.* Полав., д. Дворец, 1940.

Крыча́ть, *несов., неперех.* То же, что мукать. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Ксе-ксе, *междом.* То же, что гусь-гусь. Полав., д. Дворец, 1940.

Ку́лгача, *ж.* Ворота в изгороди, отделяющей деревню от поля. «Слегами закладываются ворота в кулгачу». Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ку́рандаты, *несов., неперех.* То же, что 1. Квоктать. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Курьба́, *ж.* Метель, пурга. Паш., д. Спирово, 1937.

Кут, *м.* 1. Дальний угол в печке. Паш., д. Спирово, 1937.

2. Задний зуб (у лошади). *Кут у лошади, кутный зуб.* Полав., д. Дворец, 1940.

Кутерьба́, *ж.* То же, что курьба. Паш., д. Спирово, 1937.

Ку́тный, *ая, ое. Ку́тный зуб.* Задний (коренной) зуб (лошади). *Кут у лошади, кутный зуб.* Полав., д. Дворец, 1940.

Кучита́ть, *несов., перех.* Щекотать. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Кы́ркаты, *несов., неперех.* Издавать характерные звуки (о лисе). Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Л

Лагу́н, *м.* Деревянная посуда цилиндрической формы, сделанная из досок, стянутых обручами; кадка, бочка. *Кадка — бондарские бочки лагунам называются и бочкам.* Полав., д. Дворец, 1940.

Ладо́нь, *ж.* Площадка для молотбы. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Леме́ш, *м. Лемеши.* Часть сохи, подрезающая пласт земли снизу; лемех, сошник. *Соха: плотина, или лукоть, потом к ней приделывалось два железных лемеша, к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжи, ручки, соединенные с ручками две обжи, при сох. Обжи, они к ручкам были присоединены, обжи с ручкам*

присоединялись к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи. Полав., д. Дворец, 1940. || **Лемеш**. Такая часть плуга. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939. *Лемеш — нос, крыло, дышло, валёк к дышлу прицепляется, нож — ножик плужный; У плуга: лемеша приспособлены к плугу, дышло, стойка, лемеш — нос, отвал, ножик привинчивается к плугу, резец отдельный есть, ручки.* Полав., д. Дворец, 1940. □ [Удар ?]. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Лётось, нареч. В прошлом году. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. *Летось это было дело.* Полав., д. Дворец, 1940. Пожерева., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945. || Летом. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Средние Мандроги, 1939.

Лётышко, ср. Фольк. Ласк. *Лето. Да с ким, Ваня, прикажёшь Красноё летышко, Ваня, гулять?* (песня). Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Листовняк, м. Ботва свеклы. *Свёклышный листовняк.* Полав., д. Дворец, 1940.

Лістовьё, ср., собир. Листья капусты. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Лог, м. Низкое болотистое место. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ложбина, ж. Овраг. *Овраг — ложбина, используют иногда под пашню.* Лодейноп., д. Шоткуса, 1939. *Овраг называют ложбина, ручьевина.* Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Ложбовина, ж. То же, что лог. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ложговина, ж. То же, что лог. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Лоні, нареч. В прошлом году. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Лонский, ая, бе и лонскóй, ая, ое. «Прошлогодний, годовалый» (о жеребенке). Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. □ **Лонскóй**. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Лонча́к, м. Жеребенок по второму году. Лодейноп., д. Болото, д. Имоченицы, 1939.

Лонша́к и **лоньша́к**, м. То же, что лончак. □ **Лонша́к**. *Лоншак до двух лет, с двух лет жеребенок, или третьяк*. Полав., д. Дворец, 1940. □ **Лоньша́к**. *У нас говоря жеребе́нок, и лоньшак зову. Народ посмеялся — вот всяк и зове*. Паш., д. Спирово, 1937.

Лонши́нка, ж. Ласк. То же, что лончак. Пожерев., д. Поречье, 1941.

Луко́ть, ж. То же, что плотина. *Соха: плотина, или лукоть, потом к ней приделывалось два железных лемеша, к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжи, ручки, соединенные с ручками две обжи, присох. Обжи, они к ручкам были присоединены, обжи с ручкам присоединялись к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи*. Полав., д. Дворец, 1940.

Любчик, м. Возлюбленный. *Уехал вот любчик-то*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

М

Мани́ть, несов., перех. Обманывать, лгать. *Оны-то ёму столько расказалися: — Не мани-ко (не обманывай) ты нас, ох да родной папинька!* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. *Не мани*. Паш., д. Медведково, 1945.

Ма́тица, ж. Рукоятка молотильного цепа. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

1. **Ма́тка**, ж. Курица, которая водит цыплят. Лодейноп., д. Болото, 1939.

2. **Ма́тка**, ж. То же, что матица. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ма́шка-ма́шка, междом. То же, что зюрька-зюрька. Полав., д. Дворец, 1940.

Ме́дяник, м. Ядовитая змея; гадюка. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939.

Мо́лочник, м. То же, что годовик. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. || Годовалый жеребенок. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Мошары́на, *ж.* Мшистый луг (?). Паш., д. Спирово, 1937.

Мо́шник, *м.* Птица глухарь. *У нас лесная птица, мошник, которая едомая, эту кушать можно.* Вознесен., д. Посад, 1937. Лодейноп., д. Вязикиниччи. □ **Мушнѝк**. Паш., д. Спирово, 1937.

Му́кать, *несов., неперех.* Мычать (о корове). Лодейноп., д. Болото, Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Новая слобода, 1939.

Му́скорный, *ая, ое.* Брезгливый. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Му́соко, *безл. сказ.* Скучно, тоскливо. Паш., д. Спирово, 1937. Паш., д. Медведково, 1945.

Мытики [удар.?), *мн.* Свитые древесные или металлические прутья, веревки, скрепляющие основу сохи с оглоблями; подвои. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Мя́вгать, *несов., неперех.* То же, что вякать. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Мяты́на, *ж., собир.* Стебли гороха и огурцов. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Н

Налáживаться, *несов.* Одеваться красиво, нарядно. Паш., д. Медведково, 1945.

Настáвить, *сов., перех.* **Настáвить самовар.** Налить воду в самовар и разжечь уголь в трубе для нагревания воды; поставить самовар. *Иди наставь самовар.* Паш., д. Медведково, 1945.

Натѝна, *ж.* Ботва свеклы, брюквы, моркови. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Недорóсок, *м.* Подросток. *Была недороском.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Непиту́шный, *ая, ое.* Не злоупотребляющий спиртными напитками, не употребляющий спиртных напитков; непьющий. *Хорошей работник некуряшшый, непитушшый.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Нетѝлка, *ж.* То же, что нетель. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. Паш., д. Медведково, 1945.

Нéтель, *ж.* Нетелившаяся корова. Паш., д. Спирово, 1937. *Нетель — на третью траву.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Нетель — нестельная, пока не телится.* Лодейноп., д. Новая слобода, 1939. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Болото, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Нíщий, *м.* Слабый, немощный. *Нищие старики остались на пожни.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Нóнечье, *нареч.* В этом году. *В нашей деревне на одном году два раза горели при моём веку. Мы два раза горели, мальчишка зажёг. Нонечье один дом сгорел.* Полав., д. Дворец, 1940.

Норовля́ться, *несов.* Обычно с *инф.* Собираться сделать что-л.; иметь намерение. *Норовляется лягнуть иль укусить — лягайся* (о коне). Вознесен., д. Посад, 1937.

Носóк, *м.* Режущий конец лемеха у плуга. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Нóчесь, *нареч.* Ночью. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. || *Прошлой ночью. Ночесь болели гораздо.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

О

Обáлка, *ж.* Небольшой воз сена, дров и т.п. Полав., д. Дворец, 1940.

Обáлок, *м.* То же, что обалка. Полав., д. Дворец, 1940.

Обжа, *ж.* Обычно *мн.* Одна из оглобель сохи. *У сохи вице естя да, плотье естя. Да, обжи естя да, присох естя да, розаль естя да.* Вознесен., д. Посад, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Новая слобода, 1939. *Соха: плотина, или лукоть, потом к ней придельвалось два железных лемеша, к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжи, ручки, соединенные с ручками две обжи, присох. Обжи, они к ручкам были присоединены, обжи с ручкам присоединились к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи.* Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Оболок, м. Облако. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Оболоко, ср. Облако. Паш., д. Медведково, 1945.

Оболочно, безл. сказ. Облачно. *Оболочно сёгодня*. Вознесен., д. Посад, 1937.

Обработатъ, сов., *перех.* Выполнить (работу). *Всё время в деревне жил, нигде на сторонах не был, своей работы не обработатъ*. Полав., д. Дворец, 1940.

Обра́тъ, сов., *перех.* Стрести (сено). *Я только обра́л сено худое, хотел копнать*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Обрядиться, сов. Спрятаться. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ови́н, м. Строение для сушки снопов перед молотьюбой. *Овин, рига, разницы нет*. Полав., д. Дворец, 1940.

Оводь, ж. Яровая рожь. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. Паш., д. Медведково, 1945. □ **Обудь**. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Овьдь, ж. То же, что оводь. Паш., д. Медведково, 1945.

Одворок, м. Хлев. *Одворок — теплый двор. Над ним сарай, над сараем мары*. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Однáки, мн. Крестьяне, ведущие отдельное хозяйство, не являющиеся членом сельскохозяйственной артели; единоличники. *Ена уж без мужа не сеет. Они обы крутые. Обы однаки*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Озём, м. Всходы озимых ржи и пшеницы. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Озимь, ж. Всходы озимых культур. Полав., д. Дворец, 1940. || **Озим**. Озимые всходы ржи и пшеницы. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Имоченицы, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939. || Осенние всходы ржи. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Одóнок, м. Стог сена. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Одóнье, ср. То же, что зарод. Полав., д. Дворец, 1940.

Озорóд, м. То же, что одонье. *Озород есть*. Полав., д. Дворец, 1940.

Óкся-óкся, *междом.* То же, что зюрька-зюрька. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ольхóвка, *ж.* Белка обыкновенная в летний период, когда мех становится более жестким, редким и коротким, а окрас приобретает рыжий оттенок (в речи охотников). *Берёзовка: светлее ольховки, шерсть долганьска.* Паш., д. Спирово, 1937.

Омшáра, *ж.* Низкое болотистое место. Полав., д. Дворец, 1940.

Омшарáйна, *ж.* То же, что омшара. Полав., д. Дворец, 1940.

Оногдáсь, *нареч.* На днях, недавно. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Оногдýсь, *нареч.* Давно. Паш., д. Медведково, 1945.

Ономéдни, *нареч.* Два-три дня назад. Лодейноп., д. Болото, д. Гумбарицы, д. Средние Мандроги, 1939. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ономéдь, *нареч.* То же, что ономядь. *Онометь — два-три дня назад.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Онометь — не севодняшний день.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. *Ономядь, ономедь — три дня назад, это старинная поговорка.* Полав., д. Дворец, 1940.

Ономя́дь, *нареч.* На днях, недавно. *Недавно, ономядь.* Полав., д. Дворец, 1940.

Опахáть, *сов., перех.* То же, что выпахать. Лодейноп., д. Болото, д. Шоткуса, 1939.

Ора́ть, *несов., перех.* Пахать. Паш., д. Спирово, 1937. *Орать у нас называлось. Век не пахивала сохой. Говоря — орать.* Лодейноп., д. Болото, 1939. *Далеко ли поеау? — В полё орать! Орать будёшь — тебя заберут!* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. *Орали говорили, а сечас говорим, что пашём.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. *Пока сохам пахали, все орать, теперь это названье потерялось, вообще пахать.* Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Óрды, *мн.* Болота. *Горазно большие болота. Ордам называют. Таки места есть — кол пехаеш, так туды да дна уйде.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Осёдланность, ж. Участок с домом, дворовыми постройками, огородом; усадьба. *Осёдлонность или приусадебный участок с огородом и с домом, 35 сотых и раньше имели, только раньше были без постройки, без прогонов и заулков, а теперь с домом и с постройкам. Усадьба, осёдлоность, на два предмета называлось: усадьба и осёдлоность.* Полав., д. Дворец, 1940.

Осёдлость, ж. То же, что осёдлонность. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Осёк, м. Загон для скота в лесу, сооруженный из грубо переплетенных ветвей деревьев. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Осенёсь, нареч. *Осенёсь.* Осенью. *Осенесь сделал едак.* Лодейноп., д. Болото, 1939. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Средние Мандроги, 1939. || *Осенесь.* Прошлой осенью. Паш., д. Спирово, 1937.

Осённый, ая, ое. Осенний. *Армяк долгой, чёрный из сукна, поверх шубы в осённое время.* Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Отворя́чий, ая, ее. Открытый, распахнутый (об окне и т.п.). *Кольку в отворячее окошко подавают, а кто принимае — не знаю.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

П

Па́лица, ж. Валек для выколачивания белья. *Перст — это в ступе когда толчем, а палица — платье колотили на реке.* Полав., д. Дворец, 1940.

Па́риться, несов. Сидеть на яйцах, высиживая птенцов. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Пару́нья, ж. Курица, которая собирается сесть на яйца. Паш., д. Медведково, 1945.

Пару́ха, ж. То же, что клуха. Паш., д. Спирово, 1937.

Пасть, ж. Мера льняной пряжи. *Горсть, волокно — пасть.* Полав., д. Дворец, 1940.

Паха́ть, несов., перех. Подметать. *Вот пахать избу у нас говорят.* Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Имоченицы, 1939. Полав., д. Дворец,

1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.
|| Стирать со стола. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Пахтаньё, *ср.* Жидкость, остающаяся при сбивании сливочного масла; пахта. *Пахтаньё-то густое.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Пекать, *несов., перех.* **Пекать** квас. Приготовлять, варить (квас). *Теперь уж не пекут квасу, пекали же мы квас.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Пелá, *ж.* Овсяная мякина. Паш., д. Спирово, 1937.

Пепелок, *м.* Ласк. Пепел. *Будто бы он сказал: — До отца здесь всё пепелок будет.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Перепыхнуть, *сов., неперех.* Сделать короткий перерыв в работе; передохнуть. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Перёс, *м.* Палец. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Перестряпаться, *сов.* Вымочить, испачкать ноги. *Перестряпался.* Полав., д. Дворец, 1940.

Перехватка, *ж.* Завтрак. *С перехватки до обеда упряжка, с обеда до ужина вторая упряжка.* Полав., д. Дворец, 1940.

Петун, *м.* Петух. *В Лахту приеду, петуны поют.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. Лодейноп., д. Болото, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. Паш., д. Медведково, 1945.

Пёхнуть, *сов., перех.* Толкнуть. *Поучила ты буквы, понесла обратно ёму эту таблицу. И школьники меня дорогой пёхнули. Ребята и говорят: сломила, гыт, Татьяна, говорит таблицу! Ну как жё ты, гыт, таблицу, говорят, сломила?* Лодейноп., д. Вязикиничи.

Печь, *несов., перех.* **Печь** квас. То же, что пекать. *Теперь уж не пекут квасу, пекали же мы квас.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Пёшом, *нареч.* Пешком. *И вот мы пошли пешом до Олонца, в Ильинско.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Платно, *ср.* Головной платок. Винниц., д. Артюшино, 1937.

Платовье, *ср.* То же, что платно. *Вот оны и завязывают платовьем глаза.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Плотѳвина, жс. То же, что плотина. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Плѳтиво, ср. То же, что плотина. *Соха: плотиvо, присоx, подгузики, земляники. До сорока почти лет плуги не бывало, все сохам. Сохой ковыряет, когда зарастет пашня.* Полав., д. Дворец, 1940.

Плотѳна, жс. Опорная часть сохи — выгнутый деревянный брус с раздвоенным книзу концом, на который насажены сошники. *Соха: плотиvа, или лукотъ, потом к ней приделывалось два железных лемеша, к лукоти, земляники, с земляникам соединяется планка, которая соединяла обжси, ручки, соединенные с ручками две обжси, присоx. Обжси, они к ручкам были присоединены, обжси с ручкам присоединялись к лукоти, к плотине, тут веревочки были, которыми скреплялось все оснащение сохи.* Полав., д. Дворец, 1940.

Плѳтье, ср. То же, что плотина. *У сохи вице естя да, плотье естя. Да, обжсы естя да, присоx естя да, рогаль естя да.* Вознесен., д. Посад, 1937. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Повѳть, жс. «Сарай». Пожереv., д. Поречье, 1941.

Погѳнуть, сов., *неперех.* Погибнуть. *И осталса ѳн один. Я едаково выростила. Без меня погинула бы.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Погѳда, жс. Плохая погода; ненастье (с дождем, снегом, ветром). Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. || Снегопад; метель. Паш., д. Спирово, 1937. *Погода — сегодня снег летит.* Лодейноп., д. Болото, 1939. *Погода — как снег идет.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Погода иде — это снег пойдет. Летом не говорят, што погода.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. *Погода — ветер, доши.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939. *Погода — доши, снег, но говорят и хорошая, полая погода, приятная погода.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Поддѳмный, ая, ое. В сочетаниях. ◊ **Поддѳмная земля.** Место, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, сад и огород. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. ◊ **Поддѳмное место.** То же, что поддомная земля. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Подземельник, *м.* Часть сохи — один из железных крючков на ральнике (режущей части сохи). Пожереv., д. Поречье, 1941.

Подлугнуться, *сов.* Споткнуться. *Как вас леший не взял? Подлугнулись и пали.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Позалоговать, *сов., неперех.* 1. Сделать небольшой перерыв в работе, отдохнуть. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939. *Отдых — залаго. Давай позалогуюем посидим четверть часа.* Полав., д. Дворец, 1940.

2. Поговорить, побеседовать. *Давай позалогуюем.* Винниц., д. Артюшино, 1937.

Позём, *м.* Навоз. Паш., д. Спирово, 1937. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Покрёмок, *м.* Горбушка (хлеба). *Покрёмок хлеба.* Пожереv., д. Поречье, 1941.

Пóлоз, *м.* Опора лемеха в плуге. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Поперёчница, *ж.* Перекладина, соединяющая ручки плуга. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Попросайка, *м. и ж.* Тот, кто назойливо выпрашивает что-л.; попрошайка. *Неужоли станет без чаю жить. Какая попросайка! Сбивши с толку.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Поричье, *ср.* Местное наречие, говор; особенности произношения того или иного говора. *В других местах поричье очень хорошо.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Пóроз, *м.* 1. Молодой кастрированный самец свиньи; боров. Паш., д. Спирово, 1937.

2. Кастрированный бык. *Бык легченый? Не легченый бык, а пороз.* Полав., д. Дворец, 1940.

Посадские-стриюцкие, *мн.* Бродяги, босяки; жулики. *Этых вот самых посадских-стриюцких боюсь.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Посиветь, *сов., неперех.* Стать седым (о волосах). *Виски посивели.* Полав., д. Дворец, 1940.

Посмихиваться, *несов.* Посмеиваться. *Старшей сын и смеется, посмихивается (увидав в окно карету): — Это наш Ваня еде.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Потхíлой, ая, ое. Слабосильный; худой. Паш., д. Спи-
рово, 1937.

Прíгуз, м. Молотильный цеп. Лодейноп., д. Средние
Мандроги, 1939.

Пригузá, жс. То же, что пригуз. Лодейноп., д. Средние
Мандроги, 1939.

Прираскáтиться, сов. Скатиться (в разные стороны).
*Ох, милы детушки столько приразоспаццы. Приразоспацця,
со постелюшки оны прироскатятся.* Лодейноп., д. Гумба-
рицы, 1939.

Прислúг, м. Домашний работник, слуга. *Ён жил с ба-
рыней и имел много прислуг. Давай поеду найму прислуга
себе.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Присóх, м. Часть сохи для отделения и переворачивания
пласта земли — отвал. *У сохи вице естя да, плотье естя.
Да, обжи естя да, присох естя да, рогаль естя да.* Возне-
сен., д. Посад, 1937. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы,
д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939. *Соха: плотиво, присох,
подгузики, земляники. До сорока почти лет плуги не бывало,
все сохам. Сохой ковыряет, когда зарастет пашня.* Полав.,
д. Дворец, 1940. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Пристíгнуть, сов., *неперех.* Наступить, приблизиться
(о каком-л. явлении и т.п.). *Проработал семнадцать лет
при советской власти и получил нездоровье, заболел, и при-
стигла моя старось, шестьдесят шес лет.* Лодейноп.,
д. Вязикиничи.

Прíуз, м. То же, что пригуз. *Молотили приузам.* Возне-
сен., дер. Посад, 1937. Паш., д. Спирово, 1937. *Приус, цепом
мало кто назовет.* Лодейноп., д. Болото, 1939. Лодейноп.,
д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы,
д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939.

Прíуза, жс. То же, что пригуз. Лодейноп., д. Новая
слобода, 1939.

Прíузь, жс. То же, что пригуз. *Приузь: цевина, цепец,
ремень.* Полав., д. Дворец, 1940.

Простоки́ша, *жс.* Простокваша. Винниц., д. Артюшино, 1937. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Шоткуса, 1939.

Пря́сельница, *жс.* Изгородь; плетень. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Пт́рука-пт́рука, *междом.* Слово, которым подзывают коров. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939.

Пт́рх-пт́рх, *междом.* Слово, которым подзывают лошадей. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Пу́ня, *жс.* 1. Сарай, отдельное помещение для хранения сена. *Пу́ня, сено мечется, сарай.* Полав., д. Дворец, 1940.

2. Небольшая пристройка ко двору или к дому, плетеная из тонких гибких прутьев, для хранения хозяйственного инвентаря. Паш., д. Спирово, 1937. || Такая пристройка, в которой держат кур. Паш., д. Спирово, 1937.

Пясто́чка, *жс.* Уменьш.-ласк. к пясть. *Пясь, горось, двадцать пясточек — колач, пятьдесят пясточек — тукачок.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Пясть, *жс.* Количество стеблей льна, которое может уместиться в руке. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Р

Ра́вгать, *несов., неперех.* То же, что вякать. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Разгрожа́ть, *несов., неперех.* Угрожать (?). *А завтра она идёт и говорит: — Ой, девка, как у меня сердце болит. Кто как стане разгрожает, я хотела к тебе. И она меня как звала в гости: — Приди ко мне.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Разли́ть, *сов., перех.* Разъединить; разделить, отделить. *Вот сена в половину, теперь разольют колхоз одна на одну. Пока было две деревни, ничего не доставалось.* Полав., д. Дворец, 1940.

Размолёт́ься, *сов. Фольк.* *Размолёт́ься кому-л.* Начать умолять, просить о чём-л. *Жена-то мужу размолеласи,*

Да размолеласи, в праву ноженьку да мужу поклониласи (былина). Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Расколупать, сов., *перех.* Ковыряя, сделать или увеличить углубление, отверстие, дыру в чем-л. Полав., д. Дворец, 1940. || Ковыряя, расцарапать, содрать. *Расколупал, где болька. Полав., д. Дворец, 1940.*

Рассказаться, сов. *Фольк.* Рассказать, поведать о ком-л., чем-л. *Оны-то ёму столько рассказали: — Не мани-ко (не обманывай) ты нас, ох да родной папенька!* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Расса́дник, м. Огород. *Усадьба — это огород. Тот, колхозной, уж зовем угорот, а это называем расса́дник.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Растворя́ть, несов., *перех.* **Растворя́ть хлебы.** Приготовлять закваску для теста; замешивать его. *Квашня — хлебы растворя́ть.* Полав., д. Дворец, 1940.

Резе́ц, м. Режущая часть плуга — нож. *У плуга: лемеша приспособлены к плугу, дышло, стойка, лемеш — нос, отвал, ножик привинчивается к плугу, резец отдельный есть, ручки.* Полав., д. Дворец, 1940.

Решить, сов., *перех.* Разбить, расколоть. *Только не реши ей. Ой несчастная, решила чашку, теперь нет уж той.* Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ри́га, ж. То же, что овин. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Средние Мандроги, 1939. *Старинное было овин, а теперь рига.* Полав., д. Дворец, 1940. || Большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Средние Мандроги, 1939. Пожерева, д. Поречье, 1941.

Рогáль, м., *рогáли*, мн. Одна из рукоятей сохи. *У сохи вице естя да, плотье естя. Да, обжи естя да, присох естя да, рогáль естя да.* Вознесен., д. Большая Пустошь, 1937. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Рогáч, м. 1. То же, что рогáль. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

2. Деревянная часть сохи, на которую насаживаются сошники. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Рѹгача, ж. Лодка, выдолбленная из бревна. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Рудомѣт, м. Тот, кто делает кровопускание. Полав., д. Дворец, 1940.

Ручнѣяк, м. То же, что матица. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

Ручьѣвина, ж. Овраг. *Овраг называют ложбина, ручьѣвина*. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Рычѣть, несов., *неперех.* То же, что мукать. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Рѣвгать, несов., *неперех.* Мяукать. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939.

Рѣнды, мн. Ненастная погода с дождем, снегом, ветром. *Ой заряндило, рѣнды*. Вознесен., д. Посад, 1937.

С

Самосѣдка, ж. Курица, без ведома хозяев определившая место для кладки яиц. *Самоседка — которая выкладит-ся и сядет, цыплятница — которая с цыплятам*. Полав., д. Дворец, 1940.

Сарѣй, м. Верхняя часть помещения для скота, где хранится сено. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Свѣра, ж. Пара или две пары собак на специальном шнуре для травли зверя; свора. *Целая свара была*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Сгорѣда, ж. 1. Огороженное место для скота. Паш., д. Спиново, 1937.

2. Забор; изгородь. Полав., д. Дворец, 1940.

Сгорѣдка, ж. Уменьш.-ласк. к сгорода (в 1-м знач.). Паш., д. Спиново, 1937.

Сѣвечер и **севечѣр**, нареч. Сегодняшним вечером. □ *Сѣвечер*. Лодейноп., д. Болото, 1939. □ *Севечѣр*. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Сѣреп, м. Серп. Паш., д. Медведково, 1945.

Се-се-се, *междом.* Слово, которым подзывают маленьких собачек. Пожерева., д. Поречье, 1941.

Сйверик, *м.* Северный ветер. *Витёр сиверик завиял.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Солнопёчный, *ая, ое.* Солнечный. *Солнопецьный денёк.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Соло́ма, *ж.* *Горо́ховая солома.* Стебли и листья гороха; ботва. Лодейноп., д. Болото, д. Средние Мандроги, 1939.

Сопрятиться, *сов.* Встретиться. *Прошло несколько (лет), опять сопритился* (с ребятами). Полав., д. Дворец, 1940.

Спускать, *несов, перех.* Выпускать скот в поле. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, 1939. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Срóдственники, *мн.* Родственники. *Помоги мне ниоткуда не было: ни од государства, ни от своих сродственников. Сродственники у меня были очень бедны.* Лодейноп., д. Вязикиничи.

Сронить, *сов., перех.* Спустить (парус). *Слышим, гармонь играет, шум, а туман. Видим, каменьё. Паруса сронили, якорь бросили.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Стелу́га, *ж.* Длинная толстая жердь. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Стожа́р, *м.* Длинная толстая жердь, воткнутая в землю, вокруг которой сметывается сено (в высокий длинный стог). Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Сто́йка, *ж.* Часть плуга, на которую насаживается сошник (режущая часть). *У плуга: лемеша приспособлены к плугу, дышло, стойка, лемеш — нос, отвал, ножик привинчивается к плугу, резец отдельный есть, ручки.* Полав., д. Дворец, 1940.

Стосну́ться, *сов.* Соскучиться по кому-л., чему-л.; истосковаться. *Она семь годов жила, ну не стоснуло.* Лодейноп., д. Вязикиничи.

Сябра́, *ж.* Совместная уборка сена. Винниц., д. Артюшино, 1937. ♦ *В сябрё.* Сообща; коллективно. *Сено убирали в сябре, складывали зарод.* Винниц., д. Артюшино, 1937.

Т

Тара́кать, *несов., неперех.* Кудактать (о курице). *Курица таракает*. Полав., д. Дворец, 1940.

Тарары́кать, *несов., неперех.* Клохтать перед тем, как снести яйцо (о курице). Полав., д. Дворец, 1940.

Тепе́ц, *м.* То же, что кепец. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Тетёлка, *жс.* То же, что кепец. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Тйна, *жс.* 1. Картофельная ботва. *На чем картошка растет — тина*. Полав., д. Дворец, 1940.

2. *Собир.* Стебли гороха, огурцов, картофеля. Паш., д. Медведково, 1945. ♦ Стебли огурцов и картофеля. Полав., д. Дворец, 1940. ♦ Стебли огурцов. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ты́па-ты́па, *междом.* Слово, которым подзывают кур. Паш., д. Спирово, 1937.

Ты́пы-ты́пы, *междом.* То же, что типа-типа. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Тогды́, *нареч.* Тогда. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Толока́, *жс.* Коллективная помощь кому-л.; работа родственников, соседей сообща (при строительстве дома и т.п.). Полав., д. Дворец, 1940.

То́чиво, *ср.* Домотканое полотно, холст. Паш., д. Спирово, 1937.

Тпрё-тпрё, *междом.* 1. То же, что птрх-птрх. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939. Полав., д. Дворец, 1940.

2. Слово, которым отгоняют лошадей. Полав., д. Дворец, 1940.

Тпрёсь-тпрёсь, *междом.* Слово, которым отгоняют коров. Полав., д. Дворец, 1940.

Тпрок-тпрок, *междом.* То же, что птрука-птрука. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Тпрсё-тпрсё, *междом.* То же, что птрх-птрх. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Тпрх-тпрх, *междом.* То же, что птрх-птрх. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939.

Трёсь-трёсь, *междом.* То же, что тпрок-тпрок. Полав., д. Дворец, 1940.

Третьяк, *м.* Жеребенок по третьему году. *Лоншак до двух лет, с двух лет жеребенок, или третьяк.* Полав., д. Дворец, 1940.

Трешкóт, *м.* Небольшое деревянное беспалубное речное судно; трешкоут. *А трешкот на берегу стоял. Приздынули трешкот... Этот сельый трешкот потом добывали думой.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Трóша-трóша, *междом.* То же, что тпрок-тпрок. Паш., д. Спирово, 1937.

Тукáч, *м.* Большая вязанка сена, соломы. *В тукачи складывается солома.* Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Тукачóк, *м.* Уменьш.-ласк. к тукач. *Пясь, горось, двадцать пясточек — колач, пятьдесят пясточек — тукачок.* Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Тумаки́, *мн.* Разновидность рукавиц (обычно большого размера). Паш., д. Спирово, 1937.

Тúхка, *жс.* Метель. *Всё-то занесло, тухка (мятель) страшная, проезду нет.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Тióку-тióку, *междом.* То же, что типа-типа. Паш., д. Спирово, 1937. Паш., д. Медведково, 1945.

Тю-тю-тю, *междом.* Слово, которым подзывают (обычно взрослых) кур. Полав., д. Дворец, 1940.

Тióшень-тióшень, *междом.* То же, что зюрька-зюрька. Полав., д. Дворец, 1940.

У

Уповод, *м.* Рабочее время в промежутке от отдыха до отдыха. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Упряг, *жс.* Упряжь. *Упряг плохая на лошади.* Вознесен., д. Посад, 1937.

Упряжечка, *жс.* 1. Уменьш.-ласк. к упряжка. *Упряжечка только в рабочее время.* Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канона, 1939.

2. Определенный объем работы. *Надо идти упряжечку пожать*. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Упря́жка, ж. Промежуток времени от отдыха до отдыха в сельскохозяйственных и других работах. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, 1939. *Упряшка — это в работы есь*. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939. *В день бывает четыре упряжки: до завтрака, до обеда, до вечернего чая, до ужина. Встают в 2–3 часа, ложатся в 9*. Лодейноп., д. Новая слобода, 1939. *На упряшку перерыф может быть*. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939. *Поработал упряжку*. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941. || Непродолжительное время работы (один–два часа). *Можно поработать небольшую упряжку в колхозе*. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939. *Пошел бы на упряжку покосил. Зря упряшку канителмся*. Лодейноп., д. Шоткуса, 1939.

Уса́дьба, ж. Огород. *Усадьба — это огород. Тот, колхозной, уж зовем угорот, а это называем россадник*. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939. *Усадьба — огород — эва, картошка сажёна*. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, 1939.

У́трось, нареч. Утром. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, 1939. || Прошлым утром. Полав., д. Дворец, 1940. Паш., д. Медведково, 1945.

Х

Хвиль, м. Метель. Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Хи́лый, ая, ое. Нищий, неимущий. Лодейноп., д. Имоченицы, д. Новая слобода, 1939.

Хлопотно́й, ая, ое. Хозяйственный; охотно и много работающий. *Ведь такий Иван не хлопотной. А теперь как живет*. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Храпа́, ж. Ботва моркови, свеклы, брюквы, турнепса. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Хрепа́ть, несов., неперех. Кашлять. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Хряпа́, ж. Ботва картофеля. Паш., д. Спирово, 1937. || Ботва моркови, свеклы, брюквы, турнепса. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Ц

Цевина, *жс.* Рукоять молотильного цепа. *Приузь: цевина, цепец, ремень.* Полав., д. Дворец, 1940. Пожереv., д. Поречье, 1941.

Цыплятница, *жс.* Курица, которая высиживает цыплят. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Средние Мандроги, д. Шоткуса, 1939.

Ч

Чекотить, *несов., перех.* То же, что чекотать. Паш., д. Спирово, 1937. Лодейноп., д. Болото, д. Верхняя и Средняя Канома, д. Средние Мандроги, 1939.

Чепец, *м.* То же, что кепец. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Чкú-чкú, *междом.* То же, что зюрька-зюрька. Лодейноп., д. Верхняя и Средняя Канома, д. Имоченицы, д. Новая слобода, д. Шоткуса, 1939.

Чкúш-чкúш, *междом.* То же, что чку-чку. Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Чúгу-чúгу, *междом.* То же, что чку-чку. Лодейноп., д. Средние Мандроги, 1939.

Чúка-чúка, *междом.* То же, что чку-чку. Лодейноп., д. Болото, 1939.

Ш

Ширинка, *жс.* Шеренга. *Вдруг это всех поставили в ширинку. — Меня-то за что?* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Шкатурка, *жс.* Шкатулка. *А этот Сенька шкатулку под мышку и ла-та-та. — До утра пусть лежит.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Шкб́ря-шкб́ря, *междом.* Слово, которым отгоняют овец. Полав., д. Дворец, 1940.

Штраховка, *жс.* Страховка. *Только штрафовку. Мать родная уговаривает, век уговаривает ей.* Лодейноп., д. Гумбарицы, 1939.

Щ

Щёки, *мн.* Часть плуга [какая?]. Лодейноп., д. Имоченицы, 1939.

Я

Яниться, *несов.* Ягниться. Лодейноп., д. Гумбарицы, д. Имоченицы, д. Шоткуса, 1939. □ [Удар.?]. Пожереv., д. Порече, 1941.

Ярмяк, *м.* Верхняя одежда из сукна. Пожереv., д. Порече, 1941.

Литература

Административно-территориальное деление Ленинградской области: справ. / сост. Т. А. Бадина. Л.: Лениздат, 1966. 197 с.

Административно-территориальное деление Ленинградской области: справ. / сост. В. В. Пылин. Л.: Лениздат, 1990. 197 с.

Административно-территориальное деление Ленинградской области: справ. / Комитет по взаимодействию с органами местного самоуправления Ленинградской области. Под общ. ред. В. А. Скоробогатова, В. В. Павлова; сост. В. Г. Кожевников. СПб., 2007. 281 с.

Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1995 гг.: справ. / Комитет культуры, туризма и архивного дела Новгородской области. Государственный архив Новгородской области. Сост.: О. В. Снытко (отв. сост.), Т. А. Данько, А. В. Кузнецов и др. СПб., 2009. 352 с.

Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.

Список сокращений районов

- Винниц.— Винницкий
- Вознесен.— Вознесенский
- Лодейноп.— Лодейнопольский
- Паш.— Пашский
- Пожереv.— Пожеревицкий
- Полав.— Полавский

Archive
of the dialectological atlas
of the Russian language (1937–1947):

materials for a dictionary of the dialects
of the Leningrad region
(Vinnicky, Voznesensky, Lodejnopolsky,
Pashsky, Polavsky, Pozherevitsky districts)

Irina V. Baklanova

Elena I. S'yanova

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article presents several specimen articles for a dictionary of the dialects of the Leningrad region which draw on manuscript archival materials collected between the years 1936 and 1947 being based on the data from six districts of the Leningrad region (Vinnicky, Voznesensky, Lodejnopolsky, Pashsky, Polavsky, Pozherevitsky districts). The materials contain words, whose semantics and form have specific dialect features, document single lexemes usual in the standard language as well (ethnographisms). The lexicographic project contains primarily household vocabulary related to farming, husbandry and certain types of crafts.

Key words: archival manuscript materials, dialects of the Leningrad region (1936–1947), dictionary entries, household vocabulary; lexical, lexico-derivational, phonemic and semantic dialectisms.

References

Administrativno-territorial'noe delenie Leningradskoj oblasti: sprav. [Administrative division of the Leningrad region: a manual]/ sost. *T. A. Badina*. L.: Lenizdat, 1966. 197 p.

Administrativno-territorial'noe delenie Leningradskoj oblasti: sprav. [Administrative division of the Leningrad region: a manual] / sost. *V. V. Pyl'in*. L.: Lenizdat, 1990. 197 p.

Administrativno-territorial'noe delenie Leningradskoj oblasti: sprav. [Administrative division of the Leningrad region: a manual] / Komitet po vzaimodejstviyu s organami mestnogo samoupravleniya Leningradskoj oblasti. [Committee on interaction with municipal authorities of the Leningrad region] Pod obshch. red. V. A. Skorobogatoва, V. V. Pavlova; sost. V. G. Kozhevnikov. SPb., 2007. 281 p.

Administrativno-territorial'noe delenie Novgorodskoj gubernii i oblasti. 1727–1995 gg.: sprav. [Administrative division of the Novgorod province and region from 1727 to 1995: a manual]/ Komitet kul'tury, turizma i arhivnogo dela Novgorodskoj oblasti. Gosudarstvennyj arhiv Novgorodskoj oblasti. [Committee on culture, tourism and archive-keeping of the Novgorod region. State Archive of the Novgorod region] Sost.: O. V. Snytko (otv. sost.), T. A. Dan'ko, A. V. Kuznecov i dr. SPb., 2009. 352 p.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]/ pod red. V. V. Kolesova. M.: Vysshaya shkola, 1990. 207 p.

Фразеологизмы, связанные с трудовой деятельностью человека, в ярославских говорах

Анастасия Андреевна Балагурова
Жанна Константиновна Гапонова
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

В статье рассматриваются фразеологизмы, отражающие представления диалектоносителей о труде. Устойчивые сочетания, достаточно часто содержащие оценочную характеристику называемого явления, позволяют ярко описать трудовую деятельность как одну из главных социальных функций человека, выявить отношение русского народа к труду. Фразеологизмы Ярославской области, так или иначе связанные с трудовой деятельностью человека, распределяются на 10 лексико-семантических групп. В ярославских говорах преобладают по структуре глагольные выражения. Довольно часто устойчивые выражения имеют несколько вариантов при сохранении идентичной семантики. Оценочный компонент в значении имеют выражения, содержащие характеристику либо человека, выполняющего или не выполняющего то или иное дело, либо его деятельности.

Ключевые слова: фразеологизмы, лексика, семантика, оценочный компонент, ярославские говоры.

Большое количество наименований в русских говорах связано с представлениями диалектоносителей о труде, что отражает особенности русского мировосприятия. Труд является важнейшей составляющей жизни любого общества, а ленивый человек традиционно порицается и осуждается. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки,

например: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда; сделал дело — гуляй смело; труд из обезьяны сделал человека; делу время — потехе час*. Особой образностью и выразительностью обладают фразеологические единицы, поскольку довольно часто содержат оценочную характеристику называемого явления. В данной статье мы проанализируем фразеологизмы, характеризующие человека по его отношению к труду, в ярославских говорах.

Нами было рассмотрено более 80 фразеологизмов, так или иначе связанных с трудовой деятельностью человека. Их можно разделить на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ):

1. ЛСГ фразеологизмов, содержащих характеристику выполняемой человеком деятельности, представлена такими выражениями, как *кашу варить* 'о самом простом деле' (*Слабому на гонках нечего делать, даже кашу варить и то не возьмут такого с собой*. Яр.) (ЯОСД 1: 299), *лямки вытянуть* 'изнурить, вымотать непосильной работой, непомерными требованиями; жилы вытянуть' (*Она из меня все лямки вытянула*. Некоуз.) (ЯОСД 1: 390), фразеологические варианты *за один дух (залогу, присяд, присед)*, сохраняющие идентичное значение 'сразу, за один приём что-либо сделать' (Дан., Рыб., Тут.) (ЯОС 4: 52); *ломовое дело* 'тяжёлая физическая работа' (*Я всё в ломовом деле-то, в рабочем*. Г.-Ям.) (ЯОСД 1: 382). В большинство представленных устойчивых сочетаний входят слова литературного языка, обусловившие появление образного выражения, например, *вытянуть* 'вытерпеть, выдержать, осилить', *варить* 'приготавливать что-либо', *каша* 'кушанье из крупы, сваренной в воде или молоке' и др. (МАС). Как видим, в устойчивых сочетаниях проявляется характеристика, отражающая антонимичность народных представлений: особое наименование получает либо слишком простая, легкая работа, либо — изнурительная.

Отдельного внимания заслуживает образное выражение *работа живёт*, употребляемое по отношению к работе,

которая делается хорошо, успешно (ЯОС 8: 111; СРНГ 9: 195). Как правило, в говорах наиболее частотна фиксация в слове или сочетании отрицательной оценки, усиливающей порицание того, что не одобряется обществом, однако указанное выражение, мотивированное лексемами, употребляющимися в литературном языке, *жить* ‘существовать, быть живым’ (МАС 1: 487) и *работа* ‘занятие’ (МАС 4: 64), представляет собой олицетворение, обладающее явной положительной оценкой. Аналогичной коннотацией обладает фразеологизм *всяко дело по делу*, подчеркивающий, что любая работа должна быть выполнена качественно, с хорошим результатом (Бор.). Также диалектоносители отражают в лексике и фразеологии одобрение стремлению доводить дело до конца — *работать на шабаши* (*Сегодня работать будем на шабаши*. Некр.) (ЯОСД 2: 226).

2. ЛСГ «Фразеологизмы, указывающие на время / продолжительность выполняемой деятельности». К этой группе можно отнести следующие выражения: *утренний уповод* ‘период работы от завтрака до обеда’ (Г.-Ям., Некр., Тут., Яр.) (ЯОСД 1: 23), *до обед* ‘период работы без перерыва от завтрака до обеда’ (Тут.), *до чаю* ‘период работы до завтрака’ (Пош.) (ЯОС 4: 7); *второй уповод* ‘часть рабочего дня от обеда до ужина’ (*Второй уповод — и день к концу*. Рыб., Брейт., Г.-Ям., Дан., Люб., Некр., Перв., Рост., Тут., Яр.) (ЯОСД 1: 127); *дневной уповод* ‘период работы от завтрака до обеда’ (Люб.) (ЯОСД 1: 196); *полуденная выть* ‘период работы в поле до полудня’ (Дан.) (ЯОСД 2: 182); *скрёсу не знать* ‘много работать’ (Брейт.) (ЯОС 9: 41); *утренняя роса* ‘период работы до завтрака’ (*Утреннюю росу косили*. Брейт. Некр.) (ЯОС 10: 22–23).

Данные выражения объединяет отсутствие оценочного компонента в значении и указание на необходимость утренней занятости человека, что, безусловно, соотносится с традиционными представлениями русского человека: *кто рано встает, тому бог подает; кто рано проснулся, тому бог улыбнулся; кто с солнцем не встал, сам себя обокрал*. Кроме

того, в выражениях содержится указание и на занятость диалектоносителей в течение всего дня, о чем свидетельствуют *утренний, дневной, второй уповоды*. Как видим, большинство выражений в данной группе образовано на основе метонимического переноса: по времени выполнения работы называется сама деятельность.

3. ЛСГ «Фразеологизмы, характеризующие человека, выполняющего ту или иную деятельность» в ярославских говорах представлена одним выражением — *наложен на работу*, характеризующим прилежного и ловкого в работе человека (Молог.).

4. ЛСГ «Фразеологизмы, характеризующие неприспособленного к работе человека»: *биться что слепой козел о ясли* ‘безуспешно пытаться что-л. сделать по неумению или по невозможности’ (Пош.) (ЯОСД 1: 55); *бегать как обызка* ‘о человеке, который ничем не занимается, бегают взад-вперёд без дела’ (*Что ты бегаешь как обызка?* Рыб.) (ЯОСД 1: 21). Иногда фразеологические выражения подчеркивают отсутствие желания работать, однако это временное состояние, например, *неработь нападает* (*Вот нападает на тебя неработь*. Рыб.) (ЯОСД 2: 69).

5. ЛСГ фразеологизмов, обозначающих определенные виды работ, включает словосочетания *катать сено* ‘сгребать, собирать сено’ (Рост.), *валы бить* ‘разбрасывать сено из валков для просушки’ (*Валы пошла бить*. Некр., Бор., Пош., Дан., Люб., Мышк., Пересл.) (ЯОСД 1: 87); *вертеть сеянец* ‘обрывать сухое перо у лука, предназначенного для посадки’ (*Вертели сеянец после просушки, отвёртывали перо*. Рост.) (ЯОСД 1: 97); *встать на ряды* ‘занять ряд при полке, окучивании овощей’ (Тут.); *откладывать валенок* ‘делать основу валенка’ (Г.-Ям.) (ЯОСД 2: 96); *перебивать гряды* ‘рыхлить, ровнять вилами или граблями вскопанную гряды’ (*Вчерась перебивали гряды*. Нек., Некр., Углич.) (ЯОСД 2: 134); *разбивать валики / разбивать копны* ‘разбрасывать валики (копны) скошенной травы для просушки’ (Дан. / Рыб.); *борозды гонять* ‘приготавливать

борозды для посадки картофеля' (*Пусть он борозды гоняет, а мы садить будем.* Г.-Ям., Люб., Некоуз., Некр., Углич., Яр.) (ЯОС 2: 16); *ездить молотильней* 'молотить с помощью молотилки' (Г.-Ям.) (ЯОС 4: 34); *ломать пашню / целину* 'пахать' (Рост.) (ЯОС 6: 11); *наезжать борозды* 'делать, готовить борозды (плугом) для посадки рассады' (Углич.) (ЯОС 6: 93); *сбивать шабашку* 'подрабатывать' (Люб., Некр.) (ЯОС 9: 12); *хлестать (хлыстать, хвостать) колос (снопы и т.п.)* 'выколачивать зерно из колосьев ударами снопов о стену, камень и т.п., чтобы выбить наиболее спелые и крупные зёрна, которые идут на семена' (*Сначала хлыстили колосья по стене, зерно-то и падало на ладонь.* Рыб., Мышк., Некоуз., Пересл., Рост.) (ЯОС 10: 33) и многие другие. Фразеологизмы этой группы определяют умения, навыки и способности выполнения разного рода занятий и промыслов. Например, фразеологизм *древодельный промысел*, соотносящийся со словом *древодельщина* 'общее название изделий из дерева' (СРНГ 8: 181), обозначает 'кустарный промысел, при котором мастера занимаются изготовлением изделий из дерева', зафиксирован в журнале «Наш край: Ярославская губерния» 1907 г. Слово сочетание характеризует работу по дереву как распространенную, но в то же время важную: *Древодельные промыслы занимают в настоящее время наибольшее число рабочих рук* (ЯОСД 1: 206).

Как правило, фразеологизмы, представленные в этой группе, связаны в большей степени с выполнением сельскохозяйственных работ, причем достаточно частотны сочетания существительного с предлогом, которые характеризуют те или иные выполняемые действия, например: *в семье молотить* 'молотить вчетвером (двое мужчин и двое женщин)' (Действие происходит таким образом: ударяют молотилами в такт, при этом издаются своеобразные звуки, напоминающие музыку), *в развал, в распах, в свал, в склад, в два загона* 'способы пахоты', *высоко жать* 'жать, оставляя на поле высокую стерню' (*Не жните так высоко, а жните пониже в два загона.* Мышк., Некоуз., Пош., Бор., Г.-Ям., Дан., Люб., Рост., Тут.) (ЯОСД 1: 136).

6. ЛСГ «Фразеологизмы, называющие занятия женщины по дому/хозяйству». Традиционно женщина в русской культуре — хранительница очага, выполняющая разнообразные работы по дому и хозяйству, поэтому, на наш взгляд, целесообразно выделить отдельную подгруппу устойчивых сочетаний, характеризующих женщину в домашних делах, в содержании дома/избы, по способности к работе. В данную группу входят такие фразеологизмы, как *в годы рядиться (порядиться)* ‘наниматься в услужение на несколько лет’ (ЯОС 2: 37), *дом домить* ‘вести хорошее хозяйство’ (ЯОС 4: 12), *золы золить* ‘варить щелок для мытья белья’ (ЯОС 4: 126), *кортомить избу* ‘приготовить взятую внаём избу для посиделок’ (ЯОС 5: 72). Кроме того, что представленные фразеологизмы характеризуют труд женщины, их также объединяет мотивированность диалектными глаголами, например, *кортомить* ‘арендовать что-либо, платить арендную плату за что-либо’ (СРНГ 14: 375). Народно-фольклорные мотивы чувствуются в образовании тавтологичных выражений *дом домить* и *золы золить*.

7. ЛСГ «Фразеологизмы, связанные с различными видами рукоделия» описывает умения и навыки женщины по вязанию, вышиванию, ткачеству, шитью. Группа представлена такими выражениями, как: *брать узоры* ‘вышивать, ткать’ (Ну, не узоры брать, посидим и с такой лампой. Бор., Дан., Некоуз., Некр., Перв., Пересл., Пош., Рыб., Тут., Углич., Яр.) (ЯОС 2: 22), *в руки* ‘вручную шить’ (ЯОС 2: 38); *вышивать по сколу* ‘вышивать белыми нитками холст в том месте, где выдернуты нитки’ (Больш.) (ЯОС 3: 60); *основу собрать* ‘подготовить всё для тканья на домашнем ткацком стане’ (Перв.) (ЯОС 7: 57); *скать пряжу (нити)* ‘изготавливать нитки скручиванием, свиванием’ (Некр., Пош., Рост.) (ЯОС 9: 35); *увязать петлями* ‘перевязать нити основы по пасмам до натяжения основы на стан, чтобы основа не путалась’ (Брейт., Дан., Люб., Некоуз., Некр., Перв., Пересл., Пош., Рост., Тут., Углич.) (ЯОС 10: 7); *выбирать полотенце* ‘вышивать узоры на полотенце’ (В Святки [на беседе] полотенца выбирали, узоры брали в пльцах.

Некр.) (ЯОСД 1: 128); *выбирать узоры* ‘вышивать узоры на чём-л.’ (Дан., Углич., Некр.) (ЯОСД 1: 128). Большинство фразеологизмов этой группы по своей структуре являются глагольными, поскольку называют определенные действия и процессы, выполняемые женщиной во время рукоделия. Следует отметить, что фразеологизмы, связанные с женским рукоделием, распространены во многих русских говорах, к примеру, фразеологизм *скать пряжу* в значении ‘свивать, скручивать (нити, пряди); сучить (шерсть)’ известен в Тобольской, Псковской, Пермской, Вятской, Мурманской, Вологодской, Владимирской и других областях. С этой же семантикой в говорах зафиксированы и другие формы словосочетания: *скать веретеном, руками* — в Архангельской области, *скать на санопряже, санопряже* в Рязанской области, *скать нитки, пряжу* в Ярославской, Новгородской, Псковской областях (СРНГ 37: 396).

8. ЛСГ «Фразеологизмы, указывающие на способы ведения хозяйства» описывает варианты создания собственного хозяйства и ухода за ним: *в отдел уйти* ‘отделиться в самостоятельное хозяйство’ (*Хозяйство большое, а он в отдел ушёл*. Некоуз., Пересл., Пош., Тут., Углич.) (ЯОС 2: 38). С похожей семантикой (‘жить отдельно’) словосочетание известно в Тверской, Архангельской, Уральской, Новосибирской, Курской и других областях России (СРНГ 24: 162). С тем же глагольным компонентом в ярославских говорах в значении ‘отделиться от отца или братьев, завести самостоятельное хозяйство’ известно выражение *уйти на одниачину* (Тут.) (ЯОС 10: 11), в котором наречное выражение мотивировано числительным *один*, влияющим на семантику всего выражения.

9. ЛСГ «Фразеологизмы, характеризующие тех, кто не работает» описывает людей, либо привыкших жить за счёт другого человека, либо ленивых людей. Приведем некоторые примеры: *собакам сено давать* ‘заниматься пустяками, бездельничать’, *пнать время* ‘проводить время впустую, бездельничая’, *лодыря корчить, слонять слонов, про-*

сидеть кулигу ‘бездельничать’, *ехать на хребте* ‘пользоваться чужим трудом’. Примечательно, что в Смоленской области встречается антонимичная семантика схожего с последним выражения: *ехать на ком-либо*, что означает ‘одерживать верх, первенствовать, быть победителем над кем-либо’ (СРНГ 9: 47). Образность выражений, называющих бездельников, происхождение и оценочные компоненты таких фразеологизмов требуют, безусловно, отдельного рассмотрения.

10. Считаю целесообразным выделить группу выражений, связанных с обращением людей друг к другу во время работы: *дай, господи, спорынью; жару тебе в печь; кажи моты; хлеб в закрома; чистота в корыто; колодец молока*. Как правило, подобные выражения являются благопожеланиями, чтобы то или иное дело приносило положительный результат, удовольствие, было не в тягость. Такие выражения ценны с лингвокультурологической точки зрения, поскольку отражают мировосприятие русского человека, его отношение к своим коллегам, соседям, знакомым.

Таким образом, в ярославских говорах представлены самые разнообразные лексико-семантические группы фразеологизмов, связанных с трудовой деятельностью человека и его отношением к работе. Следует отметить, что довольно часто устойчивые выражения имеют несколько вариантов при сохранении семантики. В ярославских говорах преобладают глагольные выражения (около 80%). В ярославских говорах выражения, называющие определенный вид работ, продолжительность работы по времени, являются нейтральными. Особое внимание привлекают выражения, значение которых содержит оценочный компонент, что обусловлено спецификой диалектной картины мира: порицание, неодобрение, отклонение от нормы и, наоборот, уважительное отношение к тому, кто усердно трудится, находит отражение в лексике и фразеологии. Как правило, оценочным компонентом обладают фразеологические выражения, содержащие характеристику либо человека, выполняющего или не выполняющего то или иное дело, либо его деятельности.

Сокращенные названия районов Ярославской области

Брейт. — Брейтовский	Пересл. — Переславский
Г.-Ям. — Гаврилов-Ямский	Пош. — Пошехонский
Дан. — Даниловский	Рост. — Ростовский
Люб. — Любимский	Рыб. — Рыбинский
Молог. — Мологский (уезд)	Тут. — Тутаевский
Некоуз. — Некоузский	Углич. — Угличский
Некр. — Некрасовский	Яр. — Ярославский
Перв. — Первомайский	

Phraseological units depicting human labour activity in the dialects of the Yaroslavl region

Anastasiya A. Balagurova

ZHanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky

The article deals with phraseological units reflecting the idea of work as conceived by dialect speakers. Set expressions, which often convey evaluative judgement of the discussed phenomenon, allow to describe labor activity as one of the main social functions of a person, and to reveal the attitude to work characteristic of the Russian people. Phraseological units recorded in the Yaroslavl region and one way or another related to human labor activity, are divided into 10 lexico-semantic groups. The predominating structural type of expression in the Yaroslavl dialects is verb phrase. Quite often set expressions have several variants while maintaining identical semantics. Evaluative component of meaning is typical for expressions conveying the characterization of either a person performing or not performing a particular task, or the activity of such a person.

Key words: phraseological units, vocabulary, semantics, evaluative component, Yaroslavl dialects.

Из диалектного лексикона жительницы д. Павлюково Шуйского района Ивановской области А. М. Сергеевой

Лариса Петровна Батырева
Шуйский филиал Ивановского
государственного университета

Статья знакомит с диалектной лексикой, выявленной в речи жительницы д. Павлюково Шуйского р-на Ивановской области. Представленные факты, отражая особенности идиолексикона региональной языковой личности, одновременно презентуют лексико-семантическую систему говоров Владимирско-Поволжской группы.

Ключевые слова: диалект, лексика, идиолексикон, региональная языковая личность, диалектный словарь личности.

Рецензируя один из словарей, презентующих лексикон диалектной языковой личности («Полный словарь диалектной языковой личности» / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006–2012. Т. 1–4), О. В. Фельде справедливо отмечает: «Фиксируя особенности живой речи конкретных людей, антропоориентированные словари являются ключом к духовному миру человека как члена определенного этноязыкового сообщества, высвечивают те особенности русской лингвокультуры, которые не попадают в поле зрения составителей нормативных толковых словарей. Эти обстоятельства актуализируют задачу дальнейшего изучения языкового существования обычных людей — рядовых носителей языка...» [Фельде 2013: 279].

Обратившись к характеристике речевого поведения одного из «рядовых носителей языка» — жительницы д. Павлюково Шуйского района Ивановской области Анны Михайловны Сергеевой, 1925 года рождения, мы акцентировали внимание на её словаре, отмечая в его составе лексику, не являющуюся

общеупотребительной, главным образом диалектизмы, вследствие чего мы получили возможность судить о функционировании лексической системы диалекта в целом, поскольку, с одной стороны, «диалект — основа формирования языковой личности» [Лютикова 2000], с другой стороны, «идиолект неизбежно включается в общий процесс функционирования диалекта» [Прокофьева 2012].

Местные слова, пребывающие по большей части в активном словарном запасе женщины, обнаружены в результате свободного общения с ней на разные темы в 2018–2019 гг.: А. М. Сергеева рассказала о своем детстве, о родителях, о работе в колхозе, о семейной жизни, о том, чем питались, как одевались, как проводили досуг деревенские жители.

Детство

А. М. Сергеева вспомнила об играх и забавах деревенских детей. Играли в **десять палочек**: кирпич клали, а на кирпич доску. На один конец — десять палочек, а на другой конец — подбегали, ногой стукнут, они во все стороны полетят, а остальные собирают, кто быстрее. Играли в **ловíшки** — ловили друг друга. Зимой катались на санках — **скочка́х, на кошёвках с привалом** (Скочки́ — санки такие, лёгкие были, маленькие, зимой ездили. Была ещё кошёвка, побольше скочков. Кошёвка тоже в виде саней, но обделанная, с привалом¹). Устраивали карусель: Посредине пруда — **ты́чку**² до дна, через лёд, штырь. И к этому штырю — жердь. Один конец прикрепляется, а другой конец крутит по льду, катается. И за конец привязывайся, салазки или сам. Одни крутят, толкают эту жердь. Около столбика не шибко бегать. На конце салазки привязывали или **ледя́[ш]** — изо льда вырубали **ледя́[ш]**.

Традиционным детским развлечением во время Пасхи было катание яиц. На Пасху **яйца катали**: ставили в ряд яйца, чтобы между ними было расстояние размером с яйцо.

¹ **Прива́л** 'спинка саней'.

² **Ты́чка** 'жердь'.

Какое яйцо выбьешь за линию — твоё. Каждый хотел себе самое красивое.

Ср.: «Играющий ставил своё яйцо на кон, т.е. выкладывал на землю, где крашенные яички выстраивали в одну линию с промежутками в 4–5 вершков (1 вершок = 4 см). Шагах примерно в ста от середины кона отмечали место, откуда игроки катили мяч, сделанный из льняных хлопьев или ваты и обшитый тряпицею. Вышибленное яйцо считалось выигранным» [Короткова 1998: 109]. См. также в ЯОС: *кататься в яйца* ‘игра в религиозный праздник пасху: яйца скатывались по лотку и должны были удариться в яйцо, лежащее на их пути. При столкновении играющий говорил: «Убил», — и брал яйца’ (ЯОС 5: 24).

Венчание, свадьба

В молодости у А. М. Сергеевой был поклонник: *Мишка до войны, молоденьк/ѳ/й был, с моего года. Он всё за мной ухлы́стывал*³. Помню, меня догнал на крыльце у навстрѣшников⁴. Я бегом от него, а он меня догнал. Говорит мне:

- Нюрка, давай со мной гулять.
- Нет, я с тобой не буду гулять.
- А что ты со мной не будешь гулять?
- Я не люблю тебя.
- А что ты меня не любишь, что я плохой что ли?
- Да ты хороший, да больно по-матерному ругаешься.

А потом его взяли на войну, в 15 лет, сначала на броню был, а потом бронь сняли и тут же на фронт. И вот убили его. Много мальчишек убили. Их взяли, а они неопытные. Всех прикокошили.

Был и другой кавалер: *Я гуляла два года с ивановским парнем, он пришёл с войны по ранению. Нас познакомили, мы подружились два года, а вот Александр пришёл и перебил*⁵, с ним подружился.

³ *Ухлы́стывать* ‘ухаживать за девушкой’.

⁴ *Навстрѣшник* ‘сосед, живущий в доме напротив’.

⁵ *Перебить* ‘увести девушку у парня’.

Дружба с Александром привела к венчанию (*венцу*) и свадьбе: *Венчались в Кузнецове в церкви. Лошади были, а транспорта-то не было путного. Пешком ходили в церковь венчаться. Александр-то на велосипеде уехал, а мы со свахой пеш/е/чком, а за нами целый табун девок — глядѣльщиков, пошли глядеть на венѣц. Мы пришли от⁶ венца — опять горьба⁷ встречает у крыльца. Нарядилась одна женщина, её тоже Нюра зовут, с венником, тулуп выворотила, медведем нарядилась. И вот нам венником метѣт, метѣт, всё нам дорогу разметала к дому. Потом в дом зашли, за стол сели.*

Жениха и невесту одаривали подарками — *далили* чем-либо, или *скрывáli*: *Замуж я выходила — всё далили больше деньгами, да какой-нибудь лоскуток на сарафан да на юбку. В основном деньгами скрывáli. Четвертные, 25-рублёвые деньги были. Все скрывали тогда молодых, кто чем, кто чего. Отец Александров скр^{ыл} нас сотней, помню. Подаренные деньги назывались скр^{ывн}ыми: Жили сначала в семье, первые два года. Что зарабатывали — в сѣмью отдавали. У нас своих денег и не было. Только что скр^{ывн}ые были.*

Семья

В составе данной тематической группы:

а) лексика, связанная с рождением ребёнка (*робѣнка*), — *встать в положение* 'забеременеть' (*Встала в положение, думаю: «Надо приданое заготовливать»*); *народиться* 'родить' и 'родиться', *нарождѣнная* 'родившая женщина' (*Три жены у него было. Своих детей оставил. Одна была уже нарождѣнная, а другую оставил в положении, потом народилась; У мамы народились дети-то: Надѣнка, Юра, Юля*);

б) наименования лиц по их положению в семье: *жѣнка* 'замужняя женщина' (*Мужики косили, а жѣнки-то управятся с печами и идут разбивать*); *кѣка* 'крѣстная мать'

⁶ От — предлог употребляется с род. пад., указывает на место как исходный пункт, откуда направлено движение.

⁷ *Горьба* 'гурьба, ватага'.

(Началась война, мне было только 15 годов, 15 с половиной, можно сказать. Я тогда у коки на квартире жила, у неё радио было, сообщили; А потом пришла кока к нам, мама чего-то шила, а она стала ей помогать. А после мама ушла. Я говорю: «Кока, давай я себе платье сошью», — она разрешила); **баушка** ‘бабушка’ (Оттуда везём за оглобли, а баушка сзади колом упирается); **неродный** ‘неродной’ (Пришлось жить с неродной матерью. Ну, ещё мать-то неродная, но хорошая попалась женщина, такá хозяйственная была, такá дельная, так хорошо всё готовила, вкусно);

в) лексика, характеризующая взаимоотношения в семье: **сладиться** ‘помириться’ (С Александром мы иногда ругались, а всё равно не сердились. Вот разругаемся вечером, а потом сладимся тут же, а наутро как ничего не бывало. 48 годов прожили вместе. 24 года его нет со мной); **содержить** ‘содержать, иметь на иждивении’ (Вот так вот. Жизнь моя была тяжёлая. А потом подросли, я сельскую школу кончила, в Шуе стала учиться 5, 6, 7-й в Шуе училась в школе на Милицейском переулке. Ходили пешком из деревни в школу, в Шую. Кончила 7 классов. Брат старший, было ему 17 лет, он только начинал ещё работать. Он всё говорил: «Нюрка, учись-учись дальше, я тебя буду содержать, на своё иждивение. Матери тяжело учить вас, а я возьму тебя на свое иждивение, только учись»); **быть в долгах** ‘быть в долгу’ (До войны-то голоду не видали. И в войну нас Димитрий Михайлович спас, брат мой. Он был офицером, им разрешалось в месяц посылать одну посылку домой. Он нам присылал посылку. В посылках — всякой всячины, всё хорошее было. Мы меняли на хлеб, буханка тогда стоила 100 рублей. Чего-нито⁸ сменяем на хлеб или на крупу, на муку. Не видали мы голоду-то в войну. Нас Димитрий поддерживал. Спасибо ему большое, в долгах мы перед ним);

г) имена собственные — производные официальных имен, принятые в семье А. М. Сергеевой и распространенные

⁸ **Что-нито** ‘что-нибудь’.

в шуйских говорах,— *Ленушка* (*Ленушка сидит в стульчике детском*), *Надёнка* (*У мамы народились дети-то: Надёнка, Юра, Юля*), а также старая форма имени Дмитрий — *Димитрий* (*А потом, когда я стала невестой, у меня было много платьев. Семь платьев хороших было. Всё Димитрий мне наслал материала, а портниха шила мне; В 62-м году перешли жить в этот дом. Года два стройка тянулась, денег не было, тяжело было, заняли у дяди Яши да у Димитрия*).

Дом

В тематической группе «Дом» представлены наименования:

а) частей деревенского дома: *изба* ‘отапливаемая часть крестьянского жилища’, *колидор холодный* ‘сени’ (*Были сундуки, но они стояли в холодной комнате. Холодная комната, потом были ещё сени — колидор холодный. Потом из сеней в избу дверь была. Летом везде помещались, и в холодных, и в тёплых. А зимой только в одной тёплой*);

б) хозяйственных помещений и построек: *овшейник* ‘помещение для хранения продуктов, находящееся под холодной комнатой’ (*Продукты хранили в погребах, потом были овшейники. Была комната холодная — под ней. Там печки не топилось. Под этой холодной комнатой был овшейник, туда ход был сделанный. Туда зайдёшь — там холодно-холодно. В этом овшейнике хранились продукты и в погребах*); *задворок* ‘задняя часть двора’ (*У меня котёл стоял на задворке, с водой*);

в) предметов мебели: *скамья застольная* ‘скамья, стоявшая вдоль стены рядом со столом’ (*В комнате стол, скамья застольная — лавка такая сделанная, с другой стороны всё стулья ставили*); *зыбка* ‘детская колыбель’ (*Одно время были зыбки. Бабка у нас всё Юрку качала, он у нас больно беспокойный был. Она всё качает-качает, рука-то и устанет. Скажет: «Господи! Умру ведь». Ей годов-то было уж 90, а она всё качала детей-то малых*); *короватка* ‘кровать’ (*Спали в короватках детских*);

г) деталей интерьера: *кургáн* ‘кувшин’ (*Очень красивые чашки! Мамины подарки. Ей дарили. Кувшин был красивый-красивый. Дерево на нём было нарисовано с зелёными листьями, и тут птичка сидела, скворчик*⁹. *Красивый-красивый курган! Я выходила замуж, мне его мать дала в приданое. Валера маленьк[с]/й был, курган стоял у меня на комод, а он достал накомодник, за угол потянул и уронил с комода всё. Вот у меня и разбился этот курган. Так было жалко его. Но ничего не сделаешь, он маленький был, не понимал ещё ничего).*

Труд

А. М. Сергеева — большая труженица. «Работала весь век», — говорит она о себе.

Во время войны женщина была мобилизована на заготовку торфа: *Меня мобилизовали как трудовой фронт, на торфболото, на Тепляковское. Заготавливали торф для фабрик. Вот там и кисла, ноги вот там я и попортила. Там погода всякая была: и холодная, и тёплая. А ноги-то всё в мокóре*¹⁰. *Надевали нам бахилы брезентовые на ноги, а они промокали. Ноги-то вот я и испортила на болоте. Много делянок-то мы тогда прошли. Четыре года работала на болоте летом, а зимой пилили дрова в лесу. Затем трудилась в колхозе: После войны я работала в колхозе. В войну я пилила-пилила дрова-то, мучили-мучили нас, а потом собрание было как-то, Василий Панфилович (он не знал, конечно, что я буду сноха), говорит: «Хватит девчонку мучить-то, поставьте её кладовщиком. Пусть **отдóх-нет***¹¹ *немного. И вот я начинала кладовщиком работать в колхозе, а потом заведующей фермой. А потом уж видят, что дело-то у меня идёт, мне всё больше и больше делов прибавляли. Потом и полеводство всё на меня и всё хозяйство на меня обрушили. Вот и работала весь век, всё трудилась и заботилась о хозяйстве колхозном, как о своём*

⁹ *Сквóрчик* ‘скворец’.

¹⁰ *Мокóрь* ‘сырость’.

¹¹ *Отдóхнуть* ‘отдохнуть; поправиться’.

заботилась. На мне были все склады и скотина, и полеводство. Две деревни у меня было — Павлюково и Запрудново, земли-то много было. И, разумеется, Анна Михайловна занималась многочисленными домашними делами.

В её речи, таким образом, отмечены лексические единицы, связанные с трудовой деятельностью сельского жителя, в частности: **разбивать сено**, **валки** ‘разбрасывать, ворошить сено для лучшей просушки’, **копушка** ‘небольшая копна’ (*Мужики косили, а жёнки-то управятся с печами и идут разбивать. Они (мужчины) валки накашивали, а эти (женщины) валки разбивали, раскидывали, чтобы быстрее сохло. Потом ворочали, потом сгребали в копушки, когда высохнет. И на лошадях опять увозили, складывали в стога. Сарай раньше были частные. Сарай-то набьют, а остальное, чего не уходит, стали под навес ставить — крыши такие, чтобы не мочило дождём*); **кресты**, ед.— **крес** ‘крестообразная укладки снопов в поле’ (*Мама работала по полеводству, жать ходила. Раньше всё кресты ставили, вот мама ставила. Нажнут снопы и их в кресты ставили, чтобы они просыхали. Сделают кре[с] и на них кладут, кладут. Высокие кресты делали. Мама вот эти кресты делала, а не всяк мог*); **поднавес** ‘навес’ (*У нас вот был поднавес большой, где раньше ферма была, и сгорел этот поднавес*); **вязти** ‘вязать’, **навязти** ‘навязать’ (*Вату на фабрике брали, её пряли и вязли варезжки. Навязём много, целые санки зимой повезём на фабрику отдавать, где брали вату. Всё для фронтовиков старались. Ну, зато нас кормили. Из колхоза давали питание. Картошки вот давали и мяса. Варила нам хозяйка горячего. Да ещё там была столовая, где пилили дрова-то*); **зарядить печку** ‘положить дрова в печку’ (*Зарядила печку*).

Человек

Наша собеседница рассказывает о членах семьи, родственниках, друзьях, соседях, в связи с этим выделяется группа слов, характеризующих:

а) внешний облик человека: *мусоренький* 'неказистый, невзрачный', *справный* 'хорошо сложенный, видный, красивый' (*Вот была мусоренькая, маленькая, не видная, не справная, лёгкая, а на дела молодец была.*); *помáхивать* 'быть похожим на кого-либо' (*Вова помахив[з/т] на Кирилла*); *налячкаться* 'краситься, пользоваться косметикой'; *налячканый* 'накрашенный' (*Косметика раньше была. Кто красился, кто нет. Павлюковские девчонки не больно уж красились, а вот дубковские, они всё время налячканые были. Духи были, да не покупали. Не на что было покупать. Красилы¹² какие-то были, пудра была, крема были разные. Намажутся кремом да пудрой напудрятся. У меня вот лицо загорало всё время, так ко мне и пудра не приставала. Помажусь кремом да напудрюся, а пудра-то у меня вся выступит, как мука на лице. Я возьму да сотру всю. А вот Вера, к ней пудра-то шла, она попудрится и становится белая. У её лицо какое-то другое было, бледное, а у меня румяное, загорелое); *чуп* 'вздыбленная передняя часть причёски' (*Вот Валера, с чупом, с зачёсом. Всё налаживал зачёс. Лягот спать, наденет мой бюрет на голову. Всё хотелось ему зачёс наладить*); *навивать* (кудри, волосы) 'завивать' (*Я носила всё кудри, когда барышней стала, навивала в парикмахерской на 6 месяцев*);*

б) отношение человека к труду: *на все руки* 'умелый, работающий' (*Мама была на все руки*); *из нету сделать монету* 'сделать что-либо хорошее, качественное из плохого материала' (*Было время тяжёлое, а она вот из нету сделает монету, все говорят. Хорошо всё делала. Воспитала вот нас*);

в) состояние здоровья: *оконтуженный* 'контуженный' (*Война-то кончилась, а он ещё целый год не приходил, он был в кадровый, их дослуживать оставили, банды были, они их ловили. На войне был раненый, да не один раз, оконтуженный*); *попростудиться* 'простудиться' (*Якова убили на войне, а старший и младший вернулись. Старший попростудился на войне. Ну, на войне всяко было. У него лёгкие болели,*

¹² *Красилы* 'косметика'.

но всё равно поправился он потом. Женился, строиться стал, купил дом. Всё своими силами);

г) поступки человека: **иссорить** (деньги) ‘истратить (деньги)’ (*У нас своих денег и не было. Только что скривные были. Дак и то я их все иссорила то на то, то на другое. Встала в положение, думаю: «Надо приданое заготовливать». То одеяльце купишь, то на пелёнки надо материи, то простынки разные. Так у меня все эти деньги и ушли. То занавески, помню, загораживать окошки, сшила); с **намеренья** ‘намеренно, умышленно’ (*Был в Кочневе праздник, мимо много людей шло. Мужики пьяные бросят окурок, он и загорится. После времени говорили, что это Василий Иванович. Шёл из гостей из Кочнева и лежал тут, видно, отдыхал. Он не с намеренья, а так получилось).**

Одежда

Тематическая группа «Одежда» включает лексемы: **бюрёт** и **бюретик** ‘берет’ (*На голову, вот я в девчонках была, была мода — бюреты, шерстяные бюреты были; Бюретики. На самую макушку наденешь); колычко ‘колечко’ (*Потом кантик купила шёлковый, обделала воротничок вокруг колычками); вязёный ‘вязаный, трикотажный’ (*В конторе меня фотографировали, приезжали корреспонденты. Я была на доске почёта в гортеатре. Шёлковая кофточка, сейчас она у меня цела ещё, и вязёная кофта); муркий ‘легко пачкающийся, маркий’ (*Какой у тебя, Алёна, костюм муркий, белый, грязнится скоро).****

Описывая свой венчальный наряд, наша собеседница использовала наименование ткани, из которой было сшито платье, — **креп-сотён** ‘креп-сатин’, а также название головного убора невесты — **уваль** ‘фата, вуаль’: *Платье на мне было очень красивое. Больно уж хорошо портниха мне сшила его, красиво. Буфы были с плеча до груди, потом от груди до пояса и кругом. Буфы были набранные, чашечками собранные. Красиво сшили платье мне венчальное. Брусничного цвета, креп-сотен материя была. Он блестящий был, а я сшила*

на другую сторону, чтобы не блестящий был, а и другая сторона была красивая. Хорошее платье было, сделано очень красиво. А на голову [у]девали, когда к венцу поехали, уваль был. Ну, тогда, конечно, бедно всё было.

Питание

А. М. Сергеева сообщает: *Завтракали, обедали и ужинали вместе, вся семья. А там поесть когда захочется, мама напекот пирогов, кокúр. Тесто разоскот, колесом свернёт — кокúры назывались. А колобок — колобком испекот. Вот когда захочется между обедом-то и ужином, колобúшка или кокúрки отломим и пожужём. <...> В этом овшейнике хранились продукты и в погребах. Ничего не портилось, всё было хорошее, всё ели за аппетитную душу.*

Таким образом, можно отметить следующие диалектизмы тематической группы «Питание»: *кокúра* и *кокúрка* ‘мучное изделие — баранка’; *колобок* ‘мучное изделие круглой формы, без начинки’; *колобúшка* ‘лепёшка’; *есть за аппетитную душу* ‘есть с аппетитом’.

Итак, А. М. Сергеева употребляет слова и выражения, которые ранее фиксировать в речи местных жителей не приходилось, не обнаружены они и в составе областных словарей — СРНГ, ЯОС, КрКОС. Это следующие лексические единицы: *горьба́*, *есть за аппетитную душу*, *из нету сделать монету*, *красíлы*, *ледя́ж*, *му́ркий*, *народíть-ся* ‘родить’, *нарождённая*, *помáхивать*, *с намеренья*. Можно полагать, что некоторые из них — факт индивидуального словотворчества, так же, вероятно, как и неусвоенные, искаженные литературные лексемы *бюрет*, *креп-сотён*.

Однако большая часть слов, по нашим наблюдениям, широко используется жителями Ивановской области. Многие из них включены в СРНГ: *венéц*, *вязтí*, *задво́рок*, *зы́бка*, *иссорíть (деньги)*, *кокúра*, *колобок*, *колобúшка*, *копúшка*, *ко́льчи́ко*, *корова́тка*, *кошёвка*, *курга́н*, *нави-ва́ть*, *навязтí*, *отдóхнуть*, *перебítть* (девушку у парня), *поднавéс*, *попростудíть-ся*, *привáл*, *разбивать сено*,

скворчик, справный, тычка, оконтуженный (в СРНГ — *оконтужить*); а также *содерживать* (у А.М.— *содержить*), *слáдиться* ‘сдружиться, слюбиться, вступить в любовную связь, сожителство’ (у А.М.— ‘помириться’), *налячка́ть* ‘намазать, наляпать’ (у А.М.— *налячка́ться* ‘накраситься’). При этом некоторые лексемы сопровождаются в словаре местными территориальными пометами: *глядельщик* — г. Иваново-Вознесенск Влад.; *жёнка, кокурка* — Шуйск. Влад.; *моко́рь* ‘сырая погода’ — Шуйск. Влад.; *навстрёшник* (правда, в значении ‘тот, кто встречается на пути, на дороге’) — Шуйск. Влад.; *изба́, ко́ка, скочки́, увáль* — Иван.; *овше́йник* (*овшеник, овшеник, овшинник*) ‘подвал для хранения продуктов’ — Кинеш. Костром.; *скрыва́ть* — Кинеш. Костром., Вичуг. Иван. В ЯОС фиксируются лексемы *взятí, глядельщик, задво́рок, зы́бка, изба́, ко́ка, коку́ра, коку́рка, колобо́к, колобу́шка, копу́шка, кошёвка, кресты́, курга́н, му́сорне́нский, налячка́ться* ‘намазать лицо кремом’, *переби́ть, поднавёс, разбивать сено, увáль, ухлы́стывать, чу́п, катать́ся в яйца́* (у А.М.— *катать́ яйца́*).

Можно, таким образом, констатировать, что наш информант — типичный представитель своей языковой среды, и словарь А. М. Сергеевой, отражая особенности идиолексикона региональной языковой личности, одновременно характеризует лексико-семантическую систему шуйских говоров. Данный фактический материал, следовательно, может стать частью областного словаря, а также представлять интерес для ЛАРНГ.

Литература

Короткова М. В. Путешествие в историю русского быта. М., 1998. 256 с.

Лютикова В. Д. Языковая личность: Идиолект и диалект: Дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2000 316 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://dissland.com/catalog/yazikovaya_lichnost_idiolekt_i_dialekt.html

Прокофьева Е. В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 21 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/dialektnaya-yazykovaya-lichnost-na-altae#ixzz5VTHf4pGL>

Фельде О. В. Словарь и жизнь (рецензия на «Полный словарь диалектной языковой личности» / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006–2012. Т. 1–4) // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 274–280.

Dialectal vocabulary in the speech of
A. M. Sergeeva, an inhabitant of the village of
Pavlyukovo (Shuya district, Ivanovo region)

Larisa P. Batyreva
Shuya campus, Ivanovo
State University

The article presents dialect lexical units identified in the speech of a resident of the village of Pavlyukovo located in Shuya district, Ivanovo region. The facts given in the article characterize the personal vocabulary features of a provincial linguistic personality, and at the same time demonstrate the lexico-semantic system which is characteristic of dialects of the Vladimir-Volga group.

Key words: dialect, vocabulary, personal vocabulary features, provincial linguistic personality, dialectal vocabulary of a personality.

References

Korotkova M. V. Puteshestvie v istoriyu russkogo byta [A journey through the history of Russian everyday life]. M., 1998. 256 p.

Lyutikova V. D. YAzykovaya lichnost': Idiolekt i dialekt: [Linguistic personality, its idiolect and dialect] Dis. ... dokt. filol. nauk. Ekaterinburg, 2000 316 с. [Elektronnyj resurs] [Online-resource] — Rezhim dostupa [Access regime]: http://dissland.com/catalog/yazykovaya_lichnost_idiolekt_i_dialekt.html

Prokof'eva E. V. Dialektnaya yazykovaya lichnost' na Altae: [Dialectal linguistic personality in the Altay region] avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2012. 21 s. [Elektronnyj resurs] [Online-resource] — Rezhim dostupa [Access regime]:: <http://www.dissercat.com/content/dialektnaya-yazykovaya-lichnost-na-altae#ixzz5VTHf4pGL>

Fel'de O. V. Slovar' i zhizn' (recenziya na «Polnyj slovar' dialektnoj yazykovej lichnosti» / pod red. E. V. Ivancovoj. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2006–2012. T. 1–4) [Dictionary and life (a review of E. V. Ivancova's "Full dictionary of a dialectal linguistic personality" / Tomsk, 2006–2012. V. 1–4)] // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice] 2013. № 1. Pp. 274–280.

Диалектный ландшафт Темрюкского района Краснодарского края (по материалам полевых экспедиций)

Ольга Геннадьевна Борисова
Людмила Юрьевна Костина
Кубанский государственный
университет

В статье представлены результаты диалектологических экспедиций в Темрюкский район Краснодарского края: охарактеризованы фонетические и морфологические черты говоров, продемонстрированы основные тематические группы диалектной лексики, отмечены зафиксированные локализмы, выявлены факторы, способствующие относительной устойчивости местных говоров, которые в современных условиях нивелирования диалектов продолжают оставаться для многих представителей старшего и среднего поколения естественным средством коммуникации.

Ключевые слова: говоры вторичного образования, кубанский диалект, лингвогеография, диалектная лексикография, региональный компонент, Кубанское Приазовье.

В течение четырех летних диалектологических практик, с 2016 по 2019 гг., диалектный материал собирался в населённых пунктах Темрюкского района Краснодарского края. Целью полевых экспедиций было продолжение изучения лингвогеографической зоны Кубанское Приазовье [Борисова, Костина 2014]. Языковая ситуация в отдельных станицах Темрюкского района уже исследовалась студентами и преподавателями филологического факультета Кубанского госуниверситета: в 2005 г. — в ст-це Ахтанизовской и в 2006-2007 гг. — в ст-цах Старотитаровской, Вышестеблиевской. В 2016 г. участники экспедиции выезжали в ст-цы Вышестеблиевскую, Запорожскую, Старотитаровскую, Фонталовскую, хут. Белый;

в 2017 г. — в ст-цу Старотитаровскую, пос. Кучугуры, Стрелку; в 2018 г. — в ст-цу Старотитаровскую, пос. Кучугуры; в 2019 г. — в ст-цы Старотитаровскую, Тамань, Фонталовскую.

В целом на территории Кубанского Приазовья, как показали проведённые исследования, распространены кубанские говоры с украинской языковой основой. Достаточно последовательно в речи диалектоносителей сохраняются следующие фонетические черты: оканье; фрикативное [g], протетическое [B], замена предлога В на [У] слоговое, веляризация согласных перед гласными переднего ряда; неоглушение парных согласных в слабой позиции; произношение [И] на месте этимологического ятя; мягкий [Ц']; произношение долгих мягких переднеязычных согласных звуков, образовавшихся вследствие ассимиляции с [J], и др.

Устойчивость обнаруживают следующие диалектные грамматические черты: у имен существительных — окончание -И в П. п. ед. ч. у сущ. 2-го склонения (*в звені́, на ви́кні*); флексия -И в Д. п. и П. п. ед. ч. сущ. с основой на -А (*на стени́, на спы́ні*); шире, чем в литературном языке, флексия -У в П. п. ед. ч. у сущ. 2-го склонения (*в марту́, в маю́, пры кинжа́лу*); чередование заднеязычных согласных звуков [Г], [К], [Х] со свистящими [З], [Ц], [С] в позиции перед [Е] [И] (в речи пожилых диалектоносителей) (*на поро́зи, у соба́ци, на ори́си*); ударная флексия -Ы во мн. ч. у существительных ж.р. 1-го склонения в И. п. и В. п. (*бабушкы́, баночкы́*); окончание -АХ у сущ. мн. ч. с предлогом ПО при глаголах любого лексического значения (*по врачáх, по хуторáх*); окончание -ИВ в Р. п. мн. ч. существительных (*козаків, кавунів*); флексия -АМЫ у существительных в Т. п. мн. ч. (*кабакáмы, пирога́мы*); флексия -Ы у существительных ср. р. мн. ч. И. п. и В. п. (*колёсы, п'ятны*); у имен прилагательных прежде всего наличие усеченных форм (*га́рна, га́рни*); использование украинских личных местоимений *вин, вона́, вони́*, указательного *цэ*; у глаголов — [Г'] в формах 3-го лица ед. ч. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени (*но́сють, спева́ють*); отсутствие конечного [Г] в формах

3-го лица ед. ч. настоящего времени (*гра́е, ка́же*); замена глагольных суффиксов -ЫВА-(-ИВА-), -ОВА-(-ЕВА-) суффиксом -УВА- (*росскáзывать, танцováть*); окончания -ИМО, -ЕМО у глаголов в 1-м лице мн. ч. (*ка́жемо, кúпымо*) и др.

Архаичными являются украинские окончания -ОВИ, -ЕВИ П. п. у существительных 2-го склонения; звательная форма у одушевлённых имён существительных; совпадение форм В. п. мн. ч. с формами И. п. у существительных — названий животных, демонстрирующее остаточные черты неразвитой категории одушевленности.

На синтаксическом уровне обращает на себя внимание последовательное использование предлога ДО + Р. п. вместо К + Д. п. (*до ба́бушки, до кумы́*); предлога ЗА + В. п. вместо О + П. п. при глаголах речи, мысли, чувства (*расска́зть за дётство*); предлога ОТ + Р. п. вместо беспредложного Р. п. при сравнительной степени прилагательных *старше, моложе, младше* (*он ста́рше от ей*); предлога С вместо НАД с глаголами *смея́ться, издева́ться* (*смея́ться с не́й*).

Наблюдения показали, что в речи информантов диалектные фонетические и грамматические черты могут проявляться непоследовательно, что обусловлено постепенным размыванием материнской основы говоров под влиянием русского языка. На это обращают внимание и сами информанты: «*Ді́ты на́шы нэ бала́кають, ужэ разговáривают, и мы трóшки пэрэвэрну́лыся*» (ст-ца Старотитаровская). В ст-це Вышестеблиевской записано устойчивое выражение *кажу́-говорó*, отражающее смешение кубанского говора с украинской основой с русским языком. Так, многие диалектоносители акают, оглушают звонкие парные согласные в слабой позиции; произносят твердое [Ц] вместо [Ц']. Для их речи характерно сосуществование в ней структурных вариантов, отражающих живые фонетические процессы, см., например: *болі́знь — болéзнь, горы́ще — горі́ще, зымóвка — зимóвка, ослі́н — ослóн, терні́вка — терно́вка* и др. Сами информанты осознают смешанность в своей речи русских и украинских черт, говоря о себе: «*Вот так мы и ка́жемо: от укрáинского втиклы́, до*

*ру́сского нэ добі́глы», «Я ужэ чéрис слóво гаварю́» (глаголы *говори́ть, разговáривать* используются местными жителями в значении ‘говорить на русском литературном языке’, в отличие от лексического диалектизма *балáкать*, один из ЛСВ которого — ‘говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой’).*

Основной целью экспедиции был сбор лексического материала, осуществлявшийся различными методами. Ведущими являлись традиционные методы: беседа на заданную тему и опрос по Программе ЛАРНГ. Комбинирование методов сбора материала позволило собрать тематически разнообразную лексику. Представим состав некоторых тематических групп (ТГ).

ТГ «Части тела человека»: *бе́[э]льбухы* ‘внутренние органы, внутренности’, *борода́* ‘подбородок’, *волóсья* ‘волосы’, *горля́нка* ‘горло’, *ку́тний зуб* ‘коренной зуб’, *кы́рна* ‘курносый нос’, *лы́тка* ‘голень’, *поты́лыця, поты́ляка* ‘затылок’, *пу́чка* ‘мягкая часть кончика пальца’, *сопа́тка* ‘лицо; нос и часть лица, примыкающая к носу’, *спы́на* ‘спина’, *ясны́* ‘десны’ и др.

ТГ «Номинации человека и его действий». *Имена существительные*: *анчу́тка* ‘о неопрятном, грязном человеке’, *байстру́к* ‘внебрачный ребёнок мужского пола’, *балаку́шка* ‘болтуня, болтушка’, *близнюкы́* ‘близнецы’, *бу́ся* ‘бабушка, бабуся’, *вары́вода, духобóр* ‘нервотататель, мучитель’, *вы́шкребок* ‘ирон. самый младший, обычно поздний ребёнок’, *гайга́ра, го́йдалка* ‘презр. об очень высокой девушке или женщине’, *гамсе́[э]л* ‘устар.; презр. и ирон. кличка иногородних, не казаков’, *дво́яшки* ‘двойнята’, *детворня́* ‘детвора’, *дочка́* ‘дочка’, *дуры́свит* ‘дурак’, *загны́беда* ‘презр. убогая, неказистая девушка или женщина’, *засе́[э]ря* ‘неряха, грязнуля’, *зовы́ця* ‘золовка’, *ле[э]кэ́[э]ся* ‘неряшливая, неухоженная женщина или девушка’, *ле[ы/э]нтя́га, лут, лута́й, лутайце, лы́марь* ‘лентяй’, *мазу́нчик* ‘баловень, любимый ребёнок’, *мамий́* ‘мальчик, сильно привязанный к матери’, *моте́* ‘о некрасивой, простоватой женщине’, *мызы́не[ы/э]ць*

‘самый младший сын’, *мыр* ‘народ, люди’, *не[ы/э]вѣглас* ‘неуправляемый подросток’, *пышбѣха* ‘красивая женщина или девушка’, *розбышѣака* ‘шалун, баловник, негодник’, *роздѣй-бедѣа* ‘щедрый, много раздающий человек’, *рѣповка* ‘полная, пышная женщина’, *тѣчка* ‘группа людей’, *спевѣун* ‘певун’, *чѣловик* ‘муж’, *чистѣха* ‘чистюля, чрезмерно аккуратная’, *швѣчка* ‘швея’, *штѣбалка* ‘человек, говорящий на литературном языке, по-городскому’, *штѣблык* ‘*презр. и ирон.* о невысоком худом парне или мужчине’, *ятрѣвка* ‘невестка, жена брата’ и др.

Имена прилагательные: *булькѣтый* ‘о человеке с глазами навывкате’, *вѣжнѣый* ‘уважительный, обходительный’, *впѣ[э]-ртѣый* ‘упрямый, неуступчивый’, *вѣробле[э]ннѣый* ‘измождённый от изнурительной работы’, *гнусѣстѣый* ‘гнусавый’, *грошевѣтый* ‘богатый, имеющий много денег’, *додѣльнѣый* ‘умеющий всё делать’, *зобѣвтанныѣый*, *зачѣуханныѣый* ‘перепачканный, грязный’, *ле[ы/э]дѣбчѣый* ‘ленивый’, *макоцвѣтнѣый*, *не[ы/э]доколыханнѣый* ‘ненормальный, глупый’, *не[э]-вжѣштошнѣый* ‘неуживчивый’, *не[э/ы]ке[э]-бѣ[э]тнѣый* ‘несообразительный’, *не[э/ы]навѣыстнѣый* ‘ненавистный’, *подѣльчѣывѣый* ‘о человеке, который охотно делится чем-л. с другими’ и др.

Глаголы: *базѣкѣть* ‘пустословить’, *балѣкѣть* ‘1) разговаривать, болтать; 2) говорить на местном говоре с украинской языковой основой’, *бѣчѣть* ‘видеть’, *беловѣть* ‘очищать тушу убитого животного от шкуры и внутренностей; свежевать’, *вѣлаять* ‘выругать’, *выпровожѣть* ‘проводить’, *глузовѣть* ‘подтрунивать’, *гузнѣкѣтьсѣя* ‘медлить, возиться’, *гукѣть* ‘звать’, *девовѣть* ‘пребывать в девичестве’, *дозолять* ‘допекать, выводить из себя, донимать кого-л.’, *дратувѣть* ‘дразнить, раздражать, выводить из себя’, *дудѣблыть* ‘сосать грудь, вымя, соску’, *завгѣорыть* ‘причинить горе, неприятность’, *завдовѣть* ‘овдовѣть’, *зажурѣтьсѣя* ‘загрустить, опечалиться’, *закоцѣбнуть* ‘сильно замѣрзнуть’, *замандѣорытьсѣя* ‘сильно захотѣтьсѣя’, *заннѣутьсѣя* ‘повязаться, завязаться чем-л.’, *захарлѣть* ‘затерять, заде-

вать', *кулáчить* 'вбивать кулаком глину в потолок и стены', *купля́ть, купува́ть* 'покупать', *ле[ы/э]да́чить* 'бездельничать', *ломáть* 'срывать, собирать', *ляжа́ть* 'пугать', *манту́ли(ы)ть* 'много и тяжело работать', *могоры́чить* 'выпрашивать, клянчить', *мудоба́ться* 'заниматься делом, доставляющим много хлопот', *надывы́ться* 'насмотреться', *найты́* 'родить', *насы́пать* 'налить жидкую пищу, жидкость', *отдухопе́[э]лыть* 'сильно побить', *па́трать* 'ощипывать птицу, предварительно окунув её в кипящую воду', *пласта́ть* 'разделявать рыбу', *распутёкивать* 'говорить долго и медленно', *сапа́ть* 'рыхлить землю при помощи тяпки', *ски́глыть* '1) ныть, плакать, капризничать (о ребёнке); 2) плакаться, жаловаться (о взрослом)', *сنى́дать* 'завтракать', *спева́ть* 'петь', *утушковáть* 'укутать', *часова́ть* 'доживать последние дни, ждать смерти', *чаюва́ть* 'чаёвничать', *чимчи́ковáть* 'идти, быстро шагать', *шукáть* 'искать' и др.

ТГ «Обрядовая лексика»: *боя́рын* 'устар. близкий друг жениха, участник свадьбы', *свя́т ве́чер* 'ночь под рождество', *голубе́[э]ць* 'фигурка из теста в виде голубя', *дру́жка* 'подружка невесты, участница свадьбы', *дружкывáть* 'быть дружкой или дружкой на свадьбе', *ды́ве[и/ы]нь* 'атрибут свадебного стола: украшение из сдобного теста или из сахара', *кани́н* 'поминальная кутья', *мыланкува́ть* 'разыгрывать при щедровании шуточную свадьбу Маланки и Василия (31 декабря и 1 января христианами отмечаются как дни святых Мелании Римляныни и Василия Кессарийского)', *пе[ы/э]ре[ы/э]вя́зывать* 'устар. 1) обычай перевязывать сватов и гостей на свадьбе платками, полотенцами, отрезами материи; 2) обычай привязывать платочки новобранцам', *магары́ч пы́ть* 'угощаться, пить водку, отмечая сватовство', *роже́ствовáть* 'ходить под Рождество по домам с поздравлениями и песнями, получая за это подарки; рождествовать', *ши́шка* 'свадебная булочка', *щедрува́ть* 'ходить под новый год или рождество по домам с поздравлениями и песнями, получая за это подарки' и др.

ТГ «Народная медицина»: *ба́бка* '1) *устар.* женщина, принимающая роды; 2) женщина, лечащая травами', *бе[ы/э]-ши́ха* 'опухоль с нарывом', *бо́жье* 'эпилепсия, злая немочь, падухая', *боле́сть*, *хвороба́* 'болезнь', *чёрная боли́знь* '*устар.* эпилепсия', *бухы́кать* 'надрывно кашлять', *бухы́чка* 'настойка от кашля, приготовленная в домашних условиях', *выразки́* 'воспаление на губах', *гу́зка* 'бородавка', *де́тска(я)*, *де́тске[э]* 'детская болезнь — спазмофилия, тетания (судорожное состояние)', *же́втяны́ця* 'болезнь гепатит, желтуха', *зава́лка* 'ангина', *за́влызды́* '*устар.* воспаленные гланды, ангина', *зады́рка* 'заусеница', *зады́шка* 'одышка', *зноб́* 'озноб', *золоту́шка* 'болезнь золотуха', *бо́гнык* 'гнойное высыпание на губах и лице', *по́шерсть* '*устар.* эпидемия, повальная болезнь', *сибу́рка* 'гнойное воспаление кожи, которое сопровождается высокой температурой', *со́яшны-ци* 'острое желудочное заболевание', *сухо́тты* 'болезненное истощение; болезнь, иссушающая тело', *шепта́ть* 'лечить молитвой и заговором' и др.

ТГ «Растения и их части»: *ажы́на* 'ежевика', *а́йстра* 'садовое раст. астра', *ало́й* 'раст. алоэ, *Aloe arborescens* Mill', *а́рбус* 'арбуз', *ба́ран* 'раст. алоэ с узкими, скрученными листьями', *ба́рхатки* 'раст. бархатцы отклонённые, *Tagetes patulus*', *бергамо́т* 'сорт груш, бергамот', *бе[э/рэ/э]зка* 'раст. вьюнок полевой, *Convolvulus arvensis*', *бу́бка* 'одна ягода винограда, малины, ежевики', *буге́[э]лы* 'сорняки с толстыми, затвердевшими стеблями', *бузо́к* 'сирень', *буржу́н* 'раст. донник лекарственный и донник белый, *Melilotus officinalis*, *Melilotus albus*', *буря́к* 'свёкла', *бурья́не[э]ць* 'бурьян', *винограда́* 'виноградники', *гайга́ра* 'очень высокое дерево', *гальва́*, *гайва́* 'айва', *га́рбус* '1) тыква; 2) арбуз', *глёт* 'раст. боярышник, *Crataegus sanguinea* Pall', *гле́[э]чики* 'помидоры продолговатой формы', *горе́(и)х* 'орех', *гро́нка* 'гроздь, кисть (винограда и т.п.)', *гы́лка* 'боковой отросток дерева, кустарника; ветка', *де[ы/э/ре[ы/э]вья́на* 'дерево', *дубо́к* 'раст. цветок семейства хризантем', *желту́ха* 'раст. сорняк паразит, повилика южная, *Cuscuta australis*', *забе́л*

‘сорт винограда «изабелла», *Vitis labrusca*’, *зимóвка* ‘позднее фруктовое дерево’, *ио́нька* ‘сорт ранней черешни и её плоды, созревающие в июне’, *кавуны́ця* ‘женская особь арбуза’, *калáчик* ‘раст. герань’, *календу́ла* ‘раст. календула, ноготки аптечные, *Calendula officinalis*’, *камка́* ‘раст. zostера морская, изоморник, морская трава, *Zostera marina* L.’, *квасо́ль* ‘фасоль’, *ке[э]рме́[э]к* ‘раст. съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами, *Сrambe orientalis*’, *короле́к* ‘карликовое плодое дерево’, *крьвохвóстка* ‘сорт груш’, *куви́нчики* ‘помидоры продолговатой формы’, *куга́* ‘раст. камыш озёрный, *Scirpus lacustris*’, *кукурузы́ння* ‘стебель кукурузы’, *лободá* ‘раст. лебеда’, *лушпáйка* ‘кожура некоторых плодов (арбузов, дынь, картофеля, семечек)’, *лы́пка* ‘раст. герань, *Geranium*’, *ма́йка* ‘сорт ранней черешни, а также плоды этих деревьев’, *масля́нка* ‘сорт подсолнечника с мелкими чёрными семечками’, *не[э]хворо́ц* ‘раст. хвощ полевой, *Equisetum arvense*’, *огыро́к* ‘огурец’, *падалы́ця* ‘плод, упавший с дерева от ветра или непогоды и т.п.’, *парши́вка* ‘сорт груши с мелкими плодами искривлённой формы’, *поры́чка* ‘красная смородина’, *ре[э]панка* ‘сорт дыни’, *ры́слян*, *рысляно́к* ‘сорт винограда «рислинг»’, *скля́нка* ‘сорт скороспелой вишни и её плоды’, *сокыркы́* ‘раст. дельфиниум аякса, *Delphinium ajacis*’, *солода́рь* ‘раст. солодка щетинистая, *Glycyrrhiza glabra, echinata*’, *солоне́[э]ць* ‘раст. метлица, *Apera adans*’, *сыку́н* ‘сорт белого винограда с сочной мякотью’, *те[ы]/э[р]ни́вка* ‘сорт мелкой сливы’, *цыбу́льина*, *цыбу́ля* ‘лук’, *часны́к* ‘чеснок’, *чэбчик* ‘чабрец маршалля, *Thymus marschallianus*, чабрец обыкновенный, *Thymus serpyllum*’, *шпши́на* ‘раст. шиповник щитконосный, *Rosa corymbifera*’, *шовко́выця* ‘дерево шелковица и её плоды’, *шпоры́(и)ш* ‘раст. горец птичий или птичья гречиха, спорыш, *Polygonum aviculare*’, *што́лык* ‘небольшой кочан кукурузы’, *щеры́ця* ‘трава семейства амарантовых, *Amarantus retrofletus*’ и др.

ТГ «Животные»: *вовé[э]ло* ‘матёрый волк’, *жа́бай*, *жабры́ок* ‘жаба крупного размера’, *жабы́ня* ‘лягушонок’,

козе[ы/э]ня ‘козлёнок’, *кошенья* ‘котёнок’, *кроль* ‘кролик’, *крольыха*, *крольця* ‘крольчиха’, *крякун* ‘жаба, лягушка’, *лосычка* ‘самка лося’, *лошак* ‘лошадь по третьему году’, *мышя* ‘мышь’, *паць* ‘крыса’, *собака* ‘собака (м.р.)’, *те[ы/э]льця* ‘тёлка’, *те[ы/э]ля* ‘телёнок’, *тичка* ‘стая собак или волков с сучкой’, *ужак* ‘уж’, *шутий* ‘безрогий (о животном)’, *щенья* ‘щенок’, *зыньске[э]* *щенья* ‘кавказский слепец’, *ящурка* ‘ящерица’ и др.

ТГ «Птицы»: *бугаець* ‘птица выпь’, *гáva* ‘ворона’, *горобэ[э]ць* ‘воробей’, *грак* ‘грач’, *гуска* ‘гусыня’, *зозуля* ‘кукушка’, *камышанка* ‘мелкая водоплавающая птица’, *качка* ‘утка’, *качур* ‘селезень’, *клушка* ‘кураца-наседка’, *кокотать*, *кудкудакать* ‘кудахтать, издавать кудахтанье (о курице)’, *кужурикать* ‘кукарекать, издавать кукареканье (о петухе)’, *курка* ‘кураца’, *курча* ‘цыплёнок после месяца жизни, молодая курочка’, *ластивка* ‘ласточка’, *цыпля* ‘цыплёнок’, *штак* ‘скворец’ и др.

ТГ «Явления природы и природные объекты»: *бэ[э]-ле[ы/э]бе[ы/э]нь* ‘сильный, пронизывающий ветер // холодный ветер, дующий на открытом возвышенном месте’, *блыскалка* ‘молния’, *блыскать* ‘сверкать (о молнии)’, *бурхайло* ‘сильный ветер // штормовой ветер’, *ветрюга* ‘1) ветер; 2) сильный ветер’, *сладкая вода* ‘пресная вода’, *восток* ‘восточный ветер’, *гй(ы)рло* ‘проток, соединяющий лиман с морем’, *годына* ‘погода’, *гололёдка* ‘гололедица’, *жарота*, *жаротына*, *жарюка* ‘сильная жара’, *завирюха* ‘метель с сильными порывами ветра’, *засушь* ‘засуха’, *зирка* ‘звезда’, *калбюжа* ‘лужа’, *жидивски кучкы* ‘холодные, хмурые дни в период с конца октября по ноябрь’, *курить* ‘мести (о снеге)’, *майстра* ‘северо-западный ветер’, *морозьяка* ‘сильный мороз’, *мрячка*, *мыгычка* ‘мелкий дождь, переходящий в снег’, *нахнюпытся* ‘затянуться тучами (о небе)’, *ожселэ[э]дыця* ‘гололедица’, *ополонка* ‘1) прорубь; 2) полынья, незамерзающее место в реке, озере’, *серить* ‘светать’, *скользота* ‘гололедица’, *сопляк* ‘сосулька’, *хмара* ‘туча’, *хмарыться* ‘о наступлении пасмурной

погоды', *ше́ре[ы/э]х* 'мелкий лёд, идущий по реке весной во время ледохода' и др.

ТГ «Дни недели, части суток»: *визто́рок* 'день недели вторник', *впозара́нку* 'с раннего утра, рано утром; спозаранку', *вче́ра, учёра, вче́рась* 'вчера', *зра́нку* 'с раннего утра; спозаранку', *не[э/ы]дúля* 'седьмой день недели, воскресенье', *позавче́ра* 'позавчера', *поне[э/ы]дúлок* 'день недели понедельник', *се[э/ы]ре[э]да* 'третий день недели, среда', *ты́жде[э/ы]нь* 'неделя' и др.

ТГ «Пища и напитки»: *абрыко́совка* 'самогон, приготовленный из абрикосов', *бе[э]кме[э]с* 'фруктовая патока', *бро́шно* 'мука', *ванé[э]лька* 'ваниль', *ве[ы/э]ргúн* 'изделие из теста хворост', *вершо́к* 'сливки в отстоявшемся молоке', *вороно́к* 'брага', *глывкúй* 'сырой, непропечённый (о хлебе, мучных изделиях)', *гречнёвка* 'гречневая каша', *жа́ркóмце* 'жаркое', *жу́лык* 'пирог с маком', *жучо́к* 'мелкая нечищенная рыба, засоленная с вечера и поджаренная на следующий день или через два-три дня без муки', *за́тирка* 'суп, сваренный на воде, бульоне или молоке, заправленный мелкими, величиной с горошек, *ка́тушками* круто замешенного пресного теста', *квас* 'протёртые квашеные помидоры', *квасо́к* 'мясной или рыбный суп, заправленный протёртыми квашеными помидорами', *ке[э]ндюх* 'свиной желудок, начинённый мясом', *ки́сто* 'тесто', *ко́вбык* 'запечённый свиной желудок, начинённый мясом', *кондё́р* 'густой суп из пшена с картофелем на молоке или на растительном масле, заправленный луком, пережаренным с салом; обычно варился во время работы в степи', *кусме́[э]л, кусмы́яра* 'очень большой кусок', *кы́сляк* 'кислое молоко, простокваша', *ло́кшина* 'лапша', *мамалы́га* 'крутая каша из кукурузной муки', *оли́я* 'растительное масло', *па́па* 'хлеб (обычно в разговоре с детьми)', *пе[ы/э]мóстка* 'заквашенная кочанами капуста', *пе[ы/э]ре[ы/э]го́н* 'обрат', *пири́жок* 'пирожок', *побóвтюха* '1) жидкая похлёбка; 2) невкусное, плохо приготовленное блюдо', *сдор* 'нутряное сало', *со́ус* '1) тушёное мясо с картофелем; 2) овощное рагу', *сыр* 'творог', *сырбóватка* 'сыворожка', *шкуру́нка* '1) корка

хлеба; 2) запечённая плёнка на поверхности молока', *шумóвка* 'заправленное дрожжами или закваской забродившее жидкое тесто, которое затем замешивают; опара', *юшка* 'жидкая часть кушанья' и др.

ТГ «Одежда, обувь и их детали»: *бахíлы* 'сапоги с короткими голенищами', *брыль* 'соломенная шляпа с большими полями', *бузлúк* 'подковка для обуви с шипами', *бúхта* 'собранная у плеча верхняя часть рукава', *жилёт* 'жилет', *капелóха* 'тёплая шапка с наушниками', *куртáйка* 'куртка', *кытыця* 'кисточка на одежде', *лохмачí* 'старая, выношенная одежда, обувь', *обреза́не[ы/э]ць* 'устар. глубокая резиновая калоша', *палитó* 'пальто', *то́ртовый платóк* 'тёплый головной платок коричневого цвета с серым кантом', *плóшка* 'устар. женское полупальто из плюша', *пидшáльнык* 'головной платок', *румýнны* 'устар. женские полуботинки на каблучках с опушкой', *сачóк* 'устар. короткая женская верхняя одежда типа полупальто', *спидны́ця* '1) юбка; 2) нижняя юбка', *спидныкí* 'кальсоны', *сюрту́к* 'стёганка', *чевéк*, *чувéк* 'тапочек', *чэ́бот* 'сапог', *чу́лка* 'чулок', *чумáрка* 'устар. род мужской верхней одежды до колен в талию', *чу́ни* 'глубокие галоши', *швэ́дка* 'мужская сорочка с короткими рукавами', *шерстя́нный* 'шерстяной', *ю́почка* 'юбочка' и др.

ТГ «Предметы быта»: *балъца́нка* 'сосуд цилиндрической формы (для масла, керосина и т.п.)', *батужо́к* 'кнут в виде длинного ремня на деревянной палке', *быльце* 'металлическая спинка кровати', *ваганí* 'деревянное или железное корыто', *весло́* 'деревянная лопата', *граблí* 'грабли', *гру́ба* 'устар. печь, напоминающая голландскую', *дежа́* 'деревянная или глиняная посуда', *де[ы/э]рка́ч* 'веник для уборки', *дзэ́ркало* 'зеркало', *драбýна* 'приставная лестница', *засты́лка* 'половик', *ка(о)бы́ця* 'углублённая в землю глиняная печь, на которой готовили во дворе с ранней весны до осени', *каганé[э]ць* 'устар. светильник, состоящий из черепка с маслом и фитиля', *каменé[э]ць* 'устар. мельничный жёрнов', *кача́лка* '1) скалка; 2) устар. валёк для катания белья',

кльóчка ‘крючок для вытаскивания сена из стога’, *колýс(ь)-ка* ‘1) колыбель; 2) детская коляска’, *кóбристка* ‘кухонная деревянная лопатка’, *кóромысло* ‘кормысло’, *кре[ы/э]сáло* ‘устар. огниво; кусок камня или стали для высекания огня из кремня’, *крóватъ* ‘кровать’, *кúхлык* ‘ковшик’, *макý(и)тра*, *макóтра* ‘глиняный горшок’, *макогóн* ‘устар. толстая палка с расширенным концом для растирания мака в *макúтрé*, *мáтка* ‘плетённая из камыша или рогоза подстилка’, *мыс-ник* ‘подвесная полка’, *обцéньки* ‘клещи’, *пе[ы/э]рé[э]рез* ‘невысокая кадушка с широким дном’, *рубé[э]ль* ‘валёк для катания белья’, *руиныйк* ‘этно. вышитое полотенце’, *салó-тóв(л)ка* ‘небольшая деревянная миска, в которой толкут сало’, *сапá* ‘тяпка’, *скаме́[э]лька* ‘скамейка’, *скрýня* ‘сундук для хранения одежды’, *сокý(и)ра* ‘топор’, *чавунéць*, *чаún* ‘горшок, сосуд, чугун’, *чаплия́* ‘сковородник’, *чашéка* ‘большая миска’, *чáшка* ‘небольшой таз’, *шва́йка* ‘большая игла для шпивания изделий из кожи и войлока’, *ши́рма* ‘занавеска, штора’, *шпалéра* ‘обои’, *щётка* ‘кисть для побелки или покраски’ и др.

ТГ «Постройки и их части»: *байра́к* ‘барак’, *бассéйн*, *бассéйна*, *бассéйна* ‘вырытая во дворе глубокая, зацементированная или обложенная кирпичом яма для воды, которую используют для хозяйственных нужд’, *бúдка* ‘летняя кухня’, *ва́льки*, *ва́лки* ‘устар. крупные (до 7 кг) круглые или овальные комья из глины, перемешанной с соломой, которые накладывали друг на друга рядами высотой до 60-70 см’, *викно́* ‘окно’, *газóвка* ‘небольшое помещение, где находится газовая печка’, *гайга́ра* ‘большое строение’, *горы́(и)ще* ‘чердак’, *долéвка* ‘устар. земляной пол, смазанный глиной, перемешанной с коровьим навозом’, *дыма́рь* ‘печная труба’, *завёртка* ‘дверной запор в виде вертушки или щеколды’, *закапé[э]лок* ‘уголок, укромное место’, *колидо́р* ‘1) коридор; 2) открытая веранда’, *крыльце́* ‘скат над входом в дом, защищающий от дождя; навес над крыльцом’, *кúрнык* ‘курятник’, *кúхынь* ‘летняя кухня’, *кухыня́тко* ‘летняя кухня во дворе, которую используют, чтобы не загрязнять основную’, *ли́ска* ‘плетень’,

пе[ы/э]рэ[э]лаз ‘проход в плетне, где можно перелезть (для чего ставились колодки)’, *прыстўпкi* ‘крыльцо, ступеньки крыльца’, *рўмба* ‘водосточный жёлоб’, *свўлок* ‘потолочная балка’, *сте[э]ля* ‘потолок’, *глухўя стенў* ‘стена, противоположная лицевой стороне строения’, *стрўха* ‘жёлоб на нижнем краю крыши’, *шўбка* ‘стекло оконной рамы’ и др.

«Рыболовецкая лексика»: *атаман* ‘руководитель рыболовецкой артели’, *бўйда* ‘большая широкая вёсельная лодка’, *балбўрка* ‘поплавок рыболовной сети’, *бамбўк* ‘хлопчатобумажная нить особой прочности для вязки сетей’, *блок* ‘жидкая смола, которой конопатят дно лодки’, *блокувўть* ‘конопатить дно лодки *блўком*’, *ве[ы/э]нте[ы/э]рўна*, *вўнтурь* ‘рыболовная снасть, мережа, самоловка для рыбы из сети’, *вешалў* ‘приспособление для сушки сетей’, *водўк* ‘специальная лодка для перевозки и хранения живой рыбы’, *волокуўша* ‘*спец.* сеть с привязанными на концах шестами, которую двое рыбаков тянут по неглубоким местам реки’, *волочўк* ‘сачок’, *вынсарўда* ‘плащ с капюшоном из грубой ткани для рыбаков’, *дуб* ‘большая лодка, баркас с высокими и широкими бортами’, *карўва* ‘вентерь квадратной формы’, *калўк* ‘небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева’, *кляч* ‘шест с грузом на концах сети’, *краснўпе[ы/э]рка* ‘рыба с красными плавниками семейства карповых’, *краснўк* ‘красная рыба’, *круг* ‘рыболовная снасть, состоящая из металлического кольца, сетки и длинной верёвки’, *кукан* ‘бечева, на которую нанизывают пойманную рыбу’, *пидсўлок* ‘судак небольшого размера, *Lucioperca lucioperca*’, *рыбўлыть* ‘ловить рыбу’, *сандўль* ‘острога’, *сингўель* ‘рыба кефаль’, *чабўк* ‘лещ, *Abramis brama*’, *чехўня*, *чехнў* ‘рыба чехонь’, *чуларка* ‘мелкая кефаль’, *шарўн* ‘сазан, *Carpinus carpio*’ и др.

ТГ «Местные топонимы и гидронимы»: *Ахтанўзовка* ‘ст-ца Ахтанизовская’, *Курчўнка* ‘ст-ца Курчанская’, *Стеблўевка* ‘ст-ца Вышестеблиевская’, *Тўтаровка* ‘ст-ца Старотитаровская’, *Фонтўл* ‘ст-ца Фонталовская’ и др.

Многие лексические единицы, образующие ТГ, входят в общекубанский лексический пласт, важным звеном которого

является лексика тюркского происхождения. Нередко эта лексика, как справедливо отмечает С. А. Мызников, имеет широкое распространение именно в казачьих говорах, являясь составной частью общего лексикона у донских, уральских, терских, гребенских, сибирских, а также кубанских казаков [Мызников 2013: 181]. Само слово **казák** является тюркизмом: заимств. из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат., *kazak* «своевольный, независимый человек, искатель приключений, бродяга» (Радлов 2: 364 и сл.; см. Бернекер 1: 496; I: 330; Фасмер 2: 158). К знаковым для казачества Кубани и Дона относится лексема **курёнь**, которая в Темрюкском районе имеет огласовку **курíнь**. Функционирование данного лексического диалектизма в речи современных носителей кубанских говоров позволяет выявить семь ЛСВ и два оттенка значения: '1. *Ист.* Отдельная часть Запорожского войска, а также военный стан такой части (с 1600 г. до половины XVIII в.). 2. *Устар.* Казачье поселение, станица до 1858 г. 3. Казачья хата. // Дом. 4. *Устар.* Хата, в которой жили в степи, крытая соломой или камышом. // Хозяйственная постройка. 5. Шалаш в степи. 6. Землянка. 7. О людях одного **куренья**'. В говорах Темрюкского района слово зарегистрировано во всех ЛСВ, кроме шестого. Приведем другие «знаковые» для казачества слова тюркского происхождения, связанные с земельными и хозяйственными отношениями: **баг** и **ба́га** 'казачий земельный надел, где выращивался виноград и фруктовые деревья', **баз** 'огороженное место, как правило, с крытыми помещениями, где содержат скот', **пай** 'основной земельный надел казака, выделяемый казаку по достижении им шестнадцатилетнего возраста из станичного **юрта́**', **юрт** '1) земельные угодья одной станицы; 2) объединение нескольких станиц с их земельными наделами и угодьями; 3) часть станицы, которая пользовалась определённым участком земли'. См. также: **бакла́жка** 'сосуд для воды', **балага́н** 'шалаш, в котором спали в степи в период полевых работ', **буга́й** 'племенной бык', **винба́р(ь)** 'амбар', **га(о)рба**

‘телега’, *жерде[э]ля* ‘дерево дикий абрикос и его плоды’, *кабак* ‘тыква’, *кабáн* ‘кастрированный кабан’, *кавун* ‘арбуз’, *казáн* ‘большой котёл с выпуклым дном’, *каю́к* ‘небольшая плоскодонная лодка на две пары весел, выдолбленная из ствола дерева’, *кизя́к*, *кырпы́ч* ‘сухой коровий или конский навоз, используемый как топливо’, *кочáн* ‘початок кукурузы’, *курáй* ‘раст. качим метельчатый, перекаати-поле’, *лю́лька* ‘курительная трубка’, *о(у)чкúр* ‘шнурок, поясок’, *постолы́* ‘мягкие кожаные туфли без каблучков, закрывающие ногу не выше щиколотки; чувяки’, *сапéт* ‘плетеная длинная корзина для хранения кукурузы’, *сула́* ‘судак’, *та́бор* ‘полевой стан’, *таганóк* ‘железный треножник для варки пищи на костре’, *чаву́н* ‘чугунок’, *ча́кан* ‘раст. рогоз широколистный’, *чёбот* ‘сапог’, *чува́л* ‘большой мешок’, *чурéк* ‘большая печёная лепёшка продолговатой формы из пресного теста’, *шарова́ры* ‘брюки с красными лампасами по боковому шву’ и мн. др. Тюркизмы, с одной стороны, придают самобытность лексико-семантическому пространству кубанских говоров, с другой — демонстрируют общность кубанского диалекта с другими казачьими говорами.

Безусловно, в лексическом составе говоров Темрюкского района, представляющих собой говоры вторичного образования, преобладают слова материнского языка. Следует отметить, что некоторые лексемы подвергаются семантическому преобразованию в новых условиях бытования диалекта. Рассмотрим зафиксированные примеры приращения значений у диалектных слов материнских говоров. Так, лексический диалектизм *гойда́ться* ‘качаться из стороны в сторону или сверху вниз’ отмечен в украинском языке (ср. СУМ 2: 106); в южнорусских говорах ЛЕ зарегистрирована с ударением на втором слоге *гойда́ться* ‘качаться (на качелях)’ (СРНГ 6: 280). В Темрюкском районе данное слово употребляется в аналогичном значении с ударением на первом слоге: *Внуж лóбэ на качéли гóйдаця* (ст-ца Старотитаровская). На основании записанного контекста у диалектизма можно вывести ещё

одно, переносное, значение ‘претерпевать жизненные невзгоды, удары судьбы, мыкаться’: *Осталася сама, чётýри гóда вэз сама гóйдаюся* (ст-ца Старотитаровская).

Фонетический вариант общенародного слова *вѣлыныть* зарегистрирован как в литературных ЛСВ: ‘1. Потерять первоначальный яркий цвет. 2. Сменить старую шерсть (оперение) на новую’ (МАС 1: 346-347), так и в локальном переносном ЛСВ ‘похорошеть, измениться внешне к лучшему’: *Андрѳша був еролашны́й, а к трыцатѳ годѳм вѣлыныяв... Яка булѳ гыдка, а вѣлыныяла — така красѣва стала* (ст-ца Старотитаровская). В украинском языке лексема означает ‘облинять, отлняться’ (Гринченко 1: 167).

Глагол *телѳ(ы)ться* широко употребляется в значении ‘возиться, копаться, медленно делать что-л.’, функционирующим также в смоленских говорах (СРНГ 4: 10). Кроме того, ЛЕ имеет локальный ЛСВ ‘упорно стараться сделать что-л.’: *Бѳбушка Гѳля кѳжэ: «И я бѳду тѣлыця, шоб дѣдушки пѳмятнык поставыть з граныта»* (ст-ца Старотитаровская). СРНГ фиксирует этот глагол в форме повелительного наклонения с частицей *не*: *Не телѳь* ‘Не плачь, не реви (о детях)’ Ейск, Кубан., 1916 (СРНГ 4: 10).

Существительное *заманѳха* в говорах Темрюкского района зарегистрировано в значении ‘переулок’: *Та вонѳ жылы в заманѳхи, в куткѣ, на крѳвѳй окрѳинѳ ѳлыци* (ст-ца Старотитаровская). Ср. в воронежских говорах — ‘опасное место в реке (глубокое, с крутым обрывом или водоворотом)’ (СРНГ 10: 233).

Глагол *красѳть* Б. Д. Гринченко подаѳт в трѣх ЛСВ: ‘1. Делать красивым, украшать. 2. Красить, окрашивать. 3. Свадебный обычай в понедельник: перевязывать женщинам волосы красными нитками по получении известия о целомудрии новобрачной’ (Гринченко 2: 300). Первые два отмечены и в кубанских говорах. Что касается обрядового значения, то оно на Кубани получило несколько иное наполнение — ‘свадебный обычай: украшать одежду гостей бумажными цветами’: — *Ну почалѳ я гостѳѳ красѳть.* — Это как? — *Цѳиткѳѳ*

чиплять (ст-ца Новотитаровская). В ст-це Старотитаровской у ЛЕ выявлен ещё один локальный ЛСВ — ‘ругать, возводить напраслину’: *За шо вона́ мѣнэ красыть?* В южнорусских говорах (тамбовских) у глагола зарегистрирован только 2-й ЛСВ (СРНГ 15: 176).

Местные говоры отличаются богатой фразеологией. Зарегистрированные устойчивые выражения по их компонентному составу можно традиционно разделить на три группы: 1) фразеологические единицы (ФЕ), состоящие из диалектных слов (включая структурные варианты общенародных слов): *на вѣлькы(и)* ‘устар. обычай приглашать родственников и соседей лепить *вѣлькы(и)* и возводить из них стены хаты; окончание работы отмечалось застольем’, *дарма́ шо* ‘несмотря на то что’, *як конфѣт* ‘о чем-л. очень вкусно’, *як на майдѣне* ‘на всеобщем обозрении’, *з яко́й потыльци* ‘с какой стати’ и др.; 2) ФЕ, состоящие из общенародных слов: *москву́ вѣдно* ‘об ощущении очень кислого вкуса’, *вѣв(л)ки(ѹ/ѹи) вѣ(ѹи)ють* ‘презр. о заросшем, запущенном огороде, саде’, *по всѣм гѣрам, по всѣм дѣлам* ‘везде, повсюду, в разных местах (побывать)’, *грѣшам гѣре* ‘о быстрой растрате денег’, *на перелѣте* ‘на дороге’, *сѣрдце как кѹрочка кльоѣт* ‘о слабом сердцебиении’ и др.; 3) ФЕ, состоящие из диалектных и общенародных слов: *як бечѣва вчѣтверо* ‘отлично, хорошо’, *бѣтых и рѣнитых* ‘абсолютно всех, все подряд’, *зелѣный як бѹбон* ‘неспелый’, *тѣкы жаб колѣтъ* ‘о тупом (тупых) ноже (ножах)’, *от потыльѣкы(и) до сѣмой сра́кы(и)* ‘сверху донизу’, *нема́ сѣла* ‘нет желания, старания’, *пакѣт и пакенѣткѣ* ‘ирон. и шутол. о нескольких небольших сумках или пакетах’, *дедѣ на нѣбе посидѣлы* ‘о кучевых облаках в ряд, предвещающих дождь’ и др.

Отдельные фразеологизмы включают в свой состав имена собственные. Рассмотрим некоторые ФЕ. Так, в ст-це Запорожской в 2016 г. записано устойчивое выражение *трокѹровска(я) псѣрня* ‘о большом количестве собак’. Приведём фрагмент беседы диалектологов (Д) с Бублик Пелагей

Константиновной (БПК), 1938 г.р., коренной жительницей станицы; в разговоре принимал участие соцработник (Соцраб.).

БПК: — *Трѳе цуцуня́т привила́. Троеку́ровска пса́рня!*
Д: — А откуда вы это выражение знаете? Кто такой Троекуров? Соцраб.: — А вы что Пушкина не читали? Д: — Мы-то читали. А вот бабушка откуда его знает, если она даже первый класс не окончила? БПК: — *Люды ка́жуть.*

В ст-це Старотитаровской было зафиксировано устойчивое сравнение *як Хома́ Никифо́рович*. Информант Р. И. Журавлёва (1942 г.р.) использовала этот компаративный оборот для характеристики «недотёпного» человека. На вопрос о том, кто такой *Хома́ Никифо́рович*, Раиса Ивановна ответить не смогла. Между тем жительница этой же ст-цы А. Н. Котелевич вспомнила, что во второй половине XX в. в станице проживал Середа Фома Никифорович, который работал в совхозе конюхом: *«Хома́ Никифо́рович, вин був недотѳпный, манѳнькый, вин на ко́нях йѳздыв. Ходѳв с кнутѳм: «Гѳй! Гѳй!» Вин був больнѳй с рождѳния»*. Устойчивые выражения, включающие в свой состав в качестве компонентов имена и фамилии реальных членов диалектного сообщества, как правило, функционируют в говоре одного населѳнного пункта.

Записанные рассказы информантов послужили базой для создания иллюстративной зоны Словаря кубанских говоров (Борисова 2018). На их основе были сформированы отдельные лексорассказы. Это особая форма подачи оправдательных примеров, представляющая собой микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой ЛЕ, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи [Борисова 2019].

Приведем фрагменты словарных статей.

БАССѳЙН ... *У нас в станицѳ дом продава́лы. Напыса́лы в газѳту: «Продаеца́ дом з бассѳйном». Ну люды с сэвыра купѳлы че́рэс посре́дняка, прѳйѳхалы и ка́жуть: «А де́ у вас тут бассѳйн?»* (ст-ца Старотитаровская).

ВЫТЯГНУТЬ ... *Цэ у нас с Тамарой такэ булэ. Солёма завалылася и накрыла еу. И вона так, глүхо так пот солёмой плäche. Я сюда-туда скубу, скубу. Я скүбла, рвала солёму, пока рүчки побачила. Тоді вытягла еу, вытягла* (ст-ца Старотитаровская).

ДЗЁРКАЛО ... *Я гадала на дзёркало у двэнацать чисоф нөчи. Свичку, шоп нэ булэ світу, світыш, и сыдө над дзёркалом. Накрываі чим-ныбуть сам себе и дывысса в дзёркало* (ст-ца Ахтанизовская).

КОЧАН ... *Кукурүза, качаны булы, зёрна булы прөсто такы, шо күрыца проглотыть ны могла. Качаны булы: по сорок сантимётров качан* (ст-ца Курчанская).

ПОЛУДЁНКА ... *Курай «перекатү-пөле» мы называлы. И полудёнка дүе, и онү, курай, срываюця и бижать. А мы дүмаим: вовкы. А мы подроствкы, и нам страшно* (ст-ца Курчанская).

ПОЛҰМЫСОК ... *Одын раз минү нёколы булэ, а сын прышол со шкөлы. Я кажү: «Бэры полүмысок, насыпай собү күшать». А вин: «Шо вы казалы? Полүмысок! Нэ бүду йысты». Взял той полүмысок. «Пидү бабусяю спрөшү, шо вонө. Ёсли бабуся скажэ, шо полүмысок, я з нэго ысты нэ бүдү, давайтэ тарэлку»* (ст-ца Старотитаровская).

РОБЫТЬ ... *Я так хорошэ научылася чёрну икрү робыть, так укүсно. А як я научылася робыть, и икрэ закончилася* (ст-ца Старотитаровская).

ЦЫБҰЛЯ ... *Унүчка прыйычала до бабушкы и кажэ: «Я, бабушка, лук ны люблю!» А бабушка кажэ: «А цыбүлю бүдэш йисть?» Вонэ кажэ: «Цыбүлю бүду». А вона ны знэ, шо цэ такэ — цыбүля. Вонэ с Кэрчү прыйычала* (ст-ца Старотитаровская).

Лексорассказы интересны не только в диалектологическом плане, в них воссоздаются историческое прошлое и настоящее Кубани, отображаются природа края, материальная и духовная культура его коренных жителей, прослеживаются судьбы конкретных диалектоносителей, их мировидение. См., например:

ВЫСКАКИВАТЬ (ВЫСКОЧИТЬ) ИЗ КОЛХОЗА. ...

В трицатых годах мода така була: выскакивать ис колхоза. Уцэ запысався, а на дрыгый дэнь вытисуюця. Я прыходю до дбму, надиваю хрэстик. Мамка кáжэ: «Ты ш колхознык!» Я ажэ: «Я вжэ выскочив ис колхоза» (ст-ца Старотитаровская).

МАКУ́ХА ... *Маку́ху вазьму́, пагрызу́, а тагда́ как начну́ рвать. Ана́ унэ́ ни идёт нам, а мы ё́ фсе́ ё́ли (пос. Гаркуша).*

НЕХА́Й ... *Их покулáчили, вы́гналы з хáты. Там щас жыву́ть другы́ лóды. И нэ́хай жыву́ть: у нас всэ́ е (ст-ца Вышестеблиевская).*

ПЕРЕХЫЛЫ́ТЬСЯ ... *Дэсь вэ́звэ́ся самолёт и нáчав нас строчы́ть. А вин, нэмц, пэрэхылы́вэ́ся с самолёту́ и сме́ця. Цэ́ я пóмню (ст-ца Старотитаровская).*

ПОКРЫЧЫ́ХА ... *Булы́ в нас покрычы́хы. Ну цэ́ ти, шо дыты́ну до винця́ мэлы. Казáлы «покрычы́ха», бо вонá вжэ́ покры́та, да нэ́ винце́м, а дыты́ною (пос. Кучугуры).*

СА́ДИВКА ... *Тра́ктор са́дэ кукуру́зу. А вонó, голодóвка страшна́. Тóлько заховáецця за бугóр, а мы на колéнках, и дэ́ са́дивка шла, по тóй канáвке, собыра́лы кукуру́зу (ст-ца Старотитаровская).*

ЧУ́НЬКИ ... *Появ́вэ́ся клéй рэзы́новы́й, началы́ с кáмэры дéлать такы́, ну мы казáлы «чу́ньки», в в́иди глубóких калóш. Воны́ высотóю от пóлу прымёрно сантймэ́трив пятна́ццать, ну у нй́х нэ́ задникив нэмáе, нычэ́го, улы́тэ, кáмэра. Идэ́ш, воны́ скóбзуюця́, падаеш (ст-ца Старотитаровская).*

Украшением словарной статьи являются прецедентные тексты (ПТ), представляющие собой пословицы, поговорки, строчки песен, частушек, народные приметы, гадальные формулы и др. Их тематическое и жанровое разнообразие позволяет признать ПТ уникальной «энциклопедией народной жизни», поскольку они действительно отражают практически все стороны человеческого бытия. Приведем некоторые примеры зафиксированных в речи жителей Темрюкского района ПТ.

БАЗÓК ... *За столóм з д́идом балáкаим, а внук (вин в пýтом клáсси) влиз в наш разговóр. А дид и кáжэ: «Твое́*

дѣло тэляче: пососав и в базок. Сыды и нэ вмѣшуйся в разговор старших» (ст-ца Вышестеблиевская).

ВИДТИЛЯ ... — *Хтось усрѣвсь? — Нывѣстка. — А дэ она? — Та вѣвци пасэ, а виттиля вѣтэр нысэ* (ст-ца Старотитаровская).

ВОВ(Л)КЫ ВЪЮТЬ ... *У нас есь поговорка. Раз зарбс горбт, кáжуть: «Там у нѣх ужэс вѣлкъы вѣють»* (ст-ца Старотитаровская).

ВѢВНА ... *Ицѣ поговорка такá: хоть клѣк, хоть вѣвна, як бы кышкá пѣвна. Цэ такѣго значѣния: шо есть йѣсты, нэ пэрэбырáй и бѣдэш сѣтыѣй* (ст-ца Старотитаровская).

ГАРНЫЙ ... *Дѣбра рыпка — гáрна юшка* (ст-ца Старотитаровская).

ДЕ ... *В шыксыт дэвѣтом годѣ булѣ наводнѣние: пив-Тимрюкá залылѣ. Ну дэ водá, там и бидá* (г. Темрюк).

ДЕТЫНКА ... *Ицѣ такá поговорка булá чáсто, и нэ тѣ, шо там мáма, а другѣ люды кáзáлы: «Минѣ нáдо йѣцэ, мясцэ, сальцэ, бо у мэнэ дэтынка сосэ»* (ст-ца Старотитаровская).

ДЫХАТЬ ... *Малѣ дѣты спатъ ны даѣють, а здорѣви дыхатъ ны дадѣють* (ст-ца Старотитаровская).

ЗАХОВАТЬСЯ ... *Од смэрти, дивчáта, нэ заховáлисыя* (ст-ца Вышестеблиевская).

КÁЖНЫЙ ... *Кáжна хáта своѣм гѣрим напхáта* (ст-ца Вышестеблиевская).

КѢСТКА ... *Нэвѣстка — чужá кѣстка. Цэ знáчит, шо чужá дытына, чужѣй кѣсти дытына, нэ твоѣ, всэ равнѣ бѣдэ нэ родня́* (ст-ца Старотитаровская).

КРѢВАТЬ ... *Дытыну воспѣтуй, покѣ попэрэж крѣвати лэжѣть* (ст-ца Старотитаровская).

ПОБÁЧИТЬ ... *Шо бѣдэ — побáчим, а шо булѣ, вжэ бáчили* (ст-ца Старотитаровская).

РАЗВѢДЫТЬСЯ ... *И в нáшэ врэмѣ развѣдылысь: од бычá ушлá, от калачá ны ушлá бы* (ст-ца Ахтанизовская).

ЧѢЛОВѢК ... *Нымá чѢловѣка — купыла бы, а е — продалá бы* (ст-ца Старотитаровская).

ЮШКА ... *Дэшбѣ рыпка — погáна юшка* (ст-ца Вышестеблиевская).

Безусловно, не все ПТ, помещённые в словарную статью регионального словаря, способствуют раскрытию значения диалектного слова, выявлению его внутреннего потенциала, установлению устойчивых связей с другими словами. Однако все ПТ содержат уникальные экстралингвистические сведения, демонстрируя колорит народной речи и богатство духовного мира её носителей.

Собранный в результате полевых исследований богатейший диалектный материал демонстрирует, что говоры Темрюкского района, несмотря на мощное воздействие русского литературного языка, остаются для многих представителей старшего и среднего поколения естественным средством общения. В районе действует своеобразная языковая мода, суть которой состоит в переключении языкового кода в зависимости от модуса коммуникации (диалектно-литературное двуязычие). У образованных жителей района заметно проявляется языковой регресс в возрасте после 50 лет. Кубанская балачка, безусловно, обладает особой внутренней энергетикой, которая находит выражение в экспрессивности речи, изобразительно-выразительных средствах, мелодике, интонации. Важным является также уважительное отношение к своему материнскому языку. Все перечисленные факторы способствуют большей устойчивости местных говоров в условиях их нивелирования.

Литература

Борисова О. Г. Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2019.

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 5 (90). С. 73-79.

Мызников С. А. О тюркизмах в говорах Кубани и у яицких (уральских) казаков // *Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IV Международной конференции.* Краснодар: КубГУ, 2013. С. 179-181.

Dialectal landscape of the Temryuk district
of the Krasnodar region
(based on field expeditions material)

Olga G. Borisova

Lyudmila YU. Kostina

Kuban State University

The article presents the results of dialectological expeditions to the Temryuk district of the Krasnodar region, provides the descriptions of phonetic and morphological features of dialects, describes the main thematic groups of dialect vocabulary, identifies localisms, points out factors contributing to the relative stability of local dialects, which still remain natural means of communication for many elderly and middle-aged people inspite of modern conditions of dialect leveling.

Key words: dialects of secondary formation, Kuban dialect, linguogeography, dialectal lexicography, regional component, Kuban Cisazovia.

References

Borisova O. G. Leksika i frazeologiya sovremennyh kubanskih govorov kak makrosistema: model' i ee realizaciya [Vocabulary and phraseology of the modern Kuban dialects as a macrosystem: the model and its implementation]: Dis. ... dokt. filol. nauk. Krasnodar, 2019.

Borisova O. G., Kostina L. YU. Ekstralingvisticheskaya baza izucheniya sovremennyh kubanskih govorov: ustojchivost' i izmenchivost' osnovnyh parametrov [The extralinguistic basis for the study of the modern Kuban dialects: stability and variability of the main parameters] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univer-*

siteta. Seriya «Filologičeskie nauki» [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Series “Philology”]. 2014. № 5 (90). Pp. 73-79.

Myznikov S. A. O tyurkizmah v govorah Kubani i u yaickih (ural'skih) kazakov [On the loanwords of the Turkic origin in the dialects of the Kuban and the Yaik (Ural) Cossacks] // Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i reči. Materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii [Continuity and discreteness in language and speech. Proceedings of the 4th International Conference]. Krasnodar: KubGU, 2013. Pp. 179-181.

Диалектное словообразовательное гнездо и его типы (на материале смоленских говоров)

Лариса Захаровна Бояринова

Смоленский государственный
университет

В статье на материале смоленских говоров рассматривается несколько типов диалектных словообразовательных гнезд: типы, определяемые сферой употребления, лексико-грамматической отнесенностью исходного слова гнезда, степенью его развернутости. Выявляется основная особенность диалектного словообразовательного гнезда; выделяется тип, в котором происходит наиболее полная реализация законов деривации в смоленских говорах.

Ключевые слова: смоленские говоры, лексикография, словообразование, диалектное словообразовательное гнездо, типология.

Типология словообразовательных гнезд имеет богатую историю исследования. В настоящее время она продолжает изучаться как на материале общенародного языка, так и на материале русских народных говоров. Существенным вкладом в ее исследование является «использование методики матричного построения словообразовательного гнезда», которое позволяет «систематизировать структурно-семантические связи однокоренных слов и описать специфику словообразовательной системы исследуемого говора» [Ильина 2018: 161].

Остановимся на некоторых типах диалектного словообразовательного гнезда, выявленных при их исследовании на материале смоленских говоров.

Тип 1, определяемый сферой употребления исходного слова. В диалектном словообразовательном гнезде (ДСГ) в роли исходного слова выступают как диалектные (*андарак*, *гугнавий*, *прать*), так и общенародные (*борть**, *идти**, *полный**) слова. Участие диалектных и общенародных слов

в организации ДСГ осуществляется несколькими способами, благодаря чему образуются гнезда, обладающие разными характеристиками. В смоленских говорах зафиксированы гнезда дифференциальные, полудифференциальные и недифференциальные (ср. о типах диалектных словарей [Козырев, Черняк 2004: 217]).

Дифференциальное гнездо образуется при исходном диалектизме и состоит только из диалектных слов: *прать* ‘бить вальком (при обмолоте зерна, при стирке)’, ‘бить, колотить кого-либо’ — *пралo, пральня, пранить, выпрать, запрать; коляный* ‘жёсткий, негнущийся (о коже, ткани и под.)’, ‘жёсткий, твёрдый (о продуктах)’ — *колянеть — приколянеть; брыкса* ‘брюква’ — *брыксина, брыксovníк*.

Дифференциальные гнезда всегда полные.

Полудифференциальные ДСГ представлены несколькими разновидностями, определяющимися соотношением между диалектными и общенародными словами.

Вершиной полудифференциального гнезда является общенародное слово: *бурый** — *буреный; дуб** — *одубить; правда** — *правдить*. В роли исходного одновременно могут использоваться два слова — диалектное и общенародное, выступая в роли как равноправных, так и самостоятельных мотивирующих. Вершины являются равноправными мотивирующими, если мотивированные слова образованы и от общенародных, и от диалектных лексем, различающихся грамматическими формами: *диво** и *дива* — *удивить** — *заудивить; блюсти* и *блють* — *блюстителка*; фонетическим оформлением: *дно** и *доно* — *бездонник, бездонье, одонok, подонье, прадонье; косой** и *косый* — *косик, косинка, косуля, косястый*. Диалектное исходное слово может также расширять круг лексико-семантических вариантов общенародного слова: *белый* (Смол.) ‘светлого цвета (серого, светло-голубого)’; *редкий* (Смол.) ‘не густой, жидкий’, ‘не жирный’. Самостоятельными мотивирующими исходные слова являются в том случае, когда каждое из них в пределах гнезда создает свое подгнездо. Так, в гнезде

с вершинами *огурец** и *огурок* два подгнезда: *огурец** — *огуречник** — *подогуречник* и *огурок* — *огурочек*; в гнезде с вершинами *ноготь** и *нокоть* также два подгнезда: *ноготь** — *заногтица* и *нокоть* — *пазнокоть*; в гнезде с вершинами *сладкий** и *солодкий* два подгнезда: *сладкий** — *сласть** — *сластник* — *сластница* и *солодкий* — *солодить* — *подсолодить* — *подсолода*.

Наличие общенародного слова в вершине гнезда предполагает наличие диалектизма не только на первой ступени. «Формальное и семантическое варьирование вершины гнезда может быть рассеяно по различным его участкам или сконцентрировано в отдельных зонах гнезда» [Шаброва 2003: 24] Данное наблюдение актуально для гнезд как дифференциального, так и полудифференциального типа. Во многих случаях общенародное слово, являющееся мотивирующим для диалектного, размещается не только в вершине, но и на первой ступени, а также на последующих. В таких ДСГ диалектизм, будучи образованным от общенародного слова, располагается на второй (а также на третьей и далее) ступени гнезда: *густой** — *густить** — *угустить*; *писать** — *письмо** — *писемщик*; *правда** — *правдивый** — *правдивец*; *дёргать** — *дёрнуть** — *сдёрнуть** — *сдёрга*; *тесный** — *стеснить** — *стесниться** — *пристесниться*; *тесный** — *стеснить** — *стеснять** — *стесняться** — *стеснивый*.

Описанные выше полудифференциальные гнезда являются неполными, поскольку включают в свой состав только те общенародные слова, которые служат мотивирующими для диалектизмов.

Существует еще один вид полудифференциальных ДСГ — полные гнезда. Полудифференциальные полные гнезда включают в себя лексику диалектную и общенародную, функционирующую в диалекте. В качестве примера приведем фрагменты гнезд с вершинами *колыхать* и *муж*:

*муж** — *замуж** — *замужски*, *взамуж*, *замужем**, *замужество**

*муженёк**, *мужний**, *мужнин**, *мужев**, *без-мужний** ...

*колыхать** — *колыска* — *колысочка*

*колыхаться** — *колыхнуться**, *заколыхаться**

отколыхать — *отколыханик* ...

Недифференциальное ДСГ — гнездо, которое состоит только из общенародных слов, функционирующих в говорах. Например, гнездо с исходным словом *газета** включает в себя следующие мотивированные: *газетка**, *газетёнка**, *газетчик**, *газетчица**, *газетный**, *радиогазета**, *роман-газета**, *стенгазета**, *стенгазетный**, *фотогазета**. Все они в той или иной степени активно присутствуют в речи носителей смоленского диалекта (*Дет мой выписывыить ныничу две газеты*. СМОЛ. Радкевщина. *Чаго ты так доуга са школы шоу, иде ты быу?! — Баушка, ни ругайся! Мы стингазету дельли*. ТЕМК. Кикино. *Сяни газеччица какую-та рыман-газету принисла, ина как книга, тока большы. Эта сын мой усё читать*. ПОЧ. Пересна. *Как нзпридумывыють усяго: радивагазета. Чудно! Ну антяресна, я дык служю*. СМОЛ. Коробино). Далеко не все слова, имеющиеся в общенародном языке, функционируют в диалектах. Так, в общенародное гнездо *газета** входят *стенгазетчик**, *газетно-журнальный**, *журнально-газетный** (Тихонов 1985: 21). Они не включены в ДСГ, поскольку мы не располагаем сведениями об их наличии в наших говорах.

Недифференциальные ДСГ являются полными.

Тип 2, определяемый частеречной принадлежностью исходного слова гнезда. В роли вершины ДСГ выступают слова практически всех частей речи, однако в значительной степени преобладают прежде всего гнезда отсубстантивные (*болубен*, *голова**, *ирта*, *небо**, *цвет**, *чемера*) и отглагольные (*говорить**, *гомонить*, *исть*, *нести**, *нурить*, *шатать**), в несколько меньшей степени — отадективные (*белый**, *высокий**, *золкий*, *коляный*, *хороший**, *чукавый*). От других частей речи ДСГ образуются редко или

даже в единичных случаях. Частеречная принадлежность исходного слова является фактором, регулирующим многие деривационные процессы в группе однокорневых слов, параметры гнезда и отражающим взаимозависимость между ними. Одним из проявлений такой взаимозависимости являются отношения, существующие между частеречной принадлежностью исходного слова и способами отчастеречного словообразования, наиболее отчетливо обнаруживающиеся на первой ступени гнезда. Так, например, в отглагольных ДСГ на первой ступени широко представлены слова, образованные префиксальным, постфиксальным, префиксально-постфиксальным и суффиксальным способами: *бзыкать* ‘обезумев от сильной жары и укусов оводов, бежать, задрать хвост (о рогатом скоте)’ — *бзыкаться, бзык; беречь** ‘хранить’, ‘расчетливо тратить’, ‘заботливо оберегать’ — *берёга, берёжа, выберечь, подберечь, сберечь**; *белендрасить* ‘праздно проводить время, болтая вздор’ — *набелендрасить; кукобить* ‘ухаживать за ребёнком’, ‘нянчить, растить’ (и др. знач.) — *кукобление, выкукобить, прикукобить, укукобить; ныкать* ‘искать что-либо безрезультатно’ — *ныкаться, зныкать; сарпать* ‘сопеть носом’ — *засарпать, насарпаться, посарпать*.

В отсубстантивных ДСГ на первой ступени преобладают слова, образованные суффиксальным способом, в меньшей степени — префиксально-суффиксальным и префиксальным: *ваг, вага* ‘вес, тяжесть’ — *вагкий, вагать, важать, важить; гумно** ‘сарай для сжатого хлеба’, ‘крытая площадка для молотбы’ — *гуменье, гумнице, огуменник, огумник; лой* ‘внутреннее говяжье, баранье, свиное (чаще) сало’ — *лоёха, лоина, налойник, разлойчистый; мятло* ‘бабочка’ — *мятлик, мятлух, мятлыш; плант* ‘план’ — *плантовать; руба* ‘рубаха’ — *рубьё, рубёнка, рубина; уталон* ‘усталость’ — *безуталонный, неуталонный*. Представленные на всех ступенях ДСГ способы отглагольного, отсубстантивного, отадективного и т. д. словообразования соответствуют закономерностям, существующим в общенародном языке.

В целом роль частеречной отнесенности исходного слова ДСГ не имеет принципиальных отличий от ее роли в словообразовательном гнезде общенародного языка, где эта характеристика «исходного слова предопределяет и структурные, и семантические особенности в организации словообразовательного гнезда» [Казак 2004: 255]. Специфика диалектного гнезда связана чаще всего с большим количеством вариативных и синонимичных дериватов в словообразовательной парадигме (ср.: *берёга, берёжа; выберечь, подберечь, сберечь**; *вагать, важать, важить; мятлик, мятлук, мятлыш*). В полудифференциальных гнездах происходит заполнение лакун в словообразовательной цепочке и парадигме (*кум** — *кума** — *кумуся; кум** — *кумить* — *накумить; кум** — *кума**, *куманёк**, *кумов**, *кумок, кумовьё; плуг** — *плугарь** — *плугарский**, *плугарить; плуг** — *плужок**, *плугарь**, *плужник**, *предплужник**, *подплужник, плугатарь, плугатор; спокойный** — *успокоить** — *успокоиться** — *приуспокоиться*). Дифференциальные гнезда, даже при наличии вариативных и синонимических мотивированных в парадигме, отличаются меньшим количеством дериватов. Недифференциальные гнезда полностью совпадают по названным параметрам с соответствующим гнездом общенародного языка, исключая случаи, связанные с отсутствием того или иного общенародного слова в диалекте.

Тип 3, определяющийся объемом (мощностью, развернутостью) гнезда, то есть количеством входящих в него мотивированных слов.

Количественный состав словообразовательного гнезда свидетельствует о словопорождающем потенциале его вершины. Способность каждого исходного слова, основанная на его лексико-грамматических и лексико-семантических особенностях, определять лексический состав гнезда, служить базой для образования новых слов индивидуальна и зависит от ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Эти же факторы формируют целостную систему

закономерностей, которым подчиняются процессы деривации. Объединение слов по гнездовому принципу, принятое в «Словообразовательном словаре русского языка» (Тихонов 1985), анализ количественного состава гнезд позволили установить, что в литературном языке «Словообразовательный потенциал русского непроизводного слова равняется 10 <...>, т.е. на одно непроизводное производящее слово приходится 10 производных» [Тихонов 1983: 62]. В рамках такого понимания словообразовательного потенциала исходного слова гнезда интерес представляет исследование по таким же параметрам диалектного словообразовательного гнезда.

Предварительный анализ ДСГ (было проанализировано около одной трети от общего количества гнезд), составленных по материалам «Словаря смоленских говоров» (ССГ), показал следующее.

В дифференциальном гнезде (т.е. при исходном диалектном слове) — от одного до 40 дериватов: *лайба* ‘большая лодка, баржа’, ‘перен. о крупной, здоровой девочке, девушке’ — *лайбина*; *канькать* ‘назойливо просить, выпрашивать’ — *канькала*, *выканькать*, *выканькивать*, *заканькать*, *поканькать*, *расканькаться*; *мост* ‘пол’, ‘сени’, ‘крыльцо’ — *мости́на*, *мостовик*, *мостушка*, *мостица*, *мостничина*, *мостничка*, *замостье*, *подмост*, *подмостник* и др. Преобладают гнезда с небольшим (от одного до 10) количеством мотивированных слов. Словообразовательный потенциал диалектного непроизводного слова, являющегося вершиной гнезда (СПВ), равен четырем.

Полудифференциальное неполное ДСГ с исходным общенародным словом включает в себя от одного до более чем 100 дериватов: *канцелярия** — *канцелярка*; *молодой** — *молодель*, *молодник*, *молодня*, *молодьга*, *молодяк*, *молодчавый*, *размолоаживаться* (и др.; всего в гнезде более 50 слов). При этом велико количество гнезд с 10–20 дериватами. Потенциал общенародных исходных слов значительно выше — он равен восьми.

Полудифференциальное неполное ДСГ с двумя исходными, общенародным и диалектным, могут состоять из 100 и более дериватов: *белый* (общенар.) и *белый* (Смол.) — *белясьи, белоха, белток, белушки, бель, перебелуха, прибелочка, белозорный, белорозовка* (и др.; всего в гнезде 87 слов). Также значительным является количество гнезд с 10–20 дериватами. СПВ в данных гнездах равен двенадцати.

Недифференциальное ДСГ во многих случаях будет иметь меньший объем и меньший СПВ, чем в общенародном языке, поскольку не каждое из общенародных слов функционирует в говорах.

Полученные результаты показывают, что в среднем СПВ в диалектном словообразовательном гнезде равен восьми, что несколько ниже, чем в общенародном языке. Однако при анализе ДСГ необходимо иметь в виду, что большое количество диалектных слов по тем или иным причинам не попадает в поле зрения собирателя (часть из них обнаруживается только в ходе специальных изысканий). Следует также принимать во внимание наличие окказиональной лексики, выявить которую практически очень сложно даже в минимальных объемах. Данные обстоятельства позволяют говорить о большем словообразовательном потенциале непроизводного слова в диалекте и предполагать, что он приближается к таковому в общенародном языке.

Анализ ДСГ демонстрирует наличие тесной связи между его объемом, словообразовательным потенциалом исходного слова, с одной стороны, и сферой его употребления — с другой. Наиболее высоким СПВ является в том случае, когда в роли исходных выступают два слова, общенародное и диалектное.

Таким образом, исследование ДСГ, составленных по материалам смоленских говоров, свидетельствует о наличии единых для общенародного языка и диалекта закономерностей организации и функционирования словообразовательного гнезда. Основной специфической особенностью ДСГ является роль исходного слова гнезда, определяющаяся сферой его употребления. От принадлежности исходного слова

к общенародному или диалектному языку зависят многие параметры гнезда. Наиболее полная реализация законов, существующих в деривационной сфере и затрагивающих словообразовательный, грамматический, семантический уровни, происходит в полудифференциальных ДСГ с двумя или более словами в вершине. Описание данной особенности диалектного словообразовательного гнезда позволяет внести значительные дополнения в представления о системе организации словообразовательных гнезд, существующей в русском языке.

Литература

Ильина Е. Н. Борбушинский говор: 30 лет изучения // Севернорусские говоры. Вып. 17 / отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 158–168.

Казак М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2004. 300 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

Тихонов А. Н. Система русского словообразования в свете количественных данных // Исследование деривационной подсистемы количественным методом. Владивосток, 1983. С. 104–111.

Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола: дис. ... докт. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2003. 306 с.

Сокращения районов Смоленской области

ПОЧ.— Починковский

СМОЛ.— Смоленский

ТЕМК.— Темкинский

Dialectal word-formation nest and its types (based on material from Smolensk dialects)

Larisa Z. Boyarinova
Smolensk State University

This article, based on the material elicited from the Smolensk dialects, discusses several types of dialect word-formation nests, which include types determined by their scope of use, or the lexical and grammatical features of the basic word of the nest and its complexity degree. The most peculiar feature of the dialectal word-formation nest is revealed. The type which is distinguished by the most complete implementation of the derivational rules in Smolensk dialects is distinguished.

Key words: Smolensk dialects, lexicography, word-formation, dialect word-formation nest, typology.

References

Il'ina E. N. Borbushinskij govor: 30 let izucheniya [Borbushino dialect: 30 years of the research] // Severnorusskie govory. Vyp. 17 [Northern Russian dialects. Issue 17] / otv. red. E. V. Purickaya. SPb.: ILI RAN, 2018. P. 158–168.

Kazak M. YU. Integrativnaya teoriya slovoobrazovatel'nogo gnezda: grammaticheskoe modelirovanie; kvantitativnye aspekty; potencial; prognozirovanie [An integrative word-formation nest theory: grammatical modelling, quantitative aspects, opportunities and prognostics]. Belgorod: Izd-vo Belgorod. gos. un-ta, 2004. 300 p.

Kozyrev V. A., CHernyak V. D. Russkaya leksikografiya [Russian lexicography]. M.: Drofa, 2004. 288 p.

Tihonov A. N. Sistema russkogo slovoobrazovaniya v svete kolichestvennyh dannyh [The Russian word-formation system in the quantitative perspective] // Issledovanie derivacionnoj podsystemy kolichestvennym metodom [Quantitative exploration of the derivational subsystem]. Vladivostok, 1983. P. 104–111.

SHabrova E. N. Morfemika dialektnogo glagola [The morphemics of dialectal verbs]. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb.: SPbGU, 2003. 306 p.

О статусе восточных среднерусских говоров (к 100-летию со дня рождения К. Ф. Захаровой)

Ирина Анатольевна Букринская

Ольга Евгеньевна Кармакова

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

В статье анализируется место Владимирско-Поволжских говоров в разных классификациях русского языка: на карте МДК (1914 г.), в диалектном членении К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой, типологии русских говоров Н. Н. Пшеничной. Рассмотрены некоторые диалектные черты этой группы на примере муромских говоров, обследованных в 2012–2014 гг., а также карт Диалектологического атласа русского языка. Описанный ареал входит в центральную диалектную зону русского языка, одновременно являясь далекой периферией в масштабах всей Славии, поэтому описанные говоры характеризуются как инновационными явлениями, так и архаизмами, восходящими к позднепраславянскому периоду.

Ключевые слова: диалектное членение русского языка, центральная диалектная зона, муромские говоры.

Одним из важных этапов в развитии русской диалектологии и лингвогеографии XX в. было создание нового диалектного членения К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, которое стало возможным благодаря массовому обследованию русских говоров Центра Европейской части России (с 1946 по конец 60-х гг.) и созданию на их основе Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Хотя не все лингвисты и диалектологи приняли новую группировку говоров, однако надо подчеркнуть, что в ней были поставлены важные общетеоретические вопросы лингвогеографии и предложены определенные пути их решения. Так, кроме наречий и групп говоров К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова показали значимость не только традиционного «горизонтального» членения, но

и «вертикального»: разбиения говоров на западные и восточные (северо-западные, северо-восточные, юго-западные, юго-восточные и т.д.). Ученые впервые выделили и описали такие единицы членения, как диалектные зоны, отражающие исторически сложившиеся языковые объединения. Еще одним существенным достижением стало выявление центральной диалектной зоны с достаточно подробным указанием целого ряда фонетических и морфологических признаков, противопоставляющих говоры центра и периферии [Захарова, Орлова 1965; Бромлей 1985; Букринская, Кармакова 2014].

Территория, которая относится к говорам центра, может быть охарактеризована с учетом различных изоглосс, сами авторы выделили три основных пучка: тип I — минимальный, включающий наряду с говорами, окружающими Москву, говоры Волго-Клязьминского междуречья; тип II — средний, охватывает еще и территорию Костромской группы и восточную часть Селигеро-Торжковских говоров; тип III — максимальный, наибольший по размеру, в который входят костромские, Белозерско-Бежецкие, часть вологодских и акающие тверские говоры, а также часть говоров южного наречия (Тульской группы и северной части Курско-Орловских говоров). Ядром центральной диалектной зоны являются восточные среднерусские говоры.

Предложенное Захаровой-Орловой диалектное членение существенно отличалось от предшествующего, показанного Московской диалектологической комиссией (МДК) на «Диалектологической карте русского языка в Европе». Ее составители [Дурново, Соколов, Ушаков 1915], как известно, строили свою классификацию, опираясь на фонетические различия, в первую очередь на особенности предударного вокализма. На данной карте к восточным среднерусским относится узкая полоска говоров, находящихся между Егорьевском — Коломной — Касимовом, далее уходящая на юго-восток в говоры позднего заселения. В книге «Диалектное членение...» Захарова и Орлова, подробно анализируя карту МДК и прилегающий к ней

«Очерк...», обращают внимание на то, что сами авторы этой карты Владимирско-Поволжские говоры, отличительной чертой которых является неполное оканье, отнесли к северному наречию «условно», так как внутри наречия они противопоставлены севернорусским «чистым», т.е. говорам с полным оканьем. По мере накопления и учета новых диалектных признаков оказалось, что Владимирско-Поволжские говоры обладают таким комплексом языковых явлений, которые позволили авторам нового диалектного членения исключить их из состава северного наречия, выделив в самостоятельную группу Восточных среднерусских окающих говоров. Предваряя список специфических признаков Владимирско-Поволжской группы, ученые подчеркивают: «Кроме ряда черт Северного и Южного наречий для говоров этой группы характерно большинство явлений северо-восточной зоны, ряд явлений юго-восточной зоны и все явления..., свойственные говорам центральной диалектной зоны» [Захарова, Орлова 2005: 271; см. также Захарова, Орлова 1965: 290–294]. Именно в этом заключается особенность восточных среднерусских говоров, связанная с их географическим положением.

И в работе МДК, и в группировке говоров Захаровой-Орловой диалект понимается как лингво-территориальная единица. Но существует и иной подход, основанный на изучении территориальных диалектов математическими методами, который получил название диалектометрии. Такой подход применен в структурно-типологической классификации русских говоров, предложенной Н. Н. Пшеничной [Пшеничная 1996]. В ней учитываются не отдельные языковые явления или пучки изоглосс, но вся совокупность диалектных различий, отраженных в четырех выпусках ДАРЯ. Интересно, что на карте, представляющей проекцию структурно-типологической классификации, территория традиционно выделяемых Владимирско-Поволжских говоров не является единой. Северная их часть располагается по линии Калязин — Переславль-Залесский — Ковров — Нижний Новгород и относится к Севернорусскому диалектному типу, внутри

которого выделяется Ивановско-Нижегородский диалектный тип. При этом основная часть владимирских говоров и южная часть нижегородских входят в среднерусские переходные говоры [Пшеничнова 1996: 170–173].

Мы начали исследование восточных среднерусских говоров, входящих в состав центральной диалектной зоны, в связи с темой отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН «Русские говоры в современной языковой ситуации». Сотрудниками отдела были проведены экспедиции в Муромский и Гороховецкий районы Владимирской области, Юрьевецкий район Ивановской области (2012–2016 гг.). Результаты обследований отражены в статьях и отчетах, опубликованных в журнале РЯНО [Отчеты 2013; отчет 2015]. Почему мы обратились к среднерусским говорам? Прежде всего потому, что, как нам представляется, в силу своего географического положения, в центре Европейской части России, они больше подвержены различного рода трансформациям в связи с влиянием ЛЯ и миграционными процессами, а также они в меньшей степени изучены и описаны. Но, как выяснилось в ходе экспедиций, восточные среднерусские окающие говоры продемонстрировали хорошую сохранность. Так, большинство черт, отмеченных в материалах ДАРЯ, фиксируется и в настоящее время.

Рассмотрим наиболее интересные черты, характерные для этой территории и бытующие до сих пор, на примере муромских говоров.

Это прежде всего ёканье. Так, в муромских говорах звук [o] выступает не только на месте *e, *b, но и на месте *ĕ в 1-м предударном слоге после мягкого согласного перед последующим твердым.

В современных говорах явление чаще фиксируется в речи информантов старшего поколения, при этом отмечается вариативность. Подробное описание ёканья, включая краткую историю вопроса (взгляды О. Брока, С. С. Высотского, К. Ф. Захаровой, С. К. Пожарицкой, Л. Л. Касаткина, О. Г. Гецевой и др.), дано в статье «Ёканье в муромских говорах» А. В. Тер-Аванесовой, С. В. Дьяченко, И. И. Исаева,

которая входит в [Отчет 2015: 217–226]. Авторы анализируют записи 4-х информантов старшего поколения 1920–30-х годов рождения и делают вывод, что «ёканье не представлено абсолютно последовательно ни у одного информанта; а процент примеров с ёканьем у разных людей колеблется от 33 до 75%» [Там же: 224], хотя оно отмечается и у информанток 40-х и 50-х годов рождения. Кроме того, авторы отмечают, что оно затронуло все позиции (*e, *b и *ě), и это свидетельствует о древнем неразличении указанных гласных в 1-м предударном слоге. Напомним, что в заударной позиции, в отличие от многих северных говоров, ёканья в муромских говорах нет.

Описанная диалектная черта имеет следующее географическое распространение: небольшие ареалы в тверских и ярославских говорах, компактный ареал в говорах между Костромой и Ивановом, в среднем Поволжье, изоглосса охватывает нижегородские и муромские говоры, а далее уходит на восток, в нижнее Поволжье и говоры позднего заселения. Этот ареал (говоры Волго-Окского междуречья) входит в ядро центральной диалектной зоны.

С. Л. Николаев, изучавший полесско-восточнославянские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения, провел аналогию в реализации рефлексов *ě в говорах территорий в бассейне Припяти и в восточных среднерусских окаяющих. Автор анализирует различные позиции, в которых выступают рефлексы гласных *e, *b и *ě, ссылаясь при этом на фонетические карты ДАРЯ, и делает вывод о том, что можно предположить древнейшее — до перехода [e] > [o] перед твердыми согласными — совпадение предударных рефлексов этих гласных, аналогичное полесско-припятскому. С. Л. Николаев пишет: «Эти говоры, вероятно, восходят к позднепраславянскому ростово-суздальскому диалекту, на котором говорили носители археологической культуры, характеризовавшейся браслетообразными височными кольцами с сомкнутыми или заходящими концами» [Николаев 2014: 368]. Он отмечает и некоторые другие параллели, сближающие эти восточнославянские диалекты.

Назовем любопытную грамматическую особенность муромских говоров, касающуюся местоимений и прилагательных. Так, здесь отмечено /e/ в окончаниях притяжательных местоимений *мой, твой, свой* в Т. и П. падежах ед. числа: *с моём, в моём* и т.д.; в И. и косвенных падежах мн. числа: *моё, твоё, своё* и *моёх, твоёх ... моёми* и т.д. Территория распространения названного явления в целом повторяет конфигурацию ареала ёканья на месте *ѣ, но является более обширной (ДАРЯ 1989, карта 76, 78). По материалам ДАРЯ, в муромских говорах отмечено сосуществование окончаний с гласными /e/ и /и/, то же мы наблюдаем и в настоящее время. Более последовательно /e/ сохраняется в И.п. мн. числа: *своё портнѣихи были, моё окна, моё братья*. Вероятно, /e/ (из ѣ) пришло из формы мн. числа жен. р. (*моѣ*) с аналогичным выравниванием в косвенных падежах при поддержке форм местоименного склонения твердой разновидности: *тѣтѣ, с тѣмь, тѣѣ, тѣхъ, тѣмъ, тѣми, в тѣхъ*.

Менее широко в тех же говорах представлено /e/ в окончаниях местоименных прилагательных и прилагательных в П. п. ед. ч.: *в какём, в худём*, в И. п. и в косвенных падежах мн. числа: *какѣи, какѣ, худѣи, какѣх, худѣх* и т.п. (ДАРЯ 1989, карты 46, 48, 49), в большинстве случаев диалектные формы сосуществуют с литературными.

В пределах рассматриваемого ареала отмечены системы, в которых указанное явление фиксируется только у местоименных прилагательных, что было зафиксировано как в материалах ДАРЯ, так и в современном обследовании говора с. Татарово Муромской обл. И. п. мн. ч. *такѣи ѡгѣтки, такѣ тѣнки блины, лошади какѣи-тѣ, какѣ-тѣ рыжоваты коровы, такѣи-тѣ рѣки, какѣи были заводы, в какѣх годѣх* (материалы А. В. Малышевой [РЯНО 2013 2: 287–292]).

Лингвистический ландшафт праславянского лексического диалектизма **kъrmyslъ/*čъrmyslъ* ‘приспособление для ношения, подвешивания ведер’ очень схож с описанным выше ареалом. Академик О. Н. Трубачев на материале неизданных региональных атласов, хранящихся в архиве ИРЯ РАН,

составил карту, противопоставляющую более древнюю, с его точки зрения, форму муж. р. *коромысел*, *коромысль* и инновационную форму ср. р. *коромысло* [Трубачев 2002: 18, 20–21]. Комментируя составленную карту, он замечает: «На ней четко представлены две главных периферийных (латеральных) зоны с продолжениями более древней формы муж. рода **kǫrmyslǫ* — западная, сопредельная с однотипными украинскими и белорусскими данными, и восточная, несколько более прерывистая» [Трубачев 2002: 18]. Восточная территория распространения формы муж. р. *коромысел* во многом совпадает с изоглоссами Владимирско-Поволжской группы говоров.

Восточную локализацию имеет лексема *шабёр* ‘сосед’, ‘товарищ’, она сохраняется и в современных муромских говорах в значении ‘сосед’. В ДАРЯ карты на это слово нет, о его распространении можно судить по восточному тому (АРНГЦВ, карта 241), кроме того, лексема приведена у Даля, в Словаре ярославских говоров (ЯОС 10: 67), где помимо указанных имеется значение ‘пайщик’. М. Фасмер считает вариант *шабёр* этимологически тождественным слову *сябёр* ‘сосед; товарищ; пайщик, соучастник’. Детально оно рассмотрено в [Трубачев 2008], ученый полагает, что форма русск. *шабёр*, *шабрѣ* восходит к **sebrǫ* и подробно объясняет его этимологию. На восточнославянской территории лексема *шабёр* имеет локализацию, схожую с архаической формой муж. р. *коромысел*, *коромысль*.

Таким образом, говоры Волго-Окского междуречья характеризуются целым пучком репрезентативных изоглосс, наиболее интересные из которых были представлены. Некоторые из них уходят на восток и юго-восток и далее в говоры позднего заселения, а некоторые охватывают соседние северные и северо-восточные говоры. Конфигурация изоглосс может быть связана как с миграционными процессами, так и с распространением языковых явлений на смежные территории. Описанный ареал входит в зону центра в масштабах русского языка, одновременно являясь далекой периферией в масштабах всей Славии. В связи с этим в описанных

говорах встречаются как инновационные явления [подробнее см. Букринская, Кармакова 2017], так и архаизмы, восходящие к позднепраславянскому периоду. Именно эта специфика восточных среднерусских окающих говоров и позволила Захаровой и Орловой выделить их из Северного наречия на основе генетического и территориального единства.

Литература

Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М.: Наука, 1985. С. 8–31.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. С. 258–272.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / отв. ред. О. Е. Кармакова. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. С. 221–239.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М.: Наука, 1965. С. 227–297.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 167 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. С. 246–273.

Николаев С. Л. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения // Діалекти в синхронії та діахронії: загально-слов'янський контекст. К.: КММ, 2014. С. 365–370.

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 году // Русский язык в научном освещении 2013. № 1. С. 287–292.

Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году // Русский язык в научном освещении 2015. № 2. С. 217–244.

Пшеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.

Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. I (VII) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2002. С. 5–25.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 800 с.

On the status of the eastern group
of middle Russian dialects
(on the occasion of K. F. Zakharova's centenary)

Irina A. Bukrinskaja

Olga E. Karmakova

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences

This article analyzes the place of the Vladimir-Volga dialects in different classifications of the Russian language: on the Moscow Dialectological Commission map (1914), in K. F. Zakharova and V. G. Orlova's dialectal division, and in N. N. Pshenichnova's typology of Russian dialects. Some dialect features of this group are considered with respect to the example of Murom dialects, examined from 2012 to 2014, as well as to the maps of the Dialectological Atlas of the Russian language. The described area belongs to the Central dialectal zone of the Russian language, at the same time being a distant peripheral zone inside the territory of Slavia as a whole. This accounts for the occurrences of both dialectal innovations and archaisms which date back to the late Common Slavic period.

Key words: dialectal division of the Russian language, central dialectal zone, Murom dialect.

References

Bromlej S. V. Razlichiya v stepeni vokalizovannosti sonornyh i ih rol' v protivopostavlenii central'nyh i periferijnyh govorov [Differences in the degree of sonorants vocalization and their role in contrasting the central and peripheral dialects] // *Dialektografiya russkogo yazyka* [Dialectography of the Russian language] / otv. red. R. I. Avanesov, A. I. Gorshkov. M.: Nauka, 1985. Pp. 8–31.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Russkie govory centra: iz istorii izucheniya [Central Russian dialects: from the history of their study] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Transactions of the Vinogradov Russian Language Institute]. Issue 3. *Dialektologiya* [Dialectology] / otv. red. L. L. Kasatkin. M.: In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2014. Pp. 258–272.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Areal'nyj portret muromskih govorov [Areal portrait of the Murom dialects] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Transactions of the Vinogradov Russian Language Institute]. Issue 12. *Dialektologiya* [Dialectology] / otv. red. O. E. Karmakova. M.: In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2017. Pp. 221–239.

Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoj dialektologii [An attempt at constructing the dialectological map of the Russian language in Europe with the application of the essay on Russian dialectology] // *Trudy Moskovskoj dialektologicheskoy komissii* [Transactions of the Moscow Dialectological Commission]. M., 1915.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language] // *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology] / otv. red. R. I. Avanesov, V. G. Orlova. M.: Nauka, 1965. Pp. 227–297.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language]. M.: Prosveshchenie, 1970. 167 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialectal division of the Russian language] // Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / pod red. L. L. Kasatkina. M.: Akademiya, 2005. Pp. 246–273.

Nikolaev S. L. Polessko-vostochnoruskie foneticheskie izoglossy pozdnepraslavyanskogo proiskhozhdeniya [Polesie The phonetic isoglosses of Polesie and East Russia of the late Protoslavlic origin] // Dialekti v sinhronii ta diahronii: zagal'no-slov'yanskij kontekst [Dialects in synchrony and diachrony: the Common Slavic context]. K.: KMM, 2014. Pp. 365–370.

Otchety o dialektologicheskikh ekspeditsiyah Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2012 godu [Reports on the dialectological expeditions of the Vinogradov Russian Language Institute, RAS in 2012] // RYANO [Russian language and linguistic theory]. 2013. № 1. Pp. 287–292.

Otchet ob ekspeditsiyah otdela dialektologii i lingvogeografii IRYA RAN v 2014 godu [Report on expeditions of the Department of Dialectology and Linguogeography of the Vinogradov Russian Language Institute, RAS in 2014] // RYANO [Russian language and linguistic theory]. 2015. № 2. Pp. 217–244.

Pshenichnova N. N. Tipologiya russkikh govorov [Typology of the Russian dialects]. M.: Nauka, 1996. 208 p.

Trubachev O. N. Iz istorii i lingvisticheskoy geografii vostochnoslavlyanskogo osvoeniya [From the history and linguistic geography of the Slav-pioneered territories] // Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii [Materials and studies in Russian dialectology]. Vyp. I (VII). / otv. red. L. L. Kasatkin. M.: Nauka, 2002. Pp. 5–25.

Trubachev O. N. Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotoryh drevnejshih terminov obshchestvennogo stroya [The history of the Slavic kinship terms and some of the oldest social system terms] // Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 3. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi [Works on etymology: Word. History. Culture]. V. 3. M.: Manuscripts of Ancient Rus, 2008. 800 p.

Гиперонимические наименования низменного места в орловских говорах

Наталья Владимировна Бурко

Орловский государственный аграрный
университет имени Н. В. Парахина

В данной статье рассматриваются географические апеллятивы, которые выражают общее, родовое, понятие при обозначении низменного места, низины. Всего в орловских говорах для обозначения такой формы рельефа местности употребляется около 30 лексических единиц, 11 из которых можно рассматривать в качестве гиперонимов: *низ, низина, лог, ложбина, лощина, логовина, ложина, лозинка, лоинка, ендова, ендовище*. Изучение диалектных лексических единиц, называющих географические объекты, понимание системных связей между словами, позволяет воссоздать традиционно-народное восприятие окружающей действительности и постичь особенности построения языковой картины мира русского человека. В процессе анализа привлекаются данные этимологии и лингвогеографии.

Ключевые слова: русские народные говоры, географический объект, апеллятив, семантика, семема, сема, гипероним.

В орловских говорах группа слов, называющих низменное место, низину, немногочисленна по сравнению с севернорусскими и среднерусскими говорами и насчитывает всего около 30 лексических единиц, тогда как, например, В. М. Мокиенко приводит около 400 географических апеллятивов, обозначающих низинный рельеф в псковских говорах [Мокиенко 1969: 5]. Такая значительная разница в количестве лексем объясняется, с нашей точки зрения, особенностями географического строения этих территорий, так как известно, что человек воспринимает окружающий мир с прагматических позиций, особо выделяя, маркируя те географические объекты, которые оценивает как важные и существенные для повседневной жизни.

Низина — «низко расположенная земля, относительно низко опущенная территория» (Мурзаев 1984: 394).

Для номинации обозначенной географической структуры в общенародном языке употребляются слова **низ**, **низина**, **низинка** (ум.-ласк.), **низменность** (БАС, МАС), **низиночка** (разг., ум.-ласк.), **низь** (прост.) (БАС), **лог**, **ложбина**, **лощина** (ССРЛЯ).

Приведённые слова с корнем *низ-* отличаются не только стилистической окраской, но и степенью проявления признака «пониженности». Если слова **низ**, **низина** означают просто «низменное место» (БАС 7: 1289, 1294), а **низинка**, **низиночка** имеют также значение уменьшительности, то **низменность** — это «равнина, расположенная ниже 200 м над уровнем моря; низко расположенное место» (БАС 7: 1304). По замечанию Э. Мурзаева, это «абсолютно низко расположенная равнина» (Мурзаев 1984: 394).

Таким образом, апеллятивом **низменность** в общенародном языке называют «низменную местность» (МАС 2: 97), то есть иную геоморфологическую структуру, относящуюся к формам макрорельефа.

Небезынтересно отметить, что в говорах может наблюдаться трансформация значения этого слова с учётом конкретной географической среды. Например, в орловских говорах лексема **низменность** встречается со значением «ровное место» — *Местнѣсть-тѣ у нас такая: усе вярхи дѣ вярхи* (холмы, возвышенности.— Н. Б.), *низменнѣств малѣ* (Верх.).

Субстантив **низина** образован от слова **низ** при помощи характерного для географической номенклатуры суффикса *-ин-*, который привносит значение «предмет (неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом». Слова этого типа называют «место, пространство» (АГ-80 1: 192).

Слова **низ** и **низина** как название низкого места были известны уже в древнерусском языке (Срезневский 2: 447–448) и восходят к «о.-с. *nǐзь... И.-е. корень *ni-: *nei- [-z- суф. на о.-с. почве, как в без]» (Черных 1: 572).

Представляется интересным отметить, что значение ‘низменное место, низина’ у слова *низ* в академическом словаре современного русского языка более позднего, чем БАС, издания отмечено только у формы множественного числа — *низы* (МАС 2: 496).

Таким образом, лексикографический материал отражает определенную дифференциацию в соотношении формы лексемы и её значений, наблюдающуюся в литературном русском языке.

В народных говорах же в указанном значении продолжает активно употребляться форма единственного числа — *Нз низу энтът год вот трава хъраша была: сощнъя, густая* (Новодер.). *Я на низу ни пайду* (Орл.).

В орловских говорах отмечено также производное от слова *низ* наречие *низами* — ‘по низкой части местности, в отличие от более высокой, возвышенной’ (СОГ 7: 436) — *Дарох у нас многъ, и пъ дивевни хадилл и низами* (Кром.).

Почти все перечисленные лексемы общенародного языка известны и широко употребительны в говорах Орловщины: *А низинъ так и есть низинъ. Низменнъя, значить, места* (Новодер.). *Агарот у них у низинки. Тък хърашо: ветир ни так пъмидоры треплит* (Орл.). *Дивевня ишня у низу статъ* (Красн.). *А я всегда низиначкѣй хажу, тах-тѣ ближсы* (Орл.). *Низинъ, а йицо лох скажутъ* (Свердл.).

Помимо слов общенародного языка в орловских говорах с общим (гиперонимическим) значением ‘низменное место, низина’ употребляются диалектные лексемы *лог*, *ложбина*, *лощина* *логовина*, *ложина*, *лозинка*, *лоинка*, *ендова*, *ендовище*.

В представленном синонимическом ряду обращает на себя внимание группа слов с корнем *лог-*: *лог*, *логовина*, *ложина* (известные на Орловщине также для номинации неглубоких оврагов с пологими склонами), *ложбина*, *лощина*.

Все слова (за исключением *лог*) оформлены при помощи суффикса *-ин-* с характерным значением ‘место, пространство’ — *Дужъ у нас красивъ вясной нъ лагу. Твятов оцинь*

многоз (Знам.). *У лагу мы каров пасём. Тамзсь, у логе, им дабро* (Колпн. + Залег., Свердлов., Урицк.). *В лъгавине пасевы вегда плаши* (Долж.). *Нъ лъгавине трава урадилъсь харошъя* (Покр.). *За лесъм шла лажина* (Новос.). *Пашол казак дълиною, а девкъ лъжсиною. Раствёл казак алым тветъм, а девкъ малинъю* (Урицк.) (СОГ 6: 59, 62).

Со значением ‘низменное место, низина’ (зачастую с указанием на дополнительные признаки, воспринимающиеся диалектоносителями как релевантные) перечисленные лексемы известны и в других русских народных говорах.

В ярославских говорах, например, словом *лог* называют ‘низину, низкое заболоченное место’ (ЯОС 6: 10), а в архангельских, ленинградских, псковских, костромских, казанских, калужских, воронежских, смоленских, свердловских, пермских говорах — ‘низкое, часто сырое место, низину’ (СРНГ 17: 103). Как ‘низкое ровное место, низина’ известно слово *логовина* в калининских говорах (СРНГ 17: 104); ‘низина, низкое заболоченное место’ — в ярославских говорах (ЯОС 6: 10).

Следует, на наш взгляд, подробнее остановиться на словах *ложбина*, *лощина*, у которых А. П. Евгеньева наряду со значением ‘род неглубокого широкого оврага с пологими склонами’ выделяет значение ‘пониженное место, низина’ (ССРЛЯ 2: 515). Последнее значение явно диалектное, так как в литературном языке эти слова имеют иную семантическую наполненность.

В словарях современного русского литературного языка их значения сформулированы следующим образом: *ложбина* — ‘длинная впадина на земной поверхности; неглубокий овраг’ (БАС 6: 324), ‘неглубокий овраг с пологими склонами’ (МАС 2: 196); *лощина* — ‘низменность, низко расположенная долина; ложбина’ (БАС 6: 383), ‘овраг с пологими склонами’ (МАС 2: 202).

В сознании носителей литературного языка это все-таки «овраг», что особенно чётко и ярко проявляется в определениях МАСа (отличительным признаком является глубина

географического объекта). Хотя в формулировках более раннего издания (БАСа) и намечены некоторые различия в значениях слов, но в силу отсутствия в языковой практике четкой дифференциации, они утрачиваются в языке.

Э. М. Мурзаев, опираясь на сообщение Д. Н. Ардмана, так описывает географические реалии, называемые словами *ложбина*, *лощина*:

Ложбина —

«первичная форма нормальной эрозии. Образуется как естественный канал стока вод, атмосферных осадков в равнинных и холмистых местностях. Обладает плавными формами: пологими склонами, незаметно переходящими с одной стороны в плоские или слабоогнутые днища, а с другой — в ровную поверхность равнины. Бровки не выражены. В естественном состоянии ложбина задернована растительностью, при распашке легко прорезается оврагами. В плане обычен извилистый ветвистый рисунок» (Мурзаев 1984: 345).

Лощина —

«отрицательная форма нормальной эрозии с ясно выраженными днищами и склонами. Склоны от окружающих равнин отделяются заметными бровками. Наиболее обычна корытообразная форма в поперечном сечении» (Мурзаев 1984: 348).

Из предложенных описаний видно, что специалисты-географы соотносят эти слова с совершенно различными географическими объектами. Однако «в ряде районов, — пишет Э. М. Мурзаев, — говорят: *лощина*, *ложбина*, *лог* — не дифференцируя их специфики» (Мурзаев 1984: 348).

Возникает вопрос: почему?

Конечно же, немаловажное и, возможно, первостепенное значение имеет тот факт, что, несмотря на все морфологические различия, отмечаемые специалистами, эти реалии всё же похожи, так что иногда довольно затруднительно бывает провести между ними грань. Это, в свою очередь, оказало влияние и на языковой материал.

Слово *лощина* со значением ‘лощина’ отмечено в русском языке с XVI в. (СлРЯ XI–XVII 8: 290). Встречается в Отказных книгах южнорусского наречия XVII в.: «...от Осерского потока ѿт Ветмы рѣки бортным знаменемъ по лащину в Бытому реку рѣкою на низ...» (Брянск, 1635, л. 581) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 54]. «Образовано с помощью суффикса *-ин(а)-* от диалектного лоск — ‘лог, лощина, низменность’, в диалектах ещё встречающегося» (КЭСРЯ: 7).

Слово *ложбина* не отмечено в словаре древнерусского языка Срезневского и «Словаре русского языка XI–XVII вв.», а в словаре Даля встречается со значением ‘вообще низменность, впадина’ (Даль, 8-е изд. 2: 262). «Образовано с помощью суффикса *-ин(а)-* от несохранившегося *ложба*, представляющего производное посредством *ьба(>ба)* от *логъ*» (КЭСРЯ: 244).

Таким образом, просматривается своеобразная параллель в образовании этих двух слов: образованы с помощью суффикса *-ин(а)* (подобно другим единицам географической номенклатуры: *дол-ина*, *колдобь-ина*, *низ-ина*, *ухаб-ина*, *рытьв-ина*) от слов с одинаковой семантической наполненностью. Отсюда, вероятно, и наблюдающееся в языке неразличение специфики этих слов.

Р. Я. Тюрина полагает, что в подобных случаях мы имеем дело с диффузией семантики, которая «порождается характерной для диалектной речи приблизительностью словоупотребления, отсутствием необходимости употреблять слово в строгой адекватности предмету мысли», что обусловлено функциональной спецификой диалектного языка... Кроме того, диффузия семантики обуславливается и поддерживается сходством называемых предметов. Особенно это касается географических объектов. Например, иногда трудно провести грань между оврагом и впадиной, впадиной и просто низменным местом» [Тюрина 1972: 10].

В некоторых говорах Орловской области словами *ложбина*, *лощина* называют низменное место, низину — *Полнья лажбина выды* (Красн.) (СОГ 6: 61). *Мы гусей всигда у лащину ганяли* (Глаз.). *А мы в лащине каров пасли* (Колп.). *Мы*

хадили у Кунью лащину хэраводы вадить (Шабл.). *Пайдем у лащину сходим!* (Кром.) (СОГ 6: 74).

С таким же или близким значением употребляются эти лексемы и в других русских народных говорах. Например, в Ярославской, Архангельской, Псковской, Смоленской областях словом *ложбина* называют ‘низкое место на поле, лугу’ (СРНГ 17: 170; ЯОС 6: 10), а слово *лощина* как ‘низменное место’ известно в калининских, рязанских, кубанских говорах (СРНГ 17: 170), ‘низкое сырое место в лесу или поле // низина, поросшая мелким кустарником’ — в ярославских говорах (ЯОС 6: 15).

Для обозначения низменного места, низины в орловских говорах употребляются слова *лозинка*, *лоинка* (СОГ 6: 62–63) — *Дом-тѣ наш в лазинке был, так висной йиво чистенькѣ затпливлѣ вадой* (Верх.). *Тут лаинка, вот ы картохи прелыи* (Глаз.).

В словаре В. И. Даля отмечено слово *лоина* со значением ‘лог, долина или овраг с ровным дном; травная балка’ как новгородское (Даль, 8-е изд. 2: 264). В СРНГ эта лексема зафиксирована в новгородских и тверских говорах как ‘небольшая продолговатая долина между возвышенностями; овраг с пологими травянистыми склонами, балка’ (СРНГ 17: 112), в ярославских говорах — ‘низина’, ‘впадина, углубление на земной поверхности’, ‘отлогий овраг с травянистыми склонами’, ‘канавка, промытая дождями или тальми водами’, ‘луг’ (ЯОС 6: 10). Как показывают лексикографические источники, ареал лексемы охватывает северные территории.

Возникает вопрос о происхождении столь необычного для географической номенклатуры наименования и его морфемном строении.

В связи с этим любопытно отметить, что в ярославских говорах со значением ‘овраг’, ‘низина в изгибах реки’ употребляется слово *лой* (ЯОС 6: 10).

Эта лексема известна и в орловских говорах, но с совершенно иным семантическим наполнением — ‘внутреннее свиное сало, жир’ (СОГ 6: 63).

М. Фасмер полагает, что *лоѿ* ‘жир, топленое сало’, а также *налоѿ* ‘ливень’, *залой* ‘затопленное место’... связаны «чередованием с лить, лью» (Фасмер 2: 513). «Праслав. **lějq*, **liti* родственно лит. *lieju*, *lieti* ‘лить’, *lįja*, *lyti* ‘идти (о дожде)’, *lytūs* ‘дождь’...» (Фасмер 2: 504).

Но в результате развития значений слов *лоѿ*, *лоина* такая связь с глаголом *лить* перестает восприниматься как очевидная и первостепенная.

Учитывая наличие в ярославских говорах апеллятива *лоѿ* ‘овраг’, ‘низина в изгибах реки’, а также сравнивая субстантив *лоин(к)а* с другими единицами географической номенклатуры (долина, низина, рывина, ухабина), можно предположить в слове *лоинка* корень *ло(j)*- и суффиксы *-ин-*, *-к-*. К такому выводу приходит С. М. Васильченко, рассматривая структуру лексем *лоинка* [Васильченко 1996: 25].

Слово *лоина* известно в севернорусских говорах, на южнорусской территории оно не отмечено, но в орловских говорах зафиксирован дериват *лоинка*. Такой территориальный отрыв однокоренных слов «может быть вполне объясним, если учесть, что в формировании этнического населения Орловской и Курской областей приняли немалое участие носители севернорусских говоров. Здесь, как известно, проживают потомки вывезенных из северных губерний России крестьян, переселенных сюда в XVII в. в результате помещичьей колонизации края» [Бахвалова 1996: 126].

Лексема *лозинка* ‘низменное место, низина’ появилась в орловских говорах, возможно, в результате устранения зияния гласных в слове *лоинка* и для обозначения географических объектов в других русских народных говорах не встречается (СРНГ 17: 111).

То же общее значение ‘низменное место, низина’ мы отмечаем в орловских говорах у слов *ендова*, *ендовице* [Бурко 2017: 152–157]. Эти реликтовые апеллятивы, которые на территории Поочья восстанавливались из топонимических единиц (названий оврагов и прочих географических объектов), дополнили географическую лексику в результате семанти-

ческого переноса из другой понятийной группы: развитие значения ‘низменное место, низина’ происходило по линии «названия посуды» → «низменное место».

Рассмотренные лексемы можно считать гиперонимами при обозначении такой геоморфологической структуры, как низменное место, низина. В других зафиксированных в орловских говорах наименованиях проявляются дифференциальные гипосемы. Например, сема ‘небольшая’ присутствует в словах *логовинка*, *ложбинка*, образованных с помощью суффикса *-к-*, который и вносит в значение этих слов уменьшительное значение и тем самым указывает на размер географического объекта — *Мы лъгавинкѣй шли, сырѣ там* (Новос.) *Ани вон на энтѣй лъгивинке были* (Новос. + Соск.) (СОГ 6: 60). *Пайдем лажбинкѣй, как рас на их зады выйдим* (Красн.). Признак «местоположение реалии» актуализируется в значении апеллятива *подол* семой ‘у реки’: *Подол — это низменное место, обычно у реки. Падол зацвел* (Лив.). *Мы каров у падол пагнали* (Болх.). *Прихади вечерѣм нѣ падол* (Мцен.). Наличие семы ‘влажный, сырой’ характеризует в орловских говорах апеллятивы *болотник*, *лиман*, *ляда*, *лядина*, *можляк*, *мокрятъ*, *мотяжина*, *мочажина*, *мочезжина*, *мочевина*, *мочерина*, *мочняк*, *мошаник*, *мошник*, *мишара*, *омшара*, *ржасвец* [Бурко 2011: 152–157].

Слова с общим значением ‘низменное место’ по отношению к словам литературного языка можно условно разделить на:

а) тождественные литературным словам в плане содержания и в плане выражения: *низ*, *низина* (в литературном языке и говорах ‘низменное место’);

б) совпадающие в плане выражения, различные в плане содержания: *лог* — в литературном языке ‘широкий, значительной длины овраг с отлогими склонами’, в говорах — ‘низменное место, низина’, *лиман* — в литературном языке ‘затопленное водами моря расширенное устье реки, превратившееся в залив, иногда отделённое от моря широкой косой (обычно богатое целебными грязями)’, в говорах — ‘низина, заливаемая водой’ и др.;

в) не отмеченные в литературном языке: *болотник, мочерина, мочняк, мотьяжина, лочинка, ржавец.*

Литература

Бахвалова Т. В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел: Орл. гос. пед. ун-т. 1996. 240 с.

Бурко Н. В. Наименования низменного места по признаку гидроморфности в народных говорах (на материале орловских говоров). Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 1 (39). С. 158–164.

Бурко Н. В. О семантике географических наименований ендова, ендовище в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингвистич. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 152–157.

Васильченко С. М. Формально-семантические связи русского имени существительного в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Орёл: Изд-во Орловск. госуд. телерадиовещат. комп., 1996. 194 с.

Мокиенко В. М. Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 22 с.

Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М.: Наука, 1977. 359 с.

Тюрина Р. Я. Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья (к вопросу об особенностях диалектных лексико-семантических систем): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972. 15 с.

Hyperonymic nominations for lowlands in the Orel dialects

Natal'ya V. Burko

Oryol State Agrarian University
named after N. V. Parakhin

This article deals with the geographical appellatives, which express general, generic term in designating depressions and lowlands. The total amount of approximately 30 lexical units is used in the Orel dialects to denominate this landform, of which 11 can be seemed as hyperonyms, namely *niz*, *nizina*, *log*, *ložbina*, *loščina*, *logovina*, *ložina*, *lozinka*, *loinka*, *jendova*, *jendovišče*. The study of dialectal lexical units which denote geographical objects, as well as the understanding of system connections between words, allows us to recreate the perception of surrounding reality in traditional folk categories and to comprehend the peculiarities constituting the language-specific worldview of a Russian person. The analysis involves the data of etymology and linguogeography.

Key words: Russian dialects, geographical object, appellative, semantics, sememe, seme, hyperonym.

References

Bahvalova T. V. Vyrashenie v yazyke vneshnego oblika cheloveka sredstvami kategorii agentivnosti [Ways of depicting the external appearance of a person by means of the category of agent in language]. Orel: Orl. gos. ped. un-t. 1996. 240 p.

Burko N. V. Naimenovaniya nizmennogo mesta po priznaku gidromorfnosti v narodnyh govorah (na materiale orlovskih govorov) [Names for a low place based on hydromorphic features in folk dialects (based on the materials of the Orel dialects)] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of the Orel State University]. 2011. № 1 (39). Pp. 158–164.

Burko N. V. O semantike geograficheskikh naimenovanij endova, endovishche v orlovskih govorah [On the semantics of the geographical

names jendova, jendovišče in the Orel dialects] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2017 [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations 2017] / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 152–157.

Vasil'chenko S. M. Formal'no-semanticheskie svyazi russkogo imeni sushchestvitel'nogo v semasiologicheskom i onomasiologicheskom aspektah [Formal semantic relations of the Russian noun from semasiological and onomasiological viewpoints]. Orel: Izd-vo Orlovsk. gosud. teleradioveshchat. komp., 1996. 194 p.

Mokienko V. M. Lingvisticheskiy analiz mestnoj geograficheskoy terminologii (pskovskie apellyativy, oboznachayushchie nizinnyy reľef, na slavyanskom fone) [Linguistic analysis of local geographical terminology (Pskov appellatives indicating lowland relief, against a Slavic background)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1969. 22 p.

Пам'ятники yuzhnovelikorusskogo narechiya: Otkaznye knigi [Monuments of the South Russian dialect: Donation books]. M.: Nauka, 1977. 359 p.

Tyurina R. YA. Leksika prirody v russkih starozhil'cheskih govorah Srednego Priob'ya (k voprosu ob osobennostyah dialektnyh leksiko-semanticheskikh sistem) [The vocabulary of nature in the Russian old settlers dialects of the Middle Ob region (on the question of the peculiarities of dialectal lexico-semantic systems)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1972. 15 p.

Названия жимолости в русских народных говорах и этимология лексемы *жимолость**

Алексей Алексеевич Бурькин

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье рассматриваются названия растения жимолость, распространенные в русских говорах. Приводится этимология этих наименований: некоторые из них образованы на русской почве и имеют различные мотивировки (при этом особенно важен зоологический аспект), другие же восходит к тюркским и финно-пермским словам.

Ключевые слова: этимология, названия растений, жимолость.

Названия жимолости в русских говорах довольно разнообразны и не могут не привлечь к себе внимания. Для этого есть разные причины: этимология названия жимолость при обращении к материалу классических этимологических словарей оказывается неясной, для этой ягоды имеется довольно много названий, представляющих вторичную номинацию, а также, как представляется, в отличие от других названий лесных ягод, рефлексы общерусского названия жимолости обростают переносными значениями.

Приведем наименования жимолости, распространенные в русских народных говорах: *гордовник, готоватик, готовник, готовишник, жаломустник, желомудник, желомустник, жиломусть, жиломучина, жимлока, жимозник, кобылина, кобылица, мимолость, покойник, сисошник, снежилка, сорочка*.

Архангельский областной словарь дает и общерусское название жимолости, и местные названия, по-видимому, не являющиеся устойчивыми: *кобылица, желомуда, жимлодь, кобыльи титки, коровьи титки*; — в отдельную

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00207

статью выделено название *жимолоха*, составляющее фонетический вариант к слову *жимолость*:

Ж́имолость. 1. Кустарник семейства жимолостных или можжевеловых. Ср. *жилмўтник*. *Ж́имолось у нас называють кобылиця*. ЛЕШ¹. Рдм. С синон. *Ж́имолось, она ка голубель, мы кобылиця называем*. МЕЗ. Свп. 2. Ягода, растущая на кустах семейства жимолостных или можжевеловых. Ср. *желомўда* во 2 знач., *ж́имолодь, ж́имолоха, ж́имолодь, кобыльи тїтки* (см. кобылей), *корóвьи тїтки* (см. корóвей). *Ж́имолось росьтєт, тóлько — кислотá! Кїисла! Самовáр мѣдной той я́годој ж́имолосью цїстить хорошó*. УСТЬ. Снк. *Ж́имолось љесь я́годы сїние, на кўстах ростўт*. КРАСН. Нвш. *Ж́имолось такáя дóлгая, тóнкая*. ВИЛ. Пвл. *Ж́имолось шїпко кїсла, љейó мáло берўт*. КРАСН. ВУ.

Ж́имолоха. То же, что *ж́имолость* во 2 знач. *Клóква росла, ж́имолоха на кўстах, кїсельница росла, черѣмута*. УСТЬ. Брз. (АОС 14: 118).

Существенно, что вкус жимолости в Архангельском регионе оценивается как кислый, в то время как в Сибири эта ягода считается одной из самых сладких и ее иногда называют сибирским виноградом.

Другие наименования жимолости, встретившиеся нам в основном в СРНГ, не менее разнообразны по форме:

Барáньи яйца. Растение *Lonicera L.*, сем. жимолостных; жимолость. Верхотур. Свердлов., 1964 (СРНГ 2: 106)

2. **Барáшки**, ов, мн. 1. Сережки у березы. Нерехт. Костром., 1853. 2. Растение *Primula veris L.*, сем. первоцветных; первоцвет аптечный. Даль [без указ, места]. Моск., Тамб., Анненков. Настой 3–4 цветочков этого растения дают детям от кашля и от бессонницы; настой большего количества цветочков — взрослым от удушья. Ачин. Енис., 1895. 3. Растение *Lonicera L.*, сем. жимолостных; жимолость. Верхот. Перм., 1930 (СРНГ 2: 110). Нет особых сомнений в том, что номинации жимолости по форме ягоды и сережек

¹ Сокращения приводятся в том виде, в котором они представлены в соответствующих словарях.

у березы обусловлены сходством их формы с формой мошонки барана². Включение зоологического кода в номинацию этой ягоды требует дополнительного внимания.

Волчйца. 1. Растение *Geranium sanguineum* L., сем. гераниевых; герань кравянокрасная. Курск., Анненков. 2. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Тотем. Волог., 1883–1889 (СРНГ 5: 81). Судя по характеру номинации и отсутствию характеризующих признаков, ягода в регионе не относится к съедобным.

Вороника. Жимолость. Вельск. Арх., 1939. Вороника [удар.?). «Кустарник». Верховаж. **Волог.**, Шайтанов. (СРНГ 5: 115). Здесь, похоже, смешаны названия жимолости и названия другой лесной северной ягоды — шикши, или водяники. Ср.: «К боровой дичи отнесены и белые куропатки, хотя в борах и ельниках они встречаются крайне редко. Любимые места обитания этих птиц в гнездовой период — кустарниковая тундра с мелкобугристыми болотами, обильно поросшими морошкой, голубикой и шикшей (вороникой)» «Есть на болотах и еще кустарничек с ягодами — Водяника или вороника черная. Она растет на грядах и по заболоченным соснякам на окраинах болотного массива. Водяником ее называют за безвкусные ягоды, которые, впрочем, хорошо утоляют жажду».

Глухая жимолость. Растение *Evonymus verrucosa* L., сем. бересклетовых; бересклет бородавчатый (СРНГ 6: 216). Возможно, номинация дается по характеру зарослей кустарника жимолости.

Гордбвник. 1. То же, что гордовик. Даль [2-е изд., без указ. места]. 2. Растение *Viburnum Dahuricum* Pall., сем. жимолостных; жимолость монгольская. Приаргунский край, Анненков. 3. Особый вид орешника с колючими плодами. Амур., Азадовский, 1913–1914 (СРНГ 7: 28). Не совсем ясно, что послужило мотивировкой для названия в том регионе, где сохраняется общерусское название жимолости.

² По сведениям некоторых информантов, в Свердловской области ягода может иметь название *бычьи яйца* (Прим. ред.).

Готовáтик. 1. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Волог., 1883–1889. 2. **Готовáтики**, мн. Ягоды жимолости. Кадн. Волог., 1898 (СРНГ 7: 99).

Готóвец. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Волог., 1902 (СРНГ 7: 99).

Готóвик. 1. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Волог., Анненков. Минус., Енис., Нерч. Забайк.

Готóвики, мн. Ягоды жимолости. Великоуст. Волог., 1847. Плоды черной жимолости (*Lonicera nigra* L.) в виде сливы. Переясл. Влад., 1849–1851. Волог. (СРНГ 7: 99). Похоже, что данное название мигрировало из района Европейского Севера в отдельные районы Сибири.

Готóвишник. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Волог., Анненков. Волог., 1883–1889 (СРНГ 7: 100).

Готóвник. 1. Жимолость. *Этот год в лесу готовника страсть много.* Ср. Урал, 1964. 2. Ягоды, похожие на гонобобель. Яросл., 1961. «Ягода синего цвета, с маленькими желтенькими косточками; поспеваает раньше других». Рыбин. Яросл., Водарский, 1901. Мотивировка названия, несмотря на прозрачность формы, непонятна: то ли ягоды считаются готовыми к употреблению в пищу, то ли служат объектом заготовок.

Дíкая осолодка. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Костром., Анненков (СРНГ 8: 60).

Жаломúда. Съедобная ягода синего цвета, растущая на кустах. Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965. — Ср. 2. **Желомúдина** (СРНГ 9: 67).

Пример открывает объемный ряд форм с метатезой согласных Л и М, возможно, отражающих народную этимологию при связи с глаголом *жить* и его производными типа *жило*. Ср., впрочем, татарск. *зелпе* ‘жимолость’.

Жаломудник, [удар.?). Ягодный кустарник [какой?]. Шенк. Арх., Макаров, Слов. карт. ИРЯЗ. — Ср. **Желомудник**.

Жаломуровый. Жаломурово дерево. Шиповник. Березн. Арх., 1950 (СРНГ 9: 67).

Жаломўстник. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Осташк. Твер., 1869. Пск., Твер. (СРНГ 9: 67).

Желомўдина. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость. Арх., 1887. «Несъедобная ягода, похожая на голубику». Арх., Шляпкин. (СРНГ 9: 110).

Желомўтник. 1. Растение *Lonicera pallasi* Ledeb., сем. жимолостных. Арх., 1850. Енис. 2. «Род растений — калина, волчьи ягоды, кобылина». Карпог. Арх., 1928.— Ср. **Жаломўстник, Желомўтник** (СРНГ 9: 110).

Желомудняк. Нарезанные и высушенные отрезки жимолости для изготовления игл при вязке сетей. Пск., Кузнецов, 1912–1914 (СРНГ 9: 110).

Желомўстник. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. *Лес растет: еловый, сосновый, березовый, листвяничник, осина, желомустник, ива, ольха, рябина.* Шенк. Арх., 1891 (СРНГ 9: 110).

Желомўт. То же, что *желомудник*. Арх., Даль (СРНГ 9: 110).

Желомўтник. То же, что *желомудник*. Арх., Даль (СРНГ 9: 110).

Жилмасть, [удар.?). Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Жиздр. Калуж., Шахматов (СРНГ 9: 175).

Жиломость. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Твер., Смол., Анненков. Кологр. Костром. (СРНГ 9: 176).

Жиломўдина. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Арх., Шляпкин.— Ср. **Желомудина** (СРНГ 9: 176).

Жиломўздина. Растение *Lonicera*, сем. жимолостных; жимолость. Себеж. Пск., Тихомиров.— Ср. **Желомуздина** (СРНГ 9: 176).

Жи́ломус. 1. То же, что *жиломо́сть*. Петрозав. Олон., Куликовский. 2. То же, что *жилому́дина*. Петрозав. Олон., Куликовский (СРНГ 9: 176).

Жилому́ст. То же, что *жилому́здина*. Пск., 1912–1914 (СРНГ 9: 176).

Жилому́ста. 1. То же, что *жилому́здина*. Опоч. Пск., 1852. Пск., Боров. и смежн. Новг. 2. То же, что *жиломо́сть*. Опоч. Пск., Анненков. Пск. (СРНГ 9: 176).

Жилому́стина. 1. То же, что *жилому́здина*. Петерб., Новг., Анненков. Вытегор. Олон.— Ср. *Жалому́стина*, *Желему́стина*, *Жилому́сь*, *Жолому́стина*. 2. Ветвь жимолости. Пск., Осташк. Твер., 1855. 2. *Жилому́стина*, *ы*, *ж*. Трость. Пск., Осташк. Твер., 1855.— Ср. *Жолому́стина* (СРНГ 9: 176).

Жилому́стник. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Осташк. Твер., 1869.— Ср. *Жалому́стник*, *Желому́стник*, *Залому́зник* (СРНГ 9: 176).

Жилому́стный. Жимолостный. Жилому́стные ягоды. Тихв. Новг., 1905–1921 (СРНГ 9: 176).

Жилому́стовина. То же, что *Жилому́стина*. Пск., Осташк. Твер., 1855 (СРНГ 9: 176).

Жилому́стовый. Жимолостный. Опоч. Пск., 1852. Пск.— Ср. *Жалому́стовый* (СРНГ 9: 176).

Жилому́сть. То же, что *жиламу́сть*. Твер., Пск., Даль (3-е изд.). (СРНГ 9: 176).

Жилому́сь. То же, что *жиламу́сть*. Боров. Новг., 1923–1928.— Ср. *Жиламу́сь* (СРНГ 9: 177).

Жилому́чина. То же, что *жилому́с*. Олон., 1885–1898 (СРНГ 9: 177).

Жи́млока. Растение *Lonicera* L., сем. жимолостных; жимолость. Боров. Калуж., 1905–1921. Верхот. Перм. (СРНГ 9: 179).

Жи́мобзник. То же, что *жимлока*. Урал., 1930 (СРНГ 9: 179).

Две последние формы имеют большую ценность в плане этимологии и демонстрации параллельных заимствований

названий жимолости в русские говоры. Судя по всему, форма *жимлока* соответствует тюркскому древнечувашскому **жимел* (совр. чуваш. *жимӗс*; возможно, заимствовано из других тюркских языков), а форма *жимозник* — общетюркскому **йемши* ‘плод’ с переходом *й-* > *ж-*.

Жимоліста. То же, что *жимлока*. Дмитров. Моск., Преображенский (СРНГ 9: 179).

Жимолістичка, [удар.?). «Ласкательное слово». Уржум. Вят., Магницкий, 1882 (СРНГ 9: 179).

Жимолѳзник. То же, что *жимлока*. Кунгур. Перм., 1898. Урал. (СРНГ 9: 179).

Жимолѳк. То же, что *жимлока*. *Жимолок белым цветом.* Туган. Том., 1965. || Плоды этого растения. *Жимолок есть. Это ягода черная, длинная. В тайге есть. Едят ее.* Том., 1965 (СРНГ 9: 179).

Жимолѳска и жимолѳстка. Часть домашнего ткацкого станка. Ярослав., Мельниченко [с примеч. «в рукописи жимолостка»], 1961. = **Жимолоска.** Любим. Ярослав., 1926.

Жимолѳстка. 1. Растение *Lonicera xylosteuum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Вят., 869.— Ср. **Жимолустник.** 2. Растение *Lonicera coerulea* L.; жимолость голубая. Вост.-Сиб., Слов. Акад. 1898. || Плоды этого растения. «Ягода, похожая на голубицу». Вост.-Сиб., Даль (СРНГ 9: 179).

Жимолостник, жимолѳстник и жимолѳсник, а, м. То же, что *жимолока*. □ **Жимолостник.** Слов. Акад. 1847. □ **Жимолѳстник.** Ср. Урал, 1964. □ **Жимолосник.** Урал., 1930 (СРНГ 9: 179).

Жимолостный. Гибкий. Моск., 1936 (СРНГ 9: 179).

Жимышник. То же, что *жимлока*. Урал., 1964 (СРНГ 9: 180).

Жимолосточка. Ласк. к жимолость. Уржум. Вят., 1885 (СРНГ 9: 180).

Жимолость. 1. Растение *Juniperus* L., сем. кипарисовых; можжевельник. Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин., 1928. 2. Растение *Viburnum* L., сем. жимолостных; калина. Усьян.-

Дмитр. Сев.-Двин., 1928. 3. Гибкое дерево. Свияж. Казан., Слов. карт. ИРЯЗ, 1853. 4. Трость; палка. Свияж. Казан., Слов. карт. ИРЯЗ, 1853 (СРНГ 9: 180).

Жимолось. Скупой человек; злой человек. Тотем., Устюж. Волог., Тр. МДК, XI. (СРНГ 9: 180).

Жимолóховый. Жимолостный. Покр. Влад., 1895–1896 (СРНГ 9: 180).

Жимолу́сть, [удар.?). То же, что *жимлока*. Зубц. Твер., 1897 (СРНГ 9: 180).

Жимолóста. То же, что *жимлока*. Дмитр. Моск., Преображенский (СРНГ 9: 180).

Жимослина. Жимолостный прут. Росл. Смол., Добровольский (СРНГ 9: 180).

Жимулость, [удар.?). То же, что *жимлока*. Зубц. Твер., 1897 (СРНГ 9: 180).

Жимылышник. То же, что *жимлока*. *Жимылышник от шейки корень до верху, он не распускается, а там делается шапочкой.* Урал. 1964 (СРНГ 9: 180).

Замолóска. Синие болотные ягоды. Ишим. Тобол., 1930 (СРНГ 10: 253).

Замолóсник. Жимолость. Ср. Урал, 1964 (СРНГ 10: 253).

Ввиду изменения анлаута, похоже, народная этимология могла приобрести иной характер.

Ижман, [удар.?). Жимолость. Юрлин. Коми-Пермяцк., Барашков, 1965 (СРНГ 12: 80).

Явное заимствование из финно-пермских языков, ср. коми *ыжман*, *ыжнёнъ*, коми.-перм. *ыжман*, *ыжбан*, *ижман* 'жимолость'.

Калі́на. 1. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Костром., Анненков (СРНГ 12: 355).

Кобы́лина. 1. Растение *Viola epipsila* Led., сем. фиалковых; фиалка кочкарная. Олон., Слов. Акад. 1910. 2. Растение *Lonicera* L., сем. жимолостных; жимолость. Пинеж. Арх., 1961 (СРНГ 14: 19).

Кобылі́ца. 1. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; синяя жимолость. Арх., 1850. *Кобылиця — ягоды,*

они продолговаты, алыми цветет. Верхне-Тоем. Арх. Усть-Цилем. Коми АССР, Олон. 2. То же, что кобылика (во 2-м знач.). По р. Свири Олон., 1898 (СРНГ 14: 20).

Кобыличный, [удар.?). Кобыличные ягоды. Растение [какое?]. Сев.-Двин., Романов, 1927 (СРНГ 14: 20).

Кбзья жимолость. Растение *Lonicera caerulea* L., сем. жимолостных; жимолость душистая, каприфоль. Слов. Акад. 1847 (СРНГ 14: 64). Вероятно, ягода названа так по причине несъедобности из-за вкуса.

Кбзий язык. Растение *Lonicera periclymenum* L., сем. жимолостных; жимолость немецкая. Слов. Акад. 1847. Слов. Акад. 1911 (СРНГ 14: 64). По-видимому, мотивировка названия связана с неприятным вкусом несъедобных разновидностей жимолости.

Криворбтица. Растение *Lonicera* L., жимолость. Кадн. Волог., 1891 (СРНГ 15: 247). Определенно характеристика ягоды вследствие ее несъедобности.

Медвѣжьи ягоды. Растение *Lonicera caerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Никол. Волог., 1883–1889 (СРНГ 18: 68).

Мймолость, [удар. так?]. Растение *Lonicera caerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Арх., Слов. карт. ИРЯЗ (СРНГ 18: 166).

Покбйник. 1. Костюм из белой рубахи, штанов, онуч, маски, которые одевают при ряженьи. Ветл. Костром., 1917–1928. 2. Каркас свода печи. *На под ставят доски со всех четырех сторон сводят верху-ту — это покойник, на покойнике-то ловко небо свершить у печи.* Пинеж. Арх., 1968. 3. Восточный ветер. *Пойдут холода, если покойник дует, восточный ветер.* Оз. Селигер, 1974. 4. Растение *Lonicera* L., сем. жимолостных; жимолость. Тобол., 1913 (СРНГ 28: 389–390). Омонимия совершенно непонятна.

Рбзовая акация. Растение *Lonicera* L., сем. жимолостных, жимолость. Среднеобск., 1986 (СРНГ 35: 165). Даже связь значений неясна.

Сгóдный. Пригодный; полезный; хороший. Даль. Олон., 1885–1898. Новг. Сгодная ягода. Растение жимолость. Новг., Бурнашев. Новг., Даль [с вопросом к слову] (СРНГ 37: 28). Создается впечатление, что знакомство с этой ягодой относительно новое в связи со сменой населения территории.

Сѳсошник. 1. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостных; жимолость голубая. Волог., 1883–1889. 2. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость пушистая. Анненков (СРНГ 37: 351). Зоонимическая метафора вследствие сходства формы ягоды с сосками самок животных.

Снежѳлка. Растение жимолость. *За снежѳлкой ходили, ее можно было сушить.* Ср. Прииртышье, 1993 (СРНГ 39: 98). Вероятно, название мотивировано тем, что ягоды жимолости на кустах могут сохраняться до начала снегопада.

Сорóчка. Кустарник жимолость алтайская. *Сорочка — ягода такая голубенька, длинненька.* Среднеобск., 1986 (СРНГ 40: 35–36). Возможно, компрессия от *сорочья ягода*, хотя в этом трудно быть уверенным.

Соскѳ. 1. Растение *Linaria vulgaris* Mill., сем. норичниковых; льянка обыкновенная. Нижегород., Анненков. 2. Растение *Lonicera coerulea* L., сем. жимолостевых (СРНГ 40: 45).

Сóсошник. Растение *Lonicera xylosteum* L., сем. жимолостных; жимолость лесная (волчья ягода). Никол. Волог., 1899 (СРНГ 40: 57). Оба последние названия реализуют характерные для названий этой ягоды метафоры, отсылающие к названиям частей тела животных.

Интересные формы названий жимолости отмечены в пермских говорах:

Готóвник. Ягоды жимолости. *Пойдем готовник собирать, по-вашему, жимолость; ягодки голубеньки.* Пашия Горноз. (СПГ 1: 184).

Желомѳды. Мн. Жимолость. *Желомѳды на дереве растут: ягода голубая, как голубица; их едят, она кислые. Баранье мѳде и желомѳды — одно и то же.* Володино Сол. (СПГ 1: 256).

Данный пример указывает, что номинация *бараньи яйца* связана с финальным звуковым комплексом *-муды* и является его заменой словом, близким по смыслу.

Жилом, жимол. Кустарник с кислыми черными ягодами; жимолость. *Жилом, кислые ягоды на ём, черные; животные и люди едят.* Пегушино Сол. *На жиломе растет кислая ягода.* Жуланова Сол. *Жимол — на ем ягоды как голубица, ягоды продолговатые, горькие, как лекарство нужно.* Пегушино Сол. (СПГ 1: 261). Форма **жимол** исключительно интересна. Поскольку она может легко возводиться к болгарской форме слова *йемиш* ‘плод’, к которому — с другим рефлексом тюркского согласного *л/ш* — восходит и русское литературное *жимолость*.

Котовика. Ягода жимолости. *Котовичкой-то, жимолостью-то, я лечусь от головной боли.* Перемское Добр. (СПГ 1: 428).

Названия, которые уже встречались нам, присутствуют в Акчимском словаре:

Кобыльи (коровьи) титьки. Ягоды жимолости. *Жимолость — это есть такое деревко, на ём ягоды. Они называются кобыльи титьки. Синие такие ягоды, длинные; Коровьи титьки — жимолость это* (Акчим. сл. 6: 18).

Несколько названий жимолости присутствует в Словаре говоров Соликамского района Пермской области:

Желомуды. Род кустарника с тёмно-синими ягодами; жимолость. *Желомуды на дереве растут; ягода голубая, как голубица; их едят, оне кислые.* Вол. (СГСРПО: 158).

Жилом. Кустарник с кислыми черными ягодами; жимолость (?). *Жилом, кислые ягоды на ём, чёрные; животные и люди едят.* Пег. (СГСРПО: 161).

По-челдонски, нареч. По-деревенски, некультурно. *Жимолость по-челдонски называются ещё бараньи муде.* Толст. *Это мы по-челдонски разговаривам, дак и не понимаете.* Вол. (СГСРПО: 496).

Необычное название жимолости присутствует в костромских говорах:

Будыльник. 1. Жимолость. *Зачем ты будыльник-то обломал?* Солиг. (Васильево). 2. Голубика. *Иногда будыльник горький попадает, а так он сладкий.* Солиг. (Жилино) (Ганцовская 2015: 36).

У слова *жимолость* в этих говорах зафиксировано иное значение, изредка встречающееся в других говорах:

Жимолость. 1. Спец. Тонкая гибкая палочка, с помощью которой шерсть равномерно раскладывается на постиле при катании валенок. Галич. 2. Перен. Худой, тонкий человек. *Ну, ты и жимолость! Не кормят, что ли?* Чухл. (Ариново) (Ганцовская 2015: 109).

Интересные и важные для этимологических разысканий названия жимолости присутствуют в говоре уральских казаков:

Жимолостник, жымылышник, жымылшник, жымышник — жимолость. *Жимолошник цветёт белыми и розовыми цветами и растёт в лесу.* Ур. *Жымылшник от шейки корня до верху он не распускается, а там делается шапочкой.* Карт. *Жымылшник и другие занимают большие пространства.* Кал. (Малеча: 486). Форма **жымышник** отвечает стандартной тюркской форме для названия плода, форма **жымылшник** — ожидаемой болгарской форме.

Однотипные по внешнему виду названия жимолости фиксируются в Словаре русских говоров Карелии:

Жиломустина. Жимолость. *Раньше всех расцветает жиломустина.* Медв. *Жиломустина с дерево, крепка, как кость, из того дерева вязелки делают, кустам растет.* Лод. *Желемустина в лесу растет, ягодки красные.*

Жиломустинный: > **Жиломустиное дерево.** Жимолость. *А нитки через тресту пропускают из жиломустиного дерева.* Медв. (СРГК 2: 62).

Жиломустный. Сделанный из жимолости. *Бёрда бьвают сосновы и жиломустные.* Лод. (СРГК 2: 62).

Жиломутненький. Тонкий, гибкий, как жимолость (о девушке). *Она молодой была такая жиломутненькая, тоненькая.* Пест. (СРГК 2: 62).

Жилому́чина. То же, что жиломустина. *Скальник из жиломучины делали, из желомучины шуйка хорошая.* Пуд. *Желомучины для того, чтобы ткать холсты.* Там же. (СРГК 2: 62).

Жилому́чник. То же, что жиломустина. *Жиломучник — это у него ягоды черные.* Карг. (СРГК 2: 62).

Жиломы́стяный. То же, что жиломустный. *Бёрдо чесать есть берестяно, жиломыстяно, оны, бердья, небольшие.* Прион. (СРГК 2: 62).

В Ярославском областном словаре отмечены только переносные значения общерусского слова *жимолость*:

Жимоло́стка. 1. Тонкая палочка, которой закрепляют концы пряжи, продёрнутые через ниченки. 2. М. и ж. Перен. Худой, тощий человек. *Эта жимолостка даже мясо не ест* (ЯОС 4: 47).

Жи́молость. То же, что жимолостка (во 2-м знач.). *Ты у нас суцая жимолость* (ЯОС 4: 47).

В Псковском областном словаре зафиксированы следующие слова, связанные словообразовательными отношениями с лексемой *жимолость*: *жилому́динка, жилomúдный, жиломудня́к, жилomúздина, жилomúст* и *жилому́ста, жилomúстина, жилomúстинный, жилomúстник, жилomúствина, жилomúстовина, жилomúстовый, жилomúсть, жы́ламасть* (в примере), *жи́ломость* (ПОС 10: 240–241).

Названия жимолости в русских говорах в сильной степени подвержены паронимической аттракции, выражающейся в проявлении ложной этимологической мотивации. Формы, начинающиеся на *жило-*, связываются с глаголом *жить*, формы типа *жимолист* — со словом *лист*.

П. Я. Черных писал об этимологии слова *жимолость*: «Объясняют по-разному. По всей вероятности, *жимолость* — искаженное слово. Праформой могло быть **зимозель* — как название вечнозеленого растения. Ср. др.-рус: *зель* — «зелье», «злак» (Срезневский I: 969–970); рус. диал. (твер.) *зель* — «молодая озимь... до колошенья» (Даль I: 606);

осташк. зель — «озимь» (Копорский, Осташк., 106). Вследствие перестановки согласных во второй части сложения получилось *жимолезь (ср. чеш. zimolez). Под влиянием суц. с начальным *жс* на *-ость* (напр., *живокость* — «шпорник», *Delphinium*) возникли *жимолость и далее — форма, ставшая общерусской, — *жимолость*, и другие (областные) формы этого слова с начальным *жс* вроде олон. *жйломус* (Куликовский, 23), твер., пек. *жиламусть* (и *шеломутник*) [Даль, I, 484], том. *жймолок* (Палагина, II, 13) и др.» (Черных 1: 303).

Нет однозначного решения об этимологии этого слова и у М. Фасмера: «Сильные расхождения между диал. вариантами затрудняют определение древнейшей формы. Этимологии неудовлетворительны. По мнению Преобр. (I, 233), это название возникло из *жимолистъ, так как это растение сохраняет зимой листья. Он сравнивает его с сербохорв. см. образ «барвинок», чеш. zimolist «самшит», zimolez «жимолость», словен. zimolèz, -lèzá «бирючина, *Ligustrum vulgare*» (см. также Горяев, ЭС 111). Также, по мнению Mi. EW (403), от зима, но *жс* в таком случае представляет трудность. Едва ли из *жимолъзъ с диссимиляцией *z — z > ž — z*, потому что и тогда многое остается неясным. Не лучше и сближение Горяева (Доп. 2, 12) с *жало* или *жйла*. Маценауэр (LF 10, 329) предлагает разделять *жи-молость и сравнивает с *мболость*, в то время как Аппель (РФВ 3, 87) предполагает народно-этимологическое влияние слова *жйла*, потому что листья жимолости имеют прожилки. Ягоды и корень растения применяются как средство против расстройств желудка (смол.) (Добровольский)» (Фасмер 2: 55). О. Н. Трубочев, переводивший словарь М. Фасмера, указывает, что «более вероятно можно объяснить жимолость, относя сюда же польск. zimolza — то же, из *ži-molztъ, см. образ, где ži- < *ghei-d- «козленок», ср. нов.-в.-н. Geiss «коза», лат. haedus, a-molztъ, см. образ — из слав. см. образ «дою, сосу», откуда первонач. знач.: «козлячье горлышко»; см. Трубочев, ZfS, 3, 1958, стр. 679 и сл.; ВЯ, 1959, № 1, стр. 22, а также «Слав. назв. дом. животн.», М., 1960, стр. 84.— Т.]» (Фасмер 2: 55–56).

Как мы думаем, в основе рус. лит. *жимолость* лежит болгарская форма общего названия плода — общетюрк. *jetiš* в форме, которая сохранилась в венгерском языке как *gyűtölcs*. Формы типа *жилом*, *жимол* (в первом случае метатеза) восходят к ожидаемой древнеболгарской форме **жимел* с согласным *л* на месте общетюркского *ш*. Формы типа *жымышник*, *жимозник*, имеющие согласный *ш* на месте *л*, соответствующие слову *йемиш* в большинстве тюркских языков, и *жс* на месте древнего тюркского **й*— восходят к тем формам, которые встречаются в большинстве кыпчакских языков. Возможно, что финальная часть *—муд—* как-то связана с финальной частью слова *—миш,—мил*. Без особой надежности формы типа *котовика* можно сопоставить с финск. *kuusata* ‘жимолость’, восходящей к какому-то не дошедшему до нас прибалтийско-финскому языку.

Названия жимолости в русских народных говорах оказываются интересным примером того, как проявляют себя заимствования при языковых контактах: вместо логически предполагаемого одиночного заимствования мы наблюдаем разнообразные связанные в языках-источниках проявления этого слова, вошедшие в русские говоры.

Words denoting honeysuckle in the Russian dialects,
and the etymology of the lexeme *žimolost*

Alexej A. Burykin

Institute for Linguistic Studies

Russian Academy of Sciences

The article deals with the names of honeysuckle plant commonly used in the Russian dialects. The etymology of these lexical items is given, demonstrating that some of them are of Russian origin and feature sundry variants of semantic justification (where the zoological aspect must be undoubtedly highlighted), and some may be traced back to the Turkic and Finno-Ugric loanwords.

Key words: etymology, plant names, honeysuckle.

Неиспользуемые ресурсы картотеки Новгородского областного словаря

Валерий Леонидович Васильев

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

Статья характеризует лексические, фразеологические и текстовые материалы картотеки Новгородского словаря. Данная словарная картотека представляет собой кладезь многочисленных фактов диалектологии Новгородской области в период 2-й половины XX – начала XXI в., однако ее богатые ресурсы практически не используются в научном обороте. В статье рассматривается немало новых диалектных лексем и лексических значений, отсутствующих в опубликованном словаре, оценивается современное состояние новгородской деревни, затрагиваются вопросы сохранения фонетических и морфологических особенностей новгородских говоров.

Ключевые слова: словарная картотека, лексика и фразеология Новгородской области, новгородские говоры.

Картотека Новгородского областного словаря (КНОС), хранящаяся сегодня на кафедре русского языка Новгородского госуниверситета, представляет собой кладезь многочисленных фактов новгородской областной диалектологии 2-й половины XX – начала XXI в. Картотека непрерывно пополнялась с конца 1950-х гг. вплоть до публикации второй, однотомной версии Словаря (НОС 2010). В опубликованный словарь из КНОС вошла только лексико-фразеологическая часть, но в обобщенно-усеченном виде, в соответствии с ограничениями избранной концепции лексикографического труда. Разумеется, любая словарная картотека богаче словаря. Предлагаемая статья прежде всего характеризует не вполне учтенные и мало востребованные материалы КНОС, не вошедшие в итоговый Новгородский областной словарь (прежде всего имеется в виду более полный НОС 2010).

КНОС состоит из 1) упорядоченных по алфавиту и хранящихся в каталожных ящиках бумажных карточек (более 400000) и 2) тетрадей с черновыми или чистовыми записями полевого материала (около 500). В частности, бумажные карточки, ставшие основой составления НОС и НОС 2010, содержат не вошедшие в словарь названия сельских населенных пунктов, где записывалась лексика и фразеология (а это несколько сотен новгородских селений), большое количество топонимов и антропонимов, не внесенных в словарь, многие иллюстративные данные к диалектным лексемам и фразеологизмам и др.

Главной целью было собирание новгородской диалектной лексики, тогда как областная фразеология фиксировалась попутно с лексикой и оказалась в Новгородском словаре представленной в неполном объеме. Кстати говоря, на кафедре русского языка Новгородского государственного педагогического института в 1970-е – 1980-е гг. параллельно с КНОС собиралась отдельная картотека новгородской фразеологии и паремиологии, поскольку существовали планы по созданию Новгородского областного фразеологического словаря. Во главе диалектно-фразеологической работы стоял Н. И. Лавров, безвременно, в сорокалетнем возрасте, скончавшийся в 1990 г. После смерти Лаврова была издана его небольшая книга [Лавров 1992], однако работа по пополнению фразеологической картотеки прекратилась. Следует заметить, что имеющихся в этой фразеологической картотеке сведений хватило бы на небольшой Новгородский фразеологический словарь (особенно, если данную картотеку объединить с суммой фразеологических единиц КНОС), но до сих пор такого словаря не появилось и не известно, появится он или нет. На сегодняшний день существуют только небольшие по охвату фразеологии «Материалы для идеографического словаря...», изданные Л. Н. Сергеевой (Сергеева 2004), — всего около 1000 фразеологических единиц, собранных лично автором в 22 селениях из 8 районов Новгородской области и отчасти заимствованных из НОС выпусков

1992–2000 гг. Впрочем, это издание, справедливо названное «Материалами...», не учитывает богатую фразеологическую картотеку Н. И. Лаврова и только отчасти учитывает фразеологические данные НОС (но не КНОС, с ее более полной фразеологической информацией).

Полевой материал КНОС пополнялся не только из районов Новгородской области. Благодаря в первую очередь студентам-заочникам, выполнявшим диалектологическую практику по месту жительства, в картотеке можно найти диалектную лексику и фразеологию из отдельных районов сопредельных областей: Тихвинский, Волховский, Волоховский, Киришский Ленинградской области, Стругокрасненский Псковской области, Бологовский, Андреапольский Тверской области и др. В итоговые НОС и НОС 2010 этот вненовгородский материал, по понятным причинам, не вошел (за исключением частей Тихвинского и Волховского р-нов).

Отличительной особенностью КНОС, равно как итогового Новгородского словаря, является максимальная детализация географии и семантического спектра народной терминологии ландшафтов, наряду со включением большого количества микропонимов, соотносительных с учтенной ландшафтной терминологией. Эти качества картотеки и словаря объяснимы в первую очередь особенным интересом В. П. Строговой, главного организатора и главного исполнителя работы по сбору КНОС, именно к новгородской ландшафтной лексике, отдельное собрание которой представлено также в научно-популярной книге [Строгова 1991].

На сегодняшний день наибольшую ценность представляют не бумажные карточки (при наличии опубликованного словаря они служат обычно вспомогательным, уточняющим средством), а несколько сотен тетрадей с «паспортизованным» текстовым материалом, снабженным обязательными сведениями об информантах, месте и годе записи. Фиксация от информанта хотя бы одного связного текста считалась на кафедре русского языка Новгородского пединститута непременным заданием во время полевых экспедиций. В тетрадях

обычно записывались рассказы старожилов о своей жизни, об окружающих людях и пережитых событиях, фиксировался местный фольклор, краткие реплики-ответы информантов на прямые вопросы собирателей. Имеющиеся тексты, переданные в упрощенной фонетической записи, сильно разнятся по длине и, конечно, по качеству воспроизведения рассказов диалектоносителей. Есть тетради с текстовыми записями длиной до 150–200 страниц. Откровенно плохих записей не слишком много, поскольку В. П. Строгова стремилась к всестороннему осмыслению народного слова и учила этому студентов, проходивших диалектологическую практику.

В текстах КНОС нетрудно обнаружить лексику, в литературном языке устаревшую, полузабытую, либо литературному языку вовсе не знакомую, которая, вместе с тем, отсутствует и в опубликованном словаре. Устаревшую лексику, нередко упоминаемую информантами при описании реалий своей досоветской или раннесоветской жизни, составители не включали в словарь, руководствуясь известным принципом дифференциальности. К оставленной вне словаря лексике, относятся, например, записанные в 1966 г. *светѣц* ‘подставка для лучины’, наречие *ўсполу* в специализированном значении ‘отдавая половину или часть урожая собственнику земли, скота или сельхозорудий’, *бёрка* ‘дощечка клинообразной формы, на которой зарубками отмечали количество рублей, сданных крестьянином на оброке’.

Но иногда, по разным причинам, в итоговый словарь не попадала и собственно диалектная новгородская лексика. К ней относится, например, слово *душмяный* ‘душистый’: «Со льна масло было такое душмяное» (Ивантеево Валд.) (в НОС и НОС 2010 имеется только *душмянистый* в этом значении). Только в картотеке есть диал. *прожѣтие* ‘жизнь; проживание’: «Были годы, тяжелые для прожѣтия, началась война» (д. Симониха Валд., 1966 г.), *в ажжурат* ‘точь в точь’, *язь* ‘рыба голавль’ (д. Каменка Ст.). В НОС 2010 имеются прилагательные *рядновый*, *ряднёвый*, *редновый*, *реднёвый* в значении ‘относящийся к редно (рядно), т.е. к редкой ткани

домашнего изготовления или к грубому холсту на реденькой основе', но нет прилагательного *рядной*, записанного в 1964 г. в с. Перегино Поддорского р-на: «У меня рубаха есть, такая толстая, *рядная*», там же говорится о рядных платках; ср. по (СРНГ 35: 343): *рядной* 'домотканый и грубый (о полотне, холсте); изготовленный из рядна (об одежде, мешках)' или по (СРГК 5: 607): *рядный* и *рядной* 'вытканый, изготовленный из ряднины'. В НОС 2010 нет слова *кокúша*, но оно есть в КНОС, в тексте, записанном в уже отмечавшейся д. Ивантеево Валдайского р-на, 1966 г.: «*Бывало, лён вытеребишь и ткали на стану, такой холст ткали на кокúши*». Значение из контекста не определяется, но обращение к другим диалектным словарям позволяет считать, что речь идет о женском платке, хотя и не вполне понятного фасона. Ср. в (СРНГ 14: 106): *кокúшечка* 'женский головной убор [какой?]' Кимр. Калинин., *кокúша* '[Головной платок? Способ ношения платка?]' Арх., Пск., *носить кокúшкой* 'об особом способе ношения головного платка, когда концы платка завязываются узлом под подбородком' Пинеж. Арх., 1862 г.

КНОС, благодаря указаниям на точное место записи, конкретизирует внутрирайонное распространение новгородских слов, а нередко — и межрайонное, расширяя, следовательно, новгородскую географию слов. Например, новг. *облúха* 'рыба плотва' НОС 2010 указывает только в Хвойнинском р-не, а КНОС — также и в Старорусском р-не (д. Каменка, 1992 г.), слово *мазúрик* 'хулиган', 'шалун, озорник' НОС 2010 отмечает в Пестовском, Батецком и Хвойнинском р-нах, но игнорирует известное по КНОС свидетельство из Поддорского р-на: «*Слышу: хлом, хлом! Ох, какой мазурик! Нонечь был. Я ево проводила за фулиганство*» (Перегино Под.). Диал. *пáдора* 'буря на озере', по данным КНОС, известно возле г. Валдай (д. Симониха Валд.), тогда как в словаре найдем указание на данный метеорологический термин только в Опеченском и Окуловском р-нах: *пáдора* 'сильные волны на озере' (НОС 2010: 780). Благодаря картотеке, мы узнаем, что новг. *душиá* 'надел земли на одно лицо мужского пола' записано не только

в Новгородском и Боровичском р-нах (см. НОС 2010: 239), но и в Валдайском р-не: «*Налог брали с души. И душа равна почти гектару. С каждой души пять рублей*» (д. Ивантеево, 1960-е гг.). Примеры можно легко продолжать.

Разумеется, диалектные тексты КНОС, благодаря обнаружению в них новых лексических фактов и полноте контекстуального окружения, позволяют верифицировать лексические дефиниции, приведенные в НОС 2010, а в отдельных случаях и откорректировать эти дефиниции. Например, в словаре даны *душник*, ласк. *душничёк* 'небольшое углубление в печной стене для мелких вещей': «*Положи дянки в душник*» (Кр.), тогда как, судя по КНОС, слово было записано не только в Крестецком, но и в Валдайском р-не: «*Бывают душники, чтобы оттуда шло тепло*» (д. Городно, 1966 г.). Однако основное предназначение душника заключается, конечно, не в хранении мелких вещей, и это даже не углубление, а отверстие в русской печи, в которое отходил лишний дым и из которого, после того как печь была протоплена, шло дополнительное тепло в избу; об этом же говорят значения исходных для *душник* слов, таких как диал. *душный* 'дающий много тепла, жару', *дух* 'тепло, теплый воздух' (СРНГ 8: 275, 287). Добавлю к сказанному, что в новгородских говорах имеется известное мне по личному опыту, но отсутствующее в КНОС и НОС 2010, слово *душник*, означающее 'отверстие в потолке бани, топящейся по-черному, в которое уходит лишний дым и которое закрывают перед помывкой' (Демянский р-н).

Разного рода частных несовпадений можно найти немало. Разумеется, они никоим образом не позволяют усомниться в высоком качестве Новгородского словаря, который относится к числу важнейших диалектных лексикографических трудов, признанных во всем мире. Я лишь хочу проиллюстрировать существенные возможности КНОС для верификации и дополнения лексико-семантических данных НОС 2010. Многие имеющиеся расхождения между картотекой и дифференциальным словарем объяснимы ограничениями, налагаемыми принципом дифференциальности. На мой взгляд, буквальное

следование этому принципу искусственно обедняет содержание любого областного словаря. Вообще говоря, наиболее целесообразной выглядит практическая рекомендация, сформулированная во Введении к сводному Словарю русских народных говоров: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» (СРНГ 1: 6).

Одним из примеров того, как принцип дифференциальности нивелирует действительную картину, является ситуация с семантически близкими словами *пóгреб* и *пóдпол*, из которых первое в общенародном значении ‘углубленное в землю сооружение для хранения продуктов’ не было включено в словарь. Судя по (НОС 2010: 841, 862), эти лексемы в Новгородской области встречаются только как полные синонимы: *пóгреб* ‘помещение под полом; подвал’ (Мал., Чуд., Новг. + Мар., Молв., Пест., Под., Сол., Ст.) и *пóдпол* ‘помещение под полом; подвал’ (Мош., Под., Ок. + мн. др.). Это не так: многие тексты КНОС, а также наши собственные наблюдения показывают не только полное смысловое тождество, но и различие данных слов: по меньшей мере в ряде селений Новгородского, Демянского, Валдайского р-нов слово *пóгреб* применяют для обозначения помещения под полом вне дома, а *пóдполом* обозначают помещение под полом в доме. Еще один яркий пример: слово *уца́дба* не было помещено в итоговый словарь, поскольку составители отвели его «литературноязычные» значения, к которым относятся и ‘земельный участок отдельного хозяйства’, ‘земельный участок возле дома, занятый садом, огородом и т.п.; приусадебный участок’ (см. МАС 4). Но вместе с тем «осталась за бортом» важная диалектологическая информация: широко распространенное в Новгородской области слово *уца́дба* обозначает не просто ‘участок возле дома’, а именно — ‘отдельный от огорода (*огурéшника*) сравнительно большой участок земли возле дома, на котором сажают картофель’.

Более оправданно поступили составители СРГК, отразив в своем словаре (вып. 6, с. 634) диал. *уца́дъба* 'участок, где растет картошка' (Лод., Тер., Кондоп., Кирил., Шексн.).

Текстовый материал КНОС был использован только с лексико-семантической стороны — для составления областного словаря, но в нем, безусловно, содержится множество и других фактов, новых и интересных для диалектологов, этнографов, фольклористов, ономатологов. Наиболее качественные и пространные текстовые записи в КНОС относятся к 1960-м – началу 1980-х гг.: в этот позднесоветский период в новгородских селениях еще проживало много людей, чьи молодые годы пришлись на конец XIX – начало XX в. Традиционные предметы одежды, обуви, убранства избы, орудия труда, трудовые действия, промыслы в новгородской деревне, хотя и устаревали, но встречались еще в обиходе в позднесоветское время, старожилы их хорошо знали и использовали, благодаря чему собиратели КНОС, приезжавшие в деревню, имели возможность записать качественную информацию, если можно так выразиться, «от первоисточника», многое могли наблюдать и сами. Начиная со 2-й половины 1980-х гг. новгородская деревня переживала последнюю ускоренную деградацию в период смены общественно-политического строя, когда разорялись колхозы и совхозы, не строились дороги, заустевали сельхозугодья и сельхозпредприятия. С 1989 г. до настоящего времени сельское население в районах области сократилось примерно на 30%. Сегодня в Новгородской области уже, пожалуй, не найти относительно сохранившийся старожильческий говор, поскольку коренных сельчан, родившихся и постоянно живших в деревне, почти не осталось. В постсоветское время, с начала 1990-х гг., старожильческое население новгородской деревни стало понемногу и только отчасти замещаться городскими жителями-дачниками, преимущественно приезжими из Санкт-Петербурга, Новгорода, изредка из Москвы. Этих людей нельзя считать диалектоносителями, в лучшем случае они потомки тех, кто когда-то владел новгородской диалектной речью и знал деревенскую

жизнь. Соответственно, качественный диалектный материал сегодня собрать очень трудно, поскольку информация, как правило, поступает, так сказать, «из вторых рук».

В содержании текстов КНОС раскрываются подзабытые ныне реалии жизни новгородской глубинки в советскую эпоху, этнографические детали труда и быта, судьбы конкретных людей. Многие тексты сопровождаются зарисовками и фотографиями орудий труда, предметов домашней утвари. Немало записей народных песен, частушек, загадок, прибауток, местных легенд, не вошедших в опубликованные фольклорные сборники, обнаруживаются многочисленные факты региональной ономастики, не включенные ни в какие издания. Тексты 2-й половины XX в. в своей совокупности позволяют описать фонетические, морфологические и синтаксические черты говоров на территории Новгородской области 2-й половины XX в., проследить динамику их развития. Тексты содержат уникальные, не воспроизводимые уже в регионе черты народной речи, что, разумеется, повышает их ценность как диалектного источника. Многие ранее регулярные, распространенные диалектизмы быстро становятся спорадическими или реликтовыми. Исследователь новгородской речи начала XX в. В. Ф. Соловьев сообщает следующее: «Из действительных звуковых особенностей говора Новгородского самую характерною является употребление зв. и вм. зв. **ѣ**: сниг, мисто, тисто, хлиб, грих, приихал, ниту, теби и т.д. Исключения встречаются редко» [Соловьев 1904: 4]. По словам автора, такое произношение он наблюдал в волостях и селениях особенно к западу и юго-западу от Новгорода, но еще лет 45 назад оно было и к северу от Новгорода, в частности в д. Чечулино. Обратившись к морфологии глагола этих же подновгородских говоров, Соловьев констатирует: «Личное окончание 3-го лица обоих чисел в местах усиленного употребления зв. и почти всегда отмечается, напр. иде, хоче, знае <...> любви, терпи, ходи, звоня, рубя» [Там же: 14]. В хранящихся в КНОС текстах позднесоветской эпохи, записанных от местных подновгородских старожилов, родившихся в конце XIX — начале

XX в., обе эти черты, фонетическая и морфологическая, еще встречаются, но, вопреки данным Соловьева, уже не регулярно; см., например, в тексте 1983 г. из д. Козынево юго-западнее Новгорода (Ильменское Поозерье), полученном от информанта 76 лет: «*домовой ести на дворí; во хливí; на пóсидках; житница на кряжах у кого гдí; братаны всí в лодках ездили; мужики вино лóбья; кавалер дожидá; с мужиком стоí, с Иго-рем*». В настоящее время мы вряд ли уже встретим в окрестностях Новгорода в Ильменском Поозерье, которое некогда считалось островком новгородской культурно-исторической архаики, говоры с закономерным звуком *и* на месте фонемы «ять», равно как с регулярными глагольными формами 3-го лица настоящего времени без форманта *-т*. Сегодня Ильменское Поозерье, включая и д. Козынево, населяют жители Великого Новгорода, имеющие здесь загородные дома и дачи.

В перспективе новгородские тексты должны найти место в Диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Литература

Лавров Н. И. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы. Новгород: Издательство НГПИ, 1992. 90 с.

Соловьев В. Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. 60 с.

Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород: Издательство НГПИ, 1991. 134 с.

Unused resources of the lexical catalogue of Novgorod regional dictionary

Valerij L. Vasilyev

Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University

This article describes lexical, phraseological and textual materials from the lexical card catalogue of Novgorod Regional Dictionary. This

catalogue provides numerous facts on Novgorod regional dialectology for the period from the 2nd half of the 20th century to the early 21st century, but, inspite of that, its rich resources are scarcely used in scholarly research. Our article introduces a host of new dialectal lexemes and lexical meanings missing in the published Dictionary, evaluates the current state of Novgorod rural settlements, and tackles the issues of preserving the phonetic and morphological features of Novgorod dialects.

Key words: lexical card catalogue, vocabulary and phraseology of Novgorod region, Novgorod dialects.

References

Lavrov N. I. Smyslovaya struktura dialektnoj frazeologicheskoj edinicy [The semantic structure of a dialect phraseological unit]. Novgorod: Izdatel'stvo NGPI, 1992. 90 p.

Solov'ev V. F. Osobennosti govora Novgorodskogo uezda Novgorodskoj gubernii [Peculiarities of the dialect of the Novgorod district of the Novgorod province]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1904. 60 p.

Strogova V. P. Kak govoryat v Novgorodskom krae [As they say in the Novgorod region...]. Novgorod: Izdatel'stvo NGPI, 1991. 134 p.

Лингвистическая карта как картографическая проекция традиционной духовной культуры*

Татьяна Ивановна Вендина
Институт славяноведения РАН

Статья посвящена проблеме интерпретационного потенциала лингвистической карты. Привлекая материалы «Общеславянского лингвистического атласа», автор доказывает, что карты Атласа позволяют раздвинуть рамки традиционных исследований и выйти в культурно-языковую диалектологию с целью реконструировать «живую старину» славян. Богатый культурный ландшафт славянского традиционного быта, представленный на картах Атласа, свидетельствует о том, что носители славянских территориальных диалектов хранят огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры.

Ключевые слова: «Общеславянский лингвистический атлас», славянские диалекты, лингвогеография.

Современное состояние славянской лингвистической географии может быть охарактеризовано как чрезвычайно перспективное, ибо она переживает сейчас период своеобразного «ренессанса»: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.).

Следует, однако, признать, что процесс становления лингвогеографии как науки был довольно трудным и не всегда триумфальным: в начале XX в. результаты лингвистической географии часто ставились под сомнение. Известно, например,

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект».

что карты атласа Г. Венкера (*Sprachatlas der Rheinprovinz. Marburg, 1926*), вдохновленного идеями младограмматиков, не подтвердили их тезиса о регулярности действия фонетических законов, так как не обнаружили четких ареалов континуантов этих фонетических законов. Спорными оказались и результаты картографирования лексики в лингвистическом атласе Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (*Atlas linguistique de la France. Paris, 1902–1910*): они были настолько неожиданными, что заставили создателей атласа высказать даже сомнения в существовании диалектов. Только в конце XX в. лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов.

Благодаря лингвистической географии лингвистика обогатилась новым исследовательским инструментарием — лингвистической картой. Сегодня можно с полным основанием сказать, что пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство лингвистики XXI в., которая стала исследовать язык в трех измерениях: структуры, пространства и времени.

И в этом историческом процессе важная роль принадлежит «Общеславянскому лингвистическому атласу».

Несмотря на свою незавершенность, Атлас позволил читателю прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание» времени. Более того, благодаря Атласу компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию, имеющую своей целью реконструировать «живую старину» славян.

Не могу в связи с этим не привести слова Н. И. Толстого, который писал: «Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика

и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как **культурологическая география**» [Толстой 1995: 15]. И хотя славистика пока не может отметить серьезных достижений в этой области знания, однако благодаря «Общеславянскому лингвистическому атласу» она может реконструировать «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта».

Атлас, действительно, предоставил исследователям богатейший диалектный материал, который долгое время оставался в тени при изучении диалектной дифференциации Славии и ее культурного ландшафта. И этот новый и свежий языковой материал является главным итогом международного проекта. Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить, что этот языковой материал дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи не только в современной, но и праславянской Славии, так как любая лингвистическая карта, построенная по принципу «от значения к слову» и охватывающая обширную территорию, отражает и территориальное распределение лексем, и временное.

В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную — рассмотреть тот или иной славянский диалект не только как лингвистическую единицу, но и как этнографическую и культурологическую.

Прежде всего следует отметить, что материалы Атласа являются наглядной иллюстрацией двух культурологических потоков в истории славян, приведших к цивилизационному и культурному разделению terra Slavica, поскольку западные славяне, словенцы и хорваты испытали серьезное влияние западноевропейской и средневропейской культуры, тогда как восточные славяне, сербы, македонцы и болгары — греко-восточной культуры. Это наглядно демонстрируют

сводные карты заимствований, представленные в опубликованных томах Атласа. На этих картах отчетливо видно, что именно в западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских наблюдается высокая концентрация **заимствований из латинского языка** (ср., например, карту 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: **плс.** (*kolacij*)-*a* от лат. *collation* или карту 48 'рождество' т. 10 «Народные обычаи» **плс.**, **блр.** (*kolęd*)-*y* из лат. *calendae* 'календы, первый день месяца'; карту 31 'человек, который учит в школе' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» **плс.** (*škol*)-*ъn-Ъ* от лат. *schola*; **чеш.** (*kantor*)-*ѳ* из лат. *cantor*; карту 43 'похороны, погребение умершего' т. 10 «Народные обычаи» **чеш.** (*funus*)-*ѳ* из лат. *funus* 'похороны'; карту 1 'колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» **слн.**, **хрв.** (*stern*)-*a* из лат. *cisterna*; карту 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» **слн.**, **хрв.** (*kip*)-*ic-a* от нар. лат. *cuppa*; карту 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи» **слн.**, **хрв.** (*piąž*)-*a-j-e-tъ*, (*piąž*)-*u-va-j-e-tъ*, (*piąž*)-*i-tъ* из лат. *placēre* 'нравиться' и др.); карту 16 'огурец' т. 4 «Сельское хозяйство» **слн.** (*kogumar*)-*ѳ*, (*kumar*)-*a* из/от лат. *cucumer*; карту 8 'виноград' т. 4 «Сельское хозяйство» **слн.** (*trt*)-*a* из лат. *torta*; карту 29 'женщина-врач' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» **слн.** (*dokt*)-*ar-ic-a* от лат. *doctor* и т.д.), тогда как **заимствования из греческого языка** широко распространены в южнославянских диалектах (причем преимущественно в болгарских и македонских) и восточнославянских (см., например, карту 49 'пасха' т. 10 «Народные обычаи» **вост.-сл.** (*pasX*)-*a* из ср.-греч. *πάσχα* 'Пасха; иудейский праздник в честь выхода из египетского рабства' < др.-евр. *pēsah* 'то же'; карту 23 'барабан' т. 10 «Народные обычаи» **серб.**, **мак.**, **блг.** (*tQpan*)-*ѳ*, (*tQpan*)-*j-ъ* из греч. *τύμλανον*, *τοῦμλανον* 'тимпан'; карту 28 'человек, который хорошо пляшет' т. 10 «Народные обычаи» **мак.**, **блг.** (*χor*)-*o-bi-j-a*, (*χor*)-*o-(dži)*-*j-a*, *jъgr-o-(χor)*-*ъc-ъ*, (*χor*)-*o-jъgr-ъc-ъ* от греч. *χορό* 'хоровод'; карту 44 'гроб, в котором хоронят покойника' т. 10 «Народные обычаи» **мак.**,

блг. (*kivur*)-*ѡ* от греч. *κιβώρι(ον)* ‘деревянный ящик’; карту 9 ‘ласка’ т. 1 «Животный мир» **блг.** (*kaljman*)-*ѡk-a* от греч. *καλή μάιν(ν)α*; карту 36 ‘дождевой червь’ т. 1 «Животный мир» **блг.** (*skrapl*)-*j-a* из ср.-гр. *εχορπίος*; карту 49 ‘рыло’ т. 2 «Животноводство» **блг.** (*musin*)-*a* из греч. *μουτσούνα*; **мак.** (*mus*)-*ѡk-a* от греч. *μουτσούνα*; карту 53 ‘пастбище’ т. 2 «Животноводство» **блг.** (*valt*)-*a* из греч. *βάλτη, βάλτον*; карту 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» **блг.** (*geran*)-*ѡ* из греч. *γερανός*; карту 13 ‘человек, который шьет и чинит обувь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (*rapic*)-*ar-ъ* к. от греч. *παιούτοι*; карту 22 ‘женщина, которая готовит еду’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» **блг.** (*majers*)-*a*, (*mager*)-*ѡk-a* от/из греч. *μάγερας, μαγείρισσα*; карту 16 ‘пахнет’ т. 3 «Растительный мир» (*miruš*)-*a-j-e-tъ* от греч. *μυρίζω*; карту 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство» **рус.** (*ogur*)-*ъс-ъ* от ср.-греч. *ἀγουρος* и т.д.).

Атлас содержит уникальный материал, свидетельствующий о **контактах славянских языков с языками неславянских народов**, причем с очень разными по уровню своего развития культурами: с германцами, балтийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, романцами и др. Иллюстрацией сложных культурно-исторических процессов является картина, отраженная на картах, представляющих распространение заимствований в славянских языках (см., например, **сводные карты заимствований** в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», т. 8 «Профессии и общественная жизнь», т. 9 «Человек», т. 10 «Народные обычаи», посвященные заимствованиям из тюркских, романских, германских, а также из албанского и венгерского языков). На картах Атласа отчетливо видно, что география этих заимствований, а также их объем разные: наиболее частотными и широко распространенными являются заимствования из немецкого языка (они покрывают практически всю территорию Славии за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из тюркских языков, характерные в основном для восточно-

и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из итальянского языка (они распространены в основном в словенских диалектах в Италии и в хорватских на побережье Адриатического моря), из венгерского (они отмечены главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных украинских и частично на юго-востоке чешских), из румынского языка (в юго-восточном ареале южнославянских языков, а также в юго-восточных словацких и украинских закарпатских говорах), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из албанского языка (они свойственны в основном македонским диалектам).

Показательным примером культурно-языкового влияния, ярко представленного на карте, является название денег в славянских диалектах. На карте 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» практически отсутствуют славянские лексемы. Исключение представляют лишь сербские и хорватские диалекты, в которых широко распространена лексема *novъc-i* (первая фиксация в 1753 г.), являющаяся, по-видимому, универбом, восходящим либо к сочетанию *novi pjenez*, либо к сочетанию *novogradski pjenez*, где был когда-то монетный двор (Skok II: 526). В остальных славянских диалектах «прижились» лексемы неславянского происхождения: в русских диалектах эксклюзивная лексема татарского происхождения (*denъg*)-y (она была заимствована из тюрк. диал. *dengā* (Шапошников 2010, 1: 217) и вошла в русский речевой обиход в период Золотой орды XIII–XIV вв.), в украинских и белорусских диалектах — лексема (*groš*)-i, восходящая к лат. *grossus*; в западнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых хорватских — лексема (*pěnež*)-e, (*pěnež*)-i германского происхождения (герм. *pfennig*); в сербских, македонских и болгарских диалектах — лексема *pari* (из тур. *para* < араб. *parā*); в словенских диалектах — лексема (*dъnar*)-ъj-e, имеющая латинские корни (лат. *dēnārius*), наконец, в приморских словенских и в отдельных хорватских чакавских говорах получила распространение лексема (*sold*)-i, (*šold*)-i, которая восходит к итальянскому *soldo*.

Материалы Атласа, таким образом, могут быть своеобразной «лопатой для историка» при выяснении культурных влияний и этнических контактов.

О цивилизационном и культурном разделении славянских языков свидетельствуют и семантические карты «Общеславянского лингвистического атласа», на которых отчетливо видно, как одна и та же праславянская лексема в процессе эволюции актуализировала разные смыслы. Так, например, лексема **čāša* (к. 7 т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении 'стакан' (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении 'миска' // 'большая миска, выточенная из дерева', а в словенских приморских говорах — в значении 'большой ковш'.

Общеславянская лексема **sěra* (к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») во всех славянских диалектах имеет значение 'молоко коровы сразу после отела скота, молозиво', однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение 'смола (сок) хвойных деревьев', в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах — 'нестиранная овечья шерсть с жировыми выделениями', а в отдельных северо- и юго-восточных говорах — 'вода после стирки овечьей шерсти', в сербских восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах — 'жировые выделения на шерсти овцы' и т.д.

Праславянская лексема **bljudo* (к. 56 **bl'udo* т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») во всех славянских диалектах известна в значении 'большая глубокая тарелка', однако только в лужицких диалектах она встречается в значении 'стол', в болгарских диалектах — в значении 'поднос', кроме того, в западноболгарских говорах — в значении 'поминальный хлеб'; в севернорусских ладого-тихвинских говорах,

а также в отдельных среднерусских (новгородских и тверских) и в западной группе южнорусских говоров — в значении ‘таз’.

Яркое культурологическое разделение диалектного ландшафта Славии демонстрирует и лексема *grobъ* (к. 58 **grobъ* т. 10 «Народные обычаи»), которая в западно- и южнославянских диалектах, а также в юго-западных украинских говорах имеет значение ‘яма, могила, в которой хоронят покойника’, а в восточнославянских — ‘гроб, в котором хоронят покойника’.

Однако ярче всего дифференциацию культурного ландшафта Славии иллюстрируют так называемые мотивационные карты, поскольку любая «культура живет и развивается в языковой оболочке, влияя на ее характер и состояние» [Кармин 1997: 86]. Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка, поэтому облеченная в языковую оболочку культура говорит каждая на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку».

Так, например, в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию ‘первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки’. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ъс-ъ*, *kraj-ъč-ę*, *kraj-išč-e*, *kraj-ъk-a*, *kraj-ik-ъ*, *kraj-ik-a*, *kraj-ъč-ik-ъ* или *kroj-ъ*, *sъ-kroj-ъk-ъ*; *pri-lěp-ъk-a*, *sъ-lěp-ъk-ъ*; *rъb-ъ*, *rъb-ъč-ę*; *na-čęt-ъk-ъ*, *na-čin-ъk-ъ*, *ob-ber-ъk-a*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *гѣrb-ух-a*, *гѣrb-уш-a*, *гѣrb-уш-ъk-a*, *гѣrb-уш-ъk-ъ*, *гѣrb-ъk-ъ* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *peт-ъk-a*, *peт-ič-ъk-a* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских

и чешских диалектов; лексема *lǝb-ǝk-ǝ*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ǝk-ǝ*, *jan-ǝk-o* и др., встречающиеся в словацких и изредка в чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языке этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа — ‘подходит, растет (о тесте)’, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу. Это существо **живет** (ср. лексемы *ži-v-e-tb*, *za-ži-v-e-tb*, *vy-ži-v-e-tb* — севернорусские диалекты), **движется** (ср. лексемы *xod-e-tb*, *xod-i-tb*, *podǝ-xod-i-tb*, *vǝzǝ-xod-i-tb*, *vy-xod-i-tb*, *do-xod-i-tb*, *vǝzǝ-xod-j-e-tb*, *vǝzǝ-xad-j-i-tb*, *podǝ-xod-j-i-tb*, *vy-xad-j-i-va-je-tb* и др. — восточнославянские, словенские и частично чешские диалекты; или *vǝzǝ-jǝd-e-tb*, *podǝ-jǝd-e-tb*, *nadǝ-jǝd-e-tb* и др. — македонские, частично южнорусские, болгарские и сербские диалекты; *dvig-a-je-tb se*, *ǝrz-dvig-ne-tb se*, *dviž-e-tb se*, *na-dviž-e-tb se* и др. — лужицкие, хорватские и словенские диалекты), **растет** (ср. лексемы *ǝrst-e-tb*, *ǝrst-ne-tb*, *na-ǝrst-a-je-tb*, *pod-ǝrst-a-je-tb* и др. — польские, западноукраинские, сербские и македонские диалекты) и даже **работает** (ср. *ǝrb-i-tb* и др. — кашубские диалекты). Наконец, об этом же говорит и распространенное практически во всех славянских диалектах название зернового хлеба — *žito*, во внутренней форме которого реализуется идея жизни.

Другой пример яркой культурной дифференциации можно найти на к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». На этой карте отчетливо видно, что в русской традиционной культуре в основе названий, обозначающих вечерний прием пищи, — *už-in-ǝ*, *už-in-a*, *už-ǝn-a* — лежит мотивационный признак, связанный с идеей движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского **jugǝ* Фасмер IV: 152), тогда как для большинства славян характерно внимание к самой идее **времени**, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ǝ*, *večer-j-a*).

Различия в мотивационных признаках, а значит и в культурологическом осмыслении, демонстрирует и к. 55 ‘счастье’ (т. 10 «Народные обычаи»), материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*sъ-čest-vj-e, dol-j-a*), у лужичан — это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *sъ-bož-vj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречаей (*sъ-reť-j-a, sъ-rěť-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысляется как предначертанный человеку свыше путь» (СД 5: 203). «Случайная непредвиденная встреча рассматривается в народе как знак, влияющий на дальнейший ход событий в жизни человека, ... как знак некой высшей силы, которая наделяет человека счастьем. Первоначально этот знак соотносился с неожиданным приобретением “счастья”, “удачи”, “счастливой доли”. По сербским поверьям счастье можно обрести, только встретив его (ср. сербскую поговорку: “Срећу ако не сретнеш, нећеш је стићи” ‘Счастье не обретешь, если не встретишь его’) [Плотникова 2013: 218].

Сходная ареальная картина вырисовывается и на к. 57 ‘похоронить’ (т. 10 «Народные обычаи»): в диалектах северной Славии наблюдается реализация мотивационного признака ‘прятать, сохранять’ (ср. *xorn-i-tь, po-xorn-i-tь, xov-a-j-e-tь, po-xov-a-j-e-tь, za-xov-a-j-e-tь* и др.), тогда как в южной Славии получил широкое распространение признак ‘закапывать, зарывать’ (ср. *po-greb-e-tь, za-kop-av-a-j-e-tь, za-rav-j-a-j-e-tь* и др.).

Более сложная картина в распределении мотивационных признаков на языковом и культурном ландшафте Славии представлена на к. 54 ‘праздник’ (т. 10 «Народные обычаи»): если в западнославянских диалектах, а также в хорватских в основе наименования лежит сакральный признак (ср. *svět-a, svět-o, svět-čk-č, svět-čk-y, svět-ьс-ь, svět-č-dьn-ь* и др.), то в русских, болгарских и словенских диалектах — профанный, указывающий на то, что это день ‘свободный от работы’ (ср. *porzd-ьn-ik-č, ne-děl-č, gul-ь-a-n-vj-e*), а в украинских,

белорусских, сербских и македонских диалектах в основе наименований праздника встречаются оба признака.

Интересное противопоставление мотивационных признаков, свидетельствующих о социальном статусе замужней женщины, просматривается и на к. 52 ‘выходить замуж’ (т. 10 «Народные обычаи»): у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-χod-i-tb za mŏž-b, za mŏž-a, vŏ za mŏž-b*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-tb <se>, vy-da-v-a-j-e-tb <se>*), вместе с тем у некоторых южных и западных славян она выступает как активное лицо, приобретающее иной статус, ибо она *žen-i-tb <se>, ob-žen-i-tb <se>, mŏž-i-tb <se>, o-mŏž-i-tb <se>, rŏč-i-tb <se>, rŏk-u-j-e-tb <se>* и т.д.

Культурологическая география помогает многое прояснить в мотивационных признаках картографируемых лексем, мимо которых часто «проходит» автор карты: например, внимательное прочтение карт первого тома ОЛА «Животный мир» обнаруживает сходство в морфемной структуре лексем *last-ŏk-a* и *last-ŏč-ŏk-a* на картах, посвященных названию ласки и ласточки (к. 9 ‘ласка’ и к. 24 ‘ласточка’), причем сходство не только формальное, но и ареальное: обе лексемы имеют приблизительно одинаковую географию (восточнославянские диалекты, а точнее — южнорусские, восточнорусские и восточнобелорусские). Объяснение этому странному совпадению дает этнолингвистика, указывающая на то, что «в народной традиции ласточка обнаруживает сходство с лаской (обеим свойственная женская символика, обе они благоприятствуют скоту, обе наделяются функцией щекотания (“лоскотания”))» и т.д. (подробнее см. [Гура 1997: 631–632]).

Этнолингвистика позволяет прояснить и непонятную для читателя мотивацию многих названий. Так, например, в третьем томе Атласа, посвященном растительному миру, на к. 56 ‘ядовитый гриб’ представлена целая вереница названий, во внутренней форме которых наблюдается соотнесенность с различными животными (ср. *pъs-ŏ-ak-ŏ, sabač-ŏn-ŏ-ak-ŏ, vblč-ŏ-ak-ŏ, myš-ŏ-ak-ŏ*) и гадами (ср. *gad-ŏ-ač-ŏk-a, ŏž-ŏv-ŏk-a*).

Объяснить эту мотивацию можно лишь в том случае, если принять во внимание общий принцип номинации грибов, установленный этнолингвистикой, в соответствии с которым названия несъедобных грибов часто являются отражением древних представлений о связи ядовитых грибов с нечистыми животными и растениями (СД 1: 548).

Следует отметить, что культурологическая информация существует на картах Атласа чаще всего в латентном, непроявленном состоянии, а потому нуждается в своей экспликации, однако выявить ее можно с помощью методов лингвистического и лингвогеографического анализа. При этом ключом к декодированию культурно-исторических смыслов могут служить метафорические номинации, в которых нередко сохраняются следы мифологических воззрений славян на природу (в этом отношении чрезвычайно ценный материал содержат первые три тома Атласа «Животный мир», «Животноводство» и «Растительный мир»).

Так, например, если обратиться к лексико-словообразовательному тому Атласа «Животный мир», то этнолингвистическую информацию можно извлечь из таких карт Атласа, как ‘белка’ (см., например, лексемы *kat-er-ic-a*, *kat-er-ič-ьk-a*, в которых отразилась женская символика белки), ‘ласка’ (лексема *nevest-a* и ее производные, в которых сохранилась брачная символика ласки), ‘головастик’ (лексемы с корнем *kaluger-* и *pop-*, отражающие метафорическую антропоморфизацию, поскольку в языковом сознании носителей диалектов подвижные объекты внешнего мира очень легко персонифицируются), то же можно отнести к карте ‘светлячок’ (лексемы *ioan-ič-ьkō*, *ioan-oš-ikō*), к картам ‘кузнечик’ и ‘стрекоза’ (лексемы с корнем *konj-*, *kobył-*, отражающие существующую во многих славянских фольклорных традициях символическую связь насекомых со скотом [Гура 1997: 501]) и ко многим другим лексическим картам Атласа.

Лингвистическая карта позволяет реконструировать историю культурного ландшафта того или иного диалекта. Так, например, на карте 1 ‘небольшой сельский населенный

пункт' (т. 8 «Профессии и общественная жизнь») отражена целая история освоения и получения сельскохозяйственных угодий славянами. На карте четко очерченные ареалы имеют лексемы с корнем *sel-* (*sel-o*, *sel-ъс-е*, *sel-išč-е*, *po-sel-ъk-ъ*) — восточно- и южнославянские диалекты, *ъs-* (*ъs-ъ*, *ъs-ъk-a*, *ъs-ъn-ic-a*) — словенские, лужицкие, польские, белорусские диалекты, *dъrv-* (*dъrv-ъn-j-a*) — русские и белорусские диалекты, *děd-* (*děd-in-a*) — чешские и словацкие диалекты. Как доказал проф. П. Жиго, все они передают разные способы сельскохозяйственного освоения земли славянами [Жиго 2011: 52]. Лексема *děd-in-a* употреблялась для обозначения *задруги* 'совместного владения землей несколькими семьями, у которых был общий предок', т.е. землю получала, культивировала и обрабатывала одна патриархальная семья, при этом слово *dědina* обозначало не просто территорию заселения, но именно такое владение, которым изначально владел самый старший в роду, т.е. *děd*. К этой же семантической группе относится и слово *sel-o*. Изначально этим словом называли землю сельскохозяйственных угодий — 'пашню', 'вспаханное поле' — или же деятельность, связанную с обработкой земли, т.е. саму 'вспашку, пахоту'. Западнославянский вариант этого слова, в котором сохранилась группа *-dl-* (т.е. слово *sedl-o* < **sed-*), первоначально обозначал 'заселенное место, дворы', 'поле, земля'. Словом *ъs-ъ* назывался населенный пункт, в котором жили люди, принадлежащие к одному роду. В слове *dъrv-ъn-j-a* передан способ обработки, получения сельскохозяйственных угодий. Первоначально это слово обозначало 'пашню', 'вспаханное поле', устар. 'вспашку, пахоту'. Позднее значение слова расширилось, и слово стало обозначать прилегающие хозяйственные постройки и далее все поселение вместе с земельным наделом. Перед нами, таким образом, предстает своеобразная история освоения и присвоения пахотных земель славянами, каждый этап которой получил свое наименование.

Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» убедительно говорят о том, что «носители славянских

территориальных диалектов хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры. И лингвистические методы могут быть с успехом применены к ее исследованию. Общий географический ландшафт нынешней (или недавней) славянской духовной культуры может быть прочитан как диахрония, развернутая в пространстве, как определенная историческая последовательность, которая может быть установлена путем анализа разных архаических элементов культуры в разных славянских диалектных зонах» [Толстой 1999: 38].

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Думается, однако, что умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо карта во многом имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. [Гриценко 2004: 86]).

Литература

Гриценко П. Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002. М., 2004. С. 86–101.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. 912 с.

Кармин А. С. Основы культурологии. Мифология культуры. СПб., 1997. 512 с.

Жиго П. Общеславянский лингвистический атлас — взаимосвязь языка и общественно-исторических феноменов с позиций ареальной лингвистики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011. М., 2011. С. 52–62.

Плотникова А. А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013. 384 с.

Толстой Н. И. Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры // Н. И. Толстой. Избранные труды. Т. III. М., 1999. С. 31–39.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.

Linguistic map as a representation of traditional spiritual culture

Tat'yana I. Vendina

Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

This article discusses the interpretative potential of linguistic maps. Using the data of the “All-Slavic Linguistic Atlas” the author demonstrates that the maps of this Atlas let the researchers broaden the frames of traditional research and enter the sphere of linguocultural dialectology in order to reconstruct the living past of the Slavs. Rich cultural landscape of the Slavic traditional lifestyle represented in the maps of the aforementioned Atlas attests the fact that the speakers of the Slavic local dialects still preserve innumerable treasures of the ancient Slavic spiritual culture which remain unfamiliar to the researchers.

Key words: All-Slavic Linguistic Atlas, Slavic dialects, linguogeography.

References

Gricenko P. E. Ob interpretacii lingvisticheskikh kart [On the interpretation of linguistic maps] // Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya [All-Slavic Linguistic Atlas. Materials and Investigations] 2001–2002. М., 2004. Pp. 86–101.

Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii [Animal symbols in the Slavic folk tradition]. М., 1997. 912 p.

Karmin A. S. Osnovy kul'turologii. Mifologiya kul'tury. [An introduction to cultural studies. The mythology of culture]. SPb., 1997. 512 p.

ZHigo P. Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas — vzaimosvyaz' yazyka i obshchestvenno-istoricheskikh fenomenov s pozicij areal'noj lingvistiki [All-Slavic Linguistic Atlas and the interdependence of language and socio-historical phenomena from the viewpoint of areal linguistics] // Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya

[All-Slavic Linguistic Atlas. Materials and Investigations] 2009–2011. М., 2011. Pp. 52–62.

Plotnikova A. A. YUzhnye slavyane v balkanskom i obshcheslavyanskom kontekste: etnolingvisticheskie ocherki [Southern Slavs in the Balkan and the All-Slavic contexts: ethnolinguistic studies]. М., 2013. 384 p.

Tolstoj N. I. Etnogeneticheskiy aspekt issledovaniya drevnej slavyanskoj duhovnoj kul'tury [Ethnogenetic aspect in researching the ancient spiritual culture of the Slavs] // N. I. Tolstoj. Izbrannyye trudy [N. I. Tolstoj. Selected works]. V. III. М., 1999. Pp. 31–39.

Tolstoj N. I. YAzyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike [Language and folk culture. Articles on the Slavic mythology and ethnolinguistics]. М., 1995. 512 p.

Древ и трав великолепие, красота цветов и плодов изобилие (заметки о фитонимах в текстах М. В. Ломоносова)

Сергей Святославович Волков

Институт лингвистических
исследований РАН

Статья посвящена описанию лексического разряда фитонимов в идиолекте М. В. Ломоносова: среди них — наименования деревьев, трав, цветов, различных культурных растений. Фитонимы, а также их производные представлены почти во всех трудах Ломоносова: в текстах по химии, физике и минералогии, филологических и исторических исследованиях, в поэзии, деловой переписке. Интересные материалы в области фитонимии содержит коллекция рабочих заметок и записей М. В. Ломоносова — т.н. «Материалы к российской грамматике». Некоторые из фитонимов относятся к числу агнонимов и представляют трудность для лексикографического описания как в «Словаре русского языка XVIII века», так и в «Словаре языка М. В. Ломоносова», так как связаны с северно-русской народной речью или относятся к старой ботанической номенклатуре, представляя собой заимствованные названия редких экзотических растений.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, М. В. Ломоносов, словарь, фитонимы, агнонимы.

1. Парадоксально, но традиционно считается, что М. В. Ломоносов никогда не интересовался царством растений и не оставил после себя никаких трудов, посвященных его описанию. Казалось бы, из «трех царств естества» его более всего интересовало царство ископаемых, т.е. минералогия. Однако это не совсем так. Корпус текстов Ломоносова содержит довольно большое число самых разнообразных наименований диких и культурных растений: большая часть из них появляется в собственных текстах Ломоносова, часть — в переводах.

Подобных слов и словосочетаний более 300 единиц; только в «Материалах к “Российской грамматике”», составляющих лишь небольшую часть текстов великого ученого и поэта (около 27 000 словоупотреблений), при внимательном чтении обнаруживаем более 150 фитонимов.

Фитонимы Ломоносова — это, в основном, названия разнообразных деревьев (*дубъ, иолка, кедръ, кипарисъ, кленъ, ольха, ракита, сосна, пихта, чериомха, яворъ, ясень* и пр.), трав (*кропива¹, лебеда, осока, полынь, снить* и пр.), цветов (*василіокъ, макъ, лилея и крин, пионъ, роза, фіалка* и пр.), культурных злаковых и огородных растений, а также корнеплодов (*гречиха, пшеница, рѣпа, рожь, овесъ, ячмень; капуста, морковь, огурецъ, ревень, петрушка, свекла, тыква, укропъ, хрѣнъ, чеснокъ* и пр.). И хотя границы между просторечной и диалектной стихией в XVIII в. были весьма зыбкими, многие из фитонимов Ломоносова так или иначе показывают связь с народной, диалектной северно-русской речью: еще Б. А. Ларин, например, указывал, что «во многих гуманитарных сочинениях Ломоносов наглядно показал, что его тесная связь с крестьянством не порвана, что она осталась на всю жизнь. Читайте внимательно “Российскую грамматику”, и вы увидите, что большинство примеров в любом ее разделе — в фонетике, морфологии, синтаксисе, краткой стилистике, в общем введении — из крестьянской речи, из народной речи» [Ларин 2005: 377]. До настоящего времени, весьма жаль, никто не обращал особого внимания на наименования растений как особый тематический разряд слов в текстах М. В. Ломоносова, и фитонимы до настоящего времени остаются своеобразной «маргинальной» группой слов, скрытой где-то глубоко на периферии идиолекта великого ученого.

2. В коллекции черновых, так сказать, частных материалов М. В. Ломоносова, получивших в Академическом собрании сочинений не самое корректное название «Материалы к Российской грамматике» (158 листов; в конволют

¹ Орфография автора сохраняется во всех случаях

вместе с грамматическими материалами, датируемыми приблизительно 1744–1757 гг., также подшиты тексты, не имеющие отношения к словесным наукам и датируемые, возможно, началом 1760-х гг., см. [Волков, Карева 2018; Карева, Пивоваров 2019: 92–97])², находим следующую запись (лист 149 об.):

«planta — изрощение, израстающая вещь; arbor — дерево; frutex — деревцо; herba — трава; legumen — хлѣбъ, жито (?); alga³ — *тура* (выделено нами. — *Авт.*)» [Ломоносов 1952: 709].

Цель и смысл этой отрывочной записи пока не ясны окончательно, но, по-видимому, Ломоносов, работая с каким-то ботанической «материей» и размышляя, стремился подобрать адекватные русские аналоги к латинским терминам, что является еще одним важным фактом, подтверждающим наше предположение о том, что проблемы ботаники всё-таки привлекали внимание ученого. Более того, на одном из листов, входящих в конволют, помещен рисунок растения с объяснительными примечаниями на русском и латинском языках. Именно поэтому гербарию Ломоносова (а может быть, и бестиарию — вспомним хотя бы замечательного *левиафана*, который «в самой середине Океана, .. быстрой простирает бег» [Ломоносов 1959: 389]) вполне может быть посвящена отдельная монография.

Заслуживает внимания фитоним *тура*, употребленный в приведенном выше фрагменте. Еще одно употребление этого слова встречаем в тексте «Первых оснований металлургии или рудных дел» (1763) — в работе М. В. Ломоносова «О слоях земных» (прибавление второе к «Первым основаниям металлургии»), § 106:

Проезжая неоднократно Гессенское ландграфство, приметить мне случилось между Касселем и Марбургом ровное

² Следует подчеркнуть, что это не единый текст, а определенным образом сформировавшаяся коллекция документов (см. об этом [Кулябко, Бешенковский 1975]), каждый из листов которой имеет отдельную, самостоятельную ценность, и которую, возможно, правильнее будет оценивать по принципу «один текст (микротекст) — отдельное произведение».

³ Alga — sea-weed (OLD 95), т. е. морские водоросли.

песчаное место, горизонтальное, луговое, кроме того, что занято невысокими горками или буграми, .. кои обросли мелким скудным леском и то больше по подолу, при коем лежит великое множество мелких, целых и ломаных морских раковин, в вохре соединенных. Смотри на сие место и вспомнив многие отмелые берега Белого моря и Северного океана, когда они во время отлива наружу выходят, не мог себе представить ничего подобнее, как сии две части земной поверхности в разных обстоятельствах, то есть одну в море, другую на возвышенной матерой земли лежащую. Тут бугры скудные прозябением на песчаном горизонтальном поле, там голые каменные луды на равнине песчаного дна морского. Здесь ржавую землю соединенные в подоле черепокожные, там держащиеся за обсохлую **туру** <примеч. Ломоносова: Морская трава или морская капуста> и за самый камень морские раковины. Не указывает ли здесь сама натура, уверяя о силах, в земном сердце заключенных, от коих зависят повышения и понижения наружности? Не говорит ли она, что равнина, по которой ныне люди ездят, обращаются, ставят деревни и города, в древние времена было дно морское? [Ломоносов 1954: 580].

Употребление слова **тура** рядом с упоминанием берегов Северного моря и Ледовитого океана, т.е. русского Поморья — родины Ломоносова — не случайно. Не случаен и авторский комментарий, которым Ломоносов считает необходимым для этой лексической единицы, потому что слово **ту́ра**, которое А. И. Подвысоцкий определяет как ‘всякая морская водоросль’ (Подвысоцкий 1885: 176), а И. С. Меркурьев как ‘бурые морские водоросли с водянистыми пузырьками’ (Меркурьев 1979: 164), см. также ‘водоросли, в т.ч. бурые морские водоросли, морская капуста, морской горох’ (Мызников 2010: 444; также СРНГ 45: 261–262) представляет собой малопонятный для несвязанного с русским Севером носителя русского языка XVIII века лексический элемент «исконного» или «материнского» диалекта М. В. Ломоносова — поморского или архангельского [Аванесов 1949: 214]

говора северновеликорусского наречия. Более того, имеющиеся факты свидетельствуют о финно-угорском происхождении слова *тура* как элемента большой группы диалектных наименований растений субстратного происхождения, связанных с водоемами. С. А. Мызников считает, что «исходя из территории дистрибуции, лексема *тура* ‘водоросли’ скорее всего восходит к карельскому *tuura*» (этимология предложена А. Л. Погодиным) [Мызников 2004: 96]; (Мызников 2019: 809). Данное диалектное слово, по-видимому, следует рассматривать как малоупотребительное относительно лексического массива русского языка XVIII века. Удалось зафиксировать еще два употребления этого слова и только в источниках, связанных с описаниями экспедиции Академии наук на Белое море и Кольский полуостров в 1771–1772 гг. (идея организовать эти экспедиции принадлежит М. В. Ломоносову).

Русский естествоиспытатель, ботаник, путешественник и географ И. И. Лепехин, осматривая берега Белого моря, пишет в четвертой части своих «Дневных записок» (книга увидела свет уже после кончины ученого в 1805 г.):

«Въ сей рѣчкѣ <Солзе> простояли мы до 24 числа; и хотя къ берегу морскому, которой низмень и на подобіе пещанаго вала простирается была прибойная съ моря погода; однако на оной ничего не выкидывало, кромѣ обыкновенной *туры*» [Лепехин 1805: 34].

В те годы ещё студент Академической гимназии, помощник И. И. Лепехина по экспедиции на русский Север, Н. Я. Озерецковский⁴ во время путешествия по Кольскому полуострову (1771–1772 гг.) записывает следующее:

Подавая понятіе о Кольской губѣ, присовокуплю я, что какъ въ ней, такъ и въ окѣанѣ близъ берегу, много растеть на камняхъ разныхъ морскихъ порѣстовъ, кои принадлежать къ царству произрастѣній, которые Ботаниками называются *Fuci*, и у Колянъ извѣстны подъ именем *морской капуста*,

⁴ Н. Я. Озерецковский стал академиком Императорской Академии наук в 1782 г.

турь и *морскаго гороха*. Названія сїи произошли отъ того, что иной поросьть походитъ на капусту, другой на горохъ, третій на дубъ и проч. Они корнями своими, от коихъ не питаются, прирастаютъ къ камнямъ, къ раковинамъ и къ другимъ твердымъ тѣлам. О сихъ растѣнїяхъ преизящное издалъ сочиненіе подъ названіемъ *Historia Fucorum*, покойный Академикъ Гмелинъ⁵, въ здѣшней Академіи Наукъ .. Они въ Колѣ ни на что не употребляются, кромѣ того, что коровы ѣдятъ ихъ весьма охотно, когда прибережные подводные камни во время морского отлива съ ними обнажатся. Соленой ихъ вкусъ весьма приятенъ для рогатого скота, которой за нѣсколько версть ходитъ къ морю единственно за тѣмъ, чтобъ наѣсться морской капусты [Озерецковский 1804: 38–40].

Приведенные выше контексты обладают многими общими чертами. Во-первых, это, прежде всего, научный текст. Во-вторых, все они связаны единым ареалом и представляют собой описание природы русского Севера, русского Поморья. В-третьих, так же, как и М. В. Ломоносов, И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский считают важным дать к слову *тура* уточняющие примечания. У И. И. Лепехина: «*Tura. Fucus vesiculosus; quercus marina*» (фукус пузырчатый; морской дуб.— *Авт.*), где *лат. fucus* — род бурых водорослей. У Н. Я. Озерецковского: *морской порѣст* (то есть водоросль, см. (СлРЯ XVIII 22: 107). Лексема также фиксируется «Словарем Академии Российской, по азбучному порядку расположенным» (1822 г.): ‘*Alga. Трава, растущая в водѣ*’ (Слов. Акад. 1806–1822 V: 7), принадлежащий к царству растений, называемый ботаниками *Fuci*, который местные жители называют *морской капустой*, *турой* и *морским горохом*. И если М. В. Ломоносов, по-видимому, еще не знал слова *водоросль* (оно появляется несколько позже в форме *водорасль* — первая фиксация у И. М. Комова в трактате

⁵ Самуэль Готтлиб Гмелин, нем. Samuel Gottlieb Gmelin (1744–1774), путешественник и натуралист, академик Императорской Академии наук, племянник И. Г. Гмелина.

«О земледелии» (1788), которая оценивается «Словарем русского языка XVIII века» как вхождение (СлРЯ XVIII 3: 258)), поэтому употребил известное ему с детства слово, то И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский стремятся привести точное русское местное видовое название этого морского растения при родовых *alga* и *fuscus*: это название, по-видимому, начинает приобретать в ряду *морская трава* (ср. нем. das Meergras) — *порост* — *тура* — *морская капуста* — *морской горох* и пр. терминологический статус. В заключение заметим, что, к большому сожалению, редакционная коллегия Академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова это диалектное слово не «заметила» и не нашла необходимым снабдить его хотя бы минимальным лингвистическим и историко-культурным комментарием ни в первом (1950–1959, 1983), ни во втором (2011), исправленном и дополненном изданиях. А ведь оно еще раз подтверждает исконно поморское происхождение М. В. Ломоносова, в котором сомневается, например, журналист ИА «Регнум» Д. Л. Семушин⁶.

3. В каких сферах многоаспектной деятельности М. В. Ломоносова фитонимы оказались наиболее активны? Прежде всего, мир растений был значим для Ломоносова в его физико-химических исследованиях. Растения для Ломоносова-естествоиспытателя служили надежным источником пигментов для разнообразных настоев и тинктур, необходимых, в частности, для изготовления научных приборов, например:

«Воду и двойную водку красят сандалом, желтят кусками кореня куркумы» [Ломоносов 1950: 428],

ср. Aqua tingitur colore rubro, si ligni Brasiliani spiritus vini flavo, si radicis curcumæ frustrulis affunditur [Thümmig 1740: 245],

где *сандал*, возможно, не сандаловое дерево (*Pterocarpus santalinus*), распространенное в Азии, а, как показывает пример, бразильское красное дерево (красный сандал, фернамбуковое дерево), являвшееся ценным источником красного пигмента; *куркума* — травянистое растение из

⁶ Дмитрий Семушин. «Поморство» Ломоносова — миф. См. <https://regnum.ru/news/polit/1521011.html> (Дата обращения 12.08.19).

семейства имбирные ('желтый имбирь' (СлРЯ XVIII 11: 86), применяющееся в медицине, кулинарии и для изготовления стойкого желтого красителя:

Сухим розовым цветом настоенная вода от влитой кислой материи становится красна, от распущенного поташу — зелена [Ломоносов 1950: 488];

и, наконец, при описании термометров:

Двойная водка примет на себя цвет красный, ежели корнем анхузы настоена будет, желтый цвет получает от кореня куркумы, голубой — от чищеной яри с нашатырною водкою [Ломоносов 1950: 455], ср. Spiritus vini colore tingitur rubro, si frustulis radicis anchusæ, flavo, si frustulis radicis curcumæ, cæruleo, si floribus veneris affundatur et in casu posteriori spiritu salis Ammoniaci flores præcipitentur [Thümmig 1740: 277].

Анхуза — уникальный ломоносовский фитоним, своего рода «признаковое» слово его идиолекта, тем более что оно представлено в его многоязычном сознании в двух ипостасях — русской и латинской (*лат.* anchusa). Оно употребляется в текстах М. В. Ломоносова только один раз — в учебном пособии по естественным наукам «Волфианская экспериментальная физика» (1746), представлявшем собой, как это следует из приведенного нами выше примера, сокращенный и адаптированный для русского читателя перевод с латинского языка на русский одной из глав книги немецкого ученого Л. Ф. Тьюммига «Istitutiones philosophiæ Wolfianæ in usus academicos adornatæ» (1725, второе издание 1740), своеобразного дайджеста философии немецкого гуманиста и просветителя Христиана фон Вольфа, предназначенного для студентов немецких университетов.

Фитоним *анхуза* такой же редкий, как и рассмотренный нами выше фитоним *тура*, но если слово *тура* связывает М. В. Ломоносова с его «малой родиной», то слово *анхуза* показывает его связь с западноевропейской наукой и культурой. В «Словаре русского языка XVIII века» это слово отсутствует, хотя мы, например, находим его в «Новом

лексиконе на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова» (Санкт-Петербург, 1755–1764, ч. 2, с. 525), а позднее — в «Подробном словаре для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства» писателя, поэта и переводчика Н. П. Осипова: «Анхуза, воловей языкъ. Лат. *Anchusa Buglossum*» (Осипов 1791: 103), что связывает *анхузу* с народными зoonимными наименованиями растений, в том числе с т.н. воловьими травами. Так, С. Ю. Дубровина считает, что «метафорическое название *воловий язык* относится прежде всего к воловику аптечному, *Anchusa officinalis*. .. Русское название повторяется в украинском, болгарском, польском» [Дубровина 2010: 64–65]; также (Анненков 1878: 31). Таким образом, *анхуза*, или *воловик* — это многолетнее травянистое растение семейства бурачниковых, корни которого содержат рубиново-красный пигмент (именно поэтому одно из народных названий *анхузы* — румянка, или цареградский красный корень). Кстати, в комментариях к первому тому первого издания академического полного собрания сочинений, над которыми работали в начале 50-х гг. прошлого века весьма уважаемые люди — А. А. Елисейев, В. Л. Ченакал, В. П. Барзаковский, Н. М. Раскин и др., относительно слова *анхуза* указывается:

«корень анхузы или алканый корень — корень растения *Anchusae tinctoriae*, известного у нас под именем воловика, и *Alcannae tinctoriae*, содержащий смолянистое красящее вещество анхазин, или алканин, красно-малинового цвета» [Ломоносов 1950: 588].

Полемизировать с такими авторитетами в области ломоносововедения трудно и вряд ли конструктивно, но все же отметим, что, во-первых, непонятным остается, *анхуза* — это корень *анхузы* или всё-таки корень *алканны*; во-вторых, *алканна* (также *алкана* и *аликант* (СлРЯ XVIII 1: 47), не-

⁷ См., например, подробное описание алканны в «Словаре коммерческом, содержащем познание о товарах всех стран...» (Сл. Комм. 1787, I: 30–32).

смотря на то, что тоже относится к семейству бурачниковых и тоже содержит красный пигмент в своём корневище, всё же совсем другое растение⁷, которое в тексте ни Л. Ф. Тюммига, ни М. В. Ломоносова не упоминается. Сомнение вызывает и точность латинского термина *Anchusae tinctoriae*. Источником комментария, как представляется, выступает общеизвестный «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», в котором говорится буквально следующее:

Так называется фиолетово-красный, впадающий в коричневый цвет, местами желтоватый корень *Anchusae tinctoriae* и *Alcanna tinctoriae* (красный корень), многолетнего кустарника, дикорастущего в Южной Европе и Малой Азии, отчасти также искусственно разводимого. Корень этот содержит смолистое красящее вещество (алканнин, анхузин, анхузую кислоту), растворяющееся в спирте, эфире, эфирных и жирных маслах с превосходным красно-малиновым цветом (ЭСБЕ I: 448).

Комментарий в «Полном академическом собрании сочинений М. В. Ломоносова», следовательно, представляет собой почти дословную компиляцию из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Конечно, эта лучшая для своего времени энциклопедия всегда была верным другом и помощником российского лексикографа, своеобразной «палочкой-выручалочкой», и даже сейчас, когда пытаешься выяснить, откуда, так сказать, «почерпнута» та или иная информация о слове (особенно при описании различных реалий прошлого), некоторые коллеги с заговорщицким видом указывают на полку, где стоит этот знаменитый энциклопедический словарь. Однако компилирование словарей, вышедших в свет в конце XIX в., в XX в. и, более того, в начале XXI в. вряд ли можно приветствовать. Что же касается второго, исправленного и дополненного издания академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (2011), то в нем не совсем корректный комментарий к слову *анхуза* оставлен почти без изменений, лишь неудачно редуцирован правильный фитосиноним *воловик*.

4. Рассмотрим еще один любопытный пример из «Вольфианской физики» М. В. Ломоносова:

Нефритическим деревом (выделено нами.— *Авт.*) настоящая вода ясно показывает, что цветы в самой материи не врождены, ибо она, когда так поставлена, чтобы глаз был между нею и окном, тогда она кажется синя; но когда между глазом и окном стоит, показывает цвет красный, буде она густа, желтоватый, ежели жидка. В первом положении темна, а в другом кажется прозрачна. [Ломоносов 1950: 486],

и далее:

Когда в сию воду несколько капель купоросной или селитряной крепкой водки примешаешь, синий цвет потеряется, и вся вода будет прозрачна. А понеже здесь не иная случается перемена, как только частицы, из *нефритического дерева* (выделено нами.— *Авт.*) водою вытянутые, от едких материй разделяются на меньшие частицы и тем иную величину, иную фигуру и иное в скважинах воды положение получают [Ломоносов 1950: 487].

Описание этого редкого растения — *нефритическоего дерева* — в комментариях к «Полному академическому собранию сочинений М. В. Ломоносова» и первого, и исправленного второго, к сожалению, отсутствует. «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует словосочетание *нефритическое дерево* как устойчивое с пометой «*В бот. [аническом] назв. [аниш]*», но толкование отсутствует (СлРЯ XVIII 15: 119). Перед нами действительно очень сложный объект для семантической и историко-культурной интерпретации — элемент устаревшей ботанической номенклатуры, внутренняя форма которого остается до настоящего времени темной. Известны даже не очень ловкие попытки связать *нефритическое дерево* с *нефритическим камнем* ‘*lapis nephriticus, спекштейн*’ в минералогии Ломоносова. В информативной «Библиотеке лексикографа» А. А. Бурькина, которая обычно предоставляет исследователю языковой стихии XVIII в. достаточное количество примеров для

малоупотребительных слов, находим только один пример — и опять-таки из «Волфианской физики» М. В. Ломоносова.

Сопоставление русского текста М. В. Ломоносова и оригинального текста книги Л. Ф. Тьюммига позволяет установить источник этого выражения — *lignum nephriticum*, см.:

Colores non inesse subjecto, tinctura *ligni nephritici* (выделено нами — *Авт.*) manifesto ostendit, quæ oculo inter ipsam et fenestram seu lumen, quo illuminatur collocato cærulea apparet, constitua vero inter oculum et lumen robur exhibet colorem, si intensa fuerit; ad flavum accedentem, si minus intensa; in situ priori opaca; in posteriori pellucida existit [Thümmig 1740: 319].

А это, в свою очередь, позволило восстановить более точное название растения благодаря энциклопедическим словарям и ботаническим справочникам европейской научной традиции. Авторы самого большого энциклопедического словаря на немецком языке, созданного в XVIII столетии, — «Johann Heinrich Zedlers Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste» (1731–1754) сообщают, что *lignum nephriticum*, «дерево, выделяющее синюю воду», (Zedler 11: 472) — это синий сандал (*Santalum caeruleum*), или кампешевое дерево, также кампеш — экзотическое растение семейства бобовых родом из Центральной Америки (современное название — *Haematoxylum campechianum*). Древесина этого растения содержит очень стойкий красный пигмент, который на воздухе темнеет, превращаясь в темно-синий. Благодаря электронной картотеке «Словаря русского языка XVIII века» любопытный контекст употребления этого словосочетания находим в книге «Открытые тайны древних магов и чародеев или волшебные силы природы» прусского историка Иоганна Самуэля Галле (1727–1810), которую перевел на русский язык В. А. Левшин. Никакого оккультизма в книге нет: это научное, просветительское издание, в котором описываются самые разнообразные необычные явления природы (например, электрическая батарея или «искусственная стужа»), которые ранее выдавались за

колдовство и магию. Вот что пишет о *нефритическом дереве* И. С. Галле:

Такъ называемое колотичное или нефритическое дерево (Lignum nephriticum), котораго отчизна Америка, и сходствующее к сандалному, потому что отъ него вода синѣть .. Прежде сего употреблялось оное въ Медицинѣ; но какъ средство уриногнательное, безъ котораго легко можно обойтись. .. Естли изъ сего бѣлаго Мексиканскаго лесу выточить стаканъ, и наполнить водою, оная чрезъ короткое время будетъ принимать на себя различныя краски, по различному учрежденію къ свѣту. .. Американцы крошатъ это дерево, и, настоявъ въ воде, пьютъ оную отъ камня въ почкахъ [Галле 1799: 324–325].

Переключка с текстом Ломоносова очевидна. Более того, мы получаем еще одно название этого экзотического растения: *колотичное дерево*. Это словосочетание в «Словаре русского языка XVIII века» отсутствует, хотя в третьей части «Словаря коммерческого, содержащего сведения о товарах всех стран», который, как известно, является одним из источников словаря, обнаруживаем следующее:

Колотичное дерево или Нефретикъ ... Дерево Нефретичное въ покупкѣ должно выбирать свѣжее, придающее водѣ синій и желтой цвѣтъ.. Дерево, изъ коего получаютъ этотъ Нефретикъ, подобно грушѣ сложеніемъ и ростомъ. Растет оное въ Новой Испаніи, а особливо въ Королевствѣ Мексиканскомъ.. въ Европѣ именуютъ его деревомъ Нефретичнымъ, потому что оное цѣлитъ отъ колотья Нефретичнаго (Слов. Комм. III: 281–282).

Этимология словосочетания *колотичное дерево* пока не очень ясна. Предположим, что это окказионализм, созданный В. А. Лёвшиным. Согласно «Словарю русских народных говоров», *колѳтище* — это ‘колотье, колющая боль’ с пометами *Путивл. Курск.* (СРНГ 14: 181), ср. также *колотье* и пр.

5. Проблема исследования и описания фитонимов в текстах Ломоносова является весьма актуальной, и не только

потому, что фитонимы — это разряд лексики, особо значимый для русского языка XVIII в. — периода русской истории, характерной чертой которого являются стремительное развитие наук о природе и проведение великих географических экспедиций. Изучение их важно прежде всего потому, что «Словарь языка Ломоносова», в соответствии с концепцией авторского словаря, предложенной проф. Б. А. Лариным, является словарём полного типа, поэтому авторский коллектив так или иначе столкнется с необходимостью их лексикографического представления. Кроме того, часть названий рассмотренных нами выше конкретных объектов растительного мира является для русского языка XVIII в. редкими словами. Для современного носителя языка они тем более являются *агнонимами*, т.е. единицами лексической системы, значения и правила употребления которых неизвестны, малоизвестны или малопонятны. Термин «агномим» [от *греч.* ἄ — не, γνῶσις — знание и ὄνομα — имя] был введен В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной в монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» [Морковкин 1997: 76], хотя и до этого отечественная лингвистика прекрасно справлялась с задачами описания подобной лексики, используя термины «редкое слово», «забытое слово», «трудное слово», «малоупотребительное слово» и пр., ср., например, названия словарей Р. П. Рогожниковой «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.» (1997), Л. А. Глинкиной «Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка» (2008), Н. Г. Ильинской «Словарь малоупотребительных и устаревших слов» (1998) и мн. др. Не будет большой ошибкой утверждать, что *агноним* — это все-таки антропоцентрическое явление, антропоцентрическая категория лексики (количество и состав агнонимов для каждого человека индивидуален: то, что знает один, иногда не понимает другой), а антропоцентрическая стратегия, как известно, является одной из главных стратегий «Словаря языка Ломоносова».

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1949. 336 с.

Волков С. С., Карева Н. В. «Материалы к Российской грамматике» М. В. Ломоносова как источник сведений для истории русского языка XVIII века // Серия Ad Fontes (Материалы и исследования по истории науки. Вып. 14). Миллеровские чтения — 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. Материалы II Международной научной конференции 24–26 мая 2018 г. / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 531–539.

[*Галле И. С.*] Открытыя тайны древних магиков и чародеев, или Волшебныя силы природы, в пользу и увеселение употребленныя. [Пер. В. А. Левшина] Ч. 2. М.: Унив. тип. 1799. 598 с.

Дубровина С. Ю. Зоонимные названия растений. Воловики и «воловы» травы // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том VI, ч. 1. Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ишполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 62–68.

Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. К истории изучения «Российской грамматики»: попытка атрибуции некоторых документов из архива М. В. Ломоносова // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. М.: Индрик, 2019. С. 92–97.

Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975. 227 с.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. 416 с.

[*Лепехин И. И.*] Путешествiя академика Ивана Лепехина: дневныя записки. Часть IV. В 1772 году. СПб., Имп. Акад. Наук, 1805. 458 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 1: Труды по физике и химии, 1738–1746 / ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец, А. А. Елисеев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 620 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу 1741–1763 гг. / ред. А. И. Андреев, И. И. Шафрановский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 747 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. / ред. В. В. Виноградов, Б. Д. Греков, А. В. Топчиев, С. Г. Бархударов, А. И. Андреев, Г. П. Блок, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 гг. / ред. В. В. Виноградов, А. И. Андреев, Г. П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы: слова, которые мы не знаем. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1997. 414 с.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ СПб.: Наука, 2004. 492 с.

[Озерецковский Н. Я.] Описание Колы и Астрахани. Изъ сочинений Академика Николая Озерецковскаго. СПб.: Имп. Акад. наук, 1804. 131 с.

Thümmig Ludwig Philipp. Institutiones philosophiae Wolfianae: in usus academicos adornatae. T. 1. Francofurti; Lipsiae, 1740. 511 p.

Splendour of trees and herbs, beauty
of flowers and abundance of fruits
(notes on phytonyms in M. V. Lomonosov's works)

Sergey S. Volkov

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article provides the description of phytonyms in M. V. Lomonosov's idiolect, including names for trees, herbs, flowers, various cultivated plants and vegetables. Phytonyms, as well as their derivatives, may be found nearly in all Lomonosov's works — in his texts on chemistry, physics and mineralogy, philological and historical writings, in poetry, business correspondence. Interesting facts pertaining to phytonymy are

contained in a collection of working notes and drafts by M. V. Lomonosov called “Materials for Russian grammar.” Some of the phytonyms belong to agnonyms and present difficulties for lexicographic description both in the “18th century Russian language dictionary” and in the “Dictionary of M. V. Lomonosov’s idiolect”, as they are connected with North Russian dialect speech or refer to borrowed names of rare exotic plants.

Key words: Russian language of the 18th century, M. V. Lomonosov, dictionary, phytonyms, agnonyms.

References

Avanesov R. I. Oчерки russkoj dialektologii. CHast’ 1. [An outline of the Russian dialectology. Part 1]. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1949. 336 p.

Volkov S. S., Kareva N. V. «Materialy k Rossijskoj grammatike» M. V. Lomonosova kak istochnik svedenij dlya istorii russkogo yazyka XVIII veka [M. V. Lomonosov’s “Materials for the Russian grammar” as an information source for the history of the 18th century Russian language] // Seriya Ad Fontes (Materialy i issledovaniya po istorii nauki. Vyp. 14). Millerovskie chteniya — 2018. Preemstvennost’ i tradicii v sohranenii i izuchenii dokumental’nogo akademicheskogo naslediya. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 24–26 maya 2018 g. [“Ad fontes” series (Materials and investigations on the history of science. Issue 14). Miller readings ’18. Continuity and traditions in preserving and studying the academic documental heritage] / otv. red. I. V. Tunkina. SPb.: Renome, 2018. Pp. 531–539.

[*Galle I. S.*] Otkrytyya tajny drevnih magikov i charodeev, ili Volshebnyya sily natury, v pol’zu i uveselenie upotreblennyya. [Per. V. A. Levshina] Ch. 2. [Galle I. S. Revealed mysteries of the ancient magicians and sorcerers, or Magical powers of Nature, applied for use and amusement [translated by V. A. Levshin]. Part 2] M.: Univ. tip. 1799. 598 p.

Dubovina S. YU. Zoonimnye nazvaniya rastenij. Voloviki i «volov’i» travy [Zoonymic plant names. *Voloviki*, or *oxen’s herbs*] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkih issledovanij.

Tom VI, ch. 1. Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture [Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. V. 6, part 1. Ethnobotany: vegetation in language and culture] / otv. red. V. B. Kolosova, A. B. Ippolitova. SPb.: Nauka, 2010. Pp. 62–68.

Kareva N. V., Pivovarov E. G. K istorii izucheniya «Rossijskoj grammatiki»: popytka atribucii nekotoryh dokumentov iz arhiva M. V. Lomonosova [On the history of study of “The Russian grammar”: an attempt at the attribution of several document from M. V. Lomonosov’s archive] // Devyatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniya. Materialy konferencii. [Nineth Roman Cyrillo-Methodian readings. Conference proceedings] M.: Indrik, 2019. Pp. 92–97.

Kulyabko E. S., Beshenkovskij E. B. Sud’ba biblioteki i arhiva M. V. Lomonosova. [What happened to M. V. Lomonosov’s library and archive] L.: Nauka, 1975. 227 p.

Larin B. A. Lekcii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X — sredina XVIII v.) [Lectures on the history of the Standard Russian language (10th to 18th centuries)]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Avalon: Azbuka-klassika, 2005. 416 p.

[*Lepekhin I. I.*] Puteshestviya akademika Ivana Lepekhhina: dnevnnyya zapiski. CHast’ IV. V 1772 godu. [Academician Ivan Lepekhin’s journeys: his diaries. Part 6. Year 1772] SPb., Imp. Akad. Nauk, 1805. 458 p.

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 1: Trudy po fizike i himii, 1738–1746 [Collected works. V. 1. Works on physics and chemistry] / red. S. I. Vavilov, T. P. Kravec, A. A. Eliseev. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 620 p.

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 5: Trudy po mineralogii, metallurgii i gornomu delu 1741–1763 gg. [Collected works. V. 5. Works on mineralogy, metallurgy and mining written from 1741 to 1763] / red. A. I. Andreev, I. I. SHafranovskij. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. 747 p.

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. [Collected works. V. 7. Philological works written from 1739 to 1758] / red. V. V. Vinogradov, B. D. Grekov, A. V. Topchiev, S. G. Barhudarov, A. I. Andreev, G. P. Blok, G. A. Knyazev, V. L. CHenakal. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 p.

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732–1764 gg. [Collected works. V. 8. Poetry, speeches, inscriptions written from 1732 to 1764] / red. V. V. Vinogradov, A. I. Andreev, G. P. Blok. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 1280 p.

Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. Russkie agnonimy: slova, kotorye my ne znaem. [Russian agnonyms: Words we are unfamiliar with] M.: In-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 1997. 414 p.

Myznikov S. A. Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkih govorah Severo-Zapada: Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz [Lexemes of finno-ugric origin in the Russian dialects of the North-West. An etymological and linguogeographical analysis] SPb.: Nauka, 2004. 492 p.

[*Ozereckovskij N. YA.*] Opisanie Koly i Astrahani. Iz sochinenij Akademika Nikolaya Ozereckovskago. [The description of Kola and Astrakhan. From the writings of Academician Nikolay Ozereckovsky] SPb.: Imp. Akad. nauk, 1804. 131 p.

Thümmig Ludwig Philipp. Institutiones philosophiae Wolfianae: in usus academicos adornatae. T. 1. [An outline of Wolf's philosophy prepared for academical use]. Francofurti; Lipsiae, 1740. 511 p.

Кологривская свадебная лексика в текстах Е. В. Честнякова как материал для ЛАРНГ

Нина Семёновна Ганцовская

Елена Геннадьевна Веселова

Костромской государственный
университет

В статье в свете тематического состава Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) рассматривается лексика народной свадьбы в говорах Кологривского уезда Костромской губернии с присвоением ей соответствующих индексов Программы. Материалом исследования послужили тексты произведений костромского писателя Е. В. Честнякова, изобилующие диалектизмами, и живые говоры. Делается вывод о преобладании в тематической группе слов общерусского распространения, иногда поданных в вариантах. Выявляются диалектные синонимы общерусских слов, характеризующие особенности состава и семантической структуры севернорусской лексики Верхнего Поунжья. Предполагается, что представленная лексика и комментарии к ней будут полезны для составления карт ЛАРНГ.

Ключевые слова: Верхнее Поунжье, кологривские говоры, свадебная лексика, Е. В. Честняков, Программа ЛАРНГ.

В современных условиях собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) полевые материалы желательно подкреплять данными о говорах той или иной местности, извлечёнными из памятников письменности или других достоверных источников, например, произведений писателей, отражающих особенности диалектной речи. В данном случае источником материала, который мы уже неоднократно использовали для подобных целей, являются тексты писателя Е. В. Честнякова, уроженца д. Шаблово Кологривского уезда Костромской области (1874, д. Шаблово — 1961, там же), неизданные при его жизни и сохранившиеся

в нескольких черновых вариантах, а также воспоминания его земляков.

В данной работе мы обратимся в основном к его драматическим произведениям, поскольку диалоги по сравнению с речью автора наиболее реалистично воспроизводят говор жителей той или иной сельской местности, в данном случае — костромского Верхнего Поунжья. Впрочем, и тексты самого автора, как мы об этом уже неоднократно писали, содержат многочисленные диалектизмы, так как Е. В. Честняков стоял на радикальных позициях использования диалектной речи в разных сферах речевого общения, не только устного, но и письменного [Ганцовская, Веселова 2016; Ганцовская, Веселова, Сухарева 2016]. Кологривской диалектной лексикой пронизаны даже ремарки его пьес. В виде дополнения, чтобы полнее представить состав и особенности кологривских диалектизмов избранных нами тематических групп, и для верификации местной лексики, использованной автором, мы привлекаем соответствующую лексику на фоне контекстов её употребления из произведений Е. В. Честнякова, не относящихся к драматическим жанрам, а также из иных источников, например, живой речи земляков писателя.

Основной источник наших материалов — одноактная пьеса Е. В. Честнякова «Сватовство», другое её название «Свадьба» (см. Ганцовская 2007: 167–170), действие которой разворачивается в одной из поунженских деревень в течение суток. Пьеса включает в себя 3 картины и множество явлений, диалоги перемежаются авторскими ремарками, стилистически близкими к речи персонажей и содержащими диалектизмы. В пьесе 13 действующих лиц: Фома Прокофьевич, отец; Матрёна Фелатовна, мать; их малые дети Евлашка, Офонька; невеста Офросинья; соседки Марья Ивановна, Ульяна, Одаря; гости из других деревень: Фёдор Павлович, сват, и его сын Михаил, другой сват Пестимей Лукоянович и сватья Олёна Трофимовна и их сын Тимофей. Картины 1 и 2, как бы пролог пьесы, — это оживлённое обсуждение большого события для окрестных деревень: сватовства. В третьей, самой

большой картине, в избе родителей невесты происходит важное семейное совещание относительно предстоящего события и затем приём гостей, приехавших с целью сватовства.

Основные темы пьесы «Сватовство», коррелирующие с темами Программы ЛАРНГ (Программа ЛАРНГ), лексика которых может быть использована для составления карт ЛАРНГ, таковы: «характеристика личности человека», «семья и семейные отношения», в том числе «лексика свадьбы», «трудовая деятельность», «крестьянское жилище», «еда», «транспорт», «животный мир», «природа» и др.

С центральной темой данного произведения напрямую связана лексика, относящаяся к свадебному обряду. Как и повсеместно на Руси, в Верхнем Поунжье свадьба была многофункциональным, протяжённым по времени и сложным действием, ответственным и важным событием не только для отдельной крестьянской семьи, но и для жителей достаточно обширного пространства близлежащих селений. Таковой она и предстаёт в жанрово разнообразных произведениях, заметках и устных высказываниях жителя деревни Шаблово Илешевской волости Кологривского уезда, ныне знаменитого художника и писателя Ефима Васильевича Честнякова, учителя, получившего художественное образование в академических учреждениях Петербурга и Казани. Можно сказать, что тема крестьянской свадьбы широко представлена в его творчестве: автор детально отразил весь свадебный обряд в своих художественных и мемуарных произведениях, ей он посвятил своё отдельное драматургическое произведение под условным названием «Сватовство» («Свадьба»), где описывает предварительный момент свадебного ритуала.

Сам Ефим Честняков досконально знал традиции, обычаи родных мест, не раз сам был участником свадебных событий. В воспоминаниях о детстве он рассказывает, как, будучи маленьким мальчиком, ездил с бабушкой на свадьбу к своей родственнице в соседнюю деревню Урма: — *На сварьбу... на сварьбу к тетушке Груне поехали с дедушкой Самойлом. И на столе пироги и кусочки и пиво в ковшах. Потчуют нас*

*и пошли в старую избу.. и там тоже народ.. и будто пряжся там пекут коло печки... Половищи широкие.. бревна толстые... А когда приехали от венца... мы с дедушкой (Самойлом) сидели за **первым столом**. И потом перешли к **свату**, куды выдали, и там **столовались**... [Сухарева 2011: 30].*

Его родственница Марья Дмитриевна Беляева, 1905 г.р., воспоминания которой о Е. В. Честнякове в 1996 г. записал А. В. Громов, рассказывает: «Где **свадьба**, он придёт. Уж он всю свадьбу покажут, сресуёт. И **сговорёнку**, как в **баньку** **ведут**. Раньше в баньку-то водили, **веники** ставили по дороге. Он, желанная, всю душу человека наперёд знай, прозорлиу быу. Молодым предсказываю их судьбу. Картину нарисует — **невеста-то** в шеуковике, **сваты** приехали. И Ефим скажут и.м.: «**Невеста-то** пригожавица-пригожавица, но хоть и хорош **жених**, несцяслива будёт». И сбывалось всё» (Ганцовская 2007: 113).

Жизненная достоверность лексики текстов Е. В. Честнякова, и, в частности, пьесы «Сватовство», подтверждается этнографическими материалами, собранными в 90-е годы XX в. в Кологривском районе Костромской области. Приведем воспоминания кологривских жителей о местных свадебных традициях.

«Вышла **замуж** я рано. Раньше брали замуж с большим **приданым**, а у меня его было мало, так меня так взяли. **Свататься** приходили к нам **сваты**. Раньше придут, сначала договорятся, а уж потом и за стол садятся. Договорятся, когда свадьбу делать... Перед свадьбой девки целую неделю ходили на «**сговоренку**», в баню **невесту** водили. Хоть реви, хоть нет, а охай, так было положено. Девки **воют**, приговаривают, а **невеста рывкает**. К **венцу** ездили на паре коней. Тарантас рядили. **Венчались** мы весной на Троицу, а **свадьба** была в Духов день. У меня на **свадьбе** было 40 человек, да всё старухи, да старики. Молодых раньше на **свадьбу** не звали. В кругах старухи ходили» (записано Соловьёвой Н. В. в д. Лисицино Кологривского р-на в 1994 г. у Павловой Анастасии Егоровны, 1903 г.р.).

«Сватать приходили меня, я была на беседке. Когда приходили раньше сватать, говорили: «Пришли мы не так, пришли по делам, да по делам по большим. У вас есть товар, у нас купец. Давайте поговорим об этом». Сначала сговаривались. Если сговаривались, садились за стол. Если нет, то расходились. Носили на свадьбу ёлочку, «дивью красу» (записано в 1994 г. в д. Суховерхово Соловьёвой Н. В. у Смирновой Варвары Ивановны, 1917 г.р.).

Эти тексты показывают устойчивость традиционной севернорусской диалектной лексики, связанной с крестьянской свадьбой, которая до недавнего времени была активна в употреблении.

Характерной особенностью текстов произведений Е. В. Честнякова является наличие большого количества вариантов, ведь при жизни писателя произведения, созданные в Шаблове, не печатались, и трудно определить их окончательный вариант. Это касается и пьесы «Сватовство» («Свадьба»), которая также имеет несколько вариантов, как и её название.

Приведём образцы свадебной лексики из этой пьесы, цитируемые по книге (Ганцовская 2007), с добавлением слов соответствующей тематики из других текстов писателя (цит по [Сухарева 2011]), снабдив их индексами, принятыми в Программе ЛАРНГ (в собрании Т. П. Сухаревой сохранена орфография и пунктуация автора). Ответ на вопрос Программы ЛАРНГ дан жирным шрифтом, пояснения в виде контекстов Е. В. Честнякова — курсивом.

Свадебная лексика

ЛСЛ 4 083. Девушка брачного возраста. **Девка, невеста.** Одаряя. *Хороших **девок** развезли по чужим деревням. А наши рохли везут охвостье какое-то* (Ганцовская 2007: 186). Одаряя. *Увезут эту **девку**: и собой дородна, и на работу* (Ганцовская 2007: 186). Ульяна. *Ну, и **девку**, Марья, тут неужели отдадут?* (Ганцовская 2007: 185). Одаряя. *Там не знаешь ни племени-роду, а хватают **девок** за рожу* (Ганцовская 2007: 186). Одаряя. *Лучше шла бы за нашего Оську, и под стать бы он этой **девке*** (Ганцовская 2007: 186).

Матрёна Фелатовна. *Я им и хвалила, рукодельна и хороша... и на всякую работу. Этакая **девка** — изо всего приходу* (Ганцовская 2007: 193). ***Девки** прядут, а они сядут на лучшее место и девок оттиснеют...* (Ганцовская 2007: 26). *Встарь и **девки**... катаются на санках да на рогозках — живмя живут на Хохолковой горе от утра и до вечера.* [Сухарева 2011: 20]. *И говорят старики: «Вы найдите нам женихов нашим дочкам — стали **невесты**, пора и **просватать**...»*[Сухарева 2011: 106].

ЛСЛ 4 088. Невеста. **Невеста.** Ульяна. *Ну, а дома ли **невеста**?* (Ганцовская 2007: 184). Ульяна. *Что, и этот дремлет тут? Ведь **невесту** увезут* (Ганцовская 2007: 185). Фома Прокофьевич. *Ежели **невеста** по мысли, нечего и толковать — эти нам подходящи* (Ганцовская 2007: 187). Матрёна Фелатовна. *Молода ещё **невеста**, матушка Ульяна Трофимовна* (Ганцовская 2007: 187). Марья Ивановна. *И **невесты** ведь, тётка Одарья, женихов дальних тоже не знают* (Ганцовская 2007: 186). Матрёна Фелатовна. *Какая ещё **невеста** Офросиньюшка? В большой беседке недавно стала сидеть* (Ганцовская 2007: 189). Фёдор Павлович. *Показалась ли **невеста**?* (Ганцовская 2007: 190). Пестимей Лукоянович. *И ежели жених и **невеста** согласны, друг дружке по мысли, то молиться богу и укладывать, когда **свадьбу** делать* (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. *Можно и свадьбу через три недилли. **Невесту** спросим, управятся ли с **дарами*** (Ганцовская 2007: 197). Фома Прокофьевич. *У **невесты** есть рукоделия, повязки* (Ганцовская 2007: 196). *Всякий знал и чин и место Где жених и где **невеста*** [Сухарева 2011: 40]. ***Сваребьяна** с женихом И **невеста** рядом с ним С нареченным со своим* [Сухарева 2011: 44].

ЛСЛ 4 093. Свататься. **Свататься, усвататься.** Марья Ивановна. *А мне что: и за Евлашку ступай, что не **сватается**?* (Ганцовская 2007: 186). Фёдор Павлович. *Да вот моему сыну показалась дочка ваша, приехали **свататься**. **Товар поглядим** и речи послушаем* (Ганцовская 2007: 189). Фома Прокофьевич. *А то вот приедут **свататься** — только*

торгуются как на базаре (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. *Да и как не сватъя, коли свататъя приехали* (Ганцовская 2007: 196). *И решили ехать свататъя одиннадцатъ женихов.. и еще были в деревне, но те не поехали на перебой — тогда буде разве.. когда из этих кто не усватается* [Сухарева 2011: 107]. *Еще брянные узоры я ткала* *Еще милого я свататъя ждала* [Сухарева 2011: 98]. Марья Ивановна. *Тут уж, виднее можно сказать, усватались* (Ганцовская 2007: 186). Фома Прокофьевич. *Пестимей зря говорить не будет. В этот понедельник подходил на базаре. Да и летом совсем уж усватались* (Ганцовская 2007: 187). Пестимей Лукоянович. *Слава богу, усватались!* (Ганцовская 2007: 197).

ЛСЛ 4 094. Просватать. **Просватать, усватать.** Одарья. *Ты тамошня, по праздникам ходишь. Вот и просватала Офросинью* (Ганцовская 2007: 186). Олёна Трофимовна. **Усватали,** *лишка и прохлаждатъя нечего* (Ганцовская 2007: 198). *Стали разговаривать, что просватали тетушку Федотью на Хапово за Митрия к Ивану Власовичу, ко Власенку.. и что в такой-то день сговоры* [Сухарева 2011: 27]. *И говорят старики: «Вы найдите нам женихов нашим дочкам — стали невесты, пора и просватать»* [Сухарева 2011: 106].

Л 4 095. Сватовство. **Сватовство, сватанье.** Олёна Трофимовна. *По старому знакомству и приехали к вам: породниться охота. Ежели окажете честь такую, примите наше сватовство* (Ганцовская 2007: 194). Матрёна Фелатовна. *А и вы, Олёна Трофимовна, спросите Тимофея. Ведь первое уж сватанье давненько было* (Ганцовская 2007: 196).

ЛСЛ 4 096. Сват. **Сват, сватушка (сватушко).** Марья Ивановна. *То Демьянович Панкрат, он ведь наш старинный сват* (Ганцовская 2007: 184). Пестимей Лукоянович. *О дарах али каком приданом лишка говорить нечево. А мы вас кое-чем подарим. Первое, свату, Фоме Прокофьевичу, ситцевую рубашу* (Ганцовская 2007: 196). Пестимей Лукоянович. *Топерича разговор о свадьбе. Хватит доброго, сватушка Фома, у вас*

и на свадьбу? (Ганцовская 2007: 197). Фома Прокофьевич. **Сват** Пестимей, садись за стол (Ганцовская 2007: 197). Фома Прокофьевич. Не торопитесь, **сватушко** Пестимей, еще успеете уехать (Ганцовская 2007: 198). Пестимей Лукоянович. **Сватушки**, домой пора (Ганцовская 2007: 198). Пестимей Лукоянович. **Пора-пора, сват** Фома, благодарим. Много довольны, пора и честь знать (Ганцовская 2007: 198). Фома Прокофьевич. И я так же, **сват** Пестимей. Нет старинного обхожденья (Ганцовская 2007: 195). Матрёна Фелатовна. Да не **сват** ещё, погоди (Ганцовская 2007: 195). И потом перешли к **свату**, куды выдали и там столовались... А когда сидели на другой день за столом [Сухарева 2011: 30]. — У Прокунина Панкратья Говорят приедут **сватья** К Офросинье Фомине Секлетия бает мне [Сухарева 2011: 37].

ЛСЛ 4 097. Помолвка, сговор. **Сговор, сговоры.** Пестимей Лукоянович. Через недильку в воскресенье дом смотреть, через две **сговор**, в третье воскресенье и свадьба (Ганцовская 2007: 197). Пестимей Лукоянович. Вот дом смотреть приедете, потолкуем и на **сговорах** (Ганцовская 2007: 197). Стали разговаривать, что просватали тетушку Федотью на Хапово за Митрия к Ивану Власовичу, ко Власенку.. и что в такой-то день **сговоры**.. Мы поедем на **сговоры** [Сухарева 2011: 27]. Жил в Денюгине некоторое время (от **сговора** кажется до Федосьиной свадьбы) [Сухарева 2011: 28].

ЛСЛ 4 101. Приданое. **Приданое, дары.** Пестимей Лукоянович. О **дарах** али каком **приданом** лишка говорить нечево (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. Вы бы стали просить **приданого**, мы выводу. Пожалуй, друг дружке и не по мысли стали (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. Можно и свадьбу через три недели. Невесту спросим, управятся ли с **дарами** (Ганцовская 2007: 197). Бабы кучкою стоят На пирующих глядят И про **дары** говорят Как-то чем-то подарят Что-де **дары** не плохи А девоньки... «Хи-хи-хи... Хи-хи-хи», — из-за руки [Сухарева 2011: 44].

ЛСЛ 4 131. Купля-продажа невесты. **Вывод.** Фома Прокофьевич. Ты с меня корову, а я с тебя **выводу**, две,

да и работать у нас некому, и невесте нашей рано выходить замуж (Ганцовская 2007: 190). Пестимей Лукоянович. И ежели согласны, родители и **выводу** не требуют, то ровно бы и толковать мало осталось (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. Вы бы стали просить приданого, мы **выводу**. Пожалуй, друг дружке и не по мысли стали (Ганцовская 2007: 196). Фома Прокофьевич. Пестимей, говорю, и мы **выводу** не выбиваем, а от себя вас и кого, скажем, от родни чем-нибудь подарим (Ганцовская 2007: 196).

Как видим, свадебный обряд в кологривской деревне описан Е. В. Честняковым и его земляками в основном по сценарию, характерному для севернорусской свадьбы (см., например, для сравнения описание свадьбы в Костромском уезде Н. Н. Виноградова [Виноградов 1917]). Центральное ядро лексики этой тематической группы терминологично и носит в основном общерусский характер: **сват, сватовство, сговор, невеста, приданое**. Однако эти слова зачастую имеют стилистически равноправные местные словообразовательные и грамматические варианты: **сватовство — сватанье, свататься — усвататься, сговор — сговоры**, но могут в вариантах употребляться и в нестандартных ситуациях, например, в аппелятивной форме при интимно-фамильярном общении: **сват — сватушка (сватушко)**, могут они также иметь и диалектные синонимы (**невеста — девка, приданое — дары**). Слово **девка** исключительно семантически насыщено и многофункционально в русском языке. По нашему мнению, которое складывается из наблюдений над употреблением этого слова в живых кологривских говорах и в текстах Е. В. Честнякова, здесь оно обозначает девушку, созревшую для половой жизни, вышедшую из подросткового возраста и готовую к замужеству. Деревенский менталитет предполагал как обязательный итог жизни каждой **девоньки — девушки — девки** (последнее слово — обычное в деревне и наиболее употребительное обозначение девушки брачного возраста) выход замуж, **девка** — это потенциальная невеста. В этом смысле

слово *девка* может конкурировать со словом *невеста*, стилистически приподнятым, высоким по сравнению со словом *девка*, но употреблявшимся в исключительных случаях; в слове *девка* его значение существует как подспудная сема. В словарях подобное значение ('брачный возраст, возраст невесты') у слова *девка* обычно не отмечают, но в однокоренных словах в СРНГ *девьё*, *дево́тчина*, в сочетаниях *лесная девка*, *девьа красота*, *девьи дети*, *девка столует (девкой столуют)* можно обнаружить сему, обозначающую ту пору девического состояния, когда *девка*, *дева*, *девушка* готова к выходу замуж или уже побывала в браке, но не просватана официально (СРНГ 7: 315–322).

Литература

Виноградов Николай. Народная свадьба в Костромском уезде. Отдельный оттиск из VIII вып. Трудов Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома: Электро-печатня М. Ф. Ритгер, 1917. 82 с.

Ганцовская Н. С., Веселова Е. Г., Сухарева Т. П. Особенности языка прижизненных произведений Е. В. Честнякова в Санкт-Петербурге // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015: сб. науч. тр. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т промышл. технологий и дизайна, 2016. С. 317–321.

Ганцовская Н. С., Веселова Е. Г. Е. В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. / отв. ред. и сост. Н. С. Ганцовская. Кострома: КГУ, 2016. С. 465–477.

Сухарева 2011 — Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг Е. В. Честнякова / сост. Т. П. Сухарева; отв. ред. Н. А. Дружнева. Кострома: Костромаиздат, 2011. 168 с.

Kologriv wedding vocabulary in E. V. Chestnyakov's texts as a source for the Lexical atlas of Russian folk dialects

Nina S. Gancovskaya

Elena G. Veselova

Kostroma State University

The article deals with the vocabulary of the Russian folk wedding tradition in the dialects of the Kologriv district of the Kostroma province and assigns corresponding index numbers to the relevant lexical items according to the Information collection programme for the Lexical atlas of Russian folk dialects (LARFD). The research is based on the texts by Jefim Čestnjakov (a writer from Kostroma, whose works abound in dialecticisms) and on the spoken dialects. The conclusion is drawn that the words of all-Russian distribution, sometimes presented in variants, predominate in this thematic group and their dialect synonyms characterizing the features of the contents and semantic structure of the Northern Russian vocabulary of the Upper Unzha Region are singled out. The author of the article assumes that the vocabulary and the comments on it may prove useful for the LARFD mapping work.

Key words: Upper Unzha Region, Kologriv dialects, wedding vocabulary, Jefim Čestnjakov, LARFD Programme.

References

Vinogradov Nikolaj. Narodnaya svad'ba v Kostromskom uezde. Otdel'nyj ottisk iz VIII vyp. Trudov Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja [Folk wedding in the Kostroma district. A print extracted from the 8th issue of the Proceedings of the Kostroma scholarly society for local studies]. Kostroma: Elektro-pechatnaya M. F. Ritter, 1917. 82 p.

Gancovskaya N. S., Veselova E. G., Suhareva T. P. Osobennosti yazyka prizhiznennyh proizvedenij E. V. Čestnyakova v Sankt-Peterburge [Peculiar features of E. V. Chestnyakov's idiolect as represented in his books printed in St. Petersburg during his lifetime] // Pechat' i slovo

Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya — 2015: sb. nauch. tr. [Typography and word in St. Petersburg. St. Petersburg readings — 2015. A collection of scholarly works]. SPb.: S.-Peterburgskij gos. un-t promyshl. tekhnologij i dizajna, 2016. Pp. 317–321.

Gancovskaya N. S., Veselova E. G. E. V. Chestnyakov kak lingvist: rol' dialektov v sud'bah russkogo yazyka [E. V. Chestnyakov as a linguist: the role of the dialects in the fate of the Russian language] // Gromovskie chteniya. Vyp. 3. ZHivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. [Gromov readings. Issue 3. Living folk speech and Kostroma lands: a collection of materials and investigations presented during the international scientific conference] / otv. red. i sost. N. S. Gancovskaya. Kostroma: KGU, 2016. Pp. 465–477.

Suhareva 2011 — *Rus', uhodyashchaya v nebo...*: Materialy iz rukopisnyh knig E.V. Chestnyakova [Russia halfway to the sky...: Materials from E. V. Chestnyakov's manuscripts] / sost. T. P. Suhareva; otv. red. N. A. Druzhneva. Kostroma: Kostromaizdat, 2011. 168 p.

Лексика с префиксоидом *полу-* (на материале ярославских говоров)

Жанна Константиновна Гапонова

Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Статья базируется на том положении, что диалектная лексика является средством постижения и понимания культуры русского народа. Префиксоид *полу-* обладал достаточно большим деривационным и семантическим потенциалом в древнерусском языке, поэтому вопросы сохранности семантики элемента *полу-* в русских (ярославских) говорах являются для исследователя актуальными и значимыми. Анализ диалектных слов, предпринятый в данной статье, показал достаточно высокую степень активности элемента *полу-* в ярославских говорах. Количественно в Ярославской области преобладают существительные с префиксоидом *полу-*, единичны прилагательные и глаголы. В лексике ярославских говоров наблюдается большая детализация и конкретизация значений префиксоида *полу-* по сравнению с современным литературным языком.

Ключевые слова: префиксоид *полу-*, семантика, диалектное слово, ярославские говоры.

В русских говорах, как и в литературном языке, встречается довольно много сложных слов с префиксоидом *полу-*. В Ярославской области зафиксировано более 80 лексем, в морфемной структуре которых присутствует указанный компонент. Именно его семантика и станет предметом нашего внимания в данной статье. Несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных рассмотрению начального компонента *полу-* в сложных словах как литературного языка, так и говоров [Зенкин 1995: 47; Неганова 2015: 106], некоторые аспекты требуют пристального внимания, например, анализ значений префиксоида *полу-* в русском языке и говорах (в том

числе в синхронно-диахроническом аспекте), поскольку большое количество единиц с указанным компонентом уже было известно на ранних стадиях развития языка и они продолжают появляться в языке до сих пор.

Современными словарями русского языка фиксируется более 200 лексических единиц с начальным элементом *полу-*, при этом, как правило, во всех изданиях выделяются прежде всего три значения, которые вносит в сложные слова первая часть *полу-*: 1) 'половина того, что обозначено второй частью, в половинном размере'; 2) 'наполовину, пополам с чем-либо другим'; 3) 'не совсем, не до конца, почти' (БАС-3 18: 531–573; МАС). Анализ диалектной лексики показывает явный перевес в количестве значений у префиксоида *полу-* в говорах по сравнению с русским литературным языком.

Лексемы, представленные в ярославских говорах, можно разделить на девять подгрупп в зависимости от семантики компонента *полу-*. Безусловно, отнесение некоторых лексем к той или иной группе достаточно условно, поскольку не всегда представляется возможным точно определить значение анализируемого префиксоида:

1) 'точная или приблизительная половина чего-либо, преимущественно единиц измерения': *полукирбь* 'мера льноволокна, равная 60 повесмам' (Рыб.); *полувыть* 'земельный участок, представляющий собой половину выти' (*Выти делили на полувыти*. Рост.); *полудёнок* 'бочка ёмкостью от 6 до 20 вёдер' (*Я нонче насолил огурцов полудёнок*. Рост.); *полумерок* 'половина меры' (Пош.); *полушестерик* 'старинная мера веса, равная трём фунтам' (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

2) 'середина чего-либо, имеющая определенную временную или пространственную протяженность': *полугодина* 'полгода, полугодие' (*С тех пор прошла полугодина*. Рост., Некр., Рыб., Пош., Дан. и др.); *полугодок* 'полгода, полугодие' (Пересл., Дан.); *полуденник* 'половина рабочего дня' (*Я работаю только полуденник*. Люб.); *полуденье* 'отдых и приём пищи в полдень' (Г.-Ям.); *полудешный* 'полуденный' (*Времё-то уж полудешное, а у нас еще и деланного не видно*. Дан.);

полузёмный ‘находящийся наполовину в земле’ (*Бывает омшаник подземный, полузёмный, надземный.* Брейт.); **полунос** ‘наполовину изношенная одежда’ (*Полунос еще крепкая, но уже поношенная одежда.* Некр.); **полуночник** ‘ночная птица, козодой’ (Рыб.); **полусорочкины** ‘двадцать дней со дня смерти кого-л.’ (*Полусорочкины уже прошли.* Брейт., Рыб., Рост., Пош. и др.) или ‘заупокойная обедня через двадцать дней после смерти кого-л.’ (*Пойду в церковь, закажу попу полусорочкины.* Рост., Брейт., Рыб.); **полустекольчатые двери** ‘двери, у которых верхняя половина застеклена’ (Рост.).

В эту же подгруппу мы отнесли глаголы, в значении которых актуализируется сема ‘полдень’: **полудневать** ‘обедать’ (*Полудневать приходил и опять ушёл в поле.* Яр., Пош.); **полудновать** ‘принимать пищу между обедом и ужином; полдничать’ (Некр.) и др.

3) ‘незначительность размеров чего-либо’: **полублюдо**, **полублюдок** ‘глубокая тарелка’ (*Принеси два полублюда.* Углич., Некр., Рост.; *Купила два полублюдка.* Рост.); **полулодка** ‘хлебная баржа малого размера’ (Молог.); **полубок** — ‘фронтон с лицевой стороны дома при трёхскатной крыше’ (Пош., Рыб.); **полувозок** ‘небольшой воз сена, дров и т.п.’ (Бор., Брейт., Г.-Ям., Некр., Рост., Тут.); **полустенок** ‘стена, не доходящая до потолка’ (*Полустенок одними обоями оклеим.* Пересл., Брейт., Некр. и др.) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

В этой же подгруппе оказываются слова, зафиксированные в Ярославской области, но без точного указания значения, например: **полуамбарье** ‘хозяйственная постройка [какая?]’; **полуполок** ‘телега [какая?]’ (Углич.). В этих словах, на наш взгляд, как раз и проявляется семантика префиксоида *полу-*, указывающая на незначительный размер чего-либо, позволяющая правильно понимать значение всего наименования.

4) ‘подобие при более низком качестве, меньших размерах, сниженной интенсивности проявления каких-либо свойств, качеств, более простом устройстве чего-либо’: **полубарки** ‘родственники помещика, барина’ (Люб.); **полубарье**

‘незаконнорожденный ребёнок помещика или помещицы’ (Пош.); *полугруздь* ‘гриб [какой?]’ (Перв., Пош.); *полукомодник* ‘шкаф для белья’ (*Полукомодник простого дерева*. Пересл.; *Полукомодник с выдвигаемыми ящиками*. Яр.); *полупальтинка* ‘короткое пальто, полупальто’ (*Дочке справили полупальтинку*. Пош.); *полуплаток* ‘треугольный головной платок, косынка’ (Брейт., Пош.) или ‘небольшая шаль, полушалок’ (Рыб.); *полукрупка* ‘махорка, приготовленная из стеблей и листовых жилок простого табака’ (*Слабая ноне пошла полукрупка, как трава*. Яр.); *полусак* ‘короткое полупальто прямого покроя’ (Пош., Рост.); *получулки* ‘короткие чулки’ (*Чтоб не нахлопать сапогами ноги, носили получулки*. Пош.); *полушалъка* ‘теплый платок, навязываемый вокруг шеи под шубу’ (Пош.); *полушубник* ‘полушубок’ (Рост.); *полушугай* ‘женская верхняя одежда вроде кофты с борами’ (*Как же, раньше были и шугаи, а то полушугаи*. Яр., Рост.) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

К проанализированным наименованиям примыкает название *полукоровка* в значении ‘гриб [какой?]’ (*Полукоровка — гриб, похожий на коровку, но не свежую, а старую; шляпка полукоровки очень твёрдая, плохо ломается*. Тут.). Существительное мотивировано диалектизмом, известным практически повсеместно в Ярославской области, *коровка* ‘белый гриб’ (метафорический перенос возникает на основе восприятия белых грибов как грибов, подобных по вкусу мясу). Значение лексемы представлено в словаре неточно, однако семантика префиксоида *полу-* позволяет прояснить значение — ‘гриб, подобный белому, но более низкого качества’.

Следует отметить, что некоторые из представленных лексем употребляются явно с отрицательной коннотацией, обусловленной семантикой префиксоида *полу-* (ср. *полубарье, полубарки, полупальтинка, полукрупка*). А в лексеме *полудурье* ‘широкая и длинная женская шуба с мелкими складками и рукавами, отороченными мехом’ негативный компонент в значении усиливается мотивирующим словом —

дура (возникает устойчивая ассоциация: женщина, надевшая такую шубу, выглядит глупо).

5) 'наполовину, пополам с чем-либо другим': *полупресники* 'ржаные хлебцы, которые с вечера месят на картошке, а утром замешивают на муке'; *полупресье* 'пирог, тесто для которого замешивают на картофеле' (Некр.); *полушёрсток* 'платье из полушерстяной и полухлопчатобумажной ткани' (*В этом году полушёрстки не в моде.* Рост.); *полушерстянка* 'полушерстяная ткань' (Некр.) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

6) 'вид укладки чего-либо, чаще снопов, дров': *полубабка* 'укладка из восьми снопов в поле' (*Лён ещё в полубабки ставили.* Некр., Некоуз.); *полугрудок* 'укладка снопов в поле' (*Полугрудок состоит из 10 снопов.* Некр., Некоуз., Тут.); *полусаженок* 'укладка дров длиной в полсажени' (*Так и стоят в лесу в полусажёнках дрова.* Дан.); *полусуслон* 'укладка зерновых из десяти снопов' (Некоуз.) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

7) 'указание на возраст домашних животных': *полудельница*, *полуденница*, *полуденка*, *полуденка-соломенница*, *полуденник*, *полудённый* 'корова в возрасте от года до трех лет' (*Полуденку-то продали.* Рост. и многие др. районы); *полукоровка* 'тёлка, отелившаяся первым телёнком, до двух лет от рождения' (*Наша полукоровка отелилась в январе.* Рыб.); *полусвинок* 'поросёнок в возрасте до шести месяцев' (*Я вырастила полусвинка да продала.* Углич.); *полускотина*, *полускотинка* 'телёнок, тёлка в возрасте от года до двух лет' (*У нас есть корова и полускотинка.* Некр.; *Продаётся полускотинка.* Рыб., Дан.); *полускотинник* 'телёнок, тёлка в возрасте от года до двух лет' (Дан., Пересл. и др.) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184). В этой подгруппе многочисленны синонимы или словообразовательные варианты лексем, что указывает на значимость данных наименований для языковой картины мира диалектоносителей. Интересен образ, который актуализируется в сознании человека: восприятие животного как

«полуживотного», если оно не достигло определенного возраста или не использовалось в домашнем хозяйстве в полной мере.

К этой подгруппе считаем целесообразным отнести наименование *полужожа* ‘шкура подтёлка или бычка в возрасте от полугода до полутора лет’ (Яр.), образованное по той же продуктивной семантико-словообразовательной модели, что и существительные, представленные выше.

8) переносное значение ‘характеристика человека, чаще по умственной деятельности’: *полубелый* (в значении существительного) ‘глупый, ненормальный, придурковатый’ (*С этим полубелым и говорить-то не о чём.* Некр., Брейт., Рыб.; *Как с ним жить: ведь он полубелый.* Пош.). Полагаем, что слово *полуворок* ‘о детях’ (Тут.) содержит оценочный компонент в значении, который позволяет отнести слово к лексике, характеризующей человека (ребенка) с отрицательной стороны, о чем свидетельствует производящая основа — *вор* (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

9) ‘обрядовый компонент в значении’: *полудружка(и), полудружье* ‘один из главных участников и распорядителей на свадьбе со стороны жениха, помощник дружки’ (*На первой лошаде едет дружка и полудружье.* Тут. *Против стола садится дружка с полудружьем и прочие поезжане.* Практически повсеместно на территории Ярославской области) (ЯОС 8: 54–57; ЯОСД 2: 182–184).

Как видим, модель образования слов с помощью префиксоида *полу-* была и остается довольно продуктивной в русском языке и в говорах.

Некоторые из слов с префиксоидом *полу-* стали в ярославских говорах производящими, например: *полублюдо* → *полублюдок*, *полувозок* → *полувозеночек*, *полусито* → *полуситок*, *полушёрстный* → *полушерстянка* и т.п. Деривация отмечается среди именных частей речи. При этом наблюдается преобладание суффиксальной аффиксации, довольно традиционной для русских говоров. Кроме того, в ярославских говорах весьма распространены словообразовательные варианты, указывающие на родовую принадлежность

чего- или кого-либо, например: *полуденник* — *полуденница*; *полускотинка* — *полускотинок*; семантические диалектизмы *полуночник* — *полуночница* и др.

Среди более 80 лексем с префиксоидом *полу-* отмечаются прежде всего существительные (около 89%), единичны прилагательные (около 6%), глаголы (5%). Самые распространенные значения префиксоида *полу-* в ярославских говорах — ‘незначительность размеров’, ‘подобие при более низком качестве’, ‘указание на возраст животного’. Выявленные семантические компоненты свидетельствуют о важности для человека признаков характеристик в отражении явлений действительности. При этом большинство представленных в статье слов имеют прозрачную внутреннюю форму, поскольку мотивированы литературными лексемами, ср.: *полужожа* ← *кожа*; *полуплатье* ← *платье*; *полусито* ← *сито*; *полускотина* ← *скотина*; *полулодка* ← *лодка* и т.п.

Среди диалектизмов с префиксоидом *полу-* преобладают в ярославских говорах названия единиц меры (*полукирбь*, *полувить*, *полумерок* и др.), одежды (*полуплатье*, *полушалька*, *полушубник*, *получулки* и др.), повседневных бытовых предметов (*полуситок*, *полублюдо* и др.), что соотносится с данными словарей древнерусского языка (СлРЯ XI–XVII 16: 259–279). Кроме того, слова с префиксоидом *полу-* в ярославских говорах обозначают домашних животных, без которых была немислима жизнь в деревне (*полусвинок*, *полукоровка*, *полускотинка* и др.).

Таким образом, даже беглое рассмотрение лексики ярославских говоров указывает на жизнеспособность префиксоида *полу-*: этот элемент можно охарактеризовать как регулярный и продуктивный не только в русском литературном языке, но и в говорах.

Русские говоры сохраняют многие значения префиксоида *полу-*, которые были известны в древнерусском языке. Согласно проведенному анализу наблюдается большая детализация и конкретизация значений префиксоида *полу-* в лексике ярославских говоров по сравнению с литературным языком.

Литература

Зенкин С. Культурология префиксов // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 47–53.

Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом *пол-/полу-* // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 104–106.

Сокращенные названия районов Ярославской области

Брейт. — Брейтовский	Пересл. — Переславский
Г.-Ям. — Гаврилов-Ямский	Пош. — Пошехонский
Дан. — Даниловский	Рост. — Ростовский
Люб. — Любимский	Рыб. — Рыбинский
Молог. — Мологский (уезд)	Тут. — Тутаевский
Некоуз. — Некоузский	Углич. — Угличский
Некр. — Некрасовский	Яр. — Ярославский
Перв. — Первомайский	

Lexemes containing the prefix-like element *polu-*
(as represented in the Yaroslavl dialects)

ZHanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

The article is based on the idea that dialect vocabulary is a means of comprehension and understanding of the culture of the Russian people. The prefix-like element *polu-* had a considerable derivational and semantic potential in the Old Russian language, so the issues of preservation of semantics of the element *polu-* in Russian (Yaroslavl) dialects are relevant and significant for the researcher. The analysis of dialect words undertaken in this article showed a sufficiently high degree of activity of the element *polu-* in the Yaroslavl dialects. From

the quantitative perspective, in the Yaroslavl region the nouns containing the prefix-like *polu-* heavily outnumber adjectives and verbs featuring the discussed element. According to the analysis, there is a great detail and concretization of the semantic values of the prefix-like element *polu-* in the vocabulary of Yaroslavl dialects in comparison with modern Standard Russian.

Key words: prefix-like element *polu-*, semantics, dialectal word, Yaroslavl dialects.

References

Zenkin S. Kul'turologiya prefiksov [The cultural study of prefixes] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 1995. № 16. Pp. 47–53.

Neganova G. D. Landshaftnaya leksika v prostranstve kul'turnogo landshafta: slozhnye slova s nachal'nym komponentom pol-/polu- [Landscape vocabulary in the space of its cultural landscape: compound words with initial component pol-/polu-] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [The bulletin of Kostroma state university named after N. A. Nekrasov]. 2015. T. 21. № 6. Pp. 104–106.

Принципы отбора мифологических текстов — источников единиц для электронного «Словаря русской мифологической лексики Пермского края»*

Мария Андреевна Гранова

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В статье обосновывается актуальность создания электронного «Словаря русской мифологической лексики Пермского края» и рассматривается первый этап работы над ним — отбор мифологических текстов как источника мифологической лексики для словаря. Предложен алгоритм анализа различных типов таких текстов для их идентификации как текстов об определенном мифологическом персонаже (баннике, домовом, лешем, русалке) и включения в один из четырех электронных текстовых корпусов (по этим четырем персонажам), которые послужат основой для данного электронного словаря.

Ключевые слова: электронный словарь; мифологический текст; банник; домовый; леший; русалка; русские говоры Пермского края.

Сегодня перед фольклористами и этнолингвистами, исследующими отраженные в языке мифологические представления русских жителей Пермского края, стоит ряд важных задач:

1. Систематизация, введение в научный оборот и глубокое исследование полевых материалов, отражающих пермскую мифологическую традицию, поскольку лишь очень малая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-312-00140 «Разработка принципов представления мифологической лексики в электронном словаре (на материале мифологических текстов Пермского края)»

часть этих записей, собранных за полвека полевой работы, опубликована в фольклорно-этнографических сборниках Пермского края (см. литературу к настоящей статье); большое количество текстов о демонологии по-прежнему остается недоступным широкому кругу исследователей.

2. Систематизация в современной форме и исследование русской мифологической лексики региона. Эту задачу пытаются решить сотрудники Пермского государственного национального исследовательского университета И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, которые работают над этнодиалектным «Словарем мифологических рассказов Пермского края». Однако традиционный печатный словарь как форма систематизации лексикографических данных по ряду параметров оказывается неудобным для читателя XXI в., живущего в эпоху развития информационных компьютерных технологий.

Представляется, что указанные задачи возможно решить путем разработки электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края», который:

1) будет иметь ряд преимуществ по сравнению с бумажным словарем:

а) открытую структуру, которая позволит постоянно обновлять и пополнять словарь неограниченным количеством данных, что, во-первых, обеспечит его соответствие текущей языковой ситуации, а во-вторых, даст возможность показать мельчайшие оттенки значений толкуемых лексем за счет включения в словарь большого количества иллюстративных контекстов, представляющих собой целые тексты;

б) гипертекстовый характер, который позволит быстро (за доли секунд) извлекать из словаря именно те сведения, которые необходимы для выполнения конкретной задачи;

в) систему поиска информации по различным параметрам (как текстовым, так и экстралингвистическим);

г) открытый доступ к словарным данным для пользователей из любой точки мира, поскольку словарь будет размещен в сети Интернет;

2) будет включать полевые данные, собранные в Пермском крае, которые до этого не были введены в научный оборот;

3) за счет гипертекстовой организации позволит располагать материал в зависимости от различных параметров (не только по вокабулам), что поможет представить мифологическую лексику региона как систему, увидеть новые структурные связи, существующие в этой системе, и изучать отдельные ее элементы в их системных отношениях.

В электронный словарь планируется включить лексику русских говоров Пермского края, связанную с духами различных локусов. Предполагается описание двух групп мифологических персонажей: во-первых, это духи, населяющие освоенное человеком пространство (дом, хозяйственные постройки), — домовый, дворовой, банник, овинник; во-вторых, духи природного пространства — водяной, русалка, болотный, леший, полудница. Отметим, что в рамках нашей кандидатской диссертации мы сосредоточимся на создании словаря для четырех персонажей — домового, банника, лешего и русалки.

При описании персонажей в словаре мы будем ориентироваться на схему, предложенную Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой [Виноградова, Толстая 1994: 40–44], в соответствии с которой будем включать в словарь следующие тематические группы лексики:

1. Номинации персонажей, в том числе используемые при обращении к духам (наименования домового: *дедушка-домовой, домовый, соседушка, соседушка-братанушка, соседушко-батюшко, соседушко-атаманушко, суседиха, суседка, суседко*; названия лешего: *лесной, лесной дедушка, лесной дьявол, лешак, лешачиха, чёрт*).

2. Единицы, описывающие образы материализации духов (так, леший оборачивается *вихрем, большущим мужиком, здоровенным мужиком, мужиком в красных сапогах, стариком, чёрным дядькой, филином*; домовый принимает облик *дедушки, котёнка, старушоночки*).

3. Слова, обозначающие характеристики духа (так, домового часто описывают как *бородатого, здорового* (о размере), *шерстистого*).

4. Единицы, называющие атрибуты духов (например, атрибутом лешего является *кузов* (плетеная емкость для сбора грибов и ягод)).

5. Лексика, обозначающая релевантные действия духа, т.е. «маркированные и устойчиво сохраняющиеся в традиции действия персонажа, наделенные определенным иллокутивным значением, вместе с закрепленной за этими действиями совокупностью признаков (локативных и темпоральных), характеризующих обстоятельства, при которых они реализуются» [Левкиевская 2007: 7], т.е. такие действия персонажа, которые имеют символическое значение в народной культуре (например, домовая *выгоняет* (из дома), *давит, душит, заплетает косы, топчет, пужает, плетёт пряжу*).

6. Названия локусов — мест обитания духов (*голбец, гумно, угол дома, хлев, чулан* (домовой), *лес* (леший), *яма* (русалка)) или мест возможного контакта человека с этим духом (*избушка в три угла, покос* (леший)).

7. Единицы, обозначающие время контакта человека с духом (*вечер, двенадцать часов ночи, лето, ночь*).

8. Лексика, называющая действия человека при контакте с духом (*изругать, молчать* (в лесу), *разговаривать* (в лесу), *перекрестить, выворачивать* (одежду), *гаркать в трубу*).

9. Названия оберегов (*каравай, молитва, нож, соль, табак, хлеб*).

Источниками материала для нашего словаря станут:

1) записи диалектной речи, собранные учеными и студентами ПГНИУ в 1980–2010-х гг. в ходе диалектологических и фольклорных экспедиций в различные районы Пермского края и находящиеся в фольклорном архиве при кафедре русской литературы и в архиве лаборатории региональной

лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания [Материалы];

2) тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках Пермского края ([ББ], [Русские], [ВС], [КС], [УД], [ЗС], [В каждой...], [КБ], [ЮК]).

Отметим, что в этих источниках нас будут интересовать лишь мифологические тексты, под которыми, вслед за Е. Е. Левкиевской, будем понимать «тексты традиционной культуры, которые, во-первых, содержат сведения о демонологических явлениях (в самых разных формах их проявления), во-вторых, содержат установку на достоверность этой информации...; в-третьих, реализуют эту мифологическую информацию в виде одной из семантических моделей, закрепленных в общественной памяти, и, в четвертых, рассматриваются как тексты..., реализующиеся в совокупности ... жанровых вариантов (быличка, поверье, дидактическое высказывание, обращение к мифологическому персонажу), функционирующие в разных формах бытовой, полубрядовой и обрядовой речи и воспроизводящиеся в ней в определенных тематических, языковых и ситуативных формах» [Левкиевская 2007: 4–5].

Первый этап работы над электронным «Словарем мифологической лексики Пермского края» — это отбор таких текстов, повествующих о домовом, баннике, лешем и русалке, из названных выше источников. И это представляет определенную трудность, поскольку: 1) один и тот же персонаж в рамках региональной традиции может иметь различные названия, 2) одним и тем же названием в рамках одной традиции могут обозначаться различные персонажи, 3) название персонажа может вообще отсутствовать в тексте.

В настоящей статье мы рассмотрим типы мифологических текстов, встречающиеся на территории Пермского края, и попытаемся в каждом случае обозначить основания для идентификации персонажей и, как следствие, для включения/невключения текстов в число источников лексики для словаря.

1. Текст, в котором указано основное имя персонажа, его характерные признаки и действия, а также его локус. Это наиболее легкий случай с точки зрения «опознания» в тексте мифологического персонажа, поскольку известно имя духа, употребляемое и в диалектах, и в литературном языке (т.е. *домовой, банник, леший, русалка*), и весь комплекс характеристик персонажа. Примеры таких текстов (здесь и далее жирным выделены названия персонажа, его признаки и действия, а также локусы): *Сплю я как-то и сон вижу, что меня **мужчина** имаёт и **душит**. Крикнуть не могу. Потом крикнула: «Помогите!» Племянник услышал, вскочил. Это меня **домовой давил** (Зинки Ильин.) [Материалы]; *Я знаю про **банников**. В черной **бане** нельзя петь, торопиться. Во внеурочное время нельзя в **баню** ходить. Говорят, что после 12 часто слышно, как вода плещется в **бане**, это **банник детей моет**. Еще в бане гадать нельзя. [А какой он, банник?] Он может показаться в виде **парня** или **старичка** (Чермоз Ильин.) [там же]; *Ульяна как-то вечером на могильник пошла. **Стариком** ей **леший** привиделся. Из лесу вышел, незнакомый, не **шибко маленький**; еще идёт и что-то наговаривает. До деревни дошёл — и не стало. Давно это было (Крюково Ел.) [там же]; *Слытала, папа мой рассказывал. Папа видел **девку с длинными волосами на мостках**. **Сидит и чешет волосы**, говорил, **русалка**. Раньше их много было. Здесь **мельница** недалеко от дома Марии Фёдоровны Токаревой была. Около **речки** была плотина, вот там они и водились. Старики приходили, рассказывали (Лужково Очёр.) [там же]. По нашему мнению, с таких текстов следует начинать формирование корпуса текстов-источников для словаря, т.к. именно по текстам этого типа можно установить характерный облик духов, их релевантные действия и места появления. Однако сделать это возможно только при знакомстве с некоторой совокупностью текстов, представляющих данную традицию.****

2. Текст, в котором указано диалектное имя персонажа, его характерные признаки и действия,

а также локус. Этот случай также относительно прост для идентификации персонажа, поскольку диалектные имена часто употребляются в одном тексте с основным, например: *Домовой у каждого дома живёт, только показывается не всяким — лишь тем, кто добрый и кто его не боится. Я со своим домовым в ладах живу. Всегда, когда я в дом захожу, к соседушке обращаюсь: «Дедушко-соседушко, вот тебе соль да хлебушко, сам ешь да мою семью корми»* (Гайн.) [Русские: 234]. Это текст о домовом, поскольку есть номинация *домовой*, указан локус (*дома живёт*) и описана характерная модель взаимодействия с духом — обращение к нему перед тем, как войти в дом. Анализируя далее текст, можем видеть, что *домовой* в русских говорах Пермского края может обозначаться как *соседушка*, а при обращении — как *дедушко-соседушко*. Теперь, если нам встретятся другие тексты с этими единицами, мы также будем относить их к рассказам о домовом.

Стоит отметить, что встречаются такие тексты, в которых присутствует типичное имя одного персонажа и типичные признаки другого, например: *Однажды мы жали, когда отработались, пошла я на реку умываться по сходням, пенкам. Смотрю: лешачиха сидит, волосы чёрные, длинные; вдруг она падёт в пруд, только волны раздалась* (Талачик Кунг.) [Материалы]. Персонаж здесь назван *лешачихой*, но имеет признаки русалки: сидит у воды и расчесывает длинные черные волосы. В этом случае мы будем руководствоваться описанием характерных черт персонажа, а не его именем, поскольку мы разделяем точку зрения Е. Е. Левкиевской, Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой о том, что устойчивым на уровне культуры является именно персонаж как «пучок релевантных признаков и функций, скрепленных именем» (цит. по [Левкиевская 2007: 86]), при этом «само название демона является признаком существенным, но не определяющим» [Виноградова, Толстая 1989: 78].

3. Текст, в котором описан облик персонажа, а также его признаки и релевантные действия и указан

локус. Это тексты, в которых вообще отсутствует название персонажа, но обозначен его облик (в первом тексте — *филин* и *здоровый дядька*, во втором примере — *старая-престарая седая старуха со свечкой* и *старуха*): *Дедушка рассказывал. Мужчина лыко рубил. Видит: **филин** по лесине ходит. Ножом свистнул в **филина**. Потерялся и **филин**, и нож. Заплутался, глядь — избушка в три угла. Зашёл — в углу такой **здоровый дядька** лежит, черный, и спрашивает: «Что вам нужно, человек прохажий?» Ответ: «Заплутал». — «Выйдешь, будет время». Покормил его, потом посадил, и нож перед собой поставил, и говорит: «Видишь, в кого нож бросил?» А у него палец в крови, посечённый. Вышел мужик и очутился дома, на полях (Трошата Сив.) [Материалы]; Однажды такое было: сижу, значит, вечером дома одна, а в подвале слышится такой звук, будто крутится веретено. Пошла, значит, спустилась в голбец, заглянула туда, а там сидит **старая-престарая седая старуха со свечкой** и прядёт, я у неё спрашиваю: «Ты к чему мне кажешься, к добру или к худу?» А **старуха** помолчала и отвечает: «Сама увидишь». А потом хозяйина забрали (В.-Язьва Краснов.) [там же]. Е. Е. Левкиевская называет подобные обозначения актуальными именами и отмечает, что они отражают индивидуальный опыт столкновения носителя традиции с мифологическим персонажем, но если в рамках традиции данный образ постоянно связывается с данным персонажем, то актуальное имя конвенционализируется, превращается в собственное имя персонажа [Левкиевская 2007: 536–537].*

При идентификации персонажа в этом случае необходимо опираться на слово или словосочетание, описывающее облик духа, т.е. на указанные в тексте внешние признаки персонажа. Следует сопоставить эти признаки с тем набором характеристик персонажа, который был выявлен при анализе текстов двух предыдущих типов. Т. е., чтобы определить, что в первом из примеров словом *филин* и сочетанием *здоровый дядька* обозначен леший, а во втором сочетании *старая-престарая седая старуха со свечкой* — домовой, не-

обходимо предварительно познакомиться с рядом текстов пермской традиции, в которых имеются прямые имена персонажа, и установить, что облик *здорового / высокого мужика / дядьки* характерен именно для лешего, а домовый нередко предстает в облике *дедушки / старика / старухи*. Кроме того, в определении персонажа может помочь локус, который почти всегда обозначен в тексте.

4. Текст, в котором персонаж обозначен местоимением, указаны его признаки и/или релевантные действия, а также локус. Носители пермской мифологической традиции часто обозначают мифологических персонажей местоимениями, например: *Он человек. Когда какой и большой, и маленький. Шапка да тапки, а самого не видать* (Чёрмоз Ильин.) [Материалы]; *У нас мама пряла. Прялку оставила, а ночью слышит, кто-то прядёт. Она говорит: «Не к добру ведь мне это». У ей мужа убили в Германскую, пятеро детей осталось нас. А братья-то, четверо, поехали в Чердынъ, сели на телегу и не приехали. Она со мной одной осталась* (Краснов.) [там же]. Как указывает Е. Е. Левкиевская, это может происходить в двух случаях: 1) когда и рассказчик, и слушатель мифологического рассказа точно знают, о каком персонаже идет речь, и поэтому не называют его прямым именем (это «определенная неопределенность»); 2) когда мифологический персонаж реально неизвестен ни рассказчику, ни слушателю [Левкиевская 2006: 201–203].

Как представляется, при анализе подобных текстов на предмет идентификации описываемого в них мифологического персонажа следует обращать внимание на внешние признаки духа или на его действия, которые, по нашим наблюдениям, всегда имеются в текстах данного типа. Так, в первом примере говорится, что персонаж выглядит как *человек*, может иметь высокий или низкий рост, одет в *шапку* и домашние *тапки*; во втором примере персонаж *прядет*. Если сопоставить эти признаки и действия с перечнем известных нам характеристик духов, составленным при ана-

лизе текстов предыдущих типов, то можно видеть, что речь идет о домовом.

5. Текст, в котором указано релевантное действие персонажа и локус. Приведем примеры таких текстов: *Роженцу одну в бане-то не оставляют, ребёнка **перемениет**. Подмененный ребёнок будет как, чёрт его знает, то кот, то собачонок, то ещё кто* (Н. Шакшер Черд.) [Материалы]; *Рассказывали, после двенадцати нельзя ходить в баню. Испугать может* (Н. Зырянка Усол.) [там же]; *Детей в бане **меняют**. Такой же ребенок бывает, а потом — урод. Такой и мучается* (В. Шакшер Черд.) [там же]; [У вас в лесах водит?] **Водит**. *У меня зять на пасеке работает, я к нему пошла. Речку перешла, а там лес такой большой. Я шла, шла — опять речка, пни, трава долгая, кочки. А там **водит**, у Хмелёвки-то. Я смотрю: гора какая-та. На гору вышла, смотрю: я ж у Хмелёвке хожу* (Беляевка Охан.) [там же]. Как видно из примеров, в данном случае мы имеем лишь предикат в формах 3-го л. ед. ч. или мн. ч., употребляемый в безличном значении. Е. Е. Левкиевская называет это нулевым показателем лица, который используется, когда рассказчик «заранее отказывается от попыток понять, кто является производителем действия», окончательная автономность действия от субъекта указывает на полную неизвестность и непознаваемость агенса [Левкиевская 2006: 208–209].

Для идентификации персонажей в текстах этого типа следует изучить достаточное число текстов, представляющих традицию, в которых различными способами (с помощью прямого имени, либо с помощью конвенционализированного актуального имени, либо с помощью местоимения) обозначен персонаж, и установить перечень его базовых действий, признаков и локусов. Затем следует сопоставить действия и локусы, имеющиеся в «бессубъектном» тексте, с полученным перечнем.

Например, у нас есть следующий текст: *Здесь и наши, деревенские, иногда плутают. Вот у меня отец расска-*

зывал. В Борисовке тогда жили ещё. Пошёл он в лес. Ходит-ходит кругами и никак выйти не может. Ну, тут он и догадался, что это его *леший водит*. Тогда вывернул он рубаху наизнанку. Смотрит, а уже стоит рядом с дорогой (Девяткино Сив.) [Материалы]. Здесь с помощью прямого имени обозначен персонаж (*леший*) и говорится об одной из его характерных действий *водит*. Следовательно, четвертый из приведенных выше примеров мы отнесем к числу тестов о лешем. Кроме того, в определении персонажа нам помогает и названный в тексте локус — *лес*.

6. Текст, в котором обозначены последствия контакта человека с духом либо названы средства и действия, с помощью которых можно спровоцировать, предотвратить или нейтрализовать вредоносное воздействие персонажа. К этому типу мы отнесем тексты, в которых не упоминаются прямо ни название духа, ни его признаки и релевантные действия, а описываются:

1) последствия его воздействия на человека, например: *Я вот от свекрови своей слышала. Одна баба родила парня да на второй день мыть его пошла. А воды-то в бане нет, она его на лавку положила, а сама за водой побежала. Приходит, а парнишка-то под лавкой лежит. Когда его достала, совсем не такой оказался, какой был. Они осиновое корыто сделали, сверху им ребенка накрыли и рубили до трех раз. Через день помер. Стало быть, ребенок **подмененный** был. А раз **подмененный**, то не жилиец (Б. Кусты Куед.) [ББ: 148–149]; У меня даже одна женщина, вот здесь мы жили, спрашивала. У неё были длинные волосы, седая была она. Косы она плела такие. Говорит, чё эд мне будет, я, говорит, вечером легла, у меня волосы как волосы были, утром встала, всё, всё **плетёно**. Я говорит, слышала, что умрёшь, в пермяках говорили (она пермянка была). Я говорю, не знаю. И точно ведь, умерла. Умерла, волосы нельзя было расчесать, просто остригли волосы. Токо счас наверно выбросили, в эти годы она умерла. Боялась снока эти волосы-то (Ракшино Кудым.) [Русские: 234].*

2) действия и обереги, с помощью которых можно защититься от вредоносного воздействия духа, например: *Если ты заплутал в лесу, выворачивай одежду на левую сторону и сразу выйдешь* (Дмитриевское Ильин.) [Материалы]; *Пирогои носят эдак, когда потеряется скотина дак. Это кладут на пень, рыбный пирог испекут. Там оставляют* (Базуева Гайн.) [Русские: 196]; *Чтобы найти корову, пирог клали на могилу, или на ёлку повешают, а платок завяжут* (Сёйва Гайн.) [там же].

Такие тексты не содержат обозначения самого персонажа, однако мы все же решили включать их в корпус материалов для словаря, т.к. они (хотя и косвенно) описывают исследуемых нами духов: здесь содержатся единицы, относящиеся к группам 8 и 9 из числа тех, которые войдут в наш словарь. Классифицировать такие тексты по персонажам нам помогает проанализированный ранее текстовый материал типов 1–5, поскольку в текстах этих типов встречались описания воздействия духов на человека, бережных действий и предметов. Сравните: *Банник, говорят, может подменить ребёнка. А где бывало, не знаю. Как переменёнок сделался, ребёнок, как переменёнок. Вот не походит на ребёнка-то. Он не оживёт, банник его задушит* (Н. Шакшер Черд.) [Материалы]; *Суседка косы им плетет. Чеши, не чеши — не вычешешь. Девки наши нравятся, видно. Любит девку и плетет* (Исаково Черд.) [там же]; *В лесу нельзя ругаться, лешего поминать. Вот за грибами ходишь, дорогу найти не можешь, наверно, леший водит. В лесу заблуждаешься — и ходишь, и ходишь. Приметку тут положишь, заметишь, вот тут чё-нибудь оторвёшь, заломашь. Походишь — опять придёшь тут же. Это он так крадёт дорогу. А потом выворачиваешь платье и выходишь на дорогу* (Ефремова Юрл.) [Русские: 225]; *Одна бабушка постоянно в лес носила рыбный пирог. Положит на пень, завтра придет, а пирога нет. Говорят, к лешему носила* (Шадрино Кудым.) [Материалы]. На основе анализа

этих текстов мы можем классифицировать и тексты без обозначения мифологического персонажа: так, видно, что первый текст рассказывает о баннике, второй — о домовом, третий, четвертый и пятый — о лешем.

Итак, источниками единиц для создаваемого электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края» станут мифологические рассказы о духах локусов — баннике, домовом, лешем и русалке. При отборе текстов для словаря следует опираться на следующие принципы:

1. Изучить достаточно большой объем текстов (прежде всего таких, в которых упоминается имя персонажа), собранных на исследуемой территории и повествующих о рассматриваемых духах, и составить перечень имен, признаков, релевантных действий, локусов и оберегов для каждого персонажа.

2. Начать распределение с таких текстов, в которых обозначено основное (совпадающее с литературным) или диалектное имя персонажа. Однако следует помнить, что в народной традиции различные персонажи могут называться одним и тем же именем, поэтому при анализе следует опираться на весь комплекс признаков и действий духа, описанных в тексте.

3. Проанализировать тексты, в которых дух обозначен через облик, через конвенционализированное актуальное имя. Здесь персонаж определяется на основе его внешних признаков (а также действий и локуса, если они есть в тексте) при сопоставлении этих характеристик с перечнями свойств (релевантных действий и локусов) духов, полученными на первом и втором этапах работы.

4. Рассмотреть тексты, в которых персонаж обозначен местоимением. Здесь также следует обращать внимание на признаки, действия и локус персонажа (которые почти всегда присутствуют в этом типе текстов) и сравнивать их с характеристиками персонажей, полученными на предыдущих этапах работы.

5. Проанализировать тексты, в которых персонаж как субъект действия не обозначен, а присутствует только его характерное действие (и локус). В этом случае описанное в тексте действие духа сравнивается с полученным ранее перечнем его функций.

6. Обратиться к текстам, в которых не упоминается сам персонаж и его действия и признаки, но описаны результаты контакта человека с духом, а также поведение человека, провоцирующее вредоносное влияние персонажа или защищающее от него. Такие тексты часто представляют собой поверья или запреты и могут входить в тесты предыдущих типов, где персонаж обозначен либо через имя, либо через признаки, либо через релевантные действия. Для идентификации духа следует сопоставить «бесперсонажные» тексты с «более полными» версиями.

Литература

ББ — Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / К. Э. Шумов. Пермь: Книжное изд-во, 1991. 412 с.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. и др. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. М., 1989. С. 78–85.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–44.

В каждой... — «В каждой деревне чё-то да разное»: из кунгурской семейной традиции (двадцатый век) / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2007. 284 с.

ВС — Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района / Н. В. Жданова, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.

ЗС — Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района / И. А. Подюков, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2006. 224 с.

КБ — Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. / А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПониЦАА, 2004. 114 с.

КС — Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке / И. А. Подюков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2004. 320 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.

Материалы — Материалы архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. И. И. Русинова) и архива лаборатории «Фольклор Прикамья» при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. К. Э. Шумов).

Русские — Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: От и до, 2008. 502 с.

УД — Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И. А. Подюков, А. М. Белавин, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Усолье; Соликамск; Березники: Пермское кн. изд-во, 2004. 240 с.

ЮК — Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: материалы и исслед. / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003. 493 с.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн — Гайнский;	Охан. — Оханский;
Ел. — Еловский;	Очёр. — Очёрский;
Ильин. — Ильинский;	Сив. — Сивинский;
Краснов. — Красновишерский;	Усол. — Усольский;
Кунг. — Кунгурский;	Черд. — Чердынский;
Кудым. — Кудамкарский;	Юрл. — Юрлинский.
Куед. — Куединский;	

Selection principles for mythological texts
as the lexical sources for electronic
“Dictionary of the Russian mythological vocabulary
of the Perm region”

Mariia A. Granova

Perm State University

The article justifies the relevance of creating the electronic “Dictionary of Russian mythological vocabulary of the Perm region” and discusses the first stage in its development, that is the selection of mythological texts as sources of mythological vocabulary for the dictionary. An algorithm is proposed for analyzing various types of such texts in order to identify them as texts about a particular mythological character (bath spirit, boggard, wood goblin, mermaid) and include them in one of four electronic text corpora (for these four characters), which will serve as the basis for the aforementioned electronic dictionary.

Key words: electronic dictionary; mythological text; bath spirit, boggard, wood goblin, mermaid, Perm region dialects.

References

ВВ — Bylichki i byval'shchiny: starozavetnye rassказы, zapisannye v Prikam'e [Folk stories about supernatural events: the tales of yore,

recorded in the Kama region] / K.E. SHumov. Perm': Knizhnoe izd-vo, 1991. 412 p.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. i dr. [et al.] Skhema opisaniya mifologicheskikh personazhej [A description scheme for mythological characters] // Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran yugo-vostochnoj Evropy. [Proceedings of the 6th International Congress on Southeast Europe studies] M., 1989. Pp. 78–85.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. K probleme identifikacii i sravneniya personazhej slavyanskoj mifologii [On the problem of identifying and comparing the Slavic mythological characters] // Slavyanskij i balkanskij fol'klor. Verovaniya. Tekst. Ritual. [Slavic and Balkanic folklore. Beliefs. Texts. Rites] M., 1994. Pp. 16–44.

Vkazhdoj...—[«V kazhdoj derevne chy-to da razno»: iz kungurskoj semejnoj tradicii (dvadcatyj vek) [“Nay, any two villages differ, man”: from the Kungur family tradition of the 20th century] / I. A. *Podyukov*, S. M. *Pozdeeva*, S. V. *Horobryh*, A. V. *CHernyh*. Perm': Permskoe kn. izd-vo, 2007. 284 p.

VS — Visherskaya starina: sbornik fol'klorno-etnolingvisticeskikh materialov po obryadovoj tradicii Krasnovisherskogo rajona [Vishera antiquity. A collection of folklore and ethnolinguistic materials on the ritual tradition of the Krasnovishersky district] / N. V. *ZHDanova*, I. A. *Podyukov*, S. V. *Horobryh*. Perm': PRIPIT, 2002. 115 p.

ZS — Zemlya Solikamskaya. Tradicionnaya kul'tura, obryadnost' i fol'klor russkikh Solikamskogo rajona [Solikamsk land. The traditional culture, rites and folklore of the Solikamsk district] / I. A. *Podyukov*, A. V. *CHernyh*, S. V. *Horobryh*. Perm': Permskoe kn. izd-vo, 2006. 224 p.

KB — Kuedinskie bylichki: Mifologicheskie rassказы russkikh Kuedinskogo rajona Permskoj oblasti v konce XIX–XX vv. [Kuedino folk tales. Mythological tales of the Russian inhabitants of the Kuedino district of the Perm region] / A. V. *CHernyh*. Perm': Izd-vo PONICAA, 2004. 114 p.

KS — Karagajskaya storona: narodnaya tradiciya v obryadnosti, fol'klore i yazyke [Karagaj land and its folk tradition reflected in rituals, folklore and language] / I. A. *Podyukov*. Kudymkar: Komi-Permyackoe kn. izd-vo, 2004. 320 p.

Levkievskaya E. E. Vostochnoslavjanskij mifologičeskij tekst: semantika, dialektologija, pragmatika: [The East Slavic mythological text. Its semantics, dialectal features and pragmatics] dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2007. 634 p.

Levkievskaya E. E. Pragmatika mifologičeskogo teksta [Pragmatics of mythological texts] // Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Vyp. 10. Semantika i pragmatika teksta. [Slavic and Balcanic folklore. Issue 10. Semantics and pragmatics of the texts] M.: Indrik, 2006. Pp. 150–214.

Materialy — Materialy arhiva laboratorii regional'noj leksikologii i leksikografii pri kafedre teoretičeskogo i prikladnogoazykoznaniya Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta (ruk. k. filol. n., doc. I. I. Rusinova) i arhiva laboratorii «Fol'klor Prikam'ya» pri kafedre russkoj literatury Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta (ruk. k. filol. n., doc. K. E. SHumov) [Materials of the archive of the workshop on regional lexicology and lexicography affiliated with department for theoretical and applied linguistics (Perm State University), headed by candidate of philology I. I. Rusinova, and of the archive of the “Kama region folklore” workshop (Perm State University) headed by K. E. Shumov, candidate of philology].

Russkie — Russkie v Komi-Permyackom okruge: obryadnost' i fol'klor: Materialy i issledovaniya [Russians in Komi-Permyak Autonomous Okrug. Their rites and folklore. Materials and investigations] / A. A. Bahmatov, T. G. Goleva, I. A. Podyukov, A. V. CHernyh. Perm': Ot i do, 2008. 502 p.

UD — Usol'skie drevnosti. Sbornik trudov i materialov po tradicijnoj kul'ture russkih Usol'skogo rajona konca XIX–XX vv. [Usol'e antiquities. A collection of proceedings and materials on the traditional Russian culture in Usol'e at the turn of the 20th century] / I. A. Podyukov, A. M. Belavin, S. V. Horobryh, D. A. Antipov. Usol'e; Solikamsk; Berezniki: Permskoe kn. izd-vo, 2004. 240 p.

YUK — Yurlinskij kraj. Tradicijonnaya kul'tura russkih konca XIX–XX vv.: materialy i issled. [Yurlino district. Traditional culture of Russians at the turn of the 20th century. Materials and investigations.] / A. A. Bahmatov, I. A. Podyukov, S. V. Horobryh, A. V. CHernyh. Kudymkar: Komi-Permyackoe kn. izd-vo, 2003. 493 p.

Этнолингвистическая география лексики предсвадебных обрядов на Дону*

Татьяна Евгеньевна Гревцова

Федеральный исследовательский
центр Южный научный центр РАН

Статья посвящена анализу донской предсвадебной лексики и ее ареальному распространению на территории бывшей Области Войска Донского. Рассматриваются названия обрядов сватовства и обручения, наименования хлеба, приносимого сватами, и действия с ним, терминология обрядов осмотра дома и подворья жениха стороной невесты, кануна свадебного дня, приданого. Основным источником исследования стали материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (с 2006 г. — Южный федеральный университет, с 2008 г. экспедиции проводились совместно с Южным научным центром РАН), которые охватывают период с 1976 по 2014 гг.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвогеография, свадебный обряд, обрядовая лексика, Область Войска Донского, донские казаки.

Территория бывшей Области Войска Донского — это регион, заселение которого происходило неравномерно как по времени, так и по этническому, сословному, конфессиональному составу. Неоднородный процесс формирования населения этого края обусловил разнообразие традиционной духовной культуры Дона, ареальное членение которой является важной, но до сих пор не решенной научной задачей. Донская свадьба также отличается пестротой локальных вариантов. Об этом говорили многие ее исследователи, которые выделяли юж-

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-312-00048 «Этнолингвистическая география донской свадьбы: культурная терминология и обрядовая символика».

норусскую основу обряда и черты, появившиеся вследствие влияния украинской традиции [Миртов 1926: 8; Проценко 2004: 29; Дианова 2008: 100].

Свадебный обрядовый цикл населения, проживавшего на территории бывшей Области Войска Донского, является наиболее изученным фрагментом донской культуры, который давно привлекал внимание историков, филологов, этнографов, музыковедов, краеведов. Его изучение началось в XIX в. (В. Д. Сухоруков, М. Н. Харузин, С. Ф. Номикосов) и продолжилось в XX в. исследованиями А. М. Листопадова. Различным сторонам донской свадьбы посвящены работы Т. Б. Диановой, Т. С. Рудиченко, Т. А. Карташовой, Б. Н. Проценко, М. А. Рыбловой, Е. В. Брысиной. По этой теме собран значительный массив полевых материалов в диалектологических и этнолингвистических экспедициях. Как отмечал донской этнолингвист Б. Н. Проценко, большой фактический материал по свадебному обряду дает возможность дальнейшего использования собранных текстов для этно- и лингвокартографирования, для представления его локальных вариантов и исследования истории донской свадьбы [Проценко 2004: 26–27]. Несмотря на всё это, до сих пор не предпринималось системного исследования и картографирования донской свадебной лексики.

Настоящая статья посвящена анализу состава и ареальной характеристике лексики предсвадебных обрядов Дона. В качестве объектов анализа были выбраны названия обрядов сватовства и обручения, наименования хлеба, приносимого сватами, и действия с ним, терминология обрядов осмотра дома и подворья жениха стороной невесты, кануна свадебного дня, приданого. Были составлены этнолингвистические карты распространения на территории бывшей Области Войска Донского указанных элементов обряда (см. рисунки 1–3).

Основным источником ареального изучения донской свадьбы стали материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного универси-

тета (с 2006 г.— Южный федеральный университет, с 2008 г. экспедиции проводились совместно с Южным научным центром РАН). Они охватывают период с 1976 по 2014 гг. За это время были обследованы 31 район Ростовской области и 12 районов Волгоградской области, территория которых до революции входила в состав Области Войска Донского. Также были привлечены словари донских говоров, опубликованные работы по данной теме.

Первое посещение сватами дома предполагаемой невесты (сватовство) было направлено на выяснение намерений ее родителей выдать девушку замуж, предложение брака, знакомство сторон, достижение предварительной договоренности о свадьбе. Во время последующих визитов стороны жениха происходили более близкое знакомство семей, закрепление договора о браке, установление дня свадьбы и обсуждение деталей ее проведения. Донская свадебная традиция характеризуется многообразием названий данных обрядов, что может быть объяснено отражением в их внутренней форме различных сторон проведения ритуала, а также использованием различных словообразовательных средств. На Дону, как и на остальной восточнославянской территории, наиболее значительную группу названий, обозначающих первый визит сватов в дом предполагаемой невесты, составляют лексемы с корнем *сват-*, мотивированные основным действием этого обряда (сватать) [Гура 2012: 383]. Они представлены литературным словом *сватовствó*, а также диалектными производными (*свату́шки, свáтанье, сватаньё, засвату́шка, просвату́шки, засвáтанье, просвáтанье*). В значении сватовства на Дону также распространены названия, связанные с процессом договора сторон о браке (*сгóвóр, сгóвóры, договóр*), рассмотрением невесты (*смотр́ины, огля́дины, погля́ды*), совместным распитием спиртных напитков (*запóй, пропóй*) и пожиманием рук в знак договора о свадьбе (*зару́ченье*), обрядовым действием «сведения» жениха и невесты (*свóды, свóдушки, сводíлки*).

Последующие посещения стороны жениха дома невесты были направлены на более близкое знакомство семей, закрепление договора о браке, установление дня свадьбы и обсуждение деталей ее проведения. Обручение могло устраиваться в этот же день и завершать сватовство, а могло происходить через несколько дней, после осмотра дома и подворья жениха родственниками невесты [Проценко 2004: 30; Листопадов 1954: 45]. Исследователи славянского свадебного обряда отмечают тесную связь обучения и сватовства. Следствием этого является дублирование ритуальных действий этих обрядов, их объединение в одну церемонию, взаимозаменяемость лексики, их обозначающей [Гура 2012: 415]. С другой стороны, состояние свадебной традиции, отраженное в экспедиционных материалах 1990–2000-х гг., обнаруживает значительную, по сравнению с источниками XIX — первой половины XX вв., редукцию предсвадебных обрядов, забвение специальной обрядовой терминологии и фольклора, сокращение количества ритуальных действий. Несколько посещений семьей жениха дома девушки могут объединяться в один эпизод [Проценко 2008: 58]. Это приводит к тому, что одни и те же лексемы обозначают сватовство, его части, символические действия, отмечающие закрепление договоренности о браке, и обручение. Например, уже отмеченные названия сватовства *запóй, пропóй, зарúчénье, сгóвор, свóды, смотре́ны* могут относиться и к помолвке. Для второго визита сватов в дом невесты на Дону также широко распространено слово *рукобóитье (рукобóить)*, связанное с ударением сторонами по рукам в знак согласия на брак. Другие, более редкие названия этого обряда мотивированы совместной молитвой семей (*богомóлье, пóмолок, пóмолки*), распределением затрат на проведение свадьбы (*доклáд, клáдка, склáдка*), договором о браке (*догово́р, усло́вие*), песней «Пьяница-пропойница», исполняемой в знак состоявшегося обручения (*пья́ница*). Он являлся завершающей церемонией свадебного сговора, главная цель которой заключалась в достижении и окончательном скреплении соглашения о браке [Гура 2012: 406]. На рисунке

1 представлена карта, на которой показано распространение названий сватовства и обручения на территории бывшей Области Войска Донского.

Анализ географического распространения наименований, обозначающих первый визит стороны жениха в дом невесты, сильно затруднен повсеместным бытованием литературного слова *сватовствó* и возможным вытеснением им диалектных дериватов с корнем *сват-*. В целом география рассмотренных слов коррелирует с уже имеющимся делением донских говоров на верхнедонские, среднедонские, нижнедонские и донецкие говоры [Миртов 1926]. По ареальному распространению терминов *сгóвор*, *зарúченье*, *свóды* сближаются свадебные традиции поселений Нижнего, Среднего, Верхнего Дона и Северского Донца. По бытованию лексемы *сгóвор* к этому ареалу частично примыкают районы по реке Маныч (Веселовский и Пролетарский районы Ростовской области). Особо выделяется лексика сватовства и обручения населения территорий вдоль рек Хопёр и Медведица, отличающаяся компактным распространением слова *сватúшки* и отсутствием слов *сгóвор*, *свóды* и *зарúченье*, встречающихся во многих частях донского региона.

Повсеместно на исследуемой территории на сватовство семья жениха приносила хлеб, с которым совершались различные символические действия в обряде. Обычно на Дону к сватовству не изготавливали специальной выпечки. Сваты приносили в дом предполагаемой невесты повседневный круглый хлеб. Как и во многих других славянских обрядах, приносимый сватами в дом невесты хлеб часто соединялся с солью. Слова *хлеб* и *хлеб-соль* в рассказах о начальных этапах свадьбы, записанных на Дону, могут относиться не только к повседневным изделиям из теста, но и к выпечке, специально изготавливаемой для сватания невесты. Сочетание хлеба и соли в обряде становится не только предметным символом, но и вербальным конструктом, замещающим названия других изделий из теста. Использованием для сватовства обычного, повседневного хлеба и обозначением словами *хлеб*

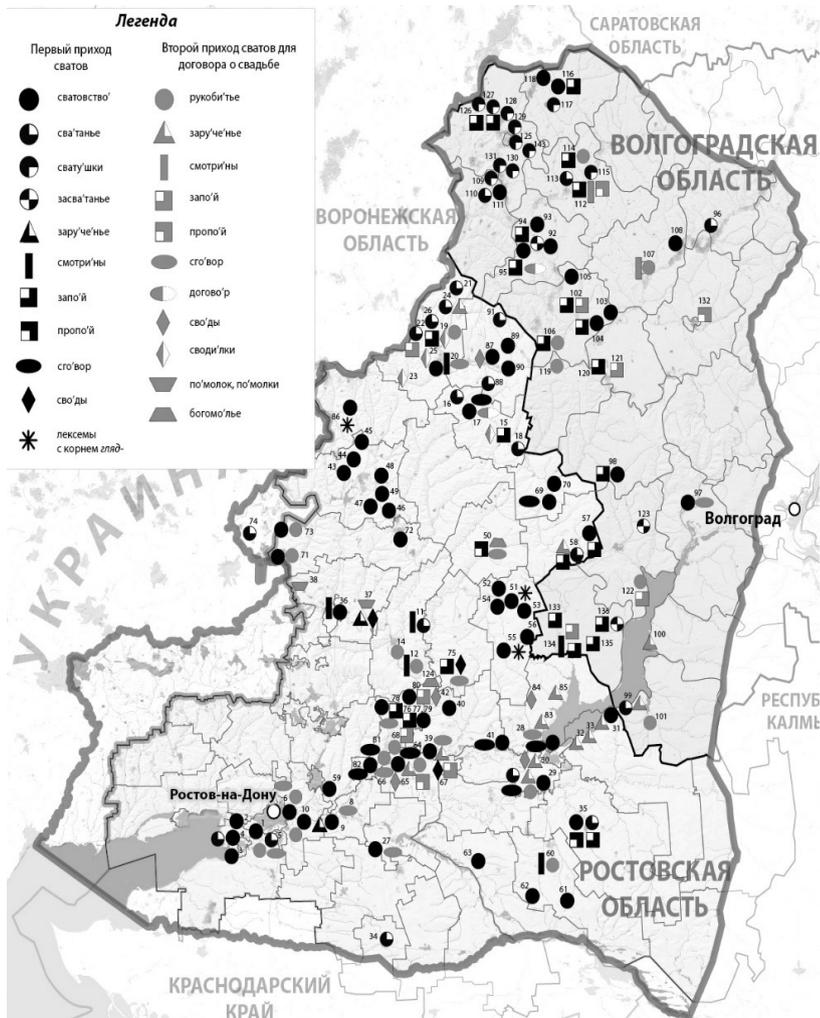


Рисунок 1. Карта «Названия посещения сватами дома невесты для договора о браке»

и *хлеб-соль* других видов выпечки можно объяснить повсеместное распространение этих названий на Дону в значении хлеба, приносимого представителями жениха в дом невесты. Точечно на исследуемой территории встречаются названия

хлебѳна, каравѳй, пирѳг, круѳглик в значении выпечки, принесенной сватами. Особенностью донской свадьбы можно считать использование в сватовстве *калача* особой формы — круглого, сплетенного из нескольких полос теста хлеба с отверстием в середине. В Шолоховском и Обливском районах Ростовской области такую выпечку называли *витѳужкой*.

Обрядовые действия с принесенным хлебом в разных районах донского края служили знаком согласия или несогласия девушки и ее родителей на брак, символического отделения невесты от своего рода, средством сближения и объединения родов, по ним судили о судьбе будущей семьи. На Нижнем Дону и Северском Донце стороны обменивались хлебами, на северо-востоке Ростовской области, в Задонье и некоторых районах Среднего Дона выпечку разрезали на части. Принятие хлеба в знак согласия на брак отмечено на Верхнем Дону. Принесение на сватовство вместе с хлебом-солью скатерти и застилание ею стола в доме невесты распространено главным образом в населенных пунктах Волгоградской области, расположенных по течению Хопра и Медведицы. На Среднем Дону выделяется компактная территория, на которой разрешение родителей девушки поставить хлеб, принесенный сватами, на стол было знаком согласия на брак [Гревцова 2018: 172–178]. О значительной роли символических действий с хлебом на сватовстве свидетельствуют значения донских выражений *нести калач, приносить калач* ‘сватать’, *уносить калач* ‘получать отказ на сватовстве’, *принять хлеб-соль* ‘пропить невесту’ [Брысина 2003: 63]; (БТСДК: 423; СДГВО: 481).

Осмотр семьей невесты дома и подворья жениха обычно происходил между первым приходом сватов в дом девушки и окончательной договоренностью о свадьбе и заключался в оценке материального положения семьи будущего супруга стороной невесты. Названия этого обряда на Дону представлены двумя группами культурных терминов: простыми и составными. Большая часть однословных терминов производна от глаголов с семантикой смотрения. Их разнообразие достига-

ется за счет использования различных словообразовательных средств (*смотримыны, глядины, оглядины, поглядки, поглядюшки, разглядины, разгляденье*). Продолжающееся в этот период обсуждение деталей свадьбы мотивирует одно из распространенных названий данного эпизода — *сговор*.

Другую группу терминов, обозначающих обряд осмотра дома и подворья жениха стороной невесты, составляют глагольные словосочетания, существительное в которых обозначает объект ритуального действия, а глагол — его осмотр, движение, измерение, подсчет и т.п. (*смотреть / глядеть место / стѣнки / пѣчку / грѣбку / колышки; ѣздить на помѣстье; пойти на стѣнки; обмерять окна; считать колышки*). Глаголы в этих конструкциях могут быть самыми разными. При этом семантическая их нагрузка очень слабая, основной смысл культурного словосочетания сосредоточен на существительном, вследствие чего при описании обряда глагол иногда опускается. Например, обряд могли называть *стѣнки, помѣстье*.

Среди словосочетаний, обозначающих обряд осмотра хозяйства жениха, выделяется *смотреть стѣнки*, образующее компактный ареал на Верхнем Дону и практически не обнаруживающее соответствий на других русских территориях. Составные термины со словом колышки (*смотреть / глядеть / считать колышки*) сосредоточены на территории по течению рек Хопер и Медведица. Из названий первой группы следует обратить внимание на слова *оглядины, разглядины*, распространенные в основном в районах, традиционная культура которых испытала сильное украинское влияние (см. рисунок 2).

Названия приданого невесты в донской свадьбе характеризуются повсеместным бытованием акцентологического варианта *приданое* наряду с литературным *приданое*. С этой основой в Даниловском районе Волгоградской области также отмечена лексема *приданье*, в Верхнедонском и Шолоховском районах Ростовской области — *придань*. Интереснее проследить распространение терминов *постель*

и *подушки*, также обозначающих приданое невесты. Первый из них фиксируется преимущественно в районах Верхнего и Среднего Дона, а в нижнедонских районах его бытование отмечается реже. Слово *подушки* в данном значении, напротив, часто встречается на Нижнем Дону, Северском Донце, в Задонье, реже — в населенных пунктах по Среднему Дону, и практически не отмечается на Верхнем Дону, Хопре и Медведице. Можно предположить, что именно термины *постель* и *подушки* в значении приданого невесты становятся маркерами верхнедонской и нижнедонской свадебных традиций с переходной зоной Среднего Дона (см. рисунок 3).

Лексемы *постель* и *подушки* чаще остальных входят в состав выражений, обозначающих обрядовые действия с приданым невесты: перенос в дом будущего мужа, шуточную продажу и выкуп. В словосочетаниях, обозначающих ритуальные действия с приданым, могут сохраняться и другие культурные термины.

Слово *подушки* само по себе нередко употребляется в значении обряда переноса приданого невесты в дом жениха. Оно также включается в глагольные словосочетания со значением манипуляций с приданым: *нести (везти) подушки, продавать подушки, выкупать подушки* и т.п. В хуторе Рогожкино Азовского района Ростовской области зафиксировано выражение *играть подушки*, которое употребляется аналогично словосочетанию *играть свадьбу* и указывает на характер обряда перемещения приданого невесты. На Нижнем Дону от слова *подушки* производны термины, обозначающие участников «подушечного обряда»: *подушечница* (Азовский, Аксайский районы Ростовской области), *подушечники* (Белокалитвинский, Волгодонской, Дубовский, Константиновский, Октябрьский, Орловский, Семикаракорский, Усть-Донецкий районы Ростовской области) и даже *подушенный поезд* (ср. *храбрый поезд* ‘процессия участников обряда в день свадьбы’) (Багаевский район Ростовской области). Наличие такого количества дериватов (семантических и словообразовательных) от названия приданого *по-*

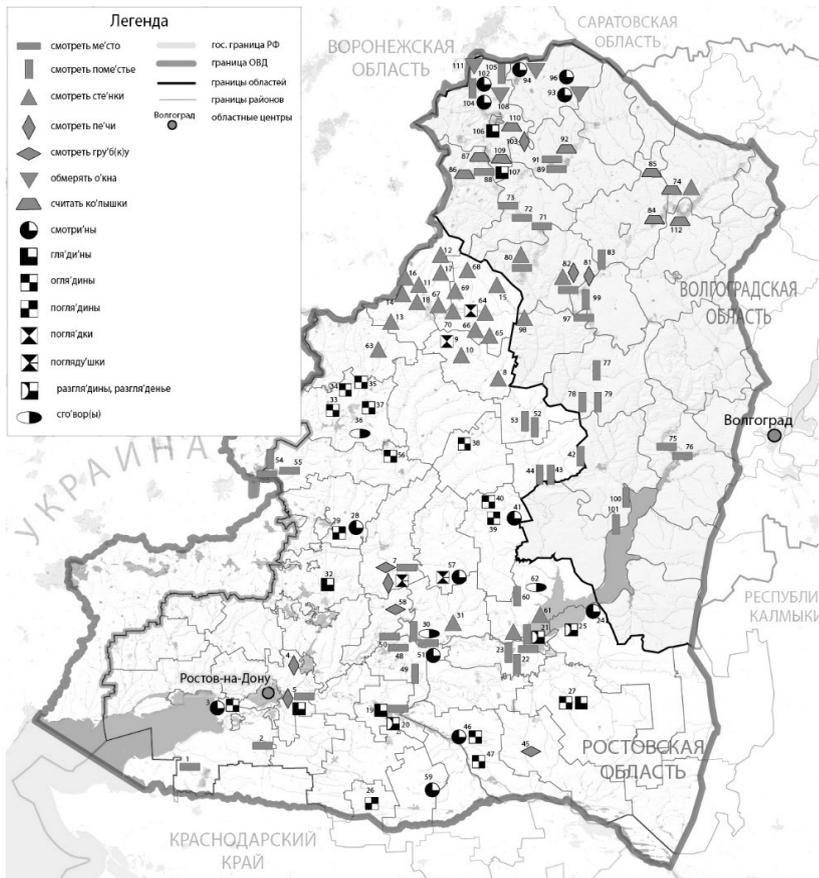


Рисунок 2. Карта «Названия обряда осмотра хозяйства жениха»

душки указывает на значимость и развернутый характер обряда переноса и купли-продажи приданого в нижнедонских районах. Здесь этот свадебный эпизод может включать демонстрацию предметов постели во время перемещения приданого, исполнение определенных фольклорных текстов — *подушечных песен*, шуточный торг между участниками обряда, угощение «подушечников», ритуальное сидение на подушках.

Менее развернутым представляется обряд переноса приданого невесты в дом жениха, обозначаемый глагольными

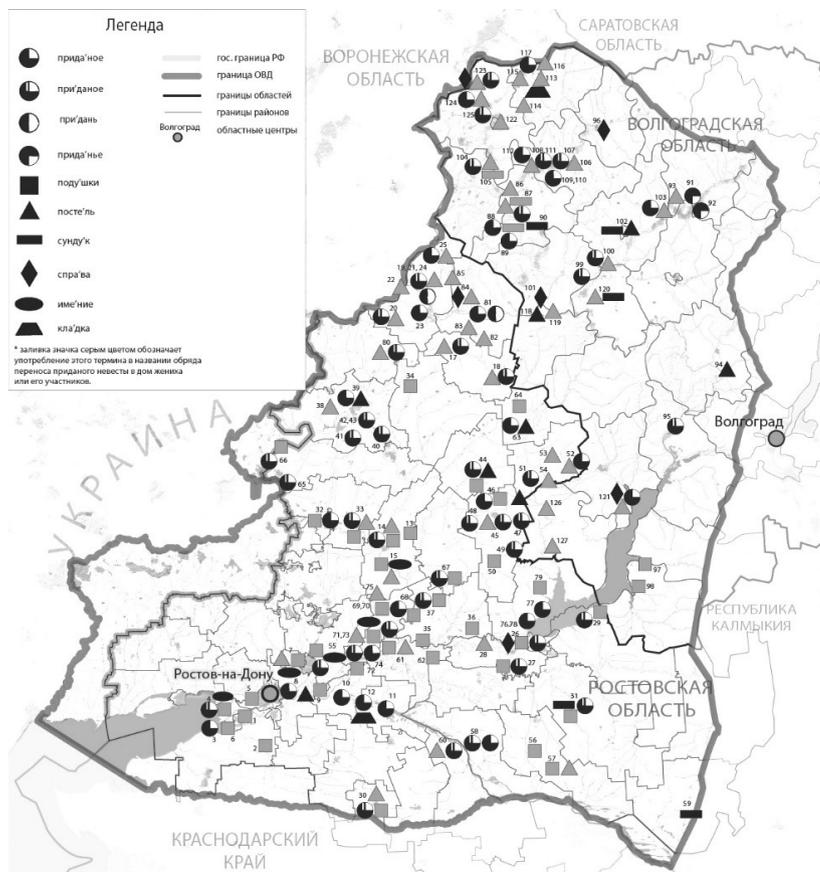


Рисунок 3. Карта «Названия приданого невесты»

словосочетаниями со словом *постель*: *перевезти постель*, *продавать постель*, *выкупать постель*. Отметим, что сама лексема *постель*, в отличие от термина *подушки*, не становится «заглавием» данного обрядового эпизода. В некоторых обследованных районах встречаются оба названия приданого (*постель* и *подушки*), а также словосочетания, содержащие данные лексемы.

Другие названия приданого на исследуемой территории немногочисленны. В хоперско-медведицкой традиции

небольшой ареал образует термин *сундук*. В Алексеевском и Нехаевском районах Волгоградской области встречаются словосочетания с этим словом, обозначающие действия с приданым — *взти сундук, ехать за сундуком*. Точно в донском регионе встречаются названия приданого *имение / именье, справа, кладка*.

Термины обрядов кануна свадьбы, связанных с прощанием невесты с девичьей долей, на Дону представлены литературным словом *девичник*, названиями с корнем *вечер* (*вечер, вечера, вчѣра, вчѣрка, вечерина, вечеринка*), словосочетаниями со словом *вечер* (*подвенечный вечер, девичий вечер*). Наименования, имеющие другую мотивирующую базу, встречаются реже (*подвесёлок, невестины сидёлки*). Особенностью свадебной традиции ряда районов является бытование лексемы *бал* в данном значении (Азовский, Белокалитвинский, Зимовниковский районы Ростовской области и Урюпинский район Волгоградской области). В Тарасовском и Усть-Донецком районах Ростовской области в названии этого эпизода отражено совершение символических действий с обрядовой выпечкой (*калáč, каравáй*).

Предварительный анализ географического распространения донской предсвадебной лексики выявил проблемы при определении локальных типов свадебных обрядов, которые связаны с разнообразием терминов, большим количеством названий, сильным влиянием на состав свадебной терминологии литературных слов. Наличие нескольких лексем для обозначения одного фрагмента обряда можно объяснить как неоднородным заселением региона, так и особенностями самой обрядовой терминологии: она не имеет четко очерченных границ, является системой, в ней возможны синтагматические и парадигматические отношения между единицами (например, отношения синонимии, как в нашем случае, когда одной обрядовой реалии соответствует несколько названий), в ней сосуществуют специфические и неспецифические обрядовые термины и так далее. В разных наименованиях могут быть актуализированы различные принципы номинации,

а следовательно — разные стороны денотата и в конечном счете различия в мировосприятии. На территории бывшей Области Войска Донского по материалу предсвадебной лексики особо выделяются районы по рекам Хопёр и Медведица. Терминология и обрядовое наполнение предсвадебья этого региона своеобразны и имеют определенные отличия от свадеб остальных частей Дона, что позволяет говорить об особом хоперско-медведицком варианте донской свадебной традиции. Наличие такого обособленного локального типа традиционной культуры может свидетельствовать об отличиях в заселении этих районов по сравнению с остальными частями Дона, особенностях межэтнических взаимодействий в прошлом. Также отметим лексическое наполнение свадеб Верхнего Дона, которое также имеет свои особенности и отчасти сближается с обрядовой терминологией Среднего Дона. С другой стороны, ритуалы этих районов обнаруживают ряд соответствий с хопёрской традицией.

Литература

Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.

Гревцова Т. Е. Названия и виды обрядового хлеба в донских ритуалах сватовства и обручения: ареальный аспект // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 168–184.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Дианова Т. Б. Традиционное свадебное застолье на Дону // Традиционное русское застолье: сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.

Листопадов А. М. Песни донских казаков: в 5 т. / под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. 5. М.: Музгиз, 1954. 359 с.

Миртов А. В. Казачьи говоры. Изд. 2-е, перераб. Ростов н/Д: Севкавказкнига, 1926. 32 с.

Проценко Б. Н. <Предсвадебный этап в современной фольклорной традиции Дона>. Из наблюдений над фольклорными текстами современного обряда // Традиционная культура. 2008. № 2. С. 56–61.

Проценко Б. Н. Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве // Традиционная культура. 2004. № 4. С. 26–34.

Ethnolinguistic geography of the pre-wedding rites in the Don region

Tat'yana E. Grevcova

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre
of The Russian Academy of Sciences

The article deals with the analysis of the Don pre-wedding lexicon and its areal distribution in the territory of the former Province of the Don Cossack Host. The names of the rites of matchmaking and betrothal, the names of the bread brought by the matchmakers, and actions with it, the terminology of the rites of inspecting the house and yard of the groom by the bride's representatives, the eve of the wedding day, dowry are considered. Generally the research drew upon the materials of dialectological and ethnolinguistic expeditions of Rostov State University (since 2006 — Southern Federal University, since 2008 the expeditions were conducted jointly with the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), which cover the period from 1976 to 2014.

Key words: ethnolinguistics, linguistic geography, wedding ritual, ritual lexis, mapping, Province of the Don Cossacks Host, Don Cossacks.

References

Brykina E. V. Etnokulturnaya idiomatika donsogo kazachestva [Ethnic and cultural idioms of the Don Cossacks]. Volgograd: Peremena, 2003. 293 p.

Grevcova T. E. Nazvaniya i vidy obryadovogo hleba v donskih ritualah svatovstva i obrucheniya: areal'nyj aspekt [The names and types of ceremonial bread in the Don rituals of matchmaking and betrothal: the areal aspect] // Novoe proshloe [The new past]. 2018. № 3. Pp. 168–184.

Gura A. V. Brak i svadba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. M.: Indrik, 2012. 936 p.

Dianova T. B. Tradicionnoe svadebnoe zastole na Donu [Traditional wedding feast in the Don region] // Tradicionnoe russkoe zastole: sbornik statej [Traditional Russian feast: a collection of articles]. M.: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2008. Pp. 96–117.

Listopadov A. M. Pesni donskih kazakov: v 5 t. [Songs of the Don Cossacks: in 5 vol.] / pod obshch. red. G. Serdyuchenko. V. 5. M.: Muzgiz, 1954. 359 p.

Mirtov A. V. Kazach'i govory [Cossack dialects]. Izd. 2-e, pererab. Rostov n/D: Sevkavkniga, 1926. 32 p.

Procenko B. N. <Predsvadebnyj etap v sovremennoj fol'klornoj tradicii Dona>. Iz nablyudenij nad fol'klornymi tekstami sovremenogo obryada [<Pre-wedding stage in the modern folk tradition of the Don region>. From observations of the folklore texts of the modern rite] // Tradicionnaya kul'tura [Traditional Culture]. 2008. № 2. Pp. 56–61.

Procenko B. N. Svadebnyj obryad donskih kazakov vo vremeni i prostranstve [The wedding ceremony of the Don Cossacks in time and space] // Tradicionnaya kul'tura [Traditional Culture]. 2004. № 4. Pp. 26–34.

Отражение характеристик человека в лексике тверских говоров

Наталья Юрьевна Грибовская

Тверской государственный
медицинский университет

Статья посвящена языковому образу человека в тверских говорах. Диалектные существительные и прилагательные, характеризующие человека, образуют лексико-семантическое поле, семантическая организация которого содержит этнокультурную информацию. В работе рассматривается вертикальная организация лексико-семантического поля «Человек», выявляются микрополя, входящие в его состав, определяется их объем и лексическое наполнение. Полученные в ходе анализа результаты дают возможность сделать определенные выводы о языковом образе человека, отражающем представление тверских диалектоносителей об основных параметрах оценки внешних и внутренних качеств человека.

Ключевые слова: диалектология, говоры, лексико-семантическое поле, языковая картина мира, образ человека в языке.

Лексика, отражающая представления о человеке, вызывает особый интерес исследователей, поскольку образ человека находится в центре языковой картины мира. Под языковым образом человека мы вслед за М. П. Одинцовой понимаем «...концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [Одинцова 2011: 8]. Образ человека в языковой картине мира включает в себя как общие для разных культур представления о человеке, так и специфические, национальные черты понимания человеческой природы. Диалектная картина мира является важной составляющей общенациональной языковой картины мира, и обращение к диалектному

материалу дает исследователю доступ к информации о наиболее консервативной, устойчивой части национального менталитета, являющейся основой современного мировоззрения.

Объектом данного исследования является тверская диалектная лексика, характеризующая человека. Такая лексика чрезвычайно интересна с аксиологической точки зрения, поскольку содержит оценочные и ценностные характеристики. Тверской диалектный материал выбран для изучения не случайно. Во-первых, на территории Тверской области представлены все виды русских народных говоров: севернорусские, среднерусские и южнорусские. Во-вторых, за многолетнюю историю изучения тверских говоров, в том числе в последние десятилетия, были обследованы практически все районы Тверской области и собран богатый лексический материал, позволяющий сделать попытку реконструкции важнейшего фрагмента языковой картины мира — языкового образа человека. Материалом для анализа явилась лексика тверских говоров, вошедшая в «Тематический словарь говоров Тверской области» (ТСГТО), пять выпусков которого было подготовлено и издано с 2002 по 2006 год; диалектная лексика, собранная в районе бассейна озера Селигер и отраженная в словаре «Селигер: Материалы по русской диалектологии» (Селигер). Помимо опубликованных диалектных словарей, мы обращались к лексической картотеке говоров Тверской области, составленной на основе полевых записей диалектологических экспедиций, работавших в последние десятилетия по программе ЛАРНГ на территории Тверской области (картотека хранится на кафедре русского языка Тверского государственного университета).

Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 1807 диалектных прилагательных и существительных, характеризующих человека по различным внешним и внутренним качествам.

Удобной структурой для описания языковой картины мира является лексико-семантическое поле, семантическая

организация которого содержит этнокультурную информацию. Способ организации поля «предполагает такое преломление семантических категорий, которое позволит продемонстрировать субъективность человеческих предпочтений, задающих неровность, прихотливость и алогичность языкового отражения действительности» [Березович 2003: 39]. Важными параметрами лексико-семантического поля, позволяющими сделать выводы о языковом образе действительности, является логика выделения смысловых участков в его структуре, определение их объема и относительная заполненность [Березович 2007: 24–27].

Количественный состав лексико-семантического поля и объем микрополей, входящих в его состав, представляются важными для нашего исследования. Мы можем видеть, что одни качества человека получают детальные и множественные наименования в тверских говорах, другие же имеют невысокую степень языковой репрезентации. «Важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности» [Карасик 2004: 112]. Тщательная разработка того или иного участка поля может сигнализировать о наиболее актуальных для языкового сознания понятиях, «то, что существенно, оказывается названным, или многократно названным, или названным “дробно”, с учетом предельного внимания к деталям хорошо знакомого и имеющего высокую значимость объекта» [Леонтьева 2008: 12].

В ходе семантического анализа в составе лексико-семантического поля «Человек» было выделено два асимметричных по объему лексико-семантических множества, также представляющих полевые структуры: «Характеристика по внешним качествам» (506 лексических единиц) и «Характеристика по внутренним качествам» (1301 лексическая единица). Их количественная асимметричность обусловлена приоритетом внутренних, духовных качеств человека над внешними в народном представлении (рис. 1).

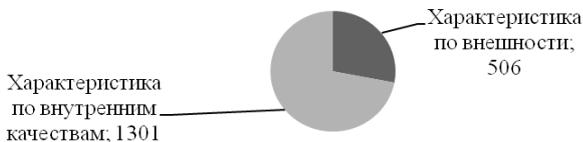


Рисунок 1. Характеристика человека по внешним и внутренним качествам

Дальнейшая систематизация лексики, распределение ее по микрополям, входящим в состав названных семантических множеств, наглядно демонстрирует основные параметры оценки человека и степень их значимости в представлении диалектоносителей. Мы определили лексическое наполнение фрагмента, относящегося к характеристике наружности человека, и систематизировали полученные результаты.

Микрополе «Характеристика по внешним качествам» включает в себя микрополя «Характеристика по отличительным особенностям внешности» — 139 лексических единиц, «Характеристика по одежде» — 15 лексических единиц, «Характеристика по полноте» — 79 лексических единиц, «Характеристика по росту» — 60 лексических единиц, «Характеристика по состоянию здоровья» — 58 лексических единиц, «Общая эстетическая характеристика» — 55 лексических единиц (рис. 2).

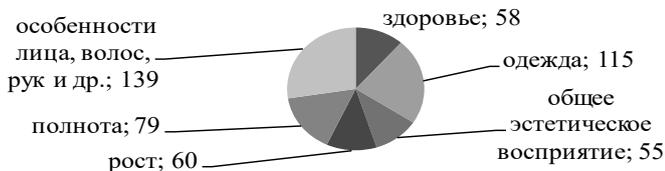


Рисунок 2. Внешние качества человека

С определенной долей условности можно назвать основные параметры, по которым оценивается наружность человека. Параметры располагаются по мере уменьшения количественного состава микрополей, репрезентирующих данные свойства, что является одним из показателей их значимости в системе оценки человека. Такими параметрами являются: некоторые отличительные особенности лица, волос, рук и ног; одежда (неряха / нарядный); объем тела (толстый / худой), рост (высокий / низкий), состояние здоровья (здоровый / больной), общая эстетическая оценка (красивый / некрасивый).

Анализ лексики, характеризующей человека по физическим свойствам, показал, что в языковой картине мира актуализированы любые отклонения от «среднего» во внешности человека, будь то высокий или низкий рост, полнота или худоба, отличительные природные или приобретенные физические особенности.

Далее мы определили лексическое наполнение фрагмента, относящегося к характеристике внутренних качеств человека. В составе микрополя «Характеристика человека по внутренним качествам» выделены микрополя «Характеристика по речевой деятельности» — 295 лексических единиц, «Характеристика по поведению в социуме» — 145 лексических единиц, «Характеристика по умственным способностям» — 138 лексических единиц, «Характеристика по отношению к труду» — 136 лексических единиц», «Характеристика по особенностям моторики» — 136 лексических единиц (рис. 3).

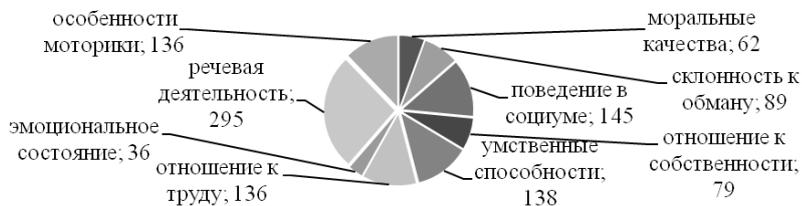


Рисунок 3. Внутренние качества человека

Таким образом, основными параметрами оценки внутренних свойств человека можно считать речевую деятельность (общительный / необщительный / с особенностями речевого поведения); отношение к труду (трудолюбивый / ленивый); поведение в социуме (гордый, упрямый, нарушитель общественного порядка, капризный, способный к адаптации в обществе); умственные способности (умный / глупый); склонность к обману (способный обмануть / не способный обмануть / жертва обмана); особенности моторики (быстрый, ловкий / медлительный, неповоротливый); отношение к физиологическим потребностям — к еде, сну, противоположному полу, алкоголю; отношение к собственности (завистливый / жадный / скупой / бережливый / расточительный); общую оценку моральных качеств (добрый / злой), эмоциональное состояние (грустный / веселый / плаксивый).

В ходе семантического анализа было установлено, что большая часть микрополей в составе лексико-семантического поля «Человек» образует бинарные оппозиции в соответствии с наличием отрицательных и положительных характеристик качеств человека с преобладанием лексических множеств, содержащих отрицательную оценку (рис. 4, 5, 6, 7).

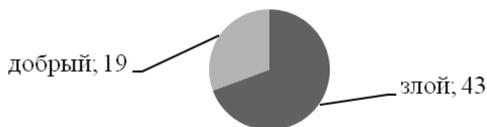


Рисунок 4. Общая оценка моральных качеств



Рисунок 5. Характеристика по умственным способностям

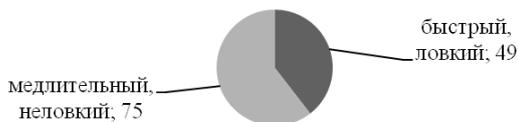


Рисунок 6. Характеристика по особенностям моторики

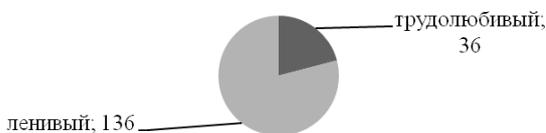


Рисунок 7. Характеристика по отношению к труду

Преобладание негативно окрашенной лексики закономерно, поскольку «чаще всего оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций» [Резанова 1995: 71]. В асимметричной организации микрополей по оценочному признаку содержится аксиологически значимая информация: в отрицательной характеристике человека скрыто присутствует образ идеального человека: оценка со знаком минус отражает стремление видеть человека, лишённого этих недостатков.

Нехарактерное для исследуемых микрополей преобладание лексики с положительной оценкой отмечено в микрополе «Общая эстетическая оценка», образованном антонимичными микрополями «Красивый» и «Некрасивый» (рис. 8).



Рисунок 8. Общая эстетическая оценка

Высокая номинативная плотность микрополя, репрезентирующего красивого человека (31 лексическая единица), и относительно небольшой объем микрополя «Некрасивый» (24 лексические единицы) позволяет высказать предположение, что отсутствие внешней красоты может не являться значимым параметром для нормативно-ценностной характеристики человека в исследуемой региональной языковой картине мира.

Не выявлено бинарных оппозиций по оценочному признаку в микрополе, отражающем представление о поведении человека в социуме. Участок микрополя, репрезентирующий человека со спокойным характером, послушного и неконфликтного, оказался практически не разработан. Незаработанность данного сектора может свидетельствовать о спокойном и бесконфликтном поведении человека как нормативном, а потому не нуждающемся в языковой номинации. Семантический анализ микрополя «Поведение в социуме» показал, что наибольшую маркированность получают в языке такие качества человека, как склонность к дракам и озорству (57 лексических единиц), упрямство (42 лексические единицы), гордость (21 лексическая единица), капризность (15 лексических единиц) (рис. 9).

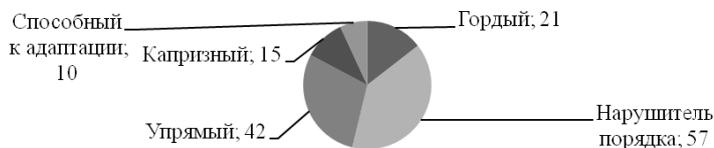


Рисунок 9. Характеристика по поведению в социуме

Запечатленный в диалектной языковой картине мира негативный образ упрямого, гордого, капризного человека, доставляющего трудности окружающим, причиняющего беспокойство, нарушающего нормы поведения в коллективе, отражает ценности общины (мира), связанные с приоритетом

общего над личным, коллективного над индивидуальным.

Участок микрополя, репрезентирующий человека, способного к быстрой и легкой адаптации к жизни в социуме (10 лексических единиц), не имеет столь детальной разработки в литературном языке, где отсутствуют однословные синонимы диалектных лексем со значением ‘быстро и легко ко всему привыкающий’ — *выкалый, наваджый, навадный, обседчивый, обычный, обычливый, оседчивый, свычливый, свойчатый, привытчивый*. В разработанности данной семантической сферы и наличии положительного оценочного компонента в структуре лексических значений диалектных прилагательных, характеризующих человека, способного к быстрой социальной адаптации, отражена ценность для носителей диалекта таких качеств, как умение приспособливаться к существованию в коллективе, умение легко осваиваться в новой среде, вести себя в социуме в соответствии с принятыми нормами и традициями. Обладание данными качествами в народном сознании не только представляется полезным, но может стать основой для выживания в экстремальных условиях.

Итак, изучение семантической организации лексико-семантического поля «Человек», выявление входящих в его состав микрополей, определение их объема и лексического наполнения, дает возможность прийти к интересным с аксиологической точки зрения выводам о языковом образе человека, в котором запечатлены стереотипные представления тверских диалектоносителей об основных параметрах оценки внешних и внутренних качеств человека.

Литература

Березович Е. Л. Интерпретационная семантика в парадигме лингвистического исследования // Язык. Система. Личность / ред. кол.: Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 38–60.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 280 с.

Одинцова М. П. К теории образа человека в языковой картине мира // Языковой образ-концепт «человек» в русской языковой картине мира: Ипостаси, параметры, семантические и семантико-синтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативно-прагматические реализации / под ред. О. В. Коротун, Н. Д. Федяевой. Омск: Вариант-Омск, 2011. 122 с.

Резанова З. И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов докладов 4-х духовно-исторических чтений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 69–74.

Lexemes reflecting the features of a person in the Tver dialects

Natal'ya YU. Gribovskaya
Tver State Medical University

The article discusses the linguistic means of describing the image of a person in Tver dialects. Dialect nouns and adjectives that characterize a person form a lexical-semantic field, the semantic organization of which contains ethnocultural information. The study of the semantic organization of the lexical-semantic field, the identification of microfields in its composition, the specification of their capacity and lexical content makes it possible to draw certain conclusions about the linguistic image of a person, reflecting the people's perception of the basic parameters of the features of a person.

Key words: dialectology, dialects, lexico-semantic field, language picture of the world, human image in language.

References

Berezovich E.L. Interpretacionnaya semantika v paradigme lingvističeskogo issledovaniya [Interpretative semantics in the paradigm of linguistic research] // YAzyk. Sistema. Lichnost' [Language. System. Personality] / red. kol.: T.A. Gridina, N.I. Konovalova. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. Pp. 38–60.

Berezovich E.L. YAzyk i tradicionnaya kul'tura: Etnolingvističeskie issledovaniya [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. M.: Indrik, 2007. 600 p.

Karasik V.I. YAzykovoĵ krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

Leont'eva T.V. Intellect cheloveka v russkoĵ yazykovoĵ kartine mira [Human intelligence in the Russian language picture of the world]. Ekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2008. 280 p.

Odincova M.P. K teorii obraza cheloveka v yazykovoĵ kartine mira [On the theory of the image of a person in the linguistic picture of the world] // YAzykovoĵ obraz-koncept «chelovek» v russkoĵ yazykovoĵ kartine mira: Ipostasi, parametry, semantičeskie i semantiko-sintaksicheskie kategorii, modeli i submodeli, kommunikativno-pragmatičeskie realizacii [Language image-concept “man” in the Russian linguistic picture of the world: Hypostases, parameters, semantic and semantico-syntactic categories, models and submodels, communicative-pragmatic implementations] / pod red. O. V. Korotun, N. D. Fedyaevoj. Omsk: Variant-Omsk, 2011. 122 p.

Rezanova Z.I. Čelovek v cennostnoĵ kartine mira (na materiale sibirskih dialektnyh leksičeskikh sistem) [A person in the axiological picture of the world (based on the material of the Siberian dialect lexical systems)] // Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashčee, buduščee: sbornik tezisov dokladov 4-h duhovno-istoričeskikh čtenij [Culture of the Fatherland: past, present, future: a collection of abstracts of the 4th spiritual and historical readings]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. Pp. 69–74.

Диалектные фразеологизмы в говоре одного села

Валентина Никитична Гришанова

Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева

На примере микродиалекта одного из орловских сёл в статье рассматриваются некоторые особенности диалектной фразеологии: компонентный состав фразеологизмов, варьирование, синонимия, коннотация. Оценивается сложность сбора материала.

Ключевые слова: диалектная фразеология, говор, особенности.

Последние четыре десятилетия ознаменованы значительным интересом лингвистов к диалектной фразеологии: выходят в свет монографии, защищаются диссертации, появляется большое количество научных статей [Краева 2007; Подюков 2010; Харлова 2015 и др.]. Попытка уяснить особенности диалектной фразеологии на материале микродиалекта (говора села Борилово Болховского района Орловской области) представляется небесполезной, особенно в свете выдвинутой В. М. Мокиенко идеи создания «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» [Мокиенко 2011; Мокиенко 2017; Мокиенко 2018].

Степень фразеологичности диалектной речи гораздо выше литературной уже потому, что современные носители говоров — люди, владеющие и литературной формой национального языка (следовательно, и его фразеологией), и диалектной речью, которая отличается яркой образностью, выразительностью, и не последнюю роль в этом играют диалектные фразеологические единицы.

Выпуск «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» — дело колоссальной сложности, с одной стороны, в силу неразработанности или спорности многих вопросов диалектной фразеологии, с другой — в силу

трудности сбора материала. Вряд ли можно говорить о «полноте» такого словаря, потому что зафиксировать всё, что есть в диалектной речи, практически невозможно: несмотря на традиционность, она подвижна и изменчива. К тому же сбор диалектного фразеологического материала представляет особую сложность, поскольку крайне трудно, практически невозможно, получить фразеологизм в ответ на вопросы, задаваемые информанту. Диалектный фразеологизм можно «поймать» в спонтанной речи и лишь после этого что-то выяснить, уточнить о его семантике, сфере употребления, окраске и т.п. Показателен следующий эпизод. Во время обеда мужчина (1942 года рождения) зачерпнул суп и, увидев на ложке довольно длинный и широкий кусок затолочки, тут же среагировал: *«Во! Иван Иванча пинжак». Зато-лѳчка* — ‘толчёное мясо для заправки первого блюда’. Кусок мяса (обычно небольшой), на котором приготовлен бульон, вытаскивают, толкут, разделяя на волокна, а затем опускают в приготовленное первое блюдо и размешивают в нём — в каждой тарелке при разливании оказывается небольшое количество мяса. На вопрос, почему это *Иван Иванча пиджѳк*, информант пояснил: *«Ну, вот ешь што-нибудь, вытацил большое, што тянитца, вот и гаварили: Иван Иванча пинжак. Ну, там вот мяса или кусок листа капустава ниразрезанный»*. В последующей беседе выяснилось, что выражение это было широко употребляемо в 50-е гг. XX в., *«а типерь (в 80-е гг.) уже так и ни гаваряют»*. В ответ на реплику: «Но вот Вы-то сказали» — последовал ответ: «Ды как-то само собой вырвалось». Судя по всему, предыдущее общение, связанное с разговорами о языке, активизировало языковую память человека, и он, как в детстве, спонтанно отреагировал на возникшую ситуацию.

В этом эпизоде отразилась важная особенность диалектной фразеологии — относительно быстрая её изменяемость. Возникновение фразеологизма в пределах узкого социума зачастую связано с известной всем яркой ситуацией, название которой получают другие ситуации, чем-то похожие, или

с предметом, задействованным в такой ситуации, название которого в результате метафорического переноса получают другие предметы. Ситуация забывается — и фразеологизм уходит из употребления. Хотя происходит это не всегда. Примером тому могут служить другие ФЕ с компонентом-именем собственным.

Заметим, что фразеологические единицы с компонентом-именем собственным представляют также одну из особенностей фразеологии говора.

Балда Машина — ‘о человеке, совершающем необдуманные, глупые поступки’. *О! балда Машина, што и ты делалш! Ай ни видишь, куды прёсси? / А ана, балда Машина, вазьми ды и расскажы ему.*

Как Хима по сараю — ‘без дела, неприкаянно’. *Ну што ты бродишь как Хима по сараю, ай занятца нечим.*

(Как) на Маланьину свадьбу — ‘очень много (о количестве приготовленной еды)’. *Ну, наготовили как на Маланьину свадьбу. / А катлет-та! На Маланьину свадьбу.*

(Как) Филя Филатов — ‘нелепо выглядящий, перепачканный, в рванье’. Бабушка — внуку, игравшему в индейцев: *«Филя Филатов, иде и ты был, што и ты делал!»* Женщина — мужу, надевшему старые рваные брюки и телогрейку, чтобы вывозить на огород навоз: *«Ну, нарядилси. Как Филя Филатов»*.

Устойчивые выражения с компонентом-именем собственным употребляются, хотя никто не помнит, кто такие Маша, Меланья, Ефимия, и только один информант 1938 года рождения пояснил, кто такой Филя Филатов. Этот молодой мужчина (умер в пятидесятые годы) могучего телосложения с интеллектом ребёнка был уроженцем соседней деревни, но большею частью слонялся по Борилово. Родных он не имел. Был безобиден, неприхотлив, очень силён, и его часто приглашали помочь выполнить разного рода работу, обычно тяжёлую или грязную. За это кормили, давали старую одежду, которая всегда была ему мала, поэтому ходил он в рванье не по росту. Его не обижали, относились с известной долей жалости

и сочувствия. Примечательно, что это отношение сохранилось в коннотации устойчивого выражения: оно произносится снисходительно или с лёгкой иронией, но никогда — со злобой или осуждением. Фразеологизм как узелок народной памяти сохранил в коннотации отношение к человеку, которого практически уже никто не помнит, — память языка оказалась сильнее памяти людей.

Говоря об особенностях фразеологии в говоре, следует отметить наличие значительного количества фразеологизмов с компонентом, обозначающим христианские понятия. Наличие в системе говора таких ФЕ знаменательно, особенно интересен процесс формирования семантики, который вполне определенно отражает взгляд человека на мир (подробнее см. [Гришанова 2004]). В качестве компонентов этих ФЕ выступают слова, обозначающие в свободном употреблении христианские понятия разного рода: отвлеченные понятия, процессы, атрибуты христианских обрядов и др., при этом фразеологизмы с подобного рода компонентами называют явления, действия, предметы, понятия и т.п. вполне быденного, бытового характера.

ФЕ *о душечке* употребляется в говоре в двух значениях. 1. 'Немощный, бессильный от старости'. *Сама-та ана ни искупаитца, каму там купатца, ана а душичке. / Ды я сама шишо зделаю, што я, савсем а душичке!* 2. 'Не имеющий средств к существованию, неимущий, нуждающийся, очень бедный'. *Усё грязная, пасуда ни чиишына; ну уи ни то што уи прям а душичке, есть нечива, кусок мыла-та можна купить тарелки мыть.* Примечательна в этой ФЕ форма существительного, употребленного с суффиксом субъективной оценки, форма, выражающая отношение носителей говора к понятию *душа*, которое является одним из ценностных ориентиров человека. Это отношение проявляется и в другой ФЕ *дúшу рóнитъ* (по ком-л.) — 'очень сильно любить (кого-л.)'. *Ды он па ней дúшу рóнитъ, а ана на ниво дажсы внимания ни абрацаить. / Любил, ды как любил, тожса дúшу ранíл па мне.* Значение 'очень сильно', выражаемое фразеологизмом

душу ронить, имеет ограниченную сочетаемость, в этой ограниченности проявляется и христианское мировосприятие носителей говора, и их ценностные ориентиры: душа — это ценность, которую нельзя терять, но если что и стоит потери души, то только любовь. Интересно, что существительное *душа* употребляется в формах субъективной оценки довольно часто, например, в выражении *но́жки летáли — ду́шку пита́ли* — ‘когда здоров, тогда и сыт’. — *Всё у нас наоборот: в пост мясо ели, а теперь без мяса сидим.* — *Ношки лitalи — душку питали. Вот выздаравешишь — купим мяса, апятъ ешь будим.*

Важное христианское понятие обозначается словом *грех*, входящим во фразеологизм *к смёрти грех* ‘очень срочно; так, что нельзя отложить даже на короткое время’. *Падажди, падажди, аклимайся, а то сичас пастираишь ды апятъ забалеишь — ни к смерти грех.* / *Зачем диван-та падымала? Прям тебе к смерти грех паслатъ этат палас была нада!* / *Што тебе, к смерти грех, што ты спишыла-та? Можна была падаждать.* Примечательна и ФЕ *грех неотмолённый*, представляющая по форме церковное выражение, но применяемое в самых обыденных житейских ситуациях и служащее для выражения недовольства кем-л., мягкого укора. *Тань, апятъ ты май тапки схватила, вот грех-та ниатмаленнай.* / *Што и ты наделал, у-у, грех ниатмаленнай! ваду разлил.* Показательно, что обе ФЕ с компонентом *грех* связаны с выражением отрицательных, но «мягких» эмоций.

В говоре функционируют ФЕ, связанные с обозначением действий, производимых при совершении христианских обрядов, — крестить и молить.

ФЕ *не кстя не моля* ‘неожиданно’. *Хто и их знал, што ани ни кстя ни маля цены падымутъ.* / *Глянъ-кя, пришла Наташка-та, ни кстя ни маля припёрлась — встричайтя ие, припёрлась.* Эта ФЕ имеет явную отрицательную эмоциональную окраску осуждения, что соответствует христианским представлениям о недопустимости делать что-либо без

предварительного благословения. Напротив, положительную эмоциональную окраску имеет ФЕ *хрестить доро́гу*, употребляющаяся в значении ‘желать удачи’. *Што ш, ришыли ехать — пусть едут, нада дарогу хрестить, ни астанавливай*. Формирование и семантики, и эмоциональной окраски ФЕ в этом значении связано с представлением о том, что, когда человек отправляется куда-либо, необходимо осенить крестом, перекрестить и самого человека, и вослед ему дорогу, по которой он уходит или уезжает. Это действие предполагало дальнейшую удачу. Однако ментальность русского человека такова, что он мог использовать крестное знамение и во вред другому человеку, как бы закрепляя адресованное ему недоброе пожелание. В этом проявляется причудливое переплетение христианского и языческого мировосприятия, веры и суеверия, привлечение христианской атрибутики для богопротивного дела. *А дарогу хрестить — эта и па-харошему, хрестять чилавека удадзячива: «Благаслави вас Госпади у путь-дарогу!» Эта божья благаславенья. А магли и праклятья: «Вон, пашили, шоп вам путья не была!» — и пирикрестять услет издаля, хто на каво злой стаить, праклинаить*. Так у ФЕ *хрестить доро́гу* формируется второе, антонимичное первому, значение ‘желать зла’. *А што ты а ём жалкуишь, ты ш иво праклинала, ты ему усё дарогу хрестила*. На базе относительно отвлеченного второго значения у ФЕ формируется третье, более конкретное, бытовое, значение ‘наводить смуту, ссорить’. *Таво п не была у маладых, а ана улезла, ана им усё время хрестила дарогу. / Да и раншы гаварили: «Ана ей дарогу хрестить, мишаить»*. *Эта ни па дароге, а па разгавору: хрестить дарогу — гаварить. К ним улизайть, смутню делаить, а дарога — жызыня*.

Формирование значения ФЕ может быть связано с представлениями о нормах жизни, поведения, предписываемых христианской традицией. Последний день перед постом — заговенье, в орловских говорах *заговенья*. К человеку, не соблюдающему предписанные верой нормы, в народе относились неодобрительно, что и нашло отражение в ФЕ *у ней*

заговен нету, всё мясоёд — ‘о человеке, не знающем меры, предела в своих желаниях’. *Вот анна шшыла адну юпку — другую захатела; шшыла другая — захатела третью. Вот и гаваряць: «Ну, разахотилась, загавин нету, усё мясает. И шшо будить шыть, загавин нету.* В соответствии с мировосприятием носителей говора эта ФЕ имеет неодобрительную эмоциональную окраску.

Значение ФЕ *как ладанка* — ‘очень хорошо оберегаемый, защищаемый от чего-л. опасного, нежелательного, вредного’ сформировалось на основе представления о том, как хранят ладанку — ‘мешочек с ладаном, с талисманом или записочкой, содержащей заговор, молитву и т.п., который носят на груди’ (МАС 2: 160). *Как ана, бедная, жыветь! А тут жывешь как ладанка и балешь. — Что значит как ладанка? — Как ладанка? У збириженью. Ладанку-та, це биригли.*

В говоре встречаются ФЕ с компонентами номинациями священнослужителей, например, *защятный поп* ‘человек, отошедший по возрасту от дел’. *Делайте, как хочете — я типерь поп защятнай. / А што ты у дила-та лезишь, ни умешывайся, ты типерь поп защятнай.* ФЕ имеет уничижительную окраску, в чем находит отражение не очень почтительное обиходное отношение носителей говора к священнослужителям, живущим рядом с ними и воспринимаемым в миру просто в качестве членов социума, чьи человеческие слабости и недостатки всем известны, недаром в качестве компонента ФЕ закрепилось слово *поп*, имеющее негативную окраску.

Особенностью диалектной фразеологии является высокая степень варьированности фразеологизмов.

Наиболее устойчива в плане варьирования в говоре микрофразеология, хотя единиц такого типа довольно много и они представлены разными структурными типами: *в полнос, на жак, про случай, на доходе, к непробытку, как асивашка, с бурсью, без толку* и т.п. Варьированию подобных единиц препятствует их структура. В силу

особенностей компонентного состава любое изменение ведёт к нарушению внутренней формы и, как следствие, к появлению другой единицы. Кроме того, подобные фразеологизмы имеют довольно жесткую грамматическую связь с лексическим окружением — изменение состава компонентов или формы одного из них неизбежно ведёт к изменению связей со словами окружения, что влияет и на семантику ФЕ.

Наибольшей вариантностью обладают в говоре ФЕ ярко выраженного эмоционально-экспрессивного характера: пожелания недоброго, проклятия, божба и т.п. У фразеологизмов такого рода явно выражена связь между их структурой, грамматической формой компонентов и степенью экспрессивности.

ФЕ с глагольным компонентом в форме повелительного наклонения представляют собой проклятия (*огневáя колесни́ца тебá подхватí*) или божбу (*пропадí я про́падом*). Если же глагольный компонент имеет форму изъявительного наклонения и в состав ФЕ входит *чтоб, чтобы*, то степень экспрессивности несколько уменьшается и фразеологизм приобретает значение недоброго пожелания кому-либо (*чтоб тебá огневáя колесни́ца подхвати́ла*). При божбе конструкции такого рода не употребляются, вероятно, в силу несовместимости их значения с утверждением достоверности высказывания, которое и составляет суть божбы. Утверждение высокой степени достоверности в этих случаях достигается иными средствами, например, путём расширения компонентного состава за счёт введения компонента-усилителя: *сгорí я на мéсте — сгорí я на э́том мéсте*.

Даже в одном говоре встречаются многообразные типы варьирования фразеологических единиц.

Наиболее распространенным является лексическое варьирование.

При этом варьирующиеся компоненты в свободном употреблении могут быть синонимами (литературными, литературным и диалектным, диалектными); словами одной лексико-семантической или тематической группы; входить

в градационный ряд, обозначая действия различной степени интенсивности, и т.п.: *около да обáполо — вокрýг да обáполо; утрба твоя лóпни — я́треба твоя лопни; в ма́ялку играти́ — в лётку играти́; кулико́в закликáть — жаворо́нков закликáть.*

Одна из разновидностей лексического варьирования ФЕ определяется наличием в их структуре переменного компонента: *огневая колесница тебя (её, его, их и т.п.) подхвати, у неё (него, тебя и т.п.) заговен нету.*

Широко распространены в говоре варианты с разным морфемным составом компонента: *огненная (огневáя) колесни́ца тебá подхвати́, бы́ком (бычко́м) пить, бы́ком пить (вы́пить).* При этом одни единицы абсолютно идентичны по значению, у других появляются дополнительные оттенки в семантике, часто сопровождающиеся изменением грамматического значения фразеологизма. При этом грамматическое значение всего фразеологизма зависит именно от варьирования грамматической формы компонента: *жýдости (жýдость) нагоня́ть (нагна́ть).*

Один из продуктивных типов варьирования в говоре связан с изменением количественного состава компонентов ФЕ. С одной стороны, наблюдается расширение компонентного состава (*сгори я на месте — сгори я на этом месте*), с другой стороны — его сокращение (*около да обáполо — около обáполо*).

Усечение фразеологизма широко распространено в диалектной речи, оно соответствует её динамизму, выразительности и ведёт к появлению в говоре вариантного ряда фразеологической единицы: *да голо́вушка моя́ го́рькия — головушка моя го́рькия — да головушка го́рькия — головушка го́рькия; у неё (него, них и т.п.) заговен нету, всё мясоед — заговен нету, всё мясоед — у неё заговен нету — заговен нету.*

И наконец, ещё одна особенность фразеологии в говоре — широкое распространение синонимии. Фразеологический фонд говоров русского языка весьма широк, он включает как

диалектные единицы, так и литературные, и, поскольку в говоре функционируют оба типа фразеологических единиц, это ведёт к возникновению между ними синонимических отношений. Чаще всего в синонимические отношения вступают диалектные и литературные единицы, имеющие однотипную структуру. При этом один из компонентов, как правило, повторяется и в литературной, и в диалектной единице, а другие компоненты — разные: лит. *пойти прахом* — диал. *пойтí хíнью*; лит. *без мыла в душу лезть* — диал. *без мыла в нос залéзть*; лит. *сжечь (согнать) со света* — диал. *сó свету скатíть*. Своеобразие структуры позволяет некоторым исследователям рассматривать подобные единицы как варианты. Однако «вариантность» компонентов у таких фразеологизмов является не результатом преобразования одной единицы, а следствием моделируемости фразеологизма.

При однотипности структуры и различиях в её наполнении синонимичность таких единиц определяется во многом отношениями составляющих элементов, прежде всего тех, которые могут быть названы переменными.

Между словами, выступающими в составе литературных и диалектных фразеологических синонимов в качестве переменных компонентов, в свободном употреблении обнаруживаются определенные семантические связи, это могут быть слова синонимы (лит. *белены обзелся* — диал. *бéseва обзелся*, словом *бéseво* в говоре называется белена); слова, близкие по значению, зачастую имеющие общую сему (лит. *дать жару* — диал. *дать пáрева, дать горякá*); слова, входящие в одну лексико-семантическую группу или близкие группы (лит. *до потери сознания* — диал. *до потéри пýльса*; лит. *выматывать кишки* — диал. *вымáтывать жíлы*); слова, между которыми обнаруживается ассоциативная связь на основе сходства называемых предметов по какому-либо признаку (лит. *как аршин проглотил* — диал. *как лом проглотил*); слова антонимы (лит. *дать жару* — диал. *дать холоду*) и т.д.

В качестве переменных компонентов могут выступать диалектные слова, свободно функционирующие в говоре (*бёсево, пáрево*) и употребляющиеся только в составе фразеологизмов (*горя́к, хинь*), а также слова общенародные (*пульс, лом*). Эмоционально-экспрессивная окраска таких синонимов, как правило, одинакова, различаются они внутренней формой, в формировании которой существенную роль играет семантика элементов фразеологизирующегося словосочетания.

Обращение к говору только одного села сужает круг рассматриваемого материала, что, с одной стороны, ограничивает возможность обобщений, с другой стороны, позволяет предположить, что в одном говоре отражены общие особенности функционирования диалектных фразеологических единиц.

Литература

Гришанова В. Н. Диалектные фразеологизмы с компонентом, обозначающим христианские понятия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб.: Наука, 2004. С. 119–124.

Краева В. Ю. Особенности диалектной фразеологии Алтая (на примере семантического поля «Трудовая, хозяйственная деятельность») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 11. № 32. С. 112–120.

Мокиенко В. М. Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 190–198.

Мокиенко В. М. Значение новгородской фразеологии для русской диалектной фразеологии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 2 (10). С. 15.

Мокиенко В. М. Структурно-семантическая модель в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 305–312.

Подюков И. А. О локальных особенностях пермской диалектной фразеологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5 (11). С. 18–22.

Харлова Н. М. Особенности диалектной фразеологии Зауралья // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 130–134.

Dialectal phraseological units in the dialect of a particular village

Valentina N. Grishanova,

Orel State University
named after I. S. Turgenev

Using as a model the micro-dialect of one of the settlements located near Orel the article discusses some peculiarities of dialectal phraseology: component structure of phraseological units, variation, synonymy, and connotation. Besides, the difficulty of collecting material is assessed.

Key words: dialect phraseology, dialect, peculiarities

References

Grishanova V. N. Dialektnye frazeologizmy s komponentom, oboznachayushchim hristianskie ponyatiya [Dialectal phraseological units with a component denoting the concepts of Christianity] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2003–2004. SPb.: Nauka, 2004. Pp. 119–124.

Kraeva V. YU. Osobennosti dialektnoj frazeologii Altaya (na primere semanticheskogo polya «Trudovaya, hozyajstvennaya deyatel'nost'») [The peculiar features of the Altay region dialectal phraseological system (represented by the semantic field of working and household activities)] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007. V. 11. № 32. Pp. 112–120.

Mokienko V. M. Proekt «Frazeologicheskogo slovarya russkikh narodnyh govorov» [The project of the Phraseological dictionary of Russian dialects] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2011. № 3 (33). P. 190–198.

Mokienko V. M. Znachenie novgorodskoj frazeologii dlya russkoj dialektnoj frazeografii [The importance of the Novgorod phraseology for Russian dialectal phraseography] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Novgorod State University]. 2017. № 2 (10). P. 15.

Mokienko V. M. Strukturno-semanticheskaya model' v «Polnom frazeologicheskom slovare russkikh narodnyh govorov» [The structure-semantic model in the Full phraseological dictionary of Russian dialects] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2018. SPb.: ILI RAN, 2018. P. 305–312.

Podyukov I. A. O lokal'nyh osobennostyakh permskoj dialektnoj frazeologii [On the local peculiarities of the Perm dialectal phraseological system] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. № 5 (11). P. 18–22.

Harlova N. M. Osobennosti dialektnoj frazeologii Zaural'ya [The peculiar features of the Transurals dialectal phraseological system] // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2015. № 4. P. 130–134.

Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края: история формирования и типологические характеристики

Виолетта Михайловна Грязнова

Северо-Кавказский федеральный
университет

В статье рассматривается исторический путь казаков-некрасовцев, после долгой эмиграции переселившихся в 1962 году в села Левокумского района Ставропольского края. Автор полагает, что русский говор казаков-некрасовцев в период их проживания в Турции по своим типологическим характеристикам принадлежит к островным ареалам, так как противопоставлен языку населения Турции, его носители по религиозной принадлежности отличны от вероисповедания жителей страны, в которой предки некрасовцев прожили 254 года, культурная общность русского православного анклава и турецкого мусульманского окружения не сложилась, вынужденное принятие гражданства страны проживания не привело к адаптации некрасовцев к турецкому обществу.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, старообрядцы, Турция, островной говор.

С сентября 1962 года в селах Левокумского района Ставропольского края проживает особая группа русского этноса — казаки-некрасовцы. Они переселились на Ставрополье из Турции, где их предки прожили 254 года по заветам своего предводителя Игната Некрасова. Это была последняя волна казаков-переселенцев из Турции. Одна тысяча казаков (215 семей) была размещена в двух поселках: в поселке Новокумском (винсовхоз «Левокумский») — 114 семей (495 человек) и в поселке Кумская Долина (винсовхоз «Бургун-Маджарский») — 101 семья (505 человек). Некрасовец В. П. Саничев, организатор переселения в Советский Союз, говорил: «Разные агитаторы нас смущали. Подбивали

переселиться в США, Канаду, Аргентину, Францию. А наши казаки решили: «Пойдем до своего языка, до братьев по крови, на землю своих предков». А как пересекали границу, у меня в сердце сто светов открылось. Кругом свои, свой язык, люди живут в достатке» [Рабчешская 2012: 35].

Желание сохранить истинную веру было одной из основных причин недовольства и бегства казаков-некрасовцев на чужбину. «Уходя с Дона, казаки-некрасовцы взяли с собой древние книги, рукописи, иконы. Везде, где проживали казаки, они строили часовни и храмы, регулярно совершали богослужения. Церковь была центром и духовной, и общественной жизни» [Денисов 2009: 68]. Именно вера позволила казакам-некрасовцам в течение веков сохранять русскую культуру в окружении этноса, чуждого им по вероисповеданию и языку. «В условиях мусульманского мира вера у некрасовцев была как прибежище, как единственный источник, связывающий их с Родиной. Рассказывают, что в своих молитвах они “уходили” от чуждого мира, боясь отуречиться» [Рабчешская 2012: 25].

Переселившись в Турцию, некрасовцы стремились сохранить свои национальные особенности, традиции, «эта замкнутая, самодовлеющая община из поколения в поколение производила одни и те же культурные модели. Именно благодаря этому эмигрантам удалось сохранить культуру предков, язык, устную поэзию» [Рабчешская 2012: 25].

В Турции, в с. Коджагёль (первоначальное название Старые Казаки), на берегу озера Майнос, где жили казаки-некрасовцы в XX веке, было две общины и, соответственно, две церкви, нужды, содержание и ремонт которых оплачивала вся община. На Майносе традиционные казачьи устои, быт и фольклор сохранялись в неприкосновенности. «Причин такой консервативности две: во-первых, экономической основой жизни казаков оставалось артельное рыболовство, практически не создававшее возможности для возникновения неравенства и расслоения в общине; во-вторых, чуждое по обычаям, вере и языку турецкое окружение исключало ассимиляцию» [Смирнов 1986: 103].

Политический деятель и писатель М. С. Чайковский в конце XIX в. побывал у некрасовцев в Турции. Вот как он описывал свои впечатления: «Некрасовцы остались теми же, какими вышли некогда с Дону. Они нисколько не изменили обычаев своих предков, и если бы кто-нибудь из товарищей Некрасова мог проснуться на берегах Майносского озера, он не нашел бы никаких перемен, кроме новой местности. Это славянское племя сохранило всё и не утратило ничего из наследия предков. Ни один фаланстер не мог дойти до такой степени единения и согласия всех. Поэтому-то и в изгнании они не перестали быть казаками, были в чести у всех» [Чайковский 1892: 117].

Исследователь Кубанского казачества П. П. Короленко так писал о потомках русских кубанских казаков, живущих «в турецких пределах»: «Некрасовцы сохраняют свой русский язык, старые русские обычаи и костюмы, хаты строят и все домашнее хозяйство ведут по русскому образцу. Словом, майносские казаки живут по-русски и любят все старое русское» [Короленко 1900: 71]. Он отмечал, что социальная жизнь казаков-некрасовцев в Турции была полна сложностей: «Майноская колония некрасовцев управляется беєм. Он получает от своего общества содержания 20 лир. В прежнее время Оттоманская Порта мало вмешивалась в дела этой казачьей колонии, предоставляя управление ею казачьему атаману и старшинам общества; но в последнее время власть атамана во многом ограничена турецким правительством. Атаман, хотя и собирает по старому порядку войсковой круг казаков с их есаулами, но только для обсуждения текущих войсковых дел своей колонии, прежний же вольный казачий суд над провинившимися, доходивший до смертной казни, решению круга уже не подлежит» [Там же].

В беседах с вернувшимися в Россию казаками ученые выяснили, что после 1917 г. по отношению к некрасовцам турецкое правительство предприняло ряд репрессивных мер, направленных на уничтожение их самобытной социально-конфессиональной общины. В 1923 г. был закрыт казачий

Круг, вместе с ним закончилась их автономия: казаки стали турецкими подданными, атаман назначался из турок (из числа казаков выбирался лишь помощник турецкого атамана, аза-атаман), судебная власть стала турецкой, селение некрасовцев Старые Казаки было переименовано в Коджагёль. В 1924 г. была запрещена русская школа, а в ее здании была открыта мечеть. В 1931 г. в село Коджагёль стали переселять турок из Болгарии, отбирая для них земли у казаков. Начиная с 1933 г., русские фамилии заменялись на турецкие, часто вместо имен давали клички. В 1934 г. казаки вынуждены были сменить традиционную одежду и стали брить бороду, некрасовский костюм продолжали носить только женщины. В 1935 г. турецкие власти разрешили открыть школу для обучения детей грамоте на турецком языке при условии, что русские дети не будут в школе разговаривать по-русски, за каждое русское слово в школе следовал штраф и наказание палками. Турецкая школа в поселке давала только пятиклассное образование. Продолжать дальнейшее обучение было невозможно из-за отсутствия денег (учеба в средних и высших учебных заведениях была платной). В общественных местах на русском языке говорить запретили. После 1941 г., во время Второй мировой войны, репрессии против казаков усилились (Турция воевала на стороне Германии). «Нам прямо в лицо говорили, что всех христиан надо побить и уничтожить, но не трогали потому, что чувствовали силу Советского Союза. <...> Чтобы услышать правду о событиях на фронте, уходили с батарейными приемниками в поле и слушали сводки советского информбюро. Желание быть вместе со своими стало особенно сильным», — вспоминал казак-некрасовец П. Гаврилов. В 1959 г. атамана В. П. Саничева избili турки из-за того, что он заступился за членов общины, у которых турки отбирали землю. Но несмотря на все чинимые препятствия к выезду, казаки добились возвращения на Родину [Денисов, Агеева 2009: 46–48, 192–201; Рабчевская 2012: 25, 26, 30, 33].

Поселившись после возвращения из Турции в селах Ставропольского края, некрасовцы получили разрешение на строительство церквей. В двух сельских поселениях, в которых стали жить казаки, появились два храма (как в Турции) — в честь Святой Троицы Троицкий храм (п. Кумская Долина) и в честь Успения и Святых Жен-Мироносиц Успенский храм (п. Новокумский).

С сентября 1962 г. казаки-некрасовцы живут среди сельского русского населения, говорящего на южнорусском диалекте, но по-прежнему отличаются от него своим патриархальным укладом в быту, религиозными обрядами (они принадлежат к старообрядчеству), особым женским и мужским костюмом, спецификой состава и исполнения народных песен и былин, и архаической речью. Речь казаков образует специфический русский говор, который восходит к южнорусскому донскому говору. В то же время в силу бытования говора в течении нескольких веков в изоляции речь некрасовцев изменилась настолько, что позволяет определить говор как отдельный, самостоятельный.

Классификационные особенности говора казаков-некрасовцев таковы, что позволяют отнести его к островным говорам, или островным ареалам. Этот термин используется в русистике в работах 70-х гг. XX в. Р. И. Аванесова [Вопросы теории 1962], М. А. Бородиной [Бородина 1966], работах начала XXI в. Н. С. Ганцовой [Ганцовская 2012], Т. И. Вендиной [Вендина 2014], А. А. Плотниковой [Плотникова 2016].

Островной говор — это говор, который не имеет связей с территорией существования форм того языка, к которому он относится по своим генеалогическим характеристикам. А. А. Плотникова выделяет такие общие параметры островных ареалов: «язык анклава и окружение; религиозная принадлежность населения островного ареала и страны проживания; частичная общность / противопоставленность культурной традиции анклава и окружения; особенности совместного проживания с представителями иных этнокон-

фессиональных групп; влияние гражданства страны проживания» [Плотникова 2016: 11].

Покажем выделенные ученым признаки островного ареала по отношению к исследуемому говору:

— говор некрасовцев противопоставлен языку основного населения Турции по генеалогическим и типологическим характеристикам: во-первых, они принадлежат к разным языковым семьям, во-вторых, их морфологические типологические признаки не совпадают (соответственно флективный и агглютинативный языки);

— по своей вере некрасовцы христиане (относятся к такой ветви православия, как старообрядчество), а окружающее их население в Турции — мусульмане;

— общность культурных традиций некрасовцев и турецкого населения не сложилась, некрасовцы соблюдали в быту и церковной жизни русские обычаи и традиции, в соответствии с заветами Игната Некрасова браки с местным населением были невозможны, в то же время некрасовцы знали турецкий язык (учились в турецкой школе) и общались на нем;

— в начале XX в. казаки-некрасовцы были лишены автономии и объявлены турецкими подданными, им стали менять славянские фамилии на турецкие, свидетельство о браке и рождении ребенка выдавалось в турецкой администрации и на турецком языке. В то же время не произошло значительного влияния турецкого гражданства, оно вызвало дальнейшее отторжение чужой культуры и чужого общества.

Анализ собранного материала привел нас к таким обобщениям [Грязнова 2016]:

1) данный говор генетически восходит к донскому говору,
2) в нем вербализуются архаичные фрагменты картины мира славянского этноса и древнерусской народности;

3) в исследуемом материале наблюдаются универсальные константы;

4) в лексике говора запечатлены этапы скитаний некрасовцев;

5) в грамматике говора проявляется менталитет некрасовцев как старообрядцев,

7) в лексике и грамматике говора проявляется такая черта его носителей, как свободолюбие;

8) в лексике говора наблюдается целый ряд турцизмов (одни заимствованы непосредственно из турецкого языка, другие через посредство турецкого языка). Этот процесс был обусловлен как средой проживания, так и тем фактом, что некрасовцы, имевшие обязательное начальное образование в турецкой школе, и говорили, и писали на турецком языке. Состав турцизмов разнообразен: номинации предметов быта, продуктов, кушаний, растений, приспособлений для рыбной ловли и т.п. Влияние турецкого языка прослеживается и в грамматике: возможно, его влияние сказалось и на активной перестройке системы грамматического рода в говоре.

Литература

Вопросы теории лингвистической географии / колл. мон. под ред. Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1962. 254 с.

Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.—Л.: Наука, 1966. 219 с.

Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.: Институт славяноведения РАН. СПб: Нестор-История, 2014. 692 с.

Ганцовская Н. С. Говоры Верхней Унжи в интерпретации А. В. Громова // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2012. С. 24–27.

Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М.: Языки славянских культур, 2016. 728 с.

Денисов Н. Г. Сорок лет на родной земле // Казаки-некрасовцы. Ставрополь, 2009. С. 68.

Денисов Н. Г., Агеева Е. Новые факты истории // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 46–48.

Денисов Н. Г., Агеева Е. Историческая справка о жительстве казаков-некрасовцев в Турции // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. Ставрополь, 2009. С. 192–201.

Короленко П. П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 71.

Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения, 2016. 320 с.

Рабчевская А. Б. Вновь обретенная Родина. Ставрополь, 2012. 95 с.

Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107.

Чайковский М. С. Записки М. Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина, Ежемесячный исторический журнал. Киев, октябрь, 1892. Т. 39. Вып. 12. С. 104–117.

The dialect of Nekrasov Cossacks: its history and typological features

Violetta M. Gryaznova

North-Caucasus Federal University

The article deals with the historical path of the Nekrasov Cossacks, who after a long emigration settled in 1962 in the villages of the Levokum district of the Stavropol region. We believe that the Russian dialect of the Nekrasov Cossacks during their residence in Turkey according to its typological characteristics was isolated from its environment, for it was opposed to the language of the Turkish population, the beliefs of its speakers differed from the religion of the inhabitants of the country in which the ancestors of the Nekrasov Cossacks lived for 254 years, the cultural community of the Russian Orthodox enclave and the Turkish Muslim environment did not emerge, and the forced adoption of citizenship of the country of residence did not result in the incorporation of the Nekrasov Cossacks in Turkish society.

Key words: Nekrasov Cossacks, Old Believers, Turkey, insular dialect.

References

Voprosy teorii lingvisticheskoy geografii [Issues in the theory of linguistic geography] / Koll. mon. pod red. R. I. Avanesova. M.: Nauka, 1962. 254 p.

Borodina M. A. Problemy lingvisticheskoy geografii [Problems of linguistic geography]. M.—L.: Nauka, 1966. 219 p.

Vendina T. I. Tipologiya leksicheskikh arealov Slavii [Typology of the lexical areas of Slavia]. M.: Institut slavyanovedeniya RAN. SPb: Nestor-Istoriya, 2014. 692 p.

Gancovskaya N. S. Govory Verhnej Unzhi v interpretacii A. V. Gromova [Upper Unzha dialects as interpreted by A. V. Gromov] // Aktualnye problemy russkoj dialektologii [Actual problems of Russian dialectology]. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2012. Pp. 24–27.

Gryaznova V. M. Govor kazakov-nekrasovcev Stavropoľskogo kraja [The dialect of the Nekrasov Cossacks of the Stavropol region]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2016. 728 p.

Denisov N. G. Sorok let na rodnoj zemle [For forty years in their native land] // Kazaki-nekrasovcy [The Nekrasov Cossacks]. Stavropol', 2009. P. 68.

Denisov N. G., Ageeva E. Novye fakty istorii [New historical facts] // Kazaki-nekrasovcy. Sbornik materialov [The Nekrasov Cossacks. A Collection of materials]. Stavropol', 2009. Pp. 46–48.

Denisov N. G., Ageeva E. Istoricheskaya spravka o zhitel'stve kazakov-nekrasovcev v Turcii [Historical information on the residence of the Nekrasov Cossacks in Turkey] // Kazaki-nekrasovcy. Sbornik materialov [The Nekrasov Cossacks. A Collection of materials]. Stavropol', 2009. Pp. 192–201.

Korolenko P. P. Nekrasovskie kazaki [Nekrasov Cossacks] // Izvestiya obshchestva lyubitelej izucheniya Kubanskoj oblasti [News of the Society for the Study of the Kuban Region]. Issue 2. Ekaterinodar, 1900. P. 71.

Plotnikova A. A. Slavyanskije ostrovnye arealy: arhaika i innovacii [Slavic insular areas: archaic and innovative features]. M.: Institut slavyanovedeniya, 2016. 320 p.

Rabchevskaya A. B. Vnov' obretennaya Rodina [Newfound Motherland]. Stavropol', 2012. 95 p.

Smirnov I. V. Nekrasovcy [The Nekrasovites] // Voprosy istorii [Issues in history]. 1986. № 8. Pp. 97–107.

CHajkovskij M. S. Zapiski M. CHajkovskogo (Sadyk-pashi) [Notes by M. Tchaikovsky (Sadik-Pasha)] // Kievskaya starina, Ezhemesyachnyj istoricheskij zhurnal [Kievan Antiquity, Monthly Historical Journal]. Kiev, oktyabr', 1892. V. 39. Issue 12. Pp. 104–117.

Лингвистическое картографирование в областном словаре.

Карты наименований частей некоего обобщенного
целого (и их синонимов) в Псковском
областном словаре: карта № 7 «Названия
белка и желтка в псковских говорах»

Юлия Федоровна Денисенко

Институт лингвистических
исследований РАН

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) — словарь с компонентами регионального лексического атласа. В опубликованных 27 выпусках 12 карт таких типов: семантические, синонимические, тематические — названий частей некоего обобщенного целого и их синонимов, лексико-словообразовательные. Анализ карты № 7 указанного типа дополняет данные семантических, синонимических, лексико-словообразовательных карт и тематической карты № 6 о фазах луны (в наших публикациях 2013, 2014, 2015, 2016 и 2017 гг.) о членении псковских говоров, о складывании их номинативно-семантической, синонимической, словообразовательной систем. В лексикографическом аспекте такие карты дают дополнительные аргументы для разграничения разных значений, видов синонимов, вариантных наименований в словаре.

Ключевые слова: лингвогеография, лексические карты, лексические, синонимические изоглоссы и ареалы в региональном словаре, членение псковских говоров.

В одном из параграфов «Инструкции Псковского областного словаря» Б. А. Ларина говорится: «В виде приложения к ПОС будет добавлен комплект карт географического распространения... слов, которые... имеют своеобразные изоглоссы на Псковской карте. По большей части это слова, какие

собраны нашими экспедициями по специальным словарным программам, т.е. карты слов, границы которых в Псковской области зафиксированы проверенными данными... Кроме лексикальных карт будут даны исторические карты границ: 1) Псковского княжества (XIV–XV вв.), 2) Псковского воеводства (XVI–XVII вв.) и 3) Псковской губернии (XVIII–XIX вв.)» [Ларин 2003: 674]. Таким образом, в рамках областного словаря реализуется идея создания «малого» (в пределах одной области) лексического атласа. Сам термин «областной словарь-атлас» представлен у Б. А. Ларина в рецензии о книге Я. Сятковского «Лексика Вармии и Мазурщины. Постройки и изделия из дерева»: «Надо приветствовать эту работу как наиболее выдержанный образец областного словаря-атласа, каких хотелось бы видеть побольше и у поляков, и в других странах. Следовало бы и нашим диалектологам испробовать свои силы в этом новом жанре, так как и для исторической лексикологии, и для исторической диалектологии такие атласы-словари могут быть сокровищницей надежных и важных исходных данных» [Ларин 1962: 136]. Идея совмещения областного словаря и областного лексического атласа была незадолго до этой рецензии представлена в Инструкции ПОС.

В опубликованных 27 выпусках ПОС реализованы картографические положения Инструкции этого словаря: в 1-м выпуске представлена «Историческая карта-схема Псковщины», на которой показаны границы региона с XII в. по 1965 г. — прирастание с каждой исторической эпохой Псковского региона [Мжельская 1967: 7]; в выпусках с 1-го по 27-й — 12 лингвистических карт со сложным распределением различных ареалов на каждой из них.

Лексические карты ПОС созданы по материалам картотеки этого словаря Санкт-Петербургского и Псковского университетов, собираемой с 1945 г. по настоящее время; картотека насчитывает свыше двух миллионов карточек [Ивашко, Поцепня, Лутовинова, Тарасова, Трофимкина, Еськова, Кукушкина 2016: 241].

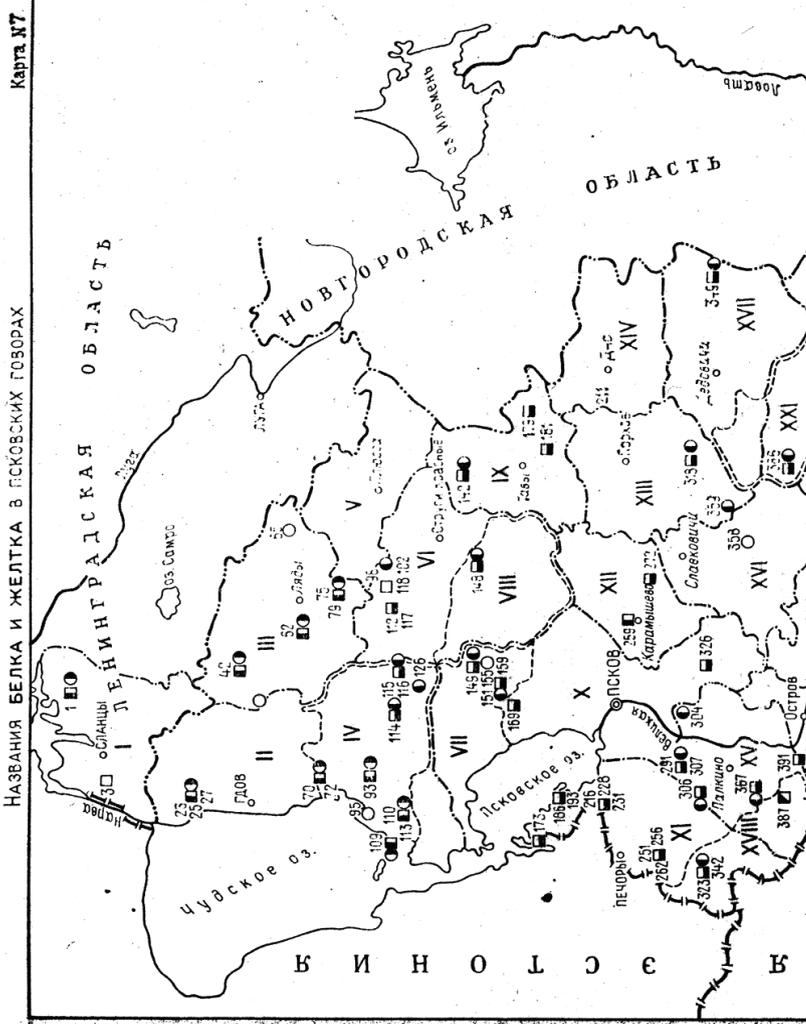


Рисунок 1. Карта № 7 «Названия белка и желтка в псковских говорах» (ПОС 10: 188). Начало

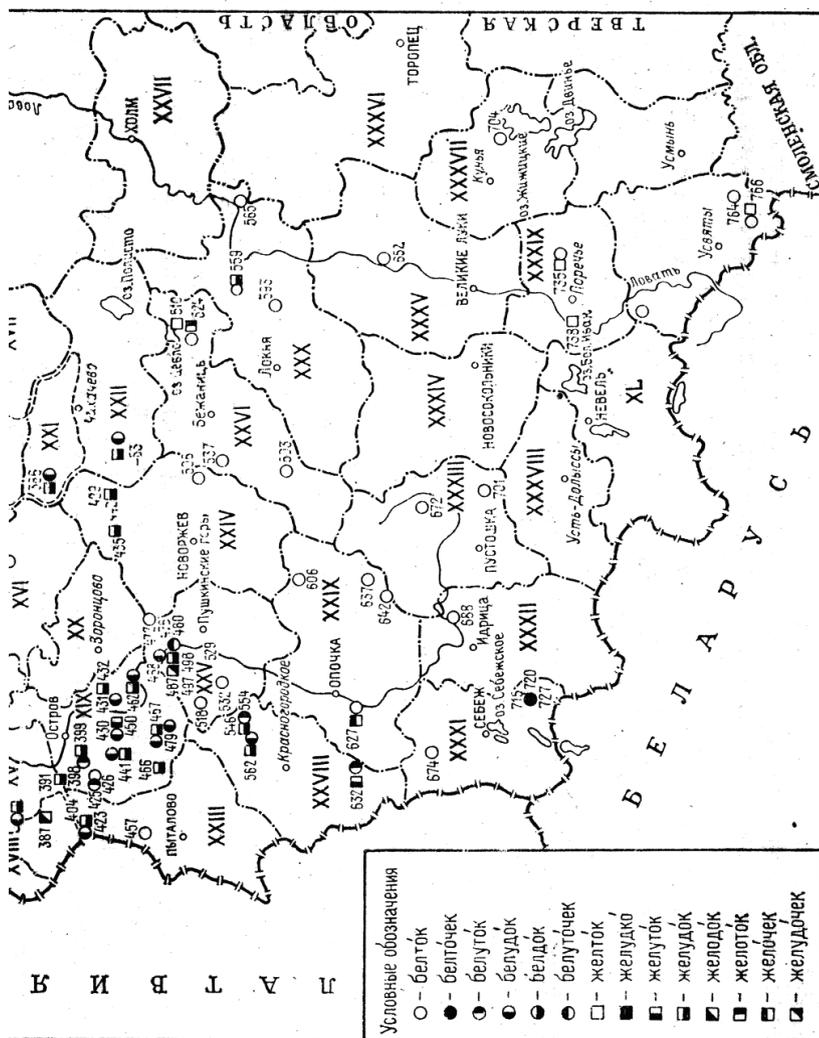


Рисунок 1. Карта № 7 «Названия белка и желтка в псковских говорах» (ПОС 10: 188). Конец

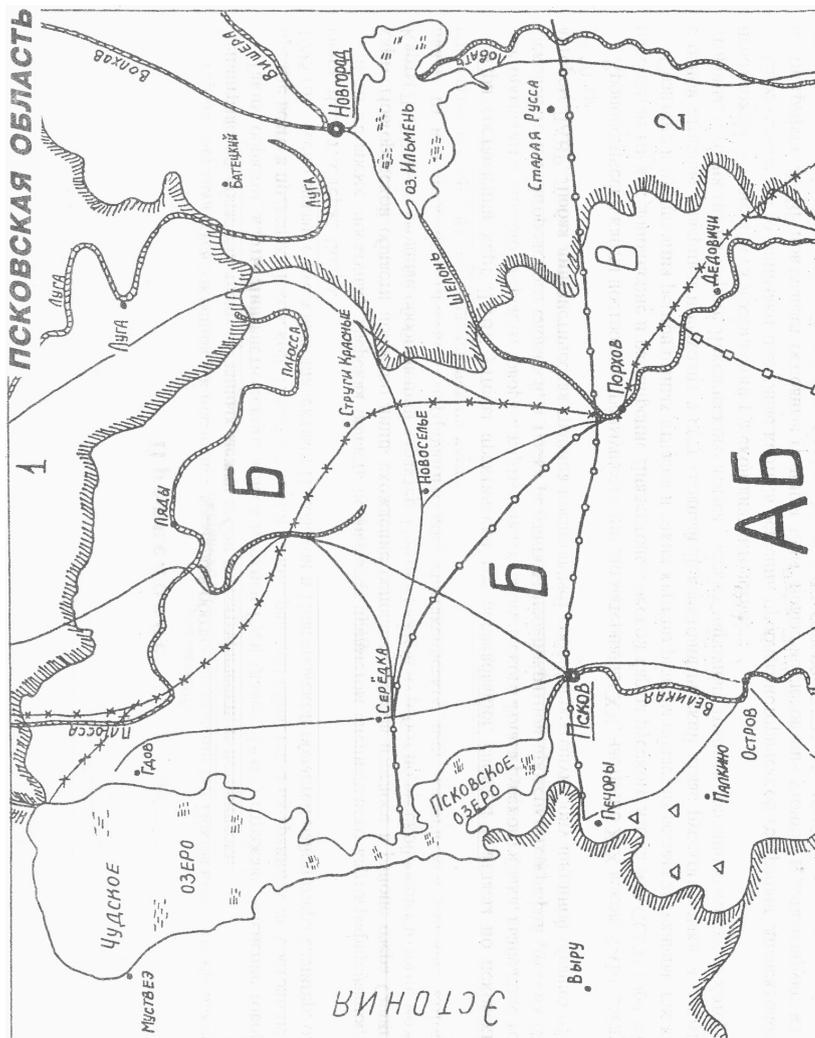
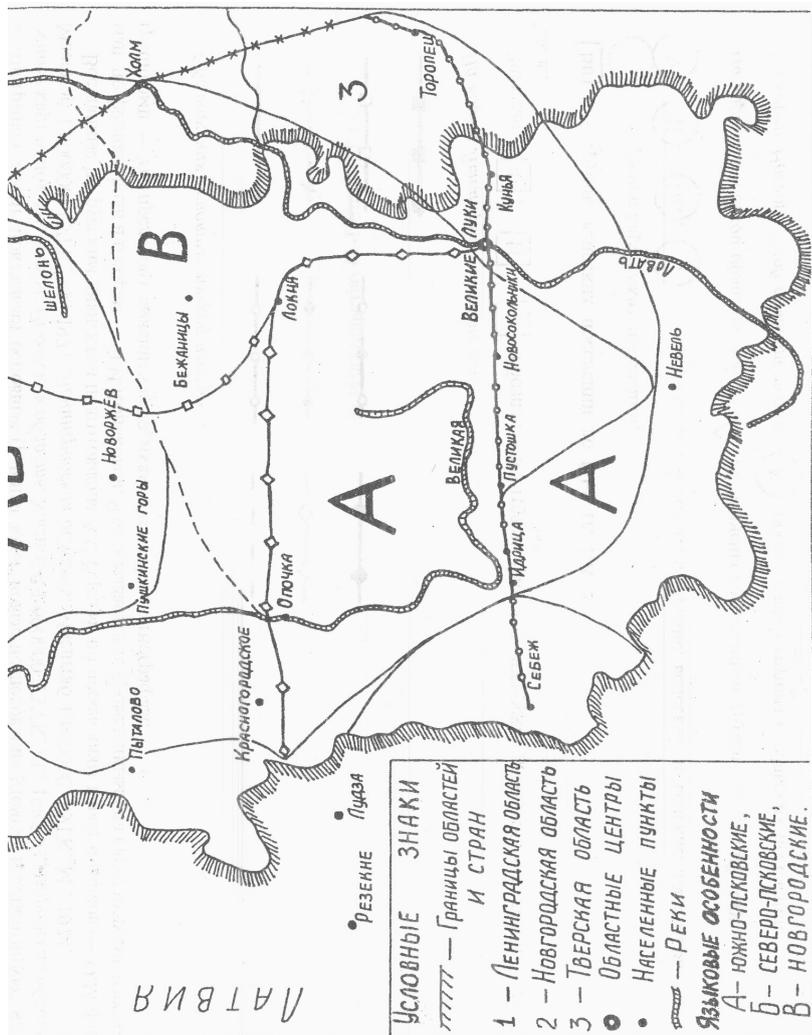


Рисунок 3. Карта Псковской области (Герд 1996: 4).
Начало



Рисисунок 4. Карта Псковской области (Герд 1996: 4). Конеч

Территория обследования: все районы Псковской обл., Сланцевский р-н Ленинградской обл., Торопецкий р-н Калининской обл., Холмский р-н Новгородской обл. (в состав которой передан с июля 1958 г.) и приграничные деревни Латвийской ССР / Латвии, Эстонской ССР / Эстонии.

В «Списке названий населенных пунктов по районам» (ПОС 1: 27–41) опорные пункты картографирования имеют номера (арабские цифры); таких пунктов 766 (последний номер — на самом юге Невельского р-на Псковской обл.); номеров не имеют деревни, отсутствующие на современных (1965 г.) картах области; под одним номером даны названия двух и более населенных пунктов, расположенные в 3–4 км друг от друга. Районы имеют номера до 40-го (римские цифры; районы Усвятский и Усмыньский, обозначенные под номерами 41 и 42 на электронной карте-основе, давно вошли в состав смежных районов и отсутствуют в Списке населенных пунктов; на картах с 22-го выпуска ПОС их номерные обозначения отсутствуют). Перечень населенных пунктов с каждой экспедицией пополняется (обновленный список готовят к публикации в ближайшее время), но сетка номерных пунктов для картографирования остается пока в прежнем виде, в связи с чем все опубликованные карты сопоставимы друг с другом. С 22-го выпуска ПОС (2011) карта-основа переведена в электронную форму, карта № 11 и последующие лингвистические карты создаются на ее базе.

Карта-основа с нанесенными на нее всеми номерными обозначениями населенных пунктов и районов (наряду с представленными в тексте ПОС лингвистическими картами) создана в печатном виде как вкладка к 1-му выпуску ПОС; на ее базе составлены лингвистические карты, однако и любой пользователь словаря может создать для себя «картинку» фиксации заинтересовавшего его лексического явления (проставив номера при деревнях соответствующего фрагмента словарной статьи и отметив эти номера каким-либо знаком на карте-основе). С 5-го выпуска ПОС (1989) по 26-й (2016) деревни в словарных статьях

не указывались, поэтому составление лингвистических карт было доступно только составителям словаря. С 27-го выпуска ПОС (2017) обозначение деревень (а также и год записи диалектной речи) возобновлено, публикация карты-основы будет повторена в ближайшем выпуске — все это увеличивает ценность ПОС как словаря-атласа.

Тематических карт типа наименований частей некоего обобщенного целого в ПОС две. Первая из них — карта № 6 «Локальные обозначения фаз луны (и соответствующих временных отрезков), выраженные одним словом» (ПОС 3: 178) — рассмотрена нами в предшествующей статье [Денисенко 2016: 173–188]. В данной работе анализируется вторая карта указанного типа — карта № 7 «Названия белка и желтка в псковских говорах» (ПОС 10: 188); ее авторы А. М. Кравчук и В. Х. Рыжова.

Заметная особенность таких групп наименований в том, что составляющие их лексемы взаимозависимы: при назывании, например, одной фазы луны упоминают смежную с ней фазу; при упоминании белка — вспоминают про желток. Но при такой своеобразной «сложносочиненности» компонентов групп соответствующие парные наименования в них не доминируют, соотношение разных компонентов пары не бывает зеркальным, составляющие пару члены нередко имеют разные ареалы — все это может свидетельствовать о разных путях, одновременности сложения и т.п. таких групп лексем. Установление ареалов каждого из компонентов группы, совмещение некоторых ареалов или их размежевание, установление фоновых характеристик в других — и прежде всего в соседних — говорах является нашей первоочередной задачей.

На анализируемой карте отражены две группы синонимов-дериватов (указываем в той последовательности, какая представлена в легенде к карте):

1) от корня бел- 6 лексем: *белто́к*, *белто́чек*, *белуто́к*, *белудо́к*, *белдо́к*, *белудо́чек*; им соответствуют кружки: для первого деривата — светлый, для второго — темный, для других — кружки с различными вариантами темной части;

2) от корня желт- 8 лексем: *желто́к, желудко́, желуто́к, желудо́к, желодо́к, желото́к, жело́чек, желудбе́к*; им соответствуют квадраты: для первого деривата — светлый, для второго — темный, для других — квадраты с различными вариантами темной части.

В двух перечнях лексем находим такие парные соответствия: *белто́к — желто́к, белуто́к — желуто́к, белудок — желудок, белудочек — желудочек*. Не имеют своих пар *белочек* и *белдок* — с одной стороны, *желудко, желодо́к, желото́к, желочек* — с другой.

Белто́к возникло явно по аналогии с *желто́к*, оно настолько активно в употреблении, что оттеснило на периферию общерусское *белок*. Последнее не представлено в ПОС (очевидный пропуск в картотеке), однако наличие в исторической части словаря одного употребления в таком источнике, как русско-немецкий Разговорник Тонниса Фенна 1607 г., свидетельствует о наличии этого слова в обиходе на Псковщине (ПОС 1: 163); заметим, что нет соответствия лексеме *белок* в виде **желок*, хотя есть уменьшительное *желочек* — но при отсутствии **белочек*. По инструкции ПОС слова типа *белок* и *белочек* — как общерусские — не должны быть представлены на карте № 7; общерусское *желто́к* попало в список картографируемых лексем, очевидно, только в связи с его сопряженностью с диалектным *белто́к*, к фиксации его на карте № 7 надо относиться с известной критичностью.

Формы лексем с *д* в основе на месте *т* рассматриваются в ПОС как вариантные (напр.: *белудок* — вариант к слову *белуто́к* — ПОС 1: 166), но картографируются они как отдельные компоненты. Формы наименований со вставными *о* или *у* в сочетаниях согласных *лт / лд* в основах ряда приведенных лексем (типа *желодо́к, белуто́к* при *белдок, желто́к*) также имеют на карте свои знаки. Раздельность этих форм важна для понимания их территориального распределения в говорах; жаль, что мелкие различия знаков почти «не ловятся» визуально, и это очень затрудняет анализ карты.

I

Наиболее выразителен на карте № 7 ПОС ареал лексемы *белток* (почти без конкурентов других дериватов; знаки — светлые кружки). Верхняя граница его пересекает Псковскую карту по линии север XXIII / Пыт.— северо-восток XXX / Локн. района (пункты 457 XXIII / Пыт., 518, 532 XV / Палк., 535 XXIV / Н-Рж., 537 XXV / Сл., 573, 565 XXX / Локн.); массив ареала южнее этой линии до конечных районов региона — от рубежей на западе с Латвией, на юго-западе и юге с Белоруссией, Смоленской областью до границ на востоке с Тверской и Новгородской областями; вблизи от Белоруссии одиночная фиксация уменьшительной лексемы *белточек* — темный кружок в п. 727 XXXII / Идр. (теперь XL / Нев.) района. Севернее за пределами указанного ареала представлены немногие разрозненные фиксации *белток*: знак без номера на границе II / Гд. и III / Ляд., пункты 358 XVI / Сл., 435 XXIV / Н-Рж. района.

II

Противопоставляется этой территории ареал всех остальных наименований обеих фракций яйца (исключая лексемы *белток*, *белточек*).

1) В большинстве районов области на север от верхней границы распространения лексемы *белток* — массив ареала от Латвии и Эстонии на западе до крайних районов картографируемого региона на севере, в части восточных районов — фиксируются другие дериваты с корнем *бел-* (кружки с различными темными частями): *белуток*, *белудок*, *белдок*, *белуточек*; в совокупности они противопоставляются территориально лексеме *белток*. На востоке картографируемого региона в V / Плюс., XIV / Дн., XXVII / Холм., XXXVI / Тор. районах локальные лексемы с корнем *бел-* не отмечаются.

2) Наименования внутренней фракции яйца от корня *желт-* — все картографируемые дериваты в совокупности (*желток*, *желудко*, *желуток*, *желудок*, *желодок*, *желоток*, *желочек*, *желудочек*) — отмечаются также преимущественно севернее границы фиксации лексемы *белток*:

во всех районах этой зоны, исключая часть восточных (V / Плюс., XIV / Дн., XXVII / Холм.).

Значительная часть фиксации лексем с основами *белуд-*, *белут-* отмечается в одних и тех же пунктах с «парными» лексемами от основ *желуд-*, *желут-*, но также и некоторые «непарные» наименования от других дериватов корней *бел-* и *желт-* записаны собирателями материалов в одних и тех же деревнях. Это свидетельствует о тесной взаимозависимости, взаимообусловленности разнокорневых компонентов ареала. Подобное явление — тесную связь нескольких разнокорневых наименований смежных фаз луны в пределах одного ареала — мы отмечали на карте № 6 в ПОС [Денисенко 2016: 180–181].

Как очевидно, лексемы обеих представленных подгрупп образуют довольно четко определяемый ареал, противопоставляющийся ареалу наименования *белток*. Из перечня лексем второго ареала исключим *желток* как общерусское / литературное (оно априори «незримо» присутствует на всей картографируемой территории и за ее пределами), это не изменяет конфигурацию данного ареала. Заметим, что каждое из наименований или какая-либо пара, подгруппа лексем этого второго ареала не имеют в его пределах своих компактных частных ареалов.

Кроме отмеченной тематической обусловленности — своеобразной «сложносочиненности» лексем с корнями *бел-* и *желт-*, отметим и такую немаловажную особенность лексем второго ареала, как наличие вставных гласных *у* и (реже) *о* в сочетаниях согласных *лд* и *лт* основ почти у всех наименований (за исключением *белдок*): 1) *белудок*, *желудок*, *желудочек*, *желудко* и *белуток*, *белуточек*, *желуток*; 2) *желодок*, *желоток*. Для большей выразительности ареала можно было бы использовать для таких лексем всего два знака (или даже два варианта одного знака) — но это переключило бы тип карты из лексического в фонетический (собственно фонетико-словообразовательный). Такая яркая особенность карты ставит вопрос об исследовании

вставных гласных в указанных сочетаниях согласных основ в псковских говорах на более широком материале.

Разграничение двух ареалов по линии север XXIII / Пыт.— юго-восток XXX / Локн. района на анализируемой карте № 7 ПОС почти аналогично линии север XXIII / Пыт.— XXII / Аш.— XXVII / Холм. район на карте № 6 ПОС [Денисенко 2016: 180] и располагается между линиями (частично совпадая с ними): 1) Псков — Пыталово (далее Старая Русса Новгородской обл.) и 2) Красногородское — Опочка — Локня,— очерчивающими зону переходных от северных к южным говорам на карте Псковской области в «Лингвистическом атласе Верхней Руси» [Герд 1996: 4; см. также: Герд 2001]. Эти три лингвистические карты дают существенные характеристики для понимания важного разграничения Псковского языкового континуума на северный и южный.

В СРНГ и словарях ближних к Псковщине регионов представлены такие территориальные материалы.

1) Для первого из описанных ареалов (распространения лексемы *белтѡк*) — Луж. Петерб., Мстин. Новг., Пушк. Пск., Лит. ССР, Латв. ССР, Эст. ССР, Ср. Урал (СРНГ 2: 237–238); Новг., Чудов. Новг., Кириш., Лодейноп. Ленингр., Кондоп. Карел. (СРГК 1: 58); Борович., Демян., Марев., Новг., Старорус., Холм. Новг. (СРНГ 1: 48). Обращают на себя внимание факты широкого охвата — 8 районов в Новгородской обл.; немалая часть из них гораздо севернее верхней границы отмеченного псковского ареала, далее на север следуют фиксации Петербургской губ. / Ленинградской обл. и Карелии; на запад следуют фиксации из республик / теперь стран Прибалтики (в районах бытования русских старообрядцев); также Пушкиногорский р-н Псковской обл. за пределами основного массива фиксаций *белток* на Псковской карте. На карте названий белка в «Лексическом атласе белорусских народных говоров» лексема *бялтѡк* имеет единичные фиксации в приграничных пунктах с Литвой, Латвией, Псковской обл. (ЛАБНГ 1: карта 103). Как очевидно,

ареал *белток* на карте № 7 ПОС показывает наибольшую активность и плотность употреблений лексемы на юго-западе новгородско-псковской зоны, некоторую обособленность псковского ареала от Новгородщины, удаленность его от Ленинградской обл. и Карелии.

2) Второй из отмеченных ареалов на карте № 7, по данным тех же словарей, имеет не столь широкое, но сходное продолжение: *белудѡк* — Пск. без р-на (СРНГ 2: 228); Лодейноп. Ленингр. (СРГК 2: 48); *белутѡк* — Пск. без р-на (СРНГ 2: 228); Лодейноп. Ленингр. (СРГК 2: 48); *белудок* / *белуток* — Кириш. Ленингр., Медвежьегор. Карел. (СРГК 2: 58); *желудѡк* — Лодейноп., Подпорож. Ленингр. и *желудѡчек* — Подпорож., Тихв. Ленингр. (СРГК 2: 48); *желутѡк* — Кондоп. Карел., Чудов. Новг., Кириш., Тихв. Ленигр. (СРГК 2: 48). На карте названий желтка в «Лексическом атласе белорусских народных говоров» ни одна из названных локальных псковских лексем не отмечается (ЛАБНГ 1: карта 104). Все фиксации не отмечаются южнее линии разграничения двух основных ареалов; все в пределах новгородско-псковской зоны с продолжением ее в Ленинградской обл. и Карелии.

На карте № 7 ПОС представлена сложная система распределения локальных наименований белка и желтка на Псковщине. Отраженные на ней частные подгруппы синонимов нуждаются в дальнейших уточнениях в ходе собирательской работы. Процессы формирования групп лексики показаны в границах соседних говоров России и Белоруссии, их исследование следует продолжить в дальнейшем — в пределах восточного славянства, всей Славии.

Сокращения районов, принятые в ПОС

Аш.— Ашевский, XXII

Гд.— Гдовский, II

Дн.— Дновский, XIV

Идр.— Идрицкий, XXXII

Локн.— Локнянский, XXX

Ляд.— Лядский, III

Нев.— Невельский, XL
Н-Рж.— Новоржевский, XXIV
Палк.— Палкинский, XV
Плюс.— Плюский, V
Пыт.— Пыталовский, XXIII
Сл.— Славковский, XVI
Тор.— Торопецкий, XXXVI
Холм.— Холмский, XXVII

Сокращения районов / уездов других регионов

Борович.— Боровичский Новг.
Демян.— Демянский Новг.
Кириш.— Киришский Петерб. / Ленингр.
Кондоп.— Кондопожский Карел.,
Лодейноп.— Лодейнопольский Ленингр.
Марев.— Маревский Новг.
Медвежьегор.— Медвежьегорский Карел.
Мстин.— Мстинский Новг.
Новг.— Новгородский Новг.
Подпорож.— Подпорожский Ленингр.
Пушк.— Пушкиногорский Пск.
Старорус.— Старорусский Новг.
Тихв.— Тихвинский Ленингр.
Холм.— Холмский Новг.
Чудов.— Чудовский Новг.

Литература

Герд А. С. Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 8 с.

Герд А. С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 21 с.

Денисенко Ю. Ф. Об одном древнепсковском ареале // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 159–178, с лингв. картами.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре (Семантические карты в «Псковском областном словаре») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 238–267, с лингв. картами.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре (Синонимические карты в «Псковском областном словаре») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 184–215, с лингв. картами.

Денисенко Ю. Ф. Лингвистическое картографирование в областном словаре. Карты наименований частей некоего целого (и их синонимов) в «Псковском областном словаре»: Карта № 6 «Локальные обозначения фаз луны» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 172–188, с лингв. картами.

Ивашко Л. А., Поценья Д. М., Лутовинова И. С. Тарасова М. А., Трофимкина О. И., Еськова А. Д., Кукушкина И. С. Осеннезимний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России // Севернорусские говоры. Вып. 15 / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 248–314.

Ларин Б. А. Опыт областного словаря-атласа. О книге: J. Siatkowski, Słownictwo Warmii i Masur. Budownictwo i obrobka drewna. Wrocław, 1958, str. 140 + 64 mapy // Слово в народных говорах русского Севера / Отв. ред. Б. А. Ларин, Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 129–136.

Ларин Б. А. Филологическое наследие. Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.

Мжельская О. С. Историческая карта-схема Псковщины // ПОС, вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 7.— Карта составлена на основании «Очерков истории СССР», вып. 1–4. М., 1953–1957.

Linguistic mapping in a regional dictionary.
The maps for the parts of some general unity
(as well as for their synonyms) in the Pskov
Regional Dictionary: Map No 7 “The names for
yolk and white of the egg in the Pskov dialects”

Yuliya F. Denisenko

Institute for Linguistics Studies,
Russian Academy of Sciences

«The Pskov Regional Dictionary of Historical Data» (PRD) is a dictionary containing some components of a regional lexical atlas. In 27 issues published at present there are 12 maps of the following types: semantic, synonymic, thematic (including the names for the parts of a certain generalized unity and their synonyms), lexical and word-formational. The analysis of the map #7 of this type supplements the data of semantic, synonymic, vocabulary and word-formation maps as well as thematic map #6 featuring the words for the phases of the moon (see our publications in 2013, 2014, 2015, 2016, 2017) which give the information on the division of the Pskov dialects and on the formation of their nominative-semantic, synonymic, and derivational systems. From the lexicographic viewpoint, such maps provide additional arguments for distinguishing between different meanings, types of synonyms, alternative naming units in the dictionary.

Key words: linguogeography, lexical maps, lexical and synonymic isoglosses and areas in a regional dictionary, the division of the Pskov dialects.

References

Gerd A. S. Lingvisticheskij atlas Verhnej Rusi. [The Linguistic Atlas of the Upper Rus] SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996. 8 p.

Gerd A. S. Oчерк istoricheskoy dialektologii Verhnej Rusi (Istoriya landshafta). [A sketch of the historical dialectology of the Upper Rus

(The landscape history)] SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. 21 p.

Denisenko YU.F. Ob odnom drevnepskovskom areale [On a certain Old Pskovian area] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2013 / Otv. red. A. S. Gerd. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 159–178, s lingv. kartami. [with linguistic maps]

Denisenko YU.F. Lingvisticheskoe kartografirovanie v oblastnom slovare (Semanticheskie karty v «Pskovskom oblastnom slovare») [Linguistic mapping in a regional dictionary (Semantic maps in the Pskov regional dictionary)] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2014 / Otv. red. A. S. Gerd. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 238–267, s lingv. kartami. [with linguistic maps]

Denisenko YU.F. Lingvisticheskoe kartografirovanie v oblastnom slovare (Sinonimicheskie karty v «Pskovskom oblastnom slovare») [Linguistic mapping in a regional dictionary (Synonymic maps in the Pskov regional dictionary)] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2015 / Otv. red. A. S. Gerd. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. Pp. 184–215, s lingv. kartami. [with linguistic maps]

Denisenko YU.F. Lingvisticheskoe kartografirovanie v oblastnom slovare. Karty naimenovaniy chastej nekoego celogo (i ih sinonimov) v «Pskovskom oblastnom slovare»: Karta № 6 «Lokal'nye oboznacheniya faz luny» [Linguistic mapping in a regional dictionary. Maps for the names of the parts of some unity (and their synonyms) in the Pskov regional dictionary] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2016 / Otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. P. 172–188, s lingv. kartami. [with linguistic maps]

Ivashko L. A., Pocepnyya D. M., Lutovinova I. S., Tarasova M. A., Trofimkina O. I., Es'kova A. D., Kukushkina I. S. Osenne-zimnij narodno-pravoslavnyj kalendar' russkogo krest'yanskogo naseleniya Severo-Zapada Rossii [Autumn and winter cycle of the folk orthodox calendar of the villagers in Northwestern Russia] // Severnorusskie govory. [Northern Russian dialects] Issue 15 / Otv. red. A. S. Gerd,

E. V. Purickaya. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 248–314.

Larin B. A. Opyt oblastnogo slovarya-atlasa. O knige: J. Siatkowski, Słownictwo Warmii I Masur. Budownictwo i obrobka drewna. Wrocław, 1958, str. 140 + 64 mapy [An example of regional atlas type vocabulary. A review of the book: J. Siatkowski, Słownictwo Warmii I Masur. Budownictwo i obrobka drewna. Wrocław, 1958, str. 140 + 64 mapy] // Slovo v narodnyh govorah russkogo Severa [Word in the dialects of the Russian North] / Otv. red. B. A. Larin, L.: Izd-vo LGU, 1962. Pp. 129–136.

Larin B. A. Filologicheskoe nasledie. Sb. statej. [Philological heritage: the collected works] SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. 952 p.

Mzhel'skaya O. S. Istoricheskaya karta-skhemа Pskovshchiny [A historical schematic map of the Pskov region] // POS, Issue. 1. L.: Izd-vo LGU.1967. S. 7.— Karta sostavlena na osnovanii «Oчерkov istorii SSSR», [The map was prepared on the basis of “The Sketches of the history of the USSR”], vyp. 1–4. M., 1953–1957.

Оценочные антропонимы в русских старожильческих говорах Омской области*

Людмила Николаевна Донина

Санкт-Петербургский

государственный университет;

Институт лингвистических

исследований РАН

В статье рассмотрено соотношение между основанием номинации человека и возможностью или невозможностью дополнения значения антропонима каким-либо видом оценки. Если человек назван по какому-либо из «универсальных» признаков, которыми обладает каждый член культурно-языкового коллектива (род деятельности; социально-экономическое положение; половая, возрастная категория; родственные, семейные отношения; национально-культурная или религиозная принадлежность и под.), то оценочный компонент в говоре может сопровождать эту номинацию только в исключительных случаях, например, обусловленных сферой бытования слова в фольклорных текстах. Если же номинация основывается на факультативных, ситуативных, необязательных или индивидуальных качествах (участие в определенной роли в каком-либо событии, наличие физического недостатка или примечательной внешности, обладание некоторыми чертами характера, личными качествами), то именование человека может быть выражено экспрессивными средствами, выбор которых чаще всего обусловлен осознанием того или иного отступления от некоей общепринятой «меры». В «Словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», из которого методом сплошной выборки извлечен материал для статьи, именно номинации второго типа отмечаются (хотя и непоследовательно) соответствующими пометами.

Ключевые слова: антропонимы, оценочность, русские старожильческие говоры Омской области.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00415 А \ 19 Сводная русская диалектная лексикография: проблемы и перспективы.

Представление человеком в языке самого себя является приоритетным объектом изучения в языкознании. «В рамках активно развивающейся в последние десятилетия антропоцентрической парадигмы лингвистики наибольший интерес представляют исследования, посвященные семантической сфере “Человек”» [Грибовская 2019, с анализом литературы по вопросу и со списком исследований названий человека в литературном русском языке и во многих говорах]. Активно изучается и оценочный компонент в значении антропонимов, в том числе и представленный в лексикографии [Богданова 2017].

На сегодняшнем этапе исследований важно понять, как распределяется оценочная лексика среди семантических групп наименований человека, основанных на разных сторонах его личности, в какие типы наименований диалектоносители «встраивают» оценку, а какие принимают как объективную данность и не оценивают.

Наша гипотеза заключается в том, что наименования человека, которыми в обязательном порядке характеризуется каждый член диалектного языкового коллектива и представленные в виде эквиполентной (мужчина — женщина) или градуальной оппозиции (*чалдён — самохёд, кочаг, поселёнщик*), не имеют оценочного компонента в своем значении. Они основаны на отношениях, в которых так или иначе участвует каждый член коллектива: каждый занимается каким-то трудом, имеет свое место в социально-экономической структуре общества, состоит в семейно-родственных отношениях, относится к определенной половой и возрастной группе, исповедует ту или иную веру, имеет национальность и укорененность в Сибири и т.д. Аксиологическая функция не являются явной и ведущей в обозначениях этого типа: слово не «подсказывает», хорошо это или плохо, правильно или неправильно — родиться женщиной (*нарóдика* ‘новорожденная’), быть *корáбщиком* ‘матросом’, стать *молодúхой* и т.д. В равной степени это относится к выражению в слове эмоционально-экспрессивной и эстетической оценки.

Присутствие коннотативного компонента в значении слова является обычным явлением для номинаций, имеющих основания «факультативного» типа, которые не обязательны для характеристики человека, но возможны, поскольку он может обладать какими-то внутренними или внешними личными качествами, служащими основанием для создания именованного. Экспрессивность таких единиц не зависит от контекста.

К исследованию привлечены имена существительные, отмеченные в говорах Омской области, извлеченные методом сплошной выборки из Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.

I. Номинации первого типа рассмотрим на примере признаков национальности, укорененности, времени и причины появления в Сибири, которые представлены в сибирских говорах своеобразно, отражая культурно-исторические и этнографические факторы формирования русских старожильческих говоров Омской области. Отмечены как лексемы, неактуальные для других диалектных зон и литературного языка, так и лексемы, известные за пределами Сибири, но отличающиеся семантически или фонетически.

Отношения между наименованиями по каждому основанию могут быть представлены как «... бинарная *эквивалентность* — языческий принцип равновесия в *равнозначном* противопоставлении вещей и явлений: ... «правое — левое», «мужчина — женщина» и т.д. [Колесов 2019: 124], свои и чужие, например, по вере: «мы» и старообрядцы (*чалдóны — чалдóн, чалдóнец, чалдóнка — и кержакí, см. также кержáч, кержáчка, чáшечник, старове́р, раскóльник*) — «они равновелики и равноценны как проявления *природного* мира» [Там же]. Признаки различения анализируются, но при *равноценности* нет места *оцениванию*: *Чалдоны от кержачков отличаются разговором* (Кол. Кол.); *А это были старoverы, кержачи. Табак они не курют* (Тар. Зал.); *А я и муж тётки не кержачили, так нас отдельно кормили* (Мур. Низ.); *Чашечники вместе с нами не молятся, не исъ из одной чашки* (У.-Иш. Красн.).

Сохраняется и более поздняя *градуальная* оппозиция «минимального множества тоже равновеликих членов» [Колесов 2019: 124]. Например, при описании старожилов (*всегда в Сибири жили* (Мур. Берг.)) и пришлого населения: *чалдóны* и *кержсакí*, а также *причалдóны* ‘коренные жители Сибири’ (Мур. Окун.) противопоставлены новым жителям: *А мы-то не росейски, здесь родились, родчие; Мы называемся чалдóны — это вечные сибиряки* (Знам. У.-Шип.); *Кержсакí всегда в Сибири жили — и деды, и прадеды. Все, в общем* (Мур. Берг.); *Кержсáчки, раскольники, значит, там жили долго* (Мур. Берг.). Как видим, в названия вечных сибиряков «встроены» также признаки национальности и вероисповедания. *Наéзэжие* (*наезднóй, наезднóй*) представлены как множество: *колтучáны* ‘выходцы из России’ — *Уезжали колтучáны далеко* (Тар. Екат.); *кувадíнец* ‘человек нерусской национальности’ (Мур. Берг.); *куторáны* ‘хutorяне’ — *Были и эстонцы, латыши, они кутораны* (Тар. Зал.); *кыргызка; нацмён* ‘татарин’, *нацмёнка* — *Татары не любят, когда их татарами зовут, надо «нацмены»* (Мур. Курн.) и многие др.

Наименования переселенцев часто мотивированы способом появления в Сибири (добровольные переселенцы, политические ссыльные, кочевники — *кочáг* ‘кочевник’ — *Кочáги с Красноярки кочевали // Мы ведь не кочаги, а чалдоны* (У.-Иш. У.-Иш.)) или местом, откуда они пришли (*казанчáк* ‘казанец’ *К нам попал здесь бедный казанчак* (Мур. Окун.)). Во всех районах Омской области бытовали наименования людей, по своему желанию переселившихся в Сибирь в XIX–XX вв., с корнем *-ход*: *ходóк, самоход, самоходка, самоходни, самоходня* (*собр.*). *Самоходы* — *приезжает человек в Сибирь и пошёл место искать. «Кто такой?» — «Ходок, ходок пришёл учаски искать».* *Вот самоходы и называли* (Тар. Чёкр.); *Мы называемся челдоны, а они самоходы* (Тар. Кол.); *Вот в этом краю нацмены, а дальше, в том краю, самоходы* (Тар. Екат.). *Мы челдоны, а если кто приедет к нам, то он самоход* (Б.-Ук. Фирст.). *Самоходами* называли без различия национальностей выходцев из России, белорусов, украинцев:

Чалдоны — сибиряки, а самоходы — хохлы (Кол. Кол.); Белорусы называются самоходы (Знам. Бут.); Они-то русские, но одни самоходни: чаво, каво, одни вятские (Знам. У.-Шиш.); Самоходы — это уже из Россеи сюда шли. Они и говорят не так (Тар. Б. Куч). Самоходы вёдра называли сѹды // А невест не брали с самоходов (Тар. Зал.). Различия между «они» и «мы» замечаются, но не оцениваются. Хотя сами переселенцы могут воспринимать полученное от старожилков имя как оценочное (*дразнят*): *Почему нас самоходками дразнят? Самоход, самоходка (Тар. Уст.),* но в устах чалдонов оценка их личных качеств производится по общим для всех критериям: *Самоходки плясать были мастерицы (У.-Иш. Слоб.).*

На первый взгляд может показаться, что исключением из правила отсутствия оценочности в этом типе номинаций является название *лапотѹн*. В словаре помета *устар.*, в толковании акцент сделан на оценке: ‘Презрительное название крестьян-новосѹлов в Сибири’: *Лапотѹны-то русские...* (Тар. Орл.); *Лапотѹны — это всё больше белорусы (У.-Иш. Кайлы).* Однако это наименование не относится к тому типу антропонимов, которые мы условно назвали «обязательными» для характеристики каждого члена деревенского коллектива, потому что оно основано на внешней примете (микрополе «Одежда») и мотивируется названием обуви, не используемой старожилками: *Самоходы лапти носили, а мы, челдоны, черки (У.-Иш. Орех.); Нет, мы лапти не носили. Мы русские были. А вот кувадѹнцы, хохлы — эти лапти носили (Мур. Берг.).*

При образовании названия жителя сибирской деревни от составного наименования ‘политический ссыльный, осужденный на поселение в данной местности’, основой номинации могут быть разные слова словосочетания, но оценка отсутствует в любом случае: *политикѹнт, поселѹнцѹк, посѹльщѹк — Поселенщѹков много было в нашей деревне (Исил. Лук.); С политикантами имел связь мой отец (Тар. Самс.).*

Таким образом, сибирские старожилы отличаются от всех других групп населения по объективным признакам национальности, веры, времени и способа появления в Сибири,

и никакая группа населения, выделенная по этим признакам, не названа словами, содержащими коннотативный компонент значения.

Равноправные отношения градуальности характеризуют и другие диалектные номинации, выделенные на основаниях этого типа, таких, как названия человека по виду трудовой деятельности (подробнее см. [Донина 2018]). Они тоже, как правило, не включают оценочного компонента в структуру слова, за редкими исключениями (*мент* (*презрит.*, ср. нейтральное *мильцанёр*), *причандáлы* (*унич.*) ‘мелкие служащие’ — *Всех соберут: и учителей, и продавцов, и там какие есть всякие причандалы* (Тар. У.-Тара)), а об этической ценности труда для носителей говора можно судить по преобладающему количеству таких номинаций среди всех названий человека.

Эта группа номинаций основана на основных, «обязательных» характеристиках, вне которых не остается ни один член деревенского коллектива, т.к. каждого можно назвать по занятию, национальности, вере, полу, возрасту, семейному положению и др. указанным признакам. Эти характеристики «констатируются», принимаются как данное и по большому счету не вызывают ни этических, ни эмоциональных, ни эстетических оценок, за редкими исключениями, связанными, например, со сферой бытования в фольклорных текстах.

Переходное положение между подобными «объективированными» антропонимами и субъективно окрашенными антропонимами второго типа занимают номинации человека по признаку включенности в семейно-родственные отношения. С одной стороны, такие отношения распространяются так или иначе на каждого члена коллектива, с другой стороны, они самые «личные» из всех рассмотренных, поэтому в них возможна эмоциональность и эмоциональные суффиксы: *рóднички* ‘родственники’; *мáльшика* ‘младший сын в семье’ — *Ивану-мáльшике ужэ сорок* (Н. Ом. Рад.) и др. Существительные с ласкательными суффиксами зафиксированы главным образом в фольклорных текстах (*наслéдичек*

‘наследник’, *товáрочка* ‘подруга’), особенно в любовных: *рбвнюшка*, *нербвнюшка* и т.д. Нужно учитывать, что присутствие в диалектном слове уменьшительно-ласкательных и особенно «снисходительных» суффиксов не обязательно свидетельствует о соответствующем отношении к человеку. *Бабёнка* (снисх.) ‘жена’ — *Она у него хороша бабёнка* (Тар. Соуск.) (как *одежбшка*, *оргадёнка*, судя по примерам употребления, могут быть вполне «хорошими», не требующими «снисхождения»); чтобы внести уничижительность, добавляется еще один суффикс: *бабёнчишка* ‘женщина’ — *Бестолковы бабёнчишки пошли топерь* (Мур. Берг.).

II. Второй тип диалектных номинаций основан на некоторых «факультативных» характеристиках, не обязательных для каждого человека, которые тоже могут стать при определенных условиях основанием для создания антропонима. Так, значение слова *лында* указывает на такие признаки, как ‘крупный’ и ‘ленивый’. Легко ответить «да» или «нет» на вопросы типа: это старик? она замужняя? и под., но ответ на вопрос: она лында? потребует анализа ситуации и под. оговорок именно потому, что не каждый человек может быть охарактеризован в такой системе координат. При этом данная лексема выражает общее неодобрительное отношение к называемому ею человеку, и для этого нет необходимости ни в контексте, ни в определении, оно заключено в самом значении. Личные качества лежат в основе подобных эмоциональных, экспрессивных номинаций, часто образных: *кричúха*, *ревúн*, *лазúн*, *мерзáчка*, *мотúха*, *копúха*, *мизúшка* и т.д.

Словарь фиксирует такие оценки, используя эксплицитные и имплицитные средства для их выражения. Номинации, основанные на внешних особенностях обозначаемого лица, причёске, одежде часто сопровождаются оцениванием этих особенностей как приятных или неприятных, а в словаре — пометой: *белёночка*, *беляночка* (ласкат.) ‘о белокурой, белолицей девушке’; *поперёк тблице* (ирон.) ‘об очень толстом человеке’; *недоделýши* (уничжиж.) ‘о человеке недостаточно высокого роста’; *обдерга́й*, *одерга́й* (неодо-

бр.) 'неряха'; *рямо́к на ря́мкѣ* 'о бедно одетом человеке'; *мазу́рик* (неодобр.) 'испачкавшийся в грязи человек'. Многие антропонимы такого типа «посылают сигнал» оценочности уже своей морфемной структурой, субъективное отношение присутствует в суффиксальных дериватах, будучи морфологически организованным суффиксами субъективной оценки (*летя́га*), и в приставочно-суффиксальных образованиях. Для создания диалектной номинации используются приставки *без-*, *не-*: *бессо́вестник*, *бессо́вестница*, *не́слуши* и др., например, *раз-* (ср. *косма́тѹха* 'без головного убора' и *раскосма́тка* — *Раскосма́ткой не пойдѣшь, как она. Плетѣшь две косы* (Мур. Окун.)).

Последнее существительное имеет необычное для говора соотношение морфем и общего «ругательного» значения. Между тем СРСГСП содержит множество высказываний с похожими по структуре существительными, которые функционируют с целью оказать эмотивное воздействие на собеседника, приласкать, например. В подобных наименованиях присутствует «избыточность» эмотивности, создаваемая разнообразными языковыми средствами с целью усиления экспрессивного эффекта, например, с помощью приставки *раз-* в сочетании с «ласкательными» суффиксами в фольклорных текстах: *разла́пушка*, *раскрасо́тка*, *разду́шенька*, *разду́шечка*. Выразительность, экспрессивность усиливается за счет поддержки прилагательными, иногда субстантивированными: *разродимый*, *раскудрявый*, *раскрасивый*, *разгульчивый* 'веселый', *развеселенный*, *разбаской* — *Я своему мужику говорила: «Да мой разбаской-то едет, да мой разбежкой-то куда идет»* (Мур. Кур.) (*разбаской* 'очень красивый', *разбежкой* 'быстрый, стремительный'). Исследователями не раз отмечалось, что язык располагает гораздо большим количеством средств для указания на недостатки человека, на негативное (презрительное, пренебрежительное, уничижительное и т.д.) восприятие каких-то его черт, чем средств, характеризующих положительное (одобрительное, уважительное, почтительное, восхищенное, ласкательное,

любовное, дружелюбное и т.п.) отношение к окружающим людям, «фокусирует ... недостатки или достоинства (последних у рода человеческого всегда меньше — по данным языка)» [Телия 1986: 88–89]. Русские старожильческие говоры Среднего Прииртышья дают ценный материал выражения в слове как раз доброжелательного, ласкательного отношения к другому человеку, дополняя арсенал эмоционально-оценочных существительных со значением лица, представляемых литературным языком. Используются они часто в функции обращения, обычно в фольклорных текстах, но и в обыденной речи тоже: *шмарёночка, бóлечка, гага́рочка, разотра́да, поллю́бмчик, сладíночка* и т.д.— *Симпатия, любимая, залёточка, милашка — всё одно* (Тар. Екат.). *Вот где-то моя-то разотрада, Серёженька-то пастушок* (Мур. Берг.).

В наименованиях, основанные на личных качествах человека, концепт реализуется в своей образной составляющей, поэтому такие номинации дают прямое и наглядное (в образе) представление о ценностях, важных для языкового коллектива, создающего и использующего соответствующие наименования (например, о вежливости, сдержанности в речевом поведении), и об эмоциональных состояниях, переживаемых по этому поводу говорящим и передаваемых собеседнику благодаря выбору конкретного слова, в значении которого сохраняется информация и о предмете речи, и о эмоциях субъекта речи: *Обла́йка она. Облаяла моего сына ни за что. Уж орала, орала!* (Мур. Берг.).

Можно говорить о таких номинациях как о субъективных, не забывая, однако, о том, что существует «зависимость личного “мнения” или суждения от общего соборного восприятия как знания (совместного *со-знания*)» [Колесов 2019:116]. Сопоставление положительно и отрицательно окрашенных единиц позволяет обнаружить некий культурно-обиходный стереотип, общее «мнение», которое «изначально» известно каждому носителю диалекта и относительно которого «судящий» человек производит оценку.

Так, быть домовитым (домовитой) — «нормально»

с точки зрения общественно значимой ценности, признаваемой членами лингво-культурной общности. В зависимости от цели говорящего лицо, обладающее данным качеством в «нормальной», «избыточной» или «недостаточной» мере по сравнению с общественным эталоном, может быть названо без выражения личного отношения диалектоносителя к данному объективному свойству другого человека (с использованием оценочного наименования: *бездомовый* 'не имеющий склонности сидеть дома, заниматься хозяйством', *припаситель*, *припасительница*, *рукодельник*), но автор высказывания имеет возможность выбрать и такое наименование, которое отразит его личный взгляд благодаря применению экспрессивно окрашенной диалектной единицы высказывания: *обиходница* 'чистоплотная, аккуратная хозяйка' — *Уж она обиходница, везде половички, за пылью гоняет* (Тар. Черн.); *охредина*, *охредь* 'неряха' — *Ой, она охредь, у ей в сенках не пройдешь* (У.-Иш. Кайлы); *растрепёня*; *бездомовка* — *Бездомовка — жєницина, которая домашности не ведет, а по деревне бегаєт* (У.-Иш. Колл.). Это же «по деревне бегаєт» может быть выражено с помощью образного фразеологизма: *базарная* (*бондарева*, *межудворная*) *корова* (ирон., пренебреж.) 'женщина, любящая ходить по деревне, чтобы поговорить, посплетничать' — *Много слышит да басни разносит по деревне, базарна корова (говорят) али межудворная — єсть всё равно* (Колл.). *Ну, бондарева корова! Пошла по избам* (Тар.). Заметно усиление просторечности, грубости, а также образного компонента и оценочности, так как метафора в подобных случаях использует подобие не только как способ передать образное, зрительное восприятие называемого объекта, но в первую очередь как способ за счет этой мотивировки выразить свое личное пейоративно-эмотивное отношение к подобному образу жизни, при котором женщина ведет себя так, как если бы она была коровой, слоняющейся со двора на двор, бесцельно гремя боталом (колокольчиком на шее). Отсюда *ботало* '2. болтун' — *Ботало — кто плетёт много, болтает, сплетничает* (Тар. Орл.). *Заботало ботало* (Колл.

Крайч.). *Филин — ботало, болтун* (Тар. Орл.). *Соседка болтливая, ботало и ботало* (Мур. Вят.). Ср. также *походливый, как корова* (неодобр.) — *Ходит и ходит, дома не сидит, шарится по деревне, походливый, как корова* (Омск).

Таким образом, привлеченный для анализа проблемы диалектный материал показывает, что названия человека образуются на двух типах разных во всех отношениях оснований, различающихся, в частности, и по возможности выражать оценку номинируемого субъекта. Антропонимы, основанные на «обязательном» для характеристики каждого человека наборе признаков, принимаются без эмоционального комментария, как констатация объективных природных отношений. Признаки равноценны, а значит, не оцениваются. Если оценка человека, названного на основании его трудовой деятельности, общественного положения, возраста, родственных, семейных отношений, национально-культурной и религиозной принадлежности и под. факторов, присутствует в сознании говорящего и он считает необходимым ее выразить, она вводится в *контекст*, часто через определение, но не становится частью значения антропонима. Эмоциональное, экспрессивное, эстетическое сопровождение могут иметь или приобретать такие наименования человека, в основу которых положены «факультативные», индивидуальные, личные внешние или внутренние приметы и черты конкретного человека, рассмотренные в соотношении с общепринятой «мерой».

Сокращения названий населенных пунктов Омской области

Б.-Ук.— Большеуковский район (Фирст.— Фирстово)

Знам.— Знаменский район (Бут.— Бутаково, У.-Шиш.— Усть-Шиш)

Исил.— Исилькульский район (Лук.— Лукерьино)

Кол.— Колосовский район (Кол.— Колосовка, Крайч.— Крайчиково)

Мур.— Муромцевский район (Берг.— Бергамак, Вят.— Вятка,

Курн.— Курнево, Низ.— Низовое, Окун.— Окунёво)

Н. Ом.— Нижнеомский район (Рад.— Радищево)

У.-Иш.— Усть-Ишимский район (Колп.— Колпаково, Красн.— Красноярка, Орех.— Орехово, Слоб.— Слободчики, У.-Иш.— Усть-Ишим)

Тар.— Тарский район (Б. Куч.— Большие Кучки, Зал.— Заливино, Екат.— Екатеринбургское, Кол.— Кольтюгино, Орл.— Орлово, Самс.— Самсоново, Соуск.— Соусканово, У.-Тара — Усть-Тара, Черн.— Черняево, Чёкр.— Чёкрушево)

Литература

Богданова Л. И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729–748.

Грибовская Н. Ю. Лексика тверских говоров, характеризующая человека (семантико-мотивационный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 191 с.

Донина Л. Н. Основания номинации в диалектной микросистеме названий человека (на материале говоров Омской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 1–10.

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. С. 88–89.

Axiological anthroponyms in the Russian old settlers' dialects of the Omsk region

Lyudmila N. Donina

St. Petersburg State University
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article discusses the relation between the basis of an anthroponym and the (non)existence of an additional axiological component in its meaning. If a personal nomination is based on one of the “universal” features characteristic of every member of the linguocultural community

in question (e.g. occupation, socioeconomic status, gender or age category, kinship and family relations, national, cultural or religious identity e.t.c.), then dialects usually allow for nearly no axiological component in the meaning of such nominations, except extraordinary cases like the one when axiological meaning is suggested by some precedent folklore text. Contrarywise, if a nomination is based upon some facultative, situational, optional or individual features (e.g. participation in a certain activity, corporal defects or peculiar appearance, some personal features of character), then such a nomination may allow for expressive components, which, as a rule, are chosen on the basis of deviation from some common standard. The article draws upon the Dictionary of the Russian old settlers' dialects of the Middle Irtysh region using continuous sampling method. Notable is the fact that in this dictionary only the nominations of the second type are provided (though incoherently) with relevant marks.

Key words: anthroponyms, axiological meaning, Russian old settlers' dialects of the Omsk region.

References

Bogdanova L. I. Ocenki i cennosti v zerkale slovarej russkogo yazyka [Evaluations and values as reflected by Russian dictionaries] // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. [Russian Journal of Linguistics] 2017. V. 21. № 4. Pp. 729–748. Если судить по сайту, то именно такой у «Вестника РУДН» нетривиальный перевод названия на английский. — *Прим. переводчика.*

Gribovskaya N. YU. Leksika tverskih govorov, harakterizuyushchaya cheloveka (semantiko-motivacionnyj aspekt. [The vocabulary of the Tver dialects characterizing a person (semantic and motivational aspects)] Dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2019. 191 p.

Donina L. N. Osnovaniya nominacii v dialektnoj mikrosisteme nazvanij cheloveka (na materiale govorov Omskoj oblasti) [Nomination basis in dialectal microsystem of anthroponyms (based on the data of the Omsk dialects)] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2018. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 1–10.

Kolesov V. V. Osnovy konceptologii [An introduction to conceptol-

ogy]. SPb.: Zlatoust, 2019. 776 p.

Teliya V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic [Connotative aspect in the semantics of nominative units]. M.: Nauka, 1986. Pp. 88–89.

Семантика и функционирование лексемы «кулугур» в говоре с. Белогорное Саратовской области

Юлия Валерьевна Каменская
Саратовский государственный
национальный исследовательский
университет им. Н.Г. Чернышевского

Материалы текстовых диалектных корпусов эффективны для изучения семантической организации диалектных слов, поскольку позволяют определить и уточнить отдельные семантические признаки, проявляющиеся в речевом материале. В статье показана реконструкция семантической организации диалектного слова на примере лексемы *кулугур*. В ходе анализа было установлено, что основными дефиниционными стратегиями являются толкование через синоним, через антоним, вычленение отдельных семантических признаков. На концептуальном уровне использование в речи лексемы *кулугур* предполагает актуализацию базовой оппозиции «свой-чужой», деление социума на две части — *кулугур* и «церковных», «мирских». Необходимо также отметить, что в современной лингвокультурной ситуации в слове *кулугур* наблюдается нейтрализация первоначально существовавшего пейоративного компонента.

Ключевые слова: диалектные корпуса, реконструкция семантической организации диалектного слова.

Специфика семантического наполнения, семантической организации диалектных слов может быть выявлена, по нашему мнению, в ходе анализа текстового корпуса конкретного говора, позволяющего максимально полно проследить функционирование отдельных лексем. Материалы текстового корпуса предоставляют широкие возможности исследования [Крючкова 2007; Гольдин 2009], в частности

позволяют уточнить семантические признаки слова, функционирующего в конкретном говоре. Мы проследим возможности реконструкции семантической организации диалектного слова на примере анализа лексемы *кулугур*. *Кулугур* является одной из самых частотных диалектных лексем в говоре села Белогорное, и это обусловлено лингвокультурной ситуацией говора.

Село Белогорное (старое название Самодуровка) было основано старообрядцами в XVIII в., в начале XX в. было одним из центров старообрядчества в Среднем Поволжье. По историческим данным, в селе было несколько старообрядческих толков, или согласий. Во второй половине XIX в. в селе появляются поселенцы, исповедующие официальное православие.

Лексема *кулугур* является диалектной, она не фиксируется нормативными словарями, не представлена и в словаре Даля, но содержится в диалектных словарях, в частности, в Словаре русских народных говоров (СРНГ). СРНГ дает одно значение этой лексемы 'старовер' (то есть используется толкование через синоним) и указывает на ареал употребления: «*Кулугур*, а, м. Старовер. Симб., 1859. Саратов. *Кулугуры* рябы: они не делают укулов от оспы. Курск. Пенз. Слов. Акад. 1956 [с пометами «устар.» и «обл.»] (СРНГ).

Толкование данной лексемы через синоним является одной из основных дефиниционных стратегий носителей говора села Белогорное в беседах с представителями городской культуры, но используется не лексема «старовер», а другой общеязыковой синоним — «старообрядцы»:

— *А кто такие кулугуры у вас?*

Ну старообрядцы / как вы их зовёте //

Еще одна распространенная дефиниционная стратегия — толкование через противопоставление, когда *кулугурам* противопоставляются люди, исповедующие официальное православие. Основные лексемы, использующиеся для номинации этой группы, — «церковные», «православные», «мирские»:

а мы ж тоже вот мирские / и у нас этот вот поп /

Павел Иванович / он у нас православный / мирской // Это вы ходите к Марье Васильевне / вот она кулугурка //

При использовании данной дефиниционной стратегии актуализируется концептуальная оппозиция «свой–чужой», представители противоположной группы характеризуются отрицательно:

у нас эти люди у нас эти вот / эдаки / вот мы православные / мы всё дозволяем // мы дадим и пить / и покормим / и чего кто попросит всё даем // а у кулугур / у них особо / чашку они воды не дадут//

Основание отрицательной оценки может быть рациональным. Так, например, в приведенном высказывании отражено типичное поведение представителей группы по отношению к «чужим» (*чашку они воды не дадут*). Такое поведение противоречит норме, нарушаются законы гостеприимства, свойственные патриархальной, традиционной культуре, это усиливается описанием правильного, нормативного поведения членов своей группы (*мы всё дозволяем // мы дадим и пить / и покормим / и чего кто попросит всё даем //*). Вместе с тем негативная оценочная характеристика может быть и иррациональной, основанной на эмоциях:

А они у меня все родные / все родные-то кулугуры // Хочешь помолиться / просишь // Вот тако и живём // Можно записать [смеётся] // Ненавидели / у них до сих пор ненавидят // Угу // Церковных // А мы кулугуров //

Такая ярко выраженная негативная оценка противоположной группы, резкое противопоставление членов концептуальной оппозиции не свойственно большинству информантов, является идиолектной, обусловленной личностными особенностями автора высказывания. По нашим наблюдениям, многие диалектоносители, напротив, осознают ослабление противопоставления двух групп, отмечают декларативность этой оппозиции в современных социокультурных условиях:

Все так и свечи ставят // Даже кулугуры приходят / ставят свечки //

— В православную?

- Да // Бог-то один //
- Они же / говорят / более замкнуто живут?
- Это раньше было // Вот я вышла вот сюда / это 50 лет назад // Здесь вот дом рядом стоял / соседи хорошие были / муж с женой / сын / дочь у них // Приучали их // Вот я приду / я православная / «Тетья Полина / я испить хочу» / коли не хочу / а все спрошу // Гляжу / берет ковшик / наливает в кружку в другую и дает мне пить //
- А я что нечисть / ору / «А я что не чисто русская? Да что я не эдакий что ли человек?» // Нет / только так напоят //
- Свою посуду не давали?
- Нет // А сейчас все смешались / Господи //

Лексемы, вступающие в говоре села Белогорное в антонимичные отношения с лексемой *кулугур*, — это номинации *церковный*, *мирской*. Так в говоре именуется люди, исповедующие официальное православие. Гораздо реже используется лексема *православные*. Интересно, что номинации *кулугуры*, *старообрядцы*, *церковные*, *мирские* используются в функции идентификации и самоидентификации как религиозными носителями говора, так и людьми, равнодушными к религии. Это родовой признак, признак принадлежности к определенному роду, семье, группе. Именно поэтому столь часто актуализируется тема брака представителей противопоставленных групп:

чай вот и вышла за кулугура // девчонкой-то ходилась / мирские нет / а мирских-то только было во всё село двадцать семей // даже за двоюродных выходили // вот к кулугурам попалась //

Раньше это больно было / да // Я захватила еще это // Да // Раньше вот я / например / росла в девчонках / дружила с кулугуром // Мать его распинала // Нас две сестры двоюродных там на нашей улице / и она с кулугурином // Да не дай Бог женятся / уж о-о-о! Батюшки! Ну и вот так // В армию проводили / так и расстались насовсем / вот / да // Из-за веры / вот / из-за веры / не надо вот православных // Ну

и лучше / вот // Вышла-то я за православного / никакого скандала ни из-за детей нет / ни из-за чего не было //

При использовании лексемы **кулугуры** в общении в рамках межкультурной коммуникации диалектоносителями часто используется дефиниционная стратегия, предполагающая вычленение семантических признаков:

— *А так и у них молятся / например / у них семнадцать кафизмов за упокой / у них нарспев все буквы / а у нас нет // У нас тока читают и где там аллилуя / аллилуя //*

— *А вот этой... лествочкой пользуетесь, когда читаете молитвы? Нет?*

— *Нет // Это у них //...У нас нет леств // Вот // Да // Вот // И то мы-то не очень нужны какая-то там или какой-то // Господи помилуй / Господи помилуй // Вот / они там всё считают с леств // Они умирают-то / у них этот вот на руку надевают // Вот // А у нас умирают / у нас тока этот... кладётся // Живые помощи и крестик // Всё // не признавали и сейчас они не признают мирских // они особе молятся // сначала они молились / гнусили / «а-а» / тянут // а у нас / в церкви / у нас причастие / а у них нету //*

Диалектоносители в стремлении объяснить представителю другой культуры, кто такие **кулугуры**, как правило, актуализируют стандартный набор семантических признаков: особенности службы, проведение важнейших ритуалов (например, похоронных), отсутствие причастия, религиозно-бытовые действия (использование своеобразных тряпичных четок — леств, лествочек) и т.д. Часто обращается особое внимание на метаязыковые характеристики старообрядческой службы, специальное произношение, использующееся старообрядцами при чтении молитвенных текстов:

вот / мы / молимся / «слава тебе господи» / «тебе» / а у них «тэбэ» // «тэ-бэ» // понимаешь? вот она вам / сейчас Марья Васильевна-то / ты вот / понимаешь / вот русский-то язык / как она / буквы-ти вот перевёртывает // а мы вот разговариваем русские / мы по-русски вот // есть / у нас / эти вот читать по-божественному //

у нас по-русски есть // всё там по-русски эти книжки // а у них / там как немецкие / эти / буквы / в книжке / в книжках // вот / вот видишь ты? // вот она молится / вам говорит и вот молится / и она видишь вон как это / разговаривает // у нас у мирских вот / вот как / складно / а у них вот видишь вот / ты вот поинтересуйся вот // (говорит тихо, неразборчиво) ...аж стук этот / по мослам // (смех)

В речи отдельных диалектоносителей актуализируются семантические признаки, позволяющие увидеть, что лексема **кулугуры** включается в еще одну антонимическую пару «кулугуры — монашки»:

да ну это они тоже не кулугуры / как по книжке те / они поморцы / а эти / феодорцы / они энти вроде монашки / а эт как нижние считаются кулугуры / ну они-т чё / как батюшка ни скажет / чего они это... / не хотят с нами / оне отреклись от Христа-т / оне не взя... не взяли священников / сразу / если б они взяли священников... / молення у них тоже такой же был / как и у нас / вон / в Вольским-то есть / да вон / в Вольским-то есть кулугурск [-ая церковь] / но они не пойдут //

В сознании современных диалектоносителей сохраняются воспоминания о существовании в селе разных старообрядческих согласий, в нашем материале эта информация часто содержится не только в речи старообрядцев, но и в рассказах православных (как в представленном выше примере). В конце XIX в. в селе было три согласия: поморцы — брачные, федосеевцы и так называемые «тропарщики» — поморцы, признающие моление за царя и отвергающие бессвященнословные браки. В современных реалиях остались две общины — поморцы, которые используют в функции самоидентификации лексему «брачники», и федосеевцы. Какую номинацию используют в функции самоидентификации федосеевцы, установить не удалось, для идентификации многочисленных представителей этого согласия носители данного говора используют лексему «монашки».

Лексема *кулугуры* традиционно, таким образом, использовалась для идентификации только старообрядцев-поморцев, но это в современный период актуально только для части диалектоносителей, хорошо знающих и чтящих традиции. Типичным для современных диалектоносителей становится или использование в функции идентификации единой для всех старообрядцев лексемы *кулугуры*, или высказывание, подобное нижеприведенному:

это всё вера / то церковна / то кулугурска / то монашк... монашка / [смеётся] /

— А когда вы были маленькая они так и были? И монашки и кулугуры?

— да я не знаю // я не знаю / я знаю что я церковна //

Если анализировать ситуации, в которых лексема *кулугуры* встречается в высказываниях диалектоносителей, то оказывается, что основная функция — это функция идентификации. Еще в недавнем прошлом номинация *кулугуры* осознавалась как оценочная, использовалась как средство идентификации православными по отношению к старообрядцам и не выступала в функции самоидентификации. Оценочная коннотация, присущая этой лексеме, носила безусловно пейоративный характер. Это хорошо можно проследить по текстам, записанным от людей старше восьмидесяти лет:

у них отдельно чашечка / отдельно котлы / отдельно это самое... / служение свои / дома сейчас вот // а вот у таких старообрядцев / у них там или видели крестик / это вот эти вот // мы их зовем кулугуры / а они говорят / мы не кулугуры / мы старообрядцы //

В речи современных носителей говора происходит нейтрализация негативной оценки, номинация *кулугуры* не используется в качестве отрицательной характеристики человека или группы людей. Это предположение подтверждается наблюдением над речью и старообрядцев, и православных. Например, при ответе на вопрос диалектолога номинация *кулугуры* часто выступает в функции самоидентификации:

— А вы церковная или старообрядка?

— *Кулугурка я / и родители были кулугуры / и замуж за кулугурина вышла //*

Также необходимо отметить, что актуализация лексемы **кулугуры** может быть тематически обусловлена, она используется не только в функции идентификации и самоидентификации, но является неременным компонентом речевого жанра «рассказ об истории села», а также появляется в размышлениях, связанных с конфессиональной неоднородностью села Белогорное.

Литература

Крючкова О. Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7. Вып. 1. С. 30-34.

Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 3–7.

Semantics and functioning of the lexeme 'kulugur' in the dialect of the village of Belogornoje (Saratov region)

Yuliya V. Kamenskaya
Saratov State National
Research University
named after N.G. Chernyshevsky

The materials of dialectal text corpora are effective for revealing the semantic organization of dialect words, as they allow to identify and clarify certain semantic features manifested in the speech material. This article shows an example of reconstruction of the semantic organization of dialect word by the expedient of the lexeme **kulugur**. During the analysis it was revealed that the main definitional strategies are interpretations through a synonym or an antonym, and the isolation of individual semantic features. At the conceptual level, the speech use of

the lexeme *kulugur* triggers the underlying “friend or foe” opposition which divides the society into two parts — *kulugur* vs. “belonging to the official church”, “worldly”. It should also be noted that in modern linguo-cultural situation the word *kulugur* features the neutralization of its initially pejorative component.

Key words: dialect corpora, reconstruction of the semantic organization of a dialect word.

References

Kryuchkova O. YU. Elektronnyj korpus russkoj dialektnoj rechi i principy ego razmetki [The electronic corpus of Russian dialect speech and its annotation principles] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Philology. Journalism]. 2007. V. 7. Issue 1. Pp. 30-34.

Gol'din V. E. Povestvovanie v dialektnom diskurse [Narration in dialect discourse] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov University. New series. Ser. : Philology. Journalism]. 2009. V. 9. Issue 1. Pp. 3–7.

Апеллятивы с корнем *мох-* (*мош-*, *ми-*) в топонимии и микротопонимии

Вера Сергеевна Картавенко
Смоленский государственный
университет

В статье рассматриваются апеллятивы, а также топонимы и микро-топонимы, которые были выявлены в памятниках смоленской деловой письменности XVI–XVIII вв. и сохранились в говорах до настоящего времени. Выявление диалектной лексики в памятниках старорусской письменности связано с определенными трудностями, так как словари XVIII в. не всегда могут свидетельствовать о литературном или диалектном характере слова. Особый интерес представляет группа слов с общим значением ‘моховое болото; место, поросшее мхом’.

Ключевые слова: ареал, диалект, диалектизм, топоним, микротопоним, памятники письменности, название.

Словарный состав смоленских памятников письменности XVI–XVIII вв. чрезвычайно разнообразен и богат, он включает в себя не только общеупотребительные слова и выражения, не только литературную лексику, но и разговорную, просторечную, жаргонную, а также диалектную. Выявление диалектной лексики в памятниках старорусской письменности представляло и представляет определенные трудности, так как «слависты еще не располагают такими лексикографическими пособиями, которые позволили бы им проследить историю подавляющего большинства слов в ее хронологической непрерывности, начиная от первого письменного употребления до настоящего времени. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет не только создание обобщающих трудов по истории лексики того или иного славянского языка, но и является немалым препятствием для осуществления всякого рода частных лексикологических исследований» [Филин 1963: 320].

Показания Словаря Академии Российской (первое и второе издания) тоже не всегда могут точно свидетельствовать о том, что слово является литературным, поскольку в этом словаре могли присутствовать северновеликорусские диалектные слова. Так, например, слово *мишара* 'место, где растет мох' представлено в Словаре Академии Российской без ограничительных помет (Слов. Акад. 1789–1794 4: 277; Слов. Акад. 1806–1822 3: 908). «Если в наше время диалектологи при определении локальной принадлежности тех или иных слов имеют возможность сравнить исследуемую лексику с лексикой литературного языка, отраженной в нормативных словарях, то историк языка лишен этой возможности, так как первый словарь, который можно считать нормативным, относится к концу XVIII в., а исторические словари русского языка XVI–XVIII вв. отсутствуют» [Борисова 1974: 7].

Хотя в настоящее время уже созданы исторические словари и исследователи получили в пользование многочисленные фактические материалы, проблема определения диалектной лексики в старорусский период по-прежнему остается весьма актуальной. При квалификации диалектной лексики в XVI–XVIII вв. необходимо принимать во внимание ряд признаков, характеризующих диалектизмы: отсутствие слова в исторических словарях и в толковых словарях современного русского литературного языка, фиксация слова в памятниках письменности отдельных областей и отсутствие его в централизованных памятниках, совпадение ареала рассматриваемого слова в локализованных документах старорусского периода и современных диалектах. Эти и подобные признаки указывали О. С. Мжельская [Мжельская 1963], Ф. П. Филин [Филин 1968], Ф. П. Сороколетов [Сороколетов 1971], В. В. Иванов [Иванов 1973], Е. Н. Полякова и В. Ф. Новиков [Полякова, Новиков 1972], Е. Н. Борисова [Борисова 1974], Н. С. Бондарчук [Бондарчук 1980] и ряд других ученых.

Обращение к старорусскому языку, старобелорусскому, использование данных современных русских говоров

и литературного языка, а также данных западнославянских языков (прежде всего польского) также может помочь в определении общерусского или диалектного характера слова.

Предметом нашего исследования стали наименования болот, поросших мхом, а также названия болотистых мест, выявленные в смоленской деловой письменности XVI–XVIII вв. и сохранившиеся до сих пор. В памятниках письменности они зафиксированы как апеллятивы или имена собственные (топонимы и микротопонимы). Многие из них сохранились до настоящего времени и употребляются в смоленском диалекте и в смоленской региональной топонимии.

Слово *мох* в значении ‘болото, поросшее мхом’ широко употребительно в смоленской деловой письменности: *Напередъ почавши от границы Суражской... зъ Двины, ручаемъ Глыбокимъ по мохъ Хорошовъ, которой мохъ близко подъ замокъ и место Велижское* (АЗР III: 297, 1585 г.); *Сена по суходолу и около моху дватцать копенъ* (ф. 1209/2, 10828, 1156 об. 1639–1676 гг.); *И от устья речки Добрейки за косаровскимъ мхомъ будетъ от межи версты з две* (СМИМ, 7840. 1671–1691 гг.); *Да з дороги ручьемъ у мошокъ на левою сторону да самого мошку у болюи мохъ да з болюи мху на княжье становище* (там же, 801); *От деревни Тишина по речку Згорнею вверхъ да мху* (ф. 1209/2, 15171, 92. 1670–1697 гг.).

Часто это слово употреблялось с теми или иными определениями: *Тем жа ручаемъ ареховскимъ и урубамн на деревьяхъ вырубленными чрезъ болото ареховское и чрезъ мохъ березовской до гостинца з Дорогобужа в Смоленскъ идущаго* (ф. 1337/2, ч.ф. 1209/2, 71, 475. 1778 г.); *От болюи дороги и конца жъ по болюи мохъ а в нем мерю 4 волоки земли* (ф. 1337/2, ч.ф. 1209/2, 75, 79об. 1781 г.); *А от болота идучи около горелого моху идучи по правую сторону вуколовский копецъ* (ф. 113, 211, 6 об. 1735 г.).

С таким же значением слово *мох* употребляется и сейчас в смоленских говорах: «*Зъ дурникъй у мох хоятъ, спаги нада*. Смол. Роскошь»; «*У нас клякба растеть у маху, на купинъх*. Красн. Лысково» (ССГ 6: 113).

С указанным значением это слово известно с XII века, причем оно отмечалось только на Севере (СлРЯ XI–XVII 9: 280). Слово представлено и Слов. Акад. 1806–1822 со значением ‘место топкое, на поверхности которого растет мох’ (Слов. Акад. 1806–1822 3: 871), но, видимо, попав в словари, к концу XIX в. оно, как и некоторые другие севернорусские слова, ушло из состава литературного языка.

Слово *мох* со значением ‘болото, покрытое мхом’ отмечено и в белорусских памятниках письменности: Рубеж по иху в озерцо в Демьяное (ПГ 1: 44, да 1387); зъ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи (АЗР 1: 63, 1449); ручьемъ по мху въ Красный мохъ сосновый (АВК XIII: 11, 1508); тамъ волоки для мховъ и болотъ добре вымерены на сесь часъ быти на могли (АЗР III: 297, 1585); отъ тыхъ трехъ березъ в березу; отъ березы въ осину мьхомъ Окъсаковъскимъ (ИЮМ XXIII: 480, 1630); дворъ з будынком всяким дворным и гуменным ...отоками, езами з островами на мхах и озерах (ИЮМ XXVI: 500, 1671) (ГСБМ 18: 175).

На основе слова *мох* появилось много топонимов и микротопонимов, ср., например, в памятниках смоленской деловой письменности: *Красный Мох*, *Переезной Мох* (15171, 332об.), *Большой Мох* (15171, 332об.), *Горелый Мох* (113/1, 211, 6об.), *Тупанов Мох* (15172, 74), *п. Моховатка* (15171, 36), *Мох Горелик* (15171, 332об.), *Мох Великой* (15171, 337), *Гнилозубовский Мох* (15171, 347), *Мох Журавник* (15171, 333об.), *болото Мох* (15175, 262 об.), *Мох Рогозы* (15171, 899об.), *Мох Ягодник* (15171, 347), *Разбитый мох* (ф. 113, 205, 3об. 1758 г.) и др.

Топонимы со словом *мох* встречаются и в современной топонимии Смоленской области: пос. *Мох*, д. *Мохи* [АТУ: 268], д. *Красный Мох* [АТУ: 229], д. *Красниковский Мох* [АТУ: 404], пос. *Даниловский Мох* [АТУ: 167].

По свидетельству В. А. Жучкевича, на территории современной Белоруссии употребляются топонимы *Белый Мох* (Мстиславльский район), *Великий Мох* (Климовичский район), *Долгий Мох* (Чаусский район), *Моховое* (села

в Лоевском и Шкловском районах), *Мхиничи* (Краснопольский район) (Жучкевич 1974: 244, 248).

Довольно большая группа диалектных слов со значением ‘моховое болото; место, поросшее мхом’ с корнем *мох-* (*мош-, ми-*) представлена в смоленском диалекте: ***мох, моховина, мошок, мишара, мишарина, мишарище, мишина, амшара, амшарина, амшарка***: «*Мъхавина — эта места мишарныя*. Дем. Городец» (ССГ 6: 113). «*Пайдём у машок зѣ грибами*. Дем. Сельцо» (ССГ 6: 114). «*Усѣ пѣгатоулина к стройки, асталъсь схадитъ ны мишару — мох зѣготовить*. Шум. Высокий Борок» (ССГ 6: 121). «*Ни хади туды, там мишарина*. Шум. Высокий Борок»; «*Мишарина — эта балота ни с кочкѣми, а роуныя, чистыя, мохѣм парошыы*. Дор.» (ССГ 6: 122). «*Бывають и амманныи балоты: кажыица роуныя места, а как ступиш, тык и прывалюся*. Эта мишына. Смол. Сумароково» (ССГ 6: 122). «*На етѣй мишыни, што зѣ Дняпром, многа клоквы*. Ярц. Бельчевицы» (ССГ 6: 122). «*В амшари касить трунна: кусты мишарють и кочки*. Здеся выда ранъшы была, топка, тяперь павысѣхла усѣ, мох растеть. Дор. Гончарово» (ССГ 6: 122). «*Ни хади скрось амшару — зѣсаеть*. Смол. Сыр-Липки» (ССГ 1: 74). «*Карова утопла у в амшарини*. Дем. Куминово» (ССГ 1: 74). «*Кѣла Ситѣкѣва многа амшарин*. Вел. Ситѣково» (ССГ 1: 74). «*Амшарка — патопа тѣкая, туды вѣдиш и утопнуть можыш: мхом ина пѣрѣсла и ня винна*. Смол. Выдра». «*Амшарка — эта мястина балотливыя*. Там растеть мох. Шум. Рязаново» (ССГ 1: 74).

Слова ***мишара, мишарина, мошок*** часто встречаются в смоленских памятниках письменности: *Да по ручью через большую дорогу во мишару по ольху на сто копенѣ* (ф. 1209/2, 15179, 306об. 1656–1701 гг.); *От того кургана старинными признаками в березе и в еле черезъ мишару в болотной мохѣ* (ф. 1209/2, 15171, 333об. 1670–1697 гг.); *От той гряды во мишару а с той мишары прошель ручей и впалѣ в реку Межу* (ф. 1209/2, 15179, 337об. 1656–1701 гг.); *А чернымъ лесомъ и мишаринами и болотами старыми границами по право земля и лесъ*

и всякое угодье пустоши Шусловои (ф. 1209/2, 15172, 114. 1656–1663 гг.); *От реки Остра вверх малымъ ручьемъ в Воронцовъ в мошекъ а из Воронцова мошку судоломъ к речки Чернышевки* (ф. 1209/2, 15179, 249. 1656–1701 гг.).

По-видимому, слово **мшара** уже в начале своего бытования имело не общерусский характер. Так, СлРЯ XI–XVII вв. отмечает его в локализованных памятниках XVI в. (Зап. руб., 34. 1571; Писц. д. I, 4. 1583 г.) (СлРЯ XI–XVII 9: 326). Словари XVIII в. это слово не фиксируют. В. Даль дает его без указания на территорию распространения (Даль 2: 252). В настоящее время слово известно в смоленских, тверских, ярославских, псковских, костромских говорах (СРНГ 19: 47). Э. М. Мурзаев указывает, что «из болота Мшара Смоленской области начинается свой путь Днепр, здесь его истоки» (Мурзаев 1984: 382–383). В словарях современного русского литературного языка этого слова нет, но в языке научной географии употребляется термин (слово *мшары* в форме множественного числа) **мшары** в значении ‘сфагновые торфяные болота преимущественно дождевого питания, обычно выпуклой формы’ (ЭСГТ: 238). Известно оно и в белорусской географической терминологии [Яшкин 1971: 116].

В памятниках письменности содержится большое количество топонимов и микротопонимов, мотивированных названными словами: д. *Мшарина* (1355/1, 1440, 91), *Мшарной ручей* (15175, 318 об.), п. *Мошки* (15176, 238), ручей *Имшарной* (15175, 318 об.), д. *Амховица*, что была пустошь над речкою *Амховицею* (113/1, 205, 8об.), сц., д. *Амховицы* (1355/1, 1440, 11), д. *Замошье* (там же, 22об.), п. *Амховая* (там же, 22об.), п. *Замошье* (там же, 47), п. *Подмошица* (там же, 54), п. *Замошица* (там же, 54), с. *Амховатка* (1355/1, 54/1487, 48), д. *Амшарева* (1355/1, 1470, 89), п. *Замошня* (там же, 90), д. *Замошкина* (там же, 89об.), д. *Замошье* (там же, 90), д. *Подмошье* (там же, 91об.), п. *Прамошица* (1355/1, 1440, 11об.).

Современные топонимы с корнем *мох-* (*ми-*) широко представлены в Смоленской области: д. *Амшара*, д. *Амшарка*, д. *Амшарево*, д. *Амшарино*, д. *Амшарово*, д. *Амшары*,

д. *Амховатка*, [АТУ: 110], д. *Мошарово*, д. *Мошевая*, д. *Мошек*, пос. *Мошки*, д. *Мошково* [АТУ: 268], пос. *Замшары*, д. *Замохово*, д. *Замошенье*, д. *Замошки*, д. *Замошье*, пос. *Замошица*, [АТУ: 191], д. *Подмошицы*, д. *Подмошки*, д. *Подмошье*, д. *Подмошица* [АТУ: 302], д. *Нижние Моховичи* [АТУ: 268].

Таким образом, на примере группы слов с общим значением ‘моховое болото; место, поросшее мхом’ можно проследить жизнь слова на довольно большом отрезке времени — с XVI в. по настоящее время — и определить его литературный или диалектный характер.

Литература

Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. М.: Московский рабочий, 1981. 416 с.

Бондарчук Н. С. О диалектном слове донационального периода развития языка (на материале письменных памятников Северо-Восточной Руси конца XIV–XV вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 66–68.

Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974. 161 с.

Иванов В. В. К проблеме реконструкции диалектного членения // Сопровождение по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1973. С. 13–15.

Мжельская О. С. Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности // Из истории слов и словарей: очерки по лексикологии и лексикографии. Л.: Наука, 1963. С. 119–129.

Полякова Е. Н., Новиков В. Ф. Диалектная лексика в чердынских и соликамских памятниках XVII века // Живое слово в русской речи Прикамья / Ученые записки Пермского ун-та им. А. М. Горького. № 268. Вып. 3. Пермь, 1972. С. 155–168.

Сороколетов Ф. П. Местные слова в составе военной лексики древнерусского языка // Диалектная лексика — 1969. Л.: Наука, 1971. С. 227–236.

Филин Ф. П. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. М.: Наука, 1968. С. 379–392.

Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание. V международный съезд славистов. М.: Наука, 1963. С. 318–346.

Яшкін І. Я. Беларуская географічныя назвы. Тапаграфія. Гидралогія. Мінск, 1971. 256 с.

Сокращения

АТУ — Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. М.: Московский рабочий, 1981. 416 с.

ГАСО — Государственный архив Смоленской области (Смоленск).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

СМИМ–Смоленский исторический музей (отдел фондов) (Смоленск).

Appellatives with the root *mox-* (*moš-*, *mš-*) in toponyms and microtoponyms

Vera S. Kartavenko
Smolensk State University

The article deals with the appellatives, toponyms and microtoponyms that were identified in the Smolensk business documents of the 16th—18th centuries and preserved in dialects up to the present time. Identification of dialect vocabulary in the monuments of old Russian writing is associated with certain difficulties, since the dictionaries of the 18th century cannot testify the literary or dialect character of a word. Of particular interest is the group of words with a common meaning ‘moor; place overgrown with moss’.

Key words: area, dialect, dialectism, toponym, microtoponym, literary monuments, name.

References

Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Smolenskoj oblasti: Spravochnik. [Administrative division of the Smolensk region. A handbook] M.: Moskovskij rabochij, 1981. 416 p.

Bondarchuk N. S. O dialektnom slove donacional'nogo perioda razvitiya yazyka (na materiale pis'mennyh pamyatnikov Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV–XV vv.) [On dialectal vocabulary during the pre-national period of language development (based on the data extracted from the literary monuments of the Northeast Rus' written at the turn of the 14th century and in the 15th century)] // Leksika i frazeologiya severnorusskikh govorov [Vocabulary and phraseology of the Northern Russian dialects]. Vologda, 1980. Pp. 66–68.

Borisova E. N. Leksika Smolenskogo kraja po pamyatnikam pis'mennosti [The vocabulary of the Smolensk region preserved in the literary monuments]. Smolensk, 1974. 161 p.

Ivanov V. V. K probleme rekonstrukcii dialektного chleneniya [On the issue of reconstructing the dialect division] // Soveshchanie po obshchim voprosam dialektologii i istorii yazyka. Tezisy dokladov i soobshchenij [A meeting on the general problems of dialectology and language history. Abstracts of contributions and reports]. M.: Nauka, 1973. Pp. 13–15.

Mzhel'skaya O. S. Dialektizmy v yazyke pamyatnikov srednevekovej pis'mennosti [Dialectal words in the language of the medieval literary monuments] // Iz istorii slov i slovaroj: ocherki po leksikologii i leksikografii [From the history of words and dictionaries: essays on lexicology and lexicography]. L.: Nauka, 1963. Pp. 119–129.

Polyakova E. N., Novikov V. F. Dialektnaya leksika v cherdynskih i solikamskikh pamyatnikah XVII veka [Dialectal vocabulary in the Cherdyn' and Solikamsk literary monuments of the 17th century] // ZHivoe slovo v russkoj rechi Prikam'ya [Living word in the Russian speech of the Kama region] / Uchenye zapiski Permskogo un-ta im. A. M. Gor'kogo. [Proceedings of the Perm State University named after A. M. Gor'ky] № 268. Issue. 3. Perm', 1972. Pp. 155–168.

Sorokoletov F. P. Mestnye slova v sostave voennoj leksiki drevnerusskogo yazyka [Local words in the military vocabulary of the Old Russian

language] // Dialektnaya leksika [Dialectal vocabulary] — 1969. L.: Nauka, 1971. Pp. 227–236.

Filin F. P. Nekotorye problemy rekonstrukcii drevnerusskikh dialektov [Some issues in reconstructing the Old Russian dialects] // Slavyanskoe yazykoznanie. VI mezhdunarodnyj s'ezd slavistov [Slavic Linguistics. 6th International meeting of Slavists]. M.: Nauka, 1968. Pp. 379–392.

Filin F. P. O sostavlenii dialektologicheskikh slovarej slavyanskih yazykov [On compiling the Slavic dialectal dictionaries] // Slavyanskoe yazykoznanie. V mezhdunarodnyj s'ezd slavistov [Slavic Linguistics. 5th International meeting of Slavists]. M.: Nauka, 1963. Pp. 318–346.

YAshkin I. YA. Belaruskiya geografichnyya nazvy. Tapagrafiya. Gidralogiya. [Belarusian toponyms. Topography. Hydrology]. Minsk, 1971. 256 p.

Русские диалектные названия растений с компонентом ‘собака’*

Валерия Борисовна Колосова

Институт лингвистических исследований РАН

В статье анализируется группа русских диалектных фитонимов и миконимов, образованных от слов со значением ‘собака’. В качестве материала рассмотрено около ста семидесяти названий. Выявляются признаки, которые легли в основу номинации растений. В качестве оснований номинации выделены такие признаки растений, как форма определенных органов, ядовитость или несъедобность для человека, использование в качестве суррогата, воздействие на животных и т.д. Номинация также может основываться на фольклорном мотиве или являться калькой с латинского языка. В конце статьи делаются выводы о сходстве и различиях мотиваций «собачьих» фитонимов и названий, образованных от других зоонимов, а также очерчиваются перспективы дальнейших исследований данной темы.

Ключевые слова: этноботаника, фитонимы, этнолингвистика, русские говоры, мотивация, признак, собака.

В данной статье анализируется группа русских фитонимов — в большинстве своем диалектных, — отобранных по формальному признаку, а именно названий растений, образованных от слов *собака*, *нёс*, *сука*, *кутька*¹. В качестве материала рассмотрено около ста семидесяти сочетаний «фитоним + денотат», извлеченных методом сплошной выборки из «Словаря русских народных говоров», «Ботанического

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00415 «Сводная русская диалектная лексикография: проблемы и перспективы».

¹ Ранее в этой серии статей уже были рассмотрены фитонимы, образованные от зоонимов *медведь* [Колосова 2012] и *заяц* [Колосова 2016].

словаря» Н. И. Анненкова, исторических словарей русского языка и фитонимической базы данных PhytoLex. Основной задачей работы является поиск мотивационных признаков растений, которые легли в основу их номинации.

Номинация по форме

В этом разделе можно выделить две подгруппы. Первая обусловлена формой определенных органов растений (обычно листьев), которые вызывают ассоциации с той или иной частью тела животного. В случае с собакой это лапа, язык, уши, хвост, голова и морда. Так, клевер (вид не указан) получил название *собачья лапа* (Усть-Цилем. Арх., Печор.), подорожник — *собачьи уши* (Камышл. Свердл.) (СРНГ 39: 145, 146). Составная номинация *собачий язык* может означать сразу три различных растения: медуницу аптечную *Pulmonaria officinalis* L. (Ворон.), ландыш майский *Convallaria majalis* L. (Олон.) и синяк красный *Echium rubrum* L. (Курск.), ее вариант *собачьи языки* — ятрышник болотный *Orchis laxiflora* Led. (Петерб.) (СРНГ 39: 145). Номинация *собачья голова* (СРНГ 39: 145–146) также относится к трем растениям. Однако, в отличие от предыдущего случая, где сравнение удлиненной формы листьев с языком собаки применимо во всех случаях, эти растения — василек луговой *Centaurea jacea* L., норичник шишковатый *Scrophularia nodosa* L. и норичник водный *Scrophularia aquatica* L. — внешне отличаются друг от друга. В случае с васильком (Влад.) фитоним может быть обусловлен округлой формой скопления плодов с хохолком, оставшегося после отцветания. Норичник шишковатый (Костром.) и норичник водный (Курск.), похожие между собой, отдаленно напоминают мордочку животного с открытой пастью. К тому же типу номинации отнесем фитоним *собачки* ‘растение львиный зев’ (*Собачки — это цветы, нажмешь на цвет, он, как собачка, рот открывает.* Моск.) и *собачки* (Пенз., Tobол., Том.) ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.’ (СРНГ 39: 150, 151), а также *собачья морда* ‘львиный зев *Antirrhinum* L.’ (без географии) (СРНГ 39: 146).

Вторая подгруппа обусловлена не формой какого-то конкретного органа растения, а шершавой, колючей или зубчатой поверхностью плодов или семян, благодаря которой они обладают свойством цепляться к шерсти животных или одежде людей. Например, череда трехраздельная *Videns tripartita* L. получила названия **собачьи репы** (Нижегор.), **собачка** (Нижегор., Том.), (*Череду у нас собачкой называют, она как собачка цепляется, но она пользительная.* Амур.), **полевая собачка** (Том.), **собачки** (Дмитров. Орл., Смол., Новг., Том.), (*У череды собачки длиненькие втыкаются.* Том.; *Ко мне все собачки прицепились.* Новг.), **собачник** (Кож. Том.), **собашник** (Нижегор.), (*Собашник — дурная трава, сорняк, он цепляется.* Ряз. Мещера) (СРНГ 39: 145, 149, 150, 152). Близкий набор фитонимов относится к ряду растений, обладающих плодами с теми же свойствами: **собачий хвост** 'бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.' (Арх.), **собачник** 'чертополох' (Скоп. Ряз.), **собачник** 'лопушник большой *Lappa major* Gaertn.' (Смол.), **собачник** (Стариц. Калин., Яросл. Ряз.), **собашник** 'репейник' (Иван.) (*Пуки собашника наберут — и в девок, он ведь кусается.* Починк. Горьк.; *Собашник он липнет, прилепится, не выдерешь.* Калин.) (СРНГ 39: 144–145, 152). Фитоним **собачка** 'липучка оттопыренная *Echinopspermum lappula* Lehm.' иллюстрируется цитатой (*Собачка к платю прилипла.* Кемер.) (СРНГ 39: 149). Завершим ряд фитонимом **собачки** 'дурнишник обыкновенный *Xanthium strumarium* L.' (Калуж.) и 'репешок обыкновенный *Agrimonia eupatorium* L.' (СРНГ 39: 150).

В данной подгруппе содержатся не только фитонимы, относящиеся к конкретным растениям, но и к целой группе растений, обладающий подобным свойством: **собачка** / **собачки** 'Народное название многих растений с плодами, снабженными цепкими щетинками, крючками и т.п., а также название плодов этих растений' (Каин. Том., Урал., Пенз., Орл., Ворон.), (*Все штаны в собачках.* Смол.) (СРНГ 39: 149–150). Аналогичное определение дается в словаре для фитонима **собачник** / **собашник** 'Народное название некоторых растений

с плодами, снабженными цепкими щетинками, крючочками и т.п., а также название плодов этих растений' (Оленин. Калин., Арх.) (СРНГ 39: 152).

Номинация по сниженной ценности

Как и многие другие зоонимы, лексема **собака** используется для номинации растений, не имеющих хозяйственной или пищевой ценности, ядовитых или несъедобных для человека. Так, герань луговая *Geranium pratense* L. получила название **собачий василек** (Ворон.), кокорыш обыкновенный *Aethusa cynapium* L. — **собачий бес** (Мещов. Калуж.), подорожник — **собачья кислица** (Вельск. Арх.) (СРНГ 39: 144, 146). Фитоним **собачья кислица** относится сразу к двум растениям — бодяку разнолистному *Cirsium heterophyllum* All. (Олон.) и частухе подорожниковой *Alisma plantago* L. (Олон.) (СРНГ 39: 146). Отсутствие предполагаемого признака — жгучести — отражено в названии **собачья крапива** 'пустырник аптечный *Leonurus cardiaca* L.' (без географии) (СРНГ 39: 146).

В данной группе можно выделить отдельную подгруппу, охватывающую большой ряд растений с несъедобными или ядовитыми ягодами и объединенных общей номинацией **собачья ягода**: 'крушина' (*У собачьей ягоды ягоды черные, их не едят.* Хакас. Краснояр.), (Свердл.); 'паслен персидский *Solanum persicum* Willd.' (Зырян. Том., Ср. Приобье); 'сибирская сирень' (Хакас. Краснояр.), 'паслен черный *Solanum nigrum* L.' (Хабар.), 'ирга *Amelanchier* Medik.' (Сл.-Турин. Свердл.), 'волчьи ягоды' (Свердл.), а также общее значение 'растение с несъедобными, ядовитыми ягодами' (*Собачья ягода в лесу растет, на кустах, ягода черная ядовитая.* Хабар.) (СРНГ 39: 147), с вариантом **собачьи ягоды**: 'паслен сладкогорький *Solanum dulcamara* L.' (Тобол.), 'бирючина обыкновенная *Ligustrum vulgare* L.' (без географии), 'спаржа аптечная' (Глубок. Вост.-Казах.) (СРНГ 39: 145, 146). Иногда денотат неизвестен, но основание мотивации явствует из определения или высказывания информанта: **собачья песевка** 'растение [какое?]' (*Несъедобну то собачьей песевкой зовут,*

стебель у нее толстый, высокой, а цветы белы. Пинеж. Арх.) (СРНГ 39: 146); **собачник** 'низкорослый кустарник с бледнорозовыми мелкими цветами и несъедобными ягодами' (Алт.) (СРНГ 39: 152).

Семантический оттенок суррогата имеет фитоним **собачье мыло** 'мыльнянка аптечная *Saponaria officinalis* L.' (СРНГ 39: 145)².

Пренебрежительный характер номинации особенно ярко выявляется, когда второй частью номинации является название какого-либо культурного растения: горец перечный *Polygonum hydropiper* L. получил название **перец собачий** (СРНГ 39: 144), ежевика *Rubus caesius* L.— **собачья малина** (Борович. Новг.) (СРНГ 39: 146). Как и в предыдущей группе, здесь встречаются многозначные фитонимы: **собачья капуста** может означать пролеску многолетнюю *Mercurialis perennis* L., пролеску однолетнюю *Mercurialis annua* L. и марь Клинггреффа *Chenopodium album* Moq. (СРНГ 39: 146); **собачья мята** — веронику широколистную *Veronica latifolia* L. (Ворон.), будру плющевидную *Glechoma hederacea* L. (Смол.), мяту полевую *Mentha arvensis* L. (Арх.) и белокудренник сорный *Valota nigra* L. (Калуж.) (СРНГ 39: 146). Напротив, корыш обыкновенный *Aethusa cynapium* L. получил два названия: **собачья петрушка** и **собачница** (без географии) (СРНГ 39: 146, 152).

Номинация по ядовитости/несъедобности

К этой группе растений вплотную примыкает следующая — ядовитые растения. Так, бузина травянистая *Sambucus ebulus* L. получила название **бузина собачья** (СРНГ 39: 144). Некоторые растения получают по несколько «собачьих» фитонимов и, наоборот, под одним фитонимом может иметься в виду более одного растения. Так, фитоним **дягиль собачий** может означать цикуту ядовитую *Cicuta virosa* L. и болиголов крапчатый *Conium maculatum* L. (СРНГ 39: 144); к тем же

² Отметим, что то же растение имеет названия **дикое мыло**, **кукушкино мыло**, **татарское мыло** (Анненков 1878: 316).

двум денотатам относится название *собачья петрушка* (СРНГ 39: 146). Отмечены также составные номинации *собачьи дудки* ‘болиголов’ (Белозер. Новг.) (СРНГ 39: 145), *собачий дидель* ‘цикута, вех *Cicuta* L.’ (Волог.) (СРНГ 8: 53), *собачий мак* ‘белена черная *Hyosciamus niger* L.’ (Калуж.) (СРНГ 39: 144), *собачья ягода* ‘волчьи ягоды’ (Свердл.) (СРНГ 39: 147).

Негативное или летальное воздействие таких растений подчеркивается во втором компоненте сложного названия: *собачья бесива* ‘белена *Hyosciamus* L.’, *собачье бесиво* ‘волчьи ягоды’ (Брян.), *собачья бесила* ‘дурман обыкновенный’ (*Собачья бесила цветет белым, воняет пакостно.* Дон.), *собачья смерть* ‘безвременник теневой *Colchicum autumnale* L.’ (СРНГ 39: 145, 146).

Культурная обусловленность понятия съедобности или несъедобности особенно ярко высвечивается в номинации грибов. С одной стороны, «собачья» номинация относится к действительно опасным грибам: *собачий гриб* ‘Несъедобный гриб, поганка’ (Вост. Сиб., Иркут., Хабаров., Свердлов.), (*Так собачьи грибы — поганки они и есть. От собачьих грибов чушки пропадают, это мухомор, и других много собачьих грибов.* Ср. Прииртышье), *собачья опенка* ‘Несъедобный гриб, поганка’ (*Мишка съел собачью опенку, дурнит его.* Груз. ССР) (СРНГ 39: 144), ср. тж. фитонимы с тем же значением: *собачники* (Каргоп. Арх.), *собашники* (Коптел. Свердлов.), *собачки* (Кабан. Бурят. АССР, Арх., Свердлов.), *собачик* (Каргоп. Олон.), *собачьи губы* (Сиб., Свердлов., Соликам. Перм., Киров., Арх., Волог.) (СРНГ 39: 143, 144, 147, 151, 152). С другой стороны, подобные же названия получают грибы, употребляемые в пищу за пределами той или иной локальной традиции: моховики *собачники* (Каргоп. Арх.), желтые грузди *собачий груздь* (Борович. Новг.), волнушки *собачий груздь* (Амур.) (СРНГ 39: 144, 152). Особенно много «собачьих» названий получил шампиньон — очевидно, как гриб, поздно вошедший в культуру и вызывавший сомнения в своей съедобности: *собачники* (Каргоп. Олон.), *собачик*

(Каргоп. Арх.), *собачий гриб* (Сиб., Том., Ср. Прииртышье, Ярослав.), *собачки* (*Собачки по назъму растут, у нас не едят, мы-то брезгуем ими.* Том. Том.) (СРНГ 39: 144, 147, 151, 152).

Вред

Растения, приносящие иной вред (помимо отравления), также могут получать «собачьи» названия, например: *собачник* 'черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris* L.' (*Сорная трава, растущая в просе.* Липец. Ворон.) (СРНГ 39: 152).

Запах

С некоторой долей гипотетичности можно предположить, что названия *собачьи пожитки* и *собачий помет* 'клоповник мусорный *Lepidium ruderale* L.' вызваны неприятным запахом растения (СРНГ 39: 144, 145).

Номинация по использованию животным

Среди «собачьих» фитонимов встречаются такие, которые основаны на способности растения вызывать заболевание (как правило, бешенство) или, наоборот, излечивать собак, например: *собачья трава* 'володушка золотистая *Virelurum aureum* Fisch.' (Уфим.), (*Трава, от которой скот или собаки бесятся.* Р. Урал) (СРНГ 39: 146), *собачкина трава* (*Трава, от которой скот или собаки бесятся*) (Р. Урал) (СРНГ 39: 151). Лекарственные растения от собачьих заболеваний получили следующие названия: *собачий млишай* '*Peltigera canina* Hoffm. пельтигера собачья' (*Прежде считалось средством от бешенства у собак*) (СРНГ 39: 144), *собачатник* 'растение, которое с жадностью ест собака, страдающая от сильной жажды или больная бешенством' (Липец. Ворон.) (СРНГ 39: 141).

Медицина

В основе использования в народной медицине ирги *Amelanchier* Medik., очевидно, лежат этнолингвистические причины, поскольку и в названии растения, и в названии болезни присутствует слово *собака*: *собачья ягода* (*Собачью*

старость лечат собачьей ягодой. Сл.-Турин. Свердл.) (СРНГ 39: 147). Возможно, использованием от той же болезни объясняется и фитоним *собачья старость* ‘свидина татарская *Cornus tatarica* Mill.’ (Зырян. Том.) (СРНГ 39: 146). Можно предположить, что фитоним *сучье вымя* ‘пикульник обыкновенный *Galeopsis tetrahit* L.’ (Вят.) (СРНГ 43: 32) обусловлен применением от одноименной болезни: *сучье вымя* ‘нарыв под мышкой’ (Ачин. Енис., Том., Р. Урал, Южн. Урал, Киров., Калуж., Азерб. ССР, Груз. ССР.); ‘нарыв в паху’ (Смол.); ‘фурункул’ (Медян. Киров.); ‘болезнь вымени у животных’ (Р. Урал) (СРНГ 43: 32). Интересно, что в ряде случаев лечение этих заболеваний подразумевает участие собаки: (*Под мышкой бывает сучье вымя или нарыв; пока не дашь собаке полизать — не заживет.* Амур.; *Сучье вымя — покатай по вымени мякушкам горячего хлеба и отдай свесь сучке — пройдет.* Смол.) (СРНГ 43: 32).

Народная этимология

Название *песик* ‘хвощ полевой *Equisetum arvense* L.’ внешне, казалось бы, относящееся к интересующей нас группе, очевидно, является результатом народной этимологии и искаженной формой слов типа *пестики*, *пистики*, *пестышки* и др., типичных для названий хвоща (*У нас парнишка песики нарвал, у них корешок, а там орешки черненьки. Эти песики, говорят, от простуды хорошо ноги парить, хвощ называется.* Том.), *песик* ‘хвощ лесной *Equisetum silvaticum* L.’ (Том., Ср. Приобье) (СРНГ 26: 301).

Номинация по фольклорному мотиву

Мотивационно непрозрачный фитоним *выпусти собачек* ‘нивяник *Chrysanthemum leucanthemum* L.’ (Арх.) (СРНГ 39: 150) требует привлечения фольклорного материала. В Московской области отмечены сложные фитонимы *поп-поп выгощи собачку* и *поп-поп выведи собачку* ‘нивяник’ (*На покосе, в полях растет поп-поп, выгощи собачку, скотина его не ест, цветок белый, в середине как пуговица желтая,*

совсем как ромашка, только листочки есть и корень другой. Девки рвут поп-поп выгони собачку и гадают на ем. Моск.; Поп-поп, выведи собачку — так цветок называется, на ромашку похож очень, только листики круглые. Моск.) (СРНГ 29: 292, 314). Возможно, фитонимы являются частью какого-то приговора, сопровождавшего детскую игру, как, например, в тексте из Пошехонского у. Ярославской губ.: Поп, поп, выпусти собак, / Баре едут, озимь топчут или Поп, поп, выпусти собак, / На боярский двор, на дворянских ребят; «Песенку эту распевают, держа в руках цветок дикой ромашки. Песенка распевается до тех пор, пока из середины цветка не выползут черненькие, маленькие жучки — “поповы собаки”» (Балов 1901: 119). Также «зафиксирован случай, когда с попом ассоциируется сердцевина цветка ромашки, а с собачками — ее лепестки: волог. *собачки* ‘в детской игре — лепестки ромашки’, *попик* ‘желтая середина ромашки’: “Собачек оторвем, один попик останется. Попик-то у ей желтая середка. Гадали так: белых собачек отрывали”» (КСГРС; цит. по: [Синица 2017: 249]). По всей видимости, осколками того же игрового комплекса, когда-то, очевидно, бытовавшего на довольно обширной территории, являются такие названия растений, как *кутъки-воры* ‘ромашка’ (Орл., Вят.) (СРНГ 16: 178), *кутъки трава* (Вят.), *трава бабушка, выпусти собачек* (Шенк. Арх.) ‘нивяник обыкновенный *Chrysanthemum leucanthemum* L.’ (Анненков 1878: 96).

Номинация зачастую бывает не определена, поскольку в диалектных словарях мотивации народных названий растений обычно не указываются: *собачка* ‘гравилат’ (Ср. Приобье), *собачка* ‘лапчатка серебристая *Potentilla argentea* L.’ (Тамб.), *собачка* ‘чистотел большой *Chelidonium majus* L.’ (Амур.), *собачки* ‘незабудка литовская *Myosotis palustris* With.’ (Курск.) (СРНГ 39: 149, 150).

Кальки

Некоторые фитонимы, независимо от того, насколько прозрачной выглядит их мотивация с точки зрения носителя

русского языка, имеют параллели с аналогичной внутренней формой в латинском или в ряде других языков. Так, **собачий зуб** ‘пырей ползучий *Triticum repens* L.’ (СРНГ 39: 144) также называется нем. *die Hundsquecken, der Hundsweizen*, фр. *chiendent des boutiques*, англ. *dogs grass* (Анненков 1878: 362). Пупавка собачья *Anthemis cotula* L. обладает длинным рядом «собачьих» фитонимов: *ромашка песья, ромашка собачья, румян собачий, ромен собачий, цвет собачий*, укр. *собача ромашка, румянок собачий*, бел. *собачій рамон*, пол. *psi rutianek, rutian psi*, чеш. *psi rten*, нем. *Hundsblume, Hundsromeu*, фр. *catomille des chiens*, англ. *dog's fennel*, финн. *koirankukka* (Анненков 1878: 208–209), болг. *кучешка лайка* (БЕР 3: 285).

К разряду калек или частичных калек отнесем также фитонимы **косматка собачья** ‘шиповник собачий *Rosa canina* L.’ (СРНГ 39: 144), **собачьи огурцы** ‘бешеный огурец обыкновенный *Ecballium elaterium* (L.) A. Rich.’ (СРНГ 39: 145), **собачий зуб, собачки** ‘кандык европейский *Erythronium dens canis* L.’ (СРНГ 39: 144, 150), **собачий корень** (Ворон., Тамб.), **собачник, собачий язык, собачки** (Курск.), **пёсий язык** (Волог.) ‘чернокорень аптечный *Cynoglossum officinale* L.’ (СРНГ 26: 301; СРНГ 39: 144, 145, 150, 152). Практически все эти фитонимы даны в СРНГ по источнику (Анненков 1878), где они приведены без географии либо с пометой «перевод.».

Наличие географических помет в СРНГ требует решения более широкого вопроса о путях проникновения заимствованных фитонимов в русский язык. Так, в «Словаре русского языка XVIII века» находим: «**песья голова (глава), грозд, зуб, язык.** Пасліон, песий грозд, сладкогорько. *Solanum dulcamara*» (СлРЯ XVIII 19: 179) со ссылкой на (Максимович-Амбодик 1795: 103) и «**песей язык.** *Cynoglossum officinale*. Трава однолетняя» (СлРЯ XVIII 19: 179) со ссылкой на (Слов. Акад. 1789–1794 4: 777). В (СлРЯ XI–XVII 2: 196) помещена словарная статья «**Песья вишня** — название растения. Аннекенги⁴ — песьи вишни» со ссылкой на публикацию лечебника

⁴ Очевидно, имеется в виду физалис обыкновенный *Physalis alkekengi* L. Об особенностях ксенономинии в отношении этого растения см. [Колосова 2018].

1616 г. в [Змеев 1895]. Встречаются также тексты с рецептами от «кушения собачьего», однако названия упомянутых лекарственных растений с собакой не связаны: **черная капуста, попутник, морская капуста** (СлРЯ XI–XVII 26: 12).

В материалах конца XVI – начала XVIII в., извлеченных из фитонимической базы данных [PhytoLex], обнаружилось несколько словоупотреблений, которые можно отождествить как транслитерации латинского *Cynoglossum*. Четыре из них принадлежат к различным копиям Азбуковника Давида Замарая: *Синоггоса (т) трава, еже ес(ть) собачии язычекъ* (собрание Г. Г. Юдина, ф. 594, 101 об., 1626 г., РГБ); *Скиноггоса {г}, собачии язык* (Архангельское собрание, Д. 446, 208 об., 1632 г., БАН); *Скиноггоса, песии языкъ* (собрание М. П. Погодина 1642, 135 об., 1630–1640 г., РНБ); *Скиноггоса, собачей языкъ* (собрание Н. С. Тихонравова, ф. 299, 286 об., 1690–1710 гг., РГБ). Еще четыре словоупотребления содержатся в словаре Марка Ридли: *собакоу языкъ. Cinoglossu[m]; cinoglossu[m]. собака языкъ; собакоу языкъ. Cinoglossu[m]; cinoglossu[m]. собака языкъ* (Ridley 1996: 382, 482, 505).

Подводя итоги, отметим следующие особенности «собачьих» фитонимов: 1) несмотря на огромную роль собаки в культуре, среди них представлено повышенное количество названий для ядовитых растений; 2) доминирующей по многозначности является составная номинация **собачья ягода**; 3) как и у других отзоонимных фитонимов, фоновым признаком номинации является признак «дикий, произрастающий в лесу или в поле»; 4) из других признаков, отраженных также в «медвежьих» и «заячьих» фитонимах, можно назвать форму, сниженную ценность растения, несъедобность; 5) размер, который широко отражен в «медвежьих» и «заячьих» травах и, по сути, является фоновым признаком для этих двух групп фитонимов, совершенно нерелевантен в случае «собачьих» трав, как и признак «поедание животным»; с другой стороны, уникальным для «собачьих» растений является признак запаха и использование животным для излечения бешенства.

Метод сплошной выборки представляется наиболее эффективным для определения мотивационного признака при сопоставлении ряда названий для одного и того же растения. Так, без рассмотрения всей совокупности «собачьих» фитонимов не удалось бы убедительно решить вопрос в пользу той или иной мотивации фитонимов типа *собачка* / *собачки*, которые, по всей видимости, являются стяженными формами более старых двучленных составных номинаций.

Наиболее перспективным развитием данной темы представляется сравнение признаков, характерных для фитонимов, образованных от названий разных животных, в частности, определение ведущих и периферийных признаков. Ряд таких статей — на материале как русских говоров, так и славянских языков в целом — мог бы послужить дополнением к материалам по символике животных в традиционной славянской культуре.

Сокращения названий библиотек

БАН — Библиотека Академии Наук. Санкт-Петербург.

РГБ — Российская Государственная библиотека. Москва.

РНБ — Российская Национальная библиотека. Санкт-Петербург.

Литература

Змеев Л. Ф. Русские врачевники. Исследование в области нашей древней медицинской письменности. СПб., 1895.

Колосова В. Б. «Медвежьи» растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 94–97.

Колосова В. Б. «Заячьи» травы в народной ботанике славян // Славянский альманах 2016. № 3–4. М.: Издательство «Индрик», 2016. С. 321–335.

Колосова В. Б. Образ еврея сквозь призму народной ботаники // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования: сборник статей / отв. ред. А. А. Новик, Н. Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2018. Вып. 1. С. 226–242.

Синица Н. А. Образы христианских служителей культа в славянских народных названиях растений // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культуре. СПб., 2017. С. 239–255.

PhytoLex — Фитонимическая база данных PhytoLex. Адрес доступа: <https://phytonyms.iling.spb.ru/> Дата обращения: 25.06.2019.

Russian dialectal plant names containing the component meaning 'dog'

Valeria B. Kolosova

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article analyzes a group of Russian dialect phytonyms and myconyms derived from words meaning 'dog'. About one hundred and seventy nominations were used as the material for the study; plant features, having become the basis for nomination, were identified. The following plant features were found to be the nomination basis: the shape of certain organs, toxicity or inedibility for humans, use as a surrogate, effects on animals, etc. The nomination can also be based on a folk motif or be a Latin calque. Conclusions are drawn about the similarities and differences in the semantic motivation of the phytonyms with the 'dog' component, and names derived from other zoonyms; some prospects for further research of the current topic are outlined.

Key words: ethnobotany, phytonyms, ethnoлингuistics, Russian dialects, motivation, feature, dog.

References

Kolosova V. B. «Medvezhì» rasteniya v russkih govorah [Plants related to bears in the Russian dialects] // Russkaya rech' [Russian Speech]. 2012. № 5. Sentyabr'–oktyabr'. Pp. 94–97.

Kolosova V. B. «Zayachì» travy v narodnoj botanike slavyan [Herbs related to hares in the folk botany of the Slavs] // Slavyanskij

aľmanah 2016 [Slavic Almanac 2016]. № 3–4. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 2016. Pp. 321–335.

Kolosova V. B. Obraz evreya skvoz' prizmu narodnoj botaniki [The image of a Jew through the prism of folk botany] // Evrejskie diaspori v Evrope i mire: polevye i istochnikovedcheskie issledovaniya: sbornik statej [Jewish diasporas in Europe and the world: field and source studies: a collection of articles] / otv. red. A. A. Novik, N. G. Golant. SPb.: MAE RAN, 2018. Issue 1. Pp. 226–242.

Sinica N. A. Obrazy hristianskih sluzhitelej kul'ta v slavyanskikh narodnyh nazvaniyah rastenij [Images of Christian clerics in the Slavic folk names of plants] // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. V. XIII. CH. 2. Etnobotanika 2: Rasteniya v yazyke i kul'ture [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. V. XIII. Part 2. Ethnobotany 2: Plants in language and culture]. SPb., 2017. Pp. 239–255.

PhytoLex — Fitonimicheskaya baza dannyh PhytoLex [Phytonymic PhytoLex database]. Adres dostupa: <https://phytonyms.iling.spb.ru/> Data obrashcheniya: 25.06.2019. URL: <https://phytonyms.iling.spb.ru/> Accessed on: 25.06.2019.

Zmeev L. F. Russkie vrachebniki. Issledovanie v oblasti nashej drevnej vrachebnoj pismennosti [Russian medical manuscripts. Research in the field of our ancient medical writings]. SPb., 1895.

Том «Растительный мир» Лексического атласа русских народных говоров как ценный источник для сравнительно-сопоставительных наблюдений

Лариса Яковлевна Костючук

Псковский государственный
университет

В статье реализовано желание одного из авторов-составителей ЛАРНГ взглянуть на вышедший том «Растительный мир» со всеми подходящими для картографирования материалами глазами исследователя, в частности, уникальных, как известно, псковских говоров, чтобы, может быть, обнаружить на полной картине карт необходимые и возможные для сопоставления лексемы из других говоров. В данном случае автору статьи прежде всего важно было выяснить современные ответы по всем говорам, представленным в ЛАРНГ, на пункт № 57 «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров»: 1) употребляются / не употребляются лексемы *олех*, *олѣх*, *олѣс*?; 2) в случае положительного ответа — в каком значении встречаются эти слова? Даже единичный или отрицательный ответы для псковичей значимы. Значимость многоаспектного труда очевидна.

Ключевые слова: картографирование, лексикографическое исследование, лексический атлас, карты, многоаспектный тип атласа, словарные статьи, русские народные говоры.

2018 год оказался для «Лексического атласа русских народных говоров» знаменательным: буквально к Всероссийскому диалектологическому совещанию на рубеже января — февраля вышел первый том «Растительный мир» (ЛАРНГ 2017). Содержание карт, сопровождающие их описания и, безусловно, сам материал заставляют о многом задуматься, чтобы

на максимально полном показе (карте и сопровождающих документах) того словесного богатства, добытого огромным коллективом собирателей за весь период работы по Программе атласа, а потом непосредственно над этим томом, спокойно изучить этот труд. При этом встречаешь вдруг новое, важное для себя или проверяешь и даже перепроверяешь своё предположение на материале уже с иллюстрациями из разных говоров со всей территории Европейской части России.

Полученная таким образом возможность для научной и практической работы значима для продолжающейся и картографической, и лексикографической работы, и просто для собственных наблюдений. В отличие от прошлой статьи, написанной на «волне» всеобщей «ларнговской радости» по поводу выхода в свет долгожданного тома «Растительный мир», в настоящем исследовании мы постарались передать впечатление пользователя и оценить этот уникальный и многоаспектный труд в целом. Прежде всего, очевиден новаторский подход к отбору материала и его представлению на большом количестве карт (по всем пунктам «Программы собирания сведений» (Программа ЛАРНГ), которые по своему характеру допускали картографирование, как показал конкретный материал).

Успех коллективного труда во многом зависит от целостности в содержательной (внутренней) и оформительской (внешней) сторонах произведения: огромный материал должен предстать для читателя как единое целое. И в томе «Растительный мир» ощущается последовательное решение задачи единообразного, обоснованного показа сложного и очень большого по объёму лексического материала. Это важная база для индивидуальных исследований и наблюдений за интересными лексемами. Обнаружение нужного значка на карте ведёт к последующим поискам соответствующего факта в пространстве географического расположения тех или иных говоров, позволяет решать задачи временного «пребывания» факта в данной точке. Это касается и синхронно-диахронных наблюдений над фонетико-морфологическими особенностями

диалектных лексем в интересующих нас псковских говорах.

Результат, заключающийся в последовательной подаче объёмного материала, достигнут благодаря постоянному в течение всех десятилетий опытному взгляду главного редактора Татьяны Ивановны Вендиной и редактора тома Татьяны Константиновны Ховриной. Все участники коллективной работы бесконечно им признательны.

Итак, теперь в нашем распоряжении новый диалектный источник с конкретным материалом живого местного русского языка. К нему хочется обращаться при каждой возможности. Название этого труда сохранило исходное, планируемое ещё И. А. Поповым [Попов 1974], направление — «лексический атлас», т.е. представление лексем как таковых в свободном и иногда в связанном употреблении (в устойчивых сочетаниях) в качестве номинативных единиц для соответствующих говоров. Привлечение к картографированию традиционно закреплённых наименований соответствующих понятий в говорах было справедливым решением, принятым в ходе коллективных обсуждений карт. Ведь в таких наименованиях отразилось народное видение носителями говоров окружающего, что формирует народную языковую картину мира в соответствующих пунктах. Так, интересен и труден огромный материал по теме «Гриб дождевик» (ЛЯРНГ 2017, карта № 188: 619–620). Справиться с размещением его на карте помогли коллективно выработанные обобщающие позиции в легенде: «Описательные названия» и «Единичные названия с картографируемыми корнями»: не пропал для читателя фактический материал при умелом чтении карты!

Длительная работа над материалом позволила не просто усилить некоторые другие аспекты (семантика, словообразование) в рассмотрении материала по отдельным пунктам «Программы собирания сведений», а создать специальные так называемые «карты-дубли» (по предложению опытного редактора Т. И. Вендиной, одного из ведущих создателей и редакторов и «Общеславянского лексического атласа»). В «Лексическом атласе русских народных говоров» появились,

помимо той или иной предполагаемой лексической карты, и словообразовательные карты (причём двух видов: с учётом не только словообразовательных аффиксов, но и корней); и словообразовательно-формообразовательные (чаще всего в связи с формами множественного числа); и мотивационно-номинативные (при разнообразии и обилии именовании при ответах на некоторые вопросы). В ряде случаев приходится выделять отдельно на карте наименования, сложившиеся в результате исторических фонетических изменений, варьирования (некоторые из этих фактов традиционно закрепились в народной речи). Такое решение оказалось, бесспорно, перспективным и значимым для максимально полного освещения материала, которым читатели Атласа могут воспользоваться в соответствии со своими научными целями.

Остановимся на некоторых особенностях, которые важны и для авторов-составителей (лексикографов) большого уникального труда — «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС 1967–2017). По идее Б. А. Ларина, это словарь областной полного типа современный и исторический на материале псковских говоров с их удивительными особенностями.

Перед экспедицией по сбору полевого материала для «Лексического атласа русских народных говоров» и для «Псковского областного словаря» продумываются цель и задачи сбора, объясняются молодым собирателям-студентам сложные факты, и частотные, и даже нечастые, подчас единичные, с которыми можно встретиться при вслушивании в народную речь. И важно не отбросить то, что неопытному собирателю кажется чем-то случайным. По «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ) в соответствующих вопросах отмечаем особенно редкие лексемы, выявить которые собирателю придётся при беседе с диалектоносителями, надо подойти к ним внимательно и не «потерять», поскольку они могут оказаться важными и для серьёзных открытий в будущих диалектологических исследованиях.

Так, особый семантический вопрос («СМ 57 «Употребляются ли и какие значения имеют слова *олех* [без ударения. — Л.К.], *олѣх*, *олѣс*?») (Программа ЛАРНГ: 20) значим и для составителей «Псковского областного словаря», поскольку в одном и том же корне фиксируются чередующиеся согласные звуки [x] и [c]. Такое чередование указанных звуков обнаружено было только в псковских говорах ещё в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. в связи с началом работы над нашим словарём. При сборе, обработке и проверке поступающего материала С. М. Глушкина в большом количестве источников настоящего и прошлого обнаружила много словоформ типа *подпѡхатъся* вместо *подпѡхатъся*; слов типа *мѡхо* вместо *мѡсо*; *хвист* вместо *свист*. Таким образом, было выявлено диалектное чередование общерусского звука [c] с, получается, «псковским» [x]. В другой группе слов исследователь обнаружил и чередование тоже «псковского» звука [x] с общерусским звуком [ш] в случаях типа *мехѡть* (местное, псковское) и *мешѡть* (общерусское) при исходном звуке [c] в однокоренных общерусских словах *месѡть*, *смесь*.

Как серьёзный и глубокий учёный, С. М. Глушкина детально и глубоко исследовала максимально полный на тот период фактический псковский материал (с обращением и к материалам «Диалектологического атласа русского языка», которые хранились в Институте русского языка Академии наук). Её интересовала история славянского звука [ch] и причина проявления указанных чередований в псковских говорах, так как далеко не всё в псковских говорах укладывается в известный, давно доказанный путь появления и дальнейшей судьбы славянского звука [ch] по так называемому «правилу руки». Тщательные разыскания исследователя привели к открытию своеобразия исторической судьбы этого согласного звука в северо-западных говорах русского языка (в частности, псковских) в зависимости от соответствующих условий. (Статья была опубликована в сборнике «Псковские говоры. I» по итогам Первой Псковской диалектологической конференции, посвящённой обсуждению «Инструкции Псковского областного

словаря» [Глускина 1962: 28–57]). Это открытие высоко оценил Б. А. Ларин: «Историко-сравнительные разыскания С. М. Глускиной обогащают историческую фонетику русского языка» [Ларин 1962: 3].

Вернёмся к указанному вопросу для карты «Лексического атласа русских народных говоров». В корне слов возможна «встреча» не только двух звуков ([x] и [c]), но и третьего ([ш]). Это все те три звука, о которых шла речь в статье С. М. Глускиной (ср. фактически и слова в вопросе для Атласа: *олех*, *ольхá*; *олёс*; *ольши́на*).

Для нас, в связи с уникальностью указанного только псковского чередования, прежде всего важно было наличие именно звука [c] в редакторской подаче «Программы ЛАРНГ» И. А. Поповым, который был знаком со статьёй С. М. Глускиной и, видимо, по какой-то причине заинтересовался словом *олёс* именно в звучании со звуком [c] (почему, теперь, увы, не выяснишь). И нас интересует это слово в «псковском» произношении именно с указанным конечным согласным — *олёс* (так как это уникальная псковская особенность, но она в современных говорах, естественно, редко встречается, да и в наших материалах по теме «Растительный мир» именно это слово в экспедициях не встречалось).

Так как указанный вопрос «Программы ЛАРНГ» интересовал меня, то задолго до выхода тома Атласа по картотеке в ИЛИ РАН я нашла и скопировала единственную карточку на пункт обследования «90». Чтобы расшифровать, что это за географический пункт, обратилась к Списку названий всех подлежащих обследованию районов и нашла указание, что это «Ильинский район Пермской области», в котором было просто зафиксировано отдельное слово *олес* именно с таким ударением (в отличие от *олёс* в «Программе ЛАРНГ»). И это единичное употребление во всей массе карточек на указанный пункт. С тех пор волнуют вопросы: Почему в указанном месте зафиксировано слово? В таком оформлении? От какого информанта был получен ответ? Может, от переселенца с псковскими корнями? Так в тече-

ние ряда лет и не удавалось выяснить это. Надежда была на вышедший том Атласа.

Обратилась к очень ценному документу: «Индексу материалов» для карты № 70 (ЛАРНГ 2017: карта № 70, 250–252) в томе «Растительный мир» для проверки ответов во всех обследованных пунктах. Но, поскольку карта семантическая, то «Индекс материалов» в связи с легендой содержит в пунктах сведения не о лексемах (что много лет назад было обнаружено и сохранено в копии загадочного *олёс*), а ответы, что именно передавали те слова, которые фигурировали в «Программе ЛАРНГ». И удалось только узнать, что какая-то лексема (но будем надеяться, что всё-таки это наименование, которое осталось у меня в копии) означает растение «ольха», как свидетельствует «Индекс», то есть продолжает древнее название.

Попытка узнать что-то об обстоятельствах получения ответа в пункте 90 (в давнее теперь время) у присутствующей на заседании начала февраля 2019 г. коллеги из Перми не увенчалась успехом: нет сведений, так как карточки давно были сданы в ИЛИ РАН.

Чтобы хоть как-то понять звук [c] в слове *олёс*, обращаемся к этимологическим словарям М. Фасмера (для русского языка) и А. Брюкнера (для польского языка). В них признаётся индоевропейское происхождение звука [x] в указанном корне из праиндоевропейского *s при виде корня, допускающем наследие тоже древнейшего чередования гласных: **elis* // **olis*. Указан балтский вид слова с указанным корнем (литовский, латышский языки), причём при подчёркивании А. Брюкнером, что в говорах (!) этих языков слово оформлено как *alisknis* (со звуком [s] корневым на первом плане в сочетании согласных и с гласным переднего ряда в корне), а в общеупотребительном виде с метатезой согласных (*aliksniš*) (Фасмер 3: 137–138; Brückner: 378–379). В любом случае слово оказалось очень интересным относительно своего плана выражения с наличием непривычного согласного в корне. Очень хотелось бы узнать состав информантов в заинтересовавшем

пункте сбора материала для ЛАРНГ. Для псковских же говоров значимо соседство, пограничье с носителями балтских языков, самых близких к славянским.

Сказанное показывает важность и для других целей даже единичных диалектных фактов при синхронно-диахронном, сопоставительном подходе к многоаспектному изучению родного языка.

Полнота и широта материала тома «Растительный мир» обрадовала и обнаружением на картах, отражающих именные образования от глаголов, идеи обнажения корней деревьев: см. карты на пункты «Программы ЛАРНГ» Л 32 «Корни вывороченного, выкорчеванного дерева» и СМ 33 «Употребляются ли и в каких значениях слова *выскорь, выскирь, выскорняк, выскорь...*?» (ЛАРНГ 2017: карты 38–39: 156–160; карта 40: 161–163).

При всём богатстве разнокоренных лексем в ряде случаев отражено следующее произношение в наименованиях типа *въврат* наряду с *въворот*; *въвратень* наряду с *въворотень*, что интересует именно псковских лексикографов. Внешне такое явление напоминает как будто неполногласие и полногласие, известные своей особой культурно-исторической судьбой взаимоотношений славянских языков и славянской письменности. В одном из сообщений пришлось уже говорить (а потом и писать) о типично местном, псковском звучании в повседневном, быстром общении во время сбора материала для словаря: «*Он ма́лиц-тэ злато́й, хвтя́ и младо́й*».

Коллективные наблюдения, исследования подобных фраз в разных условиях произношения убедили составителей словаря, что, конечно, это не церковнославянское неполногласие с целью высокого, торжественного характера речи. Значит, и не историческое чередование (церковнославянского, идущего от старославянского, неполногласия и восточнославянского полногласия). Это явление достаточно активно в живом произношении при упрощении некоторых звуков. Удалось выяснить некоторые разновидности упрощения полноглас-

ных сочетаний в разных словах. И было решено считать это «нетрадиционным фонетическим чередованием», в отличие от типично псковских традиционных фонетических явлений типа *вясна́* (яканье), «*впасть* в лúжу» вместо обычного *упáсть* и под.

Более чем полувековая работа над «Псковским областным словарём с историческими данными» с параллельными многоаспектными исследованиями диалектного материала сопровождается, естественно, усовершенствованием «Инструкции Псковского областного словаря», которой все составители следуют очень строго, чтобы достичь единообразия подхода в отображении аналогичных явлений, чтобы донести сложный и многоаспектный материал до читателей, не затрудняя их. (Это то, что достигнуто и в преподнесении материала в томе I «Лексического атласа русских народных говоров».) В выпуске 27 «Псковского областного словаря» опубликована уже третья редакция «Инструкции» [Инструкция 2017: 4–102]. Серьёзные диалектные материалы, продуманно организованные от сбора материалов до выхода в свет завершённого труда, представляют бесценную значимость для науки. Поэтому и ценят составители «Псковского областного словаря» архив ЛАРНГ, сборники ЛАРНГ с разнотерриториальными и многоаспектными исследованиями и, конечно, материалы тома «Растительный мир» — новые и значимые источники для индивидуальных наблюдений-исследований, избранных каждым из нас, ларнговцев.

Литература

Глушкина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 27–57.

Инструкция Псковского областного словаря (3-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27. СПб., 2017. С. 4–102.

Ларин Б. А. Предисловие // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 3.

Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров. (Проспект). Л., 1974. 45 с.

Lexical Atlas of Russian Dialects: the Plant Kingdom volume as a valuable source of comparative observations

Larisa YA. Kostyuchuk

Pskov State University

The article is inspired by a wish of one of the Lexical Atlas of Russian Dialects compilers that the published “Plant Kingdom” volume incorporating all suitable mapping materials were reviewed by a researcher of the unique Pskov dialect in order to possibly detect inside the full set of maps essential and compatible lexical units from other dialects. In the present case, the author’s primary objective was to find contemporary answers for item No. 57 of the Data Collection Programme comprising the following two questions throughout all dialects presented in the Russian Dialects Lexical Atlas: 1) whether lexical units *олех*, *олѣх*, *олѣс* are used or not; 2) in case of the positive answer — which meaning do these words convey? Even a single or a negative answer is of much significance for the Pskov researchers. Relevance of such a multifaceted research is obvious.

Key words: mapping, lexicographic research, lexical atlas, maps, multifaceted type of atlas, entries, Russian dialects.

References

Gluskina S. M. Morfonologicheskie nablyudeniya nad zvukom [ch] v pskovskih govorah [Morphonological examination of the sound [ch] in the Pskov dialects] // Pskovskie govory [Pskov dialects]. I. Pskov, 1962. Pp. 27–57.

Instrukciya Pskovskogo oblastnogo slovarya (3-ya redakciya) [Instruction of the Pskov Regional Dictionary (3rd edition)] // Pskovskij oblastnoj slovar’ s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary with historical data]. Issue 27. SPb., 2017. Pp. 4–102.

Larin B. A. Predislovie [Foreword] // Pskovskie govory [Pskov dialects]. I. Pskov, 1962. P. 3.

Popov I. A. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. (Prospekt) [Lexical atlas of Russian folk dialects. (A booklet)]. L., 1974. 45 p.

Репрезентация представлений о крупном насекомом в русских говорах

Нелли Александровна Красовская

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого

Статья посвящена рассмотрению вопроса о репрезентации в русских диалектах представления о крупном насекомом. Данная проблема может быть понята только в совокупности с рассмотрением вопросов о названии мелкого насекомого и общего наименования насекомых. Автор статьи приходит к выводу о том, что в русских говорах представление о крупном насекомом вовсе не четкое, так как оно слабо дифференцировано по сравнению с представлениями о насекомом вообще и мелком насекомом. Зачастую общим названием крупного насекомого является номинация какого-то конкретного насекомого, отличающегося крупной головой, большими крыльями и т.д. В данном факте автору видится расширение семантики таких лексем, например, как *жук*, *паук* и др. Слабое отражение в языке представлений о крупном насекомом выражается в ряде случаев названиями самого общего характера, например *насекомое*.

Ключевые слова: русские говоры, крупное насекомое, мелкое насекомое, репрезентация, системность.

Задуматься над тем, как отражено в русских говорах представление о крупном насекомом, нас заставил вопрос 361 Программы «Лексического атласа русских народных говоров».

Исследователями неоднократно отмечалось, что репрезентация тех или иных фактов действительности в диалектном языке более детальная по сравнению с литературным, что необходимо рассматривать лексические явления, подвергающиеся картографированию, в рамках широкого подхода, учитывая при этом и системность фактов самой жизни, и сложную, можно сказать, многоканальную их репрезентацию

в языке. Например, на одном из диалектологических совещаний о принципах отбора и анализа материала для карт Атласа Т. И. Вендина говорила: «Системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов Программы учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике. В основе этих связей лежат принципы подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части» [Вендина 2013: 109–110]. С этими словами нельзя не согласиться, потому что каждый член авторского коллектива Атласа в процессе анализа материала картотеки ЛАРНГ пытается осмыслить свой материал именно с точки зрения его системности: системности фактов окружающей действительности, места в совокупности вопросов и в дальнейшем — в совокупности карт Атласа и т.д.

О сложной дифференциации и системности реалий жизни и их отражении в языке свидетельствуют и многочисленные карты из первого тома ЛАРНГ. Например, для среднестатистического носителя русского языка лес может быть мало дифференцирован в своих названиях, однако Программа и карты первого тома Атласа свидетельствуют о том, что представление диалектоносителей о тех или иных реалиях окружающего мира гораздо дифференцированнее, сложнее, системнее в силу целого ряда причин, чем можно себе представить, не обращаясь к данным Атласа. Так, репрезентация леса может включать в себя: представление о лиственном, хвойном, смешанном, редком, густом, дремучем, больном, здоровом, мелком, высоком и т.д. лесе (ЛАРНГ 2017: 5). Такая дифференциация определяется, во-первых, системностью и сложностью жизненных реалий, во-вторых, далеко не простым отражением окружающей действительности в языке.

Если мы обратимся к той части Программы, которая связана с репрезентацией в языке мира животных, в частности мира насекомых, то мы также увидим основные принципы

системности в построении Программы: это общее название насекомых, крупное насекомое, мелкое насекомое и далее вопросы, связанные с названием конкретных насекомых. Однако даже такая четкость в построении Программы порой не отражает всю сложность реальных отношений, которая наблюдается среди явлений окружающего мира.

В процессе анализа материала из картотеки ЛАРНГ по данному вопросу нами были сделаны следующие наблюдения.

Во-первых, в ряде ответов содержатся названия не только предполагаемого крупного насекомого, но и названия мелкого насекомого. Сразу же оговоримся, что при рассмотрении вопроса Программы о названиях крупного насекомого необходимо обращаться и к общим названиям насекомых, и к названиям мелких насекомых, то есть нужно анализировать вопросы 360 и 362 вместе с вопросом 361. Например, среди ответов на вопросы указанных карт нам встретились лексемы *мóшка*, *мúшка*, *мушкара́*, *бука́шка*, *букара́шка* и др. В иллюстративном материале не содержится комментариев, которые бы давали возможность понять, какую именно семантику несут данные лексемы. Именно поэтому приходится обращаться к лексикографическим источникам. И толковые словари русского литературного языка, и диалектные словари содержат указание на то, что данные лексемы далеко не всегда могут восприниматься как ответ на вопрос Программы 361 Крупное насекомое. Так, Словарь русского языка отмечает: «Мóшка... Мелкое двукрылое насекомое...», «Мошкá... собир. Обл. То же, что мошкара... Мошкара́... собир. Мошки» (МАС 2: 306). СРНГ дает следующее определение слову *мóшка*: «Мелкие насекомые зеленого цвета — вредители огородных растений» (СРНГ 18: 323). Такое же значение имеет и слово *мошкара́*. Толкование и в толковом словаре литературного языка, и в диалектном словаре содержит сему 'мелкий'. Именно поэтому мы не считаем данные лексемы ответом на вопрос Программы о крупном насекомом.

Наличие подобных сложных вопросов в Программе ЛАРНГ делает не совсем простым и, казалось бы, однозначное

отнесение в качестве ответа на данный вопрос таких лексем, как *бука́шка*, *бука́ха*, *бука́ш*, *бука́ша*, *бука́н*, *бужа́н*, *буга́н*, *букара́н*, *букара́*, *бушкара́*, *букара́га*, *букара́ха*, *букара́ка*, *букара́шка*, *бука́рица* и др. Дело в том, что данные лексемы не определяются СРНГ именно как крупное насекомое. Например: *бука́н* «Насекомое, букашка» (СРНГ 3: 262), так же определяются *букара́*, *букара́шка*, *букара́ха*, *бука́ха*. Лексема *бука́шка* СРНГ не приводится, а МАС определяет как «Всякое маленькое насекомое» (МАС 1: 122). Если следовать данному определению и лексикографическому анализу, то отметим, что вышеназванные лексемы в своей семантике имеют сему 'маленький'. Однако иллюстративная база свидетельствует о следующем: *Какая букаха ползет, такой большой и не видела никогда* (Волог.). *Ой, какая букараха ползет!* (Волог.). *Тех насекомых, что побольше, букашками называют, а что поменьше — козявками зовут* (Псков.). *Крупное насекомое я назову букашка, букашек-то особенно много в лесу* (Влад.). *Букашка — это крупное насекомое. А если букашка укусит — здоровенный волдырь надувается* (Калуж.). *Букаш — он красный, черный бывает, крупный такой* (Тамбов.). *Крупное насекомое иногда зовут букарой* (Брян.). *Букаха намного больше козульки* (Курск.). *Букашка — крупное насекомое, букашки — поболее мошки* (Ворон.). *Муха — это крупная букаха* (Иван.). Словари определяют значение данных слов как общее название насекомых или как название маленьких насекомых, а речения, иллюстративная база указывают на то, что данные слова могут называть не только мелкое, но и крупное насекомое.

Наличие в ответах на вопрос Программы 361 приведенных выше лексем, их присутствие в ответах на вопросы Программы 360 и 362 порождают размышления о том, каким же образом можно распределить корпус подобных лексем в соответствии с вопросами Программы в том, например, случае, когда иллюстративная база отсутствует. Морфемная структура слова может в определенной степени указывать на наличие в семантике слова сем 'маленький' или 'большой,

крупный'. Так, скорее всего, суффиксы *-ик-*, *-к-*, *-ашк-* указывают на семантику деминутивности, а суффиксы *-ах-*, *-аш-* могут выражать значение 'большой, крупный', морфемы *-ар-*, *-ьј-* могут указывать на собирательность или обобщенность. Но подчеркнем, что морфемный анализ, безусловно, может лишь дополнять ту картину, которая рождается при целостном восприятии материалов карт, посвященных названиям насекомых, с учетом иллюстративной базы.

Во-вторых, самый сложный вопрос, который возникает при анализе материала картотеки ЛАРНГ, — это вопрос о том, считать ли ответы, в которых указываются названия конкретных насекомых, ответами на данный вопрос Программы. В материале, который подвергся анализу, нам встретились такие общеизвестные лексемы, как *муха*, *овод*, *пчела*, *таракан*, *шершень*, *слепень*, *жук*, *жуэжелица*. Например, МАС определяет муху как «двукрылое насекомое, являющееся переносчиком возбудителей ряда заразных болезней...» (МАС 2: 314). Интересно отметить, что СРНГ дает иное представление о мухе, отмечается несколько значений, среди которых 'овод, пчела' (СРНГ 19: 35). Обратимся к толкованию лексемы *слепень* — это «двукрылое насекомое, самка которого питается кровью животных и человека» (МАС 4: 135). Данные лексемы указывают на конкретные разновидности насекомых, причем, за редким исключением, в толковании не сказано, что это насекомое крупное. Вывод о размерах насекомого можно сделать лишь исходя из собственных представлений и из перечисления конкретных признаков каждого насекомого. Возможно обратиться к речениям, имеющимся в материалах картотеки: *Какие насекомые побольше, так их стрекозами зовут* (Волог.). *Ну, не знаю, если пчела, оса большая — так шершни, шершень, а так не знаю* (Псков.). *Оводу в лесу нынче много* (Костром.). *А потом сляпни, большой, лягаеть, удить* (Твер.).

Помимо этого, нами были выявлены наименования конкретных насекомых, но ограниченные в употреблении территориально. Они обычно встречаются в каком-либо одном

населенном пункте. Абсолютно игнорировать подобные названия нельзя, потому что они могут входить в какие-либо иные системы номинаций. Но подчеркнем, что обычно они именуют конкретных насекомых. Среди таких диалектных названий в материалах картотеки ЛАРНГ можно встретить следующие: *ба́бка-ли́пка* «Насекомое отряда чешуекрылых, отряда Lepidoptera» (СРНГ 2: 21), *бзык* ‘овод’ (СРНГ 2: 288), *буба́ра*, СРНГ дает лексему *буба́рка* в значении «Небольшое жесткокрылое насекомое, жук» (СРНГ 3: 232), *жу́жга*, СРНГ толкует лексему *жу́жг* «1. Насекомые, вредители культурных растений... 3. Мошка... 4. Оводы...» (СРНГ 9: 221), *каза́рка* объясняется как «Насекомое, вредитель злаковых...» (СРНГ 12: 331), *мяклу́ша* ‘бабочка’ (СРНГ 19: 79), *пи́калка* ‘овод, комар’ (СРНГ 27: 22), *спотыкю́шка*, СРНГ дает *спотыкю́ша* «Разновидность слепня» (СРНГ 40: 247), *гну́с* как «Летающие кровососущие насекомые (комары, мошки, слепни)» (МАС 1: 321), а в СРНГ определяется как «Насекомые, причиняющие вред человеку и его хозяйству» (СРНГ 6: 248). Помимо перечисленных выше лексем, также встречаются слова *бджала́*, *карака́тица*, *кобы́лка*, *ко́нык*, *коромы́сло*, *кузне́чик*, *медуня́ца*, *слепы́ш*, *шересте́нь*, *шлепе́ц*, *костя́нка*, *серя́к*. Диалектоносители осознают крупные размеры подобных насекомых, но для них это именно определенное крупное насекомое, не общее название. Наш вывод подтверждается иллюстративным материалом: *Большие жуки, да медуняцы, да осы, они-от крупные насекомые и есть* (Коми). *Крупных оводами зовем или слепышами* (Волог.). *Овод, павут, какой-то год от овода не знали, куда деваться* (Волог.).

Однако мы не можем сказать, что вопрос 361 Программы предполагает в качестве ответа перечисление названий конкретных крупных насекомых, думается, что предполагается в качестве ответа собирательное, общее название крупных насекомых. Это предположение возникает в связи с анализом примеров, которые даются к данному вопросу, и в связи с тем, что большинство следующих вопросов Программы

имеет конкретизирующий, уточняющий характер и связано с наименованием осы, овода, паука и т.д. Однако в формулировке вопроса 361 нет указания на О. Н. (общее название).

Но внимательное рассмотрение иллюстративного материала позволяет сделать следующие выводы: далеко не все лексемы, обозначающие конкретные разновидности крупных насекомых, используются именно в таком значении. В частности, нам встретились несколько лексем, которые сопровождаются иллюстрациями, заставляющими задуматься о семантике: *Паут залетел, еле выгнала* (Перм.). *Паут разный бываюот, и большой такой* (Волог.). *Больше всего когда пауты пугаюот* (Костром.). *Пауты нынче шибко кусаюотся* (Перм.). *У нас все мухи большие паутами зовуотся* (Свердл.). *А тут, дочк, всё одно слово — жуук. Насекомое — значит, жуук. Это на картошке в каждом годе жууки сидят, деваться некуда* (Москов.). *Жуук бываюот большой и маленький, большой жуук тоже летаюот* (Моск.). *Муухи, осы, дзык — всё это жууки* (Ростов.).

Можно сделать вывод, что лексемы *жуук*, *жу́желица*, *пау́т* используются как общее название крупных насекомых. До некоторой степени наши мысли подтверждаются данными диалектных словарей. СРНГ, например, дает такое толкование лексемы *пау́т*: «2. Жалящее крылатое насекомое (овод, слепень, большая муха, мошка и т.п.)» (СРНГ 25: 283), *жу́желица* определяется «собир. Насекомые» (СРНГ 9: 222). *Жуук* с обобщенной семантикой 'крупное насекомое' СРНГ не фиксируется.

Предположим, что в языке существует немного названий для совокупности крупных насекомых, а имеются только названия конкретных насекомых, либо совокупное название крупных насекомых в сознании носителей говоров связано с неким образом какого-то конкретного насекомого. В этом случае происходит своеобразное расширение семантики указанных лексем. Лексемой *жуук* называется не жук конкретный, а некое довольно крупное насекомое и т.д.

В-третьих, наши предположения о довольно размытом представлении о совокупности крупных насекомых в сознании

диалектоносителей подтверждаются наличием ответов типа насекомое или «у нас так не называют»: *Отдельного-то названья у нас нет, да крупный только овод* (Коми). *Называют просто насекомыми* (Волог.). *Крупное насекомое — и так говорим* (Новгор.). *Название зависит от вида насекомого: мухи, комары, жуки* (Яросл.). *Да никак вроде не говорят, я на них не знаю, как сказать* (Моск.); *Одним словом-то его не называют, вот если жук большой, к примеру, то и скажут жук, а если бабочка, значит, бабочка* (Моск.). *Нет особого названия* (Нижегор.).

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о том, что репрезентация представлений о крупном насекомом — это прежде всего репрезентация представлений о какой-то конкретной разновидности крупного насекомого. Видимо, некое общее именование может быть не актуально для носителя говора, потому что определенные признаки крупного насекомого довольно четко отличимы. Общее название крупного насекомого может быть представлением о насекомом вообще. Подобные предположения порождают и следующее размышление, связанное с тем, что реалии окружающей действительности оказываются гораздо более сложными, чем можно себе представить, выстраивая предварительную, предполагаемую совокупность названий, система определенных фактов окружающего мира не просто рождает противопоставления в языке, но и такого рода противопоставления, где маркированному явлению противопоставляется некая лакуна, которая, можно предположить, наполняется рядом элементов лишь в силу тех или иных обстоятельств.

Литература

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 102–119.

Representation of the idea of a large insect in Russian dialects

Nelli A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy

Pedagogical University

The article is devoted to the question of representation of the idea of a large insect in Russian dialects. This problem can be understood only when considered together with the questions of the name of a small insect and the generic nomination of insects. The author comes to the conclusion that in Russian dialects the idea of a large insect is not clear at all as it is poorly differentiated in comparison with the ideas of an insect in general and a small insect. In addition it is noted that often the common name of a large insect is the nomination of a particular insect, characterized by a large head, large wings, etc. This fact we consider to be the expansion of the semantics of such lexemes, for example, as a *žuk*, *paut*, etc. The fact that the idea of a large insect is poorly reflected in the language is expressed in some cases by the names of the most general nature, such as an insect.

Key words: Russian dialects, large insect, small insect, representation, consistency.

References

Vendina T. I. Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov i princip sistemnosti v lingvogeograficheskoj proekcii leksiki [The Lexical atlas of Russian folk dialects and the principle of consistency in the linguogeographic projection of vocabulary] // Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations)]. 2013. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 102–119.

Опыт создания лингвогеографической системы на материале русских говоров Северо-Запада*

Александр Николаевич Левичкин

Институт лингвистических исследований РАН

В статье обосновывается необходимость создания лингвогеографической системы, описывающей диалектные материалы говоров Севера-Запада России. Такая система будет полезной при работе, в частности, над Словарем пинежских говоров, позволяя уточнить толкования слов, подтвердить или выявить новые значения в толковании, обозначить регион бытования слов. Представленная лингвогеографическая система основывается в настоящее время на материалах Словаря пинежских говоров и нескольких изданных словарях, относящихся к северо-западному региону. Задавая поиск по различным критериям (в том числе по идеографическому принципу), возможно получить выборку материала в текстовом виде, а также представить такой материал на карте.

Ключевые слова: русские народные говоры, пинежские говоры, лингвогеографическая система, идеографический словарь.

Необходимость создания электронных лингвогеографических систем, которые представляли бы диалектный материал как в виде словарных статей, так и в виде карт, не вызывает сомнений. Подобный опыт существует у зарубежных коллег (см. например: DARE). Однако создание подобных проектов достаточно трудоемко и требует решения различных проблем. Здесь можно выделить два основных вопроса: создание электронной базы с диалектными данными и представление этих данных на карте. Второй вопрос, представление данных в электронном виде на карте, достаточно удобно решать, используя существующие геосервисы (обычно это геосервисы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09039.

Google, Yandex, Leaflet и других компаний или независимый сервис OpenStreetMap). Диалектные данные создатель подобного проекта может собирать сам или может использовать существующие опубликованные диалектные данные в словарях и других источниках.

Работа над проектом по изучению и описанию пинежских говоров Архангельской области привела научный коллектив к необходимости создания подобной системы. Диалектные данные, представленные в картотеке пинежских говоров, хранящейся в ИЛИ РАН, достаточно хорошо описывают лексику данного региона. Привлечение для работы над данным проектом дополнительных диалектных словарей, описывающих говоры Северо-Запада России, важно и полезно. Для словарной работы такие дополнительные данные могут помочь уточнить толкование слова, подтвердить или выявить новые значения в толковании, обозначить регион бытования слова и т.п. При этом работа, которую составители и редакторы словаря проделывают «вручную», просматривая бумажные издания словарей и других источников, может быть оптимизирована за счет обращения к источникам электронным. Создание таких сводных источников диалектных словарей, представляющих разные диалектные материалы, достаточно часто обсуждается в научной среде. Однако имеющиеся в открытом доступе источники на сайтах учреждений, занимающихся лексикографической работой, представляют собой просто оцифрованные бумажные издания существующих выпусков словарей. Эти выпуски представлены в виде файлов в формате pdf, имеющих зачастую плохо отсканированный слой изображения и текстовый слой с ошибками распознавания (или без текстового слоя вообще). Для создания системы, которая могла бы более эффективно помогать в лексикографической работе, представляется перспективным другой подход — создание отдельной лингвогеографической системы.

Представляемая созданная система находится в интернете по адресу: http://lingvgeo.ru/dialect_slov. Система основывается на материалах Словаря пинежских говоров, а также

привлекает материалы других диалектных словарей Северо-Запада. На первом этапе работы были взяты материалы из словарей: (АОС; Подвысоцкий 1885; СГРС; СРГК; СРГНП). На начальном этапе работы были использованы некоторые словарные статьи на буквы А и Б.

Основные задачи, которые призвана решать данная лингвогеографическая система, следующие:

- 1) представление в электронном виде словарных материалов Словаря пинежских говоров;
- 2) общее представление материалов диалектных словарей Севера-Запада;
- 3) возможность поиска в представленном корпусе словарных материалов по различным критериям;
- 4) создание карт, на которых будут указаны места бытования слов, зафиксированные в загруженных словарях.

На важность и необходимость привлечения словарных материалов в проекте ЛАРНГ указывал А. С. Герд [Герд 2007], отмечая при этом сложность подобного использования, т.к. Программа ЛАРНГ построена по идеографическому принципу, а большинство диалектных словарей по алфавитному.

Описанные проблемы решаются в нашей лингвогеографической системе введением различных критериев поиска. В настоящее время поиск можно осуществлять по следующим разделам: словарь, идеография, грамматика, фонетика, область, район и населенный пункт.

Кроме представления диалектных материалов в текстовом виде, система позволяет создавать интерактивные карты со значками, указывающие диалектные данные в выборке.

Программы, подобные данной, конечно, пока не позволяют делать полноценные диалектные карты. Но в настоящее время возможно посмотреть места бытования слов, что может помочь составителям карт уточнить регион их распространения. Отметим, что в данной системе точность представления данных на картах привязана в большинстве случаев к населенным пунктам (там, где эти данные представлены в словарях), а не районам, как сделано, например, в ЛАРНГ.



Словарь Идеография Район Фонетика
 АОС - Апу - - Апу - - Апу -

Область Район Насел. пункт
 - Апу - - Апу - - Апу -

Apply

Выв.	Статья	Цитата	Словарь	Идеография	Район
*	A1 A ¹ , част. постпозит. Обычно заключает собой предложение или его часть перед паузой. Прóbьнка одiн я. Штобы было цiсто у нас а. Вoсемь годoф мне а. Аннушкой зoвём а. ПРИМ. 33. Розгoвoры мы стáнем зaвoдiть а. КОТЛ. 36л.	Штoбы бiло цiсто у нас а. Вoсемь годoф мне а. Аннушкой зoвём а. ПРИМ. 33.	АОС	990400 В частИцы	Приморский Р-н - Верхняя ЗолотИца
*	A1 A ¹ , част. постпозит. Обычно заключает собой предложение или его часть перед паузой. Прóbьнка одiн я. Штобы было цiсто у нас а. Вoсемь годoф мне а. Аннушкой зoвём а. ПРИМ. 33. Розгoвoры мы стáнем зaвoдiть а. КОТЛ. 36л.	Розгoвoры мы стáнем зaвoдiть а. КОТЛ. 36л.	АОС	990400 В частИцы	Котласский Р-н - Заболoтe
*	A2 A ² , союз. В сочет. с отрицательной частьюцелень употребляется в роли разделительного союза или, или же. Ср. ай ² . Таг зaтiгáют, а нeт - зaплáткoй. ВИЛ. Пал.	Таг зaтiгáют, а нeт - зaплáткoй. ВИЛ. Пал.	АОС	990500 Е союзы	Вилегoдский Р-н - Павлoвскoе

Словарь - Апу - Идеография - Апу - Графика - Апу - Фонетика - Апу -

Область - Апу - Район - Апу - Насел. пункт - Апу -

Apply

Map data ©2019 GeoBasis-DE/BKG (©2009), Google, Inst. Geogr. National Terms of Use

Такое представление точнее показывает материал, т.к. на Северо-Западе России размеры районов достаточно велики и в одном районе может быть достаточно много разнообразного с диалектной точки зрения материала.

Дальнейшие пути развития данного проекта могут быть представлены следующими этапами работы: добавление словарных материалов, добавление других словарных источников, разработка картографического представления материала.

Литература

DARE — Dictionary of American Regional English. Электронный ресурс: <https://www.daredictionary.com>

Герд А. С. Антиномии Лексического атласа русских народных говоров. Антиномия 1 // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2007. Ч. 1. СПб.: Наука, 2007. С. 509–510.

An attempt at creating a linguogeographic system based on the material of the Russian dialects of the North-West

Alexandr N. Levichkin

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article justifies the need to create a linguogeographic system that describes the dialect materials of the dialects of the North-West of Russia. Such a system will be useful when working, in particular, on the Dictionary of Pinega dialects, allowing researchers to clarify the interpretation of words, confirm or identify new meanings in the interpretation, and indicate the geographical location of words. The presented linguo-geographical system is currently based on the materials collected from the Pinega Dialect Dictionary and several published dictionaries related to the northwestern region. By setting the search parameters according to various criteria (including the ideographic principle) it is possible to obtain a sample of the material in text form, as well as to present such material on a map.

Key words: Russian dialects, Pinega dialects, linguogeographic system, ideographic dictionary.

Reference

DARE — Dictionary of American Regional English. Электронный ресурс: <https://www.daredictionary.com>

Gerd A. S. Antinomii Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov. Antinomiya 1 [Antinomies of the Lexical atlas of Russian folk dialects. Antinomy No 1] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. Materialy i issledovaniya. 2007. [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] Ч. 1. [Pars 1] SPb.: Nauka, 2007. Pp. 509–510.

Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект

Мария Олеговна Леонтьева

Уральский федеральный университет

В статье рассматриваются обозначения глаз с пейоративной семантикой, зафиксированные в ходе работы Топонимической экспедиции Уральского университета на территориях Вологодской и Костромской областей; привлекается также общерусский диалектный фон. Основное внимание уделяется словам со значением ‘вытаращенные глаза’, которые анализируются в семантико-мотивационном аспекте. Для затемненных в плане происхождения диалектизмов (*та́лы* и *лундыши* ‘вытаращенные глаза’) производится этимологическая интерпретация с опорой на отраженные в лексике, фразеологии и фольклоре особенности восприятия глаз в народной культуре.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, пейоративы, соматизмы, Вологодская область, Костромская область, семантико-мотивационный анализ, этнолингвистика, этимология.

Глаза, будучи важнейшим органом чувств, «зеркалом души», являются чрезвычайно нагруженным в аксиологическом плане знаком символического языка культуры славян. В лексике и фразеологии славянских языков, а также в фольклоре отражается особое отношение человека к ряду важных свойств органа зрительной перцепции. Так, наблюдается прочная связь между зрением и познанием [Ясинская 2015: 225], образ глаз проецируется на внешний мир (глаза и макрокосм), что проявляется в сравнении глаз с небесными светилами и водоемами; наконец, глаза в народных представлениях тесно связаны с эмоциональным состоянием, душой и сердцем человека [Там же: 227].

Таким образом, присущие глазам функции и свойства — зрение, отражение света, чувствительность, динамизм, слёзоотделение, — обуславливают их высокую ценность для традиционного сознания. Однако ценность может переходить в антиценность, когда в языке оказывается отраженной идея профанации зрения. Отсюда появление пейоративных обозначений глаз, количество которых в русской диалектной лексике весьма велико.

Среди негативно маркированных обозначений глаз можно выделить несколько идеограмм с разной степенью лексической наполненности. Наиболее активно номинируются вытаращенные глаза, реже экспрессивные пейоративные наименования получают плохо видящие глаза (костр. *лўковицы*: *Глаза-те худые, лўковицы не видят*), глаза человека в состоянии алкогольного опьянения (костр. *коробвы глазá*: *Коробвы глазá налил, под забором лежит*) и, наконец, пустые, не отражающие эмоций глаза, которые часто воспринимаются как бесстыжие (костр. *лутбшныя глазá*: *Лутбшныя глазá — смотрит, а глаза пустые*) (ЛКТЭ).

В настоящей статье такие наименования рассматриваются на материале, извлеченном из русских диалектных словарей и неопубликованных полевых картотек, при этом наиболее системно и последовательно изучаются лексические данные, зафиксированные в Вологодской и Костромской областях, где проводились полевые работы Топонимической экспедиции Уральского федерального университета.

Детальное рассмотрение идеограммы «вытаращенные глаза» позволяет выявить семантические и мотивационные особенности тех лексем, которые ее реализуют. Экспрессивные наименования вытаращенных глаз обладают яркой негативной коннотацией и функционируют в одних и тех же речевых ситуациях. Как правило, они встречаются в составе однотипных по структуре возгласов в адрес собеседника, который, по мнению говорящего, ведет себя неподобающим образом: волог. *Пўлыши чего выкатила?* (КСГРС), волог. *Чего выпалила лáндыши-то?* (СГРС 7: 23). Для подобных

ситуаций нейтральное литературное слово *глаза* не может взять на себя экспрессивную нагрузку. Показательно, что для самого действия «таращить глаза» в Шарьинском районе Костромской области активно используется глагол *глазуми́рить* с общим значением ‘пялиться, таращиться, ротозейничать’ (*Глазуми́рит, смотрит, а не надо. Глаза вытаращивает; Ты будешь есть, а я буду сидеть глазу-ми́рить*) (ЛКТЭ).

В диалектных экспрессивных обозначениях вытаращенных глаз просматриваются определенные мотивационные закономерности.

Наиболее типичными и распространенными являются лексемы, мотивированные глаголами со значением ‘глядеть, смотреть’, тем самым акцент делается на функции зрения, которая у вытаращенных глаз становится как бы чрезмерной: этот признак положен в основу широко распространенных диалектизмов *глядёльки, глядёлъца, глядёлъцы* (СРНГ 6: 15), а также костр. *зёрьки*, пск. *зря́нки* (СРНГ 11: 344, 351).

Особое значение имеет признак белого цвета, который тоже может быть положен в основу номинации. Это проявляется в экспрессивном обозначении глаз костр. *белы́ий*, которое восходит к диалектному названию белка глаза *белы́и* (ЛКТЭ). Метонимический перенос, вероятно, связан с тем, что у вытаращенных глаз белки становятся особенно выраженными. Кроме того, как было отмечено в статье Е. Л. Березович, белый цвет в применении к органу зрения вбирает в себя разнообразные негативные характеристики: помимо вытаращенных глаз (связь с белочной оболочкой) белый цвет маркирует глаза инородцев (*чюдъ белогла́зая*), глаза человека, способного навести порчу (*белозёрый* ‘вредный, дурной (глаз)’); в художественной литературе белый цвет маркирует глаза мертвеца, глаза людей в состоянии бешенства, в состоянии эмоционального напряжения и, в то же время, в состоянии бесчувственности [Березович 2016: 68–70].

В сравнении с описанными выше мотивационными признаками акцент на таком важном свойстве, как размер,

т.е. визуально воспринимаемые увеличение, «выпуклость» вытарашенных глаз, прочитывается во внутренней форме большинства лексем, выражающих этот признак. При этом признак выпуклости может выражаться на базе производящих основ разного типа, и за счет этого можно говорить о дополнительных коннотациях, «встроенных» во внутреннюю форму анализируемых слов.

Во-первых, выпуклость может быть выражена путем метафоризации на базе слов, обозначающих округлые предметы. Глаза могут сравниваться с округлыми наростами на дереве (вгл. *бáклы* ‘вытарашенные глаза’ от *бакла́* ‘нарост на дереве’) (СГРС 1: 47) и с плодами растений (костр. *лúковицы* (ЛКТЭ), ср. *глазные яблоки*). То же сопоставление с округлыми предметами встречаем в прост. *шары* ‘глаза’, в выражениях типа *глаза как блюдца*. В специфической номинации *фунтовые глаза́*, по-видимому, производящей основой является название меры веса *фунт*, за счет этого акцент делается также на увеличенном размере глаз, однако здесь можно предполагать также аттракцию к образу монеты округлой формы, ср. также выражение *глаза по пять рублей*.

Во-вторых, глаза человека могут сравниваться с глазами некоторых животных (коровы, рака), которые воспринимаются как большие или выпуклые. Сравнение с глазами коровы встречается в выражениях *коровьи глаза́*, *как у коровы* (*глаза*), которые распространены достаточно широко. Более интересным представляется сравнение с выпуклыми глазами рака. Словом *рак* мотивированы глаголы *ра́чить*, *кра́чить* ‘тарашить глаза’, *вы́крачить* ‘вытарашить глаза’, от них производными в свою очередь являются волог. *ра́чки* и *кра́чки* ‘глаза’ (*Кра́чки-то бессовестные выкрачил, не стыдно*) (СГРС 6: 145; КСГРС). Кроме того, развиваются диалектизмы, характеризующие человека с соматической точки зрения: волог. *рачегла́зый* и *кращегла́зый* ‘имеющий широко открытые глаза’ (СРГК 3: 15; Дилакторский: 433). Появление начального *к* в некоторых

приведенных лексемах, по-видимому, обусловлено стремлением сделать облик слова более экспрессивным.

В-третьих, признак может передаваться не столько путем метафоризации, сколько самой идеей «разбухания», увеличения, заложенной во внутренней форме. Лексемы волог., костр., *бульмиши*, волог. *бульглы*, волог., костр. *пўльмиши*, волог. *пыльмиши*, *пўлмиши* восходят (если принимать версию исконного происхождения) к прасл. **bula* ‘нечто округлое, шарообразное, шишка, нарост’, **buliti* ‘пухнуть, набухать; таращить глаза’ (Аникин: 122, 123). Эти лексемы могли косвенно способствовать появлению волог. *опольмиши* ‘вытаращенные глаза’ (КСГРС), для которой следует восстановить в качестве этимона **rolǫ*, -а, -о ‘открытый’, в этой основе также прочитывается идея увеличения. В эту же группу следует отнести такие обозначения глаз, как костр. *пўчеги* (ЛКТЭ), ср. *выпучить(ся)*, а также костр. *лўпы*, *лўпымиши* (ЛКТЭ; СГРС 7: 164), ср. *вылупить(ся)*.

Рассматриваемые диалектные лексемы мотивационно соотносятся с происхождением самого слова *глаз*, которое имело первоначальное значение ‘небольшой камень, булыжник’ (сравнение глаза с округлыми предметами). Предположительно, изначально слово *глаз* было экспрессивным наименованием, и лишь позднее, вытеснив синонимичное *око*, стало нейтральным (Аникин 10: 271).

Особый интерес представляют случаи комплексной мотивации. В статье Е. Л. Березович рассматривается диалектная номинация костр. *берестяные глаза* ‘глаза бесовестного или наглого человека’: *Берестяные-те глаза уставил — и не стыдно ничего; Берестяный ты глаз, нету в тебе совести*. Для этой номинации автор статьи выделяет сразу два мотивационных признака: «*линия белого цвета*» и «*линия древесной коры*», которые относятся к опорному слову *берестяной*. Совокупность обоих мотивационных признаков даёт более многогранную смысловую нагрузку: с одной стороны, акцент делается на белом цвете, который

для глаз обладает устойчивой негативной характеристикой, с другой стороны, глазам приписывается «деревянность», они сравниваются с тупым непроницаемым материалом, передающим идею бесчувственности [Березович 2016: 71–74].

Идея «деревянности» воплощается во многих диалектных названиях глаз, сюда относится приведенное выше *баклы* ‘вытарашенные глаза’ (сравнение глаз с наростом на дереве), а также, к примеру, костр. *лубянные глаза* ‘пустые, не выражающие эмоций глаза’ (ЛКТЭ) и др. Стоит отметить, что в мотивационных моделях разных лексем глазам приписывается также «нефизиологический состав» другого рода: сравнение со стеклом (свердл. *стекляшки* ‘глаза’ (СРНГ 41: 124), *глаза как блюдца*), с камнем (этимология слова *глаз*) и с металлом (*глаза по пять рублей*). Таким образом, обнаруживается тенденция к сравнению органа зрения с простым, грубым материалом. При этом наблюдается, как было отмечено у [Березович 2016: 74], что признак материала или состава может быть совмещен с признаком округлой формы.

Среди диалектных обозначений глаз обнаруживаются «тёмные» лексемы, представляющие затруднения при выявлении этимона. Для двух рассматриваемых экспрессивных номинаций (*тáлы* и *лундыши* ‘вытарашенные глаза’) попытаемся осуществить этимологическую реконструкцию, учитывая семантические и мотивационные особенности корпуса названий глаз в общенациональном языке и говорах.

Номинация пенз., ср.-урал. *тáлы* (СРНГ 43: 248; ДЭИС) представлена также в варианте вят., киров., перм., горьк., южн., яросл., костром. *тáлы*¹ (СРНГ 44: 220).

Единственная попытка реконструкции слова *тáлы* ‘глаза’ представлена у М. Фасмера, который в качестве мотиви-

¹ Также зафиксировано костр. *телы* ‘глаза’ (СРНГ 44: 14), которое, по-видимому, представляет собой факт деэтимологизации. На облик этой лексемы мог повлиять глагол *тэлькать* в связанных между собой значениях забайк. ‘бить, ударять’ и арх. ‘сверкать (о глазах)’ (Там же: 15), который, подобно *тáлькать* карел. ‘клевать (о рыбе)’, арх. ‘неумело играть на музыкальном инструменте’ (СРНГ 46: 23), вероятно, имеет звукоподражательное происхождение.

рующих предлагает *талый* и *таять*, но никак не объясняет эту связь (Фасмер 4: 16). Эта версия подтверждается со словообразовательной и фонетической точки зрения; стоит отметить, что корневое чередование происходит не только у названий глаз *та́лы/то́лы*, но и в лексемах, связанных с гнездом *талый/таять*, в котором помимо форм с корневым а обнаруживаются лексемы с корневым о (арх. *тол* ‘земля, почва’) [Березович 2016: 66].

Более сложной задачей представляется раскрытие семантической связи. Приведем некоторые другие номинации из гнезда с основой *талый*: литературное *проталина*, а также частотное словосочетание *талый снег*, в говорах *та́лица* костр. ‘проталина’, том., арх., киров., урал. ‘незамерзающий родник’ (СРНГ 43: 246), *талó* арх., олон. ‘оттаявшее место’, ср.-урал., свердл. ‘незамерзающее место на болоте’ (Там же: 247), свердл. *та́ль* ‘таялая вода’ (Там же: 250) и др. Эти слова называют участки природного пространства, характеризующиеся особой «структурой» на фоне остального ландшафта. При этом они, как правило, являются водными местами. Последний факт выводит к идее сопоставления глаз с водными источниками.

Связь между глазами и водной поверхностью в народной культуре неоднократно отмечалась исследователями [Афанасьев 2013 1: 319; Журавлев 2005: 332–333; Ясинская 2015: 49–50]. Эта параллель проявляется не только в фольклорных данных, к которым преимущественно обращался А. Н. Афанасьев, но и в языке: арх. *глазові́на* ‘лужа на болоте’, арх. *око́лóm* ‘небольшое озеро’, польск. диал. *oko* ‘незаросшая, голая часть на водной поверхности’ и др. Приводя эти лексемы, А. Ф. Журавлев отмечает, что перенос ‘глаза’ > ‘водные образования’ — языковая фреквенталия в народной географической терминологии [Журавлев 2005: 332–333]. М. В. Ясинская выделяет общие свойства воды и глаз, обуславливающие частотность такого переноса: во-первых, зеркальное отражение объектов окружающего мира, во-вторых, связанный с отражением света блеск, в-третьих, прозрачность воды (эта

особенность коррелирует с функцией зрения) и, наконец, сам по себе водный состав: глаза воспринимаются как жидкость² (глаз можно «выпить» и «высосать»), при этом «не последнюю роль сыграла связь со слезами» [Ясинская 2015: 49–50].

Эти же свойства проявляются в других продуктивных типах переноса: ‘глаза’ > ‘свет’ и ‘глаза’ > ‘стекло’. Глаза тесно связаны со светом, т.к. свет обеспечивает зрение, в соответствии с этим свойством в народной мифологии небесные светила трактуются как глаза божества [Ясинская 2015: 149]. В цепочке ‘глаза’ > ‘водные образования’ зачастую появляется образ стеклянной поверхности. Ср. *окно* (о водном месте на болоте), волог. *зѣнка* ‘окно на болоте’, ‘осколок стекла’ (СГРС 4: 264) при просторечном *зенки*, костр. *зѣныши* ‘глаза’ (ЛКТЭ). Стекло имеет общие для воды и глаз свойства: оно прозрачное и обладает блеском за счёт светоотражения; эти свойства акцентируются в приведенных у А. Н. Афанасьева *окно* (от *око*) и устаревшего *прозор* ‘окно’ [Афанасьев 2013 1: 76].

Важным представляется в контексте этих рассуждений следующее наблюдение А. Н. Афанасьева: не только глаза уподобляются свету, но и свет уподобляется глазам. Это находит отражение в разного рода славянских легендах, в которых глаза получают своё начало от небесных светил [Афанасьев 2013 1: 79]. Языковые данные также подтверждают этот тезис: *глаза меркнут, потухший взор, горящий взгляд, глаза светятся* [Ясинская 2015: 49].

В модели ‘глаза’ — ‘стекло’ также наблюдается двусторонняя связь. Стекло сравнивается с глазами и наоборот: ср. свердл. *стекляйки* ‘глаза’ (СРНГ 41: 124), *стеклянные глаза, глаза как блюдца*. При этом образность, как правило, сопровождается негативной коннотацией.

Приведенные данные убеждают в возможности видеть двустороннюю связь и в модели ‘глаза’ — ‘вода’. Выше было упомянуто, что глаза в народной культуре мыслятся как жидкость, но необходимо также отметить, что глаза могут

² В отношении уподобления глаз жидкости интересна этимология названия болезни *катаракта*, которое восходит к греч. *katarreō* ‘стекать; быть залитым’ (Шведова 2011: 329).

уподобляться водным источникам. Эта тенденция наблюдается в литературе, в частности в поэзии. Прибегая к такому сравнению, авторы актуализируют самые разнообразные свойства глаз. Как правило, выделяются такие признаки, как глубина, цвет, сияние и, по-видимому, общее эстетическое впечатление:

*«Пусть глаза его, как озёра,
От такого мертвого взора
Для меня он как смертный час³»;
«И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них)⁴»;*

«Неделю горела душа Ильи, когда писал он образ великомученицы Анастасии. Не уставно писал, а дал ей белую млнию в ручку, как у святой Цецилии в Миланском соборе. Смотрела Анастасия, как живая. Дал ей Илья глаза далекого моря⁵».

В нижеприведенной цитате сравнение глаз с колодцами приобретает сакральный смысл: *«Тело человека — все обитает в этом мире, и только глаза его — суть колодцы, проникающие с поверхности этого мира в тот мир, где их души⁶».*

Мотивирующим для рассматриваемого нами слова **тáллы** ‘глаза’⁷ мог послужить диалектный географический термин с корнем *тал-*, обозначающий какое-то водное про-

³ А. А. Ахматова. Строфы, не вошедшие в «Поэму без героя» (1940–1965) (НКРЯ).

⁴ А. А. Ахматова. Предыстория (1940–1943) (Там же).

⁵ И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша (1918) (Там же).

⁶ Е. И. Замятин. О том, как исцелен был инок Еразм (1920) (Там же).

⁷ Можно предполагать дополнительный потенциально актуализируемый смысловой компонент в этимологии слова **тáллы** с опорой на диалектное значение глагола *таять* — арх., сиб., том. ‘топить, растапливать’ (СРНГ 43: 319). Пристальный взгляд ассоциируется с определенным физическим воздействием на адресата, ср. *прожигающие глаза, сверлящий взгляд, испепеляющий взгляд*. Соответственно, вытаращенные глаза могут ассоциироваться также с «растапливающим» взглядом.

странство. Можно предполагать, что при таком переносе актуализируются следующие важные смыслы: водный состав, прозрачность, выделимость талого участка в окружающем пространстве (подобно тому, как специфический по своей структуре орган зрения выделяется на кожной поверхности). При этом талые места имеют свои особенности по сравнению с другими водными источниками. Во-первых, вода появляется за счет талого снега: появление жидкости таким путем может ассоциироваться с функцией слезотечения у глаз. Во-вторых, наиболее важное особенное свойство заключается в том, что источником талых мест является снег и лёд. Е. Л. Березович отмечает значимость смысловых компонентов, связанных с холодом, в номинациях глаз, в том числе в номинации *тáльы*. «Слова, отсылающие к образам мороза и льда, могут выражать не только «физические» признаки глаз, но и психоэмоциональные и поведенческие характеристики их носителей». Внешние признаки проявляются в ср.-урал. *морóжeный* ‘светло-серый (о глазах)’, а признаки, связанные с внутренними качествами, — в выражениях *лебяной взгляд, лебяные глаза*, иркут. *морóжeные глаза́*, перм. *обморóжeнные глаза́, глаза́ заморóжeны* ‘о бессовестном, наглom человеке’, иркут. *заморóзитъ глаза́* ‘стать бессовестным’ [Березович 2016: 66]. В приведенных данных ярко проявляются негативные коннотации. Учитывая экспрессивную нагрузку номинации *тáльы*, следует заключить, что признак холода, «мороженности» мог сыграть наиболее значимую роль для появления рассматриваемых названий глаз. Однако принимая во внимание устойчивую двустороннюю связь ‘глаза’ — ‘вода; водные источники’, можно утверждать, что номинация *тáльы* характеризуется комплексной мотивацией, которая базируется на целом ряде признаков: сравнение с водной гладью (с присущими ей свойствами, которые ассоциируются со свойствами глаз), признак таяния, порождающий ассоциацию со слезами, и признак холода, который обеспечивает особую экспрессию.

В целом семантико-мотивационная система связей ‘глаза’ — ‘вода’/‘свет’/‘стекло’ отражается в языке и культуре

в разных вариантах и характеризуется двусторонностью, взаимонаправленностью. В сопоставлении глаз со стеклом, водой и светом проявляется богатство и разнообразие возможных для актуализации при переносе смысловых компонентов. В народной мифологии, литературе, поэзии важными оказываются положительно оцениваемые свойства: светоотражение, блеск, цвет, эстетическое впечатление. Но в народных экспрессивах проявляются свойства другого рода: в сравнении глаз со стеклом может актуализироваться непроницаемость и грубость стеклянного материала, в номинации *тáльи* — связь с морозом и льдом.

Второй случай затемненной этимологии относится к обозначению вытарашенных глаз лексемами волог. *лúндыши, лáндыши, вáндыши, валúндыши, лúндаши*, арх. *валáндыши* (СГРС 2: 13, 17, 21; 7: 23, 161), костр. *лúнды* (ЛКТЭ), свердл. *лундúщи* (СРНГ 17: 194).

Зафиксированные лексемы объединены компонентом *ланд- / *лунд-. Приведенные обозначения вытарашенных глаз в этимологической литературе не рассматривались, кроме форм с начальным *ва-*: А. Е. Аникин трактует *вáндыши* как усеченную форму, восходящую к *валáндыши* и *валúндыши* (фонетическое развитие как у *вáндаться* ‘возиться, нянчиться’ от *валандаться*) (Аникин 6: 48, 50).

В формальном отношении, в связи с вариантом *лáндыши*, обращают на себя внимание краснаяр., тобол. *лáндá*, ряз., свердл., ср.-урал. *лáндúха*, ряз., костр., свердл. *лáндушка* ‘брюква’ (СРНГ 16: 254, 255). Согласно А. Е. Аникину, эти диалектные названия брюквы возникли в результате афрезы начального слога широко известного названия брюквы *голáнка* (с вариантами *галáнка, голáндка*), которое возникло после того, как в России появилась брюква из Голландии (Аникин 11: 110). По нашему предположению, на базе диалектного названия брюквы развивается номинация *лáндыши* ‘вытарашенные глаза’, семантическая связь в данном случае объясняется продуктивной моделью сравнения глаз с округлыми плодами растений (в данном случае, с корнеплодом брюквы). Такая версия происхождения названия глаз

встраивается в один ряд с такими «глазными» обозначениями, как *луковицы* и *глазные яблоки*.

Корневое у в рассматриваемых названиях глаз (*лундыши*, *валундыши*) можно объяснить вторичной связью со словом *валун*. Сравнение глаз с камнями, в котором проявляются такие признаки, как округлость и приписывание грубого материала, наблюдается с привлечением этимологии *глаз* с изначальным значением ‘небольшой камень, бульжник’. Таким образом, рассматриваемая номинация, представленная в разнообразии фонетических и словообразовательных вариантов, по-видимому, имеет гетерогенное происхождение⁸.

⁸ Интересны в плане происхождения некоторые другие диалектизмы, обнаруживающие, по всей видимости, семантические связи с рассматриваемыми наименованиями глаз. Так, обращает на себя внимание соотношение по форме с *лунды* ‘глаза’ олон. *лундјушка* ‘крышка ларя’ (СРНГ 17: 194), которое может быть связано с метафорическим переосмыслением свойства глаз моргать (ср. с точки зрения внутренней формы костр. *мигала* (ЛКТЭ), прост. *моргала* ‘глаза’). Открывающаяся и закрывающаяся крышка может ассоциироваться со смыканием и размыканием век, ср. волог., арх., сев.-двин., беломор., печор., смол., курск. *вѣко* ‘крышка от лукошка, плетеной корзинки, короба’ (СРНГ 4: 101). Смыкание век связано не только со способностью моргать, но и со способностью щурить глаза, что также может быть востребовано для наивного сознания: этот признак положен в основу волог. *щүрики* ‘неспелые ягоды морошки’ и *расщүриться* ‘раскрываться (о зреющей морошке)’ (КСГРС). Эти данные могут подсказывать определенную логику в отношении этимологии карел. *ландушка* ‘переспевшая ягода морошки’ (СРНГ 3: 94), для которого можно предполагать связь с *ландыши* ‘вытарщенные глаза’, обусловленную тем, что перезревшая, отрывающаяся от плодоножки ягода может ассоциироваться с раскрытыми, вытарщенными глазами. Ср. *глаза навывкате*, а также *лүпыши* ‘вытарщенные глаза’, где признак увеличения сопряжен с идеей выхода наружу, ср. *выупляться*. Авторы статьи [Березович, Сурикова 2017: 24–25] отмечают продуктивность и устойчивость мотивационной модели ‘нечто круглое, выступающее’ > ‘гриб’ / ‘ягода’ для лексем с компонентом **макл-/мокл-*; в соответствии с мотивационными особенностями названий глаз, в которых актуализируется выпуклость и округлость в разнообразных вариантах, производящий компонент в этой модели вполне может быть представлен «глазным» названием: ‘вытарщенные глаза’ > ‘переспевшая ягода морошки’.

Литература

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: [в 3 томах]. М.: Академический Проект, 2013.

Березович Е. Л. Берестяная рожа и берестяные глаза: Этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil. 1. Frankfurt am Main, 2016. С. 57–81. [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 2 / Her. von A. Kretschmer, H. Miklas, G. Newerkowsky, S. Newerkla, F. Poljakov].

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К этимологии костромских миконимов // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Псков, 2017. Ч. 30в С. 15–31.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 1004 с.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

Eyes designations with pejorative semantics in Russian dialects from semantical and motivational viewpoint

Mariya O. Leont'eva
Ural Federal University

The article is concerned with eyes designations featuring pejorative semantics and recorded in the course of Ural Federal University's Toponymic Expedition in the Vologda Region and the Kostroma Region; all-Russian dialectal background is partially included as well. The article focuses on the words with 'staring eyes' meaning, that are analyzed from semantic and motivational viewpoint. Dialectisms with opaque etymology (*tály* and *lúndyshy* 'staring eyes') are etymologically interpreted basing on eyes perception features in folk culture reflected in the vocabulary, phraseology and folklore.

Key words: Russian dialect vocabulary, pejoratives, somatisms, the Vologda Region, the Kostroma Region, semantic and motivational analysis, ethnolinguistics, etymology.

References

Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennyh narodov: [v 3 tomah] [The Poetic Outlook on Nature by the Slavs. An attempt at a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples: [in 3 volumes]]. M.: Akademicheskij Proekt, 2013.

Berezovich E. L. Berestyayana rozha i berestyanye glaza: Etnolingvisticheskiy kommentarij k russkim dialektnym frazeologizmam [Birch bark snoot and birch bark eyes: An ethnolinguistic commentary on Russian dialectal phraseologisms] // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen [Slavic Spiritual Culture: Ethnolinguistic and philological inquiry]. Teil. 1 [Part 1]. Frankfurt am Main, 2016. Pp. 57–81 [Philologica Slavica Vindobonensia. B. 2 [V. 2] / Her. von A. Kretschmer, H. Miklas, G. Newerkowsky, S. Newerkla, F. Poljakov].

Berezovich E. L., Surikova O. D. K etimologii kostromskih mikonimov [On the etymology of the Kostroma mykononyms] // Pskovskie govory i ih issledovateli (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. M. Gluskinoy i 50-letiyu vyhoda 1 vypuska «Pskovskogo oblastnogo slovarys s istoricheskimi dannymi») [Pskov dialects and their researchers (on the 100th anniversary of the birth of S. M. Gluskina and the 50th anniversary of the release of the 1st issue of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data)]. Pskov, 2017. Part 30v. Pp. 15–31.

ZHuravlev A. F. YAzyk i mif. Lingvisticheskiy kommentarij k trudu A. N. Afanaševa «Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu» [Language and myth. Linguistic commentary on A. N. Afanasyev's work «The Poetic Outlook on Nature by the Slavs.»] / otv. red. S. M. Tolstaya. M.: Indrik, 2005. 1004 p.

YAsinskaya M. V. Predstavleniya o glazah i zrenii v yazyke i tradicijnoj kulture slavyan [Ideas of eyes and eyesight in the language and traditional culture of the Slavs]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 278 p.

Русский диалектный гизаурус: основные источники*

Сергей Владимирович Лесников

Сергей Алексеевич Мызников

Мария Денисовна Королькова

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье представлены основные источники русского диалектного гипертекстового тезауруса (РДгизаурус), которые используются при составлении словарных статей Словаря русских народных говоров (СРНГ) и разработке ЛАРНГ. РДгизаурус — это многотомное собрание диалектных словарей русского языка, подобранных по определенным принципам. Тексты всех словарей, как правило, представлены в формате PDF — постранично (для просмотра в онлайн-режиме) и в виде целого произведения (для загрузки на жесткий диск). РДгизаурус в форме компьютерной интерактивной базы данных предназначен для подготовки лексикографических (словарных), грамматических и социолингвистических описаний говоров русского языка с последующим внедрением РДгизауруса в научный оборот и образовательный процесс. РДгизаурус может быть использован при подготовке словарей, справочников, энциклопедий и учебных пособий по русскому языку в вузах Российской Федерации (специальность 10.02.01 — русский язык), школах субъектов Российской Федерации, а также органами государственной власти при формировании языковой и образовательной политики в России.

Ключевые слова: гипертекст, диалектология, история русского языка, лексикография, лексикология, русский язык, русские народные говоры, словарь, словообразование, тезаурус, семантика, этнолингвистика.

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): проект № 19-012-00207 «"Лексический атлас русских народных говоров": архивные лингвогеографические источники и новые полевые данные» (рук. М. Д. Королькова).

К выходу в свет в 1965 г. завершающего 17-го тома «Словаря современного русского литературного языка» (БАС) председатель редакционной коллегии Ф. П. Филин решил обратиться к созданию словаря русских диалектов. В конце 50-х гг. отчетливо проявилась необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Таким образом, сводная диалектная лексикография была продолжена в середине XX в. работой над «Словарем русских народных говоров». Наряду с разнообразными диалектными материалами в качестве источников словаря используются историко-этнографические исследования и описания, посвященные особенностям жизни русского населения тех или иных местностей, а также фольклорные источники. К настоящему времени вышел в свет 51 выпуск СРНГ.

С целью ускорения и оптимизации словарной работы по изданию диалектных словарей и аналогичных лексикографических материалов наряду с традиционной (картотечной) базой данных и разрозненными территориально и темпорально книжными версиями в соответствии с решениями XXXIII и XXXIV Всероссийских диалектологических совещаний «Лексического атласа русских народных говоров» 2017 и 2018 гг. была создана источниковедческая база данных диалектных словарей в форме гипертекстовой хрестоматии диалектных материалов, которая содержит оцифрованные источники лексики народных (региональных, территориальных, профессиональных) говоров (диалектов, наречий, сленгов) русского языка [Лесников 1995б; 1996; 2011; 2018].

Для гипертекстовой хрестоматии диалектных материалов были оцифрованы прежде всего словари, которые используются при составлении словарных статей Словаря русских народных говоров. РДгизаурус — это многотомное собрание диалектных словарей русского языка, составленное по определенным принципам. Тексты всех словарей, как правило, представлены в формате PDF — постранично (для просмотра

в онлайн-режиме) и в виде целого произведения (для загрузки на жесткий диск). Просмотр файлов формата PDF реализуется, если на компьютере пользователя установлена программа Adobe Acrobat Reader.

Возможность поиска по словарям гипертекстовой хрестоматии диалектных материалов в формате PDF предусмотрена, также предоставляется возможность лексического и атрибутивного поиска по библиографическим описаниям представленных лексикографических материалов.

Данная работа является продолжением поисковой работы, которая была начата в процессе создания СРНГ. В первом выпуске СРНГ Ф. П. Сороколетов в качестве источников для создания СРНГ указал словари и энциклопедии, печатные источники, рукописи Архива АН СССР, рукописи Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, рукописи Ученого архива Всесоюзного географического общества и диссертации, имеющие материалы по диалектной лексике. Этот список лексикографических источников пополнялся в последующих выпусках СРНГ.

В целях сокращения текста в настоящей работе приняты сокращения для обозначения словарей, например, СРНГ — Словарь русских народных говоров. Аббревиатуры раскрыты в списке литературы к данной работе и в библиографии на сайтах ГИЗАУРУС.РФ и ЛСВ.РФ.

Кратко же список разделов опирается на географический принцип и разделение словарей на сводные и региональные, а среди региональных — по наречиям в соответствии с традиционной классификацией [Аванесов 1954; Захарова 1970, 2004; Пшеничнова 1996; Касаткин 2005]:

1. Севернорусские говоры.
2. Среднерусские говоры.
3. Южнорусские говоры.
4. Говоры Урала, Сибири и Дальнего Востока.
5. Русские говоры зарубежья.
6. Тематические словари.
7. Историко-диалектные словари.

Подробную реферативно-аннотированную библиографию см.: источники СРНГ (1965–2019, вып. 1–51) и ЛАРНГ (1974–2018), а также [Лесников 2002] и на сайте www.lsw.ru.

По охвату территории диалектные словари подразделяются на: общетерриториальные, охватывающие все говоры русского языка, в том числе и вне основной территории проживания; общерегиональные; региональные, описывающие лексику отдельных областей; словари, описывающие говор одного населенного пункта; словари одной семьи; словари одного диалектоносителя.

В современных лексикографических трудах по включению в словарь лексических данных преобладает дифференциальный отбор словника.

По способу подачи данных, расположения и структуры словарных статей современные словари весьма разнообразны, среди них выделяются: алфавитные; гнездовые; тематические; идеографические; обратные и др.

РДгизаурис в форме компьютерной интерактивной базы данных предназначен для подготовки лексикографических (словарных), грамматических и социолингвистических описаний говоров русского языка с последующим внедрением РДгизауриса в научный оборот и образовательный процесс.

РДгизаурис может быть использован при подготовке словарей, справочников, энциклопедий и учебных пособий по русскому языку в вузах Российской Федерации (специальность 10.02.01 — русский язык), школах субъектов Российской Федерации, а также органами государственной власти при формировании языковой и образовательной политики в России.

Создание РДгизауриса обеспечит:

- достижение научных результатов мирового уровня;
- подготовку и закрепление в сфере науки и образования научных и научно-педагогических кадров;
- формирование эффективного и жизнеспособного научного коллектива.

«Словарь русских народных говоров» сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной

лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 200-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь уже стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов «системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме» [Сороколетов 1978: 13], он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая «общенародная лексика» по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России [Вендина 2004: 3].

Первые словари, основанные на лексических данных русских народных говоров, имели сводный характер и представляли всю территорию распространения русского (великорусского) языка в народном бытовании. После выхода в свет «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (Даль), который включил в словник всю совокупность лексических данных как общенародного, так и регионального характера, обнаружилось, что, несмотря на его тезаурусный характер, многих диалектных слов в нем не оказалось. Был напечатан ряд дополнений к словарю В. И. Даля.

Новый этап в развитии русской диалектной лексикографии наметился с конца 50-х годов XX в., когда была поставлена задача создания «частных областных словарей отдельных диалектных зон (территорий) русского языка» [Мельниченко 1957: 4]. Выход в свет в 1961 г. «Краткого ярославского областного словаря» положил основу современной диалектной региональной лексикографии. Современная диалектная лексикография как традиционный жанр переживает пору своего расцвета. Практически в каждом регионе европейской части России имеется законченный или находящийся в стадии разработки словарь местных говоров.

В настоящее время почти все диалектные группировки, в той или иной мере, имеют репрезентацию своей лексической системы в каких-либо лексикографических трудах. В первую очередь широко представлены дифференциальные алфавитные словари как основной тип данных работ [Мызников 2013: 563–578].

Севернорусские говоры

Северное наречие охватывает следующие группы говоров: Ладого-Тихвинскую, Вологодскую, Костромскую, Архангельскую (Поморскую), а также имеет в своем составе межзональные говоры с выделяющейся на их территории Онежской группой.

Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья (Дуров 1929). Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении (Дуров 2011).

Мурманская область — «Живая речь Кольских поморов» (Меркурьев 1979). Второе издание вышло в 1997 г. (Меркурьев 1997).

Архангельская область — «Архангельский областной словарь» (АОС).

Вологодская область — «Словарь вологодских говоров» (СВГ).

Костромская область — «Краткий костромской областной словарь» (КрКОС).

Ярославская область — «Ярославский областной словарь» (ЯОС). «Краткий ярославский областной словарь» (Мельниченко 1961).

Пермский край — «Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в.» (СПП). «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (Акчим. сл.). «Словарь русских говоров севера Пермского края» (СРГСПК).

Кировская область — «Областной словарь вятских говоров» (ОСВГ).

Новгородская область — «Новгородский областной словарь» (НОС).

Свердловская область — «Словарь русских говоров Среднего Урала» (СРГСУ). В 1996 г. вышел том дополнений (СРГСУД).

Кроме того, вышел в свет общерегиональный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК). В Екатеринбурге идет работа над «Словарем говоров Русского Севера» (СГРС). В ряде университетов идет подготовка словарей говоров своего региона, в Череповце развернута работа над «Словарем говоров Белозерья», в Нижнем Новгороде — над «Словарем говоров Нижегородской области».

Среднерусские говоры

Среднерусские (средневеликорусские) говоры — говоры русского языка, размещённые на территории его первичного образования между северным и южным наречиями, часть из которых стала основой формирования русского литературного языка.

Тверская область — «Опыт словаря говоров Калининской области» (ОСГКО).

Псковская область — «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС); «Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)» (ДСОС).

Сюда же примыкает словарь, описывающий лексику в районе озера Селигер на территории Новгородской и Тверской областей, — «Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь» (Селигер).

Южнорусские говоры

Южнорусское наречие распространено в пределах следующих областей: Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и большей части Калужской, Воронежской, Курской, частично в южной части Пензенской и западной части Саратовской, а также Ростовской.

До недавнего времени территория южнорусских говоров в лексикографических трудах была представлена небольшим

числом словарей¹. Однако в настоящее время ситуация изменилась, выходит в свет «Словарь орловских говоров» (СОГ). Закончен выпуск в свет «Словаря донских говоров Волгоградской области», и уже вышло 2-е исправленное и дополненное издание словаря (СДГВО). Был напечатан, составленный ещё в 1969 году «Словарь говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой (Сердюкова 2005). Началась работа над «Словарем воронежских говоров» (СВорГ). Под руководством О. Г. Борисовой осуществляется проект словаря говоров Кубани. Проблема создания такого рода труда, где будет отражена лексика русских говоров позднего заселения, весьма актуальна, и представляется весьма отрадным тот факт, что сложная в языковом отношении территория Краснодарского края обследована в диалектологическом отношении для воплощения в лексикографическом труде. Серьезны и основательны языковые источники Словаря кубанских говоров с опорой на картотеку «Говоры Кубани», которая составлена на кафедре современного русского языка Кубанского государственного университета (Борисова 2005).

Начата работа над словарем тульских говоров (Романов, Красовская).

«Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков» (Миртов 1929).

Русские диалекты в иноязычном окружении

Наряду с большой работой по изучению диалектов на территории распространения русского языка ведется также обследование русских говоров, находящихся на иноязычных территориях. Итогом 35-летнего интенсивного труда по изучению русских говоров Белоруссии явился выход в свет в конце 1989 г. «Словаря русских говоров Белоруссии» (Манаенкова 1989). Словарь составлен на базе лексического материала, собранного автором в русских старообрядческих говорах Ветковского и Добрушского районов Гомельской области Бе-

¹ Завершены были только Словарь говоров Подмоскovie (Иванова 1969), Словарь народных говоров Западной Брянщины (Расторгуев 1973).

лоруссии. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики (МСРСГП).

«Словарь русских говоров Одесщины» (СРГО) представляет собой диалектный словарь русских говоров, существующих в Одесской области Украины в 36 старинных селах, основанных еще в конце XVIII — начале XIX в., либо отделившихся от этих сел. 200-летнее островное существование русских говоров в иноязычном окружении обусловило: а) консервацию многих старых лексем, б) особое развитие, своеобразие новизны в диалектной лексике, в) усвоение ряда лексем из соседних говоров украинского, румынского, болгарского, гагаузского языков.

В настоящее время, когда нарастают процессы интеграции, взаимовлияния языков и культур, описание особенностей словарного состава русского населения автономных республик Российской Федерации имеет большое значение для контрастной лингвистики. Опубликован «Словарь русских говоров Башкирии» (СРГБ), «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» (СРГЯ), «Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья» (Моисеенко). Богатейшие материалы представлены в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» (СРГНП), отражающем диалектную лексику на территории Усть-Цилемского района Республики Коми и Ненецкого национального округа Архангельской области. Впервые описана лексика в Коми-Пермяцком округе (СРГКПО). Завершён грандиозный труд описания русских говоров Мордовии (СРГРМ).

Русские говоры Урала, Сибири и Дальнего Востока

Весьма богато представлена диалектная лексикография в Сибири, где, например, только по территории Красноярского края имеются три словаря: «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края» (ССКК); «Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края» (СЦКК); «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» (СЮКК).

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение» (СРГС-Д).

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (СРГС).

«Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» (СРСГСП).

«Словарь русских говоров Алтая» (СРГА).

«Словарь русских говоров Новосибирской области» (СРГНО).

«Словарь русских говоров Приамурья» (СРГП).

«Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в.» (СРНДР)

«Мотивационный словарь сибирского говора» (МССГ).

«Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ).

«Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» (Зотов 2010).

«Словарь русских говоров Забайкалья» (Элиасов 1980).

Следует отметить, что в настоящее время после окончания работы над алфавитными дифференциальными словарями, наметилась тенденция к созданию разнообразных словарей других типов. Типология русских говоров и диалектных словарей уже имела немало удачных попыток ее репрезентации [Захарова 1974; Блинова 1981; Сороколетов, Кузнецова 1987; Пшеничнова 1996; Пожарицкая 2005; Трубинский 2004; Козырев, Черняк В. Д. 2015].

Основные задачи при создании РДгизауруса:

— рассмотреть предпосылки и некоторые базисные дефиниции и положения, а также описать предысторию информатизации диалектологических исследований;

— обеспечить развитие единого информационного ресурса русских диалектных материалов (РДгизаурус), включающего в себя лексикографическую базу данных, ее научное описание, предусматривающего локальный и санкционированный удаленный доступ для пользователей к РДгизаурусу;

— документировать и описать диалекты русского языка Российской Федерации с целью сохранить максимально под-

робную и уникальную информацию о русских народных говорах как фундаментальной составляющей культурного наследия России;

— обеспечить объединение данных о диалектных словарях на основе информационных технологий (гипертекст, интернет, мультимедиа, облачные хранения);

— сконструировать интерактивные программные средства для гипертекстового представления РДгизауруса в виде информационно-поисковой реляционной базы данных;

— способствовать внедрению современных методов словарного описания, изучения и сохранения диалектных материалов в виде РДгизауруса в научно-исследовательский и образовательный процессы для подготовки на его основе словарей, справочников и энциклопедий разного типа, написания научных статей и монографий, кандидатских и докторских диссертаций, дипломных и магистерских исследований;

— поддерживать РДгизаурус в актуальном состоянии.

Особенность разработки и создания РДгизауруса связана с научной, общественной и государственной значимостью. Конструирование РДгизауруса во многом связано с подходом, которого придерживается научный коллектив ИЛИ РАН — синхронное и диахроническое изучение русского языка (включая русские народные говоры) и языков народов Российской Федерации в их взаимодействии.

ЛАРНГ и СРНГ фиксируют лексическое и фразеологическое богатство русской народной речи XIX–XX вв. [Мызников 2011–2017; Королькова 2015–2018]. Каждое слово и значение представлены с семантико-грамматической, стилистической, экспрессивной, акцентологической, фразеологической, временной и территориальной (географической) характеристиками. В основу СРНГ положены непосредственные наблюдения живой речи, произведения устного народного творчества, труды по этнографии и истории русской культуры. Особая задача связана с представлением культурно-исторического фона диалектных слов, что сделало СРНГ памятником русской народной культуры.

Проблемы русской диалектной лексикографии на современном этапе получают возможность решения на материалах сводного, самого полного на сегодняшний день СРНГ, который по сути является единственным фундаментальным исследованием по созданию сводного словаря русских народных говоров, бытующих на всей территории функционирования русского языка. СРНГ фактически фиксирует лексическое и фразеологическое богатство русской народной речи со всей совокупностью значений слов и фразеологических сочетаний, показывает особенности их употребления в русских говорах XIX–XX вв. В СРНГ впервые представляется развернутое описание смыслового содержания словарного состава всех русских говоров, прослеживаются пути развития вторичных значений, дается грамматическая, стилистическая, сочетаемостная, ареальная и хронологическая характеристики диалектной лексики, тем самым СРНГ представляет собой своеобразный комpendиум по русской диалектной лексике, в котором представлены диалектные слова практически всех тематических групп, характеризующих традиционный уклад народной жизни, что, в свою очередь, делает СРНГ важным источником не только лингвистических, но и историкокультурных, этнографических исследований.

Словарь русских народных говоров — важная и неотъемлемая часть комплекса словарей русского языка. Тогда и только тогда, когда работа над РДгизауром будет завершена, русская лексика будет описана всесторонне, систематизированно и комплексно, и в итоге русская лексикология будет иметь хорошую фактическую базу.

При составлении РДгизауруса учитываются следующие обстоятельства:

(1) Компьютерные словари (наследуя недостатки книжных словарей) имеют некоторые особенности и проблемы: неполнота генерального словника и в целом словаря; трудности поддержания словаря в актуальном состоянии; необходимость наличия специфичных программных и аппаратных средств. При этом одним из главных достоинств электронных версий

словарей является то, что электронные словари многофункциональны, доступны, неуклонно становятся дешевле, чем их бумажные аналоги.

(2) Словник и содержание СРНГ в процессе постепенно-го и длительного издания его выпусков с 1965 г. требуют значительного дополнения, расширения и уточнения. За период издания СРНГ появились фундаментальные диалектные словари русского языка, а также множество региональных словарей и словариков, которые могут существенно обогатить СРНГ.

(3) Дифференциальный принцип отбора словника для СРНГ, оказавшийся продуктивным при описании лексики в книжной версии, для электронной версии РДгизауруса не является принципиальным, т.к. в компьютерной форме лексическая база данных автоматически становится полной и зависит лишь от полноты введенных источников (текстов записей информантов, картотек и любых источников диалектных материалов), что позволяет в компьютерной форме конструировать РДгизаурус в тезаурусной (наиболее полной) форме.

(4) Порядок расположения фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в СРНГ подчинён избранному для лексики словаря алфавитному принципу, что затрудняет поиск нужного словосочетания не только в объёмных вокабулах, но и в СРНГ в целом. Именно поэтому в РДгизаурусе предлагается несколько входов: авторский, алфавитный, база данных, библиографический, веб-формат, генеральный словник, географический и территориальный, гнездовой, источниковедческий, систематический и пермутационный, тематический, предметный, хронологический, а также по ключевым словам и словосочетаниям и др., что, безусловно, по возможностям отличает РДгизаурус от СРНГ, ЛАРНГ и аналогов.

Кратко алгоритм разработки и создания РДгизауруса можно сформулировать следующим образом [Лесников 1988–2019]:

(1) Выбор источников и кластеризация предметной области. При выборе источников учитывается: а) наиболее точное

соответствие лексического материала предметной области;
б) технологическая насыщенность и важность источников.

(2) Составление генерального словника РДгизауруса (аскрипторы, дескрипторы, лексические единицы, одиночные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия); именные словосочетания; лексически значимые компоненты сложных слов; сокращения слов и словосочетаний; реляторы).

(3) Выявление семантических полей посредством определения кортежей условной эквивалентности /КУЭ/. В КУЭ объединяются лексические единицы, между объемами понятий которых существуют отношения: а) равнозначность — объемы понятий совпадают полностью; б) пересечение — объемы понятий совпадают частично; в) подчиненность — объем одного понятия строго составляет часть другого понятия, но не наоборот; г) внеположенность — объемы понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают области предметов. В синонимическом ряду выделяется доминанта, т.е. такое слово, которое может заменить любое слово из этого ряда. Доминанту называют *дескриптором*.

(4) Установление парадигматических (способы выражения: аналитический, графический, лексикографический, табличный), иерархических (транзитивность и антисимметричность), ассоциативных, реляционных, родо-видовых связей. Основными типами связей являются: а) род-вид, б) часть-целое, в) причина-следствие, г) сырье-продукт, д) административная иерархия, е) процесс-объект, ж) функциональное сходство-процесс-субъект, з) свойство-носитель свойства, и) антонимия.

(5) Создание словарных статей и лексико-систематических (тематические, категориальные, смешанные), пермутационных, иерархических и др. указателей и списков специальных категорий лексических единиц (общие категории: названия дисциплин и отраслей деятельности; предметы, материалы; методы, процессы, операции, явления; свойства, величины, параметры, характеристики; отношения, структуры, модели, законы, правила, абстрактные

понятия). Словарная статья может включать в себя: частоту использования дескриптора; кодовый номер дескриптора; код дескриптора по систематическому указателю; классификационные индексы; дополнительные семантические и лексикографические пометы; иноязычные эквиваленты. РДгизаурус строится преимущественно по алфавитно-гнездовому принципу и содержит базовые термины, предтермины, прототермины, профессионализмы, терминоиды, терминоэлементы, терминологизмы, ключевые слова и словосочетания, номены, номинативные словосочетания, семантические зоны и поля, отдельные лексические значения слов и дескрипторы, дефиниции, определения, описания, толкования... понятия русского языка. В словарную статью РДгизауруса включаются: 1) слово; 2) этимологическая справка; 3) синоним; 4) дефиниция; 5) иллюстрация и комментарий, связанные с различными аспектами употребления рассматриваемого слова и/или фиксацией различных точек зрения на него; 6) стилистическая, географическая и хронологическая квалификация материала; 7) источник. Словарная статья начинается с заголовочного слова, выделенного прописными буквами и снабжённого ударением. Ударение в заголовке словарной статьи выделяется строчной буквой. Слова, по возможности, сопровождаются этимологической справкой. Слова, имеющие синоним (эквивалент, вариант, параллельное дублетное выражение, равнозначное или равнозначное слово), приводятся строчными буквами в круглых скобках после краткой этимологической справки. Фразеологизмы (устойчивые словосочетания) помещаются в конце словарной статьи. При этом около каждого фразеологизма в квадратных скобках дается гиперссылка на источники, в которых можно найти толкования и/или дополнительную информацию о соответствующем фразеологизме.

(6) Автоматизация процессов построения РДгизауруса: а) частотный, статистический анализ, б) коррекция статей, в) сортировка словников, г) проверка взаимности и непротиворечивости ссылок, д) составление указателей, е) конвертация в требуемых форматах и кодировках.

(7) Ввод РДгизауруса в научный оборот и технологическое внедрение [Пиотровский 1954: 55–68, 1975: 248–254; Герд 1978: 160–171; Мишенин 2000: 206–213; Якушев 1977; Пробст 1979; Шмелев 1988; Гринев 1993; Большаков 1994; Браславский 1997; Белоозеров 2001; Лукашевич 2001; Жмайло 2003–2006].

При сравнении гипертекстовых (электронных, компьютерных, машинных, автоматизированных) версий и бумажных (книжных, традиционных в докомпьютерную эпоху) словарей можно отметить предоставляемые компьютером, информационными системами и технологиями методические, организационные и технологические преимущества РДгизауруса, связанные со следующими возможностями и характеристиками:

1) мультимедиа (текст, графика, аудио, анимация, видео — комплексное воздействие на различные каналы восприятия информации; мультисенсорность) и гипертекст (нелинейное представление информации за счёт гиперссылок);

2) персональность (адаптивность — способность информационной системы автоматически изменять свой дизайн и своё функционирование в интерактивном режиме в зависимости от потребностей и запросов пользователя, его профессионального уровня, а также от конкретных аспектов и режимов работы, состояния и/или внешних условий; индивидуальный, личный алгоритм последовательности чтения источника) и интерактивность (диалог, интеракция, человеко-машинное взаимодействие);

3) выход в коммуникативные ситуации и актуализации дефиниций, интерпретаций, объяснений, определений, понятий, пояснений, разъяснений, толкований, трактовок, формулировок, экскурсов и эксцерпций РДгизауруса (авторство, выбор, история, оценка, парадигма, поиск, разграничение, создание, уточнение, этимология); систематизация и полнота исследований;

4) поиск (точный, нечёткий, контекстный, полнотекстовый; многократный, скоростной; история поиска) и копирование, сохранение и редактирование материалов цифровой версии

СРНГ; эффективное использование РДгизауруса подобно тому, как упрощается просмотр бумажной версии словаря, если в ней есть именной, предметный, хронологический, географический и др. указатели;

5) дружественный интерфейс и художественно-эстетический дизайн;

6) множество входов в РДгизаурус (веб-формат, база данных; генеральный словник; систематический и пермутационный, авторский, географический, предметный, хронологический указатели; ключевые слова и словосочетания; библиография);

7) сетевой доступ (возможность использовать РДгизаурус в формате информационно-поискового тезауруса в локальной, учебной, библиотечной, корпоративной сетях и в Интернете), а также оперирование большими объемами информации, неограниченное количество обращений как к фрагментам, так и целиком к РДгизаурусу; предоставление программой обратной связи с авторами-разработчиками и др.

Суть моделируемого РДгизауруса заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей в лексикографии. Используя РДгизаурус, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности лексикографа, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. РДгизаурус позволит выдать пользователю не только информацию о ресурсах, узуально и/или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулировки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструировав гиперссылки, на базе РДгизауруса можно также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, леммам, словоупотреблениям, словоформам) целесообразно продолжить поиск (например, агноним, акроним, аллоним,

антоним, бэкроним, гипероним, гипоним, (квази)синоним, когипоним, конверсив, лексико-грамматический вариант, лексико-семантический вариант, мероним, метоним, омоним, потамоним, субордината, тауним, холоним и др. -онимы.

В настоящий момент коллектив разработчиков РДгизауруса уже располагает следующими источниками для РДгизауруса в разных форматах (chm, fb2, htm, djvu, doc, pdf, txt) в электронной форме:

Оцифрованные источники для генерального свода лексики народных говоров русского языка

Русский диалектный гизаурус

└─<_ \РДгизаурус\

1 Севернорусские говоры\>

└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\АОС Архангельский областной словарь\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\АСЗЛРГСЗ Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\КСПЯ-2005 Краткий словарь поморского языка\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\МСНАГ-1990 Мотивационный словарь наречий архангельских говоров\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\ОКГ-1907 Областной крестьянский говор\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\ПГМРД-1976 Пинежский говор. Материалы по русской диалектологии\>

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\СКВ-1930 Словарь Карпогорской волости Арх\>

└─└─└─└─1. СКВ-1930 Тр.Московской диалектологической комиссии

└─└─└─<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\СНРРГА-2013 Словарь народно-разговорной речи города Архангельска\>

- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\СОАН-1885 Словарь областного архангельского наречия\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\СПГ Словарь пинежских говоров\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\ССГ-2016 Словарь селянского говора Арх\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\СТСМБЖ Соловецкий толковый словарь. Местный и блатной жаргон\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\01 Архангел. обл\УНС-2013 Устьянский народный словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\ВФС-1995 Вологодские фамилии Словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\ЗРСУОРВНГ-2014 Золотые россыпи Словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\КНС-1896 Коштугское наречие Словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\НВО-1995 Названия вологодских озер\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\НСПБС-2004 Народное слово в произведениях В.И.Белова Словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\СВГ-1983-2007 Словарь вологодских говоров\>
- || | |<_ \СВГ Вып 1-12.
- || | |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\СВОВР-2011 Словарь Вологодской области Великоустюгского района\>
- || | |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\СГВО-2010 Словарь гидронимов Вологодской области\>
- || | |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\СГТБГ-2013 Словарь географических терминов в белозерских говорах\>
- || | |<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод. обл\

СЗГВО-2016 Словарь западных говоров Вологодской области\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод.
 обл\СОВН Словарь областного вологодского наречия\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Во-
 логод. обл\СПОВОР-2011 Словарь Пихтово Воло-
 годской области Великоустюгского района\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\02 Вологод.
 обл\СУЧГ-1910 Словарь уездного Череповецкого говора\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03 Киров. обл\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03
 Киров. обл\МООСВГ-1907 Материалы для объясни-
 тельного областного словаря вятского говора\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03
 Киров. обл\ОГОКУВГ-1916 Образец говора Орловска-
 го и Котельнического уездов Вятской губернии\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские гово-
 ры\03 Киров. обл\ОДПВГ-1903 Отчет о диалекто-
 логической поездке в Вятскую губернию\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03
 Киров. обл\ОРГУУВГ-1885 Особенности русского го-
 вора в Уржумском уезде Вятской губернии\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03 Киров.
 обл\ОСВГ Областной словарь вятских говоров\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\03
 Киров. обл\СДС Словарь диалектных слов\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Костром. обл\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Костром.
 обл\АГКГ-1919 Акающие говоры Костромской губернии\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Ко-
 стром. обл\КГ-2018 Костромские говоры\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Костром.
 обл\СГКЗ-2015 Словарь говоров Костромского Заволжья\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Ко-
 стром. обл\СДСВДЕКО Словарь деревенских слов и выра-
 жений деревни Екатеринкино Костромской области\>
 || └< _\РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Ко-

- стром. обл\СЛЛПК Словарь Лексика льноводства, пря-
дения и ткачества в Костромских говорах\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\04 Костром.
обл\ССЯСЗ-2016 Следы Словарь языка семьи Захаровых\>
| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\05 Мурман. обл\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\05 Мур-
ман. обл\ЖРКП-1979 Живая речь кольских поморов\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\05 Мур-
ман. обл\СЖПЯ Словарь живого поморского языка\>
| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские го-
воры\06 Новгород. обл\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\06 Нов-
город. обл\НОС Новгородский областной словарь\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\06 Новгород.
обл\ОУВГ-1922 Еремин С.А. Описание Уломского и Вауско-
го говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии\>
| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\ГПННО-2012 Грибы Прикамья в народных названи-
ях и описаниях Словарь диалектных названий грибов\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\ОСП-2013 Охотничий словарь Прикамья\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\
РНЗПК-2012 Русские народные загадки Пермского края\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\
РНКП-2006 Русский народный календарь в Прикамье\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\РСП-2013 Рыболовный словарь Прикамья\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские гово-
ры\07 Перм. обл\СГСРПО-1973 Словарь гово-
ров Соликамского района Пермской области\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\СИЖПК Словарь имен жителей Пермского края\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\СЛПП Словарь лексики пермских памятников\>
|| └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07
Перм. обл\СПГ Словарь пермских говоров\>

- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07
Перм. обл\СПФ-2005 Словарь пермских фамилий\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07
Перм. обл\СРГКПАО-2006 Словарь русских гово-
ров Коми-пермяцкого автономного округа\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\
СРГСПК-2011 Словарь русских говоров севера Пермского края\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\
СРГЮП Словарь русских говоров Южного Прикамья\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм. обл\
ФСПГ-2002 Фразеологический словарь Пермских говоров\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\07 Перм.
обл\ЭССТСП-2004 Этнолингвистический словарь сва-
дебной терминологии Северного Прикамья\>
- | └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские го-
воры\08 Респ. Карелия\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\08 Респ.
Карелия\ГСДМГПУН-1970 Глагольная система диалек-
та на материале говора и произведений устного народно-
го творчества Пудожского района Карельской АССР\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\08 Респ. Ка-
релия\КНВВПУОГ-1898 Кижское наречие Великогубской
волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские гово-
ры\08 Респ. Карелия\СНКД-2011 Словарь ни-
гижемского (каршевского) диалекта\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\08 Респ. Каре-
лия\СНРСЗ-1896 Слова из народной речи Словарик Заонежья\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские гово-
ры\08 Респ. Карелия\СООН-1898 Словарь об-
ластного олонецкого наречия Карел\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\08 Респ. Ка-
релия\СРГКСО Карелии и сопредельных областей\>
- | └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\09 Респ. Коми\>
- || └<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\09 Респ. Коми\
СРГНП-2005 Словарь русских говоров Низовой Печоры\>

- || ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\09 Респ. Коми\ФСРГНП-2008 Фразеологический СРГ Нижней Печоры\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\10 Ярослав. обл\>
- || ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\10 Ярослав. обл\КЯОС-1961 Краткий ярославский областной словарь\>
- || ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\10 Ярослав. обл\ЯОС Ярославский областной словарь\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\ЛФУ-ПРГСЗ-2004 Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада Арх, Волог, Пск\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\МЛРС-1983 Мифологическая лексика русского Севера Пред.Лен.Новг.Пск.Костр.Яр\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\МСФУСЗ-ГРС-2004 Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера Арх. Волог\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\МЭССГ-2010 Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\НБВС-1898 Народный быт великого Севера\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\ОТСРПП-1929 Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\ППВРГ-2005 Почти что Пошехония. Великоустюгский районный говор\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\РГБ-2010 Русские говоры Беломорья Карел, Мурман, Арх\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\РГО-2003 Русские говоры Обонежья Ленингр. Волог. Карел\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\СГРС Словарь говоров русского Севера Волог Арх\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\СРСДУЗ Словарь редких слов и диалектизм, употребляемых в Заонежье\>
- | ⌞<_ \РДгизаурус\1 Севернорусские говоры\ЭГОК-1851 Этнографический и географический очерк г.Каргополя Олонецкой губернии, с словарем\>

└─<_ \РДгизаурус\

2 Среднерусские говоры\>

| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\01 Владимирская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\01 Владимирская обл\ВОСЛП-2012 Владимирский областной словарь Лексика природы\>

| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\02 Ивановская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\02 Ивановская обл\ЛДАМОС-2017 Лексикон деревни Аристово Материалы для областного словаря\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\02 Ивановская обл\ЛПОТСГИО-2001 Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\02 Ивановская обл\СМГИО Словарные материалы о говорах Ивановской области\>

| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\03 Московская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\03 Московская обл\ГдВ-1936 Говор деревни Ванилово\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\03 Московская обл\ОГВПБУ-1908 О говорах восточной половины Бронницкого уезда\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\03 Московская обл\СГП Словарь говоров Подмосковья\>

| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\04 Нижегородская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\04 Нижегородская обл\ДСНО Диалектный словарь Нижегородской области\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\04 Нижегородская обл\МСНО Микротопонимический словарь Нижегородской области\>

|| └─<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\04 Нижегородская обл\РРБД Речи родимой бескрайняя даль Нижегород\>

- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\04 Нижегородская обл\ССЯ-2008 Словарь старорудского языка Ниж\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\05 Пензенская обл\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\05 Пензенская обл\ДПКЗТ-2003 Древности Пензенского края в зеркале топонимики Словарь\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ГДОПО-2001 Говор деревни Островцы Псковской области\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ГПГ-1919 Говоры Псковской губернии\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ДСОС-2000 Диалектный словарь одной семьи\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\НВПДР-2018 Народная вышивка в псковской диалектной речи\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\НСПК-2016 Народные сказки Псковского края\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ПОС Псковский областной словарь\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\РСПВ-1915 Рыбопромышленный словарь Псковского водоема\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\СППП Словарь Псковских пословиц и поговорок\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ТБПК-2012 Традиционный быт псковских крестьян\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\06 Псковская обл\ЯПО-1909 Язык Пскова и его области\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\07 Респ. Башкортостан\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\07 Респ. Башкортостан\СРГБ-1997-2008 СРГ Башкирии\>
- || └<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские говоры\08 Респ. Мордовия\>

- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские гово-
ры\08 Респ. Мордовия\СРГСС-2018 Словарь рус-
ского говора села Суподеевка Р.Мордовия\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\08
Респ. Мордовия\СРГТРМ Словарь русских гово-
ров на территории Республика Мордовия\>
- | |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские го-
воры\09 Респ. Татарстан\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские гово-
ры\09 Респ. Татарстан\ОГСБ-1884 Особенности го-
вора села Байтерякова (Казанск. губ)\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\09 Респ. Татар-
стан\ОРНВЧ-1853 О русском наречии в Чистополе Татарстан\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\09 Респ. Та-
тарстан\СРГВСМ-2002 Словарь русских говоров Волж-
ско-Свияжского междуречья Моисеенко М.Ф Р. Тат\>
- | |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10 Тверская обл\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10
Тверская обл\КГ-1904 Кашинский говор\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10
Тверская обл\КС-1901 Кашинский словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10 Тверская обл\
ОСГКО-1972 Опыт словаря говоров Калининской области\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские гово-
ры\10 Тверская обл\СМРДС Селигер Материа-
лы по русской диалектологии Словарь\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10 Твер-
ская обл\СОС Словарь Озера Селигер Р\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10 Тверская обл\
ТСГТО Тематический словарь говоров Тверской области\>
- || |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\10 Твер-
ская обл\ТТС-2005 Тверской топонимический словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\2 Среднерусские разговоры\РГСП-
2005 Русские разговоры Среднего Поволжья\>

└─<_ \РДгизаурус\

3 Южнорусские говоры\>

| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские го-
воры\1Белгородская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\1Белгородская
обл\ООСБ-2017 Опыт областного словаря Белгородчины\>

| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\2Брянская обл\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\2Брянская обл\БГ-1903 Брянский говор\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\2Брянская обл\ЛПУРБО-2012 Легенды, пре-
дания, устные рассказы Брянской области\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\2Брянская
обл\МСПГ-2010 Малый словарь почепского говора\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\2Брян-
ская обл\СБГ Словарь брянских говоров\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\2Брянская обл\
СНГЗБ-1973 Словарь народных говоров Западной Брянщины\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\2Брян-
ская обл\СПГ Словарь почепских говоров\>

| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Вол-
гоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волго-
град.и Ростовская обл., казаки, Кубань\БТСДК-2003

Большой толковый словарь донского казачества\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и
Ростовская обл., казаки, Кубань\ГСБМПТКВ-1900 Говор ста-

ниц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и
Ростовская обл., казаки, Кубань\ДС-1929 Донской словарь\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\
ИДК-2014 Идиолект донской казачки\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и
Ростовская обл., казаки, Кубань\КГ-2012 Кубанский говор\>

|| └─<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ро-
стовская обл., казаки, Кубань\КГМС-2005 Кубанские говоры\>

- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\КГОАС-2008 Кубанский говор. Опыт авторского словаря\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\КСС-1970 Казачий словарь-справочник\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СГД-2007 Словарь говора Добринки\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СГКН-2005 Словарь говора казаков-некрасовцев\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СГКНСОКК Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СГНКРСК Словарь говора населения Кочубеевского района Ставропольского края\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СДГВО Словарь донских говоров Волгоградской области\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СДССКРВО-2016 Словарь диалектных слов села Семёновка Киквидзенского района\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СМИРГ Сборник материалов для изучения Ростовского говора. Словарь Ростовского говора\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\СРДГ-1975 Словарь русских донских говоров\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\3Волгоград.и Ростовская обл., казаки, Кубань\ССГКН-2012 Семантический словарь говора казаков-некрасовцев\>
- | └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\4Воронежская обл\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\4Воронежская обл\СВГ Словарь воронежских говоров\ (9)>

- | |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\5Калужская обл\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\5Калужская обл\
ДККГ-1903 Диалектологическая карта Калужской губернии\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\5Калужская обл\ЗОЕМГ Звуковые особенно-
сти Ельнинских и Мосальских говоров\>
| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\6Курская обл\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\6Курская
обл\НГКГ-1903 Народные говоры Курской губернии\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\6Кур-
ская обл\СКГ Словарь курских говоров\>
||| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\6Курская обл\
СКГ Словарь курских говоров\СКГ Материалы к словарю\>
||| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\6Курская обл\СКГ Словарь курских говоров\
СКГ Материалы к словарю\Материалы\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\6Кур-
ская обл\СКНГ Словарь курских народных говоров\>
| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские го-
воры\7Оренбургская обл\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\7Оренбургская
обл\МНОО-2013 Местные названия Оренбургской области\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\7Оренбург-
ская обл\ООС-2010 Оренбургский областной словарь\>
| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Орловская обл\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Орловская обл\
ОГТОГ-1904 О говорах Тульской и Орловской губерний\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Ор-
ловская обл\СМЛОГ-1997 Словарь метеороло-
гической лексики орловских говоров\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Ор-
ловская обл\СОГ Словарь орловских говоров\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Орловская
обл\ССЛО-1998 Словарь свадебной лексики Орловщины\>
|| |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\8Ор-
ловская обл\ЯКИВ-1900 Язык крестьян Ильинской во-
лости Болховского уезда Орловской губернии\>

- | | |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ДЛРО-1981 Диалектная лексика рязанской области\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ИИГРО-1985 История изучения говоров Рязанской области\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ИОРГ-1892 Исследование особенностей рязанского говора\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\КИВГКУРГ-1898 К истории великорусских говоров Касимовский уезд Ряз\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ЛТКГРБРО-1995 Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\МИГБ-1901 Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ОГСЛЕУРГ Образцы говора села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ОЛГЕУРГ-1914 Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\РТКШЭС-2001 Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\СРНГРМ Словарь русских народных говоров Рязанской Мещёры\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\9Рязанская обл\ССРНГД-1969 Словарь современного русского народного говора (д.Деулино)\>
 | |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смоленская обл\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смоленская обл\ГТС-1960 Говоры на территории Смоленщины\>
 || |<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смоленская обл\РИСВП-2000 Региональный исторический словарь\>

- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\10Смоленская обл\СМСПГ Словарь могилев-
ско-смоленских пограничных говоров\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смо-
ленская обл\СОС Смоленский областной словарь\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смо-
ленская обл\ССГ Словарь смоленских говоров\>
- ||| └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\10Смоленская
обл\ССГ Словарь смоленских говоров\Смоленские словари\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\10Смоленская обл\СЭСП-1894 Смоленский эт-
нографический сборник Пословицы\>
- | └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские го-
воры\11Тамбовская обл\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\11Там-
бовская обл\СГсХВТО Старинный говор села Хо-
ботец-Васильевское Тамбовской области\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\11Тамбов-
ская обл\СТГ-2002 Словарь тамбовских говоров\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\11Тамбовская
обл\СТГМП-2010 Словарь тамбовских говоров Мир природы\>
- | └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\12Тульская обл\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\12Тульская
обл\КСТГ-2008 Краткий словарь тульских говоров\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\12Тульская
обл\НГТГ-1898 О народных говорах в Тульской губернии\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\12Тульская обл\
ОГТОГ-1904 О говорах Тульской и Орловской губерний\>
- || └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\12Туль-
ская обл\СТГ-2015 Словарь тульских говоров\>
- | └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\ГГК-
1902 Говор гребенских казаков ОРЯиС\>
- | └<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\
ДЛГСАКК Диалектная лексика говора стани-
цы Архангельской Краснодарского края\>

| |└<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\ЛССРВК-1984
Ловецкое слово Словарь рыбаков Волго-Каспия\>
| |└<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\ОСННЮЗР-1874
Опыт словаря народных названий Юго-Западной России\>
| |└<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские говоры\
РНГЗХЮН-1999 Русские народные говоры Звуча-
щая хрестоматия Южнорусское наречие Словарь\>
| |└<_ \РДгизаурус\3 Южнорусские гово-
ры\СГГ Словарь гребенского говора\>

|└<_ \РДгизаурус\
4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\>

| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_Алтай\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток_Алтай\ИЭСРГА-1912 Историко-этимологи-
ческий словарь русских говоров Алтая\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток_Алтай\САГ Словарь алтайских говоров\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_Алтай\СРГА-1993 Словарь русских говоров Алтая\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Даль-
ний Восток_Байкал\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток_Байкал\ЗС Забайкальский словарь\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_Байкал\РПЗ-1992 Русские Притоболья и Забайкалья\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний
Восток_Байкал\СГРСБС Словарь говоров рус-
ских старожилов Байкальской Сибири\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Даль-
ний Восток_Байкал\СГССЗ-1999 Словарь гово-
ров старообрядцев (семейских) Забайкалья\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_Бай-
кал\СРГЗ-1980 Словарь русских говоров Забайкалья\>
| |└<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_Бай-
кал\СРГП Словарь русских говоров Прибайкалья\>

- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Иркутская обл\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Иркутская обл ИОС Иркутский областной словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\РСС Русско-сибирский словарь\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\СВЛСГ-2000 Словарь вариантной лексики сибирского говора\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\СОЕСГ-2014 Словарь образных единиц сибирского говора\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\СРГС Словарь русских говоров Сибири\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\СССГ-2016 Словарь синонимов сибирского говора\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\СФИУСРГС-1972 Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\ФСГС-1983 Фразеологический словарь говоров Сибири\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\ЧДСОСИЛС-2014 Человек и его деятельность в Сибири Опыт составления исторического лингвокультурологического словаря\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Сибирь\ЭСРДС-2000 Этимологический словарь русских диалектов Сибири\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ВС Вершининский словарь\>
- ||<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ИОСС-2015 Идиолектный ономастикон сибирского старожила\>

- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\МССГ-2009 Мотивационный словарь сибирского говора\>
- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ОДГСС-1992 Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря\>
- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ООДС-1973 Опыт обратного диалектного словаря\>
- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ПСДЯЛ Полный словарь диалектной языковой личности\>
- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\ПССГ Полный словарь сибирского говора\>
- || └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток_ Томская обл\СНРРТ-2002 Словарь народно-разговорной речи г. Томска\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ КДРЖ Кузбасская деревня в рассказах её жителей\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ КРПЭ-2014 Колымские регионализмы переходной эпохи\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\КСКГ-2003 Краткий словарь Кежемского говора Кежемского Приангарья\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ КТСЛСРГУ Комплексный тематический словарь лексики совр. РГ Урала\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\МДСГСП Мотивационный диалектный словарь Говоры Среднего Приобья\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\МОССЛСРТО Материалы для областного словаря Спец лексика Тюменской области\>
- | └<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ОГКСТГ-1917 Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии\>

- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\ОЛСМГКК-1994 Опыт лесного словаря на ма-
териале говоров Красноярского края\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\ОСК-2001 Областной словарь Кузбасса\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ОСКРН-
1901 Областной словарь колымского русского наречия\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\РГП Русские говоры Приамурья\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\РДВГП-
1930 Русские на Дальнем Востоке Говоры Приамурья\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\РДИС Региональный диалектный идеографи-
ческий словарь ...говора Среднего Урала\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\
РСНЗЮ-2014 Русское слово на земле Югорской (опыт словаря
старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья)\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\СГДА Словарь говора д. Акчим\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\СГСН Словарь говоров села Некрасово\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\
СГСПК Словарь говоров старожилов приенисейского края\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\СГССН Словарь говоров старообрядцев (се-
мейских) села Новосретенка Бурятия\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\
СГУяК Словарь говоров уральских (яицких) казаков\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СДПСР-
2003 Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Вос-
ток\СКСВ Словарь казачьих слов и выражений\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СКССГ-
2003 Сибирское краеведение Словарь говоров старожилов\>
- | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\
СННРУ Словарь народных названий растений Урала\>

- || └─1. Коновалова Н И Словарь народных названий растений Урала 2000 119с
| └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СНЯУ-2003 Словарь народного языка на Урале\>
- || └─1. Бирюков В.П. Словарь народного языка на Урале 2003
| └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СОСВНГ-2001 Словарь образных слов и выражений народного говора Приоб\>
- || └─1. Словарь образных слов и выражений народного говора
| └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СПРГСР-1977 Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГК-1976 Словарь русских говоров Кузбасса Кем\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГНО-1979 Словарь русских говоров Новосибирской области\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГП-1983 Словарь русских говоров Приамурья\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГСУ Словарь русских говоров Среднего Урала\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГЦРКК Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРГЮРКК-1968 Словарь русских говоров южных районов Красноярского края\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРКН-1977 Словарь русского камчатского наречия\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРЛКСВР-2010 Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРНДРС-1991 Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири\>
- | └─<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ СРОСП-1994 Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья\>

| |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СРСГСП Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СРСГТЯ Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СРСГЮТО Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ССВУУК-1913 Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\СССГ-2014 Словарь сибирского старожильческого говора\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ФСРГП Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ЭЛГС-2000 Экспрессивная лексика говоров старообрядцев\>
 | |<_ \РДгизаурус\4 Урал, Сибирь, Дальний Восток\ЭСРГ-СО-2000 Этноидеографический СРГ Свердловской области\>

|<_ \РДгизаурус\

5 Зарубежные\>

| |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\1 Белоруссия\>
 || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\1 Белоруссия\ИСПР-1968 Из словаря полесских рыбаков\>
 || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\1 Белоруссия\ЛПСПДС-1968 Лексика Полесья Материалы для полесского диалектного словаря\>
 | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\2 Грузия\>
 || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\2 Грузия\КСРОГ-1977 Краткий словарь русского островного говора\>
 | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\>
 || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\РОГ Русский одесский говор\>

- || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\СЖНПАЯРЮ-РАВИ Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австрийско-Венгерской империи\>
- || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\СМН-1855 Словарь малорусского наречия\>
- || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\СРГО Словарь русских говоров Одесщины\>
- || |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\3 Украина\ЯОСФС-2005 Язык Одессы Слова и фразы Словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ДРОВГЮН-1917 Диалектологические разыскания в области великорусских говоров Южновеликорусское наречие\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ЗГЧУМГ-1919 Заметка о говоре Чериковского уезда Могилевской губернии\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ЗСЮ-1877 Знадобы до словаря южнорусского\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\КВОПВДГ-1912 К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ЛРОГС-2007 Лексикон русский островного говора старообрядцев села Николаевск (Штат Аляска, США)\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\МСРСГП-1963 Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ОИКС Очерки по истории и культуре староверов\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\РГСКСФРМ Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\СБГ Словарь бойковских говоров\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\СБСЯ Словарь балтизмов в славянских языках\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\СГС'Э-2008 Словарь говора староверов Эстонии\>
- | |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\СДУМ-СВ-2016 Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов и выражений\>

| |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\СМГТ-1975 Сло-
варь местных географических терминов\>

| |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ССТМУС Словарь
специальных терминов, местных и устаревших слов\>

| |<_ \РДгизаурус\5 Зарубежные\ЭПР-2001 Эн-
циклопедия подкарпатской руси\>

|<_ \РДгизаурус\

6 Общее\>

| |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические сло-
вари\БС-1878 Ботанический словарь\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические слова-
ри\КСРС-1968 Краткий словарь рыбацких слов\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические сло-
вари\ЛКДС-2006 Лексика крестьянского деревян-
ного строительства Материалы к словарю\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические сло-
вари\МС-1994 Метеорологический словарь\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические сло-
вари\НСРСНСНП-2014 Народное судостроение в Рос-
сии. Словарь названий судов народной постройки\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\ОЛТС-
1898 Опыт лесоводственного терминологического словаря\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематиче-
ские словари\ОППЕРК Охотничьи и промысло-
вые птицы Европейской России и Кавказа\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\ОРННР-
1967 Очерки по русской народной номенклатуре растений\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\
ОТССХ Опыт терминологического словаря сельского хо-
зяйства, фабричности, промыслов и быта народного\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\ПЛРС-
1996 Профессиональная лексика рыболовства. Словарь\>

| | |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\ПС-
СРКИ-1904 Программа для собирания сведений о родильных
и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев\>

- || |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\СВ-1983 Словарь ветров\>
- || |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\СЗПРИ Словарь золотого промысла Российской империи\>
- || |<_ \РДгизаурус\6 Общее_ Тематические словари\СНГТ-1984 Словарь народных географических терминов\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\1863 Толковый словарь живого великорусского языка (Даль В.И.)\>
- || |<_ \РДгизаурус\6 Общее\1863 Толковый словарь живого великорусского языка (Даль В.И.)\ДЗТСД-1873 Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля\>
- || |<_ \РДгизаурус\6 Общее\1863 Толковый словарь живого великорусского языка (Даль В.И.)\ДСД-1921 Для словаря Даля\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\БСРНС-2008 Большой словарь русских народных сравнений\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ГОРДР-2005 Главные омонимы русской диалектной речи\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ДАРЯ Диалектологический атлас русского языка\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ДМ-1916 Диалектологические материалы\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ДСРЯ-2001 Диалектологический словарь РЯ\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\КСДУС-2000 Краткий словарь диалектических и устаревших слов\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\КСКНД-2014 Комментарии к Словарной картотеке Г.С. Новикова-Даурского\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\МИВГ-1903 Материалы для изучения великорусскихъ говоровъ\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\МОВС-1931 Материалы для областного водного словаря\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\НСРПВРС-2017 Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина. Словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ОГСУПГ-1915 Описание говора Старой-Ушицы Подольской губернии)\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ОМРГ-1972 Очерки морфологии русских говоров\>

- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ООВС-1852 Опыт областного великорусского словаря\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ОРПС-1809 Опыт русского простонародного словотолковника\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ОСДССР-1831 Опыт словаря древних славянских слов и речений\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\РД-1999 Русская диалектология Словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\РДТП-1994 Русская диалектология Термины и понятия\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\СВИЗ-1948 Словник-вопросник по изучению заимствованных\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\СНОБ-1911 Список некоторых областных слов\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\СНСНП-2014 Словарь названий судов народной постройки\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ССВАЯС-1853 Сборник слов, выбранных из архивов Яренских столбцов XVI–XVII вв\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\СЭЛЕРГ-2013 Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ТПД-1994 Термины и понятия диалектологии\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\УНСУ-1899 Угдорусское наречие села Убли\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ФРОС-1873 Филологические разыскания Областные словари\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ЧПИРНР-2007 Человек в производных именах русской народной речи Словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ЧРДФ-2004 Человек в зеркале русской диалектной фразеологии Словарь\>
- | |<_ \РДгизаурус\6 Общее\ЯРД-2004 Язык русской деревни\>
- | |<_ \РДгизаурус\7 Историко-диалектные\>
- | |<_ \РДгизаурус\7 Историко-диалектные\СОЛЯМР Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв\>
- | |<_ \РДгизаурус\7 Историко-диалектные\СПЛСР Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв\>

Все источники в оцифрованной форме для научных и учебных целей можно запросить по адресу serg@lsw.ru.

Источники, используемые в СРНГ, указаны в выпусках СРНГ [вып. 1, с. 18–160. Список составлен О. Г. Пороховой при участии Л. И. Царевой; вып. 2, с. 6–9; вып. 3, с. 4–12; вып. 5, с. 4–8; вып. 6, с. 4–12. Список источников составлен Е. Н. Этерлей; вып. 9, с. 4–18; вып. 12, с. 4–12. Список источников составлен Ю. Ф. Денисенко; вып. 14, с. 4–14. Дополнительный список источников словаря составлен Ю. Ф. Денисенко (диссертации) и Н. А. Романовой (рукописи Ин-та русского языка АН СССР); вып. 15, с. 15–26. Дополнительный список рукописных источников составлен Н. А. Романовой; вып. 17, с. 4–8. Дополнительный список печатных источников Словаря составлен Ю. Ф. Денисенко; вып. 18, с. 4–10. Дополнительный список печатных источников составлен Ю. Ф. Денисенко; вып. 19, с. 4–26. Дополнительный список печатных источников составлен Ю. Ф. Денисенко; вып. 33, с. 4–7].

Для унификации сокращений названий словарей, используемых при составлении СРНГ, была составлена следующая таблица.

Таблица. Список полных и сокращенных названий словарей, используемых при составлении СРНГ¹

Полное название словаря	Сокращенное название, применяемое при ссылке (помните, что нужно указывать год именно того выпуска многотомного словаря, на который вы ссылаетесь)
Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей <...>. Новое издание. СПб., 1878.	Анненков  ²
Беляева Е. А. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.	Беляева, 1973 
Большой толковый словарь донского казачества / редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.	Слов. дон. казач., 2003 

¹ Список составлен Л. Н. Дониной и Е. В. Колосько.

² Символом  отмечены оцифрованные лексикографические источники.

Громов А. В. Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992. 	Громов, 1992 
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1863–1866 (1-е изд. и др. фототипич. изд.). <i>Даль1</i> — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866 (1-е изд.). <i>Даль2</i> — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М. — СПб., 1880–1882 (2-е изд.). <i>Даль3</i> — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Т. 1–4. СПб., 1903–1909 (3-е изд.).	Даль 
Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.	Дилакторский, 1902 
Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.	Добровольский, 1914 
Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858	Доп. Оп., 1858 
Иванова А.Ф. (Войтенко А. Ф.) Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.	Иванова, 1969 
Костромичёва М. В. Словарь свадебной лексики Орловщины / науч. ред. Р. Н. Попов. Орел, 1998.	Костромичёва, 1998 
Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР) / В. А. Жидко, М. И. Мулкиджаян, А. А. Хидешели. Тбилиси, 1977.	Сигнах. слов., 1977 
Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.	Куликовский, 1898 
Малеча Н. М. Словарь русских народных говоров среднего и нижнего течения р. Урала (диалект уральских (яицких) казаков): в 4 т. Уральск, 1976–1978. Новое издание Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002–2003.	Малеча, 1976–1978  Малеча, 2002–2003 

Материалы для словаря русских старожилческих говоров Прибалтики / сост. В. Н. Немченко, А. И. Саница, Т. Ф. Мурникова; под ред. М. Ф. Семеновы. Рига, 1963.	Слов. Прибалт., 1963 
Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.	Мельниченко, 1961 
Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.	Меркурьев, 1979 
Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. (2-е изд. Волгоград, 2006).	Миртов, 1929 
Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.	Моисеев, 2010 
Моисеенко М. Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. Казань, 2002.	Моисеенко, 2002
Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.	Мызников, 2010 
Новгородский областной словарь: в 13 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.	Новг. слов., 1992–1995
Переиздание с дополнением Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. СПб., 2010.	Новг. слов., 2010 
Опыт лесного словаря: на материале говоров Красноярского края / авт.-сост. К. П. Михалап (Римашевская). Часть первая. Красноярск, 1994.	Михалап, 1994 
Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.	Оп., 1852 
Опыт словаря говоров Калининской области / Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова; под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.	Слов. Калин., 1972 
Петроченко В. И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск, 1994.	Петроченко, 1994 
Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.	Подвысоцкий, 1885 
Полный словарь сибирского говора: в 4 т. / гл. ред. О. И. Блинова. Томск, 1991–1995.	Вершин.слов., 1991–1995 

Рыбопромышленный словарь Псковского водоема / обраб. И. Д. Кузнецов. Пг., 1915.	Кузнецов, 1915 ☐
Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005.	Сердюкова, 2005 ☐
Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.	Слов. Акад. 1806–1822 ☐
Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.	Слов. Волог., 1983–2007 ☐
Словарь говора ад. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.	Акчим. слов., 1984–2011 ☐
Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.	Слов. Забайкал., 1999 ☐
Словарь пермских говоров: в 2 вып. Пермь, 2000–2002.	Слов. Перм., 2000–2002 ☐
Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998.	Слов. Алт., 1993–1998 ☐
Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.	Слов. Карел., 1994–2005 ☐
Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой. Новосибирск, 1976.	Слов. Кузбас., 1976 ☐
Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.	Слов. Мордов., 1978–2006 ☐
Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск / отв. ред. Э. Н. Акимова. СПб., 2015.	Слов. Мордов. доп., 2015 ☐
Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.	Слов. Низ. Печор., 2003–2005 ☐
Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.	Слов. Новосиб., 1979 ☐
Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко. Одесса, 2000–2001.	Слов. Одес., 2000–2001 ☐
Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.	Слов. Приамур., 1983 ☐
Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 1–4. Иркутск, 1986–1989.	Слов. Прибайкал., 1986–1989 ☐

Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.	Слов. Ср. Урала, 1964  Слов. Ср. Урала доп., 1996 
Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1968 (2-е изд., перераб. и доп., 1988).	Слов. Южн. Краснояр., 1968  Слов. Южн. Краснояр. доп., 1988. 
Словарь русских донских говоров: в 3 т. / отв. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д., 1976.	Слов. Дон., 1976 
Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. В 3 т. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Дополнения. В 2 т. Омск, 1998–2003.	Слов. Ср. Прииртыш., 1992–1993  Слов. Ср. Прииртыш. доп., 1998–2003 
Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.	Деулин. слов., 1969 
Словарь современного русского литературного языка. Т. 17 М.-Л., 1965.	Слов. Акад. 1965 
Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: в 5 т. Томск, 1964–1975. Среднеобский словарь (дополнение): в 2 ч. Томск, 1983–1986.	Среднеобск. слов., 1964–1975  Среднеобск. слов. доп., 1983–1986 
Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.	Слов. Смол., 1974–2005 
Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. I–IV. СПб., 1847.	Слов. Акад. 1847 
Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008.	Ставшина, 2008 
Элиасов А. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.	Элиасов, 1980 
Ярославский областной словарь: в 10 т. / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.	Яросл. слов., 1981–1991 

Литература

Аванесов Р. И. Общепародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества. М.: МГУ. 1954. 24 с.

Белоозеров В. Н., Косарская Ю. П. Опыт разработки словаря с разветвленной системой тезаурусных связей. НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2001. № 8. С. 28–31.

Блинова О. И. Типы диалектных словарей // Русские говоры Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1981. С. 7–11.

Большаков И. А. Многофункциональный словарь-тезаурус для автоматизированной подготовки русских текстов // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1994. № 1. С. 11–23.

Браславский П. И. Тезаурус как средство описания систем знаний // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 11. С. 16–22.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 3–19.

Герд А. С., Богданов В. В., Буторов В. Д., Роменская В. Ф., Тисенко Э. В., Андреева Е. С. Информационно-поисковый тезаурус как объект лексикографии // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сб. Вып. 1. / Отв. ред. А. С. Герд. Л.: Наука. 1978. С. 160–172.

Гринев С. В., Лейчик В. М. Некоторые аспекты тезаурусного представления знаний // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1993. № 10. С. 1–8.

Жмайло С. В. К вопросу об определении тезауруса // НТИ. Сер. 1 Организация и методика информационной работы. 2003. № 12. С. 20–25.

Жмайло С. В. К разработке современных информационно-поисковых тезаурусов // НТИ. Сер. 1 Организация и методика информационной работы. 2004. № 1. С. 23–31.

Жмайло С. В. Об исследовании эффективности поиска научно-технической информации в сети Интернет // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2006. № 7. С. 21–27.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение. 1974. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС. 2004. 176 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М.: Наука. 1970. 456 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. 631 с.

Королькова М. Д. К вопросу о принципах классификации ремесленной лексики // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г. Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2015. С. 326.

Королькова М. Д. Особенности построения словаря ремесленной диалектной лексики (на примере ремесленной лексики говоров Присурского Поволжья) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015: Сборник статей / отв. ред. О. Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История. 2015. С. 145–155.

Королькова М. Д. К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, О. В. Глебова, Р. В. Гайдамашко / ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История. 2015. С. 298–307.

Королькова М. Д. Лексика валяльного дела в лингвогеографическом аспекте (на материале говоров Присурского Поволжья) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 25–27.

Королькова М. Д. Наименования сруба и способов соединения бревен: сопоставительный анализ данных Присурского Поволжья и севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 16. Межвуз. сб. СПб.: Нестор-История. 2017. С. 76–95.

Королькова М. Д. Принципы построения Словаря ремесленной лексики Присурского Поволжья // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2018. С. 133–134.

Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров (Перспектив) / Ред. Ф. П. Филин. Л.: ЛО Института языковедения АН СССР. 1974. 46 с. (ЛАНГ — 1974)

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1992 / Ред. А. С. Герд, И. А. Попов СПб.: ИЛИ РАН. 1994. 160 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1993 / Ред. А. С. Герд, И. А. Попов СПб.: ИЛИ РАН. 1994. 136 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1994 / Отв. ред. И. А. Попов Ред. О. Д. Буренина СПб.: ИЛИ РАН. 1996. 194 с.

X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 94». Тезисы докладов / Ред. И. А. Попов СПб.: ИЛИ РАН. 1994. 96 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1995 / ред. И. А. Попов СПб.: ИЛИ РАН. 1998. 246 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1996 / Отв. ред. И. А. Попов, ред. Е. Ж. Кузнецова, Н. В. Пушкарева, Т. Г. Скребцова. СПб.: ИЛИ РАН. 1998. 142 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1997 / Отв. ред. И. А. Попов. Ред. Е. Ж. Кузнецова, Т. Г. Скребцова. СПб.: ИЛИ РАН. 2000. 151 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1998 / Отв. ред. И. А. Попов. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, А. Д. Ли, Т. М. Юмсунова. СПб.: ИЛИ РАН. 2001. 327 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 1999 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: ИЛИ РАН. 2002. 247 с.

Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследование. 2000 / Отв. ред. А. С. Герд, Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2003. 291 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследование) 2001–2004 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2004. 572 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2005. 344 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2006. 423 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. Н. Крылова, О. В. Глебова. 2007. Ч. 1. 534 с. Ч. 2. 446 с. СПб.: Наука. 2007.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. Н. Крылова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2008. 593 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова. СПб.: Наука. 2009. 478 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова, О. Н. Крылова. СПб.: Наука. 2010. 466 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова, О. Н. Крылова. СПб.: Наука. 2011. 466 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова, О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История. 2012. 481 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова, О. В. Глебова, О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История. 2013. 660 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Отв. ред. А. С. Герд. Ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, О. В. Глебова, Р. В. Гайдамашко / ИЛИ РАН. СПб.: Наука. 2014. 808 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Отв. ред. А. С. Герд, Ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, О. В. Глебова, Р. В. Гайдамашко / ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История. 2015. 600 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / Отв. ред. С. А. Мызников, Ред. А. А. Бурякин, Р. В. Гайдамашко, О. В. Глебова, Л. Н. Донина, О. Н. Крылова / ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История. 2016. 556 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Отв. ред. С. А. Мызников, ред. Р. В. Гайдамашко, О. В. Глебова, Л. Н. Донина, О. Н. Крылова, С. А. Мызников / ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История. 2017. 686 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / Отв. ред. С. А. Мызников, Ред. Р. В. Гайдамашко, О. В. Глебова, Л. Н. Донина, М. Д. Королькова, О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 692 с.

Лесников А. В., Лесников Г. С., Лесников С. В. Интерактивная система поиска терминов гипертекстового информационно-поискового тезауруса /гизауруса/ метаязыка лингвистики // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. МГУ. 2014. С. 267–268.

Лесников С. В. Автоматизированная информационно-справочная система поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. Магнитогорск: Магнитогорский ГУ. 2009. С. 622–630.

Лесников С. В. и др. Автоматизированная обработка материалов Лексического атласа русских народных говоров /ЛАРНГ/ и возможности их использования в лексикографии // Альманах "ГОВОР". Июль № 7(7) 1995а. С. ХСVII–СХII.

Лесников С. В. Автоматизированный банк фразеологизмов русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии / Науч. ред. Р. Н. Попов. Орёл: ОГПИ, 1994. С. 74–76.

Лесников С. В. Автоматизированный фразеографический словарь русских говоров территории Коми АССР (АФСРГКА) // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара 13–17 ноября 1990. Орёл: Орловский государственный педагогический институт, 1990. С. 98–99.

Лесников С. В. Анализ парадигматических отношений лингвистической терминсистемы // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 269–279.

Лесников С. В. Аналитический обзор источников русских терминов ономастики и их систематизация и компьютерное ранжирование // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.) / Под ред. В. Л. Васильева. Великий Новгород: Новгородский печатный двор, 2019. С. 82–90.

Лесников С. В. Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 60. № 33 (248). Челябинск: ЧелГУ, 2011а. С. 200–202.

Лесников С. В. Базовые операторы языка поисковых запросов тезауруса метаязыка лингвистики // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 7.2 (31) (Гуманитарные и общественные науки). С. 39–53.

Лесников С. В. Виды разметок текстовых корпусов русского языка // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы 2019. № 9. С. 27–30.

Лесников С. В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». 14–17 сентября 2001. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Инст. иностранных языков, 2001. С. 280–281.

Лесников С. В. Конструирование Диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка // Компьютеризация лингвистических исследований / Альманах «ГОВОР». Май 1995б. С. 61–102.

Лесников С. В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы

русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: ИРЯз им. В. В. Виноградова РАН, 2018а. С. 148–149.

Лесников С. В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018б. С. 226–257.

Лесников С. В. Конструирование терминологического корпуса русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (137). С. 94–110.

Лесников С. В. Концепция гипертекстового представления региональных словарей русского языка // Проблемы региональной русской филологии: Вологда, ВГПИ, 1995в. С. 76–77.

Лесников С. В. Моделирование тезауруса метаязыка лингвистики на базе гипертекстовых фреймов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. № 3 (2). Киров: ВятГГУ, 2011б. С. 51–54.

Лесников С. В. Опыт использования русского языка для реализации интерактивного режима обработки информации // Linguistics by the End of the XXth Century: Achievements and Perspectives. Vol. II. Moscow: Philologia Publishers, 1995 г. P. 587–588.

Лесников С. В. Основные латинские терминологические элементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2011в № 12 (107). Вып. 10. С. 37–45.

Лесников С. В. Словарная поисковая система русского языка // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований / Отв. ред. О. В. Золтнер. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 172–177.

Лесников С. В. Словарь русских словарей: более 3500 источников / Предисловие проф. В. В. Дубичинского. Рецензенты: В. М. Андрищенко, Р. П. Рогожникова, Г. И. Тираспольский. М.: Азбуковник, 2002. 334 с.

Лесников С. В. Тезаурус как отражение системности языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 59. № 28 (243). Челябинск: ЧелГУ, 2011 г. С. 52–61.

Лесников С. В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (31). 2011. Часть 2, декабрь 2011д. С. 6–10.

Лесников С. В. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. МГУ, 2014. С. 268–269.

Лесников С. В., Загоровская О. В. Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей /АСРГКА/ // Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: Материалы конференции / Отв.ред. чл.корр. АН СССР Ю. Н. Караулов. М.: Институт русского языка АН СССР, 1988. С. 107–119.

Лесников С. В., Лесникова Н. В. Практическое разрешение проблемы гипертекстовой интеграции источников диалектной лексикографии на основе совр. информационных технологий для адекватного и эффективного картографирования материалов «ЛАРНГ» в интерактивном режиме на персональном компьютере // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров. Материалы межвузовской научной конференции (Арзамас, 29–31 октября 1996 г.) / Отв. ред. Л. А. Климкова. Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 1996. С. 77–78.

Лесников С. В., Мызников С. А. Цифровой корпус академических толковых словарей русского языка: алгоритм разработки и создания // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Том 78, номер 4. Июль–август. 2019. С. 13–24.

Лукашевич Н. В., Добров Б. В. Модификаторы концептуальных отношений в тезаурусе для автоматического индексирования. НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2001. № 4. С. 21–28.

Мишенян А. И. Теория экономических информационных систем. М.: Финансы и статистика, 2000. 240 с.

Мызников С. А. Диалектная лексика в историко-этимологических исследованиях // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е. П. Осипова; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2017. С. 316–322.

Мызников С. А. Диалектная лексика в академических словарях русского языка // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. Ч. 1. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 30–34.

Мызников С. А. Диалектная лексика и общенародный лексикон (в диахронии и синхронии) // Региональные варианты национального языка. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. С. 201–204.

Мызников С. А. Диалектная реалья и лексикографический конструкт // Современные проблемы лексикографии. Материалы конференции. СПб., Нестор-История. 2015. С. 135–136.

Мызников С. А. «Лексический атлас русских народных говоров» и региональные диалектные словари // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2013. № 3 (72). С. 134–145.

Мызников С. А. Начало русской диалектной лексикографии (опыт первых сводных диалектных словарей) // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М.: Индрик, 2011е. С. 232–251.

Мызников С. А. Петербургская школа академической лексикографии // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. СПб.: Наука. 2011ж. С. 3–24.

Мызников С. А. Просторечная и областная лексика в академической лексикографии // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы VI Международной научной конференции. Краснодар, 2017 С. 35–39.

Мызников С. А. Русская диалектная лексикография — основные вехи развития // Теория и история славянской лексикографии.

Научные материалы к XIV съезду славистов. М., 2008. С. 385–391.

Мызников С. А. Русская диалектная сводная и региональная лексикография (XIX–XXI вв.) // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. редактор М. И. Чернышева. М., 2013. С. 563–578.

Мызников С. А. Русская диалектная сводная и региональная лексикография (XIX–XXI вв.) // Słowianskie słowniki gwarowe — tradycja i nowatorstwo. Warszawa-Lomża, 2016. С. 155–171.

Мызников С. А. Русский диалектный тезаурус в культурно-историческом контексте // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 29–30 сентября 2016 г. Уфа, 2016. С. 136–140.

Мызников С. А. Сводная русская диалектная лексикография: некоторые аспекты практической работы // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 декабря 2016 года. М., 2016. С. 93–96.

Мызников С. А. Современная региональная диалектная лексикография: традиции и новации // Иссл. по славянской диалектологии. Актуальные проблемы изучения лексики славянских языков. 18. М., 2016. С. 19–32.

Мызников С. А. Современная русская диалектная лексикография (некоторые итоги) // Съвремените измерения на едно научно прозрение. Доклади Международната научна конференция в чест на 150-тата годишнина от рождението на Ватрослав Облак (1864–1896). София, 2015. С. 77–87.

Мызников С. А. «Словарь русских народных говоров»: источники и их лексикографическая интерпретация // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14. СПб., 2016. С. 510–520.

Пиотровский П. Г. О некоторых стилистических категориях. ВЯ. 1954. № 1. С. 55–68.

Пиотровский П. Г. Текст, машина, человек. М.: Наука, 1975. 328 с.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Академический Проект: Парадигма 2005. 256 с.

Пробст М. А. Тезаурус и информационный поиск. НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1979. N9. С. 14–20.

Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.

Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика как система // Восточнославянское и общее языкознание / Отв. редактор О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1978. С. 84–90.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. 230 с.

Трубинский В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.

Шмелев А. Г. Практикум по экспериментальной психосемантике (Тезаурус личностных черт). М.: МГУ, 1988. 208 с.

Якушев В. П. Информационно-поисковый тезаурус отраслевой информационно-поисковой системы (методика и технология построения) // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1977. N7. С. 9–14.

Russian dialectal hypertext thesaurus and its main sources

Sergej V. Lesnikov

Sergej A. Myznikov

Mariya D. Korolkova

Institute for Linguistic Studies

Russian Academy of Sciences

The article presents the main sources of the Russian dialect hypertext thesaurus / RDGizaurus /, which is used in compiling dictionary entries in the Dictionary of Russian dialects / SRNG / and developing the Lexical Atlas of the Russian folk dialects/ LARFD /. RDGizaurus is a multivolume collection of dialect dictionaries of the Russian language, selected according to certain principles. The texts of all dictionaries, as

a rule, are presented in PDF format — per page (for viewing online) and as a whole text (for downloading to a hard disk). RDGizaurus in the form of a computer interactive database is intended for the editing of lexicographic (vocabulary), grammatical and sociolinguistic descriptions of Russian dialects with the subsequent adoption of RDGizaurus for scholarly use and educational process. RDGizaurus can be used for editing dictionaries, reference books, encyclopedias and textbooks of the Russian language in the universities of the Russian Federation (speciality 02.10.01 — Russian language), the schools of the Russian Federation, as well as by public authorities in the formation of language and educational policies in Russia.

Key words: hypertext, dialectology, history of the Russian language, lexicography, lexicology, Russian language, Russian folk dialects, dictionary, morphology, thesaurus, semantics, ethnolinguistics.

References

Avanesov R. I. Obshchenarodnyj yazyk i mestnye dialekty na raznyh etapah razvitiya obshchestva [Common national language and local dialects at various stages of social development]. M.: MGU. 1954. 24 p.

Beloozerov V. N., Kosarskaya YU.P. Opyt razrabotki slovarya s razvetvlennoj sistemoj tezaurnykh svyazej [An attempt at developing a dictionary with a ramificated system of thesaurus links]. NTI [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 2001. № 8. P. 28–31.

Blinova O. I. Tipy dialektnykh slovarej [The types of dialectal dictionaries] // Russkie govory Sibiri [The Russian dialects of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 1981. P. 7–11.

Bol'shakov I. A. Mnogofunkcional'nyj slovar'-tezaurn dlya avtomatizirovannoj podgotovki russkih tekstov [A multifunctional thesaurus-type dictionary for the automatized preparation of Russian texts] // NTI [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 1994. № 1. P. 11–23.

Braslavskij P. I. Tezaurn kak sredstvo opisaniya sistem znaniy [Thesaurus as a tool for the description of knowledge systems] // NTI

[Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 1997. № 11. P. 16–22.

Vendina T. I. Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (probnyj vypusk): predvaritel'nye itogi [Lexical atlas of Russian folk dialects (a trial issue): preliminary results] // *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in Linguistics] 2004. № 2. P. 3–19.

Gerd A. S., Bogdanov V. V., Butorov V. D., Romenskaya V. F., Tisenko E. V., Andreeva E. S. Informacionno-poiskovyj tezaurus kak ob'ekt leksikografii [Information retrieval thesaurus as a lexicographical object] // *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. Mezhvuzovskij sb. Vyp. 1.* [Structural and applied linguistics. An interuniversity collection. Issue 1] / Otv. red. A. S. Gerd. L.: Nauka. 1978. Pp. 160–172.

Grinev S. V., Lejchik V. M. Nekotorye aspekty tezaurusnogo predstavleniya znaniy [On some aspects of thesaurus-like representation of knowledge] // *NTI* [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 1993. № 10. P. 1–8.

ZHmajlo S. V. K voprosu ob opredelenii tezaurusa [On the definition of thesaurus] // *NTI* [Scientific and technical information]. Ser. 1 Organizaciya i metodika informacionnoj raboty [Organisation and methodics of informational work]. 2003. № 12. Pp. 20–25.

ZHmajlo S. V. K razrabotke sovremennyh informacionno-poiskovyh tezaurusov [On the development of modern information retrieval thesauri] // *NTI* [Scientific and technical information]. Ser. 1 Organizaciya i metodika informacionnoj raboty [Organisation and methodics of informational work]. 2004. № 1. Pp. 23–31.

ZHmajlo S. V. Ob issledovanii effektivnosti poiska nauchno--tekhnicheskoj informacii v seti Internet [On assessing the effectivity of scientific and technical information retrieval on the Internet] // *NTI* [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 2006. № 7. Pp. 21–27.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [The dialectal division of the Russian language]. M.: Prosveshchenie. 1974. 2-e izd., stereotip. M.: Editorial URSS. 2004. 176 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. YU. Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov: po ma-

terialam lingvisticheskoy geografii [The formation of the North Russian dialect and Middle Russian dialects. Based on the data of linguistic geography]. M.: Nauka. 1970. 456 p.

Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshnij i vek minuvshij [The lexicography of the Russian language. Its past and present]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena. 2015. 631 p.

Korolkova M. D. K voprosu o principah klassifikacii remeslennoj leksiki [On the classification principles for handicraft vocabulary] // XLIV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferenciya, Sankt-Peterburg, 10–15 marta 2015 g. Tezisy dokladov. [44th International Philological Research Conference. March 10–15, 2015. Abstracts] SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. 2015. P. 326.

Korolkova M. D. Osobennosti postroeniya slovarya remeslennoj dialektnoj leksiki (na primere remeslennoj leksiki govorov Prisurskogo Povolzh'ya) [Structural peculiarities of a dialectal dictionary of handicraft lexis (based on the handicraft vocabulary of the Sura-Volga region dialects)] // Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2015: Sbornik statej [Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography. 2015. A collection of articles] / otv. red. O. N. Krylova / In-t lingv. issled. RAN. SPb.: Nestor-Istoriya. 2015. Pp. 145–155.

Korolkova M. D. K probleme analiza dialektnoj remeslennoj leksiki [On the analysis of dialectal handicraft vocabulary] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2015 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, O. N. Krylova, O. V. Glebova, R. V. Gajdamashko / ILI RAN. SPb.: Nestor-Istoriya. 2015. Pp. 298–307.

Korolkova M. D. Leksika valyal'nogo dela v lingvogeograficheskom aspekte (na materiale govorov Prisurskogo Povolzh'ya) [Felting craft vocabulary from the point of view of linguogeography (based on the data of the Sura-Volga dialects)] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology] 2017. V. 9. Issue. 1. Pp. 25–27.

Korolkova M. D. Naimenovaniya sruba i sposobov soedineniya breven: sopostavitel'nyj analiz dannyh Prisurskogo Povolzh'ya i sever-

norusskikh govorov [The names for a log-house and the ways of joining the logs. A comparative analysis of the data collected in the Sura-Volga region and the Northern Russian dialects] // Severnorusskie govory [Northern Russian dialects]. Issue 16. Mezhevuz. sb. [An interuniversity collection] SPb.: Nestor-Istoriya. 2017. Pp. 76–95.

Korolkova M. D. Principy postroeniya Slovarya remeslennoj leksiki Prisurskogo Povolzh'ya [The structural principles for a Handicraft Dictionary of the Sura-Volga region] // Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii 26–28 oktyabrya 2018 g. [Actual problems of the Russian dialectology. Materials of the international conference, October 26–28, 2018] M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 2018. Pp. 133–134.

Popov I. A. Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Prospekt) [Lexical atlas of Russian folk dialects. A project] / Red. F. P. Filin. L.: LO Instituta yazykoznanija AN SSSR. 1974. 46 p. (LARFD — 1974)

Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1992 / Red. A. S. Gerd, I. A. Popov SPb.: ILI RAN. 1994. 160 p.

Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1993 / Red. A. S. Gerd, I. A. Popov SPb.: ILI RAN. 1994. 136 p.

Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1994 / Otv. red. I. A. Popov Red. O. D. Burenina SPb.: ILI RAN. 1996. 194 p.

X Vserossijskoe dialektologicheskoe soveshchanie «Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov — 94». Tezisy dokladov [10th All-Russian dialectological colloquium “Lexical atlas of Russian folk dialects ‘94”. Abstracts] / Red. I. A. Popov SPb.: ILI RAN. 1994. 96 p.

Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1995 / red. I. A. Popov SPb.: ILI RAN. 1998. 246 p.

Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1996 / Otv. red. I. A. Popov, red. E.ZH. Kuznecova, N. V. Pushkareva, T. G. Skrebcova. SPb.: ILI RAN. 1998. 142 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1997 / Otv. red. I. A. Popov. Red. E.ZH. Kuznecova, T. G. Skrebcova. SPb.: ILI RAN. 2000. 151 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1998 / Otv. red. I. A. Popov. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, A. D. Li, T.M. YUmsunova. SPb.: ILI RAN. 2001. 327 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1999 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: ILI RAN. 2002. 247 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov. Materialy i issledovaniya [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations]. 2000 / Otv. red. A. S. Gerd, Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2003. 291 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2001–2004 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2004. 572 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2005 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2005. 344 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2006 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2006. 423 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. N. Krylova, O. V. Glebova. 2007. Part 1. 534 p. Part 2. 446 p. SPb.: Nauka. 2007.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations]

2008 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. N. Krylova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2008. 593 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2009 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova. SPb.: Nauka. 2009. 478 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2010 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova, O. N. Krylova. SPb.: Nauka. 2010. 466 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2011 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova, O. N. Krylova. SPb.: Nauka. 2011. 466 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2012 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova, O. N. Krylova. SPb.: Nestor-Istoriya. 2012. 481 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2013 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, E.ZH. Kuznecova, O. V. Glebova, O. N. Krylova. SPb.: Nestor-Istoriya. 2013. 660 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2014 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, O. N. Krylova, O. V. Glebova, R. V. Gajdamashko / ILI RAN. SPb.: Nauka. 2014. 808 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2015 / Otv. red. A. S. Gerd. Red. S. A. Myznikov, O. N. Krylova, O. V. Glebova, R. V. Gajdamashko / ILI RAN. SPb.: Nestor-Istoriya. 2015. 600 p.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2016 / Otv. red. S. A. Myznikov. Red. A. A. Burykin, R. V. Gajdamashko, O. V. Glebova, L. N. Donina, O. N. Krylova / ILI RAN. SPb.: Nestor-Istoriya. 2016. 556 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2017 / Otv. red. S. A. Myznikov, red. R. V. Gajdamashko, O. V. Glebova, L. N. Donina, O. N. Krylova, S. A. Myznikov / ILI RAN. SPb.: Nestor-Istoriya. 2017. 686 p.

Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2018 / Otv. red. S. A. Myznikov. Red. R. V. Gajdamashko, O. V. Glebova, L. N. Donina, M. D. Korolkova, O. N. Krylova. SPb.: ILI RAN, 2018. 692 p.

Lesnikov A. V., Lesnikov G. S., Lesnikov S. V. Interaktivnaya sistema poiska terminov gipertekstovogo informacionno-poiskovogo tezaurusa /gizaurusa/ metazyzka lingvistiki [An interactive term retrieval system for a hypertext information retrieval thesaurus / hysaurus/ of the linguistic metalanguage] // Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. V Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 18–21 marta 2014 g.). Trudy i materialy [Russian language, its historical fates and contemporary state. 5th International congress of the Russian language researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological faculty, March 18–21, 2014). Proceedings and materials] / Sost. M. L. Remnyova, A. A. Polikarpov, O. V. Kukushkina. MGU. 2014. Pp. 267–268.

Lesnikov S. V. Avtomatizirovannaya informacionno-spravochnaya sistema poiska leksiko-semanticheskikh variantov vokabul russkogo yazyka [Automatized information system for the search of lexico-semantic variants of the lexical entries in the Russian language] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. 2009. № 24. Magnitogorsk: Magnitogorskij GU. 2009. Pp. 622–630.

Lesnikov S. V. i dr. [et al.] Avtomatizirovannaya obrabotka materialov Leksicheskogo atlasa russkikh narodnyh govorov /LARFD/ i vozmozhnosti ih ispol'zovaniya v leksikografii [Automatized processing of the materials of the Lexical atlas of Russian folk dialects /LARFD/ and the possibilities of its use for lexicographical purposes] // Al'manah "GOVOR" ["GOVOR" Almanac]. Iyul' № 7(7) 1995a. Pp. XCVII–CXII.

Lesnikov S. V. Avtomatizirovannyj bank frazeologizmov russkogo govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi [Automatized pool of the phraseological units the Russian dialect of the Lojma village, Priluzski district, Komi Republic] // Problemy regional'noj leksikologii, frazeologii i leksikografii [Problems of regional lexicology, phraseology and lexicography] / Nauch. red. R. N. Popov. Oryol: OGIPI, 1994. Pp. 74–76.

Lesnikov S. V. Avtomatizirovannyj frazeograficheskiy slovar' russkih govorov territorii Komi ASSR (AFSRGKA) [Automatized phraseographical dictionary of the Russian dialects of the Komi ASSR territory (AFSRGKA)] // Frazeologicheskie slovari i komp'yuternaya frazeografiya. Tezisy soobshchenij shkoly-seminara 13–17 noyabrya 1990 [Phraseological dictionaries and computer phraseography. Abstracts of the papers of the workshop conducted on November 13–17, 1990]. Oryol: Orlovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1990. Pp. 98–99.

Lesnikov S. V. Analiz paradigmaticeskikh otnoshenij lingvisticheskoj terminosistemy [An analysis of paradigmatic relations of the system of linguistic terminology] // Pamyati Anatoliya Anatol'evicha Polikarpova [In memoriam Anatoli Anatol'evich Polikarpov]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. Pp. 269–279.

Lesnikov S. V. Analiticheskij obzor istochnikov russkih terminov onomastiki i ih sistematizaciya i komp'yuternoe ranzhirovanie [An analytical observation of the sources of Russian onomastic terms and their systematization and computer arrangement] // Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Velikij Novgorod, 17–20 sentyabrya 2019 g.) [The onomastics of the Volga region. The materials of the 17th International research conference (Veliki Novgorod, september 17–20, 2019)] / Pod red. V. L. Vasil'eva. Velikij Novgorod: Novgorodskij pechatnyj dvor, 2019. Pp. 82–90.

Lesnikov S. V. Bazovye bloki avtomatizirovannoj leksikograficheskoj sistemy [The basic blocks for an automatized lexicographic system] // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, iskusstvovedenie. [Bulletin of Chelyabinsk state university. Series: philology, art criticism] Issue 60. № 33 (248). CHelyabinsk: CHelGU, 2011a. Pp. 200–202.

Lesnikov S. V. Bazovye operatory yazyka poiskovyh zaprosov tezaurusa metazyzka lingvistiki [Basic operators for the retrieval request language in the thesaurus of linguistic metalanguage] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. Krasnoyarsk: Nauchno-innovacionnyj centr, 2012. № 7.2 (31) (Gumanitarnye i obshchestvennye nauki) [Humanities and social sciences]. Pp. 39–53.

Lesnikov S. V. Vidy razmetok tekstovyh korpusov russkogo yazyka [Mark-up types in the Russian language text corpora] // Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Scientific and technical information]. Seriya 2. Informacionnye processy i sistemy [Series 2. Information processes and systems]. 2019. № 9. Pp. 27–30.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye gipertekstovogo general'nogo svoda leksiki russkogo yazyka: russkij gizaurus [Constructing a hypertextual general database of the Russian vocabulary: the Russian hysaurus] / Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Yazyk i kul'tura». 14–17 sentyabrya 2001. [International research conference “Language and culture”. September 14–17, 2001] M.: OLYA RAN, nauchn. zhurnal «Voprosy filologii», Inst. inostrannyh yazykov, 2001. Pp. 280–281.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye Dialektologicheskogo podfonda Mashinnogo fonda russkogo yazyka [Constructing the dialectological subcorpus of the Machine corpus of the Russian language] // Komp'yuterizaciya lingvisticheskikh issledovaniy [Computerisation of linguistic research] / Al'manah “GOVOR”. Maj 1995b [“GOVOR” Almanac. May 1995b]. Pp. 61–102.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye gipertekstovogo svoda leksiki narodnyh govorov russkogo yazyka [Constructing a hypertextual database for the vocabulary of the Russian dialects] // Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Materialy mezhdunarodnoj konferencii 26–28 oktyabrya 2018 g. [Actual problems of the Russian dialectology. Materials of the International conference held on October 26–28, 2018] M.: IRYAz im. V. V. Vinogradova RAN, 2018a. Pp. 148–149.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye informacionno-poiskovogo svoda akademicheskikh slovaroj russkogo yazyka (Svod ASRYA) [Constructing a searchable information database for Russian academic dictionaries (ASRYA database)] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and investigations] 2018. SPb.: ILI RAN, 2018b. Pp. 226–257.

Lesnikov S. V. Konstruirovaniye terminologicheskogo korpusa russkogo yazyka [Constructing the Russian terminological corpus] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Volgograd state pedagogical university]. 2019. № 4 (137). Pp. 94–110.

Lesnikov S. V. Konceptsiya gipertekstovogo predstavleniya regional'nyh slovarej russkogo yazyka [A concept of hypertext representation of regional dictionaries of the Russian language] // Problemy regional'noj russkoj filologii [Problems of the Russian regional philology]: Vologda, VGPI, 1995v. Pp. 76–77.

Lesnikov S. V. Modelirovaniye tezaurusa metazyka lingvistiki na baze gipertekstovyh frejmov [Hypertext frame-based modelling of the linguistic metalanguage thesaurus] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedeniye [Bulletin of Vyatka state humanities university. Philology and art criticism]. № 3 (2). Kirov: VyatGGU, 2011b. Pp. 51–54.

Lesnikov S. V. Opyt ispol'zovaniya russkogo yazyka dlya realizacii interaktivnogo rezhima obrabotki informacii [Using the Russian language for the implementation of an interactive mode of information processing] // Linguistics by the End of the XXth Century: Achievements and Perspectives. Vol. II. Moscow: Philologia Publishers, 1995 g. P. 587–588.

Lesnikov S. V. Osnovnye latinskie terminolementy i terminy metazyka lingvistiki [Main term elements and terms of Latin origin in linguistic metalanguage] // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: gumanitarnye nauki. [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities] Belgorod: BelGU, 2011v № 12 (107). Issue 10. Pp. 37–45.

Lesnikov S. V. Slovarnaya poiskovaya sistema russkogo yazyka [Dictionary search engine for the Russian language] // Novejshaya filologiya: itogi i perspektivy issledovanij [Brand-new philology. Research results and further prospects] / Otv.red. O. V. Zoltner. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2019. Pp. 172–177.

Lesnikov S. V. Slovar' russkih slovarej: bolee 3500 istochnikov [The dictionary of Russian dictionaries. More than 3500 sources] / Predislovie prof. V. V. Dubichinskogo. Recenzenty: V. M. Andryushchenko, R. P. Rogozhnikova, G. I. Tiraspol'skij. M.: Azbukovnik, 2002. 334 p.

Lesnikov S. V. Tezaurus kak otrazhenie sistemnosti yazyka [The-saurus as a reflection of the systematic character of language] // Vest-nik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, iskusstvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk state university. Series: phi-lology, art criticism]. Issue 59. № 28 (243). CHelyabinsk: CHelGU, 2011 g. Pp. 52–61.

Lesnikov S. V. Tipologiya russkikh slovarej lingvisticheskoy termi-nologii [The typology of Russian linguistic terminological dictionaries] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]. № 6 (31). 2011. Part 2, dekabr' 2011d. Pp. 6–10.

Lesnikov S. V. Gipertekstovyy informacionno-poiskovyy tezaurus (gizaurus) «Metayazyk nauki» (struktura; matematicheskoe, lingvistich-eskoe i programmnoe obespecheniya; razdely lingvistika, matematika, ekonomika) [The hypertext information retrieval thesaurus (hysaurus) “Metalanguage of science” (its structure, mathematical, linguistic and computer aspects; parts ‘Linguistics’, ‘Mathematics’ and ‘Economy’)] // Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. V Mezhdun-arodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 18–21 marta 2014 g.). Trudy i materialy [Russian language, its historical fates and contemporary state. 5th International congress of the Russian language researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Philological faculty, March 18–21, 2014). Proceedings and materials] / Sost. M. L. Remny-ova, A. A. Polikarpov, O. V. Kukushkina. MGU, 2014. Pp. 268–269.

Lesnikov S. V., Zagorovskaya O. V. Formal'naya grammatika slovar-noj stat'i avtomaticheskogo slovarya russkikh govorov Komi ASSR i so-predel'nyh oblastej /ASRGKA/ [The formal grammar of a dictionary entry for the automatized dictionary of the Russian dialects of the Komi ASSR and the adjacent regions] // Vtoraya Vsesoyuznaya konferenciya po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka: Materialy konfer-encii [2nd All-Soviet-Union conference on the creation of the Machine corpus of the Russian language] / Otv.red. chl.korr. AN SSSR YU.N. Karaulov. M.: Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1988. Pp. 107–119.

Lesnikov S. V., Lesnikova N. V. Prakticheskoe razreshenie prob-lemy gipertekstovoj integracii istochnikov dialektnoj leksikografii na osnove sovr. informacionnyh tehnologij dlya adekvatnogo i effektivno-

go kartografirovaniya materialov «LARFD» v interaktivnom rezhime na personal'nom komp'yutere [A practical solution of the problem of hypertext integration of the dialectal lexicography sources based on modern information technologies created for an adequate and effective mapping of the materials of the Lexical atlas of Russian folk dialects interactively using a PC] // Aktual'nye problemy izucheniya russkikh narodnyh govorov. Materialy mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 29–31 oktyabrya 1996 g.) [Actual problems of the study of the Russian dialects. Materials of an interuniversity research conference held in Arzamas, on October 29–31, 1996] / Otv. red. L. A. Klimkova. Arzamas: AGPI im. A. P. Gajdara, 1996. Pp. 77–78.

Lesnikov S. V., Myznikov S. A. Cifrovoy korpus akademicheskikh tolkovykh slovarej russkogo yazyka: algoritm razrabotki i sozdaniya [The digital corpus of academic explanatory dictionaries of the Russian language: an algorithm for its development and creation] // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. Tom 78, nomer 4. Iyul'-avgust. 2019. [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in literature and language. Vol. 78, Issue 4. Jule-August, 2019] Pp. 13–24.

Lukashevich N. V. Dobrov B. V. Modifikatory konceptual'nyh ot-noshenij v tezauruse dlya avtomaticheskogo indeksirovaniya [Modifiers of conceptual relations in a thesaurus for automatized indexing]. NTI. [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems].. 2001. № 4. Pp. 21–28.

Mishenin A. I. Teoriya ekonomicheskikh informacionnyh sistem [Theory of economical informational systems]. M.: Finansy i statistika, 2000. 240 p.

Myznikov S. A. Dialektnaya leksika v istoriko-etimologicheskikh issledovaniyah [Dialectal lexemes in historico-etymological research] // I. I. Sreznevskij i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 21–23 sentyabrya 2017 g. [I. I. Sreznevskij and the Russian historical linguistics. Experience and prospects. On the 205th birthday of I. I. Sreznevskij. A collection of articles of the International research and practic conference held on

September 21–23, 2017] / *otv. red. E. P. Osipova*; Ryaz. gos. un-t im. S. A. Esenina. Ryazan', 2017. Pp. 316–322.

Myznikov S. A. Dialektnaya leksika v akademicheskikh slovaryah russkogo yazyka [Dialectal lexemes in Russian academic dictionaries] // *Slavyanskie yazyki: sistemno-opisatel'nyj i sociokul'turnyj aspekty issledovaniya* [Slavic languages: systematic, descriptive and socio-cultural research aspects]. Part 1. Brest: BrGu im. A. S. Pushkina, 2014. Pp. 30–34.

Myznikov S. A. Dialektnaya leksika i obshchenarodnyj leksikon (v diahronii i sinhronii) [Dialect vocabulary and common Russian lexis (synchronically and diachronically)] // *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii* [Regional variants of national language. Materials of the All-Russian research conference with international participation] / *Nauch. red. A. P. Majorov*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2013. Pp. 201–204.

Myznikov S. A. Dialektnaya realiya i leksikograficheskij konstrukt [A dialect reality and a lexicographic construct] // *Sovremennye problemy leksikografii. Materialy konferencii*. [Modern issues in lexicography. Proceedings of the conference] SPb., Nestor-Istoriya. 2015. Pp. 135–136.

Myznikov S. A. «Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov» i regional'nye dialektnye slovari [Lexical atlas of Russian folk dialects and the regional dialect vocabularies] // *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian foundation for humanities], 2013. № 3 (72). Pp. 134–145.

Myznikov S. A. Nachalo russkoj dialektnoj leksikografii (opyt pervyh svodnyh dialektnyh slovarej) [The beginning of the Russian dialectal lexicography (first cumulative dialectal dictionaries)] // *Slova. Koncepty. Mify. K 60-letiyu Anatoliya Fedorovicha Zhuravleva* [Words. Concepts, Myths. On the 60th anniversary of Anatoly Fedorovich Zhuravlev]. M.: Indrik, 2011e. Pp. 232–251.

Myznikov S. A. Peterburgskaya shkola akademicheskoy leksikografii [St. Petersburg school of academic lexicography] // *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu* [Proceedings of the united scholarly council on humanities and historico-cultural heritage]. 2010 / Sankt-Peterburgskij nauchnyj cent RAN. SPb.: Nauka. 2011zh. Pp. 3–24.

Myznikov S. A. Prostorechnaya i oblastnaya leksika v akademicheskoy leksikografii [Substandard and regional lexemes in academic lexicography] // Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Continuity and discontinuity in language and speech. Materials of the 6th International research conference]. Krasnodar, 2017. Pp. 35–39.

Myznikov S. A. Russkaya dialektnaya leksikografiya — osnovnye vekhi razvitiya [Russian dialectal lexicography and its developmental landmarks] // Teoriya i istoriya slavyanskoj leksikografii. Nauchnye materialy k XIV s'ezdu slavistov [Theory and history of the Slavic lexicography. Research materials for the 14th meeting of Slavists]. M., 2008. Pp. 385–391.

Myznikov S. A. Russkaya dialektnaya svodnaya i regional'naya leksikografiya (XIX–XXI vv.) [Russian dialectal cumulative and regional lexicography (19th — 21st centuries)] // Slavyanskaya leksikografiya. Mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya [Slavic lexicography. An international collective monography] / Otv. redaktor M.I. Chernysheva. M., 2013. Pp. 563–578.

Myznikov S. A. Russkaya dialektnaya svodnaya i regional'naya leksikografiya (XIX–XXI vv.) [Russian dialectal cumulative and regional lexicography (19th — 21st centuries)] // Słowianskie słowniki gwarowe — tradycja i nowatorstwo [Slavic dialectal dictionaries — traditions and innovations]. Warszawa-Łomża, 2016. Pp. 155–171.

Myznikov S. A. Russkij dialektnyj tezaurus v kul'turno-istoricheskom kontekste [Russian dialectal thesaurus in cultural and historical context] // Regional'nye enciklopedii v sovremennoj nauchnoj infokommunikacionnoj sisteme Rossii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ufa, 29–30 sentyabrya 2016 g. [Regional encyclopedias in Russia's modern informational and communicational system. Materials of the All-Russian research and practical conference with international participation. Ufa, September 29–30, 2016] Ufa, 2016. Pp. 136–140.

Myznikov S. A. Svodnaya russkaya dialektnaya leksikografiya: nekotorye aspekty prakticheskoy raboty [Russian cumulative dialectal lexicography. Some practical aspects] // Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ih resheniya. Materialy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 12–14 dekabrya 2016

goda [Russian lexicography of the 21st century: problems and solutions. Papers and materials of the International research conference held on December 12–14, 2016]. М., 2016. Pp. 93–96.

Мызников С. А. Sovremennaya regional'naya dialektnaya leksikografiya: tradicii i novacii [Modern regional dialect lexicography. Traditions and innovations] // Issl. po slavyanskoj dialektologii. Aktual'nye izucheniya leksiki slavyanskih yazykov [Slavic dialectological investigations. Actual issues in the study of the Slavic languages]. 18. М., 2016. Pp. 19–32.

Мызников С. А. Sovremennaya russkaya dialektnaya leksikografiya (nekotorye itogi) [Modern Russian dialectal lexicography (some results)] // S'vremenite izmereniya na edno nauchno prozrenie. Dokladi Mezhdunarodnata nauchna konferenciya vchest na 150-tata godishnina ot rozhdenieto na Vatroslav Oblak (1864–1896) [Modern dimensions of a scientific insight. Papers of the International scientific conference devoted to the 150 anniversary of Vatroslav Oblak (1864–1896)]. Sofiya, 2015. Pp. 77–87.

Мызников С. А. «Slovar' russkih narodnyh govorov»: istochniki i ih leksikograficheskaya interpretaciya [The Dictionary of Russian dialects, its sources and their lexicographic interpretation] // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium [Word and vocabulary]. Issue 14. SPb., 2016. Pp. 510–520.

Piotrovskij R. G. O nekotoryh stilisticheskikh kategoriyah [On some categories of statistics]. VYA [Issues in Linguistics]. 1954. № 1. Pp. 55–68.

Piotrovskij R. G. Tekst, mashina, chelovek [Text, machine, human]. М.: Nauka, 1975. 328 p.

Pozharickaya S. K. Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. М.: Akademicheskij Proekt: Paradigma 2005. 256 p.

Probst M. A. Tezaurus i informacionnyj poisk [Thesaurus and information retrieval]. NTI. [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 1979. N9. Pp. 14–20.

Pshenichnova N. N. Tipologiya russkih govorov [Typology of Russian dialects] M.: Nauka, 1996. 208 p.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / S. V. Bromlej, L. N. Bulatova, O. G. Gecova i dr.; Pod red. L. L. Kasatkina. M.: Akademiya, 2005. 288 p.

Sorokoletov F. P. Dialektnaya leksika kak sistema [Dialectal vocabulary as a system] // Vostochnoslavyanskoe i obshchee yazykoznanie [East Slavic and General Linguistics] / Otv. redaktor O. N. Trubachev. M.: Nauka, 1978. Pp. 84–90.

Sorokoletov F. P., Kuznecova O. D. Oчерки po russkoj dialektnoj leksikografii [An outline of the Russian dialectal lexicography]. L., 1987. 230 p.

Trubinskij V. I. Russkaya dialektologiya: Govorit babushka Marfa, a my kommentiruem [Russian dialectology. Granny Marfa speaks, we comment]: Ucheb. posobie. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. 208 p.

SHmelev A. G. Praktikum po eksperimental'noj psihosemantike (Tezaurus lichnostnyh chert) [An experimental psychosemantics workshop. The thesaurus of personal features]. MGU, 1988. 208 p.

YAkushev V. P. Informacionno-poiskovyy tezaurus otraslevoj informacionno-poiskovoj sistemy (metodika i tekhnologiya postroeniya) [Information retrieval thesaurus of a sectoral information retrieval system (construction methods and technologies)] // NTI. [Scientific and technical information]. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy [Information processes and systems]. 1977. N7. Pp. 9–14.

Наименования птенца ласточки в русских говорах (лингвогеографический аспект)

Татьяна Михайловна Малыгина
Людмила Емельяновна Писарева
Алевтина Викторовна Кузьмина
Курский государственный университет

Целью данной статьи является рассмотрение вариантов наименований птенца ласточки на территории распространения русского языка, выявление словообразовательных различий названий птенца ласточки в русских говорах. Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: картографирование, лексема, реалии, русские народные говоры.

В данной статье рассматриваются наименования птенца ласточки на территории распространения русского языка. Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров.

Диалектные материалы обнаруживают противопоставления на словообразовательном уровне, связанные с аффиксальным оформлением лексем с корнем *ласт-*:

— формы единственного числа: *ластёнок, ластёныш, ластивёнок, ластинёнок, ластинятка, ластовинёнок, ластовчонок, ласточонок, ластушонок, ластушонёнок, ластыня;*

— формы множественного числа: *ластёнки, ластивята, ластинята, ластинятки, ластовинята, ла-*

стовчата, ласточата, ласточонки, ластутята, ластушата, ластушенята, ластушонки, ластынята, ластята.

Диалектный материал свидетельствует о том, что доминирующими среди наименований птенца ласточки являются лексемы единственного числа *ластушонок, ластинёнок, ласточонок, ластёнок* и лексемы множественного числа *ластушата, ластинята, ласточата, ластята*, которые представлены в севернорусском, южнорусском наречиях и среднерусских говорах: *Ластушонок пытается летать* (п. 809). *Жёлтенький ластушонок выпал из гнезда* (п. 48). *У ласточки пять ластушонков, один ластушонок выпал* (п. 59). *Это вот ласточкин птенчик. Он, когда один, — ластушонок, а когда много, это ластушата. Ой, прямо весь день есть хотят!* (п. 809). *У неё такой прожора ластушонок* (п. 926). *Если молоденький, то ластушонок* (п. 643). *Ластушонок-то этот ещё, видать, не летает* (п. 251). *Птенец ласточки — это ластушонок* (п. 475). *А это ластушонок у нас, и ластушата* (п. 501). *Ластушонком мы птенца ласточки зовем* (п. 381). *Ластушонок был щупленький и худой шибко* (п. 166). *Ластушонок сидит в гнезде, только клюв торчит* (п. 168). *Рыбаки-то говорили, что они видели на речонке ластушонка* (п. 344). *Ластушонок — это птенчик маленький ласточки* (п. 433). *Ластушата в дырках на берегу живут и не вылезают, пока не вырастут* (п. 83). *Ластушата очень долго сидят в гнезде и вылетают уже большими* (п. 162). *У ласточки ластушата растут* (п. 454). *Ластушата, они в норках, в горячем песке* (п. 397). *Ластушата мухами питаются* (п. 844). *У маленьких ластушат жёлтые рты* (п. 598). *Ластушата вылупляются совсем голенькими* (п. 598). *В гнезде звонко попискивали ластушата* (п. 134). *Пищат они, ластушата, прямо весь день есть хотят* (п. 329). *Эти ластушата в гнездах сидят, а когда вырастут, тогда улетают* (п. 518). *Ласточка ластушат кормит* (п. 937). *Ласточка улетела, а они пищат ластушата* (п. 527). *Гнезды-то ластушат по рекам* (п. 437). *Ластушат-то я еще не видела* (п. 466).

Ластинёнок жёлтенький, мало пуха, интересный такой (п. 24). *Ластинёнок еще не умел совсем летать* (п. 245). *Выпал ластинёнок прямо в траву* (п. 187). *У нас раньше все ребята ловили ласточек, поймали и маленького ластинёнка* (п. 440). *Птенец у ласточки — ластинёнок* (п. 476). *Ластинёнок да ластинята — птенчики ласточки* (п. 460). *Ластинёнок все в гнезде сидит, прячется* (п. 344). *Ластинёнок-то вон из гнезда вывалился* (п. 479). *Ластинёнок пищит, когда видит мать* (п. 950). *Ластинёнок высунул клюв из гнезда* (п. 955). *Птенцов у ласточки называли ластинятки, а если один — ластинёнок* (п. 432). *Ластинята маленькие пищат* (п. 926). *Ластинята только рот раскрывают* (п. 223). *Ластинята звали маму* (п. 971). *Ластинята сидят в гнезде* (п. 950). *У нас раньше все ребята ловили маленьких ластинят, бывало поймают маленького ластинёнка, а потом отпустят* (п. 440). *Из ластинят ласточки вырастают* (п. 476). *Ластинята из гнезда головки высовывают, а один ластушонок все рот открывает* (п. 169). *Ластинята в гнезде сидят, одни головки торчат, клювы раскрывают, пищат, кушать просят* (п. 467). *Ласточка никого не подпускает к гнезду с ластинятами* (п. 467). *Мы долго пытались вытащить ластинят из норки-гнезда* (п. 189). *Ластинята летать еще не умеют* (п. 394). *У нас на чердаке в прежние годы ласточки гнезда вили, ластинят выводили года три, а потом куда-то делась* (п. 539). *Ласточонок вылутился на свет* (п. 954). *Видно, как из гнезда ласточонок выглядывает* (п. 472). *Ласточонок — он маленький, черненький, а грудка — светлая* (п. 474). *А ласточонок все в гнезде сидит* (п. 358). *У ласточки ласточонок вывелся* (п. 845а). *Ластёнок — это детеныш ласточки* (п. 401). *Однажды ластёнок выпал из гнезда* (п. 259). *Ластёнок совсем слабенький был* (п. 383). *В нашей бане есть гнездо с маленьким ластёнком* (п. 167). *Ласточат полно в гнезде* (п. 905). *У меня жила большая ласточка с ласточатами* (п. 222). *Ласточата у них хорошие* (п. 485). *В гнездышке ласточата сидят* (п. 810). *Ластята, они в гнездах сидят и ждут, пока им родители еду принесут* (п. 383). *Возле гнезд такой писк стоит, это ластята*

кричат (п. 392). *Маленькие ластята вывелись* (п. 956).

Все остальные лексемы уступают указанным выше наименованиям по степени распространённости.

Название *ластёнши* зафиксировано преимущественно в среднерусских говорах (ивановские диалекты): *Ластёнши как раз кушает в гнезде* (п. 287).

Лексемы *ластивёнок*, *ластивёнки* более широко представлены на территории южнорусского наречия (островные ареалы в брянских, курских говорах) и южнорусского говора (ростовские диалекты): *Ластивёнок все в гнезде сидит, прячется* (п. 1040).

Слово *ластинятка* встречается в орловских говорах, а форма множественного числа *ластинятки* зафиксирована в островных ареалах в среднерусских и южнорусских говорах (московские, курские, орловские диалекты): *У ласточки ластинятка вывелся* (п. 669). *Птенцов у ласточки называли ластинятками* (п. 432).

Наименование *ластовинёнок* отмечено в говорах южнорусского наречия западной группы (брянские диалекты и псковские диалекты (юг)), форма множественного числа *ластовинята* зафиксирована также в говорах южнорусского наречия западной группы (брянские, псковские, смоленские диалекты), центральной группы (курские диалекты), восточной группы (воронежские диалекты): *Ластовинёнок выпал из гнезда* (п. 322). *У нас в сарае гнездо, там ластовинята уже выглядывают* (п. 537). *Ластовинята клювики открыли, есть просят* (п. 877). *У ласточки были ластовинята* (п. 696). *У нас в сарае гнездо, там ластовинята уже выглядывают* (п. 537). *Ластовинята клювики открыли, есть просят* (п. 877). *В гнезде сидят маленькие ластовинята* (п. 660). *У ласточки были ластовинята* (п. 696).

Лексемы *ластовчонок*, *ластовчата* характерны в основном для говоров южнорусского наречия восточной группы (воронежские диалекты) и донских говоров: *Детеныш ласточки — ластовчонок ведь* (п. 832). *В гнезде сидят маленькие ластовчата* (п. 941).

Слова *ластушонёнок*, *ластушенята* зафиксированы на территории северного наречия (вологодская группа) и среднерусских говоров (новгородские диалекты): *Видела раз, как ластушонёнок учился летать* (п. 61). *Вот, когда ластушенята подрастут немного, мать их будет летать учить* (п. 101).

Лексемы *ластыня*, *ластынята* широко представлены на территории южнорусского наречия (островные ареалы в курских говорах) и южнорусского говора (ростовские диалекты): *Ластыня — птенец ласточки* (п. 812). *Ластынята маленькие пищат* (п. 926).

Форма множественного числа *ластёнки* характерна для севернорусских говоров (Лен. обл.) и северного наречия (вологодская группа): *Смотри, ластёнки из гнезда высовываются* (п. 58).

Наименование *ласточонки* характерно для среднерусских говоров (говоры Башкирии) и говоров Среднего Поволжья (Респ. М.-Эл): *Ласточонки подрастают, и они улетают на юг* (п. 357).

Слово *ластивята* отмечено в южнорусских говорах (диалекты Рост. обл. и Краснодар. кр.); *ластутята* — в среднерусских говорах (нижегородские говоры). *Ластивята рты пораскроют — есть просят* (п. 919). *Ласточка кормит ластивят своих* (п. 966).

Наименование *ластушонки* зафиксировано в говорах северного наречия (говоры Удмуртии), севернорусских говорах (Лен. обл.), вятских говорах: *Ластушонки выглядывают из гнезда* (п. 60).

Таким образом, материалы к карте «ЛСЛ 288 Птенец ласточки (ед. и мн.)», собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров, более детально и в то же время обобщённо помогают представить особенность живой речи и восстановить историческое прошлое ареальных явлений. Территориальные признаки каждого из рассмотренных вариантов народных наименований птенца ласточки

оказываются весьма информативными для характеристики русских народных говоров.

Сокращения географических названий

Лен. обл. — Ленинградская область
Респ. М.-Эл — Республика Марий-Эл
Рост. обл. — Ростовская область
Краснод. кр. — Краснодарский край

The names for a swallow chick in the Russian dialects (linguogeographic aspect)

Tat'yana M. Malyhina

Lyudmila E. Pisareva

Alevtina V. Kuzmina

Kursk State University

The purpose of this article is to consider the options for the names of a swallow chick within the territory covered by the Russian language, to identify derivational differences in the names of a swallow chick in the Russian dialects. The data collected by researchers in the European part of Russia in contribution to the Lexical Atlas of Russian dialects were chosen as the material for observations.

Key words: mapping, lexeme, realia, Russian dialects.

Наречия и наречные выражения в говоре одного населенного пункта Орловской области

Валентина Ивановна Меркулова

Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева

В статье рассматривается адвербиальная лексика в одном говоре Орловской области. Анализируются семантика и особенности функционирования наречий и наречных выражений различных семантических групп: с пространственным и временным значением, наречия образа и способа действия, наречия меры и степени. Описываются фонетические варианты и словообразовательные эквиваленты литературных наречий и собственно диалектная лексика. Материал собран непосредственно автором статьи.

Ключевые слова: орловские говоры, диалектная адвербиальная лексика, семантические группы наречий.

Диалектная адвербиальная лексика в научной литературе описана не столь детально, как лексика других лексико-грамматических классов слов. Но, тем не менее, имеются серьезные исследования и отдельные статьи по изучению наречий в различных говорах. Следует прежде всего отметить докторскую диссертацию И. А. Попова «Наречие в русских народных говорах» [Попов 1983]. В работе освещаются вопросы формирования наречий в говорах, роль словообразования и вариантности в формировании наречий, рассматриваются основные лексико-семантические процессы, анализируются лексико-семантические группы наречий, рассматриваются другие вопросы. И. А. Попов дает обзор научной литературы (диссертационные исследования, статьи), посвященной изучению наречий в русских говорах.

В последнее время появляются работы по описанию наречий в отдельных говорах. В этих работах в основном рассматриваются лексико-семантические группы наречий. Среди исследований можно назвать кандидатские диссертации: Глущенко О. А. «Наречия образа действия в архангельских народных говорах: Семантический аспект» [Глущенко 2001], Первухина Е. В. «Наречие времени и пространства в архангельских народных говорах: Семантический аспект» [Первухина 2002], Бочкарева Е. В. «Наречие в донских говорах: лексико-семантический и структурный аспекты исследования» [Бочкарева 2008] и др.; статьи в научных сборниках: Гусева Е. Р., Калинина В. К. «Местоименные наречия в русских говорах Карелии и сопредельных областей» [Гусева, Калинина 2015], Бочкарева Е. В. «Донские наречия как источник этнокультурной информации (на материале говоров донского казачества)» [Бочкарева 2007] и др.

Что касается изучения наречий в орловских говорах, то можно отметить некоторые отдельные работы, посвященные наречиям. Это статьи Меркуловой Л. И. «Эквиваленты наречия *пешком* в орловских говорах» [Меркулова 2000] и три статьи, в которых рассматриваются наречия с временным значением: Гришановой В. Н. «Вербальное обозначение времени в одном из орловских говоров» [Гришанова 2010], Касьяновой Е. Н. «Наречия в орловских говорах, связанные с обозначением суточного времени» [Касьянова 2013а], «Наречия времени в орловских говорах, обозначающие последовательность дней» [Касьянова 2013б].

Фундаментального системного описания наречий в орловских говорах пока нет.

В настоящей статье мы остановимся на функционировании наречий и наречных выражений в одном говоре Орловской области — говоре поселка Красное Знамя (местное название — Александровка) Покровского района. Нами будет охарактеризована только диалектная лексика.

Прежде всего следует отметить тот факт, что большую часть адвербиальной лексики в исследуемом говоре составляют наречия с обстоятельственным значением.

Наречия, имеющие пространственное значение

Наречия, обозначающие место действия

К этой семантической группе относятся диалектные *здэся, та́ма, ту́та*, представляющие собой словообразовательные варианты, суффиксальные образования от литературных наречий *здесь, там, тут* (*Ты здэся ни стой, а то хто-нибудь дверь аткроить — зшыбётъ; Ани сразу послы вайны уехли нъ Данбас, щас тамъ жывутъ; Тутъ глубо́ка, ни купайси гляди!*). Наречие *где* выступает в фонетическом варианте *иде́*, практически вытеснившим литературное слово (*Иде была?; Иде ш ты карову нашла?; Иде я толька ни хадила*). Наречие *иде́* в данном говоре употребляется в двух значениях: 1) Как вопросительное ‘в каком месте; где?’ (*Иде ана жывётъ, у Маскве?*); 2) ‘В каком-нибудь месте, где-нибудь’ (*Иде какую адижонку найдёш — и носиш. Ничаво жэ не была*). Диалектное наречие *иде́* образует неопределенное наречие с суффиксом *-нибу́дь*: *иде́-нибу́дь* (*Нябось, аставилъ яво (кошелёк) иде-нибу́ть, ни найдёш туперя*). От наречий *где* и *иде́* образуются неопределенные наречия с суффиксом *-то*, при этом в основе наречия наблюдается наращение *-j-*: *гдэй-то, иде́й-то* (*Идей-тэ ты симяна узяла?*). Кроме того, от наречий *где* (лит.) и *иде́* (диал.) образуются наречные выражения с компонентом «зря»: *где зря, иде́ зря* — в значении ‘в любом месте, где придется, где попало’ (*Брасаить вилимашыну [велосипед.— В.М.] где зря, а патом сэбираить гайки. Иде зря насеткэ селэ яйцэ насижывтэ: у крапиве*). Данные наречные выражения зафиксированы в «Словаре орловских говоров», где указана и география данного населенного пункта; примеры записаны автором статьи (СОГ 4: 121).

Диалектными эквивалентами литературных наречий *против, напротив* являются: *прóти* и приставочные образования *напрóти; сýпроти/супроти́; пóпроти, напóпроти* (*Я сама слышала: ана напрóти сиделэ зэ сталом и гэварилэ пра ета; Бапкэ Симэ супраті жыла; Гляэжу, он прóти стаить и штой-тэ рэздаказывтэ ей*). Диалектное наречие *пóпроти-напóпроти* представляет собой лексе-

му, образованную способом повтора и выражает оттенок значения 'строгое, точно напротив' (*Ихня хатъ прям попрѣти-напопрѣти стаить*). Многие приведенные наречия из этой группы очень часто препозиционируются, употребляются как предлоги (*Мой дом как рас напро́ти мѣгазина; Стаить супра́ти мня*). Почти все эти наречия зафиксированы в «Словаре орловских говоров». Однако, например, наречие *супроти* отражено только с одним ударением и приводится география распространения только в двух населенных пунктах двух районов — Орловского и Новосильского (СОГ 14: 148). Судя по нашим записям, это наречие распространено значительно шире, в частности, в говоре д. Александровка (а также соседних населенных пунктов) Покровского района.

Литературное наречие *сзади* в говоре имеет словообразовательные диалектные эквиваленты *сза́ду, назаде́* и *назадѹ́* (*Ты зайдѣи када, сятъ иде-нибуть сзаду и сиди; Можыть, тутъ нзаде зборѣчки зделать? [шили кофту. — В. М.]; Иди приняси грабарку, там, у сараи нзаду найдѣи*). Наречие может употребляться как предлог (*Гуси вон, ззаду домъ сидятъ*).

Слово *кругом* в «Словаре русского языка» зафиксировано как наречие (в трех значениях) и как однозначный предлог (МАС 2: 137). В говоре употребляются наречия *кругалѣм* и *кругалѣя*, причем *кругалѣм* употребляется: 1) как наречие в значении 'вокруг, со всех сторон, везде' (*Вышли на астановки с автобуса — никакво, кругалѣм чистѣя поля*); 2) как предлог, выражающий пространственные отношения (*Сели кругалѣм стала, сидим абедвим*), а *кругалѣя* имеет только наречное значение: 'обходя стороной, описывая круг; кругом' (*Чирис поле дуюжъ грязна — кругалѣя идитя*).

Наречия, обозначающие направление совершения действия

Эти наречия в исследуемом говоре являются частотными и представляют собой словообразовательные, фонетические или фонетико-словообразовательные варианты литературных слов.

Так, наречиям *туда* и *сюда* в данном говоре соответствуют *туды́, сюды́/суды́*; наречия *оттуда, отсюда, отсюда* представлены в говоре следующими вариантами (соответственно): *оттэ́да, отсэ́да/отсэ́да, оттэ́дова, отсэ́дова/отсэ́дова* — фонетические варианты; *соттэ́да/соттэ́да, соттэ́дова; сотсэ́да/сотсэ́да, сотсэ́дова/сотсэ́дова* — фонетико-словообразовательные варианты (*Ты как придёш саттэ́да, прибяжы ка мне*). Наречие *куда* употребляется в диалектной речи в варианте *куды́* (*Куды ты прэсси?*). От наречий *куда, куды́* образуются неопределенные наречия с суффиксом *-то*, с наращением к основе согласного *-j-*: *куда́й-то, куды́й-то* (*Кудай-тэ апать Нинкэ пашла. Куды́й-тэ пэлажыль нозык — ни магу найти*). От наречия *куда* образуется наречное выражение *куда зря* в значении ‘в любое место, куда попало’ (*Каровы как начали зыкэть, бяжать куда зря*), которое зафиксировано в СОГ; пример автора статьи (СОГ 4: 121). Наречие *отсюда* имеет в говоре фонетический вариант *откэ́да*; от них, в свою очередь, образуются префиксальным способом наречия *соткэ́да, соткэ́да* (*Саткэ́дэ идёш?*), а затем суффиксальным способом образуются диалектные *соткэ́дова/соткэ́дова* (*Саткэ́дова он сабе жану-тэ привёс?*); от наречия *откэ́да* также способом суффиксации образуется *откэ́дова* (*Ты аткэ́дэвэ учарся так познэ ишла?*). Таким образом, литературная лексема *откуда* образует в говоре словообразовательное гнездо: *откуда* → *соткэ́да* → *соткэ́дова*; диалектное наречие *откэ́да* имеет аналогичное словообразовательное гнездо: *откэ́да* → *соткэ́да* → *соткэ́дова*.

Наречие *отсюда* в исследуемом говоре имеет следующие диалектные эквиваленты: *откэ́ль, откэ́ля; откэ́ль, откэ́ля; откэ́ль, откэ́ля* (*Аткэ́ля он узялси тута? Аткэ́ль идёш?*).

Аналогичные образования-варианты имеет наречие *туда*: в говоре употребляется наречие *туды́* гораздо чаще, чем литературное слово (*Туды надэ вады далить. Ты туды ни хадилэ ишиш?*). Наречие *оттуда* имеет словообразовательные эквиваленты и фонетические варианты: *оттэ́ль, оттэ́ля /*

оттэль, оттэля (*Яво быстръ аатуля турнули; Ты давно оттэль уехъл?*). Многие наречия отражены в СОГ. Наречие *сюда*, как мы отмечали выше, имеет эквиваленты *сюды́* и *суды́* (*Пади суды: спрасить у тебе хачу*). Наречие *отсюда* имеет диалектные эквиваленты: *отсэль/отсэля; отсэль/отсэля; отсүль/отсүля* (*Иди атсель, нэдаел ужэ!; Иде я была — атсэля ни видать*).

Наречия, обозначающие время совершения действия

Прежде всего, это наречия *тогда* и *когда*, которые в данном говоре имеют фонетические варианты, связанные с особенностями произношения фонемы [г]: в исследуемом говоре, как и во всех южнорусских говорах, заднеязычный [г] произносится как фрикативный [γ], который в интервокальном положении в речи носителей говора ослабляется и исчезает, и, таким образом, данные наречия — в акающем говоре — звучат: *тада́, када́* (*Тада усе беднь жылы; Када ш ана успе-ла?*). Кроме того, имеется фонетико-словообразовательный вариант наречия: *тады́* (*Тады дуюжъ хладно была, уи снех ляжал*). От наречия *когда* [*када́*] со значением времени в говоре при помощи суффикса *-то* образуются наречия с неопределенным значением, при этом появляется наращение *-j-*: (*Кадай-тэ ты хадилэ к ним?*).

Наречие *после* в исследуемом говоре употребляется в двух словообразовательных вариантах: *посля́* и *опосля́* (*Пасля рэскажу тебе, што я узнала; Я апасля приду — ищас некэда*). Данное наречие употребляется и как предлог (*Пасля дажда типерь грибы пайдуть; Апасля празникэ начнём картошки капать*).

Со значением времени употребляется в говоре просторечное *намédни* в значении 'недавно, на днях'. Данное наречие зафиксировано в «Словаре русского языка», в том же словаре дается диалектное *намédнись* (с пометой *Обл.*) — то же, что *намédни* (МАС 1: 370). В исследуемом говоре употребляется наречие *намédни* (в значении 'недавно') и его фонетический вариант *анамédни* (*Намедни куму встретилэ свою*

у мзгазини; Анамедни к ней брат ж жанною прияжжсал). Данные наречия зафиксированы в СОГ, но употребление **анамедни** в Покровском районе не отмечено словарем (СОГ 1: 43), а **намедни** отражено в словаре как употребляемое повсеместно, во всех районах области (СОГ 7: 42).

Литературное слово *вчера* в говоре постоянно употребляется с заменой фонемы [в] в начале слова на слоговое [у], что вообще характерно для говоров южновеликорусского наречия: **учерá**. Кроме того, наблюдается перемещение ударения: **учёра**. Зафиксированы также диалектные словообразовательные эквиваленты: **вчерáсь**, **вчерáся** и **учёрась** (*Вчерась Юркэ прияжжсал, памох мне картошки тьяптъ; Вчарася такой грат был!; Учёрэсь упалэ ды чуть ни убилэсь*). Наречие *позавчера* в говоре имеет варианты: **позавчёрá** (фонетический вариант с перемещением ударения) и словообразовательные эквиваленты: **позавчерáсь /позавчерáся; подучёрá/подучёрáсь** (*Позавчёрэ вечирэм агароды успахали; Пэдучёрэ маи усе пэухэли*).

Слово *завтра* в описываемом говоре имеет диалектные варианты **зáвтря** (фонетический диалектизм), **зáвтри** и **зáвтрева** (словообразовательные диалектизмы). При этом отмечаем, что наречие **зáвтря** употребляется в речи более пожилых носителей говора (*Завтря надэ агурцы абабрать, а то пирирастутъ*). Также: *Вот завтрива сэбирайси и пэжжсай за ней!*

Наречие литературного языка *сейчас* в говоре употребляется в виде вариантов **щá** и **щáс**. Как и слово литературного языка, оно является многозначным — в данном говоре употребляется в значениях: 1) ‘в данное время, в данный момент’ (*Щас ана стирайтъ*); 2) ‘в ближайшее время, скоро’ (*Щас аденусь, и пайдём*); 3) ‘в данный период времени, в настоящее время’ (*А щас жызынь какай-тэ нипанятнэя*). Зачастую можно услышать данное наречие с протетическим гласным [и] в произношении: **ищá** и **ищáс** (*Ищá, значитъ, пэдяжжсэйтъ машина, выхóдитъ из ней жэнышына, нэрижэнья, с сумкэй — и к нам. // Чаю налить? Ищас принясу*).

Интересны собственно диалектные наречия с временным значением *надьись* ‘совсем недавно, накануне’ и *лётось* ‘в прошлом году’ и их словообразовательные варианты *надьися* и *лётося* (*Надысь Кулачихъ прихадила денех занять // Надыся рой прилитель, сидел до-олгъ на яблѣнке, патом паднялси и улитель; Летъсь дюжъ многоъ грибов былъ у лесе // Летъся каровъ мая ни рѣстляллься — так и пришлоь зарезъть*).

Наречие *давеча*, которое зафиксировано в «Словаре русского языка» как просторечное в значении ‘немного времени тому назад, незадолго перед этим’ (МАС 1: 361), в исследуемом говоре употребляется только как *дávче*, т.е. с редукцией гласного в заударном слоге (*Давчи Маруськя прибягала, грабли узяла*).

Наречие *утром* в данном говоре представлено префиксально-суффиксальными вариантами *наутрэ* и *наутрjú*, а также наречным выражением, образованным из предложно-именной формы: *из утрá* (*Атец, слыши? — апятъ девкѣ нынчи нзутре пришла, усю ночь гуляла; Наутру лучишъ всяво рыбу лавить; Из утра ушол зѣ грибами, и нету шишо*). Судя по примерам, диалектные наречия означают не просто ‘утром’, а ‘рано утром, на рассвете’. Зафиксированное в говоре наречие *сранья* — префиксально-суффиксальное образование от литературного *рано* — употребляется в значении ‘рано утром’ (*Мать сранья ищѣ ушла свѣклу тьяпъть*), и, следовательно, является синонимом приведенным выше наречиям.

Литературное слово *спервá*, имеющее в литературном языке разговорный оттенок, в говоре имеет акцентологический вариант *спѣрва* (*Спервѣ ты иди, а патом тады — я*). Кроме того, употребляются диалектные словообразовательные эквиваленты: *спѣрвости* и *попѣрвости*. Причем, употребляются они в разных значениях: *спѣрвости* — ‘в первую очередь, сначала’ (*Спервѣсти картошки пратяпъть нада, а патом уш апахивъть*); *попѣрвости* — ‘в первое время, недолго’ (*Папервѣсти ана у свякровъи жыла, а патом свой дом атстроили*).

Наречие *тепéрь* в исследуемом говоре функционирует как лексико-фонетический вариант *тапéрь*, а еще чаще — как лексико-словообразовательные варианты *тепéря* и *тепéрича/тапéрича* (*Типеря хэрашо сталэ с прадуктэми: усё есть, усё купить можна. У-у-у! Типерича зэжывём! Таперича надэ за всё платить*).

Наречия образа и способа действия

Прежде всего следует сказать о наречии *пешком* и его «вариациях» в исследуемом говоре. Наречию *пешком* и его эквивалентам в орловских говорах посвящена статья Л. И. Меркуловой (Меркулова 2000: 224–229). В конкретном исследуемом говоре довольно активно используются многие эти наречия: *пéши/пéша*, *пешедра́лом*, *пешакóм*, *пешакá*, *пешо́й/пешо́ю*, *пёхом* (*Всю дарогу пешедралэм — ни адна машинэ ни дагнала; Доцк, ат бёльшака пяшой шла?; Так усé двинацэтэ киломитрэв пишака чапэли, умарилися*). Почти все эти наречия отражены в «Словаре орловских говоров» (СОГ 9: 94–95). Наречие *пёхом* в СОГ не зафиксировано.

Наречие *рысакóм* представляет собой словообразовательный эквивалент слова *рысью*, которое в «Словаре русского языка» зафиксировано в двух значениях: 1. Аллюром, средним между галопом и шагом. 2) Разг. Быстро, бегом (МАС 3: 746). В исследуемом говоре диалектное наречие *рысакóм* употребляется только в одном значении: ‘быстро, бегом’ и является частотным в речи (*Думэ́лэ ни успею на автобус, бяжалэ рысакóм усю дарогу. Давай дуй рысакóм к бапки, скажы, штоп пришла срочна!*).

В данной семантической группе, пожалуй, самым пространственным на Орловщине и, в том числе, в исследуемом говоре является наречное выражение *как зря́* в значении ‘очень плохо’ (*Юпкэ шишитэ как зря; Лесницу как зря смастярил: парошки далёкэ друх ат друга — ни залезили; Как зря нэписал*).

Наречное выражение *что зря́* употребляется в говоре с определительным значением, выступая в функции предиката: обозначает качественный признак ‘очень плохой’, причем, в очень широком значении — некрасивый, невкусный, плохо сделанный, плохо приготовленный — т.е. вообще ‘некачественный’ (*А хлеп привязли што зря; Мужык у ней што зря; Пальто што зря купила: ана тебе мала; Яблэки што зря — естэ нивазможна*).

Наречие *втихаря́х*, употребляющееся в говоре в значении ‘тайком, тайно, втайне, втихомолку’ (*Он деньги забрал втихарях и уехъл*), является эквивалентом слова *втихаря*, которое в «Словаре русского языка» дается с пометой *Груб. Прост.* в значении ‘втихомолку’ (МАС 1: 240).

Ирвако́м — данное наречие употребляется в значении ‘грубо, резко (делать что-либо)’ (*Ана усё ирваком, никада спакойнъ ни делзить*).

Наречие *молча* в современном русском языке имеет два значения: 1) ‘сохраняя молчание, ничего не говоря’; 2) перен. ‘не протестуя, безропотно’ (МАС 2: 294). В данном говоре с идентичными значениями употребляется его словообразовательный эквивалент *молчако́м*, образованный от литературного наречия при помощи суффикса *-ком* (*Ничаво ни сказал, ушол мълчаком; Папалъ я у чужую сямью, свякровь мне ни узлюбила. Так и пръжыла усю жызнь мълчаком, ни прикасловилъ никада*).

Собственно диалектное наречие *спрѡхвалá* многозначно — употребляется в значениях ‘не торопясь, не спеша, медленно (обычно как «неодобрительное»)’ (*Скоръ автобус, уи ттти пара, а ани събираютцъ спрѡхвала!; А мы идём сабе спрѡхвала*) и ‘без особого усердия, не торопясь, с прохладцей (делать что-либо)’ (*Сижу сабе, пѡтихоньку важуся, спрѡхвала. А што мне? Успею*).

Наскороту́ху ‘наспех, поспешно, наскоро’ (*А я зделъл нѡскѡратуху, а патом тада пириделъю палучшы*). Данное наречие в «Словаре орловских говоров» не зафиксировано.

В Ливенском районе (в одном населенном пункте) записано наречие *наскоря́х*, но оно имеет несколько иное значение — ‘с большой скоростью, быстро’ (*Бяги к Марушьки нэскарях, скажы, мать вилела*) (СОГ 7: 64).

Наречие *неза́потно* — фонетико-словообразовательный эквивалент литературного наречия *внезапно* (*Кабы этэ зната, вотки б зэкупили, а то он памёр-тэ низапотно*). Наречие отражено в СОГ как зафиксированное только в данном говоре, дается иллюстрирующий пример, записанный именно автором данной статьи (СОГ 7: 101).

Наречия меры и степени

Самым частотным по употребительности является наречие *дью́же* (реже — в данном говоре — его фонетический вариант *дью́же*) в значении ‘очень, исключительно’. Наречие широко распространено во всех орловских говорах. Употребляется оно при прилагательных или качественных наречиях, выражая степень усиления качественного признака: *дьюже красивый, дьюже лохматый, дьюже короткая* юбка, *дьюже хорошо* поёт, *дьюже холодно на улице* и т.п. Особенностью функционирования данного наречия в говоре является то, что оно, в отличие от литературного эквивалента *очень* ‘весьма, чрезвычайно, в сильной степени’ (МАС 2: 732), может выражать не только меру и степень проявления качества, употребляясь при прилагательных и наречиях, но и меру, степень «проявления» действия (*Ды надэ прагнать* [котёнка. — В. М.] — *дьюжэ рычить* [мурлычет. — В. М.]; *Пятух этэ дьюжэ дирётца; Я нынчи дьюжэ ни выпэлси*). Кроме того, оно употребляется с существительными, обозначая ‘усиление’ качественной характеристики человека, животного (*Ихний малгэй дьюжэ драчун; Мужык у ней дьюжэ пъяница; Пятух дьюжэ зббияка: налятаить на всех*).

Наречное выражение *как собака* очень широко распространено в говоре, имеет значение ‘очень, в большой мере, в значительной степени’. В литературном языке оно «в сочетании с некоторыми глаголами обозначает: совершенно, совсем, очень сильно» (МАС 4: 168) — в словаре иллюстри-

руется примером из рассказа А. П. Чехова «Медведь»: *Измучился, как собака, ночевал черт знает где*. Но в говоре, во-первых, значительно увеличивается количество глаголов, с которыми сочетается данное выражение: *замёрз как собака, уморился как собака, нажрался как собака, вымазался как собака* и т.п. (*Звгарел как сабака — чёрный увесь*) — в данном случае это сочетание выражает признак действия; во-вторых, оно очень широко употребляется с прилагательными, выражая степень проявления качества (качественного признака): *пьяный как собака, грязный как собака, лохматый как собака* и т.п. Интересно отметить, что это выражение употребляется, как правило, в постпозиции по отношению к определяемому слову. Оно передает негативную оценку.

Довольно часто в исследуемом говоре употребляется наречное выражение *кто знает как*. В его семантике наблюдается синкретизм — оно может выражать меру и степень проявления признака: ‘очень’ (*Тамаркэ нэризонья хто знает как пришла*); степень проявления действия: ‘очень сильно’ (*Мать ругалэ яво хто знает как*); образ действия: ‘хорошо, много и т.п.’ (*У-у-у, там плясала — хто знает как, там дробы била!*).

Наречное выражение *почём зря* имеет значение ‘очень сильно, очень много, очень долго и т.п.’ и называет степень интенсивности действия (*Ругаитэ её пачём зря!; Я гэварю яму: «Што ш ты деньги тратиш пачём зря?»*).

Наречия *враскату́ху* и *вдрободáн/вдребодáн* называют степень опьянения: ‘очень пьяный’. Следовательно, данные наречия являются фразеологически связанными и употребляются только в сочетании с прилагательным *пьяный*, которое в речи может опускаться (*Вчэрась апяць пьяный враскатуху пришол; Видалэ давчи Витьку: пьяный вдрибадан; Прихажу дамой, а он вдрэбадан*).

В говоре зафиксированы наречия *трóхи* и *трóшки* (вероятно, украинизмы), употребляющиеся в значениях: 1) ‘слегка, немного’ (*Пирипалэ трóхи ат матери*); 2) ‘немного, чуть-чуть’ (*Ды мы вытили трóшки*).

В значении меры и степени выступает в говоре наречное выражение *на отделеку*, которое обозначает ‘совсем, совершенно, в очень большой (сильной) степени’ (*Бывают дураки — кой-иде клаки* [клоки. — В. М.], *а этэт дурак на аделлеку!*).

Фактический материал, собранный автором данной статьи в говоре деревни Александровка Покровского района Орловской области, показал, что наречная лексика представлена в исследуемом говоре очень широко. Наиболее многочисленными оказались обстоятельственные наречия, и прежде всего обозначающие направление действия и место совершения действия. Зафиксированы наречия, являющиеся фонетическими вариантами и словообразовательными эквивалентами наречий литературного языка. Однако выявлено достаточно большое количество собственно диалектных слов, что представляет особую ценность материала. Следует отметить, что именно диалектные эквиваленты в говоре являются более употребительными, чем литературные слова.

Нельзя не согласиться с замечанием И. А. Попова: «Диалектные наречия в русских народных говорах представляют собой очень многочисленный, сложный, семантически многообразный класс слов и разного рода сочетаний» [Попов 1983: 48].

Литература

Бочкарева Е. В. Донские наречия как источник этнокультурной информации (на материале говоров донского казачества) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 386–392.

Бочкарева Е. В. Наречие в донских говорах: лексико-семантический и структурный аспекты исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 25 с.

Глуценко О. А. Наречия образа действия в архангельских народных говорах: Семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.

Гришанова В. Н. Вербальное обозначение времени в одном из орловских говоров // Слово, фразеологизм, текст в литературном

языке и говорах: сборник научных статей (Материалы Международной научно-практической конференции. Орел, 12–13 ноября 2010 г.). Орел: ОГУ, 2010. С. 27–30.

Гусева Е. Р., Калинина В. К. Местоименные наречия в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 165–171.

Касьянова Е. Н. Наречия в орловских говорах, связанные с обозначением суточного времени // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / СПб.: Нестор-История, 2013а. С. 236–243.

Касьянова Е. Н. Наречия времени в орловских говорах, обозначающие последовательность дней // Картина мира в языке, сознании, речи: Межвузовский сборник научных трудов. Орел, 2013б. С. 103–109.

Меркулова Л. И. Эквиваленты наречия *нешком* в орловских говорах // К 70-летию Тульского государственного университета. Роль языка и литературы в мировом сообществе. Международный сборник научных трудов: общие проблемы образования, языкознание, литературоведение, методика. Ч. I. Тула, 2000. С. 224–229.

Первухина Е. В. Наречие времени и пространства в архангельских народных говорах: Семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2002. 23 с.

Попов И. А. Наречие в русских народных говорах: автореф. дис. ... филол. наук / Л., 1983. 50 с.

Adverbs and adverbial expressions in the dialect of one settlement in the Orel region

Valentina I. Merkulova

Orel State University
named after I. S. Turgenev

The article discusses adverbial lexical units within a single microdialect in the Orel region. Semantics and structural peculiarities of adverbs and adverbial expressions are analyzed according to their semantic value with-

in the respective group: spacious and temporal adverbs, adverbs of manner, adverbs of measure and degree. Phonetic variants and derivational equivalents of the adverbs from Standard Russian as well as properly dialectal words are described. The data were collected by the author herself.

Key words: Orel dialects, dialectal adverbial lexical units, semantic groups of adverbs.

References

Bochkareva E. V. Donskie narechiya kak istochnik etnokul'turnoj informacii (na materiale govorov donsogo kazachestva) [Adverbs in the Don dialects as a source of ethnocultural information (based on the data from the Don cossack dialects)] // *Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations)] 2007. SPb.: Nauka, 2007. Pp. 386–392.

Bochkareva E. V. Narechie v donskih govorah: leksiko-semanticheskij i strukturnyj aspekty issledovaniya [Adverbs in the Don dialects: lexico-semantic and structural research aspects]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Volgograd, 2008. 25 p.

Glushchenko O. A. Narechiya obraza dejstviya v arhangel'skih narodnyh govorah: Semanticheskij aspekt [Adverbs of manner in the Arkhangelsk dialects: the semantic aspect]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2001. 24 p.

Grishanova V. N. Verbal'noe oboznachenie vremeni v odnom iz orlovskih govorov [Verbal means of expressing temporal semantics in one of the Orel dialects] // *Slovo, frazeologizm, tekst v literaturnom yazyke i govorah: sbornik nauchnyh statej (Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orel, 12–13 noyabrya 2010 g.)* [Word, set expression and text in standard language and dialects: a collection of articles (Materials of the International panel conference. Orel, november 12–13, 2010)]. Orel: OGU, 2010. Pp. 27–30.

Guseva E. R., Kalinina V. K. Mestoimennye narechiya v russkih govorah Karelii i sopredel'nyh oblastej [Pronominal adverbs in the Russian dialects of Karelia and neighbouring regions] // *Vtorye Gromovskie chteniya. Russkie narodnye govory: proshloe i nastoyashchee:*

sb. materialov i issled. vseros. nauch.-prakt. konf. Kostroma, 17–18 okt. 2014 g. [2nd Gromov readings. Russian dialects, their past and present: a collection of materials and investigations of the All-Russian panel conference. Kostroma, october 17–18, 2014] Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2015. Pp. 165–171.

Kas'yanova E. N. Narechiya v orlovskih govorah, svyazannye s oboznacheniem sutochnogo vremeni [Adverbs denoting time of day in the Orel dialects] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations)] 2013. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013a. Pp. 236–243.

Kas'yanova E. N. Narechiya vremeni v orlovskih govorah, oboznachayushchie posledovatel'nost' dnej [Temporal adverbials denoting sequence of days in the Orel dialects] // Kartina mira v yazyke, soznanii, rechi: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov [World view in language, cognition and speech] Orel, 2013b. Pp. 103–109.

Merkulova L. I. Ekvivalenty narechiya *peškom* v orlovskih govorah [Some equivalents for the adverb *peškom* in the Orel dialects] // K 70-letiyu Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Rol' yazyka i literatury v mirovom soobshchestve. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov: obshchie problemy obrazovaniya, yazykoznanie, literaturovedenie, metodika [On the 70th anniversary of Tula State University. The role of language and literature in the international community. An international collection of research articles]. Part I. Tula, 2000. Pp. 224–229.

Pervuhina E. V. Narechie vremeni i prostranstva v arhangel'skih narodnyh govorah: Semanticheskij aspekt [Temporal and spatial adverbs in the Archangelsk dialects: the semantic aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, M., 2002. 23 p.

Popov I. A. Narechie v russkih narodnyh govorah [Adverb in the Russian dialects]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. 1983. 50 p.

Метрологическая лексика в говорах Орловской области

Людмила Ивановна Меркулова

Татьяна Юрьевна Ставцева

Орловский государственный
университет им. И. С. Тургенева

Статья посвящена описанию тематической группы «Метрология» в диалектной лексике Орловской области: выделены семантические группы слов; отмечены семантико-словообразовательные особенности диалектных лексических единиц и их системные отношения; выявлены типы диалектных слов по соотносительности со словами литературного языка. Рассмотрены сложные отношения слов, обозначающих единицы измерения в говорах Орловской области, и метрологической лексики, официальной метрической системы по критерию «абсолютное количественное выражение измеряемого».

Ключевые слова: метрологическая лексика, диалектные наименования единиц измерения, орловские говоры.

Измерения являются одним из важнейших путей познания природы человеком. Они дают количественную характеристику окружающего мира, раскрывая перед человеком действующие в природе закономерности. В языковом сознании каждого народа существует пласт лексики, определяющей категорию «мера». В русской культуре существует официальная и народная метрология, которая находит отражение во всех разновидностях общенародного языка. Изучение метрической лексики в современном языкознании началось во второй половине XX в. Исследуются различные аспекты этой проблемы: зарождение и отражение в языке системы измерений, определение статуса категории меры в языке и другие.

В лексической системе говоров Орловской области также выделяются слова, называющие единицы измерения.

Понятие «мера» имеет логико-философскую основу и понимается как «категория, выражающая диалектическое единство качественных и количественных характеристик объекта» (ФЭС 1983: 359). «Мера» указывает предел, за которым изменение количества приводит к изменению качества объекта и наоборот. В языке данная категория репрезентируется посредством метрологических наименований, которые интегрируются в метрологические группы [Лебединская 2014: 26].

В современной науке различаются два термина: «метрическая лексика» и «метрологическая лексика». Понятие «метрическая лексика» связано с метрической системой измерения, которая определяется как 'система единиц физических величин, в основу которой положена единица длины — метр, послуживший также для образования основной единицы массы — килограмма', а другие единицы данной системы образуются по десятичному принципу (умножение или деление на 10 в нужной степени).

Метрическая система имеет долгую историю становления: начиная с середины XVII в. Лишь в 1795 г. Постановлением Национального Конвента Франции за основные единицы длины и веса были приняты метр и килограмм. В Российской Федерации использование единиц измерения в научных и официальных документах регламентируется Постановлением Правительства РФ от 31.10.2009 № 879 «Об утверждении положения о единицах величин, допускаемых к применению в Российской Федерации». Соответственно, разрешается использовать кратные и дольные единицы от основных единиц системы измерения, производных от них единиц и отдельных внесистемных единиц, величин, образованных с помощью десятичных множителей и приставок. Таким образом, говоря о метрической лексике, следует отметить ее ограниченный состав, который указан в Постановлении. Так, для длины эталонной единицей измерения служит метр, для массы — килограмм, для времени — секунда и т.д. Для измерения объема допускается применение такой

внесистемной единицы, как литр. Если необходимо употребить единицу измерения большей или меньшей величины, то следует к этим единицам измерения добавить приставку, применение которой также определяется правилами, закрепленными в данном документе, например: гига- (10^9), мега- (10^6), деци- (10^{-1}), санти- (10^{-2}) и др.

Данная современная система единиц измерения является официальной, до ее появления в славянских языках, в частности в русском, существовали иные единицы измерения, позволяющие измерять объем и массу сыпучих и жидких тел, длину и площадь.

Народная метрология привлекала внимание не только историков и археологов, но и лингвистов. Лексикологическое изучение данного явления предполагает исследование этимологии слов, анализ их семантики, выявлением синонимических и других отношений [Романова 1972: 7].

В лексикологии существует проблема терминологического обозначения слов, которые не соответствуют метрической системе и не соотносятся с ней (например, *горсть*, *лапоть*, *локоть* и др.). Такие слова трудно назвать терминами, так как они в большинстве своем полисемантичны. В XIX в. Д. И. Прозоровский называл такие единицы измерения объемно-примерными [Прозоровский 1888: 12], так как они не принадлежат ни к одному отделу метрологии, однако он указывал на невозможность исключить их из изучения, потому что эти народные единицы упоминаются в правительственных актах наравне с торговыми, рыночными единицами. К тому же для взимания пошлин данные единицы измерения признавались как самостоятельные единицы.

И. Г. Добродомов предлагает различать «метрологическую лексику» и «слова, функционирующие как названия каких-то единиц измерения и употребляющиеся в отдельных ситуациях: *стакан*, *кружка*, *пляшка*, *голова* (сахару), *шматок*, *чувал* и т.п.» [Добродомов 1969: 326]. В филологической науке существуют и другие обозначения данного пласта лексики. Так, Н. В. Жуковская обозначает подобные

слова как «языковые единицы со значением определенной меры» [Жуковская 2004: 29].

Изучение данной тематической группы позволило выявить основные закономерности развития и функционирования метрологической лексики в истории русского языка; аналогичные закономерности наблюдаются и в диалектной лексике: линейные меры выступают основой для образования других мер, в частности мер площади; единицы измерения объема тесно связаны с мерами веса, которые довольно часто объясняются посредством мер объема; мера бралась из природы (антропометрические меры); каждая мера должна иметь свой образец (эталон).

Таким образом, мера является логико-философской категорией, которая представлена в русском языке и метрологическими наименованиями.

При описании лексики, обозначающей единицы измерения в Орловских говорах, мы называем данный пласт лексики метрологической лексикой, понимая под метрологией науку об измерениях, методах и средствах обеспечения их единства и способах достижения требуемой точности. При этом мы обращаемся к метрической лексике, куда относим официальные единицы измерения, которые включены в метрическую систему единиц измерения. Обращение к данной лексике необходимо для того, чтобы соотнести метрологическую диалектную лексику с метрической лексикой, выявив особенности этого пласта диалектной лексики.

Материалом для нашего исследования послужили: 17 выпусков «Словаря орловских говоров» (СОГ), картотека СОГ, а также личные записи автора [М. Л.]. Наша картотека насчитывает 34 лексические единицы.

Единицы измерения являются фрагментом лексики, называющей величины, принятые в экстралингвистической реальности. Они, в свою очередь, представлены группами лексем, которые называют единицы измерения длины, массы и объема. В соответствии с этим в тематической группе «Метрологическая лексика» в орловских говорах мы выделили

три лексико-семантические группы (ЛСГ): «Единицы измерения длины», «Единицы измерения веса», «Единицы измерения объема».

Определим системные характеристики данных ЛСГ, проанализировав семную структуру значений данных слов.

Семантическая группа «Единицы измерения длины» представлена 12 лексемами (включая акцентологические варианты), что составляет 33% от всего собранного материала: *двухметровка*, *ла́поть*, *ло́коть*, *мах*, *метрáчка*, *метрóвка*, *метрóвочка*, *са́жень* / *сажéнь*, *са́жня* / *сажнѝя*, *стенá*, *стѣнка*, *столб*.

Интегральными семами для слов этой группы выступают семы 'единица измерения', 'длина'. Данные семы не всегда названы в семной структуре именно так, что подтверждается содержанием словарных статей. Семная структура лексем семантической группы «Единицы измерения длины» представлена в таблице:

Лексемы	Лексическое значение слова в СОГ	Семная структура	
		Интегральная сема	Дифференциальная сема
<i>двухметровка</i>	«мерка для количества земли; сажень»	'единица измерения', 'длина'	'сажень'
<i>са́жень</i> / <i>сажéнь</i> , <i>са́жня</i> / <i>сажнѝя</i>	«русская мера длины, равная приблизительно 2 метрам»		'приблизительно', '2 метра'
<i>ла́поть</i>	«единица измерения длины, равная примерно длине ладти»		'приблизительно', 'длина ладти'
<i>ло́коть</i>	«мера длины, равная приблизительно расстоянию от локтевого сгиба до конца среднего пальца (0,5 метра)»		'приблизительно', 'расстояние от локтевого сгиба до конца среднего пальца', '0,5 м'

Лексемы	Лексическое значение слова в СОГ	Семная структура	
		Интегральная сема	Дифференциальная сема
<i>мах</i>	«мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев раскинутых рук»	‘единица измерения’, ‘длина’	‘расстояние между концами средних пальцев раскинутых рук’
<i>метрáчка,</i> <i>метрóвка,</i> <i>метрóвочка</i>	«мера длины, равная ста сантиметрам; метр»		‘равная’, ‘сто сантиметров’, ‘метр’
<i>стенá,</i> <i>стéнка</i>	«мера длины холста, равная длине стены деревенской избы»		‘холст’, ‘равная длине стены деревенской избы’
<i>столб</i>	«мера длины (какая?)»		–

Как следует из таблицы, только три слова (*метрáчка*, *метрóвка*, *метрóвочка*) называют точную единицу измерения, которая соотносится с официальной метрической системой — *метр*. Их точность определяется наличием в семной структуре дифференциальной семы ‘равная’. Данные слова являются производными от слова *метр*.

Лексемы *лапóть*, *лóкóть*, *двухметрóвка*, *сáжeнь* / *сaжéнь*, *сáжня* / *сaжня* имеют дифференциальный признак ‘приблизительность’, что указывает на неточность в данной единице измерения. Приблизительными, хотя указание на это отсутствует в структуре значения, являются также такие меры, как *мах*, *стенá* и *стéнка*. Приблизительность данных единиц измерения объясняется экстралингвистической причиной: предмет, часть тела, относительное расстояние, которые используются как мерка (лапоть, локоть, стенка, расстояние между руками) являются примерными, так как в реальной действительности имеют разные размеры, зависящие от строения тела конкретного человека: длина руки, размер ноги, протяженность стены.

Мера *столб* в «Словаре орловских говоров» определяется как мера длины, но при этом не указывается, какая именно. Однако в других исследовательских работах мы обнаружили, что *столб* — «единица измерения холста или пряжи, равная двум метрам» [Лебединская 2014: 154], причем данное значение отмечено в севернорусских, уральских и сибирских говорах. У носителей орловских говоров не удалось выяснить точное значение данного слова. Мы можем предположить связь диалектного наименования единицы измерения длины (а точнее расстояния) со значением слова *столб* в сочетании *верстовой столб*, т.е. как бы 'отсчитывающий расстояние, вёрсты'.

Лексемы *ла́поть*, *ло́коть* и *мах* являются антропометрическими по происхождению, так как для их измерения требуется использовать ту или иную часть тела измеряющего: локоть, руки (которые при определении длины необходимо развести). Что касается единицы измерения *ла́поть*, то здесь имеется в виду длина стопы, размер ноги. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается, что одной из версий происхождения слова *лапоть* является связь с «лапой» — ногой (Фасмер 2: 352). Кроме того, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *ла́поть* представлено в словарной статье *ла́па* (Даль, 9-е изд., 2: 236–237).

Если для обозначения единиц измерения длины в официальной метрической лексике используется слово *метр*, а все остальные единицы с ним соотносятся, то в диалектной лексике мы не обнаруживаем такой «эталонной» единицы измерения. Для лексического значения наименований диалектных единиц измерения характерна приблизительность, связанная с отсутствием точного образца: части тела разных людей имеют приблизительно одинаковую длину.

Таким образом, в семантической группе «Единицы измерения длины» единственно точными единицами являются слова *двухметровка*, *метрочка*, *метровка* и *метрочка*, которые, совершенно очевидно, появились в говорах под воздействием литературного языка и вошли в него не ранее

принятия метрической системы измерения. Следовательно, в орловских говорах нет собственной единицы измерения, соотносимой с официальным метром.

В семантическую группу «Единицы измерения объема» входит 17 лексических единиц (включая фонетические варианты), что составляет 52% от всего состава тематической группы. Под мерами объема нами понимаются количества, которые определяются мерами для сыпучих и жидких тел. Семная структура лексем семантической группы «Единицы измерения объема» представлена в таблице:

Лексемы	Лексическое значение слова в СОГ	Семная структура	
		Интегральная сема	Дифференциальная сема
<i>літра</i>	«мера ёмкости, равная 1000 кубических сантиметров; литр; количество жидкости такого объёма»	‘мера ёмкости’	‘равная’, ‘литр’
<i>лукно́</i>	«мера ёмкости»		—
<i>ме́ра, ме́рка</i>	«единица измерения объёма для сыпучих тел (зерна, картофеля и др.), равная приблизительно 2 вёдрам»		‘приблизительно’, ‘2 ведра’
<i>осьмі́на,</i>	1. «единица ёмкости, равная четырём мерам (или восьми вёдрам)»; 2. единица ёмкости, равная восьми мерам (шестнадцать вёдрам)		1. ‘равная’, ‘четыре меры’, ‘восемь ведер’; 2. ‘равная’, ‘восемь мер’, ‘шестнадцать ведер’
<i>осьмі́ха</i>	«единица ёмкости, равная четырём мерам (или восьми вёдрам)»		‘равная’, ‘четыре меры’, ‘восемь ведер’
<i>осмі́шка</i>	1. «единица ёмкости (какая?)» 2. «единица ёмкости, равная четырём мерам (или восьми вёдрам)»		1. — 2. ‘равная’, ‘четыре меры’, ‘восемь ведер’
<i>осьмі́нник, осмі́нник</i>	«единица измерения зерна, равная восьми вёдрам»		‘равная’, ‘восемь ведер’
<i>полме́рка</i>	«единица измерения объёма для сыпучих тел (зерна, картофеля и др.), равная приблизительно ведру»		‘приблизительно’, ‘ведро’

Лексемы	Лексическое значение слова в СОГ	Семная структура	
		Интегральная сема	Дифференциальная сема
<i>горсть</i>	«мера сыпучих тел — льна, конопли и подоб., равная количеству чего-л., захватываемому ладонью со сжатыми пальцами»	‘мера емкости’	‘количество чего-л.’, ‘захватываемое ладонью со сжатыми пальцами’
<i>жмёня, жмёнъка</i>	«количество чего-л., захватываемое ладонью со сжатыми пальцами»		‘количество чего-л.’, ‘захватываемое ладонью со сжатыми пальцами’
<i>пригóрьш, пригóръшица</i>	«количество чего-л., вмещающегося в ладони (ладонь), сложенные таким образом; пригоршня»		‘количество чего-л.’, ‘вмещающееся в ладони’, ‘пригоршня’
<i>рúчка</i>	«количество чего-л., обхватываемое ладонью»		‘количество чего-л.’, ‘обхватываемое ладонью’
<i>тíпочка</i>	«количество чего-либо, захватываемое ладонью со сжатыми пальцами; горсть»		‘количество чего-л.’, ‘захватываемое ладонью со сжатыми пальцами’, ‘горсть’

Как и в единицах измерения длины, в данной семантической группе имеется слово, которое соотносится с официальной (хотя и внесистемной) единицей измерения — *литром*. Это диалектное слово *лiтра*, которое, как видно по фонетической оболочке и графическому оформлению, является результатом морфологического преобразования литературного слова. Следовательно, данное слово тоже попало в говоры из литературного языка, а собственной единицы измерения, обозначающей литр, в говорах нет.

Лексемы *горсть*, *жмёня*, *жмёнъка*, *пригóрьш*, *пригóръшица*, *рúчка*, *тíпочка* по происхождению являются антропометрическими и восходят к древнему способу измерения. Соответственно, они тоже являются приблизительными. Слова *осьмýха*, *осьмýшка*, *осьмiнник*, *осьмiнник*, несмотря на их общее происхождение от числительного *восемь*, имеют отличия в семантике, обозначая либо ‘четыре меры’, либо ‘восемь мер’. Определенный интерес представляет лексема *осьмiна*, которая имеет два несоотносимых значения: 1. ‘еди-

ница ёмкости, равная четырём мерам (или восьми вёдрам)»; 2. 'единица ёмкости, равная восьми мерам (шестнадцати вёдрам)'. Таким образом, при использовании данного слова в речи носителей говора может создаться путаница, а для понимания потребуется уточнение.

Лексемы *горсть*, *жмёня*, *жмёнъка*, *прибо́ршь*, *прибо́рищица* находятся в говорах Орловской области в синонимических отношениях: они представлены в «Словаре орловских говоров» как абсолютные синонимы, при этом отсутствует указание на особенности их функционирования.

Проанализировав данную семантическую группу, можно отметить, что среди единиц измерения объема нет «эталонной», через которую можно давать определения каждой единицы. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в значении лексем *ме́ра*, *ме́рка*, *осьми́на*, *полме́рка* присутствует указание на то, что данные единицы измерения по-разному соотносятся в объеме с *ведром*: именно это слово присутствует в иллюстративных текстах: *Асьмина — этъ восим мер, шыснатцѣтъ вѣдер* (СОГ). Однако слово *ведро́* не включено в орловский региональный словарь, что делает толкования приведенных выше лексем не вполне понятными: невозможно определить, каков же объем называют эти единицы измерения. В «Словаре русского языка» приводятся следующие значения лексической единицы *ведро*: 1. 'сосуд, обычно цилиндрической формы, с дугообразной ручкой для ношения и хранения воды и других жидкостей'; 2. 'русская мера жидкостей, равная $\frac{1}{40}$ бочки (около 12 л), применявшаяся до введения метрической системы' (МАС 2: 145). Следовательно, в словник необходимо было внести словарную статью с лексемой *ведро́* или же конкретизировать значение этого слова в дефинициях каждой из диалектных лексем — единиц измерения объема.

Семантическая группа «Единицы измерения веса» является в орловских говорах самой малочисленной: в нее входит пять лексических единиц (включая фонетические варианты),

что составляет 15% от всего материала. Семная структура лексем семантической группы «Единицы измерения веса» представлена в таблице:

Лексемы	Лексическое значение слова	Семная структура	
		Интегральная сема	Дифференциальная сема
<i>га́рец, га́рчик</i>	«мера сыпучих тел, равная приблизительно 4 кг; гарнец»	‘единица измерения’, ‘вес’	‘приблизительно’, ‘4 кг’, ‘гарнец’
<i>пѹнтѹк</i>	«мера веса чуть больше 200 г»		‘чуть больше’, ‘200 г’
<i>осевáлок</i>	«мера для определения количества зерна, предназначенного для сева»		‘количество зерна’, ‘предназначенное для сева’
<i>тилогра́мм, тилигра́мм</i>	«единица веса (в десятичной системе мер); килограмм»		‘в десятичной системе мер’, ‘килограмм’

Таким образом, в семантической группе «Единицы измерения веса» только одно слово соотносится с метрической системой измерений — *тилогра́мм* (и фонетический вариант *тилигра́мм*), которое является фонетическим вариантом литературного слова *килограмм*. В говорах нет собственно-го слова, которое называло бы такой эталон измерения веса (массы), как килограмм.

Га́рец и *пѹнтѹк* обозначают приблизительную меру, причем из значения неясно, какая мера для них служит «точной отсчета», эталоном.

Очевидно, слово *пѹнтѹк* является лексико-фонетическим вариантом литературного слова *фунт* (значение: 409 г), возникшего в говорах вследствие отсутствия фонемы [ф], а *пѹнтѹк*, который в говорах обозначает вес ‘чуть больше 200 г’, соответственно, по весу является «маленьким фунтом» (на что указывает уменьшительный суффикс *-ик* в словообразовательной структуре диалектного слова).

Особенностью семантической структуры некоторых лек-

сических единиц исследуемой тематической группы является то, что у полисемантического слова, как правило, при лексико-семантическом варианте со значением единицы измерения, часто обнаруживается лексико-семантический вариант, обозначающий посуду или инструмент, необходимый для измерения длины, объема или веса. О данной тенденции пишет В. Н. Прохорова, называя это типичным явлением в метрологической лексике — метонимическим переносом по типу «название посуды (вместилищ) — названия количества продукта во вместилищах, единицы количества, емкости» [Прохорова 1996: 116].

В говорах Орловской области такими лексемами являются: *гáрец* 1. ‘мера сыпучих тел, равная приблизительно 4 кг; гарнец’; 2. ‘деревянная или железная посуда вместимостью в один гарнец’; *жмёня* 1. ‘ладонь и пальцы рук, сложенные так, чтобы ими можно было что-н. зачерпнуть, взять; горсть’; 2. ‘количество чего-л., захватываемое ладонью со сжатыми пальцами’; *лукно* 1. ‘деревянная посуда (какая?)’; 2. ‘мера ёмкости’; *осевáлок* 1. ‘лукошко для зерна, которое сеяли вручную’; 2. ‘мера для определения количества зерна, предназначенного для сева’, и некоторые другие лексемы.

Таким образом, анализ слов, обозначающих единицы измерения в говорах Орловской области, позволил выявить следующие особенности: 1) как и предполагает системный подход к изучению лексики, рассматриваемые единицы находятся в различных системных отношениях, имеют интегральные семы, позволяющие объединить слова в семантические группы; 2) в тематическую группу «Метрологическая лексика» в орловских говорах входят три семантические группы: «Единицы измерения длины»; «Единицы измерения объема» и «Единицы измерения веса»; 3) для большинства единиц измерения характерна приблизительность, что объясняется отсутствием в говорах собственной эталонной единицы измерения и разной количественной характеристикой предметов, которыми измеряют; 4) основным видом метонимического переноса является перенос «названия посуды (вместилищ) —

названия количества продукта во вместилищах, единицы количества, емкости».

Диалектные наименования единиц измерения тем или иным образом соотносятся с литературными. По соотнесенности с литературными названиями в исследуемой тематической группе можно выделить разные типы диалектных слов.

Группа **собственно лексических диалектизмов**, т.е. не имеющих лексических эквивалентов в литературном языке (для обозначения этих единиц измерения в литературном языке употребляются слова с иной непроизводной основой), наиболее многочисленна — в нее входит 14 лексических единиц: *двухметровка* ‘мерка для количества земли; сажень’ (*Вазьми двухметровку и иди у поле*); *жмёня* ‘количество чего-л., захватываемое ладонью со сжатыми пальцами’ (*Муки жмени три сыпни*); *жмёнька* ‘ласк. То же, что *жмёня* 2’ (*Дочк, на жменьку семечек. Нѣбирѣм пять-шесть жменек ды у сноп их*); *лукно* ‘мера ёмкости’ (*Надѣ бы лукном авѣс-тѣ памерить. Вон пѣсулил авса на конь па два лукна*); *метрачка* ‘мера длины, равная ста сантиметрам; метр’ (*Взила мне Надя нѣ рубаху две метрачки драмки с палучки, дапреж в замашных хадчили*); *обшёр* ‘величина чего-л. в каком-л. измерении; размер’ (*Измиряють апишёр даски, размер значить*); *осевáлок* ‘мера для определения количества зерна, предназначенного для сева’ (*Зарас я два асевалкѣ у поле узьял*); *осьмина* 1. ‘восьмая часть площади, объёма, веса’ (*Асьмину агародѣ мы зсадили картохѣми*). 2. ‘единица ёмкости, равная четырём мерам (или восьми вёдрам)’ (*У асьмине четыре мерки была; также: Из асьмины (четыре мерки) выхадилѣ вѣдро маслѣ и три жмыха. Принѣс цѣлю асьмину ирѣжы — чѣтыре мерки. Асьмина — пять пудов пшыницы*); 3. ‘единица ёмкости, равная восьми метрам (шестнадцати вёдрам)’ (*Асьмину нѣмзлатила — восемь мерѣк, а ни пудов, пѣтаму штѣ мерили зирно мерками. Асьмина — этѣ восим мер, шыснатцѣть вѣдер*); 4. ‘мера земельной площади, равная шестнадцати соткам’ (*Асьмина, пѣ-нынишнѣму шыснатцѣть сотѣк*); *осьминник* / *осминник* 1. ‘восьмая часть

какого-л. веса' (*Асьминник ат пуда — этъ пять хунтѡв*); 2. 'мера земельной площади, равнявшаяся приблизительно ¼ гектара или десятины' (*Чятыри асьминника — дисятина. Асьминник — этъ ¼ га. // Асминник — четверть дисятины. Зямли у мене был адин асминник*); 5. 'единица измерения зерна, равная восьми вёдрам' (*Зѡ работу тады пълучали два асьминникѡ ржы. // Зирна-тѡ асталѡсь пять асминникѡв*); **осьмуха** 1. 'то же, что **осьміна** 1' (*Рибятишки нарвали асьмуху ягѡт (восьмую часть ведра) и усѡ паели*); **осьмушка** 1. 'единица ёмкости (какая?)' (*Тада прѡдавали мерѡчки такие, казна выдавала: мерка, палмерки, асьмушка, а то гарнец. Палмерка, асьмушка, гарчик — эт вроди карца*); 2. 'то же, что **осьміна** 1' (*Батюшкѡ за абедѡм дилил хлеп нѡ асьмушки. Дастъ асьмушку хлеба, зѡхавали у карман, патом сйидалиш*); **полмерка** 1. 'единица измерения объёма для сыпучих тел (зерна, картофеля и др.), равная приблизительно ведру' (*Купилѡ у сасетки палмерки агурсѡв*); 2. 'ёмкость, служащая меркой для сыпучих тел (зерна, картофеля и др.), вмещающая приблизительно ведро' (*Тада прѡдавали мерѡчки таки: мерка, палмерки, асьмушка. Палмерками мы измиряли*); **сажэнь** / **сажэнь** 1. 'русская мера длины, равная приблизительно двум метрам' (*Сажэнь — два метра. // Сажэнь — этѡ длина, примернѡ 2,19 метра. Агарот был два сажэня в шырину и читьри — в длину*); 2. 'поверхность, площадь, равная этой мере' (*Мне атмерили дватцѡть два сажэня свѣклы. Памещику и аднаво-тѡ сажэня зимли жалкѡ для кристьянина. // При памещику у миня зимли былѡ всиво адин сажэнь*); **типѡчка** 'количество чего-либо, захватываемое ладонью со сжатыми пальцами; горсть' (*Замашки па типѡчке нѡбирѡм и снисѡм ей, штоп нас у свой дом пустила*).

В следующую группу — **лексико-фонетических диалектизмов** — входят диалектные слова, которые отличаются от литературных определенными особенностями звукового облика, не зависящими от различий в фонетической системе говора и литературной речи. Данную группу составляют две лексические единицы:

пўнтик ‘мера веса чуть больше 200 г’ (*Купилъ пунтик сахъру*); **тилограмм** / **тилиграмм** ‘единица веса (в десятичной системе мер); килограмм’ (*Купилъ тилаграм сахъру // Пять тилиграм кателък из горъдъ привизла*) — диалектизмы отличаются от литературных слов (соответственно) качеством согласного звука, ср.: *фунтик*; качеством согласного звука и качеством согласного и гласного звуков одновременно, ср.: *килограмм*).

Лексико-словообразовательные диалектизмы представляют собой слова, синонимами которых в литературном языке являются однокорневые образования, отличающиеся словообразовательной структурой. В нашем материале это диалектизмы, которые отличаются от литературных эквивалентов суффиксами. Количество таких лексем составляет шесть единиц:

гáрЕЦ устар. 1. ‘мера сыпучих тел, равная приблизительно 4 кг; гарнец’ (*Гарец — четверть мерки. Чатыри четверти — мерка. Мельнику зъ работу гарец муки давали*); **гáрЧИК** 1. ‘Ум. к *гáрец* 1’ (*За гарчик и хадилли на работу*); **метрÓВка** и **метрóвочКа** ‘то же, что **метрАЧКа** (*Цъльз митровкъ ушла на кохту // И што ш я, дура: мне и узять ищцо мятровъчки две, а боим бы на платью вышла // Взила мне Надя две митрачки дранки нъ рубаху*); **пригóршь** 2. ‘количество чего-л., вмещающегося в ладони (ладонь), сложенные таким образом; пригоршня’ (*Сытим пригоршы муки, размяшам, абливаим варъм*); **пригóриИЦа** ‘то же, что **пригóршь** 2’ (*Дай ему пригоршыцы кънапец, пусть пъ-кльоётца*) — отличаются от литературных слов суффиксами, а также их наличием или отсутствием у диалектного слова в сравнении с литературным, ср. соответственно: *гарНЕЦ*; *метр*; *пригоршНя*.

Лексико-семантические диалектизмы включают в себя слова общенародного характера, имеющие в говорах особое значение, несвойственное им в литературном языке. Данная группа насчитывает 10 лексических единиц:

гóрсть ‘мера сыпучих тел — льна, конопли и подоб., равная количеству чего-л., захватываемому ладонью со сжатыми пальцами’ (*Я и так уж две горсти знила у сасетки. Сиводни намалял сорбк гарстей*) — ср. в литературном языке: **горсть** 1. ‘ладонь и пальцы, сложенные так, чтобы ими можно было что-н. зачерпнуть, взять’; 2. ‘количество чего-н., помещающееся в руке, сложенной таким образом’; **ла́потъ** ‘устар. Единица измерения длины, равная примерно длине лаптя’ (*Щас лаптями уи и ни мерюють. Этъ у стърину. Ат крайний мижсы три лаптя и атмерили. Мать ситиц лаптями мерила*) — ср. в литературном языке: **лапотъ** ‘плетеная обувь из лыка, охватывающая только ступню ноги’; **ло́котъ** ‘устар. 1. мера длины, равная приблизительно расстоянию от локтевого сгиба до конца среднего пальца (0,5 метра)’ (*Мерили халстину ни нъ митра, ни на аршын, а на локътъ. Халстинъ 40 лакот — этъ длиннъя халстина. Здравый мужык — йиему нъ паркы чытыри лактя нада. В стенке семь лакот*) — ср. в литературном языке: **локотъ** ‘1. Место сгиба руки, где соединяется плечевая кость с костями предплечья (лучевой и локтевой); 2. Часть рукава одежды, облегающая это место’; **мах** ‘мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев раскинутых рук’ (*Капна — два махъ с пълавиной*) — ср. в литературном языке: **мах** ‘разг. 1. Один оборот (напр., колеса у машины), один взмах; **мѣра** ‘1. (обычно сочетается с числит. 5, 6, 7...) То же, что **мѣрка** 1’ (*В этъм гаду картошки нарыли 70 мер. Зъливали вадой яблѣкы, соли туды мала: адин стаканчик на 6 мер*) — ср. в литературном языке: **мера** ‘1. Единица измерения; 2. Предел, в к-ром осуществляется, проявляется что-н.’; **мѣрка** ‘1. Единица измерения объёма для сыпучих тел (зерна, картофеля и др.), равная приблизительно 2 вѣдрам’ (*Картох нъ симина мерѣк триццѣтъ нада. С этѣй яблѣнѣкы мерѣк шѣсть яблѣк съмаим. Набрали мерѣку клубники. Атицу выдѣли мерѣку зирна*) — ср. в литературном языке: **мерка** ‘1. Определенный размер; 2. Предмет, служащий мерою при измерении че-

го-н.>'; *ручка* '1. Количество чего-л., обхватываемое ладонью' (*Нарви-ка ручку адуванчикъв, поставим у воду*) — ср. в литературном языке: *ручка* '1. Уменьш.-ласк. к *рука*; *стенá* 'мера длины холста, равная длине стены деревенской избы' (*Нончи за зиму выткълъ нимногъ ни мала, а дватцѣтъ две стины*) — ср. в литературном языке: *стена* '1. Вертикальная часть здания, помещения; 2. Высокая ограда'; *стѣнка* 'То же, что *стенá*' (*Настелки ткали, настенники, а измиряли стѣнкѣй. Стѣнки разны бываютъ: ат аднава метра ды пяти. Этъ ат хаты зависить*) — ср. в литературном языке: *стенка* '1. То же, что стена; 2. Оболочка, боковая сторона какого-н. вместилища'; *столб* 'мера длины (какая?)' (*Пять-шѣсть сталбов хадили*) — ср. в литературном языке: *столб* '1. Бревно, толстый брус, укрепленный стоймя; 2. О чем-н. имеющем вертикально-удлиненную форму'.

Группа **лексико-грамматических диалектизмов** является самой малочисленной: в нее входят две лексические единицы. Данная группа представлена диалектизмами, которые отличаются от соответствующих им литературных слов грамматическими особенностями:

лѣтра, -ы, женского рода '1. мера ёмкости, равная 1000 кубических сантиметров; литр; количество жидкости такого объёма' (*Литра — этъ литр, меръ измирения. А то ушшытал: там литра мѣлака пирашила! Литрѣ вады*) — ср. в литературном языке: *литр*, -а, мужского рода); *сáжнѣя* / *сажнѣя* -и, женского рода; '1. То же, что *сáжѣнь* 1 (*Адна сажнѣя — этъ 2,13 м*); 2. То же, что *сáжѣнь* 2 (*Адну сажнѣю свиклы посеили нынчи. // Адну сáжнѣю атмерили нам*) — ср. в литературном языке: *сажень*, -я, мужского рода.

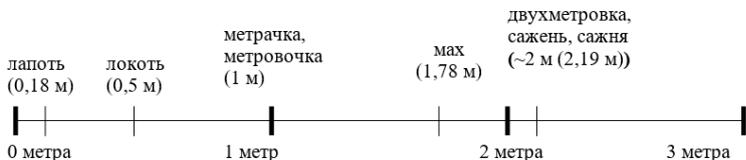
Таким образом, по соотнесенности со словами литературного языка мы выделили собственно лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные, лексико-семантические и лексико-грамматические диалектизмы. Наиболее объемные группы образуют собственно лексические и лексико-семантические типы диалектных слов, а самыми малочисленными оказались группы лексико-грамматических,

лексико-фонетических и лексико-словообразовательных диалектизмов. Вероятно, это обусловлено тем, что носители говоров хотя и используют особые речевые единицы для обозначения единиц метрологической системы, но всё же ориентируются на литературный язык.

Определенный интерес представляет рассмотрение соотношения метрологической лексики в русском языке в соответствии с официальной метрической системой и слов, обозначающих единицы измерения в говорах Орловской области, по абсолютному количественному выражению измеряемого.

В связи с тем, что в «Словаре орловских говоров» не зафиксировано названий «эталонных» единиц измерения (что вполне объяснимо: СОГ — словарь дифференциального типа, в нем нет литературных лексических единиц, через которые можно было бы толковать лексемы тематической группы «Метрологическая лексика»), мы обратились к данным ортологических словарей русского литературного языка, диалектным и этимологическим словарям, чтобы определить, какая же мера называется тем или иным диалектным словом на Орловщине.

Так, соотношение метрического термина *метр* и слов, обозначающих единицы измерения длины в говорах Орловской области (*двухметровка*, *метрачка*, *метровка*, *метровочка*), представлено на шкале 1:



Метрическая лексика

Шкала 1. Соотношение метрологической лексики и слов, обозначающих единицы измерения длины в орловских говорах

Показатели длины выявлялись для каждого слова. Так, *ла́поть* — ‘единица измерения длины, равная примерно длине

лаптя' (СОГ). Однако это 'единица измерения длины, равная примерно $\frac{1}{4}$ аршина (длина лаптя)' (СРНГ 16: 266). В свою очередь, *аршин* — 'русская мера длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы' (МАС 1: 47). Получаем: $0,71 \text{ м} / 0,25 = 0,18 \text{ м}$. Следовательно, *лапоть* — примерно 18 см;

двухметровка равна сажени, а *са́жень* — 'русская мера длины, равная приблизительно двум метрам' (СОГ). Однако в иллюстративном материале мы обнаруживаем, что *Са́жень — этѧ длина, примернѧ 2,19 метра* (СОГ), а в СРНГ (СРНГ 26: 41) 'русская линейная мера, равная трем аршинам, или 2,134 м, употреблявшаяся до введения метрической системы мер'. Таким образом, данная единица измерения либо иначе определяется в орловских говорах, либо не имеет точной меры, что можно объяснить отсутствием необходимости настолько точной единицы измерения;

локоть — 'мера длины, равная приблизительно расстоянию от локтевого сгиба до конца среднего пальца (0,5 метра)' (СОГ);

мах — 'мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев раскинутых рук' (СОГ). В других словарях обнаруживаем, что *мах* — 'маховая сажень, расстояние между разведенными руками, от конца одного среднего пальца до другого, $2\frac{1}{2}$ арш.'. Исходим из того, что аршин = 0,711 м. Получаем: $2,5 * 0,711 \text{ м} = 1,78 \text{ м}$;

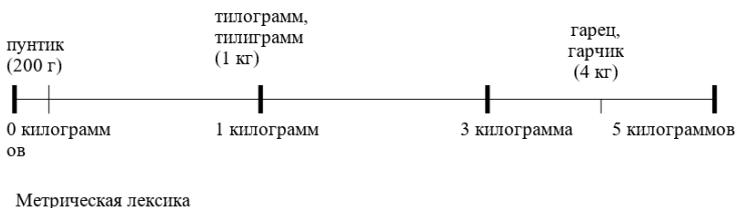
метрѧчка — 'мера длины, равная ста сантиметрам; метр' (СОГ); *метрѧвка, метрѧвочка* — 'то же, что *метрѧчка*' (СОГ). Таким образом, это единственная единица измерения длины, которая соответствует официальной метрической системе. Однако данные слова являются производными от слова *метр*. Следовательно, в говорах слово, значение которого соответствовало бы метру, имело другую форму выражения.

Не удалось определить точную меру, обозначенную словами *стенѧ, стѧнка, столб*.

Таким образом, в словаре нет опоры на метрическую систему измерений, а также нет единой, положенной в основу толкований, единицы измерения, что зачастую не дает возмож-

ности для понимания точных количественных показателей.

Для единиц измерения веса в говорах также было выявлено их соотношение с официальной метрической лексикой (см. шкалу 2):



Шкала 2. Соотношение метрологической лексики и слов, обозначающих единицы измерения веса в орловских говорах

В слове *гáрец* мы выявили некоторое расхождение: в СОГ это ‘мера сыпучих тел, равная приблизительно 4 кг’, а в словаре В. И. Даля (Даль, 9-е изд., 4: 354) — ‘мера сыпучих тел, особенно хлеба, осьмая доля четверика, $\frac{1}{64}$ четверти’. Получается, что *гáрец* — 0,9 кг.

Таким образом, как и для единиц измерения длины, для единиц измерения веса тоже нет единой, положенной в основу толкований, единицы измерения.

Соотношение для единиц измерения объема отражено ниже на шкале 3:



Шкала 3. Соотношение метрологической лексики и слов, обозначающих единицы измерения объема в Орловских говорах

Как мы отмечали выше, для данной группы единиц необходимо ввести в словарь слово *ведро*, так как многие единицы толкуются через эту лексему. Для уточнения меры объема важно, что *ведро* ‘русская мера жидкостей, равная $\frac{1}{40}$ бочки (около 12 л), применявшаяся до введения метрической системы’ (МАС 1: 145).

Не представляется возможным обнаружить точные количественные характеристики для слов *пригóршъ*, *рúчка* и *тúпочка*, так как они связаны с собственно частями тела, а не какой-либо меркой в виде предмета-емкости.

Таким образом, соотношение метрологической лексики официальной метрической системы и слов, обозначающих единицы измерения в говорах Орловской области, показало, что в «Словаре орловских говоров» отсутствует «точка отсчета», эталонная величина, которая могла бы быть использована для толкования слов каждой семантической группы.

Общие **выводы** исследования тематической группы «Метрологическая лексика» на материале лексики одного региона сводятся к следующему:

1. Тематическая группа «Метрологическая лексика» представлена в говорах Орловской области тремя семантическими группами: 1) «Единицы измерения длины»; 2) «Единицы измерения объема»; 3) «Единицы измерения веса».

2. По соотношенности со словами литературного языка выделяются собственно лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные, лексико-семантические и лексико-грамматические диалектизмы. Самыми многочисленными из них являются собственно лексические и лексико-семантические группы диалектных слов.

3. Большинство рассматриваемых диалектных наименований единиц измерения характеризуются приблизительностью в выражении меры, что объясняется отсутствием в говорах собственной эталонной единицы измерения.

4. В семных структурах лексем выявлен метонимический перенос по типу «названия посуды (вместилищ) — названия количества продукта во вместилищах, единицы количества,

емкости», однако эта закономерность не соблюдается в отношении слова *гарец* в «Словаре орловских говоров»: обратное расположение основного и производного значения требует этимологических уточнений.

5. В метрологической лексике, представленной в орловских говорах, выявлены системные отношения только на уровне полисемии и синонимии, кроме того, отмечены фонетические и акцентологические варианты лексических единиц.

6. Соотношение метрологической лексики в соответствии с официальной метрической системой и слов, обозначающих единицы измерения в говорах Орловской области, показало: данные единицы практически не соотносимы по количественным характеристикам.

7. В целом можно отметить, что тематическая группа «Метрологическая лексика» в говорах Орловской области является, во-первых, небольшой по объему, во-вторых, закрытой, непополняемой — в этом проявляются общезыковые тенденции, связанные с метрической системой, включающей ограниченный «набор» единиц измерения.

Литература

Добродомов И. Г. Рецензия на книгу В. О. Винника // Этимология 1967. М.: Наука, 1969. С. 325–327.

Жуковская Н. В. Языковые единицы со значением меры в функционально-семантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004. 171 с.

Лебединская В. Г. История русской метрологической лексики: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 485 с.

Прозоровский Д. И. Древняя русская метрология. СПб.: Изд-во Археологического института, 1888. 302 с.

Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантический способ образования). М.: МГУ, 1996. 125 с.

Романова Г. Я. История наименований мер длины в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 176 с.

Metrological vocabulary in the Orel region dialects

Lydmila I. Merkulova
Tat'yana YU. Stavceva
Orel State University
named after I. S. Turgenev

The article is concerned with the thematic group “metrology” as represented in the Orel region dialects: its semantic groups are indicated, semantic and derivational peculiarities and systematic relations are noted, dialect words types in their relations to Standard Russian lexical items are pointed out, relations between the metrological lexical units representing the official metrical system and the words denoting the units of measurement in Orel region dialect are studied in respect of the criterion of “absolute quantity of what is being measured”.

Key words: metrological vocabulary, dialect names of measuring units, Orel dialect.

References

Dobrodomov I. G. Recenziya na knigu V. O. Vinnika [A review of the book by V. O. Vinnik] // *Etimologiya* [Etymology]. 1967. M.: Nauka, 1969. Pp. 325–327.

ZHukovskaya N. V. YAzykovye edinicy so znacheniem mery v funkcional'no-semanticheskom aspekte [Language units with the meaning of measure in the functional-semantic aspect]: dis. ... kand. filol. nauk. Taganrog, 2004. 171 p.

Lebedinskaya V. G. Istoriya russkoj metrologicheskoj leksiki [History of Russian metrological vocabulary]: Dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2014. 485 p.

Prozorovskij D. I. Drevnyaya russkaya metrologiya [Ancient Russian metrology]. SPb.: Izd-vo Arheologicheskogo instituta, 1888. 302 p.

Prohorova V. N. Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskij sposob obrazovaniya) [Russian terminology (lexical-semantic way of its formation)]. M.: MGU, 1996. 125 c.

Romanova G. YA. Istoriya naimenovaniy mer dliny v russkom yazyke [The history of the names for linear measures in Russian]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1972. 176 p.

Модифицированная лексика беломорских говоров (по данным диалектных словарей)*

Любовь Петровна Михайлова
Петрозаводский государственный
университет

В статье используются материалы диалектных словарей, представляющих говоры Беломорья. Основное внимание уделено собственно русской и субстратной лексике, подвергшейся преобразованию внешнего облика под влиянием языков иной структуры, прежде всего прибалтийско-финских. В описываемых лексемах отражаются незакономерные процессы мены согласных звуков (*борони́ка — ворони́ка, б́усель — ѓусель, барма́к — парма́к, дверста́ — гверста, зя́бры — жа́бры, киски́ — тиски́, кирь — киль*), преобразования начала слова (*ало́ка — ла́лока, ба́ло — гба́ло, верста́нный — дверста́ной*). Мена гласных звуков отмечена очень редко (*ря́па — ре́па*). В некоторых лексемах (*прихо́хотье, подва́шка, кумово́рот*) соединены разные этнические языковые показатели как фонетического, так и морфологического уровня.

Ключевые слова: беломорские говоры, этнические контакты, фонетические изменения, заимствование и субстрат.

Лексика беломорских говоров представлена во многих лексикографических трудах, посвященных разным историческим периодам. Словарь А. Подвысоцкого отразил быт жителей Архангельской губернии в его материальном и духовном проявлении во второй половине XIX в. Составители Архангельского областного словаря под руководством О. Г. Гецовой

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 г.

фиксируют лексику с конца 50-х гг. XX в., что дает основания для изучения количественных и качественных изменений состава лексики Русского Севера. Лексика говоров Беломорья включается в указанные работы с учетом административного деления соответствующих периодов. В связи с этим словарь А. Подвысоцкого дает значительно больше сведений по лексике Беломорья, нежели АОС, о чем говорят географические пометы Кем., Кол., Онеж., Помор. Особенно важна помета Помор., под которой понимается Поморье, Поморский берег — «часть Беломорского побережья от г. Онеги до Кандалакского залива» (Подвысоцкий 1885: 181). Ценнейшие материалы по говорам Беломорья находятся также в словаре К. П. Гемп, по времени включающем почти целое столетие жизни слова в речи жителей Поморья (Гемп 2004: 277–568). В решении вопроса об изменении состава лексики говоров Беломорья важны записи последнего времени, осуществленные С. А. Мызниковым и также касающиеся всей территории беломорских говоров (Мызников 2010). Существенный вклад в лексикографию Беломорья внесли работы И. С. Меркурьева (Меркурьев 1979) и Н. Д. Кушкова (Кушков 2011), описывающие говоры Кольского полуострова, И. М. Дурова (Дуров 2011), представившего лексику Карельского Поморья начала XX в. Некоторые работы последнего времени посвящены вопросам региональной лексикографии, в частности Русского Севера [Теуш 2018] и Беломорья [Михайлова 2018a].

Лексика говоров Беломорья подвергалась описанию в разных аспектах: состав, семантика, тематическая классификация лексики Беломорья XVI–XVII вв. [Елизаровский 1958], особенности отдельных тематических групп, в частности гидрографической лексики [Павлова 2011], проблемы заимствований и этнических контактов [Федоров 1971; Михайлова 2018], этимология отдельных слов [Михайлова 2018b], сопоставление лексики соседних микрзон при рассмотрении проблемы формирования говоров Беломорья [Герд 1987]. Несмотря на относительную изученность, лексика говоров Беломорья продолжает привлекать внимание исследователей в историко-лингвистическом и этнокультурном аспектах.

В настоящей статье сделаем попытку рассмотреть лексику, возникшую в результате модификации, которая обусловлена контактами русского населения с карелами и другими народами, представителями прибалтийско-финского населения.

Выделяются два вида преобразований — фонетический и морфологический.

Фонетические изменения.

1.1. В позиции начала слова наблюдается упрощение *tt- > t-*. *Верстя́ный* 'дресвяный' Стрельна Тер. Мурм. (Меркурьев 1979: 26), ср. *дверстя́ной* 'легко рассыпающийся на мелкие камни, превращающийся в каменный песок' Онеж., Плес., Прим., Холм. Арх. (АОС 10: 299), ср. также *зверстя́ный* в том же значении Пск., Осташк. Твер., Новг., Пск., Черепов. Новг. (СРНГ 6: 158), Н.-Рж., Пск. Пск. (ПОС 6: 148), Чаг. Волог. (СГРС 3: 20), Оп., Новг., Пест. Новг. (НОС 2010: 160). *Ба́ло* 'устройство для сгибания полозьев саней' Дуброво Сег. Карел. (Мызников 2010: 17) широко известно в севернорусских говорах (Михайлова 2013: 28), ср. *зба́ло* 'станок для сгибания дуг и полозьев' Пуст. Пск. (ПОС 6: 158). Для слова *вакју́ша* 'лягушка' Большая Кудьма Сев.-Двин., Княжая Губа Мурм. (Мызников 2010: 35) в дополнение к сведениям специального словаря (Михайлова 2013: 74) приведем соответствующие слова с исходным корнем: *кв́а́лка* 'лягушка' Скоп. Ряз., *кв́а́ковка* 'лягушка' Перм., Урал. (СРНГ 13: 157), ср. также общеизвестное *кв́а́кать* и *ва́кать* 'кричать по-перепелиному, по-лягушачьи' Арх. (СРНГ 4: 18).

В начале слова перед гласным звуком отмечена утрата плавного звука: *а́лока* 'десна' Порья Тер. Мурм. (Меркурьев 1979: 19), Беломорье (Мосеев 2005: 76), варианты *алаќа* 'десны' Пин., Мез., Нянд., Холм. Арх. и *а́лока* 'десна' Онеж. Олон. (СРНГ 1: 229), Мез. Арх. (АОС 1: 66), ср. *ла́лока* 'десна' Пск., Осташк. Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Новг., Пудож. КАССР, Холмог. Арх. (СРНГ 16: 252).

1.2. В области гласных звуков модификация отмечается в единичных случаях. Это касается, во-первых, перехода [é] > [ʹá] в позиции после мягких согласных: *ря́па* 'репа'

Кола Мурм. (Меркурьев 1979: 138), ср. *рэпа*; во-вторых, мены гласных [о] и [а] под ударением: ср. *ка́бры* ‘кисти рук’ Солозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 133) и *ко́бры* ‘кисти рук’ Сумской Посад Белом. (Мызников 2010: 155).

1.3. Изменения в области согласных звуков.

Мена звонких и глухих согласных. *Арежник* ‘мелкий щебень, крупный песок, получающийся от перегоревших камней каменки в бане’ без указ. места (Мызников 2010: 15), ср. *арешник* ‘галька средней величины’ (Кушков 2011: 30), ‘галька, мелкие отшлифованные водой камни’ Тер., Варзуга, Кашкаранцы Мурм. (Меркурьев 1979: 19), ‘галька, мелкие камешки’ Тер., Севмор. Мурм. (СРГК 1: 22). По мнению этимологов, *арешник* ‘камешек, голыш, обкатанный волнами’ беломорск. происходит «из саам. кильд. *ārešt* ‘мелкий камешек, гравий’» (Фасмер 1: 86). Последнее может служить основанием отнести слово *орешник* ‘крупная галька, мелкий булыжник’ беломор. к модификатам, возникшим по причине внешнего сходства с орехом (СРНГ 23: 339). Вариант *арежник* отражает именно мену глухого согласного на звонкий. *Барма́к* ‘овод’ Вожама Гора Сег. Карел. (Мызников 2010: 18), Медв., Пуд. Карел. (СРГК 1: 41), ср. *парма́к* ‘овод’ Медв., Прион., Пуд., Кондоп. Карел. (СРГК 4: 397). По сведениям этимологов, *парма́к*, *па́рмы*, *ба́рмы* ‘овод’ «считается заимств. из фин. *parma*, *paarma* ‘то же’, эст., вепс. *part*» (Фасмер 3: 208). *Жистега* ‘жердь, которая кладется на верх кладки сена для защиты от ветра’ Шижня Сев.-Двин. (Мызников 2010: 103), ср. *шистега* ‘то же, что жистега’ Вирма, Сумской Посад Белом. Карел. (Мызников 2010: 480).

Мена твердых и мягких согласных. *Кычига́* ‘то же, кичига’ Солозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 190) и *кичига́* ‘приспособление для обмолачивания зерновых, льна, в виде изогнутой палки’ Вонгуда, Кянда, Солозеро, Тамица Онеж. Арх. (Мызников 2010: 151).

Мена звуков [в] и [б]. *Борони́ка* ‘то же, что вороника’, а также *бруни́ка* ‘вороника’ Нюхчозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 28, 32) и *ворони́ка* ‘лесной кустарничек сем. жимолостных; ягоды этого растения’ Вонгуда, Тамица Онеж.

Арх., Ковда Мурм., Дуброво Сег., Сумской Посад Белом. Карел. (Мызников 2010: 52). *Болдырь* 'нарыв, прыщ' Чапома Мурм. (Меркурьев 1979: 22), в близких значениях данный вариант представлен также в приморских, котласских говорах Архангельской области и некоторых псковских говорах (Михайлова 2013: 46), ср. *волдырь*. *Араба* 'многолюдная артель рыбаков, состоящая из членов одного или нескольких, родственных между собою, семейств на промыслах', 'группа рыбаков во время лова сельди, объединившихся на весенний период этого промысла в артель' Зап. Беломор. (Дуров 2011: 29), 'большая группа людей, компания' Карг. Арх. (СРГК 1: 20), ср. *арава* 'то же, что араба' Зап. Беломор. (Дуров 2011: 29), простореч. *орава* 'беспорядочное и шумное скопление людей' (Ожегов: 403).

Мена звуков [б] и [г]. *Бусель* 'плесень' Варзуга Тер. (Кушков 2011: 33; Мызников 2010: 33), *забусеть* 'загнить, заплесневеть' Большая Кудьма Сев.-Двин. Арх., 'испортиться' Солозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 105) и *гусель* 'плесень' Варзуга (Мызников 2010: 82).

Мена звуков [д] и [г]. *Дверста́* 'мелкие перегоревшие камешки от каменки в бане' Тамица Онеж. Арх. (Мызников 2010: 84), ср. в близких значениях известное широко в северных говорах, являющееся, вероятно, исходным — *гверста́*, также употребляющееся на Севере (Михайлова 2013: 122),

Мена шипящих и свистящих. *Зябры* 'жабры' Дуброво Сег. Карел. (Мызников 2010: 128), *иля́коть* 'снег с дождем' Нюхчозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 482) и *сля́коть* 'снег с дождем', отмеченное в 12 пунктах Беломорья — Онеж., Сев.-Двин., Холм. Арх., Сег. Карел. (Мызников 2010: 403).

Мена плавных согласных. *Кирь* 'киль (лодки, судна)' Тамица Онеж. Арх. (Мызников 2010: 150) и *киль* 'основной продольный брус в нижней части судна, лодки' Сенная Губа Сег. Карел. (Мызников 2010: 149).

Мена [к'] и [т']. *Киски́* 'тиски' Солозеро Онеж. Арх. (Мызников 2010: 150), ср. *тиски́*, *те́чкара* 'то же, что кечкара' Нюхча Белом. Карел. (Мызников 2010: 433), ср. *ке́чкара* 'вязкий, глинистый или илистый берег, обнажившийся во

время отлива' Вирма, Сумской Посад Белом., Тамица Онеж. Арх. (Мызников 2010: 148).

Привлекает внимание единственный пример замены мягкого [т'] звуком [ч] в позиции перед согласным: *ба́чка* 'батьюшка, священник' Варзуга Тер. (Мызников 2010: 19), ср. *ба́тька*.

1.4. Сочетание разных процессов. *Пошóба* 'поветрие, болезнь (повертуха)' Варзуга Мурм. (Кушков 2011: 76), ср. *пошóва* 'повальная болезнь, эпидемия' Тихв. Новг., Пск., Твер., Олон., Пудож. КАССР, Арх. (СРНГ 31: 37). Последнее имеет исходное слово *пошáва* в том же значении Осташк. Твер., Новг., Твер., Калинин., Олон., Прионеж. КАССР., Горьк., 'кожная болезнь' Сандов. Калинин. (СРНГ 31: 23). Следовательно, слово *пошóба* отражает два процесса — мену [á] ~ [ó,], мену [б] и [в].

II. Сочетание фонетических и морфологических изменений.

II.1. Среди неясных в этимологическом отношении беломорских лексем, если ориентироваться на морфологический состав (в котором можно формально выделить, например, приставку *под-*), примечательно слово *подва́шка*, обозначающее персонажа свадебного обряда, в обязанности которого входит оберег свадебного поезда с использованием топора или огня; данное слово употреблено в статье «Выводно, Выводь» — 'соблюдаемый у карелов Кем. у. обряд при отъезде к венцу' (Подвысоцкий 1885: 24–25). Отметим несколько усеченную подачу данного слова в СРНГ в сравнении со сведениями у А. Подвысоцкого: *подва́шка*, ж. 'участница свадебного обряда, оберегающая молодых, особенно невесту, от злых сил, порчи' Арх., 1885 (СРНГ 27: 350). Следует учитывать, что *подва́шка* — это русифицированный вариант карельского слова *pat'vaška, pad'vaška* 'патьяшка, свадебный чин; сват-колдун', известного северным говорам карельского языка (Федотова, Бойко: 200), и это позволяет внести уточнения, касающиеся толкования, грамматической характеристики и географии слова *подва́шка*. Казалось бы, русское по внешнему облику слово, формально имеющее

приставку *pod-* и флексию *-a*, оказывается заимствованием из карельского языка.

II.2. Совмещение разных процессов фонетического и морфологического уровня наблюдается в таких словах, как *прихохотье* и *кўмороть, кумоворът*.

Коснемся вопроса о происхождении необычной корневой морфемы слова *прихохотье* 'возлюбленный, милый' (Гемп 2004: 527; Дуров 2011: 431), в котором формально допустимо выделить приставку *при-*, суффикс *-(o)тj-* и вызывающий затруднения в этимологическом плане корень *-хох-*. Сопоставление семантики и зоны функционирования слова *пригѳжсий* и родственных образований в русских говорах и диалектах соседних прибалтийско-финских языков, заимствовавших его в виде *priha*, приводит нас к выводу о теснейших лексических связях русского и прибалтийско-финских языков. В условиях сильного взаимовлияния не могли не сказаться на фонетическом облике русского слова сложные адаптационные процессы, происходящие в прибалтийско-финских языках при усвоении русской фонемы [г], в частности в виде [h]. Фонема [h] в лексике прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Северо-Запада представлена восьмью возможными реализациями [Мызников 2004: 353–354], среди которых выделяется переход [г] > [h]. В дополнение к проведенному ранее анализу слова *прихохотье* в аспекте этнических контактов [Михайлова 2018б] укажем на весьма существенный аргумент в пользу употребления [x] вместо [г] в начале корня *-хох-*, а именно: «в ряде случаев в русских заимствованиях фонема [г] в вепском языке и карельских диалектах на прибалтийско-финской почве переходит в [h]» [Мызников 2004: 355].

Пример со словом *прихохотье* ярко показывает, что при вхождении в неродственную языковую систему слово частично меняет не только звуковой состав, но и форму, подчиняясь структурным законам языка-реципиента. Нельзя исключать и влияние дополнительных факторов, которые способствовали изменению корня *-гож-* > *-хох-*, см. более подробный анализ в работе [Михайлова 2018б].

Беломорским говорам известно слово *кумóра* ‘тихая вода у берега до встречи двух обходных течений около острова’: *Кумору встречаем по Карельскому берегу, в Онежском тоже, в шхерах. На куморе оттошишься хорошо, но только на малом каком суденышке* (Гемп 2004: 317); *кúмора* ‘спокойная вода от берега до встречного течения около острова’ Беломор., Север. (СРНГ 16: 85). Монахи Соловецкого монастыря водовороты называли словом *куно́ровать*: *У Соловецких к востоку не одну куноровать встретишь. Водовороты встречаются в салмах, они не все известны, зовем их кунороватями* (Гемп 2004: 317). В значении ‘водоворот’ в XIX в. известны были слова: *кúмоворот* Арх., *кумоворóт*, *куноворóт* Кем. Арх., *кúмовороть* и *кúновороть* Арх. (СРНГ 16: 85). Обратим особое внимание на то, что в статье *кúмовороть* содержится «непризнанная» лексема *кúноровоть* Арх., зафиксированная Опытом 1852: составитель допустил ошибочное написание [Там же]. Уральская топонимическая экспедиция зафиксировала в современных приморских говорах слова *кúмороть* и *кúмовороть* в значениях ‘место встречи нескольких течений, водоворот’ и ‘омут, глубокая яма в реке или озере’ (СГРС 6: 269).

В семантике слова *кумора* содержится компонент ‘встречное течение’, в котором реализуются признаки ‘изгиб’, ‘столкновение’, ‘вращение’, ‘точка (место) соединения’. Этимология слова *кумóра* связана с группой финно-угорских слов *kumara*, включающих фин. *kumara* ‘согнутый, согнувшийся, сгорбленный’, *kumartaa*, *kumartua* ‘нагибать, наклонять, склонять’, карел. *kumarda-*, *-rdu-*, олон. *kumarda-*, люд. *kumarduda*, вепс. *kumarta*, вод. *kummartä* ‘нагибать, наклонять, склонять’, эст. *kumardada* ‘согнувшись, сгорбившись, понурившись’ (ср. также *kummar*, *-aras* ‘полость, душло, раковина, внутренняя часть сосуда’, *kummer*, *kumer* ‘кривой, искривленный, изогнутый, выпуклый’), лив. *kumard* ‘нагибать, наклонять, склонять’, многочисленные саамские диалектные лексемы, из которых выделим *komardelle-* ‘кланяться’, а также морд. *komams* ‘нагибать, наклонять, скло-

нять', черемис. *kutalam* 'сгибать; склонять; умолять, жертвовать', венг. *homorú* 'вогнутый; выпуклый' (SKES 3: 236).

Очевидна близость семантики русских и финно-угорских слов. Прибалтийско-финское [ǎ] передается русским [о], что указывает на ранние этноязыковые контакты [Матвеев 2001: 134]. Возникновение звука [н] на месте [м] в корне (*кум-* > *кун-*) представлено, по всей вероятности, не только в этнонимии (см., например: [Матвеев 2015: 47]), но и в апеллятивной лексике. Варианты *кúмоворотъ* и *кúмоворот*, на наш взгляд, следует отнести к поздним, возникшим на базе слова *кúморотъ* под влиянием активной словообразовательной модели, реализованной в широко известном слове *водворóт*.

Приведенные материалы дополняют наше представление об особенностях лексики говоров Беломорья, во многом выделяющейся на общерусском фоне.

Литература

Герд А. С. К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии. Вологда, 1987. С. 94–103.

Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 346 с., 7 карт.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 313 с., 21 карта.

Михайлова Л. П. Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). С. 109–112.

Михайлова Л. П. Лексикографическое представление русских говоров Беломорья в конце XIX — начале XXI вв. // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития (к 70-летию выхода 1-го тома «Словаря современного

русского литературного языка»)», 3–5 октября 2018 г. СПб.: Нестор-История, [2018a]. С. 279–287.

Михайлова Л. П. К поиску этимологии необычного русского слова в этноконтактной зоне Карельского Поморья (*прихохотье*) // Вестник Костромского государственного университета. 2018б. Т. 24. № 3, Июль–сентябрь. С. 186–190.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Павлова А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2011. 260 с.

Теуш О. А. Региональная лексикография Европейского севера России: итоги и перспективы // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль: РОИО ЯГПУ, 2018. С. 244–249.

Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 219–226.

Modified lexical units in the White Sea dialects as represented in dialectal dictionaries

Lyubov P. Mikhaylova
Petrozavodsk State University

The article uses materials from dialectal dictionaries representing the White Sea dialects. Primary attention is paid to original Russian and substrate lexical items, whose form was influenced by languages of dissimilar structure, above all Balto-Finnic idioms. The described lexemes feature some irregular processes of consonant change (*бороника* – *вороника*, *бўсель* – *гўсель*, *барма́к* – *парма́к*, *дверста́* – *гверста*, *зя́бры* – *жа́бры*, *кискі́* – *тискі́*, *кирь* – *киль*) and word-initial alternations (*áлока* – *лáлока*, *ба́ло* – *зба́ло*, *верста́нный* – *дверста́нный*). The replacement of vowel sounds is scarcely noted (*ря́па* – *ре́па*). Several phonetic and morphological properties of ethnic language are combined in some lexemes (*прихохотье*, *подва́шка*, *кумоворо́т*).

Key words: White Sea dialects, ethnic contacts, phonetic changes, borrowing and substrate.

References

Gerd A. S. K istorii obrazovaniya govorov Belomor'ya [On the history of the formation of dialects of the White Sea] // Dialektnoe i prostorechnoe slovo v sinhronii i diahronii [Dialectal and vernacular word in synchrony and diachrony]. Vologda, 1987. Pp. 94–103.

Elizarovskij I. A. Leksika belomorskih aktov XVI–XVII vv. [Vocabulary of the White Sea region acts of the 16th – 17th centuries]. Arhangel'sk, 1958. 240 p.

Matveev A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. CHast' I [Substrate toponymy of the Russian North. Part I]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 346 p., 7 kart [7 maps].

Matveev A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. CHast' IV. Toponimiya meryanskogo tipa [Substrate toponymy of the Russian North. Part IV. Toponymy of the Merya type]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 313 p., 21 karta [21 maps].

Mikhaylova L. P. Belomor'e kak ob"ekt istoricheskogo, etno-kul'turnogo i arealnogo issledovaniya skvoz' prizmu yazyka [The White Sea region as an object of historical, ethnocultural and areal research through the prism of language] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of Petrozavodsk State University]. 2018. № 6 (175). Pp. 109–112.

Mikhaylova L. P. Leksikograficheskoe predstavlenie russkih govorov Belomor'ya v konce XIX-nachale XXI vv. [The lexicographic representation of Russian dialects of the White Sea region from the end of the 19th to the beginning of the 21st century] // Rossijskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (k 70-letiyu vyhoda 1-go toma «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka»)» [Russian academic lexicography: current status and development prospects (on the occasion of the 70th anniversary of the publication of the first volume of the Dictionary of the Modern Standard Russian)], 3–5 oktyabrya 2018 g. SPb.: Nestor-Istoriya. [2018a]. Pp. 279–287.

Mikhaylova L. P. K poisku etimologii neobychnogo russkogo slova v etnokontaktnoj zone Karelskogo Pomor'ya (prihohót'e) [Looking for the etymology of an unusual Russian word in the ethnocontact zone of the Karelian maritime area (prihohót'e)] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]. 2018b. V. 24. № 3, Iyul'-sentyabr'. Pp. 186–190

Myznikov S. A. Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkih govorah Severo-Zapada: Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz [Vocabulary of Finno-Ugric origin in the Northwestern Russian dialects: Etymological and linguogeographic analysis]. SPb.: Nauka, 2004. 492 p.

Pavlova A. V. Pomorskaya gidrograficheskaya leksika v sinhronii i diahronii [Pomor hydrographic vocabulary in synchrony and diachrony]: dis. ... kand. filol. nauk. Murmansk, 2011. 260 p.

Teush O. A. Regional'naya leksikografiya Evropejskogo severa Rossii: itogi i perspektivy [Regional lexicography of the European North of Russia: results and prospects] // YAroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur: materialy Tretej Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Yaroslavl text in the space of the dialogue of cultures: materials of the Third All-Russian Scientific Conference] (YAroslav', 10–11 aprelya 2018 g.) / sost. i otv. red. O. N. Skibinskaya, T. K. Hovrina. YAroslav': ROIO YAGPU, 2018. Pp. 244–249.

Fedorov A. I. Osvoenie zaimstvovannyh slov v severnorusskih govorah [Adaptation of loanwords in Northern Russian dialects] // Dialektnaya leksika [Dialect vocabulary]. 1969. L., 1971. Pp. 219–226.

Диалектная фразеография на современном этапе*

Валерий Михайлович Мокиенко
Санкт-Петербургский
государственный университет

В статье предлагается аналитический обзор русской диалектной фразеографии, начиная с первых региональных словариков 70-х годов прошлого века и кончая современными основательными словарями и паремиологическими собраниями. Рассматриваются принципы составления таких лексикографических источников, оценивается качество диалектного фразеологического материала, описываемого в них. Особо отмечается специфика лексикографической обработки таких параметров, как ареальная помета, дефиниция, стилистическая маркировка, подача фразеологических вариантов, комментирование культурологической и историко-этимологической информации. Излагается опыт составления «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» его авторами (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой).

Ключевые слова: фразеологическая единица, диалектная фразеология, диалектная фразеография, семантическая квалификация диалектной фразеологии, вариантность диалектных фразеологических единиц.

Интенсивное развитие фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины потребовало специализации исследований её различных областей. Одной из востребованных стала область диалектной фразеологии, ибо без обращения к ней оказались невозможны как историко-этимологические и сопоставительные исследования, так и исследование других аспектов этой дисциплины. Интерес к диалектной фразеологии

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

логии удачно совпал с развернувшимся с 50-х гг. прошлого века массивным составлением русских диалектных словарей, инициированным работой над Атласом русских народных говоров. Самоотверженная работа над такими масштабными диалектографическими проектами, как СРНГ, ПОС, АОС, и составляемыми практически во всех регионах России словарями народных говоров — вологодских, новгородских, рязанских, смоленских, тульских, волгоградских, селигерских, сибирских и многих других — привела к значительному пополнению сокровищницы диалектной лексики и фразеологии, позволила лексикографически представить её как единое ареальное пространство. Фразеологический фонд русского диалектного пространства за этот период по (разумеется, предварительным) подсчётам вырос со времён В. И. Даля не менее чем в 7 раз.

Во всех словарях русских народных говоров фразеологический материал органично вошёл в словники, обогащая представления об экспрессивно-коннотативном потенциале описываемого объекта. Принципы отбора такого материала, конечно, диктовались общими постулатами, выдвигаемыми составителями конкретных словарей. Словари дифференциального типа, естественно, ориентировались на описание «чисто» региональной фразеологии, в то время как авторы словарей полного типа включали в словники максимально полное количество устойчивых словосочетаний — в том числе и таких, которые и по форме, и по семантике полностью совпадали с литературными. Впрочем, как показал опыт СРНГ и других дифференциальных словарей, для фразеологии строго выдержать дифференциальный принцип отбора оказалось непросто. Во-первых, в состав многих общелитературных фразеологизмов входят, как известно, «чистые» диалектизмы (напр., *бить баклуши, на один копыл, ни зги и под.*), и не фиксировать их в соответствующих словарных статьях не решается ни один диалектограф. Во-вторых, именно общелитературная лексика нередко формирует целые гнёзда собственно региональных фразеологизмов, поэтому,

исключая такого рода лексику из словника дифференциального словаря, составитель рискует вместе с общелитературной «водой» выплеснуть и собственно диалектное «дитя». Вот почему практически во всех дифференциальных диалектных словарях мы, к счастью, находим немало фразеологизмов, «нанизанных» на общелитературные стержневые компоненты типа *Голова, Нога, Рука, Вода, Волк, Заяц* и под. И далеко не всегда в таких случаях можно чётко определить границу общезыкового и узкодиалектного.

Именно стремление к такому разграничению достаточно рано привело в отечественной диалектографии к специализации фразеографического жанра. Уже в начале 70-х гг. появились первые словарные выборки фразеологии конкретных регионов России и Белоруссии. Таковы, например, коллекции диалектной фразеологии Воронежской (Нижедевицкий р-н), Иркутской (Ольхонский р-н, дер. Коты Оёкского района) и Гомельской (дер. Гребени Лельчицкого района) зон, собранные в диалектологических экспедициях и изданные по инициативе Л. И. Ройзензона в Самаркандском университете (Ройзензон, Андреева 1972; Ройзензон и др. 1975; Ройзензон, Балясников 1972; Ройзензон, Хазова 1971).

Достаточно быстро вслед за ними появились «первые ласточки» фразеологической диалектографии — словарь сибирской фразеологии А. И. Федорова, Н. Т. Бухаревой и их позднейших соавторов (СФС; ФСС) и словарь пермской народной фразеологии К. Н. Прокошевой (МФС; Прокошева 2002). У первопроходцев, как всегда, появились последователи, и русское диалектное фразеографическое пространство начало интенсивно расширяться и количественно, и качественно. Назову лишь основные словари такого типа, которые значимо обогатили лексикографию этого жанра и позволили более углублённо и специализированно исследовать отечественную диалектную фразеологию (СНФП; Кобелева 2004; Ставшина 2008; Пащенко 2015).

Опыт составления каждого из этих словарей требует досконального изучения. Впрочем, их составители сами уже

во многом проделали такую работу — на этом материале защищено немало кандидатских и некоторые докторские диссертации, например: «Диалектная фразеология и её формирование на базе лексики народной речи» [Ивашко 1990]; «Процессы становления и функционирование устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах» [Костючук 1983]; «Идеографические аспекты изучения народной фразеологии (на материале псковских говоров)» [Никитина 1995]; «Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты» [Кобелева 2012].

Естественно, что принципы составления этих и не упомянутых из-за лимита места словарей различны, хотя уже видится стремление к некоторой лексикографической унификации. Различны и структуры словарных статей, и их ареальная и стилистическая квалификация, и способы дефинирования, и подача вариантов разных типов, и, наконец, региональные и историко-этимологические и культурологические комментарии. Но в то же время все эти словари объединяет попытка эксплицировать лексикографическими средствами специфику фразеологического материала в отличие от лексического, продемонстрировать регистры экспрессивности, которыми обладает такой материал.

Представители лексикографической школы Б. А. Ларина также давно уже обратили внимание на такую специфику, которую в своих работах охарактеризовал еще в 50-е гг. прошлого века основатель школы [Ларин 1959; Ларин 1977: 149–162]. Диалектный, преимущественно псковский, материал стал объектом исследования многих ларинцев, анализировался в нескольких докторских диссертациях (Л. А. Ивашко, Л. Я. Костючук, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина и др.). Его специализированное изучение отражено, в частности, и при составлении диалектных словарей ларинского типа (ПОС, СРГК, СРГНП, Селигер и др.).

Мы с Т. Г. Никитиной предприняли 18 лет назад попытку специализированного словарного описания псковской

фразеологии и паремиологии (СППП) на основе выборок из первых выпусков ПОС и его полуторамиллионной картотеки.

Общий диалектографический и специализированно фразеографический опыт привёл нас и к составлению «паремиологической трилогии»: (Мокиенко, Никитина 2008; Мокиенко, Никитина 2008а; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010). В этом полном собрании русских поговорок общий объём материала превысил в 7 раз масштабы известного классического собрания В. И. Даля «Пословицы русского народа». Принцип полноты потребовал не только отражения в этих трёх словарях локально маркированных языковых единиц, но и фразеологии современного литературного языка, неологизмов и оборотов из современных русских социолектов. Естественно при этом, что все такие регистры в наших словарях чётко разграничиваются соответствующими пометами. Локальные пометы (*волог.*, *новг.*, *пск.*, *смол.*, *забайк.* и под.) позволяют не только квалифицировать то или иное выражение как диалектизм, но и отразить ареальную «дальнобойность» каждого из них.

Новый этап нашей работы предполагает дальнейшее расширение словника русской народной фразеологии, шлифовку лексикографических принципов её описания и объединение её двух типов — устойчивых сравнений и фразеологизмов некомпаративной структуры — в едином словарном корпусе. При разработке концепции ПФСРНГ исполнителями проекта была доказана целесообразность однотипной лексикографической разработки этих двух типов народной фразеологии, несмотря на их языковые различия. Объединяя, таким образом, фразеологический материал в комплексном специализированном словаре, можно унифицировать его подачу, соотносить в рамках единого словарного текста варианты и синонимы, описать в одном ключе его семантику и стилистику, предложить читателю семантические и историко-этимологические комментарии и т.д.

Такие задачи мы ставим перед собой в проекте «Полного фразеологического словаря русских народных говоров».

Научная оценка фонда будущего словаря проводилась последовательно и регулярно. Компьютерные данные, имеющиеся в распоряжении составителей, сверялись с картотекой русских пословиц и поговорок, хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина (филологический факультет СПбГУ). Такой сверке были подвергнуты и материалы «Псковского областного словаря с историческими данными» (вып. 1–26), «Словаря русских говоров Низовой Печоры» (вып. 1–2) и словаря «Селигер 2003–2014: Материалы по русской диалектологии» (вып. 1–7), картотеки которых также хранятся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина. Качественной оценке подверглись и фразеологические материалы многих русских словарей (см. прилагаемый список источников), особенно «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, вып. 1–51), «Архангельского областного словаря» (АОС, вып. 1–17), «Новгородского областного словаря» (НОС 2010) и др.

Важным моментом проделанной оценки был анализ возможной «компатибельности» оцениваемых материалов с общим корпусом составляемого словаря, т.е. приёмов их унификации по всем лексикографическим параметрам, диктуемым структурой и принципами разработанного составителями «Полного фразеологического словаря русских народных говоров». Оценке подверглась и система региональных и стилистических помет, по-разному представленная в словарных и картотечных материалах.

Особое внимание было уделено оценке такого параметра словарных статей диалектных словарей, как дефиниционная часть. Здесь также потребовалась разработка такой системы лексикографирования, которая помогает сведению воедино разных типов толкования для идентичных фразеологизмов и их вариантов. Оценивались и культурологические и историко-этимологические комментарии к отдельным словарным статьям таких источников.

Изложенная процедура оценки материального фонда «Полного фразеологического словаря русских народных

говоров» способствовала разработке основных принципов его построения. При этом исполнители проекта опирались на отечественный опыт практической диалектной лексикографии и фразеографии, учитывали усовершенствованные в последние годы постулаты фразеологии как специальной лингвистической дисциплины.

В соответствии с целью проектируемого ПФСРНГ — дать полное системное описание фразеологических диалектизмов русского языка — разработка принципов его построения велась по следующим направлениям.

а/ Корпус словаря, принципы отбора материала

Как известно, дифференциальный принцип составления словника для СРНГ, оказавшийся продуктивным при описании лексики, вызвал определённые разночтения именно при обработке фразеологии, т.к. многие функционирующие в народных говорах фразеологизмы являются не столько диалектизмами, сколько лишь вариантами общенародных устойчивых словосочетаний. Именно для фразеологизмов характерно расположение «на грани» диалектного и общенародного, поэтому разработчиками концепции ПФСРНГ было принято решение перейти эту грань в пользу смещения от диалектного к общенародному. Отступление от строго дифференциального принципа позволит сделать объём словника более полным (по количеству единиц он вдвое превысит фразеологический состав СРНГ) и обеспечит адекватное отражение динамики фразеологии.

б/ Принцип расположения материала

Известно, что паремиологические сборники, особенно в России, вслед за В. И. Далем, обычно систематизировали материал в тематическом порядке. Разработчики концепции ПФСРНГ избрали иной тип систематизации — расположение материала в алфавитном порядке стержневого слова, которым оказывается, как правило, первое существительное — компонент идиомы или устойчивого сравнения. Расположение фразеологизмов по образному «стержню» как их смысловой доминанте позволит глубже осмыслить этнокультурную составляющую

их происхождения. Такое расположение даст возможность отразить и чисто языковую системность фразеологии. Кроме того, именно алфавитно-гнездовой принцип описания обеспечит лексикографическое единство описания фразеологизмов разных типов. Каждый ряд фразеологизмов, связанный общим стержневым компонентом, объединяется под его «шапкой». Внутри такого «гнезда» порядок строго алфавитный.

В случаях, когда описанию подвергается очень объёмное стержневое гнездо, «путеводным» признаком становится как окончание вокабульного слова, так и начальная буква следующего компонента. Такой принцип расположения материала позволяет пользователю легче ориентироваться в словарных статьях, а составителю — группировать описываемые фразеологизмы в рамках структурно-грамматических моделей, позволяющих компактнее отразить их семантику.

в/ Структура словарной статьи, наполнение её параметрических зон

Структура словарной статьи в рамках представляемой лексикографической концепции разрабатывается именно как статья словарная, что отличает данное собрание фразеологизмов от многих сборников паремий и фразеологизмов, где общая тематическая рубрика заменяет и толкование, и стилистическую характеристику, и данные о частотности употребления, и другие лексикографические параметры.

Форма заголовочной единицы, отражение фразеологической вариантности

Согласно разработанной лексикографической концепции, описываемые единицы выводятся в исходной грамматической форме. Это особенно характерно для глагольной фразеологии, где её фиксация в одновидовом или двухвидовом варианте отражает тенденцию употребления. В случаях, когда структура выражения жёстко ограничена какой-либо одной грамматической формой, именно последняя и фиксируется словарем. Одним из важных формальных показателей глагольной фразеологии является, как известно, управление, указание на которое дано в квадратных скобках.

Варьирование формы для многих диалектных фразеологизмов является реальностью, несмотря на относительную устойчивость их структуры и семантики. Основные типы вариантности найдут своё отражение в словаре: лексическое варьирование компонентов указывается круглыми скобками, факультативные компоненты помещаются в квадратные скобки, слова-сопроводители (так называемое «окружение» фразеологизма) помещаются в круглые скобки в составе толкования. При варьировании некоторых стержневых компонентов составители для экономии места отсылают читателя к соответствующей словарной статье, где подробно описывается лексический вариант (см. словарные статьи в Приложении).

Толкования

К каждому фразеологизму и сравнению в Словаре дается толкование, степень развернутости которого зависит от усложненности семантики конкретной единицы. Разрабатывая данный лексикографический параметр, составители стремились к унификации толкований для единиц однородной языковой структуры. Так, для устойчивых сравнений преобладают описательные дефиниции (они обычно начинаются с формулы «О ком-л.», «О каком-л. человеке», «О каком-л. явлении, действии» и т.п.). Относительно унифицированы и фразеологизмы, особенно глагольные и номинативные. При их толкованиях составители стремятся объективно воспроизвести как фразеологическую, так и грамматическую семантику. При невозможности точной структурно-семантической эквивалентации семантики описываемой паремии составители прибегают к описательным конструкциям, уточняющим сферу её семантической аппликации.

Стилистическая, географическая и хронологическая квалификация материала

Известна общая неразработанность стилистической характеристики фразеологизмов даже в самых лучших европейских словарях литературного языка. Составители проектируемого словаря берут на себя ответственность и квалифицируют

описываемый материал с точки зрения экспрессивно-оценочных его регистров: стилистические пометы представляют сферу употребления и усложненную семантику фразеологизмов, ранее не получавших экспрессивно-оценочной характеристики.

Каждая описываемая в ПФСРНГ единица будет точно локализована. Система географических помет, принятая в СРНГ, полностью переносится в «Полный фразеологический словарь русских народных говоров» с дополнениями, зависящими от новых источников. При обилии фиксаций фразеологизм квалифицируется обобщенно (пометами *народн.*, *прост.* или *разг.*), а детализация его ареала «прочитывается» путём ссылок на источник.

Картографическая программа ЛАРНГ-2019 посвящена анималистической лексике. Эта тематика была доминантной и на нашей фразеологической секции во время Международной конференции филологического факультета в марте 2018 г. Материалы её опубликованы в коллективной монографии «Анималистическая фразеология в славянских языках на общеевропейском фоне» [Анималистическая фразеология 2019]. Многие наблюдения авторов этой книги перекликаются с тематическими «сюжетами» выступлений в программе работы петербургского февральского семинара под руководством Татьяны Ивановны Вендиной, где обсуждается ход работы над томом «Животный мир». Представлены составленные карты, связанные с такими животными, как **белка** (Флягина Марина Валерьевна), **синица** (Красовская Нелли Александровна), **галка** (Климкова Людмила Алексеевна), **ворона** (Приображенский Андрей Владимирович), **ласточка** (Малыхина Татьяна Михайловна), **карп**, **налим**, **окунь** (Шевченко Надежда Викторовна), **оса**, **паук**, **шмель** (Гришанова Валентина Никитична).

Воспользуемся этой тематической «компатибельностью», чтобы на материале названий некоторых из картографируемых в ЛАРНГ животных и насекомых продемонстрировать принципы и структуру словарных статей нашего «Полного фразеологического словаря русских народных говоров».

БЕЛКА

(*Бой-баба*) *сўщая белка*. Моск. О темпераментной, ловкой, задорной женщине-плясунье. СРНГ 13, 190.

Вертётся (кружиться, крутится. Брян., Новг., Том. корячиться. Морд.) как белка (белкой) в колесе.

1. *Неодобр.* О чьих-л. беспрестанных хлопотах по мелочам, большой суете без видимых полезных результатов. БАС 1, 371; НРЛ-82, 27; ССФ, 163, 283; ФМ 1999, 31; Зимин, Спириин 1996, 97; СРГМ 3, 73; Бойцов 1986; НОС 4, 157; Иванцова 2005, 20; Соколова 2009, 69. 2. *Калинин.* О чьей-л. крайней занятости. Туркина, Строгова 1989, 42. Ср. *солёный заяц, колесом.*

Вертётся как белка в мешке. Калинин. Неодобр. О много и постоянно, без отдыха работающем человеке. Туркина, Строгова 1989, 42.

Грызть орехи как белка. Смол. О быстро и ловко разгрызающем орехи человеке. ССГ 6, 10.

Есть орехи как белка. Новосиб. О питающейся орехами таёжной птице. (1972). СРНГ 35, 176.

Как белка. Том. О человеке, ловко лазающем по деревьям. Иванцова 2005, 20.

Как белка на точиле. Волг. О человеке, находящемся в беспрестанных хлопотах, в постоянной суете. СДГВО 2011, 39.

Как голая белка. Пск. Об оставшемся безо всего человеке. ПОС 7, 72.

Метаться как белка в колесе. Неодобр. То же, что *вертётся как белка в колесе* 1. Зимин, Спириин 1996, 108.

Покрывать что белка хвостом. Волог. Устар. Неодобр. О человеке, скрывающем свои истинные намерения или маскирующем совершенные им проступки. (XVIII в.). Рпетр. 1880, 107; Симони, 208.

Прыгать как белка. Пск., Селигер. Одобр. О быстро, ловко скачущем человеке (особенно подвижном ребёнке). СППП 2001, 86; Селигер 1, 89; 3, 170.

Пырхатъ как белка. Пск. Одобр. О ловко передвигающемся зверьке или человеке. < *Пырхатъ* — порхать, прыгать. СППП 2001, 86.

Работать что белка в колесé. Устар. Неодобр. Су-
етливо и без пользы трудиться. Д. 1, 156.

Бёлки и стрёлки. Жарг. шк. Шутл.-ирон. Ученики
экспериментального класса. (Запись 2003 г.).

Драть что с кого как с белки шкуру. Сарат. Неодобр.
Беззастенчиво и жестоко обирать кого-л. (Г. С. Акимова 1982).

Как с белки скатиться (сехать). Омск. Ирон.
Ничего не добиться, не получить от кого-л. (1972). ФСС, 179;
СРНГ 37, 396; 43, 113.

Бёлкой (бёлке) в глаз попáсть. Селигер. О высокой
степени мастерства спортсменов. Селигер 2013, 5, 28.

Гнать белку. Кар. Изменять жене. СРГК 1, 363.

Дуй белку в хвост. 1. Курск. (конец XIX в.). Не
упускай удобного момента. 2. Народн. Неодобр. О неудаче,
неуменье что-л. сделать. (В. И. Даль). СРНГ 2, 215; БМС 1998,
45. 3. Ворон. Неодобр. (1892). О необдуманности собственных
поступков. СРНГ 2, 215. < В основе оборота — насмешка над
неопытными охотниками, которые выбирают целью пушистый
хвост белки. БМС 1998, 45.

За чистую белку. 1. [пойдёт]. 1. Иркут. (1967). Одобр.
О полноценной, качественной, хорошей вещи. СФС, 79; ФСС,
191; СРНГ 28, 361. 2. Арх., Кар., Коми. Одобр. С удоволь-
ствием, охотно. АОС 1, 156; Кобелева, 82; СРГК 6, 795. 3.
Печор. Подчистую, без остатка. СРГНП 1, 27.

*Обирáть/ обобрáть кого как белку. Разг., Волг.,
Орл. Неодобр.* Начисто обобрать кого-л., лишить всех денег.
(Запись 1981, Ленинград); Глухов 1988, 114; Арсентьев КД 2,
141. < Объясняют сибирским промыслом кедровых шишек,
когда «обдирают» кедр так, что и белкам не остаётся шишек.

Обирéчить кого как белку. Волг. То же, что *обирáть/*
обобрáть кого как белку. < *Обирéчить* — обобрать,
разорить, оставить без средств. СДГВО 2011, 365.

Облупéжить кого как белку. Смол. Неодобр. То же,
что *обирáть кого как белку.* Гр.-Шахм. 14, 479; СРНГ
22, 112.

Ободрáть кого на голубью белку. Смол. Неодобр.
Ограбить, разорить кого-л. до нитки. ССГ 7, 132.

Оста́вить (обобрати́) кого как го́лую бе́лку. Пск. Неодобр. О человеке, у которого отобрали всё, ограбили на-чисто. СППП 2001, 86.

Рвёт на бе́лую бе́лку кого. Пск. О сильной рвоте. СПП 2001, 16.

БЕЛИЦА * *Вы́жить кого как бе́лицы ара́буш (ара́буша).* Кар. О ком-л., кого жестоко и окончательно выжили откуда-л. совместными усилиями. < *Бе́лица* — белка; *ара́буш* — шкура белки? СРГК 1, 20. Ср. вят. *арабу́ха* — толпа, группа шаловливых детей. СРНГ 1 (2002), 266.

СИНИЦА

Лучше сини́ца в руке́ (в рука́х), чем жура́вль в не́бе. Посл. Лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-л. большое, лучшее, но трудно достижимое, надеяться на что-л. в будущем. Жуков 1966, 301–303; ПСП 2002, 222–224.

Наде́лала сини́ца сла́вы, [а мо́ря не заже́гла]. Разг. О том, кто много наобещал, но не смог выполнить обещанного. < Цитата из басни И. А. Крылова «Синица» (1811 г.). БМС 1998, 524. *Посине́й ты как сини́ца!* Народн. Бран. Недоброе пожелание кому-л.: чтобы ты стал синим (как перед смертью)! ППЗ, 40.

Хвали́лась сини́ца, что мо́ре заже́жёт. Твер. То же, что *Наделала синица славы, [а моря не зажгла].* ТПП 1993, 51.

Ухвати́ть сини́цу за хвост. Прост. Одобр. Добиться успеха в каком-л. трудном деле. Ф 2, 225. *Еде́т от сини́цы воро́н иска́ть.* Неодобр. Народн. Об очень жадном человеке. Соколова 2009, 190.

СИНИЧКА * *Сини́чка лебо́к спи́хну́ла.* Кар. Шутл. О вскрытии рек с прилетом синиц. СРГК 3, 106.

ОКУНЬ

Лови́ть окуне́й. Ворон. (1892), Народн. Шутл. Дремать сидя, клевать носом. СРНГ 17, 101; 23, 174. Ср. *пойма́ть ры́бу.*

Дал — и окунем. Волог. Неодобр. О человеке, давшем кому-л. займы и не получившем назад денег. СРНГ 23, 174.

Солёные окуни. Кар. Шутл. Квас с хлебом. СРГК 4, 193.

Глаза́ как у до́хлого окуня у кого. Пск. Ирон. или *пренебр.* О чьих-л. очень пьяных, бессмысленных и мутных глазах. СППП 2001, 108.

ПАУ́К (ПАВУ́К, ПУВУ́К)

Вцепиться в кого, что как паук. Неодобр. О неотвязно цепком, корыстно и хищно пристающем к кому-л., чему-л. человеку.

Жа́дный как пау́к. Неодобр. Об алчном, крайне корыстолюбивом человеке.

Запу́таться (заплута́ться) как паук. Пск. О захопавшемся, закрутившемся в суетах, заботах и работе человеке. СППП 2001, 109; ПОС 25, 165.

Как пау́к. Пск. Неодобр. 1. О тощем, округло сгорбленным и длинноруком человеке с неприятными жестами и взглядом. БАС 9, 310; ПОС 25, 165. 2. О жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд, вымогающем у других последнее.

Круто́й как пау́к. Пск. Неодобр. О стилияге, излишне модно одетом молодом человеке. ПОС 25, 165

Лови́ть кого как пау́к в [своё] паутину. Неодобр. О чьих-л. коварных и хищных попытках закабалить, сделать зависимым кого-л.

Морско́й пау́к. Арх. Зародыш ската, плавающий первоначально в пленке. СРНГ 18, 278.

Наду́ться как пау́к. Пск. Неодобр. О надувшемся, обидевшемся угрюмом и неразговорчивом человеке. СППП 2001, 109; ПОС 25, 165.

Ну́жда — пау́к, а заёмщик, что му́ха. Посл. О крайней бедности, приводящей к зависимости от заимодавца. ДП, 540.

(Толстый) как пау́к (павок). Пск. Неодобр. Об очень пухлом, полном, ожиревшем человеке. СППП 2001, 109.

Но́жки у кого как у паука́. Ирон. или *презр.* О чьих-л. тоненьких и кривых ногах.

Броди́ть как пауки́. Пск. Неодобр. О бродящих (обычно — с нечестными, корыстными намерениями) где-л. людях. СППП 2001, 109; ПОС 25, 165.

(Жить, передра́ться) как нау́ки [в ба́нке]. Неодобр. О непримиримо враждующих между собой, люто ненавидящих друг друга людях. (Запись 1982, Ленинград). БАС 9, 310.

Тяга́ться (тяну́ться) как нау́ки куда, откуда. Пск. Неодобр. О медленно, лениво и непрерывно движущихся куда-л. людях. СППП 2001, 109; ПОС 25, 165.

Обира́ть науко́м. Пск. О воде, которая, незаметно приближаясь, обступает какую-л. территорию. ПОС 22, 154.

Обозревая результаты исследований и словарной работы многих отечественных диалектологов, работающих на фразеологической ниве, легко увидеть, сколь значимы результаты этой неутомимой деятельности. Можно без преувеличения сказать, что ни одно диалектное фразеологическое пространство Европы пока не обработано так же детализированно и тщательно, как речевые просторы регионов России. Благодаря продуманным программам и поддержке их осуществления Академией наук и многими вузами нашей страны диалектологам удалось запечатлеть в словарях несметное богатство русской народной речи, пока ещё почти не осквернённой интернетом и распоясавшимися современными средствами информации.

Литература

Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты). Коллективная монография / научн. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; ред. коллегия: Т. В. Володина (Беларусь), И. В. Кузнецова (Россия), С. А. Савченко (Россия — Тайвань). СПб.: СПбГУ — Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 с.

Ивашко Л. А. Диалектная фразеология и её формирование на базе лексики народной речи: дис. ... д. филол. наук. Л., 1990.

Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: дис. ... д. филол. наук. Сыктывкар, 2012. 355 с.

Костючук Л. Я. Процессы становления и функционирование устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах: дис. ... д. филол. наук. Псков, 1983. 369 с.

Ларин Б. А. Про народну фразеологію // Українська мова в школі. 1959. № 20. С. 135–143. То же на рус. языке: О народной фразеологии // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 149–162).

Никитина Т. Г. Идеографические аспекты изучения народной фразеологии (на материале псковских говоров): автореф. дисс. ... д. филол. наук. СПб., 1995. 32 с.

Dialectal phraseography at the present stage

Valerij M. Mokienko

St. Petersburg State University

This article provides an analytical review of Russian dialectal phraseography, from the first minor regional word-lists of 1970-s to the modern comprehensive dictionaries and paremiological collections. The review is focused upon the compilation principles for the lexicographical sources of that kind as well as upon the assessment of dialectal phraseological material which they describe. The other point which is emphasized in the article are the peculiarities of lexicographical processing of such parameters as areal mark, definition, stylistic marking, presentation of stylistic variants, comments on cultural, historical and etymological information. The article also describes the process of creating the “Full phraseological dictionary of Russian dialects” from the viewpoint of its compilers (V. M. Mokienko, T. G. Nikitina and E. K. Nikolaeva).

Key words: phraseological unit, dialectal phraseology, dialectal phraseography, variation of dialectal phraseological units.

References

Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskih yazykah (Lingvističeskie i lingvokulturologičeskie aspekty). Kollektivnaya monografiya [Animalistic phraseology in Slavic languages (Linguistic and linguo-cultural aspects). Collective monograph] / nauchn. red.: H. Valter, V. M. Mokienko; red. kollegiya: T. V. Volodina (Belarus'), I. V. Kuznečova (Rossiya), S. A. Savchenko (Rossiya-Tajvan'). SPb.: SPbGU — Greifswald: Universität Greifswald, 2019. 255 p.

Ivashko L. A. Dialektnaya frazeologiya i eyo formirovanie na baze leksiki narodnoj reči [Dialect phraseology and its formation on the basis of the vocabulary of folk speech]: dis. ... dokt. filol. nauk. L., 1990.

Kobeleva I. A. Sovremennaya russkaya dialektnaya frazeologiya: leksiko-grammaticheksij i leksikograficheskeksij aspekty [Modern Russian dialectal phraseology: lexico-grammatical and lexicographical aspects]: dis. ... dokt. filol. nauk. Syktyvkar, 2012. 355 p.

Kostyuchuk L. YA. Processy stanovleniya i funkcionirovanie ustojčivyh sochetanij slov v pskovskih pamyatnikah pišmennosti i narodnyh govorah [The processes of formation and functioning of set expressions in the Pskov written sources and dialects]: dis. ... dokt. filol. nauk. Pskov, 1983. 369 p.

Larin B. A. Pro narodnu frazeologiyu [On folk phraseology] // Ukraïnska mova v shkoli [Ukrainian language in school]. 1959. № 20. P. 135–143. To zhe na rus. yazyke [The same article in Russian]: O narodnoj frazeologii [On folk phraseology] // Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie / Larin B. A. [History of the Russian language and general linguistics]. M., 1977. Pp.149–162.

Nikitina T. G. Ideograficheskeksie aspekty izucheniya narodnoj frazeologii (na materiale pskovskih govorov) [Ideographic aspects of the study of folk phraseology (based on the Pskov dialects)]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 1995. 32 p.

Состояние обследования регионов по темам ЛАРНГ*

Мызников Сергей Алексеевич
Королькова Мария Денисовна
Глебова Ольга Владимировна
Спиричева Маргарита Вадимовна
Власова Татьяна Сергеевна
Колпащикова Анастасия Игоревна
Донина Людмила Николаевна
Ахрименко Дарья Сергеевна
Надежда Викторовна Шевченко
Институт лингвистических
исследований РАН

Статья посвящена фиксации современного состояния собранных материалов по проекту Лексический атлас русских народных говоров. Сбор материала в регионах Европейской части России — это одна из приоритетных задач русской диалектной лексикографии. В настоящее время продолжается экспедиционная работа по темам ЛАРНГ, и данная статья является ответом на вопрос, какие области или районы областей являются наиболее приоритетными для обследования сегодня. Каждая таблица посвящена одной географической области, представлены данные по разделам «Природа», «Человек», «Трудовая деятельность» и «Материальная культура».

Ключевые слова: диалектная лексикография, лингвогеография, Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ).

Следует отметить, что сбор материалов не прекращается, и каждый год картотека и база данных ЛАРНГ пополняется новыми данными. Картотека находится в непрерывной

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00207 «Лексический атлас русских народных говоров»: архивные лингвогеографические источники и новые полевые данные.

работе — пополнение новыми материалами, сортировка и оцифровка уже поступивших данных проводятся постоянно.

Настоящее обследование было сделано с целью верификации данных и фиксирует состояние картотеки ЛАРНГ в результате полевой работы и обработки материалов по всем темам программы ЛАРНГ на 2019 год. Работа продолжается, но постепенно вырисовывается и общая картина. Такого рода презентация большей частью обращена к участникам проекта.

В настоящее время картотека атласа состоит из двух частей — бумажной (основной) и электронной картотек. Бумажная картотека на сегодняшний день больше электронной, последняя дополняет каждый вопрос лишь до 10%. Они хранятся в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. Материалы описываются при поступлении: указывается год и место сбора, авторы обследования, количество обследованных вопросов. В электронной картотеке данные о количестве материалов указываются автоматически при загрузке файла. Новая статистика необследованных регионов ЛАРНГ получена на основании анализа ряда отдельных ключевых вопросов, которые должны помочь составить представление о собранной теме, и представлена в виде таблиц.

Каждая таблица посвящена одному субъекту Российской Федерации, входящему в ЛАРНГ, области или Республике, по вертикали указан номер района, по горизонтали — номер вопроса ЛАРНГ для Лексики природы и номер темы для последующих тем (1–19).

Наличие материала для вопроса в Картотеке помечается знаком «+», отсутствие — знаком «-». Для объединенных данных (см. ниже) используется знак «±». Для составления карт и таблиц необследованных регионов для раздела «Природа» были взяты вопросы ЛСЛ 397. Склон (холма, пригорка, горы) — тема «Ландшафт», Л 531. Ясная солнечная погода (весенняя или летняя) — тема «Метеорология» и ЛСЛ 664. Раннее утро, рассвет — «Части суток».

В большинстве тем было выбрано по два вопроса для полноты картины, и результаты данных по необследованным регионам из каждых двух вопросов были объединены по начальным тысячным номерам (если один вопрос зафиксирован в картотеке, а другой — нет, тогда эта тема помечается в таблице знаком «±»). Для статистики были взяты следующие темы: в разделе «I. Человек» — «1. Анатомические названия» (1001–1109), «2. Физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения» (2001–2086), «2. Характеристика личности и поведения человека по эмоциональному состоянию, умственным способностям и отношению к нормам нравственности» (2087–2182), «3. Народная медицина» (3001–3150), «4. Семья, семейные отношения» (4001–4274), «5. Традиционная народная духовная культура» (5001–5509); в разделе «II. Трудовая деятельность» — «6. Пчеловодство» (6001–6359), «7. Огородничество» (7001–7155), «8. Садоводство» (8001–8053), «9. Животноводство» (9001–9260), «10. Птицеводство» (10 001–10 141), «11. Пчеловодство» (11 001–11 052), «12. Обработка льна и конопли. Прядение. Ткачество» (12 001–12 073), «13. Плотницкое, столярное, кузнечное, гончарное, валяльное дело» (13 001–13 108), «14. Рыболовство» (14 001–14 194), «15. Охота» (15 001–15 040); «IV. Материальная культура» — «16. Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» (16 001–16 681), «17. Домашняя утварь» (17 001–17 163), «18. Крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения» (18 001–18 229); в разделе «V. Питание» — «19. Пища, напитки и их приготовление» (19 001–19 250).

Как и ожидалось, лучше всего регионы обследованы по теме «Лексика природы». Эти материалы начали собирать первыми и почти все они в бумажной картотеке. Тема «Крестьянское жилище», «Духовная культура» обследованы лучше.

Воронежская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																				
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Рамонский р-н.(832)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Верхнехавский р-н.(833)	+	+	+	+	+	+	±	±	±	±	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+
Эртильский р-н.(834)	+	+	+	+	+	+	±	±	±	±	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+
Хохольский р-н.(849)	+	+	+	+	±	±	±	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-
Нижнедевицкий р-н.(849а)	?+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+
Семилукский р-н.(850)	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
Новоусманский р-н.(851)	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Панинский р-н.(852)	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Терновский р-н.(853)	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-
Апнинский р-н.(870)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Грибановский р-н.(871)	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Борисоглебский р-н.(872)	+	+	+	+	-	±	+	-	+	-	+	-	-	+	+	+	-	-	+	+	+	+	-
Бобровский р-н.(883)	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Таловский р-н.(884)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Новохоперский р-н.(885)	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-

Ивановская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																				
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Фурмановский р-н.(243)	+	+	+	+	±	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Приволжский р-н.(244)	+	+	+	-	±	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Вичугский р-н.(246)	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Кинешемский р-н.(247)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Заволжский р-н.(248)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Юрьевецкий р-н.(249)	+	+	+	+	±	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Комсомольский р-н.(284)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Тейковский р-н.(285)	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Гаврилово-Посадский р-н.(286)	+	+	+	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Лежневский р-н.(287)	+	+	+	-	±	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	±	-	-	+	+	+	+	+
Ивановский р-н.(288)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Шуйский р-н.(289)	+	+	+	±	±	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Родниковский р-н.(290)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Палехский р-н.(291)	+	+	+	±	+	-	±	-	-	±	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+	+	+
Лухский р-н.(292)	+	+	+	±	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Пучежский р-н.(293)	+	+	+	-	+	+	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+

Кировский р-н.(571)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Думничский р-н.(572)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сухиничский р-н.(573)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Людновский р-н.(599)	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Козельский р-н.(600)	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Жиздринский р-н.(634)	-	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Карелия республика

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																				
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Лоухский р-н.(3)	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кемский р-н.(8)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Беломорский р-н.(11)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
Сегежский р-н.(15)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Медвежьегорский р-н.(18)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+	+	+	+
Кондопожский р-н.(21)	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Прионежский р-н.(25)	+	+	+	-	-	+	-	+	+	±	-	-	-	-	±	-	+	-	-	-	-	+	-
Пудожский р-н.(26)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	-	+	-	-	±	±	+	-	-	+	+	+	-

Орловская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																			
	397	531 664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Хотынецкий р-н.(666)	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-
Знаменский р-н.(667)	+	-	+	+	+	+	±	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
Болховский р-н.(668)	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	+
Мценский р-н.(669)	+	+	+	+	+	-	+	+	±	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	-	+
Шабелькинский р-н.(700)	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-
Сосновский р-н.(701)	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-
Урицкий р-н.(702)	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-
Орловский р-н.(703)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	+
Залоговский р-н.(704)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	+
Новосильский р-н.(705)	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	+	+	-	+	-	-	+	+	+	-	-
Верховский р-н.(706)	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	±	+	+	-	±	-	-	-	+	+	+	+
Новодеревеньковский р-н. (707)	+	+	+	+	±	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	+
Кромской р-н.(734)	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Свердловский р-н.(735)	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-
Покровский р-н.(736)	+	-	+	+	±	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	-	+	+
Дмитровский р-н.(766)	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+

Троснянский р-н.(767)	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+	+
Глазуновский р-н.(768)	+	+	+	+	±	±	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+
Малоархангельский р-н.(769)	+	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+
Ливенский р-н.(770)	+	+	+	+	±	±	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+
Колпнянский р-н.(795)	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Должанский р-н.(813)	+	+	-	±	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	+

Пензенская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																		
	397	531 664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Беднодемьяновский р-н.(618)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Наровчатский р-н.(619)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Иссынский р-н.(621)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Заметчинский р-н.(642)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Вадинский р-н.(643)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Нижнеломовский р-н.(644)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мокшанский р-н.(645)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лунинский р-н.(646)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Никольский р-н.(647)	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+

Псковская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»			Номера тем по программе ЛАРНГ																			
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Гдовский р-н.(70)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Струго-Красненский р-н. (94)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Плюсский р-н.(95)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Печорский р-н.(120)	+	+	+	-	±	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Псковский р-н.(121)	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Дновский р-н.(122)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Палкинский р-н.(167)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Островский р-н.(168)	+	+	+	+	+	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Порховский р-н.(169)	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Дедовичский р-н.(170)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Пыталовский р-н.(217)	+	+	+	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Красногородский р-н. (218)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Опочецкий р-н.(219)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Пушкиногорский р-н. (220)	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-

Рязанская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»			Номера тем по программе ЛАРНГ																			
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Клепиковский р-н.(471)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Касимовский р-н.(473)	+	+	+	+	+	+	±	+	-	±	+	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+
Рыбновский р-н.(524)	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Пигелинский р-н.(525)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Ермишинский р-н.(526)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Рязанский р-н.(549)	+	+	+	-	+	+	-	±	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Спасский р-н.(550)	+	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Шилловский р-н.(551)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Сасовский р-н.(552)	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Кадомский р-н.(553)	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Михайловский р-н.(576)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Старожилловский р-н. (577)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Путятинский р-н.(578)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Чучковский р-н.(579)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Пронский р-н.(608)	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+

Ровенский р-н.(911)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Питерский р-н.(912)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Новоузенский р-н.(922)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Александрово-Гайский р-н.(939)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Свердловская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																			
	397	531 664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Пригородный р-н.(119)	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Шалинский р-н.(166)	+	+	+	+	-	-	+	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Ачитский р-н.(215)	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нижесергинский р-н.(216)	+	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+
Красноуфимский р-н.(265)	+	+	-	-	-	±	-	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	+	+	+
Аргинский р-н.(266)	+	+	-	-	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»			Номера тем по программе ЛАРНГ																			
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Ясногорский р-н. (546)	+	+	+	-	+	-	-	-	+	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Венеvский р-н. (547)	+	+	+	+	±	-	-	±	-	±	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Суворовский р-н. (574)	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Дубенский р-н. (575)	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Белевский р-н. (601)	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Одоевский р-н. (602)	+	-	-	-	±	-	-	±	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Щекинский р-н. (603)	+	+	+	+	-	-	-	-	+	±	-	-	-	±	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Узловский р-н. (604)	+	+	+	-	+	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киреевский р-н. (605)	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Новомосковский р-н. (606)	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кимовский р-н. (607)	+	+	+	+	-	-	-	±	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Арсеньевский р-н. (635)	+	+	+	-	-	-	-	±	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Плавский р-н. (636)	+	+	+	±	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Богородицкий р-н. (637)	-	-	-	+	+	-	-	±	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Воловский р-н. (638)	+	+	+	+	-	-	-	-	-	±	+	+	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-
Чернский р-н. (670)	+	+	+	+	+	-	-	-	-	±	-	-	-	-	±	±	-	-	-	-	-	-	-
Куркинский р-н. (671)	-	-	-	+	±	-	-	±	-	-	-	-	-	±	±	±	-	-	-	-	-	+	-
Ефремовский р-н. (708)	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-

Удмуртия республика

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																				
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Ярский р-н.(154)	+	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Глазовский р-н.(155)	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	+
Балезинский р-н.(156)	+	+	+	-	-	-	+	±	+	±	+	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+
Кезский р-н.(157)	+	+	+	+	-	+	+	±	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
Селгинский р-н.(204)	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	-
Юкаменский р-н.(205)	+	+	+	+	-	+	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Красногорский р-н.(206)	+	+	+	+	-	+	+	±	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Игринский р-н.(207)	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Дебесский р-н.(208)	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Семсинский р-н.(258)	+	+	+	+	-	+	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Увинский р-н.(259)	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Якшур-Больинский р-н. (260)	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+
Шарканский р-н.(261)	+	+	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Воткинский р-н.(262)	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Вавожский р-н.(308)	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+

Новомалыклинский р-н. (629)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ипзенский р-н.(648)	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Барышский р-н.(649)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Козоватовский р-н.(650)	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Тереньгульский р-н.(651)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Николаевский р-н.(684)	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Новоспасский р-н.(720)	-	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Павловский р-н.(750)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Радичевский р-н.(751)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Челябинская область

Название района	Номера вопросов по теме «Лексика природы»		Номера тем по программе ЛАРНГ																				
	397	531	664	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	
Нязелетровский р-н.(321)	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кусинский р-н.(374)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сагинский р-н.(421)	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ашинский р-н.(458)	+	+	-	-	-	-	-	±	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Катав-Ивановский р-н. (459)	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+

The current state of collecting the regional material for the topics given in the Lexical atlas of Russian folk dialects

Sergej A. Myznikov

Mariya D. Korolkova

Olga V. Glebova

Margarita V. Spiricheva

Tat'yana S. Vlasova

Anastasiya I. Kolpashchikova

Lyudmila N. Donina

Dar'ya S. Ahrimenko

Nadezhda V. Shevchenko

Institute for Linguistic Studies,

Russian Academy of Sciences

In this article we document the current state of materials collected within the framework of the Lexical atlas of Russian folk dialects (LARFD) project. Collecting the material in the regions of the European part of Russia is one of the priority tasks for Russian dialect lexicography. At present, the field work for LARFD is ongoing, and this article reveals which parts of regions or districts are of the utmost priority for the study today. There is a table for each geographical area with data on "Nature", "Man", "Labor" and "Material Culture" sections presented.

Key words: dialect lexicography, linguogeography, Lexical Atlas of the Russian dialects (LARFD).

Наименования транспортных средств в русских говорах Ульяновской области*

Янина Валерьевна Мызникова

Санкт-Петербургский

государственный университет

В исследовании анализируются особенности функционирования наименований транспортных средств в русских говорах Ульяновской области, выявляются наиболее сохранные слои данной тематической группы слов. В данной тематической группе выделяются слои общеупотребительной, интердиалектной и узколокальной лексики. В статье показано, что диалектные наименования водных транспортных средств являются в своём большинстве местными элементами, узколокальными или характерными для говоров Поволжья в целом. Наименования наземных транспортных средств большей частью представляют собой общеупотребительные и интердиалектные лексемы. Узколокальными в этой группе являются наименования детских средств для катания и некоторые названия кузовов.

Ключевые слова: русские говоры, диалектная лексика, наименования транспортных средств, общеупотребительная лексика, интердиалектная лексика.

Материалом для изучения наименований транспортных средств послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2018 гг. в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов Ульяновской области. Также были использованы данные «Словаря русских народных говоров» для уточнения и дополнения экспедиционных материалов. Большинство опрошенных информантов родились в 30-е гг. XX в., описывали современные им реалии, зачастую в их описаниях

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

присутствовали современные транспортные средства, особенно когда речь шла о работе в колхозе: *Ф поле поедеш кэкурузу полот' / с пес'нями / машина / оттуда с пес'нями* // Старый Белый Яр Чердаклин. Но всё же в рассказах информантов присутствуют и традиционные крестьянские транспортные средства, в первую очередь, грузовые: разновидности телег, саней, кузовов к ним, а также детские зимние средства для катания.

Быстрый уход данной группы лексики в пассивный слой обусловлен изменившимися реалиями сельской жизни и требует от собирателей особого внимания к вопросам по теме «Транспортные средства». Тем не менее, зачастую данный раздел «Программы собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров» остаётся не охваченным при опросах информантов. И всё же тема транспортных средств освещается в ряде исследований диалектной лексики (см., например: [Антушева 2008; Гришанова 1990; Гришанова 1994; Мельникова 2007; Мызников 1998; Окуловская 2009; Храмцова 1988]).

Использование тех или иных транспортных средств в крестьянском хозяйстве обусловлено прежде всего природными особенностями региона, а также сферами хозяйственной деятельности людей. Все средства передвижения можно разделить на наземные (сухопутные) и водные. Наземные средства передвижения традиционно делят на волокушные, полозовые и колёсные (Программа ЛАРНГ: 299). Это разделение обусловлено конструктивными особенностями транспортных средств, что, в свою очередь, связано с их сферой использования, так, для колёсных средств передвижения необходима твёрдая почва, для саней — снежный покров, волокуши необходимы для транспортировки грузов в условиях затруднённой проходимости, например, для выволакивания брёвен из леса, вывоза сена из заболоченных мест. Полозовые и колёсные транспортные средства подразделяются на грузовые (предназначенные для перевозки каких-либо грузов) и выездные (предназначенные для различных поездок).

1. Из волокушных средств в экспедиционных записях зафиксирована только лексема *волоку́ша* (*А солому отвозили лошадьми / влокуша была / деревянна / она запрягалас в лошат' // отважывали солому от этой мълотилки / вываливаца солома-та кода мълотилка-та делат // Ерыклинск Мелекес.*). В БАС приводится с пометой *Обл. (сев.)*, со значением ‘две длинные, волочащиеся по земле жерди, скрепленные поперечной связкой для перевозки тяжестей и брёвен по бездорожной местности (примитивная повозка без колёс или полозьев)’ (БАС 2: 626).

2. Полозовые средства — это различные виды *саней*. К саням относят «все двухполозные повозки, имеющие на полозьях какую-либо конструкцию для размещения груза и отдельно прикрепленные к ним потяги» [Васильев 2007: 7]. Все остальные скользящие приспособления относят к волокушам. Сани могут быть разделены на грузовые и выездные. Из обозначений грузовых саней в наших материалах представлены следующие:

дровни ‘сани с плоским настилом для перевозки грузов’ (*Зимой дарогу передуло / так папа меня на дровнях вазил в гораг // дровни / лошат' запрягают / сани такие бал'ишы // Крестово-Городище Чердаклин.*);

подсанки ‘короткие санки, привязываемые к дровням при перевозке громоздких грузов’ (*Были эти / дровни / а от дровней были потсанки мален'ти / верёф'кими их берёш / хрест нахрест завяжэш / брёвна наваливаш и попёр дровни / а за ними потсанки // Красная Река Старомайн.*); имеется в БАС;

рбзвальни приводятся в БАС как общеупотребительное со значением ‘низкие и широкие крестьянские сани с расходящимися врозь от передка боками’ (БАС 12: 1416);

чўни ‘самодельные деревянные санки’ (*Ез'дили в луга на чунях / вот я дефчонкой на чунях ез'дила за дровами / и хворост возили / и дрова возили / фсё на себе // Старый Белый Яр Чердаклин.; В этих в лугах набирали зимой дроф / и на чунях везли // чуня как санки / но токо оне бол'шэ*

/ *деревянны* / *полозья тожэ деревянны* // Старый Белый Яр Чердаклин.) (в БАС нет);

к этой же группе лексем примыкает название небольших детских санок *салáзки*, на которых дети и подростки возили дрова: *И вот бывало с ней разругамса / поедим за дравами-та в эту / в Иванафку / накладём на саласки-та / увяжэм* // Старая Майна Старомайн.

Другие средства для зимнего катания детей представлены следующими лексемами:

ледя́нка ‘обледенелый предмет, например, таз, для катания с горки зимой’ (*Вот примерна тазик такой / тока круглый / штобы нис был круглый ... // залезем / далёка катимся на этой ледянке / и вот ана [мама] им з’делат эта фсё ледянки / вадою пальёт / этат тас з’делаца л’дом* // Кременские Выселки Старомайн.), в подобном значении приводится и в БАС с пометой *Обл.* (БАС 6: 126);

самока́тки ‘самодельные детские санки’ (*Самокатки на трёх этих / кон’ках / и пошол / ой лёташ!* Старый Белый Яр Чердаклин.) (в БАС есть в другом значении);

козлы́ ‘устройство для катания с гор в виде небольшой скамейки, покрытой тонким слоем льда или замороженного навоза’ (*А зимой-та мы с пэцанами / óзера-т / а у нас под óзера-тэ вот гора / делаем козлы́ / козлы́ делали // лафка вон с ногами вот так вот / наморажывали / и па-ашиол* // Старый Белый Яр Чердаклин.) (нет в БАС) (в СРНГ есть в этом же значении *коза* с пометой *Смол.*).

Ещё одно средство для катания (не зимнего) детей представлено лексемой *кату́лька* ‘деревянная коляска для младенца на деревянных колёсиках’ (*Катул’ка / у неё деревянны колёсики там / и она сама фся деревянна / така низен’ка / и тол’ка што робёнка вот посадиш / и эта ешо она не у фсех была* // Крестово-Городище Чердаклин.); в БАС и СРНГ в этом значении не представлено.

Наименования вездных саней (*ко́зыри*, *расписные санки*) встречаются в основном в рассказах о свадебных

гуляниях: *За невестай на паре на лошади / санки специал'ные / да нарядят дугу / обрядят со свахами / у жэниха д'ве свахи / у невест'ти д'ве свахи / кучэр особе / санки специал'ны были расписные / на паре // да мало таво / ззади ещё лошади три-четыри едут / свад'ба-та эта / пдест / поест едет // Ерыклинск Мелекес. В БАС лексема *козыркі* приводится с пометой *Обл.* (БАС 5: 1122).*

Большая часть этих лексем (*сани, дровни, розвальни, подсанки, салазки, ледянка, козыри*) является общепотребительной или широко распространённой в диалектной среде, хотя многие из этих лексем уходят в пассивный запас лексики в связи с уходом реальных. Узколокальными являются наименования детских средств для катания и перевозки небольших грузов: *чунь, самокатки, катульки, козлы*.

3. Колесные средства передвижения являлись самыми распространёнными. Каждый хозяин, имевший лошадь, обязательно обзаводился телегой. В экспедиционных материалах встретились следующие наименования колёсных средств для перевозки грузов в крестьянском хозяйстве:

дрóги 'телега или сани без кузова' (*Делали телеги / как жэ / дроги // в лес поедши / срубши эту / жэрт' / зделаеш эти / называлис' дрóги // Красная Река Старомайн.*); в БАС приводится значение 'длинная телега без кузова, состоящая из передка и задка, соединенных продольными брусьями' (БАС 3: 1120);

дрóжки 'телега для перевозки грузов' (*Рыдваны таке были / вот на колёсах дрóжки / а на этих дрошках з'деланы рыдваны // Красная Река Старомайн.*); в БАС другое значение: 'легкий двухместный открытый экипаж на рессорах' (БАС 3: 1120);

рыдв́ан 'длинная телега с высокими бортами или глубоким кузовом для перевозки снопов, сена' (*На роботу в рыдванах с песнями / с роботы с песнями // Красная Река Старомайн.*); в БАС приводится с пометой *Обл.* и значением 'длинная телега для перевозки снопов и сена' (БАС 12: 1617);

ры́нда, ры́ндица 'длинная телега в виде ящика для

перевозки снопов и сена' (*Рында — ну длинна телега на чэ-тыррёх колёсах, от этой телеги вот эдаки вот палки, вот эдаки бол'шие палки, как жэрдями, эта называлас' рында* // Ерыклинск Мелекес.); лексема зафиксирована в СРНГ с территориальными пометами Куйбыш. и Моск. (СРНГ 35: 310);

фу́ра 'большая, длинная телега' (*Потом ф фурах / повоски такие фуры / деревянные такие / фсё деревянное / и колёса деревянные были / окованы тол'ка этими / обози-та металичэские были / и оси деревянные / оглобли / ну и вот накладывали в неё снопы фплот' доверху так вот* // Старая Майна Старомайн.); в БАС: 'большая, длинная телега для клади' (БАС 15: 1595).

Из наименований транспортных средств, предназначенных для поездок, зафиксированы следующие:

кача́лка 'повозка для езды по бездорожью' (*Жэрепыцы были племянные / там им качалки были / ез'дили на них / ну на двух колёсах она // претсядател' ез'дил / пэ полям ез'дил / и куды нада ез'дил* // Старый Белый Яр Чердаклин.); в БАС приводится в значении 'беговой двухколесный экипаж' (БАС 5: 886);

тара́нтас 'четырёхколёсная дорожная повозка на длинных дрогах, уменьшающих тряску' (БАС 15: 115): *Садис' ф тарантас // меня в Майну отвёс / в Майну привёс / на закройщика / вот ботинки шьт' / туфли* // Красная Река Старомайн.

В данной группе большинство лексем также являются общеупотребительными (*дроги, рыдван, фура, тарантас, качалка*), только лексемы *рында* и *рындица* территориально ограничены, а *дрожки* используются в диалектном употреблении в ином значении.

4. Значительную группу лексики составляют наименования различных видов **кузовов**:

возовáя корзíнка, плетью́ха 'большая плетёная корзина для вывоза снега со двора, используется как кузов, ставится на санки, салазки' (*Эта ужэ бол'шая / возили на*

ней / снeк выважывали / допустим со двора / корма возили // вот я вышла замуш / у них во дворе плетюха эта была // Крестово-Городище Чердаклин.; Я плёл вон вoзoвóе карзинки / с'нeк возит' на саласках / со двора-т // Старый Белый Яр Чердаклин.); в БАС приводится *плетюха* с пометой *Обл.* и значением 'большая сплетенная из прутьев корзина' (БАС 9: 1393);

колорада 'кузов в виде ящика для перевозки сыпучих грузов, например, зерна насыпью' (*Кóлорада такая / на телегу кладеца вот такая деревянная / штоп нигде не тёкло ничово / хлeп-та не сыпался / она з'делана как колода такая / и едак к комбайну грузица* // Старый Белый Яр Чердаклин.); в БАС и СРНГ лексема не представлена;

рыдв́ан 'специальный кузов из жердей для перевозки снопов и сена' (*Рыдв́аны таке были / вот на колёсах дрóшки / а на этих дрóшках з'деланы рыдваны / метра три длиной оне* // Красная Река Старомайн.) (нет в БАС).

Примыкает к этой группе лексема *воз* 'груз повозки, количество клади, которое может уместиться на телеге, санях' (*Вот на дровни кладёш вос огромный / там была передо́вка и гнёт / с'уши и натягиваши / а передо́вка эт вот от этой жэ верё́ф'ки / и вот так привязана туды / штоб гнёт потсунут' / и потом на сена-та нажымали // а тут уи затыгивали верё́ф'кими / штобы он вос-та не розвалилса* // Красная Река Старомайн.).

В экспедиционных записях были отмечены и слова, обозначающие другие части транспортных средств: *передо́вка* 'верёвочная петля в передней части телеги, саней, служащая для стягивания воза', *шй́на* 'металлический обруч, натягиваемый на обод колеса для повышения его прочности и уменьшения износа', *стýпница* 'центральная часть колеса с гнездами для спиц и отверстием для оси'.

В данной группе слов значительная часть лексики является диалектной (*возовая карзинка, плетюха, колорада, рыдван* в значении 'кузов', *передовка*). Слово *колорада* 'кузов в виде ящика для перевозки сыпучих грузов' было

зафиксировано многократно, но только в одном населённом пункте: *Вот дедушка школу кончыл и пошел отважыват' хлеп / хлеп отважыват' на кълорáдах / на лошади // кълорáда такая / на телегу кладёца вот такая деревянная / штоп нигде не тёкло / ничово / хлеп-та не сыпалса // она з'делана как колода такая / и едак к комбайну грузица // а я весофшыком былá / от них хлеп принимала / вот кълорáды шшытат' / там фсеé записыват' // Старый Белый Яр Чердаклин.*

5. Среди названий водных транспортных средств и их частей в экспедиционных записях встретилось достаточно много общеупотребительных слов и названий современной техники: **лодка**, **баржа**, **моторка**, **якорь**, **кормовое весло**, **плица** и др. В то же время в этой группе имеется диалектная лексика:

гўсли 'в рыбацкой лодке решётка из реек, которую кладут на дно лодки' (*Рыба выбираеца / в гўсли бросаеца // эта в лотке гўсли // она похожа на гўсли / доска такая решоччатая / из реек зделаная // Крестово-Городище Чердаклин.*); локальное, в словарях нет;

носóвка 'носовая часть рыбацкой лодки' (*Нарыбачыи стол'ка / што полные гўсли / и полная насофка // Крестово-Городище Чердаклин.*); локальное, в словарях нет;

завóзня используется в двух значениях: 1) 'лодка, используемая для завозки якоря вверх от гонки (плота) или невода перед его забрасыванием'; 2) 'большая лодка в четыре весла для перевозки людей и грузов'; в БАС приводится значение 'лодка для переправы людей и грузов через реку' (БАС 4: 320);

ботнїк 'лодка-долблѣнка' (*Ботник / эта долблѣнка / небол'шая такая // Ерыклинск Мелекес.*); по данным СРНГ, территориальные пометы соответствуют владимирско-поволжским и вологодско-вятским говорам (СРНГ 3: 136);

будáрка 'лодка, используемая для рыбной ловли или перевозки грузов' (*На бударках грузы перевозили / лотка такая с острым носам // Старый Белый Яр Чердаклин.*);

по данным СРНГ, территориальные пометы показывают распространение слова в говорах по среднему и нижнему течению Волги (СРНГ 3: 241);

косовая лодка ‘лодка среднего размера для перевозки людей, грузов’ (*Кэсовы лотки были / людей возили / грузы фсякие / не очэн’ бол’шые* // Старый Белый Яр Чердаклин.); по данным СРНГ, лексема также распространена в Поволжье.

Таким образом, диалектные наименования водных транспортных средств являются в своём большинстве местными элементами, узколокальными или характерными для говоров Поволжья в целом.

В то же время наименования наземных транспортных средств большей частью представляют собой общеупотребительные и интердиалектные лексемы. Узколокальными в этой группе являются наименования детских средств для катания и некоторые названия кузовов.

Литература

Антушева М. А. Наименование саней и их частей в Пинежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 178–186.

Васильев М. И. Русские сани: историко-этнографические исследования: Великий Новгород, НовГУ имени Ярослава Мудрого. 2007. 364 с.

Гришанова В. Н. Названия традиционных транспортных средств в говоре села Борилово Волховского района Орловской области // Школа-семинар. Лексический атлас русских народных говоров (Тезисы). СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1990. С. 26–28.

Гришанова В. Н. Названия лёгких выездных саней со спинкой в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 111–117.

Гришанова В. Н. Названия грузовых транспортных средств в говорах Орловской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1993. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 65–68.

Мельникова Е. Г. О некоторых наименованиях средств передвижения в псковских говорах (в связи с программой ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 146–152.

Мызников С. А. О некоторых наименованиях лодок-долблёнок в говорах Северо-Запада // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1996. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1998. С. 88–92.

Окуловская С. В. Костромская лексика по теме «Пути сообщения, транспортные средства» на материале произведений И. М. Касаткина как источник ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 230–236.

Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. 336 с.

Храмцова В. П. Названия лодок и их частей в лексике псковских рыбаков // Псковские говоры в их прошлом и настоящем / ред. коллегия: Л. Я. Костючук (отв. ред.), Н. В. Большакова, А. С. Герд, С. М. Глускина, Т. Г. Никитина. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 73–82.

The words denoting vehicles in the Russian dialects of the Ul'yyanovsk region

Yanina V. Myznikova

Saint Petersburg State University

The study analyzes the functioning of the names of vehicles in the Russian dialects of the Ulyyanovsk region. The study reveals the most preserved layers of this thematic lexical group. The fractions of common, interdialect and narrow-local lexics can be found in this thematic group. The author of the article shows that the dialect names of water vehicles are mostly local elements, narrow-local or typical for the dialects of the Volga region as a whole. Land vehicle names are mostly common and inter-dialect lexemes. Many names of children's means for riding and some names of vehicle bodies are narrow-local lexemes.

Key words: Russian dialects, dialectal vocabulary, vehicle names, common vocabulary, inter-dialectal vocabulary.

References

Antusheva M. A. Naimenovanie saney i ih chastej v Pinezhskih govorah [The words for sledges and their parts in the Pinega dialects] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2008. SPb.: Nauka, 2008. Pp. 178–186.

Vasil'ev M. I. Russkie sani: istoriko-etnograficheskie issledovanie; [The Russian sledges: a historico-ethnographic inquiry]. Velikij Novgorod, NovGU imeni YAroslava Mudrogo. 2007. 364 p.

Grishanova V. N. Nazvaniya tradicionnyh transportnyh sredstv v govo-re sela Borilovo Volhovskogo rajona Orlovskoj oblasti [The words denoting traditional vehicles in the dialect of the village of Borisovo, Volhov district, Orel region] // SHkola-seminar. Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Tezisy) [The workshop for the Lexical atlas of Russian folk dialects (Abstracts)]. SPb.: Izd. ILI RAN, 1990. Pp. 26–28.

Grishanova V. N. Nazvaniya lyogkih vyezdneyh saney so spinkoj v govorah Orlovskoj oblasti [The words for light visiting sledges with a backboard in the Orel region dialects] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1992. SPb.: Izd. ILI RAN, 1994. Pp. 111–117.

Grishanova V. N. Nazvaniya gruzovyh transportnyh sredstv v govorah Orlovskoj oblasti [The words for cargo vehicles in the Orel region dialects] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1993. SPb.: Izd. ILI RAN, 1994. Pp. 65–68.

Mel'nikova E. G. O nekotoryh naimenovaniyah sredstv peredvizheniya v pskovskih govorah (v svyazi s programmoj LARFD) [On some nominations of vehicles in the Pskov dialects (in connection with the LARFD programme)] // Leksicheskiy atlas rus-skih narodnyh govorah (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2007. SPb.: Nauka, 2007. Pp. 146–152.

Myznikov S. A. O nekotoryh naimenovaniyah lodok-dolblyonok v govorah Severo-Zapada [On some nominations of dugout boats in the

Northwestern dialects] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 1996. SPb.: Izd. ILI RAN, 1998. Pp. 88–92.

Okulovskaya S. V. Kostromskaya leksika po teme «Puti soobshcheniya, transportnye sredstva» na materiale proizvedenij I. M. Kasatkina kak istochnik LARFD [Kostroma regional vocabulary denoting thoroughfares and vehicles in I, M, Kasatkin's works as a source for LARFD] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorah (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2009. SPb.: Nauka, 2009. Pp. 230–236.

Programma sobiraniya svedenij dlya leksicheskogo atlasa russkikh na-rodnyh govorov: v 2 ch. [The programme for collecting the data for the Lexical atlas of Russian folk dialects: parts one and two] / otv. red. I. A. Popov. SPb.: Izd. ILI RAN, 1994. 336 p.

Hramcova V. P. Nazvaniya lodok i ih chastej v leksike pskovskih rybakov [The words for boats and their parts in the vocabulary of the Pskov fishers] // *Pskovskie govory v ih proshlom i nastoyashchem* [The past and present of the Pskov dialects] / red. kollegiya: L.YA. Kostyuchuk (otv. red.), N. V. Bol'shakova, A. S. Gerd, S. M. Gluskina, T. G. Nikitina. L.: LGPI im. A. I. Gercena, 1988. Pp. 73–82.

Лексика по теме ЛАРНГ «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» в костромских говорах*

Галина Дмитриевна Неганова
Костромской государственный
университет

В статье рассматриваются выявленные в архивных источниках начала XX в. областные слова по теме «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство»: 1) в СРНГ имеющие помету «костромское»; 2) представленные в СРНГ без пометы «костромское»; 3) не представленные в СРНГ. Анализируются лексемы *горенка, загатка, сарай, прируб, вьюшка, лачужка, назимок, огатка, промостье, просенье* в диахронии, относительно их бытования в современных говорах Костромской области и развития семантики. Делается вывод, что в рассмотренном объеме диалектной лексики номенклатура названий в костромских говорах существенно не изменилась за почти столетие; наблюдаемые изменения связаны либо с семантическим развитием слов, либо с исчезновением обозначаемых ими реалий. Получены дополнительные сведения по географии бытования рассмотренных слов.

Ключевые слова: костромские говоры, архивные источники, областное слово, лексическое значение, география бытования слова.

Целенаправленно лексику по теме «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» в костромском крае начали собирать еще в первые десятилетия XX в. Организатором и координатором выступало в основном Костромское научное общество (КНО), созданное в 1912 г. В работе принимали участие также сельские учителя, в 1920-е гг. —

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края».

научные сотрудники Костромской этнологической станции, студенты Ярославского пединститута. Сохранились материалы этнологических и этнографических экспедиций, содержащие сведения о народных названиях по данной теме, рукописные словари как специалистов, так и краеведов-любителей.

Материалами для нашего исследования послужили:

— Коллекция диалектных слов, собранных членами КНО в 1924–1927 гг. в различных районах Костромской губернии (слова, касающиеся частей хозяйственных построек и крестьянских изб) [КДС];

— Народный словарь, составленный студенткой Ярославского пединститута Е. М. Полянской, участницей этнологической экспедиции 1927 г. в Буйский уезд [Полянская 1927];

— её же записи «Стройка (общие сведения)», сделанные во время экспедиции 1930 г. в Красносельский район [Полянская 1930];

— Материалы по народному словарю с. Федорова Белореченской волости Костромского уезда, собранные членом местного краеведческого кружка Е. А. Веселовым в 1926 г. [Веселов 1926];

— Картотека Костромского областного словаря (ККОС).

Из выявленных по рассматриваемой теме названий, зафиксированных в говорах жителей вышеназванных районов в начале XX в., рассмотрено 30 лексических единиц, исследовано их бытование в современных говорах Костромской области и развитие семантики. Исходный список был сопоставлен с данными СРНГ и в соответствии с результатами разделен на три группы: 1) слова, имеющие в СРНГ помету «костромское»: *горенка, горница, загатка, клить, крылец, мост, повить, подволока, подклет, подкрывина, прикрывина, прикутка, припелёдка, прируб, сарай, сельник, терас*; 2) слова, представленные в СРНГ без пометы «костромское»: *вьюшка, лачужка, омшеник* (как костромское отмечено слово *омшаник*), *подволока, подполье*; 3) слова, не представленные в СРНГ: *люк, огатка, промостье, просенье, понклет* (в СРНГ *подклет*), *мизимент и мизинетчик*,

и зафиксированное в СРНГ, но не относящиеся к заявленной тематической группе слово *назимок*.

1. Большая часть рассматриваемых областных слов представлена в СРНГ с пометой «костромское» преимущественно с теми же значениями. Вместе с тем в семантике некоторых из них наблюдаются дополнительные признаки, отражающие характеристики денотата.

Гóренка. В. И. Даль толкует это слово широко: «большою частью вышка, верх, светелка, теремок, комнатка на чердаке; местами клеть, сельник особняком»; то же что *горница* — «задняя изба, чистая половина, летняя, гостиная, холодная изба» (Даль 1: 376). Как можно судить по представленному в СРНГ толкованию, в костромских говорах в семантике слова актуализированы дифференцирующие признаки, связанные с дополнительными характеристиками денотата — местоположением реалии («отдельно от избы»; «над воротами во дворе») и ее обогревом («холодная»): «маленькая, отдельно от избы комната, обыкновенно холодная и устраиваемая большей частью над воротами во дворе» с пометой «Буйск. Костром., 1896» (СРНГ 7: 33). Через три десятилетия после указанной даты первой фиксации значения слова данная лексема записывается (с пометой «распространено») в Пригородной волости Буйского уезда со значением «холодная, летняя комнатка рядом с зимней половиной по лицу избы» [Полянская 1927]; с этим значением она, по нашим наблюдениям, продолжает бытовать и в современных костромских говорах: *Вон над кладовой, по лицу два окна, горенка. Идите смотрите, самовар тамо на столике, медный, позеленел, увидите. Да кровать деревянная, монашенка, дедова крёстная, когда монастырь закрывали, привезла; так и стоит. Не сплю в горенке, дом-от у меня каменной, летом не жарко; внуки раньше спали, когда гостили* (Иванишево. Костром., 1977). По данным ККОС, в современных костромских говорах слово *горенка* наряду со значением «комната вверху над двором» (Б. Андрейково, Костром. 1985) употребляется также со значением «отдельное помещение на сарае для сундуков и одежды» (Лисицыно.

Кологрив., 2005), т.е. общий семантический признак ‘отдельно от избы’ получает развитие в коннотативной семеме: в лексическом значении слова проявляется добавочное значение, связанное с функциональностью реалии.

Согласно ККОС, в Костромской области почти повсеместно *горенка* — это ‘холодное помещение’, напр.: *Изба холодная горенкой звалась* (Ломки. Остров., 2006); *Летом хорошо в горенке спать, прохладно* (Легирово. Антроп., 2003). Однако в с. Сандогора Костромского района *горенка* — второе жилое помещение в доме-пятистенке с отдельной печью, в два, реже — три окна по фасаду, т.е. это не летнее холодное помещение, а обогреваемое печью, пригодное для проживания в холодное время года: *Они сначала в горенке жили* (Сандогора, Костром.).

Загáтка. «Много изб светлых, недавно построенных; этот тип стройки самый обычный и простой — в 3 окошечка, больше без дворов, с маленькими “загатками” для мелкого скота и птицы», — читаем в материалах экспедиции в Красносельский район [Полянская 1930]. В ККОС слово в указанном значении не выявлено, в 2006 г. записано в Нерехтском районе со значением «земляная или из опилок присыпка к нижней части дома с целью его утепления» (ср. также: *загáта* ‘обшивка дома соломой’; *загатíть* ‘утеплить помещение снаружи соломой’).

Как слово тематики «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», лексема *загатка* зафиксирована, по данным СРНГ, в «Обоян. Курск., 1859» — «узкое пространство между двумя плетнями, образующими стену сарая, забитое землей и навозом, соломой и т.п.»; «Переясл. Влад., 1858» — «навес с соломенной крышей»; «Брон. Моск., 1896» — «место в избе между печкой и стеной, к которой она примыкает; запечек» (СРНГ 9: 356–357). В ЯОС лексема *загатка* определяется как «обкладка наружных стен избы (из соломы, навоза и т.д.) для утепления на зиму», «завалина» и «пристройка ко двору для дров» (ЯОС 1985: 64), как «стенка у овина» (ЯОСД 1: 240).

Приведенные толкования отражают семантическое развитие слова, являющегося производным от *загата* ‘изгородь’, которое, отмечал Г. Г. Мельниченко, как и другие слова, встречавшиеся только за пределами Ростово-Суздальского княжества, может быть использовано «при изучении вопросов семантики и словообразования» [Мельниченко 1974: 110]. В связи с этим отметим, что красносельское слово *загатка* ‘небольшое помещение для мелкого скота и птицы’ коррелирует с тверским *загать* — «хлев. Ржев. Твер., 1852. Твер.» (СРНГ 9: 357): хлев — «помещение для домашнего скота, а также птицы» (БАС 17: 188).

Сарай. В СРНГ помету «костромское» имеет слово *сарай*, толкуемое как «помещение над двором, служащее для хранения сена, сельскохозяйственного инвентаря и т.п., поветь» (СРНГ 36: 130). О бытовании слова в Красносельском районе в 1930 г. сообщает участница этнологической экспедиции Е. М. Полянская: «Здесь “сельница”, но сельницы не типичны для здешней стройки. Чаще, по-видимому, двор не имеет 2-го этажа, для сена имеются отдельные “сарай”, — и далее приводит высказывание жительницы д. Шолохово: *По нашей деревне (дома.— Г. Н.) больше без сельниц. Вот у Тихомирова есть, так это потому, что у него сарая нет*» [Полянская 1930]. Лексема *сарай* со «значением отдельно стоящее строение для сена», по данным «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н. С. Ганцовской, известна также в говорах Чухломского района (Ганцовская 2015: 343).

Прируб. Это слово со значением «пристройка, постройка, прирубленная к уже существующему строению» имеет широкое распространение в русских говорах (СРНГ 31: 373). В 1930 г. в Красносельском районе были записаны две лексические единицы — словосочетания с этим словом, которые в ККОС не выявлены: *прируб в притык* (т.е. дом с прирубом) и *сквозной прируб* ‘дом-пятистенок’: *Прирубы «в притык» и «сквозные» бывают, по материалу глядя (последние и есть собственно «пятистенок», а первые с «прирубом»)*

[Полянская 1930]. На данный момент не установлено, известны ли эти названия современным костромским говорам.

2. Из слов, вошедших в СРНГ без пометы «костромское», представим два, бытование которых со значениями, зафиксированными в начале XX в., не выявлено.

Вьюшка. В д. Шолохово Красносельского района в качестве названия деревянного сруба употреблялось слово **вьюшка**: *Сельники рубят так: они рубятся цельные вместе с промостьем, а вьюшка — другой сруб* [Полянская 1930]. В ККОС слово не выявлено. По данным СРНГ, в 1936 г. как тверское («Весьегон. Твер., 1936») было зафиксировано слово **вьюшка** со значением «деревянный остов избы под крышей, но без внутренней отделки» (СРНГ 7: 71). О том, что слово продолжает бытовать со значением ‘сруб дома’ в современных севернорусских говорах, в частности, Пестовского района Новгородской области, свидетельствуют данные экспедиций А. Д. Сыщикова 1971–1983 гг. [Сыщиков 2006: 27].

Лачужка. В Коллекции диалектных слов, собранных членами КНО в 1924–1927 гг. в деревнях Ченцы (Красн.) и Вередихлебово (Нерехт.), встречается слово **лачужка** ‘пристройка, крытая соломой, у дома для сена, разной утвари, телег и пр.’ [КДС] (в современных красносельских и нерехтских говорах вместо него употребляется вариант **лачужа**). В СРНГ данное значение не отмечено, лексема **лачужка** толкуется как «1. Сарай, где летом спят молодые. Тамб.» и «2. Небольшая кладовая при доме для хранения продуктов. Сызр. Куйбыш., 1956» (СРНГ 16: 298). По данным ККОС, слово бытует в современных говорах Красносельского района, однако используется для обозначения крытого соломой строения не для хранения сельхозинвентаря, а для содержания скота: *Надо на зиму-то новую лачужку ставить* (Даниловское. Красн., 1985).

3. Слова, не зафиксированные или представленные в СРНГ не в рассматриваемой тематической группе, составляют более четверти общего объема выявленных в архивных источниках лексем. Представим некоторые из них.

Назі́мок. Еще в начале XX в. это слово толковалось как ‘изба, в которой живут зимой’ (Мальшево. Галич.) [КДС]. В ККОС данная лексема не выявлена, в современных говорах Галичского и соседних Буйского и Солигаличского районов для обозначения реалии употребляется слово *зимбвка* (Ганцовская 2015: 133).

Ога́тка. В д. Царево и Дворище Бычихинской волости Костромского уезда слово зафиксировано со значением ‘навес перед двором’ [КДС]. В современных костромских говорах, в говоре д. Высочки Красносельского района, лексема бытует со значением ‘пристройка к задней части дома, под углом к стене’ (к стене под углом приставляли жерди, которые покрывались мятой соломой): *Прикрой-ко в огатке дыру соломой*.

Промо́стье и просе́нье. Оба слова зафиксированы во время этнологической экспедиции в Красносельский район в 1930 г: *Промо́стье между избой и сельниками; У сельников — промо́стье и сельники; У него самого дом лет 30 построен: горница (налицо), просе́нье и изба (налицо), а сельников нет* [Полянская 1930]. В ККОС данные лексемы не выявлены. (Отметим, что в современных говорах Макарьевского и Мантуровского районов бытуют лексемы с приставкой *при-*: *присе́нье* ‘сени’ и *приси́ньё* ‘мост, тёмный коридор между крыльцом и входом в дом’, *приси́нье* ‘пристройка к сеням’.) Скорее всего, хотя бы одно из рассматриваемых слов с приставкой *про-* (*промо́стье* ‘мост’) сохраняется в речи жителей Костромской области, на что косвенно указывает использование его костромскими авторами статьи «К вопросу об онтологии архитектурной среды»: «Традиции общения хозяина избы с гостем системно обустроены элементами членения пространства: собака под крыльцом, подъём на несколько ступеней, полутёмный “мост” (промо́стье), где чужой не сразу дверь в избу “нашарит”...» [Рыбникова, Мариев 2008: 233].

Как видим, в рассмотренном объеме диалектной лексики номенклатура названий по теме «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» в костромских

говорах существенно не изменилась за почти столетие. Имеющиеся изменения связаны либо с семантическим развитием слов, либо с исчезновением обозначаемых ими реалий. Наблюдения позволили получить дополнительные сведения по географии бытования рассмотренных слов.

Список сокращенных наименований районов Костромской области

Антроп.— Антроповский
Галич.— Галичский
Костром.— Костромской
Красн.— Красносельский
Нерехт.— Нерехтский
Остров.— Островский

Литература

Веселов Е. А. Материалы по народному словарю с. Федорова Белореченской волости Костромского уезда. Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

КДС — Коллекция диалектных слов, собранных членами КНО в 1924–1927 гг. в различных районах Костромской губернии (слова, касающиеся частей хозяйственных построек и крестьянских изб). Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Полянская Е. М. Народный словарь. Материал этнологической экспедиции 1927 года. Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Полянская Е. М. Экспедиция 1930 года. Июль — август. Стройка (общие сведения). Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Рыбникова В. Ю., Мариев А. А. К вопросу об онтологии архитектурной среды // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2008. № 1. С. 231–235.

Сыщикова А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 292 с.

Kostroma dialectal vocabulary related to the LARFD¹
topic “Rural house. Household outbuildings. Construction”

Galina D. Neganova

Kostroma State University

The presented article discusses regional lexemes related to the topic “Rural house. Household outbuildings. Construction” as presented in the early 20th century archival sources. They are divided into the following subgroups: 1) those having the mark “Kostroma region” in the Dictionary of Russian folk dialects; 2) those represented in the Dictionary of Russian folk dialects without such a mark; 3) those not presented in the aforementioned dictionary.

The lexemes *gorenka*, *zagatka*, *saraj*, *prirub*, *v’juška*, *lačuška*, *nazimok*, *ogatka*, *promost’je*, *prosen’je* are analyzed from the viewpoint of their diachronic changes, their existence in the modern dialects of the Kostroma region and their semantic development. The conclusion is drawn that within the scope of the present article the repertory of the names presented in the Kostroma dialects has not changed significantly over the last 100 years; the registered changes are conditioned either by the semantic development of words, or by the disappearance of the realities they used to designate. Additional information regarding the geographical distribution of the words in question is provided.

Key words: Kostroma dialects, archival sources, dialect word, lexical meaning, the geography of the existence of a word.

References

Veselov E. A. Materialy po narodnomu slovaryu s. Fedorova Belorechenskoj volosti Kostromskogo uezda. Kostromskoj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik [Materials for the dialectal dictionary of the village Fedorovo (Belorechensk parish, Kostroma district). Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum].

KDS — Kollekcija dialektnyh slov, sobrannyh chlenami KNO v 1924–1927 gg. v razlichnyh rajonah Kostromskoj gubernii (slova,

¹ Lexical atlas of Russian folk dialects

kasayushchiesya chastej hozyajstvennyh postroek i krest'yanskih izb). Kostromskoj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik. [A collection of dialectal words, recorded by the members of the Kostroma Scientific Society in the years 1924–27 in various districts of the Kostroma province (words denoting the parts of the household outbuildings and peasants' log huts). Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum]

Polyanskaya E. M. Narodnyj slovar'. Material etnologicheskoy ekspedicii 1927 goda. Kostromskoj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik [A dialectal vocabulary. Materials of the ethnologic expedition conducted in 1927. Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum].

Polyanskaya E. M. Ekspediciya 1930 goda. Iyul' — avgust. Strojka (obshchie svedeniya). Kostromskoj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik [The expedition of July — August 1930. Construction (general information). Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum].

Rybnikova V. YU., Mariev A. A. K voprosu ob ontologii arhitekturnoj sredy [On the ontological foundations of architectural space] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov]. 2008. № 1. P. 233. Pp. 231–235.

Syshchikov A. D. Leksika krest'yanskogo derevyannogo stroitel'stva: Materialy k slovarju [The vocabulary of rural wooden architecture: the materials for a dictionary]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2006. 292 p.

Сельская свадьба середины XX века на украинский лад

Любовь Винаминовна Недоступова

Воронежский государственный
технический университет

В работе рассматриваются элементы сельского свадебного обряда, существовавшего в середине XX в. Он восстановлен по рассказам жительницы Винницкой и Закарпатской областей Украины, переехавшей на постоянное место пребывания в Воронежскую область. Представленные ритуальные действия строились в определённом порядке, имели вековую традицию, передавались из поколения в поколение. Сохранению семейных ценностей придавали серьёзное значение, люди создавали семью навсегда, «на века», поэтому времени заключения брака отводилась особая роль. Мероприятия свадебного обряда украинских сёл имеют некоторые общие традиции с воронежским ритуалом, однако наблюдаются и оригинальные действия, проводимые на названных территориях. Комичность действий обряда подчёркивает неповторимость и самобытность обычая, как и лексика, его сопровождающая.

Ключевые слова: народная культура, лексика, отражающая сельские обычаи, особенности украинской свадьбы, нормы и ценности близких по культуре людей.

Изучение «живой» народной речи в современных условиях развития национального языка является определённой необходимостью.

Для лингвистов важно зафиксировать лексику, отражающую сельские обычаи, существовавшие в XX столетии. Материал для статьи извлечен из записей бесед с Подольян Марией Никифоровной, 1937 г.р., содержанием которых стали традиции проведения свадьбы, которые существовали в сёлах Винницкой и Закарпатской областей Украины. Там прошли детство и молодость информантки, а зрелые годы

она прожила в Воронежской области, куда семья переехала на постоянное место жительства.

За свою долгую жизнь М. Н. Подолян видела свадьбы с разными действиями, которые совершенно не повторяли друг друга. Все они были достаточно интересными, однако одна свадебная традиция оставила у информантки сильное впечатление.

Все элементы свадьбы следовали в определённом порядке. Изначально в дом невесты отправлялись родственники жениха для получения согласия на свадьбу. Это было так называемое *сватание*. Необходимо было добиться положительного решения родителей, а их благословение всегда считалось важным, с него начинались мероприятия свадебного обряда.

Одним из обязательных этапов украинского обычая считалось *приглашение*. Заранее выпекали калачи. Их количество было равно числу гостей. Невеста с подругами и жених с друзьями ходили по домам своих родственников, разносили выпеченные калачи, тем самым приглашая их на предстоящую свадьбу. Этот момент подробно отражён в речи М. Н. Подолян: *«Калачі пэжлы. Кáжному калáч пэчúт и кáжному давáлы. Такú как гúскы пэжлы. Скóлько было рóцтвинникив, стóлько калачúв. Дрúжков было тры, пýать. Наз было мнóго, úих тада мнóго собыра́лы дэвчáта, подру́гы. И в кáжнóй платкé этот калáч. Прихóдим и говорúм: “Я приглашаю Вас на свáдьбу”, и лóжсим этот калáч. Прихóдим до другúх. Када раздáлы все калачú, прихóдим домóй»*¹.

О калачах на Руси находим следующую информацию: «Калáч (колач, от общеславянского *kolač* < *kolo* — ‘круг’) — у восточных и южных славян круглый белый хлеб, обычно в виде кольца или с небольшим отверстием; у западных славян так назывался любой обрядовый хлеб, в том числе свадебный каравай» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Калач>).

За приглашением следовал ещё один этап — *молодёжное собрание*. В доме невесты сходились те, кто приглашал на

¹ Используется упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре — фрикативный.

свадьбу: *«Тадá прихóдя жeníх с сво́ими рэ́бятамы, он тóжсе так раздава́л гúскы, тóжсе с калача́мы. Тадá сяда́ють за стол и угоща́ютца. Там цýмус и еда́. Потóм жeníх идёт к себэ́ ночевáть, а не́веста у себэ́».*

Непосредственно вечером перед днём свадьбы подруги совершали ритуал примеривания венка на невесту: *«Дэ́вки с вэ́чера в суббóту нара́дывалы еé в венóк тако́й з бума́гэ и лэ́нты. Зимóй накрыва́ли еé в платóк тако́й большо́й бэ́лый. Венóк поздно́ вэ́чером скида́ем».*

Утро дня свадьбы начиналось с наряжания: *«У́тром ра́но встаём, опя́ть у́жé не́весту одева́ем, тепе́рь фóту и бэ́лое пла́тье».* Этот элемент обряда сохранён и в русской традиции. А тем временем члены семьи невесты и близкие родственники украшали ветку ели или сосны разными цветами, красивыми лоскутками, бумагой. Этот забавный момент свадебного ритуала имел особое значение, к нему относились творчески, ведь её нужно было нести по деревне. *«Убира́ли тако́е как со́сна или ёлка. Принóсят хлопóцы ёлку, и мы еé наря́живаем как на Но́вый гот. И конфéты, и там вся́кие бомáшки бы́ли, цветы́ з бума́гэ, лэ́нты».* Такой комичный ритуал имел место в Таловском районе Воронежской области [Недоступова 2009].

Карава́й готовился заранее и считался символом любого украинского праздника. Его пекли и в семье жениха, и в семье невесты, а потом угощали гостей и новобрачных: *«Свадебный корова́й нэ́сли на рушникé. Кова́й тако́й большо́й. У́жé усе́ порэ́зали. И цэ́ у жениха́ естъ и не́весты».*

О нём находим: «Карава́й (коровай) — главный свадебный хлеб у славян, большой, чаще всего круглый, который делят на свадьбе для угощения всех её участников. Обычно искусно украшенный. Укр. корова́й, болг. крава́й, сербохорв. кравај ‘вид пирога, подаваемого жениху и невесте’, словен. kravãj, krãvaj ‘каравай’. Вероятно, название произошло от слова корóва, которое в русских диалектах имеет также значение ‘невеста’ (смол.); дар должен был быть волшебным средством,

чтобы вызвать плодovitость, подобно тому как бык символизировал жениха» ([https://ru.wikipedia.org/wiki // Каравай](https://ru.wikipedia.org/wiki//Каравай)).

В качестве *приданого* готовили постельное белье, одеяла, подушки и вышивали полотенца, называемые рушниками. Всё перечисленное шилось руками невесты и её самых близких родственников или членов семьи. В день свадьбы оно отправлялось в дом жениха: *«Одеяла, подушки, простыни — всё это на плечи дружкы, хлопцы и несём, тогда машин нэма же»*.

Туда же на постоянное место жительства теперь уходила новобрачная: *«Ведём невесту через всё село до нево матери. Одежда была такая вышитая. Невеста была в фате и белом платье. Просто, всё было ситец тогда. Тогда такого сильного матерьялу нэ было, тока ситец был. Одежда была вышита в нас. Ковты вышитыя, а юпки носылы большэ такие шэр-стяные широкія»*.

Традиция собирания приданого пришла с Киевской Руси. Следует заметить, что она хоть и претерпела изменения в содержательном плане, однако жива во времени. Любая девушка мечтала выйти замуж, но, не имея приданого, становилась бесприданницей. От этого во многом зависела популярность невесты. Поэтому до сих пор родители девушек готовят до замужества дочери так называемое добро, которое будет необходимо молодожёнам на первых порах семейной жизни. В доме жениха начиналось свадебное застолье с музыкой и танцами: *«Там же опять за стол садуютъ. Ветку на стол ставют. Потом раздалэ коровай, порэзалэ. Танцует она з жэныхом»*.

Вечером молодые получали *подарки* от собравшихся родственников. У гостей с небольшим достатком подарки были скромными, можно сказать, чисто символическими. А у зажиточных селян — богатыми, как, собственно, и сопровождение свадьбы: *«К вэчеру на столé чашка, на ней румочка вóтки и дёньги ты лóжишь, подáрки»*. Молодые целовались.

После получения подарков продолжалось веселье: *«Свадьба была с мýзыкою. Кто богáтый, тот мýзыку нанымáл, а кто бédный, тот гармóшку, кардеон, барабан и бубéнчик*

тако́й. Веселі́мся. И танцу́ем. Невѣста всі́мы танцу́я з дружка́мы».

Поздним вечером проводили обряд переодевания невесты подругами и прощания с ними: *«Ста́вют сту́лу, стѣлят ко́жух. Она́ сида́е. Мы распутва́йм её. Мы снима́ем вено́к, фату́, раздѣва́ем. Жени́ха ма́ма — свѣкрѡвьѣ дѣрѣт плато́к и её привѣзвая наза́т. Она́ уже́ всё, нѣ дѣвка, она́ уже́ заму́жом. Она́ уже́ молодѣ́ца. А пото́м она́ з дружка́мы прытанцо́вая и сида́ет на это́ сту́ла. Вѣчером она́ уже́ пѣрѣцелова́лася, и тада́ она́ выво́дя своѣх дѣво́к за поро́г тудѣ, за ўлицу, за воро́та. Проща́ютца и всё. Тако́й сва́дьбы ца́з нигде́ нѣту. Хоть бе́дно жы́лы, но сва́дьбы гуля́лѣ, так нѣ сходи́лись, как ца́с».*

Необходимо отметить, что некоторые этапы представленного украинского сельского свадебного обряда имели место и на территории Воронежской области. О них можно узнать из работ А. Д. Черенковой, М. В. Пановой, Е. А. Поповой, Т. В. Карасёвой, а также автора этого исследования. Однако есть ритуальные мероприятия описанного обряда, отличные от воронежской традиции. К ним можно отнести: приглашение гостей калачами, примеривание венка на невесту перед днём свадьбы, переодевание новобрачной подругами и прощание с ними вечером после окончания праздничного обычая и др.

На наш взгляд, оригинальность некоторых элементов свадьбы на украинский лад состоит в её простоте и в то же время увлекательности и комичности действий обряда. Не вызывает сомнения факт, что интересные традиции, имеющие воплощение в середине XX века, закладывались народом и передавались из поколения в поколение, как и лексика, сопровождающая действия бракосочетания.

К величайшему сожалению, на сегодняшний день мы можем констатировать, что институт семьи, существовавший в XX веке на разных территориях, разрушен, однако имеют место ритуалы проведения бракосочетаний, на которых в качестве конкурсов используются элементы ранее существо-

вавшей украинской традиции. *Свадьба очень у нас была нарядная, хорóшая, щас такiх свáдьбы нэмáе.*

Представленная картина свадьбы на украинский лад и лексика, её сопровождающая и воссоздающая приметы и обычаи, расширяют понятие о нормах, ценностях и традициях сельских людей, близких нам по культуре, принципам и мировоззрению. Особая атмосфера обряда заключения брака создавалась благодаря разнообразию включённых в него различных смыслов и правил. Сохранение семейных традиций в середине XX в. имело важное значение, поэтому жители деревни старались не привносить что-то новое в проведение обрядовых действий. Народная духовная культура проявлялась в том, что все ритуалы были для селян общеобязательными, имеющими определённое магическое содержание.

Некоторые из действий свадебного обряда, восстановленного из уст жительницы Воронежской области, в настоящее время имеют иную составляющую или утрачены. Для современных исследователей народной культуры важно не просто описать определённые традиционные мероприятия семейного цикла, но и передать последующим поколениям информацию о важности их для наших предков, как, собственно, и о важности самой семьи.

Литература

Калач — Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.03.2019).

Каравай — Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.03.2019).

Недоступова Л. В. Лексика свадебного обряда в говоре посёлка городского типа Таловая Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Научный вестник ВГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. № 2 (12). Воронеж, 2009. С. 172–180.

Mid 20th century rural wedding after the Ukrainian manner

Lyubov' V. Nedostupova

Voronezh State Technical University

The paper discusses the elements of rural wedding ceremony that existed in the mid 20th century and is restored on the basis of the statements of a resident of the Vinnitsa and Transcarpathian regions of Ukraine, who changed her original domicile to the Voronezh region. The described ritual actions were perpetrated in a certain order, represented an age-old tradition and were preserved for generations. The preservation of family values was attached serious importance, the new family was believed to stay forever, and thus the time of marriage was given a special role. The parts of the wedding ceremony of the Ukrainian villages have some traditions in common with the Voronezh ritual, but nevertheless there are also original rites characteristic of these particular territories. The comicality of the ritual actions emphasizes the uniqueness and originality of the custom, as, indeed, does the vocabulary accompanying it.

Key words: folk culture, vocabulary of rural ceremonies, peculiar features of the Ukrainian wedding, do's, don'ts and values of culturally related people.

References

Kalach — Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashcheniya: 18.03.2019). [Kalach (food) — Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Kalach_\(food\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Kalach_(food)) (requested on 18.03.2019)]

Karavaj — Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashcheniya: 18.03.2019). [Korovai — Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Korovai> (requested on 18.03.2019)]

Nedostupova L. V. Leksika svadebnogo obryada v govore posyolka gorodskogo tipa Talovaya Voronezhskoj oblasti (etnolingvisticheskoe opisanie) [Wedding ceremony vocabulary in the dialect of urban-type settlement Talovaya, Voronezh region (An ethnolinguistic description)] // Nauchnyj vestnik VGASU. Seriya «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya». [Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering Bulletin. Series “Modern linguistic methodico-didactical investigations”] Issue 2 (12). Voronezh, 2009. Pp. 172–180.

Тождество и асимметрия при транспозиционном словообразовании в тверских говорах

Людмила Николаевна Новикова

Тверской государственный
университет

В статье рассматриваются семантические отношения между производящим словом и производным в пределах транспозиционного словообразования, которые складываются неоднозначно. Они могут варьироваться от тождества до асимметрии, когда девербативы отражают лишь часть лексических значений исходных глаголов и при этом могут развивать значения, не свойственные производящим. В этом случае возникает предметное значение, которое относится к области мутационного словообразования и которое в итоге приводит к конверсивной транспозиции, когда мотивирующими являются существительные — названия действий и качеств, а мотивированными — глаголы или прилагательные. Приводятся примеры на все типы семантических отношений между производным и производящим, представленные в тверских говорах. Анализируются условия, при которых возможно возникновение конверсивной транспозиции. Критерием в разграничении оттенков семантических отношений служат словарные статьи, включающие большой иллюстративный материал.

Ключевые слова: тождество, асимметрия, конверсивная транспозиция, семантические отношения, мотивация, производное, производящее, тверские говоры.

Объектом нашего исследования явились производные транспозиционного типа словообразовательного значения, которые, по мнению большинства ученых, тождественны во всех компонентах своего значения мотивирующему слову, за исключением значения части речи. Данное определение,

убедительно обоснованное М. Докулилом [Докулил 1962: 129] и широко распространенное, нуждается в дальнейшем изучении: «... необходимо детализировать само описание этих значений и соответствующую семантическую классификацию формантов» [Улуханов 1996: 149]. Как показывает анализ диалектных лексем, типы семантических отношений между исходными глаголами и производными транспозиционного словообразовательного значения многообразны: от тождества до асимметрии, когда deverбативы отражают лишь часть лексических значений исходных глаголов и развивают при этом значения, не свойственные производящим. В анализируемом материале мы выделили производные транспозиционного словообразовательного значения с формантами — *ель*, — *ень*, — *ние*, — *ϕ*, — *ин*.

Производные на *-ние* чаще других являются результатом «чистой» транспозиции или синтаксической деривации, когда «лексическое значение производных тождественно значению производящих», оно лишь выражается производным другой части речи. Тождество лексических значений с производящими глаголами обнаруживают, например, следующие deverбативы: *овдовѣться* ‘привыкнуть к вдовьей жизни’ — *овдовлѣние*; *нѣдить* ‘принуждать, неволить’ — *нуждѣние*; *облучить* ‘обойти реку с горячей лучиной для ловли раков’ — *облучѣние*; *обрусѣть* ‘окрепнуть’ — *обрусѣние*; *осиловать* ‘прийти в силы’ — *осилованье*; *озориться* ‘осрамиться, опозориться’ — *озорение*; *оздобить* ‘приправить тесто маслом’ — *оздоблѣние* (КТГ). Приведем некоторые контексты из картотеки тверских говоров: *Во время войны каждая вторая овдовлѣние пережила. В девках родить — это озорение. Оздоблѣние уже в конце делают, когда тесто подыметя.* Эти производные являются функциональными эквивалентами глаголов, что позволяет носителям диалекта использовать их в речи как субстантивный аналог глагола.

В тверских говорах отмечены производные — наименования действий — и с другими формантами, например,

с суффиксом *-ель*: *топéль* ‘затопление при половодье’: *Топéль, идешь и проваливаешься на болоте, там ключи были, тонули там многие. А от воды, когда много, такая топéль на болоте, как входить. В любом болоте есть топель — так затапливает* (Селигер: 289). С суффиксом *-ень*: *стúдень* ‘понижение температуры на улице’: *Иногда такой стúдень в декабре бывает, что умереть можно* (Селигер: 229). С суффиксом *-ин*: *отвóдины* ‘отказ невесты выйти замуж после просватанья’: *А отвóдины — это когда высватают [невесту], а потом она отказывается* (Селигер: 270).

Девербативы могут, повторяя лексические значения производящих, развивать вторичные значения, т.е. «... достаточно самого акта транспозиции в класс существительных, чтобы транспонированное слово могло развить любое из присущих этому классу значений» [Кубрякова 1981: 174]. Вторичные значения девербативов объективируют его содержательные валентности, т.е. актантную структуру глагола, являясь одновременно результатом словообразовательной транспозиции и лексической деривации. Например, девербатив *наготóвлины* объединяет следующие значения: 1) ‘действие по глаголу *наготовить*’: *Наготóвлины к свадьбе продолжались всю ночь.* 2) ‘результат действия — то, что наготовлено к отъезду, к празднику’: *Всё, что к свадьбе наготовили, наготóвлины, в сени вынесли.* **Нéсень**: 1) ‘ребенок, привыкший быть на руках’: *У Гальки ребёнок — нéсень, прямо с рук не сходит.* 2) ‘действие по глаголу *нести*’: *Нéсень, когда всё кружит, несёт засохшую траву, мелкие камешки.* **Накóпнины**: 1) ‘то, что накоплено’: *Были какие накопнины — всё детям отдала.* 2) ‘процесс по глаголу *накопить*’: *Накóпнины — это когда на смерть копишь.* **Обвívень**: 1) ‘веревка, используемая для обвивки чего-либо’: *Ведро из колодца обвívнем доставали.* 2) ‘процесс по глаголу *обвивать*’: *Вьюном обвívень дерева произошел.* 3) ‘человек, который окружает излишним вниманием’: *Зять у неё такой докучливый, прям обвívень какой-то.* **Сбóзв**: 1) ‘количество позванных гостей’: *Сбóзв на свадьбу из тридцати человек состоял.* 2) ‘действие

по глаголу созывать': *Раньше со́зывы были — на собрания всех созывали* (КТГ).

В этих примерах процессуальное значение имени — результат транспозиции прямого значения глагола в девербатив, предметный результат указанного процесса — реализация синтаксических и семантических валентностей глагола. Вторичное значение лица в предпоследнем примере — результат внутрисловного семантического переноса по метафорической модели, основанного на ассоциации по внешнему сходству, и является результатом семантической деривации. Факты комбинации процессуальных и предметных значений являются общими семантическими признаками девербатов. В системе современного русского языка все значения перечисленных и аналогичных им словообразовательных типов объяснимы непосредственно из отношения к производящему слову. Значение отвлеченного (опредмеченного) действия является результатом транспозиции вещественного значения глагола в категорию имени существительного. Значения субъекта, результата, объекта, орудия и места действия являются реализацией синтаксических валентностей производящего слова и в этом смысле «воплощают необходимость в производном слове» [Пастушенков 1995: 118].

В тверских говорах девербативы, как правило, являются изначально результатом реализации синтаксических валентностей производящего глагола и имеют значение предметное (наиболее часто — результата действия) [Новикова 2015: 144–145], а значение опредмеченного действия, наименование процесса, как показал сравнительный анализ синхронных срезов середины XX в. (ОСГКО) и начала XXI в. (КТГ), появляется позже, развивается на базе предметного значения и отмечено современными исследователями в экспедициях 1990–2017 гг. Например, производное *отымáлка* 'кухонная тряпка, которой берут горшок из печи, тряпка для различных кухонных надобностей' (*Возьми отымáлку, прихвати чугу́н. Отымáлкой и со стола стирают* (ОСГКО: 168)) — в современных говорах Бежецкого района было зафиксировано

со значением отвлечённого действия: *Играем в отымáлки, отымаем друг у друга палочку* (КТГ). *Отёчина* ‘отек, опухоль’: *Вон какая отёчина на ноге* (ОСГКО: 166). Это значение у слова отмечено в середине XX в. В экспедиции 1991 г. в Сонковском районе оно было зафиксировано со значением отвлеченного действия: *После болезни со мной отёчина случилась — отекала вся, вздулась* (КТГ). *Отóпки* ‘вытопки, остатки после топления масла, сала’: *Когда топят сало, остаются отóпки* (ОСГКО: 167). Такое же значение у этого слова зафиксировано в словаре «Селигер: Материалы по русской диалектологии»: *Отóпки — ‘остатки после перетапливания масла. Клавдия масла пиритапливала, да на атóпках жаро спяжёт* (Селигер: 283). Значение опредмеченного действия отмечено в конце 90-х гг. в Кашинском районе: *Отóпки проводили ранней осенью, печи проверяли* (КТГ). В акающих говорах Тверской области (Калининский, Старицкий, Ржевский) ОСГКО фиксирует омонимичное производное: *Отóпки* ‘изношенная обувь’: *Надо выбросить отопки, большие уж не обуешь* (Осташковский район); *Вот отóпки-то обул и пошел...* (Калининский район) (ОСГКО: 167). В словаре «Селигер...» также фиксируется это значение и приводится много иллюстрирующих контекстов: *Отóпок (чаще множ. число) — ‘разная сношенная, стоптанная обувь’. Изношенная обувь — атóпки, а один сапог — атóпок. В атóпках на памойку сходить только на скору ногу, по-быстрому. У вайну усё в атóпках хадчили, даже лаптей хороших не было. Атóпки были, ну такие старые, растоптанные. Вот там атóпки валяются, было два атóпка, один атóпак астался. Да любая старая обувь* (Селигер: 283–284).

В тверских говорах отмечены производные, относящиеся к так называемой конверсивной транспозиции (термин И. С. Улуханова [Улуханов 1996: 155]), в тех словообразовательных парах, в которых мотивационные отношения противоположны прямой транспозиции. К последней традиционно относятся отношения между действиями, выраженными глаголами, и действиями, выраженными существительными,

а также между признаками, обозначенными прилагательными, и признаками, обозначенными существительными.

При конверсивной транспозиции мотивирующими являются существительные — названия действий и качеств, а мотивированными — глаголы или прилагательные. В тверских говорах зафиксированы отсубстантивные глаголы, образованные от существительных, обозначающих независимое действие: *на́рост и нарóст* ‘нерест’: *На́рост типерь кончился, на́рост — это когда рыба неристует, нарастаёт. Хвайняки делали для метания икры, для платвы перед на́растам. В речки ласоска у нас вадилась, его харашо лавить, кагда он на на́рост идёт* (Селигер: 68). Производный глагол, мотивированный этим существительным, сохраняет значение производящего, но выражает его своими категориально-грамматическими свойствами: *на́ростáть* ‘нереститься (о рыбе)’: *На́рост типерь кончился, на́рост — это когда рыба неристует, нарастаёт. Весной нарастаёт рыба, тятенька высушит мерёжку и идёт помаленьку. Береговая щука параньше нарастаёт, ана у берега, где патеплее, водится. С пятого мая на́ростаёт лец, икру то ест метает, и так сорок дней. Ёриш, платва, укляя нарастаёт на чарёмуху, втарой [раз] — кагда рожь каласится. Озеро не разашёдши, только от берега отрывает четыре-пять метрав, нарастаёт щука, а сняток — кагда всё озеро разайдется. Судак, он нарастаёт в берегу, он в самый берег идет. Ана [щука] вясной нарастаёт и на мелком месте бывает. Налим будет нарастава́ть в январе, налим под таплякам делал себе место* (Селигер: 69). О тождестве значений этих слов свидетельствует идентичный контекст, приводимый в их толковании. **Обря́д** ‘нарядная одежда’: *Раньше был абря́д у маладых жєнщин красивый, кофточка сшита по-настоящему. Папов кагда харанили, абря́ды всякие дарагие вешали. У каго какой абря́д, я гаварю про свой абря́д: касаваротка, станушка. Никаких абря́дов у нас не было, это щас платья всякие, фаты* (Селигер: 196). Это существительное является производящим для глагола

обряж́аться ‘наряжаться, ухаживать за собой’: *Вон дивицы обряж́аются перед танцами* (Селигер: 197). Существительное *одё́ва* ‘одежда’ (*Адежду-то у нас адёвой называют*) мотивирует глагол *одевать* ‘укрывать, утеплять’: *Чтобы солод был сладкий, зерно одивают, адёждой всякой укроют, он салатится лучше* (Селигер: 217). *Око́рм* ‘яд, отрава для крыс’: *Крысам акорм в магазине купить пайдю; акарми́ть их надо. Эта атравить значит, акорм продают, это яд* (Селигер: 234). *Окорми́ть* — ‘отравить ядом’: *Крысам корм в магазине купить пайдю; акарми́ть их надо. Эта атравить значит, акорм продают, это яд* (Там же). Как видно из последнего примера, тождество значений подчеркивается идентичностью словарного толкования.

Большинство исследователей все отглагольные существительные рассматривает как производные, мотивированные глаголами, так как значение действия категориально присуще глаголу, а не имени [Земская 1973: 263]. Но нам представляется правомерным выделение конверсивной транспозиции, при которой вопрос о направлении мотивации в парах «отглагольное существительное — глагол» должен решаться дифференцированно, с учетом лексико-стилистических и формально-семантических свойств обоих слов, их места в словообразовательной системе. Конверсивная транспозиция в «чистом виде» в парах «существительное — глагол» имеет место в тех случаях, когда мотивирующее имя существительное само не мотивировано глаголом. В противном случае образование глагола от имени действия нередко сопровождается приобретением дополнительных семантических компонентов и новых стилистических свойств.

Литература

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

Новикова Л. Н. Севернорусская лексика тверских говоров: к вопросу о типах словообразовательных значений// Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 141–150.

Пастушенко Г. А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. Тверь: Тверской госуниверситет, 1995. 212 с.

Улуканов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Русские словари, 1996. 224 с.

Dokulil M., Havránek B. Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. 263 с.

Identity and assymetry in the process of transpositional word-formation in the Tver dialects

Lyudmila N. Novikova

Tver State University

This article discusses the asymmetrical semantic relations between a word and its derivatives within the boundaries of the transpositional model of word-formation. They can range from identity to asymmetry, when deverbatives reflect only part of the lexical values of their source verbs and develop values that are not inherent to the latter. In this case, there emerges a substantive value that belongs to the sphere of mutative derivation and eventually leads to conversive transposition whereby nouns denoting actions and qualities motivate respective verbs or adjectives. All types of semantic relations between the source word and its derivatives attested for the Tver dialects are provided with examples. An analysis of the conditions allowing for conversive transposition is performed. Dictionary entries containing rich illustrative material serve as a criterion in distinguishing the subvariants of semantic relations.

Key words: identity, asymmetry, conversion transposition, semantic relations, motivation, derivative, producing, Tver dialects.

References

Zemskaya E. A. Sovremennyyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie. [Modern Standard Russian. Word-Formation]. M.: Prosveshchenie, 1973. 304 p.

Kubryakova E. S. Tipy yazykovykh znachenij. Semantika proizvodnogo slova. [Types of semantic values in language. The semantic values of derivative lexemes]. M.: Nauka, 1981. 200 p.

Novikova L. N. Severnorusskaya leksika tverskih govorov: k voprosu o tipah slovoobrazovatel'nyh znachenij [Northern Russian words in the Tver dialects. The types of derivational values revisited] // Severnorusskie govory. [Northern Russian dialects]. Issue 14. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. Pp. 141–150.

Pastushenkov G. A. Dva plana chleneniya yazyka i problemy struktury russkogo slova. [Duality of patterning in language and the problems of the structure of a Russian word] Tver': Tverskoj gosuniversitet, 1995. 212 p.

Uluhanov I. S. Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo yazyka i ih leksicheskaya realizaciya. [Word-formation units in the Russian language and their lexical realisation] M.: Russkie slovari, 1996. 224 p.

Dokulil M., Havránek B. Tvoření slov v češtině [Word-formation in the Czech language]. Praha, 1962. 263 p.

Лексика по теме «Человек» в рассказах И. М. Касаткина как источник ЛАРНГ

Светлана Владимировна Окуловская

Военная академия радиационной,
химической и биологической защиты
им. С. К. Тимошенко

В статье анализируется диалектная лексика, с различных сторон характеризующая человека, извлеченная из произведений костромского писателя И. Касаткина. Данный источник представляет собой тексты, описывающие жизнь крестьян поунженских деревень. Здесь зафиксированы многие этнолингвистические особенности региона на определённом этапе его исторического развития. Использование обширных контекстов материалов И. Касаткина в сочетании с полевыми и лексикографическими данными способствует более точному выявлению семантики диалектных слов, а также позволяет проникнуть в культурную подоплёку формирования и функционирования многих языковых единиц.

Ключевые слова: поунженские говоры, диалектная лексика, характеристика человека, И. Касаткин, писательский источник.

Рассказы И. М. Касаткина, уроженца д. Барановицы Кологривского уезда Костромской губернии, знакомят нас с характерами и бытом крестьян, живших в верховьях реки Унжи в начале XX века. Черпая материал для своего художественного творчества в родных поунженских местах, будучи глубоким знатоком народного языка, его носителем, писатель широко использует свои знания для придания произведениям местного колорита: обильно употребляет областные слова и выражения, как отмечал Г. З. Шкляр, нередко передавая их оригинальную звуковую и грамматическую форму [Шкляр 1966: 169]. Территория описываемых И. Касаткиным мест является самой северной частью западных костромских говоров в верховьях реки Унжи в пределах Костромской губернии,

где наблюдается синтез черт центральных и периферийных говоров [Ганцовская 2016: 156]. Это соединение на лексическом уровне наглядно прослеживается в текстах рассказов писателя.

Объёмно и разнопланово представлена в рассказах И. Касаткина лексика по теме «Человек», которая отражает народные анатомические названия: *очок* ‘глаз’, *глядделки* ‘глаза’, *долонь* ‘ладонь’, *волосья* ‘волосы’, *закукорки*, *позапльчье* ‘верхняя часть спины’; характеристику человека в связи с физическими особенностями, возрастом, состоянием здоровья: *старичище* ‘пожилой человек’, *молодятина* ‘собр. молодые люди’, *вековуша* ‘очень старый человек, долгожитель’, *чиклявенький* ‘тощий, худой’, *фартовый* ‘красивый’; характеристику личности по поведению, эмоциональному состоянию, умственным способностям и отношению к нормам нравственности: *смехучий* ‘весёлый, любящий посмеяться’, *смурый* ‘грустный, печальный’, *башковатый* ‘умный’, *неправский* ‘глупый’, *рукосуй* ‘растяпа, разиня’, *базло корявое* ‘болтун, пустослов’, *жухарь* ‘жадный человек’, *изверьга* ‘жестокий человек’, *вахлак*, *сиволдай*, *сиволапия* (собр.), *бурлачье* (собр.) ‘грубый, невежливый человек’, *ловчак* ‘пронырливый, ловкий и хитрый человек’; характеристику человека по его отношению к труду и собственности: *пронзитель* ‘способный, трудолюбивый, усердный в работе’, *непутящий* ‘бесхозяйственный, не способный ни к какому делу’, *тысячник* ‘богач’, *набольший* ‘старший, главный’, *голодраниц*, *безлошадник*, *голытьба* (собр.), *голь перекатная* (собр.) ‘бедный, неимущий человек’; слова, относящиеся к народной медицине: *дехтерит*; *притка* ‘болезнь’, *тосковать* ‘ныть, болеть’, *прочередить* ‘сильно слабеть’, *схиреть* ‘тяжело заболеть’; к семье и семейным отношениям: *баба* ‘жена’, *батько*, *батя*, *родитель*, *тятенька*, *тятя*, *тятя* ‘отец’, *большак* ‘глава семьи’, *брательник* ‘брат’, *меньшой* ‘младший ребёнок в семье’, *молодуха* ‘молодая замужняя женщина’, *наследыш* ‘сын’, *родительница* ‘мать’, *сродник* ‘родственник’ и др.

Данный список слов уже даёт определённое представление о характере лексики поунженских говоров, которая имеет яркую севернорусскую ориентацию с большим процентом архаической лексики и древних языковых явлений (например, старая огласовка слова *ладонь* — *долонь*, древняя форма образования множественного числа существительных, обозначающих предметы в большом количестве на *-ja* — *волосья*, сохранение исходного мягкого звука *p'* — *изверьга* и др.).

Сопоставление лексических данных рассказов И. Касаткина с другими литературными и этнографическими источниками, данными диалектных словарей, атласов, картотеки КОС позволяет говорить о его текстах как об информативно богатом материале, всесторонне отражающем языковую специфику костромских северо-восточных говоров в начале XX века. Они позволяют системно и достаточно полно представить лексический фонд говоров в пору их консервативного состояния, ещё не затронутого цивилизационными волнами.

Контексты рассказов помогают рассмотреть лексемы на фоне системных связей, с учетом культурного и национального своеобразия описываемой территории. Лексическими средствами автор передает специфику бытия человека этих мест, в том числе используя и реально существующие микроэтнонимы (названия, выделяющие из основной массы населения отдельные этнографические группы, имеющие свои особенности, связанные с характером занятий, психологическим складом, особенностями речи и т.д. [Долгушев 2006: 21]: *голодранцы*, *лапотники*, *тамойки*. Все они действительно являлись прозвищами костромичей (Даль 1: 419); [Воронцова 2014: 138; Хробостов 2015: 46].

Автор часто подчёркивает обособленность описываемых мест, оторванность от цивилизации, жалкое существование «голодранцев» и «тамоек», их выживание только за счёт реки и леса. В контексте локальных особенностей культуры и быта вводятся местные слова и выражения, что даёт возможность отчётливее представить их семантическую сторону, дополнить или скорректировать некоторые сведения о лексике края.

Близкая к документализму подача материала, думается, может представлять определённую пользу и при составлении карт ЛАРНГ.

В настоящей статье подробнее остановимся на диалектной лексике, с различных сторон характеризующей человека, поскольку в ней ярко проявляется этническая специфика жителей края, отражаются важнейшие сведения о разных сторонах жизни народа, национальные и локальные особенности культуры. Она даёт возможность выявить народные представления о нормах поведения в данном сообществе, о взаимоотношениях между людьми, об отношении общества к самому себе.

Данная тематика соответствует разделу II программы ЛАРНГ «Человек» подразделу 2 «Физические особенности человека, характеристика личности, социальные отношения».

Герои И. Касаткина — жители глухого края в лесном тупике, люди дикие, тёмные, «окромя своего поля да леса и свету не видывали» [Касаткин 1991: 331]. Автор довольно часто подчёркивает тяжёлое положение, нищенское существование населения поунженского края, которое действительно считалось беднейшим в губернии [КГЭС 31: 410]. Слова, используемые автором в качестве названия данного сообщества, содержат корень *-гол-*: *голь перекатная*, *голытьба*, *голодранцы* и т.п. Данный формант, наряду с корнем *-голод-*, действительно весьма распространён в говорах Костромской области при именовании бедного, нищего человека: *голендай*, *голендуха*, *голодай*, *голодаевка*, *голодайка*, *голодарь*, *голодня*, *голодун*, *голодуха*, *голодранец* (ККОС). Ответом на вопрос программы ЛСЛ 2194 *Бедный, нищий человек* является также лексема *безлошадник*, присутствующая в произведении И. Касаткина «Село Микульское»: *Не, братан, стой, ядрёна муха!* — *навязчиво, точно козёл, дребезжал Прохор Шитик, малоземельный безлошадник* [Касаткин 1991: 120]. Данная лексема отражает мировидение крестьянина, для которого огромное значение в хозяйстве имела лошадь, первая помощница в тяжелых деревенских трудах,

кормилица всей его семьи. Не случайно в народе возникло устойчивое выражение — *лошадь человеку крылья* (Даль 2: 228). Слово *безлошадник* отмечено также в Солигаличском районе в значении «человек, не имеющий хозяйства, семью» (Ганцовская 2015: 16). По-видимому, отсутствие лошади не позволяло крестьянину устроить и личную жизнь.

Необразованность, отсталость в культурном отношении населения поунженского края отражается писателем в лексике. Семантика многих слов связана с описанием некультурного, невоспитанного человека: *бурлачье, сиволдай, сиволапия, вахлак*. Все они могут стать ответом на вопрос ЛСЛ 2124 *Грубый, невежливый человек*.

В рассказе И. Касаткина «Маленькие люди» крестьянин, работавший машинистом у парходчика Ключкина, встречает его в дешёвом тракторе и насмехается над разоряющимся хозяином, называя людей своего сословия *бурлачье* и *сиволапия*: *Наш брат — сивый мерин, одна шантрапа необразованная! С неё взятки гладки... Видишь, всё бурлачье какое сидит, а ты с такой-то красной розгой, да и затесался к нам!* [Касаткин 1991: 154]; *А здесь что? Наш брат, сиволапия... и салфеточку не сразу догадуются купцу подать, не сообразят, а уж почёта да уважения — и не дожидайся!* [Там же: 153]. П. Я. Черных утверждает, что более старым значением слова *бурлак* (рабочий, занимающийся тягую речных судов бечевой вверх по течению реки) было следующее — «человек грубый, буйного нрава, непокорный, буян и т.п.», которое долго удерживалось наряду с новым (Черных 1: 125). Продолжает свою жизнь схожее смысловое содержание лексемы — «грубый, необразованный, дерзкий человек» — в Вологодских, Ярославских, Саратовских, Куйбышевских говорах (СРНГ 3: 291). Рассказы Касаткина актуализируют наличие схожей семантики и в поунженских костромских говорах.

Лексему *сиволап* приводит БАС как просторечную со значением «грубый, невоспитанный, необразованный человек», указывая на наличие её в Опыте областного словаря

1852 г. Слово *сиволап* интерпретируется здесь как бранное «мужик, невежа» (Опыт: 202), его география связана с Курской и Тамбовской областями. СРНГ представляет лексему *сиволап* с пометой *бранно* «необразованный, грубый, неотёсанный человек. *Курск., Тамб., Ворон., Пск., Яросл.*» (СРНГ 37: 274). В Словаре Даля для значения «неуклюжий, грубый мужчина» наряду с указанным выше словом приведён синоним *сивалдай* (Даль 4: 56), который также присутствует в тексте рассказа И. Касаткина «Село Микульское»: *А скажи ты нам, Григорий, на милость, отчего скатились эти головы? А? Объясни сиволдаям, почему?* [Касаткин 1991: 121]. Такой вопрос задаёт на вечернем собрании молодёжи один из самых бедных крестьян Прохор Шитик при обсуждении событий 1905 г. В БАС слово *сиволдай* дано как устаревшее и просторечное «неуклюжий, грубый мужик» (БАС 13: 762). СРНГ приводит словарную статью на слово *сиволдаина* и *сивалдаина* «*бранно*. Необразованный, неотёсанный, грубый человек» с пометой *Калуж.* (СРНГ 37: 274).

Слово *вахлак* употребляется в рассказе И. Касаткина «Старики». Так называет себя, со слов своего сына, уехавшего жить в город, обиженный и забытый в заснеженном деревенском доме старик. Он ставит в упрёк сыновьям то, что они стесняются отца из-за его низкого положения в обществе, простоты и необразованности: *Зазорно, вишь, им: отец-то — мужик, вахлак... Мукой, видишь ли, отец торгует... Кулак, живодёр он, а ведь они, вона, — инженеры они теперь, в чистые люди вышл... А кто вывел, спросить бы их! Кто?* [Касаткин 1991: 266]. Из контекста произведения вычленяется значение лексемы ‘деревенский мужик, грубый, некультурный, необразованный’. СРНГ интерпретирует слово *вахлак* как «грубый, невоспитанный, невежественный человек», снабжая данное значение пометами *Оренб., Костром, Арх., Яросл., Пенз., Урал.* (СРНГ 4: 73–74). КрКОС показывает вторичность данного значения в Макарьевском, Нерехтском, Островском и Шарьинском районах Костромской области, являющегося следствием семантического переноса: «*перен.*

Грубый, невоспитанный человек» (ККОС: 55). Основными значениями выступают здесь «опухоль на теле, шишка на стволе дерева» и «гриб валуй» (Там же).

Противоположную характеристику 'сообразительный, ловкий, расторопный человек', заключённую в слове *ловчак*, дают местные жители приезжим в их края иностранцам, быстро расправляющимся со здешними богатствами — лесами: *Понаехало их много, анженеры все, та-акие ловчаки! Машины уже начали ставить. Кузнецов, мастера всякого понагнали — страсть! День и ночь жарят...* [Касаткин 1991: 113]. СРНГ интерпретирует лексему как «ловкий, расторопный, проворный человек», отмечая территорию распространения «Арх., Нижегород.» (СРНГ 17: 103). В контексте И. Касаткина семантика лексемы близка к поданному здесь оттенку значения «ловкий, умеющий устраивать свои дела человек. *Волог., Курск., Перм., Тул.*» (Там же). Данную лексему содержит также Словарь Дилакторского в значении «ловкий, расторопный» (Дилакторский: 236). В представленном у И. Касаткина значении лексема является ответом на вопрос ЛСЛ 2164 *Пронырливый, ловкий и хитрый человек.*

Традиционно важной характеристикой человека в деревенском быте является отношению к труду. В тексте рассказа «Силантьево детство», сокрушаясь по поводу гибели всеми уважаемого в селе мельника, люди вспоминают его как человека, обладающего недюжинной силой, которому легко давалась любая работа, и, подводя итог, характеризуют его словом *пронзитель*: *Коли не жаль! — Пронзитель был на всякое дело. — Поискать такого!* [Касаткин 1991: 73]. Слово с такой семантикой отсутствует в словарях. В СРНГ дано значение «проницательный, дальновидный человек» с пометой Сев-Двин. (СРНГ 32: 195). Однако в значении, представленном у И. Касаткина, лексема *пронзитель* может быть ответом на вопрос ЛСЛ 2182 *Трудолюбивый, усердный в работе.*

В рассказе «Тимофей Жвака» охарактеризован словом *непутящий* мужичок, оставшийся после смерти жены с грудным ребёнком, не способный в одиночку навести порядок

в хозяйстве и прокормить детей: *Жвака, непутящий мужик из деревни Кулаково, что всего в полверсте от села Сопелова, недавно овдовевший, нерешительно переступал с ноги на ногу* [Касаткин 1991: 203]. СРНГ даёт абстрактную дефиницию слова, употребляемого в вятских говорах только в отношении животных, — «негодный» (СРНГ 21: 136). Очень близкую с представленной у писателя семантику в Опыте областного словаря 1852 г. имеют однокоренные слова *непутёвый* (Тамб.) и *непутной* (Арх.) — «ведущий худую жизнь и ни к какому делу не способный» (Опыт: 127). Словарь Дилакторского также содержит лексему *непутёвый* в значении «бестолковый» (Дилакторский: 292), однако иллюстрирующая её цитата — *Он мужик хороший, работающий; жена вот попала непутёвая* — указывает на его применение по отношению к женщине, неспособной к труду и ведению хозяйства. В таком значении лексема соответствует вопросу программы ЛСЛ 2190 *Бесхозяйственный*.

Прозвище героя данного рассказа — *Жвака* — также является диалектным словом, имеющим различные значения в русских говорах, в том числе и относящиеся к человеку: «человек, говорящий вяло, неразборчиво (*Костром.*)»; «человек, который постоянно всем недоволен, постоянно ворчит (*Костром.*)»; «нерасторопный человек, разиня, мямля (*Влад.*)»; «плохой, нестоящий человек (*Яросл.*)» (СРНГ: 9: 89). Как справедливо отмечает С. Л. Гурская, все представленные в говорах значения имеют в своей основе мотивировочный признак ненужности, никчёмности [Гурская 2010: 197], который, несомненно, вкладывал в прозвище своего героя И. Касаткин.

Характеризуя неаккуратного, рассеянного кочегара, на котором одежда «горьмя горит», автор употребляет лексему *рукосуй*: *Ему всё, видишь, к спеху подай. Такой рукосуй да торопыга, страсть! Намедни эдак-то, вылезая из котла, штанину напрочь отхватил* [Касаткин 1991: 313]. В русских говорах данное слово существует в следующих значениях: «тот, кто без спросу берет или трогает чужие вещи» (Вят.,

Яросл., Урал.) (СРНГ 35: 254); «Тот, кто непрошено вмешивается в чужие дела» (Вохом., Костром., Яросл.) (Там же); Словарь вологодских говоров и Ярославский областной словарь приводят значение «человек, который трогает руками то, что ему не следует трогать» (СВГ 9: 71); (ЯОС 8: 140). Словарь Даля фиксирует выражение *Чухломский рукосуй, рукавицы за пазухой, а других ищет* (Даль 3: 538), имеющее явную связь с Костромским краем, раскрывающее значение слова *рукосуй*, схожее с представленным у И. Касаткина и характеризующее рассеянного человека, и, таким образом, отвечающее на вопрос ЛСЛ 2105 *Рассеянный человек, разиня*.

Редко удостаиваются герои рассказов положительной оценки автора. Одним из таких немногочисленных случаев является характеристика старшего в семье ребёнка, отвлекающего рассказами и сказками маленьких братьев и сестёр от голода и тяжёлых мыслей о смерти матери. Восхищаясь его находчивостью, автор восклицает: *И до чего башковатый парнишка!* [Касаткин 1991: 190]. Лексема *башковатый* в представленном у писателя значении интерпретируется СРНГ как псковское «догадливый, сообразительный при оказании услуги, услужливый», диаметрально противоположное значение показано в южно-сибирских говорах — «глуповатый, недогадливый, опрометчивый» (СРНГ 2: 164). Также в значении «умный, толковый, сообразительный» приводят лексему АОС и Словарь Дилакторского (АОС 1: 135); (Дилакторский: 19). Таким образом, слово является ответом на вопрос Программы ЛСЛ 2096 *Умный*.

Жихорями называет собравшихся за столом мужиков не дождавшийся вкусного праздничного угощения другой маленький герой Касаткина: *Вишь, жихари, сожрали требушину-то, ни столечко не дали...* [Касаткин 1991: 317]. Слово в различных значениях функционирует во многих русских говорах. В СРНГ представлены 13 значений слова, связанные, в основном, с местом жительства человека: «житель», «постоялец», «домохозяин», «крестьянин, живущий обособленно», «домосед» и др. СРНГ приводит также значение «скупой

человек» с пометой Сев.-Двин., Соликам. Перм. (СРНГ 9: 198). Значение «жадный, скупой человек, скряга» зафиксировано в архангельских говорах (СГРС 6: 263). Оно наиболее близко представленному в контексте рассказа смысловому содержанию слова *жухорь*, которое может стать ответом на вопросы **ЛСЛ 2119** *Скупой* человек и **ЛСЛ 2120** *Жадный*.

Думы возвращающегося с сезонного заработка крестьянина связаны с домашними делами. С нежностью вспоминает он своего отца и детей, сидящих на печи без одежды и обуви. Но настроение его постепенно меняется, когда он сопоставляет полученный заработок с предстоящими затратами на подати и долги, и сердце кричит, «ослеплённое злобой, изорванное тяготами жизни» [Касаткин 1991: 185]: *Кабы халера навалилась на вас окаянных... так нет! Уваливает народ там, где не требуется. А и ты, кобель старый, вековуша гнилая... Хоть и отец, а пора бы и околеть давно! Ни дела, ни смерти, только готовый хлеб жрать твоё дело, скрипун...* [Там же: 186]. СРНГ даёт информацию о том, что слово *вековуша* употребляется в говорах в значении «старая дева» в ярославских, орловских, костромских, рязанских, вологодских, новгородских и др. говорах. Об отношении лексемы к названию человека преклонного возраста говорит статья в Вологодском областном словаре, где дано значение лексемы «очень старая женщина, долгожительница» (СВГ 1: 60). Возможно, автор употребляет слово в переносном значении, поскольку рядом присутствует определение *гнилая*. Такое заключение можно дать, исходя из семантики слова *вековуша*, представленного в СГРС: «старое, трухлявое дерево», существующего в вологодских говорах (СГРС 2: 44). Слово в контексте рассматриваемого материала является ответом на вопрос **ЛСЛ 2053** *Старик, старуха*.

Можно заключить, что И. Касаткин предпочитает характеризовать своих героев, используя семантически ёмкие, имеющие прозрачную мотивационную основу слова диалекта. Сверка словарного материала, представленного в текстах рассказов писателя, с лексикографическими источниками

дает возможность проследить лексико-семантические связи поунженских костромских говоров как с центральными, так и (в большинстве случаев) с периферийными говорами Русского Севера. Авторские контексты позволяют изучить язык определённого коллектива, имеющего языковую идентификацию в форме прозвищ и самоназваний, рассмотреть типичную для региона лексику на фоне системных связей, уточнить её территориальную приуроченность. Обширные контексты произведений помогают полнее выявить семантику диалектных слов, проникая в культурную подоплёку формирования и функционирования языковых единиц.

Литература

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища восточного вологодско-костромского пограничья: материалы к словарю // Вопросы ономастики. 2014. № 1(16). С. 128–149.

Ганцовская Н. С. Лексика животного мира междуречья Костромы и Унжи как материал для Лексического атласа русских народных говоров (именования птиц) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2016. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 154–163.

Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по особенностям его характера и поведения, в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 189–199.

Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономаσιологическом аспектах. М.: МПГУ, 2006. 415 с.

Касаткин И. М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.
КГЭС — Костромская губерния // Энциклопедический словарь. Т. 31 / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Репринтное воспроизведение изд. 1980 г. М.: Терра, 1991. С. 408–413.

Хробостов А. В. Лебединая песня моего сердца. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 408 с.

Шкляр Г. З. Словарные особенности говоров Костромской области и их отражение в языке произведений писателей-костромичей

(по материалам картотеки Костромского областного словаря)
// Учёные записки. КГПИ им. Н. А. Некрасова. 1966. Вып. 13.
С. 145–170.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

The lexics of personal characterization
in I.M. Kasatkin's short stories as a source
for the Lexical atlas of Russian folk dialects

Svetlana V. Okulovskaya

Military Academy of Radiation,
Chemical and Biological Defense
named after Marshall of the Soviet
Union S. K. Tymoshenko

The article analyzes dialectal vocabulary, characterizing a person from various viewpoints, and presented in the works of Kostroma writer I. Kasatkin. This source consists of texts describing the life of peasants from Unzha villages. There are many ethno-linguistic features of the region at a certain stage of its historical development. The use of broad contexts from Kasatkin's legacy combined with field and lexicographic data contributes to a more accurate identification of the semantics of dialect words, as well as allows to penetrate into the cultural background of the formation and functioning of multiple language units.

Key words: Unzha dialects, dialectal vocabulary, characterization of a person, I. Kasatkin, belletristic source.

References

Voroncova YU.B. Kollektivnye prozvischya vostochnogo vologodskokostromskogo pogranich'ya: materialy k slovaryu [Collective nicknames of the eastern Vologda-Kostroma borderland: materials for the dictionary] // Voprosy onomastiki [Issues in onomastics]. 2014. № 1(16). Pp. 128–149.

Gancovskaya N. S. Leksika zhivotnogo mira mezhdurech'ya Kostromy i Unzhi kak material dlya Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh

govorov (imenovaniya ptic) [Vocabulary of the animal world between the rivers Kostroma and Unzha as a source for the Lexical atlas of Russian folk dialects (the names for birds)] // Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations)]. 2016. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 154–163.

Gurskaya S. L. Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, karakterizuyushchie cheloveka po osobennostyam ego haraktera i povedeniya, v yaroslavskikh govorah [Common gender nouns that describe a person by their character and behavior as represented in the Yaroslavl dialects] // Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations)]. 2010. SPb.: Nauka, 2010. Pp. 189–199.

Dolgushev V. G. Leksika vyatskikh govorov v areal'nom i onomasiologicheskom aspektah [Vocabulary of Vyatka dialects in the areal and onomasiological aspects]. M.: MPGU, 2006. 415 p.

Kasatkin I. M. Muzhik [Man/Peasant]. M.: Sovetskij pisatel', 1991. 382 p.

Hrobostov A. V. Lebedinaya pesnya moego serdca [The swan song of my heart]. Kostroma: Fabrika suvenirov, 2015. 408 p.

SHklyar G. Z. Slovarnye osobennosti govorov Kostromskoj oblasti i ih otrazhenie v yazyke proizvedenij pisatelej-kostromichej (po materialam kartoteki Kostromskogo oblastnogo slovarya) [Lexical peculiarities of the dialects of the Kostroma region and their reflection in the language of the works of the Kostroma writers (based on materials from the Kostroma regional dictionary card index)] // Uchyonye zapiski [Transactions]. KGPI im. N. A. Nekrasova. 1966. Issue 13. Pp. 145–170.

Наименования совы в русских говорах (лингвогеографический и этимологический анализ)

Андрей Владимирович Приображенский

Мария Денисовна Королькова

Институт лингвистических
исследований РАН

Статья посвящена описанию наименований совы в русских говорах, их распространению и происхождению. Рассматривается более 30 наименований и их вариантов для птиц семейства совиных. Большинство слов, обозначающих сову, предположительно, образованы от звукоподражательных основ. В силу частичного неразличения в говорах подвидов сов, к наименованиям совы также относятся другие зафиксированные слова: *сыч*, *неясыть*, *филин* и др.

Ключевые слова: русские говоры, лингвогеография, диалектная лексика, Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ).

Общерусское слово *совá* (БАС 14: 55), имеющее праславянское происхождение и родственные слова в других индоевропейских языках, относят к звукоподражаниям (Черных 2: 184). Оно является наиболее распространенным наименованием для птицы рассматриваемого отряда (Strigidae). Общепризнанный характер лексемы подтверждается значительным объёмом фиксаций в ЛАРНГ (Карты 300 «Сова», 301 «Самка совы», 302 «Птенец совы»). В словаре В. И. Даля: «Сова ж. ночная хищная птица Strix; видов много: *белая сова* (из канюков, полусов), *пороша*; малая, *сыч*; большая, лесная, *филин* и *пугач*, стар., *див*, црк. *сирин*; ученые делят семью эту на *сов*, *сипух*, *пугачей*, *неясытей*, *филинов*, *сычей*, *канюк* и *сиринов*» (Даль 4: 259).

В русских говорах присутствует значительное число наименований совы, как однокоренных слову *совá*, так и образованных от разных корней. Среди однокоренных названий зафиксированы слова: *сбвка* (Иван.: Фурман.—

п. 243; Моск.: Орехово-Зуев.— п. 387; Башкир.: Ермекеев.— п. 590; Краснодар.: Отраднен.— п. 1059); *сове́ц* (СРНГ 39: 187; Волог.: Волог.— п. 80); *со́вин* (СРНГ 39: 188; Ростов.: Шолох.— п. 948); *сови́на* (Волог.: Вытегор.— п. 34); *сови́ца* (СРНГ 39: 188; Башкир.: Дуван.— п. 371); *со́вич* (Ростов.: Шолох.— п. 948); *сову́нья* (Тамбов.: Мордов.— п. 815; Волгогр.: Фролов.— п. 943); *сову́ха* (Башкир.: Кармаскал.— п. 507) (КЛАРНГ).

Лексика, зафиксированная в русских говорах, свидетельствует о частичном неразличении отдельных пород совиных: часто сове присваиваются наименования одного из её подвидов. К таким наименованиям относятся, например, *сыч*, *неясыть*, *филин* и др.

Слово *сыч* является общенародным (БАС 14: 1379; СРНГ 43:180) обозначением мелких видов сов [Дементьев 1951а: 396]. Наименование широко распространено в русских говорах, оно употребляется на разных территориях, не образуя сколь-либо компактных ареалов, что подтверждает неразличение соответствующих подвидов сов (КЛАРНГ № 300, 302). Среди однокоренных названий зафиксировано слово *сычо́к* (Челяб.: Нагайб.— п. 659) (КЛАРНГ).

Звуки, издаваемые совами, весьма разнообразны по своим характеристикам [Пукинский 1993а: 252]. В случае опасности филин и большинство сов принимают классическую угрожающую позу, шипят и «щелкают» клювом [Пукинский 1993б: 272; Приклонский, Иванчев 1993: 293]. *Сыч* — слово звукоподражательного происхождения, которое сближают с глаголом *сыкать* ‘шипеть’ (Фасмер 3: 821).

Весьма разнообразны характеристики голоса мохноного сыча. Так, в брачный период — это *у-пу-пу-пу*, несколько напоминающий крик удода; кроме того, трель *ва-ва-ваа*, а в случае тревоги — свистящее *тс-и-и-и* [Дементьев 1951а: 393].

Призывный крик самца воробьиного сыча — приглушенный свист. Описано более десяти звуковых реакций, которые используют эти совы при контактах. Так, перед спариванием и во время него — своеобразное верещание. При раздражении

и беспокойстве эта птица может угрожающе щелкать клювом [Пукинский 2005а: 29–30].

П. Я. Черных восстанавливает общеславянский корень **syktjъ* или **syktъ*, замечая, что индоевропейский корень тот же, что и в общеславянском **sova*: **k'ǫ-*: **k'ǫ* (Черных 2: 222). Интересно, что большинство сычей издают крики, условно напоминающие звуки, представленные в индоевропейском корне. Так, голос домового сыча — *ку-вит-ку-вит* или *кью-кьюю*, воробьиного — *кувитт* [Дементьев 1951а: 399, 404].

По свидетельству М. А. Мензбира, в говорах словом *сыч* обозначают и многие другие виды сов. Так, сову ястребиную в петербургских говорах называют словосочетанием *горный сыч*, сову ушастую — *ушастый сыч*, сову болотную — словом *сыч*, серую неясыть в Казанской губернии — *сыч*. Сову ушастую в подмосковных говорах именуют *большим сычом*, а в казанских и харьковских — *сычом* [Мензбир 1895, 2: 284, 301, 313, 318].

Другим наименованием для совы является *неясыть*. Оно распространено в Центральной России (Костр.: Вохом. — п. 110, Макарьев. — п. 190, Межев. — п. 107; Иванов.: Приволж. — п. 244, Пучеж. — п. 293, Сокол. — п. 294, Фурман. — п. 243; Яросл.: Рыбинск. — п. 182, Моск.: Зарайск. — п. 523, Пск.: Порх. — п. 169, Нижегород.: Большемурашк. — п. 399), а также в Приволжском федеральном округе (Коми: Троицко-Печ. — п. 20; Удмуртия: Ярк. (п. 154); Перм.: Очерск. (п. 159), в Челябинской (Верхнеур. — п. 596), Самарской (Ставроп. — п. 652), Волгоградской (Киквидз. — п. 909, Быков. — п. 945) и на территории Краснодарского края (Канев. — 1008, Тимашев. — 1017), варианты: *неясычь* (Яросл.: Рост. — п. 283) и *ясыть* (Яросл.: Пошех. — п. 134) (КЛАРНГ № 300).

Происхождение этого слова заслуживает отдельного внимания. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» *неясыть* зафиксировано в трех значениях: 1) 'коршун', 2) 'пеликан', 3) 'болезненное состояние, при котором больной постоянно чувствует голод' (СлРЯ XI–XVII 11: 362). Слово имеет

соответствие во всех славянских языках и обозначает пеликана. Лишь в чешском языке *nejasyt*, *nesyt* — это и 'птица Tantalus (Tantalus ibis)' (ЭССЯ 24: 134), под которым понимают священного ибиса или клювача [Мензбир 1895, 2: 764]. Впервые в значении 'филин, сова' слово *неясыть* зафиксировано в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. (данные СлРЯ XVIII 15: 130). В современном русском литературном языке лексема *неясыть* используется для обозначения рода больших и средних сов.

М. Фасмер реконструирует первоначальное значение слова *неясыть* — 'ненасытный' (Фасмер III: 71). О. Н. Трубачев считает **nejęsyть* сложением **ne*, аористной формы от глаголов **ęti*, **jьmъ* и существительного **syть* со значением 'кто не имел сыти'¹, не считая его родственным общеславянским **nenasyть* и **nesyть* (ЭССЯ 24: 135, 170; 25: 34). На наш взгляд, более последовательной выглядит точка зрения Е. М. Сендровица, который соотносит русские диалектные *не'насыть* 'ненасытный; прожорливое животное; обжора (о человеке)', *не'ясыть* 'прожора (о человеке и животном)', болгарское *ненасытъ* 'пеликан' со словом *неясыть*, реконструируя исходную праславянскую форму **nenasyть* [Сендровиц 1981: 227].

Особенности питания всех птиц, обозначаемых словом *неясыть*, могут свидетельствовать об их «ненасытности». Так, рацион кудрявого пеликана составляет рыба, поедаемая в большом количестве [Мензбир 1895, 1: 821]. В дельте Волги за восемь месяцев семья пеликанов из двух взрослых и двух молодых птиц съедает около 1080 кг рыбы (одна особь за сутки — около 1100 г). Рыбаки считают пеликанов своими конкурентами [Мацына 2011: 36]. Черный коршун является полифагом, то есть многоядной птицей с широким набором жертв — различных зверьков, птенцов и мелких птиц, пресмыкающихся и земноводных, беспозвоночных и насекомых. Коршун также питается падалью и отбросами [Дементьев

¹ Первоначальное значение слова сыть (о.-с. **syть*) — 'пища', 'корм', 'то, чем насыщаются' (Черных 2: 222).

1951б: 226]. Склонностью к полифагии отличается и длиннохвостая неясыть, способная добывать разнообразных, в том числе сравнительно крупных животных — белку, молодого зайца-беляка, рябчика, белую куропатку, тетерева [Пукинский 2005б: 84]. Самой узкой пищевой базой обладает бородастая неясыть, в рационе которой отмечено всего 13 видов жертв, главным образом, грызуны, реже — бурундук или белка, очень редко — птицы [Пукинский 2005в: 96–97].

Настоящим полифагом является и филин, в списке жертв которого содержится 32 вида млекопитающих и 80 видов птиц [Дементьев 1951а: 356]. Филин — крупный и прожорливый хищник, способный заглотать за раз до 1 кг пищи [Пукинский 1993б: 287].

М. А. Мензбир отмечает, что слово *неясыть* является и местным названием еще одного вида совы — сипухи (харьковское) [Мензбир 1895, 2: 323]. Пища сипухи становится разнообразнее, когда часто встречаются в местах ее обитания различные мелкие животные. Нередко объектами охоты этой совы служат серые крысы, кролики, ласки, ондатры, белки, крупные жуки, ночные бабочки. Часто на гнездах скапливаются излишки добычи (до 58%). Так, сипухой, содержащейся в вольере, за одну ночь из 255 выпущенных к ней мелких грызунов все были убиты, но целиком съедены только 107 животных, частично — 16, а остальные спрятаны «про запас» [Зубков 2005: 104–105].

Другое название для совы и её видов в говорах — *кони́ок* или *кани́ок* (СРНГ 14: 276; Волог.: Шексн.— п. 79; Ярослав.: Любим.— п. 136; Нижегород.: Борск.— п. 353) (КЛАРНГ).

У Даля: *кани́ок* 'вид небольшого филина, *Strix scops*' (Даль 2: 86). Это *сплюшка* — вид птицы семейства совиные, которая «в брачный период издает громкий, немного грустный односложный свист *сплю-ю*, монотонно повторяющийся в течение 10–30 минут» [Кошелев 1993: 325]. Слово *каниок* используется и для обозначения коршуна, докучающего клётком (Даль 2: 86). Мензбир описывает крик этой птицы как протяжный, несколько заунывный посвист [Мензбир 1895,

2: 84]. Дементьев отмечает, что голос коршуна — мелодический свист, трель, также частое *ки-ки-ки* [Дементьев 1951б: 226]. «Словарь говоров Русского Севера» приводит онежское **канюк** 'полярная сова' (СГРС 5: 59). Можно легко заметить сходство крика коршуна и полярной совы, так как у последней это громкое и резкое *кик-кик-кик*, а также звук, напоминающий карканье [Дементьев 1951а: 352]. В сильном возбуждении полярные совы издают высокие верещащие трели [БС].

В любимских и некрасовских говорах Ярославской области зафиксировано слово **конюк** 'серая сова' (ЯОС 5: 60). Серой совой называют обыкновенную, или серую неясыть, типичный крик самца которой — это издаваемое длинное завывающее *ууух-ууух-ууух*, слышимое преимущественно в периоды спаривания [СН].

Обозначение **канюк** является общеславянским суффиксальным производным от **kan'a* звукоподражательного происхождения (по издаваемому птицей писку) (ЭССЯ 9: 142–143). Легко заметить, что крик птиц (в т.ч. сов), которых называют данным словом в говорах, орнитологи описывают как заунывный, монотонный, докучающий.

Слово **лунь** в значении 'сова' (СРНГ 17: 197) представлено, преимущественно, в севернорусских говорах: в Псковск. (Беж.— п. 223, Великолук.— п. 270, Гдов.— п. 70, Дедович.— п. 170, Невельск.— п. 322, Новорж.— п. 221, Новосokolьн.— п. 269, Пустошк.— п. 268, Пушкиногор.— п. 220, Струго-Красн.— п. 94) (КЛАРНГ), а также Сиб., Курск. и Ленингр. (СРНГ 17: 197). Вариант **улунь** — в говорах Ярославской обл. (Пошех.— п. 134) (СРНГ 47: 148).

По справедливому замечанию Г. П. Дементьева, у русских на севере **лунь** или **улунь** — общее название для многих светлоокрашенных, белесых хищных птиц [Дементьев 1951а: 348]. В литературном языке словом **лунь** обозначают род хищных птиц семейства ястребиных, к которому относятся луговой лунь, степной лунь, полевой лунь, болотный, или камышовый лунь. В их окраске преобладают белый или бледно-сизый цвета. По данным СРНГ, в сибирских, курских, псковских,

ленинградских говорах лексема *лунь* используется для наименования совы, в псковских — филина, в пермских, моздокских, смоленских и астраханских — голубя [?] (СРНГ 17: 197). Слово имеет соответствие во всех славянских языках. Одни исследователи объясняют *лунь* из **lirpъ* от *лупить* ‘лупить, чистить, грабить’ (Фасмер 2: 534). Другие сравнивают с *луна* (**luna*), указывая на серовато-белое оперение называемых этим словом птиц, в том числе голубя (ЭССЯ 16: 176–177).

Подтверждением того, что птицы названы данным словом по преобладающему белому цвету служит и то, что в Ярославской обл. *лунь* и *улунь* — это обозначения белой, или полярной совы (ЯОС 9: 13); [Дементьев 1951а: 348; Мензбир 1895, 2: 307]. Этот вид совы отличается от остальных своим основным белым цветом [Мензбир 1895, 2: 311]. Ср. и другие местные названия белой совы: *белый филин* (у поморов); *сова белянка* (петербургское, московское) [Там же: 307].

Слово *фи́лин* и его фонетический вариант *хвѣ́лин* не так известно на территории Европейской части России, и не образует обширных ареалов — слово встречается в разных типах говоров. Зафиксировано одно однокоренное наименование — *фи́лька* (Удмуртия: Вавож.— п. 308) (КЛАРНГ). В СРНГ зафиксирован только вариант *фи́лим* (Перм., Вят., Костром.— *филѣм*), в СРНГ слово *филин* зафиксировано лишь в значении ‘дятел’ (СРНГ 49: 108). В словаре В. И. Даля: *Филин* м. большая ушастая сова, *Strix bubo*; пугач, неясить названия родовые. *Филин да ворон — зловещие птицы, крик их к несчастью* (Даль 4: 550).

Большинство названий филина имеет звукоподражательную основу. Так, слово *филин* объясняют как переоформление старого *квивин*, образованного с помощью суффикса *-ин* от *квилити* ‘плакать’. Последнее является звукоподражательным (Черных 2: 312). Филин может издавать хохот, странные «стоны», «плач», «скрежет» и пр., что и придает крикам филина своеобразие и известную популярность в народных сказаниях [Пукинский 1993б: 272]. В медвежьегорских говорах зафиксировано слово *антуфий*

‘филин’ (СРГК I: 20). Вероятно, народная этимология находила в характерном для него крике опору для сближения с данным именем.

Тульское (СРНГ 3: 318) и ярославское (Яросл.: Яросл. п. 240 — КЛАРНГ) *бу́хало* ‘филин’ также считают звукоподражательным (Аникин 5: 234; ЭССЯ 3: 80), ср. иллюстрацию из Пинежья: *Мужик глухой у нас ехал, ничего-то не чуе, уж я набоялася, а филин буха, буха* (СРНГ 19: 131). Вероятно, этот ономатопоэтический корень лежит в основе следующих диалектных образований: ярославских *бу́кало* (ЯОС 2: 29) и *бу́халица*, яренского *бухали́м* с тем же значением (СРНГ 3: 318).

В момент наибольшего брачного возбуждения, по свидетельству Ю. Б. Пукинского, голос самца филина переходит в «зловещий» раскатистый хохот, который может продолжаться до 10 секунд [Пукинский 1993б: 272]. Именно этот хохот привел к образованию слов *покаха́й* в значении ‘филин, сыч’ в вятских говорах (СРНГ 30: 341) и *паха́й* ‘большой филин’ — в забайкальских (Элиасов 1980: 440).

К звукоподражаниям относятся и многие названия филина инаязычного происхождения. Интересны слова *гунга́ч* Подп., Лод. (+СРНГ 7: 232 (Ленингр. Лод., Петрозав. Олон.), КЛАРНГ Ленингр.: Лод. — п. 32), *гуда́ч* (СРНГ 7: 249 (Север., Олон.), КЛАРНГ Перм.: Чердынск.), *гута́ч* и *гута* (КЛАРНГ) и *юнга́ч* ‘филин’ Ладва Петрозав. уезд, заимствованные из вепсского. С. А. Мызников считает их ономатопоэтическими: вепск. *hüngü* от глагола *hunkta, unкта, hüngüda* ‘ухать’ [Мызников 2003: 130].

Усть-Цилемское *буга́й*, архангельское *бугалень* ‘птица филин’ (СРНГ 3: 236), печорское и шадринское *бугу́й* ‘филин’ (СРНГ 3: 240), а также *бульгун* [удар.?] (КЛАРНГ) связывают с коми-ижорским *бугу́й*, *буху́й* ‘филин’ и рассценивают как производные от звукоподражательной основы, представленной в смежных прибалтийско-финских языках, ср. вепс. *buhajda* и фин. *puhua* ‘говорить’ (Аникин 5: 31). О заимствованном характере данной основы свидетельствует

и фиксация слова *бугай* 'филин' в сегежских говорах, Вожма Гора (Мызников 2010: 32).

По данным С. А. Мызникова, значительная доля орнитонимов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, представляет собой звукоподражания. К ним относится и слово *күга* в значении 'сова', зафиксированное в медвежьегорских и пудожских говорах, ср.: ливв. *kuhkö* или люд. *küühkõi* 'сова', 'птица' [Мызников 2003: 135].

Иную мотивационную основу представляют собой слова *түна* и *түнка*, которые являются заимствованиями из коми языка. Лексема *түна* 'сова' зафиксирована в пермских говорах (СРНГ 45: 252). *Түнка* 'сова' бытует в нагорских и афанасьевских говорах Кировской области (ОСВГ 11: 107). Оба слова восходят к коми *тупзор* 'сова', коми-пермяцкому *тупка* 'сыч', *тупка сюзь* 'сова, сыч, филин', верхнесысольскому *тупзор* 'клевер', при этом восстанавливается **tup-* 'взъерошенный, распущенный' в общекоми языке (КЭСКЯ: 285).

Среди наименований сов и филина в русских говорах представлены и заимствования из тюркских языков. Так, слово *туманá* чувашского происхождения используется в козьмодемьянском говоре для обозначения совы, а в мздокском говоре терского казачества — филина (СРНГ 45: 242). Мензбир отмечает астраханское *тумана* в значении 'серая неясыть' [Мензбир 1895, 2: 301]. С. А. Мызников зафиксировал *таманá* 'сова' в русских говорах Марийско-Посадского района Чувашии [Мызников 2005: 92].

Множество интерпретаций издаваемых филином криков привело к появлению народного представления о том, что эта птица способна подражать чужим звукам или копировать их: «Филин — его *попугаем* зовут. Народ пугает в лесу — буду, буду, — чего скажешь, он тоже скажет, во его и зовут *попугаем*» (СРНГ 30: 14). А. О. Подвысоцкий пишет о филине: «Слыша в лесу повторяемые эхом свои слова, простодушные крестьяне подозревают в этом передразнивание со стороны *бугуя* и посылают ему в отместку крепкое словцо, конечно

снова повторяемое эхом и вновь вызывающее усиленную брань, которая, наконец, прекращается на том основании, что бугуя не перебранишь» (Подвысоцкий 1885: 11). Слово *пoпyгáй* в значении 'филин' зафиксировано в новгородских, тверских, донских говорах (СРНГ 30: 14), а также в вятских и ярославских (ОСВГ 8: 157; ЯОС 8: 65), а также в КЛАРНГ (КЛАРНГ Марий Эл: Сернур. — п. 303, Рост.: Шолох. — п. 948).

Слово *пyгáч* в значении 'сова, филин' зафиксировано на всей территории Европейской части России и не образует ареалов распространения (КЛАРНГ).

Не всегда предположения о заимствованном характере того или иного наименования птиц достаточно обоснованы. Так, Е. В. Лысова считает орнитоним *пyгач* 'сова, филин' в кемских говорах преобразованием заимствования (*кyгa > пyгa > пyгач*) на почве народной этимологии [Лысова 2002: 14]. На наш взгляд, более обоснованной является точка зрения М. Фасмера, который считал это слово исконным (Фасмер 3: 400). Подтверждается это звукоподражательной основой данной лексемы и ее широким распространением в русских говорах: с пометой «повсеместно» это слово приводится у М. А. Мензбира, который описывает крик этой птицы как протяжное, различным образом моделируемое *y-y* [Мензбир 1895, 2: 269]. По свидетельству Ю. Б. Пукинского, призывный крик филина — сдвоенное уханье, с ударением на первом слоге, длящееся около 0,7 с., нечто вроде глухого *гу-у* или *у-у*, с более низким и коротким вторым слогом [Пукинский 1993б: 271]. По свидетельству Мензбира, словом *пyгач* называют также сыча и ушастую сову (харьковское) [Мензбир 1895, 2: 262, 318]. Голос ушастой совы в брачный период *ху-хуу*, мохноногого сыча — *у-пу-пу-пу* [Дементьев 1951а: 383, 393]. Вероятно, *пyгачом* могут обозначить и другие виды сов, так как голос бородатой и длиннохвостой неясыти — *ху-ху-хуу*, самца обыкновенной неясыти — *ху-ху-хууу*, «пение» болотной совы — ряд повышающихся звуков *бу-бу-буб* и т. д. [Дементьев 1951а: 389, 412, 415, 422]. На звукоподражательное происхождение слова *пyгач* указывает и П. Я. Черных (Черных

2: 80), однако, ввиду суффиксального оформления ставят вопрос и о связи данного слова с глаголом *пугать* (Фасмер 3: 400). Кроме того, в русских говорах зафиксированы *пугáло* (Енис.—СРНГ 33: 105), *пугы́ч* (Бобр. Ворон.—СРНГ 33: 107), *пúкша* (Север., Олон.—СРНГ 33: 121), *пóкша* (КЛАРНГ Новг.: Волот.—п. 124) и *пухы́гало* [удар.?] (КЛАРНГ Новг.: Хвойн.—п. 100) в значении ‘сова’ и *пúгúч* в значении ‘филин’ (Ворон., Орл.—СРНГ 33: 107). Слово *пугáч* зафиксировано в обобщенном значении ‘лесная птица, крик которой напоминает крик филина’ (Новосиб.—СРНГ 33: 105). Звукоподражательный характер основы подтверждается междометием *пугу́к* ‘крик филина’, зафиксированным в говорах казаков-некрасовцев (СРНГ 33: 107). Слово *пугáч* в значении ‘лесной филин’ приводится в словарях русского литературного языка (Слов. Акад. 1789–1794, БАС 11: 1652).

К звукоподражаниям (ср. *у́хать* — БАС 16: 1101) относятся и слова *у́хало* и *у́халица*, употребляемые в значении ‘филин’ (СРНГ 48: 245), а также *у́халица* (КЛАРНГ Киров.: Подосин.—п. 48, Санчур.—299), *у́халица* (КЛАРНГ Киров.: Подосин.—п. 48), *у́кальница* (КЛАРНГ Арх.: Онеж.—п. 16, СРНГ 47: 52 — Олон. Пск.) и *у́хканица* (КЛАРНГ Арх.: Онеж.—п. 16), *у́халь* (КЛАРНГ Иван.: Шуйск.—п. 289) и *ухáн* (КЛАРНГ Арх.: Онеж.—п. 16, Волгогр.: Среднехтуб.—п. 964) — в значении ‘сова’.

Звуки, издаваемые филином или совами, привели к образованию в вятских говорах слов *гáвкалиха*, *гаркалáи-ха*, *гаркáлиха*, *гаркúша* (КЛАРНГ Киров.: Нагор.—п. 87, Зуев.—п. 152) Так, самка филина при виде человека возле гнезда, расхаживая в 20–30 м. от него и отвлекая внимание на себя, испускает картавое ворчание, перемежающееся со звуками, напоминающими взлаивание [Пукинский 1993б: 272]. Звук, напоминающий карканье, издает полярная сова [Дементьев 1951а: 352], а угрожающий лай — длиннохвостая неясыть [Пукинский 2005б: 79].

Многие обозначения отдельных видов также являются ономатопоэтическими. Так, название *сипуха* дано по

шипящему голосу птицы [Дементьев 1951а: 428], по данным ЛАРНГ, оно представлено в Ставропольском крае (п. 1040). В смоленских, калужских и донских говорах зафиксирован глагол *шипѣть* ‘шипеть (о змее, гусе)’ (СРНГ 37: 345).

Медвежьегорское слово *язвѣц* в значении ‘сова’ (СРГК 6: 953), на наш взгляд, можно связать с образом жизни птиц отряда сов. Обозначение *язвѣц* может относиться к болотной сове, которая является самой многочисленной и широко распространенной в Карелии [Зимин, Ивантер 2002: 115]. По свидетельству Мензбира, гнездо этой птицы «представляет собою небольшое углубление или на кочке, или прямо на земле, под нависшим кустом или каким другим растением, которое его несколько прикрывает» [Мензбир 1895, 2: 315]. Г. П. Дементьев отмечает, что болотная сова — единственный из сов нашей фауны, строящий собственные гнезда [Дементьев 1951а: 386]. На земле гнездится и вполне обычная на территории Карелии длиннохвостая неясыть [Зимин, Ивантер 2002: 116]. По утверждению М. А. Мензбира, она делает гнездо в ямке, оставшейся от вывороченной с корнем сосны [Мензбир 1895, 2: 298]. Наиболее крупный представитель сов филин также обычно гнездится на земле: «В лесу гнездо филина, представляющее собою простое углубление в почве, бывает слегка выстлано примятой прошлогодней травой и сюда-то самка несет свои яйца» [Мензбир 1895, 2: 271]. Гнезда в виде углублений и ямок на земле устраивают ушастая сова, белая, или полярная, сова [Мензбир 1895, 2: 320, 310]. Медвежьегорское *язвѣц* ‘сова’ (п. 18), как и общеславянское *язвѣц* ‘барсук’, образовано от *язва* ‘нора’.

Таким образом, в русских говорах для обозначения совы чаще используется общеизвестное литературное слово. Лексика русских говоров свидетельствует о частичном неразличении отдельных пород совиных: часто сове присваиваются наименования одного из её подвидов (*сыч*, *неясыть*, *филин* и др.). Из последних наиболее широко распространено слово *сыч*. Слово *неясыть* употребляется преимущественно в говорах Центра, реже — в Поволжье и Краснодарском крае.

Слово *лунь* представлено в севернорусских говорах. Остальные лексемы встречаются в отдельных группах говоров.

Большинство наименований сов восходят к звукоподражаниям (*сова, сыч, бухало, гаркалаиха, пугач, ухало, филин* и др.), некоторые слова являются заимствованиями из других языков (прибалтийско-финских, тюркских). В меньшей степени распространены названия сов и их отдельных видов по внешнему виду, цвету оперения (*белянка, белый филин, большеглазка, глазан, глазатка, лунь, серая сова, улунь, ушатка*), отражающие образ жизни и поведение птицы (*ночная птаха, ночник, ночуха, полночица, попугай*), особенности питания (*малый мышелов, неясуть, неясучь*), место обитания (*берёзовка, лесовица, язвец*).

Литература

БС — Белая сова [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Белая сова](https://ru.wikipedia.org/wiki/Белая_сова)

Дементьев Г. П. Отряд Сова // Птицы Советского Союза. Т. 1. М.: Сов. наука, 1951. С. 342–429.

Дементьев Г. П. Отряд хищные птицы // Птицы Советского Союза. Т. 1. М.: Сов. наука, 1951. С. 70–341.

Зимин В. Б., Ивантер Э. В. Птицы. 3-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 288 с.

Зубков Н. И. Сипуха // Птицы России и сопредельных регионов: Собообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский, В. П. Иванчев, В. А. Зубакин. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 99–106.

Кошелев А. И. Сплюшка // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Собообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский. М.: Наука, 1993. С. 325–340.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера: автореф. дис... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

Мацина А. И., Мацина Е. Л. Кудрявый пеликан // Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные,

Фламингообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский, В. А. Зубакин, Е. А. Коблик. М.: Т-во научных изданий КМК, 2011. С. 24–37.

Мензбир М. А. Птицы России: в 2-х т. М.: Изд. И. Н. Кушнера, 1895. Т. 1–2.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская республика, Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 636 с.

Приклонский С. Г., Иванчев В. П. Рыбный филин // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский. М.: Наука, 1993. С. 290–302.

Пукинский Ю. Б. Отряд Совообразные // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский. М.: Наука, 1993. С. 249–258.

Пукинский Ю. Б. Филин // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский. М.: Наука, 1993. С. 270–290.

Пукинский Ю. Б. Воробьиный сыч // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский, В. П. Иванчев, В. А. Зубакин. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 28–41.

Пукинский Ю. Б. Длиннохвостая неясыть // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский, В. П. Иванчев, В. А. Зубакин. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 72–85.

Пукинский Ю. Б. Бородатая неясыть // Птицы России и сопредельных регионов: Совообразные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные / Отв. ред. С. Г. Приклонский, В. П. Иванчев, В. А. Зубакин. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 86–98.

Сендровиц Е. М. К этимологии одного орнитологического наименования. *Неясыть* // Этимологические исследования по русско-му языку. Вып. 9. М.: изд. МГУ, 1981. С. 225–227.

СН — Серая неясыть [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Серая_неясыть

The names of the owl in the Russian dialects (linguogeographic and etymological analysis)

Andrej V. Priobrazhenskij,
Mariya D. Korolkova,
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article is concerned with the description of the names of the owl in the Russian dialects, their distribution and origin. More than 30 items and their variants for birds of the owl family are considered. Most of the words for an owl are supposedly derived from onomatopoeic stems. Due to the partial indistinguishability of subspecies of owls in the dialects, owls can be named with other registered words, such as *syč'*, *n'ejasyt'*, *filin* etc.

Key words: Russian dialects, linguogeography, dialectal vocabulary, Lexical Atlas of Russian Dialects (LARFD).

References

BS — Belaya sova [Elektronnyj resurs] [Snowy owl (Electronic source)] // Vikipediya: svobodnaya enciklopediya. [From Wikipedia, the free Encyclopedia] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Belaya_sova [URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Snowy_owl]

Dement'ev G. P. Otryad Sovy [The order *Strigiformes*] // Pticy Sovetskogo Soyuzn. [The birds of the Soviet Union] V. 1. М.: Sov. nauka, 1951. Pp. 342–429.

Dement'ev G. P. Otryad hishchnye pticy [Birds of prey] // Pticy Sovetskogo Soyuzu. [The birds of the Soviet Union] V. 1. M.: Sov. nauka, 1951. Pp. 70–341.

Zimin V. B., Ivanter E. V. Pticy. [Birds] 3-e izd., ispr. i dop. Petrozavodsk: PetrGU, 2002. 288 s.

Zubkov N. I. Sipuha [Barn Owl] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Sovoobraznye, Kozodoeobraznye, Strizheobraznye, Raksheobraznye, Udodoobraznye, Dyatloobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Strigiformes*, *Caprimulgiformes*, *Apodiformes*, *Coraciiformes*, *Upupiformes*, *Piciformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij, V. P. Ivanchev, V. A. Zubakin. M.: T-vo nauchnyh izdaniy KMK, 2005. Pp. 99–106.

Koshelev A. I. Splyushka // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Ryabkoobraznye, Golubeobraznye, Kukushkoobraznye, Sovoobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Pteroclididae*, *Columbiformes*, *Cuculiformes*, *Strigiformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij. M.: Nauka, 1993. Pp. 325–340.

Lysova E. V. Ornitonimiya Russkogo Severa [Ornythonimy of the Russian North]: avtoref. dis... kand. filolog. nauk. Ekaterinburg, 2002. 20 p.

Macina A. I., Macina E. L. Kudryavyj pelikan [Pelecanus crispus] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Pelikanoobraznye, Aistooobraznye, Flamingoobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Pelecaniformes*, *Ciconiiformes*, *Phoenicopteriformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij, V. A. Zubakin, E. A. Koblik. M.: T-vo nauchnyh izdaniy KMK, 2011. Pp. 24–37.

Menzbir M. A. Pticy Rossii: v 2-h t. [The birds of Russia. Two volumes] M.: Izd. I. N. Kushnereva, 1895. V. 1–2.

Myznikov S. A. Russkie govory Obonezh'ya: Areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya. [The Russian dialects of Onega: an areal and etymological investigation of the lexemes of balto-finnic provenance] SPb.: Nauka, 2003. 540 p.

Myznikov S. A. Russkie govory Srednego Povolzh'ya: Chuvashskaya respublika, Marij El. [The Russian dialects of the Middle Volga region: the Chuvash Republik and Mari El] SPb.: Nauka, 2005. 636 p.

Priklonskij S. G., Ivanchev V. P. Rybnyj filin [Bubo blakistonii] // Pticy

Rossii i sopredel'nyh regionov: Ryabkoobraznye, Golubeobraznye, Kukushkoobraznye, Sovoobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Pteroclididae*, *Columbiformes*, *Cuculiformes*, *Strigiformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij. M.: Nauka, 1993. Pp. 290–302.

Pukinskij YU.B. Otryad Sovoobraznye [Strigiformes] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Ryabkoobraznye, Golubeobraznye, Kukushkoobraznye, Sovoobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Pteroclididae*, *Columbiformes*, *Cuculiformes*, *Strigiformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij. M.: Nauka, 1993. Pp. 249–258.

Pukinskij YU.B. Filin [*Bubo bubo*] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Ryabkoobraznye, Golubeobraznye, Kukushkoobraznye, Sovoobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Pteroclididae*, *Columbiformes*, *Cuculiformes*, *Strigiformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij. M.: Nauka, 1993. Pp. 270–290.

Pukinskij YU.B. Vorob'inyj sych [*Glaucidium passerinum*] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Sovoobraznye, Kozodoeobraznye, Strizheobraznye, Raksheobraznye, Udodoobraznye, Dyatloobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Strigiformes*, *Caprimulgiformes*, *Apodiformes*, *Coraciiformes*, *Upupiformes*, *Piciformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij, V. P. Ivanchev, V. A. Zubakin. M.: T-vo nauchnyh izdaniy KMK, 2005. Pp. 28–41.

Pukinskij YU.B. Dlinnohvorostaya neyasyt' [*Strix uralensis*] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Sovoobraznye, Kozodoeobraznye, Strizheobraznye, Raksheobraznye, Udodoobraznye, Dyatloobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Strigiformes*, *Caprimulgiformes*, *Apodiformes*, *Coraciiformes*, *Upupiformes*, *Piciformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij, V. P. Ivanchev, V. A. Zubakin. M.: T-vo nauchnyh izdaniy KMK, 2005. Pp. 72–85.

Pukinskij YU.B. Borodataya neyasyt' [*Strix nebulosa*] // Pticy Rossii i sopredel'nyh regionov: Sovoobraznye, Kozodoeobraznye, Strizheobraznye, Raksheobraznye, Udodoobraznye, Dyatloobraznye [The birds of Russia and the adjacent regions: *Strigiformes*, *Caprimulgiformes*, *Apodiformes*, *Coraciiformes*, *Upupiformes*, *Piciformes*] / Otv. red. S. G. Priklonskij, V. P. Ivanchev, V. A. Zubakin. M.: T-vo nauchnyh izdaniy KMK, 2005. Pp. 86–98.

Sendrovic E. M. К этимологии одного орнитологического наименования. Neyasyt' [On the etymology of a certain ornithologic nomination. Neyasyt'] // *Этимологические исследования по русскому языку. [Etymologic investigations in the field of Russian language] Issue 9.* М.: изд. МГУ, 1981. Pp. 225–227.

SN— Seraya neyasyt' [Elektronnyj resurs] [Tawny owl (Electronic source)] // *Википедия: свободная энциклопедия.* [From Wikipedia, the free Encyclopedia] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Seraya neyasyt'](https://ru.wikipedia.org/wiki/Seraya_neyasyt')

[URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tawny_owl]

Обрядовая лексика мещерских говоров Волгоградской области

Светлана Михайловна Рудометова

Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет

В данной работе рассматриваются лексические особенности (на примере обрядовой лексики) мещерских говоров Волгоградской области. Актуальность исследования определяется тем, что изучение волгоградских островных мещерских говоров вносит неопределимый вклад в изучение языка и культуры жителей Волгоградского региона. Изучение лексических особенностей переселенческих мещерских говоров позволило проследить сохранность лексических единиц, связанных с обрядами. Исследование показало, что территориально изолированные цокающие говоры с. Перещепного и с. Краишева сохраняют обрядовую лексику и в современности, но их носители утрачивают знания по применению тех или иных обрядовых действий.

Ключевые слова: территориально изолированные говоры, мещерские говоры, цоканье, южнорусские говоры.

Говоры сел Перещепного и Краишева Волгоградской области сохраняют традиционные фонетические и грамматические особенности на современном этапе своего развития, например: твердое цоканье (*пец, цулки, дифцонка*), местоимения *тае, сае*, переход среднего рода в женский и др. Лексическая система мещерских говоров двух сёл не была детально изучена ранее в исследованиях ученых-диалектологов. Следовательно, не представляется возможным сделать выводы о том, сохраняются ли традиционные лексические черты или произошли какие-то изменения в языковой системе. Поэтому наши выводы носят предположительный характер, основанный на данных «Словаря русских народных говоров Рязанской Мещеры» и данных «Словаря русских народных

говоров», который фрагментарно фиксирует мещерскую лексику. Изучая лексическую систему волгоградских мещерских говоров на современном этапе их развития, нельзя не обратиться к данным «Словаря донских говоров Волгоградской области» с целью установить степень влияния диалектного окружения на эти говоры.

Обрядовая лексика рассматриваемых говоров охватывает небольшое количество лексических единиц, зафиксированных в экспедициях последних лет, но представляет значительный интерес, т.к. отражает культуру и традиции местного населения.

В говорах обоих сел большинство лексических единиц, входящих в данную тематическую группу, характеризуют свадебный обряд, молодёжные развлечения. Собрание молодёжи, встречи именуется у перещепновцев и краишевцев *шпиль* (на лавоцку выдишь на шпиль). Ещё одно название — *ссыпки* (ссыпки были витушки абыурывали; на кузьминки делали). *Ссыпки* имели точную дату — Кузьмин день, или Кузьминки.

«Кузьминки — народное название праздника, отмечаемого в честь памяти святых Косьмы и Дамиана (1/14 ноября), в народной традиции — Кузьмы и Демьяна. В этот день молодые люди делали ссыпки — собирали продукты для гулянья» [Этнографическая энциклопедия Волгоградской области 2017: 162].

Следует полагать, что *ссыпки* — это как раз повод выбрать жениха и невесту. Известно, что в народе св. Косьму и Дамиана считают покровителями свадьбы, поэтому именно в этот день и собиралась молодёжь.

К ссыпкам молодые люди тщательно готовились. Девушки пекли специальную еду: витушки. *Витушка* — обряд. ‘печенье из пресного теста’, ‘завитое печенье, специально предназначенное для игр молодёжи’, ‘праздничное украшение, жгутики из теста, обыгрываемые на ссыпках’ (*Витушки пикли, тонинькай рулетик на протвени а тут цвитбцки; ссыпки были витушки абыурывали*).

С подобным значением лексема *витушка* зафиксирована в сибирских и донских говорах (СРНГ 4: 302).

Отметим, что в других говорах, например в донских, *витушка* — это сдобная булка (СДГВО: 80), в исследуемых нами говорах — это печенье или украшение, имеющее обрядовое значение.

Был записан обряд *обыурывание витушек*. Местные жители рассказывают, что на *ссыпках* ‘собрания молодёжи’ обыгрывали витушки.

Обыурывать витушки ‘обрядово-игровое действие молодежи’ (А на кузьмѹ ссыпки были. Днѣм хадѣли с уармоней на дварѣм яйца сабирали а вѣчырам жѣрили яйшницу. И вот ребѣят абѣурывали и пѣсню пѣли).

Хочется отметить, что перед самым праздничным вечером, где и совершался обряд *обыгрывания витушек* и празднование *кузьминок*, молодые люди собирали различные продукты, из которых и состояло угощение на празднике, помимо выпеченных витушек. Можем предположить, что название *ссыпки* образовано от глагола *ссыпать* что-либо (ссыпать продукты или ссыпаться, собираться вместе).

Что касается глагола *обыгрывать*, то в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано значение, которое очень близко по значению к записанному нами — обрядовому действию: «Обыгрывать, 1. Петь. Ряз., 1903. На девичник ребята ходят, обыгрывают, девки песни поют, а ребята деньги кладут. Ордын. Новосиб.» (СРНГ 22: 283).

Обряд *обыурывание витушек* находит свое отражение в СРНГ как обряд с песнями, выкупами витушек, но на девичнике. В перецепновском и краишевском говорах обряд обыгрывание витушек связан только с *ссыпками* на Кузьминках.

Слово *витушка* как название определенного изделия из теста зафиксировано не только в говоре с. Краишево, но и в донских говорах Волгоградской области, в сибирских говорах. А лексическая единица *обыгрывать* в значении ‘сопровождать песней’ употребляется в рязанских и новосибирских говорах. Но соответствий обряду *обыгрывание витушек*

в других говорах не найдено. Полагаем, что обряд *обыгрывание витушек* имеет аналоги и в других русских говорах, поскольку лексема *обыгрывать* зафиксирована в рязанских, новосибирских говорах с близким значением, связанным с молодёжными играми, развлечениями.

В говорах любовные отношения между парнем и девушкой именуются глаголами *мурить* ‘дружить парню с девушкой’, с подобным значением зафиксировано в орловских говорах (СРНГ 18: 355); и *мотаться* ‘быть непостоянным в любовных отношениях’ (СРНГ 18: 296).

Обряд сватовства именуется в перещепновском и краишевском говорах *запой* (*сватафство запой называли; кали будить свадьба, то первая мая запой*); с подобным значением данная лексическая единица употребляется в волжских, тамбовских, пензенских, рязанских, тульских, орловских (СРНГ 10: 336), в донских (СДГВО: 194) и говорах рязанской Мещеры (СРНГРМ 1: 138). Помимо общей лексической единицы, называющей обряд сватовства (*запой*), в говоре с. Краишева зафиксировано и другое название сватовства — *зарученье* (*Хрёсный сватаить а после зарученье чириз нидёлю запой. Рчиаютъ кауда свадьба*).

Материалы записей показывают, что в с. Краишево обряду сватовства, *запою*, предшествует *заручение* (договор о назначении дня сватовства как такового). С подобным значением данная лексическая единица употребляется в тихвинских, новгородских, архангельских говорах (СРНГ 10: 336).

В перещепновском говоре записано название второго дня сватовства: *поxmёлье* (шутл.) ‘второй день сватовства’. Можем предположить, что такое различие в названиях обрядовых дней, предшествующих *запою* и следующих после него, могло появиться в результате утраты в памяти местных жителей обрядовых праздников. После обряда сватовства совершается другое обрядовое действие — *улядеть пец* ‘обрядовое действие перед свадьбой’, *корябать пец* ‘царапать печь’ — обязательная часть свадебного обряда’ (*на утро прихадили карябать пец улядели умёить нивёста билить*).

В назначенный день свадьбы молодые люди *спысывались* 'заключали брак'. На торжестве присутствовали *сродство* 'родственники', данная лексема с подобным значением употребляется в новгородских, красноярских, бурятских говорах (СРНГ 40: 319) и говорах рязанской Мещеры (СРНГРМ 2: 172).

Близкий друг жениха, как правило, свидетель на свадьбе, именуется перещепновцами *свецка*, а подруга невесты — *карянная подруга*. В говоре с. Краишева специальных наименований для друга жениха и подруги невесты не отмечено.

На второй день свадьбы совершался обряд *битьё горшков*. Данное обрядовое действие совершается и в донских говорах (СДГВО: 601).

После свадьбы молодые супруги *шли на пирожки* (*чириз нидёлю посли свадьбы на пирашки пайдём к радитилям*).

Кроме рассмотренных выше наименований, связанных с подготовкой и проведением свадебного обряда, в перещепновском говоре зафиксированы лексические единицы, характерные для других обрядовых действий: *воровать кур* (обряд.) 'игра' (*маслина бываить ходим кур варавать*); *масляна* 'масленица'. На праздники местные жители *прибасывали* 'пели частушки'; *иурали* песни, ср.: *иурать* (СДГВО: 581).

В с. Перещепном и в с. Краишево особо почитается святая мученица Параскева, нареченная Пятница, и религиозный праздник Девятая пятница с подвижной датой: девятая пятница после Пасхи. В обоих селах проистекают святые источники муч. Параскевы и ходят легенды о явлении иконы на месте источников и о целебной силе воды. Жители обоих сел имеют одинаковые наименования действий и предметов, связанных с праздниками Кузьминки и Девятая пятница. Отметим, что в соседнем окружении эти праздники не известны. Следовательно, цокающие мещерские говоры принесли эти традиции с собой на Волгоградскую землю. В «Словаре русских народных говоров» зафиксирован праздник Девятая пятница в муромских, владимирских, тверских, вологодских говорах (СРНГ 7: 322).

Несмотря на то, что большинство из представленных лексических единиц характеризуют свадебный обряд, в настоящее время как в с. Перещепном, так и в с. Краишево традиции свадебного обряда утратились. Лишь отдельные его элементы описываются жителями обоих сёл. В с. Перещепном функционируют лексемы *шпиль*, *свечка*, также устойчивые сочетания *улядеть печь*, *давольна иттить за ниво*, *идти на пирожки*, *корябать печь*, *карянная подруга*, *пойти на детей*, которые не зафиксированы в словарях, следовательно, являются уникальными.

Материалы исследования показали, что мещерские цокающие говоры Волгоградской области на протяжении более чем двух веков сохраняют лексические особенности, связанные с обрядами и традициями, но, к сожалению, многое утрачивается и уходит из памяти народа-носителя мещерских говоров. Поэтому данный материал имеет особую актуальность и значимость при изучении и сохранении традиционных лексических особенностей волгоградских мещерских говоров.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской мещеры. М., 1949. С. 135–236.

Гвоздев А. Н. Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии // Труды комиссии по диалектологии русского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 9. 9 с.

Гвоздев А. Н. Типы великорусских говоров Пензенской губернии. Пенза, 1925. 20 с.

Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред М. А. Рыблов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 544 с.

Ritual vocabulary of the Meshchera dialects of the Volgograd region

Svetlana M. Rudometova

Volgograd State Social
and Pedagogical University

This paper discusses the lexical features of the Meshchera dialects of the Volgograd region using the example of ritual vocabulary. The relevance of this study is determined by the fact that the study of the Volgograd isolated Meshchera dialects makes an invaluable contribution to the study of the language and culture of the inhabitants of the Volgograd region. The study of the lexical features of the migratory Meshchera dialects allowed us to ascertain the integrity of the lexical units associated with rites. The study showed that the territorially isolated affricate-merging dialects of the villages of Pereschepnoye and Kraishvevo still retain their ritual vocabulary, but their speakers gradually lose the skills required for performing certain ritual actions.

Key words: territorially isolated dialects, Meshchera dialects, affricate merger (tsókan'je), South Russian dialects.

References

Avanesov R. I. Ocherki dialektologii ryazanskoj meshchery [Essays on the dialectology of the Ryazan Meshchera]. M., 1949. Pp.135–236.

Gvozdev A. N. Opisanie govora sela Ushinki Spasskogo (b. Kerenskogo) uезда Penzenskoj gubernii [Description of the dialect of the village of Ushinki located in the Spassky (former Kerensky) county of the Penza province] // Trudy komissii po dialektologii russkogo yazyka [Transactions of the Commission on the dialectology of the Russian language]. L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. Issue 9. 9 p.

Gvozdev A. N. Tipy velikorusskikh govorov Penzenskoj gubernii [Types of the Great Russian dialects of the Penza province]. Penza, 1925. 20 p.

Etnograficheskaya enciklopediya Volgogradskoj oblasti [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region] / gl. red M. A. Ryblov. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2017. 544 p.

К изучению фонологической вариативности в говорах Русско-Белорусского пограничья (на материале говора Хиславичского района Смоленской области)

Маргарита Вадимовна Спиричева

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье описываются случаи фонологической вариативности, выявленные на основании предварительного анализа материала, собранного во время экспедиции 2019 г. в Хиславичский район Смоленской области. Подтверждается предположение о наличии вариативности в области безударного вокализма, в комплексе употребления губных согласных; зафиксированы случаи чередования [л] ~ [ʎ] в соответствии с /л/, наличие протетического /в/, появление /у/ в соответствии с /а/ и /о/ во втором предударном слоге, случаи неразличения /ц/ и /ч/, неразличения /р/ и /р'/. Указывается на некоторые особенности распределения вариантов.

Ключевые слова: смоленские говоры, севернобелорусские говоры, пограничные диалекты, фонологическая вариативность.

Для исследования были выбраны говоры Хиславичского района Смоленской области. До 1924 г. данная территория входила в состав Могилевской губернии. Если по классификации МДК 1914 г. данные говоры определяются как северо-восточные белорусские говоры [Дурново, Соколов, Ушаков 1915], то по классификации 1964 г. они относятся уже к западной группе Южнорусского наречия (ДАРЯ 1986, карта VI).

Звуковой строй смоленских говоров как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах изучали А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, Н. М. Каринский, В. И. Чернышёв, В. Н. Чекмонас, П. А. Расторгуев и мн. др.

В настоящее время фонетикой говоров белорусско-русского пограничья (смоленских, псковских и северо-восточных белорусских говоров) активно занимаются Н. В. Большакова, А. В. Тер-Аванесова, И. А. Букринская, О. А. Кормакова, А. И. Рыко и др. На этих территориях отмечается диссимилятивное яканье белорусского (жиздринского) типа: перед ударным гласным /а/ в первом предударном слоге выступает /и/, перед остальными гласными — /а/ (*ряки, ряке, рякой, но рика*). Фонемы /в/ и /в'/ перед гласными, кроме /у/, реализуются в губно-зубных звуках [в], [в'], перед /у/, на конце слова и после гласных перед согласными — в губно-губном [ў], в начале слова литературному /в/ (/ф/) соответствует гласный /у/; в иноязычных словах наблюдается субституция /ф/ > /х/, /ф/ > /хв/ (указанные черты в дальнейшем будут обозначаться как комплекс употребления губных согласных «юго-западного типа»). Литературному /г/ в рассматриваемых говорах соответствует фрикативный [γ].

Фонологическая вариативность в смоленских говорах отмечались исследователями ещё в начале века, например, на это указывал В. Н. Добровольский в предисловии к «Смоленскому областному словарю» (Добровольский 1914: III) (в самом словаре фонетическое варьирование, к сожалению, не отражено). Отдельные случаи фонологической вариативности в смоленских говорах отражается в ДАРЯ: например, вариативность в области яканья (ДАРЯ 1986, карта 8), наличие ~ отсутствие протетического /в/ (ДАРЯ 1986, карты 56–57). Тем не менее, систематические описания вариативности в смоленских говорах отсутствуют. Специальное исследование вариантности в соседствующих с ними псковских говорах было проведено Н. В. Большаковой, которая сосредоточилась на рассмотрении второго полногласия и замены начального *у* на *в* [Большакова 1982].

Изучение литературы, посвященной описанию говоров русско-белорусского пограничья, позволяло предполагать, что в говоре Хиславичского района могут быть представлены следующие типы вариативности:

1. Диссимилятивное яканье ~ сильное яканье: *сялѹ*, но *силá* — *сялѹ* и *сялá*; диссимилятивное яканье ~ иканье [Захарова, Орлова 2004: 34]; также предполагалось, что в говоре может наблюдаться сочетание диссимилятивного и умеренного яканья [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 132];

2. Вариативность в комплексе употребления губных согласных «юго-западного типа»: вариативность [ʎ] ~ [y] ~ [ф] в соответствии с литературным /ф/ < /в/ (*дроѹ* ~ *дроф*, *лаѹка* ~ *лафка*); вариативность [y] ~ [ɐ] в начале слова (*унѹк* ~ *внѹк*, *у дѹми* ~ *в дѹми*) [Большакова 1982: 12–17]; вариативность [ф] ~ [x] ~ [xв] (*фáртук* ~ *хвáртук*, *кѹфта* ~ *кѹхта*) [Васильева 1975: 93];

3. Морфологически и лексически обусловленное чередование [л] ~ [ʎ] в соответствии с литературным /л/ и отсутствие такого чередования: *далá* и *даѹ* ~ *далá* и *дал*, *воѹк* и *волк* [Рыко 2018: 309];

4. Наличие ~ отсутствие протетического /в/ перед ударными /о/ и /у/: *акнѹ* и *вѹкны* ~ *акнѹ* и *ѹкны*; *ѹлица* ~ *вѹлица* (ДАРЯ 1986, карта 60);

4. Вариативность [ɣ] ~ [г] в соответствии с /г/ (в частности, возможность появления [г] в заимствованиях — например, *пан Гáльт*) [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 134];

5. Регулярное ~ нерегулярное появление /у/ на месте /о/ и /а/ во втором предударном слоге: *пубалѹл*, *прувалѹлсѹ* [Рыко 2018: 308];

7. Различение ~ неразличение твердых аффрикат /ч/ и /ц/: *вадѹчка* ~ *вадѹца* (ДАРЯ 1986, карта 47);

8. Отсутствие ~ наличие противопоставления /р/ и /р'/: *кастрѹлю* ~ *кастрѹлю* [Рыко 2018: 308].

В последних двух пунктах предполагалось, что неразличение фонем будет представлено в говоре как остаточное явление.

В рамках экспедиции в Хиславичский район Смоленской области было запланировано записать речь информантов

разных поколений. Во время экспедиции записаны беседы с информантами 1928-го — 1960-го годов рождения¹. Информантов можно условно разделить на два поколения: довоенное (конец 1920-х — начало 1940-х годов) и послевоенное (середина 40-х — конец 1950-х). При этом не все представители послевоенного поколения говорят на диалекте. Диалект у более молодых людей не сохраняется.

Выявленные в говоре варианты встречаются как в речи разных информантов, так и в речи одного информанта. Эти два вида должны анализироваться по отдельности: в первом случае варианты могут быть связаны с социальными характеристиками говорящих или местом рождения, во втором случае появление вариантов в речи может быть вызвано влиянием литературного языка, либо может выявиться позиционная обусловленность вариантов. Выделяются как варианты словоформы (*фартук* ~ *хвартук*), так и варианты, наблюдающиеся в разных словах в одной фонетической позиции: например, различия в гласных первого предударного слога при одинаковом ударном согласном (*па зимлэ*, но *нявэста*).

Предварительный анализ собранного материала позволяет выявить следующие случаи вариативности:

1. Для говора характерно диссимилятивное яканье белорусского (жиздринского) типа. При этом в речи информантов наблюдаются отступления от этого типа вокализма, что

¹ В статье используются материалы записей следующих информантов: Антоненкова Валентина Ивановна, род. в 1941 г. в с. Николаево, живет д. Заречье, зап. М.В. Спиричева, А.П. Дичковская; Антоненкова Людмила Викторовна, род. в 1956 г. в д. Заречье, живет там же, зап. М.В. Спиричева, А.П. Дичковская; Бурькин Иван Осипович, род. в 1929 г. в н. п. Бурькин хутор, живет в д. Соино (Мёдкавка), зап. М.В. Спиричева; Дударева Клавдия Климентьевна, род. в д. Гута, живет в д. Жанвиль, зап. М.В. Спиричева, В.А. Андоскина, А.Ф. Мамедова; Морозова Нина Николаевна, род. ок. 1960 г. в д. Мазыки, живет в д. Стайки, зап. М.В. Спиричева, А.Ф. Мамедова; Сысоев Алексей Петрович, род. ок. 1938 г. в д. Стайки, живет в Смоленске, зап. М.В. Спиричева, А.Ф. Мамедова; Супругова Прасковья Дмитриевна, род. в 1932 г. в д. Шипы, живёт в д. Жанвиль, зап. А.И. Рыко, М.В. Спиричева.

происходит в основном перед ударными гласными среднего подъема: *па зимлѣ, христѡм* ‘крестом’. При этом нельзя сказать, что в данном говоре диссимильятивный принцип сочетается с умеренным — зависимость от твердости/мягкости последующего согласного не прослеживается.

Перед гласными верхнего подъема обычно произносится гласный /а/, а перед ударным гласным /а/ — гласный /и/: *сисѣра, сяѣстры*. Отклонения от диссимильятивного принципа можно найти в реализации частицы “не” у представителей младшего поколения. В этой частице возможен гласный /и/ перед ударным гласным верхнего подъема: *ни жьбыли* (при наличии *ня вьы*). В речи довоенного поколения частица “не” подчиняется принципам диссимильятивного яканья более последовательно, чем в речи более младших поколений: *ни зняю, ня вьютъ, ня смейтися*.

2. Комплекс употребления губных согласных «юго-западного типа» является яркой юго-западной чертой, которая в целом сохраняется в диалекте.

Частотно употребление [ʏ] в соответствии с литературным /в/ и /ф/ перед согласными *лаўка, деўки, дяреўня*. В конце слова [ʏ] наблюдается даже в идиолектах, в которых появление /f/ возможно в начале слова (как в заимствованных словах, так и в частотной исконной лексике): *патѡм адйнацать уадбў на фѣрми рабѡтала даяркѡю // фсѣ папрѡбѡвѡла //* (Антоненкова Л. В.).

У представителей обоих поколений частотно произношение [y] в соответствии с литературным /в/ в начале слова: *усѣ, унўк, у дѡме*. Предлог “у” в соответствии с литературным “в” встречается даже у тех информантов, в речи которых диалект на фонетическом уровне проявляется мало, однако и в этом наблюдается вариативность: *у Крымў, в журнѡл* (Сысоев А. П.).

В речи довоенного поколения наблюдается субституция /ф/ > /хв/ перед гласными: *хвѡртук, хвѡры*; субституция /ф/ > /х/ перед согласными: *кѡхта*. Для представителей следующих поколений характерно произношение [ф]: *фѡртук,*

фэльдшер, фэрма. У некоторых информантов /хв/ на месте литературного /ф/ встречается только при перечислении старинных имён собственных, причем в таких перечислениях встречаются как имена с субституцией, так и имена, содержащие /ф/: *Стыхв́ан*, но *Ма́рфа* (Дударева К. К.). В единичном случае на конце слова встретилось /п/: *шкап* (вероятно, слово было заимствовано из литературного языка в таком фонетическом облике). Также зафиксирована лексема *квасо́ля* ‘фасоль’, встречающаяся в украинском языке (ср. также белорусское *фасоля*).

Изучение вариативности в употреблении губных согласных осложняется тем, что в некоторых случаях не удается точно определить качество звука, поэтому предполагается провести спектральный анализ. В частности, не удастся определить слоговость/неслоговость [у].

3. Произношение [ʏ] наблюдается в сочетаниях, восходящих к *tʏlt: *воўк, доўг*. При этом иногда в этой позиции возможно [л]. В глаголах прош. вр.м.р. наблюдается вариативность: *был* и *быў*. Произношение [ʏ] встречается также в возвратных глаголах: *развэхаўся*.

У одного из старейших информантов встретилось произношение [ʏ] в соответствии с /л/ в имени собственном: *Тара́с Казёў* (Бурыкин И. О.). Это особенно интересно, так как предполагалось, что на данной территории [ʏ] в соответствии с /л/ могло появиться только в сочетании *tʏlt, а также в глаголах прош. вр.м.р. Возможно, такое произношение является индивидуальной особенностью информанта.

Как и в предыдущем пункте, в некоторых случаях возникают трудности с определением качества звука.

4. Фонема /г/ регулярно реализуется во фрикативном звуке [ɣ], наблюдается чередование с /х/ (в том числе в заимствованиях и неологизмах: *маўнтафóн, Миратóрх*). Вариативность не обнаружена.

5. Протетический /в/ перед /о/ и /у/ регулярно встречается в речи представителей довоенного поколения: *вóчы* ‘глаза’, *вóкны, вўжык, вўлица, вўгол*. У представителей

послевоенного поколения протетический /в/ появляется реже. В речи некоторых информантов наблюдаются варианты с протетическим /в/ наряду с вариантами без протезы: *а мы ра́ньша ни зна́ли ни ўлицы ни дамо́у // кзуда́ дярэўня была́ / ўлицы зв... / бы... / бы́ли ни вўлицы́ ничо́ //* (Дударева К. К.). В приведенном примере вариант *улицы* являлся реакцией на литературную речь собирателя. Слова с протетическим /в/ также встречаются при перечислении старинных имен собственных: *Вулі́та*.

5. Встречаются случаи появления /у/ на месте /а/ и /о/ во втором предупредительном слоге: *пумзўла́, пупрэда́ли*. У некоторых информантов это явление носит нерегулярный характер: *ну пумура́ць пумура́ла мамі; дзк я пэмзўа́ла* (Антоненкова В. И.).

7. У большинства информантов наблюдается различие /ч/ и /ц/ (при этом /ч/ в говоре по преимуществу является твердым). Случаи неразличения немногочисленны: *цугу́нныя, цугуно́к*. Употребление /ц/ на месте *tj наблюдается в лексеме *посвица́ць*, которая содержится в белорусском языке и по происхождению является полонизмом. У одной из информанток /ц/ встретилось в словах *кипа́ю́чай, Кра́сьці́нне* (Дударева К. К.).

8. Фонемы /р/ и /р'/ в говоре в основном различаются. Предполагалось, что в говоре могут встречаться остаточные случаи наличия твердого /р/ на месте мягкого /р'/ (например, *рака́* вм. *ряка́*). Такое неразличение зафиксировано в имени собственном *Ва́рка*, при этом у одной из информанток наблюдается вариативность /р'/~ /р/ в пределах фразы: *Ва́рка // Ва́рка э́та зна́чит на́вэрна Ва́рва́ра // ш та́к дўмаю́ // Ва́рка іё́ зва́лі* (Морозова Н. Н.). Впоследствии при припоминании имен, которые она уже перечислила, информантка употребляет вариант с твердым /р/: *Ва́рка / Сטיפа́ніда вё́ напіса́лі // да я́ што по́мню ка́кіі слэ́ва* (Морозова Н. Н.).

Кроме того, встретились единичные употребления /р'/ в соответствии с литературным /р/: *зава́рюха* (вероятно, этот

пример следует рассматривать как особенность словообразования), *урижа*.

Таким образом, материал, собранный в экспедиции в Хиславичский район Смоленской области, подтверждает предположения о наличии в данном говоре вариативности. В перспективе планируется провести систематическое описание вариативности в данном говоре, для чего потребуются уточнить социолингвистическую обусловленность фонологической вариативности, установить возможную позиционную обусловленность вариантов, выявить случаи лексикализации, провести спектральный анализ спорных случаев. Также планируется охарактеризовать частотность фонологических вариантов разных типов и определить динамику развития вариативности в исследуемых говорах.

Литература

Большакова Н. В. Вариантность слова в народной речи (на материале второго полногласия и замены начального У на В в псковских говорах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 18 с.

Букринская И. А., Кармакова А. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры русско-белорусского пограничья // Исследования по славянской диалектологии, 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и в настоящем) / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2008. С. 120–179.

Васильева А. К. Фонемы <ф>, <ф'> и их замены в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М.: Издательство «Наука», 1975. С. 91–104.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915. 132 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 169 с.

Рыко А. И. Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 303–320.

On the research of phonological variation
in the dialects of the Belarus-Russia borderzone
(based on the dialect of the Khislavichi
district, Smolensk region)

Margarita V. Spiricheva
Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article describes the cases of phonological variability identified on the basis of a preliminary analysis of the material collected during the 2019 expedition to the Khislavichi district of the Smolensk region. The assumption of the presence of variability in unstressed vowels and in the use of labial consonants is confirmed. The alternation [l] ~ [ŭ] corresponding to the Standard Russian [l], the presence of a prosthetic /v/, the appearance of /u/ instead of /a/ and /o/ in the second pretonic syllable, the merger of /c/ and /č/, the merger of /r/ and /r'/ are recorded. Some features of the distribution of variants are indicated.

Key words: Smolensk dialects, Northern Belarusian dialects, borderline dialects, phonological variation.

Reference

Bol'shakova N. V. Variantnost' slova v narodnoj rechi (na materiale vtorogo polnoglasiya i zameny nachal'nogo U na V v pskovskih govorah) [Word variation in dialectal speech (based on the cases of the 2nd pleophony and the substitution of initial U by V in the Pskov dialects)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1982. 18 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova A. E., Ter-Avanesova A. V. Govory russko-belorusskogo pogranich'ya [The Belarus-Russian borderzone dialects] // Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii, 13: Slavyanskije dialekty v situaciiazykovogo kontakta (v proshlom i v nastoyashchem) [Investigations in Slavic dialectology. 13. Slavic dialects in language contact situation: past and present] / otv. red. L. E. Kalnyn'. M., 2008. Pp. 120–179.

Vasil'eva A. K. Fonemy <f>, <f'> i ih zameny v russkikh govoraх [Phonemes /f/, /f'/ and their substitutes in the Russian dialects] // Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki. [The Russian dialects. Their phonetics, grammar and vocabulary] M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1975. Pp. 91–104.

Durnovo N. N., Sokolov N. N., Ushakov D. N. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoj dialektologii. [An attempt at a dialectal map of the Russian language in Europe accompanied by an outline of the Russian dialectology]. M., 1915. 132 p.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka [Dialect division of the Russian language]. M.: Editorial URSS, 2004. 169 p.

Ryko A. I. Mezhdru russkim i belorusskim: govory Nevel'skogo rajona Pskovskoj oblasti [Between Russian and Belarussian: Dialects of Nevel district, Pskov Oblast] // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. Pp. 303–320.

Воронежские говоры: лексикографическое описание

Елена Ивановна Сьянова

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье кратко представлена история изучения воронежских говоров. На основе оригинальных полевых диалектных материалов, собранных автором в течение 24 лет, дается лексикографическое описание говоров. Формирование словника, подача грамматических помет, семантическая разработка единиц происходили в соответствии с традицией. При выполнении задачи синхронного описания словарного состава говоров основным рассматривался системный подход к лексикографируемому объекту. Сложность лингвистического ландшафта Воронежской области определила некоторые трудности в решении данного вопроса, что станет предметом последующих лингвистических разысканий автора.

Ключевые слова: воронежские говоры, говоры позднего заселения, уникальный материал живой народной речи, лексикографический проект, словарные статьи.

Воронежские говоры относятся к говорам позднего заселения. В середине XIX в. появляются первые работы, в которых исследователи обращаются к описанию диалектных явлений, крестьянского быта, традиционной народной культуры и т.п. [Малыхин 1853; Малыхин 1861; Селиванов 1864; Филатов 1897 и др.]. Дальнейшее развитие изучения говоров края нашло отражение в работах XX в. [Гринкова 1929; Гринкова 1930; Жуковская 1954; Зараковская 1955; Каменев 1927; Кретова 1959; Собинникова 1953; Собинникова 1954 и др.]. В XXI в. вышли два выпуска «Словаря воронежских говоров» (СВорГ), «Словарь украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой (Авдеева), сборник «Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского

географического общества XIX века по Воронежской губернии» [Фольклорно-этнографические материалы 2012]. Были опубликованы статьи и монографии, защищены диссертации, посвященные изучению воронежских говоров. Это работы Г. Ф. Ковалева, С. А. Попова, В. Ф. Филатовой, А. Д. Черенковой и др.

Материалы, представленные в статье, могут, безусловно, служить дополнительным источником не только для словаря воронежских говоров, но и для «Словаря русских народных говоров». В СРНГ отсутствуют такие слова и сочетания, функционирующие в современных говорах Воронежской области, как *áхнуть* ‘очень, сильно испугаться’ (в работе (СВорГ 1: 45) *áхнуть* ‘ударить’ зафиксировано в с. Новожи-вотинное Рамонского района), *венчáльное барахлó* ‘одежда для венчания’ (в (СВорГ 1: 72) отмечена лексема *барахлó* в значениях ‘имущество; приданое’ в сс. Нижний Кисляй Бутурлиновского района, Ломово Рамонского района, Дракино Лискинского района, Бабяково Новоусманского района, ‘одежда’ в сс. Хлебное Новоусманского района, Садовое Аннинского района, Мечётка Бобровского района, Старая Тойда Аннинского района, ‘старая одежда’ в сс. Шестаково Бобровского района и др.), *батóнчик* ‘разновидность узора на вязаном шерстяном платке’, *божбóк* ‘кушанье из свиного желудка, начиненного кашей со специями, сваренного и выдержанного под прессом в холоде’, *боковíна* ‘опора в изголовье и в ногах, спинка кровати’ (ср. в (СВорГ 2: 123) *боковíна* ‘склон горы, овраг’ в с. Трясорукове Лискинского района, ‘обочина дороги’ в с. Хреновом Бобровского района, также *боковíнка* с вопросом к значению ‘занавеска на грядущке кровати (?)’ в с. Затон Бутурлиновского¹ района), *бормоту́шка* ‘болтливая женщина’, *буханча́ка* ‘большая буханка’, *быстроходка* ‘женщина, которая быстро говорит, быстро делает что-л.’, *волкодáв* ‘специалист по отстрелу волков’ и другие. В СРНГ находим *га́рба* ‘повозка типа арбы (обычно

¹ Ошибочно? Возможно, с. Затон Воробьевского района?

употребляется для перевозки сена) с пометами Ряз., Орл., Курск., Ворон., Дон., Кубан. (СРНГ 6: 137–138). Следует заметить, что в южнорусских говорах Воронежской области, смежных с украинскими воронежскими говорами, широко известно *áрба* ‘большая четырехколесная телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы’. Слово *баба́й* ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ в СРНГ приводится с пометами Том., Свердл. (СРНГ 2: 15). В говорах Воронежской области широко представлено слово *баба́й* ‘мифическое существо, которым пугают детей’. Слово *балаку́чий* ‘болтливый, говорливый’, помимо пометы Нижегород., имеет помету Нижнедев. Ворон. (СРНГ 2: 70). Как показывают экспедиционные материалы, данная лексема функционирует и в украинсикх воронежских говорах, и в смежных южнорусских. (Ср. в украинских говорах области: *балаку́чий* ‘охотно и легко завязывающий разговор, любящий поговорить; разговорчивый, словоохотливый’. *Пéрэт свáд’бой нэвiста збирá дывiшнык, а жыныx — парнёвик, працяютьца с халастбóй жызн’iю, жыныx выбирае баёр, самыx балаку́чих друзей.* Село Осиковка Кантемировского района. Также с. Старотолучеево Богучарского района, х. Замостье Петропавловского района, с. Гармашевка Кантемировского района (Авдеева 1: 25). В СВорГ *балаку́чий* ‘болтливый, разговорчивый’ отмечено в с. Нижний Бык Бутурлиновского района) (СВорГ 2004: 62). Слово *белу́жник* в СРНГ имеет значение ‘растение белоцвет’ (твер.) (СРНГ 2: 70). Нами зафиксирована в с. Пузеве Бутурлиновского района данная единица в значении ‘растение пижма обыкновенная’. Слово отсутствует в СВорГ.

Материалы включают лексику говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области (7 районов и одного городского округа северо-востока, центра и юга области).

Источниками послужили данные, собранные автором в полевых условиях на территории современной Воронежской области с 1997 по 2019 гг. Были использованы расшифрованные

диктофонные записи, фиксировались ответы на сугубо лексические вопросы, которые не попали в аудиозаписи. Это уникальный материал живой народной речи. Лексика, включенная в статью, отражает разнообразные пласты диалектного лексикона: лексику растительного и животного мира, географическую и метеорологическую терминологию, лексику промыслов и ремесел, лексику традиционной народной духовной культуры (традиционной обрядности и народных верований), а также экспрессивную лексику.

Формирование словника, подача грамматических помет, семантическая разработка единиц происходили в соответствии с лексикографической традицией.

Данные по ономастике в словник не вводятся.

Слова расположены в алфавитном порядке.

Варианты слов подаются внутри словарной статьи за знаком □.

За знаком ■ внутри статьи даются грамматические формы слов.

Сочетаемость показывается за знаком Δ.

Иллюстрации подаются в упрощенной фонетической транскрипции. Мягкость согласного обозначается при помощи апострофа *t'*, буквами *и, е, ё, я, ю*. Редукция гласных переднего ряда не передается, пишется *я, е* или *и*. Редукция гласных непереднего ряда условно обозначается при помощи *а: бежанцы*. Гласные в сочетании с *ј* указывается при помощи *йя, 'йё, 'йе, 'йю, йи: сынав 'йя*. После твердых шипящих пишется *э* или *ы: жэна*. Для обозначения *г* фрикативного не используется специального знака: *гаварит*. Долгота согласных обозначается удвоенной буквой: *длинный*.

Отметим, что для говоров характерны недиссимилятивное аканье, при котором в первом предударном слоге после твердых согласных произносится [а] независимо от качества ударного слога: *пианіца* (Махровка), *хаділи, па дварім, при савёцкай влác'ти, парубліный мéлач'кя-мéлач'кя* (Данило); различные подтипы ассимилятивно-диссимилятивного яканья (кидусовский, култуковский) или сильное яканье: *дятішкі,*

вядрo (Данило), *Аляксéй* (Пузево); звуки [ъ], [а], [ы] или полная редукция в не первом предударном и заударном слогах после твердых согласных: *и гварíт*: — *Давай я табé пагадаю. А я гварю́, я п пагада́, слóжына* (Данило).

Список населённых пунктов

Борисоглебский городской округ: сс. Богана, Горелка, Махровка, Танцырей

Бутурлиновский район: с. Пузево

Верхнемамонский район: с. Гороховка

Грибановский район: сс. Большие Алабухи, Васильевка, Верхний Карачан, Нижний Карачан, Средний Карачан, п. Павловка

Новохопёрский район: п. Варварино

Павловский район: х. Переездной, с. Данило

Поворинский район: с. Пески

Терновский район: с. Есипово

А

Абы́, *частица*. В сочетаниях. Δ **Абы́ что́**, в знач. *сущ.* Что-нибудь; неважно что. *А мама мая́, тут сафхoс был, ани́ хадíли зарабáтват', мама брасáла нас ад'ни́х, шoббы зарабóтат' там кусок хлеба. Вот а́на ўтрам нам свoря абы-чявo. Мы так жы́ли.* Переездной. Δ **Абы́ како́й**, в знач. *местоим.* Какой-л.; недоброкачественный, плохой; какой попало. *Ува фсех были абы какие хаты, а цяс дамá.* Переездной.

Анто́новцы, *мн.* Участники крестьянского восстания в Тамбовской и части Воронежской губернии 1920–1921 гг. под руководством А. С. Антонова. *Ва вре́мина Граждáнской вайны́ в э́там нахадíлис' вайска́ Крáснай а́рмии, катoры́и пришлí са стараны́ Пэсак. Э́тат куст, как гаварíтца, был на са́мам высо́кам мэ́сте и дава́л абзoр фся́му танцыре́йскаму и трит'яко́фским лугáм. Анто́нафцы, или зельончыю́кí (называли) их, дашлí да кварта́ла шыз'дися́т фтарoва с та́ким рацё́там, што́ббы черис лес атрэ́зат' вайска́ краснакусто́фскай гру́ппы. В э́та вре́мя са стараны́ Мазу́рки через лес крáсные прашлí черис Хапё́р и на́чили выбивáт' э́ту банду. Пески.*

А́рба, жс. Большая четырехколесная телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы. *Ну, а́рба, тилéга. Ра́н'ше а́рбы бы́ли, вы́ше, чты́ри каляса́, па́том пирякля́дины, так вот. А навя́рху — ка́кие слéшки, па́том э́тими — фста́вляю́ща та́кие дере́вяные. На дне а́на су́жса́ица, а́рба.* Махровка.

Аржа́но́й, ая, ое. Приготовленный из ржи или продуктов ее обработки; ржаной. *Ма́т' де́лала ка́лину. Э́та ну́жна ка́лину. А́на, и те́ста та́х-та де́лала. Иё́ кы́пяты́ли, кы́пятком залява́ли аржа́но́ю му́ку.* Махровка. *Му́ку аржа́но́ю замéсю́т', та́да саха́р ни сы́пали, та́да ва́з'му́т' иё́ кы́пятком и на пе́ч' па́ста́вю́т', а́на де́лаи́ца слáткая.* Васильевка.

А́хнуть, сов., *неперех.* Очень, сильно испугаться. *Пришо́л к Ю́л'ки и гва́ри́т', ся́стра́ бли́ска жы́вё уту́та, э́тава уби́л, до́м узя́л зажо́х, га́с атви́н'ты́л, што́п ни взарва́лся ба́лон. И пришо́л к ся́стре́, ка́жэ: — Я та́м дяло́ф на́де́лал. Гва́ри́т', до́м зажо́г и Ко́л'кю́ уби́л. А́на а́хнула, да и трóну-лас' у́мом.* Пузево.

Б

Баба́й, м. Мифическое существо, которым пугают детей. *По́грип бы́л та́ко́й, па́два́л бы́л та́ко́й, и вот гавари́т, ни хади́ тудá, он бы́л ма́лин'кий. Ни хади́, та́м, гавари́т, сиди́т баба́й. И вот па́шло Баба́й, Баба́й. И с э́тих по́р, врiméн па́шло та́к.* Верхний Карачан.

Ба́з, м. Огороженное место, загон для скота (во дворе, в поле). *Ба́з — э́т выганя́иш ис кату́ха́, на во́здух.* Махровка. *Ба́зо́ф не́ была, нача́яли ка́мин' бит', мел, ба́зы э́ти де́лат'.* Данило. о Пузево.

Балакúчий, ая, ее. *Ана баба балакучя.* Переездной.

Бала́кать, *несов., перех. и неперех.* Говорить; разговаривать; рассказывать. *И ни бала́каю́т'.* Переездной.

Бараба́н, м. Часть ткацкого стана. *Тка́цкий ста́но́к, он та́кая, как пиани́на. И в нём зде́ланы бы́ли та́кие бараба́ны. И вот э́т лё́н закла́даю́т', кана́плю.* Махровка.

Барахло́, ср. *Венча́льное барахло́.* В свадебном обряде — одежда для венчания. *Вот выхо́дя заму́ж жэ́н'щина,*

и у какошнике, рубáха. Ана хóдя спярвá у юпки, кадá дéвач'кай, а кадá замуи выхóдя — ана хóдя у панёви. Ана и вин'чяйтца, навёрнае, ишиб ни у панёви, а у юпки. А патóm эта вин'чял'ная барахло ана иé прибириáе на смерт'. Переездной.

Батóнчик, м. Разновидность узора на вязаном шерстяном платке. Узóры на платках: и лáпки вяза́ли, и батóн'чики: в сирётке — клéтки, клéтач'ка. Дарóшку з'дэлаши, ад'дзя́лиши дарóшку, край каймы. Махровка.

Ба́тюшка, м. Обращение к свёкру. Пузево.

Ба́тя, м. Отец. А тады у нас ба́тя уехал, тады Байкал иде́й-т был. + У нас ба́тя ўмир, sóрак дён — памяну́ли, и ха́зяин ўмир. Пузево.

Ба́тяшка, м. Обращение к отцу. Пузево.

Баяра́, мн. Овраги. Были тады в'ю́ги, и были зимóй прата́ины, та́йили, баяра́ были, пайдéи да увóлмися в эту. Вясна́ зайдé. Данило.

Баяра́к, м. То же, что буерак. У нас така́я была́ дирéвня, на адно́й старанé паря́дак и на друго́й старанé паря́дачик, а тут баяра́к. Крут', авра́х, а у нас баяра́к. Махровка.
o Васильевка.

Бедáрка, ж. Разновидность телеги на двух колёсах. Бядáрки были: два каляса́, две па́лки, там адгара́жываю́т, па́лач'кими апстанáвливаю́т'. На бядáрки фсё вазы́ли. Два каляса́, а тилéга — чяты́ри. Туды́ станóвишся и вязéш, как бык или ло́шат'. Данило. o Пузево.

Бéздная, ж. Бездна, пропасть. У нас мама, пакóбница, эта так ей сон присни́лси и. А какой? Умярла́ сястра́, ана тады́ кричи́т' и ви́дя ва сне, гвары́т', гарá, вы́сокая-привы́сокая, пат самую́ нёбушку. Иду́т', гвары́т', старушки с па́лач'кими, на эту гору лэ́зут', лэ́зут', лэ́зут'. А я, гвары́т', стаю́, пла́чу да гварю́: — Да ни то мая́ сястри́ч'кя залезла, ни то нет? А минé, гвары́т', няв́идимый гóлас атвя́чяе: — Залéзла, залéзла твая́ сястри́ч'кя. А тада гарá, а на левую стóрану — бéздная. И ана́, гвары́т', палéзла, палéзла и палéзла. А иная и пашла́ у бéздную. Привя́ликая грешница! Пузево.

Белить, *несов., перех.* Добавлять сметану, молоко и т.п. (в окрошку, борщ и т.п.). *Вяришóк, ну смятáна, сли́фки мы рáн'шэ называли. С кушунá снимут эт вяришóк, сáмая фкúс-ная, и билíли эту акрóшку.* Пузево.

Белужник, *м.* Растение пижма обыкновенная. Пузево.

Белый, *ая, ое.* **Белая кошка.** См. Кошка.

Бёрда, *ж.* То же, что бёрдо. *Асно́вы снавáли, а патóм бёрды были. Вот. Патóм нíчинки были. Нíчинки? Вот аднá тря́пач'ка, вот так анá, аттúда з другой тря́пач'ки, и вот палучáйтца тут дырка, а тута ани́. И вот кадá ткали, в эти дырач'ки — нитки, асно́ву. Вот. И эту бёрду тада этим. Бёрды фставля́лис'. И мама ткалá, и бабушка ткалá.* Васильевка.

Бёрдо и **бердо́**, *ср.* Часть ткацкого стана — продолговатая прямоугольная рамка с частыми параллельными пластинками (зубьями), вертикально расположенными внутри; гребень. □ **Бёрдо.** *Станкú были, самá тка́ла, тка́ла дирю́шки... Тако́й стан, стайт' бал'шóй у хáти, такúи здéланы бёрды, тако́й, тудá вздявáиш, снавáлки были.* Данило. ○ Пузево. □ **Бердо́.** *Тка́цкий станóк, он такáя, как пианíна. Дéлают' халстý, холст. Там чилнóк. Вот этим челнако́м анá втыка́ит', эт кру́титца. Внутри — нítка. На чялнóк. Бярдо́. Я по́мню. Были бёрда.* Махровка.

Бес, *м.* В суеверных представлениях — злой дух, искушающий человека; нечистая сила, чёрт, сатана. *Бес, он виз'дэ. Он и ф цэркви, сатана ётот.* Пузево. ■ **Бесы́**, *мн.* *Аднá, мамина дваю́радная сястра́, жы́ла с атцо́м, с родным. Родный атéц. Вот, гварíт', ани́ жы́ли на Чярна́фки, ну прíдя к ма́тири в гóс'ти, мат' ня идé праважáт', а идя он праважáт', атéц. Ну завóдя идé, ф кукурузу или идé. Спярвá, мама гварíт, тётка Машка ня знáла. А тады уз-нала. А тада, мама раскáзывая, гварíт', мая мама жы́ли идей-т нидалёка, а он, гварíт, захварáл и: — Ёхайтя, Миколк (мамин атéц), ёхайтя за папо́м причяс'тíт' минé. Он, гварíт, батя, паёхал. А вязúт' этвава папá, ани́, эти бясы́, грамавён', стукавён'. Поп заехал на двор. Што такое? Ну пирикряс'тíл, вíдна, крястóм. Фсё притíхла. Он кáилси папú. Кáилси: — Я с радной дóчир'йю жыл.* Пузево.

Бесѣда, ж. Вечернее собрание; празднование чего-л.; свадьба. *Палатѣнца, ужэ пааблѣзли, на калѣнки кладѣм, вот кадѣ какѣи бясѣды. Вот ет и палатѣнца.* Пузево.

Бечь, несов., неперех. Бежать. *В лаптѹ: он вдѣрил, я вдѣрил, пабѣх. Мяч' паткѣдывает, а ты, у тибѣя бѣлка, папѣл, ни папѣл, а тадѣ беч'.* Махровка. *Иду, гварѣт', мѣсцѣ свѣтя, я иду, сапагѣи, тада башмакѣи назывѣлис', скрып-скрып. Аглянѹлас', анѣ за мной слѣдам. Я схватѣлас' да беч'. Да-бѣгаѣю, анѣ ж маладѣя была, рас у эту дѣрку.* Пузево.

Бзнѣика, ж. Растение паслен черный. Махровка; Танцырей.

Бѣлка, ж. 1. Толкач в маслобойке. *Маслабѣйка, бѣлка там, чем бѣли. А эт такой деривѣяный делают'.* — *Тадѣ сабирѣли мѣслу.* — *Б'ѣют', астаѣтца ярѣга.* + *Мѣсла били. Били — спицѣл'на были такѣе бѣлки.* Махровка.

2. Ручное шерстобитное орудие для разбивания шерсти при изготовлении валенок. *Атѣц сам валѣл. Шѣрс'т' тѣл'ка асѣн'няя. Б'ѣют', чѣшут' на чѣски. Бѣлка, здес' у ниѣ пѣ-абрѣзнае, тѣл'ка длѣнае. Натѣягивался здес' шнур, струнѣ. Анѣ дѣлалас' з барѣн'ѣих шкур. Барѣн'ѣи шкѹры высѹшывалис', патѣм сплитѣлис'.* Патѣм баѣк был, з зазѹбринами, такѣя типа дощѣч'ка с рѹч'кай, а у ней зазѹбрина. *И вот он на струнѣ вот так б'ѣет' вот с этѣй старѣны, а с этѣй старѣны — шѣрс'т', и анѣ так вот шѣрс'т' разбивѣлас'.* Махровка.

3. Бита, которой ударяют мяч, играя в лапту. *В лаптѹ: он вдѣрил, я вдѣрил, пабѣх. Мяч' паткѣдывает, а ты, у тибѣя бѣлка, папѣл, ни папѣл, а тадѣ беч'.* Махровка.

Бить, несов, перех. 1. Трепать (шерсть при изготовлении валенок). *Атѣц сам валѣл. Шѣрс'т' тѣл'ка асѣн'няя. Б'ѣют', чѣшут' на чѣски. Бѣлка, здес' у ниѣ пѣ-абрѣзнае, тѣл'ка длѣнае. Натѣягивался здес' шнур, струнѣ. Анѣ дѣлалас' з барѣн'ѣих шкур. Барѣн'ѣи шкѹры высѹшывалис', патѣм сплитѣлис'.* Патѣм баѣк был, з зазѹбринами, такѣя типа дощѣч'ка с рѹч'кай, а у ней зазѹбрина. *И вот он на струнѣ вот так б'ѣет' вот с этѣй старѣны, а с этѣй старѣны — шѣрс'т', и анѣ так вот шѣрс'т' разбивѣлас'.* Махровка. *Струнѣны.*

Бѣли шэрт', на струнѣ там скáл'кай б'ѣют, палучяютца струнѣны. Бѣли вáл'щики, ис шэрс'ти авѣч'ѣей. Есипово.

2. В сочетаниях, обозначающих производственные процессы — изготовлять что-л., делать особым образом. **Δ Бить мáсло.** Мáсла бѣли. Бѣли — спицáл'на были такѣе бѣлки. *Я вѣшла зáмуи: такáя былá, как бачёк, и тут вот так крúтим — и збивáли мáслу. Из мáсла я сыр варѣла.* Махровка. **Δ Бить тѣсто.** Мять, разминать тесто, ударяя о стол. *Хмел', мáмка атвáривала хмел', забивáла тѣста, а патóм с этим тѣстам начинали печ' хлѣбы. Стáвили апáру сначяла, были вот такѣи вот кадúшки, апáру настáвили вѣчирам, úтрам чясá ф читыри фстаём, начинáим тадá бит' тѣста. Пакá ат рукú тѣста атхóдит, тадá тѣста тóл'ка гатóвая.* Большие Алабухи.

Блин, м. Лепешка из жидкого дрожжевого теста, испеченная на сковороде. *Пякú и щяс блины и блинцы. Тѣста на драж'эжяx, завóдиш иѣ, а патóм анá патхóдит', кипяткóм заливаю ил' малакóм, а кадá пóсная — то кипячѣнай вадóй. И блинцы так.* Махровка. *Блины — эт кѣслыи делали, пяклí, ѣих пяклí на Мáслину, да и ваапцѣ пяклí. У нас халлѣ тут, анí варѣники, варэныкы, анí варэныкы, а у нас у москалív — блины. Блины так жэ, как хлеп, на дражэжáx. И нá нач', úтрам падмѣшывають', ну хлеп крúче, а эт парэжэ. И абмачяли там и с мáслам, и са смятáнай.* Переездной. **Δ Грѣчные блины.** Блины грѣч'ныи ели. Васильевка. **Δ Кукурузные блины.** Кукурузныи блины ели. *Малóли кукурузу, на мѣл'ницы малóли. Жарнава́ были устанóвлины. Ну жарнава́, тут станок, дóски набѣта, бал'шóй кáмин' ляжыт', бал'шóй ищѣ фтарóй кáмин', и вот эта, надвяáют' на нявó кал'цó и рúч'ку. А тады сасóк зделают' и малóли.* Васильевка.

Блинѣц, м. Тонкая лепешка из жидкого теста (обычно без дрожжей), испеченная на сковороде. *Бывáлачи, пайдѣм на Раждэствѣ, што блинцá давáл, што скóл'ка.* Махровка. *И блинцы так пиклí, и блины... А блинцы, эта нáда на малач'кѣ развадít' — хот' ни пóлнас'т'ѣю. И яч'ка туды разбит'.* Переездной. о Махровка; Пузево. **▲ Пшѣнные**

блинцы́. Пишо́ныи блинцы́ делали. Пишано́, быва́ла, ваз'му́т', памо́чют', ана́ паста́йт', сал'и́ют', нямно́шка иё прасу́шыи, а пато́м — ступа и качя́им, па́лкай, и се́или. И ана́ палу́чялас' мука. И из э́тай му́ки делали блинцы́, то́нин'кии, жо́лты-и-жо́лтыи. Васильевка.

Блуд, м. ~ **Блуд напáл.** Заблудиться. Васильевка.

Блудáть, несов., неперех. Блуждать, плутать. Где Ба-клу́шы, мо́жна заблудíтца, мо́жна да́же ни папáс'т' в Багану́. Бал'шбе по́ле, уча́стак, тиря́ютца, вазвраща́ютца, блудáли. Богана.

Бог, м. **Прибивáться к Богу.** См. Прибиваться.

Бо́жий, бя, бе. **Ма́терь Бо́жья.** См. Матерь.

Божни́чка, ж. Полотенце (обычно длинное, вышитое), которое вешали на икону или подстилали под нее. *Божни́ч'ка у нас бы́ла, тада́ вышивáли, эт назывáлас' бажни́чэк.* Над ико́нами бажни́чэк. *Зде́дают' до́щич'ку, лампа́дач'ку за-жгу́т'.* Махровка.

Божничо́к, м. То же, что божничка. Махровка.

Божо́к, м. Кушанье из свиного желудка, начиненного кашей со специями, сваренного и выдержанного под прессом в холоде. *Бажо́к я рибя́там де́лала. Саша свин'йю́ резал, сын, я гаварю́: бажо́к зде́лаю. Вы́мыла, вычисти́ла, наре́зала мя́са, лу́ку, чисна́ку́ туда. Хош риса́ туда, хош пишóнну. Ф чя́шки пирими́шии, пато́м начиня́иши йи́вó туда. Заби́ла йи́вó вес', зашы́ла — и в кастрю́лю йи́вó вари́т'. Сва́ритца, пато́м выта́скиваиши йи́вó, чюдóк прасты́нит — и па́д гнё́т. А пато́м ре́жыши, как са́ла. Больши́е Алабу́хи.*

Бо́йница, ж. Приспособление для сбивания масла; мас-лобойка. *Ма́сла делали. Та́кая бо́йница бы́ла, па́стáлка назы-ва́лася. Там кру́жок, з ды́рач'кими, па́лка. Налива́ю туда, и вот так вот калати́ли и в масля́нку. Яра́га астаётца, жы́ткас'т'.* Васильевка.

Бокови́на, ж. Опора в изголовье и в ногах, спинка кровати. *Качивáли цыга́не, ста́ли та́барам, ну, а цыга́не фсягда́, как извёсна, куз'ни́цы, и вот ани́ прамы́шля́ли крава́тими, де́лали*

грядúшки для крава́тей, бакави́ны. И задúмали на лóтке пере-
правля́т' их, и кач'ну́лас' лóтка, и утанúли грядúшки. Пески.

Болбо́то, ср. Топкое место со стоячей водой. Есипово.

Болбо́тце, ср. Ласк. Большая лужа. *Ищё ес'т' в на́ших Пёсках úлица Балашóва. Ну, úлицу Балашóва люди тóжэ ма́ла знают, а фсе называ́ют úлицу на старíнке Фшы́выый пери́улак. Ну, шыро́кий, но фсигда́ грязный, грязи там на калéна, навóзу мно́га, и как бы забало́чинный. В эти́х балóтцах, ну, типа фшэй насикóмыи там плавают фся́кки, и ат éstaва и праизашло́ назва́ние Фшы́выый пери́улак.* Пески.

Болты́ш, м. Испорченное насиженное яйцо. *Вот он яйцо прянёс и гаварíт: — А-а-а! Гля́н'тя, балты́ш. Яйцо прянёс, балта́йтца, балты́ш.* Пески.

Больша́к, м. Большая проезжая (асфальтированная) дорога. *Бал'ша́к — даро́га на Варóнечи, асфал'тíраваная ана́. + На бал'шакé, шынкаре́й мно́га бы́ла. Шыно́к — заведéние, где прада́ют вытпвкú.* Есипово. о Павловка.

Бормотúшка, ж. Болтливая женщина. Васильевка.

Борово́к, м. Выложенная на чердаке горизонтально часть дымохода, соединяющая печь с дымовой трубой. *Кóмил', у нас кóмилем называли, там úдя агóн', дым. Ю́шка — за-кры́т' у пéч'ки. Там был бараво́к, а на барафкú — и ф трубу, ня сразу вылята́ла.* Данило.

Борода́вка, ж. Небольшой твердый округлый нарост на коже. *Я вот загавáриваю барада́вки карто́шкой, картошку разризую, загавáриваши éstaй малíтвай да трёх рас.* Есипово.

Борш, м. Жидкое кушанье, приготовленное из свёклы, капусты и других овощей. *Борш во́рют'.* Данило. *Патóм гатóвили абéт тут, и борш варили.* Переездной. *И сны́тка. Сны́тка, у лéси расла́ какая-т трава. Бал'ша́я. Эт тóжэ на борш. + Борш варили.* Пузево.

Бранíться, несов. Ругаться, ссориться. ■ **Бро́нют-ся**, 3 л. мн. *Я никагда́ ни бранíлас'.* *Ес'т', зна́ши, какíи? Бро́нютца.* *Эт вот сусéтка, ана́ умярла́. Мы никагда́ ни бранíлис', за кúрицу бро́нютца, ишо там чяво́й-та.* Пузево.

Бра́тка, м. Брат. *Мне бы́ла во́сими́ лет, а бра́тке майи́муже бы́ла пя́т лет.* Переездной.

Бра́тый, ая, ое. Вышитый определенным образом. *Бра́тый риме́н'. + Бра́тый ре́мин', вышива́ла мама. И ре́мин' и пали́ка — адно́ и то же.* Пузево.

Брать, несов., *перех.* 1. Убирая лен, коноплю, вытаскивать, выдергивать их из земли. *Дяру́шки, тка́ли ис канопли. По́скан' бра́ли, эт на мя́жкий шло, а эт па́то́лице, пагрубе́е. Вот по́скан' вы́тацют'. Ана́ фпярёт канопли паспява́ит'.* Васильевка.

2. Вышивать, делая узоры, чаще по холсту, выдергивая нитки по счету (делать мережку). Пузево.

Бре́день, м. Небольшой невод, которым ловят рыбу в мелководных местах, идя вброд. *Бре́ден', дво́е захо́дют'. Да, две палки.* (Как называли эти палки?) *Куте́ц. Ну вот идёш в воду, адин вот так идёт', а адин вот так, и иду́т', иду́т'. Па́то́м выбряда́ют', выбряда́ют' из ре́ч'ки. Бре́ден': тут па́латно́, а тут как — ма́т'ня́. Бре́дин' такой. Ани́ фсе с ма́т'ня́ми, а ес'т' — адин пра́м, как се́т', па́ло́тна. Трехпи́рсто́вый, три па́л'ца — три пи́рста́, пя́т' — пя́т' пярсто́ф. Ани́ быва́ют ра́зны, на всяку́ рыбу. Ва́с'ми́ярсто́вые. На ли́ня, на кара́ся. + А бре́ден', значит, зде́лан из ни́так. За́ди ма́т'ню́ дела́ют', как мяшо́к. Бряде́ш вдваём, и бряде́м.* Махровка.

Бре́сти́, несов., *неперех.* Ловя рыбу, идти с бреднем. *А бре́ден', значит, зде́лан из ни́так. За́ди ма́т'ню́ дела́ют', как мяшо́к. Бряде́ш вдваём, и бряде́м.* Махровка.

Бреха́ть, несов., *неперех.* Врать, говорить вздор. *Я ни люблю́, хто бре́шэ. Узна́ла чяво́, услы́хала чяво́, ну скажы́ правду. + А мы та́да фсе, караво́д, сабра́ли́ся, ад'ни́ бабы, и слуха́им ие́: — А, По́н'кя́, да бре́шыш. Караво́д, ну бабы збяру́тца, мно́га.* Пузево.

Бре́хучий, ая, ее. Чрезмерно говорливый, болтливый. *А Саба́чий пла́нт ва́пце́-та мужы́кы́ называ́ли, приду́т' на ули́цу, а тут де́фки ад'ни́ бряху́чили, и назва́ли их Саба́чий. Горелка.*

Бры́жжи, *мн.* Сборки на юбке. Пузево.

Бубу́кала, *ж.* То, что издаёт отрывистые, очень громкие звуки. *Тута свáд'ба была, тáх-та бубу́кала, я хадíла казáла, зделáйти патíшэ. А он тáх-та — у нявó галавá балéла, у деда, — как минé бйют'. Ну трóшки утишй́ти, ну што вы, гварю́. А ен гармóшыч'кя заиграе, у нас у дóчири былá (свадьба). Ну и бубу́кала былá.* Пузево.

Бубу́кать, *несов., неперех.* Издавать, производить отрывистые, очень громкие звуки (например о современной музыке). Пузево. □ *Безл. Тўта свáд'ба была, тáх-та бубу́кала, я хадíла казáла, зделáйти патíшэ. А он тáх-та — у нявó галавá балéла, у деда, — как минé бйют'. Ну трóшки утишй́ти, ну што вы, гварю́.* Пузево.

Буерáк и **буярáк**, *м.* Глубокий овраг. □ **Буерáк.** Средний Карачан; Богана. □ **Буярáк.** *Буярáк там.* Есипово. ○ Верхний Карачан. □ **Быерáк.** *А Гаршэшина пачимў? Патамў шта наша улица начинáетца ат рéч'ки Карачян и идёт навёрх. Вот на эту самую гору, где очен' мно́га аврáгаф и разных вот этих вот, ну, кар'йэраф пищя́ных, в éтой гарé. В éтой гарé очен' мно́га глины, для гаршкóф. На нáшай ўлицэ в ас-навнóм, вот я йищэ помню, я пражылá здес' трítцат' пят' лет, а кагда́ я сюда прихадíла, зáмуш вйшла, у миня́ свёкр делал гаршкí. И на нáшай ўлицэ вóпцим былá, йищэ чéтвира муцй́н, катóрые тóжса делали гаршкí. Паэ́таму éта улица-та, анá и назывáетца Гаршэшина. Гаршэшина дéла, как мне раскáзывал муш и свёкр, éта, канéшна, óчен' трýдная дéла, патамў шта для гаршкá нужна была асóбая глина. И вот в этих вот аврáгах, в быира́ках, как анí назывáлис', рыли глубóкие ямы и дабывали вот эту белую глину, катóрая шла на гаршкí.* Верхний Карачан.

Бурáк и **буря́к**, *м.* Свёкла. □ **Бурáк.** Пузево. □ **Буря́к.** *Сéмя былá, иё талкми, патóм иё прасéют', так иё талкўт', щё анá зделáитца как от жмых. Тада йивó развóдют' éта. Свяклў, буря́к, свяклў вáрят' слáткаю, и этим кипя́ткóм задаю́т'. Варварино.*

Бурачо́к, м. Уменьш.-ласк. к Бурак. *Бурачѣк* — сахарная свѣкла, *бураки* — и сталобая, и кармавѣи. Пузево.

Буханча́ка, ж. Большая буханка. *А я хлеп пняклá свѣй-скай. И фсе дети: — Мам, ни развѣливай (печь). Ты бѣдѣши, гля, хлеп напякѣш, и фсѣ, нам тада па буханки даваши. А тады такии буханчяки!* Пузево.

Бучу́ры, м. Большие овраги с крутыми обрывистыми склонами. Павловка.

Бывало́чи, вводн. сл. Употребляется при обозначении чего-л., что происходило нерегулярно, неоднократно; иногда, случалось; бывало. *Пишѣную кашу варили. Ну, как и фсякую кашу вѣрют'. Кипитѣи малакѣ — када тут малѣки — вадѣ кипятѣи, засыпѣиши пашанѣ, там скѣл'ка, уж норму, бывало́чи, знал. Абязѣтел'на кашу вот ѣтую г за-втраку пишѣную, с малакѣм, с ма́слам. + Бывало́чи, пайдѣм на Раждѣяствѣ, хто блинцѣ давал, хто скѣл'ка.* Махровка. *Бывало́чи, приду: — Мам, да ты тапѣ грѣпку два рѣза. Ана закричит': — Да мая детка, да што я буду тапѣт'? Што тябѣ захляснѣт'?* Пузево.

Быстрохо́дка, ж. Женщина, которая быстро говорит или быстро делает что-л. *Ана быстрахо́тка — сам знѣеши кака́я!* Махровка.

В

Валѣ́жник, м., собир. Сухие деревья и сучья, упавшие на землю. *Валѣ́жник, он сам па́дает.* Васильевка.

Ва́льщик, м. Тот, кто занимается валянием войлока, валенок и т.п.; валяльщик. *Струнѣны. Били шѣрст', на струнѣ там ска́лжкѣй б'ѣют, палучѣютца струнѣны. Были ва́л'щѣики, ис шѣрс'ти авѣч'ѣей.* Есипово.

Валя́ть, несов., перех. Изготавливать, выделявать сапоги (валенки) путем катанья и сбивания (шерсти или пуха) в плотную массу. *Атѣц сам валял. Шѣрс'т' то́л'ка асе́н'ня. Б'ѣют', чѣшут' на чѣски. Бѣлка, здес' у ниѣ пѣ-абра́знае, то́л'ка длѣнае. Натѣягивался здес' шнур, струна. Ана дѣлалас' з бара́н'ѣих шкур. Бара́н'ѣи шку́ры высу́шывалис', патѣм сплитѣлис'.* Патѣм баѣк был, з зазѣбринами, така́я типа

дощёч'ка с рúч'кай, а у ней зазубрина. И вот он на струнэ вот так б'йёт' вот с этай стараны, а с этай стараны — шэрс'т', и анá так вот шэрс'т' разбивáлас'. Дéлали бал'шой вáленак, сначяла загато́фку. Квасцы́ — раство́р дéлали, муку́ дабавля́ли, мука́ то́ка ржанáя. Эт квасцы́. Эт анó там кúснит. Катёл з вадóй, акуна́ют' тудá. Калóтки спицáл'на были. Патóм б'йют' и б'йют'. Просушáли, рúская печ', на пот клали. Был такой, назывáлся пемза. Палучя́лся глáткий вáленак. Махровка.

Вар, м. Кипяток. Махровка. Δ **Завáривать вáром**. Квасы́ дeлали. Аржанáя мука была спицáл'на, завáривали иё вáрам, патóм анá астывáит', заквáшываим иё на́квáской кúслай, ис какой хлеп пякúт'. Махровка.

Варгáнить, несов., *перех.* Мастерить, изготовлять. Бы́ли дéл'ные нивазмóжные, и дедушка варгáнил. Богана.

Варóк, м. Огороженное место для скота (под открытым небом); загон. *Варок, бас* — адянáкава. А варок — там стерягúт, стерягúт, к рéч'ке патхóдят, папúли, варок назывáйтца. Махровка. Цыгáнский варок, жы́ли цыгáне. Там сажгли цыгáна. Рядáм распалагáетца варóк, пасли. Типа загон, навес ат жары, варок. Есипово. Дáжэ варкú там были у пóли. Варкú — э́та куда заганя́ли карóв. Вот заганя́ли, анí и нóч'йю их пасли. Варатá такйи бал'шыйи. А в абéди, мы ездíли на машыни, вот фляги, даёнки, падмывáлки, стул'чики. И в пóли дайли, анí, каровы, стаяли. Переездной.

Вдáрить, сов., *перех.* Ударить. В лаптú: он вдáрил, я вдáрил, пабéх. Мяч' паткúдывает, а ты, у тибя́ бíлка, папáл, ни папáл, а тада́ беч'. Махровка.

Вдва, нареч. Вдвое. Мя́лка, утáк вдва, слóжына, тут такой жылэ́зный штыр', туды́ дóску закла́дали, надявáлиш, и вот так руками мяли, и дeлали эти нитки. Данило.

Вéдьма, ж. В суеверных представлениях — женщина, обладающая сверхъестественной способностью вредить людям и животным; колдунья. У минé мама раскáзывала. Гварíт', адíн рас иду, а у нас была хата, сéнцы, а отáк во, гварíт', была дírка. Иду, гварíт', мéсиц свéтя, я иду, сапагú, тада

баишамакі называ́ліс', скрып-скрып. Агляну́лас', а́на за мной следам. Я схвати́лас' да беч'. Дабяга́ю, а́на ж малада́я была, рас у эту д́ірку. А загуде́ла, ба́тя выходи́т: — Доч'к', што? — Да што, да ве́д'ма. Пузево.

Ве́дьма́к, м. В суеверных представлениях — мужчина, обладающий сверхъестественной способностью вредить людям и животным; колдун. Сказали, ка́кая-т прапінда́ жыве́т ф кукуру́зи. Ну прапінда́ и прапінда́. Фсе прапіндо́й пугали (детей). И у́жэ к б́сини, кагда́ кукуру́зу стали руби́т', и а́на к нам заскачи́ла ф хату. Во́ласы та́кіи длі́ныи, прям да пят, чё́рная, чё́рныи во́ласы. И вот а́на за печ' забі́лас', а мы как заара́ли! А ба́пка Аксю́тка приши́ла и гварі́т: — Т́-ха-т́-ха-т́-ха. А а́на сидит, ры́чит. Прям ры́чяла. И па́то́м мужы́кі приши́ли, наво́ска, и вот а́ні иё́ связа́ли, выта́цили, связа́ли, куда-та увизлі́. Ну ве́д'ма казали. Вид'ма́к. Я па́ э́тай кукуру́зи так ба́ялас' хади́т'. Пузево.

Ве́зь, несов., перех. Везти. Мы сабра́ліс', в Бу́турліна́в-ки нас посади́ли в ваго́ны та́кіи, тава́рный. И хате́ли вес'т' па́т Сма́ле́нск. Переездо́й.

Ве́не́ц, м. В строительстве — каждый горизонтальный ряд бревен в срубе. Ту́мбач'ки, ну, ка́кой длі́ны он, до́м. А па́то́м брё́вна кладут' на э́ти ту́мбач'ки — абва́зня́я. Э́т ка́да сру́биш до́м, вине́ц кладут'. Брё́вна кладут' па́тихо́н'ку. Так а́на иде́т'. И до́м делаю́т'. Махро́вка.

Ве́нтерь, м. Рыболовная снасть, в виде суживающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи. Тили́ві́зир? Ла-ві́ли. Он та́кой, как ве́нтір' па́шти. Ве́нтір' — там три ка́л'ца́, а там усы́нак, ту́да заходи́т', и та́кой ищэ́ — се́т' ста́витца, кры́ло. Ес'т' дву́жкры́лыи, ес'т' адна́жкры́лыи. Вот. А́на (рыба) как ф кры́ло сту́книтца и в ве́нтір заходи́т. + А ве́нтір' из ни́так зде́лан, крú́глыи то́жэ. Кры́л'я́я бы́ли, кры́ло э́т ад'де́л'на, што́бы рыба захади́ла, уткне́тца и в ве́н'тир' лезет. Ве́нтір' — э́т дыра вот та́ка́я вот. А́на пра́ходи́т крú́го́м, а у́жэ из ве́н'тиря а́на ни вы́лезет. Махро́вка. Δ **Одно́жкры́лыи (дву́жкры́лыи) ве́нтерь**. Махро́вка.

Верётъе, ср. Грубая ткань из оческов льна, пеньки, употребляемая в качестве полога, для изготовления мешков и т.п. *А патом, щён анá (каша) ни фскипéла, а тады накрывáют' иé (тада мишкí были, вирéт'ья бал'шыи такíи). Накрывáим, и папа, и мама ели. Убирали рош. А вирéт'ья, то ткали. То мишкí, а эти вот ф три палóт'нищи. Бывáла, вазíли на тилéги рош, иé зас'тилáли такими клíнушкíми. То мишкí, а эт назывáйтца вирéт'ьи.* Васильевка.

Вёрша, ж. Рыболовная снасть, сплетенная обычно из ивовых прутьев в виде корзины конической формы с узким воронкообразным входом. *Верша: делают крух, патом хвóрасту нарéзжут'. Ну, усынак, двайнóе дéлают'. А вéнтир' из нítак зделан, кру́глый тóжэ.* Махровка. *Óзира Папóва назвáние палучíла из-за тавó, што в нём утану́л батюшка, поп. Лавíл рыбу вёршами, аступíлси с плавунá.* Пески.

Вершíна, ж. Овраг. *Вяршíна — ésta аврáх.* Есипово. о Павловка; Васильевка.

Вершóк, м. Отстой на молоке; сливки. *Вяршóк, ну смятáна, слíфки мы рáн'иэ называли. С кушунá снимают эт вяршóк, сáмая фкúсная, и билíли эту акрóшку.* Пузево.

Вёсна, ж. Время года между зимой и летом. *Фсю вёсну на агарóт сажáт'.* Пузево.

Ветлó, ср. 1. Дерево ветла. *Карá у дуба свая, идёт на дёгат', лýка, лапти делали с нутря́, лёнтач'ки. Плиlí лапти. Пляли из вятлá, дéрева вятлó. Рагóжа — анá тóжэ с ésta сáмай.* Есипово.

2. Собира. Лыко такого дерева, из которого плели лапти. Есипово.

Вечёрошник, м. Молоко, надоенное вчерашним вечером. *Я маслу прадавáла. Збивáлка у минé да сих пор, ф чём збивáли (сливочное масло). Бывáло, вичёрашник и ўтришник, эт я сипарíривáла, а тада абéдишник и апя́т' вичёрашник падагривáла.* Переездной.

Взвар, м. Компот. *Взвар, кампóт, варили яблaки да свяклú туда крашíли.* Пузево.

Вздева́ть и уздева́ть, *несов., перех.* Вставлять, просовывать в сквозное отверстие. *Такой стан, ста́йт' бал'шо́й у ха́ти, таки́и зде́ланы бе́рды, такой, туда вздява́ши, снава́лки были. Зано́сют' у хату, стано́вют' у ха́ти и ута́к кру́тиши и сну́иши. Снава́лки называлис'. Патом́ эти нитки вздява́иши, а патом́, э́та, ну, таки́и бе́рда называ́лись...* *А тада́ была́, звали каро́в'я́ галава́: тут такая палка, там зде́лана дырка, тут уздява́иши э́ту, а́на и фсе́ равно́, как ни мнеш, а па́лки астава́ютца. А там называ́ютца те́рка, ота́к кру́тиши и треши. А тады́ вына́иши и на э́тат вот, такая дирива́ная, дырка зде́лана, туды́ вздява́иши, сама́ ота́к садя́ишся и че́шыши.* Данило.

Вздеть и узде́ть, *сов., перех.* Вставить, просунуть в узкое сквозное отверстие; вдеть (нитку и т.п.). Пузево. || Вставить, просунуть. *Ади́н па́рин' надел пла́т'я́ю да пузыри узде́л, платок стары́й* (о ряжене на свадьбе). Пузево.

Взойти́, *сов., неперех.* Зайти, войти, проникнуть. — *К ней и цыга́ни у хату взаи́ли. — Какими́ рада́ми а́ни взаи́ли? — Ба́пка, паду́шки прадава́иши?* Пузево.

Виша́рник, *м.* Вишневый сад. Переездной.

Внучо́чек, *м.* Ласк. Внук. *У нас тут хахлу́шка адна́, Нинка была́, с э́тава. А́ни жы́ли с ма́тир'я́ю, с Пятро́вай, а Нинкина мат' приехала с Варанцо́фки, а был у них ужэ́ Юра. А́на ж яво́ пэ́стая: — Ты ж мой внучёчик! Та та́кий!* Переездной.

Вода́, *ж.* **Непита́я вода́.** В народной медицине — неиспользованная вода (обычно взятая из колодца), применяемая с целью излечения от колдовства, порчи, сглаза и т.п. *Вады́ пачирпну́т' ис калодизя нипято́й, и на э́тай ваде́. Лячи́л так.* Пузево.

Води́ть, *несов., перех.* Разводить (животных, птиц). *Узоры на платках: и ла́пки вяза́ли, и батон'чи́ки: в сирётке — клетки, кле́тач'ка. Даро́шку з'де́лаиши, ад'дяля́иши даро́шку, край каймы́. Щяс ни вя́жым та́кии. Щяс и коз ни стали вади́т'.* Махровка.

Водорéзник, *м.* Растение телорез обыкновенный. Махровка.

Вознесенъё, *ср.* В православном народном календаре — праздник, отмечаемый в 40-й день после Пасхи. *Святáя, Крáсная гóрка, патóm Вазнисин'ийё, бывáла, с папáми идúт' на магíлу. Тада́ бóл'шэ к Богу прибывáлис'.* Данило.

Возрастáть, *несов., неперех.* Расти, воспитываться. *А када́ мы вазрастáли, нé была.* Данило.

Воитель, *м.* Человек с воинственным характером; забияка. *Был дéдушка вáйтел', йивó ф кул' завизáли. Вы́пил и нáчял буйáнит', пасадíли ф кул'.* Васильевка.

Волкодáв, *м.* Специалист по отстрелу волков. *Муж работал валкадáвам, а у нас кардóн там был, валкóф били.* Васильевка.

Вонóчка, *ж.* Растение сурепка (?). *У нас ищё ванóч'ка была. Вот такíи, цвятóк рас'тёт' вот такой вóта, нéскал'ка, жóлтым цвятёт'.* Тут лís'т'йя. *Ана́ пáхнит', как, ну, ни óчен' плóха, но нитарашó. Иё назвáли ванíч'ка. Запах. И ели ванíч'ку.* Махровка.

Восьмерíк, *м.* Разновидность постели — настил из досок. *Палáти, зад'ник, жыли мы, их три брáта жыли, атéц мой и два брáта. В аднóй кóмнати, эт вас'мирик назывáлси — вóсим' на вóсим', эт их три брáта, вот он éstaва брата, и адинáрка. Вот их три кóйки. Вот так примёрна кóйка, там зад'ник — ищё даскáми настилéна, спат'-та. И к пa-талкú падвёшыны палáти.* Махровка.

Враз, *нареч.* Быстро, сразу. *Тут мне апира́цыю враз здéлали, жóлч'ный удалили.* Махровка.

Встревáть, *несов., перех.* Встречать. *Там мат' фстрявáя, фстрявáют' с икóнай в дваря́х.* Пузево.

Всёнощная, *ж.* Богослужение, осуществляемое вечером накануне воскресенья или особо отмечающихся праздников; Всенощное Бдение. *Пасту тákжэ прáзнавали, тákжэ Святáя была́, тákжэ Фсёнащная была́, тákжэ поп был.* Данило.

Выбивнóй, *м.* Народная детская игра. *Эт выбивнóй был. Мячём, выбивнóй. Как стúкнили тибé, па крúгу бéгали.* Пузево.

Выбира́ть, *несов., перех.* То же, что брать (во 2-ом знач.). *Римнii выбира́ли. + Мая́ мама ря́мнii выбирала, па аднэй нítач'ке. Судá, на рубáхи, палякá. Ну выбира́ют как?*

*Вот па нítач'ки анá там. Дéлали узор. Ни игóлкай, а ру-
ками прóста. Руками вытягиáли. Иголка таню́син'кая. Э́та
я помню харашó. Вот матириáл, буду казáт', например, если
судá на рúку, то, знач', анá выбиráит эт игóлач'кю. Иголач'кя
тóнин'кяя, и анá выбиráе. Бывáла, скáжыш: — Мам, как жэ
ты выбиráиш? Ну ты жэ глаzá патярjáиш! Вышывáт' — то
глад'йю, крэс'тикам, а эт выбиráли. Пузево.*

ВЫ́брать, сов., *перех.* Выдернуть коноплю. *Но бал'шын-
ствó — канаплó. Усё мат' заставляе пóскан' вь́брат'. И мы
панимáли. Нибал'шэн'ки (дети), а панимáли пóскан' вь́брат'.
Анá кака-т была патóн'шэ, захóдиш, памалéнич'кю, аста-
рóжна па канапjáм хóдиш. Выбириш, тады халстíна пабялéй,
и патóн'шэ прядúт'. Пузево.*

ВЫ́йти, сов., *неперех.* **ВЫ́йти в зят'я.** Жениться.
*Атэц в зят'йя вь́шэл, привёл читвиры́х нас, те, астáл'ные,
нас сéмера бýла, — взрóслые. Я нян'кя бýла, анí радíли
мéсных. Махровка.*

ВЫ́куп, м. В свадебном обряде — плата за невесту.
Пузево.

ВЫ́купáть, *несов., перех.* **ВЫ́купáть невесту.** В сва-
дебном обряде — платить за невесту. *Кравáт' сюда вязлí.
Кравáт', вот прийдя дружóк выкупáт' нявесту, два, при-
хóдют' выкупáт' нявесту, и тут ужэ кравáт' наряжáют',
наряжáют' и к ним вязúт', тáма выкупáют', а тутá эти
дяфчята тутá с них прóсют' выкуп тóжэ, за дэн'ги, за
вь́пифку. Эту кравáт' вязúт', пастáвют' на падвóду и на-
лэпю́тца кругóм. Идэ анí там дэржyтца? И фсе, гатóвиш
палатéнцы, вéшали у нас, вь́шатыи. И каждая дэфка вéшая
и пляша, и тут жэ гарманíст идé-т сидíт'. Эт у первый
ден' (свадьбы) бýла. Пузево.*

ВЫ́тягиáть, *несов., перех.* Вытягивать, тянуть. *Мая́ ма́ма
рямни́ выби́рала, па аднэй нítач'ке. Судá, на рубáхи, паляжá.
Ну выби́рают как? Вот па нítач'ки анá там. Делали узор.
Ни игóлкай, а руками прóста. Рука́ми вытягиáли. Иголка
таню́син'кая. Пузево.*

Вѣход, м. Погреб со ступеньками (над которым сооружен небольшой деревянный сарай в виде усеченной пирамиды с несколько вытянутой одной из сторон). *Полный выход кадушок. Выход — это подвал. У когѠ — погрип. Погрип — яма и лес'ница, это погрип. А выход, значит', ступен'ки зделаны. Выход, ужэ выхѠдят'. Делаетца рукав и так жэ закрытый. И ступен'ки, и туда ужэ идѣш по ступен'кам. Это выход. У Пѣзиви и в Аликсандровке. Ва всех выхѠдѠ, нѣ было погребѣц. А тут были бѠл'ше погрибы. + Выхат — погрип, но он выхѠдам у ней. И сам выхат, усѣ харѠшае, а сам рукаѠ завалился. Пузево.*

Вѣюшка, ж. Часть самопрялки — вращающаяся катушка для наматывания ниток, пряжи. *Такой чѣлнык, он тута обстри'кий и тута, а пасиридѣ он пустой, там фставляйтца эта, пробалка или шпил', вот, а на эту на в'ѣюшку, иѣ в'ѣюшку надявѠют' туда, и вот тады цѣфку и тады ткут'. Васильевка.— Мы и цяе прядѣм. КалясѠ там, в'ѣюшка — фсѣ там.— Прѣха, накажѣ им прѣху. Приняси прѣху. + Вот анѠ самапрѣха. Вот в'ѣюшка, сюдѠ нѣтку, прядѣш. И вот нагѠй крѣтеш. Эт лѠпка. Либѣтка. ГанѠк — па чѣм в'ѣюшка катѠтитца. РѠшки, надявѠетца в'ѣюшка на них. Махровка. о Большие Алабухи.*

ВязѠть, несов., перех. **ВязѠть снопѠчками**. Закручивая жгутиком, изготовленным из травы, стягивать лен или коноплю. *АнѠ какая-т была патѠн'ше, захѠдиш, памалѣнич'кю, астарѠжна па канапѠм хѠдиш. Вѣбириш, тады халстѣна пабялѣй, и патѠн'ше прядѣт'. ПатѠм мачѣли, снопѠч'кими вяжѣши, а тады, ув утѣтай Ѡзири мы, фсе суды свѠжывали, плѠтам кладѣш. Пузево.*

Г

Глаз, м. ~ **ГлазѠ потерѣть**. Слепнуть. *Делали узор. Ни игѠлкай, а руками пробста. Руками вытягѠли. Иголка танѠсин'кая. ЭтѠ я помню харѠшѠ. Вот матириѠл, буду казѠт', например, если судѠ на рѣку, то, знач', анѠ выбирѠит эт игѠлач'кю. Иголач'кѠ тѠнин'кѠя, и анѠ выбирѠе. БывѠла,*

ска́жыш: — *Мам, как жэ ты выби́раиш*? Ну ты жэ глаза́ *патыра́йш*! Пузево.

Гнездо́, *ср.* Семья, род. *Ско́л'ка йи́х*? *Е́с'кины*: *Вит'ка Хор'*, *Ван'ка Е́с'кин*, *Кол'ка Свято́й*, *сястра́ Е́с'кина* — *Нюрка*, *сястра́ Камаре́ва*. *Фсе с аднаво́ гнязда́*. *Танцырей*.

Гне́т, *м.* Груз, накладываемый на что-л. для отжима, прессования и т.п.; пресс. *Бажо́к я рибя́там делала*. *Саша свин'я́ю резал*, *сын, я гаварю́: бажо́к зде́лаю*. *Вымыла, вычисти́ла*, *нарезала мя́са*, *луку*, *чиснаку́ туда*. *Хош риса туда*, *хош пшо́нну*. *Ф чя́шки пирими́иш*, *пато́м начиня́иш йиво́ туда*. *Забíла йиво́ вес'*, *заши́ла* — *и в кастрю́лю йиво́ варит'*. *Сва́ритца*, *пато́м выта́скиваиш йиво́*, *чюдо́к прасты́нит* — *и пад гне́т*. *А пато́м ре́жыш*, *как са́ла*. Большие Алабухи.

Голоси́ть, *несов., неперех.* В свадебном обряде — причитать нараспев, оплакивая девичью волю, петь жалобную песню, прощаясь с подругами и родителями. *Сиди́т' тётка*, *причи́тывайит там чёй-та*: — *Каса́ мая́ рúсыя*, *да й вроди как атхади́лас'*, *атпляса́лас'*, *атыгра́лас'*. *Вот такую́-т*. *Ра́ниэ так галаси́ли*, *што наро́т*, *какой стайт'*, *и фсе плакали*. *Сами нявэ́сты галаси́ли*, *а вот если какая нявэ́ста ни умёя*, *и тут у нас адна́ такая ба́пка была́*, *пат стол залёзя* *и галбэсе*, *причи́тывая*, *якабы ана́ нявэ́ста*. *А хто?* *Увэс' дом у сляза́х*. *Шяэ этава нету*. Пузево.

Гомони́ть, *несов., неперех.* Разговаривать. *Слу́хаю*, *ани́ там гаманя́ и гаманя́*. *Гаманя́* — *разгаваривают*. Пузево.

Гора́, *жс.* Возвышенность, холм; бугор. — *Чёбар*. — *Запах ат ниво́*. — *Как мята*. *Там горы*, *он рас'тёт' там*, *бугры́*. *Да и в лясú он*, *чёбар*. Махровка. *А жы́ли на гарэ́*. Большие Алабухи. *Быко́ф запрягала*. *Ой*, *быки интирэ́сныи были*. *Правый был цоп*, *левый — цабо́*. *И вот запряга́иш и сядиш*, *сядиш*, *пáлкай цоп-цабо́*. *И слушали*, *и па гарáм э́з'дили*. Данило.

Го́рка, *жс.* ~ **Кра́сная го́рка**. В православном народном календаре — следующее воскресенье после Пасхи; Фомино воскресенье. Данило.

Го́рница, *жс.* Парадная комната без печи (обычно в двухкомнатном крестьянском доме с сенями). *Горница* —

эт зал. Махровка. Из горницы вѣнисла (ключи), на кўхни палажыла. + Зайдѣтя у горницу, пасматрѣтя. + Была адна хата и сѣнцы, а эт тяпѣр' дом — горница и кухня. Эт ужэ, гварѣт', дом. Пузево.

Горнўшка, *ж.* Углубление, впадина в стенке печи для сушки мелких вещей (спичек и т.п.). *Гарнўшка, вот такїи клѣтач'ки, ганўшыч'ки.* Васильевка. о Махровка.

Горнўшечка, *ж.* Уменьш.-ласк. к Горнушка. Васильевка.

Горўд, *м.* Огород. *Патўм кўн'чилас' вайнў. Гарўт стали сажат'. А поле бѣла фсѣ зарўщи бур'їянам, и волки хадїли.* Переездной.

Горўшенник, *м.* Растение горошек мышиный (?). Васильевка.

Гўрстка, *ж.* Горсть. *Сами дрўжжы делали. Хмел' и атрубя. Хмел' атваривайим, а патўм, вот он закипѣт', а патўм туды атрубя высыпайим. А патўм, шоп ни привялїс' дрўжжы, там с гўрстку аставляйим, и в эту хмел' — атрубя. Патўм эти дрўжжы размўчиш, и анї там кипят'. Переездной.*

Гўрчїна, *ж.* Горький вкус, горький запах; горечь. *Назвали Чѣрнае ўзира из-за тавў, што вадў в нѣм имѣит тѣмный аттѣнак, цвет. Рыба в нѣм практичїски ни рас'тѣт. Вадў халўдная, з гўрчїнай, нїжсывўя. Пески.*

Гўршѣшник, *м.* Мастер, изготавливающий глиняную посуду; горшечник. *Анї гаршѣшники. Анї делали вот кушуны, гаршки.* Пузево.

Гўрбўрка, *ж.* Широкая железная лопата с загнутыми по бокам краями. *Гўрбўрка — эт прўста эт землю грес'т', жылѣзная анў.* Данило.

Гўрань, *ж.* Линия раздела; граница. *Пўпки — мѣста в лїсў на гўрани с Тамбўфскай ўблас'т'їю. Там, видўт', Пўпки жыли. Павловка. На гўрани Срд'нїй и ўта, и был он, назывўлся Маргунўк. Верхний Карачан. Сазўн' — ўта гўран', там таня, здес' запавѣд'ник кан'чяйтца.* Васильевка.

Гўребѣнка, *ж.* 1. Приспособление с частыми зубьями и ручкой для чесания конопли и льна, освобождения от

остатков костры после трепания. *А патом на грэбин', вот эту самую каноплю, мыкали, а патом пряли. И такая грядёнка, и вот часали, шоб анá была мяккая. И пряли.* Васильевка.
 ○ Переездной.

2. Кровельный инструмент, служащий для выравнивания соломенной крыши. *Камышом крыли. Привазили хворост, паткладывали, на нивó — камыш. Камыш пуч'ками связываеш, свяслами — эт с асакí сварачивают типа вирёфки. И вот снапы связывают, примёрна, ну вот такие вот снапы. Вос привязут' прям, ужэ связана снапами. И прям вот начинают с краю клас'т', рят прашли снапами, дал'шэ ищэ рят и да макушки. Даска была падбиват', в ней зделаны прорези, как трéхгрáнья, рúч'ка была, снапы наложут', а патом этай гребёнкой — рас, рас, выравнивают.* Махровка.

Грэбень, м. Снаряд для чесания конопли (льна) на стойке, укрепленной на краю горизонтальной доски (донца). Такой — грэбин' назывáйтца. Он был парублиный мёлач'кя-мёлач'кя, на нявó надяваши, патом чéшыш, ну, как вóлас, чéшыш. А тады прядёш. Данило. Патом, кагда зделают' пуч'ками, зимой их мычют'. Грэбин' такой, на грэбин', а патом — гребёнка, памён'шэ, и утáк и вычёсывают'. Шо нигоднае, аставляйтца на этам, на грэбини. А патом дéлают' намыч'ки, утакíе вот. Переездной. ○ Васильевка; Пузево.

Грэбовать, несов., *неперех.* Пренебрегать, гнушаться кем-л., чем-л.; брезгать — *Вы нас кормите. — Што ес'т'!* Ня грэбуйте! Пузево. Систра пайдёт налáвит ракушки, а никагда ни ела, грэбвала. Махровка.

Гресть, несов., *перех.* Собирать в кучу, подбирать граблями, лопатой и т.п.; грести. *Грaбáрка — эт прóста эт землю грес'т', жылёзная анá.* Данило.

Гречáный, ая, ое. Приготовленный из зерен гречихи или продуктов их обработки (муки, крупы); гречневый. *Патом делали гричяныи кулакí. Делали их на квасу, мишáли. Такíи анí вот бал'шыи, ну и клёпушками делали их. + Я вот клёсцы щяс ваз'мú, ну тада гричяныи были, а щяс-та такíи вот.* Васильевка.

Грѣчный, ая, ое. То же, что Гречаный. *Блины грѣч'ныи ели. + Грѣч'ную кашу варили.* Васильевка.

Грешить, несов., *неперех.* Возводить несправедливо какое-л. обвинение, подозрение и т.п. Пузево. Δ *Грешить на кого-л. И ня знаю, на каво гряшйт'.* Пузево.

Гриб, м. **Чёрный гриб.** То же, что грузд. Махровка.

Гроздь, ж. Скопление птиц в одном месте. *Савинае, там бочен' многа соф. Вот туда вверх па тичѣнию вот. Очен' многа соф, и ани прям грѳз'д'ьями на дирѣв'ьях сидят там, и причѣм и нѳч'ью, и днѣм.* Павловка.

Громовѣнь, м. Шум, грохот, стук и т.п. *А тада, мама раскѳзывая, гварйт', мая мама жыли идея-т нидалѣка, а он, гварйт, захварѳл и: — Ёхайтя, Миколк (мамин атѣц), ёхайтя за папѳм причяс'тит' минѣ. Он, гварйт, батя, паѣхал. А вязйт' ѣтвава папѳ, ани, ѣти бясѳ, грамавѣн', стукавѣн'. Поп заехал на двор. Што такое? Ну пирикряс'тил, видна, крястѳм. Фсѣ притѳхла. Он кѳилси папѳ. Кѳилси: — Я с радной дѳчир'ью жыл.* Пузево.

Грудка, ж. Небольшой кусочек, часть чего-л. (обычно сахара). Пузево.

Грудочка, ж. Уменьш.-ласк. к Грудка. *Я, гварйт', падашла к ѣтаму сталѳ, а там ляжѳт' три грудѳч'ки сахару. Бѳле ничявѳ.* Пузево.

Грузд, м. Гриб груздь. *Да и грузды, и апѣнки, и сѳняя нѳшка.* Переездной.

Грядѳшка, ж. То же, что боковина. Пески.

Грузилѳк, м. Грузило. *А тиливѳзир — такой он: от прямой он, стѳвили ѳвѳ — и фсѣ. ѣт тиливѳзир назывѳитца. Там грузялѳк стѳвитца, анѳ на дно садѳтца. И стѳвитца. Так ситѳ, так и тиливѳзир. Анѳ (рыба) там хѳдит' и пападѳит'.* Махровка.

Гульбѳ, ж. Разгульное веселье; празднование, пирушка, кутеж. *С'ѳѣзный, ѣта рѳн'ша, как атѣц раскѳзывал, фсе багачѳ с'ѳижѳжѳлис' там, и празвѳли. Гул'бѳ и фсѣ такѳе. Адѳн купѣц патѳн на залатѳй карѣте.* Есипово.

Гульня, ж. То же, что гульба. Махровка.

Гулять, *несов., перех.* Праздновать, справлять свадьбу. *Падру́ги, при́данае, навéшают' сибé на руки и идýт' убирáт'.* И тада́ у них фсю́ ноч' гул'ня́. Вот убирýт' нас'тёл' и гуля́ют', а ф субóту тада́ ужэ́ настая́щая свáд'ба и в васкри-сён'йе. Ф панидёл'ник азмиля́ютца. У жы́ниха́ фпирёт гуля́ли, а патóм к нивéс'ти. Махровка. (Первый день) у нявэ́с'ти гуля́им, а жэ́нихóвы сажáим за стол, а сами, нявэ́с'тинны тýта ништо́, ни садя́тца ништо́, абы́грываю́т' малады́х. Трóшки как знаю: — При я́ру стая́ла, При я́ру стая́ла, Да при я́ру стая́ла. Не. Забыла. Абы́грываю́т', а сами, цэ́дiлки тут, што́ малако́ цэ́дiли, абы́гра́ют' малады́х, ага, потслади́ти, ну ца́лю́ютца, а как каво́ — ка́ждый, што́ гуля́е, — ка́ждава абы́грывали. Пузево.

Гумно́, *ср.* Огород. Махровка.

Гусы́ночки, *мн.* Гусята. Пузево.

Д

Давно́шный, *ая, ое.* Очень давний. *Панфёраф прут, бал'шо́й прут, давно́шный то́жэ.* Васильевка.

Да́ле, *нареч.* Дальше. *Жы́ли на э́таму я́ру, то́л'ки да́ли.* Данило.

Далёк, *нареч.* Далеко. *На ули́цу хади́ли фсягда́ далёк, на Куркулё́фку.* Нижний Карачан.

Дары́, *мн.* В свадебном обряде — подарки жениху и невесте. *Сабра́ли фсе эти дары́, и маладэ́ш клуби́лас' там* (в кафе). Большие Алабухи.

Дать, *сов., перех.* ~ **Ума не дать!** Не в состоянии понять, осмыслить что-л., догадаться. *Рипля́шкóм ввы́шита, двумя́ рип'йя́ми, адни́м аряп'йём.* А вот как? Ума ни дам! Пузево.

Дежа́, *ж.* Деревянная кадка для приготовления теста; квашня. *Эт дя́жа, быва́ла, ис те́ста зде́лана, таки́ кадушки, и вот миси́ли хлеп.* Васильевка. о Махровка; Большие Алабухи.

Де́жка, *ж.* 1. Уменьш.-ласк. к Дежа. Махровка.

2. То же, что Дежа. *Ф чём пя́кли хлеп, называ́лас' де́шка.* Переездной.

Дежнѣк, м. Плотная ткань, которой накрывают дежу (квашню). Васильевка.

Дѣи-ть, местоим. нареч. Где-то. *Квѣч'ка, самахѣтка, я думала: сабѣки утащили, ну, а патѣм сижу, сижу ф халаткѣ, сматрѣю, анѣ с сарѣя выводит. Дѣи-т' там сундук стаял, ну, анѣ выводит.* Большие Алабухи. □ **Дей-т**. Да дей-т усвярбѣлася (при внезапном першении в горле и кашле). Пуzeво.

День, м. В погребально-поминальном обряде. В сочетаниях — поминальные дни. Δ **Двадцать дѣн**. *А тада двацат' дѣн — эта пирахѣдя агнянѣю рѣч'кю. А бывѣла, мама скѣжэ: — Дѣч'кѣ, умру я, на двацат' дѣн чѣвоѣ-та камѣй-та аддаваѣ. Или платок, или чѣво. Оля пришла, спрашывае, што купѣт' паминѣт' Вѣт'кю (мужа). Платѣч'ки — лѣч'шѣ дават'. Анѣ тады пашлѣ, тѣт'к', тѣл'кѣ пят' штук, а была многа. Лѣбо хтой-т забрал? Я гварѣю, ну хвѣтя и пят'. Вот анѣ пашлѣ пирашкѣ и эти платѣч'ки раздават'. И он в эту ноч' приснѣлся ва сне. Гварѣт': — Ол', а минѣ чирис камѣн'ѣя пиривялѣ дѣфки. Чирис камѣн'ѣя пиривялѣ дѣфки. — Я гварѣю, мая харѣшая, вот табѣ эти платѣч'ки. И вот на этак абѣзѣтил'на нада дават'. Пуzeво. Δ **Сѣрок дней (дѣн)**. На сѣрак ден' прашиѣютца, икону станѣвѣют', хлѣп на стол, тарѣлка, платѣчик, у платѣч'ки пичѣн'ѣе, две канхвѣты. + И сорок дѣн паминѣла. + У нас батѣя ѣмир, сѣрак дѣн — памянѣли, и хазѣин ѣмир. Пуzeво.*

Дѣрганец, м. Мужская особь конопли. *А дѣрѣшкѣ — эта пряли, канапѣ сѣйили, вот спѣрѣвѣ пасѣют', их два сорта, спѣрѣвѣ — назывѣлис' — дѣрганиц или пѣскан'. С пѣскани, харѣшо если абрабѣтат', — тѣнкае и харѣшо прѣдѣтца, там на палатѣнѣцѣ, на натѣл'ныи рубашики, а дѣрганиц — эта грубѣй. Эта на нѣм, на дѣрганицѣ, он цѣятѣт', и сѣмич'ки там бубѣют', канаплѣяныи сѣмич'ки, их малѣтют', и с сѣмичик маѣсла канаплѣянае делали. Дѣжэ, гаварѣят', анѣ личѣбная. А вот падѣргѣют' этак пѣскан' или дѣрганиц, павѣяжсут' утакѣими пучѣч'кими, а патѣм у прудѣ их мѣчѣют'. Переездной.*

Держѣть, несов., перех. **Держѣть пчелу**. Заниматься пчеловодством. *Стѣршѣй сын таргавѣл мѣдам, дѣржѣл пчѣлѣ. Пуzeво.*

Дерю́жка, ж. Толстый грубый холст из сученых охлопков или тряпок, используемый для различных целей. У ней был станок, дярюшки тка́ли. Ну, така́я дли́нная из ра́зных ласкутко́ф. Тада́ сабира́ли фсе тря́пки. А па́том из эти́х тка́ли дярю́шки. На ко́йки, на па́лы стя́ли́ли, дярю́шки, из эти́х, цвятны́х, ис тря́пак. Махровка. Станки́ были, сама́ тка́ла, тка́ла дирю́шки... Туды́ взда́вали́ то́же нитку, тады́ ута́к б'йеи́ш, при́быва́иш усё, де́лаиш, дирю́шки де́лали, пря́ли шэ́рс'т', тка́ли эту́, ну, пала́тно. Данило. Па́д дярю́шкой и мы спа́ли. А дярю́шки — э́та пря́ли, кана́пи се́йшли, вот спя́рва́ пасе́ют', их два́ сорта, спя́рва́ — называ́лис' — де́ргани́ц или по́скан'... И пряду́т'. А па́том ани́ пряду́т', и там астава́ютца ка́кии-та адбро́сы. Вот с эти́х адбро́саф, хло́п'йя́ их называ́ли, их пря́ли и тка́ли дярю́шки. Ани́ ка́лючки кой-где. А шэ́рстяны́я — э́та из аве́ц де́лали. Пере́здной. Дярю́шки ма́ма тка́ла. Пу́зево. о Васи́льевка.

Диве́рь, м. Брат мужа; деверь. Дивир'йя́, было́ мно́га дивир'йё́ф, было́ у нас во́сим' бра́тоф, нас во́сим' сно́х. Дивир'. Махровка. Ну, хади́ли на ули́цу, ну, и чи́сту́шку та́кую пра маво́ дивиря́: — Ты, Вало́дя Рама́но́к, ни бей ты́ Плати́нку, А то Са́ня Зу́дино́к ни па́лю́бит Ни́нку. Пески́. Дивир' был жа́на́тый, то́же адди́лёнай. Пу́зево.

Дирда́нь, ж. Большая прорубь для проведения водосвятия в праздник Крещения. Махровка.

Дирка́, ж. Дырка. Гва́ри́т', ади́н рас иду́, а у нас была́ хата, се́нцы, а ота́к во, гва́ри́т', была́ ди́рка. Иду́, гва́ри́т', ме́сиц све́тя, я иду́, сапа́ги, та́да ба́шмаки́ называ́лис', скры́п-скры́п. Агля́ну́лас', а́на за мно́й сле́дам. Я схва́ти́лас' да беч'. Да́бьяга́ю, а́на ж ма́лада́я была́, рас у эту́ ди́рку. Пу́зево.

Догляда́ть, несов., неперех. Присматривать, следить за кем-л., чем-л. для обеспечения порядка и т.п. С ули́цы при́хо́дут' (вну́ки) и ни́каво́ нас ни биспа́кю́т', шмы́г тудá, иде́ вы. А та́да́ у́трам устава́ю ка́рбу́ даи́т', чи́ при́шли, чи́ не, иду́ да́гляда́ю, мо́ш их и нету́. Пу́зево.

Доё́нка 1, ж. Дойная коза. Козы́ были́ в ва́йну́, у нас была́ даё́нка, а па́том мы та́кии́ купи́ли. Васи́льевка.

Доёнка 2, ж. Ведро, в которое доят молоко; подойник. *Даёнка: спица́л'на до́иши в ниво́. Махровка. А в абе́ди, мы э́з'дили на маши́ни, вот флаги, даёнки, падмыва́лки, стул'чи-ки. И в по́ли дай́ли, ани́, каровы, стая́ли. Переездной.*

До́жно́, вводн. сл. По-видимому, наверное, кажется. *Ван', эт, да́жно́, на Праце́нный ден'?* Миролюбие.

Дознава́ть, несов., перех. Узнавать. *Абы́грывают', а сами, це́ди́лки тут, што малако́ це́ди́ли, абыгра́ют' малады́х, ага, потслади́ти, ну ца́луютца, а как каво́ — ка́ждый, што гуляе́, — ка́ждава абы́грывали. И ка́ждава, ага, ты ж и́иво́ ня зна́иши, э́нтава сва́та, а пришо́л, он же́э чюэсо́й. Гля, как утэ́нтава па ату́у, как па ату́у? Или Иван Пятро́вич', или, дазнава́им. Пузево.*

До́йтить, сов., неперех. Дойти. *Цэ́рква блі́ска, а я ни магу́ дайти́т'. Пузево.*

Долге́нько, нареч. Ласк. Долго. *Пато́м ма́чйли, снапо́ч'кими вя́жыши, а тады́, ув утэ́тай о́зири мы, фсе суды́ сва́жывали, пло́там кладе́ш. Ута́к вот эти, рас пакладе́ш, а тады́ другой рас, а тады́ ута́к кол пасяре́тки забива́иши, штоп ни уплы́л. И тады́ хо́диши: — Ну пабя́гит', што там. За́метиши, ни́хто́ ни увёс. Ни варава́ли. Долге́н'кя, няде́ли две. Пузево.*

Домово́й, м. В суеверных представлениях — дух, живущий в доме. *Была́ я де́фкай, пришла́ с улицы. Яво́ на́да прица́зывают': ху́да или к да́брэ. Мама и ате́ц спят', па́дикона́й: у-у-у. — Ма́м, ма́м, да ма́м! Я слы́шу, как кричу́. Как крича́л дамаво́й: к ху́ду. Ма́я свякря́ гавари́т': — Абы́чяй: пер-вый раз на́да ма́лебин атслу́жы́т', на́да кошку или пъту́ха́, абнави́т' дом. Васи́льевка. И мне приха́ди́лас', но я и́иво́ ни ви́дала, мне тя́шка бы́ла дыша́т'. Э́т вот как прица́за́ние, дамаво́й. Пузево.*

Дома́йка, м. Большой дом. *Взял купи́л: тако́й дама́йка! Ади́н карма́с. Пузево.*

До́нце, ср. Доска, в которую втыкается гребень с куделью и на которой сидит пряжа во время пряденья. *Куде́л'ки ес'т' — а вот на че́м висит' пух, шэрс'т'. До́нцэ. И ра́шки.*

Кудёл'. Ну, эт мы атвы́кли. Щяс ат ру́ки прядём. Пабра-
са́ми до́нца. Махровка. Рагачи́, чя́пли, до́нцы — вот пря́ли,
фсе туды́, ф патпéч'кю. Данило. о Большие Алабухи; Ва-
сильевка.

Доро́га, ж. **Ка́менная доро́га.** Каменистая дорога,
проходящая по бывшему карьере, где добывали материал
(камень) на жернова и т.п. Горелка.

Доро́жка, ж. Разновидность узора вдоль каймы на
вязанном из шерсти платке. *Узоры на платках: и ла́пки
вяза́ли, и бато́н'чики: в сирéтке — кле́тки, кле́тач'ка. Да-
ро́шку з'делаиш, ад'дяляиш даро́шку, край каймы́.* Махровка.

До́си, нареч. До сих пор. *Абязáтил'на сажали на шубу
(новобрачных). И до́си сажáют' у нас. + Калы́ п ты тады́
давала сазару, а то старо́ня. А ани́ салóминку да у трéшыну.
А то щяс фсё до́си валóкна на губах.* Пузево.

Досто́чка, ж. Небольшая доска; дощечка. *Диривя́ная
така́я па́лач'ка — эт махави́к, што крутит калясó, тако́й
жылёзны́й, а там сагну́тый, а там надвя́ши и дасто́ч'ку
на ниё, там привя́зана, штоп вращя́лас'.* Данило.

Дош, м. Дождь. *Дош и снeх.* Данило.

Дощёчка и дощечка, ж. То же, что досточка. *Пато́м
баёк был, з зазубринами, така́я типа дощёч'ка с ру́ч'кай,
а у ней зазубрина. + Зде́дают' до́щич'ку, лампа́дач'ку за-
жгу́т'.* Махровка.

Дружо́к, м. В свадебном обряде — распорядитель на
свадьбе со стороны жениха. *Кравáт', вот при́идя дружо́к
выкупáт' нявэсту, два, приходи́ют' выкупáт' нявэсту,
и тут ужэ́ кравáт' наряжа́ют', наряжа́ют' и к ним вя-
зúт', та́ма выкупáют', а тута эти дяфчя́та тута с них
прóсют' выкуп то́жса, за дён'ги, за ви́пифку.* Пузево. о Ва-
сильевка.

Дубо́к, м. Дубовое бревно. *И вот я иду, сама сибé пря́м
ня помню. Шла, вот дом стаи́т', дупки́, я села на эти дупки́.
А тут, где мы астанáвливаимси, тазя́йкя ушла, замкнóла.
Данило.*

Дубóчек, м. Дубовая жердь. *Энти — Сирпачёф, энт Тўжыжаф калóдис', такийи, калóдис'. Тады пайли карóф, руками таска́ли. Тады был столп, на сталбу́ привязан дубочик, ну, палка, жарди́нка. Жураве́ц был. Данило.*

Ду́лька, ж. Плод грушевого дерева; груша. *Переездной.*

Дух, м. Тепло. *Аткрыва́иши духо́фку, штоп в эту хату дух шол. Пузево.*

Духови́тый, ая, ое. Душистый. *Духави́тая ана́, трава эта. Миролюбие.*

Души́лка, ж. Болезнь горла, признаком которой является удушье. *У нас тада души́лка хадíла кака́я-т, го́рла пўхла и памяра́ли, балéз'ня. Васильевка.*

Ды́мка, ж. Разновидность женского головного убора из лёгкой ткани. *Пузево.*

Ды́шло, ср. В парной запряжке толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки. *А если на быках, эт лашадя́, а на быках та́кая жэ а́рба, то́ка ды́шла зде́лана, дьрви́яная. Э́та ды́шла, к э́тай ды́шле приде́лана ярмо́. Махровка.*

Дю́же, нареч. Очень, весьма, сильно. *Ана́ (молоко) кипи́т' дю́жа. Патóм ана́ начинáит укипáт'. + Кислае малакó? Печ'ки были, тада́ тамíли. А тут пакипи́т' падю́жэ́й, да и квáсили. Махровка. Дю́жа нас ганя́ли. + Да ужáк с реч'ки. Гаваря́, ни кусáя. Дю́жэ́й си́гая, а эт свивáитца, энт пры́гая. Ана́ хто́ня. Данило. Э́та на нём, на дёргани́цэ, он цвятéт', и сэми́ч'ки там бува́ют', канапля́ныи сэми́ч'ки, их малóтют', и с сэми́чик ма́сла канапля́нае делали. Дю́жэ, гаваря́т', ана́ личе́бная. Переездной. Хадíла я у цэ́ркву, дю́жэ хадíла, а ця́е присту́пилис' ма́й ноги. + И уда́рилас' я дю́жа бо́лна. Пузево.*

Е

Его́рий, м. В религиозном представлении — святой Георгий Победоносец. *Ана́ работала да́яркай, и вот эт паго́да-т нача́ля́ся, ана́ фста́ла у́трам на дойку́-т ит'тí. Шал', ша́ли были бал'шы́йи, ана́ шал' эту на́кíнула и паши́ла. Он жэ*

вѣтир. Мы жь всягда́ закрыва́имси ат ветра. И ана́ закрыва́лас', закрыва́лас'. А сама́-т павѣртываи́ца. И ана́ ушла ф́ по́ле. И, ана́ гварі́т', замярза́ю. Сяду паси́жю́ и апя́т' бегаю. Ё́дит' старичѣ́к на ло́шади. Эт Ягѣ́рий ехал. Йи́гѣрий, святой Ягѣ́рий. Ана́ к нямю́ падбья́гаит' и гварі́т': дедушка, ваз'мі́, я замярза́ю. А он гварі́т': — А тибѣ́ ця́с найду́т'. Я тибѣ́, гварі́т', ни ваз'му́. И паѣ́хал. Пря́м старичѣ́к то́л'ка атйѣ́хал ат ней, и, гварі́т', и тра́хтар. Вот эт святой Ягѣ́рий. Памѣ́рзли тада́ мно́га. Миролю́бие.

Ен, *частица*. Употребляется для подчеркивания какого-л. члена предложения; это. *Ту́та сва́д'ба была, та́х-та бубу́кала, я хади́ла каза́ла, зде́лайти паті́шэ. А он та́х-та — у няво́ галава́ балѣ́ла, у де́да, — как мине́ бйю́т'. Ну трѣ́шки утишы́ти, ну што́ вы, гварю́. А ен гармо́шыч'кя́ заигра́е, у нас у до́чири бы́ла (свадьба). Пу́зево.*

Ё́нтот, *м.; ё́нта, ж.; ё́нто, ср.; ё́нти, мн.; указ. местоим.* Этот. *Я видала там в ё́нтай — как ана́ называ́лас'-та? — Пя́тая ця́с'т' (ну бы́ла, наве́рнае, раз'дилье́ние па ця́с'тя́м), а ё́та напраха́дмый дряму́чий лес. Танцы́рей. И ё́нту гру́пку сам делал. + Я у ё́н'тих шко́лах учи́лас'. Пу́зево.*

Ё́тот, *м.; ё́та, ж.; ё́то, ср.; ё́ти, мн.; указ. местоим.* То же, что е́нтот. *З'де́ся скрос' бы́ли дама́, кату́хи кры́ты салѣ́май, кры́шы салѣ́минные, а ё́ти пля́т'нёвые. Танцы́рей. о Махровка; Пу́зево.*

Ё́шка, *ж.* Теплая крестьянская одежда с воротником. *Ё́шка? Э́та фсе́ мо́да. Э́т с вара́тником шы́ли бал'шы́м, ни́жэ бядра́. Васи́льевка.*

Ё

Ё́лка, *ж.* Разновидность узора на пуховом платке. *Вяза́ли ра́зные узоры, а патѣ́м надаѣ́ла — адні́ зупці́ бы́ли. То бал'шы́е зупці́ бы́ли, то памѣ́не, а тут кубики, вот тако́ю шы́рино́ю. Патѣ́м ё́лку нач'нёш узор делат'. А то ла́пач'кими нач'нёш делат' узор. Васи́льевка.*

Ж

Жаві́ка, *ж.* Ежевика. *Ф́ Пя́тай ця́с'ти, па ал'ха́м, ана́ така́я харѣ́шая, пра́м ктѣ́з'нит' кака́я че́рная, та жа́ви́ка. Танцы́рей.*

Жáворонки, *мн.* Печенье, булочки (обычно в виде птичек), которые пекут в день Сорока мучеников (22 марта). *Жáваранки ис теста мама пяклá.* Пузево. □ **Жаворóнки.** *Сóраки, жаварóнаки пяклí, пше́нишная мука. Выряза́ли крылышки.* Пузево.

Жала́нница, *жс.* Женщина (девушка), жалеющая всех. Пузево.

ЖА́литься, *несов.* Жаловаться. *Муж был дурачёк, п'я́яница. Ана́ нам никагда́ ня жа́лилас'.* А щяс как нач'не́ жа́литца. Да се́рцэ разба́литца! Пузево.

Жа́лю́ка, *жс.* Растение крапива. *И либа́дú (ели), и жа́лю́ку. Жа́лю́ка — эт крапи́ва, а мы — жа́лю́ка.* Пузево.

Жарово́й, *ая, ое.* **Жарово́й утюг.** Утюг, внутрь которого накладывают для нагревания жар (угли). *Жараво́й утюх, драва́ми тапи́лися, приме́рна, углём. Ваз'ме́ш утюх, накладёш и гла́дши. Идэ́ там прага́рэл угалёк, идэ́ ни прага́рэл — дымком. А то я ви́дила сплашн́як (утюг), а эт как называ́итца — ня знаю.* Пузево.

Желудо́к, *м.* Желудь. *Ани́ там, жэ́лудки́, жоб́луди, ели в вайну́.* Махровка.

Жёрдо́чка, *жс.* Жёрдочка. *На жэ́рдач'ку, ани́ (куры) так и сидели на жэ́рдач'ке.* Миролюбие.

Жерё́лок, *м.* Воротник или ворот (у рубашки и т.п.). *Жарё́лак, тут фсе́ абраба́тана.* Пузево. || Яркая тканая или вышитая вставка на груди (от ворота вниз) рубахи, кофты и т.п. Пузево.

Жи́чка, *жс.* Рожь. *Пад Новы́й год: — Тох-тох-тараро́х, Заради́л Бох гаро́х, Жы́ч'ки, пше́нич'ки фся́кай. Сляза́й дет с пёчи, Зажыга́й свечи, Атка́рива́й сундучёк, Падава́й пита́чэ́к. Пита́ч'ка ма́ла, Атриза́й кусо́к сала.* Переездной.

Жо́пка, *жс.* 1. Тупая часть яйца. Большие Алабухи.

2. **Коро́вья жо́пка.** Гриб масленок. Васильевка.

Жо́пки, *мн.* Детская игра. *В де́цтве играли, мошт, зна́йте, такая́ игра была́ жо́пки. И вот он фсю́ даро́гу, дава́йте игра́т' в жо́пки, жо́пки, так иво́ и призва́ли Жо́па.* Павловка.

Журавѐц, м. Длинный шест, служащий рычагом при подъеме воды; журавль. *У нас там и щяс ес'т' калѡдец с журафкѡм. На сталбѹ, апускаѡтца такой, цѣпи. Журавѐц. Он кверху падымаѡтца. Махровка. Были каладязя, называѡтца Тѹжсыкавы. Энти — Сирпачѡф, энт Тѹжсыкаф калѡдис', такийи, калѡдис'. Тады пайли карѡф, руками таскали. Тады был столп, на сталбѹ привязан дубѡчик, ну, палка, жардѡнка. Журавѐц был. Явѡ вядрѡ привязжут', и чирпайи руками, пачѡрпниши, руками вынайи. Данило.*

3

Забалакаты, сов., *неперех.* Начать говорить; заговорить. *Забалакали про Тат'йяну. Пузево.*

Забираты, несов., *перех.* То же, что брать (во 2-ом знач.). *На скатирти узоры забирали, прям на станѹ. Пузево.*

Заварѡха, ж. Сумятица, беспорядок; заваруха. *С Талина привѡс, а патѡм энта какая-т заварѡха, а он аттѡда падался. Пузево.*

Завистной, ая, ѡе. Сильно увлекающийся, азартный. *Мы зависные были, ф карты играли, ахѡчие. Махровка.*

Заводить, несов., *перех.* Приготовливать, наводить (тесто). *Пякѹ и щяс блины и блинцы. Тѡста на драж'жсях, заводши иѡ, а патѡм анѡ патхѡдит', кипятокѡм заливаю ил' малакѡм, а кадѡ пѡсная — то кипяченѡй вадѡй. И блинцы так. Махровка.*

Завтри, нареч. Завтра. *И патѡм вазѡли аттѹда, с Ми-двѡжйива, такая глина, какѡя-та белѡя — папилѹха, трах-тарам эту папилѹху вазѡли и лашад'ми глину мясѡли, и патѡм сабирали фсех людеѡ: — Прихадѡйте завтри хату мазат'. Переездной.*

Загнѡтка, ж. Шесток в русской печи. *Утѡта загнѡтка. Переездной. Эта была ни пѡч'кѡ, а зѡлата. Эта загнѡтка назывѡлас', где чюгуны ставили — здес' пхали, а тутѡ — падзагнѡтка, а там — патпѡч'кѡ была. Данило. о Махровка; Васильевка; Пузево.*

Зѡгорѡдка, ж. То же, что ларь. *А зирнѡ хранили сѡрит' пѡля, были такѡ. Ну а дѡма, кашѡлки пляли, ис плят'ня,*

абма́зывали. Каши́лка. Лари́ диривя́нны делали, за́гаратки, ани́ и щяс ес'т'. А то были кашо́лки. И туды́ съпали. Данило.

Задава́ть, *несов., перех.* Обдавать кипятком. *Ва́лилки валя́ли, у них станки́ были, запáривали шэрс'т', патом иё́ кипятко́м задава́ли, штоп а́на скрипя́лас'. Патом́ руками иё́ валя́ли да тех пор, пака́ пофс'т' будит, палатно́ будит. Большие Алабухи. Семя́ была́, иё́ талжми́, патом́ иё́ прасе́ют', так иё́ талжу́т', щё а́на зде́лаитца как от э́смых. Тада́ йиво́ разво́дют' э́та. Свяклу́, буря́к, свяклу́ ва́рят' слáткаю, и этим́ кипятко́м задаю́т'. Э́ти пышки пакуна́ют' в э́та и ф печ'. Варварино.*

Задаву́чий, ая, ее. Заносчивый, мнящий о себе, высокомерный. *Мы ни задаву́чие. Махровка.*

Задё́лывать, *несов., перех.* Заливать (кипятком). *Кула́гу делали, кислата́, ну, я́блаки, а патом́ отвар ат свёклы ат са́харнай, и миша́ли, кипитко́м эт фсе́ задё́лывали, и миша́ли туда́ муку. Большие Алабухи.*

За́дник, м. Настил из досок между кроватью и стеной, где спали. *Пала́ти, за́д'ник, жыли мы, их три бра́та жыли, ате́ц мой и два бра́та. В адно́й ко́мнати, эт вас'мири́к называ́лси — во́сим' на во́сим', эт их три бра́та, вот он э́тава бра́та, и ади́на́рка. Вот их три ко́йки. Вот так приме́рна ко́йка, там за́д'ник — ищё́ даска́ми настилё́на, спат'-та. И к паталку́ па́двешыны́ пала́ти. Махровка.*

За́дорга, ж. Брус, доска по краю, ребру боковой стенки русской печи, за которые держатся, когда влезают на печь или слезают с неё. Васильевка.

За́ймище, ср. Низменное место, заливаемое водой. Пески.

За́йти́, *сов., неперех.* Начаться (о временах года). *Вясна́ зайдё́. Данило.*

Замáхиваться, *несов.* Закидываться (о полах одежды); запахиваться. *Карата́й — адё́жа ис сукна, а тут делали харбары́, харбо́рки делали, скла́тки вот так вот. Кто делал каро́ткии, а што делал дли́ные, замáхавался и на кроч'ка́х. Васильевка.*

Замётка, ж. Небольшой рубец. *Ана личила фсе залатужу, черви. Прияжжэаит' адін, у нивó — он хаділ, как гусак. У нявó такіе вот — гно́йные чярвя. Он гврит, где то́л'ка не был. И ана изличила сирямóй. Сирямá — эт така́я. Ана сказала, тако́ва приедеш, мы пасмо́трим, если што — я ищэ дабáвлю. Он как гусак, фсэ што ес'т' шэйнае, фсэ да ух. Вот такіе стрáс'ти! Он прияжжэаит', а там замéтач'ки аста́лис' — и фсэ.* Махровка.

Замкнۇть, сов., перех. Закрýть (на замок). *А жы́ли, а там мы фсягдá астанáвливалис' в э́там дбми, ка́да на базар ехали. И вот я иду, сама сибé пря́м ня помню. Шла, вот дом ста́йт', дупкí, я села на эти дупкí. А тут, где мы астанáвливаимси, хазя́йкя ушла, замкнۇла.* Данило.

Замóк, м. В строительстве — деревянная вырубка, при помощи которой соединяются между собой бревна каждого из стропил. *Страпíлы, две страпíлы ста́вют', а туда перяго́ны, э́та така́е, черес вес' паталóк — шырина́ дбма. Прару́бют' иё, куда страпíла, и са фтарóй старанí. И ввархú, их две, вот так ста́вют', их сайидиняют', две, замкí. И ни ста́вю-тца на страпíлы. Мб́жна три страпíлы, мб́жна чыты́ри, мб́жна пят'.* Махровка.

Зáмужня. Замужняя. *А како́шник — эт унэ́ зáмужнии адяв́ли. Кíч'ка — прб́ста аддёл'ный убор.* Пузево.

Занóза, ж. Боковая вертикальная деревянная или железная планка у ярма, придерживающая шею быка между верхним и нижним брусом. *А если на быках, эт лашадя́, а на быках така́я жэ́ árба, то́ка ды́шла зделана, деривя́ная. Э́та ды́шла, к э́тай ды́шле приделана ярмó. Ярмó, знáч', при-дёлывалас': знач', кал'цó и занóза така́я. Занóза назывáйт-ца ана. Вот так фты́каиш, а патóм идёт' ярмó. Если два быкá запряга́иш, знáчит, ана з двух старóн, ярмó зделана. Если адін, знáчит', на аднавó ярмó эт зделана. Как хаму́т. Патóм падайдёш: цоп-цабэ́, на мéста. Ярмó рас яму́ на шэю, и занóску, жылэ́зную. И паéхал.* Махровка. *У валá была́ ярмó, вот така́я диривя́ная. Надяв́иш, тут заты́каиш, занóзы*

были. + На быках была такая диривяная ярмо, такие звалис' жыльэзными, палач'ки там, занозы называлис'.

Занозка, ж. Уменьш.-ласк. к Заноза. Махровка.

Запивать, несов., неперех. Пьянствовать, пить. Дет Ваня запивал харашо, а баб Маня балела. Большие Алабухи.

Запор, м. Запруженное, перегороженное место в реке, где ловят рыбу. Богана.

Запускать, несов., перех. Добавлять закваску, дрожжи. Блины станавили, апару делали. Патом в эту апару запускали дрожжы. И играе апара, ноч', а на утра становют' блины: падмешивают' муку, шоб никрутые. Пузево.

Зародых, м. Зародыш. А эт адна гусыня бегаит'. Скол'ки снясе яиц, скол'ки снясе и какии яйцы. А то ес'т' эти — биз зародыхаф. Пузево.

Зарощий, ая, ее. Заросший. Патом кон'чилас' вайна. Гарот стали сажат'. А поле была фсе зарощие бур'ийнам, и волки хадили. Переездной.

Заря, ж. Растение любисток. Ну заря — эт цвяты, ес'т' такие. На Троицу у нас ие. Развоят' ие, сажают'. И ана, гварят', ат ангины харошая. Асобина у цэркви, ие приносют', ана пахне. А тады бярут', какая-т малитва, ат ангины, кипятят' и п'ют'. + Зорю клали ф шыхванер, ни будя моли. Ие навесит', ни будя моли. Пузево.

Заскакувать, несов., неперех. Заходить, забегать куда-л., к кому-л. Ана бяжыт' и заскакуе ф хату: — Тет' Ман', да што ты? Ана гварит': — Вера, чяво я ныни ва сне видила! Пузево.

Заслонка, ж. Приспособление, закрывающее топку печи. Махровка; Пузево.

Затереть, сов., перех. Добавить муку при приготовлении кваса, чтобы жидкость стала более крутой. Махровка.

Затирать, несов., перех. Добавлять муку при приготовлении кваса, делая жидкость более крутой. Ран'ишэ ели кашу, квасы, калину. Калину делали: тэсту и ф паче. Русские пачя были. Там эта тамитца. Как цяс квас затираем. И квас

так жэ: тэста, кипяток нагрываши, шоп кипела вада, мука ржаная. Сахарку дабавляши в эту пасуду. Кипятком мяшаш, мяшаш — и ф печ' рўскую. + Эт квас он тижоблыи очен'. А щяс квас дэлаем ис хлеба. Анадьс' приехал Вобфа, привёз накваски, я тут жэ начялэ затират', эт затёрла, ўтрам фстали — квас гатобф. Махровка.

Затон. Часть рукава реки. Када вначяле вверх па тичэню, кагда начинаетца силэ Пэски, мэтраф за тріста, вот, ес'т' такоэ мэста, называетца затон. Эта чяс'т' рукава Хапра ана. Правый берих йивоб сил'на зароб лэсам, там в аснавном люди занимаютца рїбнай ловлей. Ва врэмя, ну, палавоб'йя вот там вада фсигда бываит чїстая, и рыба збиваетца там для икрамитэния. Пэски.

Захворать, сов., *неперех.* Заболеть. Муш захварал, шэс'т' гадобф хварал. Пузево.

Захлестнуть, сов., *перех.* Замучить тяжелой работой; погубить. У мамы была шиб две, адна с собрак шастоба года, адна с писят фтарова, две дэвач'ки. Ей нял'зя была са мной в лес ехат'. Я адна ез'дила. А чявб я привязу? Я скоб'кья адна привалаку? Бывалачи, приду: — Мам, да ты тапї грўпку два рэза. Ана закричит': — Да мая детка, да што я буду тапїт'? Што тябя захласят'? Пузево.

Заяц, м. Кролик. Два близниця радилбс', зайцы. Дед назвал их асинчюки. Мы завём их типер' так, асинчюки. Богана.

Здэся, нареч. Здесь. З'дэся скрос' были дама, катухї крыты салобмай, крышы салобминые, а эти плят'нёвые. Танцырей.

Зеленушки, мн. Грибы со шляпкой зеленовато-оливкового цвета. Васильевка.

Зелёнка, ж., *собир.* То же, что зелёные. Тагда были и красные, и бёлые, и зилёнка ваявали. Танцырей.

Зелёные, мн. Нерегулярные крестьянские и казачьи вооруженные формирования, противостоявшие большевикам, белогвардейцам в годы Гражданской войны (на территории Воронежского и Тамбовского края), скрывавшиеся в лесах.

Каршунóфка, эта анá распалóжана ф са́мам канцэ ишла Нíжнева Карачя́на, то́жса óкала леса, но в другой старанé. И тагда́ ищэ гаварíл нам дедушка, што ф Каршунéфке, там эта, пряталис' вот эти вот банды зилёных, ищэ там, а их звали ко́ршунами. Вот ат этава, навёрна, эта ме́ста так и назывáетца Каршунóфка. Там такíе нары́ты эти, ну, ямы, ну, как анí назывáютца у нас, па-сёл'ски, канавы, очен' мно́га. Нижний Карачан.

Земéлечка, ж. Ласк. Земля. Пузево. Δ **Земéлечку родных погла́дить**. Посетить могилы родных. *Сястра́ атца́, была кула́чиная и нашла нас. Прислала пис'мо́, как хо́читца на радну́ю землю, а на кла́дбишшу пайти́, зямéлич'кю радных пагла́дит'.* Пузево.

Зёмье, ср. Нижняя часть чего-л.; низ. Люл'ки были, к паталкú закру́чивали како́й-та э́тат, у ку́з'ни делали, люл'кя́ эта вот так изде́лана, дастóч'ки, ис-пат зём'йя патшы́та тряпка, а тут эта, с канапе́й вирёфка. Данило.

Зима́, ж. **В зимé**. Зимой. *Зна́ши, што абувáли? Бол'шэ бегали баякóм, нéчива бы́ла абувáт'.* А в зимé, у нас были авéч'ки, атéц нам ва́лилки валя́л. А если ф школу ни хадíли, на пячэ сидели. Данило.

Зимовáться, несов. Проводить где-л. зиму; зимовать. *Я зимой́ зимую́ся у сястры́, на том паря́тке. А вясно́й пріяжэ́яю дамóй.* Пузево.

Злато́уст, м. Растение золотой ус. Васильевка.

Зна́тный, ая, ое. **Зна́тный с кем-л.** Состоящий в знакомстве с кем-л.; знакомый с кем-л. *Анí зна́тные с ним, трахтарі́стам.* Пузево.

Золоту́ха, ж. Детское заболевание, сопровождающееся сыпью. *Ана́ личі́ла фсе залату́хи, черві́.* Махровка.

Зуб, м. ~ **Зуб за зуб**. В разногласии, ссоре, вражде. *А типéр' другáя (жена), а жыву́т нясла́дна, зуб за зуб.* Пузево.

Зубцы́, мн. Узор по краю пухового платка (в виде треугольного выступа). *Козы были в вайну́, у нас была́ даёнка, а патóм мы такі́и купили. Вязáли разны́и узоры, а патóм*

надаёла — адні зупцы былі. То бал'шыі зупцы былі, то памёне, а тут кўбикі, вот такую шырынёю. Васильевка.

И

Ива́н, м. **Иван Купа́ла**. В православном народном календаре — праздник Ивана Купала (7 июля). *Иван Купала, вадой палива́лис', хаді́ли из двора́ на двор. Если то́л'ка ни запёрта, приходи́м в дом, што ес'т' — фсех пал'йю́т. Па фсей дирэвни хаді́ли. Тут у нас калодизи были, идут с ве́драми, палива́ют' фсех.* Махровка. *Иван Купа́лу мы ни атмичя́ли ф Пу́зиви. А тут в Дани́ли свет кане́ц: аблива́ютца вадой.* Данило.

Игра́ть, несов., перех. и неперех. 1. *Перех.* Петь (песни). Пузево; Гороховка. **Δ** **Игра́ть песни.** *Ана́ ни игра́е пёс'ни. + Пёс'ни игра́ют' стари́ные. + Фсягда́ на сва́д'бах игра́ют' пёс'ни.* Пузево. о Гороховка; Россошь.

2. *Неперех.* Находиться в брожении, бродить (о браге, опаре и т.п.). *А хлеп патом разма́чиваиш, хлеп мы пяклі ужэ ни ржаной, а из бёлай муки, бёлаю муку делали, размо́чиш, працо́диш. А тэста, нямно́жыч'ка кипятком заво́риш ие, и туда дро́жжы. И ани́ начина́ют' игра́т'. Вэчирам ишо́ нимно́жыч'ка мучи́цы. А ўтрам фстава́лиш, мэсиш. А патом на сталé яво́ валя́иш у муке. Па пят' буха́нак пяклá. Переездной. Блины станава́ли, апáру делали. Патом в эту апáру запуска́ли дро́жжы. И игра́е апáра, ноч', а на ўтра стано́вю́т' блины: па́дмешываю́т' муку, шоб никру́тые. И начина́я патхади́т', памяши́я, нача́ня́я печ'. Апáра па́кру́че блино́ф, ана́ патом, игра́ют' дро́жжы, ана́ де́лаитца жы́дкая.* Пузево.

Игру́чий, ая, ее. Такой, который любит петь. *Игру́чая, плясу́чая? И бу́диш выступат'.* Пузево.

Иде́, местоим. нареч. Где. *А патом вот ищэ авра́х, эта Гарадно́й, Гарадно́й называли, эт иде́ Скабе́лафка. Аб нём гаваря́т, што Гарадно́й буяра́к, авра́х. Верхний Карачан. Ана́ иде́ ўчитца? Данило. И ни знают', иде́ де́лися. + Эту крава́т' вяза́т', паста́вю́т' на падво́ду и налёпю́тца круго́м. Иде́ ани́ там де́ржютца? + С улицы приходи́ют'*

(внуки) и никаво́ нас ни биспако́ют', шмыг туда, иде вы. Пузевое. о Богана.

Изба́, ж. Крестьянский дом. В адно́й избе́ на пят' сямей́ амишья́лис'. Махровка. Троща́, трощи́кая трава́, зилёная, красный кле́вир, ани́ такие́ шышыч'ки, эт́ прям нас'тёлим. А тут в избе́ у нас калёчина. Махровка.

Избёнка, ж. Небольшая изба. Избёнка у нас была́, амбар считай. Махровка.

Изва́р, м. Сладкое жидкое кушанье из сушеных фруктов и ягод, сваренных в воде, компот как поминальный напиток. Ра́н'ше́ гато́вили на по́минки, бо́риц вари́ли, па́том картош-ку там, ла́пшу и — называли — изва́р, ка́мпот щя́с, изва́р. Переездной.

Ико́на, ж. *Лету́чая икона*. Полотнище с изображением Христа, святых и т.п., укрепленное на длинном древке, которое носят при крестных ходах, церковных шествиях; хоругвь. Ляту́чие иконы, эт́ на пра́з'ник, мущи́ны, ряб́ята, тада́ иконы падыма́ют' и хо́дут' ва́крух цэ́ркви. Пузевое.

Икрометёние, ср. Метание икры; нерест. Э́та чя́с'т' рукава́ Хапра́ а́на. Пра́вый бе́рих йиво́ сёл'на зарос ле́сам, там в асавно́м лю́ди занима́ютца ры́бной ло́влей. Ва вре́мя, ну, палаво́д'йя вот там вада́ фсигда́ быва́ит чи́стая, и рыба́ збива́етца там для икрамитё́ния. Пески.

Иска́ть, несов., *перех.* В свадебном обряде. В сочетаниях. **Δ Иска́ть невесту**. На второй день свадьбы разыгрывать поиски спрятанной невесты в доме жениха (о ряженных родственниках и знакомых невесты).— *Пришли́ и йишут, ие́ (невесту) прибра́ли, наи́ли, а тады́, на́йдут' нявэ́сту — фсе́, вот а́на.— А ну што́ такое, сор у ха́ти? Дава́йти венки́, а ну щя́с, бяри́, жанй́х, пады́та́й. А тут тады́ сы́плют' де́н'ги, кида́ют' и ме́лач', што́ ка́кая ня жа́дная, и бума́шки. А да́л'ше́ сели, у́жэ ста́лы гато́вые, настана́вили, сели́ ку́шат'. Пузевое. Δ Иска́ть козу. То же, что искать невесту. *На фтаро́й де́н' сва́д'бы йи́щот казу́: иду́т са ста́раны́ нявэ́сты цыга́ни. Кагда́ на́йдут казу́, их уга́щя́ют за их набо́тку, да́ют вы́пит' и закусй́т'. Пески.**

Иссéчь, сов., *перех.* Избить, исхлестать (плетью, ремнем и т.п.). *Ис'сякú римнём.* Махровка.

Истопítься, сов. Варясь на медленном огне, на пару, дойти до готовности (о молоке). *И малач'кё пастáвиш, анá там истопитца, крáсная пéнач'кя.* Данило.

Итítь, несов., *неперех.* Идти. *Куда итít'?* Склíска. Миролюбие. *Итít', да кабы хто падвёс. + Будут люди итít'.* Пузево.

К

Кáжный, ая, ое. Каждый. *Эта от щяс были калхóзы и прóчие, а ф то время жыли ин'дивидуáл'на, у кáжнава, ф кáжнам дварé была свая лóшат'.* Танцырей.

Казáн, м. Большой котел, глубокое блюдо для приготовления пищи. *Ес't' такая утятница, кастрюля бал'шáя, вáрют'. Варили ф казанé. Мáлен'кий рóстам и туч'ный Казáн, галавáстый, мáлен'кий, нíский, пузáтый.* Есипово. о Васильевка.

Казанóк, м. Небольшой казан; котелок. *Патóм делали гричяны кулаки. Делали их на квасу, мишáли. Такии анí вот бал'шыи, ну и клёпушками делали их. Варили их, свáрют' их, а патóм называли их казанки, ну катялóч'ки, такии крúглыи, вот, кладúт', и в мáсли. И в мáсли станóвют' в бóл'ный дух.* Васильевка.

Казáть, несов., *перех.* Говорить; рассказывать. *Читыри клáса кóн'чила у Сухóм Данíли. Патóм мне пахвáл'ную грáмату дали. Патóм училас' у Пузиви. Я прáвил'на кажсú? + Я табé так пагадаю. Да как начялá мне казáт', тóч'на расказáла, какая у мянэ хвор', какая у мянэ бядá. Анá мне фсё аб'йисни́ла и сказала: — Фсё бúдя харашóб. Данило. Тúта свáд'ба была, тах-та бубúкала, я хадíла казáла, здéлайти патíшэ.* Пузево.

Казик, м. Высушенный навоз, используемый в качестве топлива; кизяк. *Мы казики делали. Вот такие вот станки, в нём три этих, вот так вот две папирéч'ки, выхóдит' три казика. Навóз вот за дин' сабирайим, сабирайи, патóм вяснóй явó раскидывайим так вот, как глину, вадóй уливайим,*

лошат' яво мнёт', патом вот таким станком, кто чяшкой бал'шой, прям уб'йёш, уб'йёш и так вот пириварачивали, и он высахнит', казык. Миролюбие.

Казя́к, м. То же, что казык. *Казяки делали, казяками тапили. Если проста так топиш, десят' казякоф, хлеп — двинат' казякоф. Переездной.*

Калáчки, мн. Растение просвирник обыкновенный. *У нас называли калачики. Мы тады вот эти ели, абдирали и ели. Прянишник ищё называют' яво. Васильевка.*

Каленко́рик, м. Кленовый лист. *Калянокорик — эт клянóвый лист. Пузево.*

Калéчина, ж. Срубленные небольшие деревья, ветви с листьями, которыми украшают жилище и двор на праздник Троицы. *Троица, трóицкая трава, зилёная, красный кле́вир, ани такии шышыч'ки, эт прям нас'тёллим. А тут в избé у нас калéчина. Эт в лясú. Клён. Налама́им, и в избé, и на варóтах. Калéчина назывáйтца. И травы виз'дэ, и на парóги. Ёз'дили за калéчиной. Махровка.*

Кали́ка, ж. Калека. *Пётр и Иван (апостол), я читала, шли у цэркву, а кали́ка сидит', и знач', уцыгался на них и глядит' Пузево.*

Кали́на, ж. Кушанье из теста с ягодами калины, паренного в печи. *Ран'шэ ели кашу, квасы, кали́ну. Кали́ну делали: тэсту и ф пачé. Ру́ские пачя́ бы́ли. Там эта тамитца. Как щяс квас затира́ем. И кали́ну так: ана утамитца. Ана слáткая, тэста слáткая така́я-т. Фсё ф пичя́х. + Мат' делала кали́ну. Эта ну́жна кали́ну. Ана и тэста тах-та делали. Иё кыпятíли, кыпятко́м залява́ли аржаню́ муку. Ана паста-йт', де́лайтца слáткая. А патом иё квáсили, туды дабавля́ли ил' я́блак сушо́ных, ил' кали́ну. И ф пéч'ки ана па́рилас'. Ана назывáлас' кали́на. Махровка. И кула́гу делали, у нас называли кали́на. Муку аржаню́ замéсют', тада сахар ни сы́пали, тада ваз'му́т' иё кыпятком и на печ' пастáвют', ана де́лайтца слáткая. Тада у́трам станóвят кыпятит' иё. Фскипит', патом я́блаки туда, кали́ну, грушу. И вот и ели. У нас называли кали́на. А у них па-тахлáч'йиму квáша. Васильевка.*

Ка́менный, ая, ое. *Ка́менная доро́га*. См. Дорога.

Кандыба́ть, *несов., неперех.* Ковылять, хромать. *С тех пор кандыба́ю, с па́лач'кай хажу́*. Пузево.

Карава́н, м. Большая буханка ржаного или пшеничного хлеба; каравай. *И вот мы пикли́ на калхо́зы хле́бы, на сем', на во́сим' карава́наф вот таки́х*. Большие Алабухи.

Карапе́т, м. Народный танец. *Танцы у нас были: и по́лич'ка, и карапе́т, и нага́ми, рас туды́ нага́ми, рас туды́ нага́ми. Там не́скал'ка кале́н. Дво́е. А по́л'ка — трбе́, фтраём по́л'ку*. Махровка.

Карпе́тки, мн. Короткие чулки; носки. *Карпе́тки — да эт наски́*. Васильевка.

Каса́тка, ж. Птица ласточка; стриж. Махровка.

Ката́ть, *несов., перех.* Скатывать пасхальные яйца с небольшой горки (обычно из песка) с целью получить яйца других игроков. *Цэ́рка служы́лас', у цэ́ркву хаді́ли. Па́ски пякли́. Тада́ беднас'т' была́ стра́шная. Счы́яс фсе кра́сют' (яйца) лу́кам. Сво́рют' (яйца) — ані́ жо́лтин'ки. Ката́ли. Щяс вот ни игра́ют'. А то ката́ли, игра́ли. С го́рач'ки, там тада́ ляжа́т', какое уда́ре — эт вы́играл*. Данило.

Ка́ша, ж. Сваренное на воде или молоке кушанье из крупы. Δ *Моло́шная ка́ша*. Пшенная каша, сваренная на молоке. *Ели жо́луди, либяду́ ёли. Пы́шки из либиды́ пикли́, лиш бы ни умире́т', раку́шки жарили, кашу мало́шную, пибо́нную*. Махровка. Δ *Сливна́я каша*. Каша из пшена, из которой слита жидкость. *Кашу сливну́ю вари́ли. Эт сал'йём кашу, ф по́ли. Паё́дим на пакос́, такой чюгу́н, ис пиэ́на*. Махровка.

Квас, м. 1. Кисловатый напиток, приготовляемый на воде из ржаного хлеба или из ржаной муки с солодом. *Ра́н'ше ели кашу, квасы́, кали́ну. Кали́ну дела́ли: те́сту и ф пяче́. Ру́ские пячя́ бы́ли. Там э́та тамі́тца. Как щяс квас за-тира́ем. И квас так же́: те́ста, кипято́к нагрыва́ши, шоп кипёла вада́, му́ка ржа́ная. Сахарку да́бавля́ши в эту пасу́ду. Кипятко́м мяша́ши, мяша́ши — и ф печ' ру́скую. Там а́на утамі́тца вся те́ста. А на́кваску у́же́ па́дбива́ши. На́кваска*

падайдёт', тэста астыла — и ф печ'. Накваска падашла, вады ужэ нагрэла, и вадбй заливаши, и он тада кипит'. Тада пагрэба, я прям па пят' ведер. Махровка. ■ **Квасы́**, мн. Квасы́ делали. Аржаная мука́ была́ спица́л'на, заваривали иё вара́м, пабо́м ана́ астыва́ит', заква́шываим иё наква́скай кй́слай, ис како́й хле́п пяку́т'. Этай наква́скай наква́шываит', ды пабо́м ана́ наква́ситца, прям на́ нач' зде́лаим, у́трам фстаёш — налива́им вадбй иё, налива́им и апуска́им ф по́грип. Ф пасле́д'нее вре́мя э́ти квасы́ аташлй, мы са́ми ста́рые ста́ли. Э́т квас он тижо́блый очен'. А ця́с квас де́лаем ис хлеба́. Анады́с' прие́хал Во́фка, привёз наква́ски, я тут жэ нача́ля затира́т', э́т зате́рла, у́трам фста́ли — квас гато́ф. Махровка.

2. Холодное кушанье из кваса с мелко нарезанными яйцами, картофелем, огурцом, луком и зеленью; окрошка. *Окрошку у нас называ́ют' холо́дный борщ. Мясо ни всигда́. Яйца, картошка, огурец, лук. Вот э́то и холо́дный борщ. Ну окрошка. Ну смита́на ш. А тут (в Пузеве) называли квас. Пузево.*

3. В кожевенном производстве — раствор муки с солью, используемый при выделке овчины. *Тулуп: бал'шыё чяны́ были деривя́ные, кожа́, аве́ц ре́зали, тья́т ре́зали, вот яму́, чибабан́ был, аддава́ли, он их ду́бам там. Ф чян кладёт', дубит'. Дуб — э́т кара́ дубо́вая, ана́ как лама́йтца. А пабо́м ф квас, муч'но́й тако́й де́лают раство́р. Кожэ́ палу́чяйтца. Махровка.*

Квасцы́, мн. Раствор с ржаной мукой, используемый при изготовлении валенок. *Делали бал'шо́й ва́ленак, сна́чя́ла загато́фку. Квасцы́ — раство́р делали, муку даба́вля́ли, мука то́ка ржаная́. Э́т квасцы́. Э́т анó там кй́снит. Катёл з гаря́чей вадбй, акуна́ют' туда́. Калот́ки спица́л'на были. Махровка.*

Кво́чка, ж. Наседка; клуша. Большие Алабухи.

Кисели́ца, ж. Разновидность густого супа с крошеным ржаным хлебом и солёными огурцами. *Кисели́цу де́лали. Кисли́ца так во́ритца, про́ста вада́, в э́ту воду чй́цю карто́шчы́'ку, как на суп, закла́даим, ско́л'ка там пашанца́ сы́плю, хлеба́ ржанова́ априза́ю и туды́ крашу́, пасалю́*

и станóвым на эта, борит'. И кагда боритца, там картóшки, фсе ана перявáриваитца. Ды пóснава мáсла туды, патсóлнич'нае, и фсе. Ну, фкúсна очен'. И агурыцы салёные. Махровка.

Кисли́ца, ж. То же, что киселица. Махровка.

Кичка, ж. 1. Головной убор замужней женщины. Были кич'ки какié-т и клиёнки, мы ни застáли, мы ни насíли. Прóста наряжáлись, кагда хтой-т схóче, такййи улицы были, туда-суда хадíли. + Кич'ка зделана как, высту-плён'йя утáк и назадí там тóжэ лёнтай — как назывáйтца? — ничинкай там. Там фсякая шлёнка. Назадí висéла, сюда цаплялас'... Кич'ка — прóста аддёл'ный убор. Зáди кич'ки адявáйтца платбчик. Тóжэ ленты, бисир, и фсе. Падзатыл'ник. На канцú ленты пришыта эта ничинка. + А тут (в Пузеве) пёрво, как выхóдит' зáмуш, надивáит' кич'ку. И обязáтил'но, шоб корову выгоняла, шоб она у кич'ке. Эт каждый ден'. А на прáz'ник надивáют' бусы, панёву и хвартук. Пузеве.

2. Надклювье гуся — роговое покрытие с приплюснуто-стью. У гусыни ровная, а у гасака кич'кя на галавэ. Вот йих и атличяли. Пузеве.

Кладёный, ая, ое. **Кладёная печь**. Печь, сложенная из кирпича. Пузеве.

Клеёнка, ж. Разновидность женского головного убора. Наряжáлис' в какóшник, какóй-т он, зделан. Щяс какóй-т вяно́чик, цвятб́чик, а тады какóшник. Надявáйтца, а тады палукрúгам, а кляёнка прóста, тут нёту ничявó, пустая. + А клиёнка — эта тóжэ так жэ завы́шэние, но дна нету. Тут раскра́шэно фсе. Клиёнку адивáют' низáмужнии. А какóшник — эт ужэ зáмужнии адявáli. Пузеве.

Клёпка, ж. Ребенок (о девочке). У миня старшая систра́, я-то ищё клёпка была. Большие Алабухи.

Клёсцы, мн. Кусочки теста, сваренные в кипящем бульоне, молоке и т.п. Я вот клёсцы щяс ваз'мú, ну тада гричя́нны были, а щяс-та такйи вот. Я ваз'мú прастаквáшки нямно́шка, яич'ка разаб'йно́ и ваз'мú намяшáю, клёсцы парéжу мёлин'кими, запра́влю и ели. Васильевка.

Клин, м. Изгиб реки. *Алёнкин клин называ́йтца патаму́ шта там были муж э жыно́й, вот, и иё звали Алёнка, и назвали ме́ста Алёнкин клин. А клино́к — у няво́ форма кли́нам снача́ла так, клин. Танцырей.*

Клино́к, м. Уменьш.-ласк. к Клин. *Клино́к — изги́п здес' рики́. Танцырей.*

Кло́читься, несов. Ругаться, браниться. Пузево.

Кляп, м. ~ **Кляп с кем-л.** Пусть будет так, ладно, можно оставить без внимания. *Ушо́л (муж), да и кляп с табо́й! Пузево.*

Кобёл, м. 1. Обычно мн. Сырая кочка, бугорок на низком пойменном месте, обросшие растительностью. *Ес'т' ищё́ озира Каблы́. Существу́ют два мнэ́ния на ваз'никнаве́ние наими́нава́ния. Пе́рвае из них, э́та спи́лненные ве́тла приме́рна на высате́ двух ме́траф, по́расл' катóрых испо́л'зуетца для плитэ́ния карзин. И фтаро́я: ка́блами называ́ют ко́чки в о́зире, на катóрых расту́т ол'хи. Пески.*

2. Пень от спиленного дерева (обычно обросший порослью). Пески.

Козырну́ться, несов. **Козырну́ться на кого-л.** Исползовать в речи неприличную, матерную брань по отношению к кому-л. *Сястра́, скажу каки́е (достать старые полотенца), а́на ко́зыр' запу́с'тя. Козы́рне́тца на мине́. Пузево.*

Кóзырь, м. ~ **Кóзырь запу́стить.** Выругаться матерно. *Сястра́, скажу каки́е (достать старые полотенца), а́на ко́зыр' запу́с'тя. Козы́рне́тца на мине́. Пузево.*

Кокóшник, м. Головной убор замужней женщины. *Вот выхо́дя замуи́ э́сн'щина, и у како́шнике, рубáха. Переездной. Наряжа́лис' в како́шник, како́й-т он, зде́лан. Щяс како́й-т вяно́чик, цвято́чик, а тады́ како́шник. Надява́йтца, а тады́ палу́крóгам, а кляёнка прóста, тут нету́ ничяво́, пу́стяя. + А како́шник — эт, так вот вы́сокай како́шник увес'. Вес' крýтый, а туда, к заты́лку, чю́т' пла́шмя, но фсе́ равно вы́сокий. А клиё́нка — э́та то́жэ так э́сэ завы́шэние, но дна нету. Тут раскра́шэно фсе́. Клиё́нку адыва́ют' низа́мужнии. А како́шник — эт у́жэ за́мужнии адыва́ли. Пузево.*

Кóло, предлог с род. п. Возле, вблизи кого-л., чего-л.; около. *Белая крjúча — эта пясóк, а пясóк такой, што белый. Тут жэ была кóла йих нибал'шáя, как óзира.* Махровка.

Колóда, ж. Деревянный сосуд для рубки капусты. *Калóда — в ней капусту рубили лапáтай. Адрязáют' нос — шоп рубит'.* Махровка.

Колóдезь, м. Колодец. *Па фсеи дирéвни хадíли. Тут у нас калóдизи были, идут с вёдрами, паливáют' фсех.* Махровка. *Калóдис'.* *Тады пайли карóф, руками таскали. Тады был столп, на сталбú привязан дубóчик, ну, палка, жардiнka. Журавéц был. Явó вядрó привязжут', и чирпáиш руками, пачёрпниш, руками вынáиш. + Либó какой щюп был у них, ну, воду (родник), цяс каладизя, он пакáзывая. Как анí панимáли, што здес' ес'т' вадá? Щяс фсё пазабрóсили.* Данило. *Была сим'яя Вóстрикавых, у них был калóдис'. Анí людя́м вады ни дава́ли, были фсе сапуна́ми надúтые. Пески. И калóдис' ес'т'.* Переездной. о Пузево.

Колóдка, ж. 1. Одна из двух деталей-основ хомута. *Калóтки: хамúт з двух калóдак.* Махровка.

2. Кусок дерева, вырезанный в форме ступни, используемый при изготовлении валенок. *Катёл з гаря́чей вадбi, акунáют' туда. Калóтки спицáл'на были. Патóм б'йют' и б'йют'.* *Просушáли, рúская печ', на пот клали. Был такой, назывáлся пёмза. Палучя́лся глáткий вáленак.* Махровка.

Колю́ка, ж. Сорное колючее растение чертополох. *Калю́ка, ну, трава, кóлитца. Ни ряпéй. За ниé ни взятца былó.* *Зарас'тé, бывáла, калю́ка, фсе паля и фсё.* Данило. *Расла́ калю́ка, калю́чяя, и малинавыи такiи шля́пки, цвяткi. Да как жэ анí яды карóвы калю́ку? + Калю́ка — это татарник, красным цвiтёт'.* Пузево.

Колядовáть, несов., неперех. Ходить на старый Новый год по дворам с пением колядок. *Пат старый Новый гот калядовáли. Калядá, калядá, Сядáя барадá.* Махровка.

Кóмель, м. Передняя часть русской печи, устроенная для прохода дыма в трубу. *Кóмил', у нас кóмилем называли, там идя агóн', дым. Юшка — закрьiт' у пéч'ки. Там был*

бараво́к, а па барафку́ — и ф трубу, ня сразу вылята́ла. Данило. Кóмил', дымахо́ды, то камяля́ бал'шы́и у пяче́, а то прóста тяплó, для тяплá. Пузево.

Конёк, м. Стык наклонных плоскостей двускатной крыши, гребень крыши. *Канёк — эт вварху́, верх до́ма са-шóлся. Эт цяс называют. Махровка.*

Конюшítь, несов., *неперех.* Работать конюхом; ухаживать за лошадьми. *Атёц стал конюхам, канюшóл фсю дарóгу. Махровка.*

Коня́тник, м. Растение щавель туполистный. *И галада́ были. И тра́ву ели. Мы называли каня́тникам. Он на лу́гу рос у нас. Утакí бал'шы́и листьы́, мя́жкии, харóшыи. И он бы́стра свáривался, и мама зде́лае пы́шак, и с смята́нкой ели. Ни паумира́ли. Данило.*

Коня́шка, м. Жеребенок. *Внук ни привёс малака́: — Я вам ни привёс, у нас ло́шат' ажырибóлас'. А, гаварю́, каня́шка штоп ни шол са двара́. Есипово.*

Копéешник, м. То же, что калачики. Пузево.

Корéц, м. Разливательная ложка; поварешка, половник. Махровка.

Корóвий, бя, ье. **Корóвья жо́пка**. См. Жо́пка (во 2-ом знач.).

Коровóд, м. Группа женщин, собравшихся поговорить и т.п. *А мы тада фсе, каравóд, сабралíся, ад'ни́ бабы, и слóхалим иé: — А, Пóн'кя, да брэшы́и. Каравóд, ну бабы зьяру́тца, мно́га. Пузево.*

Кородítь, несов., *перех.* Разрыхлять граблями, обрабатывать культиватором вспаханную землю; боронить. *Кородít', ну вот фспáшут', а тада, кул'тивáтар тако́й, раскарадít', штоп мя́жка бы́ла, харашó. А што грабля́ми посла́ трактара, а што нанима́ют'. Пузево.*

Коромы́сль, м. Коромысло. *Эт карамы́сл', а эт дырявя́ные ве́дры. Пузево.*

Коротáй, м. Распашная верхняя мужская и женская одежда с глубоким запахом из сукна домашней выработки: застёгивалась при помощи крючков, у талии подол был собран

в густые сборки, рукава длинные, прямые. *Делали каратай, халатъ делали. Адёжа. Каратай — адёжа ис сукна, а тут делали харбары, харборки делали, склатки вот так вот. Хто делал кароткии, а хто делал длíныи, замáхавался и на крюч'ках... Каратай — биз варатника, а рукава были, толстыи, на краюшки толстыи делали.* Васильевка.

Корсётка, ж. Короткая женская кофта (иногда без рукавов). *А эт карсётка, ис шэрс'ти.* Пузево.

Косíнка, ж. Треугольный головной платок; косынка. *Эт касíнка у минé.* Пузево.

Косíночка, ж. Уменьш.-ласк. к Косинка. *Касíнач'ки сасётка у миня выбивáла.* Пузево.

Кóсник, м. Пучок лент, вплетаемых в косу. Гороховка.

Косоворóтка, ж. Мужская верхняя рубашка с косым воротом. Гороховка.

Костоёд, м. Воспаление костной ткани, сопровождаемое ее разрушением. *Он (отец) у миня был храмóй, ищэ пáрним, там назывáлас' такая болéз'н' костоёд. И йимú калéнки ачís'тили.* Пузево.

Косьё, ср. Рукоять косы. *Касáми касíли рáн'шэ. Касá насáжываетца. Руч'кя — кас'йё, касá — лэзвие.* Махровка.

Котúх, м. Помещение, хлев для коров. *Катúх, стайт карóва. Махровка. З'дэся скрос' были дамá, катухí крыты салóмай, крýшы салóминые, а ёти плят'нёвые. Танцырей. Ясли, у нас была двóе ясёл'. Вот примёрна катух. Вот тут вот так атгарóжсана на ходу карóвы, шоб анá галавóй туда нагинáлас', ей вот так.* Миролюбие.

Кочерёжка, ж. Кочерга. *Качярёшка, чяпли — окл пéчи, тут жэ. Данило. Эт рагáч', а эт качярёшка, эт залú вы-грибáт'.* Переездной.

Кочетýг, м. Инструмент в виде плоского изогнутого шила для плетения лаптей. Махровка.

Кошáра, ж. Загон для овец; овчарня. *Кашáра — эт где авéц стерягúт', кашáра назывáетца.* Махровка.

Кошёлка, ж. Плетеная корзина. *А зирно хранили сёрит' пóля, были такá. Ну а дбма, кашóлки пляли, ис*

плят'ня, абма́зывали. *Кашо́лка. Ларі диривя́нны дэлали, за́гаратки, ані и цяс ес'т'. А то были кашо́лки. И туды сы́пали. Данило.*

Ко́шка, ж. Бе́лая ко́шка. О девочке с очень светлыми, белесыми волосами, бровями, ресницами. *Пло́ха бы́ла, стая́л гаршо́чик с ка́шкой, а я хате́ла пакавыря́т' пале́зла, а мама в а́кно стук-стук: — Ну-к, белая кошка, уйди́. Да у ми́ня галава́ была белая. Данило.*

Кра́й, предлог с род. п. Возле, около; на краю, по краю. *Узоры на платка́х: и ла́пки вязали, и бато́н'чики: в сире́тке — клетки, кле́тач'ка. Даро́шку з'дэлали, ад'дяля́ли даро́шку, край каймы́. + Кра́й рэ́сы цвято́к цвёл, такими цвятáми, то́л'ка мелкими, таки́ми цвятóч'кими. Махровка. У них (овец, коз) кра́й стéнки я́сли. Миролюбие.*

Крапíвник, м. Внебрачный ребенок. Пузево.

Кра́сиву́шный, ая, ое. Очень красивый. *Артистка, эта Ве́ра, да кра́сиву́шная. На́рядитца. Пузево.*

Кра́сный, ая, ое. 1. *Кра́сная изба.* См. *Изба.*

2. *Кра́сная горка.* См. *Горка.*

Кре́шше́ный, ая, ое. Подвергшийся обряду крещения. *Я́блашны́й Спа́с, я́блаки ни я́дят' да Спа́са. У каво́ дети ма́лин'кие ме́рли, и асо́бина если ни кряши́оны. Пузево.*

Крипíвник, м. Растение (какое?). Васильевка.

Кровíна, ж. Близкий родственник; родной по крови. *Мо́жэ, хто мо́жэ павэ́с'т'? Мо́жэ, хто там (на хуторе Пере́здном) аста́лси? Кра́вина кака́я? Бра́т? Э́т кра́вина. Пузево.*

Кроши́ть, несов., перех. Резать, разрезать. *Вари́ли кула́гу, ты́кву краши́ли, ну шкорки ачи́цяли, ме́лка краши́ли, вари́лася и вмéс'тя с, сухи́я там, сушня́к, я́блаки или грúшы. Пузево.*

Круг, м. Приводное колесо самопрямки. *Либе́тка ве́ртит кру́х. Тут лапа́тка — э́т пидáл'. Махровка. Пря́ха: зде́лана такая сту́лица, на сту́лицэ приделаны отáк па́лки, а на па́лках — кру́х и ю́шыч'ки зде́ланы. Данило. о Большие Алабухи.*

Кружа́вка, ж. Кружево. *Падзёр с прошвой, да вот вставляйтца прошытая сюда. Эта кружа́вка. А сверху — покрывáла.* Пузево.

Кружо́к, м. Уменьш.-ласк. к Круг. Махровка.

Кругова́я, ж. Детская игра с мячом. *В кругавую играли, в мячик... А кругавую: там стайт', и на этой старане́, пападёт' е́сли ф тибé — то выходиши из игры.* Махровка.

Крюк, м. Приспособление на косе в виде грабель с тремя длинными деревянными зубьями для косьбы злаков; коса с таким приспособлением. *Патом крюка́ми там каси́ли. Каса́ такая, то го́лая касá, то крюк висит. И вяза́ли, а патом цапа́ми малати́ли, на вятру́ ве́йили, у мяжки́ ссыпа́ли.* Переездной. о Махровка; Большие Алабухи.

Крючо́к, м. То же, что Крюк. *Каси́ли ба́бы крюч'кём, кричэк такой диривя́ный, уту́т зделаны — па́л'цы называю́тца, приби́ты, а тут касá. Ана́ ко́ся, ана́ сюды́ лажы́тца и пирива́ливайтца патом.* Данило.

Кстить, несов., *перех.* Совершать обряд крещения над кем-л.; крестить. *Тадá кс'ти́ли ма́лин'ких, рас — и е́диши ктит'.* Махровка.

Ктить, несов., *перех.* То же, что кстить. Махровка.

Кувырка́ть, несов., *перех.* Неправильно излагая, искажать; коверкать. *Раждиство́ пели, пад Раждиство́. Я вот ня знаю раждиство́, я кувырка́ю яво́.* Махровка.

Куга́, ж. Водяное растение с длинными и круглыми стеблями. *Там куга́ ес'т', пучёк куги́ связываиши и привя́зываиши прям на эт сет', ана́ ни то́нит далико́. Куга́ — проста рас'тение, в реч'ки расту́т'. Он такой прямой иде́т', а там внутру́ — ничё там нету.* Махровка.

Куде́ль, ж. Готовый для прядения пучок вычесанного волокна. Махровка.

Куде́лька, ж. Уменьш.-ласк. к кудель. *Куде́л'ки ес'т' — а вот на чём висит' пух, шэрс'т'. До́нциэ. И ра́шки. Куде́л'. Ну, эт мы атвы́кли. Щяс ат руки́ прядём. Пабраса́ли до́нца.* Махровка.

Куды́, местоим. нареч. Куда. *При́дим, нас сажáют' тада́. Пасо́дют', пагуля́ли, папляса́ли, а на́рани тады́, куды́ атвзя́ли нявэ́сту.* Пузеве.

Ку́зня, ж. Кузница. *Лю́л'ки были, к паталкú закру́чивали како́й-та э́тат, у ку́з'ни де́лали. Данило. Кузняца́ми раба́тали. Вый́дим, а́на к нам пат пирёт. А знали, что а́на скúдываитца. Ие́ пайма́ли, и ку́з'ня у нас, паши́ли но́ч'йю ку́з'ню растапи́ли и припо́кали на́ руки жаля́зьяки.* Пузеве.

Куй-куй, междом. Возглас в детской игре. *Играли, я́мач'ки рыли. — Куй-куй-куй! Вот так вот па́лкими би́ли, а́ни павáлютца фсе.* Большие Алабухи.

Кула́га, ж. Кушанье из ржаной муки, заваренной кипяченой водой. *Кулагу де́лали. Запа́ривали туда́ ржа́ной му́ки, кру́тую, ни гу́стую, кипятком. Па́том ставили ие́ на пе́ч'ку, а́на ден' па́ритца, два па́ритца, па́том ицё па́дмешываит, а па́том пе́ч'ка вы́тапитца, и за́дви́гайт чюгу́н туда́. А́на дастаёт атту́да, а́на красная́ такая́, сла́ткая. + Кулагу де́лали, кисла́та, ну, я́блаки, а па́том о́твар ат све́клы ат са́харнай, и миша́ли, кипитко́м э́т фсе́ заде́лывали, и миша́ли туда́ му́ку. А па́том стана́ви́ли ф пе́ч'ку, а́на па́рилас'. Большие Алабухи. А па́том зимо́й што де́лали, щя́с расказа́жу. Тада́ э́ти гру́шы, ма́ма йих памо́я, а па́том на́трúт' на те́рки э́ти, све́клу, или хот' кусо́ч'кими ме́лин'кя́, сло́й све́клы, сло́й гру́ш, па́том ты́квы, па́то а́пят' гру́шы, и у чюгу́нки у пе́ч'ку, у жар. А па́том вы́нут' яво́, и на дво́р зимо́й, а́на асты́ня, а па́том ф ка́кую-нибу́т' пасу́ду вы́валют'. Аб́яде́н'йя была́! Вот э́та на́зыва́лас' кула́га. Пере́ездной. Ва́рили кула́гу, ты́кву краши́ли, ну шкорки ачи́ця́ли, ме́лка краши́ли, ва́рилася́ и вмес'тя́ с, су́хйя там, су́шняк, я́блаки или гру́шы. Па́том талкú́ фсе́, за́правля́ли му́кой или там чем. Ме́лач'кя́ краши́ли ты́кву э́ту. Фсе́ право́ритца. Са́хар пая́вля́лся, са́харку да́бавля́ли. Ф пе́ч'ки, ни при а́гнио́, шоп а́на там пра́тами́лас'. + Зде́с' (в Пузеве) де́лали кула́гу, а у нас (в Алекса́ндровке) — му́ч'но́й кисе́л'. Но у нас лу́ч'ше́. Гру́шы су́хие, я́блоки су́хие, те́рэн су́хый, вы́шни. Вот э́та*

всё мат' сварит, там по горсточ'ки, тэрэн, вышня, яблоки, грушы. И тада ржаной мукой заправляют и в пёч'ку. А тута тыкву кладут. А мы нэ клáлы. Эт муч'но́й кисе́л', а тут — кула́га. Но тут кладу́т' ищё тыкву. Пузево.

Кула́к, м. Разновидность печенья, булочки из гречневой муки. Патом делали гричя́нны кулаки́. Делали их на квасу́, миша́ли. Таки́и ани́ вот бал'шы́и, ну и клёпушками делали их. Варили их, свáруют' их, а патом называли их казанки́, ну катялбч'ки, таки́и кру́глыи, вот, кладу́т', и в ма́сли. И в ма́сли станбóют' в бо́л'ный дух. Вот тож ели. Васильевка.

Литература

Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 5. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. ОРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 76–116.

Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. 7. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губ. // Изв. ОРЯС. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 557–580.

Жуковская З. В. Говоры западной части Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 18 с.

Заракóвская Г. Л. Из наблюдений над словарным составом говора села Веретье Острогожского района Воронежской области // Труды Воронежского государственного ун-та, 1955. Т. 42. Вып. 3. С. 103–104.

Каменев В. Н. Отчет о диалектологической поездке в северную часть Воронежской губ. летом 1914 г. // Труды Комиссии по диалектологии русского языка, 1927. Вып. 9. С. 59–66.

Кртова В. Н. О сельскохозяйственной лексике воронежских диалектов // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж: Воронежский университет, 1959. С. 33–36.

Малыхин П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнограф. сб. РГО. Вып. 1. 1853. С. 203–254.

Малыхин П. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник, 1861. Вып. 1. С. 265–319.

Поликарпов Ф. И. Бытовые черты из жизни крестьян с. Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Отд. III. С. 1–30.

Поликарпов Ф. И. Женская крестьянская одежда в с. Истобном Нижнедевицкого уезда // Труды Воронежской ученой аришной комиссии, 1908. Вып. IV. С. 29–38.

Поликарпов Ф. [И.] Крестьянская свадьба в с. Перлевке Землянского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. Отд. III. С. 25–29.

Поликарпов Ф. И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь // Филолог. зап.: Воронеж, 1911. Вып. II. С. 305–312. Вып. III. С. 459–472. Вып. IV. С. 602–616.

Путинцев А. [М.] Из устной поэзии талагаев // Воронежский краеведческий сборник, 1925. Вып. 3. С. 43–48.

Путинцев А. М. Из этнографических впечатлений и наблюдений. (Коротоякский уезд Воронежской губ.) // Воронежский историко-археологический вестник, 1921. Вып. 2. С. 42–46.

Путинцев А. М. Материалы для изучения воронежских говоров // Памятная книжка Воронежск. губ., 1905. Отд. III. С. 13–32.

Путинцев А. М. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии // Живая старина, 1906. Вып. I. Отд. I. С. 94–128.

Селиванов А. Этнографические очерки Воронежской губернии. Народные приметы и поверья // Воронежские губернские ведомости, 1864. № 11. Ч. неоф., с. 43. № 16. С. 62–63.

Собинникова В. И. Говор села Ивановки Гремяченского района Воронежской области // Труды Воронежского ун-та, 1953. Т. 28. Научные сообщения и авторефераты. С. 180–183.

Собинникова В. И. Говор села Петина Гремяченского района Воронежской области // Труды Воронежского ун-та, 1954. Т. 25. С. 72–100.

Филатов К. Очерк народных говоров Воронежской губернии // РФВ. 1897. Т. XXXVII. № 1–2. С. 165–128. Т. XXXVIII. № 3–4. С. 257–321.

Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. Ч. 1. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. 350 с.

Voronezh dialects: a lexicographic description

Elena I. Syanova

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

The article briefly presents the history of our study of the Voronezh dialects providing their lexicographic description based on original dialect data set collected during the author's field studies conducted for 24 years. The vocabulary formation principles, the grammatical marks inventory and the semantic description of the units used here are based on the existing tradition. When performing the task of synchronic description of the vocabulary of the dialects, we chose the systematic approach to our object as the central research principle. The complexity of the language landscape of the Voronezh region presented some difficulties in resolving the problem, which therefore will be the subject of our future linguistic inquiries.

Key words: Voronezh dialects, late settlement dialects, unique material of living dialectal speech, lexicographic project, dictionary entries.

References

Grinkova N. P. Oчерки по русскоj диалектологии. 5. О некотoryх говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии [An Outline of Russian Dialectology. 5. On some dialects of the former Zadonsky and Zemlyansky districts of the Voronezh province] // *Izv. ORYAS* [Bulletin of the Department for Russian language and Philology]. 1929. V. 2. Book 1. Pp. 76–116.

Grinkova N. P. Oчерки по русскоj диалектологии. 7. О русскох говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губ. [An Outline of Russian Dialectology. 7. On the Russian dialects of the former Korotyanski district of the Voronezh province] // *Izv. ORYAS* [Bulletin of the Department for Russian language and Philology]. 1930. V. 3. Book. 2. Pp. 557–580.

ZHukovskaya Z. V. Govory zapadnoj chasti Voronezhskoj oblasti [The dialects of the Western part of the Voronezh region]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1954. 18 p.

Zarakovskaya G. L. Iz nablyudenij nad slovarnym sostavom govora sela Veret'e Ostrogozhskogo rajona Voronezhskoj oblasti [Some observation on the vocabulary of the dialect of the Veret'e village (Ostrogozhsky district, Voronezh region)] // Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta [Proceedings of Voronezh State University], 1955. V. 42, Issue 3. Pp. 103–104.

Kamenev V. N. Otchet o dialektologicheskoj poezdke v severnyuju chast' Voronezhskoj gub. letom 1914 g. [An account of the dialectological expedition to the Northern part of the Voronezh province, summer 1914] // Trudy Komissii po dialektologii russkogo yazyka [Proceedings of the Commission for the dialectology of the Russian language], 1927. Issue 9, Pp. 59–66.

Kretova V. N. O sel'skohozyajstvennoj leksike voronezhskih dialektov [On the agricultural vocabulary of the Voronezh dialects] // Materialy soveshchaniya po izucheniyu yuzhnorusskih govorov i pamyatnikov pis'mennosti [Materials of the Conference on the South Russian dialects and literary monuments]. Voronezh: Voronezhskij universitet [Voronezh state university], 1959. Pp. 33–36.

Malyhin P. Byt krest'yan Voronezhskoj gubernii Nizhnedevickogo uezda [Everyday life of the villagers in the Nizhnedevicky district of the Voronezh region] // Etnograf. sb. RGO. [Ethnographic volume issued by the Russian Geographical Society] Issue 1. 1853. Pp. 203–254.

Malyhin P. Gorod Nizhnedevick i ego uezd [The city of Nizhnedevick and its vicinity] // Voronezhskij literaturnyj sbornik [Voronezh literary collection], 1861. Issue 1. Pp. 265–319.

Polikarpov F. I. Bytovye cherty iz zhizni krest'yan s. Istobnogo Nizhnedevickogo uezda Voronezhskoj gubernii [Some everyday life sketches from the life of the inhabitants of the village of Istobnoye, Nizhnedevicky district, Voronezh province] // Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1906 g. [The Memorandum book of the Voronezh region for the year 1906] Part III. Pp. 1–30.

Polikarpov F. I. ZHenskaya krest'yanskaya odezhda v s. Istobnom Nizhnedevickogo uezda [The clothes of the female villagers of the village of Istobnoye, Nizhnedevicky district] // Trudy Voronezhskoj uchenoj arivnoj komissii, [Proceedings of the Voronezh scholarly archive commission] 1908. Issue IV. Pp. 29–38.

Polikarpov F. [I.] Krest'yanskaya svad'ba v s. Perlevke Zemlyanskogo uезда [Rural weddings in the village of Perlevka, Zemlyansky district] Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1908 g. [The Memorandum book of the Voronezh region for the year 1908] Part III. Pp. 25–29.

Polikarpov F. I. Materialy dlya izucheniya yuzhnovelikorusskih govorov. Nizhnedeveckij slovar' [Materials for the study of the Southern Russian dialects. The Nizhnedeveck dictionary] // Filolog. zap. [Philological notes]: Voronezh, 1911. Issue II. Pp. 305–312; Issue. III, Pp. 459–472; Issue. IV, Pp. 602–616.

Putincev A. [M.]. Iz ustnoj poezii talagaev [From the Talagay oral poetry] // Voronezhskij kraevedcheskij sbornik [Voronezh regional studies: a collection], 1925. Issue 3. Pp. 43–48.

Putincev A. M. Iz etnograficheskikh vpechatlenij i nablyudenij. (Korotyakskij uezd Voronezhskoj gub.) [Some ethnographic impressions and observations (Korotyaksky district of the Voronezh province)] // Voronezhskij istoriko-arheologicheskij vestnik [Voronezh historical and archaeological bulletin], 1921. Issue 2. Pp. 42–46.

Putincev A. M. Materialy dlya izucheniya voronezhskih govorov [Data for the study of the Voronezh dialects] // Pamyatnaya knizhka Voronezhsk. gub., 1905 [The Memorandum book of the Voronezh region for the year 1905]. Part III. Pp. 13–32.

Putincev A. M. O govore v mestnosti «Hvorostan'» Voronezhskoj gubernii [On the dialect of the territory called “Hvorostan'”, Voronezh province] // ZHivaya starina [Living past], 1906. Issue I, part I. Pp. 94–128.

Selivanov A. Etnograficheskie ocherki Voronezhskoj gubernii. Narodnye primety i pover'ya [An Ethnographic outline of the Voronezh province. Folk superstitions and popular beliefs] // Voronezhskie gubernskie vedomosti [Voronezh Province Herald], 1864. № 11. CH. neof. [Unofficial part], p. 43; № 16, pp. 62–63.

Sobinnikova V. I. Govor sela Ivanovki Gremyachenskogo rajona Voronezhskoj oblasti [The Dialect of the village of Ivanovki, Gremyachino district, Voronezh region] // Trudy Voronezhskogo unta, [Proceedings of the Voronezh state university] 1953. V 28. Nauchnye soobshcheniya i avtoreferaty [Scholarly papers and abstracts]. Pp. 180–183.

Sobinnikova V. I. Govor sela Petina Gremyachenskogo rajona Voronezhskoj oblasti [The dialect of the village of Petino, Gremyachino district, Voronezh region] // Trudy Voronezhskogo un-ta [Proceedings of Voronezh state university], 1954. V. 25. Pp. 72–100.

Filatov K. Oчерк narodnyh govorov Voronezhskoj gubernii [An outline of the Voronezh region folk dialects] // RFV [Russian philological bulletin]. 1897. V. XXXVII, № 1–2, pp. 165–128; V. XXXVIII, № 3–4, Pp. 257–321.

Fol'klorno-etnograficheskie materialy iz arhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva XIX veka po Voronezhskoj gubernii. [Folkloristic and ethnographic materials from the archive of the Russian Geographical Society in the Voronezh province (19th century)]. Part 1. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2012. 350 p.

Географическая лексика европейского севера России: экспедиционные находки

Ольга Анатольевна Теуш

Уральский федеральный университет

Статья посвящена диалектным лексемам Европейского севера России, выявленным в результате полевого обследования территории Онежского бассейна (Архангельская область) в 2018 г. Севернорусской топонимической экспедицией. Рассматриваются географические лексемы, являющиеся новыми с точки зрения формы или семантики. Определяется научная ценность полученных материалов. Заимствованные лексемы и лексемы с затемненной внутренней формой этимологизируются.

Ключевые слова: лексема, семантика, значение, русский язык; Севернорусская топонимическая экспедиция.

Диалектологическими экспедициями неоднократно проводился сбор лексических материалов на территории Онежского бассейна. Летом 2018 г. Севернорусской топонимической экспедицией было осуществлено поленое обследование поселений онежского региона. В результате работ экспедиции были получены новые лексические материалы, как уточняющие и дополняющие имеющиеся в научном обороте данные, так и имеющие научную новизну.

Река Онега является одной из крупнейших водных артерий Европейского севера России, течет в северном направлении и впадает в Белое море. Для Онежского берега характерны террасированные болотистые равнины и образованные ледником морены с выходами кристаллических пород. Материковый берег номинируется лексемой *горá* ‘побережье, суша, в противопоставлении морю’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ранее отмечавшейся В. И. Далем в значении ‘земля, суша, берег, материк, в противность воде, реке, морю’ (Сев., Волж.)

(Даль 1: 375). ‘Край высокого материкового берега’ (в Онежской губе Белого моря отмечаются сильные приливы высотой до 3 м., размывающие коренной берег) обозначается словом **шмычѡк** (Арх.: Он.) (КСГРС). Фонетический облик лексемы отражает шепелявенье: может быть реконструирована исходная форма **смычѡк**, являющаяся производной от глагола **смыкать** ‘терebить, дергать’ (Шведова 2007: 906). На островах и песчаных берегах (ср.: **рѣлка** ‘песчаная отмель на берегу’ (Арх.: Он.) (КСГРС)) Онежской губы устраивают лежбища белухи и кольчатые нерпы. Эти места метафорически обозначаются словом **монастырь** ‘лежбище морского зверя’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

В нижнем течении река Онега имеет высокие берега: береговые холмы могут достигать в высоту 80–120 метров. ‘Возвышенность на морском или речном берегу’ обозначается лексемами **пригѡр**, **пригѡра** (Арх.: Он.) (КСГРС). В том же значении слово **пригѡр** функционирует в диалектах Мурманской области (Мурм.: Севмор., Тер.) (СРГК 5: 153). ‘Береговая возвышенность с глинистой почвой’ номинируется **шелѡп** (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. **щелѡп** ‘возвышенность, горка’ (Арх.: Нянд., Плес.) (КСГРС), ‘возвышенное место на болоте’ (Арх.: Плес.), ‘ложбина между горами’ (Арх.: Плес.), ‘кочковатое место’ (Арх.: Плес.) (КСГРС). Глинистый берег является плотным, однако при регулярном размыве в массиве береговой породы образуются глубокие трещины. Номинация такого берега словом **шелѡп** закономерна: лексему можно считать образованием от праслав. **skel-*, связанного чередованием со **skol-* (ср. **скала**) (Шведова 2007: 1117).

Речное дно в нижнем течении р. Онеги является каменистым (**ка́мешник** ‘каменистое дно реки’, ‘каменистая коса на берегу реки’ (Арх.: Он.) (КСГРС)), имеет ‘участки реки с быстрым течением’ (**стрежь** (Арх.: Он.) (КСГРС)). В русле реки образуются намывные острова (**осерѣдок** ‘отмель’ (Арх.: Он.) (КСГРС), **валун** ‘наносной остров’ (Арх.: Он.) (КСГРС)) и пороги (**свал** ‘водопад, порог’ (Арх.: Он.) (КСГРС)). Речные притоки пробиваются через высокие

глинистые берега. 'Место слияния рек' номинируется *перелів* (Арх.: Он.) (КСГРС), *встрѣча* (Арх.: Он.) (КСГРС), *рассѡха* (Арх.: Он.) (КСГРС), *суво́й* (Арх.: Он.) (КСГРС). Образующийся при впадении одной реки в другую мыс обозначается метафорически: *носові́на* 'речной мыс' (Арх.: Он.) (КСГРС), *кила́* 'то же' (Арх.: Он.) (КСГРС) (ср. *кила́* 'подкожное образование, возникающее как следствие тяжелой работы' (Арх.: Он.) (КСГРС)). В месте слияния рек в результате встречи двух течений возникает водоворот: *су́водь* 'водоворот' (Арх.: Он.) (КСГРС). Последняя лексема широко распространена на Русском Севере: *су́водь* 'водоворот на реке' (Арх.: Карг., К.-Б., Лен., Прим.; Влг.: Бел., Ваш., В.-Уст., Кад., Кир.) (КСГРС). Описательно место водоворота номинируется *бездо́нка* (Арх.: Он.) (КСГРС).

Как и вся территория Европейского севера России, онежская зона является низменной (*низмі́на* 'низменное место, низменность' (Арх.: Он.) (КСГРС), *логові́на* 'низина с водой, овраг' (Арх.: Он.) (КСГРС)), изобилует болотами (*мох* 'моховое болото', *замо́шье* 'заболотье', *подмо́шье* 'низкое сырое место в лесу около болота' (Арх.: Он.) (КСГРС), *чи́стое болото*, *чистя́к* 'безлесное болото' (Арх.: Он.) (КСГРС)). Топкое место на болоте называется *зыбу́н* 'топкое зыбкое место' (Арх.: Он.) (КСГРС) (ср. *зыбу́н* 'то же' (Арх.: Котл., Лен., Прим., С.-Дв., Уст.; Влг.: Ваш., Влгд., В.-Уст., М.-Реч., Сок., У.-Куб., Шексн.) (КСГРС)). После половодья или дождей на болотах образуются озера чистой воды, называемой лексемой *светля́к* (Арх.: Он.) (КСГРС). Такие озера номинируются *глазові́на* 'окно воды в болоте' (Арх.: Он.) (КСГРС). Ранее лексема отмечалась на сопредельных территориях: *глазові́на* 'то же' (Арх.: Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Плес.; Влг.: Выт.) (КСГРС). 'Сухая грядка на болоте' обозначается *ре́лка* (Арх.: Он.) (КСГРС) (ср. *ре́лка* 'возвышенность на болоте, в лесу, в поле' (Арх.: Он., Пин., Плес., Прим., Шенк.) (КСГРС), 'сухое возвышенное место' (Арх.: Он.; Мурм.: Тер.; Новг.: Новг.) (СРГК 5: 513)).

Основным дендрологическим термином является *чапыйэжник* (*чапльэжник*) ‘заросли труднопроходимого леса’ (Арх.: Он.) (КСГРС) (ср. *чапыйэжник* ‘заросли, чаща’ (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Лен., Леш., Нянд., Уст., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Гряз., Кир., М.-Реч., Ник., Сок., Сямж., Тарн., Тот., У.-Куб., Хар., Череп., Шексн.; Костр.: Антр., Галич., Кологр., Макар., Мант., Меж., Нейск., Парф., Пыщуг., Сол., Чухл., Шар.; Яр.: Люб., Некр., Пош.) (КСГРС)), связанный по происхождению с диал. *чáпать* ‘задевать, зацеплять, хватать’ (Шведова 2007: 1082). Синонимичное *кочерыэжник* ‘труднопроходимое место в лесу’ (Арх.: Он.) (КСГРС) образовано от *кочерыга* ‘древесный сук’ (Арх.: Он.) (КСГРС). ‘Участок леса, вдающийся в поле’ называется *закоулок* (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *закоулок* ‘небольшая полянка в лесу’ (Влг.: Ник.) (СВГ 2: 123), — образование с префиксами *за-* и *ко-* от корня *ул-* (ср. *улей*, *улица*, *улитка*).

Производными праслав. **xab-* (ср. русск. диал. *хабить* ‘хватать, загрести’) (Шведова 2007: 1066) являются *хабара*, *хабарник* ‘заросли высокой травы разных видов’, *хабара* ‘высохший кустарник, мелколесье’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

Терминология антропогенного ландшафта разнообразна. Основными полеводческими терминами являются *чисть* ‘поле, расчищенное в лесу’ (Арх.: Он.) (КСГРС), *чищанина*, *чащенина* ‘участок леса, расчищенный под пашню, покос’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *чисть* ‘участок в лесу, расчищенный под покос, поле’ (Арх.: Карг., Уст.; Влг.: Вож.), *чищанина* ‘то же’ (Арх.: Вин., В.-Т., Пин., Холм.), ‘густые заросли кустарника’ (Арх.: Пин.) (КСГРС), ‘чистое место в лесу, луг, расчищенный покос’ (Яр.) (Мельниченко 1961: 215), ‘расчищенное из-под леса возвышенное место близ селения’ (Арх.: Пин., Холм., Шенк.) (Подвысоцкий 1885: 39).

Дериватом корня *ор-* (< праслав. **or-*, ср. *орать* ‘пахать’) (Шведова 2007: 572) является *отор* ‘расположенный на краю участок пахотной земли’ (Арх.: Он.) (КСГРС), которое

отмечено также в Верхнетоемском районе Архангельской области (КСГРС).

Подтверждено функционирование в онежском регионе лексемы *новоко́пка* ‘недавно расчищенное от пней и распаханное поле’ (Арх.: Он.) (СРГК 4: 30): *новоко́пка, новокóпочка* ‘поле, разработанное в лесу’ (Арх.: Он.) (КСГРС). Фиксация слова *огрѣх* ‘невспаханный участок поля’ (Влг.: Бел., Хар.) (КСГРС) дополнена вариантной по роду формой *огрѣха* ‘нескошенный или несжатый участок поля’ (Арх.: Он.) (КСГРС). Отмеченное у трёх лексем значение ‘сухой сенокосный участок’ (*рѣлка, клочѹха, клочь* (Арх.: Он.)) вторично к производящему значению ‘возвышенность, небольшой холм’ (КСГРС).

‘Непрокошенный участок’ называется *хохóл* (Арх.: Он.) (КСГРС). Эта лексема была ранее отмечена на территории Архангельской области в дендрологических значениях: ‘маленький лесок’ (Арх.: Уст.) (КСГРС), ‘островок леса на болоте’ (Арх.: Кон.) (КСГРС). ‘Тенистое место, где плохо всходят посевы’ номинируется *завѣя* (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *завѣя* ‘затененная местность без растительности, пустырь’ (Арх.: Леш.) (КСГРС).

Как и в других регионах Русского Севера (Арх.: Вин.; Влг.: В.-Важ., Сок., У.-Куб.) ‘приусадебный участок, огород’ номинируется лексемой *усáдьба* (Арх.: Он.) (КСГРС).

Особо из локусов хозяйственной деятельности выделяется *бѣльник* ‘место на берегу реки для стирки и отбеливания белья’ (Арх.: Он.) (КСГРС), которое широко функционирует на различных территориях Европейского севера России (Арх.: Он.; Карел.: Кем.; Мурм.: Тер.) (СРГК 1: 60), (Печор.) (СРГНП 1: 28), (Яр.: Ярославль) (ЯОС 1: 51), (Арх.: Арх., Пин., Холм., Шенк.) (Подвысоцкий 1885: 13).

‘Узкая протоптанная дорожка’ имеет обозначение *тропи́на* ‘тропа’ (Арх.: Он.) (КСГРС), в такой форме лексема отмечалась и ранее в севернорусском регионе: *тропи́на* ‘тропа’ (Арх.: Кон.; Яр.: Пош.) (КСГРС), (Печор.) (СРГНП 2: 361). ‘Поворот тропы, дороги’, ‘обходной путь’ обозначается

словом *сворóтка* (Арх.: Он.) (КСГРС), которое ранее было записано в Верхнетоемском районе Архангельской области (КСГРС).

В онежском регионе функционирует широко распространенное (КСГРС; Гемп 2004: 472; КрКОС: 292–293; Ганцовская 2015: 336; СРГК 5: 563; СРГНП 2: 232) севернорусское *рóб-стань, ростáнь* ‘перекресток дорог’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

Заемствованные лексемы, записанные при полевых сборах, имеют различные истоки.

1. *бар* ‘стоянка морских судов в устье реки’ (Арх.: Он.) (КСГРС). Ранее отмечалось: Арх.: Мез., Прим.

< Англ. *bar* ‘отмель, запор’ или франц. *barre* ‘то же’ (Фасмер 1: 122).

2. *эрик* ‘старое русло реки’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

< Саам. *э́ррэт* ‘бок, сторона’ (СРС: 82). Мена *к/т* встречается в диалектах Русского Севера.

3. *кй́чкара* ‘небольшой холм, на котором растет трава, которую скашивают’ (Арх.: Он.) (КСГРС). При учете вариантов *кэ́чкара, кэ́чкара* ‘полоса берега моря, обнажающаяся при отливе’, *кэ́чкара* ‘низкий берег моря’ (Арх.: Он.) (КСГРС) рассматриваемая лексема может быть интерпретирована из карел. *ketčkerä* ‘небольшая возвышенность на болоте’ [Kalima 1919: 115]; (Фасмер 2: 227). В вариантах *кэ́чкакар, кэ́чкара, кэ́чкор, кэ́чкорь* в значении ‘морской берег, на котором нет камней’ (Арх.: Кем.) лексема фиксировалась ранее А. Подвысоцким (Подвысоцкий 1885: 65).

4. *курга́н* ‘яма в реке, озере, море’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *курга́н* ‘окно воды в болоте; топкое место на болоте’ (Арх.: Вин., Карг., Мез., Нянд., Он., Пин., Плес., Прим., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., Ваш., Сок., У.-Куб.) (КСГРС).

~ Мар. *кóргö* ‘нутро, внутренность’, ‘полость’, которое, возможно, сопоставимо с фин. *kurkku* ‘горло’ (КЭСЖЯ: 85), ср. также морд. мокш. *курга* ‘рот’, ‘пасть, рыло’ (МКРСС: 305). Другой возможный источник — саам., ср. норв. *gurrå* ‘отверстие, ущелье, углубление, дырка’, лул. *kurra* ‘отверстие; узкое углубление (проход) в горной тундре’ (SKES 2: 247; SSA 1: 451–452).

5. *ла́йда* ‘отмель, возвышенность на морском дне при отливе, остающаяся под водой’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *ла́йда* ‘иловатая по близости к берегу мель в море, обсыхающая при отливе’ (Арх.: Мез.) (Подвысоцкий 1885: 81). По объяснению А. И. Шренка, от финского прилагательного *лайто* ‘отмель, низменный’ (Подвысоцкий 1885: 81).

< Приб.-фин., ср. фин. *laito* (род. п. *laidon*) ‘мелкий, неглубокий’, эст. *laid* ‘маленький остров, отмель’ [Kalima 1919: 148], фин. *laita* ‘фарватер, направление’, вепс. *laid* ‘открытое место на озере или реке’, эст. *lait* (род. п. *laida*) ‘углубление, ямка’, ‘яма между кочками’, ‘переход, переправа’ (< герм.) (SKES 2: 270–271; SSAP 2: 38), вепс. *laid* ‘пространство озера вдали от берегов’, ‘участок (например, поля)’ (СВЯ: 272), ливв. *laido* ‘то же’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 49]. Вместе с тем нужно учитывать и другие лексические источники: фин. *laita*, *laitu*, *laito* ‘низкий (вода, берег)’, эст. *laid* ‘подводная скала, риф, каменистый островок, песчаная отмель’, саам. (? < фин.) *laihto* ‘покатый, наклонный, отлогий’, *laihto* ‘низкая влажная местность’, *laihtok* ‘слегка покатый, отлогий (склон)’ (SKES 2: 271; SSAP 2: 38–39); [Мамонтова, Муллонен 1991: 50], карел. *laidu* ‘опушка, край леса’ (СКЯМ: 176). Поскольку слово распространено на крайнем северо-востоке Архангельской области, не исключено влияние со стороны коми вым., иж., нв., скр., уд. *лайда* ‘понижение, низина, продолговатая впадина’ (ССКЗД: 192), если последнее не является заимствованием из русского (КЭСЯ: 413). Интерпретация лексемы предложена в [Kalima 1919: 148, Матвеев 2001: 233]; (Фасмер 2: 451).

6. *л́ядушка* ‘скопление камней в море или в реке’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *л́ядушка* ‘каменистая или скалистая отмель’ (Арх.: Он.; Карел.: Белом., Кем.) (СРГК 3: 155).

< Приб.-фин., ср. карел. ливв. *luodo*, люд. *luod*, фин. *luoto*, вепс. *lod*, вод. *loto* ‘подводная скала, каменистый островок, отмель’, карел. *luoto*, *luodo*, ливв. *luodo* ‘подводная скала, риф’, ‘илистая или песчаная отмель’, люд. *loud*, *luodo*, вепс. *lod*, *lodo*, *luda* ‘небольшой остров’, ‘мель в озере, реке’, фин. *luoto* ‘маленький скалистый островок’, ‘подводная скала, ка-

мень, риф, мель', саам. *luott* 'риф, мель' (< фин.) [Мамонтова, Муллонен 1991: 57].

7. *лбга* 'настил, по которому можно пройти по болоту' (Арх.: Он.) (КСГРС).

< Приб.-фин., ср. фин. *lytty*: (*olla*) *lytyssä* '(быть) сплюсненным', (*mennä*) *lyttyyn* '(получаться) сплюсненным', 'быть осевшим кучей, комком', ижор. *lüt'üssä* '(быть) сплюсненным', *lüt't'ü* '(получаться) сплюсненным', эст. диал. *ludus* 'кучей (осевший)' (SSAP 2: 120). Переход *лбда* > *лбга* произошел на русской почве.

8. *майна* 'растаявшее место на реке' (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *майна* 'попынья, глубокое не застывающее зимой место на реке, озере' (Арх.: Пин., Плес., Холм.; Влг.: Выт., Нюкс.), 'большая прорубь для ловли рыбы' (Арх.: Вин., В.-Т., Пин., Плес., Холм.; Влг.: Бел., Нюкс.) (КСГРС).

< Фин. *tainas*, род. п. *tainaan* 'большая опынья', вод. *taina* 'то же' [Kalima 1919: 160]; (Фасмер 2: 559). Авторы SSAP полагают, что фин. *taina*, *tainas* 'отверстие во льду, которое продабливается', 'прорубь для кошелькового невода', ижор. *taina* 'прорубь для кошелькового невода' < русск. (SSAP 2: 138).

9. *малик* 'старый след зверя' (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *малик* 'след зверя на снегу' (Влг.: Бабуш.) (КСГРС), 'неясный, нечеткий след зверя' (Влг.: Кир.) (СРГК 3: 192), 'глубокая яма с водой' (Арх.: Уст.) (КСГРС)

< Саам. патс. *tõql* 'к_к^{кE}', сонг. *talk*, нот. *t^oql* 'к_к^{кE}', кильд. *tal_z* 'к_к^{кE}' 'кривой, изогнутый', 'изгиб (дерева)', 'поворот (дороги, реки)' (Itkonen 1958 1: 257). Русская форма < **малка* в результате варьирования по роду.

10. *няжа* 'ил на морском дне' (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *няжа* 'растение мокрица' (Карел.: Прион.) (СРГК 4: 60).

< Саам., ср. патс. *ñⁱešš^E*, нот. *ñäšš^E*, йок. *niešše*, терск. *ñiešše*, норв. *njΦšše* 'сор', 'мусор', 'хлам', 'грязь', 'слякоть' (Itkonen 1958 1: 300–301). Широко распространенное по всему Европейскому северу России и давнее на русской почве множество производных слово, давно освоенное русскими. Коми

лет. *няш* ‘сор, плывущий по реке’, ‘муть, отстой’, ‘шкварки’ (ССКЗД: 255) < русск. Этимология предложена в [Itkonen 1931: 55]; (Фасмер 3: 95).

11. *пáйда* ‘возвышение морского дна, при отливе появляющееся над водой’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *пáйда* ‘речная заводь’ (Арх.: Прим.) (КСГРС).

Может быть сопоставлено с саам. патс. *рйёDDoD*, нот. *рйёDtoD* ‘разливаться (о реке)’ (Itkonen 1958 1: 363).

12. *пúвка*, *пивкáрник* ‘непригодный для использования мелкий лес’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *пúвка* ‘густые заросли молодых деревьев (обычно хвойных пород)’ (Арх.: Карг., Он., Пин., Плес.; Влг.: Выт.) (КСГРС), *пúвка* ‘пихта’ (Арх.: Вин., В.-Т.), ‘сломанное дерево’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС).

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *рiikka*, ливв. *рiikki*, люд. *рiikk* ‘смола’, вепс. *рiikk* ‘молодой густой сосновый лес’ (SKES 3: 541–542). Русская лексема отражает мену *x/ф*, характерную для севернорусских диалектов.

13. *сузём* ‘куст отдалённых лесных деревьев’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *сузём* ‘глухой дремучий лес, расположенный вдалеке от населенных пунктов’ (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Нянд., Пин., Плес., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Бабуш., В.-Важ., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сямж., Тарн., Тот.; Костр.: Кологр., Сол.) (КСГРС).

< Приб.-фин., ср. фин. *sysmä* ‘лесная глушь’, ‘сплошной отдаленный лес’ [Kalima 1919: 221]. Та же этимология цитируется в (Фасмер 3: 797; Аникин 1997: 509). Элемент *sys-*, вероятно, связан с корневыми морфемами фин. *sysiä* ‘толкать, пихать’, *sysätä* ‘толкать, толкнуть’, *sysäys* ‘толчок, удар’, *susy* (*yhteen syseen* ‘в кучу, в грудку’, ‘непрерывно, сплошь’), которые имеют финно-угорские параллели (SSAP 2: 232).

14. *тяпша*, *тяпшá* ‘лужа с грязью’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *тяпшá* ‘грязь, грязное, топкое место’ (Олон.: Вт., Карг., Лп.) (Куликовский 1898: 122).

< Саам., ср. патс. *tuз'p`p^(A)ṣ̌teD* ‘дышать паром, испаряться’ (Itkonen 1958 1: 618).

15. *челпán* ‘небольшой холм’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *челпán* ‘горка, холм’ (Арх.: Вель., Вин., Карг., Плес., Прим., С.-Дв., Уст.; Влг.: Ваш., В.-Важ., В.-Уст., Выт., К.-Г., Ник., Устюж.) (КСГРС), ‘холм, незначительная возвышенность’ (Арх.) (Опыт: 255), ‘горб, холм, могила, округлый курган, горка’ (Арх., Влг., Перм.) (Даль 4: 589).

< Саам., ср. нот. *tšálp̄^E*, сонг. *tšo'lp*, кильд. *tšálp̄^E* ‘высокий копнообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’ (Itkonen 1958 1: 645). Корневые *чулб-/чулп-* демонстрируют более напряженный вокализм.

16. *шáлга* ‘поляна, открытое место в лесу’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. *шáлга* ‘густой, частый, глухой, труднопроходимый лес’ (Арх.: К.-Б., Мез., Прим., Уст., Холм.), ‘ровное травянистое место в лесу, на котором был покос’ (Арх.: В.-Т., Карг., Мез., Нянд., Плес., Уст.), ‘просека, узкая вырубка в лесу’ (Арх.: Он.), ‘продолговатая безлесная гора, возвышенность’ (Арх.: В.-Т., К.-Б., Нянд., Он., Плес.), ‘продолговатая возвышенность, поросшая лесом’ (Арх.: Нянд., Он.), ‘участок, отведенный для вырубki, делянка’ (Арх.: Он., Прим., С.-Дв., Холм., Шенк.), ‘ягодное, грибное место’ (Арх.: Вин., Карг., Он., Холм.) (КСГРС). Лексема в различных географических значениях отмечалась ранее в диалектных словарях: *шáлга* ‘густой, раскинувшийся на большое пространство сосновый и еловый лес’ (Арх.) (Доп. Опыт: 303), ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’ (Олон.: Карг., Вт.) (Куликовский 1898: 135), ‘участок леса, отведенный для рубки’ (Кол.) (Меркурьев 1979: 178), ‘глухой, иногда на десятки верст тянувшийся лес, среди которого есть озера’ (Арх.: Арх.), ‘обширное, только зимою проходимое болото’ (Арх.: Арх.), ‘поросшее кустарником место в лесу, где рубят дрова и укладывают их в сажени’ (Арх.: Мез.), ‘гора или холм, на которых не растет трава’ (Арх.: Он., Холм.), ‘сырая, поросшая высоким, частым ельником и вереском местность’ (Арх.: Мез.) (Подвысоцкий 1885: 191), ‘чернолесье’ (Арх.: Арх., Мез.; Сиб.) (Опыт: 262), ‘большой вхожий лес, дровосека’ (Арх., Сиб.) (Даль 4: 619), ‘лесная вырубка’ (Помор.) (Мосеев 2005: 124).

Слово отмечено в иной акцентуализации: **шалгá** ‘густой, глухой, труднопроходимый лес’ (Арх.: Мез., Прим.), ‘мелкий лес в сыром месте’ (Арх.: Уст.), ‘горелый лес’ (Арх.: Прим.), ‘топкое моховое болото’ (Арх.: Уст.), ‘ягодное, грибное место в лесу’ (Арх.: Холм.) (КСГРС), ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’ (Олон.: Выгоз.) (Куликовский 1898: 135).

Связано с приб.-фин. или саам., ср. карел. *šelkä, šelgä, selgä*, ливв. *sel'gü*, люд. *šelj, šel'g, selg, šelg, sel'g, selg, šelg', sel'ge, selge, selge, selgü, selge*, вепс. *selg, süüg* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’, фин. *selkä* ‘кряж, (горный) хребет, горная гряда’ (SKES 4: 995–996); [Мамонтова, Муллонен 1991: 86], ср. саам. патс. *šiel̥Ĝ^{NE}*, нот. *šiel̥⁹k^E*, кильд., йок. *šiel̥⁹k^E*, норв. *sæl'ge* ‘спина’ (Itkonen 1958 1: 490–491). Этимология предложена Я. Калима [Kalima 1919: 244]; (Фасмер 4: 398).

17. **шáста** ‘мох на ели’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. **шаст**, **шáста** ‘кустистый лишайник, растущий на хвойных деревьях, уснея’ (Печор.) (СРГНП 2: 439), **шаст** ‘мшарник, лишайник, сухие волосяные наросты на деревьях в виде шерсти’ (Влг.: Ник.) (Дилакторский: 566), **шáста**, **шастá** ‘то же’ (Влг.: Кадн.) (Дилакторский: 566).

< Приб.-фин., ср. фин. *saasta* ‘грязь, слякоть’, карел. *saastuo* ‘загрязняться’ (SSA 3: 140).

18. **щéлек** ‘скала с расщелиной (обычно на берегу моря)’, ‘большой растрескавшийся камень на берегу’ (Арх.: Он.) (КСГРС), ср. **щелéга** ‘подводный камень’ (Арх.) (Опыт: 270; Даль 4: 653), **щель** ‘скала’ (Помор.) (Мызников 2010: 478), (Кол.) (Меркурьев 1979: 181), ‘скала, каменный кряж’ (Олон.) (Куликовский 1898: 140), ‘каменистая гора’ (Кол.) (Меркурьев 1979: 181), ‘ровный гладкий большой камень’ (Кол.) (Меркурьев 1979: 181).

< Саам. *čielgē, tjielg, čielgi, tšielgⁱ, t'šiel⁹k^E, t'šiel̥⁹kē, t'šiel̥⁹kē* ‘кряж, хребет, возвышенность’ (< фин.) (SKES 4: 996); [Мамонтова, Муллонен 1991: 86], ср. саам. патс. *šiel̥Ĝ^{NE}*, нот. *šiel̥⁹k^E*, кильд., йок. *šiel̥⁹k^E*, норв. *sæl'ge* ‘спина’ (Itkonen 1958 1: 490–491). Начальный консонантизм (*щ-*) возник под влиянием русск. *щель, ущелье* [Мамонтова, Муллонен 1991: 86].

Образные и фразеологические лексемы в географическом значении редки. Слово *ма́ковка* ‘верхушка холма’ (Арх.: Он.) (КСГРС) реализует развитие значения ‘головка мака’ > ‘верхушка’ по признаку внешнего сходства предметов (Шведова 2007: 425). «Одежный образ» представлен в идиомах *шубный рукав* ‘медвежий угол’, *в шубном рукаве жить* ‘жить на отшибе’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

Выражение *видно как на елани* ‘о хорошем обзоре’ (Арх.: Он.) (КСГРС) включает диал. *елань* ‘открытое, безлесное место, поляна в лесу’ (Арх.: Вил., К.-Б., Лен., Уст.) (АОС 13: 95), (Влг.: Ник.) (Дилакторский: 120), (Арх.: Лен.; Киров.: Халт.) (КСГРС), (Арх.: Карг.; Влг.: Шексн.; Карел.: Белом.) (СРГК 2: 24), (Яр.: Влад., Мышк., Преч., Рост., Рыб., Толб., Тут., Угл.; Ив.; Костр.: Суд.) (ЯОС 4: 34).

Имеющее богатую традицию символического употребления числительное *семь* отмечено в выражении *на семи дорогах* ‘о местности с хорошим транспортным сообщением’ (Арх.: Он.) (КСГРС).

Задействованы в образной номинации прецедентные имена. Лексемы *палестина*, *палестинка* ‘поляна в лесу’ (Арх.: Он.) (КСГРС) представляют собой апеллятивизацию названия национальной автономии Палестина — обособленной исторической области в Передней Азии.

Историческое название восточнославянских земель Русь, воплотившееся в нарицательном *русь* ‘открытое место, луг’ (Ленингр.: Лод.) (СРГК 5: 585), легло в основу выражения *выйти на русь* ‘возвращаясь с моря, увидеть берег’, ‘выйти из леса на открытое место’ (Арх.: Он.) (КСГРС). Происхождение идиомы объясняется А. Подвысоцким: «Когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с Новой Земли, то говорят, что идут в верх, в Русь» (Арх.: Помор.) (Подвысоцкий 1885: 24).

В целом, результаты работы Севернорусской топонимической экспедиции в летний сезон 2018 г. свидетельствуют о сохранности и живом функционировании диалектной лексики на Европейском севере России и позволяют обозначить

необходимость дальнейшего полевого сбора диалектного материала.

Литература

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 222–223.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 160 с.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tie-deakatemia Toimituksia. Ser. B. Bd. XXVII. Helsinki, 1931. S. 47–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV). S. 135.

Сокращения

1. Языки и диалекты

- | | |
|--------|--|
| англ. | — английский язык |
| вепс. | — вепсский язык |
| вод. | — водский язык |
| вым. | — вымский диалект коми-зырянского языка |
| герм. | — германские языки |
| иж. | — ижемский диалект коми-зырянского языка |
| ижор. | — ижорский язык |
| йок. | — диалект Йоканьга саамского языка |
| карел. | — карельский язык |
| кильд. | — кильдинский диалект саамского языка |
| коми | — коми-зырянский язык |
| лет. | — летский диалект коми-зырянского языка |
| ливв. | — ливвиковский диалект карельского языка |
| лул. | — диалект Луле саамского языка |
| люд. | — людиковский диалект карельского языка |
| мар. | — марийский язык |
| мокш. | — мокша-мордовский диалект |
| морд. | — мордовский язык |
| нв. | — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка |

- норв. — норвежский диалект саамского языка, норвежский язык
нот. — нотозерский диалект саамского языка
патс. — диалект Патсйоки саамского языка
праслав. — праславянский язык
приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
русск. — русский язык
саам. — саамский язык
скр. — сыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сонг. — сонгельский диалект саамского языка
терск. — терский диалект саамского языка
уд. — удорский диалект коми-зырянского языка
фин. — финский (суоми) язык
франц. — французский язык
эст. — эстонский язык

2. Географические названия

- Антр. — Антроповский район Костромской области
Арх. — Архангельская область (губерния), г. Архангельск
Баб. — Бабаевский район Вологодской области
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Бел. — Белозерский район Вологодской области
Белом. — Беломорский район Карелии
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области
В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области
Вель. — Вельский район Архангельской области
Вил. — Вилегодский район Архангельской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Влад. — Владимирский район Ярославской области
Влг. — Вологодская область (губерния)
Влгд. — Вологодский район Вологодской области
Вож. — Вожегодский район Вологодской области
Волж. — бассейн р. Волга

- Вт. — Вытегорский уезд Олонецкой губернии
- В.-Т. — Верхне-Тоемский район Архангельской области
- В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области
— Выгозерский уезд Олонецкой губернии
- Выт. — Вытегорский район Вологодской области
- Галич. — Галичский район Костромской области
- Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
- Ив. — Ивановская область
- Кад. — Кадуйский район Вологодской области
- Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
- Карг. — Каргопольский район Архангельской области
— Каргопольский уезд Олонецкой губернии
- Карел. — республика Карелия
- К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
- К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
- Кем. — Кемский уезд Архангельской губернии
— Кемский район Карелии
- Кир. — Кирилловский район Вологодской области
- Киров. — Кировская область
- Кол. — Кольский полуостров
- Кологр. — Кологривский район Костромской области
- Кон. — Коношский район Архангельской области
- Костр. — Костромская область
- Котл. — Котласский район Архангельской области
- Лен. — Ленский район Архангельской области
- Ленингр. — Ленинградская область
- Леш. — Лешуконский район Архангельской области
- Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
- Лп. — Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии
- Люб. — Любимский район Ярославской области
- Макар. — Макарьевский район Костромской области

- Мант. — Мантуровский район Костромской области
Меж. — Межевской район Костромской области
Мез. — Мезенский район Архангельской области
М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области
Мурм. — Мурманская область
Мышк. — Мышкинский район Ярославской области
Нейск. — Нейский район Костромской области
Некр. — Некрасовский район Ярославской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область, г. Новгород
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области
Парф. — Парфеньевский район Костромской области
Перм. — Пермская область
Печор. — бассейн р. Печора
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Помор. — Поморье (побережье Белого моря)
Пош. — Пошехонский район Ярославской области
Преч. — Пречистенский район Ярославской области
Прим. — Приморский район Архангельской области
Прион. — Прионежский район Карелии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Рыб. — Рыбинский район Ярославской области
С.-Дв. — район г. Северодвинск
Сев. — Север
Севмор. — Североморский район Мурманской области

- Сибир. — Сибирь
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Сол. — Солигаличский район Костромской области
Суд. — Судайский район Костромской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Тер. — Терский район Мурманской области
Толб. — Толбухинский район Ярославской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
Тут. — Тутаевский район Ярославской области
Угл. — Угличский район Ярославской области
У.-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Устюж. — Устюженский район Вологодской области
Халт. — Халтуринский район Кировской области
Хар. — Харовский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Череп. — Череповецкий район Вологодской области
Чухл. — Чухломской район Костромской области
Шар. — Шарьинский район Костромской области
Шексн. — Шекснинский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Яр. — Ярославская область

3. Прочие

- диал. — диалектное
род. п. — родительный падеж
ср. — сравни

Geographical vocabulary of the European north of Russia: the expedition's discoveries

Olga Teush

Ural Federal University

The article deals with the dialectal lexemes of the European North of Russia, recorded during the field research of the territory of the Onega basin (Arkhangelsk region) conducted in 2018 by the North Russian toponymic expedition. Geographical lexemes that are new in terms of form or semantics are considered. The scientific importance of the recorded data is determined. Lexical borrowings and lexemes with dubious inner form are provided with a tentative etymology.

Key words: lexeme, semantics, meaning, Russian language; North Russian toponymic expedition.

References

Matveev A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. CH. 1. [Substrate toponymy of the Russian North. Part 1] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. Pp. 222–223.

Mamontova N. N., Mullonen I. I. Pribaltijsko-finskaya geografičeskaya leksika Karelii [Balto-Finnic geographical vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: KarNC RAN, 1991. 160 p.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen. Suomen Tiedekatemian Toimituksia [Saami loanwords in Russian. Proceedings of the Finnish Academy of Sciences]. Ser. B. V. 17. Helsinki, 1931. Pp. 47–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen [Balto-Finnic loanwords in Russian]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV [Memoirs of the Finno-Ugric Society. 44]). P. 135.

Отражение ситуаций взаимодействия и взаимосвязи в речи диалектоносителей

Наталья Алексеевна Тупикова

Наталья Анатольевна Стародубцева

Волгоградский государственный
университет

В статье рассматриваются глаголы, обозначающие взаимодействие и взаимосвязь кого-л. с кем-/чем-л. в живой речи носителей донских говоров Волгоградской области. Описанию подвергаются единицы, представленные в лексиконе диалектоносителей и в содержательном плане отражающие тематику разделов «Человек», «Трудовая деятельность». Разграничена семантика глаголов в ситуациях замены, возмещения, замещения, приспособления и др., определены категориально-лексическая, интегральные, дифференциальные семы, способствующие выражению данных значений, и модели их реализации. Особое внимание обращено на случаи совмещения признаков разных лексико-семантических групп, демонстрирующие связь системного и функционального аспектов языка, а также избирательность свойств глагола при моделировании целостной ситуации в конкретном высказывании.

Ключевые слова: донские говоры, лексикон диалектоносителей, семантика, глагол.

Важность интенсификации сбора данных по темам Программы ЛАРНГ, входящих в разделы «Человек» и «Трудовая деятельность», на что было обращено особое внимание составителей атласа, предполагает в том числе обращение к анализу лексики, которая может быть связана с обеими темами и затрагивает по своему содержанию как частную, так и общественную, трудовую, жизнь человека. Т. И. Вендина указывает, что «широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка,

может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию» [Вендина 2018: 97]. При этом в основе отбора материала должен лежать не дифференциальный, а системный подход, позволяющий отразить как узкодиалектные, так и общерусские явления, в том числе литературную лексику в речи диалектоносителей, чтобы проследить динамику исследования происходящих процессов [Там же].

Исследование глаголов дает возможность выявить важную часть семантической системы всего языка, которая «проецируется... непосредственно на реальную действительность» [Васильев 2008: 36]. Рассмотрение названной части речи дает возможность через характеристику языковых значений уточнить наше знание о типовых, стандартных приметах той или иной жизненной ситуации и одновременно расширить сведения о значении как о «сущности», представляющей «образ обозначаемого», указывающей его «важнейшие отличительные признаки» и специфику внутренней членимости на компоненты (семы, множители, коннотации и т.д.), в том числе реляционного свойства [Васильев 2008: 37].

Семантика отношения — сложный феномен для осмысления и описания, что объясняется прежде всего онтологической универсальностью категории релятивности, всеохватностью отношений. Природа, человеческий мир, мышление, язык пронизаны отношениями. «Любой объект действительности можно представить как средоточие многообразных отношений, как совокупность разноликих относительных признаков» [Гайсина 1997: 13]. Пространство, в котором релятивность обнаруживает свое «семантическое присутствие», обширно, и типология релятивных сем приводится учеными по разным основаниям в зависимости от выделяемых доминирующих признаков. В данном исследовании мы исходим из дифференциации лексических множеств, опираясь на специфику «базового глагола-идентификатора, репрезентирующего общую семантическую идею группы, и лексических конкретизаторов, связанных с репрезентацией дифференциальных семантических

признаков, существенных для каждого отдельного глагола» [Бабенко 1999: 20]. Главными в этом случае становятся не только абстрактная сема отношения, но и квалифицирующие, а также функциональные семы, указывающие на признаки участников ситуации (субъект, объект, мотив, обстоятельства и т.д.), степень синтагматической активности, валентностную характеристику глагольных предикатов в базовой модели ситуации, отраженной в высказывании (предложении), в лексическом значении стержневого глагола-предиката и в вариативном наполнении данной позиции [см. об этом: Бабенко 2002: 17–22].

При отборе материала из записей речи диалектоносителей прежде всего возникает необходимость отделить многочисленные и часто встречающиеся группы глаголов межличностных отношений и собственно контакта от глаголов взаимоотношения, отражающих в своей семантике понятия взаимодействия и взаимосвязи, которыми пользуются информанты при описании различных жизненных ситуаций в процессе беседы на заданные темы. Разнообразие семантических и смысловых реализаций потенциала языковых единиц, нагруженность слова комплексом признаков в контексте и одновременная конструктивная направленность глагола как части речи, избирательность его свойств при моделировании целостной ситуации позволили выявить категориально-лексическую сему 'осуществление взаимодействия / взаимосвязи между субъектом и объектом, пребывание субъекта во взаимодействии / взаимной связи с кем-, чем-л.'. Данная сема представлена в ее интегральных и дифференциальных признаках.

Важнейшими компонентами модели рассматриваемых ситуаций являются «субъект — предикат взаимоотношения (взаимодействия, взаимосвязи) — объект», что определяет набор интегральных сем (ИС) 'характер субъекта' (дифференциальные семы (ДС): одушевленный, конкретный, активный, эксплицитный), 'характер объекта' (ДС: одушевленный / неодушевленный, конкретный, активный / пассивный, эксплицитный / имплицитный), 'характер процесса взаимодействия /

взаимосвязи' (ДС: постоянный, прерванный, переменный, периодический и др.), 'основание взаимодействия / взаимосвязи' (ДС: зависимость, вынужденность, соответствие, свойственность, противоречие и др.), 'направленность взаимодействия / взаимосвязи' (ДС: согласованность / несогласованность, целенаправленность / нецеленаправленность и др.), 'цель процесса взаимодействия / взаимосвязи' (ДС: воздействие, способствование, противодействие и др.). Массив проанализированных фактов позволяет выделить несколько вариантов реализации названной модели.

1) Взаимодействие / взаимосвязь выражается в речи информантов на основе ситуации замены. Особенностью реализации этой ситуации является совмещение значений.

Прежде всего выделяются высказывания, организованные с помощью глаголов *менять, меняться, окунать(-ся), подменять(-ся)* и др., актуализирующие признаки взаимоотношения и передачи объекта. Один из вариантов лексического наполнения модели — «человек, отдавая что-л., принадлежащее ему, получает взамен что-л. другое». Релевантными в этом случае являются ИС 'характер процесса взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'периодический', ИС 'основание взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'зависимость'. Например: *У нас на чирдаке были, помню, матирины үусары, тауда называли вот эти вот батинки, как щас сапауи, на шнурках и немношка на каблучках. ... Вот палезим на чирдак, выберим себе обуфь, схадили ф школу... Мы с систой минялись... Идет ис школы, я ф школу. Минялись вот тут платинка была вот так вот черис прут. Мы на платини фстричаимси, миняим абуви. Я ей худую, ана мне нихудую. И адежду. Вот так* (Ермилова Е. К., 1929 г.р., пос. Реконструкция Михайловского района Волгоградской области).

При выдвигании на первый план ИС 'характер процесса взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'периодический', ИС 'основание взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'вынужденность' и ИС 'цель процесса взаимодействия / взаимосвязи'

в ДС ‘способствование’ наблюдается использование иного варианта лексического наполнения модели ситуации замены и появление совмещенной модели, где глагол актуализирует признаки взаимоотношения и получения, приобретения: «человек, отдавая что-л., принадлежащее ему, получает взамен что-л. другое, обычно равноценное, берет взамен что-л. другое»: *Трицать третий год, самый голодный. Вот мы з братьям вдваем аставались. Атец у нас ездил куда-та в Урюпинск. Минять там што-та на што-та, на свидобнае. А мы фсю ночь плакали, ждали* (Ермилова Е. К.); *ну тада были казаки и хахлы, вот, и вот нада к хахлам ехать, минять эти яблaки, фрукты там, вот, на пышницу, ну чё дадут там, пышница там, ячмень или проса и фсе такое* (Самоходкин М. М., 1935 г.р., х. Дубровский Киквидзенского района Волгоградской области).

2) Характерной является модель «субъект — предикат замены и профессионально-трудовой деятельности — объект», раскрывающая ситуацию замещения, с глаголами *подменять, заменять, переводиться* и др. Здесь наблюдается совмещение семантических признаков отношения и действия (деятельности), например, при лексическом наполнении «человек меняет род своих занятий, должность, место работы и т.п.» [см. об этом: Бабенко 2002: 326]. Материал зафиксировал, однако, более широкую вариативность реализаций данной модели. Например, при употреблении стилистически сниженных глаголов: *Ф калхози работали. ... Канешина, трудна, уаняли... Я дамахазяйкай не щиталась. Меня сквось уаняли, фсе дыры мной хотели заткнуть скрось* (Бочарова О. М., 1901 г.р., х. Калачевский Киквидзенского района Волгоградской области). В приведенном высказывании можно говорить о контекстуальном сближении выражений «меня сквось *ганяли* — *дыры* мной *хотели заткнуть* скрось», в составе которых отмечены разговорные глаголы с переносным значением, свойственным фразеологизму «затыкать дыры»: «Наспех или на время частично восполнять недостающее, устранять какие-л. недостатки в хозяйстве, бюджете

и т.п.» (БАС-3 5: 481). Невыраженность грамматического субъекта в неопределенно-личном предложении способствует выдвиганию на первый план ИС 'характер объекта' в ДС 'одушевленный', 'конкретный', 'эксплицитный', 'пассивный' (конкретизаторы: *меня, мной*), ИС 'характер процесса взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'постоянный' (конкретизатор: *сквозь*), ИС 'направленность взаимодействия / взаимосвязи' в ДС 'целенаправленность' (конкретизаторы: *фсе дыры; скрость* — 'езде, повсюду, кругом' (СДГВО: 549)), что свидетельствует о смысломоделлирующей роли семантических компонентов в высказывании.

3) Взаимодействие / взаимосвязь может выражаться в модели «субъект — предикат замены — объект» на основе ситуации возмещения. Отмечен один из вариантов ее лексического наполнения: «человек возмещает объекту что-л. или чем-л. вместо уплаты денежного вознаграждения». В речи диалектоносителей зафиксировано использование диалектных глаголов *ладиться / сладиться чем-л., приладить что-л.* Например: *Порубей-та — он җарбузов хадил туда палоть, бохчи палоть, зарабатывали, җлядиди, они хлебом али диньҗами, как сладились там. Вот так и жыли* (Бочарова О. М., 1901 г.р., х. Калачевский Киквидзенского района Волгоградской области). В «Словаре донских говоров Волгоградской области» глагол *ладиться* фиксируется со значением 'договариваться о чем-л., условливаться' (СДГВО: 292).

4) Модель «субъект — предикат взаимосвязи — объект» выражает взаимодействие / взаимосвязь на основе ситуации согласованных действий [Бабенко 2002: 355]. Это наблюдается в совмещенных моделях при актуализации семантических признаков отношения и действия (деятельности). Так, выделяется вариант лексического наполнения модели «несколько человек после переговоров и обсуждения приходят к соглашению», когда реализуются семантические признаки взаимодействия и согласованного контакта: *Патом с бапкай мы надумали сами уехать атсюда. Дом этат приладили. Паехали в Валуаурат.*

Там кум уехал атсюда наш, ну, мы к нему туда. Приехали туда, начали искать квартиры, купить дама часные. Ну, мы там ниделю жыли. Падыскали: адна татарка прадавала дом... Фсё приладили, триста рублей аддали ей — задатак (Самоходкин М. М., 1935 г.р., х. Дубровский Киквидзенского района Волгоградской области). В данном контексте релевантной является сема 'характер субъекта' (в ДС: 'одушевленный, конкретный, активный, эксплицитный'), смыслообразующую роль играет ИС 'характер объекта' (в ДС: 'неодушевленный, конкретный, пассивный, эксплицитный'). В «Словаре донских говоров Волгоградской области» глагол *ладить* фиксируется с дефиницией 'условливаться, договариваться о чем-л.' (СДГВО: 292). Однако в приведенном высказывании находит отражение редко встречающееся в речи управление глагола *ладить* Вин.п. без предлога, (*приладили дом, приладили фсё*). Прямой объект при глаголе не фиксируется диалектными словарями и, как представляется, расширяет наши представления о функциональных возможностях единицы в речевой практике диалектоносителей.

В массиве фактов встречается указанная модель «субъект — предикат взаимосвязи — объект» в варианте лексического наполнения «человек договаривается о цене или денежных условиях при покупке чего-л., побуждая партнера к уступке в цене», когда реализуются семантические признаки контакта и речевого взаимодействия: *Быка прадаёш? — Прадаю. — Сколька? Он гаварит: Три рубля. — Давай руку. Хлоп ево на руке...за траяк берёт буая. А он тауда: — Ты чё?! — А мужыки фструбели: «Он с тобой ладился па-взросламу». Он за траяк буая-быка припёр* (Александров Н. Ф., 1935 г.р., х. Калиновский Киквидзенского района Волгоградской области). Реализации семантики глагола в высказывании способствуют ИС 'характер субъекта' (в ДС: 'одушевленный, конкретный, активный, эксплицитный') и 'характер объекта' (в ДС: 'одушевленный, конкретный, активный, эксплицитный'), смыслообразующими выступают ИС 'основание взаимодействия / взаимосвязи' (в ДС 'противоречие'), ИС 'цель

процесса взаимодействия / взаимосвязи' (в ДС 'воздействие'), ИС 'направленность взаимодействия / взаимосвязи' (в ДС 'целенаправленность').

5) Отдельную группу составляют примеры, демонстрирующие реализацию совмещенных моделей со значениями взаимоотношения и социальных, межличностных связей (прежде всего, брачных, родственных и др.) [Бабенко 2002: 321–322]. Отметим, в частности, пограничный случай, когда модель «субъект — предикат взаимосвязи — объект» встречается в при реализации ситуации приспособления к кому-, чему-л. в лексическом варианте наполнения «человек находится во взаимной связи, взаимных отношениях с другим человеком, окружающей средой» с базовым глаголом *приспосабливать(ся)*: *Талтачи всякие, хто приспасабливали диривянные талкусты, што там патяжылее чем-та такое вот так. ... Люди приспособлялись ка всиму. ... таўда была мода такая, штоп палы были один пирид адним чице. Вот тапаром. Патом уژه начали приспасабливаться, миталические какие-та щётки делать, ... и вот так вот-вот, штоб доски-та аж белые были* (Калачева Н. М., 1930 г.р., х. Калачевский Киквидзенского района Волгоградской области).

6) Интерес представляет использование образных семантических моделей в вариантах лексического наполнения, когда выражается взаимный ответ человека на чье-л. действие или человек, событие делает взаимосвязанными либо лишает взаимосвязи кого-, чего-л. и др. Например: *Ани с яво жыной он спутлялся* (Бочарова О. М., 1901 г.р., х. Калачевский Киквидзенского района Волгоградской области); *Даже протиф пашел радитилей, с радитилями ани ни знались* (она же); *Долуа жыли, а патом разладились... С матэрью разладилась* (Соина Е. Н., 1924 г.р., ст. Тепикинская Урюпинского района) и др. Специального рассмотрения в отдельном исследовании требуют также варианты лексического наполнения, связанные с разграничением межличностных взаимосвязей в родственных взаимоотношениях, например: *Я помню...дед уژه старенький стал и баб Катя с отцом ушла, разделились*

(Мельникова А. Г., 1926 г.р., х. Калачевский Киквидзенского района) и др.

Таким образом, анализ материала убеждает в необходимости рассматривать глаголы взаимоотношения (со значениями взаимодействия и взаимосвязи), моделирующие различные ситуации в высказывании, отдельно от глаголов собственно контакта (межличностного, социального, эмоционального свойства и др.) и социальных отношений (имущественных, родственных и др.), а также разграничивать случаи совмещения значений.

В проанализированном массиве фактов значение взаимоотношения ограничивается случаями взаимодействия и взаимосвязи и выражается единицами, семантико-смысловое наполнение которых в контексте представляется в нескольких разновидностях и лексических вариантах наполнения ситуаций замены, возмещения, замещения, согласованных действий, приспособления и др.

Специфика словоупотребления глагольных средств в контексте требует дальнейшего описания с учетом широких функциональных связей глагола, потенциала валентностных возможностей в лексической подсистеме и их реализации в живой спонтанной речи диалектоносителей при описании человека, его трудовой деятельности, материальной и духовной культуры.

Литература

Бабенко Л. Г. Толковый идеографический словарь русских глаголов (с английскими эквивалентами): концепция, структура и основные лексикографические параметры // Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 12–22.

Бабенко Л. Г. и др. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.

Васильев Л. М. Значение как знаковая модель неязыкового содержания (образного и логического) // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Вып. 24 / отв. ред. С. Е. Родионова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 33–38.

Вендина Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 96–113.

Гайсина Р. М. Семантическая категория релятивности и ее языковое пространство // Категория отношения в языке / науч. ред. д. ф. н., проф. Р. М. Гайсина. Уфа: Изд. Башкирск. ун-та, 1997. С. 13–44.

Ways of representing the interaction and relationship situations in the speech of dialect speakers

Nataliya A. Tupikova

Natal'ya A. Starodubceva

Volgograd State University

This article discusses verbs denoting the interaction and relationship of smb. with smb. or smth. in spontaneous speech of the native speakers of the Don dialects of the Volgograd region. Described are the units presented in the lexicon of the dialect speakers and semantically belonging to the topics “Man” and “Labor”. The verbal semantic relations of replacement, compensation, substitution, adaptation etc. are differentiated, and lexico-categorical, integral, differential senses that contribute to the expression of these values, as well as some models for their implementation, are determined. Particular attention is paid to the cases of combining the characteristics of different lexico-semantic groups, for they demonstrate the relationship between the systematic and functional aspects of language, as well as the selectivity of the properties of verb when modelling a holistic situation in a specific utterance.

Key words: Don dialects, lexicon of dialects, semantics, verb.

References

Babenko L. G. Tolkovjy ideograficheskiy slovar' russkih glagolov (s anglijskimi ekvivalentami): koncepciya, struktura i osnovnye leksikograficheskie parametry [Explanatory ideographic dictionary of Russian verbs (with English equivalents): concept, structure and basic lexicographic parameters] // Tolkovjy slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms] / pod red. prof. L. G. Babenko. M.: AST-PRESS, 1999. Pp. 12–22.

Babenko L. G. et al. Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyj sintaksicheskij slovar' [Russian verbal sentences: Experimental syntactic dictionary] / pod obshch. red. L. G. Babenko. M.: Flinta: Nauka, 2002. 464 p.

Vasil'ev L. M. Znachenie kak znakovaya model' neyazykovogo sodержaniya (obraznogo i logicheskogo) [Significance as a symbolic model of non-linguistic (figurative and logical) content] // Issledovaniya po semantike: Mezhhuzovskij nauchnyj sbornik [Studies in semantics: Interuniversity scientific collection]. Issue 24 / otv. red. S. E. Rodionova. Ufa: RIC BashGU, 2008. Pp. 33–38.

Vendina T. I. «Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov» o dinamike russkoj dialektnoj leksiki [The Lexical atlas of Russian folk dialects as a source of information on the dynamics of the vocabulary of the Russian dialects] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018 [Lexical atlas of Russian Dialects (Materials and Investigations) 2018] / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 96–113.

Gajsina R. M. Semanticheskaya kategoriya relyativnosti i ee yazykovoe prostranstvo [The semantic category of relativity and its linguistic space] // Kategoriya otnosheniya v yazyke [Category of relation in the language] / nauch. red.d.f.n., prof. R. M. Gajsina. Ufa: Izd. Bashkirsk. un-ta, 1997. Pp. 13–44.

Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (значения слова *низ*)

Елена Вячеславовна Цветкова
Костромской государственный
университет

В статье рассматривается микротопонимия костромского края, которая образована на основе слова *низ*, отличающегося многочисленностью и многообразием значений во многих говорах, в том числе и в костромских. Характеризуются микротопонимы разных типов с указанием в основном сохраняющейся в них семантики апеллятивной лексики, которая подверглась топонимизации. Выявляются особенности микротопонимов данной группы ландшафтных наименований. Осуществляется их сопоставление с микротопонимами, имеющими противоположную семантику. Обращается внимание на то, что, наряду с апеллятивом *низ*, образованная от него микротопонимия, в определённой степени дополняющая информацию об этом слове и раскрывающая его особенности, может являться источником сведений для соответствующих по теме карт Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, костромская микротопонимия, костромские говоры, местная географическая терминология, значения слова *низ*, слово *низ* в микротопонимии.

Слово *низ*, восходящее к праславянскому **niz* с древним индоевропейским корнем *ni* (ср. древнеиндийское *ni* ‘вниз’) (ЭССЯ 25: 145–148), и его многочисленные производные, отличающиеся разнообразием значений, характеризуются широким распространением в русских народных говорах. На их основе образованы топонимы (в основном микротопонимы),

отражающие особенности рельефа. Обычно слово *низ* и его производные (как апеллятивы, так и образованные от них топонимы) функционируют в речи наряду со словом *верх* и его производными, что является одним из наиболее ярких примеров слов с противоположным значением в славянских диалектах (см. об этом, например, [Толстой 2012: 98]).

В говорах костромского края слово *низ* известно в значениях ‘нижняя часть чего-либо’ (то, что, по сравнению с верхом, ближе к земле, к основанию, само основание), ‘низшие, непривилегированные слои общества’, ‘низшее, плохое качество’, ‘нижняя часть реки и прилегающая к ней местность, низовье’, ‘изменное место, низина’. Первое значение можно продемонстрировать следующими примерами, показывающими разнообразие семантики слова *низ* в народной речи: ‘нижний этаж дома’, ‘нижняя часть дома’ (*А в низу куть да горница* — Кологр.; *В низу у меня очень чисто* — с. Сандогора Костр.; *На низах-то зимой холодней* — д. Готовка Судисл.; *Низ надо ремонтировать* — д. Путятино Нерехт.; *Печка-то в низу стоит* — г. Кологрив Кологр.; *Летом-то больше всё на низу кручусь* — п. Красное-на-Волге Красн.; *Сойди, милók, в низ, ведро мне принеси.* — Красн.), ‘нижняя часть комнаты’, ‘пол’ (*Верх-то в комнатах всё помыла, а низ-от уж завтра, устала* — п. Сусанино Сусан.; *Верх-то побелела, а низ-от завтра красить буду* — п. Судиславль Судисл.; *Говорит бабке, чтоб она вниз, на пол, значит, смотрела* — г. Кологрив Кологр.), ‘нижняя часть тела человека’ (*На низ-то теплей чего надень, простудишься, потом не оберёшься с тобой* — д. Борисово Кадыйск.), ‘нижняя часть одежды’, ‘подкладка одежды’, ‘нижняя одежда’, ‘изнанка’ (*А по низу-то барму пришивали, с кружевам* — д. Карабаниха Макар.; *Верх-от у пальтёшки ещё ничего, а низ-от совсем худой. Уж всё перешили. Хорошо ещё не видать, пока не снимаешь. Из чего его теперь только и делают?* — п. Кадый Кадыйск.; *Низ-то поменяла бы, вспотела ведь* — д. Калинки Судисл.; *Выверни платте на низ-то, выгорит* — д. Калинки Судисл.), ‘нижняя сторона

рукавицы' (*Низ-то у рукавиц совсём поре́лся, заплáты дéлай* — п. Кадый Кадыйск.), 'нижняя часть сапога' (*Водá-то поушла́. Сапогóв-то хватíло, то́лько нíz намочíла* — с. Лаврово Нерехт.), 'нижняя часть какого-нибудь предмета, какой-нибудь вещи' (*Нóвый свéс (подзор у кровати) дб́чка сшíла и кружевá пришíла по нízу* — п. Кружбал Нейск.; *Катарúшка — деревя́нная изогнутая дощéчка с рúчкой, а по нízу у ей рубцý. Бельё-то разглáживается, когдá к каткú прижсímáют* — Межев.), 'нижняя часть гриба' (*Нíz-то жáрю, а вéрх — в сýшку* — Нерехт.; *Козлéнок похóж на маслéнок, низ жéлтый, то́лько шляпка сухáя. Он во мхú растёт* — Костр.), 'нижняя часть стога, его основание' (*Нíz-то хорошó уклáдывать нáдо, да и дáльше то́же. Не кáж-ной стóг-от метáть умеёт* — д. Екатеринкино Кадыйск.), 'дно какой-нибудь ёмкости' (*Нíz-то у бóчки отвáлится скóро, стáрая ужé* — д. Екатеринкино Кадыйск.), 'нижняя часть отстоявшегося молока' (*Вéрх-от с молóкá сымí, а нíz-от и берí пей* — п. Судиславль Судисл.) и др. (обычно в противопоставлении к слову *вэ́рх*). Второе и третье значения в народной речи раскрываются следующим образом: *Чегó вэ́рхáм-то, начáльству-то не жíть? С нízóв весь спрós. Мы, нíz-то, за всё в отвéте* — с. Подольское Красн. (чаще слово **низ** в этом значении употребляется в форме множественного числа). *Вот вэдь обнаглéли-то совсём, то́лько бы дéньги срубíть, понадéлали. Сáмый низ, дáльше нéкуда* — п. Никольское Костр. (по сведениям картотеки Костромского областного словаря и нашим личным материалам). Данная информация может быть полезна при составлении карт ЛАРНГ (например: СМ 22034. Употребляется ли и в каких значениях слово низ? Обозначает ли оно: 1) низину; 2) мн., огороды; 3) дно; 4) основание чего-л. ..?) (Программа ЛАРНГ).

В образовании микротопонимов слово **низ** и его производные участвуют, как показывают наши материалы, практически исключительно в значениях, связанных с ландшафтом, что представляет интерес для карт ЛАРНГ (например: ЛСЛ

401 Низменное место, низина (о.н.); ЛСЛ 400 Подножье возвышенности (холма, горы); ЛСЛ 428 Поёмный луг, прилегающий к реке, озеру; Л 454 Устье реки, ручья) (Программа ЛАРНГ). Это в основном значения, которые известны многим русским народным говорам (и в определённой степени литературному языку): устье реки; часть реки, близкая к устью; нижняя часть, низовье реки, ручья; места, расположенные в нижнем течении реки; местность, прилегающая к устью, нижнему течению; часть реки вниз по течению; пойменный луг, заливаемый по весне водой; низкое место, низина; нижняя часть возвышенности; нижняя часть берега, обрыва, оврага; самая низкая часть местности, местность в низине, какие-либо объекты в низине (селения, дороги, тропы и т.д.); селение в низком месте; более низкая часть селения, более низкая часть дороги; конец, край (селения, дороги, в том числе и не низменный) и т.п. (*Так всё, что нѣже, нѣзменное, — это низ и есь* — п. Кадый Кадыйск.) (по сведениям картотеки Костромского областного словаря и нашим личным материалам). Ср.: *низ* в краснодарских, брянских, ставропольских, псковских говорах — ‘низина’, ‘территория, прилегающая к реке’, в кировских — ‘болотистое место’, в тамбовских — ‘огороды’, в калининских — ‘основание холма’ (СРНГ 21: 224), в вятских — ‘низкое, топкое место’, ‘болото’ (ОСВГ 6: 246), в русских говорах Карелии — ‘нижнее течение реки, низовье’ (СРГК 4: 23), в рязанских — ‘низкое место’, ‘низина’ (Деулино: 343), в пермских — низкое место (Полякова 2007: 230); *низá* в забайкальских — ‘низовье’ (СРНГ 21: 224; СПГ: 597), в пермских — ‘низовье’, ‘местность в нижнем течении реки’ (СРНГ 21: 224; Полякова: 230, 234); *низы́* в брянских говорах — ‘низкий заливной луг’, в псковских — ‘луг на берегу реки’ (СРНГ 21: 224), в новгородских — ‘низина, низкое место’ (НОС 6: 58), в пермских — ‘местность в нижнем течении реки’ (Полякова 2007: 234); *низь* в ярославских говорах — ‘низкое, заболоченное место’, ‘конец деревни’ (ЯОС 6: 146–47) и др. (см. также [Климкова 2007] и др., в костромских говорах (Ганцовская 2015: 236; Следы: 65)). В словаре М. Фасмера

находим следующие сведения: «В качестве географического названия *низ*, *низовская земля* обозначали в древнерусском всё Поволжье вниз от Твери» (Фасмер 3: 72).

Многочисленны в говорах костромского края ландшафтные названия (в основном географические, чаще местные, термины), являющиеся производными от слова *низ*, например: *ни́жник*, *низина*, *низинка*, *ни́збина*, *ни́зедь*, *ни́зень*, *ни́змедь*, *низиночка*, *ни́зменница*, *ни́зменность*, *ни́змень*, *ни́змётина*, *ни́зметь*, *ни́змина*, *низобье*, *низобчек* и др. (основные значения: 'низина', 'низкое место', 'сырое место', 'заболоченное место', 'болотистое место', 'топкое место', 'болото', 'сырое место у реки, ручья или озера', 'поёмный луг', 'покос в низком месте' и т.п.), которые также могут послужить материалом для карт ЛАРНГ.

Большая часть указанных значений слова *низ* и его производных, как свидетельствуют словари, известна многим говорам, как севернорусским, так и южнорусским и среднерусским. Соответственно и топонимы, образованные от этих слов, имеют широкое распространение. Такие наименования появляются в связи с тем, что народ, называя тот или иной значимый для него объект, в первую очередь исходит из его отличительных признаков. В данном случае это такой основной признак, как низменное расположение. Значимыми являются и другие связанные с этим характеристики именуемых объектов. «Микротопонимия рисует, передаёт образ пространства» [Климкова 2007: 186].

Топонимы, образованные от слова *низ* и его производных, обычно сохраняют (разумеется, уже не как имена нарицательные, а как особые имена собственные, очень близкие нарицательным) семантику этих местных географических терминов, в определённой степени даже дополняя и иллюстрируя её.

Как показывают наши микротопонимические материалы, само слово *низ* в образовании топонимов является менее активным по сравнению с его производными. Такой вывод, правда, можно считать относительным, поскольку

значительная часть этих микротопонимов очень близка именам нарицательным, часто нечётко выражена, выделяется только при доскональном изучении их функционирования в живой народной речи, то есть в данном случае можно говорить о том, что эта часть топонимической системы костромского края исследована недостаточно полно.

Обратим внимание на основные виды топонимов, созданных непосредственно от слова *низ* (а также *низá*, *низы́* и *ни́зом*), с указанием сохраняющейся в них семантики:

1. Устье, нижняя часть реки (обычно во мн. ч.): место в нижней части реки *Низы́* (*В Низáх рекá не такáя чистáя — д. Мослово Мантур.*).

2. Места на реке около устья, ниже по реке, например, места рыбной ловли, места купания: рыболовное место *Низ* (*Верх — там, где плотина. В Верху ловили крупную рыбу, а в Низу — мелкую — г. Нерехта Нерехт.*), место купания *Низ* (*В Верху купались. И Низ тоже — это ниже — д. Калинки Судисл.*).

3. Местность рядом с устьем, нижней частью реки: несколько деревень в низовье реки *Низы́* (*Низы́ — все деревни, что вниз по реке Унже — д. Погорелки Мантур.; Сноха-то у меня с Низов — Мантур.*), территория в нижнем течении реки Унжи *Низы́* (*Армяки-то были, эти кафтаны, из Низов привезли, из Кологрива — д. Шартаново Чухлом.*).

4. Нижняя часть берега, обрыва и т.д., соответственно находящиеся там поля, луга, покосы: покос *Низ* (*Завтре Низ косить будем — д. Екатеринкино Кадыйск.*), часть поля *Низ* (*Низ вчера они пахали — д. Калинки Судисл.*).

5. Пойменный луг, низкий, заливной: луг *Низы́* (*На Низах-то трава нонче больно хороша, много накосим — Мантур.*).

6. Низина, низменность, низкое место, низменное место: низкое место *Низы́* (*Низкое место это, вот все Низы́ и звали, сейчас уж мало кто помнит об этом, наверно, не слышала, вот сейчас только вспомнила, как спросила-то ты — д. Калинки Судисл.*).

7. Объекты на низком месте (часто покосы): покосы **Низá** (*Низá — покóсы. Низá кóсят, это у рéчки Берёзовки — п. Павино Павин.*).

8. Селение (обычно в низовье реки, в низине или в более низком месте по сравнению с другими населёнными пунктами или иными объектами, находящимися поблизости): деревня **Низá**. (*Низá — в пяти километрах от Андреевского. В Низá многие гулять ходят — с. Андреевское Сусан.*).

9. Часть селения, обычно находящаяся ниже по сравнению с более высокой частью (это может быть и один из концов селения, в том числе и находящийся не ниже другого конца, а также старая часть селения, так называемая прежняя деревня или прежнее село): нижняя, старая часть села Сидоровское **Низ / Низóвье** (*Низóвьем, Нízом называют нízнюю часть селá со старými домáми — с. Сидоровское Красн.*), нижняя часть деревни Путятино **Низ** (*Низ — нízняя часть дерéвни Путятино — Нерехт.*), улица **Низ** в п. Чистые Боры (*Низ — неофициальное назвáние ýлицы Центральной в посёлке Чистые Боры — г. Буй Буйск.*), часть п. Караваево **Низ** (*А то, что нízже по ýлице Штёймана, это Низ назывáется. Всё, что рядом с академией находится, вёрхняя часть ýлицы Учебный городóк, называют у нас в посёлке Гóрка, мы вот на Гóрке сейчáс (дáже магазин вон назвáli «На Гóрке»), а то, что у клубá, нízже по ýлице Штёймана, это Низ назывáется. Потому что ýлица от вéзда в посёлок вниз идёт. Вот так и зовёт нарóд — п. Караваево Костром.*).

10. Дорога или тропа рядом с селением, часто расположенные ниже этого селения или основной дороги рядом с ним: тропа **Нízом** в с. Подольское (*В Крáсное-то ходила Нízом. Машинная дорóга — Вёрхом. Трóпочка-то — Нízом. А та трóпочка — Вёрхом — с. Подольское Красн.*), дорога вдоль шоссе, перед крайними улицами д. Калинки **Нízом** (*Шлй-то мы Нízом — д. Калинки Судисл.*), тропа **Нízом** (*Вы Нízом шлй-то? — п. Никольское Костр.*), тропа **Нízом** (*Нízом чéрез Шаблóкинскую канáву — это к нам, к Здемирову — с. Здемирово Красн.*).

Основная часть выявленных нами значений у слова *низ* и в топонимии существует наряду с противоположными им значениями слова *верх*. Обычно это звучит и в речи диалектоносителей при характеристике объектов с такими названиями, что представлено и в приведённых выше примерах.

Как показывают рассмотренные нами примеры, слово *низ*, так же как и слово *верх*, в костромской топонимии используется в основном для наименования объектов по их связи с рекой (её частями), нижних частей объектов, низко расположенных, низменных объектов, какой-либо части местности (и конкретного объекта) — менее возвышенной по сравнению с другой частью (другими частями), а также конца, края объекта — селения, дороги, поля и др. (чаще всё-таки расположенного ниже других частей, в низине). В целом же, как и при характеристике микротопонимов, образованных от слова *верх* (см. [Цветкова 2018]), можно говорить о двух основных, как точно отмечает Е. Л. Березович, «различных в ориентационном плане ситуациях»: «высотной» (по выражению признака «вверху» — «внизу») и «гидрографической» (по привязке к реке). Вторая ситуация «предполагает объективацию и вынесение точки отсчёта вовне, что соответствует современной научной гидрографической системе». «При этом может выражаться как абсолютный признак — расположение объекта в верховьях или низовьях рек, так и относительный (что гораздо чаще) — расположение объекта выше или ниже по течению. Для выражения абсолютного признака, помимо прилагательных *верхний* и *нижний*, могут быть использованы тополексемы *верх*, *вершина*, *низ*, *устье (усть)*» [Березович 2009: 107]. В других случаях, например, при обозначении границ какого-либо пространства (конец, край) как нарицательными словами, так и микротопонимами, можно говорить о дополнительной семантике (см. об этом, например, [Березович 2009: 108]). Что касается положения о том, что «в топонимии никак не отразились те коннотации и семантические связи *верха* и *низа*, которые существуют в других сферах народной духовной культуры» (сакральная положительная

отмеченность *верха* и негативность *низа*) [Березович 2009: 109], противоречащих ему примеров костромских топонимов в имеющихся у нас материалах также не обнаружено.

Топоним *Низ* (*Низá, Низы́, Низом*, а также и др.) не всегда имеется в костромских говорах в паре с топонимом-антонимом *Верх* (*Верхá, Верхí, Вёрхом*, а также и др.), который соответственно также может существовать без пары. Как пишет В. А. Никонов, «пара не обязательно выражена внешне полностью в обоих членах», «пара — только частный случай топонимических групп, нередко многочленных, а они, в свою очередь, — одно из проявлений общего топонимического закона: каждое название — звено ряда» [Никонов 1965: 35]. Конечно, характеристика по наличию или отсутствию такой пары не является постоянной. С течением времени по разным причинам в топонимической системе могут происходить изменения.

И «нижние», и «верхние» микротопонимы, встречающиеся повсеместно, наиболее активно функционируют в пределах небольшой территории (одного селения и его окрестностей), что можно считать типичным (см. об этом, например, [Климова 2007: 140]).

Названия, образованные на основе апеллятивов, производных от слова *низ*, имеющих те же значения, что и лексема *низ*, а также и другие значения, многочисленны в костромской топонимической системе. Это и собственно топонимы, и микротопонимы (в большинстве случаев), например: село *Понизье* (Антроп.), деревня *Низкая Грива* (*Низкая Грива недалече была от Средней. Грибные места на Низкой Гриве. Находится под пригорком, потому и Низкая, а Грива — связано с лесной местностью* — п. Павино Павин.), улица г. Костромы *Низовья* (*Низовья улица — от Верхней Набережной улицы до Литейного переулка. Спускается под уклон к реке Волге. Первоначально часть Никольской слободы, современное название получила в двадцатые годы* — г. Кострома), самая низкая часть посёлка Космынино *Низкое* (*Ходила я за молоком аж на Низкое* — п. Космынино Костр.) и мн. др. (см. об этом также, например, [Цветкова 2015]). Особенно значи-

тельно количество топонимов, содержащих определение *ни́жний* (чаще это составные названия, образованные по схеме «географический термин + определение *нижний*»): *Ни́жние лúковщицы* — каменный перебор на р. Вершуге (*На Ни́жних лúковщицах па́рня ви́дели* — г. Буй Буйск.), *Ни́жняя ме́льница* — мельница (*Ни́жняя ме́льница находíлась в низíне реки́ Во́хма. Очень по́льзовалась спрóсом у крестья́н. Ни́жней на́звана потому́, что находíтся в низíне* — с. Согра Вохом.), *Ни́жний о́мут* — омут на реке Ноля (*Ни́жний о́мут — у Жа́довской ме́льницы* — д. Чмутово Галич.), *Ни́жний сад* — сад (*Ни́жний сад находíлся ни́же у дере́вни Анту́шево, а тепе́рь его́ нет, назва́ние оста́лось* — д. Антушево Остров.), *Ни́жний поло́й* — место впадения ручья в реку (*В Ни́жнем поло́е мно́го ры́бы во́дится* — д. Оглоблино Солиг.), *Ни́жний Прудóвский* — починок (Поназ.), *Ни́жняя* — река (*Ни́жняя протека́ет вблизи́ села́ О́дбевское* — г. Шарья Шарьин.) и мн. др. Часто с такими названиями соседствуют наименования с определением *ве́рхний*, что демонстрирует одну из важнейших общих черт географических названий — их сравнительность (см. об этом, например, [Никонов 1965: 34]).

Значительной части костромской топонимии изучаемой тематики можно найти соответствия в топонимии других территорий распространения русских народных говоров. Ср.: *Низ* — большой луг к югу от деревни Жукотень, *Низ* — заливной луг у реки Остёр к югу от деревни Полицкое, *Низок* — участок леса на месте бывшего карьера в двухстах метрах от деревни Зверинка и др. (Максимчук 2012: 172); *Низы* — *средняя часть г. Онеги* (Подвысоцкий 1885: 102, 125), *Низедь* — *поле у села Уролк* (Полякова 2007: 231) и мн. др. (Смолицкая 2002; Климова 2006 и др.).

Топонимы, образованные на основе слова *низ*, также как и на основе слова *верх* и его производных, характерны для славянских языков. Сведения об этом есть, например, в «Руководстве по славянской топономастике» В. Шмилауэра. Так, в статье о слове *nizъkъ* приводятся примеры таких топонимов: *Нискиа врхъ* (болгарский), *Niska Preslop*

(македонский), *Nisko* (сербо-хорватский), *Nizka* — *Niezky* (верхнелужицкий), *Niziny* (польский), *Низківка* (украинский), *Ніжня Жары* (белорусский), *Низкое*, *Нижняя* (русский) и др. (Šmilauer 1970: 128).

Итак, слово *низ* и его производные занимают заметное место в лексической системе говоров костромского края, а образованные от них топонимы (в основном микротопонимы) — в его топонимическом пространстве. Наряду с нарицательной лексикой данные топонимы, без сомнения, могут быть использованы в работе над картами ЛАРНГ.

Литература

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / под ред. А. К. Матвеева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 328 с.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. 360 с.

Цветкова Е. В. Географический термин *низина* в костромской микротопонимии // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). Ч. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 223–227.

Цветкова Е. В. Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ по теме «ландшафт» (значения слова *верх*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 450–466.

Список сокращений в названиях районов Костромской области

Буйск.— Буйский.	Нейск.— Нейский.
Вохом.— Вохомский.	Нерехт.— Нерехтский.
Галич.— Галичский.	Остров.— Островский.
Кадыйск.— Кадыйский.	Павин.— Павинский.
Кологр.— Кологривский.	Поназ.— Поназыревский.
Костр.— Костромской.	Солиг.— Солигаличский.
Красн.— Красносельский.	Судисл.— Судиславский.
Макар.— Макарьевский.	Сусан.— Сусанинский.
Мантур.— Мантуровский.	Чухлом.— Чухломский.
Межев.— Межевской.	Шарьин.— Шарьинский.

Kostroma micro-toponymy as a source of data for the Lexical atlas of Russian folk dialects (meanings of the word *низ*)

Elena V. Cvetkova

Kostroma State University
named after N. A. Nekrasov

This article discusses the set of micro-toponyms from the Kostroma region derived from the word *низ* which is notable for large number and variety of meanings in many dialects, including those of Kostroma. Micro-toponyms of different types are characterised by indicating the semantic values of appellative lexemes which generally remain in them even after their having undergone toponymisation. Pointed out are the micro-toponymic peculiarities of this group of landscape names. The micro-toponyms are compared to their counterparts which feature the opposite semantic values. Attention is paid to the fact that, along with the appellative *низ*, micro-toponyms derived from it and to some extent supplementing information on this word and revealing its peculiarities can be a source of data for the corresponding maps of the Lexical atlas of Russian folk dialects.

Key words: toponymy, micro-toponymy, Kostroma micro-toponymy, Kostroma dialects, local geographical terminology, meanings of the word *низ*, word *низ* in micro-toponymy.

References

Berezovich E. L. Russkaya toponimiya v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i čelovek [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: Space and man] / pod red. A. K. Matveeva. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Knizhnyj dom «LIBRIKOM», 2009. 328 p.

Klimkova L. A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoj kartine mira [Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world]. Arzamas: AGPI, 2007. 394 p.

Nikonov V. A. Vvedenie v toponimiku [Introduction to toponymy]. M.: Nauka, 1965. 179 p.

Tolstoj N. I. Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: Semasiologičeskie etyudy [Slavic geographical terminology: Semasiological studies] / otv. red. S. B. Bernštejn. Izd. 3-e. M.: Knizhnyj dom «LIBRIKOM», 2012. 360 p.

Cvetkova E. V. Geografičeskij termin nizina v kostromskoj mikrotoponimii [The geographical term nizina in the Kostroma microtoponymy] // Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regionalnyh issledovanij (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie našego Otečestva»): materialy V mezhdunar. konf. po istoričeskoj geografii [Historical geography of Russia: a retrospective and the present of complex regional studies (on the 100th anniversary of the accomplishment of publication of the volumes of the series "Russia. A complete geographical description of our Fatherland"): materials of the 5th international conference in historical geography] (Sankt-Peterburg, 18–21 maya 2015 g.). Part 1. SPb.: LGU im. A. S. Puškina, 2015. Pp. 223–227.

Cvetkova E. V. Kostromskaya mikrotoponimiya kak istočnik svedenij dlya LARFD po teme «landshaft» (znacheniya slova verh) [Kostroma microtoponymy as a source of information for LARFD on the topic «landscape» (the meaning of the word verh)] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018 [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and Investigations) 2018] / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 450–466.

К ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФИТОНИМОВ С ЭЛЕМЕНТАМИ *сорб-/серб-*

Татьяна Владимировна Шалаева
Институт славяноведения РАН

Статья посвящена этимологии восточнославянских лексем, обозначающих ежевику и шиповник и включающих элементы *сорб-/серб-*. Детальный анализ их структуры приводит к выводу о том, что, по-видимому, данные формы не являются исконными, как считает большинство исследователей. Скорее, они представляют собой заимствования, вероятным источником которых послужила латинская лексема *sorbaria*. Она обозначает кустарниковое растение рябинник, принадлежащее к тому же семейству розовые, что и ежевика, и шиповник.

Ключевые слова: славянская этимология, заимствования, ежевика, шиповник.

Фитонимы, включающие элементы *сорб-/серб-*, в основном называют в восточнославянских языках растения семейства розовые (*Rosaceae*) — ежевику (*Rubus*) и шиповник (*Rosa*). Они локализируются в южнорусском наречии, в западных среднерусских говорах, в северо-восточных говорах белорусского языка (Витебская область) и, по-видимому, на части территории Украины¹. Их географическое распространение в русском языке, по данным «Лексического атласа русских народных говоров», можно видеть на карте-схеме № 1². В памятниках письменности они отмечаются со второй половины XVII в., по сведениям «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

¹ Об их наличии в украинском языке приходится говорить с осторожностью, поскольку из доступных мне украинских лексикографических источников лишь «Этимологический словарь украинского языка» приводит форму *сербері́на* ‘шиповник’ со ссылкой на «Латинско-малорусский ботанический словарь», изданный в Кракове в 1936 г. (ЕСУМ 5: 216).

² В качестве приложения к статье даются карты-схемы, сделанные на основе карт первого тома «Лексического атласа русских народных говоров»

Для большей части лексем, сочетающих в себе значения 'ежевика' и 'шиповник', характерна следующая структура: во-первых, начальный элемент *сорб-* или *серб-* и, во-вторых, сочетания *-ал-*, *-ол-* или *-ар-* после *б*. Каждая из приводимых ниже форм имеет как минимум одну из этих особенностей. Другие структурные варианты уступают представленным здесь по количеству, выражают лишь одно из значений и будут рассмотрены позднее.

Лексемы на *сорб-*: 'ежевика' — русск. диал. пск. *сорбалі́на* (СРНГ 40: 12; ЛАРНГ 2017: 438–440; КПОС), *сорболины́* (удар.?) 'ягоды вроде малины' (КПОС), *сорбалі́ка* (ЛАРНГ 2017: 438–440; ОЛА 2000: 108–109), *сорбб́вина* (СРНГ 40: 13), смол. *сорбалі́ник* (ЛАРНГ 2017: 438–440); 'шиповник' — русск. диал. ряз. *сорбалі́на* (ЛАРНГ 2017: 274–279), калуж. *сорбалі́нник* (СРНГ 40: 12);

лексемы на *серб-*: 'ежевика' — русск. диал. твер. *сербалі́нник* (ЛАРНГ 2017: 438–440), пск. *серболі́на* (КПОС), блр. диал. *сербалі́на* (ЛАБНГ 1: 95–96; ОЛА 2000: 108–111), *сербалі́н* (ЭСБМ 12: 62–63); 'шиповник' — ст.-русс. *сереборинникъ* (Мат. медиц., 1287. 1682 г.; Лекс. Волчк. 1755 г., ч. I, с. 1006; Комов, О земледелии, 1788, с. 277) (СлРЯ XI–XVII 24: 80; КСлРЯ XVIII³), *сереборинникъ* (ДТП I, 266. 1676 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 80), *серебаринникъ* (Вейсм. Лекс. 1731 г., с. 285; Савари, Лексикон о коммерции. 1747 г., с. 18; Ag. 1798, I, с. 466; Курган. Письмовн., 4 изд., 1750 г., с. 271; Сл. на шести яз., 1763 г., с. 46; Лекс. Волчк. 1755 г., ч. I, с. 524, 811) (КСлРЯ XVIII), *серобаринникъ* (Заб. Дом. быт, I, 520. 1687 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 80), *сербаринникъ* (САР1, V, с. 421; Хозяин и хозяйка, ч. VII, отд. 2, 1789 г., с. 234; Рихтер Г. Полная этика, 1790 г., с. 127; ВПД, ч. IX, 1795 г., с. 162; Ручная книга

«Растительный мир». Карта-схема № 1 составлена по материалам карты № 77 по вопросам Л 70 «Шиповник», Л 71 «Плод шиповника» (автор Л.П. Батырева) (ЛАРНГ 2017: 274–279) и карты № 130 по вопросу Л 118 «Ежевика» (авторы Т.И. Вендина, В.В. Вересиянова) (ЛАРНГ 2017: 438–440).

³ Выражаю благодарность Г.А. Молькову за предоставление материалов картотеки «Словаря русского языка XVIII века».

с.-х., ч. II. 1803, с. 214, ч. VIII, 1804 г., с. 171) (КСлРЯ XVIII), *серебоиный цвѣтъ* (Lud., 85. 1696 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 80), *сербиново древо* (Травник Любч., 529. XVII в.) (СлРЯ XI–XVII 24: 75), *серебориновой цвѣтъ* (Честный изменник, Тих. II, с. 199, 1775 г.) (КСлРЯ XVIII), *сереборинный цвѣтъ* (Честный изменник, Тих. II, с. 198, 1775 г.) (Там же), русск. диал. дон. *сербаріна* (СРНГ 37: 181), ворон. *сербарін* (Там же), ворон., калуж., ряз. *сербарінник* (Там же), курск., орл., ворон. *сербаліна* (ЛЯРНГ 2017: 274–279; СРНГ 37: 181), орл., ряз. *сербалін* (Там же), тул. *сербалінник* (ЛЯРНГ 2017: 274–279), тул. *сербалѣзник* (СРНГ 37: 181), твер. *сербалынина* (Там же), курск. *сереболіна* (СРНГ 37: 196), курск., орл., ворон., белгород., рост., волгогр., ставроп., азерб. (русс.) *серберіна* (ЛЯРНГ 2017: 274–279; СРНГ 37: 182), ворон., рост. *сереберіна* (ЛЯРНГ 2017: 274–279), тул. *серберін* (СРНГ 37: 182), орл., ворон. *сербеліна* (ЛЯРНГ 2017: 274–279; СРНГ 37: 182), азерб. (русс.) *серберы* (СРНГ 37: 182), курск., тул., ворон., ряз. *серберінник* (ЛЯРНГ 2017: 274–279; СРНГ 37: 182), орл. *себерінник* (ЛЯРНГ 2017: 274–279), орл. *серпелінник* (Там же), ворон. *серберічник* (СРНГ 37: 182), *серберішник* (ЛЯРНГ 2017: 274–279), орл., ворон., рост. *серберіка* (Там же), ворон. *сербеніна* (Там же), укр. *серберіна* (ЕСУМ 5: 216);

лексемы с *-ал-*: ‘ежевика’ — русск. диал. пск. *сорбаліна* (СРНГ 40: 12; ЛЯРНГ 2017: 438–440; КПОС), *сорбаліка* (ЛЯРНГ 2017: 438–440; ОЛА 2000: 108–109), смол. *сорбаліник* (ЛЯРНГ 2017: 438–440), пск. *сырбаліна* (КПОС), *сырбалін* (Там же), твер. *сербалінник* (ЛЯРНГ 2017: 438–440), пск. *чербаліна* (ОЛА 2000: 108–109), *чербаліна* ‘ягода, похожая на малину, черного цвета; ежевика (?)’ (КПОС), *чербалінина* (ОЛА 2000: 110–111), смол. *цербалін* (Добровольский 1914), твер. *щчербалінник* (ОЛА 2000: 108–109), *щчербалінина* (ОЛА 2000: 110–111), блр. диал. *сырбаліна* (ЛАБНГ 1: 95–96), *сурбаліна* (ЛАБНГ 1: 95–96), *сербаліна* (ЛАБНГ 1: 95–96), *сербалін* (ЭСБМ 12: 62–63), *сірбаліна*

(ОЛА 2000: 108–111; ЛАБНГ 1: 95–96), *сѣрбалѣнина* (Там же), *ширбалѣна* (ЛАБНГ 1: 95–96), *чурбалѣна* (РС: 33), *шчарбалѣна* (Там же); ‘шиповник’ — русск. диал. ряз. *сорбалѣна* (ЛАРНГ 2017: 274–279), калуж. *сорбалѣнник* (СРНГ 40: 12), курск., орл., ворон. *сербалѣна* (ЛАРНГ 2017: 274–279; СРНГ 37: 181), орл., ряз. *сербалѣн* (ЛАРНГ 2017: 274–279), тул. *сербалѣнник* (Там же), тул. *сербалѣзник* (СРНГ 37: 181), твер. *сербалѣнница* (Там же), ворон. *чербалѣ* (Даль 4: 590), *чербалѣна* (Там же), *чербалѣнник* (Там же; Опыт: 256);

лексемы с *-ол-*: ‘ежевика’ — русск. диал. новг. *сырболѣна* (СРНГ 43: 149), свердл. *сырболѣна* (Там же; СРГСУД: 524), пск. *серболѣна* (КПОС), *сорболины* (удар.?) ‘ягоды вроде малины’ (Там же); ‘шиповник’ — русск. диал. курск. *сереболѣна* (СРНГ 37: 196);

лексемы с *-ар-*: ‘ежевика’ — русск. диал. пск. *сурбарѣн* (КПОС); ‘шиповник’ — ст.-русс. *серобаринникъ* (Заб. Дом. быт, I, 520. 1687 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 80), *серебаринникъ* (Вейсм. Лекс. 1731 г., с. 285; Савари, Лексикон о коммерции. 1747 г., с. 18; Ag. 1798, I, с. 466; Курган. Письмовн., 4 изд., 1750 г., с. 271; Сл. на шести яз., 1763 г., с. 46; Лекс. Волчк. 1755 г., ч. I, с. 524, 811) (КСлРЯ XVIII), *сербаринникъ* (САР1, V, с. 421; Хозяин и хозяйка, ч. VII, отд. 2, 1789 г., с. 234; Рихтер Г. Полная этика, 1790 г., с. 127; ВПД, ч. IX, 1795 г., с. 162; Ручная книга с.-х., ч. II. 1803, с. 214, ч. VIII, 1804 г., с. 171) (Там же), русск. диал. дон. *сербарѣна* (СРНГ 37: 181), ворон. *сербарѣн* (СРНГ 37: 181), ворон., калуж., ряз. *сербарѣнник* (Там же).

Что касается этимологии, то большинство ученых возводят данные лексемы к индоевропейскому корню, представленному в лит. *serbentà* ‘смородина’, *siŕpti* ‘спеть (о ягодах)’, лат. *sorbus* ‘рябина’, др.-инд. *sāras* ‘сердцевина дерева’, лит. *saŕtas* ‘гнедой (о лошади)’, латыш. *sārts* ‘красный на вид’, и считают, что первичным признаком номинации в них был цвет, вероятно, красный (Фасмер 3: 721; ЕСУМ 5: 216; ЭСБМ 12: 62–63; Fraenkel: 776; Karulis 2: 157 (без славянского

материала); Walde–Hoffman: 562 (без славянского материала); Pokorný: 910–911).

Р. Якобсон предложил собственно славянскую этимологию, а именно общее происхождение для русск. диал. *соробалі́на* ‘ежевика’ и чешск. *srabařina* ‘дрянь’, словац. *sraborit* ‘моль’ от праславянского корня **sorb-* из первичного **svorb-*, которому родственен корень **sъrb-* из **svъrb-* ‘зудеть, чесаться’, откуда могли появиться лексемы типа блр. диал. *сербалі́на* ‘ежевика’ и русск. диал. *сербалі́на*, *сербері́на* ‘шиповник’ (см. выше). Таким образом, растение получило название из-за своей колкости (цит. по (Фасмер 3: 721)). Эту версию поддержала Ж. Ж. Варбот и реконструировала русск. диал. свердл. *сырбóллина* ‘ежевика’ как **svъrborina* [Варбот 2007: 7]. Также данная этимология стала основой для реконструкции в легенде карты «Ежевика» в томе «Растительный мир» «Общеславянского лингвистического атласа», где она дается как **sъrbalina* (ОЛА 2000: 109) и поддерживается в комментарии карты «Шиповник», «Плод шиповника» тома «Растительный мир» «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛЯРНГ 2017: 278–279).

Обе изложенные этимологические версии, кажется, имеют свои недостатки и не могут до конца объяснить происхождение приведенных слов, но учет многообразия их фонетических вариантов и их детальное рассмотрение, вероятно, поможет дать ответ на вопрос об их этимологии. В этом немаловажную роль играет привлечение нового диалектного материала.

Чтобы связать элементы *сорб-/серб-* с предложенными индоевропейскими соответствиями (лит. *serbentà* ‘смородина’, лат. *sorbus* ‘рябина’), необходимо реконструировать праславянские корни **sorb-*/**serb-* со значением или ‘ягода’, или ‘цвет’, или ‘менять цвет (в том числе, о ягоде)’. Но, насколько можно судить, славянские языки такой возможности не предоставляют. М. Фасмер приводит форму русск. пск. *соробалі́на* ‘ежевика’ (Фасмер 3: 721), которая могла бы быть продолжением праслав. **sorb-*, но в других источниках она не встречается. В «Словаре русских народных говоров» она

дается со ссылкой на М. Фасмера (СРНГ 40: 17)⁴. Праслав. **serb-* в указанном значении можно было бы реконструировать на основе ст.-русск. *сереборинникъ, серебориникъ, сереборинный*, русск. диал. ворон., рост. *сереберина* (см. выше), но эти формы представляются вторичными, если учесть количественное преобладание над ними лексем на *serb-* и ограниченность их семантики значением 'шиповник'. Скорее, *e* перед *b* является вставкой, позволяющей избежать стечения согласных. Сомнения в данном случае вызывает также многообразие и неустойчивость структуры старорусского материала: в нем представлены фонетические сочетания *серебор-*, *серобор-*, *серабор-*, *серебар-*, *серобар-*, *серабар-*, ср. в дополнение к приведенным выше ст.-русск. *серабарильный* 'шиповниковый, боярышниковый' (АМГ III, 316. 1661 г.) (СлРЯ XI–XVII 24: 75), *сераборинный* 'то же' (Пис. к Матюшкину, 52. 1657 г.) (Там же: 80–81), *серебаринный* 'то же' (ДТП I, 285. 1676 г.) (Там же), *сероборинный* 'то же' (Мат. медиц. II, 178, 1657 г.; Мат. медиц., 377. 1670 г.) (Там же).

Что касается славянской этимологии, возводящей данные формы к корням **s(v)orb-*/*s(v)orb-* 'зудеть, чесаться', то и ее нельзя признать окончательно убедительной, хотя дериваты этих корней, действительно, регулярно называют в славянских языках колючие или горькие растения. В частности, в русском языке подобные фитонимы отмечаются на всей территории, хотя наиболее частотны в южнорусском наречии [Меркулова 1967: 81] (см. карту-схему № 2⁵). Среди них (или похожих на

⁴ В картотеке «Словаря русского языка XVIII века» встретилось словосочетание *сороборинный цвѣтъ* (Честный изменник, Тих. II, с. 198, 1775 г.). Однако в том же тексте и с тем же значением употребляются конструкции *серебориновой цвѣтъ* (Честный изменник, Тих. II, с. 199, 1775 г.) и *сереборинный цвѣтъ* (Честный изменник, Тих. II, с. 198, 1775 г.), которые заставляют усомниться в первичности формы *сороборинный* и дают основания толковать ее как результат их преобразования.

⁵ Карта-схема № 2 составлена по материалам карты № 148 по вопросу Л 136 «Зверобой» (авторы Т.Н. Колокольцева, Р.И. Кудряшова) (ЛАРНГ 2017: 491–493) и карты № 153 по вопросу Л 140 «Крапива» (автор Л.Ю. Зорина) (ЛАРНГ 2017: 512–516).

них) также имеются наименования шиповника: ср. ст.-русск. *свероборинникъ* (ДТП I, 1680. 1673 г.; Поликарпов, Лекс. 1704, с. 297) (СлРЯ XI–XVII 23: 113; КСлРЯ XVIII), *свороборина*, *свороборинъ* (Псков. разгов. I, 66. 1607 г.; Х. Рад., 79. 1628 г.; Проскинитарий Арс. К., 14. 1686 г.; Леч. III, 117. XVIII в.) (Там же: 195–196), *сверебаринный* ‘шиповниковый’ (МАН, т. 4, с. 94–95, 1739 г.) (КСлРЯ XVIII), *свероборинный*: *свероборинный сахар* (Поликарпов, Лекс. 1704, с. 297) (Там же), *свороборинный цветъ* (АБП, т. 2, с. 185, 187, 189, 1701 г.) (Там же), русск. диал. ворон., белгород., ставропольск., башкир. (русск.) *сверберіна* (ЛАРНГ 2017: 274–279; СРНГ 36: 234), белгород. *свербевіка* (ЛАРНГ 2017: 274–279), орл., рост. *свербеніка* (Там же), пенз. *своробін* (Там же), *свороборина* (Анненков) (СРНГ 36: 327), *свороборинное дерево* (Анненков) (Там же), кемер. *своробная трава* (Там же); укр. диал. *свербігуз* (Шило 2008: 235; Негрич 2008: 156), *свербівус* (Шило 2008: 235), *свербіус* (Сл. буковин.: 479), *свербівуска*, *свербіуска* (Там же), *свербек* (Шило 2008: 235), *свербіло* (Шило 2008: 235; ЕСУМ 5: 188), *свербіган* (Там же), *сверблічка* (Шило 2008: 235), *сверблѡх* (Там же), *свербак* (ЕСУМ 5: 188).

Таким образом, возведение к праслав. **s(v)rb-* может объяснить происхождение лексем с элементом *серб-* типа русск. диал. пск. *серболіна*, блр. диал. *сербаліна* ‘ежевика’, русск. диал. *серберіна*, *сербарін*, *сербаліна* ‘шиповник’ (см. выше), поскольку корень *серб-* регулярно преобразуется в *серб-*. Примером служат следующие формы: русск. диал. распр. *сербѣть* ‘зудеть, чесаться’ (СРНГ 37: 182) (из *свербѣть*), перм. *сербѣж* ‘зуд’ (Там же) (из *свербѣж*), тамб. *сербигус* ‘растение сем. крестоцветных; свербига восточная’ (СРНГ 37: 183) (из *свербигуз*), тул., рост., Волгоград. *сербўчка* ‘крапива’ (ЛАРНГ 2017: 512–516) (из *свербўчка*). Тем самым, русск. диал. *серберіна* допустимо выводить из *сверберіна*.

Однако толкование форм типа русск. диал. *сорбаліна* ‘ежевика’, ‘шиповник’ как континуантов праслав. **s(v)orb-*

представляется проблематичным. Во-первых, как указывалось выше, диалектные словари не фиксируют форму *сорбалі́на*. Во-вторых, при частотном переходе *сверб-* в *серб-* в восточнославянских языках, насколько можно судить по имеющимся источникам, отсутствует изменение корня *свороб-* в *сороб-*. Хотя его фонетическая трансформация происходит, но в другом направлении: ср. русск. диал. ряз., орл., тамб. *воробóй* ‘растение зверобой’ (СРНГ 5: 103; ЛАРНГ 2017: 491–493), ворон. *воробóйник* ‘то же’ (СРНГ 5: 103) при русск. диал. пск. *своробóй* ‘то же’ (КПОС). В-третьих, для *сорбалі́на* не зафиксировано вариантов со звуком *в* после *с*, аналогично паре *сербері́на* — *свербері́на*. Таким образом, затруднительно утверждать, что форма *сорбалі́на* появилась в результате преобразования одного из дериватов *свороб-*.

При всей частотности корня *сверб-/свороб-* в названиях растений и многообразии их морфемного состава [Меркулова 1967: 81, 115; Шалаева 2018: 473–474] элементы типа *-ал-*, *-ол-* и *-ар-* после *б* присутствуют только в наименованиях ежевики и шиповника, что делает сомнительным определение их в данных лексемах как суффикса. Этот факт и проблематичность выведения *сорб-* из *свороб-* подводят к мысли о том, что происхождение анализируемой лексической группы стоит толковать отдельно от гнезда *сверб-/свороб-* и рассматривать *сорб-/серб-* как этимологически первичные структуры, а элементы *-ал-*, *-ол-* и *-ар-* — как части корня.

С точки зрения исторической фонетики, звуковое сочетание *сорб-* не может считаться исконным для восточнославянских языков, поэтому есть основания предполагать его заимствованный характер. Можно осторожно предложить в качестве источника заимствования латинскую лексему *sorbaria*, производную от *sorbium* ‘рябина (ягода)’, *sorbus* ‘рябина (дерево)’. В ботанической терминологии *Sorbaria* обозначает кустарниковое растение рябинник семейства розовые, к которому принадлежат ежевика и шиповник. В восточнославянские языки это слово могло проникнуть книжным путем

до XVIII в. через различные травники и лечебники — в них преимущественно и фиксируются приведенные старорусские наименования. Вероятно, на шиповник и ежевику было перенесено название другого растения того же семейства.

Относительно структуры слова можно предположить, что первоначально она выглядела как **сорбарина*, хотя эта форма не фиксируется словарями. Она могла быть образована от корня **сорбар-* при помощи суффикса *-ин-* по аналогии с другими названиями ягодных растений, ср. *малина*, *калина*, *рябина*. Затем **сорбарина* была преобразована в *сорбаліна*, поскольку в славянских языках мена *р/л* является регулярным явлением. Формы *сербаріна*, *сербаліна* возникли, вероятно, из-за межслоговой диссимиляции в **сорбарина* и *сорбаліна*. А формы *серберіна* и *сербеліна* (см. выше русск. диал. *серберіна*, *сереберіна*, *серберін*, *сербеліна*, *серберы́*, укр. *серберіна*) появились, по-видимому, наоборот в результате межслоговой ассимиляции в *сербаріна*, *сербаліна*. Подобная неустойчивость фонетики характерна в первую очередь для заимствованной лексики, у которой нет генетических связей с исконными для данного языка корнями и нет опоры для сохранения стабильной структуры.

Формы типа ст.-русск. *свероборинникъ*, *свороборина*, *свороборинъ*, русск. диал. *сверберіна*, *свороборина* (см. выше) в рамках данной версии представляют собой результат сближения указанных лексем с дериватами корней *сверб-/свороб-* из-за фонетического сходства. Этому содействовали такие формы со значением ‘шиповник’, как русск. диал. *своробная трава*, укр. диал. *свербугуз*, *свербіло*, *свербіган*, *сверблічка*, *свербліох*, *свербіж* (см. выше), которые являются исконными производными корня *сверб-/свороб-*, подобно другим названиям колючих или горьких растений. В данной лексической группе корень также преобразуется в *серб-*, что, как представляется, могло способствовать изменению *сербар-/сербер-* в *свербар-/свербер-*: ср. укр. диал. *сирбівус*, *сарбавуз* ‘шиповник’ (Шило 2008: 235) из *свербівус*, *сирбіло* ‘то же’ (Там же) из *свербіло*.

Кажется показательным, что элементы *сверб-/свереб-/свороб-* в анализируемой лексической группе свойственны исключительно названиям шиповника, среди которых имеются «беспорные» дериваты корня *сверб-* (*свербѣгуз*, *свербіло*, *свербѣк* и т.п.), в то время как наименований ежевики с подобными структурными свойствами не обнаружено: они представлены только формами на *сорб-/серб* и не включают производных от *сверб-/свороб-*.

Еще одной характерной чертой лексических заимствований является сильное влияние на них народной этимологии, поскольку они не мотивированы исконными для языка корнями и носитель языка пытается найти мотивацию и установить связь слова с известными и понятными ему словообразовательными гнездами. Действием народной этимологии можно отчасти объяснить появление форм типа *сверборинникъ*, *сверберѣна*, *свербевѣка*, *свербенѣка*, *своробѣн*, *своробѣрина* 'шиповник', потому что, как уже говорилось, корни *сверб-/свороб-* регулярно называют колючие растения.

Помимо этого, лексемы типа *сорбалѣна* 'ежевика' часто сближаются с дериватами корня *сыр-*, в результате чего образуются такие формы, как русск. диал. пск. *сырбалѣна*, *сырбалѣн*, новг. *сырболѣна*, свердл. *сырбѣлина*, блр. диал. *сырбалѣна* (см. выше). Носители говора объясняют их внутреннюю форму следующим образом: *Сырбѣлина* — потому что растет в сыром бору (СРНГ 43: 149; СРГСУД: 524).

У лексем на *сорб-/сырб-* в значении 'ежевика' имеется фонетический вариант с элементом *сурб-*: русск. диал. пск. *сурбарѣн*, блр. диал. *сурбалѣна*.

В русских и белорусских говорах формы типа *сорбалѣна*, *сырбалѣна*, *сурбалѣна* 'ежевика' подвергаются дальнейшему народноэтимологическому преобразованию, и появляются следующие лексемы: русск. диал. пск., новг. *сырмалѣна* (СРНГ 43: 153–154; КПОС), *сармалѣна* (КПОС), *сыромалѣна* (ОЛЯ 2000: 108–111), блр. диал. *сурмалѣна* (ЛАВНГ 1: 95–96). Они говорят о сближении обозначений ежевики с названиями малины, что неудивительно, поскольку ежевика

в разных славянских языках, в том числе в русском и белорусском, регулярно называется *черной малиной*, *синей малиной*, *дикой малиной*, *лесной малиной*, *козьей малиной* (ЛЯРНГ 2017: 438–440; ОЛА 2000: 108–111).

Кроме перечисленных структурных вариантов, наименования ежевики и шиповника включают в себя формы на *чербал-/чурбал-*: русск. диал. пск. *чербаліна*, *чербалінина*, смол. *цербалін*, блр. диал. *чурбаліна* ‘ежевика’, русск. диал. ворон. *чербалá*, *чербаліна*, *чербалінник* ‘шиповник’ (см. выше). В. И. Даль предположительно возводит их к глаголу *щербіть* ‘делать на чем-либо зазубрины, щерины’ (Даль 4: 590). Вероятно и другое толкование: данные лексемы могли образоваться из *сорбаліна/сербаліна* под влиянием глаголов типа русск. диал. пск. *черебáть* ‘царапать’ (КПОС), *черебнúть* ‘клонуть, царапнуть’ (Там же). По-видимому, они представляют собой фонетические варианты континуантов праслав. **čerpti*, **čerpati* ‘черпать’, которые считаются родственными лит. *kerpti*, *kiřpti* ‘стричь, резать’, лат. *carpo* ‘дергать, щипать, рвать’ (ЭССЯ 4: 71–72). Сближение названий ежевики и шиповника с указанными глаголами объясняется колкостью стебля растений.

Кроме того, среди лексем со значением ‘ежевика’ встречаются следующие формы: русск. диал. твер. *щчербалінник*, *щчербалінина*, смол. *ширбаніка* (ОЛА 2000: 108–109), *ширбанічина* (Там же: 110–111), блр. диал. *шчарбаліна*, *ширбаліна*. Их, вероятно, допустимо считать фонетическими вариантами лексем на *чербал-* и объяснять начальный согласный в них особенностями консонантизма говоров, в которых они представлены, а именно произношением аффрикаты [ч] без начальной смычки как [ш'] и произношением шипящего как [шч] и [ш]. Кроме того, распространение названий ежевики на *щерб-/щчерб-* могло быть поддержано наличием в восточнославянских языках дериватов глагола *щербіть*, обозначающих растения или колючие, или пахучие, или имеющие зазубрины на листьях (Фасмер 4: 504); [Меркулова 1967: 120]: например, русск. диал. *щербáк* ‘растение *Cichorium* L.; цикорий’ (Даль

4: 656), укр. диал. *щербак* ‘растение *Aposeris foetida*; апозерис вонючий’ (Піпаш, Галас 2005: 231), *щербанец* ‘то же’ (Грінченко 4: 524), *щербан*, *щербань* ‘растение *Cirsium rivulare*; бодяк ручейный (речной)’ (Грінченко 4: 524), *щербанец* ‘то же’ (Піпаш, Галас 2005: 231).

Конечно, о производности восточнославянских названий ежевики и шиповника от латинского *sorbaria* пока можно говорить только гипотетически во многом потому, что корень **сорбар-* приходится реконструировать, но, кажется, структура лексем типа *сорбаліна*, *сербаріна* и многочисленность их вариантов говорят о высокой вероятности такой этимологии.

Литература

Варбот Ж. Ж. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. 7. Екатеринбург, 2007. С. 3–8.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды) / отв. ред. О. Н. Трубочев. М.: Наука, 1967. 260 с.

Шалаева Т. В. Русская фитонимия и народная этимология (на материале «Лексического атласа русских народных говоров») // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 467–486.

On the etymology of the East Slavic phytonyms with the elements *сорб-/серб-*

Tat'yana V. Shalayeva
Institute of Slavic Studies, RAS

The paper discusses the etymology of the East Slavic names for blackberry and dog rose with the elements *сорб-/серб-*. The detailed analysis shows that apparently they are not original for the Slavic languages as most of the researchers think. They were likely borrowed from Latin and their possible source can be the word *sorbaria* which is the name

for the plant sorbaria. It belongs to the same plant family *Rosaceae* as blackberry and dog rose.

Key words: Slavic etymology, loanwords, blackberry, dog rose.

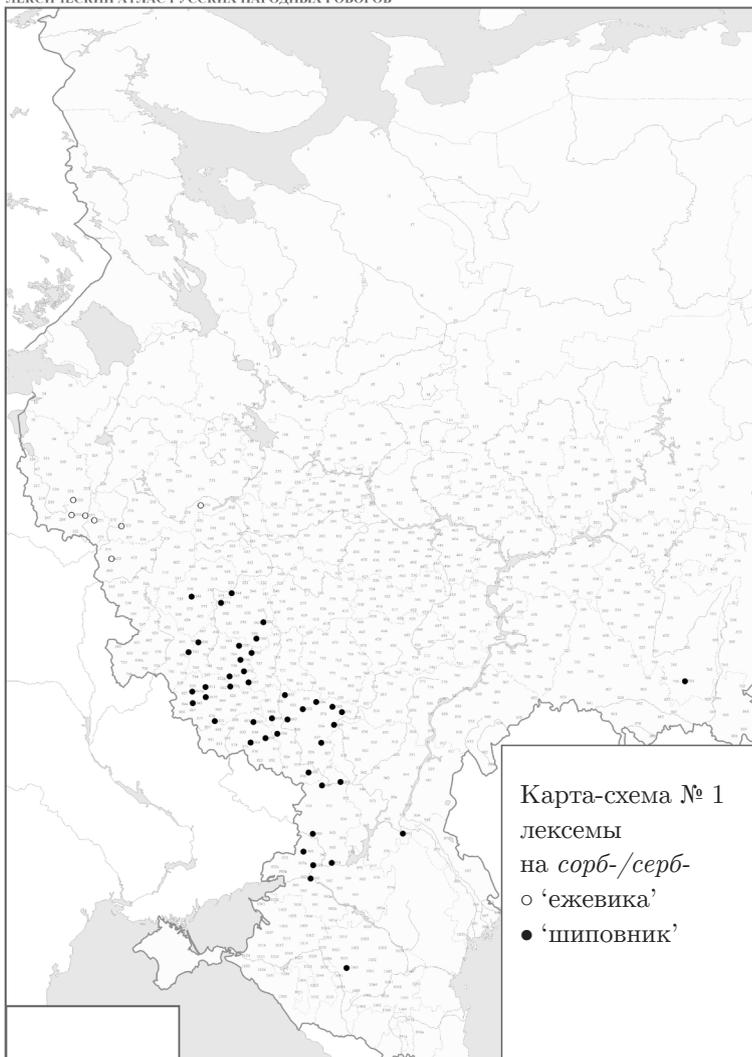
References

Varbot ZH.ZH. Perspektivy izucheniya yavlenij narodnoj etimologii v russkoj dialektnoj leksike [Perspectives of the folk etymology research in the Russian dialect vocabulary] // *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological studies]. 7. Ekaterinburg, 2007. Pp. 3–8.

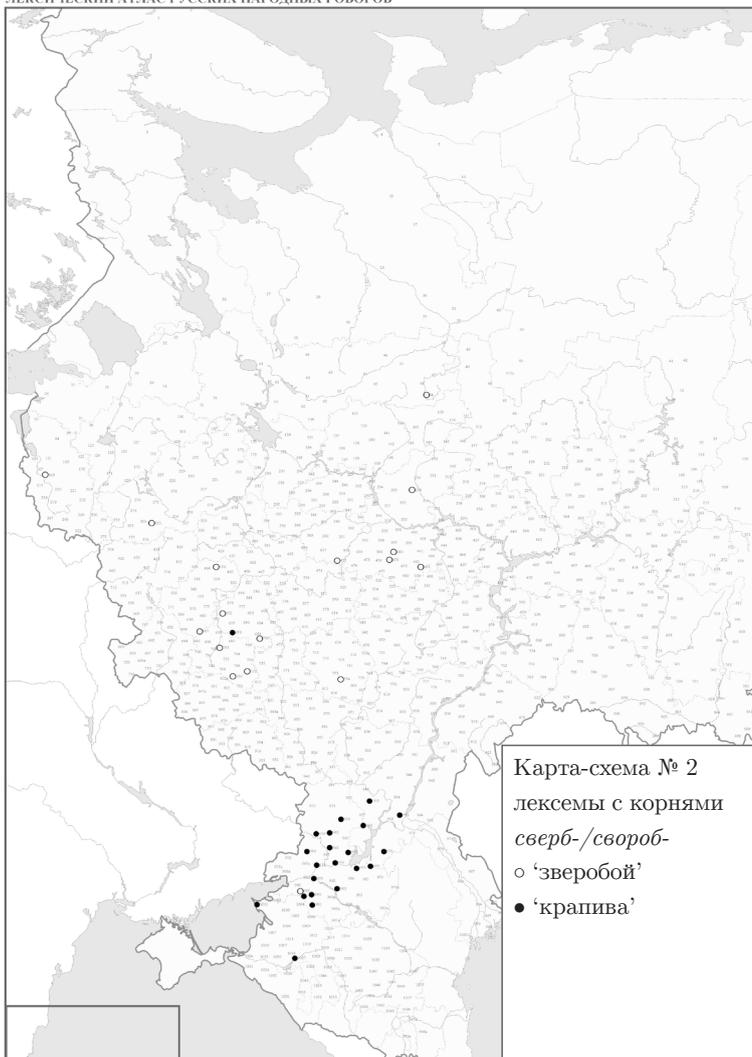
Merkulova V. A. Oчерки po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. Griby. YAgody) [Essays on the Russian folk plant names (Herbs. Mushrooms. Berries)] / otv. red. O. N. Trubachev. M.: Nauka, 1967. 260 p.

Shalaeva T. V. Russkaya fitonimiya i narodnaya etimologiya (na materiale «Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov») [Russian phytonymy and folk etymology (On the Lexical atlas of Russian folk dialects)] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov* (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Studies] 2018 / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 467–486.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ



ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ



О двух механизмах накопления ошибок прочтения (на диалектном материале)

Виктор Васильевич Шаповал

Московский городской
педагогический университет

Задача проверки диалектного лексикографического материала выходит на первый план в последние десятилетия. Среди ошибок прочтения важно выделить случаи накопления ряда ошибок при копировании слова, в процессе его забвения. Анализ имеющегося материала позволяет нам говорить о двух группах противопоставленных феноменов: цепочки и веера очиток. Мы не можем пока сказать, могут ли встречаться какие-то другие модели накопления ошибок. Цепочка очиток обычно представляется уже как готовый результат (*беккемедь* < *беккехцз* ‘булочка’), но иногда фиксируются и этапы накопления ошибок (*капчук* > *кайгук* > *кайгун* ‘сто рублей’). Следовательно, цепочка очиток не всегда возникает одновременно. Веер же очиток возникает как результат прочтения неизвестного слова разными людьми (*мусат* > *мугат*; *мусан* ‘огниво, стальная полоска’).

Ключевые слова: критика словаря, достоверность, редкое слово, верификация, очитка, цепочка очиток, веер очиток.

Проблема проверки диалектного лексикографического материала и выявления ошибочной и сомнительной его части не случайно выходит на первый план в последние десятилетия. С одной стороны, увеличивается дистанция, отделяющая нас от народных, в первую очередь сельских, говоров, что переводит их в статус исторического памятника, не проверяемого уже простым обращением к памяти информантов и личному опыту. С другой стороны, современные формы хранения и обработки материала позволяют привлекать и сравнивать по частным параметрам беспрецедентно большой объем, что позволяет выявлять противоречия

в показаниях источников, довольно часто объясняемые регулярно возникающими ошибками, в частности, очитками. Исправить подобные ошибки в накопившихся источниках по слабо документированной лексике и пометить довольно многочисленные сомнительные фиксации невозможно без, условно говоря, источниковедческого «покаяния» или масштабной «люстрации», однако это требует согласия относительно концентрации значительных усилий и предварительного обучения верификаторов. Тем не менее очевидно, что спорный материал требует осмысления, и нельзя исключить, что некоторые частные обобщения будут полезны как отдельным исследователям, так и коллективам, разделяющим мнение, что «истина существует, и целью науки является ее поиск» [Зализняк 2007], а не фальсификация источников или результатов их анализа в угоду готовой концепции и т.д.

Если мы говорим о систематизации ошибок прочтения и методов их обнаружения и исправления, первое, на что следует обратить внимание,— это весьма неочевидная недостаточность вербальной инструкции. Это только алмаз шлифуется алмазной пылью. Для проверки записанного чужого слова эта метафора неверна: привлечение слов по созвучию порой не гарантирует от ошибки. Механизм выявления искаженных записей предполагает перевод опыта работы с источниками в навык, опирающийся на особый тип профессионального зрения. Это умение возникает на основе анализа массивов ошибок.

В качестве примера фрагмента такого анализа далее разводятся две модели накопления ошибок прочтения в малоизвестном слове. Предлагаемое различие практически полезно при работе с шатким и недостаточным материалом, хотя мы не можем сказать, позволяет ли накопленный материал говорить о завершенности типологии. Вообще говоря, в ситуации неопределенности важнее оказывается даже не быстрое извлечение из наличных источников всего позитивного материала, а осторожное разделение материала несомненно правильного и сомнительного. Подобно тому, как

в кристаллографии представляет интерес выделение типов кристаллов, так в работе с ошибками представляет интерес выявление моделей их накопления. Еще раз напомним, что далее рассматриваются ошибки прочтения — феномен по преимуществу визуально-графический, хотя и базирующийся первично на фонетической стороне: правдоподобном прочтении записи (мало- или неизвестного) слова. В принципе при работе с таким материалом фонетическая сторона записи часто оказывается обманной и вредной подсказкой, очарование которой властвует над многими умами.

Далее мы различаем цепочки и веера ошибок прочтения как две модели их накопления.

Иногда возникает цепочка переразложений без фиксации промежуточных этапов накопления ошибок в прочтении отдельных букв, как в кашинском *жсирлюпа* ‘10 копеек’ (т.е. 20 грошей. — В.Ш.) (ТвКаш 1820: 167), из тюркизма **жсир-маса?* ‘20’ прочитано в результате цепочки переразложений *л. ю. п — м. а. с.* Очевидно, все неправильное прочтение возникло за один раз: выбранное на первом шаге прочтение *л* далее спровоцировало ложное опознание буквы *ю*, остаток в виде последнего элемента буквы *а* и следующей *с* оказался достаточным для синтеза буквы *п*. Это правдоподобное прочтение (*жсирлюпа*) настолько трудно для дискредитации, что может быть повергнуто только привлечением этимологических данных, например, казахского *жсырмасы* ‘двадцатка’.

Общая трудность диагностики ошибок, вызванных смешением отдельных букв, обусловлена сочетанием множества факторов. Кроме того, далеко не всегда можно с уверенностью сказать, ошибка ли это, или же в словаре отражена локальная норма или индивидуальное словоупотребление. Важно установить хотя бы границы этой неопределённости. Лишь иногда ошибки можно квалифицировать с полной определённой. Однако заметно осложняется как опознание ошибок, так и их исправление, если в слове произошло одновременно два смещения букв в разных местах в слове. Так, в дополнение к ошибочному прочтению *гапельник* (СРНГ 6: 137), вместо

чапельник [Журавлев 1995: 187; Астахина 2006: 23, 46] в том же выпуске словаря можно найти ещё и прочтение с цепочкой из двух ошибок ($z < ч, н < п$) и неправильно указанным ударением: «**Ганёльник**, а, м. Сквородник. Белор. Башк. АССР, Чурко» (СРНГ 6: 134) = **чапельник*. Это уже документированный пример неодномоментного формирования (накопления) цепочки ошибок прочтения. Более того, вероятно, два варианта очитки принадлежат разным авторам.

В том случае, когда предполагаемое смешение букв охватывает значительную часть (почти половину) слова, гипотетическое прочтение можно обосновать практически только на уровне вероятностных аргументов. Например: «**Беккемёдъ** [род?]. Длинная булка» (СРНГ 2: 207) < **беккехцъ*, идиш [бóкэхц] ‘выпечка’: $m < x, ed < ц, ь < ъ$. Опять без привлечения данных о происхождении слова и его источнике дискредитация и исправление неверного, но правдоподобного прочтения оказываются невозможными.

Цепочка: $л < а, ю < ь$ (здесь «ять» курсивный рукописный): «Подкають — Анбаръ подъ холодною горницею» (Дмитревский 1822: 258), повторено уже с ударением, позволяющим говорить о народноэтимологическом сближении с *каюта*: «**Подкають**, ж. Кладовка под холодной горницей... Ряз.» (СРНГ 28: 29). Думается, следует читать *подкльть*.

Цепочка: $и < а, н < п$: «**Станурка**, ж. Печка. Медын. Калуж., 1972» (СРНГ 41: 63). Очень похоже на прочтение офенского названия печи типа **стипурка*, обусловленное сближением со *стан*. Поиск в том же выпуске на толкования ‘печь’ и ‘печка’ выявил: «**Степура**, ж. Печь. Перемышл. Калуж., Добровольский, 1899» (СРНГ 41: 144), а также: «**Стёпля**, ж. Печка (в бане). Дорогоб. Смол., 1927» (СРНГ 41: 141).

О забвении слова говорит накопление ошибок, удаляющее его от этимологически подтверждённого вида: тюркизм *капчуж*, *капшук* ‘мешок, кошель’ в речи конных торговцев использовался фигурально для обозначения суммы ‘100 рублей’; это выражение конных барышников в несколько ином виде документировал и автор первого в России самоучителя

цыганского языка: «**Капчигъ** — 100 руб<лей>.» [Патканов 1900: 148]. Исходный *капчук* приобрёл последовательно следующие варианты прочтения: с двойной ошибкой в середине слова: *кайгук* ‘100 рублей’ (Потапов 1927: 63), позднее с новой ошибкой: *кайгун* ‘сто рублей’ (Бронников 1990: 180). Таким образом, искажения названия мешка *капчук* / *капшук* (а во вторичном значении сторублёвой суммы) доказывают забвение слова.

Разумеется, всё сказанное выше о смещении букв справедливо и для слов в составе толкования.

Смещение *n* < *н*, последующее переразложение *яс* < *жс*: «**Засапбжникъ**, короткій поясъ, который кладется за голенище сапога. Выражение въ “Словѣ о Полку Игоревѣ”: безъ щитовъ, съ засапбжники кликомъ полки побѣждаютъ, означаетъ, что воины были такъ храбры» [Гуляев 1848: 119]. В журнальной публикации опечатка: *поясѣ* прочитано на месте *ножѣ*. Ср.: «**Засапбжник**, а, м. Короткий нож, который кладется за голенище сапога. Сиб., 1847. Новг., Арх., Олон.» (СРНГ 11: 19). Прямая отсылка к уникальному источнику с приведением цитаты позволяет исправить ошибку.

От такого рода цепной реакции ошибок, происходящей одновременно (или, по крайней мере, чаще доступной нам в виде записи, фиксирующей только результат), следует отличать встречающийся реже «веер ошибок», зафиксированных на каждом новом этапе цитирования (этого цыганского) слова очередным словарём: жаргонное *горуни* ‘корова’ (Потапов 1927: 38) > *горони* ‘корова’ [Баранников 1931: 147, 155] > *гороли* ‘корова’ (Бронников 1990: 8) > *городі* ‘корова’ (ТСУЖ 1991: 42).

В. И. Даль отметил опечатку (*г* на месте *с*), являющуюся результатом смещения рукописных начертаний: «**Мусатъ** м. (въ Акд. ошибч. **Мугатъ** (*)) стальная полоса, округлая или гранная, для точки ножей. || *Сар. смб. сам.* огниво, кресало» (Даль 3: 942). Характерно эмоциональное примечание составителя к этому слову: «(*) *Небрежность изданія акедемчск. облстнх. словарей безобразна; второй ещо хуже перваго.*

Безъ повържки, нельзя въртитъ ни одному слову». В СРНГ это слово как рязанское описано с предостережением Даля: «**Муга́т**, а, м. Огниво. Скоп. Ряз., 1820» (СРНГ 18: 329). Примечательно, что это малоизвестное слово уже дает веер других ошибочных написаний: «**Муса́н**, а, м. Отвертка для разборки кремневых ружей. Арх. Арх., 1929» (СРНГ 18: 362), с характерным для послереволюционного периода смешением *т* и **нѣ*, хотя здесь -ѣ усмотрен, разумеется, по гиперкоррективной ошибке, а толкование отражает частное назначение стальной полоски не только для высекания огня; кроме того, есть и фонетический вариант со смешением *ш* > *ж*: «**Мужат**, а, м. [удар.?] Огниво. Бобр. Ворон., 1848» (СРНГ 18: 329).

Имеются и другие примеры двух различных типов накопления ошибок прочтения в процессе последовательного копирования материалов словарей. Однако вопрос не ограничивается объемом документации ошибочных прочтений, порождающих призрачный лексический материал. В принципе важнее оказывается вопрос о том, исчерпывается ли вообще типология моделей накопления очиток этими двумя моделями. Пока ответа на этот вопрос у нас нет. Отметим, что современные возможности в области анализа больших массивов информации позволяют надеяться на получение ответа на этот вопрос в будущем. В качестве примера подобного по методу анализа результата укажем на наши наблюдения над процессом формирования словообразовательного гнезда с корнем (*лыт*)дыбр, где не было выявлено нарушений в последовательности и хронологии возникновения производных: дериваты более высокого порядка фиксировались по времени только после возникновения в примерах дериватов более низкого порядка [Шаповал 2009]. Такого рода обобщения, в принципе невозможные или требовавшие непозволительно много времени и сил в прошлом, сегодня могут проверяться и подтверждаться более простыми способами и в разумные сроки.

Литература

Астахина Л. Ю. Слово и его источники: русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М.: Изд-во МГУП, 2006. 365 с.

Баранников А. П. Цыганские элементы в русском воровском аргю // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 139–158.

Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. XC. Отд. III. С. 1–58, 59–142.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // *Dialectologia slavica*: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183–193.

Зализняк А. А. Истина существует, и целью науки является ее поиск (2007). — URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464.

Патканов П. С. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган. Составил Истомин П. (Патканов). М.: Типолитография «Русского Товарищества печатного и издательского дела», 1900. 164 с.

Шаповал В. В. Развитие гнезда нестандартных дериватов существительного дневник (*лытдыбр* ‘интернет дневник’ и т.п.) в 2001–2008 гг. // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 105–117.

The so called ‘chains’ and ‘fans’
of misreadings (based on dialectal data)

Viktor V. Shapoval
Moscow City University

The task of verifying dialectal lexicographic material has come to the fore in recent decades. Among misreadings it is crucial to single out some cases of the errors accumulated in the process of copying an unknown or forgotten word. An analysis of the collected material allows us to distinguish between two groups of opposed phenomena: the chain of misreadings and the fan of misreadings. As yet we cannot say whether

there may be any other models of accumulating errors of this type. The chain of misreadings is usually presented as a result (*беккемедь* < *беккехуз* ‘a loaf’), but sometimes the steps of accumulating the errors are listed too (*капчук* > *кайзук* > *кайзун* ‘100 rubles’). Thus, the chain of misreadings does not always emerge simultaneously. As to the fans of misreadings, they appear to be a result of reading a hardly known word by different persons (*мусат* > *музат*; *мусан* ‘firesteel’).

Key words: dictionary criticism, reliability, rare word, verification, misreading, chain of misreadings, fan of misreadings.

References

Astahina L. YU. Slovo i ego istochniki: russkaya istoricheskaya leksikologiya: istochnikovedcheskiĭ aspekt [Word and its sources. Russian historical lexicology from the viewpoint of source studies]. M.: Izd-vo MGUP, 2006. 365 p.

Barannikov A. P. Cyganskie elementy v russkom vorovskom argo [Romani elements in the Russian flash language] // YAzyk i literatura. [Language and literature] V. VII. L., 1931. P. 139–158.

Gulyaev S. I. Etnograficheskie ocherki YUzhnoĭ Sibiri [An ethnographic outline of the South Siberia] // Biblioteka dlya chteniya. [Reading library] 1848. V. XC. Part III. Pp. 1–58, 59–142.

ZHuravlev A. F. Leksikograficheskie fantomy. 1: SRNG, A–Z [Lexicographic phantoms. 1: Dictionary of Russian Folk Dialects] // Dialectologia slavica: Sbornik k 85-letiyu Samuila Borisovicha Bernshteĭna: Issledovaniya po slavyanskoĭ dialektologii. [Dialectologia slavica. A collection on the occasion of Samuil Borisovich Bernshtein’s 85th birthday: Investigations on the Slavic dialectology] 4. M., 1995. Pp. 183–193.

Zaliznyak A. A. Istina sushchestvuet, i cel’yu nauki yavlyaetsya ee poisk (2007) [The Truth exists, and its search is the goal of the Science]. — URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464.

Patkanov P. S. Cyganskij yazyk. Grammatika i rukovodstvo k prakticheskomu izucheniyu rechi sovremennyh russkih cygan. Sostavil Istomin P. (Patkanov). [Romani language. A grammar and a practical

introduction to the language of the modern Russian Roma. Compiled by Istomin P. (Patkanov)] М.: Типолитография «Русского Товарищества печатного и издател'sкого дела», 1900. 164 p.

Shapoval V. V. Razvitie gnezda nestandartnyh derivatov sushchestvitel'nogo dnevnik (lytdybr 'internet dnevnik' i t.p.) v 2001–2008 gg. [The development of the set of non-standard derivatives of a noun 'dnevnik' (lytdybr 'internet blog' etc.)] // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language and linguistic theory]. М., 2009. № 2 (18). Pp. 105–117.

Уникальные и изолированные диалектные топоосновы из Новороссийского края XVIII–XX вв.*

Александр Константинович Шапошников

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

В статье представлен обзор исторической топонимии и народной географической терминологии историко-культурных областей Территория Запорожцев и Дикое Поле, который выявил целый ряд совершенно уникальных, иногда изолированных в великорусском диалектном ареале, топооснов (*бузъ, громылаея, забора, истра, кадак- / кайдак- / кодак- / кудак-, лась, лисогонъ, мурованной, нетригузъ, стъчь / сичь / сича, стрежъ / стрежа / стрежи, чарай-*), представляющих значительный интерес как для русской диалектологии, так и для этимологии.

Ключевые слова: топоним, гидроним, этноним, народный географический термин, топооснова, этимология, изолят, диалектизм.

Обзор исторической топонимии и народной географической терминологии первоначального Новороссийского края, включая области Новосербия [Шапошников 2017], Славяносербия [Шапошников 2018а], Территорию Запорожцев и Дикое Поле [Шапошников 2018б], выявил целый ряд совершенно уникальных, иногда изолированных в великорусском диалектном ареале, топооснов, представляющих значительный интерес как для русской диалектологии, так и для этимологии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по проекту 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении»

Территория Запорожцев [*Territoire de Zaporoviens*], ср. гидронимы Н. Дона *Запорожье*, *Запорожуй*, *Запорожное*, *Запорожский* [Отин 2012: 72, 191, 324, 399, 382, 759] — северная часть Дикого Поля (*Dzikie Pole*) к югу от польских владений, затем буферная территория от границы Новосербии и крепости Старая Козацкая Съчь (*Stara Kosac Sicza*) до крепости Ст. Сича (*St. Sicza*) и фортов русской системы фортификации второй трети XVIII в. (после Белградского мира). На этой территории поляки создали в 1555 г. ряд разрозненных военных укреплений (*siecz*, *sicz*, *zasieka*) и поселений (*chutor*, *zimowisko*, *zimowie*, *zimowik*, *zimownik*) за днепровскими порогами, вне зоны юрисдикции соседних государств (*Dzikie Pole*). Эти военные поселения объединились впоследствии в военную организацию *Wojsko Zaporowskie*, получившую своё наименование по названию местности. Местом расположения главного военного укрепления, именуемого Сечь «*Sicza*», и пребывания штаб-квартиры (центрального органа управления — *kosz* / *stać kozzem*) первоначально было *Stara Kozacka Si(e)cza*. Позднее, в связи с образованием в конце XVI в. реестрового казачьего войска, переселением части запорожского казачества на территории Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств Польши, а также в связи с образованием после 1625 г. (в соответствии с Куруовским договором) полкового устройства реестрового казачьего войска, *запорожскими* стали называть и реестровых казаков, не проживавших на территории Запорожья. Старый Кудак (*Stary Kudak*) — польская крепость на правом берегу Днепра напротив Кудачьего порога, на территории села *Старые Кайдаки*. Крепость основана в июле 1635 г. с целью перекрытия выхода к Чёрному морю и воспрепятствования бегству селян в Запорожье из других воеводств. «Ключом к Запорожью» называли ту крепость современники. Кудак строился под руководством французского инженера де Боплана. На строительство сейм ассигновал 100 тысяч польских злотых. Гарнизон составлял 200 немецких наёмников-драгунов во главе с французским офицером Жаном Марионом. Уже тогда

поляки поселились в долинах притоков Ингульца (*Dolina Złodzieów, Woda Umarta*) и Ингула (*Dolina Ciemna*) [Santini 1777]. Самой южной польской крепостью была *Stara Siczka* к югу от впадения р. Еловой в Днепр.

Польское освоение быстро сошло на нет после присоединения Черниговского и Киевского воеводств Польши к Московскому государству (1654). До царствования Петра Алексеевича (1682–1723) польское казачество продолжало контролировать Запорожскую территорию, хотя и случались переселения части запорожского казачества на территорию Брацлавского воеводства Польши.

В 1709 г. подавляющая часть польских казаков ушла с территории Запорожцев и поселилась среди татар и ногайцев в Диком Поле. А после демаркации границ Османской и Российски империй в 1714 г. территория Запорожцев отошла к турецкой империи. За следующие 25 лет османские власти нисколько не озаботились предотвращением запустения территории.

После Белградского мира 1739 г. большая часть польских казаков вернулась на Запорожскую теритрию по приглашению русских властей. Главной их крепостью стала тогда *Nowa Siczka Zaporowska* [Santini 1777]. За следующие 35 лет под эгидой Российской империи автономная Запорожская территория окончательно утратила свой польский облик.

Северная граница территории была установлена Белградским трактатом 1739 г.: *Demarcation des Frontieres de Rufsie etablies par Traité de Belgrade* [Santini 1777]. См. Карту Сантини.

Южная граница сформировалась между Белградским (1739/40) и Кучук-Кайнарджинским (1774/5) трактатами из русской фортификации: *Fortifications de Rufses pofterieures au Traité de Belgrade — elles sont toutes detruites aujourd'hui* [Santini 1777]. См. Карту Сантини.

Восточную границу образовывал Днепр, а западную — бассейны Корабельной и Ласеватой речек (к востоку от Старой Крепости, Корабельной и Нестеровки).

На территории Запорожцев в 1740–1770-е гг. упоминаются следующие топонимы:

Анікієвъ фортъ Anikiew F. [Santini 1777]; *Баковъя Ваковія R.* [Santini 1777]; *Бережовка р(ъчка) Bereszowka R.* [Santini 1777]; *Березовка р(ъчка) Beresowka R.* [Santini 1777]; *Бобринец или (на) Бабриньце р(ъкъ) Vabrince R.* [Santini 1777] = *Малый Бобринец* в составе Бугогардовской паланки 1767–1775 гг.; *Бога хилена Bogahilena* [Santini 1777]; *Бозувлукъ р(ъчка) Bozowlut R.* [Santini 1777]; *Будиска Забора Vudyfka Zabora* [Santini 1777] = *Будило* [Лызлов 1692]; *Велька Грамолейка р(ъчка) Wielka Gramoleyka* [Santini 1777]; *Вербо(в)ка / Вербова р(ъчка) Werboka R.* [Santini 1777]; *Вода Умарла Woda Umarla* [Santini 1777]; *Волчны Wolczny* [Santini 1777]; *Вольнѣвъ Wolniow* [Santini 1777] = *Волнегъ* [Лызлов 1692]; *Вольнѣвъ р(ъчка) Wolniow R.* [Santini 1777], *Волная ръчка* порог *Волный* [Лызлов 1692]; *Вольной Ф(ортъ) F(ort) Wolnoi* [Santini 1777]; *Вольный* 13-й порог [Лызлов 1692]; *Вольшанка Wolszanka* [Santini 1777]; *Воронова забора Woronowa* [Santini 1777] = *Воронова забора* [Лызлов 1692]; *Грамолейка Wielka Gramoleyka* [Santini 1777] = *Нортклея, Громоклея* [Трубачёв 1968: 241, 252]; *Гроб Павлюка Grob Pauluka* [Santini 1777]; *Груская р(ъчка) Hruskaja R.* [Santini 1777]; *Днѣпровский форт Fort Dnieprowski* [Santini 1777]; *Днѣпръ р(ъчка) Dniepr Fl.* [Santini 1777], *Днепром* [Лызлов 1692]; *Доліна Злудзеюв Dolina Złodzieiow* [Santini 1777]; *Доліна Цемна Dolina Siemna* [Santini 1777]; *Еловая р(ъчка) Elowaia R.* [Santini 1777]; *Желтая р(ъчка) Szeltaya* [Santini 1777]; *Забора Zabora* [Santini 1777]; *Запоровский Territoire de Zaporoviens* [Santini 1777]; *Запорожсье Zaporoza* [Лызлов 1692]; *Звонецъ Zwoniec* [Santini 1777] = порог *Звонец* [Лызлов 1692]; *Звонецкое с.*; *Ингуль Малый р(ъчка) Ingul Maly R.* [Santini 1777]; *Ингуль р(ъчка) Ingul R.* [Santini 1777], *Ингуль Вельки Ingul Wielki* [Santini 1777]; *Ингуль ф(ортъ) разруш(енъ) F. Ingul detr* [Santini 1777]; *Истра Iftra* [Santini 1777]; *Кадакъ (порогъ) Kodak* [Santini 1777] = *Кадак* порог [Лызлов 1692]; *Кадакъ городъ* [Лызлов 1692]; *Кайдаки, Старые Кайдаки, Кня'инецъ Kniahiniecs* [Santini 1777], *Княгининъ* 6-й порог [Лызлов 1692]; *Конскоу*

ред(утѣ) *Konskoi Red.* [Santini 1777]; *Корабѣльна Karabelna* стоянка [Santini 1777], *Каробельная Karobelnaja R.* [Santini 1777]; *Корабельна р(ѣчка) Karabelna R.* [Santini 1777]; *Ласевата р(ѣчка) Lasewata R.* [Santini 1777]; *Ловинской ф(ортѣ) F. Lowinfkoi* [Santini 1777]; *Лоханый, Луканы Lukany* [Santini 1777], порог *Лоханый* [Лызлов 1692]; *Лычный* 12-й порог [Лызлов 1692]; *Мигая Migaja* [Santini 1777]; *Малой Вольной р(учей) M. Wolnoi R.* [Santini 1777]; *Монастырской* остров [Лызлов 1692]; *Мон(астырѣ) Mon.* [Santini 1777]; *Ненас(ыт) вецъ Niēnafwies* [Santini 1777] = порог *Ненасытец* [Лызлов 1692]; *Нестеровка Nesterowka* [Santini 1777]; *Нова Сича Запороўска Nowa Sicza Zaporowfka* [Santini 1777]; *Нова Сербия ф(ортѣ) разруш(енѣ) F. N. Servia detr* [Santini 1777]; *Новый Кудаѣ N(оу) Kudak* [Santini 1777]; *Носовка р(ѣчка) Nosowka R.* [Santini 1777]; *Омелова р(ѣка) Omelowa R.* [Santini 1777]; *Осокаровка р(ѣчка) Osokarowka R.* [Santini 1777]; *Пороги* [Лызлов 1692], польск. *progami, progі kamienne, od kamiennych progów* (SJP); *Русская старая крепость Rus Eski Meteresi* [Santini 1777]; *Сагаганской ф(ортѣ) разрушенѣ F. Saḡaganskoі detruit* [Santini 1777]; *Сичь, Sicz zaporoska* (SJP: Dykejonarjusz geograficzny 1782 г.); *Солоняя Су Solonaja Su* [Santini 1777]; *Спашагу Су Spashagu Su* [Santini 1777]; *Ст(арый) Кудаѣ St(ary) Kudak* [Santini 1777]; *Стара Козаѣка Сича St. Kosac. Sicza* [Santini 1777], *Sicz, zasiek kozacki, hajdamacki* (SJP; Linde); *Стара Сича Stara Sicza* [Santini 1777]; *Сура р(ѣка) Sura R.* [Santini 1777]; порог *Сурский* [Лызлов 1692]; *Сура Споднова(л) я р(ѣчка) Sura Spodrowaja R.* [Santini 1777]; *Сурски Стрѣжи Surfki Streczi* [Santini 1777] = *Стрелчий* порог [Лызлов 1692]; *Сурский* порог [Лызлов 1692]; *Сурский р(учей) Surfki R.* [Santini 1777]; *Сѣчь*, польск. устар. *Siecz* (SJP: Michal Abraham Трос); *Таволжаный* порог [Лызлов 1692]; *Терн(о) ука Вода р(ѣка) Ternika Woda R.* [Santini 1777]; *Тѣволжаной Тѣволжаной (форт) F. Chmielnik Detruit* [Santini 1777]; *Хортицкой островѣ Chortikoі Oftr(ow)* [Santini 1777], остров *Хортицкой* [Лызлов 1692], *Хортица* [Трубачев 1993];

Черная Каменка р(ѣка) Cz. Kamienka R. [Santini 1777] = *Сзарпа Каміенка* (SJP)

Дикое Поле, *Dzikie Pole* — это территория к югу от русской фортификации после Белградского Трактата (18/29.09.1739) от Днепра у Кизил Кермана до слияния Корабельной речки с Юж. Бугом. На этой территории упомянем следующие топонимы XVII–XVIII вв.:

Аюс Алез Кал(а) Aios Alex Kal [Santini 1777] = *Херсонъ* [Карта Таврич. обл.]; *Алешки* [Карта Таврич. обл.], *Олешки*; *Андреевъ Andrew* [Santini 1777]; *Атаманъ* [Карта Таврич. обл.]; *Берда р(ѣка) R. Berda* [Santini 1777], р. *Берда* [Карта Таврич. обл.]; *Бердинская к(оца) K. Berdinskaja* [Santini 1777], *Коса Бердинская Koffa Berdinfkaja* [Santini 1777], к. *Бердинская* [Карта Таврич. обл.]; *Березанъ р(ѣка) Berezan R.* [Santini 1777]; *Беринка р(ѣка) Berinka R.* [Santini 1777]; *Бериславль* [Карта Таврич. обл.]; *Богъ р(ѣка) Bog R.* [Santini 1777], *Р. Бугъ* [Карта Таврич. обл.]; *Большой Сасыкъ Кулакъ овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Буговая Виговаја* [Santini 1777]; *Буговской Лиманъ* [Карта Таврич. обл.]; *Бѣлградъ, Бѣлъ градъ, Бѣлъ-городъ, бѣлогородские татары; Бѣлозерка рѣч(ка)* [Карта Таврич. обл.]; *Бѣлозерскъ Bielozersk* [Santini 1777], позднее *Бѣлозерское* городище скифов; *Вербовой овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Висарионова к(оца) K. Wisarionowa* [Santini 1777], *К. Висарионова* [Карта Таврич. обл.]; *Витольдова Баня Vithold Natmat* [Santini 1777]; *Возя Vozia* [Santini 1777]; *Гарбузинъ Garbusin* [Santini 1777]; *Голая Пристанъ* [Карта Таврич. обл.]; *Голенькая* [Карта Таврич. обл.]; *Дикое Поле, Dzikie Pole; Днѣпровской Лиманъ* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Большой Чапли* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Едикурень* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Зеленая* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Зеленъина* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Малой Чапли* [Карта Таврич. обл.]; *Долина Черная* [Карта Таврич. обл.] = *Kara Deresi* [Santini 1777]; *Долина Черненка* [Карта Таврич. обл.]; *Дромо* или *Курсус Ахиллис* [Льзлов 1692: 124 об.]; *Еланчикъ р. (Еланкачъ?)* [Карта Таврич. обл.] = *Гланчикъ Maloi Panczik, Wielikoi Panczik* [Santini 1777]; *Заводъ* [Карта Таврич. обл.];

Ингул Малый р(ѣка) Ingul Malu R. [Santini 1777]; *Истмус перешеек* [Лызлов 1692: 124 об.]; *Кагалник* [Лызлов 1692: 156 об.]; *Каланча башня* [Лызлов 1692: 140]; *Каменной Колодезь* [Карта Таврич. обл.]; *Каменной мостъ* на реке Каланчакъ [Карта Таврич. обл.]; *Камень Затонъ Kamen-Zaton* [Santini 1777]; *Келичка рѣ(ка) Keliczka Fl.* [Santini 1777] = *Келечна Kieteczna* [Карта Таврич. обл.]; *Князя Вяземскаго усадьба* [Карта Таврич. обл.]; *Конская река* [Карта Таврич. обл.]; *Консководска* [Карта Таврич. обл.]; *Копани на полуострове Чунгаръ* [Карта Таврич. обл.]; *Копани съ пресною водою* [Карта Таврич. обл.]; *Копани Теплые Воды* [Карта Таврич. обл.]; *Крынка Су Krinka Su* [Santini 1777]; *Лерапка Lerapki* [Santini 1777]; *Лунаръ* [Карта Таврич. обл.]; *Малый Сосыкъ Кулакъ овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Маячка речка* [Карта Таврич. обл.]; *Мечетной Каиръ овр.* [Карта Таврич. обл.] = *Каир Мечеть Kair Mezzet* [Santini 1777]; *Меч(еть) Корсога Мecz. Korsoga* [Santini 1777]; *Молочная река* [Карта Таврич. обл.]; *Молочное озеро* [Карта Таврич. обл.]; *Мурованой овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Мынова Мупова* [Santini 1777]; *Озеро Соленое* [Карта Таврич. обл.]; *Озеро съ горькою водою* [Карта Таврич. обл.]; *Олешки* — см. *Алешки*; *Орѣховой овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Очаков Oczakow* [Santini 1777], *Очаковъ* [Карта Таврич. обл.], *Ачаковъ город «волошский»* [Лызлов 1692]; *Перекопъ Perekor* [Santini 1777], *Перекопъ* [Карта Таврич. обл.]; *Плетенский Лугъ, Леимон Плетеніскос Limon Pleteniskos* [Santini 1777], *лигъ Плетеньскъ*; *Петраншаментъ Александровской* [Карта Таврич. обл.]; *Петраншаментъ Старооскольской* [Карта Таврич. обл.]; *Рогальчикъ* или *Рогачикъ Rogalczik / Rogatzik* [Santini 1777], *Рѣч(ка) Рогачикъ* [Карта Таврич. обл.]; *Рогатъ Rohat* [Santini 1777]; *Русская Старая Крепость Андреева Rus-Eski-Meteresi Andrew* [Santini 1777]; *Соленое Красное оз.* [Карта Таврич. обл.]; *Соленья Грязи, Соленая Грузъ* [Карта Таврич. обл.] = *Touslu Gir* [Santini 1777]; *Солоница Solonitza*, ещё и *Touzlou Su* [Santini 1777], *Солоница Silonitza* [Santini 1777]; *Соль Грузское оз.* [Карта Таврич. обл.]; *Сред(няя) Берда р(ѣка) Med. Berda R.* [Santini 1777]; *Стар Керман Star Kerman /*

Стан Кермас Stan Kermas [Santini 1777] = *Шагингурейский Ретраншаментъ* [Карта Таврич. обл.]; *Судовое оз.* [Карта Таврич. обл.]; *Сухой овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Таванский островъ* [Лызлов 1692] = *Эски Таван Eski Tavan* [Santini 1777]; *Тащенакъ овр.* [Карта Таврич. обл.]; *Тендра-ада*, [Карта Таврич. обл.]; *Узюмъ Uzum* [Santini 1777]; *Фёдорова коса Kofsa Theodorowa* [Santini 1777], *Коса Фёдорова* [Карта Таврич. обл.]; *Фортификація русских Fortifications de Rufses posteriores au Traité de Belgrade* [Santini 1777]; *Хуторъ* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Армянской* [Карта Таврич. обл.]; *Хутор Chutor* [Santini 1777] позднее *Хуторъ Арнаутской* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Бригадира Фока* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Великаго* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Майора Антюшина* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Малиновскаго* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Сальтухинъ* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Смыковъ* [Карта Таврич. обл.]; *Хуторъ Трофимовъ* [Карта Таврич. обл.]; *Цапелъчакъ укрепления Zapelzak Meteresi* [Santini 1777]; *Чаплинска Вода Czaplinska Woda* [Santini 1777]; *Чул остров* [Лызлов 1692], *Ос. Чиле* [Карта Таврич. обл.]; *Шагингурейской ретраншаментъ* [Карта Таврич. обл.].

На вышеописанных территориях заметны такие изолированные (иногда уникальные) новороссийские диалектизмы: фитоним или зооним **бузь**:

гидроним *Бозувлукъ р(ька) Bozuwlut R.* [Santini 1777], испорчено вместо *Бузовлук*, речка, приток Солоной, впадающей в Днепр у Новой Сечи, ср. *Бузовой Лог* река, пр. Нижнего Дона [Отин 2012: 126, 681] и гидронимы Верхнего Дона *Большой Бозулук*, *Бузулок*, *Бузулук*, *Бузулуцкие протоки* [Отин 2011: 129, 140, 144, 344, 500, 505] — формально произв. прилаг. с суф. *-ов-* от диал. основы *буз* ‘кустарник сем. жимолостных, бузина красная *Sambucus racemosa*’, ‘кустарник сем. жимолостных, бузина красная’ (курск., сарат.), или *буз* ‘бычок по второму году’ (дон.) (СРНГ 3: 253), последнее адаптированный варваризм, от которого было образовано производное с суф. *-лук*, вернее, от ст.-ногай-татарск. основы *buzov* ‘vitellus, Kalb, телёнок’ (1 четв. XIV в.) [CodCum 139: 14];

фитоним *громылея*, *грумилей* ‘дикая яблоня’:

гидроним *Велка Грамолейка* *Wielka Gramoleyka* [Santini 1777], она же *Громоклея*, гидроним на Территории Запорожской и в Новосербии, иначе *Нортклея* пп Ингула, лп Ю. Буга [Трубачёв 1968: 241, 252], ср. *Грумилей* Тарама, *Громылея* Тарама, *Грумлас* Тарама, *Грумлеяс-ту*-Тарама, балка пп Кальмиуса ниже устья Мокрой Волновахи в Славяносербии (Отин 2000: 49) — оформление посредством суф. -ка испорченной основы *громылея* / *грумилея* (греч. варианты *громылея*, *грумилей*, *грумлеяс* из н.-греч. ἀγριομηλέα ‘дикая яблоня’), которая не была распознана О. Н. Трубачевым [Трубачёв 1968: 241, 252]. Ср. гидроним В. Дона *Черталеяка* [Отин 2011: 464, 564];

народный географический термин *забора* ‘днепровский порог, перекаат’:

Будиска Забора *Budyfka Zabora* [Santini 1777], ст.-польск. переоформление словосочетания **budzisko* **zabora*, в составе которого производное сущ. с суф. -isko (рус. -ище) от глаг. *budzić* (*sie*) и диал. сущ. *zabora* в знач. ‘скалистая гряда порога’, в польск. диал. не известно; *Воронова Забора* *Woronowa Zabora* [Santini 1777] 8-й порог, «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 8) порог называют *Воронова забора...*» [Лызлов 1692: 139 об.] с формой род. п. прилаг. *вороновъ*, также в составе гидронимов Н. Дона *Воронов* и В. Дона *Ворона*, *Вороний*, *Воронов*, *Воронь*, *Воронья* [Отин 2011: 34, 120, 272, 298; 2: 355, 686]; речка *Забора* *Zabora* [Santini 1777] — ст.-рус. и влр. диал. (донск.?) форма ж.р. к *заборъ* употреблялась в знач. «речной порог», гидроним Н. Дона *Заборина* [Отин 2012: 440, 701], ср. влр. диал. *забо́ра* ‘перекаат на реке, порог, каменные гряды, выступы горной породы на дне реки, выступающие над поверхностью воды’ (южн.) (СРНГ 9: 267).

народный гидрографический термин *истра*:

гидроним *Истра* *Iftra* [Santini 1777], речка, образованная слиянием речек Велька Грамолейка и Богухилены,

правый приток Ингула, а также одноимённая русская крепость у впадения речки в Ингул — замечательный топоним и гидроним, имеющий скифо-балто-славянскую природу. *Истра* — название нескольких рек в европейской части России: *Истра* — город на западе Московской области, левый приток реки Москвы; река в Смоленской области, правый приток Вори; гидроним Ниж. Дона *Истриус*, *Истпус*, *Неструн* [Отин 2012: 289, 704]; литовское название *Istra*, *Isra* реки *Инструч* в Калининградской области, притока Преголи; река *Streu* в Германии, а также древнегреческая передача скифск. названия Дуная — Ἰστρος, и гибридный гидроним *Дньстръ*. Согласно М. Фасмеру, *Истра* родственна слову *струя*; первичное значение, предположительно «струя», ср. лтш. *strauja* ‘поток’, ‘течение’, лит. *strautas* ‘ручей, небольшая речка’, ‘луг с ручьём’. Помимо прямого отождествления русск. *Истры*, лит. *Istra*, *Isra*, скиф. Ἰστρος вплоть до аналогичных параллельных вставок *-t-* в стечение *-sr-* и паразитической протезы *i-*, возможно и независимое др.-рус. словообразование, конфикация *u-...-a* корня *стр-уя*, в которой *u-* пережиток праслав. указ. мест. **ъь*, подобно гидрониму *Идолга* **ъьдылга* [Трубачев 1993], аппелятиву *иволга* **ъьвьлга* (ЭССЯ 8: 251–252);

топооснова *кадак-* / *кайдак-* / *кодак-* / *кудак-* (?):

Топоним *Кадакъ*, *Кайдаки*, *Кодакъ*, *Кудакъ* *Kudak* [Santini 1777], ‘порог, село, город, крепость’: остаётся без внятной этимологии с подозрением на тюркское происхождение: *кадык?* (также малообоснованно).

легендарный фитоним *ласъ* ‘белая трава, растущая при борах’:

гидроним *Ласевата речка* *Lasewata R.* [Santini 1777] — не образован ли этот гидроним посредством суф. *-еват-* от ст.-русск. названия растения *ласъ*: «Есть на земле трава, именем ласъ, собою бѣла, растеть при борахъ» (Сл. и д. II, 77. 1703 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 145). Из греч. λάσιος ‘заросший’? См. Мурованой.

охотничий термин *лисогоноз*:

ойконим *Лисогоноз Lysagon* [Santini 1777], село с церковью — уникальный топоним-компонит с соединительным *-о-* из основ *лиса* и *гон*;

фитоним *мураваной* «заросший травой-муравой» (?):

Мураваной овр. [Карта Таврич. обл.] может оказаться не пережитком польск. *tirowanyu* «застроенный каменной стеной», а производным с суф. *-ан-* от апеллятива *мурава* «вид травы» или от гидронима *Мурава* басс. Тетерева, который связывали с гидронимом *Мурафа* на Днестре и дунайским гидронимом *Morava, Морава* < *Marus* [Трубачёв 1968: 51, 168, 257]; сюда же *Муравка* гидронимы В. Дона и Н. Дона [Отин 2011: 27, 536; Отин 2012: 271, 732]; *Муравский шлях* в Славяносербии — влр. диал. производные с суф. *-ьск-*, *-ька* от сущ. *мурава* в разн. знач. (СРНГ 18: 347).

фитоним или зооним *нетригуз*:

гидроним *Нетригуз* (1642, 1708), *Nertriguz R.* [Santini 1777], *Netrius R.*, *Нетриус* (1644), *Верхнии Нетриусъ*, на Маяцких дачах на *Ближнемъ Нетриусе* (1689), *Нетринус* (1760, 1769), *Колодязь Святой* (1627); *Нетриус* нп (1786), *Нетрогус*, *Нетрус* [Отин 2012: 289, 470, 477, 626]; М. Фасмер упоминал три балки по имени *Нетригуз* (1 п С. Донца, 2 п. Камышной, п. Калитвы; 3 п Калитвы), *Нетриус*, *Нетриус*, *Нетрус*, *Нетригус*, *Нетригуз*, Святой, п С. Донца в Харьк. уезде), а также *Нестрегуз* пр. Ворсклы в Курск. уезде (WRGN1964: 406, 407–408) — предполагали [Абаев 1949] уникальный случай сохранения яского, аланского топонима композита с **netri* ‘вожак’ и **gaɣazna-* ‘олень, лань’ (согд. *gawazn*, пшт. *dawazn* м.р. ‘олень’, ‘марал’, ос. *ɣawanz*, *qawaz*, *qawaz* ‘самка оленя, лань’ предположительно заимствование из перс.) в составе; но, скорее всего, ст.-русск. новообразование на основе словосочетания *не три гуз*, аналогично *свербигуз*, *тряси гуз* — *трясогузка* ср. (Фасмер 3: 69). Обозначаемое либо птица (зооним), либо растение (фитоним), наименование которого перенесено на водный объект.

народный географический термин *стьчь* / *сичь* / *сича*:

традиционный влр. хороним *Стьчь*, польск. устар. *Siecz* (SJP: Michał Abraham Troc) — ст.-польск. алломорф к *sicz*, отвлечённый от имперфектива *siekać*, ср., впрочем, русск. глаг. *застыкать*. Эта форма может происходить и из влр. говоров, ср. диал. *сеча* (влад., моск., твер., яросл., костром. и др.), *сечи* мн. ч., *сечь* ‘место, где вырублен лес’ (моск., калуж. и др.) (СРНГ 37: 250, 251, 254).

Картографические варианты *Суча*, *Сучь*, *Nowa Sicza Zaporowfka*, *St. Kosac. Sicza*, *N.*, *St. Sicza* [Santini 1777] из ст.-польск. *Sicz zaporoska jest horda kozaków siczowych, mających swe w siczy naddnieprskiej siedliska aż ku granicom oczakowskim* (SJP: Dykcjonarjusz geograficzny 1782 г.); *Rejestrowi siedzieli głównie na Tomahawce, gdzie mieli swój korzeń, czyli Sicz, to jest wieczny obóz przeciw Tatarom* (SJP: Jędrzej Moraczewski) — другой ст.-польск. алломорф, отвлечённый от перфектива *sic*, *sieczy*, *sikł*, соотносительного с итеративом *siec*, *sieczy*, *siekął*, *siekl*.

С другой стороны, древний ойконим *Перестычьнѣ* — др.-русск. город в земле, где жили *Угличи по Дѣньпру вънизѣ* [Трубачев 2003: 388], руины которого находятся именно на Территории Запоровской. Этимология этого ойконима в связи с дунайским аналогом *Intercissa* подсказывает иную мотивацию наименования *Стьчь* (а заодно и ст.-польск. нар. геогр. термина *Sicz*, *Siecz*): не от «засака» к «система противокавалерийских укреплений», а от «пересекать, пересечь (Днепр)» к «область, где можно пересечь Днепр», ср. аналогичное словообразование ойконима *Переволочна* в Славяносербской Новороссии.

народный географический термин *стрезь* / *стреза*, мн. ч. *стрези*:

Сурски Стрежи Surfki Streczi [Santini 1777] или *Стрелчи*, 5-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 5) порог *Стрелчий* назван того ради, яко идущее судно чрез его мещет, аки стрелу от лука; ...» [Лызлов 1692: 139 об.] — польск. испорченное написание *Streczi* и ст.-рус. переоформление и переосмысление *Стрелчий* доносят эмендацию «славянского» названия порога *Настреѣжѣ*

вместо издательского *Налреџъ* [DAI], восходящего к др.-русск. предложно-падежному словосочетанию (*порогъ*) на *стрѣжи* ‘порог на стрежне’, ср. влр. диал. *стрѣж* (вят., яросл., волог., перм., беломор.), *стрѣжа* (арханг., беломор., мурм.), *стрѣжь*, *стрѣжь* (юж., волог., вят., Киров., арханг.), *стрѣжье* (вят.), *стрѣзь*, *стрѣзь* ‘середина и самое глубокое место в реке, быстрое течение’ (СРНГ 41: 302–303, 306).

орнитоним (*бъло*)-*чарай*-ка ‘некая водоплавающая птица’:

ойконим *Бъло Чарайка Bielo Czaraika* [Santini 1777] — крепость в устье Кальмиуса, там в 1778 г. основан *Маршуполь*, ставший городом в 1779 г., от неё и начинается длинная Белосарайская коса (ср. аналогичные по образованию серб. топонимы *Бела-Паланка*, *Бела-Стена*, *Бела-Црква*, *Биело-Брдо*, *Биело-Поле*) — предлагавшееся прежде толкование топонима неубедительно: частично калькированный и переоформленный варваризм *Ак-Сарай* на русской языковой почве **Бъл-о-сарай-ка* (?); скорее всего, название образовано от наименования белых лебедей или других белых приморских птиц, которые там гнездились и водились в огромном количестве, этимология возможна на основе рефлексов праслав. **čirъkъ*, **čirъka* ‘чирок, небольшая водоплавающая птица из подсемейства речных уток’, ‘общее название морской и речной птицы крачки *Sterna*’, ряз. обл. *чирак* (ЭССЯ 4: 117).

Литература

Абаев В. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 603 с.

Отин Е. С. Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк: Юго-Восток. 2011. 575 с.

Отин Е. С. Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 2: Нижний Дон. 2012. 792 с.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачев О. Н. К истокам Руси: (Наблюдения лингвиста). М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 68 с.

Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: Сб. статей / сост. Ю. А. Беляев. Симферополь: Универсум, 2011. С. 271–444.

Шапошников А. К. Историческая топонимия и народная географическая терминология Славяносербии XVIII–XX вв. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018а. С. 487–641.

Шапошников А. К. Историческая топонимия и народные географические термины Новосербии XVIII–XX вв. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 539–632.

Шапошников А. К. Лингвогеография новороссийских говоров: φυτόνομος τόπος ‘местность, получившая своё название от растения’ // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 26–28 октября 2018 г. / редкол.: О. Е. Кармакова (отв. ред.) [и др.]. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018б. С. 269–271.

Шапошников А. К. Новороссия первоначальная. Топонимические и топографические свидетельства (по состоянию на 1774/5 г.) // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Кн. 1. Сборник научных трудов. К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. С. 15–73.

Шапошников А. К. Языковые древности и этногенез угров. Свидетельствуют этимология и палеоономастика. Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / [отв. ред. проф. М. Э. Рут]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 420–430.

Шапошников А. К. Языковые реликты хеттского вида в Северном Причерноморье // Этимология / отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2010. С. 227–252.

Шапошников А. Северно-причерноморский ареал микро- и макро-топонимии позднего праславянского языкового состояния // Nazwy terenowe i miejscowe w przestrzeni fizycznej. Geographical names in physical space / redakcja Artur Gałkowski, Renata Gliwa. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. С. 123–135.

Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище: труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / [Отв. ред. С. А. Плетнева]. М.: Наука, 1984, С. 20–25.

Babik, Zbigniew. Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2001.

Giorgio Interioano. La Vita et Sito de Zychi, chiamati Circassi (пер. Н. А. Пенчко) // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Эльбрус. Нальчик. 1974. С. 3–28.

[*Santini*] La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatars Nugay et d'Oczakov, les Zaporoviens et partie de la Circassie. Venise: [G. Remondini], 1777. 1 carte.

Приложение I

Историческая топонимия и народная географическая терминология Территории Запорожской

Анікієвъ фортъ Анікієв F. [Santini 1777] городок у слияния рек *Боковье и Березовка*, ср. гидронимы В. Дона *Аникиево*, *Аникинская* [Отин 2011: 273, 244] — русское словообразование от фамильного имени *Аникиев*.

Баковья Ваковія R., Vokowia [Santini 1777] — вероятно, название эта река получила от какого-то строительного приема, использующего боковые срезы брёвен. У излучины реки село Гроб Павлюка, у впадения в Ингулец Аникиев форт (см.).

Березовка р(ъчка) Bereszowka R. [Santini 1777], малый приток Ингула к северу от *Долины Цемной*, если перед нами неточная транслитерация (*Берешовка*), то этот топоним имеет еще одно упоминание 1943 г.: In the area of the 8th Army the enemy achieved new successes near *Bereshevka*. The situation near Cherkazy is still obscure. In the area of Gomel our lines... [<https://archive.org/.../wardiarygermann511943...>] — скорее всего, неловкая графическая передача реального *Березовка*, ср. село *Березовка* Березовского сельсовета Ичнянского р-на, Черниговской обл., основанное около 1600 г. Вероятно, влр. производное с суфф. *-ев-ка* от *берег*.

Березовка р(ъка) Beresowka R. [Santini 1777], приток Саксагана, от слияния с которым образует Ингулец, ср. многочисленные гидронимы *Березовка* Верхнего и Нижнего Дона [Отин 2011: 45, 56, 81, 197, 199, 200, 204, 206, 213, 214, 219, 240, 276, 279, 283, 285, 287, 294, 309, 318, 319, 328, 360, 387, 388, 407, 410, 411, 424, 426, 460; Отин 2012: 46, 149, 155, 241, 368, 373, 376, 496, 674] — влр. производное с суф. *-ов-ка* от *береза*.

Бобринец или *Бабриньце р(ъка) Babrince R.* [Santini 1777], *Малый Бобринец* в составе Бугогардовской паланки Запорожской сечи 1767–1775 гг., возник на месте скифского поселения и могильника V–IV вв. до н. э., которые существовали и во II в. до н. э., ныне *Бобринец*. — влр. производное с суф. *-ец* от основы прилаг. *бобриный*. Чем было мотивировано это наименование, остается неизвестным, как и то, продолжает ли оно местную семасиологическую традицию.

Бога хилена Bogahilena [Santini 1777] — возможно, остаток польск. словосочетания *do Voħa chylena* с приблизительным значением ‘наклонена к Бугу’.

Бозувлукъ р(ъка) Bozuwlut R. [Santini 1777], испорчено вместо *Бузовлук*, речка, приток Солонхой, впадающей в Днепр у Новой Сечи — формально выглядит как адаптированный варваризм, производное с суф. *-luk* от ногай-татарск. *bizov* ‘vitellus, Kalb, телёнок’ [CodCum 139: 14], но может оказаться перенесённым гидронимом влр. диал. происхождения (стяжение словосочетания *бузовъ логъ*), ср. гидронимы Верхнего Дона *Большой Бозулук*, *Бузулок*, *Бузулук*, *Бузулуцкие протоки* и Нижнего Дона *Бузовой Лог* [Отин 2011: 129, 140, 144, 344, 500, 505; 2: 126, 681].

Будиска Забора Budyfka Zabora [Santini 1777], *Будило* (10-й порог), «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 10) порог *Будило* назван по тому, яко некто козак спящий, спущающися в лотке с порога *Волнега*, на сем месте взбудился...» [Лызлов 1692: 139 об.], а также наименование одного из днепровских порогов X в. *Несъни* Εσσοπτή «не спи» [Константин Багрянородный 1991: 46–49]. Ср. гидронимы Нижнего Дона *Будовая* [Отин 2012: 429, 681] — очевидная

традиционная номинация объекта: др.-слав. (антск.) **ne sꝑri* I тыс. н. э. продолжается в виде польск. переоформления словосочетания **budzisko *zabora*, в составе которого производное сущ. с суф. *-isko* (рус. *-ище*) от глаг. *budzić (się)* и диал. сущ. *zabora* в знач. ‘скалистая гряда порога’.

Велька Грамолейка р(ъ)ка Wielka Gramoleyka [Santini 1777] — польск. словосочетание прилаг. *wielka* ‘большая’ и производного с суф. *-ka* от испорченного грецизма *(a)griomeleia* ‘дикая яблоня’, сохранившегося в говорах новороссийской части Славяно-Сербии.

Вербовка / Вербова р(ъ)ка Werboka R. [Santini 1777], может быть, перед нами порча правильного *Вербовка* или *Вербова(я)*, ср. многочисленные гидронимы Н. Дона *Вербовка* [Отин 2012: 33, 54, 77, 508, 567, 683] — влр. диал. производное с суф. *-ка* от прилаг. *вербова(я)*.

Вода Умарла Woda Umarta [Santini 1777] приток Ингульца — польск. словосочетание *woda* ‘вода’ и *umarta* ‘мёртвая’.

Волчны Wolczny [Santini 1777] один из днепровских порогов — результат порчи русск. **волочьнъ* (от **волокъ*) или польск. *włócznia* ‘копьё’?

Вольнѳв Wolniow [Santini 1777], *Волнегъ* 9-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 9) порог *Волнег*, мало менши Ненасытна...» [Лызлов 1692: 139 об.] — польск. адаптация антского гидронима **Вулнѳпрагъ* (после 500 и до 930–940 гг.), наименование одного из днепровских порогов «по-славянски» *Вулны прагъ* Βουλνѳπράχ «большая заводь» (?) [Константин Багрянородный 1991: 46–49], предположительно толкуется как словосочетание формы род. п. на *-ы* сущ. *вѳлна* ‘волна’ и анто-славянск. формы *прагъ* ‘порог’. Обе формы не вост.-слав. и не др.-русск. Ср. опыт интерпретации гидронима *Welna* на основе апеллатива *welna, welna* ‘wzburzenie wody, fala na wodzie, fala morska’ [Babik 2001: 600–601].

Вольнѳв р(ъ)ка Wolniow R. [Santini 1777], *Волная рѳчка* «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ...13) порог *Волный* ... против его же впадает в Днепр и *рѳчка*

Волная с левыя стороны Днепра вниз идущим им, которая дале Самары города идущи степью сорок верст...» [Лызлов 1692: 139 об.], ср., впрочем, *Вольнюв*, деревня Углицкая. — ст.-русск. вариант прилаг. *вольная*, *вольное*, *вольный*. См. след.

Вольной Ф(ортъ) F(ort) Wolnoi [Santini 1777] — ст.-русск. диал. вариант прилаг. *вольныи*.

Вольный 13-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 13) порог *Волный* сего ради назвася тако, яко то последний порог и всяк преходяй оныя трудности назовется *волный*, яко ниже сего нет порогов и по Днепру уже путь волный или свободный, против его же впадает в Днепр и речка *Волная* с левыя стороны Днепра вниз идущим им, которая дале Самары города идущи степью сорок верст. А все сии пороги минуючи сухим путем прямо есть верст на сорок, а Днепром рекою идущи верст на сто, закривленнаго ради течения || Днепроваго.» [Лызлов 1692: 139 об.], ср. гидроним В. Дона *Вольная* [Отин 2011: 362, 508] — влр. диал. *вольный*, прилаг. с суф. *-ьный* от сущ. *воля*.

Вольшанка Wolszanka [Santini 1777] — производное с суф. *-ан-ка* от (*в*)*ольха*, ср. русск. топоним Нижняя *Волшанка* в Кировской области.

Воронова забора Woronowa [Santini 1777] порог, «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 8) порог называют *Воронова забора...*» [Лызлов 1692: 139 об.] — форма род. п. прилаг. *вороновъ*, ср. гидронимы Н. Дона *Воронов* и В. Дона *Ворона*, *Вороний*, *Воронов*, *Вороны*, *Воронья* [Отин 2011: 34, 120, 272, 298; 2: 355, 686].

*Гормо*лея*, *Громо*лея Wielka Gramoleyka* [Santini 1777], *Нортюклея*, *Громюклея* [Трубачёв 1968: 241, 252] — испорченный грецизм *громюлея* «дикая яблоня», см. Велька Грамолейка.

Гроб Павлюка Grob Pauluka [Santini 1777], село с церковью у могилы Павлюка, сподвижника Богадана Хмельницкого, у поворота речки Боковье (один из притоков Ингульца) на восток. В фамильном имени представлен пример «черкесского» именного словообразования. «Новорожденному дают имя

того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это — грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например — Петро — Петрук, Пауло — Паулук и т. д.» [Giorgio Interioano 1974]. Речь идёт о черкесском *уqо*. Распространение чужеземного фамильного словообразования в Малороссии, вероятно, происходит из Черкасс, еще во времена Древней Руси заселенных выходцами с Северного Кавказа. Уже летопись называет берендеев, которых селили здесь киевские князья, *чърнии клобоуци* или *черкіасы, черкасы* [ПВЛ неоднократно; ПСРЛ. Т. XXXV. С. 65; Аз. пов. (1637); РФБ 56: 148)]. Во времена Древней Руси на территории современного города существовало славянское поселение — городище, которое входило в систему оборонительных замков-крепостей для защиты от кочевников, что подтверждается обнаруженными артефактами — оружием, орудиями труда, монетами, датированными X–XII вв. Монгольское нашествие опустошило эти земли, но со временем люди понемногу возвратились, возродилась жизнь. С 1362 г. Черкассы находятся под властью Литовских великих князей и упоминаются в летописном «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV в.). Здесь находился наместник великого литовского князя, а затем — польского короля. Черкассы — центр староства. С 1471 г., после ликвидации Киевского удельного княжества, Черкассы относятся к Киевскому воеводству. Хотя правили в Черкассах перешедшие в православие потомки Мамаия князя Глинские, население города в XV в. (когда среди адыгов-черкесов на Кавказе магометан еще не было) было преимущественно магометанским. В отличие от запорожцев, которые в Сечь женщин не пускали, женщины Черкасс не только несли гарнизонную службу, но часто участвовали в набегах наряду с мужчинами.

Груская р(ѣ)ка *Hruskaja R.* [Santini 1777], ср. гидронимы Нижнего Дона *Грузька, Грузкая, Грузькая, Грузкий, Грузький, Грузький Єрик, Грузская, Грузская Новая Соль, Грузские, Грузский, Грузское, Грузской Яр, Груская, Грусска,*

Грусская [Отин 2012: 125, 143, 184, 281, 295, 296, 302, 415, 468, 472, 475, 515, 521, 523, 559, 591, 612, 692] — влр. диал. форма *грузская*, прилаг. на *-ский* от *грузь* «грязь, топь».

Днѣпровскій форт Fort Dnieprowski [Santini 1777] крепость на берегу Днепра между Килил Керманом и Ст. Сича у окончания русских фортификационных сооружений между Бугом и Днепром. — производное прилаг. с суф. *-ский* от основы *Днѣпрѣ*.

Днѣпрѣ р(ѣчка) Dniepr Fl. [Santini 1777], «...Доном, Ворсклом, и Днепром, и Богом...» [Лызлов 1692: 9 об.] — этимология в ЭССЯ малоубедительна.

Долина Злодзевов Dolina Złodzieow [Santini 1777], приток Ингульца — порча польского словосочетания сущ. *dolina* и формы мн. ч. род. п. сущ. *złodziej*, знач. «долина воров, разбойников».

Долина Цемна Dolina Siemna [Santini 1777], приток Ингула — порча польск. словосочетания *dolina* и *ciemna*, знач. «тёмная долина».

Еловая р(ѣчка) Elowaiia R. [Santini 1777], правый приток Днепра, ср. *Большая Еловая* в Тульской обл. и гидронимы Верхнего Дона *Еловатка*, *Еловатский* [Отин 2011: 407, 408, 515] — влр. форма прилаг. *еловый*, *-ая*, *-ое*.

Желтая р(ѣчка) Szeltaya [Santini 1777], приток Березовки = Малого Ингула (Ингульца), ср. гидроним В. Дона *Желтые Воды* [Отин 2011: 424, 516], долину реки Жёлтой с её притоками, нивами, зарослями тростника в старину называли урочищем *Жёлтые Воды*. Поскольку в некоторых местах река омывала выходы железной руды, и ярко-жёлтая краска — продукт окисления железняка — попадала в реку, поляки называли реку Жёлтой (*Sczoltaja, Żółta*), а долину возле неё — Жёлтыми Водами. Эта местность относилась к так называемому Дикому Полю (*Dzike Pole*) до польского освоения во второй половине XVI в. Переправа на реке Жёлтой называлась Жёлтым Бродом (*Żółty Brod*). Здесь стояли казацкие зимовники, укрепленные для защиты от татар. В урочище Жёлтые Воды 16 мая 1648 г. состоялась битва малороссийско-татарского

войска под руководством Б. Хмельницкого с войсками Речи Посполитой под руководством С. Потоцкого. Эта битва стала началом войны 1648–1654 гг., в результате которой поляки утратили контроль и над Малороссией, и над Диким полем. — наиболее убедительна трактовка гидронима как осознанное калькирование субстратного синдо-меотского гидронима **hingul-* (Χιγγυλοῦς, Χιγγιλοῦς), родственного др.-инд. сущ. *hingula-* ‘scarlet dye’, хорониму и гидрониму *Hingulā* (Monier-Williams 1964: 1289); [Law 1932: 59], санскр. *hingulam* ‘река киноварного цвета, цвета сурика’ (Roerich 1993: 173). Значение ‘река киноварного цвета, цвета сурика’ идеально подходит для истока Ингульца (см.).

Забора Zabora [Santini 1777] речка — влр. диал. (донск.?) форма ж. р. *заборѣ*, словоупотребление в знач. «речной порог», ср. гидроним Н. Дона *Заборуна* [Отин 2012: 440, 701].

Запоровский, -ая, -ое Territoire de Zaporoviens [Santini 1777] — ст.-польск. устар. форма *Zaporowski*, вместе с *Zaporog, Zaporoh, -owie, Zaporowczyk* (Linde) противопоставленная *Zaporoski, Zaporozny*.

Запорожье Zaporozża «Сей князь Димитрей Вишневецкой живущ на *Запорожье* всюду многих татар побеждаше и страны Полския от нашествия их охраняше, яко о том довольно в полских историях.» [Лызлов 1692: 154 об.] — ст.-рус. конфиксация (*за...-ье*) основы *порогѣ*.

Звонец Zwonec [Santini 1777], 4-й днепровский порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 4) порог *Звонец* название имеет от сего, яко вода сквозь частыя камения порога того бегущая с великим шумом или звоном проходит...» [Лызлов 1692: 139 об.] — ст.-рус. *звонец*, ср. *Звонец*, деревня Рогачёвского р-на Гомельской обл.

Звонецкое село Солонянского р-на находится на правом берегу реки Днепр, выше по течению на расстоянии в 3 км расположено село Майорка, ниже по течению на расстоянии в 0,5 км расположено село Алексеевка — влр. регулярное производное с суфф. *-ск-* от *Звонец*. См. *Звонец*.

Ингулэ Малый р(ька) Ingul Maly R. [Santini 1777], ныне *Ингулец*, кроме того, в верховья Ингульца приводит давнее историческое свидетельство: со второй половины VI в. упоминается *Λεβεδία*, *Λεβεδίας*, *Λαβαδίας* — область Хазарии, по которой текли реки *Χιδμάς / Χιλμάς / Χουμάς* (Ингул?), *Χιγγούλ / Χιγγουλούς / Χιγγιλούς* (видимо, Жёлтые воды, исток Ингульца), и где обитали угры — *Οὔγροι κατοίκησαν* (DAI 38, 168). — гидроним, который малоубедительно этимологизировали формально как варваризм **ingol* где *jn* ‘Höhle, дыра, яма’ [CodCum 120: 7, 23] и *chol, kol* ‘brachius’, ‘manus’, ‘рукав (реки)’ [CodCum 95: 21, 28; 141: 8; 147: 9], или как порчу **oŋgol* ‘dextera; die rechte Hand’ [CodCum 143:17] в смысле «приток по правую руку» (?). Более убедительна трактовка гидронима как порча синдо-меотского **hingul-* (*Χιγγουλούς*, *Χιγγιλούς*), ср. др.-инд. сущ. *hiṅgula-* ‘scarlet dye’, хороним и гидроним *Hiṅgulā* (Monier-Williams 1964: 1289); [Law 1932: 59], санскр. *hiṅgulam* ‘река киноварного цвета, цвета сурика’ (Roerich 1993: 173). Значение ‘река киноварного цвета, цвета сурика’ идеально подходит для истока Ингульца. См. *Жёлтые воды*.

Ингулэ р(ька) Ingul R. [Santini 1777], *Ингулэ Вельки Ingul Wielki* [Santini 1777], он же *Хидмант* во второй половине VI в., когда столицей части гуннов стал некий город *Либидинов* (τῆν Λιβιδινῶν πόλιν) [Simokatta I, 8.6] (вероятно, с. Лебедьня к северу от Ново-Миргорода), который упоминается и позднее в венгерской традиции. Кроме того, *Λεβεδία*, *Λεβεδίας*, *Λαβαδίας* — область Хазарии, по которой текли реки *Χιδμάς / Χιλμάς / Χουμάς* (прежде Оар, Хунноуар «дамба, плотина»?), *Χιγγούλ / Χιγγουλούς / Χιγγιλούς* (видимо, Жёлтые воды, исток Ингула Малого или Ингульца), и где обитали угры *Οὔγροι κατοίκησαν* [DAI 38, 168]. Река, впадающая в Бугский лиман Черного моря. Номинально считается левым притоком Ю. Буга, впадая в последний на расстоянии 100 км от устья. Площадь бассейна 9890 км². Длина реки 354 км. Исток реки находится на высоте более 170 метров над уровнем моря возле села Борково Новомиргородского района Новосербской

области. Малоубедительно этимологизировали формально как варваризм **inqol*, где *jn* ‘Höhle, дыра, яма’ [CodCum 120: 7, 23] и *chol, kol* ‘brachius’, ‘manus’, ‘рукав (реки?)’ [CodCum 95: 21, 28; 141: 8; 147: 9], или как порчу **onqol* ‘dextera; die rechte Hand’ [CodCum 143:17] в смысле «приток по правую руку» (?), или того хуже, как тур. *yenigöl* «новое озеро». Наконец, некоторые авторы отстаивали идею варваризации праслав. **qglъ* ‘угол’ (ᾠγγλος). Скорее всего, за рекой закрепилось переносное название с соседнего Ингула Малого во времена польского освоения территории. Первичное название реки было др.-венг. *Хидма(н)т* «имеющий дамбы, плотины, мосты».

Ингуль ф(ортъ) разруш(енъ) F. Ingul detr. [Santini 1777] русский форт в верхнем течении Ингульца на демаркации границ Новосербии и территории Запорожцев (1739 г.), от него до Аникиева посёлка Ингулец назывался *Березовка* (см.).

Истра Iftra [Santini 1777], речка, образованная слиянием речек Велька Грамолейка и Богухилены, правый приток Ингула, а также одноимённая русская крепость у впадения речки в Ингула — замечательный топоним и гидроним, имеющий скифо-балто-славянскую природу. *Истра* — название нескольких рек в европейской части России: *Истра* — город на западе Московской области, левый приток реки Москвы; река в Смоленской области, правый приток Вори; гидроним Ниж. Дона *Истриус, Истрис, Неструн* [Отин 2012: 289, 704]; литовское название [*stra, Isra* реки *Инструч* в Калининградской области, притока Преголи; река *Streu* в Германии, а также древнегреческое название Дуная — Ἰστρος, и гибридный гидроним *Дньстръ*. Первичное значение «струя», ср. лтш. *strauja* ‘поток’, ‘течение’, лит. *strautas* ‘ручей, небольшая речка’, ‘луг с ручьём’. См. Фасмер.

Кадáкъ (порогъ) Kodak [Santini 1777] 1-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: 1) *Кадак* порог ниже устья реки Самары версты три, над ним же вниз идущи Днепром на правом берегу стоит город назван *Кадак...*» [Лызлов 1692: 139 об.] — без установленной этимологии, см. *Старые Кайдаки, Кодак, Кудак*.

Кадакъ городъ «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: 1) *Кадак* порог ниже устья реки Самары версты три, над ним же вниз идущи Днепром на правом берегу стоит город назван *Кадак...*» [Лызлов 1692: 139 об.] — без установленной этимологии, см. *Старые Кайдаки, Кодак, Кудак*.

Кайдаки, Старые Кайдаки — без установленной этимологии, возможно, первичная форма для *Кадак, Кодак, Кудак*.

Кня́ѣинец Кпиаһиніес [Santini 1777], *Кня́ѣининъ* 6-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 6) порог *Княинин* — отдавна поведают, якобы некая *княиня* || утопе тамо...» [Лызлов 1692: 139 об.] — простореч. порча др.-рус. топонима **Княгыньць*.

Конскои ред(утъ) Konskoi Red. [Santini 1777] к северу от впадения речки Суры в Днепр, обозначаемый объект теперь оказался в черте г. Екатеринослава, ср. гидроним В. Дона *Конское Стоило* [Отин 2011: 345] — любопытная ст.-русск. форма прилаг. *конскии* (СлРЯ XI–XVII, спр. вып.: 580).

Корабѣльна Karabelna [Santini 1777] стоянка, деревня располагалась выше впадения одноименной речки *Карабельная Karobelnaja R.* в Юж. Буг — скорее всего, порча ст.-русск. топонима *корабельна(я)*, вернее, графическое отражение русск. произносительной нормы, прилаг. *корабельна, корабельнии* (СлРЯ XI–XVII, спр. вып.: 650).

Корабельна р(ѣчка) Karabelna R. [Santini 1777] — передача великорусск. прилаг. *корабельна(я)* (СлРЯ XI–XVII, спр. вып.: 650) с первичным знач. «корабельная речка». Гидроним обозначает левый приток Ю. Буга ниже форта Ловинской (см.), впадающий у села *Корабельна* в Буг, на его берегу выше по течению село *Нестеровка* (см.). Видимо, Ю. Буг был судоходен до границ Новороссии и Польши.

Ласевата р(ѣчка) Lasewata R. [Santini 1777] — скорее всего, регулярное производное с суф. *-еватый* от основы ст.-рус. фитонима *ласъ*, обозначавшего некую легендарную траву. Едва ли следует предполагать порчу то ли *Лысовата*, то ли *Лосевата*, ср. гидронимы В. Дона *Лосевая* и Н. Дона

Лысова, Лысовская [Отин 2011: 419, 530; Отин 2012: 56, 98, 723].

Ловинской ф(ортъ) F. Lowinfkoi [Santini 1777] выше слияния речки Корабельной и Ю. Буга, где в те времена сходились границы Новороссии, Польши и очаковских татар, вассальных Турции. Ср. *Ловинск* в Ханты-Мансийском АО.

Лоханый 3-й порог, *Луканый Lukany* [Santini 1777], порог ниже Старого Кодака: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 3) порог называют *Лоханый*, от-{129}древле так назван...» [Лызлов 1692: 139 об.] — производное от сущ. *лохань*. Этимология без ономаσιологического обоснования, ср. *Лука* на В. Днестре также не совсем ясного происхождения (иллир.?) [Трубачёв 1968: 67, 256].

Лычный 12-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 12) порог *Лычный*, отдавна назван тако; ...» [Лызлов 1692: 139 об.] — неясное словообразование, производное с суф. *-ыный* от *лыко*?

Мигая Migaia [Santini 1777] крепость на Буге, ниже впадения речки Корабельной и форта Ловинской — неясный топоним.

Малой Вольной р(учей) M. Wolnoi R. [Santini 1777] — см. *Вольной порог, Вольная речка*.

Монастырской остров: «Воеводы же со всем воинством Богом храними приидоша здраво на остров, зовомый *Монастырской*» [Лызлов 1692: 157] на Нижнем Днестре, ср. гидронимы В. Дона *Монастырский* и *Монастырский ключ* и Н. Дона *Монастырская, Монастырский, Монастырское, Монастырской* [Отин 2011: 91, 152, 536; Отин 2012: 205, 398, 587, 731].

Монастырь Mon. [Santini 1777] между Н. Кодаком и Конским Редутом, ср. гидроним Н. Дона *Монастырная* [Отин 2012: 205, 398, 587, 731].

Ненас(ыт)вечь Nienafwies [Santini 1777] 7-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 7) порог *Ненасытец* вышереченный болши и труднее всех порогов, название таково того ради имеет, яко бы не может насытитися, ломаючи стругов над собою, его же вдоль по

реке есть пятьсот сажен...» [Лызлов 1692: 139 об.] — результат порчи древнего (антского) названия одного из Днепровских порогов по-славянски *Неясѣтъ* *Неасѣт* X в., славянское знач. «порог-пеликан» [Константин Багрянородный 1991: 46–49]. Ср. цслав. *неясѣтъ* «пеликан» — результат переоформление стяженного словосочетания *не ѣти сѣти (сѣтости)*, буквально «ненасытный».

Нестеровка [*Nestepowka*] село на речке Корабельной выше ее впадения в Южный Буг — скорее всего, графическая порча топонима *Нестеровка*, производного от ФИ *Нестеров* и ИС *Нестор*.

Нова Січа Запороўска *Nowa Sicza Zaporowfka* [Santini 1777] в низовье речек Солоная, Бозувлук и Чёрная Каменка, на правом берегу Днепра, основана по распоряжению российского правительства ещё в 1734 г. вернувшимися из ханства казаками, окончательно ликвидирована в 1775 г.

Новая Сербия (*ф(ортъ) разруш(енъ)*) *F. N. Servia detr.* [Santini 1777], *фортъ Ново-Сербия*, оставленный уже к 1774 г., он стоит на берегу Ингула, ср. гидронимы Дона *Новая Варгунка*, *Новая Егурча*, *Новая Каланча*, *Новая Кутер(ь)ма*, *Новая Соль*, *Новая Меловатка*, *Новая Тойда*, *Новая Толмучеева* [Отин 2011: 210, 239, 538; Отин 2012: 586, 620, 624, 144, 717].

Новый Кудакъ *N(owu) Kudak* [Santini 1777] крепость, построенная поляками приблизительно около 1635–1650 гг., епископ Феодосий (Макарьевский) считал, что Новый Кодак с приходской церковью существовал уже в 1650 г., ср. гидронимы Дона *Новый*, *Новый Богдан*, *Новый Деркул*, *Новый Дон*, *Новый Хопёр* [Отин 2011: 317, 538; Отин 2012: 418, 528, 530, 620, 735] — словосочетание влр. прилаг. *Новый* и этимологически неясного топонима *Кудак* («на Кудыкины горы...»).

Носовка (*р(ѣчка)*) *Nosowka R.* [Santini 1777], впадающая в Днепр между Новой Сечью и русской пограничной фортификацией — производное с суф. -к- от *Носова* (речка, село), ср. др.-рус. поселение *Носовъ* на Руди, которое упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г., ср. гидронимы Дона *Носов*, *Носова* [Отин 2011: 244; Отин 2012: 12, 735].

Омелова р(ъчка) Otelowa R. [Santini 1777] — русск. производное с суф. -ов- от *омела*.

Осокаровка р(ъчка) Osokarowka R. [Santini 1777], ср. гидроним Н. Дона *Осокорь* [Отин 2012: 7, 738] — графич. порча русск. диал. *Осокоровка*, производного с суф. -ов-ък-а от основы *осокоръ* (юж. и зап. диал.).

Пороги: «... Яко выше || по Днепру тех соделанных крепостей суть на нем *пороги* каменные, положением таковы. Чрез всю реку от края до края лежит камение великое, в долготу по реке сажень на пядесят, иной и на сто и болши, являющиеся из воды так часто, яко вода между того камения с великою быстротою и шумом приходит. И того ради не токмо струги, но и малыя лодки проходят тамо с великим трудом и немалою тщетою людей и запасов...» [Лызлов 1692: 139 об.], польск. *Dniepr sławny jest progami; Na Nieprze są progi kamienne, od kamiennych progów Dnieprowych* — таким образом, на Территории Запорожья исторически представлены три рефлекса праслав. народного географического термина **porǫb* < **pargas*: антск. **pragǫ* [Βουλνη-πράχ], вост.-слав. **porogъ* и лехитск. *proga, próg, -gu*.

Русская старая крепость Rus Eski Meteresi [Santini 1777] — варваризм, со знач. «русское старое укрепление». Фортификационные сооружения к западу от Буга между Казаганом и Генуэзской деревней.

Сазаганской ф(ортъ) разрушенъ F. Szaganskoi detruit [Santini 1777] — русск. производное с суф. -ск- от гидронима *Саксаганъ* или *Саксагань* (см.). *Сазаганъ р(ъчка) Szagan R.* [Santini 1777], на старых картах и в других источниках иногда *Саксаган* — гидроним-варваризм происходит из турецкого *saksağan* (ср. азерб. *sağsağan* и кырг. *sağyzğan*) ‘сорока’ [Трубачёв 1968: 207, 262]. Скорее всего, орнитологический термин перенесен на водный объект в связи с тем, что данный зоологический вид обитал у этой речки. Левый приток Ингульца, относится к категории малых рек, является притоком Днепра II-го порядка, но сначала впадает в Ингулец. Река берет свое начало из источника у села Малоалександровка. Имеет

28 притоков общей длиной 88 км. Истоки реки расположены на высоте 140 м, а устье — 31 м. Длина бассейна — 144 км, водораздельной линии — 250 км. Форт у слияния рек Березовка и Саксагань к 1777 г. потерял военное значение и был заброшен.

Суча, Сучь, Nowa Sicza Zaporowfka, St. Kosac. Sicza, N., St. Sicza [Santini 1777], польск. *Sicz zaporowska jest horda kozaków siczowych, mających swe w siczy naddnieprskiej siedliska aż ku granicom oczakowskim* (SJP: Дыкцjonарjusz geogrficzny 1782 г.); Rejestrowi siedzieli głównie na Tomahawce, gdzie mieli swój korzeń, czyli *Sicz*, to jest wieczny obóz przeciw Tatarom (SJP: Jędrzej Moraczewski) — ст.-польск. алломорфы, отвлечённые от ст.-польск. перфектива *sic, siecze, sikt*, соотносительного с итеративом *siec, siecze, siekat, siekt*. Ср. др.-рус. *Пересъчьнѣ*.

Солоная Су Solonaja Su [Santini 1777] речка впадала в Днепр в Новой Сечи Запорожской, ср. многочисленные гидронимы Дона *Солона, Солоная* [Отин 2011: 271, 346, 348, 349, 354, 356, 427, 429, 433; Отин 2012: 21, 24, 26, 45, 58, 84, 87, 93, 94, 184, 284, 345, 352, 375, 468, 469, 471, 487, 497, 517, 536, 558, 564, 580, 582, 583, 598, 756] — ст.-русский гидроним *Солоная*, переоформленный варваризмом *су* «вода», ср. двусоставный варваризм *Тузлу Су*.

Спасхагу Су Spashagu Su [Santini 1777] верхний приток Ингула, ср. гидронимы Н. Дона *Спасибогова, Спасисогова* [Отин 2012: 185, 756] — этимологически тёмный гидроним, несмотря на переоформление варваризмом *су* 'вода', может оказаться не тюркским по происхождению: русск. *спаси богъ?*

Ст(арый) Кудакъ St(ary) Kudak [Santini 1777], ср. гидронимы Дона *Старый, Старый Бузулук, Старый Воронеж, Старый Дон, Старый Донец, Старый Край, Старый Проток, Старый Уступ, Старый Хопер* [Отин 2011: 21, 139, 222, 249, 266, 286, 291, 292, 317, 337, 368, 377, 442, 445, 447, 358, 452, 453, 454; Отин 2012: 63, 618, 619, 758] — этимология топонима *Кадак, Кодак, Кудак* остается не установленной. Инициатором строительства фортеции Кодак был великий крон-гетман Станислав Конецпольский, соответствующее решение вынес

польский сейм в феврале 1635 г. В том же году началось строительство фортеции над первым днепровским порогом напротив устья р. Самары.

Ст(арая) Козац(ка) Суча St. Kosac. Sicza [Santini 1777], *Sicz, zasiek kozacki, hajdamacki* (Linde), крепость на высоком берегу Днепра, основана между 1500 и 1533 гг., с 1654 г. вассалы Московского царя, оставлена казаками в 1709 г., вновь отдана им для заселения в 1734 г., ср. гидроним Н. Дона *Стара Ръчка* [Отин 2011: 139, 184, 223, 431, 434, 438, 439, 440, 444, 453; Отин 2012: 501, 757].

Стара Суча Stara Sicza [Santini 1777], основана в 1500–1530-х гг. поляками (*Sieczka*), ликвидирована в 1709 г. указом Петра, казаки ушли к ногай-татарам. В 1734 г. вернулись и поселились в крепости. Ср. гидроним Н. Дона *Стара Ръчка* [Отин 2012: 501, 757].

Стрежи Surfki Streczi [Santini 1777] и эмендация «славянского» названия порога *Настрежъ* вместо *Налрежъ* [DAI] — восходит к др.-русс. предложно-падежному словосочетанию (*порогъ*) на *стръжи* «порог на стрежне», ср. русск. диал. *стрежа, стреж, стрежь* «середина и самое глубокое место в реке, быстрое течение» (СРНГ).

Стрелчий Streczi [Santini 1777], порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 5) порог *Стрелчий* назван того ради, яко идущее судно чрез его мешет, аки стрелу от лука; ...» [Лызлов 1692: 139 об.] — испорченное написание **Strelczi* (Стрелчий) отражает др.-рус. притяжательную форму на *-ийь* от *стрѣльць*.

Сура р(ъка) Sura R. [Santini 1777] со своим истоком, *Мокрая Сура, Камышеватая Сура, Сухая Сура*, «... порог Сурский название имеет от реки *Суры*, которая с той же страны Днепра впадает в него» [Лызлов 1692: 139 об.]; ср. тождественный гидроним *Сура* — протекает по 6-ти субъектам Российской Федерации (841 км), приток р. Волги; в Ивановской области, приток р. Пурежки (Россия); в Архангельской области (92 км), приток р. Пинеги (Россия); река в Амурской области (56 км), приток р. Кун-Маньё (Россия); в Мурманской

области (35 км), впадает в оз. Умбозеро; в Свердловской области, приток Линтовки, а также гидронимы В. Дона *Сура* и *Сура* [Отин 2011: 27, 409, 555]. *Мокрая Сура* — река, правый приток Днепра (118 км) впадает в Днепр (в акваторию Запорожского водохранилища) в 14 км южнее Днепропетровска. Русло реки извилистое. Проходит по мягким породам, в результате чего прорезает их до каменистых слоёв. В бассейне Малой Суры имеется множество оврагов. Питание в основном дождевое и снеговое. По причине незначительного грунтового питания река может пересыхать летом. В реке водятся различные породы рыб, заходящие в неё из Запорожского водохранилища. Этимология всех влр. гидронимов *Сура* не может считаться окончательно установленной, предположительно вост.-иран. [Трубачев 1968: 159, 266], я бы обратил внимание на серб. *сър, сјрѝ, сјра, сјро* «серый, пепельно-серый» и болг. фольк. *сурелен, сурь елен* «волшебный олень, олень игреневого масти», которые позволяют поставить вопрос о реконструкции анто-слав. цветообозначения **surъ*, представленного рефлексами и в вост.-слав. ареале. Подозреваю, что праслав. основа древняя, гомогенная корневой части скиф. этнонима *Sauromatae*, которая может быть источником позднейшей формы

Сура Сподовая р(ъчка) Sura Spodowaja R. [Santini 1777] приток р. Сура — порча польского словосложение *spod-* 'под' и *rował* 'бурелом'?

Сурски(е) Стрежи или *Сурский Стрельчий Surfki Streczi* [Santini 1777], 5-й порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 5) порог *Стрельчий* назван того ради, яко идущее судно чрез его мечет, аки стрелу от лука; ...» [Лызлов 1692: 139 об.] — то ли стрежи, то ли стрельчий (испорченное написание **Strelczi*?).

Сурский порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 2) порог *Сурский* название имеет от реки Суры, которая с тоя же страны Днепра впадает в него; ...» [Лызлов 1692: 139 об.] — следует трактовать, как Сурские стрежи, ср. наименование одного из днепровских порогов X в. *На стрежи*, «по-русски» [Константин Багрянородный 1991: 46–49].

Сурский р(учей) Surfki R. [Santini 1777] — производное с суф. -ьск- от гидронима *Сура* (см.).

Стьчь, польск. устар. *Siecz* [SJP: Michal Abraham Трос] — ст.-польск. алломорф к *сичь* (см.), отвлечённый от имперфектива *siekać*, ср. русск. *застыкать*. Ср. *Пересечень*.

Таволжаный, Тыволжаной Tiwolzanou [Santini 1777] порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 11) порог *Таволжаный* того ради назван, яко над ним по берегам Днепровым таволга растет...» [Лызлов 1692: 139 об.] — производное от варваризма *таволга*, ср. гидронимы В. Дона *Таволжанец, Таволжанка, Таволжаное* [Отин 2011: 107, 115, 144, 261, 289, 295, 362, 383, 557].

Тернука Вода р(ька) Ternuka Woda R.? [Santini 1777] — испорчено *Тернойка?*, производное с суф. -ов-ка от *тёрн?*

Тиволжаной Tiwolzanou [Santini 1777] небольшой форт напротив крепости Александровской, ср. гидронимы Н. Дона *Таволжанка, Таволжанский, Таволжный* [Отин 2012: 124, 273, 376, 762]; *Таволжанскои оврагъ* лп яра Брянского (XVII в.), *Таволжный* [Отин 2012: 376] — производное с суф. -ян-ск- от основы *таволга*; *Таволжаный* порог; *Таволжаный* порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: ... 11) порог *Таволжаный* того ради назван, яко над ним по берегам Днепровым таволга растет...» [Лызлов 1692: 139 об.] — производное от варваризма *таволга*, если перед нами не описка, то порча ст.-русс. формы прилагательного — *тиволжанъ* «из тавоги *Spiraea*» / *тдволжанъ* «из таволги *Spiraea*» (Б. Годунов, 1589 г.), старого заимствования из татар. *тубылгы* ‘жимолость, таволга’.

Томаковка Tomakówka “Zaporoskich Kozaków gniazdo jest wyspa na Dnieprze *Tomakówka*, trudna nader przystępu; tam się poczynają owe srogie katarakty...” (SJP: Adam Naruszewicz) — производное с суф. -ка от фамилии *Томаков* или с суф. -ов-ка от варваризма *Томак*, вернее *тамак, тамах* «устье (реки)».

Хмельникъ фортъ разрушенъ F. Chmielnik Detruit [Santini 1777] — разрушенный русский форт, ср. гидронимы Дона *Хмельник, Хмелинец, Хмельнец, Хмельной* [Отин 2011: 51,

91, 98, 265; Отин 2012: 176, 769] — производное с суф. *-ън-икъ* от *хмель*.

Хортіцкой островъ Chortikoi Oftr(ow) [Santini 1777], остров *Хортіцкой*: «ко князю Дмитрею Вишневецкому, иже живяше на низу Днепра реки между запорожскими казаками на острове *Хортіцком*, служащи кралю полскому, такожде и государю нашему верно»; «...прииде на Вишневецкаго к городу его на *Хортіцкой* остров...» [Лызлов 1692: 154 об.; 155 об.], ср. наименование одного из днепровских порогов X в. «по-славянски» *Островуни прагъ* Ὀστρῶβουμπράχ «островок порога» [Константин Багрянородный 1991: 46–49], на самом деле, скорее, «порог островка». *Островуныя* толкуется как уменьш. производное с суф. *-уни* от праслав. **obstrovъ* (ЭССЯ 30: 79–80), ср. **obstrovina* ‘остров, отмель’ (ЭССЯ 30: 78). См. след.

Хортіца, Хортіця, Chortic'koi Oftr [Santini 1777], пр. Днепра [Трубачев 1993: 19] продолжает праслав. **xǫrtica*, производное с суф. *-ica* от прилаг. **xǫrtъ* ‘быстрый, скорый, борзый’ (ЭССЯ 8: 148–149), которое в данном случае обозначает не гончую собаку, а быстрое речное течение.

Черная Каменка р(ѣка) Cz. Kamienka R. [Santini 1777], польск. *Czarna Kamienka*, ср. гидронимы Дона *Черная, Черная Яма, Черная Вода, Черная Долина, Черная Камитва, Черная Соломата, Черное, Черное Жеребье, Черной Сал, Черный, Черный Жеребец, Черный Проток* [Отин 2011: 132, 166, 223, 268, 348, 349, 360, 432; Отин 2012: 30, 59, 60, 73, 100, 143, 276, 318, 506, 531, 558, 567, 582, 588, 259, 772, 773].

Чертомлыкъ Cy Czertomluk Su [Santini 1777] речка бассейна Нижнего Днепра, в долине которой расположены знаменитые Чертомлыкские курганы — с виду варваризм (суф. *-лык*, сущ. *су* ‘вода’), но может оказаться адаптацией вост.-слав. словосложения **чъртомъ *лыкъ*.

Приложение II

Историческая топонимия и народная географическая терминология Дикого Поля

Аиос Алез Кал(а) Aios Alex Kal [Santini 1777], *Херсонъ* [Карта Таврич. обл.] — примечательный греческий топоним *Айос Алекс кале* обозначал турецкую крепость на Нижнем Днепре в черте Херсона — переоформление традиционного греч. ойконима *Айос Алексиос* (*Александрос?*) и тур.-араб. *galat* ‘крепость’.

Алешки [Карта Таврич. обл.], *Олешки*, деревня у вост. берега Днепра против Херсона — вероятно, образовано от основы *олешье*, *ольха* подобно *дубки* от *дуб*.

Андреевъ Andrew [Santini 1777] форт в комплексе Русское Старое Укрепление (Рус Эски Метереси) в бассейне Ю. Буга, ср. гидронимы В. Дона *Андреева*, *Андреевское* и бассейна Н. Дона *Андреев* и *Андреева* [Отин 2011: 1136 427, 136; 2: 30, 31, 33, 670].

Атаманъ [Карта Таврич. обл.] — влр. диал. *атаманъ*.

Берда р(ъка) R. Berda [Santini 1777], р. *Берда* [Карта Таврич. обл.], прежде граница Новороссийской Славяносербии и ногайцев, см. [Шапошников 2018: 554–555].

Бердинская к(оса) K. Berdinskaja, Коса Бердинская Koffa Berdinfkaja [Santini 1777], к. *Бердинская* [Карта Таврич. обл.] некогда во владениях ногайцев. *Бердинская* пристань, в начале XVII в. здесь существовало поселение *Верди*, потом *Бердянская* в 1827 г., ставшая городом *Бердянском* в 1835 г. Ср. гидронимы В. Дона *Бердинский*, *Бердей*, *Бердейка*, *Берделя*, *Бердия*, *Бердо*, *Бердяйка* [Отин 2011: 156, 307, 467, 468] — влр. вторичное прилаг. с суф. *-ск-* от первичного прилаг. *Бердинъ* с суф. *-ин-* от гидронима *Берда*. Позднее произошло переоформление слова и получилось *Бердянская* коса, ср. словообразовательную модель серб. *брђански* ‘горный, горский’ от *брдо* ‘гора, холм’.

Березань р(ъка) Verezan R. [Santini 1777] река, ср. гидронимы В. и Н. Дона *Береза* и *Березенский* [Отин 2011:

294; Отин 2012: 153, 251, 674] — производное с суф. *-ань* от основы *береза*.

Беринка р(ѣка) Berinka R. [Santini 1777], ср. с. *Беринка* Уманського повіту Шаулихської волості — производное с суф. *-ка* от оновы *Берина*.

Бериславль [Карта Таврич. обл.] город на зап. берегу Днепра против Шагингирейскаго ретраншамента, прежде Кизил-Керман, ныне г. Берислав — удивительная «реанимация» др.-рус. ойконима XV в., регулярное притяжательное производное на *-йь* от др.-русск. сложного имени *Бериславъ*.

Богъ р(ѣка) Bog R. [Santini 1777], *Р. Бугъ* [Карта Таврич. обл.], «Доном, Ворсклом, и Днепром, и *Богом* ..., 3* Торговица на усть реки *Богоа*, за Уманую 25 верст [Лызлов 1692: 9об., 10 об.], ныне Южный Буг. — польская форма *Boh*, отражает и др.-рус. традицию.

Большой Сасыкъ Кулакъ овр. [Карта Таврич. обл.], зап. приток Берды между Петровской и Захарьевской крепостей — влр. переоформление (частичное калькирование) варваризма посредством прилаг. *большой*.

Буговая Виговаја [Santini 1777] крепость — очевидное рус. словообразование, хотя крепость находилась во владениях турок и очаковских татар.

Буговской Лиманъ [Карта Таврич. обл.] — производное с суф. *-ской* от гидронима *Буг*.

Бѣлградъ, Бѣлѣ градъ, Бѣлѣгородъ, бѣлогородские татары: «Инии же преидоша за Днѣпр даже до рѣки Днѣстра и населишася около *Бѣлаграда* и Очакова, городов волосских. Сей *Бѣлград* называется Манкоп и Монкострум. Стоит на устии Днѣстра рѣки, идеже той в Чорное море, а Очаков стоит на устии Днѣпра рѣки, идеже той в то же море впадает за Очаковым в трех верстах. Сей Очаков от *Бѣлаграда* двести верст, а от Перекопу Крымскаго и от Черкас, города Малороссийскаго, такожде. Сих обаче татар не называют крымскими, но *бѣлогородскими* и очаковскими 7. Сии домостройство имеют лучши крымских и богатее их суть» [Лызлов 1692:

127 об.] — ещё один пример схождения юж.-слав. (Бѣлград) и вост.-слав. (Бѣлгород) форм сложного топонима.

Бѣлозерка рѣч(ка) [Карта Таврич. обл.], она же Ак Су, впадавшая в *Р. Конская* через скифское *Белозерское* городище напротив Новой Сечи Запоровской — производное с суф. *-ка* от слитной основы словосочетания *белое озеро*.

Бѣлозерскъ Bielozersk [Santini 1777], позднее *Бѣлозерское* городище скифов, город *Бѣлозерск* прямо напротив Новой Сечи на Днепре, ср. гидронимы В. Дона *Белозерка*, *Белозеро* [Отин 2011: 19, 173, 500] — производное с суф. *-ск-* от словосложения *белое озеро*, название лимана, заливных лугов и плавней. Белозерское городище является археологическим объектом.

Вербовой овр. [Карта Таврич. обл.] — производное с суф. *-ов-* от основы *верба*.

Висарионова к(оса) К. Wisarionowa [Santini 1777], *К. Висарионова* [Карта Таврич. обл.], ср. гидронимы Н. Дона *Коса*, *Коссе* [Отин 2012: 192, 475, 626, 713] — производное с суф. *-ов-* от антропонима-варваризма *Висарион*.

Витольдова Баня Vithold Hammam [Santini 1777] — вероятно, испорченный польск. вариант (*Witold*) имени вел. кн. лит. *Vitautas* (1392–1430), сына Кейстута, который захватил у татар Южную Подолию и расширил литовские владения до самого Чёрного моря. Замечательный топонимический пережиток.

Возя Vozia [Santini 1777], прибрежное поселение к северу от будущей Одессы, скорее всего, порча валашского топонима.

Гарбузинъ Garbusin [Santini 1777], ср. гидронимы Н. Дона *Гарбузная* [Отин 2012: 460, 508, 509, 688] — производное с суф. *-ин-* или *-ын-* от варваризма *гарбуза*, ср. влр. диал. *гарбузинье* ‘стебли и листья тыквы’ (курск.) (СРНГ 6: 138), *гарбузі* *Cucurbita pepo*.

Голая Пристань [Карта Таврич. обл.] напротив Херсона — влр. словосочетание *голая пристань*.

Голенькая [Карта Таврич. обл.] напротив Херсона — позднее влр. производное с суф. *-енькая* от *голая*. См. пред.

Дикое Поле, Dzikie Pole — это территория к югу от русской фортификации после Белградского Трактата (18/29.09.1739) от Днепра у Кизил Кермана до слияния Корабельной речки с Юж. Бугом:

Днѣпровской Лиманъ [Карта Таврич. обл.] — с грецизмом *лиман* «залив» в составе.

Долина — широкоупотребительный народный географический термин Дикого поля.

Долина Большой Чапли [Карта Таврич. обл.] — влр. диал. *чапля* (СРНГ).

Долина Едикурень [Карта Таврич. обл.] — с полукалькой *еди-курень* «семь куреней» (?) в составе, см. *курень*.

Долина Зеленая [Карта Таврич. обл.] — влр. *доллина, зелёный*.

Долина Зеленьина [Карта Таврич. обл.] — влр. антропоним *Зеленьин*.

Долина Малой Чапли [Карта Таврич. обл.] — влр. диал. *чапля* (СРНГ).

Долина Черная [Карта Таврич. обл.], прежде *Kara Deresi* [Santini 1777] — влр. калька.

Долина Черненка [Карта Таврич. обл.] — влр. антропоним *Черненко*.

Дромо «Древние называли его *Дромо* или Курсус Ахиллис, то есть место, окруженное губою морскою.» [Лызлов 1692: 124 об.] — из греч. *δρομος* «дорога, беговая дорожка».

Еланчикъ р. (Еланкачъ?) [Карта Таврич. обл.], *Иланчикъ Maloi Panczik, Wielikoi Panczik* [Santini 1777] — ст.-рус. уменьшительное производное с суф. *-ик-* от основы *иланец*, в свою очередь первичного уменьшительного с суф. *-иц-* от основы *илань*, образования на *-ань* от корня *ил*, праслав. **jьlvъ, *jьlvъ, *jьlvъ* «ил, осадок, глина» (ЭССЯ 8: 221–222), ср. русск. однокоренные гидронимы *Иловай, Иловатая, Илово, Иловля* и т.п.

Заводь [Карта Таврич. обл.] — влр. нар. геогр. термин *заводь*.

Ингул Малый р(ѣка) Ingul Maly R. [Santini 1777], *Ингулец* — см. Приложение 1.

Истмус перешеек: «Такожде тамо *истмус*, то есть между-море, долготою двадесять пять верст, а в ширину пятьнадесять» [Лызлов 1692: 124 об.] — топоним взят из латиноязычного труда или карты, лат. *isthmus* из греч. ἴσθμος.

Кагалник «И паки приидоша Днепром в улусы || Крымские на остров Ярлагаш. И тамо татар побиха, и стада конския и скотския и многия верблюды взяша. И оттуду поидоша на улусы на Кременчюг, да на Кашкалыр, да на Кагалник» [Лызлов 1692: 156 об.] — вероятно, влр. переоформление суф. *-ьникъ* варваризма *кугал/куял*.

Каланчакъ *ръка* с каменным мостом [Карта Таврич. обл.], с сущ. *каланча* «башня» в составе, ср. «Такожде и из Дону реки мимо Азова прошествие в море Меотское и инде по протокам претвердо загради, соделав выше Азова яко бы в седми верстах на Дону реке по обе стороны его две башни, которых языком их называют *каланч*, из них же чрез весь Дон от башни до башни протягнены чеши железныя и утверждены презелною крепостию» [Лызлов 1692: 140], также «...на тѣхъ двухъ каланчахъ...» (Петр I, 38. 1695 г.), «по взятии оныхъ каланчей...» (ДАИ XII, 383. 1695 г.), «... къ каланчѣ на подвязи 8 слегъ» (Арх. бум. Петра I, 367. 1693) (СлРЯ XI–XVII 7: 33), аналогичный топоним *Каладжа* (ныне Синеморец) в устье р. Велека в Страндже. — вероятно, влр. производное с суф. *-акъ* от адаптированного (вставка *-н-*) варваризма, арабо-тур. гибрида, оформленного тюрк. суф. *-џа* араб. слова *qalat* ‘крепость’, с первичной семантикой в русск. языке ‘турская каменная башня, дозорная башня, род небольшого укрепления’ и ‘сторожевая вышка деревянной конструкции’ (СлРЯ XI–XVII 7: 33).

Каменной Колодезь [Карта Таврич. обл.] — ст.-русск. сложный топоним.

Каменной мостъ на реке Каланчакъ [Карта Таврич. обл.] — ст.-русск. сложный топоним.

Камень Затонъ *Kamen-Zaton* [Карта Таврич. обл.], скалистый мыс у впадения притока Днепра, ср. многочисленные гидронимы Дона *Затон*, *Затонное*, *Затонский Ильмень* [Ютин

2011: 92, 139, 291, 328, 332, 360, 367, 384, 423, 426, 440, 453; Отин 2012: 9, 15, 17, 60, 71, 91, 291, 702] — ст.-русск. *затонъ* предлагаю толковать как регулярное именное отвлечение от приставочного глаг. *затѣти*, *затѣнѣ*.

Келичка рѣка Keliczka Fl. [*Kieteczna?*] [Santini 1777], *Келечна* [Карта Таврич. обл.] — вероятно, производное с суф. *-na* от польск. *kietek* ‘росток’.

Кизил-Керман, Кизы-Кирмень [Карта Таврич. обл.], ср. «На реке же Днепре, недовольно мнящи единым городом Ачаковым устие его утвердiti [ибо и той, яко Волга, не единым устьем впадает в море, но многими], опасение имеющи от Московскаго государства, содела крепости на Днепре выше Ачакова яко бы в ста верстах, то есть городок *Кизы-Кирмень*, стоящий на правой стороне Днепра, вниз идущи» [Лызлов 1692: 139] — варваризм, скорее всего, *кызыл-керман* «красная крепость».

Князя Вяземскаго усадьба [Карта Таврич. обл.] — влр. *князь, усадьба, Вяземские*.

Конская река [Карта Таврич. обл.] — влр. *конский, рѣка*, на карте описка.

Консководска (рѣка) [Карта Таврич. обл.] — производное с суф. *-ск-* от словосложения с соединительным *-о-* основ *конская* и *вода*.

Копани на полуострове Чунгарь [Карта Таврич. обл.] — народный географический термин *копань* «выкопанный колодец» (СРНГ) по глаг. *копать, копают*.

Копани съ пресною водою [Карта Таврич. обл.] — народный географический термин *копань*.

Копани Теплые Воды [Карта Таврич. обл.] — народный географический термин *копань*.

Крынка Су Krinka Su [Santini 1777], ср. гидронимы Н. Дона *Крынка, Крынки* [Отин 2012: 144, 717] — словосочетание с варваризмом *су* «вода» в составе. Обозначаемое — левый приток Днепра, впадающий у крепости Камень Затон, в 1774–1784 гг. оставался еще во владении ногай-татар.

Леранка Lerapku [Santini 1777] — неясный топоним.

Лупарь [Карта Таврич. обл.] — влр. диал. *лупарь* (СРНГ).

Малый Сосыкъ Кулакъ овр. [Карта Таврич. обл.] — частичная калька варваризма.

Маячка речка [Карта Таврич. обл.] — влр. диал. производное с суф. *-ка* от основы глаг. *маячит, маячить*.

Мечетной Каиръ овр. [Карта Таврич. обл.], *Каир Мечеть* *Kair Mezzet* [Santini 1777] — влр. переоформление суф. *-ной* основы варваризма *мечеть*.

Меч(еть) Корсога Мecz. Korsoga [Santini 1777] — сокращенная запись сущ. *мечеть* и антропоним *Корсог* в род. п.

Молочная река [Карта Таврич. обл.] — влр. *молочная, река*.

Молочное озеро [Карта Таврич. обл.] — влр. *молочное, озеро*.

Мурованой овр. [Карта Таврич. обл.] — этимологически и ономазиологически неясный топоним.

Мынова Мупова [Santini 1777], существуют фамилии *Мынова* и *Минова*, ср. гидроним Н. Дона *Миновский* [Отин 2012: 309, 729].

Озеро Солёное [Карта Таврич. обл.] — влр. *солёное, озеро*.

Озеро съ горькою водою [Карта Таврич. обл.] — влр. *озеро, горькая, вода*.

Олешки — орфографически правильная форма производного с суф. *-ък-* от *ольха*, см. *Алешки*.

Ортьховой овр. [Карта Таврич. обл.] — ст.-рус. форма прилаг. *Ортьховыи*, ср. *Ортьхов, Ортьхова(я), Ортьховка, Ортьхово(е), Ортьховый* [Отин 2012: 275, 316, 357, 399, 412, 415, 416, 417, 439, 441, 461, 478, 482, 484, 496, 520, 586] — производное с суф. *-ов-* от основы *орех* в значении ‘лесной орех, лещина’, едва ли ‘гречский орех’;

Очаков Осzакow [Santini 1777], *Очаковъ* [Карта Таврич. обл.], *Ачаковъ* город «волошский» [Лызлов 1692], турецкая крепость Кала-и Узи: «Черным морем от *Ачакова*», «И от того времени все поля, яже от Путивля к Киеву, и до усть Дону, и на другую страну Днепра даже до *Ачакова* от татар свободишася [ибо тамо, яко ныне || в Перекопи, живяху татарове]. И прогнаша их к реке Волге, иных к Кафе, и ко Азову, и в Крым за самую Перекопь» (о 1361/2 г.); «Инии

же преидоша за Днепр даже до реки Днестра и населишася около Бѣлаграда и *Очакова*, городов волосских..., а *Очаков* стоит на устии Днепра реки, идеже той в то же море впадает за *Очаковым* в трех верстах. Сей *Очаков* от Белаграда двести верст, а от Перекопу Крымскаго и от Черкас, города Малороссийскаго, такожде. Сих обаче татар не называют крымскими, но белгородскими и очаковскими 7. Сии домостройство имеют лучши крымских и богатее их суть.» [Лызлов 1692: 9об., 26об., 127об.] — большинство ономастологов предполагало, что перед нами русск. производное с суф. -ов- от основы *очак*, заимствования из ст.-кыпч. *oça[c]* ‘brandale; Feuerstelle, Herd’ [CodCum 105: 4], такая основа по непонятным причинам не была заимствована в малороссийские говоры, а в великорусских говорах изв. только *очаг*. Более убедительная этимология этого топонима (скиф. **akšiak-* «чёрный» < и.-е. **ḡksi-*) на базе античных топонимов Ἰαξιάχου ποταμοῦ ἐκβολαὶ (Ptol.), *Axiaces* (Mela 84), *Axiacae*, *Axiacos flumen* (Plin.), *Axiace oppidum ad Pontum Euxinum* [Трубачёв 1999: 223], в раннее Средневековье город и местность именовалось *Maurocastro*, *Μαυροκάστρον* т.е. «Чёрная крепость».

Перекопъ Perekor [Santini 1777], *Перекопъ* [Карта Таврич. обл.] город, крепость, «*Перекопская* орда, за *Перекопом* обретается...» [Лызлов 1692: 1, 3] «*Часть 1, лист 162: Еще нечто сему согласно и древний описатель наро-{125}дов Ботер глаголет *. Царь, рече, татарский живет во граде *Перекопи...*, отнюду же и татар сих перекопскими называют. Иже живут в полях под кожами скотскими, ничтоже ведущи о окрестных людских обычаях и учении, или каких художествах», ср. гидронимы Дона *Перекоп*, *Перекопка*, *Перекопное*, *Перекопская*, *Перекопские озёра* [Отин 2011: 115, 119, 193, 203, 229, 418, 442, 448, 449; 2: 91, 100, 291, 740] — русск. именное приставочное образование на базе глаг. *перекопать*.

Плетенский Лугъ, *Леїмон Плетеніскос Limon Pleteniskos* [Santini 1777], лугъ *Плетеньскъ* — словосочетание греч. (!) λεῖμών ‘луг’ (не путать с диал. *лиман* и *ильмень* — [Отин 1994: 53–63]) и гречизированного русск. *Плетеньскъ* — местность

к югу от *Днѣпра*, обтекаемая речкой Аталика Су, у которой была небольшая крепость Аталика Кеви.

Ретраншаментъ Александровской [Карта Таврич. обл.] — с фортификационным термином *ретраншаментъ* (Слов. Акад. 1789–1794) в составе.

Ретраншаментъ Старооскольской [Карта Таврич. обл.] — с фортификационным термином *ретраншаментъ* (Слов. Акад. 1789–1794) в составе.

Рогальчикъ или Рогачикъ Rogalczik / Rogatczik? [Santini 1777] шанец, село с церковью у восточного берега Днепра около 47 градуса сев. шир., *Рѣч(ка) Рогачикъ* [Карта Таврич. обл.], ср. гидронимы Н. Дона *Рогалик*, *Рогальская балка* [Отин 2012: 374, 427, 748]. — Выглядит как уменьш. производное с суф. -чик от серб. *рѣгаль* ‘угол’, ср. серб. топоним *Рогачица*.

Рогатъ Rohat [Santini 1777] село с церковью у восточного берега Днепра к северу от Старой Сечи, ср. гидронимы Дона *Рогатая*, *Рогатка* [Отин 2011: 463, 548; Отин 2012: 251, 748] — скорее всего, ст.-рус. *Рогатъ*, *рогатый*, ср. серб. топонимы *Рѣгат*, *Рогатец*, *Рогатица*.

Русская Старая Крепость Андреева Rus-Eski-Meteresi Andrew [Santini 1777] — см. выше.

Соленое Красное оз. [Карта Таврич. обл.] на Бердинской косе

Соленыя Грязи, Соленая Грузъ (?) Touslu Gir. [Santini 1777], речка с озёрами, впадала в Днепр у Стар Керман, см. *Соль Грусское оз.*

Солоница Solonitza, ещё и *Touzlou Su* [Santini 1777], *Солоница Silonitza* [Santini 1777] село и речка, ср. гидронимы Дона *Солонецъ* [Отин 2011: 127, 140, 149, 165, 552; Отин 2012: 312, 345, 756] — прозв.ж.р. с суф. -ица от прилаг. *солона(я)*.

Соль Грусское оз. [Карта Таврич. обл.] на Бердинской косе — производное с суф. -ское от основы *грузъ* = *грязь*.

Сред(няя) Берда р(ѣ)чка Med. Berda R. [Santini 1777], приток *Берды*.

Стар(ый) Керман Star Kerman или *Стан Кермас Stan Kermas?* [Santini 1777], позднее *Шагингирейский Ретраншамент* [Карта Таврич. обл.] напротив *Бериславля* —

испорченный топоним, скорее всего, полукалька Старая Крепость = Эски Керман, ср. гидронимы Н. Дона *Становая*, *Становое*, *Становой*, *Становой боярак*, *Становый* [Отин 2012: 72, 95, 107, 133, 145, 225, 254, 265, 276, 291, 366, 441, 757].

Судовое оз. [Карта Таврич. обл.] на Бердинской косе — влр. *судовой*.

Сухой овр. [Карта Таврич. обл.] — влр. *сухой*.

Таванский остров [Лызлов 1692], *Эски Таван Eski Tavan* [Santini 1777]: «Противо его же есть на Днепре остров *Таванский* назван, на нем же суть городки, паче же рещи *башни*, яже называются *Таванския*, и противо тех на другой стороне Днепра город Шах-Кирмень 16. Которыя аще и не велики, но суть каменны и велми крепки, и прошествие мимо их по Днепру велми трудно, паче же рещи и непроходно, а наипаче великими стругами» [Лызлов 1692: 139] — производное с суф. *-ский* от варваризма *табан* ‘подошва, подмётка’ или *таван* ‘потолок’?

Тащенакз овр. [Карта Таврич. обл.] — очевидно, влр. диал. производное с суф. *-ен-ак-* от глаг. *тащить*?

Тендра-ада [Карта Таврич. обл.] — толковали как тур. сложный топоним, доносящий посредством средневековых форм *Dandarium*, *Dardania*, τὰ Ἀδάρᾶ (Rav. Anon. IV, 5 DAI 42: 120v) античный этноним *Dandarii* «тростниковые (камышовые) арии» (Трубачев 1999: 234) и варваризм *ада* «остров» в составе.

Узюмз Uzum [Santini 1777] город у впадения Солоницы в Буг — ещё один топоним, образованный от апеллятива *узюм* ‘виноград (сухой?)’ в Новороссийском крае, ср. *Изюм* в бассейне Дона [Шапошников 2018].

Фёдорова коса Kofsa Theodorowa [Santini 1777], *Коса Фёдорова* [Карта Таврич. обл.], *Коса Феодорова*, ср. гидронимы Н. Дона *Коса*, *Коссе* [Отин 2012: 192, 475, 626, 713] — влр. народ. геогр. термин *коса* и антропоним *Фёдоров*.

Фортификация русских Fortifications de Rufses posteriores au Traité de Belgrade [Santini 1777], система рвов, валов, сторожевых башен, ворот и фортов.

Хуторъ [Карта Таврич. обл.], жилище не въ городъ, гдѣ держатъ скоть и имѣютъ пашню (Слов. Акад. 1789–1794 VI: 606) — широко распространѣнный в Новороссии народный географический термин.

Хуторъ Армянской [Карта Таврич. обл.].

Хутор Chutor [Santini 1777] позднее *Хуторъ Арнаутской* [Карта Таврич. обл.] в Еникальском градоначалии, ср. гидронимы В. Дона *Хуторная, Хуторская, Хуторской* [Отин 2011: 302, 334, 420, 421, 562].

Хуторъ Бригадира Фока [Карта Таврич. обл.], в 1783 г. было два одноимѣнных объекта — образовано от фамилии *Фок*.

Хуторъ Великаго [Карта Таврич. обл.] — с антропонимом *Великий* в составе.

Хуторъ Майора Антюшина [Карта Таврич. обл.] — фамилия *Антюшин*.

Хуторъ Малиновскаго [Карта Таврич. обл.] — фамилия *Малиновский*.

Хуторъ Орловскаго полку [Карта Таврич. обл.] — *Орловский полк*.

Хуторъ Сальтухинъ [Карта Таврич. обл.] — фамилия *Сальтухин*.

Хуторъ Смьковъ [Карта Таврич. обл.] — фамилия *Смьков*.

Хуторъ Трофимовъ [Карта Таврич. обл.] — фамилия *Трофимов*.

Цапльчакъ укрепления Zapelzak Meteresi [Santini 1777] — гибридное производное с тюрк. уменьш. суф. *-чак* от русск. диал. *цапля, цапель*.

Чаплинска Вода Czaplinska Woda [Santini 1777], ср. гидронимы Дона *Чаплинска Чаплинское, Цапдино, Чаплино, Чаплинская, Чаплин, Чапельный* [Отин 2011: 144, 266, 323, 365, 381, 446; Отин 2012: 92, 295, 771] — произв. с суф. *-ьск-* от прилаг. *чаплин, цаплин*, в свою очередь образованных от *цапля, цапля*.

Чул остров [Лызлов 1692], *Ос. Чиле* [Карта Таврич. обл.]: «И чрез чаяние татар изыдоша Днепром аж на самое море в малых лодийцах, и на острове *Чулу быша*» [Лызлов

1692: 156 об.], о-в *Орлов* — синдо-меотская этимология **čili* констатирует первичное значение «остров хищной птицы, морского орла» [Трубачев 1999: 233]; амазоно-савроматская этимология предполагает аналогичную семантику: **zilija*- ‘орлов, орлиный’: о-в *Чиле* или Орлов можно убедительно объяснить из хетт. *zilija*-, производного от *zila*- ‘вещий орел, хищная птица, по полету которой гадают о будущем, Богиня *auspicium*’, ср. анатолийские топонимы *Anzilija*, *Inzili* [Шапошников 2010: 250].

Шагингирейской ретраншаментъ [Карта Таврич. обл.] — с фортификационным термином *ретраншаментъ* (Слов. Акад. 1789–1794) и антропонимом *Шагин-Гирей* в составе.

Сокращения источников

Карта Таврич. обл. — в кн. *Габлиц К. И.* Физическое описание Таврической области, по её местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб., Тип. И. Вейтбрехта, 1785. 199 с.

Лызлов 1692 — *Лызлов А.* Скифская история / Подг. текста, коммент., аннотир. указатель имен А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.

ПВЛ — Повесть временных лет. Ипатьевская рукопись ПВЛ // ПСРЛ, 3-е изд. Т. 2. вып. 1, Пг., 1923; Лаврентьевская рукопись ПВЛ // ПСРЛ, 2-е изд. Т. 1. Л., 1926; Повесть временных лет; ПСРЛ. Т. XXXV. С. 65; Аз. пов. (1637); РФБ 56: 148.

Трубачёв 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 290 с.

Трубачёв 2003 — *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2003. 489 с.

CodCum — Codex Cumanicus. Ed. by Géza Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti / [Ed. by É. Apor, E. Shütz]. Budapest: Kőrösi Csoma Soc., 1981. cxxxiv, 395 p., portr.

DAI—Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. by Moravcsik Gy. Budapest, 1949. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод,

комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Law 1932 — *Law B. C. Geography of early buddhism*. London, 1932.

Simokatta — *Феофилакт Симокатта*. История. М.: Арктос-Викапресс, 1996. 268, [4] с. (Памятники мировой истории и культуры).

Unique and isolated 18th — 20th century toponymic stems originating from the Novorossiya region

Aleksandr V. Shaposhnikov

Vinogradov Russian Language Institute

The article provides an overview of historical toponymy and folk geographic terminology of historical and cultural areas of the Zaporovian Territory and the Dikoye Pole (literally ‘Wild Field’), which enabled us to reveal a number of completely unique (sometimes even isolated in the Great Russian dialectal area) toponymic stems, e.g. *buz*, *gromylayeya*, *zabora*, *istra*, *kadak-* / *kaydak-* / *kodak-* / *kudak-*, *las'*, *lisogon*, *murovannoy*, *netriguz*, *sěč* / *sič* / *siča*, *strež'* / *streža* / *streži*, *čarai-*), which are pretty interesting for both Russian dialectology and etymology.

Key words: toponym, hydronym, ethnonym, folk geographic term, toponymic stem, etymology, isolate, dialectism.

References

Abaev V. Osetinskij yazyk i fol'klor [Ossetic language and folklore]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 603 p.

Otin E. S. Gidronimiya Dona: monografiya v 2-h t. T. 1: Verhnij i Srednij Don [The hydronymy of Don. A monograph in two volumes. Vol. 1. Upper and Middle Don]. Doneck: YUgo-Vostok. 2011. 575 p.

Otin E. S. Gidronimiya Dona: monografiya v 2-h t. T. 2: Nizhnij Don [The hydronymy of Don. A monograph in two volumes. Vol. 2. Lower Don].. 2012. 792 p.

Trubachev O. N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indo-Aryan traces in the North Black Sea region]. M.: Nauka, 1999. 320 p.

Trubachev O. N. K istokam Rusi: (Nablyudeniya lingvista) [On the beginning of Rus. The observations of a linguist]. M.: Mezhdunarodnyj fond slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury, 1993. 68 p.

SHaposhnikov A. K. Drevnejshaya onomastika Tavricheskogo poluostrova. Slovar' drevnejšej onomastiki Tavricheskogo poluostrova [Ancient onomastics of the Tauris peninsula] // Toponimika Kryma 2011: Sb. statej [Crimean toponymy. A collection of articles] / sost. YU.A. Belyaev. Simferopol': Universum, 2011. Pp. 271–444.

SHaposhnikov A. K. Istoricheskaya toponimiya i narodnaya geograficheskaya terminologiya Slavyanoserbii XVIII–XX vv. [Historical toponymy and folk geographical terminology of Slavo-Serbia in the 18th — 20th centuries] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2018 / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: IIL RAN, 2018. Pp. 487–641.

SHaposhnikov A. K. Istoricheskaya toponimiya i narodnye geograficheskie terminy Novoserbii XVIII–XX vv. [Historical toponymy and folk geographical terminology of the New Serbia in the 18th — 20th centuries] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations] 2017 / In-t lingv. issled. RAN. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 539–632.

SHaposhnikov A. K. Lingvogeografiya novorossijskih govorov: φυτώνυμος τόπος 'mestnost', poluchivshaya svoyo nazvanie ot rasteniya' [The linguogeography of the Novorossian dialects: φυτώνυμος τόπος, 'location whose name derives from a plant name'] // Aktual'nye problemy russkoj dialektologii. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii 26–28 oktyabrya 2018 g. [Actual problems of the Russian dialectology. Materials of the International conference held on October 26–28, 2018] / redkol.: O. E. Karmakova (otv. red.) [i dr.]. M.: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2018. Pp. 269–271.

SHaposhnikov A. K. Novorossiyska pervonachal'naya. Toponimicheskie i topograficheskie svidetel'stva (po sostoyaniyu na 1774/5 g.)

[The original Novorossia. Toponymic and topographic evidence (for the year 1774/5)] // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Кн. 1. Сборник научных трудов [A philological requiem. In memoriam of E. S. Otin. Book 1. A collection of research papers]. К.: Издател'sкий дом Dmitriya Burago, 2015. Pp. 15–73.

SHaposhnikov A.K. YAzykovye drevnosti i etnogenez ugrov. Svidetel'stvuyut etimologiya i paleonomastika. [Linguistic antiquities and the ethnogeny of the Ugric people] // YAzyk i proshloe naroda: sb. nauch. st. pamyati prof. A. K. Matveeva [Language and the past of the people. A collection of research articles in memoriam of prof. A. K. Matveev] / [otv. red. prof. M. E. Rut]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2012. Pp. 420–430.

SHaposhnikov A.K. YAzykovye relikty hettskogo vida v Severnom Prichernomor'e [Language relics of Hittite type in the North Black Sea region] // Etimologiya [Etymology] / otv. red. ZH.ZH. Varbot; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. M.: Nauka, 2010. Pp. 227–252.

SHaposhnikov, Aleksandr. Severno-prichernomorskiy areal mikro- i makro-toponimii pozdnego praslavyanskogo yazykovogo sostoyaniya [North Black Sea area of the micro- and macrotoponymy of the late Protoslavlic language phase] // Nazwy terenowe i miejscowe w przestrzeni fizycznej. Geographical names in physical space / redakcja Artur Gałkowski, Renata Gliwa. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. P. 123–135.

Erdeli I. Vengry na Donu // Mayackoe gorodishchee: trudy sovetsko-bolgaro-vengerskoj ekspedicii [Mayackoye ancient settlement. Proceedings of the Soviet, Bulgarian and Hungarian expedition] / [Otv. red. S. A. Pletneva]. M.: Nauka, 1984, Pp. 20–25.

Babik, Zbigniew. Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny [The oldest toponymic layer in the Polish lands within the borders of early medieval Slavic territory]. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2001.

[*Santini*] La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatars Nugay et d'Oczakov, les Zaporoviens et partie de la Circassie [Crimea, Novorossia, Nogai and Ochakov Tartars, the Zaporoviens and a part of Circassia]. Venise: [G. Remondini], 1777. 1 carte.

Семантика слова *краснопёрка* в русских народных говорах

Надежда Викторовна Шевченко

Институт лингвистических
исследований РАН

В статье рассматривается происхождение, семантика и значения слова *краснопёрка*, называющего разных речных рыб в русских народных говорах, и ряда сложных слов с первой частью *красн-*. Сопоставляются значения этих наименований рыб на материалах ЛАРНГ и региональных диалектных словарей, их общие и отличительные признаки, прикрепленность определенного наименования к конкретному названию рыбы. Определены наиболее часто встречающиеся рыбы, называемые в говорах *краснопёркой* или однокоренными словами. Так, *краснопёркой* чаще всего в говорах называют окуня, плотву, карпа; *краснохвóсткой* — окуня, *красноглазкой* и *краснокры́лкой* — окуня и плотву.

Ключевые слова: русская диалектология, семантика, Лексический атлас русских народных говоров, рыба краснопёрка.

Слово *краснопёрка* (в значении ‘конкретный вид рыбы: лат. *Scardinius erythrophthalmus*’ — в литературном языке) известно многим жителям России (рыба водится почти во всех водоёмах страны). Название *краснопёрка* семантически прозрачно: рыба с красными плавниками и хвостом. Слово *краснопёрка* встречается в словаре В. И. Даля: «краснопёрка — рыба плотва, плотица; краснопёрый — о птице, о рыбе с красным пером, перьями» (Даль 2: 188). В словаре русского языка XI–XVII вв. слово *краснопёрка* отсутствует, а *краснопёрый* трактуется как «птенец от краснопёрого орла» (СлРЯ XI–XVII 8: 18).

В БАС *краснопёрка* — это ‘пресноводная рыба сем. карповых с красными плавниками’, а *краснопёрый* — ‘имеющий красные перья, плавники’ (БАС 8: 588–589). Другие

сложные слова с первой частью *красн-* в значении ‘рыба’ в БАС, у В. И. Даля и Словаре русского языка XI–XVII вв. отсутствуют. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова встретилось только слово **краснопёрый** (спец.) — 1. О птицах: с красным оперением. 2. О рыбах: с красными плавниками. *К. окунь* (Ушаков 1: 1500).

В материалах ЛАРНГ обнаружено много сложных слов с первой частью *красн-*, называющих разных рыб: **краснѣха**, **краснобрюшка**, **краснобрюшко**, **красноглазка**, **краснокрылка**, **краснокрылок**, **краснокрышка**, **краснопёр**, **краснопѣра**, **краснопѣрая**, **краснопѣрик**, **краснопѣрка**, **краснопѣрник**, **краснопѣрчик**, **краснопѣрочка**, **краснопирка**, **краснуля**, **краснуха**, **краспёр**, **красуля**.

Карпа (КЛАРНГ: ЛСЛ 380) в севернорусских, средне-русских и южнорусских говорах, кроме основного названия (*карп*), называют **краснопѣром**. Например: *Краснопѣра-то я уж больно люблю* (п. 137); *В Галичском озере карпы не водятся. Вчера Ленка их на базаре купила. В Галичском озере краснопѣры не водятся, вчера Ольга их купила на базаре* (п. 138). Карпа называют еще **краснобрюшкой** и **краснопѣркой**. Ср.: *Я из рыбы-то больше кранобрюшку люблю* (п. 227); *зеркальная рыба // краснопѣрка* (п. 303); *В нашем пруду водятся большие краснобрюшки* (п. 591); реже — **красулей**: *Красули ф том пруде уи нет / давно фсе повывелись* (п. 342). Иногда встречаются уменьшительно-ласкательные названия **краснопѣрышек**, **краснопѣрик** и **краснопѣрчик**: *Мне сегодня краснопѣрчик попался!* (п. 140). Итак, карп — это **краснопёр** (п. 72), **краснопѣрка** (п. 15), **краснобрюшка** (п. 13), **красуля** (п. 5), а также (*ласк.*) **краснопѣрышек**, **краснопѣрчик**.

По данным материалов ЛАРНГ (КЛАРНГ: ЛСЛ 382), окуня чаще всего именуют **краснопѣркой** на территории практически всех говоров России. Ср.: *Краснопѣрка-то с красными пятнами / окуни знáчит //* (п. 26); *Краснопѣркѣ етѣ та рыбѣ/ каторую в магазине акуняи нѣзывают* (п. 167); *У краснопѣрки колючие плавники* (п. 598). Второе

название окуня — **краснохвостка** [Мызников 2018: 326]: *Краснохвостка — колючая рыба* (п. 764). Нередко окуня называют **красноглазкой**: *Красноглазка — род окуня* (п. 676). Единичные названия окуня: **краснокрылка** / **краснокрылок**, **краснопер**, **красноперник** / **красноперик** / **красноперка**: *Красноперов надо ловить* (п. 116); *Красноперка светлая, а плавники красные* (п. 139); *Краснокрылки нам вчера принесли* (п. 273). Итак, чаще всего в названиях окуня встретилось слово **красноперка** — 127 употреблений, **краснохвостка** — девять, **красноглазка** — три и единичные употребления слов **красноперик**, **красноперник**, **краснопер**, **краснокрылок** / **краснокрылка**.

В русских говорах второе название плотвы, как и окуня, — **красноперка** (п. 54, 281), а также **красноглазка** (п. 44, 478), реже — **краснокрылка** (п. 9). Ср.: *сорога / взрослая / большая плотва // а красногласка-то / потому што глаза у неё красные //* (п. 51); *Гарьва — маленька платушка. А платва с красными перышками — это красноперка* (п. 120). Кроме указанных основных названий плотвы встретились **красноперик** (п. 314), **красноперочка** (п. 119), **краснуха** (п. 180, 241, 245, 639 и др.), **красуля** (п. 183, 742, 830), **краснуля** (п. 830), **краснокрышка** (п. 979), **красногразка** (п. 640).

В единичных случаях слова с **красн-** встретились в названиях пескаря (КЛАРНГ: ЛСЛ 383): **красноперик** (п. 212), **красноперка** (п. 879, 908), **краснокрылка** (п. 454), **краснохвостка** (п. 482) и в названиях щуки (КЛАРНГ: ЛСЛ 385): **красноглазка** (п. 289, 930) и **краснуха** (п. 1016).

В словарях русских народных говоров **красноперка** и другие слова с первой частью **красн-** в сложных словах в значении ‘рыба’ имеют намного больше толкований, чем в словарях литературного языка.

В СРНГ дается следующее толкование слову **красноперка**: ‘1) красноперая щука, водящаяся в горных реках; 2) рыба величиной с вершок, низ красный, бока синевато-красные; 3) окунь «краснохвостка». Доп. «Рыба с желтой чешуёй; маленькая рыбка (**мблик**). Рыба; то же, что

краснобрюшка — рыба семейства карповых, краснопёрка' (СРНГ 15: 180). У слова *краснопёр* в СРНГ девять значений: 'краснопёрка, голян (во время нереста), помесь шереспера и язя, тонкоголовый лжежерех, рыба *Cuprinus leptocerphalus*, чернохребетка, серебристый ксеноциприс, рыбчик, рыба *Xenocupris makrolepis* Bleeker'. *Краснопёра, краснопёрник (краснопёрок)* — то же, что *краснопёр* (в 1-м знач., т.е. краснопёрка, или во 2-м — голян во время нереста) (СРНГ 15: 184). *Краснокрылка* — то же, что *краснокрыл*, относится к рыбе семейства карповых. Имеет три значения: '1) краснопёрка; 2) плотва; 3) карась' (СРНГ 15: 183).

Кроме того, в СРНГ присутствуют: *красну́ля, красу́ля* и *красну́ха*. Ср.: *красну́ля* — 'рыба лосось каспийский' (СРНГ 15: 186, 187); *красу́ля* — '4. а) Рыба *Salmo fario* L., сем. лососевых; форель. «Ручьевая форель». б) Рыба из рода лососевых. в) Рыба таймёнь. «Близкий к таймёню вид рыбы». г) Рыба *Phoxinus laevis* Ag., сем. карповых; голян. д) Рыба *Leuciscus*, сем. карповых; плотва. е) Рыба *Scardinius erythrophthalmus*, сем. карповых; краснопёрка'. *Красу́ля* *похожа на плотушку, глазки красненькие. Красу́лька* — '5. Рыба *Salmo trutta* m. *fariorum*; ручьевая форель' (СРНГ 15: 201–202); *красну́ха* — '16. Рыба *Salmo salar*, сем. лососевых; лосось; Рыба *Salmo caspius* Kessl.; сем. лососевых; разновидность лосося. 17. Рыба *Rutilus rutilus*, сем. карповых; плотва' (СРНГ 15: 187–188).

В словарях северно-русских говоров *краснопёрка* определяется как мелкая рыба, мулявка, или красуля. «*Краснопёрка — у неё бока жёлтые, плавники красные. Костей много — беда... Который малёк краснопёрник, это голян*» (РСР: 122). *Краснопёр* или *краснопёра* имеет то же значение, что *краснопёрник, краснопёрка* (ОСВГ: 5 118); *малинька, краснопёра сначала, а потом серенька становится* (СГРС 6: 195); *краснопёра мелкая, с красными пятнами*. Рыба *краснопёрка* (СГРС 6: 138). Краснопёрая рыба — *го-лобль: Голобль — рыба краснопёрая, голова тупая, крылья, перья-то эти, оперенью краснае* (АОС 1: 138); *уклёенка* —

Уклеенка в нашей реки водится, есть красноперая, бывает и мелкая; она вкусная (НОС 2010: 1225). Иногда **красноперка** является синонимом к словам **красноглазки**, **кразбхи**, **кразу́хи**, **красноглаза** и **краснокры́лки** (НОС 2010: 452; СРГК 3: 12; ЯОС 5: 85), отмечается как «рыба семейства карповых». **Красноглазкой** в северно-русских говорах называют плотву, салаку, сорогу. **Краснокры́лкой** называют рыбу язь (ОСВГ: 5). Синонимом **красноперки** является **красну́ха**. **Красну́ха** — рыба плотва. *Вот краснух наловил кошке* (ОСВГ 5: 118).

В словарях среднерусских говоров **красноперка** — 1. Рыба сем. карповых. *Краснаперка большы окуня. Краснаперка отличаецца от плотки, она ш шыроким туловишшым и с красным перьям. Краснаперка пахожа на платву, только перьи красные, как крофь. Ср. Красёха. Красица. Краслица, красная горькуха (см. красный), краснёха, краснёшка, краснокрылка, краснопер, краснопера, краснопёшка, краснуха, краснокрылочка* (ПОС 16: 90). **Краснопер, краснопера, красну́ха** — то же, что красноперка. *Краснопер называицца, патаму што красныи у него перья. Краснопера есь, ана падобна платвё, взблэскивая* (ПОС 16: 90–91). *Красноперый — с красными плавниками, гарькухи краснаперые, горькая, травой питаецца, сіньга. Сл. ср. краснокрылый* (ПОС 16: 90). **Краснокрылка** — это 1) красноперка, 2) плотва; 3) карась (ПОС 16: 89; Селигер 3: 129).

В словарях южнорусских говоров **красноперка** — **бабушка**, **красноперка**, **голавастик**, **усатик**. *Гълавастик большы па камнях, фпадобии кифали* (Сердюкова 2005: 29); **красноперка** рыба. *Syrpinus caryoptthalmus* — название рыбы. (Маслов 2007: 61); **красноперка** — то же, что **красноглазка** и то же, что **краснопер**. **Краснопер / краснопера** — рыба красноперка, сем. карповых (БТСДК: 239); *рыба из семейства карповых, имеет широкое брюшко* (Копылова 1984: 28); *Рыба плохо клюёт, только красноперу поймал* (Моисеев 2010: 73,153). **Красу́ля** — такая рыбъ у пруду водицъ, карп. *Красу́ля похожа на плотву* (ССГ 5: 102). **Красулька** — красноперка,

такая же красноглазая (Моисеев 2010: 73, 153). *Красуха* (СКГВ 5: 87), рыба краснопёрка. *Краснопёрка* — рыба плотва (Сахаров 1900: 4, 269). *Краснопёрый* — *увесистый рыбец, серебряная шемаля, прочая бель* (СДГВО 2: 118); рыба карп.

Итак, в СРНГ и в региональных диалектных словарях *краснопёркой* называются 1) краснопёрка, 2) краснопёрая щука, 3) окунь (синоним — краснохвостка), 4) маленькая рыбка (мóлик), 5) гольян, 6) лжежерех, 7) помесь шереспера и язя, 8) чернохребетка, 9) серебристый ксеноциприс. У краснопёрки есть синонимы *краснобрюшка, краснопёр, краснокрылка, краснокрыл*. *Краснокрылкой* называют еще 11) плотву и 12) карася. Другие названия краснопёрки — *краснóля, красóля (красóлька), краснóуха* обозначают 13) лосося, 14) форель (ручьевую форель), 15) тайменя, 16) плотву.

В словарях севернорусских говоров *краснопёрка, краснопёр, краснопёра, мулявка, красóля* — это 1) мелкая рыба, 2) гольян; *краснопёрая рыба* — 4) головль, 5) укленка; *краснопёрка* и однокоренное *красноглазка* — это 6) плотва (*краснóуха*), 7) салака, 8) сорога; *краснопёрка* и ее синоним *краснокрылка* — 9) рыба язь.

В словарях среднерусских говоров *краснопёр, краснопёра* и *краснопёрка, краснопёрый* — рыба красная горькуха, или синьга. Отличается от плотвы, окуня. *Краснокрылка* — краснопёрка, плотва и карась.

В словарях южнорусских говоров *краснопёрка, краснопёр, краснопёра, красноглазка, красуля, красулька* — 1) краснопёрка, 2) головастик (наподобие кефали), 3) усатик, 4) карп, 5) плотва.

Сопоставительный анализ значений слова *краснопёрка* в словарях народных говоров показал 1) наличие у этого слова большого количества синонимов с первой частью сложного слова *красн-* (кроме вышеназванных слов, встретились и другие наименования рыб с первой частью *красн-*: *краснопёшка, красáва, краснозобка, краснозобик, краснопóзка, краснопóзик* и др.); 2) использование *красн-* в названиях

не только собственно *краснощёрки*, но и многих других рыб, в том числе лососевых; 3) прикрепленность отдельных названий (синонимов *краснощёрки*) к конкретным рыбам: *краснохвосткой* называют только окуня; *краснокрылкой* и *красноглазкой* — плотву; *красулей* — плотву, мелкую рыбу, карпа, лососевых; *краснощёром* — карпа; 4) прилагательное *краснощёрый* / *краснощёрая* может обозначать любую рыбу с красными плавниками: головля, укленку (уклею), горькуху, рыбца, бель; 5) по данным словарей, *краснощёрка* в говорах может обозначать не только рыбу, но и птицу, кузнечика и пр.

Таким образом, слово *краснощёрка* в современных говорах имеет намного больше значений, чем в литературном языке (конкретная рыба краснощёрка), и называет целый ряд других речных рыб, в первую очередь, окуня, плотву и карпа. Слово *краснощёрка*, предположительно, послужило основой для образования многих других синонимичных ей сложных слов с первой частью *красн-*. При этом синонимы стали называть более конкретные виды рыб: *красноглазка*, *краснокрылка* — плотву, *краснохвостка* — окуня, *краснощёр*, *краснобрюшка* — карпа. Кроме того, словари русских говоров фиксируют употребление слова *краснощёрка* в значении не только названий рыб, но и птиц, насекомых (кузнечиков) и пр.

Литература

Мызников С. А. Наименования окуня в этимологическом аспекте // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 321–334.

Semantics of the word *krasnoperka* in Russian dialects

Nadezhda V. Shevchenko

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

This article is devoted to the analysis of origins, semantics and meanings of the word *krasnoperka*, which is the name for different freshwater fish species in the Russian dialects, characteristics of species found in Standard Russian dictionaries, Russian dialectal dictionaries and in card index of the Lexical atlas of Russian folk dialects (see the cards with the names for river fish). A comparison is made between synonyms beginning with *krasn-* that are found in dictionaries and card index of the Lexical atlas of Russian folk dialects, similarities and distinctions are analyzed and synonyms referring to particular freshwater fish species are also listed. Most common river fishes are defined that are referred to as *krasnoperka* or denoted by the synonyms for this word. For example, *krasnoperka* is a common name for such freshwater fish species as *krasnoperka* (*Scardinius erythrophthalmus*), *perch*, *roach* and *carp*; *krasnohvostka* is a name for *perch*; and *krasnoglazka* may denote either *perch* or *roach*. In the Russian dialects *krasnoperka* is also a name for other freshwater fish species as well as for birds and insects (e.g. grasshopper).

Key words: Russian dialectology, semantics, Lexical atlas of Russian folk dialects, rudd fish.

References

Myznikov S. A. Naimenovaniya okunya v etimologicheskom aspekte [Names for perch from the viewpoint of etymology] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and Investigations]. 2018. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 321–334.

Список сокращений

Авдеева — Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Воронеж, 2008–2012.

АГ-80 — Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Акчим. сл.— Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.

Аникин 1997 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–12. М.; СПб.; Новосибирск, 2007–2018.

Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей. Новое издание. СПб., 1878. 670 с.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–19. М., 1980–2018.

АРНГЦВ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. 1101 с. + 271 карта.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–25. М.; СПб., 2004–2019.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–6. София, 1971–2002.

Борисова 2005 — Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005. 252 с.

Борисова 2018 — Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: КубГУ, 2018.

Бронников 1990 — [Бронников А. Г.] 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона. [Пермь, 1990]. 52 с.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003. 608 с.

Вопросник ДАРЯ 1936 — Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1936.

Ганцовская 2007 — Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома, 2007. 225 с.

Ганцовская 2015 — Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015. XXXI. 512 с.

Гемп 2004 — Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

Грінченко — Грінченко Б. Д. Словарь української мови: у 4-х т. Київ, 1907–1909.

Гринченко 1958 — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4-х т. Киев: Изд-во АН УССР, 1958.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–30. Мінск, 1982–2010.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).

Даль, 8-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1981–1982.

Даль, 9-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1989–1991.

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

ДАРЯ 1989 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 2. Морфология. Комментарии к картам / Под ред. С. В. Бромлей. М., 1989.

ДАРЯ 1997 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. 3. Ч. 1. Лексика / Ред. О. Н. Мораховская. Мн., 1997.

Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.

Дмитревский 1822 — Дмитревский А. Провинциальные слова Касимовского уезда. Труды общества любителей российской словесности. 1822. Ч. I(21). С. 256–260.

Добровольский 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.

Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

ДСОС — Королёва Е. Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Ч. 1–2. Daugavpils, 2000.

Дуров 1929 — Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.

Дуров 2011 — Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. 455 с.

ДЭИС — Традиционная культура Урала: Диалектный этнодемографический словарь русских говоров Среднего Урала / Авторы-составители О. В. Востриков, В. В. Липина. Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: у 6-ти т. Київ, 1982–2012.

Жучкевич 1974 — Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Зотов 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока / Под ред. А. И. Соколянского. Магадан, 2010. 539 с.

Иванова 1969 — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 597 с.

ККОС — Картотека Костромского областного словаря. Кафедра отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.

КЛАРНГ — Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Климкова 2006 — Климкова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское между-речье): в 3-х ч. Арзамас, 2006.

КНОС — Картотека Новгородского областного словаря. Хранится на кафедре русского языка Новгородского государственного университета.

Кобелева 2004 — Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

Копылова 1984 — Копылова Э. В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград, 1984.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря. Псковский государственный педагогический университет и Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

КрКОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.

КСлРЯ XVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. VII, 151 с.

КТГ — Картотека тверских говоров. Кафедра русского языка Тверского государственного университета.

Кушков 2011 — Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга, 2011. 168 с.

КЭСКОЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. (2-е изд. Сыктывкар, 1999).

КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971. (2-е изд. М., 1975). 542 с.

ЛАБНГ 1 — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: в 5 т. / Г. У. Арашонкава [і інш.] Т. 1. Раслінны і жывёльны свет. Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў РБ, Камітэт геадэзіі пры Савеце міністраў РБ, 1993. 440 с.

ЛАРНГ 2017 — Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017. М.; СПб.: Нестор-История. 736 с.

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Кафедра русского языка и общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.

Максимович-Амбодик 1795 — Максимович-Амбодик И. М. Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. СПб., 1795.

Максимчук 2012 — Максимчук Н. А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Ч. 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. Смоленск, 2012. Смоленск: Изд-во «Маджента», 280 с.

Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.

Манаенкова 1989 — Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989. 232 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984). (и другие стереотипные издания).

Маслов 2007 — Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района волгоградской области. Тула: Изд-во Тульск. Гос. ун-та, 2007. 122 с.

Мельниченко 1961 — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961. 224 с.

Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

Меркурьев 1997 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. 2-е изд., перераб. Мурманск, 1997. 168 с.

Миртов 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. (2-е изд. Волгоград, 2006). 415 с.

Михайлова 2013 — Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013. 352 с.

МКРСС — Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Н. Полякова М., 1998. 920 с.

Моисеев 2010 — Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010. 192 с.

Моисеенко — Моисеенко М. Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья. Казань, 2002. 158 с.

Мокиенко, Никитина 2008 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. 784 с.

Мокиенко, Никитина 2008а — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2008. 800 с.

Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2010. 1024 с.

Мосеев 2005 — Мосеев И. И. Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

МССГ — Мотивационный словарь сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, С. В. Сыпченко; под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2009.

МСРСГП — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / сост. В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова; под ред. М. Ф. Семеновы. Рига, 1963. 362 с.

Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.

МФС — Прокошева К. Н. Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. Пермь: Перм. ПИ, 1972. 114 с.

Мызников 2010 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

Мызников 2019 — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019. 1076 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.— Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru>.

Негрич 2008 — Негрич М. Скарби гуцульского говору: Березови. Львів, 2008.

НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.

НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010. XXVII, 1435, [1] с.: портр.

Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949 (и др.). 797 с.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1–10. 1988–2015.

ОЛА 2000 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир / Гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии: в 12-ти вып. / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–2018.

ОСГКО — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.

Осипов 1791 — Подробной словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства, содержащий в себе по азбучному порядку: имена, названия и свойства всяких российских и чужестранных произрастений, с обстоятельным показанием о способах их размножения, воспитания и предохранения от болезней / Собрано из

разных иностранных и российских сочинений и записок Николаем Осиповым. Часть 1. СПб., 1791. 361 с.

Отин 2000 — Отин Е. С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк: Донецкий гос. ун-т; Мариуполь: [б.и.], 2000. 195 с.

Пащенко 2015 — Пащенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / Под научн. ред. Т. Ю. Игнатович. 2-е изд., испр. и доп. Чита, 2015. Чита: Заб. ГУ, 2015. 484 с.

Піпаш, Галас 2005 — Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали до словника гуцульських говірок. Костеська Поляна і Росішка Рахевського району Закарпатської області. Ужгород, 2005.

Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 419 с.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глушкина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.

Потапов 1927 — Потапов С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / сост. по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927. 196 с.

Программа ДАРЯ 1945 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Приложение к Отчету о работе научной диалектологической конференции в г. Вологде 20–28 июля 1944 г. Вып. 1. 1945. Вологда, 1945. 52 с.

Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

Прокошева 2002 — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.

ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4-х т. / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012.

Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб., 1899–1911.

Расторгуев 1973 — Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973. 296 с.

Ройзензон, Андреева 1972 — Ройзензон Л. И., Андреева Л. А. Словарь русской диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. Вып. 6. Самарканд, 1972. С. 114–204.

Ройзензон, Балясников 1972 — Ройзензон Л. И., Балясников А. В. Словарь диалектной фразеологии деревни Коты Оёкского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. Вып. 6. Самарканд, 1972. С. 325–341.

Ройзензон и др. 1975 — Ройзензон Л. И., Балясников А. В., Шугурова З. А. Словарь белорусской диалектной фразеологии деревни Гребени (Лельчицкого района Гомельской области) // Вопросы фразеологии. Вып. VIII. Самарканд: СамГУ, 1975. С. 67–81.

Ройзензон, Хазова 1971 — Ройзензон Л. И., Хазова Л. Н. Материалы к диалектному фразеологическому словарю народных говоров Нижнедевицкого района Воронежской области // Вопросы фразеологии. Вып. VI. Самарканд, 1971. С. 290–306.

Романов, Красовская — Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров (по материалам диалектологических экспедиций 2008–2012 гг.). Вып. 1–5. Тула, 2008–2013.

РГК — Русский говор Кубани: словарь / Под ред. Е. П. Шейниной, Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. Деп. В ИНИОН Рос. акад. наук 12.11.1992. № 47266.

РС — Раслінны свет: Тэматычны слоўнік / складальнікі: В. Дз. Астрэйка, М. А. Исачанкова, А. А. Крывіцкі, Ф. Д. Клімчук, Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова, Т. М. Трухан, А. І. Шаблюўскі; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А., А. Крывіцкі. Мінск, 2001.

РСП — Рыболовный словарь Прикамья / Сост. М. А. Бакланов [и др.]; науч. ред. И. А. Подюков. СПб., 2013. 216 с.

Сахаров 1900 — [Сахаров А. И.] Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1900. 48 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук; Т. 68, № 5).

СБГ — Словарь брянских говоров / Под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. Т. 1–5. Л., 1976–1988.

СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СВорГ — Словарь воронежских говоров. Вып. 1–2 / Науч. ред. Г. Ф. Ковалёв. Воронеж, 2004–2007.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева (Т. 1–5); [гл. ред. М. Э. Рут] (Т. 6–7). Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.

СГСРПО — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011. 704 с.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.

Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–7 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.; Тверь, 2003–2017.

Сергеева 2004 — Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004.

Сердюкова 2005 — Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005. 320 с.

СКГВ — Андриющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 263 с.

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.

Следы — Следы: Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьево Костромской области) / Сост., предисл. и заключ. Л. А. Громова. М., 2016. 176 с.

Слов. Акад. 1789–1794 — Словарь Академии Российской: в 6-ти ч. СПб., 1789–1794.

Слов. Акад. 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.

Сл. буковин.— Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.

Сл. Комм. 1787 — Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства, познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. / пер. с фр. яз. Васильем Левшиним. Ч. I–VII. М., 1787–1792.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, А. А. Алексеев. Вып. 1–22. Л./СПб., 1984–2019.

Смолицкая 2002 — Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002. 416 с.

СНФП — Словарь народной фразеологии. Прибайкалье / науч. ред. Н. Г. Баканова; сост. С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004.

СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.

СПГ — Словарь пермских говоров: в 2-х т. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СПП — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 6-х вып. / Сост. Е. Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та: 1993–2001.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина; научн. ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2001.

СРГА — Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.

СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: в 4-х т. / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 1997–2005. (переизд. Уфа, 2008).

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса, 2000–2001.

СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. (2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007).

СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.

СРГРМ 2013 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2-х ч. / Под ред. Р. В. Семенковой. СПб., 2013. XLV, 1560 с.

СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7-ти т. / Гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.

СРГСУД — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996. 580 с.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.

СРГЯ — Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Вып. 1–4. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л./СПб., 1965–2019.

СРНГРМ — Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры: материалы по русской диалектологии: учебное пособие. Т. 1. А–Н. Воронеж, 1983.

СРНДР — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

СРС — Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; под ред. Р. Д. Куруч. М., 1985. 568 с.

СРГС — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В. В. Палагиной. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.

СРГС-Д — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. 1–2. Томск, 1975.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3-х т. / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993.

ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 489 с.

ССКК — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Ред. Г. Г. Белоусова. Красноярск, 1990.

ССРЯ — Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1971.

Ставшина 2008 — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980.

СФС — Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1972. 207 с.

СЦКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / Ред. О. В. Фельде. Т. 1–2. А–М. Красноярск, 2003–2005.

СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.

ТвКаш 1820 — Собрание особливых и отличающихся произношением слов, употребляемых между жителями Тверской губернии. В городе Кашине. Труды Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М., 1820. С. 167–168.

Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985.

ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5-ти вып. / Гл. ред. Т. В. Кириллова. Тверь, 2003–2006.

ТСУЖ 1991 — Толковый словарь уголовных жаргонов / сост. коллектив авт. Ю. П. Дубягин (руководитель), Бронников А. Г., Боровкова Г. В., Достанбаев К. С., Пухов Д. И., Коршунов А. С., Леонов А. И., Дихтяренко В. П. М., 1991. 207 с.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).

Федотова, Бойко — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии = Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja. Петрозаводск, 2009. 350 с.

ФСС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Сост. Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Федоров; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь / Ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).

Шапошников 2010 — Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 2010.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Сост. Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. 1175 с.

Шведова 2011 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011. 1165 с.

Шило 2008 — Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів–Нью-Йорк, 2008.

Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 85-ти т. СПб., 1890–1906.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–13. Мн., 1978–2010.

ЭСГТ — Энциклопедический словарь географических терминов / Под ред. С. В. Колесник. М., 1968.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–41. М., 1974–2018.

ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-ти т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД — Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль, 2015.

Яшкін 1971 — Яшкін І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных терминаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 2005.

Brückner — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Čmilauer 1970 — Čmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen toponomastik. Praha, 1970.

Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Berlin, 1962, 1965.

Itkonen 1958 — Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. I–II. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV).

Karulis — Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. S. I–II. Rīga, 1992.

Linde — Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

Monier-Williams 1964 — Monier-Williams M. A. Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of E. Leumann, C. Capeller and other scholars, first edition 1899. Oxford, 1964. Clarendon Press. xxxiv, [2], 1333 p.

OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2126 p.

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern — München, 1959.

Ridley 1996 — A dictionarie of the vulgar Russe tongue: attributed to Mark. Ridley ed. from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introd. by Gerald Stone. Koln; Weimar; Wien: 1996. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: Reihe B, Editionen; N.F., Bd. 8)

Roerich 1993 — Roerich Y. N. Tibetan — Russian — English Dictionary with Sanskrit parallels. Ed. by Y. Parfionovich, V. Dylykova. Issue 11. Index of Sanskrit words and expressions compiled by V. Dylykova. Russian Academy of sciences, Institute of Oriental studies. Moscow: Oriental Literature Publishers, 1993.

SJP — Słownik języka polskiego. T. I–VIII / Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1900–1927. (Reprint. Warszawa, 1952–1953).

SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

Walde–Hoffman — Walde A., Hoffman J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Helderberg, 1938.

WRGN1964 — Wörterbuch der Russischen Gewässernamen herausgegeben von Max Vasmer. Band 22, Lieferung 8. Berlin — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.

Zedler — Johann Heinrich Zedlers Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste. 1731–1754. URL: <http://www.zedler-lexikon.de/index.html> (дата обращения 14.12.2018).

Указатель лексики

- абрыко́совка, 124
 абы́, 736
 абы́ какой, 736
 абы́ что, 736
 ажы́на, 121
 ай́стра, 121
 алака, 545
 аликант, 222
 алкана, 222
 алканна, 222
 алóй, 121
 а́лока, 545
 амшара, 365
 амшарина, 365
 амшарка, 365
 анамéдни, 510
 андарак, 139
 антóновцы, 736
 анхуза, 221–223
 анчúтка, 118
 ара́ба, 547
 арабу́ха, 567
 арабуш, 567
 ара́ва, 547
 а́рба, 734, 737
 а́рбус, 121
 а́режник, 546
 а́решник, 546
 аржанóй, 737
 армíк, 55
 армя́к, 55
 атамáн, 127
 а́хнуть, 733, 737
 баба, 685
 баба́й, 734, 737
 бабе́нка, 344
 бабе́нчишка, 344
 ба́бка, 121
 ба́бка-ли́пка, 400
 бабушка, 909
 баг, 128
 ба́га, 128
 ба́ги-ба́ги, 54, 56
 баéнный, 56
 баз, 128, 737
 базáрная корова, 347
 бази́кать, 119
 базло корявое, 685
 ба́йда, 127
 ба́йна, 56
 ба́йня, 56
 байра́к, 126
 байстру́к, 118
 бакла́, 407
 бакла́жка, 128
 баклы, 407, 409
 бал, 283
 балага́н, 128
 бала́кать, 118,
 119, 737
 балакúчий, 737, 734
 балакúшка, 118
 балбе́рка, 127
 Балда́ Машина, 300
 ба́ло, 545
 бальца́нка, 125
 бамба́к, 127
 банник, 259, 265
 баня, 259
 ба́ня-ба́ня, 56
 бараба́н, 737
 бара́н, 54, 56, 121
 бараньи яйца,
 173, 182
 барахло́, 737
 бара́шки, 173
 баржа, 653
 барма́к, 546
 ба́рхатки, 121
 ба́сенькой, 56
 ба́ско, 56
 бассе́йн, 126
 бассе́йня, 126
 бастрíк, 47
 бастричо́к, 47
 ба́ся-ба́ся, 56
 бато́г, 54, 56
 батóнчик, 733, 738
 батужо́к, 125
 ба́тько, 685
 ба́тюшка, 738
 ба́тя, 685, 738
 ба́тяшка, 738
 ба́ушка, 105
 бахи́лы, 125
 ба́чить, 119
 ба́чка, 548
 бачьи дудки, 376
 ба́ша-ба́ша, 56
 баш-баш, 56
 ба́ши-баши, 56
 башковаты́й, 685

- баяра́, 738
 баяра́к, 738
 ба́сенский, 56
 баско́й, 56
 бджала́, 400
 бегать как обызка, 95
 бедарка, 738
 бездна́я, 738
 бездомо́вка, 347
 бездомо́вый, 347
 бездонник, 140
 бездонье, 140
 безлошадник, 685,
 687, 688
 безминутно, 21
 безмужний, 142
 без мыла в душу
 лезть, 307
 без мы́ла в нос
 залезть, 307
 безотрывно, 21
 без толку, 304
 безуталонный, 143
 беккеме́дь, 852
 бе́лая ко́шка, 739, 783
 белдок, 327, 328, 330
 белендрясить, 143
 белёночка, 344
 белены объелся, 307
 белить, 739
 белица, 567
 белке в глаз по-
 пасть, 566
 белки и стрелки, 566
 белкой в глаз по-
 пасть, 566
 белова́ть, 119
 белозорный, 146
 белозо́рый, 406
 белок, 328
 белорозовка, 146
 белоха, 146
 белочек, 328
 белток, 146, 327–331
 белто́чек, 327–329
 белудок, 327, 328,
 330, 332
 белудочек, 327, 328
 белужник, 734, 739
 белуток, 327–330, 332
 белуточек, 330
 белушки, 146
 белый, 57, 140, 142,
 146, 739
 бе́лый двор, 57
 беля́ш, 406
 бель, 146
 беляночка, 344
 белясы́й, 146
 бергамо́т, 121
 бе́рда, 739
 бердо́, 739
 бе́рдо, 739
 берёга, 143, 144
 берёжа, 143, 144
 берёжая, 57
 берёзовка, 57
 берестяные глаза, 415
 беречь, 143
 бес, 739
 бе́сева объе́лся, 307
 бе́сево, 307, 308
 бесе́да, 740
 беседка, 237
 бесперечь, 21
 бессо́вестник, 345
 бессо́вестница, 345
 бессходу, 21
 бечь, 740
 беша́ха, 121
 бекме́с, 124
 бе́лебенъ, 123
 бе́льбухы, 118
 берёзка, 121
 бзника, 740
 бзык, 143, 400
 бзыкать, 143
 бзыкаться, 143
 би́лка, 740
 би́рка, 190
 бить, 740
 битьё горшков, 719
 бить ма́сло, 741
 биться что сле-
 пой козел
 о ясли, 95
 бить те́сто, 741
 благо́й, 32, 35
 блесна́, 47
 близнюко́ы, 118
 близь, 57
 блин, 741
 блине́ц, 741
 блок, 127
 блокува́ть, 127
 блуд, 742
 блуда́ть, 742
 блуд напáл, 742
 блы́скалка, 123
 блы́ска́ть, 123
 блюсти, 140

- блюстителка, 140
блюсть, 140
бляять, 57
Бог, 742
богомолье, 275
Божий, 742
божничка, 742
божничок, 742
божок, 733, 742
божье, 121
бойница, 742
боковина, 733, 742
болвёрка, 46
болдырь, 547
болёзнь, 117
болёсть, 121
болечка, 346
болізнь, 117
болотник, 168, 169
болото, 743
болотце, 743
болотьянка, 31, 35
болтыш, 743
болубен, 142
болыка, 54, 57
большак, 685, 743
бондарева коро-
ва, 347
бормотушка, 733, 743
боровок, 743
борода, 118
бородавка, 743
борозды гонять, 95
бороника, 546
бороновывать, 57
борошно, 124
борть, 139
борш, 743
ботало, 347
ботать, 54, 57
ботаться, 57
ботник, 653
ботунча, 57
боба, 57
бойрын, 120
браниться, 743
брательник, 685
братка, 744
братый, 744
брат, 744
брат узоры, 97
брёдень, 744
брешки, 42
брести, 744
брехать, 744
брехучий, 744
бродить как
пауки, 569
бруника, 546
брыжжи, 745
брыкса, 140
брыксина, 140
брыксовник, 140
брыль, 125
бубара, 400
бубарка, 400
бубка, 121
бубукала, 745
бубукать, 745
бугаец, 123
бугай, 128, 704, 705
бугалень, 704
буган, 398
бугёлы, 121
бугуй, 704
бударка, 653
будка, 126
будыльник, 183
буерак, 745
бузина собачья, 375
бузлук, 125
бузок, 121
букало, 704
букан, 398
букара, 398
букарага, 398
букарака, 398
букаран, 398
букараха, 398
букарашка, 397, 398
букарица, 398
букаха, 398
букаш, 398
букаша, 398
букашка, 397, 398
булыгы, 408
булыши, 408
бульгун, 704
булькатый, 119
бурак, 745
бурачок, 746
буреный, 140
буркун, 121
бурлачье, 685, 688
бурхайло, 123
бурый, 140
бурьянец, 121
буряк, 121, 745
бусель, 547
буся, 118
бухалим, 704

- бухало, 704, 709
 бухан, 398
 буханча́ка, 733, 746
 бухта, 125
 бухуй, 704
 бухы́кать, 121
 бухы́чка, 121
 бучу́ры, 746
 бушкара́, 398
 буяра́к, 745
 бывалоча, 18, 23
 бывало́чи, 746
 бывалошко, 23
 бывалушка, 18
 бывальшко, 19
 бывашка, 19
 быденкой, 16
 быера́к, 745
 бы́ком пить, 306
 быльце, 125
 быстро́дка, 733, 746
 бы́тых и ра́ны-
 тых, 131
 быть в долга́х, 105
 бюрет, 110, 111
 бюре́тик, 110
 ваг, 143
 вага, 143
 вага́ны, 125
 вагать, 143, 144
 вагкий, 143
 важать, 143, 144
 важить, 143, 144
 ва́жный, 119
 ва́кать, 545
 в аккура́т, 190
 ваку́ша, 545
 валандаться, 414
 валандыши, 414
 валёжник, 746
 валёк, 57
 валу́н, 793
 валу́ндыши, 414, 415
 валы бить, 95
 ва́льки, 126
 ва́льки, 126, 131
 ва́льщик, 746
 валя́ть, 746
 ва́нда, 44, 45
 ва́ндыши, 414
 ванелька, 124
 вар, 747
 варга́нить, 747
 варить, 93
 ва́рка, 728
 варо́к, 747
 ва́риво́да, 118
 Ва́рька, 728
 вахлак, 685, 688
 ва́чуги, 54, 58
 в баньку ведут, 236
 ввечеру, 20
 в годы рядиться, 97
 вда́рить, 747
 вдва, 747
 в два загона, 96
 вдробода́н, 515
 вдребодан, 515
 ведро, 529, 540
 ве́дьма, 747
 ве́дьма́к, 748
 везти́ сунду́к, 283
 везть, 748
 ве́ко, 422
 вековуша, 685, 693
 ве́нец, 104, 236, 748
 веники, 236
 ве́нтель, 43
 валы бить, 47, 748
 ве́нтьи́рь, 127
 венча́льное барахло,
 733, 737
 верева́, 42
 веретеница, 31, 35
 веретёнка, 31, 35
 веретённица, 31, 35
 верётье, 749
 веретья́нка, 31
 верёх, 58
 верста́нный, 545
 верта́ница, 31, 35
 вертеть сеянец, 95
 вертеться как белка
 в колесе, 565
 вертеться как белка
 в мешке, 565
 верх, 823, 828–829
 верха́, 829
 верхи́, 829
 ве́рхний, 830
 ве́рхом, 829
 верхопла́вка, 41
 ве́рш, 45
 ве́рша, 45, 48, 749
 верши́на, 749

- вершо́к, 124, 749
 весло́, 125
 вёсна, 749
 вёсны́сь, 58
 ветло́, 749
 ветрю́га, 123
 вехо́тка, 58
 вечер, 257, 283
 вече́ра, 283
 вече́ра, 283
 вече́ре, 20, 22
 вече́рина, 283
 вече́ринка, 283
 вече́рка, 283
 вече́рсь, 17
 вече́рошник, 749
 вече́рушка, 20
 вече́рышка, 20
 вече́рь, 20
 вече́р, 20
 вешала́, 127
 венте́рына, 127
 вергу́н, 124
 взабудни, 16
 взамуж, 141
 взвар, 749
 вздева́ть, 750
 вздеть, 750
 взды́нуть, 53, 58
 в зиме, 771
 вивто́рок, 124
 ви́дно как на
 елáни, 803
 ви́кно́, 126
 ви́нба́р(ь), 128
 виногра́да, 121
 ви́ска́, 58
 ви́скі́, 58
 виту́шка, 717, 716
 виту́шкой, 278
 ви́хор, 58
 ви́хрем, 256
 ви́ца, 53, 58
 ви́це, 58
 виша́рник, 750
 в ле́тку игра́ть, 306
 вло́ни́, 53, 58
 в ма́ялку игра́ть, 306
 внучо́чек, 750
 вовéло, 122
 во́вки во́ють, 131
 вода́, 750
 вода́к, 127
 води́ть, 263, 750
 водоно́с, 55, 58
 водорéзник, 750
 во́жжи, 42, 47
 вознесе́ньё, 751
 возова́я корзинка,
 652, 651
 возраста́ть, 751
 вои́тель, 751
 вокру́г да оба́по-
 ло, 306
 волкода́в, 733, 751
 воловик, 222, 223
 во́лок, 58
 волоку́ша, 42, 43, 127
 волосы, 259, 260
 волосья, 118, 685
 волочо́к, 127
 волочу́га, 58
 волочу́жка, 59
 волчи́ца, 174
 вонет, 18, 23
 вонтенды́шка, 18, 23
 воню́чка, 751
 воробо́й, 841
 воробо́йник, 841
 ворова́ть кур, 719
 воро́ника, 174
 вороно́к, 124
 восей, 18, 23
 восейка, 18, 23
 восейко́сь, 18, 23
 восто́к, 123
 восьме́рик, 42, 751
 в отде́л уйти, 98
 вотэды́шки, 18, 23
 вотэ́тось, 18, 23
 впа́сть, 393
 впе́ред, 19
 впе́редок, 19
 впе́реду, 19
 впе́ртый, 119
 впо́заранку, 124
 вполд́ни, 16
 в полно́с, 304
 впо́слеобеда, 16
 враз, 751
 в развал, 96
 враскату́ху, 515
 в распах, 96
 в руки, 97
 в свал, 96

- в семье молотить, 96
 всё мясоед, 306
 в склад, 96
 вспыхнуть, 54, 59
 встать в положение, 104
 встать на ряды, 95
 Всюночная, 751
 всяко дело по делу, 94
 втепор, 19
 втепорочи, 19
 втепоры, 19, 24
 втихарях, 513
 второй, 95
 второй уповод, 94
 втритевдни, 17
 втритёвнись, 17
 втритёвню, 17
 втритёвнях, 17
 втритёмнись, 17
 втупор, 19, 24
 втупора, 19, 24
 втупорочи, 19
 втупорочь, 19
 втупорощка, 19
 вўлиц, 728
 вчѣра, 124
 вчерась, 17, 510
 вчѣрась, 124
 вчерася, 510
 выберечь, 143, 144
 выбивной, 751
 выбирать, 751
 выбирать полотенце, 97
 выбирать узоры, 98
 вы́брать, 752
 вывод, 240
 выворачивать, 257
 выворачивать одежду на левую сторону, 265
 выворачивать платье, 265
 вы́ворот, 392
 вы́воротень, 392
 вы́врат, 392
 вы́вратень, 392
 выгонять, 257
 вы́йти, 752
 вы́йти в зятя, 752
 вы́йти на русь, 803
 выкалый, 295
 выканькать, 145
 выканькивать, 145
 вы́клась, 59
 вы́крачить, 407
 выкукобить, 143
 вы́куп, 752
 выкупать, 752
 выкупать невесту, 752
 выкупать подушки, 280
 выкупать постель, 282
 вы́лаять, 119
 вы́лынять, 130
 выма́тывать жи́лы, 307
 выматывать кишки, 307
 вынсара́да, 127
 вы́пахать, 54, 59
 вы́ползень, 34, 35
 вы́ползка, 31, 35
 вы́ползок, 34, 35
 выпрять, 140
 выпровожа́ть, 119
 вы́пряг, 59
 выпусти собачек, 378, 379
 вырази́, 121
 вы́робленный, 119
 выскирь, 392
 выскорняк, 392
 выскорь, 392
 высокий, 142
 высоко жать, 96
 вы́стать, 59
 выть, 236
 вытяга́ть, 752
 вытянуть, 93
 вы́ход, 753
 вышивать по сколу, 97
 вы́шкребок, 118
 выюн, 31, 41, 42, 47
 выюшка, 659, 663, 753
 вяза́ть, 753
 вяза́ть снопо́чками, 753
 вязённый, 110
 вязи́я, 59
 вязи́ть, 108
 вязь, 59
 вя́кать, 53, 59
 вя́клина, 54, 59
 вя́нгать, 53, 59
 вясна́, 393

- въятель, 43, 44
въятер, 44
въятерь, 43, 44
въячать, 53, 59
га́ва, 123
га́вкалиха, 707
гага́рочка, 346
гад, 33, 35
га́да, 33, 35
гаде́вье, 34, 35
гаденёнок, 34, 35
гадені́ца, 33, 35
гадёнок, 34, 35
гаде́ныш, 34, 35
гаде́ныши, 34
гаденя́та, 34
га́дина, 33, 35
гади́ха, 33, 35
гади́ца, 33, 35
гади́ца, 33, 35
гадо́вка, 33, 35
гадовня́к, 34
гадовье́, 34
гадо́вье, 34, 35
гады́ня, 33, 35
гадьё́, 34, 35
гады́ога, 33
гады́ока, 33, 35
гады́отка, 34, 35
гадюча́, 33–35
гадюча́та, 34
гадючє́ня, 34, 35
гадючиня́, 33
гадючо́нок, 34, 35
гадюшо́ата, 34
гадюшо́нок, 34, 35
гадя́га, 33
гады́та, 34
гажъё́, 34, 35
газета, 142
газетёнка, 142
газетка, 142
газетно-журналь-
ный, 142
газетный, 142
газетчик, 142
газетчица, 142
газо́вка, 126
гайва́, 121
гайга́ра, 118, 121, 126
галáнка, 414
галу́н, 41
гальва́, 121
гамсе́л, 118
га́рба, 46, 128, 733
га́рбус, 121
га́рец, 530, 531, 534,
539, 541
гаркалаиха, 707, 709
гарка́лиха, 707
гаркать в трубу, 257
гарку́ша, 707
га́рчик, 530, 534
гапельник, 851
гба́ло, 545
гверста́, 547
гверстя́нный, 545
где, 506
где зря, 506
где́й-то, 506
гла́душ, 30, 35
гла́дыш, 30, 35
глаз, 406, 753
глаза́ заморо́же-
ны, 413
глаза как блюд-
ца, 409
глаза как у дохлого
окуня, 568
глаза́ потерять, 753
глазови́на, 410
глазуми́рить, 406
глёт, 121
глéчики, 121
глузовáть, 119
глуха́я жимо-
лость, 174
глуха́я стена́, 127
гльивкый́, 124
гляделки, 406, 685
глядельца, 406
глядельцы, 406
глядельщик, 104, 112
глядеть, 279
улядеть пец, 718, 720
гляді́ны, 279
гнать белку, 566
гнездо́, 754
гнёт, 754
гнус, 400
гнуса́стый, 119
гнуси́на, 35
говорить, 118, 142
гоготáть, 54, 59
годові́к, 59
годовичо́к, 60
годы́на, 123
гбйдалка, 118

- гоидáться, 129
 голáндка, 414
 голáнка, 414
 голбец, 257
 голендай, 687
 голендуха, 687
 голéц, 41
 голова, 142
 голавастик, 909
 головéнка, 31, 35
 головёночки, 60
 головéшка, 30, 35
 голóвль, 908
 головушка горь-
 кия, 306
 головушка моя
 горькия, 306
 голодаевка, 687
 голодай, 687
 голодайка, 687
 голодарь, 687
 голодня, 687
 голодранец, 685–687
 голодун, 687
 голодуха, 687
 гололёдка, 123
 голосíть, 754
 голубéцъ, 120
 голытьба, 685, 687
 голь перекатная, 687
 гомонить, 142, 754
 горá, 754, 792
 горáзд, 60
 горáзно, 60
 горбáч, 41
 горготáть, 60
 гордовник, 172, 174
 горенка, 659, 660
 горíще, 117
 гóрка, 754
 горлянка, 31, 35, 118
 горница, 659, 754
 горнóшечка, 755
 горнóшка, 755
 горбд, 755
 городи, 853
 горони, 853
 горóховая солома, 84
 горóховина, 60
 горóховица, 60
 горóшенник, 755
 гóрстка, 755
 горсть, 522, 528,
 529, 535
 горуни, 853
 горчíна, 755
 горшéшник, 755
 горьще, 117, 126
 горьба, 104, 111
 горяк, 308
 господи, 99
 готоватик, 172, 175
 готóвец, 175
 готóвик, 175
 готовишник, 172, 175
 готовник, 172,
 175, 181
 грабáрка, 755
 граблí, 125
 грак, 123
 грань, 755
 гребéнка, 60, 755
 грéбень, 756
 грéбовать, 756
 гресть, 756
 грех, 302
 грех неотмолён-
 ный, 302
 гречáный, 756
 гречнёвка, 124
 грéчные блины, 741
 грéчный, 757
 грешíть, 757
 гриб, 757
 грозд, 380
 гроздь, 757
 громовéнь, 757
 громылея, 866
 грóнка, 121
 грóшам гóре, 131
 грошевыгýтый, 119
 груба, 125
 грубку, 279
 грудка, 757
 грудочка, 757
 грузд, 757
 грузилóк, 757
 грумилей, 866
 грызть орехи как
 белка, 565
 грядóшка, 757
 гугнавый, 139
 гудáч, 704
 гúзка, 121
 гузнýкаться, 119
 гукáть, 119
 гульбá, 757
 гулять, 758
 гуменье, 143
 гúмкать, 60
 гумнице, 143

- гумно, 143, 257, 758
гунгáч, 704
гúсель, 547
гúска, 123
гúсли, 653
густёрка, 41
густить, 141
густой, 141
гусыночки, 758
гусь-гусь, 60
гута, 704
гутáч, 704
гýлка, 121
даве, 18, 20, 22, 23
давеча, 17
давешка, 18, 23
давить, 257, 259
давнóшный, 758
давольна иттить за
 ниво, 720
дáвче, 511
да головушка горь-
 кия, 306
да голóвушка мо́я
 го́рьякия, 306
даешка, 17, 18, 23
дай, 99
дайче, 18, 23
дáле, 758
далёк, 758
дал — и окунем, 568
дальше, 19
далили, 104
дарма́ шо, 131
дары, 240, 241, 758
дать, 758
дать горяка́, 307
дать жару, 307
дать па́рева, 307
дать холоду, 307
дая, 18, 22, 23
дверста́, 547
дверста́ной, 545
дво́нный, 61
двойшки, 118
двухкрýлый вен-
 терь, 748
двустéнка, 42
дева, 242
девичий вéчер, 283
девка, 237, 241, 242
девка столует, 242
девки, 241
девова́ть, 119
девоньки, 241
дево́тина, 242
девушка, 241, 242
девье́, 242
девьи дети, 242
девья красота, 242
дедушка, 256
дедушка-домо-
 вой, 256
дедушко-соседуш-
 ко, 260
деды́ на нйбе поси-
 дáлы, 131
дежа́, 125, 758
де́жка, 758
дежнйк, 759
де́и-ть, 759
де́ль, 42
де́льницы, 60
дельнички, 60
де́ницы, 60
дени́чки, 61
денно, 16, 23
день, 759
дербина́, 61
де́рганец, 759
де́ргать, 141
деревню́шка, 61
дерево, 840
деревы́на, 121
держáть, 759
де́рнуть, 141
дерю́жка, 760
десять палочек, 102
детворня́, 118
де́тска(я), 121
де́тске, 121
дехтерит, 685
дзёркало, 125
дива, 140
дйверь, 760
диво, 140
дивью красу, 237
дивья́, 61
дйга-дйга, 61
дйкая осолодка, 175
Димй́трий, 106
дирда́нь, 760
ды́рка, 760
дневной уповод,
 94, 95
дно, 140
добывать думой, 61
доглядáть, 760
догово́р, 274, 275
додйльный, 119
доёнка, 760, 761

- дожно́, 761
 дознава́ть, 761
 дозоля́ть, 119
 дойти́ть, 761
 докла́д, 275
 долга́нский, 61
 до́лгая, 30, 35
 долге́нко, 761
 доли́вка, 126
 долонь, 61, 685, 686
 долото́, 47
 дом доми́ть, 97
 домово́й, 256, 259,
 260, 761
 домя́ка, 761
 до́нка, 46
 доно, 140
 до́нце, 761
 до обе́д, 94
 до поте́ри пу́льса, 307
 до поте́ри созна-
 ния, 307
 допрежь, 19
 доразу, 21
 доро́га, 762
 доро́жка, 762
 до́си, 762
 досто́чка, 762
 досу́ль, 19
 доталева, 19
 дотоль, 19
 до чаю, 94
 дочка́, 118
 дош, 762
 дощё́чка, 762
 до́щечка, 762
 драбы́на, 125
 драгува́ть, 119
 дра́ть как с белки
 шкуру, 566
 древодельный про-
 мысел, 96
 древодельщи́на, 96
 дровни, 648, 650
 дроги, 650, 651
 дрожки, 650, 651
 дру́жка, 120
 дружкыва́ть, 120
 дружо́к, 762
 дуб, 127, 140
 дубо́к, 121, 762
 дубо́чек, 763
 дудо́лыть, 119
 ду́же, 514
 ду́й белку в хвост,
 566
 ду́лька, 763
 ду́ма, 61
 дуры́свит, 118
 дуть, 61
 дух, 192, 763
 духобо́р, 118
 духови́тый, 763
 душа, 191, 302
 души́лка, 763
 души́ть, 257, 259
 душмяни́стый, 190
 душмя́ный, 190
 душни́к, 192
 душничо́к, 192
 ду́шный, 192
 душу рони́ть,
 301, 302
 ды́вень, 120
 дыма́рь, 126
 ды́мка, 763
 ды́шло, 763
 дыя́нки, 61
 ды́же, 514, 763
 дыгиль соба́чий, 375
 дя́льницы, 61
 дя́нки, 61
 ево́нный, 61
 Егори́й, 763
 едо́мый, 61
 ездить молотиль-
 ней, 96
 е́здить на поме́-
 стье, 279
 ей́нный, 61
 ела́нь, 803
 ен, 764
 ендова, 162, 167
 ендови́ще, 162, 167
 е́нтот, 764
 ерети́ца, 31, 35
 еретни́к, 31, 35
 еретни́ца, 31, 35
 е́рик, 797
 есть за ашпетитную
 душу, 111
 есть орехи как
 белка, 565
 е́тот, 764
 е́хать за сунду-
 ко́м, 283
 ехать на хребте, 99
 е́шка, 764
 ёлка, 237, 764
 жаба́й, 122
 жабрио́к, 122

- жабыня, 122
жавя́йка, 765
жа́воронки, 764
жаворо́нков закли-
ка́ть, 306
жаворо́ноки, 765
жадный как
паук, 568
жак, 43, 44
жа́ланница, 765
жа́литься, 765
жа́ломуда, 175
жа́ломудник, 176
жа́ломурово де-
рево, 176
жа́ломуровый, 176
жа́ломустина, 177
жа́ломустник, 172,
176, 177
жа́ломустовый, 177
жа́ло́ка, 765
жа́ркови́це, 124
жа́рово́й, 765
жа́рово́й утюг, 765
жа́ро́та, 123
жа́ро́тына, 123
жа́ру тебе в печь, 99
жа́рюка, 123
жа́тьё, 62
жва́ка, 691
жа́втяны́ця, 121
же́лемустина, 177
же́лодок, 328–330
же́лок, 328
же́ломуда, 172, 173
же́ломуди́на, 175, 176
же́ломудник, 172, 176
же́ломудня́к, 176
же́ломуды́, 181, 182
же́ломузди́на, 176
же́лому́стник, 172,
176, 177
же́лому́т, 176
же́лому́тник, 176
же́лоток, 328–330
же́лочек, 328–329
же́лток, 328–330
же́лтопу́з, 30, 35
же́лтуха, 121
же́лудко, 328–330
же́лудок, 328–330,
332
же́лудо́к, 765
же́лудочек, 328–330,
332
же́луток, 328–330
же́них, 236
же́нка, 104
же́рделя, 129
же́рдочка, 765
же́рдьё, 62
же́рёдочка, 62
же́редь, 62
же́рело́, 47
же́ре́лок, 765
же́рли́ца, 46
жи́ведь, 41, 47
живе́чко, 20
живо́чки, 20
живо́чко, 20
живцо́вка, 46
жи́вчик, 41
жи́дывски́ кучкы́, 123
жи́ламусть, 177
жи́ламу́сь, 177
жи́ле́т, 125
жи́лка, 46
жи́лмасть, 176
жи́лму́тник, 173
жи́лом, 182
жи́ломо́сть, 176,
177, 184
жи́ломуди́на, 176, 177
жи́ломуди́нка, 184
жи́ломуди́ный, 184
жи́ломудня́к, 184
жи́ломузди́на, 176,
177, 184
жи́ломус, 177
жи́лому́ст, 177, 184
жи́лому́ста, 177, 184
жи́лому́ствина, 184
жи́лому́стина, 177,
183, 184
жи́лому́стинный,
183, 184
жи́лому́стиное
де́рево, 183
жи́лому́стник, 177,
178, 184
жи́лому́стный,
177, 183
жи́лому́стовина,
177, 184
жи́лому́стовый,
177, 184
жи́лому́сть, 172,
177, 184
жи́ломусь, 177
жи́лому́тне́нький, 183
жи́ломучи́на, 172,

- 177, 184
 жиломучник, 184
 жиломыстяный, 184
 жимлока, 172,
 177, 178
 жимозник, 172, 177
 жимол, 182
 жимоліста, 178
 жимолистичка, 178
 жимолодь, 172, 173
 жимолóзник, 178
 жимолóк, 178
 жимолока, 178
 жимолóска, 178
 жимолóсник, 178
 жимолóстка, 184
 жимолостник,
 183, 178
 жимолостный, 178
 жимолосточка, 178
 жимолость, 173,
 178, 183, 184
 жимолось, 179
 жимолоха, 172, 173
 жимолóховый, 179
 жимолúсть, 179
 жимолóста, 179
 жимослина, 179
 жимулость, 179
 жимылышник, 179
 жимышник, 178
 жирлюпа, 851
 жистега, 546
 житный, 62
 жіто, 62
 жить, 94
- жихарь, 685
 жихорь, 693
 жічка, 765
 жмея, 30
 жниё, 62
 жоломустина, 177
 жóмолодь, 173
 жóпка, 765
 жопки, 765
 жудости (жудость)
 нагонять
 (нагна́ть), 306
 жудость нагна́ть, 306
 жужг, 400
 жу́жга, 400
 жу́желица, 399, 401
 жук, 399, 401
 жу́лык, 124
 жу́пельница, 31, 32, 35
 жу́пельница, 31, 35
 журавец, 766
 журавіна, 62
 журнально-газет-
 ный, 142
 жучóк, 124
 жыламасть, 184
 жымылшник, 183
 жымылышник, 183
 жымышник, 183
 забалáкать, 766
 забёл, 121
 забóвтаный, 119
 забора, 866
 забудни, 17
 забусеть, 547
 завáлка, 121
- завáривать вáром,
 747
 заварóха, 766
 завгóрыть, 119
 завдоветь, 119
 завёртка, 126
 завёя, 796
 завиру́ха, 123
 завистной, 766
 за́влызды, 121
 заводіть, 766
 завóзня, 653
 завóра, 62
 за́втрева, 510
 завтри, 20, 510, 766
 за́втря, 510
 загатка, 659, 661, 662
 загнётка, 766
 загны́беда, 118
 заговен негу, 306
 заговены, 303
 загородка, 62, 766
 задава́ть, 767
 задаву́чий, 767
 задво́рёнка, 62
 задво́рок, 106
 задёлывать, 767
 за́дник, 767
 за́дорга, 767
 зады́рка, 121
 зады́шка, 121
 заемщик, 568
 зажуры́ться, 119
 зазу́брина, 46
 за́ймище, 767
 заканькать, 145

- закапéлок, 126
 заквокта́ть, 63
 закиду́шка, 46
 закла́дка, 63
 за́колина, 63
 заколыха́ться, 142
 закоу́лок, 795
 закоу́бнуть, 119
 закурорки, 685
 заку́рка, 63
 заку́рочка, 63
 зало́га, 63
 залогова́ть, 63
 залой, 167
 заломузник, 177
 замандо́рыться, 119
 заману́ха, 130
 зама́хиваться, 767
 заменя́ть, 814
 заме́тка, 768
 замкну́ть, 768
 замо́к, 768
 замоло́ска, 179
 замоло́сник, 179
 заморо́зить глаза́,
 413
 замостье, 145
 замо́шье, 794
 заму́ж, 141, 236
 заму́жество, 141
 заму́жки, 141
 заму́жня, 768
 заногти́ца, 141
 зано́за, 768
 зано́зка, 769
 заны́кать, 143
 за один дух, 93
 за один присед, 93
 за один присяд, 93
 за одну залогу, 93
 запалом, 20
 запёрхатъ, 63
 запива́ть, 769
 заплетать косы, 257
 заплутаться как
 паук, 568
 запну́ться, 119
 запо́й, 274, 275, 718
 за́полёк, 63
 запо́р, 47, 769
 започи́нивать, 63
 запра́ть, 140
 запуска́ть, 769
 запутаться как
 паук, 568
 зара́з, 20
 заранее, 19, 21, 24
 зарогáчник, 63
 заро́д, 64
 заро́дых, 769
 заро́щий, 769
 заруче́нье, 274, 275,
 276, 718
 зары́ня, 21
 заря́, 769
 заряди́ть печку, 108
 заря́ндить, 64
 засапо́жник, 853
 засарпа́ть, 143
 засва́танье, 274
 засва́тушка, 274
 засвербе́ть, 64
 засе́ря, 118
 заса́каувать, 769
 заслонка, 769
 за́совня, 64
 засты́лка, 125
 за́сушь, 123
 затира́ть, 769
 за́тирка, 124
 зато́го, 21
 затоло́чка, 299
 зато́н, 770
 заудивить, 140
 заутро, 20, 22, 24
 захарла́ть, 119
 захвора́ть, 770
 захлестну́ть, 770
 зачини́ть, 64
 за чистую белку, 566
 зачу́ханый, 119
 заштáтный поп, 304
 за́яц, 770
 збудáть, 64
 здесь, 506
 зде́ся, 506, 770
 здоро́вый дядька, 261
 зеле́нка, 770
 зелену́шки, 770
 зелёные, 770
 зелёный як бубон,
 131
 зель, 64
 земе́лечка, 771
 земе́лечку родных
 погла́дить, 771
 земляни́к, 64
 зёмье, 771

- зёныши, 411
 зима́, 771
 зимова́ться, 771
 зимовка, 117, 122
 зиму́сь, 64
 зиму́шнее, 64
 зиньске щеня, 123
 зирка, 123
 злато́й, 392
 златоу́ст, 771
 змеенёнок, 34, 35
 змеёнки, 34
 змеёнок, 34, 35
 змеёныш, 34
 змеёныши, 34
 змеенята, 34
 змееняты, 34
 змейна, 30
 змейха, 33, 35
 змейца, 33, 35
 змей, 30
 змею́га, 30
 змею́ка, 30
 зме́я, 30
 змея́ка, 30
 змея́нка, 30
 змея́та, 34
 змея́ты, 34
 змий, 30
 знáтный, 771
 зноб, 121
 зовба́ця, 118
 зозу́ля, 123
 золкий, 142
 золоту́ха, 771
 золоту́шка, 121
 золы золить, 97
 зóриться, 64
 зóрьки, 406
 зра́нку, 124
 зря́нки, 406
 зуб, 380, 771
 зу́барь, 46
 зуб за зуб, 771
 зубца́, 771
 зы́бка, 106, 111, 112
 зымовка, 117
 зю́рька-зю́рька, 65
 зя́брик, 46
 зя́бры, 547
 з яко́й поты́льцы,
 131
 Ива́н, 772
 Иван Иванча пин-
 жак, 299
 Иван Купáла, 772
 игли́цы, 42
 игра́ть, 719, 772
 игра́ть песни, 772
 играть подушки, 280
 играть свадьбу, 280
 игрица, 65
 игру́чий, 772
 иде́, 506, 772
 иде́ зря, 506
 иде́й-то, 506
 иде́-нибу́дь, 506
 идти, 139
 идти на пирожки,
 720
 идти́ть, 65
 ижман, 179
 изба, 106, 773
 избёнка, 773
 избушка в три
 угла, 257
 изва́р, 773
 изверга, 685, 686
 изгорба́, 65
 издво́рок, 65
 из нету сделать
 монету, 109
 избобка, 65
 изругать, 257
 из утра, 511
 изутра, 16
 ико́на, 773
 икрометёние, 773
 има́ть, 65
 има́ться, 65
 имёние, 283
 имёнье, 283
 ирвако́м, 513
 иргота́ть, 65
 ирта, 142
 иска́ть, 773
 иска́ть козу, 773
 иска́ть невесту, 773
 йсполу, 190
 иссече́ть, 774
 иссоры́ть, 110, 111
 истопи́ться, 774
 истра, 866
 исть, 142
 исхо́жа, 65
 ити́ть, 774
 ища́, 510
 ища́с, 510

- ию́нька, 122
кабак, 129
каба́н, 129
ка́бры, 546
кабы́ця, 125
кавун, 129
кавунё́ця, 122
кагане́ць, 125
када́, 509
каднись, 17
кажи моты, 99
ка́жный, 774
каза́к, 128
каза́н, 129, 774
казано́к, 774
казанча́к, 341
казар́ка, 400
каза́ть, 774
кази́к, 774
казя́к, 775
кайгук, 853
кайгун, 853
как аршин прогло-
тил, 307
как асива́шка, 304
как белицы ара-
буш, 567
как белка, 565
как белка на то-
чале, 565
как голая белка, 565
как зря, 512
как коро́ва, 348
как ла́данка, 304
как лом прогло-
тил, 307
как паук, 568
как с белки ска-
титься, 566
как соба́ка, 514
как у коро́вы
(глаза), 407
как Хи́ма по
сарáю, 300
кала́ч, 65, 278, 283
кала́чик, 122
кала́чики, 775
календу́ла, 122
каленко́рик, 775
кале́чина, 775
калика, 66, 775
кали́на, 179, 775
калю́жа, 123
ка́менная доро́га,
762, 776
ка́менный, 776
каменьё, 66
ка́мешник, 793
камка́, 122
камышáнка, 123
кана́бра, 66
кандыба́ть, 776
кану́н, 120
канцеля́рия, 145
канцеля́рка, 145
канькала, 145
канькать, 145
канюк, 701, 702
капелю́ха, 125
капчи́г, 853
капчук, 852
капщук, 852
ка́ра, 66
кара́ва, 127
каравай, 257, 278, 283
каравáн, 776
караво́д, 68
карака́тица, 400
карапéт, 776
карп, 909
карпéтки, 776
карянная подруга,
719, 720
ката́ть, 776
катать сено, 95
кататься в яйца, 112
катать яйца, 112
кату́лька, 649, 650
катушка́ми, 124
качалка, 125, 651
ка́чка, 123
ка́чур, 123
каша, 93, 776
кашу варить, 93
каю́к, 127, 129
квáкалка, 545
квáкать, 545
квáковка, 545
квас, 124, 776
квасо́к, 124
квасо́ль, 122
квасцы́, 777
квасы́, 777
к венцу, 236
квокта́ть, 66
кво́хтатъ, 66
кво́чка, 777
квы́кнуть, 66

- кепéц, 66
кержакí, 340, 341
кержáч, 340
кержáчка, 340
кесь, 17, 22
кéхтать, 66
кéчкара, 547, 797
кéчкор, 797
кéчкара, 797
кéчкорь, 797
кэнддох, 124
кермék, 122
кивóк, 46
кивóчек, 46
кизýк, 129
килá, 794
килограмм, 530
киль, 547
кирь, 547
кисели́ца, 777
кискí, 547
кисли́ца, 778
кíсто, 124
кíчка, 778
кíчкара, 797
кля́деная печь, 778
кля́деный, 778
кля́дка, 275, 283
клясть, 66
кля́ться, 66
клёвтýн, 66
клеёнка, 778
клёпка, 778
клёсцы, 778
клин, 779
клинóк, 779
- клить, 659
клоч, 66
кля́читься, 779
клячóха, 796
клячь, 796
кля́чья, 67
кля́ха, 67
кля́ша, 67
кля́шка, 123
кля́чка, 126
кляп, 779
кляп с кем-л., 779
кляч, 42
к непробы́тку, 304
князё́ц, 67
кобёл, 779
ко́бры, 546
кобылина, 172, 179
кобылица, 172, 179
кобыличный, 180
кобы́лка, 47, 400
кобыльи титки,
172, 173
кобы́льи тítьки,
182
ко́вык, 124
ковыри́ть, 67
ковыря́ть, 67
когда, 509
коза, 649
козень, 123
ко́зий язык, 180
козлы, 649, 650
козу́ля, 32, 35
козыри, 649, 650
козырну́ться, 779
- ко́зырь, 779
ко́зырь запу-
стить, 779
ко́зья жимолость, 180
козюлёнок, 34, 35
козю́ля, 32, 35
козюля́та, 34
козюня́та, 34
козюня́ты, 34
ко́ка, 104
кокотáть, 67, 123
кокóшник, 779
коку́ра, 111
кокúрка, 111
кокúша, 191
кокúшечка, 191
ко́ленка, 67
ко́лидо́р, 126
ко́лидор холо-
дный, 106
ко́ло, 780
ко́лобо́к, 111
ко́лобу́шка, 111
ко́лода, 780
ко́лодезь, 780
ко́лодец мо́лока, 99
ко́лодечек, 67
ко́лодка, 780
ко́лорада, 652
ко́лотичное дере-
во, 226
ко́лотище, 226
ко́лотье, 226
ко́лупáть, 67
ко́льпáть, 67
ко́лыска, 142

- колысочка, 142
колыхать, 142
колыхаться, 142
колыхнуться, 142
ко́лышки, 279
ко́льцо, 67
ко́льчи́ко, 110
колю́бка, 780
колядова́ть, 780
коляне́ть, 140
коля́ный, 140, 142
ко́мель, 48, 780
конде́р, 124
ко́нек, 781
ко́нопли, 67
ко́нык, 400
ко́нюк, 701, 702
ко́нюши́ть, 781
ко́нятник, 781
ко́няшка, 781
ко́пань, 67
копе́шник, 781
копня́ть, 68
копу́ха, 344
копу́шка, 108,
111, 112
ко́рабши́к, 339
ко́рба, 68
ко́ре́ц, 68, 781
ко́ристка, 126
кормовое ве́сло, 653
ко́рва, 347
корова́тка, 106
ко́ровий, 781
коро́вка, 248
корова́д, 68, 781
ко́ровьи глаза,
405, 407
коро́вьи титки,
172, 173
ко́ровья жо́пка,
765, 781
короди́ть, 781
короле́к, 122
короми́сел, 155
коромы́сло, 126,
155, 400
короми́сль, 155, 781
корога́й, 781
коре́тка, 782
кортомить, 97
коре́бать пе́ц,
718, 720
коре́чь, 565
коре́чь белкой
в колесе, 563
коси́к, 140
коси́нка, 140, 782
коси́ночка, 782
косма́тка соба-
чья, 380
косова́я лодка, 654
косо́воротка, 782
косо́й, 140
косто́ед, 782
костя́нка, 400
косу́ля, 68, 140
косо́ый, 140
косо́бка, 43
косо́брь, 41
косо́ё, 782
косо́стый, 140
коте́нка, 256
кото́вика, 182
кото́ух, 782
коча́г, 339, 341
коча́н, 129
коче́ре́жка, 782
коче́ты́г, 782
коча́ра, 782
кочё́вка, 111, 112
кочё́лка, 782
кочене́я, 123
ко́шка, 783
кразо́хи, 909
кразу́хи, 909
кра́й, 783
кра́йчи́к, 68
крапи́вник, 783
краса́ва, 910
краси́вущный, 783
краси́лы, 109, 111
краси́ть, 130
Кра́сная горка,
754, 783
красна́я изба, 783
красне́ха, 906
красно́брюшка, 906,
910, 911
красно́брюшко, 906
красно́гла́за, 909
красно́гла́зка, 906,
907, 909–911
красно́голо́вая, 30
красно́голо́вка, 30, 35
красно́гразка, 907
красно́зоби́к, 910
красно́зоби́ка, 910

- краснокры́л, 908, 910 красны́й, 783 кружо́к, 784
 краснокры́лка, 906- красню́к, 127 крути́ться, 565
 908, 910, 911 краспе́р, 906 крути́ться белкой в
 краснокры́лок, красу́лька, 908–910 колесе, 563
 906, 907 красу́ля, 906–911 крутой как паук, 568
 краснокры́шка, красуха, 910 кривохо́востка, 122
 906, 907 крачегла́зый, 407 крýга, 44, 48
 краснопе́р, 906, кра́чить, 407 крыле́на, 44, 47
 907–911 кра́чки, 407 крыле́ц, 659
 краснопе́ра, 906, креп-сотён, 110, 111 крыло́, 68
 908–910 крес, 108 крыльце́, 126
 краснопе́рая, 906 крест, 68 крыча́ть, 68
 краснопе́рая кресты, 108, 112 крюк, 784
 рыба, 910 крешшо́ный, 783 крючо́к, 784
 краснопе́рик, 906, креса́ло, 126 кряку́н, 123
 907, 908 криворо́тица, 180 ксе-ксе, 69
 краснопе́рка, 41, крипи́вник, 783 к сме́рти грех, 302
 905, 906, 907, кри́ча, 68 кстить, 784
 910, 911 кри́чина, 68 кто зна́ет ка́к, 515
 краснопе́рник, кричу́ха, 344 куба́рь, 44
 906, 907 кро́вать, 126 кувади́нец, 341
 краснопе́рок, 908 кровíна, 783 кувши́нчики, 122
 краснопе́рочка, кро́льга, 123 кувырка́ть, 784
 906, 907 кро́льця, 123 куга, 122, 705, 784
 краснопе́рчик, 906 кро́ль, 123 куда зря, 508
 краснопе́рый, 905, кроши́ть, 783 куда́й-то, 508
 906, 910 круг, 127, 783 куде́ль, 784
 краснопе́рышек, 906 кругале́м, 507 куде́лька, 784
 краснопе́шка, 910 кругале́я, 507 кудкуда́кать, 123
 краснопе́рка, 127 кру́глик, 278 куды́, 508, 785
 краснопи́рка, 906, 907 кругова́я, 784 куды́й-то, 508
 краснопу́зик, 910 круго́м, 507 кузнечи́к, 400
 краснопу́зка, 910 кружа́вка, 784 ку́зня, 785
 краснохвостка, кружи́ться, 565 кузов, 257
 907, 911 кружи́ться белкой кузьмино́к, 717
 красну́ля, 906–908 в колесе, 563 куй-куй, 785
 красну́ха, 906–909 кружка, 522 кукáн, 45, 127

- кукобить, 143
кукобление, 143
кукуру́йкать, 123
кукуру́зные
 блины, 741
кукуру́зынья, 122
кула́га, 785
кула́к, 786
кула́чить, 120
ку́лгача, 69
кулёк, 43
кулико́в закли-
 ка́ть, 306
кулугур, 352, 353,
 355
кулугуры, 356–358
кум, 144
кума, 144
кумить, 144
кумов, 144
кумоворот, 549,
 550, 551
ку́мовороть, 550, 551
кумово́ё, 144
кумок, 144
кумора, 550
ку́мороть, 549,
 550, 551
кумуся, 144
куноворо́т, 550
ку́новороть, 550
куно́ровать, 550
ку́норовоть, 550
купец, 237
купля́ть, 120
купува́ть, 120
кура́й, 129
ку́рандаты, 69
курга́н, 107, 111,
 112, 797
куру́ень, 128
куру́ишь, 128
ку́рка, 123
ку́рнык, 126
курта́йка, 125
курча́, 123
куру́ить, 123
куру́ба, 69
кусме́л, 124
кусмыты́ра, 124
кут, 69
кутерба́, 69
кутки трава, 379
ку́тний зуб, 118
ку́тный, 69
ку́тный зуб, 69
кутора́ны, 341
кутьки-воры, 379
ку́хлык, 126
ку́хынь, 126
кухыня́тко, 126
кучита́ть, 69
кыргы́зка, 341
кы́ркать, 69
кы́рпа, 118
кыры́ч, 129
кысля́к, 124
кыты́ця, 125
кычы́га, 546
лагу́н, 69
ладить, 816
ладиться, 815
ладо́нь, 69
лазу́н, 344
лайба, 145
лайбина, 145
ла́йда, 798
лайто, 798
ла́лока, 545
ла́нда, 421
ла́ндуха, 41421
ла́ндушка, 421, 422
ла́ндыши, 421, 422
лапотники, 686
лапоть, 522, 524–526
лас, 867
ласте́нки, 498, 502
ласте́нок, 498, 499
ласте́ныш, 498, 501
ластиве́нки, 501
ластиве́нок, 498, 501
ла́стивка, 123
ластивята, 498, 502
ластинёнок, 498, 499
ластинята, 498, 499
ластинятка, 498, 501
ластинятки, 498, 501
ластовинёнок,
 498, 501
ластовинята, 498, 501
ластовчата, 499
ластовчонок, 498, 501
ласточата, 499
ласточонки, 499, 502
ласточонок, 498, 499
ластутята, 499, 502
ластушата, 499
ластушенята, 499, 502

- ластушонёнок, 498, 502
ластушонки, 499, 502
ластушонок, 498, 499
ластыня, 498, 502
ластынята, 499, 502
ластята, 499
лачуга, 663
лачужка, 659, 663
ледачить, 120
ледянка, 649, 650
ледяш, 102
лекёся, 118
лёмёш, 69
лентяга, 118
Ленушка, 106
лес, 257
лесная девка, 242
лесной, 256
лесной дедушка, 256
лесной дьявол, 256
лето, 257
летось, 17, 18, 22, 24, 70, 511
летося, 18, 511
летучая икона, 773
лётышко, 70
летяга, 345
лешак, 256
лешачиха, 256, 260
леший, 259, 265
леший водит, 264
лещ, 47
лиман, 168
ли́ска, 126
лисогонь, 868
листовняк, 70
ли́стовье, 70
литр, 536
ли́тра, 527, 528, 536
лободá, 122
ловить как паука
 в паутину, 568
ловить окуней, 567
ловишки, 102
ловчак, 685, 690
лог, 70, 161, 162, 164, 168
логовина, 162, 163
логовинка, 168
лодка, 653
лодыря корчить, 98
лоёха, 143
ложбина, 70, 161–166
ложбинка, 168
ложбовина, 70
ложговина, 70
ложина, 162
лозинка, 162, 166
лоина, 143, 166, 167
лоинка, 162, 166, 167, 169
лой, 143, 166, 167
локоть, 522, 524–526, 535, 538
лókшина, 124
лом, 308
ломать пашню, 96
ломовое дело, 93
лонí, 70
лонись, 18
лoнский, 70
лончák, 70
лоншák, 70
лоншínка, 71
лосы́чка, 123
лохмачí, 125
лошák, 123
лощина, 161–166
лубяные глаза, 409
лудушка, 798
лукно, 527, 531, 532
луковицы, 405, 407
лукоть, 71
лундаши, 421
лунди́щи, 421
лундушка, 422
лунды, 421, 422
лундыши, 416, 421, 422
лунь, 702, 703, 709
лупы, 408
лупыши, 408
лут, 118
лутайще, 118
лутáй, 118
лутóшные глаза, 405
лушпáйка, 122
лы́марь, 118
лы́нда, 344
лы́пка, 122
лы́тка, 118
лы́бчик, 71
люк, 659
лю́лька, 129
ляда, 168
лядина, 168
лякáть, 120

- лямки вытянуть, 93
 магары́ч пить, 120
 мазу́нчик, 118
 мазу́рик, 191, 345
 ма́йка, 122
 ма́йстра, 123
 макі́тра, 126
 макогóн, 126
 макóтра, 126
 макоцвѣтны́й, 119
 макы́тра, 126
 малѣвка, 41
 мали́к, 799
 мальы́шка, 343
 мальты́пка, 41
 мамалы́га, 124
 мамый, 118
 мани́ть, 54, 71
 ма́нтуз, 41
 манту́лить, 120
 манту́лыть, 120
 масля́нка, 122
 Ма́терь Бо́жья, 742
 ма́тица, 54, 71
 ма́тка, 54, 71, 126
 мах, 524–526, 535, 538
 ма́шка-ма́шка, 71
 медвѣ́жьи ягоды,
 180
 ме́дельница, 30
 ме́денка, 30, 35
 ме́дница, 30, 35
 медуни́ца, 400
 ме́дяник, 71
 меда́нка, 30
- междувóрная ко-
 рова, 347
 мелочѣ́вка, 41
 мельница, 259
 мент, 343
 меньшей, 685
 меня, 815
 менять, 263, 813
 меняться, 813
 мера, 527, 529, 535
 мерѣ́жа, 42, 43
 мерза́чка, 344
 мерка, 527, 529, 535
 ме́сить, 389
 ме́сто, 279
 метаться как белка
 в колесе, 565
 метла́, 46
 метр, 525, 526, 538
 метра́чка, 524–526,
 532, 534, 538
 метро́вка, 524–526,
 534, 538
 метро́вочка, 524–526,
 534, 538
 мехáть, 389
 мешáть, 389
 мига́ла, 422
 мизимент, 659
 мизинетчик, 659
 мизу́шка, 344
 мильцанѣ́р, 343
 мимолость, 172, 180
 мирской, 355
 младóй, 392
- могоры́чить, 120
 мокляк, 168
 мокóрь, 107, 112
 мокря́ть, 168
 молитва, 257
 молоде́ль, 145
 молодник, 145
 молодня, 145
 молодой, 145
 молодуха, 339, 685
 молодчавый, 145
 молодьга, 145
 молодяк, 145
 молодятина, 685
 молóчник, 54, 71
 молóшная ка́ша, 776
 молчако́м, 513
 молчать, 257
 мо́лька, 41
 монасты́рь, 793
 морга́ла, 422
 мо́рда, 44, 45
 моро́женые глаза, 413
 моро́женный, 413
 морозы́ка, 123
 морская капуста, 381
 морской паук, 568
 москву́ вѣ́дно, 131
 мост, 145, 659
 мостина, 145
 мостица, 145
 мостничина, 145
 мостничка, 145
 мостовик, 145
 мосту́шка, 145

- мотáться, 718
 мотё, 118
 моторка, 653
 мотúха, 344
 мотяжина, 168, 169
 мох, 364, 365, 794
 моховина, 365
 мочажина, 168
 мочевина, 168
 мочежина, 168
 мочерина, 168, 169
 мочняк, 168, 169
 мошаник, 168
 мошарíна, 71
 мóшка, 397
 мошкара́, 397
 мошник, 71, 168
 мошок, 365
 мря́чка, 123
 мугáт, 854
 мудóхаться, 120
 муж, 141
 мужат, 854
 мужев, 142
 муженёк, 142
 мужний, 142
 мужнин, 142
 мужчина, 259
 мúкать, 71
 муля́вка, 910
 мури́ть, 718
 му́ркий, 110
 мурованной, 868
 мусáн, 854
 мусат, 853
 му́скорный, 54, 72
 му́соко, 54, 72
 му́соренький, 109, 112
 му́ха, 399, 568
 му́шка, 397
 мушкара́, 397
 мшара, 168, 365, 366
 мшарина, 365
 мшарище, 365
 мшина, 365
 мыгы́чка, 123
 мызы́нецъ, 118
 мыланкува́ть, 120
 мыр, 119
 мбы́сник, 126
 мытики, 72
 мбы́ша, 123
 мявгáть, 72
 мяклúша, 400
 мя́со, 389
 мясоед, 306
 мяти́на, 72
 мятлик, 143, 144
 мятло, 143
 мятлух, 143, 144
 мятлыш, 143, 144
 мя́хо, 389
 набелендрясить, 143
 набольший, 685
 навадкий, 295
 навадный, 295
 на вáлькы, 131
 навивáть, 109
 наовсе, 21
 навсегда, 21, 22
 на все руки, 109
 навязти́, 108
 наготóвлины, 677
 надась, 18, 23
 наделала синица
 славы, 567
 надёнка, 106
 на дохóде, 304
 надуться как
 паук, 568
 надывы́ться, 120
 надысь, 17–19, 511
 надбы́ся, 511
 наездной, 341
 наёздный, 341
 наезжать борозды, 96
 наёзжие, 341
 на жак, 304
 назадé, 507
 назадú, 507
 назýмок, 660, 664
 найты́, 120
 накýдка, 43
 накоплины, 677
 на кошёвках с при-
 валом, 102
 накумить, 144
 налáживаться, 72
 налетье, 23
 наложен на ра-
 боту, 95
 налойник, 143
 наля́чканный, 109
 наля́чка, 112

- наля́чкаться, 109, 112
 на Малáньину
 сва́дбу, 300
 намедни, 17–20,
 509, 510
 намеднись, 17, 18,
 23, 509
 намеднях, 18, 23
 намётка, 43
 на отделе́ку, 515
 на перелёте, 131
 напóпроти, 506
 напрóти, 506
 наретó, 45
 наро́дика, 339
 наро́диться, 104
 наро́ждённая, 104
 нарост, 47, 680
 наро́та, 45
 насарпаться, 143
 на сварьбу, 235
 на семь доро́гах, 803
 наскоро́туху, 513
 наскоря́х, 513
 насле́дичек, 343
 насле́дыш, 685
 наста́вить, 72
 наста́вить само-
 вар, 72
 насы́пать, 120
 на́тина, 54, 72
 наутрэ, 511
 наутру́, 511
 нахню́пыться, 123
 нацме́н, 341
 нацме́нка, 341
 небо, 142
 невеста, 236–238,
 241, 242
 невестины сидёл-
 ки, 283
 не́вод, 47
 невя́глас, 119
 недавнышко, 18,
 23, 24
 неде́ля, 124
 недодельш, 344
 недоколы́ханный,
 119
 недоро́сок, 72
 недóтка, 42, 43
 неза́потно, 514
 некебе́тный, 119
 не кстя не моля, 302
 нена́выстный, 119
 непита́я вода, 750
 непиту́ший, 72
 неправский, 685
 непутёвый, 691
 непутной, 691
 непутящий, 685, 690
 неработь напа-
 дает, 95
 нерёта, 45
 нерóвнюшка, 344
 нерóдный, 105
 не́сень, 677
 не́слуши, 345
 нести подушки, 280
 нести калач, 278
 нетёлка, 72
 нетель, 72
 нетригуз, 868
 неуталонный, 143
 нефритическое де-
 рево, 224, 225
 нэхворощ, 122
 неясуть, 698–701, 708
 неясучь, 699
 Нíжние лу́кови-
 цы, 830
 нíжний, 830
 Нíжний óмут, 830
 Нíжний поло́й, 830
 Нíжний Прудóв-
 ский, 830
 Нíжний сад, 830
 нíжник, 825
 Нíжня, 830, 831
 Нíжня мёлъни-
 ца, 830
 низ, 161, 162, 168,
 821, 823–830
 Низá, 826, 827, 829
 низами, 162
 нízбина, 825
 нízедеь, 825, 830
 нízень, 825
 низина, 161, 168, 825
 низинка, 161, 825
 низиночка, 161, 825
 Нízкая Грíва, 829
 Низкое, 829, 831
 нízмедь, 825
 нízменница, 825
 низменность, 161, 825
 нízмень, 825
 нízме́тина, 825

- нїзметь, 825
 низмина, 794, 825
 Низовая, 829
 низовье, 825
 Низовье, 827
 Низок, 830
 нїзом, 826, 827
 Низом, 829
 низочек, 825
 низы, 162, 824, 826
 Низы, 829, 830
 низь, 161, 824
 нїщий, 73
 новокóпка, 796
 новокóпочка, 796
 нож, 257
 ножки как у
 паука, 568
 нóжки летáли —
 дúшку пи-
 тáли, 302
 нокоть, 141
 ноне, 19
 нóнечье, 73
 нонче, 19
 норовля́ться, 73
 носить коку́шкой, 191
 носовїна, 794
 носóвка, 653
 носóк, 73
 ночей, 16
 ночесь, 16, 73
 ночь, 257
 ношно, 16, 23
 нудить, 676
 нужда — паук,
- а заёмщик,
 что муха, 568
 нуждѣние, 676
 нурить, 142
 ныкать, 143
 ныкаться, 143
 няжа, 799
 обáлка, 73
 обáлок, 73
 обвївень, 677
 обвязка, 42
 обдерга́й, 345
 óбжа, 73
 обирать как
 белку, 566
 обирать пауком, 569
 обиречить, 566
 обиречить как
 белку, 566
 обихóдница, 347
 облупежить как
 белку, 566
 облúха, 191
 облучѣние, 676
 облучить, 676
 обмеря́ть óкна, 279
 обморóженные
 глаза, 420
 обобратить как
 белку, 566
 ободратна на голу-
 бую белку, 567
 óболок, 73
 óболоко, 73
 óболочно, 73
 обработать, 73
- обрáть, 74
 обреза́нец, 125
 обрусѣние, 676
 обрусѣть, 676
 обрýд, 680
 обряди́ться, 74
 обседчивый, 295
 обцѣнки, 126
 обыгүривание ви-
 тушек, 717
 обыгрывать, 717
 обычливый, 295
 обычный, 295
 овдови́ться, 676
 овдовлѣние, 676
 овїн, 74
 óвод, 399
 óводь, 74
 овшѣйник, 106, 112
 овшеник, 112
 овшеник, 112
 овшинник, 112
 овы́дь, 74
 огатка, 659, 664
 огля́дины, 274, 279
 огневая колесница
 тебя подхва-
 ти, 305, 306
 огнѣвка, 30, 35
 óгненная колесни-
 ца тебя под-
 хвати, 306
 óгных, 121
 оголѣц, 41
 огрѣх, 796
 огуменник, 143

- огумник, 143
 огурец, 141
 огуречник, 141
 огурок, 141
 огурочек, 141
 огырбк, 122
 одворок, 74
 одёва, 681
 одежошка, 344
 одергай, 345
 один, 98
 однаки, 74
 однокры́лый вен-
 терь, 748
 одностёнка, 42
 одонок, 74, 140
 одонье, 74
 одубить, 140
 о душечке, 301
 ожелёдыця, 123
 оздобленье, 676
 озём, 74
 óзимь, 74
 озóрение, 676
 озорбд, 74
 около да обаполо, 306
 околóm, 410
 около обаполо, 306
 оконтуженный, 109
 оконтужить, 112
 окóрм, 681
 óкся-óкся, 74
 окунёвый, 47
 окупать, 813
 окушáрик, 41
 окушóк, 41
 олёс, 389, 390
 оlex, 389, 390
 олёх, 389
 олия, 124
 ольха́, 390
 ольховка, 74
 ольшина, 390
 омшара, 75, 168
 омшарина, 75
 омшеник, 659
 он, 262, 265
 оногдысь, 75
 ономедни, 75
 ономедь, 75
 ономядь, 75
 опахать, 75
 ополонка, 123
 опольши, 408
 опосля, 509
 орать, 75, 795
 орагдёнка, 344
 óрды, 75
 орешник, 546
 осевáлок, 530–532
 осёдлонность, 75
 осёдлость, 76
 оседчивый, 295
 осék, 76
 óсенесь, 76
 осённый, 76
 осилóвание, 676
 осилóвать, 676
 ослин, 117
 ослóн, 117
 осмíнник, 527,
 528, 532
 осму́шка, 527,
 528, 533
 основу собрать, 97
 оставить как голую
 белку, 567
 осьмина, 527, 528,
 529, 532, 533
 осьмíнник, 527,
 528, 532
 осьму́ха, 527, 528, 533
 отводи́ны, 677
 отворя́чий, 76
 отды́хнуть, 107, 111
 отды́хпелыть, 120
 отёчина, 679
 откель, 508
 откеля, 508
 откладывать ва-
 ленок, 95
 отколыханик, 142
 отколыхать, 142
 откуда, 508
 отку́ль, 508
 отку́ля, 508
 откэда, 508
 откэдова, 508
 откэль, 508
 откэля, 508
 отóпки, 679
 отóр, 795
 от потыля́кы(и)
 до са́мой
 сра́кы(и), 131
 отсёда, 508
 отсёдова, 508
 отсель, 509

- отсэля, 509
отсúль, 509
отсúля, 509
отсэль, 509
отсэля, 509
оттúль, 508
оттúля, 509
оттэда, 508
оттэдова, 508
оттэль, 508
оттэля, 509
отымáлка, 678
очкúр, 129
охáн, 43
охáны, 42
охрэдина, 347
óхредь, 347
очок, 685
падалыця, 122
па́дора, 191
пазнокоть, 141
пай, 128
пакéт и пакеня́т-
ко, 131
палестíна, 803
палестíнка, 803
палитó, 125
па́лица, 76
па́па, 124
па́рево, 308
па́риться, 76
парма́к, 546
па́рунья, 76
па́руха, 76
паршывка, 122
пасть, 76
па́трать, 120
паўк, 43
пауки в банке, 569
паўт, 401
пахáть, 76
пахтаньё, 76
паць, 123
пекáть, 77
пелá, 77
пепелóк, 77
первым столом, 236
перебелуха, 146
перебивать гряду, 95
переб́ить, 103,
111, 112
перевезти по-
стель, 282
переводиться, 814
передовка, 652
перекатная, 685
перекрестить, 257
перелív, 794
переменять, 263
перепы́хнуть, 77
перёс, 77
перестря́паться, 77
перехва́тка, 77
перец собачий, 375
песей язык, 380
пёсий язык, 380
песик, 378
пестики, 378
пестру́шка, 30, 35
пестышки, 378
песья вишня, 380
песья голова, 380
пегу́н, 54, 77
пёхну́ть, 77
пёхом, 512
печь, 77
пеша, 512
пешака́, 512
пешако́м, 512
пешедра́лом, 512
пеши, 512
пешо́й, 512
Пёшом, 77
пешо́ю, 512
пелю́стка, 124
перевя́зывать, 120
перегóн, 124
перéлаз, 127
перéрез, 126
пидсúлок, 127
пидшáльнык, 125
пика́лка, 400
пирижо́к, 124
пирóг, 265, 278
писать, 141
писемщик, 141
пистики, 378
письмо, 141
плавн́ые, 42
плавучие, 42
плант, 143
плантовать, 143
пласта́ть, 120
пла́тно, 77
плато́вье, 77
платок, 125, 265
плести, 265
плетёно, 264

- плетюха, 651, 652
плица, 653
плотівина, 78
плóтиво, 78
плотіна, 78
плóтье, 78
плуг, 144
плугарить, 144
плугарский, 144
плугарь, 144
плугатарь, 144
плугатор, 144
плужник, 144
плужок, 144
плóшка, 125
пляшка, 522
пнать время, 98
побóвтюха, 124
повéть, 78
повить, 659
поводóк, 46, 47
повседеню, 24
по всём гóрам, 131
по всём дóлам, 131
погáник, 32, 35
погáница, 32, 35
погáнка, 32, 35
погáнный, 32
погінуть, 78
поглядки, 279
поглядúшки, 279
поглядь, 274
погóда, 78
пóгреб, 193
подберечь, 143, 144
подбóр, 42, 43
подвáшка, 548
подвенéчный
вéчер, 283
подвесёлок, 283
подволока, 659
поддóмный, 78
подземельник, 79
подільчивый, 119
подкаю́ть, 852
подклет, 659
подклеть, 852
подколóдуха, 31, 35
подкрывина, 659
подлэ́щик, 41
подлугнúться, 79
подмененный, 264
подменить, 265
подменять, 813, 814
подмост, 145
подмостник, 145
поднавес, 108
подогуречник, 141
подол, 168
подонье, 140
подплужник, 144
пóдпол, 193
подполье, 659
подпóясаться, 389
подпóяхаться, 389
подса́док, 43
подса́к, 43
подсанки, 648, 650
подсекáть, 47
подсолода, 141
подсолодить, 141
поду́с, 41
подучёра, 510
подучёрась, 510
поду́шенный
пóезд, 280
поду́шечники, 280
поду́шечница, 280
подушечные
песни, 281
подушки, 280, 282
позавчер, 17
позавчёра, 124
позавчерáсь, 510
позавчерáсья, 510
позалетось, 18
позалóговать, 79
позаплече, 685
позденько, 16
поздо, 16
позём, 79
пойти на детей, 720
пойтí на стéнки, 279
пойти прахом, 307
пойтí хінью, 307
поканькать, 145
покойник, 172, 180
покос, 257
покрóмок, 79
покрываться
што белка
хвостом, 565
полевая собачка, 373
ползún, 31, 35
ползúчка, 31, 35
политикáнт, 342
полный, 139
пóлоз, 79

- полосáтик, 41, 47
 полуамбарье, 247
 полубарки, 247, 248
 полубарье, 247, 248
 полубелый, 250
 полублюдо, 247, 250, 251
 полублюдок, 247, 250
 полувозеночек, 250
 полувозок, 247, 250
 полуворок, 250
 полувыть, 246, 251
 полугодина, 246
 полугодок, 246
 полугрудок, 249
 полугруздь, 248
 полудельница, 249
 полуденка, 249
 полуденка-соломен-
 ница, 249
 полуденная выть, 94
 полуденник, 246, 249, 251
 полудённик, 249
 полуденница, 249, 251
 полудёнок, 246
 полудень, 246
 полудешный, 246
 полудневать, 247
 полудновать, 247
 полудружка, 250
 полудружье, 250
 полудурье, 248
 полузёмный, 247
 полукирбь, 246, 251
 полукожа, 250, 251
 полукомодник, 248
 полукоровка, 248, 249, 251
 полукрупка, 248
 полулобок, 247
 полулодка, 247, 251
 полумерок, 246, 251
 полуночник, 247, 251
 полуночица, 251
 полупальтинка, 248
 полуплаток, 248
 полуплатье, 251
 полуполок, 247
 полупресники, 249
 полупресье, 249
 полусаженок, 249
 полусак, 248
 полусвинок, 249, 251
 полусито, 250, 251
 полуситок, 250, 251
 полускотина, 249, 251
 полускотинка, 249, 251
 полускотинник, 249
 полускотинок, 251
 полусорочкины, 247
 полустекольчатые
 двери, 247
 полустенок, 247
 полусуслон, 249
 получулки, 248, 251
 полушалька, 248, 251
 полушёрстный, 250
 полушёрсток, 249
 полusherстянка,
 249, 250
 полшестерик, 246
 полшубник, 248, 251
 полшугай, 248
 поллюбímчик, 346
 помáхивать, 109
 помéстье, 279
 помолки, 275
 помолок, 275
 понадольше, 21
 понедýлок, 124
 понíзь, 829
 понклет, 659
 поп, 304
 попёрвости, 511
 попере́к то́лще, 344
 попере́чница, 79
 попик, 379
 поплаво́к, 47
 по́полз, 34, 35
 по́ползень, 34, 35
 поп-поп выведи
 собачку, 378
 поп-поп выго́ни
 собачку, 378
 попрéже, 19
 попросáйка, 79
 попростудíться, 109
 по́проти, 506
 по́проти-напо́про-
 ти, 506
 попуга́й, 706
 попутник, 381

- порано, 16, 22
поричье, 79
пóроз, 79
порычка, 122
посáдские-стри́ц-
кие, 79
посарпать, 143
по-сейчасному, 19, 24
поселённый, 339, 342
посельщик, 342
посиветь, 79
послевчера, 17
послезавтрашнего, 20
посля, 509
посми́хиваться, 79
постель, 279, 282
постолы, 129
потхилой, 80
потыльця, 118
потыляка, 118
поутресь, 16, 22
похмелье, 718
походливый, 348
почём зря, 515
пошерсть, 121
пошóба, 548
пошóва, 548
правда, 140, 141
правдивец, 141
правдивый, 141
правдить, 140
православные, 355
прадонье, 140
пралo, 140
пральня, 140
пранить, 140
прать, 139, 140
предплужник, 144
прибáсывать, 719
прибелочка, 146
прибивáться
к Богу, 742
привытчивый, 295
пригóр, 793
пригóра, 793
пригóршица, 528,
529, 534
пригóршь, 528, 529,
534, 540
пригуз, 80
пригузá, 80
приданое, 236, 240,
241, 279
придань, 279
приданье, 279
приколянеть, 140
прикрывина, 659
прикукобить, 143
прикутка, 659
приладить, 815, 816
приносить калач, 278
принять хлеб-
соль, 278
припаситель, 347
припасительница,
347
пришелёдка, 659
прираскáтиться, 80
прируб, 659, 662
прислуг, 80
присóх, 80
приспособливать, 817
притесниться, 141
притыгнуть, 80
притка, 685
приуз, 80
приуза, 80
приузь, 80
приуспокоиться, 144
прихóхотье, 549
причалдоны, 341
причандáлы, 343
продавать подуш-
ки, 280
продавать по-
стель, 282
прожитие, 190
промостье, 659, 664
пропозитель, 685, 690
пропадí я про́па-
дом, 305
пропóй, 274, 275
просвáтанье, 274
просватать, 238, 239
просватúшки, 274
просенье, 659, 664
просидеть кулигу, 98
про случай, 304
простокíша, 81
прóти, 506
прочередить, 685
прошлогод, 18
пруд, 260
прыгать как
белка, 565

- прыстúпки, 127
 прямая изгорóда, 65
 прýсельница, 81
 птру́ка-птру́ка, 81
 птрх-птрх, 81
 пугáло, 707
 пугач, 706, 707, 709
 пугúч, 707
 пугб́ч, 707
 пужать, 257
 пúкша, 707
 пула́, 46
 пúлуши, 408
 пúльши, 408
 пульс, 308
 пúня, 81
 пухы́гало, 707
 пúчеги, 408
 пúчка, 118
 пчела́, 399
 пшённые блинцы́, 741
 пы́лыши, 415
 пырхать, 565
 пырхать как
 белка, 565
 пышóха, 119
 пьяница, 275
 пьяный, 515
 пýстóчка, 81
 пять, 81
 работа, 94
 работа живёт, 93
 работать на
 шабаш, 94
 работать что белка
 в колесе, 566
 равгать, 81
 радиогазета, 142
 разбивать валики, 95
 разбивать копны, 95
 разбивáть валки, 108
 разбивать сено, 108,
 111, 112
 разгляденье, 279
 разглядины, 279
 разговаривать,
 118, 257
 разгрожа́ть, 81
 раздúшенька, 345
 раздúшечка, 345
 разы́нка, 45, 47
 разла́пушка, 345
 разлúть, 81
 разлойчистый, 143
 размолаживать-
 ся, 145
 зазмоло́ться, 81
 разотра́да, 346
 рамлётка, 42
 расканькаться, 145
 расколупáть, 82
 раскосма́тка, 345
 раскрасóтка, 345
 расписные санки, 649
 распутёкивать, 120
 рассáдник, 82
 рассказáться, 54, 82
 рассóха, 794
 растворя́ть, 82
 растрепёня, 347
 расщúриться, 422
 рачегла́зый, 407
 рачúть, 407
 рачкú, 407
 рвёт на белую
 белку, 567
 ревúн, 344
 редкий, 140
 реднёвый, 190
 редно́вый, 190
 ре́жа, 42, 43
 режевáя сеть, 42
 режóвка, 42
 резец, 82
 резы́нка, 46
 река, 260
 рёлка, 793, 794
 рёлка, 796
 ре́па, 546
 речки, 259
 решúть, 82
 репанка, 122
 ржавец, 168, 169
 рúга, 82
 робёнка, 104
 рóвнюшка, 344
 рога́ль, 82
 рога́ч, 82
 родитель, 685
 родительница, 685
 рóднички, 343
 розбыша́ка, 119
 розвальни, 650
 розда́й-беда, 119
 рóзовая акация, 180
 роман-газета, 142
 ромашка песья, 380
 ромашка собачья, 380
 ромен собачий, 380
 рóповка, 119
 росстань, 797

- руба, 143
рубёнка, 143
рубель, 126
рубина, 143
рубьё, 143
ру́гача, 83
рудомёт, 83
рукобѣтье, 275
рукодѣльник, 347
рукосуй, 685, 691, 692
румынky, 125
румян собачий, 380
русалка, 259
русь, 803
ручка, 528, 535, 540
ручнѣк, 83
ручьёвина, 83
рушнѣк, 126
рыбáлыть, 127
рыбный пирог, 265
рыдван, 650–652
рымба, 127
рында, 650, 651
рындица, 650, 651
рысакóм, 512
рыслиан, 122
рыслино́к, 122
рыча́ть, 83
рявгать, 83
рявкать, 236
ряднёвый, 190
рядно́вый, 190
рядно́й, 191
рядно́й, 191
рямо́к на ряжке, 345
рянды, 83
ряпа, 545
сажень, 524, 525,
533, 536, 538
сажня, 524, 525, 536
са́ки, 43
салазки, 650
салотóвка, 126
салотóлка, 126
самокатки, 649, 650
самоло́вка, 46
самосѣдка, 83
самохо́д, 339, 341
самохо́дка, 341
самохо́дни, 341
самохо́дня, 341
сандóль, 127
сани, 650
санопряха, 98
сап, 31
сапа́, 31, 41, 126
са́па, 31
сапа́ть, 120
сапѣт, 129
сарай, 83, 659, 662
сарбаву́з, 842
сармали́на, 843
сарпать, 143
сачо́к, 125
сберечь, 143
сбивать шабашку, 96
с бусорью, 304
свадьба, 236
сва́ра, 83
сваребьяна, 238
сват, 239–241
сватанье, 239,
241, 274
сватанье, 274
сватать, 237
свататься, 236, 238,
239, 241
сватовство, 239, 241
сватушка, 239, 241
свату́шки, 274, 276
свагушко, 239–240
сваты, 236
сверба́к, 840, 842, 843
свербеви́ка, 840, 843
свербе́ж, 840
свербе́ника, 840, 843
свербе́рина, 840–843
свербе́ть, 840
свербек, 840
сверби́вус, 840, 842
сверби́вуска, 840
сверби́гуз, 840
сверби́гуз, 840,
842, 843
сверби́ло, 840,
842, 843
сверби́ус, 840
сверби́уска, 840
свербли́чка, 840, 842
сверблѣх, 840, 842
свербу́чка, 840
свербаринный, 840
свероборинник,
840, 842
свероборинный, 840
свероборинный
сахар, 840
светѣц, 190
светля́к, 794
свецка, 719, 720
свист, 389

- свисту́н, 31, 35
 сводилки, 274
 сводушки, 274
 своды, 274–276
 свойчатый, 295
 свóлок, 127
 своробин, 840, 843
 своробой, 841
 свороборина, 840,
 842, 843
 свороборинное, 840
 свороборинный
 цвет, 840
 свороборин, 840, 842
 своробная трава,
 840, 842
 сворóтка, 797
 свычливый, 295
 свят вéчер, 120
 сговариваться, 237
 сговор, 240, 241,
 274–276, 279
 сговоренка, 236
 сговорёнка, 236
 сговоры, 240, 241, 274
 сгóдный, 181
 сгори я на месте,
 305, 306
 сгори я на этом
 месте, 305, 306
 сгорóда, 83
 сгорóдка, 83
 сдёрга, 141
 сдёрнуть, 141
 сдор, 124
 себеринник, 836
 сева́ч, 41
- сэвечер, 83
 сегодня, 17, 22
 седая старуха со
 свечкой, 261
 селига, 18, 22, 23
 сельник, 659
 сентёшка, 41
 сентявка, 41
 серабарильный, 839
 сераборинный, 839
 сербалéзник, 836, 837
 сербалин, 836, 837
 сербали́на, 836–838,
 840, 842, 844
 сербали́нник, 835–837
 сербальнина,
 836–838
 сербарин, 836,
 837, 840
 сербарина, 836, 837,
 842, 845
 сербаринник, 835–837
- сербе́ж, 840
 сербели́на, 836, 842
 сербени́на, 836
 серберика, 836
 серберин, 836, 842
 серберина, 836, 838,
 840–842
 серберинник, 836
 серберичник, 836
 сербери́шник, 836
 серберы́, 836, 842
 сербе́ть, 840
 сербигу́с, 840
 сербиново древо, 836
- серболи́на, 835, 837
 сербу́чка, 840
 се́рдце как ку́рочка
 клюёт, 131
 серебаринник,
 835, 837
 серебаринный, 839
 сереберина, 836,
 839, 842
 серебоинный цветъ,
 836
 сереболи́на, 836, 837
 серебориник, 835, 839
 сереборинник,
 835, 839
 сереборинный, 839
 сереборинный
 цветъ, 836
 серебориновой
 цветъ, 836
 серебрянка, 30, 35
 се́реда, 124
 середня, 16
 сэреп, 83
 се́рить, 123
 серобаринник,
 835, 837
 сероборинный, 839
 серпели́нник, 836
 се́ряк, 400
 се-се-се, 83
 се́тки, 42
 сечь, 868
 сжить со света, 307
 сза́ду, 507
 сибирка, 121
 сивалдаина, 689

- сивалдай, 689
сiверик, 84
сиволап, 689
сиволапия, 685, 688
сиволдаина, 689
сиволдай, 685, 688
силóк, 46, 47
сингéль, 127
синичка ледок
 спихнула, 567
синтёвка, 41
синтя́, 41
синтя́вка, 41
синьча́, 41
сипуха, 707
сирби́вус, 842
сирби́ло, 842
сисошник, 172, 181
си́то, 43
сича, 868
сичь, 868
скамéлька, 126
скамья́ засто́ль-
 ная, 106
скать веретеном, 98
скать, 97, 98
сквось, 815
ски́глыть, 120
скла́дка, 275
скля́нка, 122
скользота́, 123
скочка́х, 102
скрёсу не знать, 94
скрось, 815
скрыва́ть, 104
скрывные, 104
скры́ня, 126
слади́ночка, 346
сла́диться, 105, 815
сла́дкая вода́, 123
сла́дкий, 141
сластник, 141
сластница, 141
сласть, 141
слéпень, 399
слепы́ш, 400
сливна́я каша, 776
слоня́ть слонов, 98
сля́коть, 547
смесь, 389
смехучий, 685
смотре́ть, 279
смотре́ны, 274,
 275, 279
смурый, 685
смы́кать, 793
смычо́к, 793
снадбегу, 20
с наме́ренья, 110
снежилка, 172, 181
снíдать, 120
соба́ка, 123
собакам сено да-
 вать, 98
собачатник, 377
собачий василек, 374
собачий гриб,
 376, 377
собачий груздь, 376
собачий дидель, 376
собачий зуб, 380
собачий корень, 380
собачий лишай, 377
собачий мак, 376
собачий помет, 377
собачий хвост, 373
собачий язык,
 372, 380
собачик, 376
собачка, 373, 379
собачки, 372, 376,
 377, 379, 380
собачкина трава, 377
собачник, 373, 375,
 377, 380
собачники, 376
собачник, 373
собачница, 375
собачье бесиво, 376
собачье мыло, 375
собачьи губы, 376
собачьи огурцы, 380
собачьи пожитки, 377
собачьи репы, 373
собачьи уши, 372
собачьи ягоды, 374
собачья бесива, 376
собачья бесила, 376
собачья голова, 372
собачья капуста, 375
собачья кисели-
 ца, 374
собачья кислица, 374
собачья крапива, 374
собачья лапа, 372
собачья морда, 372
собачья мята, 375
собачья опенка, 376

- собачья смерть, 376
 собачья песевка, 374
 собачья петрушка,
 375, 376
 собачья старость, 378
 собачья трава, 377
 собачья ягода,
 376, 377
 собашник, 373
 собашники, 376
 сова, 697, 709
 совёц, 698
 со́вин, 698
 сови́на, 698
 сови́ца, 698
 со́вич, 698
 со́вка, 697
 сову́нья, 698
 сову́ха, 698
 соде́рживать, 112
 соде́ржить, 105, 112
 со́зв, 678
 сокира, 126
 соки́ра, 126
 сокы́ркы, 122
 солёные окуни, 568
 солёный заяц, 565
 солнопёчный, 84
 солода́рь, 122
 солодить, 141
 солодкий, 141
 солóма, 84
 солонёц, 122
 соль, 257
 сопáтка, 118
 сопля́к, 41, 47, 123
 сопрятíться, 84
 сорбали́ка, 835, 836
 сорбали́на, 835–837,
 840–845
 сорбали́ник, 835, 836
 сорбали́нник, 835,
 837
 сорбо́вина, 835
 сорболины, 835, 837
 соробали́на, 838, 841
 сорóжка, 41
 сорочка, 172, 181
 со́ свету скатíть, 307
 соседушка, 256, 260
 соседушка-брата-
 нушка, 256
 соседушко-атама-
 нушко, 256
 соседушко-батюш-
 ко, 256
 соскí, 181
 со́сошник, 181
 соткúда, 508
 соткúдова, 508
 соткúдова, 508
 соткэ́да, 508
 соткэ́дова, 508
 сотсэ́да, 508
 сотсэ́дова, 508
 сотсэ́да, 508
 сотсэ́дова, 508
 соттúда, 508
 соттúдова, 508
 соттэ́да, 508
 со́ус, 124
 со́яшныци, 121
 спевáть, 120
 спеву́н, 119
 спёрва, 511
 спёрвости, 511
 спидныкы́, 125
 спидны́ця, 125
 спи́сывались, 719
 спозарань, 16
 спокойный, 144
 спорно, 20
 спорынью, 99
 спотыкúша, 400
 спотыкúшка, 400
 спрáва, 283
 справный, 109
 спрохвалá, 513
 спускáть, 84
 спы́на, 118
 сразу, 20
 срани́цы, 16
 срану, 16
 сранья́, 511
 сродник, 685
 сродственники, 84
 сродство, 719
 сронíть, 84
 ссы́пки, 716, 717
 ста́вки, 43
 ста́вники, 42
 ставны́е, 42
 станóвные, 42
 становы́е, 42
 стану́рка, 852
 старая-преста-
 рая, 261
 старичище, 685

- старовёр, 340
 старообрядцы, 355
 старуха, 261
 старушоночки, 256
 стекляшки, 409, 411
 стелуга, 84
 стена́, 524, 525,
 536, 538
 стенгазета, 142
 стенгазетный, 142
 стенгазетчик, 142
 стенка, 524, 525,
 536, 538
 стёнки, 279
 стёпла, 852
 степу́ра, 852
 стесни́вый, 141
 стесни́ть, 141
 стесни́ться, 141
 стесня́ть, 141
 стесня́ться, 141
 стожа́р, 84
 сто́йка, 84
 столб, 524, 526,
 536, 538
 столова́ться, 236
 сторожо́к, 47
 стосну́ться, 84
 стоя́чие, 42
 стрежа, 869
 стрежь, 793, 869
 стритевни, 17
 стрі́ха, 127
 стúдень, 677
 суды, 508
 стúпица, 652
- су́ка песковá, 41
 сула́, 129
 сунду́к, 283
 сўпроти, 506
 сурбалі́на, 836, 843
 сурбарі́н, 837, 843
 сурмалі́на, 843
 сурóжка, 41
 сўрпа, 45
 суседиха, 256
 суседка, 256, 265
 суседко, 256
 сухóты, 121
 сучье вымя, 378
 су́щая белка, 565
 схиреть, 685
 счита́ть ко́льш-
 ки, 279
 сызрани, 16
 сыкúн, 122
 сыр, 124
 сырбалі́н, 836, 843
 сырбалі́на, 836, 843
 сырболі́на, 837, 843
 сырбо́лина, 838, 843
 сырмалі́на, 843
 сырóватка, 124
 сыромалі́на, 843
 сыч, 698, 708, 709
 сычо́к, 698
 сюды́, 508
 сюрту́к, 125
 сябёр, 155
 сябра́, 84
 сірбалі́на, 836
 сірбалі́ніна, 837
- табак, 257
 та́бор, 129
 тавере, 19, 23
 таганóк, 129
 тада, 19, 22, 509
 тады, 19, 22, 509
 тадысь, 19
 тадыть, 19
 тае, 19
 таей, 19
 таере, 19
 тай, 19
 та́лица, 410
 тало́, 410
 талы, 44, 409,
 412, 413
 та́ль, 410
 там, 506
 та́ма, 506
 тамана́, 705
 тамойки, 686
 тапере, 19, 22
 таперекать, 19
 таперича, 19, 512
 таперь, 19, 22, 512
 таракáн, 399
 тарáкать, 85
 тарантас, 651
 тарары́кать, 85
 татэ́рь, 19
 тая́ть, 419
 твар, 33
 тварі́на, 33
 тварь, 33
 телі́ться, 130
 телы́, 416

- телѣ́ться, 130
 телѣ́ця, 123
 тѣ́лькать, 416
 теперештово, 19
 тепѣ́рича, 512
 тепѣ́ря, 512
 тепѣ́ц, 85
 тепор, 19, 23
 тепорче, 23
 терас, 659
 тернѣ́вка, 117, 122
 тернѡ́вка, 117
 тесный, 141
 тетѣ́лка, 85
 тетивá, 46
 тѣ́чкора, 547
 теля́, 123
 тѣ́кы жаб колѡ́тъ,
 131
 тилигра́мм, 530
 тилогра́мм, 530, 534
 тѣ́на, 85
 тѣ́па-тѣ́па, 85
 тѣ́почка, 540
 тѣ́пы-тѣ́пы, 85
 тѣ́чка, 119, 123
 товар, 237
 товáрочка, 344
 товар поглядеть, 238
 тогды́, 85
 токо, 23
 толокá, 85
 то́лы, 410
 топѣ́ль, 677
 топотать, 257
 то́ртовый, 125
 тосковать, 685
 то́чиво, 85
 тпрѣ́сь-тпрѣ́сь, 85
 тпрѣ́-тпрѣ́, 85
 тпрок-тпрок, 85
 тпрсѣ́-тпрсѣ́, 85
 тпрх-тпрх, 86
 трава бабушка, 379
 трѣ́сь-трѣ́сь, 86
 третѣ́вдни, 17
 третѣ́вни, 18
 третѣ́внись, 17
 третѣ́дня, 17
 третѣ́мни, 17
 третѣ́вни, 17
 третьѣ́водни, 18
 третья́к, 86
 трешкѡ́т, 86
 тридни, 18
 троекúровска(я)
 пса́рня, 131
 трѡ́йка, 43
 трѡ́хи, 515
 трѡ́ша-трѡ́ша, 86
 трѡ́шки, 515
 туды́, 508
 тукáч, 86
 тукачѡ́к, 86
 тумакѣ́, 86
 туманá, 705
 тúпа, 705
 тúпка, 705
 тупороч, 23
 тупра, 17
 тупрочь, 19
 тупру, 19
 тура, 216, 217,
 219, 221
 тут, 506
 тúта, 506
 тúхка, 86
 тѣ́ждень, 124
 тысячник, 685
 тѣ́чка, 102, 112
 тѡ́ку-тѡ́ку, 86
 тѡ́лькать, 409
 тю-тю-тю, 86
 тѡ́шень-тѡ́шень, 86
 тягаться как
 пауки, 569
 тяпúля, 31, 35
 тѣ́пша, 800
 тятенька, 685
 тятька, 685
 тятя, 685
 увáль, 110, 112
 увязать петлями, 97
 угустить, 141
 уда́вка, 46
 удивить, 140
 ужáк, 123
 ужасно, 20
 ужо, 18, 20, 21, 23
 ужотка, 20, 21
 уздева́ть, 750
 узде́ть, 750
 уйти на одна-
 чину, 98
 úкальница, 707
 уклѣ́енка, 908
 укукобить, 143
 úлей, 795

- улітка, 795
 ўлица, 728, 795
 улунь, 702, 703
 ума не даць, 758
 унето, 19
 унетось, 18, 23
 уносить калач, 278
 упасть, 393
 уповод, 95
 ўповод, 86
 ўпряг, 86
 упряжечка, 86
 упряжка, 87
 урэз, 47
 уса́дба, 193, 194, 796
 усатик, 909
 усватать, 239
 усвататься, 238,
 239, 241
 усеек, 18
 усеешка, 17, 18, 23
 усей, 17, 18, 23
 усейка, 17–19, 23
 усейки, 18, 23
 усек, 23
 усень, 23
 усенька, 18, 23
 усеська, 18, 23
 усет, 17, 22
 усешка, 17
 усло́вие, 275
 успокоить, 144
 успокоиться, 144
 уталон, 143
 утедышка, 23
 утета, 23
 утетышко, 23
 утре, 20
 утренний, 95
 утренний уповод, 94
 утренняя роса, 94
 утресь, 20, 24
 утроба твоя лопни,
 306
 утушковать, 120
 ўхалица, 707
 ўхалища, 707
 ухало, 707, 709
 ўхаль, 707
 ухан, 707
 ухватить синицу за
 хвост, 567
 ўхканица, 707
 ухлы́стывать, 103
 учера, 510
 учёра, 124, 510
 учёрась, 510
 учку́р, 129
 фартовый, 685
 фили́м, 703
 филин, 261, 698,
 703, 708, 709
 філька, 703
 Фі́ля Филáтов, 300
 фотогазета, 142
 фунто́вые глаза, 407
 фура, 651
 фусея, 17, 22
 хабара, 795
 хабарник, 795
 ха́бить, 795
 хвиль, 87
 хвист, 389
 хвороба, 121
 хильный, 87
 хинь, 308
 хлеб, 257, 276
 хлеб в закрома, 99
 хлебнина, 278
 хлеб-соль, 276
 хлев, 257
 хлестать колос, 96
 хлопотной, 87
 хма́ра, 123
 хма́ряться, 123
 ходок, 341
 хозя́ин, 41
 хороший, 142
 храбрый поезд, 280
 хrapá, 87
 хреbtина, 46, 47
 хрепáть, 87
 хрестить доро́гу, 303
 хряпá, 87
 худая изгоро́да, 65
 худой, 32, 35
 худу́шка, 32, 35
 худя́к, 32, 35
 цвет, 142
 цвет собачий, 380
 цевина, 88
 цепком, 20
 церба́лин, 836, 844
 церковный, 355
 цыбу́лина, 122
 цыбу́ля, 122
 цыпля́, 123
 цыпля́тница, 88

- чаба́к, 127
 чаву́н, 129
 чавунё́ць, 126
 ча́кан, 129
 чалдо́н, 339, 340
 чалдо́нец, 340
 чалдо́нка, 340
 чалдо́ны, 340, 341
 ча́пать, 795
 чапельник 852
 чаплия́, 126
 чаплы́жник, 795
 чапы́жник, 795
 часны́к, 122
 часовáть, 120
 часту́шка, 42
 чау́н, 126
 чаше́ка, 126
 чашене́на, 795
 чашечник, 340
 ча́шка, 126
 чаюва́ть, 120
 че́бот, 125, 129
 че́бчик, 122
 чеве́к, 125
 чекоти́ть, 88
 челно́к, 41, 47
 че́ловик, 119
 челпа́н, 801
 чемера, 142
 чепе́ц, 88
 чербала́, 837, 844
 чербали́на, 836,
 837, 844
 чербали́нина, 836, 844
 чербали́нник,
 837, 844
 червь, 35
 червя́к, 32, 35
 череба́ть, 844
 черебну́ть, 844
 че́рная боли́знь, 121
 черная капуста, 381
 че́рный, 260
 че́рный гриб, 757
 черня́вка, 30, 35
 че́рт, 256
 чехня́, 127
 чехо́ня, 41, 127
 чиво, 20
 чиклявенький, 685
 чимчиковáть, 120
 чистёха, 119
 чи́стое боло́то, 794
 чистота в корыто, 99
 чисть, 795
 чистя́к, 794
 чищани́на, 795
 чкúш-чкúш, 88
 чкúш-чкúш, 88
 чтоб тебя́ огнева́я
 колесни́ца под-
 хвати́ла, 305
 что зря́, 512
 чувáл, 129
 чуве́к, 125
 чугу́ром, 20, 22
 чу́гу-чу́гу, 88
 чу́дь белогла́зая, 406
 чу́ка-чу́ка, 88
 чулан, 257
 чула́рка, 127
 чу́лка, 125
 чумáрка, 125
 чуни, 125, 648, 650
 чу́п, 109
 чурбали́на, 837, 844
 чуре́к, 129
 шабе́р, 155
 шабры́, 155
 ша́лга, 801
 шарáн, 127
 шарова́ры, 129
 шарокопытышки, 20
 шаст, 802
 ша́ста, 802
 шатать, 142
 ша́шка, 46, 48
 шва́йка, 126
 шва́чка, 119
 шведка, 125
 шело́п, 793
 шементом, 20
 шеметой, 20
 шепта́ть, 121
 шересте́нь, 400
 ше́рех, 124
 шерстистый, 257
 шерстя́нный, 125
 ше́ршень, 399
 ши́бка, 127
 шибко, 20, 22
 ши́на, 652
 шипу́ля, 31, 35

- шипшіна, 122
ширбаліна, 837, 844
ширбаніка, 844
ширбанічина, 844
ширінка, 54, 88
шірма, 126
широкопытышки, 20
шйшка, 120
шкату́рка, 54, 88
шкуру́бка, 124
шкы́ря-шкы́ря, 88
шлепе́ц, 400
шляко́ть, 547
шмарёночка, 346
шматок, 522
шмычо́к, 793
шовко́выця, 122
шометом, 20
шпак, 123
шпале́ра, 126
шпиль, 716, 720
шпориш, 122
шпоры́ш, 122
штóкалка, 119
штóлык, 119, 122
штрахо́вка, 54, 88
шу́бный рука́в, 803
шукáть, 120
шумо́вка, 125
шу́тий, 123
шутоломно, 20, 24
шчарбаліна, 837, 844
ща, 510
щас, 510
щедрува́ть, 120
щёки, 88
цело́п, 793
щеня́, 123
щербáк, 844, 845
щербáн, 845
щербане́ц, 845
щербáнь, 845
щербі́ть, 844
щеры́ця, 122
щётка, 126
щу́рики, 422
щчербалінина, 836, 844
щчербалінник, 836, 844
экра́н, 42
юнга́ч, 704
ю́почка, 125
юрт, 128
юрта́, 128
юшка, 125
язве́ц, 708
язык, 380
язь, 190
яйца катать, 102
як бечёва вчэ́тве-
ро, 131
як конфэ́т, 131
як на майда́не, 131
якорь, 653
як Хомá Никифо́ро-
вич, 132
яма, 257
Я́ниться, 89
Ярмя́к, 89
ясны, 118
я́треба тво́я лопни,
306
ятро́вка, 119
ящурка, 123

Научное издание
Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования)
2019

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Оригинал-макет подготовлен Д. М. Усовой
Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 60,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1227.

Институт лингвистических исследований РАН
199053 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812)328-16-12
e-mail: LARFD@mail.ru
<http://iling.spb.ru/>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
9450922@gmail.com

ISBN 978-5-6040926-2-0



9 785604 092620